

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова»

Филологический факультет

на правах рукописи

Лютикова Екатерина Анатольевна

Синтаксис именной группы в безартиклевом языке

10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное
языкознание

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Том 1

Москва 2016

Оглавление

Том 1

Введение	5
0.1. Языковое варьирование	5
0.2. Параметры, макропараметры, микропараметры	7
0.3. Именная группа и параметр артикля	13
0.4. Характеристика диссертации	16
0.4.1. Предмет исследования	16
0.4.2. Актуальность темы исследования	17
0.4.2. Современное состояние разработок	18
0.4.3. Цели и задачи исследования	18
0.4.4. Научная новизна исследования	19
0.4.5. Теоретическая и практическая значимость работы	20
0.4.6. Методология, материал и методы исследования	21
0.4.7. Положения, выносимые на защиту	21
0.4.8. Степень достоверности и апробация результатов	23
0.4.9. Структура исследования	24
Часть I. Структура именной группы	
Глава 1. Группа определителя и иерархическая структура именной группы	26
1.1. DP в безартиклевых языках: основные аргументы	35
1.2. Островные свойства DP в русском языке	50
1.2.1. Событийные именные группы в составе коллокаций	50
1.2.2. Структурные типы именных групп и их проницаемость в конструкциях с событийными существительными	59
1.2.3. Другие конструкции и феномены	82
1.3. DP и актантные предложения в осетинском языке	87
1.3.1. Структура клаузы в осетинском языке	88
1.3.2. Структурные типы сентенциальных актантов в осетинском языке	92
1.3.3. Смежные и разрывные конструкции	95
1.3.4. Сентенциальные актанты без прономинального элемента	101
1.3.5. Анализ	103
1.3.6. Выводы	116
1.4. Выводы по главе 1	118
Глава 2. Посессоры в иерархической структуре именной группы	120
2.1. Синтаксические характеристики посессоров	124
2.2. Структурная позиция посессора и его свойства в татарском языке	137
2.2.1. Формальные характеристики изафетных конструкций	138
2.2.2. Структурная позиция посессора	142
2.2.3. Категориальный статус посессора	149
2.2.4. Интерпретация посессора	153
2.3. Русский генитивный посессор и гипотеза DP	162
2.3.1. Порядок слов в именной группе с двумя аргументами	165
2.3.2. Генитивные зависимые в именных группах малой структуры	170
2.3.3. Процессность и производность	172
2.3.4. Притяжательные местоимения и прилагательные	174
2.3.5. Посессор в структуре русской именной группы	176
2.4. Выводы по главе 2	180
Глава 3. Признаковая и линейная структура именной группы	183
3.1. Признаковая структура именной группы	184
3.1.1. Категория числа и ее синтаксическая имплементация	185

3.1.2. Согласовательные характеристики русских именных групп.....	199
3.2. Линейная структура именной группы.....	222
3.2.1. Инверсии в русской именной группе.....	225
3.2.2. Линейная позиция и сфера действия операторов.....	262
3.3. Выводы по главе 3.....	277
Глава 4. Относительные клаузы в структуре именной группы.....	279
4.1. Относительные конструкции в типологической перспективе.....	280
4.2. Структура рестриктивных относительных предложений.....	294
4.2.1. Стандартный анализ.....	295
4.2.2. Анализ с подъемом.....	309
4.3. Аппозитивные относительные предложения.....	337
4.3.1. Синтаксический статус аппозитивных клауз в структуре главного предложения....	338
4.3.2. Внутренний синтаксис аппозитивных относительных предложений.....	348
4.3.3. Перспектив анализа.....	353
4.4. Выводы по главе 4.....	355

Том 2

Часть II. Дистрибуция именных групп и синтаксис падежа

Глава 5. Падеж как синтаксическая категория именной группы	4
5.1. Падеж как лицензор именной группы	19
5.2. Теория падежа генеративной грамматики	24
5.2.1. Передвижение в аргументные позиции	25
5.2.2. Управление	28
5.3. Унификация механизмов приписывания падежа	35
5.3.1. Легкий глагол как источник аккумулятива	36
5.3.2. Приписывание падежа при согласовании	41
5.4. Падеж и интерпретация	49
5.4.1. Падежная морфология в русском языке	61
5.4.2. Накладывающиеся падежи в цахурском языке	72
5.5. Выводы по главе 5	94
Глава 6. Морфологический падеж	97
6.1. Падеж и подлежащее в исландском языке	98
6.2. Эргативность	110
6.3. Конфигурационные теории падежа	124
6.3.1. Теория А. Марантца	124
6.3.2. Зависимый и дефолтный падеж: новые идеи	134
6.3.3. Падеж и согласование в конфигурационных моделях	158
6.4. Падежная грамматика: взгляд изнутри русской именной группы	167
6.4.1. Падежная грамматика несобытийных именных групп	168
6.4.2. Падежная грамматика событийных именных групп	174
6.5. Выводы по главе 6	182
Глава 7. Падежное варьирование	184
7.1. Падежное варьирование: основные контексты и лицензоры	184
7.2. Дифференцированное маркирование объекта в мишарском диалекте татарского языка	208
7.2.1. Дистрибуция аккумулятивных и немаркированных дополнений	210
7.2.2. Свойства неоформленных прямых дополнений	216
7.2.3. Иерархическая структура мишарской именной группы	230
7.2.4. Падеж и структура именной группы	240
7.2.5. Параметризация падежного фильтра	248
7.3. Беспадежные именные группы в русском языке	257
7.4. Формальное моделирование падежного варьирования	270
7.4.1. Два типа структурных падежей в якутском языке	270
7.4.2. Падежное варьирование в татарском языке	280
7.4.3. Падежное варьирование и модели падежа	290
7.5. Выводы по главе 7	296
Заключение	298
Список условных обозначений и сокращений	308
Список языков	313
Список иллюстративного материала	316
Список литературы	318

Введение

0.1. Языковое варьирование

Мысль, что языки значительно отличаются друг от друга, пришла в голову, наверное, первому же человеку, который попытался сравнить их между собой. Для того, чтобы понять, что языки очень разные, не нужно обладать специальными знаниями или специальной методикой оценки — в общем случае мы не понимаем человека, говорящего на другом языке. Понятно также, что отличия между языками не сводятся к отличиям между словами: обладание русско-турецким словарем не делает нас способными говорить, писать или понимать по-турецки. Языки существенно отличаются друг от друга с точки зрения грамматики.

Грамматические различия, очевидным образом, затрагивают самые разные компоненты языка: набор и разработанность грамматических категорий, порядок слов в предложении и аффиксов в словоформе, приемлемость различных синтаксических конструкций. Так, например, в русском языке имеется грамматическая категория рода, отсутствующая в турецком языке; в турецком языке, в отличие от русского, обладаемое согласуется в обладателем в лице и числе; в русском языке в основном используются предлоги, а в турецком — послелогии; в русских номинализациях на *-ние/-тие* дополнение не может получать винительный падеж, а в турецких номинализациях — может, и т.д. Взятые в совокупности, такого рода различия между языками определяют языковое разнообразие в области грамматики.

Целенаправленное изучение языкового разнообразия возникает в научной повестке дня лингвистики лишь в середине XX века. Предыдущие поколения лингвистов, безусловно, отмечали межъязыковое варьирование, но подходили к нему с таксономической точки зрения (см. анализ в [Журина 1972], [Croft 1990], [Алпатов 2005]). Так, авторы грамматики Пор-Рояля расценивали различия между языками как отклонения от согласующегося с разумом «идеального образца»; такой подход к межъязыковому варьированию, естественно, не предполагал вопроса о пределах этих отклонений. Морфологические классификации языков — достижение лингвистики XIX — начала XX века — носят скорее дедуктивный характер: они помещают язык в некоторый класс таксономии, задаваемой логически возможными соотношениями между грамматическими категориями и способами их выражения в языке; в этом случае межъязыковое варьирование определяется самой классификацией, которая *a priori* предполагает, что языки могут быть любых типов.

Вторая половина XX века характеризуется возникновением нового подхода к языковому варьированию: лингвистика осознает языковое разнообразие как важнейшее и неотъемлемое

свойство своего предмета, такое свойство, изучение которого может пролить свет на природу языка как такового. Это дает толчок развитию двух направлений в лингвистике, каждое из которых ставит перед собой задачу предложить такую модель языка, которая учитывала бы и практически бесконечную поверхностную вариативность грамматических структур, и тот факт, что, несмотря на эту вариативность, мы в состоянии отделить естественный язык от того, что естественным языком не является — сигнальных систем животных, языков программирования, искусственных языков и т.д.

Одно из этих направлений — лингвистическая типология. Типология отвечает на вопрос о том, чем языки могут отличаться друг от друга и что в языке остается неизменным, эмпирическим путем [Dryer, Haspelmath 2013]. Ставя перед собой задачу выявить возможные и невозможные типы языков, сформулировать ограничения на языковое варьирование, лингвистическая типология представляет содержательные обобщения о естественном языке в виде утверждений о свойствах, присущих всем или почти всем естественным языкам (например, в виде абсолютных и статистических универсалий, [Greenberg 1963; Dryer 1992, 1998]), либо в виде утверждений о возможных значениях признаков, отличающих языки друг от друга (например, грамматических иерархий [Silverstein 1976; Comrie 1989; Croft 2003]).

Другое направление — это моделирование языкового разнообразия в рамках теории грамматики. Многие школы теоретической грамматики исходят из предположения, что значительное структурное сходство между естественными языками определяется единым способом их устройства — универсальной грамматикой. Универсальная грамматика, с одной стороны, может концептуализироваться как обобщение над всеми грамматиками конкретных языков [Bybee, Dahl 1989; Плунгян 2011], а с другой стороны, представляет собой систему, из которой может быть получена грамматика каждого конкретного языка [Chomsky 1993; Jackendoff 2002]. Данная система представляется как совокупность универсальных принципов, воздействующих на языковую структуру и ограничивающих ее варьирование, и универсальных параметров, разнообразные сочетания значений которых и создают типологическое своеобразие конкретного языка.

В силу сложившейся традиции лингвистическая типология ассоциируется с функциональным направлением в лингвистике, в то время как теория грамматики — с формальным (в первую очередь, генеративным) подходом. Функциональное и формальное направления существенно расходятся в оценке факторов, влияющих на «дизайн» языка: вызвано ли формирование ограничений на естественный язык давлением эволюционных факторов, связанных с процессами использования языка, или эти ограничения внутренние, обусловленные устройством вычислительной системы человека и спецификой ее интерфейсов [Chomsky 2000, 2005; Givón 1995, 2014]. Тем не менее, весьма показательно, что и в том, и в

другом случае диапазон языкового разнообразия и пределы его варьирования описываются при помощи двух понятий: принципов (универсалий, «констант») и параметров («переменных») языка, [Кибрик 2003]).

0.2. Параметры, макропараметры, микропараметры

Параметризация грамматического разнообразия естественных языков — чрезвычайно активно и плодотворно развивающееся направление лингвистики конца XX – начала XXI века. Смысл параметризации состоит в том, чтобы с определенным значением параметра был связан не один признак языка (в таком случае параметр ничем не отличается от конкретно-языкового правила), но по возможности группа свойств, образующих кластер и характеризующих грамматику языка. Таким образом, параметризация одновременно и исчисляет языковое разнообразие, и ограничивает его:

Часто предполагается, что условия на применение правил должны быть максимально общими, даже универсальными, но это предположение не обязательно, если установление параметрического условия позволяет нам существенно сократить класс возможных правил¹.

Параметризации подвергались как грамматические системы конкретных языков, так и принципы универсальной грамматики. В каждой области были получены существенные достижения. Так, были предложены параметры, регулирующие возможные в языке передвижения вершин. Передвижение лексического глагола в предикативную вершину (V-to-T) во французском и отсутствие такого передвижения в английском задает целый класс отличий в структуре клаузы: взаимное расположение глагола и наречия, глагола и отрицания, способность лексического глагола к инверсии с подлежащим в вопросительных предложениях [Pollock 1989]. Передвижение содержимого предикативной вершины в вышестоящую вершину комплементаризера (T-to-C) и признак EPP последней вершины, требующий заполнения левой периферии, создает класс языков V2, обладающих комплексом общих свойств: вторая позиция спрягаемого глагола в независимом предложении, ровно одна составляющая любой категории в первой позиции, заглагольные подлежащие при продвижении в первую позицию дополнения или обстоятельства и др. [den Besten 1983]. Передвижение существительного в глагольную

---

¹ «It has often been supposed that conditions on applications of rules must be quite general, even universal, to be significant, but that need not be the case if establishing a 'parametric' condition permits us to reduce substantially the class of possible rules» ([Chomsky 1977b: 175], перевод мой — Е.Л.).

вершину (N-to-V) отвечает за наличие в языке сложных предикатов с именным первым компонентом и возможность инкорпорации объекта [Baker 1988].

Отметим, что указанные параметры могут быть представлены как варьирование признаков конкретных вершин: например, в языках V2 комплементаризер, возглавляющий независимое предложение, обладает (сильным) признаком времени (вследствие чего притягивает содержимое предикативной вершины T, обладающей данным признаком) и признаком EPP (вследствие чего происходит передвижение одной из составляющих предложения в первую позицию либо вставка эксплетива). Собственно грамматика языка, то есть принципы «обращения» с лексическими единицами, остаются неизменными.

Другое направление параметризации, предпринимавшейся в это время — это параметризация самих принципов универсальной грамматики, или, пользуясь словами Хомского, «условий применения правил». Например, Х. Ласник предлагает параметризовать принцип С теории связывания, запрещающей связывание референциальных выражений таким образом, чтобы в языках типа тайского или вьетнамского запрет на связывание касался лишь связывания референциального выражения местоимением (**Он_i думает, что Джон_i умен*), а связывание одним референциальным выражением другого было допустимо (*Джон_i думает, что Джон_i умен*) [Lasnik 1989]. Аналогичные предложения касаются понятия «управляющая категория» (Governing category) — области, в которой должно происходить связывание анафоров и не может происходить связывание прономинатов [Manzini, Wexler 1987]. Исследуя ограничения на выдвигание составляющих из структур разных типов, Рицци предлагает параметризацию «ограничивающих узлов» (Bounding nodes): в английском языке такими узлами являются NP и TP, а в итальянском — NP и CP; вследствие этого в обоих языках невозможно извлечение из острова сложной именной группы, однако в итальянском языке допустимо извлечение из *wh*-острова [Rizzi 1982].

Современные работы в области формальной грамматики отдают предпочтение параметрам первого типа. Причина этому состоит в стремлении максимально упростить вычислительный компонент грамматики и по возможности свести универсальные принципы к эффективности вычисления и взаимодействия грамматики с интерфейсами, а межъязыковое варьирование — к различиям в признаковой спецификации лексических единиц (и в первую очередь — функциональных категорий) языка. Последнее допущение известно под названием «гипотезы Борер-Хомского» (Borer-Chomsky conjecture):

Инвентарь правил словоизменения и грамматических показателей любого языка идиосинкратичен и должен выучиваться на основании входных данных. Если все межъязыковое разнообразие отнести к этой системе, то окажется, что вся тяжесть

освоения языка ложится в точности на тот компонент грамматики, относительно которого имеются явные свидетельства выучивания: словарь и его идиосинкратичные свойства².

Такой подход к параметризации межъязыкового разнообразия в конечном итоге задает универсальный шаблон организации параметра. Параметр регулирует (i) наличие некоторого признака в лексиконе конкретного языка, (ii) наличие у этого признака согласовательного (неинтерпретируемого) варианта и (iii) силу этого признака, то есть необходимость открытого передвижения некоторой составляющей, связанную с этим признаком [Longobardi 2005].

С дихотомией параметризации универсальных принципов *vs.* параметризации признаков систем до определенной степени коррелирует дихотомия макропараметрических и микропараметрических систем. Во введении к своей книге «Параметр полисинтеза» Марк Бейкер пишет:

A priori может быть две крайних точки зрения на поверхностные различия между языками. С одной стороны, возможно, что, скажем, язык мохок отличается от такого языка, как английский, во многих второстепенных аспектах, и лишь кумулятивный эффект этих несущественных отличий делает мохок столь структурно чуждым для носителя английского языка. С другой стороны, можно сказать, что мохок отличается от английского в одном существенном аспекте, но это отличие так глубоко укоренено в грамматической системе, что затрагивает все виды языковых структур³.

Сходное противопоставление находим и в функционально-ориентированной монографии Бернарда Комри:

Как противоположность незначимым (для дальнейшего типологического сопоставления — Е.Л.), индивидуальным типологическим параметрам, таким как

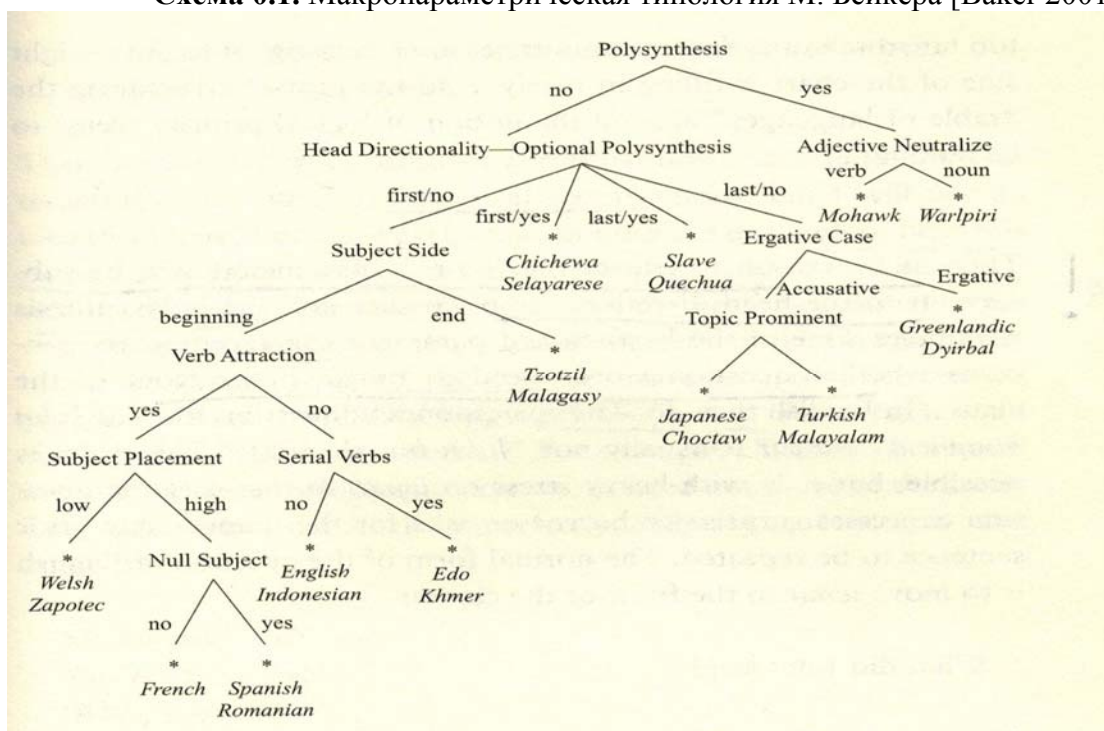
² «The inventory of inflectional rules and of grammatical formatives in any given language is idiosyncratic and learned on the basis of input data. If all interlanguage variation is attributable to that system, the burden of learning is placed exactly on that component of grammar for which there is strong evidence of learning: the vocabulary and its idiosyncratic properties» ([Borer 1984: 29], перевод мой — Е.Л.).

³ «A priori, there are two extreme positions one can take toward the superficial differences among languages. On the one hand, it could be that (say) Mohawk actually differs from (say) English in many, many minor ways, and it is the cumulative effect of all these little differences that makes Mohawk seem so alien to an English speaker. The other approach would be to say that Mohawk differs from English in one essential way, but this difference is so deeply embedded in the grammatical system that it affects all kinds of linguistic structures» ([Baker 1996: 3], перевод мой — Е.Л.).

присутствие или отсутствие в языке палатальной носовой фонемы, можно представлять себе холистическую типологию, т.е. набор типологических параметров которые логически независимы друг от друга, но в действительности обнаруживают такую сильную корреляцию, что позволяют нам охарактеризовать всю структуру, или по меньшей мере большую часть структуры произвольного языка⁴.

Макропараметрические системы предполагают иерархические классификации языков, построенные при помощи параметров разного уровня значимости: самые важные параметры определяют первичное разбиение, дальнейшие параметры выделяют подклассы внутри больших классов. Примером подобной системы может служить параметрическая иерархия М. Бейкера (см. Схему 0.1), в корне которой располагается параметр полисинтеза. Существенно, что вторичные параметры, предопределяющие дальнейшую кластеризацию выделенных классов, различны для разных классов. Так, например, среди полисинтетических языков выделяется два подкласса на основании уподобления прилагательных глаголам либо именам, в то время как не-полисинтетические языки далее образуют подклассы на основании параметра вершины и факультативного полисинтетизма.

Схема 0.1. Макропараметрическая типология М. Бейкера [Baker 2001: 183]

⁴ «At the opposite extreme from non-significant, individual typological parameters like the presence versus absence of a palatal nasal phoneme, one might imagine a holistic typology, i.e. some set of typological parameters that are logically independent but in practice correlate so highly with one another that they enable us to typologize the whole, or at least a large part, of the structure of an arbitrary language» ([Comrie 1989: 40], перевод мой — Е.Л.).

Напротив, микропараметрические классификации легко совместимы с параметрами равного уровня значимости, которые могут быть применены для классификации некоторого языка вне зависимости от значения другого параметра. Например, передвижение лексического глагола в предикативную вершину (имеющее признаковую мотивацию V-to-T передвижение) и наличие подлежащно-сказуемостной инверсии в вопросительном предложении (или, если сводить варьирование к признакам вершин, наличие сильного неинтерпретируемого признака времени у вопросительного комплементаризера С, вызывающее T-to-C передвижение) являются двумя микропараметрами, которые принимают значения независимо друг от друга. Поэтому несмотря на то, что по первому параметру английский язык принимает отрицательное, а французский язык — положительное значение, мы можем охарактеризовать оба эти языка как имеющие инверсию в вопросительном предложении, см. Таблицу 0.1. Добавляя новый микропараметр — V2 в независимом предложении (что, как указывалось выше, связано с определенными признаками декларативного комплементаризера) — мы получаем отличие французского языка от немецкого, и т.п.

Таблица 0.1. Микропараметрическая типология: английский, французский и немецкий

	английский	французский	немецкий
V-to-T передвижение	—	+	+
инверсия в вопросительном предложении	+	+	+
V2 в независимом предложении	—	—	+

Макро- и микропараметрические подходы, как две противоположности, скорее дополняют друг друга. Макропараметрические классификации ставят себе слишком амбициозную задачу — построить иерархически организованную систему языковых типов. С неизбежностью обнаруживается, что такая система эмпирически неадекватна: некоторые языки проявляют смешанные свойства и должны быть отнесены к разным таксонам одновременно. Кроме того, макропараметрический подход несовместим с гипотезой Борер-Хомского — макропараметры определяют принципы функционирования грамматики. Например, параметр полисинтеза, лежащий в основе первой бифуркации в системе Бейкера, состоит в том, что в языке действует условие морфологической видимости:

(0.1) Условие морфологической видимости

Составляющая X видима для приписывания тета-роли вершине Y тогда и только тогда, когда она коиндексирована с морфемой в слове, содержащем Y , путем:

- (i) согласования
- или
- (ii) передвижения⁵.

Очевидно, что подобное условие должно быть реализовано как некоторое ограничение на способ осуществления универсальной операции — приписывания тета-роли, что с неизбежностью приводит нас к параметризации грамматических принципов. Последнее, как мы уже отмечали выше, нежелательно: обогащение универсальной грамматики усложняет моделирование возникновения языка и относительно высокой скорости языковых изменений⁶.

С другой стороны, кластеризация свойств языков, или, выражаясь словами Сэпира, «структурный гений языка» действительно существует и значительно ограничивает межъязыковое варьирование. Микропараметрические классификации способны обнаружить корреляции между параметрами, однако такие корреляции не воплощаются самой архитектурой параметрической системы. Кроме того, микропараметры в значительно меньшей степени, чем макропараметры, отвечают исходной задаче параметризации — ограничить межъязыковое варьирование за счет кластеризации эффектов одного феномена в разных областях грамматики [Baker 2008a].

Следует, по-видимому, согласиться с Л. Рицци, защищающим оба подхода как исследовательские процедуры: микропараметрические исследования позволяют выявить тонкие детали варьирования и идентифицировать набор несводимых друг к другу параметров, в то время как макропараметрические исследования позволяют увидеть картину межъязыкового варьирования во всей ее полноте [Rizzi 2011].

---

⁵ *The Morphological Visibility Condition (MVC)*

A phrase X is visible for θ -role assignment from a head Y only if it is coindexed with a morpheme in the word containing Y via:

- (i) an agreement relationship, or
- (ii) a movement relationship ([Baker 1996: (14)], перевод мой — Е.Л.).

⁶ Учитывая, что смена установок параметров может происходить в пределах жизни нескольких поколений, более естественно предположить, что стоящие за этим изменения затрагивают признаковую спецификацию некоторой вершины, чем механизм работы вычислительного компонента.

0.3. Именная группа и параметр артикля

Один из типологических параметров, характеризующих именные группы в языках мира — это параметр наличия артикля. В Атласе языковых структур WALS [Dryer, Haspelmath 2013] артикль понимается как специализированное средство выражения определенности (признак 37A) или неопределенности (признак 38A) именной группы.

Определенным артиклем признается языковая единица, входящая в состав именной группы и указывающая на то, что референт данной именной группы может быть однозначно установлен слушающим вследствие анафорической отсылки к именной группе из предыдущего дискурса либо вследствие того, что в данном контексте она может обозначать только один референт [Dryer 2013a]. Неопределенным артиклем считается языковая единица, маркирующая «прагматическую неопределенность» именной группы, то есть тот факт, что ее референт неизвестен слушающему [Dryer 2013b]. Несмотря на то, что эти определения недостаточно точны и едва ли позволяют провести четкую границу между тем, что является и что не является артиклем, они дают адекватное представление о ядре данных категорий.

Из Таблиц 0.2 и 0.3, воспроизводящих дистрибуцию определенных и неопределенных артиклей в языках мира в соответствии с WALS, следует, что порядка трети языков мира не имеют ни определенных, ни неопределенных артиклей.

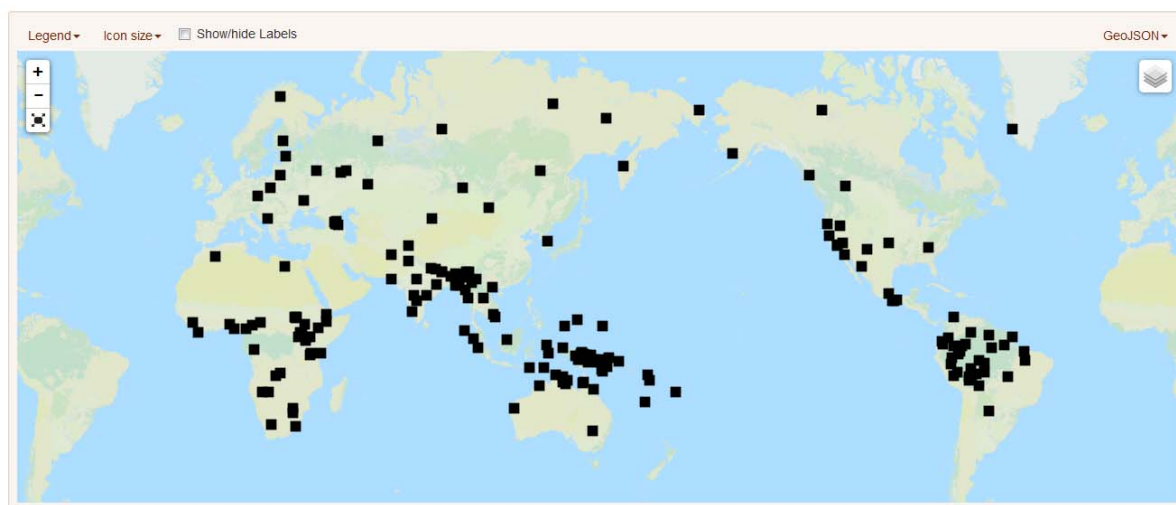
Таблица 0.2. Дистрибуция определенного артикля (признак 37A, [Dryer 2013a])

Значение признака	Количество языков
определенный артикль — отдельное слово, не совпадающее с демонстративом	216
определенный артикль совпадает с демонстративом	69
определенность выражается аффиксом	92
определенный артикль отсутствует, но имеется неопределенный артикль	45
нет ни определенного, ни неопределенного артикля	198
всего языков	620

Таблица 0.3. Дистрибуция неопределенного артикля (признак 38A, [Dryer 2013b])

Значение признака	Количество языков
неопределенный артикль — отдельное слово, не совпадающее с числительным ‘один’	102
определенный артикль совпадает с числительным ‘один’	112
неопределенность выражается аффиксом	24
неопределенный артикль отсутствует, но имеется определенный артикль	98
нет ни определенного, ни неопределенного артикля	198
всего языков	534

Безартиклевые языки достаточно равномерно распределены по языковым семьям и ареалам (см. Рис. 0.1). В целом можно заключить, что наличие или отсутствие артикля в языке не является стабильным или редким типологическим феноменом: артикли легко возникают (ср. историю романских, германских и южно-славянских языков) и утрачиваются, и внутри одной языковой семьи зачастую обнаруживаются как артиклевые, так и безартиклевые потомки.

Рисунок 0.1. Географическое распределение безартиклевых языков (WALS)

Наш интерес к безартиклевым языкам обусловлен следующими двумя теоретическими соображениями. Во-первых, это гипотеза об иерархически организованной синтаксической структуре именной группы в артиклевых языках, одновременно предложенная в середине 80-х годов XX века С. Эбни и А. Сабольчи на материале английского и венгерского языков. Исследователи высказали предположение, что группа, образуемая лексическим существительным, не содержит артикль в качестве своего зависимого; напротив, артикль возглавляет собственную группу — DP — и принимает группу лексического существительного — NP — в качестве компонента. DP-гипотеза привела к кардинальному пересмотру

синтаксической организации именной группы и позволила объяснить значительное число языковых феноменов в артиклевых языках. Следует отметить также, что DP-гипотеза позволила достичь высокого уровня общности в устройстве проекций различных лексических категорий — той схемы, которую Джейн Гримшо назвала «расширенной проекцией» (extended projection): вложения группы лексической вершины, содержащей ее аргументы, в функциональные оболочки, отвечающие за различные грамматические характеристики расширенной проекции.

Во-вторых, это гипотеза, последовательно развиваемая в работах Ж. Бошковича и ряда его единомышленников с середины 2000-х годов и касающаяся параметризации структуры именной группы в языках мира. Бошкович утверждает, что именные группы безартиклевых языков имеют принципиально иную структуру, чем именные группы артиклевых языков. Артиклевые языки располагают единицами категории D — артиклями и другими элементами, входящими с артиклями в один дистрибутивный класс⁷. Единицы синтаксической категории D отсутствуют в лексиконе безартиклевых языков; соответственно, именные группы безартиклевых языков не могут представлять собой DP, а проецируют только NP. Основываясь на анализе данных некоторых артиклевых и безартиклевых языков, Бошкович провозглашает параметр NP/DP и утверждает, что наличие либо отсутствие в языке артикля имеет далеко идущие следствия в самых разных областях грамматики. Обобщения касательно NP- и DP-языков из работы [Bošković, Gajewski 2011] приводятся в (0.2).

(0.2) Обобщения

- a. Только языки без артиклей допускают LBE
- b. Только языки без артиклей допускают извлечение адьюнктов из именной группы
- c. Только языки без артиклей допускают скрэмблинг
- d. Безартиклевые языки с множественным выдвиганием вопросительных слов не демонстрируют эффектов превосходства
- e. Только языки с артиклями допускают дублирование клитик
- f. Языки без артиклей не допускают переходные существительные с двумя генитивами
- g. Относительные предложения с внутренней вершиной в языках без артиклей чувствительны к островным ограничениям
- h. Полисинтетические языки не имеют артиклей

---

⁷ В [Bošković 2008] указывается, что для признания языка «артиклевым» необходимо наличие определенного артикля, так как неопределенный артикль часто располагается в синтаксической структуре именной группы недостаточно высоко и не дает необходимых синтаксических эффектов, связываемых с проекцией DP; это замечание не принципиально для наших целей, поскольку мы предполагаем строить наше исследование на материале языков, лишенных каких бы то ни было артиклей.

- i. Только языки с артиклями допускают превосходную степень от МНОГО в значении ‘большинство’
- j. Безартиклевые языки не допускают подъем отрицания, артиклевые языки допускают его

Из (0.2) очевидно, что NP/DP параметр мыслится Бошковичем как макропараметр, предопределяющий существенные свойства языка. Более того, связь обобщений в (0.2) и NP/DP статуса именных групп предполагает в действительности параметризацию грамматических принципов, то есть *bona fide* макропараметры. Так, например, для объяснения допустимости скрэмлинга в безартиклевых языках и недопустимости его в языках с артиклями Бошкович постулирует возможность вставления в нетематическую позицию (например, в позицию адьюнкта TP) лексических, но не функциональных категорий. В результате DP могут появляться в структуре только в тематических (аргументных) позициях, а NP — свободно адьюнгироваться к клаузе и устанавливать отношения с аргументными позициями только в логической форме, при интерпретации предложения. Легко видеть, что такое допущение затрагивает базовые принципы грамматики (например, принцип проекции) и деривирует языки с радикальными отличиями в структуре предложения.

В данной работе синтаксис именной группы безартиклевых языков становится предметом детального исследования. Мы предполагаем изучить внутреннюю структуру именных групп и их синтаксическое поведение во внешнем контексте. Мы собираемся показать, что внутренний и внешний синтаксис именных групп безартиклевых языков не поддерживает гипотезу об их NP-статусе; напротив, имеются серьезные аргументы в пользу универсальной иерархической структуры именной группы, воспроизводящейся как в артиклевых, так и в безартиклевых языках. Параметр артикля, таким образом, сводится к частной характеристике лексикона — наличию или отсутствию в нем фонологически выраженной единицы, имеющей однозначный категориальный ярлык D. Такой взгляд на различия между артиклевыми и безартиклевыми языками, помимо прочего, позволяет объяснить высокую частоту спорадического возникновения этой категории в языках мира.

0.4. Характеристика диссертации

0.4.1. Предмет исследования

Предметом исследования выступают именные группы безартиклевых языков. Подробно анализируются данные русского, татарского, осетинского, цахурского языков; привлекаются также данные других разноструктурных языков. Изучается внутренняя структура именных групп безартиклевых языков и их дистрибуция во внешнем синтаксическом контексте.

Дистрибутивные характеристики именных групп моделируются при помощи синтаксической категории падежа.

0.4.2. Актуальность темы исследования

В настоящее время в области теоретического синтаксиса и синтаксической типологии грамматика именной группы является предметом активного обсуждения. Внутренняя структура именной группы рассматривается в теоретическом синтаксисе в рамках упоминавшегося выше подхода к анализу синтаксических групп, строящихся на базе различных знаменательных частей речи, как расширенных проекций, так что группа лексической категории, проецирующая аргументную структуру, вложена в определенное число функциональных проекций, отвечающих за грамматические характеристики группы — ее количественные и референциальные свойства, а также ее синтаксический дистрибутивный класс. При этом такие исследования сосредоточиваются в основном на материале хорошо описанных европейских языков, в первую очередь германских и романских (см., например, работы [Aboh et al. 2010; Alexiadou 2001, 2005; Alexiadou et al. (eds.) 2007; Belletti (ed.) 2004; Borer 2005; Cinque (ed.) 2002; den Dikken 2006; Haegeman 2004; Laenzlinger 2005; Longobardi 2001; Radford 2000; Rijkhoff 2002; Svenonius 2008; Takahashi 2010]). Для славянских языков поиск адекватной синтаксической репрезентации структурных характеристик именной группы представляет собой одно из самых активных направлений исследований (см. [Trenkić 2004; Bošković 2005, 2008, 2009a,b; Bošković, Gajewski 2011; Willim 1998, 2000; Baker 2003; Engelhardt, Trugman 1998, 2000; Rappaport 1998, 2001, 2002; Pereltsvaig 2001, 2006a,b, 2007a, 2013a; Franks, Pereltsvaig 2004; Trugman 2005a,b,c, 2007a; Kagan, Pereltsvaig 2009; Лютикова 2010, 2014; Лютикова, Перельцвайг 2015; Lyutikova, Pereltsvaig 2015a,b]); для алтайских и иранских языков мы наблюдаем резкий рост интереса синтаксистов к подобным исследованиям ([Farudi 2007; Megerdooomian 2008; Sahraei 2010; Беляев 2014б; Sahraei, Roghayeh 2015; Алпатов, Аркадьев, Подлеская 2008; Рудницкая 2010; Bošković, Şener 2014; Лютикова 2014б; Лютикова, Перельцвайг 2015; Lyutikova, Pereltsvaig 2015a,b]); для северо-кавказских языков такая задача только начинает ставиться ([Тестелец 2014; Сумбатова, Ландер 2014; Lyutikova 2015]).

Теоретическое моделирование синтаксиса падежа — категории, определяющей дистрибуцию именной группы во внешнем синтаксическом контексте — также в последние годы является областью активных дебатов. Два основных формальных подхода к анализу падежного маркирования — приписывание падежа лексическими и функциональными вершинами и конфигурационное приписывание падежа — последовательно применяются к материалу разнотипных языков, прорабатываются и уточняются: см., например, работы [Aldridge 2004, 2008; Baker 2009b, 2011, 2012, 2014a,b, 2016; Bobaljik 2008; Bošković 2011; Butt

2006; Chomsky 2000, 2001; Coon, Preminger (to appear); Dench 2008; Kornfilt, Preminger 2015; Lasnik 2008; Legate 2002, 2006, 2008, 2014; Levin, Preminger 2015; Matushansky 2008, 2010; McFadden 2004; Pesetsky 2013; Pesetsky, Torrego 2001, 2004, 2007; Polinsky, Preminger 2014; Preminger 2011, 2014; Richards 2013; Sigurðsson 2012; Woolford 2001, 2006, 2009]. Однако, несмотря на большой интерес и значительное количество исследований, многие аспекты синтаксиса падежа — в частности, соотношение морфологического и синтаксического падежа, связь падежа и согласования, проблема обязательности падежа и его статуса как лицензора именной группы, причины падежного варьирования и механизмы его реализации — продолжают оставаться неясными и дискуссионными на сегодняшний день.

0.4.2. Современное состояние разработок

Степень разработанности указанной проблематики определяется двумя факторами. Во-первых, вопросы, которые предполагается обсудить в диссертационном исследовании, возникли достаточно недавно, в связи с накопленной лингвистической типологией совокупностью знаний о возможных компонентах именной группы, их строении и интерпретации, о дистрибуции именных групп и соотношении этой дистрибуции с их структурой и падежным оформлением и в связи с попытками синтаксической теории дать объяснение как межъязыковому варьированию в этой области, так и наблюдаемым закономерностям, регулярно воспроизводимым от языка к языку. Во-вторых, разработки последних лет показывают, что для адекватной интерпретации представленной в грамматических описаниях информации в данной проблемной области необходимы дополнительные исследования, уточняющие возможность того или иного теоретического анализа фактов.

Исходя из этих особенностей современного состояния исследований, нам представляется, что на данном этапе изучения синтаксиса именной группы необходима углубленная разработка проблемной области на материале нескольких языков, представляющих по возможности различные языковые группы, но при этом объединенные общим значением параметра, считающегося для данной проблемной области высокорелевантным. Таким образом, мы сосредоточимся на внутреннем и внешнем синтаксисе именных групп в нескольких безартиклевых языках.

0.4.3. Цели и задачи исследования

Цель диссертационного исследования — изучить внутреннюю структуру и падежный синтаксис именных групп в безартиклевых языках и показать, что синтаксическое устройство и поведение именной группы не предопределяется таким параметром, как наличие либо отсутствие артикля в лексиконе языка.

Для достижения этой цели в диссертации ставятся и последовательно решаются следующие конкретные задачи:

- 1) изучить представленные в литературе аргументы в пользу существования функциональное проекции определителя (DP) в артиклевых языках, обобщить и классифицировать их;
- 2) изучить представленные в предшествующих работах аргументы за и против постулирования DP в безартиклевых языках, оценить силу этих аргументов и возможные контраргументы;
- 3) исследовать два типа аргументов в пользу DP-структуры — барьерные и дистрибутивные — на материале русского и осетинского языков;
- 4) рассмотреть свидетельства о структуре именной группы, которые связаны с синтаксическими свойствами посессоров разных категориальных статусов в различных структурных позициях, в татарском и русском языке;
- 5) изучить признаковые, линейные и семантические характеристики различных неклаузалных компонентов именной группы в зависимости от их структурной позиции в составе именной группы в русском языке;
- 6) исследовать структуру относительных предложений, их деривационную историю, позицию в именной группе и соотношение с различными определителями;
- 7) в свете положения о падеже как лицензоре именной группы, определяющей ее дистрибуцию, изучить, сопоставить и критически проанализировать современные формальные падежные теории;
- 8) выявить связь падежа, категориального статуса и дистрибуции именной группы на материале цахурского, татарского и русского языка.

0.4.4. Научная новизна исследования

В диссертационном исследовании проблема универсальности структуры именной группы впервые исследуется монографически на материале нескольких разноструктурных безартиклевых языков. Материал татарского, осетинского и цахурского языка, а также ряда других языков впервые привлекается для аргументации тезиса об иерархической организации именной группы.

Предлагаются новые аргументы в пользу DP-гипотезы на материале русских конструкций с событийными существительными, осетинских сложных именных групп, татарских именных групп с изафетными конструкциями разных типов, русских конструкций с рассогласованием по числу и роду, инвертированных конструкций разных типов, цахурских именных групп, содержащих атрибутивные зависимые, и др.

В диссертационном сочинении впервые проводится сравнительная оценка традиционной генеративной теории падежа и конфигурационной теории падежа в отношении их

объяснительного потенциала в анализе явления дифференцированного маркирования аргументов.

Кроме того, диссертация содержит целый ряд конкретно-языковых исследований по синтаксису именной группы конкретных языков: анализ структуры русских именных конструкций с аргументным и количественным генитивом, изучение структурных типов и дистрибуции сентенциальных актантов в осетинском языке, применение одного из вариантов теории «накладывающихся падежей» к материалу цахурского языка, разграничение именных конструкций полной и неполной структуры при анализе явления дифференцированного падежного маркирования в татарском языке.

0.4.5. Теоретическая и практическая значимость работы

В теоретическом плане диссертационное исследование вносит значимый вклад в понимание структуры именных составляющих в естественном языке, обобщает и классифицирует возможные конкретно-языковые диагностики функциональной структуры именной группы, вскрывает взаимосвязь между внутренним и внешним синтаксисом именных групп, опирающуюся на соотношение падежного признака, категориального статуса и интерпретации именной группы.

Аргументируя единый подход к устройству семантико-синтаксического интерфейса, синтаксической репрезентации семантических типов, способам синтаксического насыщения аргументных позиций в артиклевых и безартиклевых языках, диссертационное сочинение в конечном итоге обосновывает гипотезу о микро-, а не макропараметрическом варьировании в области синтаксиса именных конструкций.

Практическая значимость работы определяется введением в научный оборот новых языковых данных ряда языков. Эти данные, равно как содержательные обобщения и теоретические выводы, полученные в диссертационном исследовании, могут быть использованы при создании грамматических описаний конкретных языков, разработке учебных пособий, а также в высшей школе, в преподавании таких дисциплин, как общий синтаксис, синтаксис русского языка, тюркских и иранских языков, лингвистическая типология. Материалы исследования нашли отражение в следующих курсах автора: «Общий синтаксис» (бакалавриат МГУ имени М.В. Ломоносова, магистратура МПГУ), «Современный русский язык. Синтаксис» (бакалавриат МГУ имени М.В. Ломоносова), «Формальные подходы к синтаксису и семантике русского языка» (бакалавриат МГУ имени М.В. Ломоносова), «Теоретический синтаксис» (магистратура МГУ имени М.В. Ломоносова), «Формальные модели естественного языка» (магистратура МПГУ).

0.4.6. Методология, материал и методы исследования

Работа выполнена в русле набирающего в последние годы популярность подхода, получившего название «Формальная генеративная типология» (Formal Generative Typology, [Baker 2009a]), сочетающего формально-теоретический взгляд на язык с типологической перспективой. Использование формального моделирования при сопоставительном изучении языковых данных генетически несвязанных разноструктурных языков позволяет достичь адекватного уровня глубины проработки материала и межъязыковой валидности достигаемых обобщений, что в конечном итоге способствует существенному приращению наших знаний о языковых универсалиях и моделях межъязыкового варьирования.

Выбор источников материала в диссертационном исследовании определяется соображением максимальной экологической валидности среди доступных данных. Так, для русского языка активно привлекались данные Национального Корпуса Русского Языка (www.ruscorpora.ru) и Русского корпуса университета г. Лидс (<http://corpus.leeds.ac.uk/ruscorpora.html>), использовались языковые данные, полученные при поиске в русском сегменте сети Интернет (поиск в Яндекс [Я] и Google [G]); проводились также экспериментальные исследования с участием носителей языка. Материалы по татарскому литературному языку получены из двух корпусов — Татарского Национального Корпуса «Туган тел» (<http://web-corpora.net/TatarCorpus/search/>) и Письменного корпуса современного татарского языка (<http://corpus2.tatfolk.ru/>) и проверены с носителями татарского литературного языка. Данные по мишарскому диалекту татарского языка были получены полевым методом в ходе лингвистических экспедиций отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ в 1999, 2011 и 2012 годах. Осетинские данные частично опираются на Осетинский Национальный корпус (http://corpus.ossetic-studies.org/search/index.php?interface_language=ru), а частично были получены полевым методом в ходе лингвистических экспедиций отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ в 2007-2010 годах. Наконец, данные по балкарскому, цахурскому, багвалинскому языкам были получены полевыми методами. Прочие лингвистические данные получены из грамматик, описательных и теоретических работ.

При анализе материала для получения обобщений использовались корпусные и статистические методы; полученные обобщения подвергались формальному моделированию в теоретических рамках генеративной грамматики.

0.4.7. Положения, выносимые на защиту

На защиту выносятся следующие положения.

1. В безартиклевых языках, несмотря на слабость аргументов в пользу приписывания конкретным единицам лексикона категории определителя (D), имеют место многие грамматические феномены, которые в артиклевых языках связаны с проекцией DP.
2. В русском и осетинском языках имеются свидетельства в пользу анализа проекции DP как создающей барьер для передвижения составляющих. Русские событийные существительные и осетинские актантные предложения образуют как минимум два вида структурных конфигураций: минимальная структура, допускающая извлечение вопросительных элементов и признаковое взаимодействие материала внутри и снаружи данной составляющей, и расширенная структура, которая проявляет свойства синтаксического острова; последний вид структуры связан с присутствием тех элементов, которые относят к проекции D в артиклевых языках.
3. Связь по меньшей мере части посессоров с категорией D выявляется на основе позиционных и дистрибутивных критериев как в артиклевых, так и в безартиклевых языках. Критически важными для постулирования функциональной проекции, содержащей посессор, являются следующие свойства посессивных конструкций: сосуществование в одном языке двух типов посессоров, проявляющих синтаксические и интерпретационные различия; отличия самих посессоров по категориальному статусу, что выражается в их способности либо неспособности проецировать определенные типы зависимых; параллелизм между структурой регулярной номинализации, поддерживающей аргументную структуру и обладающей событийной интерпретацией, и структурой именной группы на базе предметного существительного, при котором подлежащее номинализации демонстрирует такое же оформление, что и посессор именной группы.
4. Признаковые характеристики именных составляющих, выявляемые при атрибутивном и предикативном согласовании, могут быть использованы в качестве свидетельства в пользу расширенной именной проекции. Анализ, опирающийся на гипотезу об иерархически организованной структуре именной группы, позволяет объяснить случаи дефолтного согласования и рассогласования в именной группе, а также эффективно решает проблему асимметрии атрибутивного и предикативного согласования.
5. Базовый порядок следования составляющих в линейной структуре именной группы отражает основной «каркас» расширенной именной проекции, задаваемый последовательностью функциональных вершин, отвечающих за лексическую, количественную и референциальную семантику именной группы. Отклонения от этого базового порядка, связанные с расположением именной вершины левее исходной позиции, демонстрируют свойства синтаксического передвижения.

6. Иерархическая структура именной группы, предполагающая вложение группы лексического существительного в функциональные оболочки и, в частности, в группу определителя DP, в равной степени мотивирована на материале относительных конструкций как для артиклевых, так и для безартиклевых языков. В обоих случаях для лексических компонентов именной группы наблюдаются так называемые эффекты связности, свидетельствующие о том, что единицы расширенной проекции именной группы, в частности, группы лексического существительного (NP) и группы определителя (DP), не образуют составляющей на начальном этапе деривации.

7. Синтаксическая позиция относительной клаузы в иерархически организованной структуре именной группы предопределяет тип ее семантической интеграции в именную конструкцию. Так, аппозитивная интерпретация совместима только с определенными позициями относительной клаузы в структуре именной группы — antecedента и главного предложения: аппозитивная клауза присоединяется строго выше уровня определителей и квантификаторов, т.е. DP, вследствие чего не участвует в создании экстенционала определяемой именной группы.

8. Синтаксический падеж, будучи важнейшим грамматическим средством, выражающим связь именной группы с внешним синтаксическим контекстом и выступающий лицензором именной группы, характеризует только именные группы полной структуры, так что именные группы малой структуры могут оставаться беспадежными. Подобное различие создает основу для синтаксической и интерпретационной специфики беспадежных именных групп, а также падежного варьирования определенного типа, широко распространенного в языках мира.

0.4.8. Степень достоверности и апробация результатов

Основные положения и результаты диссертационного исследования были изложены на международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог», Москва, РГГУ (2016, 2015), международной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии», Москва, Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН (2016), международной конференции «Формальные подходы к славянским языкам», США, Корнелльский университет (2016), международной конференции «Стратегии релятивизации в центрально-европейской перспективе», Швейцария, Цюрихский университет (2016), Рабочем совещании, посвященном дифференцированному маркированию актантов, Москва, Институт языкознания РАН (2016), конференции Института лингвистики РГГУ (СКИЛ), Москва, РГГУ, приглашенный доклад (2016), международном семинаре «Пересекая границы: вызовы лингвистической теории», Финляндия, университет Тампере (2015), международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров», Москва, МПГУ и Институт языкознания РАН (2015, 2014, 2012, 2011), 3-й международной конференции по

обработке тюркских языков «TurkLang 2015», Казань, КФУи АН РТ (2015), 41-й конференции по генеративной грамматике, Италия, Перуджийский университет (2015), международной конференции по формальным подходам к алтайским языкам (WAFL), США (2014, 2013), IV международной конференции «Культура русской речи» (Гротовские чтения), Москва, Институт русского языка РАН (2014), международной конференции по дифференцированному маркированию объекта, Норвегия, университет Тромсе (2013), 39-й конференции лингвистического общества Беркли, США, университет Беркли (2013), 3-м венском симпозиуме по порядку аффиксов, Австрия, Венский университет (2011), 33-й ежегодной конференции Лингвистического общества Германии (DGfS), ФРГ, университет г. Геттинген (2011), 2-й международной конференции «Типы концептов и фреймы», ФРГ, Дюссельдорфский университет (2009), международном симпозиуме «Системы языков 44-го меридиана», ФРГ, Дюссельдорфский университет (2009), международном симпозиуме «Финитность и нефинитность», Эстония, Институт эстонского языка (2009), международной конференции по иранистике, Франция, университет Париж-3 (2009).

0.4.9. Структура исследования

Диссертация состоит из Введения, семи Глав, составляющих две Части, Заключения, Списка условных обозначений и сокращений, Списка языков, Списка иллюстративных материалов (рисунков, схем и таблиц) и Списка литературы.

Часть I «Структура именной группы» посвящена внутренней структуре именных групп безартиклевых языков. Она включает 4 главы: Главу 1 «Группа определителя и иерархическая структура именной группы», Главу 2 «Посессоры в иерархической структуре именной группы», Главу 3 «Признаковая и линейная структура именной группы», Главу 4 «Относительные клаузы в структуре именной группы».

Часть II «Дистрибуция именных групп и синтаксис падежа» исследует дистрибутивные характеристики именных групп, моделируемые при помощи представления о синтаксическом падеже как лицензоре именных групп. Она содержит 3 главы: Главу 5 «Падеж как синтаксическая категория именной группы», Главу 6 «Морфологический падеж» и Главу 7 «Падежное варьирование».

Часть I.
Структура именной группы

Глава 1. Группа определителя и иерархическая структура именной группы

Существование особой синтаксической категории артикля, или определителя (Det(erminer)) в артиклевых языках было очевидно грамматистам начиная с глубокой древности. В «Поэтике» Аристотель выделяет категорию члена (ᾠρθρον) как «незначащего звука» (т.е. незначащей части речи – *Е.Л.*), показывающего начало, конец или разделение высказывания. В трудах Дионисия Фракийца и Аполлония Дискола аристотелева система частей речи уточняется, освобождаясь от смешения собственно частей речи с логическими понятиями (субъект, предикат) и грамматическими категориями (падеж, время). Артикль (член) по-прежнему является одной из восьми частей речи (имя, глагол, причастие, артикль, местоимение, предлог, наречие, союз). У Аполлония Дискола в сочинении «О синтаксисе частей речи» находим также описание объединения артикля с именем как одного из синтаксических правил, при помощи которых деривируются синтаксические объекты и, в конечном итоге, предложение.

Учение об артикле как отдельной части речи, естественно, не могло возникнуть в грамматических традициях безартиклевых языков, каковыми являются другие языки, питавшие соответствующие лингвистические традиции — санскрит, китайский, японский [Алпатов 1990, 1998]. Латинские грамматисты, в целом восприняв греческую частеречную классификацию, избавились от категории члена.

Как и многие другие универалистские идеи, гипотеза об универсальности артикля (т.е. о наличии такой категории в идеальном, «согласующемся с разумом» грамматическом наборе) впервые возникает в Грамматике Пор-Рояля: «В латыни совсем не было артиклей. Именно отсутствие артикля и заставило Юлиа Цезаря Скалигера необоснованно утверждать в его книге «Основы латинского языка», что эта частица была бесполезной, хотя, думается, она была бы весьма полезной для того, чтобы сделать речь более ясной и избежать многочисленных двусмысленностей» ([Пор-Рояль 1660/1990: 115]). Универсальными, согласно Арно и Лансло, являются и синтаксические правила, регулирующие использование артикля; наблюдаемые в артиклевых языках отличия суть отклонения от идеальной структуры: «Обиход не всегда согласуется с разумом. Поэтому в греческом языке артикль часто употребляется с именами собственными, даже с именами людей... У итальянцев же такое употребление стало обычным... <...> ... мы (французы — *Е.Л.*) не ставим никогда артикля перед именами собственными, обозначающими людей» ([Пор-Рояль 1660/1990: 119-120]).

Артикль всегда рассматривался как служебное слово, «принадлежащее» именной группе и обозначающее (маркирующее) такую ее семантическую характеристику, как определенность/неопределенность. Соответственно, артикль полагали зависимым существительного (1.1a), входящим в его лексическую проекцию (1.1b).

- (1.1) a. the ← dog
 ‘(эта) собака’
 b. [_{NP} [the] [big dog]]
 ‘(эта) большая собака’

С развитием техники дистрибутивного анализа в дескриптивизме представления об артикле расширяются. Оказывается, что в английском языке артикль имеет дополнительную дистрибуцию с указательными местоимениями (*this*), кванторными и неопределенными местоимениями (*each, some*), притяжательными местоимениями (*my*) и посессивными именными группами (*John's*). Это означает, что указанные единицы претендуют на одну и ту же позицию в структуре именной группы (и такая позиция только одна)⁸. В генеративной грамматике периода «Синтаксических структур» [Chomsky 1957] и «Аспектов теории синтаксиса» [Chomsky 1965] это левая непосредственная составляющая именной группы (ср. правило развертывания NP → (Det) N), а в 1970-е, с появлением понятий спецификатора, комплемента и адьюнкта в рамках X'-теории, члены обсуждаемого дистрибутивного класса, включающего не только (неветвящуюся) категорию Det, но и именную группу (NP), анализируются как спецификаторы NP:

- (1.2) [_{NP} [_{Det} the] / [_{Det} this] / [_{NP} John's] [_{N'} [_N dog]]]
 ‘(эта) собака / собака Джона’

Структура в (1.2) неудовлетворительна по нескольким причинам. Начнем с того, что дистрибутивный класс артикля неоднороден и включает как ветвящиеся (посессивные именные группы), так и неветвящиеся составляющие. Следовательно, реорганизация этого класса крайне желательна. При этом и вершины, и группы, находящиеся в этом классе, создают проблемы для теории.

⁸ Заметим, что уже на данном этапе возникает вопрос об универсальности синтаксической категории Det: если, помимо артикля, в английском языке к ней относятся также указательные местоимения, кванторы, посессивные местоимения, то какую категорию имеют указательные местоимения, кванторы и посессивные местоимения в языках без артиклей?

Структура NP с артиклем в позиции спецификатора нарушает основное положение X'-теории, в соответствии с которым у группы может быть только одна вершина. Необычно и то, что спецификатор содержит не лексическую, а функциональную категорию (которые обычно возглавляют комплементы). Функциональный характер артикля убедительно демонстрирует С. Эбни [Abney 1987: 64]. Как и прочие функциональные элементы, артикли и подобные им вершины образуют закрытый класс, неполноценны с фонологической и морфологической точки зрения (не имеют собственного ударения, клитизируются или являются аффиксами, иногда являются нулевыми). Далее, функциональные единицы часто образуют экзоцентрические конструкции и неотделимы от своего комплемента, что справедливо и для артиклей. Причиной этому является особое значение функциональных единиц, не обладающих дескриптивным содержанием, но несущих грамматические или реляционные признаки, приложимые к их комплементу.

С другой стороны, обращаясь к ветвящейся группе посессора, которая в качестве группы лексической категории вполне допустима в спецификаторе, мы обнаруживаем, что ее морфосинтаксический статус неясен. Поскольку показатель *'s* оформляет не вершину, а именную группу целиком (ср. [*the king of England*]'s dog 'собака короля Англии'), он не может считаться показателем словоизменительной категории (например, падежа). Следовательно, он является синтаксической вершиной, причем вершиной такой категории, которой пока нет в списке категориальных ярлыков. Итак, структура именной группы в (1.2) требует пересмотра.

Теоретически ориентированная диссертация С. Эбни [Abney 1987] и предшествующая статья [Abney 1986], а также более ранние работы А. Сабольчи, посвященные структуре именной группы венгерского языка [Szabolcsi 1981, 1984, 1987] впервые провозглашают «гипотезу о DP» (the DP-hypothesis) — предположение, что именные группы артиклевых языков представляют из себя структуры бóльшие, чем NP, а именно, что группы лексических существительных вложены в функциональную оболочку, отвечающую за референциальные свойства именной группы. И С. Эбни, и А. Сабольчи в своем анализе опираются в первую очередь на дистрибуцию и свойства посессивных групп в английском и венгерском языках.

Основное соображение против расположения посессора в спецификаторе NP в английском языке⁹ связано с тем, что притяжательные местоимения и посессивные именные

⁹ В венгерском языке посессор не вступает в дополнительную дистрибуцию с артиклем и может занимать как минимум две структурных позиции в составе именной группы — правее артикля, выступая в немаркированной форме, и левее артикля, сопровождаясь падежным показателем датива *-nak*. Сабольчи предполагает, что в последнем случае посессор располагается в Spec, DP, а вершину D занимает артикль. Венгерские номинализации, как и английские, демонстрируют сходство со структурой именной группы:

(i)	a.	Mari-nak	a	kalap-ja-i
		Мари-DAT	DET	шляпа-POSS-PL

группы обнаруживаются не только на левой периферии NP, но и в номинализациях, возглавляемых не лексическим существительным, а глаголом:

(1.3) a. John's / his hurriedly building the spaceship

b. John's / his hurried building of the spaceship

‘поспешное строительство Джоном космического корабля’ [Abney 1987: (1), (213)]

Рассмотрим, вслед за С. Эбни, поведение английского герундия в (1.3а). (1.3а), в отличие от (1.3б), не может считаться группой существительного. Во-первых, внутренний аргумент *the spaceship* ‘космический корабль’ грамматичен в постпозиции к вершине *building* ‘строительство’ в отсутствие предлога *of*, как это происходит в конструкции с финитным глаголом (*John built the spaceship* ‘Джон построил космический корабль’). Во-вторых, в (1.3а) мы наблюдаем наречную модификацию вершины *building*, характерную для глаголов, но не для существительных. Следовательно, (1.3а) содержит группу глагола (VP), а не группу существительного (NP).

Какова структурная позиция притяжательной составляющей (*John's / his*) в (1.3а)? Очевидно, что она не может находиться в глагольной группе, поскольку в противном случае мы предсказываем ее допустимость в финитных клаузах, содержащих VP. Следовательно, эта составляющая располагается в некоторой проекции, отличной от VP. Поскольку притяжательная составляющая является группой, мы можем предположить, что она является зависимой некоторой функциональной вершины, принимающей в качестве компонента глагольную группу¹⁰.

Возвращаясь теперь к структуре именной группы с притяжательной составляющей, мы можем обобщить наш анализ и высказать предположение, что посессивная группа всегда располагается в спецификаторе некоторой функциональной вершины, компонентом которой могут стать как VP, так и NP:

(1.4) a. [_{FP} John's / his F [_{VP} hurriedly building the spaceship]]

‘строительство Джоном / его строительство космического корабля’

‘шляпы Мари’ [Szabolcsi 1994: (3)]

b. Mari-nak   a   méh   által   való   megcsíp-és-e
 Мари-POSS   DET   пчела   с   быть   жалить-NMN-POSS.3SG

‘то, что Мари ужалила пчела’ [Szabolcsi 1994: (200)]

¹⁰ Хотя английский герундий не может возглавляться артиклем, сочетания с другими неветвящимися определителями (*this, no*, и т.п.) возможны, см. [Abney 1987: 197].

b. [_{FP} John's / his F [_{NP} dog]]

‘собака Джона / его собака’

Учитывая, что посессор попадает в один дистрибутивный класс с артиклем и указательным местоимением, мы можем идентифицировать функциональную вершину F как определитель — D(et). При таком анализе решаются все проблемы, перечисленные выше. Во-первых, дистрибутивный класс артикля распадается на два подкласса: вершины, которые занимают позицию вершины D (1.5a), и группы, которые располагаются в спецификаторе D. Единообразие синтаксической структуры групп в соответствии с требованиями X'-теории оказывается восстановленным. Более того, находится удачное место для посессивного показателя -'s: он занимает позицию вершины D, а оформляемая им группа — спецификатора D (1.5b). Наконец, возникает синтаксический параллелизм между интерпретационно сходными категориями: именная группа так же вложена в функциональную оболочку, отвечающую за ее актуализацию в речи (DP), как глагольная группа вложена в предикативную проекцию, привязывающую ее к действительности (TP) (ср. (1.5a-c) и (1.5d)). Для двух важнейших синтаксических единиц, напрямую соотносящихся с внеязыковыми объектами — именной группы (референты) и клаузы (события) — выстраивается единая структура, в которой проекция лексической категории (N и V) создает денотативное содержание, а функциональная оболочка (D и T) соотносит его с действительностью¹¹.

(1.5) a. [_{DP} [D the] [_{NP} dog]]

b. [_{DP} [_{DP} the king of England] [D -'s] [_{NP} dog]]

c. [_{DP} [_{DP} John] [D -'s] [_{VP} hurriedly building the spaceship]]

d. [_{TP} [_{DP} John] [_T is] [_{VP} hurriedly building the spaceship]]

Сразу же после появления DP-гипотезы отношение к ней стало своего рода «характеристической функцией», отражающей готовность синтаксистов к переосмыслению складывавшихся веками представлений о синтаксисе как механизме, создающем из слов предложение. DP-гипотеза явилась первым шагом на пути реорганизации представлений об устройстве синтаксической структуры, подразумевающей декомпозицию традиционных категорий, характеризуемых некоторыми признаками, на собственно лексические категории и функциональные оболочки, отвечающие за семантические и грамматические признаки

¹¹ Анна Сабольчи [Szabolci 1992] проводит другую аналогию — между артиклем и подчинительным союзом (комплементаризером): оба создают барьер для извлечения составляющих, допуская передвижение только через свой спецификатор, и оба обеспечивают способность составляющей выполнять аргументную функцию (см. ниже о гипотезе Дж. Лонгобарди [Longobardi 1994]).

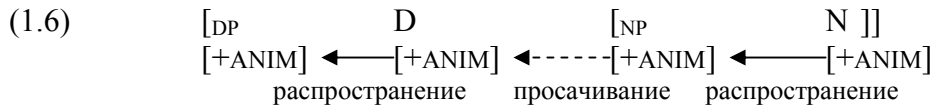
(например, число, род/класс, одушевленность, референтность, падеж и т.п.)¹². Это направление развития теории связано с постулированием большого количества функциональных категорий, с представлением об универсальности интерпретационных механизмов, и, как следствие, с идеей универсального устройства функциональных структур (ср., например, «картографический» проект Г. Чинкве [Cinque (ed.) 2002]), что предполагает либо изобилие нулевых вершин, либо необходимость принципиально иных правил озвучивания синтаксической структуры (в качестве примера можно назвать наносинтаксис М. Старке [Starke 2009]).

Допущение, что синтаксические «атомы» — те объекты, которыми оперирует синтаксис — не сопоставимы не только со словом, но даже с морфемой, и в общем случае недоступны для непосредственного наблюдения в виде языковых сегментов, многим лингвистам представляется неоправданно сильным, сильным настолько, что синтаксический анализ, основывающийся на этом допущении, теряет связь с эмпирическими данными и не может быть верифицирован вне соответствующей теории. В последние годы все слышнее голоса сторонников более традиционных взглядов, основывающих анализ на примате лексических категорий и ненулевых проекций.

Возвращаясь к собственно DP-гипотезе, следует отметить, что она хотя и решает большое количество проблем, обсуждавшихся выше, но создает и некоторые собственные проблемы. В первую очередь речь идет об участии в деривации семантических признаков лексического существительного (N). Давно известно, что соединение синтаксических единиц в сложное синтаксическое целое происходит с учетом категориальных и субкатегориальных признаков этих единиц. В частности, важный класс подобных ограничений — это требования, накладываемые предикатом на субкатегоризованный аргумент. Так, например, второй аргумент глагола *обрадовать* должен быть одушевленным, аргумент количественного существительного *дюжина* должен быть счетным, а первый аргумент выражения *выйти замуж* должен соотноситься с референтом женского пола. Ограничения такого рода естественно представлять в синтаксисе как селекцию группы с определенным признаком со стороны предикатной вершины. При допущении, что носителем подобных семантических признаков является лексическое существительное, мы предсказываем распространение этого признака с вершины на группу ($N_{[\alpha]} \rightarrow NP_{[\alpha]}$). Если именные группы представляют из себя проекцию лексической вершины (NP), мы получаем простой способ синтаксического представления семантической

¹² Тем самым различные лексические категории получают анализ, до того момента принятый лишь в отношении глагола, где предикативные категории отделяются от собственно VP и создают собственную функциональную проекцию (I(nfl)P / TP). Глагол перестает быть уникальной лексической категорией, грамматические признаки которой суть признаки более крупной синтаксической категории (клаузы).

селекции. Если же в качестве аргумента предиката выступает не NP, а DP, механизм субкатегориальных ограничений усложняется. Необходимо каким-то образом «передать» DP признак существительного. Для этого помимо распространения признака с вершины на группу следует предусмотреть способ передачи признака от вложенной группы вышестоящей вершине (как это представлено в (1.6)). Таким способом может быть, например, «просачивание» (percolation) признака с комплемента на вершину.

Теория передачи признака от комплемента к вершине имеет, однако, существенный недостаток: она недостаточно ограничительна (о критике такого подхода к распространению признака [WH] в анализе эффекта крысолова см., например, [Radford 2004: 214-216]). Если допустить просачивание признака с комплемента на вершину, мы столкнемся с ситуацией, когда любой признак, например, прямого дополнения вложенного актантного предложения можно будет наблюдать в CP главной клаузы. Очевидно, передачу признака следует ограничить, так чтобы признак α передавался только в пределах тех составляющих, для которых он релевантен. Возможным механизмом здесь могло бы стать согласование, или унификация значения неозначенного признака, происходящие между вершиной-зондом (probe) и составляющей-целью (goal). Для этого необходимо снабдить все вершины, в пределах групп которых нам необходимо просачивания признака α , его неозначенным вариантом. В частности, в примере (1.6) вершина D будет иметь неозначенный признак [$\pm$ ANIM], что вызовет ее согласование с вложенной NP, обладающей данным означенным признаком. Легко видеть, что «экстернализация» признаков именной вершины тем сложнее, чем больше функциональной структуры отделяет ее от управляющего предиката.

Есть и другие аргументы против DP-анализа для артиклевых языков. Один из них связан со свойствами идиоматических выражений. В большом количестве глагольных идиом, включающих внутренний аргумент (например, *keep tabs* ‘следить’, *take advantage* ‘извлекать пользу’ *step on toes* ‘наступить на мозоль, задевать’ и др.) фиксированы лексические вершины (глагол, существительное, предлог), а материал, связываемый с проекцией D (артикли, посессивные местоимения, посессивные именные группы), может варьировать. При NP-анализе структура указанных идиом соблюдает важное ограничение, в соответствии с которым идиома представляет из себя фиксированную последовательность вершин, например, для *step on toes* — V-P-N.

(1.7) Ограничение на неразрывность (The continuity constraint, [O'Grady 1998: 284])

Компоненты идиомы должны образовывать неразрывную цепочку.

При DP-анализе последовательность вершин, принадлежащих идиоме, разрывается (V-P-D-N), что заставляет переформулировать данное ограничение в терминах лексических вершин, противопоставляя им функциональные.

(1.8) Ограничение на неразрывность, DP-совместимый вариант

Лексические компоненты идиомы должны образовывать неразрывную цепочку.

В качестве аргумента против DP-анализа зачастую приводят следующее рассуждение: не все именные группы в артиклевых языках содержат артикль / указательное местоимение / посессивное местоимение или группу. Например, в английском языке именные группы, возглавляемые несчетными существительными, а также счетными существительными во множественном числе, могут употребляться как с артиклем, так и без него (ср. *water / the water, apples / the apples*), при этом дистрибуция таких именных групп в целом совпадает. При NP-анализе все такие именные группы имеют одну категорию, что позволяет с легкостью сформулировать правила их дистрибуции в терминах синтаксической селекции (constituent selection). При DP-анализе мы вынуждены либо усложнять правила (например, «переходный глагол выбирает в качестве компонента DP или NP»), либо предположить, что при отсутствии фонологически выраженного определителя проекция DP возглавляется нулевым определителем $\emptyset_D$.

На самом деле этот аргумент может быть легко «повёрнут» в пользу DP-анализа. Сторонники DP-гипотезы не утверждают, что все именные группы артиклевого языка являются DP (точно так же как не все глагольные группы вложены в TP и образуют клаузу). Более того, как убедительно показывает на итальянском материале Дж. Лонгобарди [Longobardi 1994], NP и DP имеют разную дистрибуцию: NP допустима в неаргументных позициях (например, в обращениях, в составе именного сказуемого, в восклицаниях и т.п., ср. (1.9)), в то время как аргументные позиции могут быть заняты только DP (1.10)¹³. В тех случаях, когда в аргументной позиции обнаруживается именная группа без определителя, мы имеем дело с DP, возглавляемой нулевым определителем $\emptyset_D$ (1.11).

(1.9) а. обращение

Caro amico, vieni a trovarmi!

‘Дорогой друг, приходи навестить меня!’

¹³ «A “nominal expression” is an argument only if it is introduced by a category D» [Longobardi 1994: (21)].

b. предикативное употребление

Gianni è **amico di Maria**.

‘Джанни — друг Марии.’

c. восклицание

Maledetto tenente!

‘Чертов лейтенант!’ [Longobardi 1994: (7)-(9)]

(1.10) a. подлежащее

*(Un/Il) **grande amico di Maria** mi ha telefonato.

‘Мне позвонил большой друг Марии.’

b. прямое дополнение

No incontrato *(un/il) **grande amico di Maria** ieri.

‘Вчера я встретил большого друга Марии.’

c. комплемент предлога

No parlato con *(un/il) **grande amico di Maria** ieri.

‘Вчера я разговаривал с большим другом Марии.’ [Longobardi 1994: (6)]

(1.11) a. Bevo sempre $\langle \emptyset \rangle$ **vino**.

‘Я часто пью вино.’

b. Mangio $\langle \emptyset \rangle$ **patate**

‘Я ем картошку.’ [Longobardi 1994: (12)]

Таким образом, к аргументам в пользу DP-гипотезы Лонгобарди добавляет чрезвычайно важный (причем, в отличие от многих аргументов, рассмотренных выше, теоретически нейтральный) дистрибутивный аргумент. Различная дистрибуция NP и DP, в свою очередь, связана с принципиальным отличием в интерпретации: в то время как значением NP с общим именем является предикат над индивидами, вершина D превращает именную группу в индивидуальную константу или обобщенный квантор¹⁴.

(1.12) a. $\| [_{NP} \text{table}] \| = \lambda x. \text{table}(x)$

b. $\| [_{DP} \text{the } [_{NP} \text{table}]] \| = \iota x. \text{table}(x)$

¹⁴ «Therefore, we assume that the logical translation of a syntactic formula like

(49) [D [N]]

where D is a lexical or empty determiner and N a common noun, will be similar to

(50) Dx, such that x belongs to the class of Ns

so that (51) is to be understood as (52):

(51) The/every table

(52) The/ $\forall x$, such that x belongs to the class of tables» [Longobardi 1994: 32].

c. $\| [_{DP} \text{every } [_{NP} \text{table}]] \| = \lambda P \forall x. \text{table}(x) \rightarrow P(x)$

Наличие среди семантических компонентов именной группы собственно дескриптивного значения и значения, ответственное за референциальный статус именной группы, обнаруживается не только в языках с артиклями. На материале русского языка неоднородная семантическая структура именной группы была выявлена Е. В. Падучевой:

«В первом приближении именная группа состоит из полнозначного компонента — общего имени — и актуализатора <...>. Соединение общего имени с актуализатором дает актуализованную именную группу, т.е. такую, которая обладает денотативным статусом и предназначена для референции» [Падучева 1985/2002: 84].

Актуализатор, по мысли Е. В. Падучевой, является оператором, преобразующим общее имя, обладающее экстенциональной семантикой, в актуализованную именную группу, т.е. осуществляет ту же семантическую операцию, что и элементы категории D в артиклевых языках.

Итак, мы видим, что DP-гипотеза оказывается связана не только с внутренним устройством именных групп артиклевых языков, но и имеет серьезные последствия для представлений об устройстве семантико-синтаксического интерфейса, о синтаксической репрезентации семантических типов, о способах синтаксического насыщения аргументных позиций. Именно поэтому так остро встает вопрос о наличии проекции DP в безартиклевых языках. В свете предыдущего обсуждения понятно, что это не просто вопрос о наличии или отсутствии нулевой проекции — это вопрос о том, устроен ли синтаксис артиклевых и безартиклевых языков сходным образом, существуют ли единые правила отображения семантических структур в синтаксические, является ли наличие или отсутствие артикля параметром, характеризующим лексикон, или же отличие артиклевых и безартиклевых языков существенно глубже и относится к числу так называемых макропараметров [Baker 1996, 2001, 2003], затрагивающих собственно синтаксический компонент языка (*narrow syntax*). В следующем разделе мы подробно остановимся на гипотезе об универсальности структуры именной группы и на аргументах в ее пользу.

1.1. DP в безартиклевых языках: основные аргументы

Дискуссия об универсальности DP особенно плодотворно ведется в последние 20 лет на материале славянских языков. Этому есть несколько причин. С одной стороны, среди

славянских языков есть как артиклевые (болгарский, македонский), так и безартиклевые (все остальные), что дает возможность изучать влияние параметра артикля в пределах одной языковой группы, среди довольно сходных между собой в синтаксическом отношении языков. С другой стороны, славянские языки удобны для исследования, поскольку они характеризуются и солидным числом носителей, и давними традициями изучения, так что мы располагаем грамматиками, словарями, корпусами, сведениями об их историческом развитии и современном состоянии. Нельзя списывать со счетов и «роль личности в истории»: два самых активных участника дискуссии об универсальности DP — Ася Перельцвайг (сторонник универсальности DP) и Желько Бошкович (противник DP в безартиклевых языках) — являются носителями славянских языков (русского и сербо-хорватского, соответственно).

Следует иметь в виду, что универсальность DP — это только одна (хотя и важнейшая) точка бифуркации в геометрии представлений об устройстве именной группы. Предметом научных дискуссий является также универсальность группы числительного/числа (NumP), статус прилагательных в атрибутивной позиции, структурная позиция посессора. Далее в этой главе мы будем говорить о проблеме DP в безартиклевых языках; в главах 2 и 3 мы обсудим также предположения о существовании промежуточных функциональных проекций между D и N.

Итак, гипотеза об универсальности DP состоит в том, что, несмотря на отсутствие в безартиклевых языках лексических единиц, непосредственно соотносимых с артиклями, именная группа имеет иерархическую структуру, так что группа лексического существительного (NP) вложена по меньшей мере в одну функциональную оболочку (DP), отвечающую за референциальные свойства именной группы и содержащую лексические единицы, создающие соответствующие интерпретации. Противники гипотезы об универсальности DP ([Fukui 1988; Corver 1992; Zlatić 1997; Trenkić 2004; Bošković 2005, 2008, 2009a,b; Bošković, Gajewski 2011; Bošković, Şener 2014; Willim 1998, 2000; Baker 2003]) полагают, что в отсутствие типичных представителей категории D — артиклей — такая синтаксическая категория в языке отсутствует, а лексические единицы, кодирующие определенность, референтность и т.п., располагаются в проекции лексического существительного (NP) и имеют соответствующие синтаксические категории (например, прилагательные). Таким образом, в безартиклевых языках референциальная семантика оказывается лишена синтаксической репрезентации в виде специальной функциональной проекции.

Какие грамматические свидетельства могут послужить аргументами в пользу той или другой точки зрения? Для противников DP-анализа стоит задача показать, что возможные интерпретационные эффекты и грамматические феномены, в артиклевых языках связываемые с

проекцией D, в безартиклевых языках либо отсутствуют, либо имеют исключительно семантическую мотивацию. В частности, Ж. Бошкович показывает, что в артиклевых языках проекция D блокирует извлечение левостороннего прилагательного из именной группы (Left Branch Extraction, LBE), в то время как в безартиклевых языках, например, в сербо-хорватском, LBE возможно:

- (1.13) a. *Expensive/That_i he saw [_{t_i} car].
 ‘Дорогую / эту он видел машину.’
- b. Skupa/Ta_i je vidio [_{t_i} kola].
 дорогой/этот AUX.3SG видеть машина
 ‘Дорогую / эту он видел машину.’ [Bošković 2008: (3)-(4)]

С другой стороны, тот факт, что кванторное или указательное местоимение и в артиклевых, и в безартиклевых языках занимает крайне левую позицию в именной группе и может быть только одно (1.14), может быть объяснен с опорой на теорию (семантических) типов и не требует структурной репрезентации. Действительно, если общее имя и прилагательное имеют тип $\langle e, t \rangle$, указательное местоимение — $\langle \langle e, t \rangle, e \rangle$, а квантор — $\langle \langle e, t \rangle, \langle \langle e, t \rangle, t \rangle \rangle$, то порядок композиции в (1.14a), а также недопустимость двух определителей или квантификатора и определителя в (1.14b) следуют из соответствия/несоответствия типов.

- (1.14) a. этот новый ученик / *новый этот ученик
 b. тот новый ученик / *тот этот новый ученик / *каждый тот новый ученик

Далее, если D как синтаксическая категория в безартиклевых языках отсутствует, необходимо также предложить и обосновать категориальный анализ единиц, соответствующих категории D в артиклевых языках: это указательные, кванторные и притяжательные местоимения. Ж. Бошкович аргументирует точку зрения, согласно которой эти единицы в безартиклевом сербо-хорватском языке являются прилагательными: они имеют адъективную парадигму (1.15a-b), способны, как и прилагательные, выступать в предикативной позиции (1.16) и не находятся друг с другом в дополнительной дистрибуции (1.17)¹⁵.

- (1.15) a. nek-im mlad-im djevojkama
 некий-F.PL.INSTR молодой-F.PL.INSTR девушка.F.PL.INSTR
 ‘какими-то молодыми девушками’

¹⁵ Последний тезис не противоречит теории типов, поскольку, согласно Бошковичу, притяжательное местоимение (а также фразовый посессор) в безартиклевых языках не вызывает «исчерпывающей интерпретации» (exhaustivity reading), и тем самым не меняет семантический тип группы общего имени.

- b. nek-ih mlad-ih djevojaka
 некий-F.PL.GEN молодой-F.PL.GEN девушка.F.PL.GEN
 ‘каких-то молодых девушек’ [Bošković 2008: (26)]
- (1.16) a. Ova knjiga je moja.
 ‘Эта книга — моя.’ [Bošković 2008: (27)]
- b. *This book is my.
- (1.17) a. ta moja slika
 ‘та моя фотография’ [Bošković 2008: (28)]
- b. *this my picture

Сторонники гипотезы об универсальности DP ([Franks 1994, 1995; Progovac 1998; Исакадзе 1999; Engelhardt, Trugman 1998, 2000; Rappaport 1998, 2001, 2002, 2005; Pereltsvaig 2001b, 2006a,b, 2007a,b 2013a; Franks, Pereltsvaig 2004; Trugman 2005a,b,c, 2007a; Kagan, Pereltsvaig 2009; Лютикова 2010, 2014a; Лютикова, Перельцвайг 2015; Lyutikova, Pereltsvaig 2015a,b; 2016]) предъявляют аргументы нескольких видов. С одной стороны, исследователи аргументируют необходимость особой синтаксической категории. В частности, они показывают, что элементы левой периферии именной группы не могут считаться прилагательными (пусть и иного семантического типа). Например, в [Pereltsvaig 2007a] указывается, что притяжательные местоимения и прилагательные типа *Петин, соседов*, в отличие от обычных прилагательных, референтны и обладают способностью связывать анафорические выражения и заполнять аргументные позиции (1.18a-b).

- (1.18) a. ee_i/старухины_i/старушечьи*_i мысли о себе_i
 b. его/соседкино/*соседское постоянное выражение недовольства

С другой стороны, аргументы сторонников универсальности DP призваны показать, что в структуре именной группы выявляется как минимум два иерархических уровня, причем верхний уровень связан как раз с теми элементами и с тем семантическим вкладом, которые в артиклевых языках ассоциируются с DP. Аргументы можно разделить на три больших класса: позиционные, дистрибутивные и «барьерные».

Позиционные аргументы сводятся к тому, что некоторые элементы именной группы должны располагаться (исходно либо в результате передвижения) в определенной структурной позиции, которая оказывается строго выше уровня прилагательных и числительных ([Pereltsvaig 2013a: 4]; см. также раздел 1.4.2). Так, один из первых по времени позиционных аргументов в пользу DP в сербо-хорватском языке Лилианы Проговач использует асимметрию линейной позиции существительных и местоимений по отношению к интенсификатору:

- (1.19) a. I samu Mariju to nervira
 ‘Это беспокоит и саму Марию.’
 b. ?*I Mariju samu to nervira.
 c. ?*I samu nju/mene to nervira.
 d. I nju/mene samu to nervira.
 ‘Это беспокоит и ее/меня самое.’ [Progovac 1998: (7)-(10)]

Суть аргумента состоит в том, что в (1.19) мы наблюдаем две структурные позиции в именной группе — выше и ниже интенсификатора. Личные местоимения, согласно Проговач, передвигаются в более высокую проекцию D, в то время как существительные остаются в вершине N (1.20).

- (1.20) a. [_{DP} *nju*+D [_{NP} samu ~~*nju*~~]]
 b. [_{DP} D [_{NP} samu *Mariju*]]

Следует отметить, что возможность использовать проекцию D как «посадочную площадку» для передвижения групп и вершин оказалась чрезвычайно привлекательной и для синтаксиса артиклевых языков. В частности, функциональная проекция над группой существительного позволила легче анализировать такие феномены, как постпозитивные артикли северогерманских языков (1.21), степенная и отрицательная инверсия, помещающие группу прилагательного левее артикля в английском языке (1.22)-(1.23), невозможность препозиции некоторых прилагательных в отсутствие артикля в итальянском языке (1.24).

- (1.21) a.   hans   bøker om   syntaks
               его   книги о   синтаксис
                   ‘его книги о синтаксисе’
 b.   bøk_e_i-ne   hans   t_i   om   syntaks
               книги-D   его   о   синтаксис
                   ‘(эти) его книги о синтаксисе’ (норвежский, [Taraldsen 1990: 423-424])

- (1.22) a. The Seventh Seal is a very serious movie.
 ‘«Седьмая печать» — очень серьезный фильм.’
 b. *The Seventh Seal is a too serious movie.
 c. The Seventh Seal is [too serious]_i (of) a t_i movie.
 ‘«Седьмая печать» — слишком серьезный фильм.’ [Troseth 2009: (22)-(23)]

- (1.23) a. Attila is a very good athlete.
 ‘Аттила — очень хороший спортсмен.’

b. * Attila is a not very good athlete.

c. Attila is [not very good]_i (of) an t_i athlete.

‘Аттила — не очень хороший спортсмен.’ [Troseth 2009: (3)-(6)]

(1.24) a. [_{DP} L’ [_{NP} antica Roma]] fu la città più importante del Mediterraneo.

‘Древний Рим был самым важным городом Средиземноморья.’

b. * [_{DP} ∅ [_{NP} Antica Roma]] fu la città più importante del Mediterraneo.

c. [_{DP} Roma_i [_{NP} antica t_i]] fu la città più importante del Mediterraneo.

‘Древний Рим был самым важным городом Средиземноморья.’ [Longobardi 1994: (30)]

В безартиклевых языках разнообразные виды инверсии в именной группе также являются косвенным свидетельством существования функциональных проекций над проекцией лексической категории N. В качестве примера можно назвать сортовую инверсию, обсуждаемую в [Trugmann 2005a,b; 2007]: X. Тругманн полагает, что инвертированные именные группы, обозначающие сорта (kinds) типа *шалфей луговой*, *перчатки хирургические малые* и т.п. образуются в результате последовательного передвижения вершины N в сортовую вершину D_{sort} через промежуточные адъективные проекции. Подробнее об инверсиях в именных конструкциях см. [Лютикова 2012б], а также раздел 3.2.2.

Чрезвычайно важным позиционным аргументом является наблюдение в [Kagan, Pereltsvaig 2009], увязывающее референциальные функции указательных и притяжательных местоимений с высокой структурной позицией. Так, указательное местоимение *этот* может иметь интерпретацию, сопоставимую с определенным артиклем, в позиции левее (т.е. выше) числительного и другие виды интерпретаций (партитивную, значение ‘такого типа’) в позиции правее (т.е. ниже) числительного¹⁶:

(1.25) a. **Эти пять аксиом** уже значительно сужают круг удовлетворяющих им линейно упорядоченных множеств. [В. А. Успенский. Семь размышлений на темы философии математики (2002)].

b. Все корабли были в арсенале. Лишь **пять этих огромных стрекоз** лежало на площади [А. Н. Толстой. Аэлита. (Закат Марса.) (1939)]

¹⁶ Использовать числительное в русском языке в качестве «пограничного столба» (материал DP точно левее, NP точно правее числительного) весьма удобно, поскольку в контексте прямых падежей мы наблюдаем отличие в падежном оформлении левой и правой части именной конструкции, а это значит, что порядок слов в именной группе в данном случае является значимым и не может быть, например, результатом скремблинга.

Аналогичный контраст наблюдается и в интерпретации притяжательных местоимений и прилагательных: левее числительного они поддерживают исчерпывающую интерпретацию, характерную для посессоров артиклевых языков, в то время как правее числительного — нет¹⁷:

(1.26) a. **Мои два сына** уже окончили школу. (→ У меня два сына.)

b. **Два моих сына** уже окончили школу. (→ У меня может быть более 2 сыновей.)

c. Сверкающий перед глазами диск пропеллера исчез. **Его три лопасти** торчали, как палки. [Михаил Шишкин. Письмовник (2009) // «Знамя», 2010] (→ У пропеллера три лопасти.)

d. Но нет, не сподобился он столь же высокой мысли, и **три его пальца**, сложившись щепотью, показали ему кукиш. [Юрий Давыдов. Синие тюльпаны (1988-1989)] (→ У него может быть более трех пальцев.)

Эти наблюдения, как кажется, проливают свет на причины, по которым идентификация DP в безартиклевых языках затруднена. В то время как в языках типа английского артикли или другие представители категории D могут иметь только одну синтаксическую категорию и занимать в этой связи только одну структурную позицию, в языках типа русского невозможно указать на лексические единицы, однозначно относимые к категории D¹⁸. Скорее дело обстоит так, что указательные местоимения, притяжательные местоимения и прилагательные получают соответствующую интерпретацию, лишь оказавшись в проекции D; в противном случае они интерпретируются предикативно. Заметим, что эта гипотеза в какой-то мере позволяет примирить если не сторонников и противников DP, то по крайней мере их аргументы: с одной стороны, в именной группе есть структурная позиция, соответствующая DP артиклевых языков,

¹⁷ См. [Partee 2006] об отличии в интерпретации именных групп типа *John's three sweaters* 'три свитера Джона' в английском и китайском, а также раздел 3.2 о связи интерпретации адъективных составляющих с их синтаксической позицией в русском языке.

¹⁸ Здесь мы оставляем за кадром кванторные местоимения и NPI (*каждый, всякий, любой, какой-нибудь* и т.п.). Представляется, что эти единицы всегда имеют кванторную интерпретацию и демонстрируют чрезвычайно сильную тенденцию к расположению на левой периферии именной группы. Так, в НКРЯ по запросу «*каждый* на расстоянии 1 от *мой*» находится 440 релевантных примеров, а по запросу «*мой* на расстоянии 1 от *каждый*» — всего 7 релевантных примеров, причем 5 из них в стихотворных произведениях, один имитирует поэтическую речь, а один принадлежит М.И. Цветаевой:

(i) А я жила — дальше, то есть дальше писала. Это история **моей каждой любви**. Май 1936 г. [М. И. Цветаева. Дневниковые записи (1917-1941)]

Характерно, что и в этом случае *каждый* интерпретируется как квантор, а подкванторным выражением является сочетание притяжательного местоимения и именной вершины: *моей каждой любви* = 'каждого такого случая, когда я любила'. Поэтому можно предположить, что здесь мы имеем дело со стилистической постсинтаксической инверсией притяжательного местоимения и квантора, не оказывающей влияния на интерпретацию.

о чем явно говорят позиционные диагностики; с другой стороны, лексикон не содержит фонологически выраженных единиц категории D, а все «кандидаты» в аналоги D имеют другую синтаксическую категорию (возможно, прилагательные, как полагает Бошкович) и могут занимать разнообразные позиции в именной группе. В том случае, когда они имеют референциальную интерпретацию, они располагаются либо в спецификаторе D, либо в самой вершине — вследствие передвижения¹⁹.

Если эта гипотеза верна, то безартиклевые языки располагают только нулевым D (возможно несколькими нулевыми D с разными интерпретациями, ср. с анализом нулевых D в итальянском у Дж. Лонгобарди). Следовательно, именные группы в таких языках часто будут неоднозначны с точки зрения количества структуры: например, выражение *очаровательная девушка* может соответствовать NP, а может — DP с нулевым D. Это предсказание можно использовать для поиска аргументов второго типа — дистрибутивных аргументов. Если удастся обнаружить, что DP и именные группы меньшей структуры (Small Nominals, введенные в работе [Pereltsvaig 2006a]), например, NP или NumP, отличаются по своим грамматическим свойствам, то такие отличия невозможно будет объяснить семантическим вкладом какой-либо лексической единицы, поскольку фонологически выраженных лексем в обоих случаях одинаковое количество. Значит, мы сможем показать, что в безартиклевом языке есть более одного типа именных групп с точки зрения количества структуры, что несовместимо с предположением, что все именные группы безартиклевых языков неизменно являются NP.

Итак, перед сторонниками гипотезы об универсальности DP стоит задача продемонстрировать грамматические отличия NP/NumP и DP. Во-первых, можно показать, что DP и именные группы меньшей структуры имеют разную дистрибуцию, например, имеются контексты, в которых возможен один структурный тип именных групп, но невозможен другой (ср. с данными Дж. Лонгобарди [Longobardi 1994] об итальянском языке). Во-вторых, можно предъявить именные группы предположительно разного категориального статуса в одной структурной позиции и продемонстрировать различия в их грамматических свойствах.

Начнем с поиска дистрибутивных ограничений. Действительно, целый ряд контекстов в русском языке как будто благоприятствует именным группам малой структуры. Статуса DP не имеют именные группы в предикативной позиции в предложениях характеристики [Pereltsvaig 2007b, Лютикова 2010]: добавление указательных местоимений превращает именную группу в DP, а предложение характеристики — в предложение идентификации:

¹⁹ Ср. с итальянским примером (1.24с), где лексема категории N оказывается в вершине D, не являясь при этом артиклем.

(1.27) а. Бурмин был, в самом деле, очень милый молодой человек. [А. С. Пушкин. Повести покойного Ивана Петровича Белкина/Метель (1830)]

б. Бурмин — этот милый молодой человек.

с. Потапов был тот самый инженер, который признал на следствии, подписал в протоколе, подтвердил на суде, что он лично продал немцам и притом задешево первенец сталинских пятилеток ДнепроГЭС, правда — уже во взорванном состоянии. [Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 26-51 (1968) // «Новый Мир», 1990]

д. Потапов был инженер / инженером.

К контекстам, допускающим только NP, в русском языке относятся, по-видимому, и другие виды конструкций, в которых именная группа имеет предикатный статус (*дослужился до генерала, забрили в солдаты, считает подлецом, вернулся с войны героем, назначил местом свидания Кистеневскую рощу* и т.д.). Конструкции эти разнородны: часть из них возглавляется предикатным словом, одна из семантических валентностей которого — предикатная (например, соответствует параметру в параметрической диатезе [Падучева 2009]), а часть представляет собой малые клаузы, где именная группа выступает в качестве предиката (например, депиктивы).

Еще один тип контекстов, связанный исключительно с NP — это так называемый генитив качества, под которым понимаются аналоги латинских конструкций типа *homo magna eloquentiae* ‘человек большого красноречия’ [Бенвенист 1974], где генитивная группа обычно представляет из себя сочетание параметрического существительного с прилагательным (*человек высокого роста, ее удивительной красоты глаза, препарат широкого спектра действия*), см. подробнее [Trugman 2005a,c; Николаева 2007; Гращенков 2004, 2016]. П. В. Гращенков отмечает целый ряд синтаксических отличий таких генитивных групп (которые он называет адьюнктивным генитивом) от посессивных и актантных генитивов: два адьюнктивных генитива в одной именной группе могут переставляться местами, сочиняться; адьюнктивные генитивные зависимые занимают крайнюю правую позицию в именной группе или располагаются слева от вершины; они не могут релятивизоваться, т.е. быть заменены на относительное местоимение, но могут быть экстрапонированы. В [Лютикова 2010] указывается, что такие генитивные группы не могут распространяться элементами левой периферии и заменяться на анафорические и вопросительные проформы. Очевидно, к тому же синтаксическому классу можно отнести генитивные именные группы, обозначающие материал (*дом белого камня, браслет старинного серебра, столик красного дерева*). И действительно, Х. Тругман [Trugman 2005a] оба типа генитивных адьюнктов объединяет под названием «трехчленный генитив» (3rd term genitive), используя термин из работы [Борщев, Кнорина 1990],

подразумевающий определительную генитивную конструкцию с обязательным третьим членом.

Точно так же, как группа лексического глагола, будучи вложена не в предикативные, а в именные функциональные оболочки, дает начало номинализации, группа лексического существительного, которая объединяется не с именной функциональной структурой, а с легким глаголом, образует сложный предикат. Сложным предикатам в разноструктурных языках посвящено огромное количество литературы, и очевидно, что они демонстрируют едва ли не такой же диапазон структурного варьирования, как номинализации. Тем не менее по крайней мере некоторые сложные предикаты представляют из себя сочетание проекции NP и легкого глагола. Такой анализ, в частности, предлагается в [Лютикова 2010] для коллокаций с событийным существительным типа *принять решение, иметь право* и т.п (см. подробнее в разделе 1.2). Примечательно, что попытки расширить именной компонент коллокации элементами уровня DP разрушают сложный предикат. Таким образом, еще одна синтаксическая позиция, в которой обнаруживается NP, но не DP — это контекст сложного предиката²⁰.

Легко видеть, что перечисленные контексты соответствуют **неаргументным** функциям именной группы (в клаузе и в составе другой именной группы), причем такая именная группа не является референтной. Этот факт хорошо соотносится с тезисом Дж. Лонгобарди о связи аргументных позиций с DP-статусом именной группы. Предположительно и другие неаргументные позиции, доступные для NP в итальянском, в русском языке связаны с именной группой малой структуры; так, например, в обращениях недопустимы указательные и кванторные местоимения [Лютикова 2010]²¹.

²⁰ Другой структурный тип сложного предиката — инкорпорация неветвящейся именной вершины — представлен в татарском языке (см. обсуждение в главе 7).

²¹ Можно заметить, что тезис Лонгобарди и обобщения на русском материале не идентичны, но представляют собой разные импликации.

(i)	a. Аргументные позиции → DP	([Longobardi 1994])
	b. (Некоторые) неаргументные позиция → NP	(русские обобщения)

(ia) предсказывает невозможность NP в аргументной позиции, в то время как (ib) — невозможность DP в ряде неаргументных позиций. Как мы увидим далее, в русском языке именные группы малой структуры, по-видимому, все же могут заполнять аргументные позиции, то есть обобщение Лонгобарди для безартиклевых языков является слишком сильным.

Интересно, что еще одна гипотеза Лонгобарди находит неожиданное подтверждение на русском материале. Лонгобарди предполагает, что (ii) является универсальным принципом, т.е. что не заполненная фонологически выраженным материалом проекция D по умолчанию связана с экзистенциальной семантикой.

- (ii) [D e] = default existential interpretation [Longobardi 1994: (65)]

Большой класс контекстов в русском языке связан с количественной группой (NumP, или, в традициях формальной славистики, QP), которая, как и NP, может быть вложена в оболочку DP, а может выступать самостоятельно. Некоторые синтаксические вершины избирательны в отношении QP: так, А. Перельцвайг [Pereltsvaig 2006a] указывает на кумулятивный префикс *на-*, аргументом которого может выступать QP, но не DP:

- (1.28) а. Джеймс Бонд накопировал [QP двадцать [NP чертежей]].
 б. Джеймс Бонд накопировал [QP дофига [NP чертежей]].
 в. Джеймс Бонд накопировал [QP ∅ [NP чертежей]].
 д. *Джеймс Бонд накопировал [DP эти [NP чертежи]] / [DP эти [QP двадцать [NP чертежей]]].

QP, но не DP возможна в целом ряде предложных конструкций с семантикой количества (*принял на пять больных больше, стоял через два человека от меня, назначили по трое вожатых в каждый отряд* и т.п., см. [Мельчук 1980, Микаэлян 2013, Mikaelian 2013]). Дополнения предлогов в этих конструкциях нереферентны (ср. **принял на Машу и Валю больше*) и не могут содержать указательных элементов в функции определителей (ср. **каждый ребенок получил по эти две конфеты*)²².

Итак, в безартиклевом русском языке существуют контексты, избирательные в отношении структурного статуса именной группы, что заставляет предположить

В русском языке имеется по меньшей мере один класс случаев, когда для определенной (неэкзистенциальной) интерпретации именная группа должна иметь заполненный слот D. Это так называемые анафорические эпитеты (anaphoric epithets) — референциальные выражения, референция которых анафорически зависит от другого элемента: *I asked John_i for help but the bastard_i refused* ‘Я попросил Джона помочь, но этот мерзавец отказался.’ [Jackendoff 1972]. В артиклевых языках такие эпитеты представляют собой именные группы с определенным артиклем; предполагается, что определенный артикль является прономинальным элементом, коиндексированным с антецедентом [Elbourne 2005]. В безартиклевом русском языке, как кажется, анафорические эпитеты также должны содержать указательное местоимение, чтобы исключить экзистенциальную (не-анафорическую) интерпретацию именной группы:

- (iii) Я убежден, что господин Бургмейер подкупил моего лакея_i, потому что **этот дурак_i** / **дурак_{???,i,j}** почти зашиворот меня всякий раз хватает, чтоб я принимал его скорее; тут даже эти господа не могут без денег ступить!
 [А. Ф. Писемский. Ваал (1873)]

²² Эти конструкции примечательны еще и тем, что в них для одушевленных существительных используется форма «неодушевленного аккузатива» или «одушевленного номинатива» (ср. *увидел двух человек / ???два человека, но на два человека / *двух человек больше*). Подробное обсуждение этой проблематики см. в разделе 7.3. Здесь мы лишь укажем на нетривиальную связь между одушевленностью и статусом DP: как в конструкции типа *метит в генералы*, так и в данном случае использование формально неодушевленной формы аккузатива, синкретичной с номинативом, а не генитивом, характерно для именных групп малой структуры, но не DP.

категориальное разнообразие именных конструкций. Обратимся теперь к второму типу дистрибутивных аргументов — к свидетельствам различного грамматического поведения именных групп разной структуры в одной позиции.

Вопреки тезису Лонгобарди, в русском языке именные группы, меньшие, чем DP, возможны как минимум в двух аргументных позициях — подлежащего и прямого дополнения [Pereltsvaig 2006a]. Особенно показательно сопоставление в позиции подлежащего контролируемых и не контролируемых предикативное согласование количественных групп, которые Перельцвайг ассоциирует, соответственно, с DP и QR (1.29a-b). Основанием для такой ассоциации может послужить тот факт, что в присутствии элементов левой периферии (например, указательных местоимений) слева от числительного предикативное согласование становится обязательным (1.29c). Обсуждение этой диагностики в терминах признаковых характеристик именных групп разной структуры см. в разделе 3.1.2.

- (1.29) a. [DP[QR Пять хирургов]] оперировали Джеймса Бонда.
 b. [QR Пять хирургов] оперировало Джеймса Бонда.
 c. [DP Эти [QR пять хирургов]] оперировали / *оперировало Джеймса Бонда.

DP и QR в позиции подлежащего отличает целый набор семантических и синтаксических параметров. Так, QR, в отличие от DP, не могут иметь сферы действия более широкой, чем поверхностная (т.е. соответствующая их линейной позиции), специфической или партитивной интерпретации. С грамматической точки зрения QR ведут себя не вполне «как аргументы» — в частности, они не могут контролировать анафору и PRO в актантных и целевых инфинитивных оборотах, а также в деепричастных оборотах и малых клаузах, ср., например, (1.30):

- (1.30) a. Пять бандитов лежали на земле [PRO убитые].
 b. *Пять бандитов лежало на земле [PRO убитые].

Те же семантические и синтаксические особенности обнаруживают и QR-дополнения при глаголах с кумулятивным префиксом *на-*. Это значит, что семантико-синтаксическое своеобразие не вызывающих предикативного согласования подлежащих связано не с их позицией (как, например, у предглагольных vs. постглагольных подлежащих в испанском языке или у дополнений внутри и вне глагольной группы во французском языке), а с их собственной природой. Следовательно, составляющая *пять бандитов* в (1.30a) отличается от составляющей *пять бандитов* в (1.30b). Для противников DP-гипотезы в безартиклевых языках локализовать такое отличие, очевидно, затруднительно.

Сравнение примеров (1.29b-c) указывает направление, в котором можно продолжать поиски структурно различающихся именных групп в безартиклевых языках. Естественно предположить, что в (1.29b) сказуемое не согласуется с подлежащим, а происходит означивание признаков лица, числа и рода по умолчанию²³. Учитывая существующую во многих языках, в том числе и русском, связь между предикативным согласованием и получением падежа подлежащим²⁴, можно задаться вопросом, какой падеж имеет подлежащее в (1.29b). Традиционная грамматика считает, что этот падеж именительный, однако, как мы видим в (1.29c), появление в именной группе любых преквантификаторов, сигнализирующих об именительном падеже, тут же исключает возможность дефолтного предикативного согласования. Остается заключить, что QR в (1.29c) является беспадежной.

Таким образом, мы обнаруживаем еще одно грамматическое измерение, которое может отличать DP от именных групп малой структуры: DP должна получить падеж, в то время как структурно неполные именные группы — не обязательно. Это значит, что огромная совокупность эмпирических фактов, связанных с вариативным падежным маркированием асимметричного типа (когда варьируют падежная и немаркированная форма), в том числе и в безартиклевых языках, может явиться полигоном для поиска новых аргументов дистрибутивного характера в пользу DP-гипотезы. Падежная проблематика, и в том числе вопросы вариативного падежного маркирования и связи падежа со структурными характеристиками именной группы, подробно освещаются в главе 7; здесь мы укажем лишь, что исследованные в [Лютикова 2014б; Pereltsvaig, Lyutikova 2014; Lyutikova, Pereltsvaig 2015a,b, 2016; Тестелец 2014] беспадежные именные группы таких безартиклевых языков, как татарский и адыгейский, обнаруживают поразительные грамматические и интерпретационные сходства с русскими именными группами малой структуры.

Обсудим теперь аргументы, которые мы выше обозначили как «барьерные». Здесь имеется в виду, что граница DP непроницаема для синтаксических процессов, таких как передвижение, согласование, приписывание падежа, лицензирование отрицательно-полярных

---

²³ Альтернативный вариант анализа, в соответствии с которым QR *пять бандитов* имеет признаки 3 лица единственного числа и среднего рода, должен быть отвергнут, поскольку при сочинении двух QR образующаяся конструкция по-прежнему способна сочетаться со сказуемым с признаком единственного числа (*Пять бандитов и шесть полицейских лежало на земле*), что невозможно при сочинении именных групп, обладающих признаком числа (*Маша и Даша лежали / *лежала на земле*).

²⁴ Предикативное согласование может рассматриваться как необходимая для присвоения падежа процедура (case assignment under AGREE, [Chomsky 2000]), или же как операция, в которой участвуют предикативная вершина и получившая структурный падеж именная группа [Bobaljik 2008; Preminger 2011]. В любом случае отсутствие предикативного согласования может быть проинтерпретировано как отсутствие в локальной области именной группы со структурным падежом.

единиц, вертикальное связывание и т.д. Теоретическая имплементация этих ограничений (проекция DP как собственно барьер, или как наследственный барьер; DP как фаза) не столь важна; важно, что в артиклевых языках ответственность за непроницаемость именной группы для внешних зондов приписывается именно барьерным функциям DP. В частности, как мы видели выше в примере (1.13), Ж. Бошкович связывает невозможность LBE в английском языке с проекцией DP, и на основании грамматичности аналогичного сербо-хорватского примера делает вывод об отсутствии DP в этом языке²⁵.

Видимо, первым упоминанием DP как барьера в русском языке мы обязаны С. Фрэнксу [Franks 1994, 1995]. Обсуждая конструкции с дистрибутивным предлогом *по*, Фрэнкс замечает, что в них возможны две формы числительного: несколько устаревшее (1.31a) и нейтральное (1.31b).

- (1.31) a. (получили) по пяти рублей
b. (получили) по пять рублей

Как можно объяснить это варьирование, и с какими падежными формами мы имеем дело в (1.31)? Согласно анализу Фрэнкса, дистрибутивное *по* является источником структурного (конфигурационного) дательного падежа (ср. *получили по рублю*). Таким образом, форма *пяти* в (1.31a) — скорее дательный, чем родительный, творительный или предложный. В (1.31b) возможная падежная форма числительного — номинатив или аккузатив. В синтагме (1.31b) источников номинатива нет, а источник (структурного) аккузатива — переходный глагол — находится дальше, чем источник структурного датива, предлог *по*. Следовательно, получить аккузатив числительное *пять* тоже не может.

Идея Фрэнкса состоит в том, что в (1.31b) представлена беспадежная («застывшая») форма числительного. Таким образом, варьирование в (1.31) — это варьирование падежной и беспадежной формы. В (1.31a) предлог *по* может приписать падеж, а в (1.31b) падеж оказывается недоступен.

Механизм приписывания датива в (1.31a), полагает Фрэнкс, тот же, что задействован в английских конструкциях с исключительным падежным маркированием (exceptional case marking, ECM), таких как (1.32a).

- (1.32) a. [_{VP} believe [_{TP} her [_T to] [_{VP} like syntax]]]
‘считать, что она любит синтаксис’
b. [_{PP} по [_{QP} пяти [_Q ∅_Q] [_{NP} рублей]]]

²⁵ Впрочем, как показано в [Pereltsvaig 2007a], в русском языке наличие элементов, предположительно связанных с проекцией D — указательных и притяжательных местоимений — препятствует LBE.

с. [PP по [DP Ø_D [QP пять [Q Ø_Q] [NP рублей]]]]

В ЕСМ-конструкциях актантный инфинитивный оборот представляет из себя клаузу малой структуры, в которой отсутствует проекция CP. Переходный глагол *believe* приписывает аккузатив, но не своему комплементу TP, а — в виде исключения из общей модели приписывания падежа — спецификатору своего комплементы, т.е. подлежащему инфинитивного оборота *her*. В (1.32b) мы видим аналогичную конфигурацию для приписывания датива в конструкции с дистрибутивным *no*.

Заметим, что для ЕСМ-анализа критически необходимо, чтобы актантная клауза была «дефектной» — не имела проекции CP, которая бы выступила барьером для падежного маркирования (ср. неграмматичность **I believe [CP that [TP her to like syntax]]*). Фрэнкс предполагает, что в (1.31b) на пути падежа к числительному также встает проекция-барьер, как это представлено в (1.32c). Такой проекцией как раз и оказывается DP.

Сопоставляя анализ Фрэнкса и данные Бошковича, мы приходим к не вполне удовлетворительному заключению, что для одних процессов (например, для падежного маркирования) граница DP непроницаема, в то время как для других (например, LBE и прочих типов A'-передвижения) — нет. Учитывая возможные в теоретической лингвистике объяснения барьерных функций ряда проекций, мы ожидаем единообразного поведения DP в отношении всех синтаксических правил, связывающих материал внутри и вне ее.

Решение проблемы предлагает А. Перельцвайг [Pereltsvaig 2008, 2013a]. Она полагает, что те примеры, в которых Бошкович усматривает LBE, т.е. извлечение, в действительности представляют из себя частичное озвучивание (*discontinuous spellout*) двух копий именной группы:

- (1.33) a. *Skupa* je vidio [NP ~~*skupa*~~ kola]. анализ Бошковича
 дорогой AUX видеть машина
 ‘Дорогую он видел машину.’
- b. [DP *Skupa kōla*] je vidio [DP ~~*skupa*~~ kola]. анализ Перельцвайг

В пользу точки зрения Перельцвайг говорит тот факт, что в подобных конструкциях материал, находящийся в производной (левой) позиции, может не образовывать составляющую:

(1.34) **Против советской** он выступал **власти**. [Pereltsvaig 2013a: (17)]

Следовательно, мы можем ожидать, что границы DP будут непроницаемы для собственно извлечения составляющих, т.е. для таких процессов, как передвижение относительных и вопросительных местоимений на левую периферию клаузы, топикализация, подъем квантора. Более того, поскольку, как мы видели выше, в некоторых синтаксических

позициях DP варьирует с именными группами малой структуры, мы можем ожидать контраст в допустимости A'-передвижения: DP будет блокировать передвижение, в то время как NP — пропускать. Именно такая модель варьирования обнаруживается в [Лютикова 2010] для событийных существительных в конструкциях с лексическими и легкими глаголами. Обсуждению островных свойств DP в русском языке посвящен следующий раздел.

1.2. Островные свойства DP в русском языке

В этом разделе мы рассмотрим свидетельства непроницаемости границы DP для синтаксических процессов в русском языке²⁶. Эти свидетельства связаны с противопоставлением DP и составляющих, лишенных данной оболочки, в одинаковых структурных контекстах. Мы подробно изучим один тип конфигурации — событийные существительные в конструкциях с легкими и лексическими глаголами, а затем обратимся к другим синтаксическим конфигурациям, в которых наблюдаются аналогичные контрасты.

В следующих разделах мы рассмотрим группу существительного с событийной семантикой, входящую в глагольную коллокацию (*принять решение, иметь право, высказать пожелание*). Мы покажем, что подобные составляющие могут выступать как DP и как NP, причем последняя возможность реализуется как раз в составе устойчивых сочетаний с глаголом. Поскольку значительная часть таких существительных способна выражать свое дополнение в виде инфинитивного оборота, возникает возможность обнаружить новый набор свойств, противопоставляющих NP и DP и связанных с внутренней структурой этих групп. Обнаруживается, что граница NP прозрачна для ряда синтаксических процессов, таких как передвижение и согласование, в то время как DP образует барьер, непроницаемый для данных процессов. Таким образом, к критериям разграничения NP и DP в русском языке, включающим в основном внешнее синтаксическое поведение рассматриваемых групп (внешнее согласование, способность выступать антецедентом в анафорической цепи и т.п.), добавляется новый критерий, отражающий «барьерные» свойства DP.

1.2.1. Событийные именные группы в составе коллокаций

Для определения объекта исследования рассмотрим ряд русских существительных, имеющих непредметную семантику и способных служить наименованием некоторой ситуации:

---

²⁶ Изложение базируется на статье [Лютикова 2010].

(1.35) решение, приглашение, оценка, договоренность, отказ, умение, борьба, участие, возможность...

Эти существительные соотносимы с определенными глаголами, называющими соответствующие ситуации: *решение* — *решить*, *приглашение* — *пригласить*, *оценка* — *оценить*, *договоренность* — *договориться*, *отказ* — *отказать(ся)* и т.п.²⁷ Как и глаголы, данные существительные являются предикатами, имеющими семантические валентности, соответствующие участникам ситуации: *решение* — ‘кто решил’ и ‘что решил’, *отказ* — ‘кто отказал’, ‘кому отказал’ и ‘в чем отказал’²⁸. Семантические валентности реализуются в составе именной группы, возглавляемой существительным-предикатом:

(1.36) а. решение Верховного суда Башкирии о регистрации лидера оппозиции кандидатом в депутаты Госсовета [Я]

б. отказ иммиграционных властей российскому туристу во въезде в США [Я]

Среди рассматриваемых существительных имеется значительный класс предикатов, способных выражать одну из своих семантических валентностей — событийную валентность — инфинитивным оборотом. В [Русская грамматика 1980: § 1831] такие существительные указываются как присоединяющие примыкающий инфинитив с объектным отношением. В (1.37а) приводятся существительные, присоединяющие актантный инфинитивный оборот; в (1.37б) — существительные с событийной семантикой, не реализующие такой возможности; в (1.38)-(1.39) показаны соответствующие примеры.

(1.37) а. решение, требование, стремление, договоренность, приглашение, право, обязанность, обязательство, согласие, искушение, отказ, позволение, разрешение, способность, предложение, обещание, просьба, соглашение, жажда, боязнь, намерение, соблазн, желание, привычка, умение, предлог, повод, причина, резон, шанс, мысль, идея, план, цель;

б. оценка, благодарность, контроль, помощь, ставка, содействие, уступка, сопротивление, участие, рассуждение, диагностика, сомнение, ожидание.

(1.38) а. На [**требование** Дурманова [показать эту программу]] чиновники МОК сразу заявили: "О, мы забыли сказать — это был ручной жребий". [Лыжник выиграл «Золото» за счет инопланетян (2002) // «Известия», 2002.02.27]

²⁷ Здесь мы отвлекаемся от деривационного отношения между глаголом и существительным, а также от видовой характеристики глагола.

²⁸ Возможны иные толкования предиката *отказ*, соотносимые с глаголом *отказаться* — ‘кто отказался’ и ‘от чего отказался’, ср. *Петин отказ от наследства*, и с глаголом *отказать* — ‘что отказало’, ср. *отказ двигателя*.

b. В тот вечер, когда в родительский дом пришла девочка Галя, будущая Галина Леонидовна, он как раз думал о женщине, которая разрешала ему забираться на чердак и сидеть там часами — до [ее **приглашения** [сойти вниз, на чай]]. [Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», № 8, 1998]

c. Бондар заявил о [своём **намерении** [защитить свои честь и достоинство в суде]]. [Сергей Любимов. Моральный вред с правом передачи (2003) // «Богатей» (Саратов), 2003.04.17]

(1.39) a. ***содействие** Дурманова показать/показывать эту программу

b. *ее **помощь** сойти/сходить вниз

c. *свое **участие** защищать/защитить честь и достоинство в суде

Рассмотрим теперь конструкции, в которых событийное существительное, присоединяющее актантный инфинитивный оборот, выступает дополнением глагола. Поиск коллокаций, состоящих из глагола и такого существительного, осуществленный при помощи программы подсчета коллокаций С. А. Шарова (<http://corpus.leeds.ac.uk/ruscorpora.html>) на корпусе объемом около 280 млн. словоупотреблений, дает характерные результаты: наиболее частотными и наиболее статистически значимыми²⁹ являются такие сочетания событийных существительных с глаголами, которые синонимичны, с точностью до перспективы, тем глаголам, с которыми мы соотнесли исследуемые существительные. Так, для *решение* получаем *принять/принимать решение* (синонимичное *решить/решать*), для *договоренность* — *достигать/достичь договоренности* (=договориться), для *приказ* — *(от)давать* или *получать приказ* (= *приказывать*, *ему было приказано*), и т.п. В Таблицах 1.1-1.3 приведены первые 5 коллокаций из выдачи, упорядоченные по значению статистики LogLikelihood.

Таблица 1.1. Коллокации с глаголом для лексемы *решение*

	Абсолютная частота выражения	Статистика LogLikelihood
принимать решение	22670	53829.72
принять решение	4120	9315.66
выносить решение	1280	2700.84
обжаловать решение	518	1404.66
отменять решение	612	1142.68

²⁹ В приведенных ниже иллюстративных таблицах показано 5 коллокаций с наиболее высокими значениями логарифмической функции правдоподобия (LogLikelihood); использование других статистических методов (Т-статистики, взаимной информации (MI, mutual information)) дает сходные результаты.

Таблица 1.2. Коллокации с глаголом для лексемы *право*

	Абсолютная частота выражения	Статистика LogLikelihood
иметь право	16532	35359.80
давать право	2347	2252.89
нарушать право	1101	2235.66
получать право	2050	2208.18
лишать права	1054	2104.21

Таблица 1.3. Коллокации с глаголом для лексемы *согласие*

	Абсолютная частота выражения	Статистика LogLikelihood
давать согласие	1247	2179.63
получать согласие	377	503.15
выражать согласие	201	391.79
достигать согласия	187	337.67
заручаться согласием	83	269.57

Конечно, такие результаты неслучайны. Глаголы, образующие с событийными существительными наиболее статистически значимые коллокации, выполняют при них определенные лексические функции. Понятие лексической функции и те типы лексических функций, которые характерны для существительных с событийной семантикой, вводятся в модели «Смысл ↔ Текст» И.А. Мельчука. Вот что он пишет об интересующих нас сочетаниях:

«Пусть имеется название ситуации C_0 и названия двух ее семантических актантов A и B ...; все эти три слова — существительные. Чтобы построить правильную русскую фразу, описывающую ситуацию C_0 и включающую в себя C_0 , A и B , необходим личный глагол (который, однако, не добавлял бы к C_0 , A и B «лишнего» смысла). Этот глагол можно в принципе выбрать одним из 10 способов, а именно, это может быть: 1) глагол, у которого обозначение A будет подлежащим, а C_0 — первым дополнением (обозначение B может быть вторым дополнением), т.е. «что делает A с C_0 »; 2) глагол, у которого обозначение B будет подлежащим, а C_0 — первым дополнением (A может быть вторым дополнением), т.е. «что делает B с C_0 »... <...>

Для обозначения этих десяти глаголов и введены три группы параметров:

$Oper_1$ ('операция с') — языковое обозначение стрелки в выражениях $A \rightarrow C_0$, $B \rightarrow C_0$ и $A \rightarrow C_0$, т.е. глаголы, имеющие название ситуации первым дополнением (*питать любовь, читать доклад, быть в отчаянии; подвергаться осмотру; тянет запахом*)

Func_i ('функциональное') — языковые названия отношений $C_0 \rightarrow A$, $C_0 \rightarrow B$ и $C_0 \rightarrow \Lambda$, т.е. глаголы, имеющие название ситуации подлежащим (*отчаяние охватило...; возмездие настигло...; тишина царит...*);

Labor_{ij} ('обработка') — названия отношений $A \rightarrow B+C_0$, $B \rightarrow A+C_0$ и $\Lambda \rightarrow B+C_0$ и $\Lambda \rightarrow A+C_0$, т.е. глаголы, имеющие название ситуации вторым дополнением, а названия актантов — подлежащим и первым дополнением (*окружать кого уважением, подвергать кого/что осмотру*). <...>

Необходимо подчеркнуть, что ... Oper_i, Func_i и Labor_{ij} являются семантически пустыми³⁰: это, так сказать, синтаксические оформители описания ситуации с помощью существительного, называющего ее. Именно это существительное несет весь нужный смысл, а Oper_i (соответственно Func_i или Labor_{ij}) обеспечивает все роли, выполняемые личным глаголом в полном высказывании...» [Мельчук 1974/1999: 92–93].

Как показывает проведенное нами исследование (и как указывает сам И.А. Мельчук), наиболее часто в статистически значимых коллокациях с событийным существительным реализуются конструкции событийных существительных с глаголом, выполняющим лексическую функцию Oper_i, причем Oper₁, по-видимому, чаще, чем Oper₂³¹. В (1.40) приведены примеры коллокаций событийных существительных с наиболее высоким значением статистики LogLikelihood с указанием лексической функции, выполняемой глаголом при данном существительном.

(1.40) а. решение ~ принимать	Oper ₁
b. требование ~ предъявлять	Oper ₁
c. стремление ~ выражать, проявлять	Oper ₁
d. договоренность ~ достигать	Oper ₁
e. приглашение ~ получать	Oper ₂
f. право ~ иметь	Oper ₁
g. обязанность ~ возлагать	Oper ₂
h. обязанность ~ нести	Oper ₁

³⁰ Ср., однако, с позицией Ю.Д. Апресяна [Апресян 2008], который усматривает в таких глаголах определенное семантическое содержание, определяющее их сочетаемость с событийными существительными и выполняемую ими конкретную лексическую функцию.

³¹ Причиной этому может служить хотя бы то соображение, что для Oper₁ достаточно ситуации с одним участником-термом, в то время как Oper₂ предполагает наличие как минимум двух термовых семантических валентностей.

i. обязательство ~ взять (на себя/с)	Oper ₁ , Oper ₂
j. обязательство ~ давать	Oper ₁
k. согласие ~ давать	Oper ₁
l. согласие ~ получать	Oper ₂
m. разрешение ~ получать	Oper ₂
n. разрешение ~ давать	Oper ₁
o. просьба ~ обращаться с	Labor ₁₂
p. идея ~ возникать, рождаться	Func ₂

Таким образом, мы видим, что коллокации, включающие событийное существительное и глагол, выполняющий при нем некоторую лексическую функцию, обладают рядом особенностей как с точки зрения частотных характеристик (лексическая функция — наиболее частый и статистически значимый коллокат событийного существительного), так и с семантической точки зрения («существительное несет весь нужный смысл», а глагол уподобляется вспомогательной единице, типа связки или легкого глагола в составе сложных предикатов других языков; ср. [Filipenko, Plungian, Rakhilina 1994]). Возникает вопрос: находят ли эти особенности какое-либо отражение в синтаксической структуре, сопоставляемой коллокациям? Отличаются ли *синтаксически* сочетания лексической функции с событийным существительным от свободного синтаксического сочетания?

Очевидным синтаксическим отличием событийных существительных в сочетании с глаголом с лексической функцией от их свободного употребления является тот факт, что семантические валентности таких существительных реализуются не в составе именной группы, а в виде синтаксических актантов глагола.

(1.41) a. приказ командира солдатам выдвигаться на позицию

b. Командир отдал солдатам приказ выдвигаться на позицию. Oper₁

c. Солдаты получили от командира приказ выдвигаться на позицию. Oper₂

В (1.41a), вне коллокации, существительное-предикат *приказ* реализует свои семантические валентности в составе именной группы; в (1.41b-c) соответствующие валентности могут (а валентность, соответствующая лексической функции — т.е. первый участник для Oper₁ и второй участник для Oper₂ — должны) быть выражены как актанты глагола. На их синтаксическую подчиненность не существительному, а глаголу указывает, в частности, линейная позиция вне именной группы; более «утонченные» синтаксические

диагностики, например, невозможность эффекта крысолова, который бы увлекал соответствующий актант вместе с существительным (ср. (1.42a-b)), дают тот же результат.

- (1.42) a. солдаты, которым командир отдал приказ выдвигаться на позицию
 b. *солдаты, [приказ которым выдвигаться на позицию] отдал командир

Отметим также, что одновременное выражение актанта при существительном и при глаголе «разрушает» коллокацию — глагол в таком случае используется в своем лексическом значении, а существительное может приобретать предметную семантику:

- (1.43) a. Полковник отдал майору приказ солдатам выдвигаться на позицию.
 b. Солдаты получили от майора приказ полковника выдвигаться на позицию.

Вопрос о том, какой в точности синтаксический механизм задействован в «передаче» актантов от существительного глаголу, мы предпочитаем оставить открытым. Возможно, перспективным является подход, предложенный в [Fox, Grodzinsky 1998] для приписывания нужной семантической роли агентивному дополнению с предлогом *by* в английской пассивной конструкции. Предполагается, что в данном случае имеет место особый процесс, называемый передачей семантической роли (*theta-transmission*), который позволяет отождествить дополнение предлога *by* с участником, соответствующим подлежащему в активной диатезе. На необходимость таких процессов указывает и Е.В.Падучева [Падучева 2004: 70], анализируя примеры типа (1.44), в которых семантический актант существительных-предикатов *медиана*, *основание* и *высота* реализуется вне именных групп, возглавляемых этими существительными, чем обеспечивается «референциальная компактность» высказывания:

- (1.44) В равнобедренном треугольнике [X] медиана [X-a], проведенная к основанию [X-a], является высотой [X-a].

Попытаемся теперь определить синтаксический статус событийного существительного в сочетании с глаголом, выполняющим при нем лексическую функцию.

Первая возможность, которую стоит рассмотреть — это гипотеза, что существительное в составе коллокации образует с глаголом-лексической функцией нечто вроде сложного предиката, синтаксически инкорпорируясь в глагол (ср. *отдал приказ* = *приказал*)³², так что все

³² Такую идею высказывает, например, С. Фрэнкс [Franks 1990: 245, 1995: 248]: «I suggest that what is going on here is that the verb-noun sentence is being restructured into a complex verb».

семантические валентности такого существительного реализуются как синтаксические валентности сложного предиката, ср. (1.45):

(1.45) а. Командир [отдал приказ] солдатам отступать.

б. Командир приказал солдатам отступать.

В таком случае возможный категориальный статус существительного — это вершина N, инкорпорированная в легкий глагол.

Против такого анализа, однако, свидетельствует масса фактов. Во-первых, существительное в составе коллокации получает падеж (*достичь договоренности, иметь привычку*), что несвойственно инкорпорированным элементам. Во-вторых, линейная позиция существительного в коллокации не фиксирована относительно глагола. В-третьих, существительное-дополнение в таких конструкциях обладает синтаксическими свойствами обычных дополнений, в частности, оказывается в позиции подлежащего и контролирует предикативное согласование при пассивизации. В-четвертых, существительное в составе коллокации способно иметь собственные зависимые. В частности, инфинитивный оборот, как показывает (1.46), образует с существительным составляющую, не включающую глагол, чего не ожидается при анализе через инкорпорацию:

(1.46) а. Приказ отступать был отдан солдатам командиром.

б. *Приказ был отдан отступать солдатам командиром.

Кроме того, существительное может иметь при себе зависимое прилагательное, что также не характерно для вершин:

(1.47) Кремль принял [непростое решение [поменять президента Дагестана]]. [Я]

Таким образом, абсолютным минимумом структуры, проецируемой событийным существительным в составе коллокации, является NP³³.

³³ Более адекватным, учитывая возможное ветвление, представляется анализ в терминах псевдоинкорпорации (см. [Massam 2001] и раздел 7.2). Следует отметить, однако, что и наличие падежа, и способность к А-передвижению при пассивизации, и проецирование клаузуального зависимого отличает рассматриваемые коллокации от типичных псевдоинкорпорированных элементов.

В то же время примеры (1.48a-b) показывают, что в сочетании с глаголом-лексической функцией событийные существительные могут сочетаться с определителями и быть референтными, что свидетельствует о наличии DP.

(1.48) а. Из-за введения новых гильдий казна клана начала быстро пустеть. Тогда совет принял [DP то самое решение, которого мы так опасались]... [Я]

б. Но Дрынов получил [DP приказ «ни шагу назад»]_i и намерен был его_i выполнить. [Владимир Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина (1969-1975)]

Исходя из этих данных, мы можем сформулировать две альтернативные гипотезы касательно синтаксической категории исследуемых именных групп.

— Гипотеза 1. Именные группы в составе коллокаций с глаголами, выполняющими при них лексические функции, являются группами определителя (DP), возможно, с нулевой вершиной D.

— Гипотеза 2. Именные группы в составе коллокаций с глаголами, выполняющими при них лексические функции, могут иметь как статус DP, так и статус NP.

Мы предполагаем, что правильной является гипотеза 2. В данном изложении мы ограничимся более частным утверждением, касающимся одного класса рассматриваемых конструкций:

(1.49) Утверждение о структуре коллокаций

Именные группы, возглавляемые существительным с событийной семантикой и имеющие при себе актантный инфинитивный оборот, в сочетании с глаголами, выражающими при них лексическую функцию Oрег, могут иметь как статус DP, так и статус NP.

Утверждение (1.49) будет обосновано следующим образом. Мы рассмотрим два типа конструкций с существительными с событийной семантикой, присоединяющими актантный инфинитивный оборот (*решение, право, желание, договоренность* и т.п.): (1) конструкции, в которых такие существительные демонстрируют свободную сочетаемость с лексическими глаголами (напр., *Я одобрил Петино решение уехать*); (2) конструкции, в которых такие существительные употреблены с глаголами с лексической функцией Oрег (напр., *Петя принял решение уехать*). Мы покажем, что конструкции в (2) обладают рядом свойств, нехарактерных для конструкций в (1):

(i) они допускают извлечение составляющих из состава актантного инфинитивного оборота;

(ii) они допускают согласование плавающих определителей, адъективных сказуемых и адъективных вторичных предикатов в составе инфинитивного оборота с подлежащим главной клаузы.

Далее, мы покажем, что конструкции (2) обладают свойствами (i)-(ii) тогда и только тогда, когда именная группа, возглавляемая событийным существительным, не имеет статуса DP в соответствии с обсуждавшимися в разделе 1.1 диагностиками, опирающимися на внешний синтаксис таких групп. Таким образом, мы обоснуем утверждение (1.49). Из этого рассуждения также следует, что свойства (i)-(ii) могут служить дополнительными диагностиками отсутствия проекции DP в русских именных группах.

1.2.2. Структурные типы именных групп и их проницаемость в конструкциях с событийными существительными

В этом разделе мы обсудим различия в поведении событийных существительных с инфинитивным актантом в двух типах конструкций — в свободном сочетании с лексическим глаголом (далее V [C₀ [INF ...]]) и в сочетании с глаголом с лексической функцией Oper (далее Oper [C₀ [INF ...]]).

1.2.2.1. Передвижение

Наиболее базовыми и универсальными принципами, ограничивающими передвижение составляющих, являются островные ограничения, впервые описанные Дж. Россом [Ross 1967] на материале английского языка. Для нас наибольший интерес представляет ограничение сложной именной группы (Complex NP Constraint), заключающееся в невозможности выдвигания составляющих из клаузы, являющейся актантом (комплементом) или адьюнктом в именной группе с выраженной вершиной. Под выдвиганием составляющих понимается довольно широкий класс грамматически и коммуникативно обусловленных передвижений, в частности, выдвигание вопросительной и относительной составляющей на левую периферию клаузы (ср. (1.50a-c)), выдвигание составляющей-темы в топиальную позицию (1.50d) и т.п.

(1.50) а. А кому он теперь должен был докладывать ~~кому~~? [Забыть о дефолте (2003) // «Криминальная хроника», 2003.06.24]

б. Они наняли энергичного менеджера, который знакомится с сотнями малых фирм и даёт рекомендации, *кого* стоит рассмотреть ~~кого~~ внимательнее... [Леонид Малков. Собственность как товар (2003) // «Бизнес-журнал», 2003.10.23]

с. Но все поняли, что молотобоец поддерживает кузнеца, *которого* он не мог не поддерживать ~~которого~~. [Василь Быков. Камень (2002)]

d. *Ответ* он просил направить ~~ответ~~ командующему эскадрой... [Е. В. Тарле. Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798-1800) (1948)]

Поскольку в интересующих нас конструкциях V [C₀ [INF ...]] и Oper [C₀ [INF ...]] налицо актантная клауза (инфинитивный оборот), зависящая от именной вершины C₀, ограничение сложной именной группы предсказывает, что извлечение составляющих из инфинитивного оборота невозможно³⁴. Оказывается, однако, что конструкции с лексическим глаголом и глаголом-лексической функцией демонстрируют различное поведение. В сочетании с лексическим глаголом граница именной группы, возглавляемой C₀, действительно непрозрачна для выдвижения составляющих из инфинитивного оборота, ср. (1.51b,c), (1.52b,c), (1.53b,c):

(1.51) a. ...я уже с большим трудом **пересиливал** [острое **желание** [схватить Степашу за ворот роскошной куртки]]... [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // Новый Мир, № 1-2, 2001]

b. * *Кого* он **пересиливал** [острое **желание** [схватить ~~кого~~ за ворот роскошной куртки]]?

c. *Степашу я уже с большим трудом **пересиливал** [острое **желание** [схватить ~~Степашу~~ за ворот роскошной куртки]].

(1.52) a. А вот как **объяснял** [свое **решение** [стать военным летчиком]] кадет Майкл Томлинсон... [Виктор Баранец. Генштаб без тайн. Книга 2 (1999)]

b. *Мы знаем, *кем* кадет **объяснял** [свое **решение** [стать ~~кем~~]].

c. *Военным летчиком кадет Томлинсон **объяснял** [свое **решение** [стать ~~военным летчиком~~]] так...

(1.53) a. Очередной день **принес** обозу [**приказ** комбата [занять-таки больницу]]. [Обоз (2004) // «Солдат удачи», 2004.03.10]

b. *... *больница, которую* очередной день **принес** [**приказ** комбата [занять ~~которую~~]]

c. *Больницу **принес** обозу [**приказ** комбата [занять ~~больницу~~]] очередной день.

Как видно из (1.51)-(1.53), извлечение вопросительных, относительных, топикальных составляющих из инфинитивного оборота, зависящего от существительного, подчиненного

³⁴ Я. Г. Тестелец обратил мое внимание на тот факт, что изначальная формулировка острова сложной именной группы в [Ross 1967] учитывает лишь финитные зависимые клаузы, и, таким образом, ничего не говорит об инфинитивных оборотах, зависящих от именной вершины. Тем не менее, как мы увидим ниже, часть сложных именных групп с зависимым актантным инфинитивом ведет себя так же, как и именные группы с зависимым актантным предложением.

лексическому глаголу, приводит к неграмматичности. Иные результаты мы получаем в конструкциях с таким существительным, зависящим от глагола — лексической функции. В (1.54) приводятся соответствующие примеры, в большом количестве представленные в сети.

(1.54) а. Они касались подвала здания, *который* было **принято** [**решение** [превратить *который* в эксплуатируемое помещение]]. [G]

б. Согласно легенде, кастильский вельможа дон Руис Гонсало де Толедо, граф Оргас пожертвовал этой церкви, *в которой* он **выразил** [**желание** [быть погребенным *в которой*]], большие сокровища. [Я]

с. Одна из дам, *которых* он **отдал** [**приказ** [скинуть с поезда *которых*]], оказалась американкой. [G]

д. ...дать ему послушать такие же сухие и безличные гудки, как и те безличные снаряды установок «Град», *которыми* он **отдал** [**приказ** [разровнять Цхинвал *которыми*]]. [Я]

е. Пиросмани усмехался: эти двое молодых людей думают, что где-то на земле для него есть место, и есть круг людей, *который* он **имеет** [**право** [назвать *который* своим]]. [Я]

ф. *С кого* он **имеет** [**право** [требовать недостающую сумму *е-кэго*]], при том что страховка виновника покрывает его ущерб, но независимая экспертиза оценила ущерб меньше? [Я]

г. Суд ... назначил наказание, не связанное с лишением свободы — 2 года условно с испытательным сроком 1 год, *в течение которого* на него **возложена** [**обязанность** [являться на регистрацию в специализированный орган, осуществляющий исправление осужденного *в течение которого*]]. [Я]

h. Где новая большая мечеть в Гудауте, *которую* он **взял** на себя [**обязательство** [построить *которую*]]? [Я]

i. И враг, конкретный враг, *уничтожить которого* он **получил** [**приказ** [*уничтожить которого*]] от самого высшего командования — своей совести, — вот он, в нескольких шагах от него идет с высоко поднятой головой, уверенный в своей безнаказанности. [G]

j. А в фильме Антон вообще просто раздавлен своим преступлением, когда он узнает о том, что Егор — это тот самый ребенок, *которого* он **дал** [**согласие** [убить *которого*]]. [Я]

к. Предстояли очередные выборы, *на которых* он **дал** [**согласие** [баллотироваться в депутаты Совета Союза Верховного Совета СССР на новый срок *на которых*]]. [Я]

l. Отыгравший в Одессе полтора сезона 25-летний защитник сборной Молдавии стал игроком клуба первого дивизиона "Арсенал" (Тула), *в который* он **получил** [**разрешение** [перейти *в который* после прихода трансферного сертификата из Украины]]... [G]

m. Ему писали важные письма — письма, *которые* он **получил** [**разрешение** [хранить

которые у себя]], когда они утратили важность. [Я]

Мы видим, что конструкции *Орег* [S_0 [$_{INF}$ ...]] в отношении извлечения составляющих ведут себя так, как если бы границы именной группы вообще не существовало. Сравним (1.54а-с) и (1.55а-с), где коллокации заменены на синонимичные глаголы:

(1.55) а. Они касались подвала здания, *который* было **решено** [превратить *который* в эксплуатируемое помещение].

б. Согласно легенде, кастильский вельможа дон Руис Гонсало де Толедо пожертвовал этой церкви, *в которой* он **пожелал** [быть погребенным *в которой*], большие сокровища.

с. Одна из дам, *которых* он **приказал** [скинуть с поезда *которых*], оказалась американкой.

С другой стороны, обсуждение в разделе 1.2.1 показывает, что в конструкции *Орег* [S_0 [$_{INF}$ ...]] существительное S_0 с зависимым инфинитивным оборотом обладает всеми свойствами именной группы. Таким образом, мы приходим к выводу, что не любая именная группа с зависимой клаузой является барьером для выдвигания составляющих из этой клаузы.

Для того, чтобы понять, почему граница именной группы является проницаемой в случае коллокаций и непроницаемой при лексическом глаголе, обсудим вопрос, какая из проекций в именной группе может оказаться барьером для передвижения.

Во-первых, заметим, что не является островом сложная именная группа в предикативной позиции. Рассмотрим сложные именные группы, охарактеризованные в Академической грамматике [Русская грамматика 1980: § 1831] следующим образом: «Отношения информативного восполнения возникают при примыкании инфинитива к нескольким словам с ярко выраженной экспрессивной окраской, которые называют лицо по характеризующему его признаку умения, склонности, расположенности к чему-н. (обычно — в функции сказуемого): *мастер, мастерица рассказывать; искусник, искусница стряпать; охотник, охотница пошутить; молодец, мастак плясать; не дурак выпить...*»³⁵. Обнаруживается, что такие именные группы являются проницаемыми для передвижения; ср. (1.56) с выдвиганием из инфинитивного оборота и (1.57) с выдвиганием всего инфинитивного оборота.

(1.56) а. Слезы – настоящие слезы, а не фальшивые, *которые* она была [мастерица [проливать *которые*]] – хлынули из глаз, она заморгала, ее трясло от злости. [Я]

³⁵ О синтаксисе таких выражений см. также [Тестелец 2008].

b. Как всегда, Блока пленили, казалось бы, случайные и даже посторонние черты пейзажа, *которые* он был [мастер [~~подмечать которые~~]] и которые приобретали для него особую выразительность... [Я]

c. Слово "некрополь" он произнес с ударением на самом последнем слоге, на французский манер, так что вышло созвучно "Метрополю", *в ресторане которого* он был [не дурак [~~пожрать в ресторане которого~~]]. [G]

(1.57) a. Особенно полюбились сказки, *рассказывать которые* она была [мастерица [~~рассказывать которые~~]]. [Я]

b. Пойманную птаху юный птицелов помещал в одну из клеток, *изготавливать которые* он был [мастер [~~изготавливать которые~~]], и постоянно ухаживал за нею: регулярно приносил воду, корм, чистил клетку. [Я]

Заметим, что именные группы в (1.56)-(1.57) находятся в предикативной позиции в предложениях характеристики, что, согласно обсуждению в разделе 1.1, свидетельствует об их NP-статусе. Таким образом, становится очевидным, что NP с актантным инфинитивом в русском языке не является островом, а значит, проекция N не является барьером для передвижения.

Иначе дело обстоит с функциональной проекцией D. Как мы видели выше, наличие в именной группе выраженных элементов проекции D (в частности, указательных и притяжательных местоимений³⁶) препятствует извлечению составляющих из этой именной группы, ср. примеры из [Pereltsvaig 2007a:(31), (33)]:

(1.58) a. *Изумительный* мы посмотрели [_{NP} ~~изумительный~~ французский фильм].

b. *Французский мы посмотрели [_{DP} **этот** [_{NP} ~~французский~~ фильм]].

Таким образом, можно предположить, что в именной группе барьер для выдвижения составляющих образует именно проекция D. Если это так, то в случае коллокаций, проницаемых для передвижения, эта проекция отсутствует. Значит, синтаксическая структура, сопоставляемая конструкциям V [C₀ [INF ...]] и Oreg [C₀ [INF ...]], различна: в сочетании с лексическим глаголом мы имеем (1.59a), а в сочетании с глаголом-лексической функцией — (1.59b):

³⁶ Здесь мы намеренно упрощаем картину, рассматривая притяжательные местоимения и прилагательные как элементы проекции D. Возможно, что в действительности левая периферия русских именных групп имеет более сложную структуру, и притяжательные элементы находятся в составе другой функциональной проекции, вложенной в DP, как это предлагается, например, в [Исакадзе 1999]. Мы обратимся к этому вопросу в разделе 1.2.

(1.59) a. $V [_{DP} [_{NP} C_0 [_{INF} \dots]]]$

b. $Op_{eg} [_{NP} C_0 [_{INF} \dots]]$

Структура, предлагаемая в (1.59b), отражает только одну из возможностей, описываемых утверждением (1.49). В (1.49) предполагается, что для выражений $Op_{eg} [C_0 [_{INF} \dots]]$ возможно два типа синтаксических структур — (1.59b) и (1.60):

(1.60) $Op_{eg} [_{DP} [_{NP} C_0 [_{INF} \dots]]]$

Далее в этом разделе мы покажем, что имеет место следующая закономерность: если именная группа в конструкции $Op_{eg} [C_0 [_{INF} \dots]]$ «проходит» стандартные тесты на статус DP, то она непрозрачна для передвижения; если же передвижение грамматично, соответствующая именная группа не имеет статуса DP. Сочетание исследуемых параметров представлено в Таблице 1.4.

Таблица 1.4. Статус именной группы в коллокациях

Предполагаемая структура	$Op_{eg} [_{NP} C_0 [_{INF} \dots]]$	$Op_{eg} [_{DP} [_{NP} C_0 [_{INF} \dots]]]$
Выдвижение составляющих из именной группы	возможно	невозможно
«Внешние» диагностики DP	отрицательны	положительны

В связи с фиксированной синтаксической позицией исследуемых именных групп (дополнение глагола-лексической функции) и их ограниченной сочетаемостью с кванторными единицами (ср. ^{???} *выразил два желания*) представляется возможным использовать два типа диагностик. Первая диагностика — это возможность включения в структуру фонологически выраженных элементов проекции D: указательных и притяжательных местоимений. Вторая диагностика опирается на различие референциальных статусов DP и NP: только DP может интерпретироваться как референтная именная группа и, соответственно, выступать антецедентом анафорических выражений.

Рассмотрим сперва «материальные» свидетельства присутствия проекции D — допустимость указательных и притяжательных местоимений. Сразу же отметим, что появление в составе коллокации указательных и притяжательных местоимений существенно снижает употребимость актантного инфинитивного оборота. В (1.61) приводятся некоторые обнаруженные нами в сети примеры конструкции $Op_{eg} [_{DP} [_{NP} C_0 [_{INF} \dots]]]$ с непустой проекцией D.

(1.61) a. Он **принял** $[_{DP}$ свое $[_{NP}$ **решение** посвятить покеру все свое время] и переехал в Лас Вегас, играя в игры с высокими ставками. [Я]

b. Пусть скажут нам, кто же **отдал** $[_{DP}$ этот $[_{NP}$ **приказ** снять первого сентября все посты

на подъездах к школе]]? [Я]

с. Глава администрации президента Владимир Литвин заявил о том, что Леонид Кучма дал [DP свое [NP **согласие** возглавить партию блока "За единую Украину!"]]. [G]

d. Он прекрасно помнил, как советовался с Эдвином Кантором и **получил** [DP его [NP **разрешение** приобрести эти бумаги на свой личный счет]]. [Я]

e. Совсем недавно он (Валентиниан) **выразил** [DP это [NP **желание** быть приобщенным еще до своего прибытия в Италию]] и сказал мне о своем твердом намерении принять от меня крещение как можно скорее. [Я]

При этом вне коллокации указательные/притяжательные местоимения и инфинитивные зависимые вполне совместимы, ср. (1.62); широко представлены также коллокации с фонологически выраженными элементами проекции D, но без зависимого инфинитивного оборота (1.63).

(1.62) a. Родители поддержали [DP мое [NP решение [стать россиянкой]]]. [Я]

b. [DP Ваш [NP приказ [к 16 часам вернуть высоту 193]]] выполнен. [Я]

с. Он знал, какой хищной цепкостью, быстротой и мягкостью в стрельбе владел бывший наводчик Меженин, но как-то необъяснимо было [DP это его [NP решение наводить самому]]. [Юрий Бондарев. Берег (1975)]

(1.63) a. Пратс **принял** [DP это [NP **решение**]] также потому, что знал о заговоре и о том, что не может его предотвратить. [Олег Поляковский. Неподсуден (2003) // «Вокруг света», 2003.09.15]

b. Конечно же, я **дала** [DP своё [NP **согласие**]], даже не подозревая о том, что ждёт меня впереди. [И. А. Архипова. Музыка жизни (1996)]

с. Стандарт более сложен для соблюдения, но производитель **берет** на себя [DP эти [NP **обязательства**]] для сохранения своей конкурентоспособности. [Не надо бояться технических регламентов! (2004) // «Строительство», 2004.10.25]

Тем не менее, примеры в (1.61) позволяют считать, что в коллокациях указательные и притяжательные местоимения совместимы с актантным инфинитивом. Рассмотрим возможности выдвижения составляющих из инфинитивных оборотов в таких конструкциях. Как показывают (1.64a-d), сконструированные на основе (1.61a-b) и (1.54b,h), появление элементов проекции D в коллокации делает ее непрозрачной для передвижения:

(1.64) a. *Покеру он **принял** [DP свое [NP **решение** [посвятить ~~покеру~~ все свое время]]].

b. **На подъездах к каким школам* был **отдан** [DP этот [NP **приказ** [снять первого сентября

все посты *на подъездах к каким школам*]]]])?

с. *Кастильский вельможа пожертвовал этой церкви, *в которой* он **выразил** [DP свое [NP **желание** [быть погребенным *в которой*]]], большие сокровища.

д. *Где новая большая мечеть в Гудауте, *которую* он **взял** на себя [DP то [NP **обязательство** [построить *которую*]]]])?

Таким образом, мы видим, что структуры (1.60) с фонологически выраженной проекцией D являются островными.

Рассмотрим теперь данные «референциальной» диагностики. Выше мы уже видели, что именные группы в составе коллокации могут служить антецедентами анафорических выражений, а значит, быть референтными, см. примеры в (1.48), а также (1.65) ниже.

(1.65) а. Если в судебном заседании ответчик, проживавший до увольнения в служебном жилом помещении, **выразил** [**желание** вернуться на работу]_i, *оно*_i может быть учтено лишь тогда, когда возможно предоставление ему прежней или другой работы. [Я]

б. Тот, кто сначала **взял** [**обязательство** каждый день отжиматься на один раз больше]_i и выполняет *его*_i, становится сильным! [Я]

Однако, как показывает неграмматичность (1.66а-с), в коллокациях, допускающих извлечение составляющих из инфинитивного оборота, группа C₀ [INF ...] не способна контролировать референцию анафорических элементов, в частности, анафорических местоимений и PRO малых клауз.

(1.66) а. *С кого* он **имеет** [**право** [требовать недостающую сумму ~~*с кого*~~]]*_i и где *о нем*_i написано?

б. Ему писали важные письма — письма, *которые* он **получил** [**разрешение** [хранить *которые* у себя]]*_i. Благодаря *ему*_i в архиве сохранились десятки ценнейших экспонатов.

с. Они касались подвала здания, *который* было **принято** [**решение** [превратить *который* в эксплуатируемое помещение]]*_i [PRO_i первым]. (ср: [решение превратить подвал в эксплуатируемое помещение]_i было принято [PRO_i первым])

На наш взгляд, это связано с тем, что, коль скоро выдвигание из инфинитивного оборота имеет место, в именной группе C₀ [INF ...] отсутствует проекция D, т.е. именная группа имеет статус NP. NP не могут иметь референтный денотативный статус, а значит, и вступать в отношении кореферентности. Неграмматичность предложений в (1.66), таким образом, того же

свойства, что и в примере Е. В. Падучевой [Падучева 1985/2002: 99] с именной группой с предикатным денотативным статусом:

(1.67) Моя мать *врач*. *Я тоже буду *им*.

Итак, подводя итоги этого раздела, можно заключить, что в конструкциях с событийным существительным и глаголом в лексической функции *Oper* возможны два типа синтаксических структур, повторяемые здесь как (1.68a-b).

(1.68) a. *Oper* [_{NP} C₀ [_{INF} ...]]

b. *Oper* [_{DP} [_{NP} C₀ [_{INF} ...]]]

В структуре (1.68a) возможно извлечение составляющих из именной группы, при этом сама именная группа не может содержать элементов проекции D и не способна выступать антецедентом анафорических выражений. В структуре (1.68b) именная группа может быть референтной и содержать указательные и притяжательные местоимения, однако ее граница непроницаема для передвижения.

1.2.2.2. Согласование

В этом разделе мы рассмотрим согласовательные возможности разнообразных адъективных компонентов в составе актантного инфинитивного оборота, зависящего от C₀. В первую очередь мы рассмотрим так называемые плавающие определители в инфинитивном обороте — лексемы *сам*, *один*, *весь* и *оба* (1.69a). Еще один вид адъективного адьюнкта — вторичные предикаты, выраженные прилагательным в полной форме (1.69b). Кроме того, нас будут интересовать краткие прилагательные в предикативной позиции (1.69c) и страдательные причастия в составе пассивной конструкции (1.69d).

(1.69) a. Дома ей никак нельзя, просто никак, — квартиру-то обокрали, и она боится [там оставаться *одна*], потому что замок сломан. [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // Новый Мир, № 1-2, 2001]

b. Для генералитета желательно также, чтобы армия умела [ходить *голая*] и питаться подножным кормом, не отнимая кровных рублей у генералов. [Я]

c. Каждый хочет [быть *свободен сам*] — всем стать свободными при этом заведомо не реально. [Владимир Горбачев. Концепции современного естествознания (2003)]

d. Какое вам дело? Может быть, я хочу [быть *убит*]... [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839-1841)]

Наиболее исследованным является вопрос о падеже плавающих определителей в инфинитивном обороте (см. [Comrie 1974; Neidle 1988; Franks 1990, 1995; Babby 1991, 1998; Greenberg, Franks 1991; Franks, Hornstein 1992; Babby, Franks 1998; Madariaga 2005; Тестелец 2001]. Интерес к этим лексемам вызван тем, что они, во-первых, копируют падеж той именной группы, к которой они относятся, и во-вторых, способны определять нулевые единицы. Данные свойства плавающих определителей позволяют выявлять падежные характеристики «синтаксических невидимок» — в частности, нулевого подлежащего инфинитивного оборота (PRO). Так, например, в (1.70) единственным возможным контролером падежного согласования для лексемы *один* является PRO инфинитивного оборота; поскольку плавающий определитель выступает в дательном падеже, можно заключить, что и PRO имеет дательный падеж³⁷.

(1.70) Ездить с Ферापонтом, постоянно преодолевать его плохое настроение — себе дороже. А [PRO_{DAT} отправиться одной_{DAT} / *одна_{NOM}] — тоска. [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», № 9, 2002]

Основная интрига, связанная с плавающими определителями, заключается в том, что в равносубъектных и разносубъектных инфинитивных оборотах падеж плавающих определителей различный. В разносубъектных инфинитивных оборотах плавающие определители выступают в дательном падеже (1.71a-b); а в равносубъектных — в падеже подлежащего главной клаузы (1.71b)³⁸:

³⁷ С этим рассуждением хорошо согласуется тот факт, что подлежащее независимых инфинитивных оборотов также получает дательный падеж (*Вам не понять моей печали*). На субъектную позицию и специфику приинфинитивного датива указывает уже А.М. Пешковский [Пешковский 1914/1956: 381]: «...сказуемость здесь глагольная, и поэтому имеется, как норма, и член, обозначающий деятеля. Член этот — дательный падеж существительного при инфинитиве, и этот дательный надо и тут отличать от дательного, зависящего от инфинитива в общем порядке...». В современной русистике для обозначения этого дательного закрепился термин «второй датив» (second dative), предложенный в [Comrie 1974]. Впрочем, в [Greenberg, Franks 1991] предлагается анализ, в соответствии с которым приинфинитивный датив и датив плавающих определителей, хоть и имеют общий источник, тем не менее приписываются независимо и в разных условиях.

³⁸ В конструкциях с номинативным подлежащим мы видим номинативное падежное оформление плавающих определителей; в случае, когда каноническое подлежащее отсутствует, а «функциональное подлежащее», пользуясь термином из [Тестелец 2001], выражено дательным падежом (*Ему нужно все сделать самому*), то определить, имеет ли место «дефолтный» датив PRO или согласование плавающего определителя / PRO по падежу с дативной именной группой, не представляется возможным.

(1.71) а. Я-то как раз за то, чтобы мужчина был мужчиной в доме, просто жизнь меня_i заставила [PRO_i делать все *самой*]_i. [Женщина + мужчина: Психология любви (форум) (2004)]

б. Попов полагал, что, раз прибор_i научился [*сам*_i звонить в звонок], можно заставить его_j и [PRO_j трубочку встряхивать *самому*]_j. [М. П. Бронштейн. Солнечное вещество (1936)]

Относительно структуры равносубъектных инфинитивных оборотов существуют разные точки зрения. Можно считать, что инфинитивный оборот здесь также содержит PRO, однако эта нулевая единица согласуется по падежу с кореферентным подлежащим главной клаузы (обсуждение этого анализа см. в [Neidle 1988; Babby 1991]):

(1.72) Прибор_{i;NOM} научился [_{CP} PRO_{i;NOM} *сам*_i звонить в звонок].

В работах Л. Бэбби и С. Фрэнкса [Franks 1990, 1995; Babby 1998; Babby, Franks 1998] обосновывается иная точка зрения, согласно которой равносубъектные инфинитивные обороты не являются клаузами: они представляют собой глагольную группу и PRO не содержат. Таким образом, подлежащее оказывается достаточно локальным контролером для согласования плавающего определителя по падежу:

(1.73) Прибор_{i;NOM} научился [_{VP} *сам*_i звонить в звонок].

Для наших целей не принципиально, какой из анализов предпочтителен. Важный факт состоит в том, что для того, чтобы плавающие определители могли получать падеж подлежащего главной клаузы (что в действительности заметно только в случае номинативного подлежащего), граница инфинитивного оборота должна быть проницаема для согласования с этим подлежащим; не важно, согласуются ли с ним непосредственно плавающие определители, как показано в (1.73), или же PRO инфинитивного оборота, а далее — опосредованно — плавающие определители, как в (1.72).

Аналогичный контраст наблюдается и при выборе падежной формы полного прилагательного в составе вторичного предиката (см. [Русская грамматика 1980: § 2004; Franks 1990, 1995]). Ситуация осложняется конкуренцией с третьей формой — творительным предикативным, который, по всей видимости, приписывается локально и поэтому всегда выступает в качестве возможной опции (формальное описание творительного предикативного см., например, в работах [Franks 1995; Bailyn 2001, 2012; Strigin, Demjjanow 2001; Richardson 2001; Grashchenkov, Grashchenkova 2007; Madariaga 2007; Matushansky 2008; Pereltsvaig 2007b]).

(1.74) а. Он вернулся с работы совсем большой / больным.

- b. [PRO Работать *больной / ?больному / больным] недопустимо.
 c. Он был вынужден [работать больной / больным].
 d. Начальник заставлял его [PRO работать *больной/??больному/больным].

Мы видим, что необходимым условием для приписывания именительного падежа вторичному предикату в составе инфинитивного оборота, как и в случае с плавающими определителями, является равносубъектность. В (1.75) приводятся примеры предложений, в которых вторичные предикаты получают именительный падеж в равносубъектных инфинитивных оборотах, а в (1.76) — примеры с не-именительным падежом в разносубъектных инфинитивных оборотах.

(1.75) a. Только вряд ли бы успел Абакумов эту власть проявить *первый*. [Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 1-25 (1968) // «Новый Мир», 1990]

b. Ему дают 1/4 фунта хлеба (на него и жену, и то не каждый день!), за которым он должен идти *больной* за две версты. [Лидия Спиридонова. «Правда нужна всякой власти...» (2003) // «Наш современник», 2003.10.15]

c. Она взрослый человек, имеет право жить, как хочется, и может ходить *голая* хоть круглосуточно, это не их дело. [Я]

d. Ненавижу работать *больная*. И вообще не хочу болеть. [Я]

(1.76) a. Он заставлял жен плясать напоказ *голыми* / *голые в будние дни, после чего обменивал их на оружие или на филейную часть мамонта. [Владимир Маканин. Голоса (1977)]

b. Это ее решение, ее злая воля заставляют Эди стоять тут под дверью *больным* и *сумасшедшим* / *больной и *сумасшедший*. [Эдуард Лимонов. Подросток Савенко (1982)]

c. Страшно умирать, уходить из жизни очень *молодыми* / *молодые. [Я]

d. Вот честное слово, жалко, что каждый раз ему выступать *первому* / *первый перед, если можно так выразиться, неразогретым залом. [Я]

e. Мало того, что заставили человека 4 часа торчать под проливным дождем, так еще и разрешили работать *больному* / *больной! [G]

Рассмотрим теперь краткие прилагательные (1.77a) и краткие страдательные причастия (1.77b) в предикативной позиции.

(1.77) a. Медсестра Люся из поликлиники, делавшая ему уколы, тоже была *бодра* и в меру *улыбчива*. [И. Грекова. Фазан (1984)]

b. Он был *задержан* участковым милиционером, *приведён* в отделение за нарушение

порядка на улицах Прибайкальска. [Марк Сергеев. Волшебная галоша, или Необыкновенные приключения Вадима Смирнова, его лучшего друга Паши Кашкина и 33 невидимок из 117-й школы (1971)]

Хотя синтаксический анализ таких выражений, очевидно, должен быть различным — в (1.77a) сказуемым является сочетание краткой формы прилагательного и глагола-связки, в то время как в (1.77b) представлена форма аналитического пассива, состоящая из краткого страдательного причастия и вспомогательного глагола — краткие прилагательные и страдательные причастия демонстрируют одинаковое поведение в составе инфинитивных оборотов. В равносубъектных инфинитивных оборотах с подлежащим в именительном падеже выступают краткое прилагательное и краткое страдательное причастие, согласованное с подлежащим главной клаузы в роде и числе, ср. примеры (1.78) для прилагательного и (1.79) для причастия:

(1.78) а. А этот упрямый осёл пусть не показывается мне на глаза, если хочет [быть *цел*]. [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Ак-Бозат (1895)]

б. Владельцев жилья можно понять — они отдают в руки абсолютно незнакомого человека имущество стоимостью многие сотни тысяч и даже миллионы долларов и хотят [быть *уверены*, что с квартирой ничего не случится]. [Элита гостиничного типа (2004) // «Мир & Дом. City», 2004.06.15]

с. Он даже [на себя] перестал [быть *похож*]. [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. За миллиард лет до конца света (1974)]

д. Да и кто же этого не опасается, кроме безумцев? Мы все обязаны [быть *осторожны*]. [Александр Избицер. Наш брат, согревающий нас шинелью (2003) // «Лебедь» (Бостон), 2003.09.14]

(1.79) а. А если делаем вред себе, то это дело наше; мы никого не хотим учить и никем не хотим [быть *поучаемы*]; не нами это началось, не нами и кончится [Л. Н. Толстой. Богу или Маммоне? (1896)]

б. Если хочешь [быть *услышан* в мире] — пой по-английски. [Алексей Крижевский. «Премьер-министр»: Наша музыка — это европоп (2002) // «Известия», 2002.05.24]

с. Боится и не хочет [быть *прописан* и *приписан*]. [Галина Щербакова. Ангел Мертвого озера // «Новый Мир», 2002]

д. Кроме того, разведчик обязан [быть *натренирован* на тактическую наблюдательность]... [Особенности разведки в горах (2004) // «Боевое искусство планеты», 2004.09.09]

В разносубъектных инфинитивных оборотах, равно как в равносубъектных оборотах при неноминативном подлежащем главной клаузы, краткие формы прилагательных и причастий в современном русском языке не употребляются. Очевидно, это связано с тем, что современные краткие формы не имеют признака падежа; в текстах 18-19 вв. в соответствующих конструкциях можно встретить формы дательного падежа кратких прилагательных и причастий, ср. (1.80a-f), также они сохранились во фразеологизированных выражениях (1.80g).

(1.80) а. Кирджали, привезенный в Яссы, представлен был паше, который присудил его [PRO_{ДАТ} быть *посажену* на кол]. [А. С. Пушкин. Кирджали (1834)]

б. Протодиакон, человек уже не молодой и семейный, просит, как милости, [PRO_{ДАТ} быть *оставлену* в епархии]. [А.С.Пушкин – обер-прокурору С.Д. Нечаеву, 12 февраля 1834 г.]

с. Все объяты были, и злые и добрые, личным страхом, никто не был уверен, чтобы, при первом гневе, [PRO_{ДАТ} не быть *отправлену* в Сибирь]. [Записки Якова Ивановича де-Санглена, 1776 —1831 гг.]

д. Солдату надлежит [PRO_{ДАТ} быть *здорову, храбру, твердо, решиму, справедливу, благочестиву*]. [А. В. Суворов. Наука побеждать (1795)]

е. Сколько возможно [мне_{ДАТ} быть *спокойну*], я, конечно, таков и столько, сколько может человечество; больше не требуй. [А. Н. Радищев. А. М. Кутузову (1791)]

ф. В одной из статей 1846 г. Чихачев так определил «цель этой жизни: не иметь долгов, [PRO_{ДАТ} быть *здорову, спокойну, самодовольну, следовательно, долговечну*, в почтении от людей здравомыслящих и в независимости от неблагоприятностей]». [Я]

г. Когда власть до предела закручивает гайки, продохнуть не дает, когда каждую ночь ждешь ареста, то тут не до протестов, не до свободного выражения мнений: тут [PRO_{ДАТ} быть *живу*]. [Валерий Прайс. Семён Резник: «Делай что должно, и пусть будет что будет...» (2003) // «Вестник США», 2003.10.29]

Конечно, происхождение дательного здесь то же, что и в рассмотренных выше конструкциях с плавающими определителями и вторичными предикатами: краткие прилагательные и причастия, способные иметь падежные формы, согласуются по падежу с PRO инфинитивного оборота (или же напрямую с дативным подлежащим своей (1.80е) или главной клаузы).

В современном русском языке на месте кратких прилагательных и причастий в таких конструкциях выступают полные формы в творительном предикативном (1.81). Возможно также использование полной формы прилагательного и причастия в дательном падеже (1.82).

- (1.81) a. [Быть *знаменитым*] некрасиво. [Б.Л.Пастернак]
- b. Я просил её [быть *готовой* взять всю церемонию на себя]. [Николай Бурляев. Летопись «Золотого Витязя» (2003) // «Наш современник», 2003.09.15]
- c. Ему надо завоёвывать. Тебе надо [быть *неприступной*]. Такой девочкой-загадкой. [Беседа участников реалити-шоу «Дом-2», ТНТ (2005)]
- d. Ну/ может быть судьба такая у талантов на Руси / [быть *непризнанными* в своём отечестве]. [Александр Филатов. Радиопрограмма «Полнолуние», посвященная авторской песне Е. Болдыревой, «Радио-Пик», Иркутск (2000-2004)]
- e. [Быть *убитым* своим же пациентом]... какая ужасная трагедия! [Владимир Голяховский. Русский доктор в Америке (1984-2001)]
- f. [Быть *прописанным* при сестре] опять-таки полезно на случай того же обыска — кажется, мысль о возможности нового обыска сделалась навязчивой идеей. [Михаил Чулаки. Примус // «Звезда», 2002]
- g. [Быть *приглашенным* на уколовские празднества] почиталось за большую честь. [Владимир Шаров. Воскрешение Лазаря (1997-2002)]
- (1.82) a. Видите, я все средства пускаю, чтобы [не быть *одинокому*]. [Василий Шукшин. Хмырь (1972-1974)]
- b. Солдату надо [быть *развязному, красивому, видному*], а он у меня, как девочка, застенчив. [С. Т. Григорьев. Александр Суворов (1939)]
- c. Ему казалось, что он портит картину, для которой ему тоже нужно [быть *молодому, бодрому, живому*, с такими же, как у ней, налитыми жизненной влагой глазами, с такой же резвостью движений]. [И. А. Гончаров. Обрыв (1869)]
- d. Лучше [быть *невинному* в неволе], чем [виноватому на свободе]: верь этому! [А. А. Бестужев-Марлинский. Мулла-Нур (1836)]
- e. Мультяш рассказывает, что надо [быть *готовому* ко всему], выбрать свой путь жизни. [Я]
- f. Как обычно, рекомендуется [быть *готовому* к объёмной загрузке], сохранить резервную копию данных со смартфона и полностью зарядить его. [G]
- g. Возможно шум-таки физиологический, но показано обследование, чтобы [быть *уверенному* на все 100%]. [G]
- h. При ознакомлении с трудом взрослых у детей пробуждается чувство уважения к их труду, бережное отношение к результату труда, желание [быть *похожему* на этого человека]. [Я]
- i. Он почувствовал старое военное состояние, в котором был тогда — при Енибазаре —

тогда, когда военный совет просил его об удалении с поля битв из-за опасности [быть *окружённому* подобно Петру Великому на берегах Прута]. [Ю. Н. Тынянов. Малолетный Витушишников (1933)]

j. Но поскольку монополия на внешнюю торговлю принадлежит именно государству, и только ему, то не грозит ли вашему агентству риск [самому быть *подвергнутому* уголовному преследованию]? [Владимир Войнович. Дело № 34840 (1999)]

k. [Быть *убитому* лекарством] — в наше время уже не смешно. [Константин Серафимов. Экспедиция во мрак (1978-1996)]

l. Теперь предстояло [быть *сплавленному* на Землю] совету насчет маннх клецек. [Владимир Орлов. Альтист Данилов (1980)]

m. Зачем, для кого мне убивать и [быть *убитому*]? [Л. Н. Толстой. Война и мир. Том третий (1867-1869)]

n. Если [быть *выпоронному* или *повешенному*] составляет право преступника, пусть же он сам и предъявляет его, если оно нарушено. [А. И. Герцен. Былое и думы. Часть шестая. Англия (1864)]

На недопустимость в этих контекстах краткой формы особенно ярко указывает нарушающее норму использование полной формы прилагательных типа *рад*, *должен*, *маловат* (ср. [Русская грамматика 1980: §§ 1120, 1338]):

(1.83) a. Люблю, когда люди рады, особенно люблю, когда я помогаю им [быть *радыми*], вот. [Я]

b. Вот приучили народ не думать, а [быть *радому* миске похлебки, но по льготам]. [Я]

c. Да, нужно [быть *радому* тому, что ты любил, а не тому, что всё прошло]... [Я]

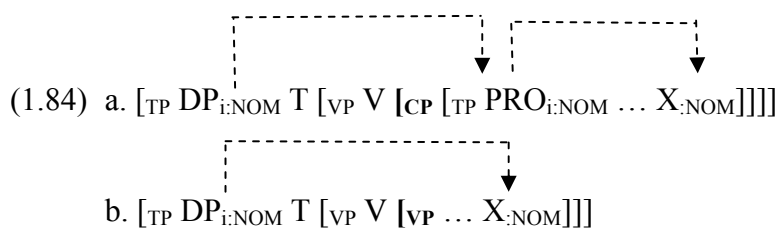
Итак, мы видим, что адъективные составляющие в составе инфинитивных оборотов ведут себя единообразно: предикативные единицы (вторичные предикаты, прилагательные и причастия в позиции сказуемого) всегда могут быть выражены полной формой в творительном падеже; выбор между номинативом и дативом (а для кратких прилагательных и пассивных причастий — между краткой формой и дательным падежом полной формы) определяется структурными характеристиками инфинитивного оборота. В равносубъектных инфинитивных оборотах с номинативным подлежащим главной клаузы плавающие определители и вторичные предикаты выступают в именительном падеже, а предикативные прилагательные и причастия — в краткой форме. Во всех остальных типах инфинитивных оборотов (равносубъектных с неноминативным подлежащим, разносубъектных, в инфинитивных оборотах с произвольной референцией PRO и в независимых инфинитивных оборотах) номинатив / краткая форма

невозможны, и альтернативой творительному предикативному выступает дательный падеж PRO, так называемый «второй датив». Эти данные обобщены в Таблице 1.5.

Таблица 1.5. Падеж адъективных составляющих в инфинитивном обороте

	Равносубъектный инфинитивный оборот, номинативное подлежащее главной клаузы		Другие типы инфинитивных оборотов	
	номинатив подлежащего/ номинатив PRO	творительный предикативный	датив PRO	творительный предикативный
плавающие определители	номинатив	—	датив	—
вторичные предикаты	номинатив	инструменталис	датив	инструменталис
краткое прилагательное в предикативной позиции	краткая форма прилагательного	полная форма, инструменталис	полная форма, датив	полная форма, инструменталис
аналитический пассив	краткая форма причастия	полная форма, инструменталис	полная форма, датив	полная форма, инструменталис

Напомним, что обе гипотезы, объясняющие присутствие номинатива в инфинитивном обороте, базируются на предположении о проницаемости его границы для согласования по падежу: либо имеет место согласование PRO инфинитивного оборота с номинативным подлежащим через границу CP, как в (1.84a), либо имеет место согласование адъективных составляющих с номинативным подлежащим через границу VP, как в (1.84b).

Наш интерес к согласованию адъективных составляющих вызван следующим фактом: если инфинитивный оборот вложен в именную проекцию, то согласование с номинативным подлежащим главной клаузы становится невозможным. Рассмотрим примеры (1.85a-b).

- (1.85) a. Иван не понимает [мое желание [идти на вечер **один / одному*]]. [Franks 1995: (41)]
 b. Мы должны найти [способ [выжить **сами / самим*]]. [Babby 1997: (18b)]

В обоих случаях субъект инфинитивного оборота кореферентен подлежащему главной клаузы, которое стоит в именительном падеже. Таким образом, налицо условия для

приписывания номинатива плавающим определителям (в терминах С.Фрэнкса — «передачи падежа» (case transmission), в терминах Л.Бэбби — «вертикального связывания» (vertical binding)). Однако именительный падеж плавающих определителей в (1.85a-b) неграмматичен. С. Фрэнкс [Franks 1995: 247] и Л. Бэбби [Babby 1998: 26] объясняют выбор датива, а не номинатива, тем, что узел N блокирует процессы, ответственные за получение номинатива в инфинитивном обороте. Поскольку проекция существительного «не пропускает» падеж внутрь глагольной группы (1.86a), единственным источником падежа становится «второй дательный» PRO (1.86b).

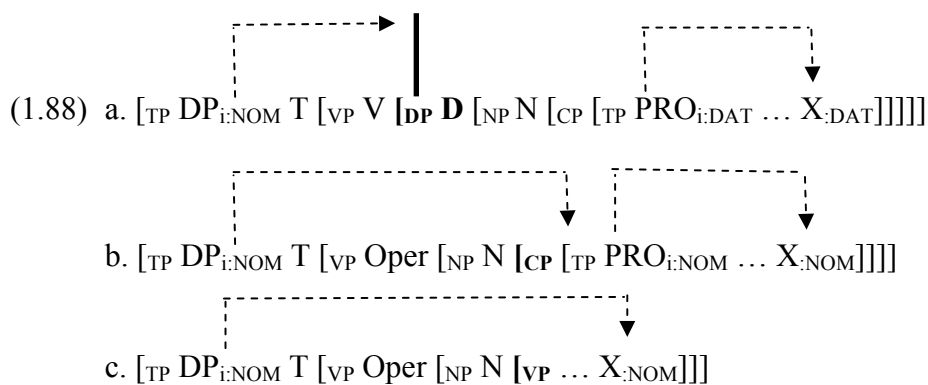
(1.86) a. $[_{TP} DP_{i:NOM} T [_{VP} V [_{NP} N [_{VP} \dots X_{:??}]]]]$

b. $[_{TP} DP_{i:NOM} T [_{VP} V [_{NP} N [_{CP} [_{TP} PRO_{i:DAT} \dots X_{:DAT}]]]]]$

Аналогичным образом ведут себя другие адъективные составляющие — вторичные предикаты, краткие прилагательные и страдательные причастия в предикативной позиции: при вложении инфинитивного оборота в именную группу используются инструменталис или датив, прилагательные и причастия выступают в полной форме.

- (1.87) a. Иван не понимает [мое желание [загорать *голая / голый]].
 b. Иван не понимает [мое желание [быть *нужна / нужной близким]].
 c. Мы должны найти [способ [не быть *убиты / убитым / убитыми]].

Учитывая вышеизложенное, можно заключить, что в конструкциях типа $V [C_0 [_{INF} \dots]]$ граница именной группы оказывается непроницаемой для падежного согласования. Однако, как и в разделе 1.2.2.1, мы полагаем, что барьером, препятствующим проникновению именительного падежа в инфинитивный оборот в примерах (1.85) и (1.87), является не проекция N, а проекция D, как это представлено в (1.88a). Если это так, то в коллокации, имеющей структуру $Op_{rel} [_{NP} C_0 [_{INF} \dots]]$, должны быть допустимы плавающие определители и вторичные предикаты в именительном падеже, а также краткие прилагательные и краткие страдательные причастия (ср. (1.88b-c) с различными вариантами анализа инфинитивного оборота как CP или VP).

Действительно, как показывают приводимые ниже примеры, в конструкции Operг [C₀ [INF ...]] адъективные элементы в составе инфинитивного оборота ведут себя так же, как и в рассмотренных выше равносубъектных инфинитивных оборотах. Плавающие определители выступают в номинативе (1.89)³⁹, вторичные предикаты демонстрируют варьирование номинатива и творительного предикативного (1.90), предикативные прилагательные и страдательные причастия выступают либо в краткой форме, либо в творительном падеже полной формы (1.91).

(1.89) а. И, конечно же, доказательством его сильной воли является его решительный поступок, когда он принял решение *сам* избавиться от собачки. [Я]

б. Вице-президент Академии академик РАЕН Григорий Водолазов, с кем я беседовал перед встречей с Назифом Музагидановичем, — сообщил Р.Бикбов в интервью ИА «Татар-информ», — выразил желание *сам* принять участие в конференции. [Я]

с. Сев выразил желание *сам* держать ложку, поэтому половина тарелки оказалась на нем. [Я]

д. Сигэнори, один из обозримых сподвижников Хидэёси, две ночи назад получил приказ *один* внедриться в крепость. [Я]

е. После сурового выговора от отца Нергал получил приказ отправляться в Нижний мир *один*, вооруженный лишь советами родителя. [Я]

(1.90) а. Виктор Ерофеев выразил желание выступить *вторым / второй*. [Наталья Шмелькова. Последние дни Венедикта Ерофеева (2002)]

б. Я считаю, когда ты принял решение сесть за руль *пьяный / пьяным*, ты уже преступник. [G]

с. Крейсер, видимо, получил приказ атаковать островок *первым / первый*. [Я]

³⁹ Этот факт отмечает также Я.Г.Тестелец [Тестелец 2001: 302-303].

d. Занятно, что вопрос, который я подняла в статье в октябрьском номере журнала "Сноб" — имеет ли человек право ходить *голым / голый* по собственному дому? — становится все более серьезным. [Я]

(1.91) a. Плательщики НДС имеют право быть *освобождены / освобожденными* от обязанностей по исчислению, уплате (перечислению в бюджет) суммы НДС... [Гуев А.Н. Постатейный комментарий к НК РФ]

b. В соответствии с пунктом 7 статьи 259 Налогового кодекса РФ по основным средствам, которые используются в качестве работы в условиях агрессивной среды либо повышенной сменности, амортизация (норма) имеет право быть *повышена / повышенной*, но не более чем в 2 раза. [Филина Ф.Н. Амортизация: новые правила]

c. Исходя из данной статьи, с нашей точки зрения, женщина, идущая на хирургический аборт, имеет право быть *информирована / информированной* в доступной форме о методах проведения хирургического аборта, о связанных с ними рисках, о последствиях подобного медицинского вмешательства. [Информированное согласие в гинекологической практике. В.И. Сабурова, В.А. Силуянова, Т.Н. Тузенко, "Медицинское право", N 1, I квартал 2007 г.]

d. Как бы ни был предан своему делу и усерден управляющий контрольной или казенной палатой, он имеет право быть *занят / занятым* лишь в присутственные часы... [Пороховщиков П.С. Искусство речи на суде]

e. После третьей жены я тоже принял решение быть *один*. [Я]

f. Вспомнил, что Н. С. Михалков недавно выразил желание быть *похоронен / похороненным* здесь. [Я]

Важно отметить, что далеко не в любой коллокации, имеющей структуру $Op_{eg} [NP C_0 [INF \dots]]$, возможно появление в составе инфинитивного оборота плавающих определителей и вторичных предикатов в именительном падеже, а также кратких прилагательных и кратких страдательных причастий, ср. (1.92a-b).

(1.92) a. Лейтенант-командер Ходжкинсон получил приказ быть *готов / готовым* к взлету. [Я]

b. Лейтенант-командер Ходжкинсон отдал приказ быть **готов / готовым* к взлету.

Необходимым условием для проникновения номинатива подлежащего внутрь инфинитивного оборота является равносубъектность — подразумеваемое подлежащее инфинитивного оборота, PRO, должно контролироваться номинативным подлежащим главной клаузы. Попытаемся понять, в каких случаях возникает такая кореферентность.

Начнем с того, что событийное существительное, присоединяющее актантный инфинитивный оборот, лексически задает тип контроля PRO инфинитивного оборота⁴⁰. Так, например, существительные *решение, обещание, желание* демонстрируют субъектный контроль, а существительные *приказ, просьба, разрешение* — объектный (точнее, адресатный) контроль. Таким образом, контроль референции PRO при каждом событийном существительном фиксирован за одним из его термовых аргументов.

При употреблении событийного существительного с глаголом-лексической функцией по меньшей мере одна из его семантических валентностей реализуется не в составе именной группы, а в виде синтаксического актанта глагола. Так, лексическая функция $Oper_1$ реализует первую термовую валентность существительного как свой первый актант, а лексическая функция $Oper_2$ имеет в качестве своего первого актанта вторую термовую валентность событийного существительного. Если та валентность событийного существительного, которая контролирует референцию PRO, передается лексической функции в качестве первого актанта, в коллокации возникает равносубъектный инфинитивный оборот. Очевидно, что это возможно в двух случаях: во-первых, если существительное имеет субъектный контроль PRO и выступает с лексической функцией $Oper_1$ (1.93) и во-вторых, если существительное имеет объектный контроль PRO и выступает с лексической функцией $Oper_2$ (1.94).

(1.93) а. Петино_i решение [PRO_i уехать]

б. Петя_i принял $_{Oper_1}$ решение [PRO_i уехать].

(1.94) а. Васино_j разрешение Пете_i [PRO_i уехать]

б. Петя_i получил $_{Oper_2}$ разрешение [PRO_i уехать].

Таким образом, условия для появления номинатива в инфинитивном обороте одинаковы для глагольных конструкций и для коллокаций: необходима коиндексация номинативного подлежащего главной клаузы и невыраженного подлежащего инфинитивного оборота⁴¹.

⁴⁰ Тип контроля PRO является, по-видимому, словарным свойством предиката и не меняется при морфологических (напр., пассивизация) и синтаксических (напр., номинализация) операциях над основой. О контроле PRO в русском языке см., например, [Козинский 1985].

⁴¹ Ср. также коллокации с событийным существительным *обязательство*, где $Oper_1$ и $Oper_2$ выражены одним и тем же глаголом *взять* (*взять на себя обязательство* — $Oper_1$, *взять с кого-л. обязательство* — $Oper_2$). В первом случае возникает равносубъектный инфинитивный оборот, и адъективные элементы в его составе могут получить именительный падеж (i); во втором случае субъект инфинитивного оборота не кореферентен подлежащему главной клаузы, и номинатив неграмматичен (ii).

(i) 15 июня 1982 года Советский Союз взял на себя обязательство не применять ядерное оружие *первый / первым*.
[Я]

Поэтому наиболее экономное объяснение примеров (1.89)-(1.91) — это допущение, что граница NP проницаема для согласования адъективных составляющих / PRO инфинитивного оборота с коиндексированным подлежащим главной клаузы, совместимое с любым из анализов этого согласования, представленных в (1.88).

Последняя составляющая нашего анализа — это обоснование непроницаемости границы DP для согласования адъективных компонентов в инфинитивном обороте. В разделе 1.2.2.1 мы использовали две диагностики для проекции D: фонологически выраженные элементы проекции D и способность именной группы служить антецедентом в анафорической цепи. Легко видеть, что появление указательных и притяжательных местоимений препятствует согласованию (1.95), а именная группа, имеющая в зависимом инфинитивном обороте плавающие определители / вторичные предикаты в номинативе или краткие прилагательные / причастия в предикативной позиции, не может служить антецедентом анафорических единиц (1.96).

(1.95) а. Сигэнори две ночи назад получил [DP тот самый [NP приказ [*один / *одному* внедриться в крепость]]].

б. [DP Это [NP решение [*пьяный / *пьяным* сесть за руль]]] он принял под давлением обстоятельств.

с. Н. С. Михалков недавно еще раз выразил [DP свое [NP желание [быть *похоронен / *похороненным* здесь]]].

(1.96) а. Доказательством его сильной воли является его решительный поступок, когда он принял [решение *сам* избавиться от собачки]*_i. Оно_i далось ему нелегко.

б. Имеет ли человек [право ходить *голый*]*_i и где оно_i записано?

с. Она выразила [желание быть мне *полезна*]*_i, и я поспешил *им*_i воспользоваться.

Таким образом, согласование адъективных элементов в инфинитивном обороте, зависящем от существительного с событийной семантикой, получает объяснение при опоре на тезис (1.49). Коллокациям такого существительного с глаголом — лексической функцией может быть сопоставлено две синтаксических структуры, указанные в (1.96).

(1.96) а. Oper [NP C₀ [INF ...]]

б. Oper [DP [NP C₀ [INF ...]]]

(ii) Страны НАТО хотят взять с Ирана обязательство не применять ядерное оружие *первый / *первым*.

Структура (1.96b) является непроницаемой для согласования; это значит, что оформление адъективных элементов в этом случае аналогично их оформлению в равносубъектных инфинитивных оборотах с номинативным подлежащим главной клаузы, в разносубъектных инфинитивных оборотах, в инфинитивных оборотах с произвольной референцией PRO и в независимых инфинитивных оборотах (см. Таблицу 1.5). Структура (1.96a) проницаема для согласования с номинативным подлежащим главной клаузы; условием для согласования является равносубъектность инфинитивного оборота, то есть кореферентность подразумеваемого подлежащего инфинитивного оборота и первого аргумента лексической функции Oper. Если это условие выполнено, оформление адъективных элементов в инфинитивном обороте такое же, как и в обычных равносубъектных инфинитивных оборотах.

Наконец, в качестве последнего аргумента в пользу предложенного анализа укажем на взаимную обусловленность двух процессов — передвижения и согласования. Если наш анализ верен, то допустимость как передвижения, так и согласования в коллокациях с событийными существительными объясняется одинаково — проницаемостью NP и непроницаемостью DP. Тогда мы ожидаем следующих корреляций между передвижением и согласованием (Таблица 1.6):

Таблица 1.6. Структура и синтаксические свойства коллокаций

	Oper [_{NP} C ₀ [_{INF} ...]] равносубъектные	Oper [_{NP} C ₀ [_{INF} ...]] разносубъектные	Oper [_{DP} [_{NP} C ₀ [_{INF} ...]]]
выдвижение составляющих	+	+	—
согласование адъективных элементов	+	—	—

Эти предсказания подтверждаются языковым материалом. Примеры в (1.97) показывают, что если из равносубъектного инфинитивного оборота происходит выдвижение составляющих, он проницаем для согласования. Если же равносубъектный инфинитивный оборот непроницаем для согласования (адъективные элементы выступают в дательном падеже), из него невозможно выдвижение составляющих.

- (1.97) а. Я протянул ему ложку, которую Сев выразил желание держать *сам* / *самому.
 б. Где я имею право загорать *голый* / *голым* / *голему?
 с. *Где он дал согласие быть *прописанному*?
 д. *Пришлось еще раз перепроверить результаты, в которых он выразил желание быть *уверенному* на 100%.

Подведем итоги. В этом разделе мы рассмотрели один тип русских именных групп — именные группы, возглавляемые существительным с событийной семантикой и имеющие при себе актантный инфинитивный оборот. Обнаружилось, что в сочетании с глаголами, выражающими при них лексическую функцию Oper, они могут иметь как статус DP, так и статус NP. Это структурное различие проявляется в следующих свойствах:

- (i) NP, но не DP допускают извлечение составляющих из состава актантного инфинитивного оборота;
- (ii) NP, но не DP допускают согласование плавающих определителей, адъективных сказуемых и адъективных вторичных предикатов в составе инфинитивного оборота с подлежащим главной клаузы.

В качестве объяснения различного поведения NP и DP мы высказали предположение, что непроницаемой для синтаксических процессов, таких как передвижение и согласование, является граница DP, но не граница NP. В пользу этой гипотезы говорит тот факт, что непроницаемость именной составляющей коррелирует с внешними диагностиками DP — наличием элементов, ассоциируемых с проекцией D, и референтностью именной группы. В следующем разделе мы обратимся к другим феноменам, получающим объяснение при опоре на «барьерные» функции проекции D.

1.2.3. Другие конструкции и феномены

Список параметров, противопоставляющих обсуждавшиеся выше контексты, можно продолжить. Граница NP, как кажется, прозрачна для лицензирования отрицательных местоимений и генитива отрицания, в то время как граница DP является барьером:

(1.98) а. Необходима была «прописка» в государственной филармонии, иначе мы не имели права давать **никаких представлений**. [Наталья Бестемьянова и др. Пара, в которой трое (2000-2001)]

б. Он не заслужил своего права / свое право давать *никаких представлений/
*представлений / *никакие представления / представления.

с. ... что Вы не выражали желания получать **никакого спама** [Я]

д. Вы не помните Вашего желания / Ваше желание получать *никакого спама/ *спама /
*никакую рассылку / рассылку.

Для оценки эмпирических данных в (1.98) следует иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, даже в том случае, если между инфинитивным оборотом и отрицанием в главной

клаузе вообще нет никаких именных проекций, лицензирование отрицательных местоимений и генитива отрицания возможно далеко не всегда. Например, встречающееся в литературе обобщение, что отрицание лицензирует генитив дополнения в актантном инфинитивном обороте [Brown, Franks 1995], не вполне точно, ср (1.99):

- (1.99) a. Он не стал читать газет.
 b. [?]Он не хотел читать газет.
 c. ^{??}Он не любил читать газет.
 d. ^{???}Он не умел читать газет.
 e. *Он не начал читать газет.

Лицензирование отрицательных местоимений в актантном инфинитивном обороте также имеет место не всегда. Е.В. Падучева отмечает, что «при отрицании в подчиняющей пропозиции, т. е. при «высоком» отрицании, *ни* [-местоимения — Е.Л.] возможны иногда...» [Падучева 2014: 496] и приводит следующую пару примеров:

- (1.100) a. Он не хочет ничего менять.
 b. *Он не был расположен выслушивать никакие оправдания.

В работе [Герасимова 2015] на основе корпусных и экспериментальных данных показано, что лицензирование отрицательных местоимений в инфинитивном обороте связано с семантическим классом матричного предиката. В частности, при эмотивных предикатах и предикатах косвенного вопроса отрицание в главной клаузе не лицензирует отрицательные местоимения в актантном инфинитивном обороте, а при имплицативных, дезидеративных и манипулятивных предикатах такое лицензирование происходит. Герасимова связывает этот факт с количеством функциональной структуры в инфинитивном обороте при разных классах матричных предикатов. Понятно, что если это предположение верно, то те же ограничения на лицензирование отрицательных местоимений будут иметь место и в конструкциях с событийным существительным и глаголом-лексической функцией: в зависимости от семантического класса матричного предиката отрицание будет или не будет лицензировать отрицательные местоимения в отрицательном обороте. И действительно, в (1.98a,c) приводятся примеры с модальным (*иметь право*) и дезидеративным (*выражать желание*) предикатом. Напротив, в коллокациях с событийными существительными, обозначающими эмоции, отрицательные местоимения в инфинитивном обороте затруднены (**Он не испытывает радость / радости никуда ехать*).

Во-вторых, для лицензирования отрицательных местоимений и генитива отрицания через границу NP в коллокации с событийным существительным нужны некоторые дополнительные условия: в частности, как следует из примера (1.101), сама эта NP должна получить генитив:

(1.101)а. Я не выражал желания никого видеть.

б. *Я не выражал желание никого видеть.

с. Не было надежды / Он не питал надежды никого застать дома.

д. *Он не питал надежду никого застать дома.

По-видимому, в случае, когда событийное существительное не получает генитив под отрицанием, коллокация разрушается: например, в (1.101б) возникает интерпретация «желание было, но я его не выражал».

Экспериментальной проверке данного условия посвящена работа [Корнакова 2014]. Носителям русского языка предъявлялись для оценки предложения с событийными существительными, выступающими в составе коллокаций с глаголом-лексической функцией, с отрицанием в главной клаузе и отрицательным местоимением в инфинитивном обороте. Событийное существительное в коллокации предъявлялось в форме номинатива/аккузатива или в форме генитива. Примеры экспериментальных предложений приводятся в (1.102).

(1.102)а. Опергруппе не отдавали приказ / приказа никого задерживать.

б. Писатель не дал разрешение / разрешения ничего публиковать.

с. Петя не выразил желание / желания ни с кем общаться.

При сопоставлении оценок для номинатива/аккузатива и генитива выяснилось, что разница между ними статистически значима (критерий знаков, $p\text{-value} \ll 0,05$). Таким образом, для лицензирования отрицательных местоимений в инфинитивном обороте при коллокации с событийным существительным нужно, чтобы само это существительное получало генитив под отрицанием.

Каким образом можно проинтерпретировать этот результат? Можно предположить, что требование генитива для «пропуска» отрицания через именную группу связано собственно с механизмом лицензирования отрицанием различных грамматических феноменов.

Существует как минимум два подхода к анализу связи сентенциального отрицания и NPI, в частности, отрицательных местоимений и генитива под отрицанием. Один подход, ведущий начало от работы [Laka 1990], рассматривает лицензирование NPI как особое синтаксическое условие для их появления в структуре. Чтобы NPI было грамматичным, оно

должно находиться в области с-командования отрицательной вершины, причем между ними не должно быть барьеров определенного типа. Соответственно, каждая NPI лицензируется «сама по себе», при этом отрицательная вершина «не знает», какие феномены и в каком количестве она лицензирует. Другой подход, представленный в работе [Haegeman 1995], рассматривает лицензирование NPI как частный случай взаимной проверки признаков между отрицанием и NPI, аналогично тому, как вопросительный комплементаризер взаимодействует с *wh*-составляющими. В таком случае «отрицательность» оказывается признаком составляющей, который означается при согласовании. Соответственно, значение этого признака у составляющих одной локальной области должно совпадать, и лицензирование, например, отрицательных местоимений в инфинитивном обороте должно происходить одновременно с приписыванием генитива отрицания событийному существительному. Таким образом, связь лицензирования отрицательных местоимений с генитивом отрицания можно рассматривать как свидетельство в пользу подхода Л. Хегман и считать «согласование по отрицательности» дополнительным условием для проницаемости границы составляющей.

Однако можно посмотреть на взаимосвязь генитива событийного существительного и лицензирования отрицательных местоимений в инфинитивном обороте с другой стороны. Многие синтаксические и формально-семантические работы связывают «квантитативный» генитив, в том числе и генитив отрицания, с предикатной (property-type, <e,t>) интерпретацией именной группы, которая, в свою очередь, характерна для группы общего имени, или группы лексического существительного (NP) ([Pesetsky 1982b, 2013; Partee, Borschev 2004, Bailyn 2004b, Borschev et al. 2008; Kagan 2005, 2012; Добрушина 2011; Harves 2013]). Если эта связь семантики и генитива действительно имеет структурную синтаксическую имплементацию (генитив — падеж NP), то в таком случае связь между генитивом событийного существительного и лицензированием отрицательных местоимений в инфинитивном обороте также объясняется противопоставлением именных групп полной структуры (DP) и именных групп малой структуры (NP). Генитив событийного существительного означает отсутствие оболочки DP и отсутствие барьера для лицензирования отрицательных местоимений; аккумулятив/номинатив событийного существительного — присутствие DP и непроницаемость данной составляющей для лицензирования отрицательных местоимений.

Обращаясь к другим конфигурациям, в которых мы наблюдаем противопоставление DP и составляющих, лишенных данной оболочки, стоит рассмотреть не только именные группы, но и другие фразовые категории. Если DP обладает «барьерными» функциями в именной синтагме, возможно, она будет вести себя так же, если в нее будет вложена составляющая иной фразовой категории. Речь здесь идет в первую очередь о конструкциях с вложением финитных клауз, вводимых союзами *что/чтобы* [Kobozeva 2013]. Примечательно, что указательные

местоимения превращают в острова и составляющие, не являющиеся именными группами — например, финитные актантные предложения. Так, в (1.103)-(1.106) предложения с извлечением относительного местоимения из зависимой клаузы в отсутствие (а) и в присутствии (b) проекции D над этой клаузой явно контрастируют по грамматичности.

(1.103)а. Это то впечатление, *которое* вы хотите, [CP чтобы мы вынесли *которое* отсюда]?
[Олег Гриневский. Тысяча и один день Никиты Сергеевича (1997)]

б. *Это то впечатление, *которое* вы хотите [DP **того**, [CP чтобы мы вынесли *которое* отсюда]]?

(1.104)а. Он рассказал мне замысел поэмы, *которую*, вероятно, хотел, [CP чтобы я прямо по замыслу, без текста перевел *которую*]. [Анатолий Найман. Славный конец бесславных поколений (1994)]

б. * Он рассказал мне замысел поэмы, *которую* хотел [DP **того**, [CP чтобы я прямо по замыслу, без текста перевел *которую*]].

(1.105)а. Зато они и жили в Коломне, *которая*, он не помнил, [CP чтобы *которая* так уж пострадала]. [Андрей Битов. Фотография Пушкина (1980-1990)]

б. *Зато они и жили в Коломне, *которая* он не помнил [DP **того**, [CP чтобы *которая* так уж пострадала]].

(1.106)а. Должно быть, я попал в такой молчаливый день, потому что она даже на вопрос мой: «Дома ли барыня?» — *который* я положительно помню, [CP что задал ей *который*], — не ответила и молча прошла в свою кухню. [Ф. М. Достоевский. Подросток (1875)]

б. *...даже на вопрос мой: «Дома ли барыня?» — *который* я положительно помню [DP **то**, [CP что задал ей *который*]], — не ответила и молча прошла в свою кухню.

Как видим, уже сама возможность указательных местоимений на левой границе CP напоминает аргумент С. Эбни «от посессора» в пользу DP-гипотезы: если указательное местоимение является компонентом NP, то непонятно, почему (нулевая) NP, вводящая зависимую клаузу в (1.103)-(1.106), не может присоединять зависимых более низкого уровня (например, прилагательные). Если же указательное местоимение возглавляет DP, и CP вложено в эту DP, налицо еще один контекст, в котором DP блокирует передвижение.

Диахронически конструкции с указательными местоимениями, вводящими актантное предложение, восходят к конструкциям с коррелятом, где указательное местоимение — именная проформа, заполняющая актантную позицию, а клауза адъюнгируется к главному предложению, будучи связана с указательным местоимением анафорической или

катафорической связью (о таких конструкциях в истории европейских языков и в современном немецком языке см. [Sudhoff 2003]).

(1.107)а. ... а чтобы опубликовать [манускрипты] вне государства, о **том** у него с Делилем согласия и намерения не было. [М. В. Ломоносов. 1748 ноября не позднее 18. Репорт Канцелярии АН президенту АН с изложением дела о переписке Г.-Ф. Миллера С И.-Н. Делилем (1748)]

б. Мне **этого** не надо, чтобы комсомольцы делали мне замечания. (В. Панова)

с. Чт**о**б убить — **это** вы сами ни за что не могли-с, да и не хотели, а чтобы хотеть, чтобы другой кто убил, **это** вы хотели. (Ф.М. Достоевский)

В таком случае мы, конечно, не ожидаем грамматичности извлечения составляющих из острова. Однако в рассматриваемых конструкциях типа (1.103b) указательное местоимение и зависимая клауза образуют составляющую, что легко проверяется тестами на отделимость (*Чего Вы хотите? Того, чтобы вы вынесли отсюда много впечатлений*). Причины невозможности извлечения *wh*-составляющих могут быть связаны как с барьерными функциями DP, так и со статусом зависимой CP в этой DP (она может быть не компонентом, а адьюнктом), но в любом случае указательное местоимение возглавляет эту составляющую, и составляющая эта — не NP.

В недавней диссертации [Кныазев 2016] высказывается предположение, что русские финитные актантные клаузы с союзом *что* всегда вводятся при помощи оболочки DP, которая получает падеж и тем самым обеспечивает лицензирование актантного предложения; предложения, в которых указательный элемент отсутствует, в действительности возглавляется нулевой вершиной D, на дистрибуцию которой накладываются дополнительные ограничения. В таком случае, однако, контраст между примерами а и б в (1.103)-(1.107) остается необъясним.

Следует отметить, что вложение финитной актантной клаузы в оболочку DP характерно не только для русского языка. В этом отношении весьма интересен материал осетинского языка, где, так же, как и в русском, отсутствуют артикли, а дистрибуция придаточных изъяснительных предложений определяется их синтаксической категорией, а именно, наличием или отсутствием DP-оболочки. Исследованию этих осетинских конструкций посвящен следующий раздел.

1.3. DP и актантные предложения в осетинском языке

В этом разделе мы рассмотрим синтаксические свойства актантных предложений осетинского языка. Мы покажем, что их внешняя дистрибуция и их проницаемость для

действия грамматических правил, в частности, для выдвижения составляющих, предопределяются их синтаксической структурой, а именно — наличием местоименного указательного элемента и его конфигурационным соотношением с СР актантного предложения.

Изложение строится следующим образом. В разделе 1.3.1 представлены основные сведения об осетинском языке, в частности, о структуре клаузы, которая отличается своеобразием с точки зрения линейного расположения основных категорий левой периферии. В разделе 1.3.2 вводятся структурные типы сентенциальных актантов в осетинском языке — конструкции без прономинального элемента, конструкции со смежным расположением актантного предложения и прономинального элемента и конструкции с разрывным расположением актантного предложения и прономинального элемента. В разделах 1.3.3–1.3.4 исследуются синтаксические свойства этих структурных типов. Наконец, в разделе 1.3.5 предлагается анализ, ставящий в соответствие разным структурным типам конструкций с сентенциальными актантами разные синтаксические конфигурации и связывающий способность к передвижению актантных предложений и их (не)проницаемость для выдвижения составляющих с наличием оболочки DP.

1.3.1. Структура клаузы в осетинском языке

Осетинский язык, один из иранских языков индоевропейской семьи, в силу своего географического расположения в окружении неиндоевропейских языков, в первую очередь северо-кавказских и тюркских, сохранил и развил целый ряд общеиранских черт, однако приобрел и много особенностей, нехарактерных для родственных языков. Среди наиболее значимых грамматических характеристик осетинского языка можно назвать относительно свободный порядок слов (базовый порядок SOV / SVO), последовательное левостороннее ветвление лексических категорий и правостороннее — функциональных категорий (в этом отношении осетинский близок к немецкому), дифференцированное маркирование объекта, лицензируемое одушевленностью (одушевленные дополнения получают генитив, неодушевленные — номинатив; аккузатив утрачен), наличие аргументных и наречных клитик второй позиции, образующих упорядоченный клитический комплекс (расположение клитик регулируется синтаксическими, а не фонологическими правилами, так что клитики помещаются после первой составляющей предложения, не разрывая ее⁴²).

Наиболее яркой синтаксической чертой осетинского языка, несомненно, является фиксированное расположение определенных функциональных элементов клаузы — комплементаров, вопросительных и относительных групп, отрицания и отрицательных

⁴² Осетинский язык, таким образом, относится к W_2 -системам в терминологии [Циммерлинг 2012а,б,в].

групп строго в позиции перед финитным глаголом. Расположение самого глагола относительно других компонентов предложения является свободным и регулируется коммуникативными принципами.

Рассмотрим феномен предглагольной позиции на примере предложения (1.108).

- (1.108)   æž   žonin...
                   я   знать.PRS.1SG
- a. ...   madiṇə   jə   firt-1   **kəj**   **arvišta**   gorət-mə.
                   Мадина   3SG.GEN   сын-GEN   что   отвезти.PST.3SG   город-LAT
- ‘Я знаю, что Мадина отвезла своего сына в город.’ (a.=b.=c.=d.=e.)
- b. ...madiṇə jə firt **kəj arvišta** gorətmə.
 c. ...madiṇə jə firt gorətmə **kəj arvišta**.
 d. ...madiṇə **kəj arvišta** jə firt gorətmə.
 e. ...**kəj arvišta** madiṇə jə firt gorətmə.
 f. *... **kəj** madiṇə jə firt gorətmə **arvišta**.
 g. *...madiṇə jə firt **kəj** gorətmə **arvišta**.
 h. *... **kəj** madiṇə **arvišta** jə firt gorətmə.
 i. *... **arvišta** madiṇə **kəj** jə firt gorətmə.

В зависимой клаузе расположение подчинительного союза *kəj* ‘что’ определяется расположением глагола-сказуемого. Как видно из (1.108), глагол может занимать в предложении практически любую позицию; если подчинительный союз располагается перед глаголом, предложение грамматично (1.108a-e), если же он отрывается от глагола, то предложение неграмматично (1.108f-i).

Предглагольная позиция в осетинском языке характерна не только для подчинительных союзов. В предглагольный комплекс, помимо них, входят вопросительные и относительные местоимения и содержащие их группы, а также сентенциальное отрицание и отрицательные местоимения и содержащие их группы. Предглагольные подчинительные союзы находятся в дополнительной дистрибуции с *wh*-составляющими (при этом возможны множественные *wh*-составляющие в предглагольной позиции, демонстрирующие эффекты превосходства) (1.109). Сентенциальное отрицание и отрицательные составляющие демонстрируют аналогичное поведение: они дополнительно распределены, при этом множественные отрицательные составляющие допустимы и соблюдают принципы превосходства (1.110).

- (1.109)   æž   žon-in
                   я   знать.PRS.1SG

- a. ... dzaudžiqau-1   čī   (*kæj) sær-1.
Владикавказ-LOC   кто   что   жить-PRS.3SG
‘Я знаю, кто живет во Владикавказе.’
- b. ... čī   kæm   sær-1.
кто   где   жить-PRS.3SG
‘Я знаю, кто где живет.’
- (1.110)a.   alan   zalinæj-mæ   næ   azird-ta.
Алан   Залина-COMITNEG   поговорить-PST.3SG
‘Алан не поговорил с Залиной.’
- b.   alan   nikæj-mæ   (*næ)   azird-ta.
Алан   никто-COMIT NEG   поговорить-PST.3SG
‘Алан ни с кем не поговорил.’
- c.   niči   nikæj-mæ   azird-ta.
никто   никто-COMIT   поговорить-PST.3SG
‘Никто ни с кем не поговорил.’

Если клауза содержит и отрицание, и подчинительный союз, отрицание располагается ближе к глаголу (1.111). То же верно для вопросительных и отрицательных местоимений (1.112).

- (1.111)   æž   žon-in
я   знать.PRS.1SG
- a. ... alan   dzaudžiqau-1   kæj   næ   sær-1.
Алан   Владикавказ-LOC   что   NEG   жить-PRS.3SG
‘Я знаю, что Алан не живет во Владикавказе.’
- b. *... alan   dzaudžiqau-1   næ   kæj   sær-1.
Алан   Владикавказ-LOC   NEG   что   жить-PRS.3SG
- (1.112)a.   čī   nikæj-mæ   azird-ta?
кто   никто-COMIT   поговорить-PST.3SG
‘Кто ни с кем не поговорил?’
- b. *   nikæj-mæ   čī   azird-ta?
никто-COMIT   кто   поговорить-PST.3SG

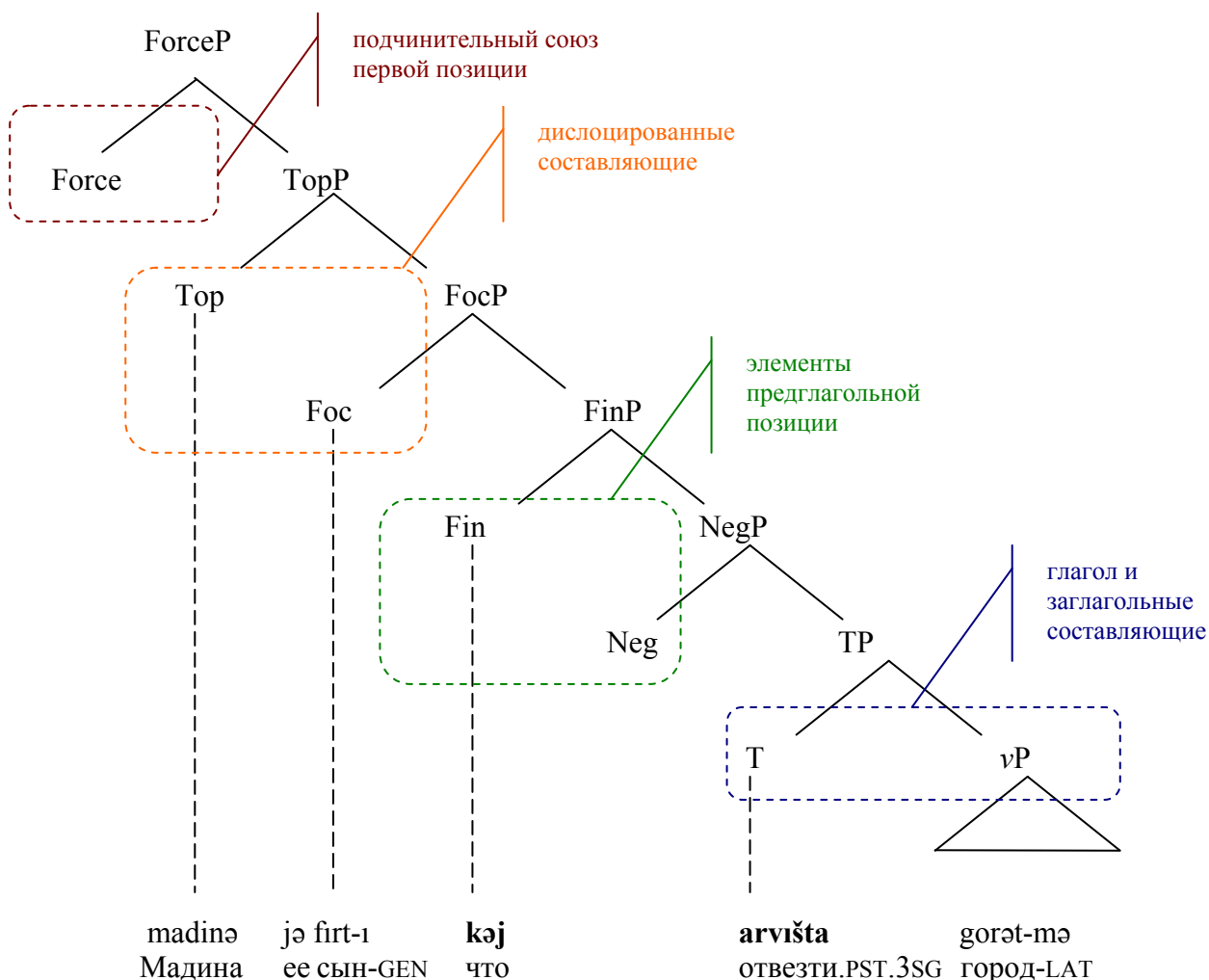
Наконец, следует также отметить, что помимо предглагольных подчинительных союзов, рассмотренных выше (наряду с *kæj* ‘что’, к ним относятся также *kuud* ‘чтобы’, *kæd* ‘когда’ и некоторые другие), в осетинском имеются также подчинительные союзы, занимающие первую позицию в предложении (среди них *sæmæj* ‘чтобы’, *kæd* ‘если’, *sima* ‘будто’). Эти союзы, в отличие от предглагольных, могут сосуществовать с вопросительными составляющими, ср. (1.113)-(1.114).

- (1.113)a.   d-1   kæj-mæ   fænd-1
                  ты-GEN   кто-COMIT   хотеть-PRS.3SG

 zalinæ   kuid   zur-a?
 Залина   чтобы говорить-COND.3SG
 ‘С кем ты хочешь, чтобы Залина говорила?’
- b.   *d-1   fænd-1
                  ты-GEN   хотеть-PRS.3SG

 zalinæ   kæj-mæ   kuid   zur-a?
 Залина   кто-COMIT   чтобы говорить-COND.3SG
- (1.114)a.   d-1   kæj-mæ   fænd-1
                  ты-GEN   кто-COMIT   хотеть-PRS.3SG

 sæmæj zalinæ   zur-a?
 чтобы Залина   говорить-COND.3SG
 ‘С кем ты хочешь, чтобы Залина говорила?’
- b.   d-1   fænd-1
                  ты-GEN   хотеть-PRS.3SG

 sæmæj zalinæ   kæj-mæ   zur-a?
 чтобы Залина   кто-COMIT   говорить-COND.3SG
 ‘Ты хочешь, чтобы Залина с кем говорила?’

В работах [Lyutikova, Tatevosov 2009; Zimmerling, Lyutikova 2015] представлен анализ структуры клаузы в осетинском языке, опирающийся на гипотезу «расщепленной CP» [Rizzi 1997] и объясняющий феномен предглагольного комплекса. Предполагается, что финитный глагол всегда располагается в вершине T, так что весь лексический материал клаузы порождается за глаголом, а подлежащее не передвигается в Spec, TP (осетинский язык, таким образом, оказывается языком VSO). Над TP доминируют проекции NegP и FinP, которые возглавляются отрицанием и предглагольным подчинительным союзом, соответственно. Отрицательные и вопросительные/относительные составляющие подвергаются обязательному A'-передвижению в соответствующие проекции, из чего следуют их предглагольная позиция и проявляемые ими эффекты превосходства. Невозможность одновременного заполнения позиций вершины и спецификатора лексическим материалом в таких конфигурациях широко распространена в языках мира и в качестве эмпирического феномена известна под названием фильтра двойного заполнения Comp (Doubly filled Comp Filter, [Chomsky, Lasnik 1977]; в [Коорман 2000] это ограничение обобщается для всех типов функциональных категорий). Составляющие, предшествующие предглагольной позиции, располагаются в связанных с коммуникативными нуждами проекциях топика и фокуса. Наконец, в вершине Force находятся

подчинительные союзы первой позиции⁴³. Структура придаточного предложения (1.108a) в соответствии с данным анализом представлена в (1.115).

(1.115)

Опираясь на этот анализ, мы можем теперь обратиться к актантным предложениям осетинского языка и выделить их структурные типы.

1.3.2. Структурные типы сентенциальных актантов в осетинском языке

При классификации финитных актантных клауз в осетинском языке можно выделить два основных формальных признака, задающих тернарное разбиение всех типов конструкций. Первый признак — это наличие *vs.* отсутствие в конструкции прономинального элемента *wij* ‘то, тот’; второй признак, релевантный для конструкций, содержащих *wij* ‘то, тот’ — взаимное расположение актантной клаузы и прономинального элемента.

⁴³ В примерах ниже максимальную проекцию предложения (ForceP), в тех случаях, где внутренняя структура левой периферии нерелевантна, мы будем для краткости обозначать как CP.

Местоимение *wij* ‘то, тот’ по меньшей мере в части конструкций с сентенциальными актантами может отсутствовать, ср. (116a-b).

- (1.116)a.   *madinə*   *žoni*   [_{CP} *alan*   *kəj*   *ərbasid*]   *wij*.
 Мадина   знать.PRS.3SG Алан   что   приходить.PST.3SG   то
 ‘Мадина знает, что Алан пришел.’
- b.   *madinə*   *žoni*   [_{CP} *alan*   *kəj*   *ərbasid*].
 Мадина   знать.PRS.3SG Алан   что   приходить.PST.3SG
 ‘Мадина знает, что Алан пришел.’

Содержательное обобщение относительно дистрибуции *wij* ‘то, тот’ может быть сформулировано следующим образом: *wij* ‘то, тот’ может быть опущено, если оно имеет форму номинатива/генитива, т.е. когда сентенциальный актант заполняет позицию подлежащего или прямого дополнения при матричном предикате, и является обязательным, если оно имеет форму косвенного падежа, т.е. когда сентенциальный актант заполняет позицию лексически управляемого дополнения. В (1.116) и (1.117) сентенциальный актант соотносится соответственно с прямым дополнением и подлежащим главной клаузы, и возможны оба типа конструкций (ср. с термовыми аргументами в (1.119a-b)). В (1.118), напротив, сентенциальный актант соответствует лексически управляемому дополнению (ср. (1.119c)), и опущение косвеннопадежного прономинального элемента невозможно.

- (1.117)a.   *mə*   *žərdə-mə*   *nə*   *səu*   [_{CP} *alan*   *kəj*   *ərbasid*]
 мой   сердце-LAT   NEG   идти.PRS.3SG Алан   что   приходить.PST.3SG
wij.
 то
 ‘Мне не нравится (= к моему сердцу не идет), что пришел Алан.’
- b.   *mə*   *žərdə-mə*   *nə*   *səu*   [_{CP} *alan*   *kəj*   *ərbasid*].
 мой   сердце-LAT   NEG   идти.PRS.3SG Алан   что   приходить.PST.3SG
 ‘Мне не нравится (= к моему сердцу не идет), что пришел Алан.’
- (1.118)a.   *madinə*   *sin*   *kəni*   [_{CP} *alan*   *kəj*   *ərbasid*]
 Мадина   радость   LV.PRS.3SG   Алан   что   приходить.PST.3SG
wij-il.
 то-SUPER
 ‘Мадина рада тому, что Алан пришел.’
- b. *   *madinə*   *sin*   *kəni*   [_{CP} *alan*   *kəj*   *ərbasid*].
 Мадина   радость   LV.PRS.3SG   Алан   что   приходить.PST.3SG
- (1.119)a.   *madinə*   *žoni*   *alan-1* /   *wij*.
 Мадина   знать.PRS.3SG Алан-GEN /   то.NOM/GEN

‘Мадина знает Алана / его / это.’

- b. mə žərdə-mə nə səu alan / wij.
мой сердце-LAT NEG идти.PRS.3SG Алан.NOM / то.NOM

‘Мне не нравится Алан / он / это.’

- c. madinə sin kəni xur-ıl / wij-ıl.
Мадина радость LV.PRS.3SG солнце-SUPER / то-SUPER

‘Мадина радуется солнцу / ему / этому.’

Среди конструкций, содержащих прономинальный элемент *wij* ‘то, тот’, можно выделить два структурных типа на основании взаимного линейного расположения актантного предложения и *wij*. Первый тип образуют конструкции, в которых актантное предложение непосредственно предшествует *wij*. Эту конфигурацию мы будем далее называть смежной конструкцией; примеры смежной конструкции приводятся в (1.120).

- (1.120)a. madinə žonı [CP alan kəj ərbaıd] wij.
Мадина знать.PRS.3SG Алан что приходит.PST.3SG то
‘Мадина знает, что Алан пришел.’
- b. [CP alan kəj ərbaıd] wij madinə žonı.
Алан что приходит.PST.3SG то Мадина знать.PRS.3SG
‘Мадина знает, что Алан пришел.’

Ко второму типу относятся конструкции, в которых актантное предложение отделено от прономинального элемента *wij* ‘то, тот’ материалом главного предложения (1.121). Эти конструкции мы будем называть разрывными.

- (1.121)a. [CP alan kəj ərbaıd] madinə žonı wij.
Алан что приходит.PST.3SG Мадина знать.PRS.3SG то
‘Мадина знает, что Алан пришел.’
- b. [CP alan kəj ərbaıd] madinə wij žonı.
Алан что приходит.PST.3SG Мадина то знать.PRS.3SG
‘Мадина знает, что Алан пришел.’

Таким образом, два указанных параметра образуют таксономию, состоящую из трех типов конструкций: конструкции без прономинального элемента, смежные конструкции и разрывные конструкции. В следующих разделах мы исследуем их синтаксические свойства. Начнем с сопоставления смежных и разрывных конструкций, содержащих прономинальный элемент *wij* ‘то, тот’.

1.3.3. Смежные и разрывные конструкции

Смежные и разрывные конструкции с прономинальным элементом *wij* ‘то, тот’ демонстрируют различное поведение в отношении целого ряда синтаксических диагностик, таких как особенности словорасположения, сфера действия операторов и возможности связывания анафорических элементов, находящихся внутри сентенциального актанта, положение клитик второй позиции и возможность клитизации прономинального элемента. Рассмотрим эти феномены подробнее.

Возможные позиции сентенциального актанта в составе главного предложения существенно отличаются для смежной и разрывной конструкции. Исследуем варианты словорасположения для смежной и разрывной конструкций, базирующихся на предложении (1.122).

(1.122) *madinə žoni [CP alan kəj ərbaɪd] wɨj.*
 Мадина знать.PRS.3SG Алан что приходит.PST.3SG то
 ‘Мадина знает, что Алан пришел.’

В (1.123) представлены грамматичные и неграмматичные варианты порядка слов для (1.122) (символ V обозначает глагол главного предложения, CP — актантажное предложение, PRON — прономинальный элемент). Мы видим, что смежная конструкция (СК) допустима в любой позиции в главной клаузе: в заглагольной (1.123a), предглагольной неначальной (1.123b-c), а также в абсолютном начале предложения (1.123d). Возможности словорасположения в разрывной конструкции (РК) сильно ограничены: актантажное предложение может располагаться только в абсолютном начале предложения (1.123e-h), а прономинальный элемент допустим как за глаголом, так и в предглагольной позиции (1.123e-f).

(1.123)	a. ... V CP PRON (= (1.122))	СК
	b. ... CP PRON V	СК
	c. ... CP PRON ... V	СК
	d. CP PRON ... V	СК
	e. CP ... V PRON	РК
	f. CP ... PRON V	РК
	g. * ... CP ... V PRON	РК
	h. * ... CP ... PRON V	РК

Принимая во внимание анализ структуры осетинской клаузы, представленный в 1.1.3.1, можно предположить, что СК порождается за глаголом и способна к передвижению в

коммуникативные проекции, расположенные левее глагола, в то время как в РК такими свойствами обладает только прономинальный элемент, а актантное СР не образует с ним составляющей ни на каком этапе деривации, исходно находясь в крайней левой позиции. Отсюда возникает как сходство между СК и РК при начальном расположении актантного предложения (ср. (1.120b) и (1.121)), так и контраст между СК и РК при нена начальном расположении актантного предложения, ср. (1.124a-b).

- (1.124)a. $\text{madin}\bar{\text{a}}$ $[\text{CP alan}$ $\text{k}\bar{\text{e}}\text{j}$ $\bar{\text{a}}\text{rbasid}]$ $\text{w}\bar{\text{i}}\text{j}$ $\text{žon}\bar{\text{i}}$.
 Мадина   Алан   что   приходить.PST.3SG   то   знать.PRS.3SG
 ‘Мадина знает, что Алан пришел.’ (СК)
- b. * $\text{madin}\bar{\text{a}}$ $[\text{CP alan}$ $\text{k}\bar{\text{e}}\text{j}$ $\bar{\text{a}}\text{rbasid}]$ $\text{žon}\bar{\text{i}}$ $\text{w}\bar{\text{i}}\text{j}$.
 Мадина   Алан   что   приходить.PST.3SG   знать.PRS.3SG   то
 ‘Мадина знает, что Алан пришел.’ (РК)

Следующие две диагностики, использующие сферу действия кванторных выражений и принципы теории связывания, позволяют прояснить структурную позицию актантного предложения, а именно, наличие отношения структурного приоритета между именными группами главной и зависимой клауз, поскольку и сфера действия, и (синтаксическое) связывание определяются через с-командование.

Для корректного использования диагностики, связанной со сферой действия кванторов, рассмотрим параллельные конструкции, в которых актантное предложение занимает первую позицию. Как мы только что установили, в таком случае допустимы как СК (прономинальный элемент следует за актантным предложением), так и РК (прономинальный элемент находится за глаголом или перед глаголом, но не примыкает к СК). Исследуем возможные сферы действия кванторов, один из которых находится в актантном предложении, а другой — в главном (1.125a-b). В обоих случаях «поверхностные» сферы действия кванторов, связанные с наблюдаемым порядком слов, должны быть одинаковы: в обоих примерах кванторное выражение *saldar zadačaji* ‘несколько задач’ располагается левее выражения *ali ačwirgənəg* ‘каждый учитель’.

- (1.125)a. $[\text{CP alan sald}\bar{\text{a}}\text{r}$ $\text{zad}\bar{\text{a}}\text{č}\bar{\text{a}}\text{-j}\bar{\text{i}}$ $\text{k}\bar{\text{e}}\text{j}$ $\check{\text{s}}\text{kodta}]$ $\text{w}\bar{\text{i}}\text{j}$
 Алан несколько   задача-GEN   что   сделать.PST.3SG   то
 $\text{al}\bar{\text{i}}$ $\text{a}\check{\text{c}}\text{wirg}\bar{\text{e}}\text{n}\bar{\text{e}}\text{g}$ $\text{d}\bar{\text{a}}\text{r}$ $\bar{\text{e}}\text{nq}\bar{\text{a}}\text{l}\bar{\text{i}}$.
 каждый   учитель   EMPH   считать.PRS.3SG
 ‘Каждый учитель считает, что Алан решил несколько задач.’ (СК)
- (i) несколько > каждый
 (ii) каждый > несколько

- b. [CP alan saldər   zadačə-jɪ   kəj   škodta]
 Алан несколько   задача-GEN   что   сделать.PST.3SG
- alɪ   aχwɪrgənəg   dər   ənqəlɪ   wɪj.
 каждый   учитель   EMPH   считать.PRS.3SG   то
- ‘Каждый учитель считает, что Алан решил несколько задач.’ (PK)
- (i) несколько > каждый
- (ii) *каждый > несколько

Обнаруживается, что возможные сферы действия кванторов в таких конструкциях различаются. В СК кванторные выражения, находящиеся в составе актантного предложения, могут иметь как широкую (соответствующую их линейной позиции), так и узкую сферу действия по отношению к кванторным выражениям в главной клаузе. В РК для кванторных выражений в составе актантного предложения доступна только широкая сфера действия по отношению к кванторным выражениям в составе главной клаузы.

Следующий феномен, противопоставляющий СК и РК — связывание. Как и в предыдущем случае, мы будем рассматривать максимально сходные между собой конструкции с начальным расположением актантного предложения, содержащего референциальное выражение — именную группу *me'mbəlttɪ* ‘мои друзья’ (1.126a-b).

- (1.126)a. [CP əʒ me'mbəl-ttɪ_i   kəj   warʒɪn]   wɪj   wɪdon*_i   ʒonɪns.
 я   мой_друг-PL.GEN   что   любить.PRS.1SG   то   они   знать.PRS.3PL
- ‘Они*_i знают, что я люблю моих друзей_i.’ (СК)
- b. [CP əʒ me'mbəl-ttɪ_i   kəj   warʒɪn]   wɪdon_i   ʒonɪns   wɪj.
 я   мой_друг-PL.GEN   что   любить.PRS.1SG   они   знать.PRS.3PL   то
- ‘Что я люблю моих друзей_i, они_i это знают.’ (PK)

Коиндексация референциального выражения с анафорическим местоимением в позиции подлежащего главной клаузы имеет различные последствия для СК и РК. В СК такая коиндексация невозможна, что предположительно говорит о нарушении принципа С теории связывания и, соответственно, о структурном приоритете подлежащего главной клаузы над актантным предложением на некотором этапе деривации. Для РК коиндексация именных групп *me'mbəlttɪ* ‘мои друзья’ и *wɪdon* ‘они’ не создает неграмматичности, из чего следует, что подлежащее главной клаузы ни на каком этапе деривации не с-командует актантным предложением.

Расположенные на левой периферии главной клаузы актантные предложения в СК и РК создают разные конфигурации для клитик второй позиции. Как уже отмечалось выше, в осетинском языке клитики и клитические комплексы клаузального уровня располагаются после

первой составляющей клаузы (именной группы, послеложной группы и т.п.), которая может содержать при этом более одного фонетического слова. В (1.127) показано расположение аргументной клитики *min* ‘мне’ после первой составляющей предложения — именной группы *madinəji firt* ‘сын Мадины’; как видно из (1.127b-c), ни смещение клитического комплекса вправо, ни разрыв первой составляющей и расположение клитик после первого фонетического слова невозможны.

- (1.127)a. [madinə-jɪ firt]=min=əj   žaxta.
 Мадина-GEN сын=CL.1SG.DAT=CL.3SG.NOM/ACC сказать.PST.3SG
 ‘Сын Мадины сказал мне это.’
- b. *[madinə-jɪ firt] žaxta=min=əj.
 Мадина-GEN сын   сказать.PST.3SG=CL.1SG.DAT=CL.3SG.NOM/ACC
 ‘Сын Мадины сказал мне это.’
- c. *[madinə-jɪ=min=əj   firt] žaxta.
 Мадина-GEN=CL.1SG.DAT=CL.3SG.NOM/ACC   сын   сказать.PST.3SG
 ‘Сын Мадины сказал мне это.’

Клитики второй позиции, таким образом, являются удобным инструментом диагностики синтаксического устройства левой периферии предложения и статуса единой составляющей для линейно смежных языковых выражений. Используем их для прояснения структуры смежных и разрывных конструкций.

В СК сочетание актантного предложения и прономинального элемента образует составляющую: располагаясь в крайней левой позиции в главном предложении, этот комплекс является непосредственной составляющей главной клаузы, видимой для клитик второй позиции. Клитики, таким образом, располагаются после прономинального элемента (1.128a-b).

- (1.128)a. [CP alan kəj əɾbasɪd]   wɪj=min   madinə   žaxta.
 Аланчто   приходить.PST.3SG   то=CL.1SG.DAT   Мадина   сказать.PST.3SG
 ‘Мадина сказала мне, что Алан пришел.’
- b. * [CP alan kəj əɾbasɪd]   wɪj   madinə =min   žaxta.
 Аланчто   приходить.PST.3SG   то   Мадина=CL.1SG.DAT   сказать.PST.3SG
 ‘Мадина сказала мне, что Алан пришел.’

В РК расположенное на левой периферии актантное предложение невидимо для клитик второй позиции — возможно, оно образует так называемый слепой барьер [Зализняк 1993; Kosta, Zimmerling 2012; Циммерлинг 2012a,б,в], который вынуждает клитическую цепочку сдвигаться на один шаг вправо (1.129a-b). Очевидно, это говорит о том, что актантные предложения в СК и РК занимают разные позиции в структуре главного предложения.

- (1.129)a. * [CP alan kəj ərbasɪd]=min madinə žaxta wij.
 Аланчто приходить.PST.3SG=CL.1SG.DAT Мадина сказать.PST.3SG to
 ‘Мадина сказала мне, что Алан пришел.’
- b. [CP alan kəj ərbasɪd] madinə=min žaxta wij.
 Аланчто приходить.PST.3SG Мадина=CL.1SG.DAT сказать.PST.3SG to
 ‘Мадина сказала мне, что Алан пришел.’

Схема 1.1. Клитики второй позиции в предложениях с разрывной и смежной конструкциями

СК:	Ok		[CP PRON]=CL	XP ...
	*		[CP PRON]	XP=CL ...
РК:	Ok	[BARRIER CP]	[XP]=CL ...	PRON
	*	[BARRIER CP]=CL	[XP] ...	PRON

Наконец, последняя диагностика, которую мы рассмотрим, проясняет статус прономинального элемента в двух типах конструкций. Речь идет о возможности клитизации, т.е. выражения при помощи аргументной клитики, прономинального элемента *wij* ‘то, тот’. Как видно из (1.130), вне конструкции с актантным предложением полное указательное местоимение (1.130a) может быть заменено на клитическое (1.130b).

- (1.130)a. alan žonɪ wij.
 Алан знать.PRS.3SG to.NOM/GEN
 ‘Алан его/это знает.’
- b. alan=əj žonɪ.
 Алан=CL.3SG.GEN знать.PRS.3SG
 ‘Алан его/это знает.’

В конструкциях с сентенциальными актантами клитизация прономинального элемента возможна в РК и невозможна в СК. В (1.131a) представлена РК, что видно из расположения клитик второй позиции после именной группы *madinə* ‘Мадина’. В этом случае прономинальный элемент может подвергаться клитизации. Если же актантное предложение располагается не в абсолютном начале предложения (1.131b) либо, при начальной позиции актантной клаузы, она не является барьером для клитик второй позиции (1.131c), то мы имеем дело с СК. Примеры показывают, что в этом случае клитизация прономинального элемента невозможна.

- (1.131)a. [CP alan kəj ərbasɪd] madinə=min=əj
 Алан что приходить.PST.3SG Мадина=CL.1SG.DAT=CL.3SG.GEN

žaxta.
сказать.PST.3SG

‘Мадина сказала мне, что Алан пришел.’

- b. *madiṇə=miṇ=əj   žaxta
Мадина=CL.1SG.DAT=CL.3SG.GEN   сказать.PST.3SG

[CP alan   kəj   əɣbasɨd].
Алан   что   приходит.PST.3SG

‘Мадина сказала мне, что Алан пришел.’

- c. *[CP alan   kəj   əɣbasɨd]=miṇ=əj
Алан   что   приходит.PST.3SG=CL.1SG.DAT=CL.3SG.GEN

madiṇə   žaxta.
Мадина   сказать.PST.3SG

‘Мадина сказала мне, что Алан пришел.’

По-видимому, отличие в возможностях клитизации прономинального элемента связано с его различным синтаксическим статусом в смежной и разрывной конструкциях. Поскольку клитизируются только проформы, можно сделать вывод, что в СК прономинальный элемент проецирует группу, содержащую актантажную клаузу, и имеет статус вершины в данной конструкции. В РК, напротив, прономинальный элемент является проформой (т.е. не имеет фразовой структурой) и поэтому может клитизоваться.

Рассмотренные свойства СК и РК обобщены в Таблице 1.7. В следующем разделе мы сопоставим свойства конструкций с сентенциальными актантажами без прономинального элемента со свойствами СК и РК.

Таблица 1.7. Синтаксические свойства смежной и разрывной конструкции

	Смежная конструкция	Разрывная конструкция
Линейная позиция актантажного CP	любая	первая (крайняя левая)
Сфера действия кванторов внутри CP по отношению к кванторам в главной клаузе	широкая / узкая	широкая
референциальное выражение внутри CP	некорреферентно подлежащему главной клаузы	возможна корреферентность с подлежащим главной клаузы
Актантажное CP в первой (крайней левой) позиции	непосредственная составляющая главной клаузы; видимо для клитик 2 позиции	невидимо для клитик 2 позиции
Клитизация прономинального элемента	невозможна	возможна

1.3.4. Сентенциальные актанты без прономинального элемента

Сентенциальные актанты без прономинального элемента демонстрируют одинаковые свойства со смежными конструкциями на основании всех выделенных диагностик.

Во-первых, актантные предложения в таких конструкциях могут занимать любую линейную позицию внутри главного предложения (1.132)-(1.133).

(1.132) *madinə soslan-ən žaxta [CP alan kəj ərbasid].*
 Мадина Сослан-DAT сказать.PST.3SG Алан что приходит.PST.3SG

‘Мадина сказала Сослану, что Алан пришел.’

(1.133)a. ... V CP (=1.132)) (cp. (1.123a), СК)

b. ... CP V (cp. (1.123b), СК)

c. ... CP ... V (cp. (1.123c), СК)

d. CP ... V (cp. (1.123d), СК)

Во-вторых, кванторные именные группы в составе актантной клаузы могут иметь как широкую, так и узкую сферу действия по отношению к кванторным именным группам в главном предложении (1.134).

(1.134) [CP alan *saldəg* *zadačə-jı* kəj *škodta*]
 Алан несколько задача-GEN что сделать.PST.3SG
alı aħwırgənəg dəg ənqəli.
 каждый учитель EMPH считать.PRS.3SG

‘Каждый учитель считает, что Алан решил несколько задач.’

(i) несколько > каждый

(ii) каждый > несколько

В-третьих, референциальные выражения внутри актантной клаузы не могут быть коиндексированы с подлежащим главной клаузы (1.135).

(1.135) [CP *əž me'mbəl-ttı* kəj *waržın*] *wıdon*ı žonıns.*
 я мой_друг-PL.GEN что любить.PRS.1SG они знать.PRS.3PL

‘Они*_i знают, что я люблю моих друзей_i.’

Наконец, в-четвертых, актантные предложения в конструкциях без прономинального элемента видимы для клитик второй позиции (1.136).

(1.136)a. [CP alan kəj ərbasid]=*mın* *madinə žaxta.*
 Аланчто приходит.PST.3SG=CL.1SG.DAT Мадина сказать.PST.3SG

‘Мадина сказала мне, что Алан пришел.’

b. * [CP alan kəj ərbasɪd] madinə =min žaxta.
Аланкто приходить.PST.3SG Мадина=CL.1SG.DAT сказать.PST.3SG

‘Мадина сказала мне, что Алан пришел.’

Таким образом, конструкции без прономинального элемента обнаруживают дистрибуцию, аналогичную дистрибуции СК. Этот факт может быть естественным образом проинтерпретирован, если предположить, что конструкции без прономинального элемента в действительности представляют из себя СК с нулевым/непроизносимым прономинальным элементом (ср. [Hoekstra 1983; Takahashi 2010; Knyazev 2016]). Однако подобный анализ не может объяснить отличий между СК и конструкций без прономинального элемента, связанных с возможностью извлечения составляющих из актантной клаузы. Как и в русском языке (см. раздел 1.2.3), граница актантного предложения прозрачна для извлечения *wh*-составляющих (1.137), однако наличие прономинального элемента превращает актантную клаузу в остров (1.138).

(1.137) madinə kəj-mə_i žonɪ [CP alan kəj azɪrdta t_i] ?
Мадина кто-LAT знать.PRS.3SG Алан что поговорить.PST.3SG

‘С кем Мадина знает, что Алан поговорил?’

(1.138)* madinə kəj-mə_i žonɪ [CP alan kəj azɪrdta t_i] wɪj ?
Мадина кто-LAT знать.PRS.3SG Алан что поговорить.PST.3SG то

‘С кем Мадина знает, что Алан поговорил?’ (СК)

В разрывных конструкциях извлечение вопросительных составляющих из актантного предложения также невозможно (1.139).

(1.139)* [CP alan kəj azɪrdta t_i] madinə kəj-mə_i žonɪ wɪj ?
Алан что поговорить.PST.3SG Мадина кто-LAT знать.PRS.3SG то

‘С кем Мадина знает, что Алан поговорил?’

Синтаксические свойства всех трех конструкций обобщены в Таблице 1.8.

Таблица 1.8. Синтаксические свойства конструкций с сентенциальными актантами в осетинском языке

	Конструкция без проминального элемента	Смежная конструкция	Разрывная конструкция
Линейная позиция актантного СР	любая	любая	первая (крайняя левая)
Сфера действия кванторов внутри СР по отношению к кванторам в главной клаузе	широкая / узкая	широкая / узкая	широкая
референциальное выражение внутри СР	некорреферентно подлежащему главной клаузы	некорреферентно подлежащему главной клаузы	возможна корреферентность с подлежащим главной клаузы
Актантное СР в первой (крайней левой) позиции	непосредственная составляющая главной клаузы; видимо для клитик 2 позиции	непосредственная составляющая главной клаузы; видимо для клитик 2 позиции	невидимо для клитик 2 позиции
Клитизация проминального элемента	неприменимо	невозможна	возможна
Извлечение составляющих	возможно	невозможно	невозможно

В следующем разделе будет предложен анализ конструкций с сентенциальными актантами в осетинском языке, связывающий их свойства с наличием и позицией проминального элемента в синтаксической структуре.

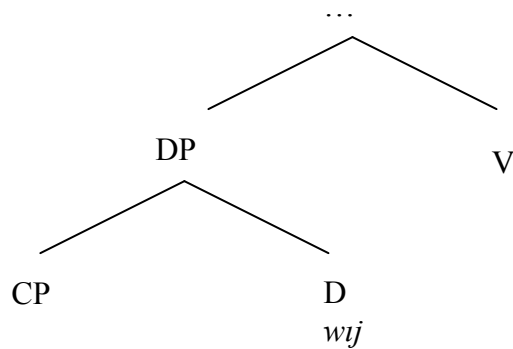
1.3.5. Анализ

В этом разделе мы последовательно проанализируем три возможных в осетинском языке конструкции с сентенциальными актантами. Будет показано, что отличие в синтаксических свойствах данных конструкций следует из наличия/отсутствия проминального элемента и из структурного отношения между актантным предложением и проминальным элементом.

1.3.5.1. Смежные конструкции

Для смежных конструкций с проминальным элементом мы предлагаем анализ, в соответствии с которым актантное предложение, вложенное в проекцию проминального элемента, DP, заполняет аргументную позицию внутри глагольной области главного предложения, как это представлено в (1.140).

(1.140)

Таким образом, смежные конструкции осетинского языка оказываются структурно близки к рассмотренным в разделе 1.2.3 русским актантным предложениям, вложенным в оболочку DP. Анализ, подразумевающий вложение актантного CP в DP (возможно, с фонологически невыраженным D) предлагался также для английских актантных клауз [Moulton 2009, 2013; Takahashi 2010] и для конструкций с сентенциальными актантами в родственном осетинскому фарси [Karimi 2001; Farudi 2007].

Остановимся подробнее на ситуации в фарси. Как показано в [Farudi 2007], DP-аргументы и CP-аргументы имеют разную дистрибуцию. И те, и другие вставляются в синтаксическую структуру в аргументной позиции, т.е. в заглагольной области, однако DP обязательно выдвигаются из глагольной группы (1.141a), давая порядок слов OV, в то время как CP остаются в базовой позиции (1.141b), что соответствует порядку слов VO.

Помимо сентенциальных актантов, выраженных CP, в фарси возможны также сложные именные группы, именной вершиной которых выступает существительное с абстрактной семантикой (*утверждение, факт, вопрос*, и т.п.)⁴⁴, вложенное в проекцию определителя *in* 'этот', а собственно сентенциальный актант оказывается адьюнктом в данной именной группе, как это представлено в (1.142). В этом случае возможны два пути деривации: либо сложная именная группа целиком передвигается влево от глагола (1.141c), либо передвижение претерпевает только именная часть, а CP-адьюнкт остается в базовой позиции (1.141d). Таким образом, аргументные именные группы всегда располагаются слева от глагола, в то время как клаузальные аргументы могут покинуть базовую позицию только в составе сложной именной группы. Фаруди связывает такую дистрибуцию с падежом: именные группы должны получить падеж, чтобы преодолеть падежный фильтр, поэтому вынуждены выдвинуться из глагольной

⁴⁴ Как утверждается в [Farudi 2007], лексическое существительное в этой конструкции может быть опущено, так что сентенциальный актант может состоять из придаточного предложения и указательного местоимения (ср. *tot fakt, čto Ramın nevinoven vs. to, čto Ramın nevinoven*).

группы в проекцию вышестоящей функциональной вершины, способной приписать синтаксический падеж объекту⁴⁵. Клаузы (CP) в падеже не нуждаются, поэтому могут остаться в базовой позиции.

- (1.141)a. DP_i V t_i
 b. V CP
 c. [[DP [D in] (NP)] CP]_i V t_i
 d. [[DP [D in] (NP)] t_i]_j V t_j CP_i

- (1.142) Нæмæ [[DP in [NP edde'a]]-ro [CP ke Ramin bigonah-e]]
 все этот утверждение-ОМ что Рамин невиновен-быть.3SG
 mi-pæzir-æp.
 DUR-принимать-3PL

‘Все согласны с утверждением, что Рамин невиновен.’ [Karimi 2001: (1)]

Обратимся теперь к осетинскому языку. Несмотря на внешнее сходство (с точностью до направления ветвления) с фарси, необходимо отметить следующие отличия. Во-первых, аргументные именные группы возможны как в базовой заглагольной, так и в производной предглагольной позиции (1.143a-b). Такие же опции расположения относительно глагола демонстрирует и сложная именная группа, состоящая из оболочки DP, возглавляемой прономинальным элементом *wij* ‘то, тот’ и вложенной в нее клаузы (1.143c-d). Следовательно, в осетинском языке позиция именной группы относительно глагола не связана с процессом получения падежа, а имеет другую мотивацию. Отметим, что те же закономерности словорасположения действуют и для других типов составляющих (например, послеложных групп). Как показано в [Lyutikova, Tatevosov 2009], отличия в (1.143a-b) и (1.143c-d) коммуникативно мотивированы: глагол и заглагольные составляющие образуют широкую рему (*predicate focus*), а выдвигание составляющих влево от глагола позволяет реорганизовать информационную структуру клаузы в соответствии с коммуникативными намерениями говорящего.

Еще одно отличие между осетинским и фарси состоит в том, что в осетинском языке невозможно ни выдвигание влево только прономинального компонента (1.143e), ни, наоборот, извлечение зависимой клаузы из DP-оболочки, расположенной в базовой позиции (1.143f). Иными словами, в отличие от фарси, осетинский язык не допускает расщепления смежной конструкции.

- (1.143) a. ... V DP

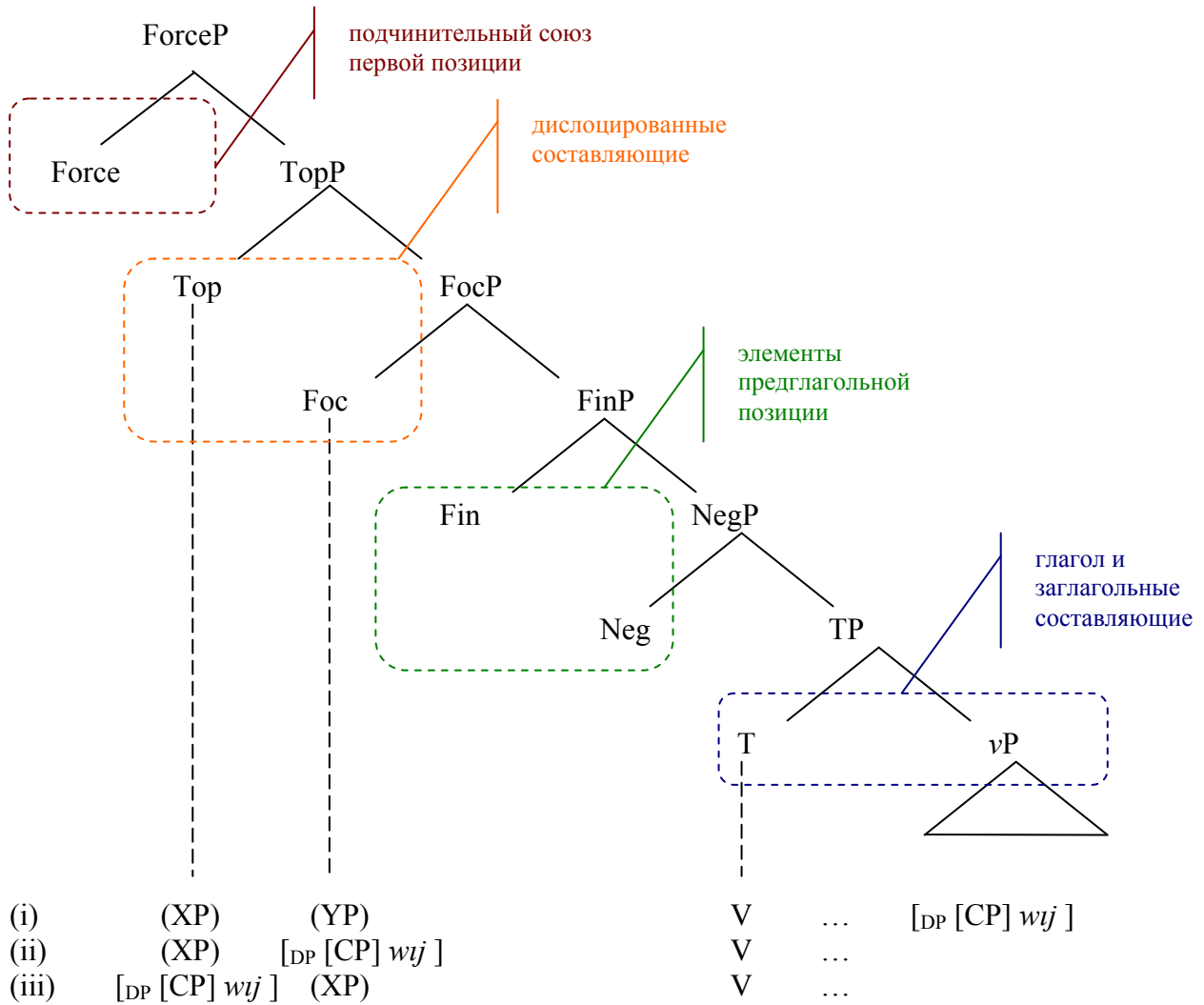
⁴⁵ Подробнее об анализе, увязывающем выдвигание объекта (*object shift*) с падежной проблематикой, см. в Главе 5.

- b. ... DP_i V t_i
- c. ... V [DP [CP] w_{ij}]
- d. ... [DP [CP] w_{ij}]_i V t_i
- e. * ... [DP t_j w_{ij}] V [CP]_j
- f. * ... [CP]_j V [DP t_j w_{ij}]

Мы предполагаем, что причиной этого отличия является различный статус CP в составе сложной именной группы, соответствующей сентенциальному актанту. В фарси компонентом вершины D является группа абстрактного существительного (либо нулевая именная группа), а придаточное предложение имеет статус адьюнкта. Соответственно, расщепление сложной именной группы в (1.141d) можно рассматривать и как «оставление» адьюнкта *in situ* (ср. с анализом плавающих кванторов), и как последующую экстрапозицию тяжелой составляющей (ср. с анализом расположенных неконтактно с именной вершиной относительных предложений). В осетинском языке придаточное предложение является компонентом вершины D, поэтому его извлечение нарушало бы ограничение функциональной вершины (Functional head constraint, [Chomsky 1999; Radford 2004]), а выдвигание прономинального элемента имело бы статус передвижения вершин, а не максимальных проекций, и не могло бы иметь коммуникативную мотивацию.

Итак, специфика смежной конструкции состоит в том, что актантное предложение, вложенное в функциональную оболочку DP, возглавляемую прономинальным элементом, порождается в аргументной позиции внутри глагольной группы. Структура смежной конструкции не позволяет выдвигать ни прономинальный элемент, ни актантную клаузу, в результате чего смежная конструкция может претерпевать передвижение только как единое целое. При этом для нее доступны как исходная (базовая) позиция, так и все производные позиции, возможные для обычных именных групп и имеющие коммуникативную мотивацию. В (1.144) показаны исходная (i) и производные (ii)-(iii) позиции для смежной конструкции.

(1.144)

Легко видеть, что этот анализ позволяет объяснить все свойства смежных конструкций, рассмотренные в разделе 1.3.3. Тот факт, что для смежной конструкции доступна любая позиция в клаузе, следует из ее порождения в аргументной позиции и возможностей A'-передвижения в позиции, предназначенные для коммуникативно маркированных составляющих.

Диагностики, опирающиеся на сферу действия кванторных выражений и принципы теории связывания, указывают на то, что расположенная на левой периферии главного предложения смежная конструкция на некотором этапе деривации находилась правее (и, следовательно, ниже) по меньшей мере части материала главного предложения. Поскольку левопериферийная позиция смежной конструкции является результатом A'-передвижения (а не A-передвижения, как это предполагается для фарси), мы ожидаем, что в такой конфигурации будут возникать эффекты реконструкции — интерпретационные эффекты, объяснение которых требует восстановления в базовой позиции подвергшейся передвижению составляющей (см., например, [Barss 1986; Chomsky 1993; Heycock 1995; Sauerland 1998; Fox 1999; Sportiche 2003]).

Так, в примере (1.125a), повторяемом здесь как (1.145), широкая сфера действия неопределенной именной группы в зависимой клаузе соответствует производной, наблюдаемой позиции смежной конструкции, а узкая сфера действия неопределенной именной группы в зависимой клаузе соответствует расположению смежной конструкции в аргументной позиции при реконструкции.

- (1.145) [CP alan saldər   zadačə-jı   kəj   škodta]   wij
 Алан несколько   задача-GEN   что   сделать.PST.3SG   то
- alı   aχwırgənəg   dər   ənqəlı.
 каждый   учитель   EMPH   считать.PRS.3SG
- ‘Каждый учитель считает, что Алан решил несколько задач.’
- (i) несколько > каждый
 (ii) каждый > несколько

Реконструкция смежной конструкции в аргументной позиции объясняет также неграмматичность примера (1.126a), повторяемого здесь как (1.146a). Действительно, в (1.146a) ни один из принципов теории связывания не нарушается: из двух коиндексированных выражений ни именная группа *me'mbəl-ttı* ‘мои друзья’ не с-командует анафорическим местоимением *widon* ‘они’, ни наоборот. Ситуация меняется, если реконструировать смежную конструкцию в ее базовой позиции, за глаголом: независимо от того, реконструируем ли мы подлежащее внутри глагольной области, внутренний аргумент — сентенциальный актанта — оказывается в области с-командования подлежащего, так что анафорическое местоимение связывает референциальное выражение (146b). Структурные соотношения между коиндексированными именными группами в (1.146a) представлены на Схеме 1.2.

- (1.146)a. [CP əž me'mbəl-ttı_i   kəj   waržın]   wij   widon*_i   žonins.
 я   мой_друг-PL.GEN   что   любить.PRS.1SG   то   они   знать.PRS.3PL
- ‘Они*_i знают, что я люблю моих друзей_i.’
- b. widon*_i žonins   [CP əž me'mbəl-ttı_i   kəj   waržın]   wij.
 они   знать.PRS.3PL   я   мой_друг-PL.GEN   что   любить.PRS.1SG   то
- ‘Они*_i знают, что я люблю моих друзей_i.’

Схема 1.2. Структурные соотношения между анафорическими выражениями в (1.146a)

Без реконструкции:

[[DP [CP ... RE_i ...] wij] [SUBJ_i V]]: нет нарушений

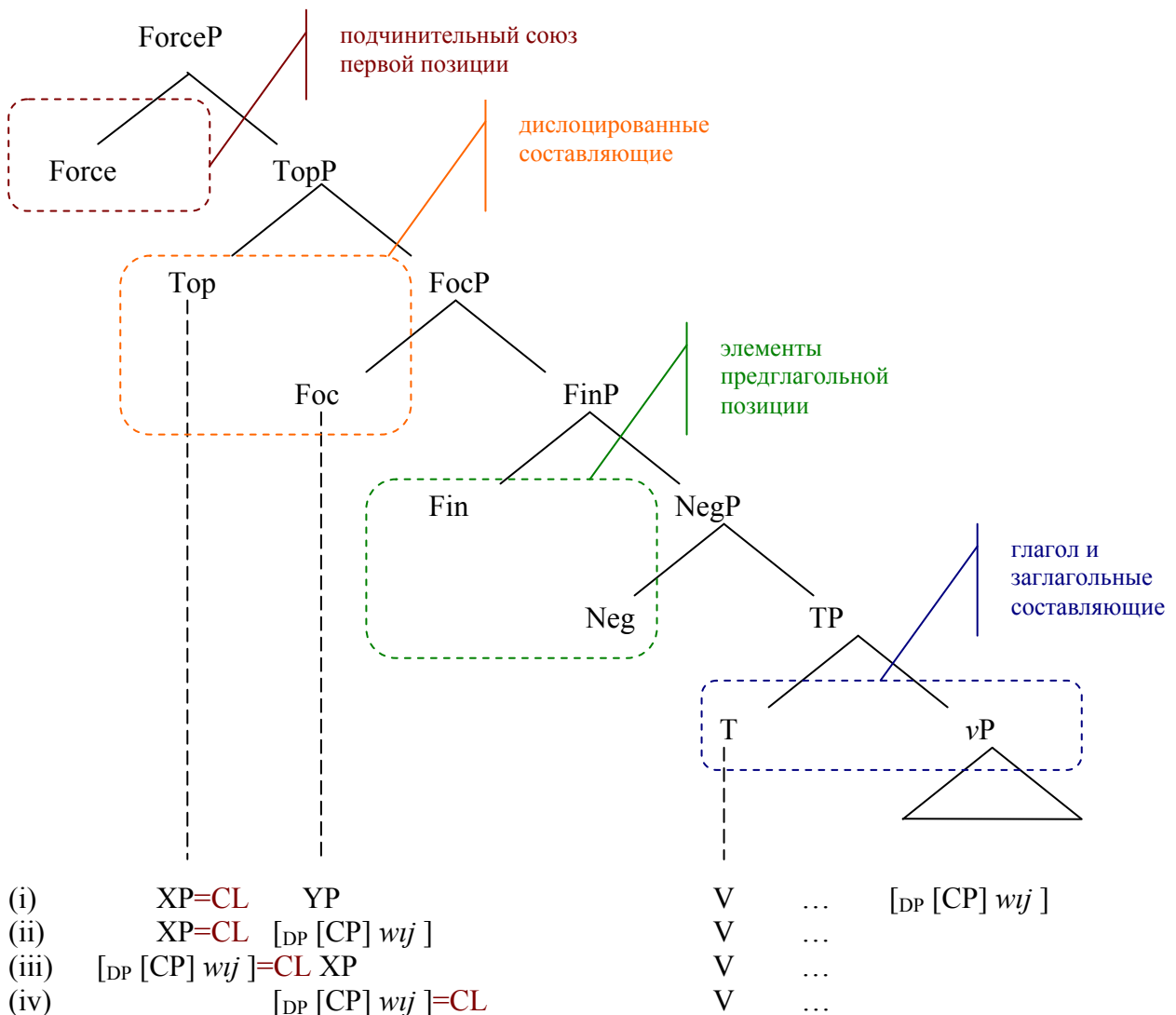
С реконструкцией:

[V [SUBJ_i [DP [CP ... RE_i ...] wij]]]: нарушение принципа С (RE связано)

Принцип С, будучи «отрицательным» требованием, должен соблюдаться на любом шаге деривации, т.е. в ходе деривации не быть конфигурации, в которой референциальное выражение связано [Lasnik, Hendrick 2003]. Следовательно, (1.146a), полученное из (1.146b), также будет неграмматично.

Свойства смежной конструкции, связанные с клитиками, также следуют из предложенного анализа. Поскольку располагающаяся на левой периферии смежная конструкция является результатом A'-передвижения составляющей из аргументной позиции, она занимает спецификатор одной из коммуникативных проекций и тем самым оказывается непосредственной составляющей главной клаузы. Соответственно, клитики второй позиции располагаются после смежной конструкции. Варианты расположения клитик при различных позициях смежной конструкции в синтаксической структуре показаны в (1.147).

(1.147)

Наконец, невозможность клитизации прономинального элемента в смежной конструкции следует из ее внутренней структуры: поскольку *wij* ‘то, тот’ в смежной конструкции

возглавляет DP, содержащую зависимую клаузу (ср. (1.140)), он не является проформой и не может быть заменен на клитику.

Таким образом, свойства смежной конструкции определяются тем, что актантная клауза оказывается вложена в функциональную оболочку DP. Именно эта оболочка определяет синтаксические свойства смежной конструкции и ее дистрибуцию, сходную с дистрибуцией аргументных именных групп.

1.3.5.2. Разрывные конструкции

Разрывная конструкция, хотя и состоит из тех же компонентов, что и смежная, существенно отличается от нее по своим свойствам. Мы предполагаем, что разрывная конструкция не связана со смежной деривационным отношением, но представляет собой отдельную синтаксическую конфигурацию.

Предлагаемый анализ сводится к следующим положениям. Придаточное предложение и прономинальный элемент не образуют составляющей ни на каком этапе деривации. Прономинальный элемент в разрывной конструкции выступает как проформа DP и вставляется в аргументную позицию, соответствующую ситуационной валентности предиката главной клаузы. Придаточное предложение является адьюнктом к максимальной проекции главной клаузы. Между придаточным предложением и прономинальным элементом устанавливается анафорическое отношение; прономинальный элемент, таким образом, выступает в функции пропозициональной проформы (*propositional proform*).

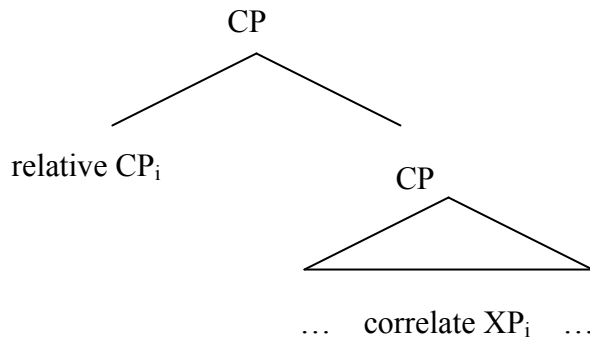
Предположение об адьюнктном характере сентенциального актанта и его анафорической связи с аргументной позицией неоднократно высказывалось в литературе и ранее, в первую очередь применительно к разрывным конструкциям с сентенциальными актантами в таких языках, как германские и индийские [Cardinaletti 1990; Srivastav 1990, 1991a,b; Bayer 1995, 1996, 1997, 2000]. В частности, Й. Байер выдвигает подобную гипотезу о структуре немецких конструкций типа (1.148), включающих прономинальный элемент *es* 'это' (возможно, произносимый) в аргументной позиции внутри глагольной группы и придаточное предложение, заполняющее ситуационную валентность матричного предиката, за пределами глагольной группы.

(1.148) Man hat (es) zugelassen, dass er geschlagen wurde.
 EXPL AUX.3SG это допускать.PP что он бить.PP AUX.3SG
 'Допустили, что он был избит.'

Байер предполагает, что предикату предложения (1.148) соответствует непрямая структура [_{VP} [_{VP} NP₁ V] CP₁], в которой прономинальный элемент (NP) заполняет аргументную позицию, а коиндексированная с ним клауза адъюнируется к максимальной проекции глагольной группы.

Отдельно следует упомянуть об исследованиях относительных конструкций и конструкций с косвенной речью в санскрите, чрезвычайно похожих на осетинские разрывные конструкции. В таких работах, как [Носк 1982; Davison 2009], зависимая клауза анализируется как (левый) адъюнкт к максимальной проекции главной клаузы; в аргументной позиции последней расположен «коррелят» — именная группа с указательным местоимением либо указательная проформа, анафорически связанная с референтом релятива либо с пропозицией (1.149).

(1.149)

Предлагаемый нами анализ разрывной конструкции в осетинском языке также помещает зависимое предложение в позицию адъюнкта к максимальной проекции самой верхней функциональной вершины клаузы. Следует отметить, что разрывная конструкция с сентенциальным актантом — далеко не единственный случай адъюнкции XP к максимальной проекции клаузы, поддерживаемой коррелятом внутри клаузы. Собственно, коррелятивные относительные и обстоятельственные конструкции осетинского языка [Беляев 2014a] используют ту же структурную модель:

(1.150) [gorət-mə kəsɪ čɪʒg asɪdi]
 город-LAT какой девушка уехать.PST.3SG

эж žonɪn wɪj.
 я знать.PRS.1SG to.NOM/GEN

‘Я знаю девушку, которая уехала в город.’

‘Я знаю, какая девушка уехала в город.’

Следует также указать на конструкции с топиком и анафорическим дублированием, в которых топиальная группа, будучи беспадежной, по-видимому, не выдвигается из аргументной позиции, но порождается непосредственно на левой периферии клаузы.

- (1.151) Alan-(*1), эž žonin wij.
 Alan-(*GEN) я знать.PRS.1SG to.NOM/GEN
 ‘Что касается Алана, я его знаю.’

Заметим, что в обеих указанных конструкциях, как и в исследованных нами РК, прономинальный элемент также представляет собой проформу, поскольку допускает клитизацию, а релятив/топик на левой периферии выступает в качестве барьера, из-за чего клитики второй позиции сдвигаются на шаг вправо:

- (1.152)a. [gorət-mə kəsɪ čʲɪžg asɪdi]
 город-LAT какой девушка уехать.PST.3SG
 эž=əj žonin.
 я=CL.3SG.GEN знать.PRS.1SG
 ‘Я знаю девушку, которая уехала в город.’
- b. Alan-(*1), эž=əj žonin.
 Alan-(*GEN) я=CL.3SG.GEN знать.PRS.1SG
 ‘Что касается Алана, я его знаю.’

Итак, имеются межъязыковые и внутриязыковые параллели между осетинской разрывной конструкцией и прочими конструкциями, где адьюнкт к максимальной проекции клаузы связан анафорическим отношением с коррелятом — прономинальным элементом в аргументной позиции.

Свойства разрывной конструкции, выявленные нами в разделе 1.3.3, следуют из предложенной структуры. Так, ограничение на линейную позицию зависимой клаузы является отражением ее статуса самого высокого адьюНКта главной клаузы. Тот факт, что прономинальный элемент в РК способен занимать различные позиции в пределах главного предложения, также естественным образом следует из его статуса DP-проформы в аргументной позиции, способной к A'-передвижению.

Поскольку анализ предполагает, что крайняя левая позиция придаточного предложения в РК является его базовой позицией, мы не ожидаем эффектов, связанных с реконструкцией этого предложения в какой-либо более низкой позиции. Соответственно, сфера действия кванторных выражений и возможности связывания анафорических элементов в составе зависимого предложения соответствуют его наблюдаемой линейной позиции. Например, предложение (1.126b), повторяемое здесь как (1.153), не нарушает принципов теории связывания, поскольку

ни в таком виде, ни после реконструкции подлежащего в аргументной позиции ни именная группа *me'mbəltti* 'мои друзья' не с-командует анафорическим местоимением *widon* 'они', ни наоборот (см. Схему 1.3).

- (1.153) [CP əʒ me'mbəl-tti_i kəj warʒin]   wido_{n_i} ʒono_{ns}   wi_j.
 я   мой_друг-PL.GEN что любить.PRS.1SG   они   знать.PRS.3PL то
 'Что я люблю моих друзей_i, они_i это знают.'

Схема 1.3. Структурные соотношения между анафорическими выражениями в (1.153)

Без реконструкции:

[CP ... RE_i ...] ... [SUBJ_i V [DP wi_j]]]]: нет нарушений

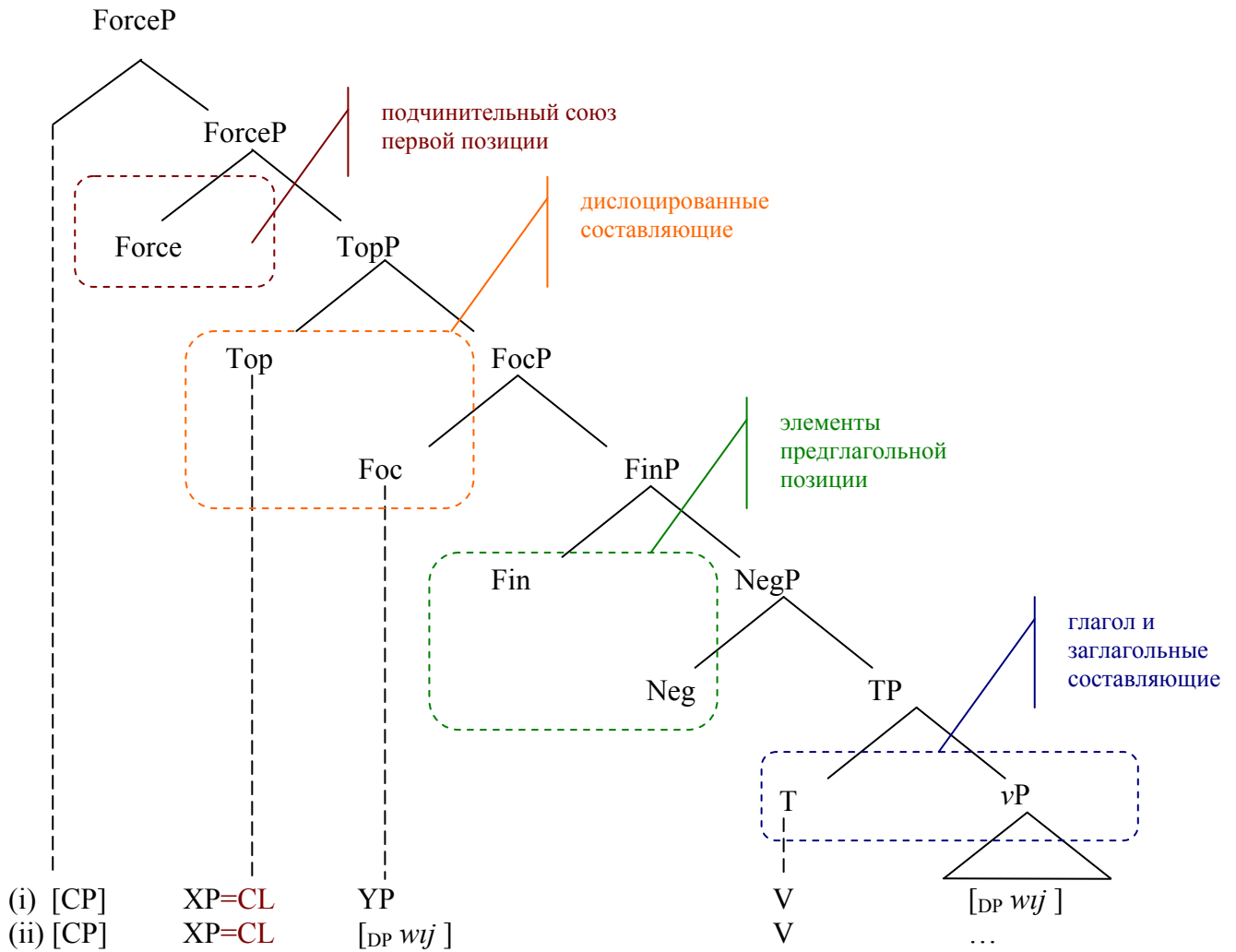
С реконструкцией:

[CP ... RE_i ...] ... [V SUBJ_i [DP wi_j]]]]: нет нарушений

Как уже отмечалось выше, адьюнкты к максимальной проекции клаузы невидимы для клитик второй позиции и образуют так называемый слепой (т.е. неселективный) барьер. Вопрос о том, какой конкретный механизм ответствен за получение составляющей статуса барьера, остается открытым. Можно предположить, что клитики второй позиции поднимаются только до уровня ForceP, и тем самым выбирают посадочную площадку без учета адьюнктов к ForceP. Еще одна возможность — использовать дихотомию адьюнктов и других фразовых зависимых (комплементов и спецификаторов) и считать, что адьюнкты невидимы для клитик второй позиции, например, вследствие их позднего вставления (Late adjunction, [Stepanov 2001]). Наконец, возможность клитизации прономинального элемента следует из его статуса DP-проформы.

Варианты линейного расположения компонентов РК в сочетании с клитиками второй позиции представлены в (1.154).

(1.154)

1.3.5.3. Актантные предложения без прономинального элемента

Наконец, последняя из обсуждаемых конструкций — конструкция с актантным предложением без прономинального элемента. В разделе 1.3.5.4 мы сформулировали следующие обобщения о свойствах данной конструкции. Во-первых, по своим характеристикам, связанным с деривационной историей, актантные предложения без прономинального элемента аналогичны смежной, а не разрывной конструкции. Во-вторых, на их дистрибуцию накладывается дополнительное ограничение: они возможны только в позиции структурного падежа — номинатива подлежащего и номинатива/генитива прямого дополнения. В-третьих, в отличие от обеих конструкций с прономинальным элементом, данная конструкция допускает извлечение составляющих из актантного предложения.

Этот набор свойств можно объяснить, если предположить, что актантные предложения без прономинального элемента представляют собой простые CP, без оболочки DP, которые заполняют аргументную позицию предиката главной клаузы. Отсутствие проекции DP влечет

две характеристики подобных конструкций. Во-первых, они оказываются невозможны в позиции лексически управляемого падежа; во-вторых, они прозрачны для A'-передвижения. Рассмотрим эти положения по порядку.

Дистрибуция смежных конструкций и актантных предложений без прономинального элемента связаны неслучайным образом: множество контекстов, в которых возможны CP без оболочки DP, является подмножеством тех контекстов, в которых допустима смежная конструкция [DP [CP] D]. Фактором, сужающим дистрибуцию актантных предложений без прономинального элемента, является тип падежа, присваиваемого именной группе в данной синтаксической позиции. В то время как конструкция [DP [CP] D] допустима и в контексте структурного (номинатив/генитив), и в контексте лексически управляемого падежа, CP, не вложенное в оболочку DP, возможно только в контексте структурного падежа.

По-видимому, здесь мы имеем дело с тем же ограничением, которое известно для русского языка под названием «Условие прямого падежа» (Direct Case condition, [Babby 1985]). Суть данного ограничения состоит в том, что целый ряд составляющих, с синтаксической точки зрения не являющихся именными группами, но способных выступать в качестве аргументов — например, количественные группы, содержащие разного рода количественные выражения (несколько книг, мало друзей, с десяток сосен, по пять конфет) — допустимы только в позиции прямого падежа (номинатива подлежащего или аккузатива дополнения), но невозможны в позиции лексически управляемого косвенного падежа (например, управляемого датива или инструменталиса). В главе 7 данный феномен будет подробно рассмотрен и увязан с проблемой дифференцированного маркирования аргументов. Здесь же мы ограничимся указанием на возможное объяснение этого явления, предлагавшееся в работах Л. Бэбби [Babby 1985] и С. Фрэнкса [Franks 1995]. Неграмматичность аргументов, не являющихся именными группами, в позиции лексического падежа связывается с особым статусом лексического падежа — он, в соответствии с Принципом удовлетворения лексических требований (Principle of lexical satisfaction), должен быть приписан составляющей, заполняющей соответствующую аргументную позицию и реализующей связанную с данной позицией семантическую роль. Поскольку не-именные составляющие (PP, AdvP, CP) не могут «принять» падеж, они невозможны в позиции лексического падежа. Структурный падеж, в отличие от лексического, является падежом «по умолчанию» определенной синтаксической конфигурации и реализуется только тогда, когда в нем есть необходимость — когда соответствующая аргументная позиция занята именной группой, нуждающейся в падеже.

Возвращаясь к осетинским данным, можно предположить, что дистрибутивные различия между актантными предложениями вида CP и [DP [CP] D] являются следствием неспособности первых и способности вторых к реализации падежа. Конструкция [DP [CP] D] имеет такую же

дистрибуцию, как именные группы, и возможна в любом падежном контексте; актантные предложения без функциональной оболочки DP неспособны к реализации падежного признака и поэтому исключаются из контекстов лексически управляемого падежа.

Обратимся теперь к выдвигению составляющих из сетенциальных актантов. Как мы видели выше, только актантные предложения без прономинального элемента допускают эту возможность. Хотя обе конструкции с прономинальным элементом — смежная и разрывная конструкции — не позволяют выносить вопросительные и относительные местоимения из состава зависимой клаузы, причины этого запрета различны.

Невозможность извлечения составляющих их смежной конструкции объясняется тем, что граница DP выступает в качестве барьера для передвижения. Неслучайно извлечение зависимых из аргументных именных групп в осетинском языке также невозможно — при расположении вопросительного или относительного местоимения внутри именной группы передвижению в предглагольную позицию подвергается вся именная составляющая (1.155a-b).

- (1.155)a. *   alan   kə-wil_i   əfʃnaji   [DP t_i   qwid_i-tə] ?
 Алан   кто-SUP   хранить.PRS.3SG   воспоминание-PL
 ‘О ком Алан хранит память?’
- b.   alan   [DP kə-wil   qwid_i-tə]_i   əfʃnaji   t_i?
 Алан   кто-SUP   воспоминание-PL   хранить.PRS.3SG
 ‘Память о ком хранит Алан?’

Таким образом, неграмматичность (1.138), повторяемого здесь как (1.156), связана с «барьерными» функциями оболочки DP.

- (1.156)*   madinə   kəj-mə_i   žon_i   [DP [CP alan   kəj   azirdta   t_i]   wɨj]?
 Мадина   кто-LAT   знать.PRS.3SG Алан   что   поговорить.PST.3SG   то
 ‘С кем Мадина знает, что Алан поговорил?’ (СК)

Разрывная конструкция также не допускает извлечение составляющих из зависимого предложения (см. (1.139)), однако этот запрет связан не с прономинальным элементом как таковым, а с тем фактом, что в РК придаточное предложение является адьюнктом к главному предложению, а выдвигение составляющих из адьюнктов запрещено либо существенным образом ограничено в языках мира [Huang 1982; Stepanov 2007; Voeckx 2003].

1.3.6. Выводы

Исследование конструкций с сетенциальными актантами в осетинском языке показало, что их свойства в конечном итоге определяются двумя основными дихотомиями. Первая

дихотомия связана с противопоставлением собственно актантных предложений, т.е. предложений, заполняющих аргументную позицию предиката главной клаузы, и использованием коррелятивной стратегии, при которой ситуационная валентность предиката главной клаузы синтаксически выражается при помощи адьюнгированной клаузы, связанной анафорическим отношением с коррелятом — прономинальным элементом в аргументной позиции. На классе собственно актантных предложений определена вторая дихотомия — оппозиция вложенных и не вложенных в функциональную оболочку DP зависимых клауз. Для целей данной работы особенно важна последняя оппозиция, поскольку именно в ее рамках возможно выявить свойства составляющих, коррелирующие с наличием *vs.* отсутствием проекции DP.

Одно из таких свойств — это связь проекции DP и падежной проблематики. Осетинские данные показывают, что наличие DP превращает неименную составляющую в группу, способную к реализации падежа и тем самым предопределяет дистрибуцию этой составляющей как по сути совпадающую с дистрибуцией именных групп полной структуры. Значимость этого обобщения в контексте изучения синтаксических свойств именной группы трудно переоценить: оно открывает целое направление исследований, в которых синтаксическая дистрибуция именных групп предопределяется их способностью и потребностью к получению падежа, а падеж, в свою очередь, понимается как синтаксический признак, характеризующий не любые именные группы, а только именные группы полной структуры. Если следовать гипотезе, что признаки вступают в деривацию с синтаксическими вершинами и наследуются всеми проекциями вершин, то падеж оказывается в первую очередь признаком вершины D. Исследованию падежной проблематики в этом аспекте посвящены главы 5-7.

Другое свойство, характеризующее DP — это ее способность превращать проницаемые для синтаксических процессов структуры в непрозрачные. В разделе 1.2 мы видели, что наличие проекции DP в русском языке блокирует такие процессы, как выдвижение вопросительных / относительных составляющих и согласование в инфинитивных оборотах, зависящих от событийного существительного. В осетинском языке «барьерные» функции оболочки DP реализуются в смежной конструкции с прономинальным элементом. Важно, что такие свойства проекция DP проявляет как в сочетании с именными, так и в сочетании с неименными (в частности, сентенциальными) компонентами. Таким образом, оказывается возможным выявить собственные синтаксические свойства DP, не зависящие от категории вложенной в нее составляющей. Этот результат представляется существенным аргументом в пользу наличия отдельной функциональной проекции DP, в том числе и в безартиклевых языках.

1.4. Выводы по главе 1

Завершая главу 1, подведем итоги предпринятого обсуждения. Имеется много аргументов в пользу иерархической структуры именной группы в артиклевых языках, включающей как минимум два уровня — уровень лексического значения и его модификаций (NP) и уровень референциальных характеристик именной группы (DP). Функциональная категория D выявляется на основании всех типов критериев: семантических, морфологических и синтаксических. DP и NP имеют несовпадающую дистрибуцию. Наиболее сильная гипотеза, ограничивающая дистрибуцию NP, состоит в том, что только DP может занимать аргументные позиции. Это ограничение опирается на постулируемую связь между насыщением аргументной позиции/семантической-роли (θ -role discharging) и наличием у составляющей референциального индекса. Наличие проекции DP используется для объяснения многих синтаксических феноменов: непроницаемости именной группы для извлечения левых зависимых и адьюнктов, приписывания генитива посессору, постпозиции артикля и др.

В безартиклевых языках аргументы в пользу приписывания конкретным единицам лексикона категории D достаточно слабы. Как кажется, лексические единицы, которые могли бы ассоциироваться только с вершиной D, в безартиклевых языках отсутствуют. С другой стороны, многие грамматические феномены, которые в артиклевых языках связаны с проекцией DP, имеют место и в безартиклевых языках, так что следует либо признать наличие функциональной проекции над NP в безартиклевых языках, либо пересмотреть объяснение соответствующих феноменов для артиклевых языков.

В рамках данной главы был предложен новый аргумент в пользу проекции DP в безартиклевых русском и осетинском языках. Этот аргумент относится к типу «барьерных». Обнаруживается, что русские событийные существительные и осетинские актанные предложения образуют как минимум два вида структурных конфигураций: минимальная структура, допускающая извлечение вопросительных элементов и признаковое взаимодействие материала внутри и снаружи данной составляющей, и расширенная структура, которая проявляет свойства синтаксического острова. При этом отличие между минимальной и расширенной структурой легко описывается в терминах функциональной проекции DP — именно те элементы, которые в артиклевых языках ассоциируются с проекцией DP, в русском и осетинском превращают синтаксически прозрачные конфигурации в островные.

Итак, с одной стороны, очевидно наличие свидетельств в пользу иерархически организованной структуры именной группы («расширенной проекции» — *extended projection*, в терминологии Дж. Гримшо [Grimshaw 1990]), включающей, помимо проекции лексического существительного, одну или несколько функциональных проекций. С другой стороны,

специфика лексикона безартиклёвых языков не позволяет выделить синтаксическую категорию D как дистрибутивный класс. Возможное решение, которое мы предложили выше, состоит в том, что среди лексических единиц безартиклёвых языков отсутствуют слова категории D, однако нулевая вершина D доступна для деривации и содержит признаки, связанные с референтностью и определенностью именной группы, а также, по-видимому, ф-признаки референта (лицо, число, род, одушевленность) и признак падежа⁴⁶. В проекции D могут находиться вершины и группы другой категории, например, указательные и притяжательные местоимения, притяжательные прилагательные, посессоры; в таком случае они приобретают интерпретации, аналогичные тем, что возникают в артиклёвых языках: указательное местоимение сигнализирует об определенности референта, посессоры имеют исчерпывающую интерпретацию, притяжательные прилагательные обозначают референт и т.п.

Если наша гипотеза верна, мы должны обнаружить различия в синтаксическом поведении и в интерпретации посессивных составляющих в разных структурных позициях. Кроме того, нельзя не заметить, что и с категориальной точки зрения посессоры не образуют однородного класса: в русском языке, например, это препозитивные притяжательные местоимения и прилагательные и постпозитивные генитивные именные группы. Генитивные именные группы, в свою очередь, могут иметь не только посессивную семантику. Синтаксическим свойствам этих единиц посвящена следующая глава.

---

⁴⁶ На первый взгляд кажется, что постулировать категорию, не имея в лексиконе ни одной фонологически полноценной единицы этой категории, неправомерно. Представим себе, однако, язык, в котором отсутствуют вспомогательные глаголы и все видо-временные формы глагола являются синтетическими. Будет ли в таком случае постулирование категории T/I неправомерным? Значит ли это, что все клаузы такого языка суть VP? Очевидно, нет, коль скоро соответствующие признаки определены на клаузе, и мы можем предъявить как VP, не вложенное в TP (например, в номинализации), так и TP, в которую вложена не VP (например, в предложениях с неглагольным сказуемым).

Глава 2. Посессоры в иерархической структуре именной группы

Когда А. Сабольчи и С. Эбни, опираясь на структурный параллелизм посессивных конструкций и номинализаций, высказали идею о наличии в венгерской и английской именных группах функциональной оболочки DP, в которой размещается внешний аргумент именной группы — посессор, идентификация посессивной группы с DP стала нулевой гипотезой в анализе как тех артиклевых языков, в которых артикли дополнительно распределены с посессорами (английский) или непосредственно следуют за посессором (венгерский), так и безартиклевых языков, в которых, несмотря на отсутствие явных претендентов на роль лексем категории D, посессоры проявляют такие же признаки грамматического приоритета в именной группе (контроль согласования, анафоров, PRO и т.д.), как и в артиклевых языках. Посессор как непосредственная составляющая именной группы сопоставляется с подлежащим как непосредственной составляющей клаузы. Знаменитое первое предложение из работы А. Сабольчи [Szabolcsi 1984] гласит: «Я утверждаю, что именная группа в венгерском языке похожа на предложение, поскольку имеет INFL (т.е. функциональную проекцию, в которой локализуется согласование) и левую периферию»⁴⁷.

Углубленные исследования синтаксиса посессивных конструкций показали, что в действительности в языках мира (причем независимо от наличия артикля) имеет место не одно-однозначное соответствие между формой и функцией, а скорее много-многозначное. С одной стороны, многие языки располагают более чем одним способом выражения посессора. Так, в русском языке возможны три типа конструкций: с препозитивным притяжательным местоимением (*моя собака*), с препозитивным притяжательным прилагательным (*Петина собака*) и с постпозитивной генитивной именной группы (*собака Пети*). В английском языке также представлено несколько структурных типов посессоров: *my dog, John's dog, a markovian chain, the dog of John's, the dog of mine* (две последние конструкции, по-видимому, производны от предикативной посессивной конструкции). В венгерском языке посессоры различаются линейной позицией в именной группе и падежным оформлением, ср. (2.1); очень похожее поведение посессоров демонстрирует осетинский язык (2.2).

(2.1) а.   (a)   Mari   kalap-ja-i
                  DET   Мари.NOM   шляпа-POSS-PL-(3SG)

⁴⁷ «I will argue that NP in Hungarian is S-like in that it has an INFL and a periferal position» [Szabolcsi 1984: 89].

‘шляпы Мари’

- b. Mari-nak a kalap-ja-i
 Мари-DAT DET шляпа-POSS-PL-(3SG)

‘шляпы Мари’ [Szabolcsi 1994: 180]

- (2.2) a. mə= mad-1 qug
 CL.1SG.GEN мать-GEN корова

‘корова моей матери’

- b. mə mad-ən jə= qug
 CL.1SG.GEN мать-DAT CL.3SG.GEN корова

‘корова моей матери’

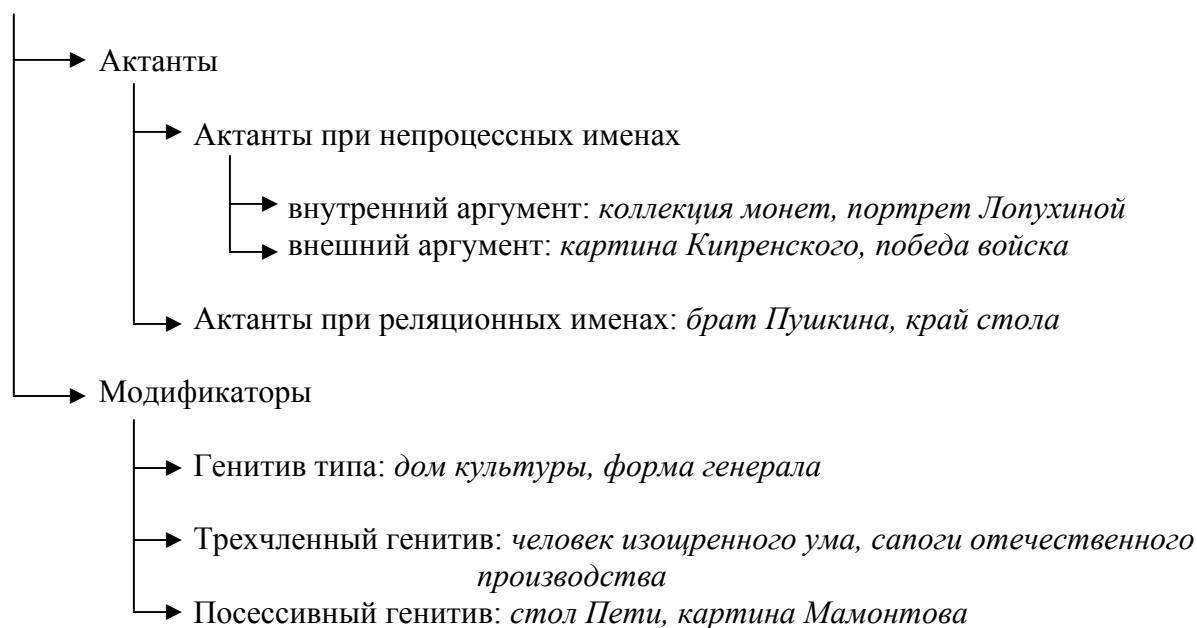
С другой стороны, те грамматические структуры, которые мы находим в посессивных конструкциях, обычно используются языком не только для выражения посессивного отношения, но и для других семантико-синтаксических отношений между двумя терминами. Известный список функций генитива в латинском языке⁴⁸ показывает, что генитивная конструкция используется для большого круга значений, включающих как актантные, так и сирконстантные синтаксические отношения. В русском языке также выделяется несколько семантико-синтаксических типов генитивных зависимых, причем исследователи обычно разделяют генитивные зависимые-аргументы и генитивные зависимые-адьюнкты [Борщев, Кнорина 1990; Кибрик 2003; Гращенков 2004; Trugman 2005a; Кобозева 2015]: первые являются дополнениями именной вершины, а вторые — модификаторами⁴⁹. Так, Х. Тругман различает, как минимум, следующие типы генитивных зависимых в русском языке, представленные на Схеме 2.1

⁴⁸ В [Бенвенист 1974] указываются следующие типы: *Genetivus relationis* (родительный отношения), *Genetivus copiae* (родительный изобилия), *Genetivus pretii* (родительный цены), *Genetivus forensis* или *Genetivus criminis* (родительный судебный), *Genetivus possessivus* (родительный принадлежности), *Genetivus subjectivus* (родительный субъекта), *Genetivus objectivus* (родительный объекта), *Genetivus explicativus* (родительный пояснительный), *Genetivus partitivus* (родительный разделительный), *Genetivus generis* (родительный рода), *Genetivus qualitatis* (родительный качества).

⁴⁹ [Русская грамматика 1980] проводит отличие между управляемыми приименными зависимыми, вступающими в объектно-восполняющее отношение с именной вершиной, и примыкающими приименными зависимыми, реализующими определительное отношение.

Схема 2.1. Классы генитивных зависимых в русском языке

Генитивные зависимые

Подобная полифункциональность не является спецификой собственно родительного падежа: во французском языке предложная конструкция N_1 *de* N_2 обслуживает сходный диапазон значений [Laenzlinger 2005: 676]. Более того, те же грамматические средства могут использоваться для маркирования аргументов номинализаций. Если номинализация предполагает проецирование глагольной группы, то аргументы номинализации представляют собой аргументы глагольной вершины и получают семантическую роль от нее, а именная функциональная оболочка является лишь источником падежа. Соответственно, в рассматривавшихся в разделе 1.1 английских и венгерских номинализациях такие грамматические средства, как саксонский генитив / притяжательное местоимение / дательный падеж, используются не для маркирования посессора, а для оформления аргумента вложенного лексического глагола. Языки с удивительной регулярностью воспроизводят это шаблон: маркирование аргумента в номинализации повторяет маркирование посессора в таких языках, как русский, осетинский, татарский, цахурский, аварский, черкесский. По данным WALS, как минимум 57 из 102 языков, имеющих поддерживающие аргументную структуру номинализованные конструкции, используют посессивное маркирование одного или нескольких аргументов номинализации [Koptjevskaja-Tamm 2013].

Итак, для выражения посессоров могут использоваться различные морфосинтаксические средства, и каждое из этих средств может в принципе использоваться не только для выражения посессора. Такой результат, как кажется, не может считаться удовлетворительным в свете предположения об особом структурном статусе посессора как непосредственной составляющей именной группы, имеющей структурный приоритет над остальным материалом именной

группы; он тем более идет вразрез с гипотезой о принадлежности посессора DP — функциональной проекции, отвечающей за референциальные характеристики именной группы. Если проводить аналогию между посессором в именной группе и подлежащим в клаузе, то ситуация выглядит так, как будто, с одной стороны, подлежащее может иметь различное оформление (например, быть именной группой в именительном, дательном и т.д. падеже, предложной группой, прилагательным и т.п.), и, с другой стороны, именная группа в именительном падеже может быть не только подлежащим, но и дополнением, определением, обстоятельством.

Возможный выход из этой ситуации в общем тот же, что и для соответствующих фактов, связанных со статусом подлежащего. Если понимать подлежащее как исключительно структурное явление, как определенную позицию в синтаксической структуре, то нет ничего *a priori* невозможного в том, чтобы в эту позицию попадали составляющие разных синтаксических категорий или с разными формальными признаками. Так, например, в исландском языке в позиции подлежащего возможны именные группы, маркированные ингерентным падежом (*quirky subjects*); одна из точек зрения на структуру клаузы в эргативных языках состоит в том, что эргативная именная группа имеет ингерентный падеж (или является предложной/послеложной группой), но при этом является подлежащим клаузы⁵⁰. В русском языке дативные именные группы в инфинитивных предложениях проявляют все синтаксические признаки канонических подлежащих, кроме морфологически связанных (падеж, контроль первичного предикативного согласования, контроль падежа адъективных составляющих). Наконец, даже в английском языке мы обнаруживаем пустое подлежащее *there*, категориальный статус которого явно отличен от статуса именной группы. Как нетематическая позиция подлежащего допускает составляющие разных фразовых категорий, так и в позиции посессора мы можем ожидать составляющие, отличные от именной группы. Далее, поскольку позиция подлежащего является производной, в нее могут попадать единицы, состоящие в разных семантических и синтаксических отношениях с глаголом данной клаузы (не только агенсы, но и темы, экспериенцеры, цели; не только внешние, но и внутренние аргументы; бенефактивы и внешние посессоры), и даже единицы, принадлежащие другой клаузе (при подъеме, дальней пассивизации). Таким образом, если позиция посессора в DP производная, то нет ничего удивительного в том, что в эту же структурную позицию могут попасть аргументы лексического существительного или аргументы вложенного в проекцию DP лексического глагола.

Обратимся теперь к второй стороне нашей аналогии. Совершенно очевидно, что далеко не все именные группы в именительном падеже — подлежащие. В русском языке встречается

⁵⁰ Подробнее об исландских *quirky*-подлежащих см. раздел 6.1, об эргативности — 6.2.

много конструкций, в которых именительный падеж именной группы не только не сигнализирует о позиции подлежащего (например, именительный предикативный), но даже не коррелирует с наличием в клаузе номинативного подлежащего (например, именительный приложения: *в матче Камерун-Эквадор, в городе Москва, в романе «Евгений Онегин»*). Следовательно, и различные «значения» генитива могут быть связаны с разными структурными позициями и с разными способами приписывания падежа.

Таким образом, перед нами стоит задача определить: (i) возможные синтаксические категории посессоров; (ii) возможные исходную и производную позиции посессоров; (iii) другие типы именных зависимых, способных конкурировать с посессором за производные позиции. Решению этих вопросов посвящен следующий раздел. Обсуждение будет строиться в основном на русском языковом материале; данные других языков будут привлекаться в сопоставительных и иллюстративных целях.

2.1. Синтаксические характеристики посессоров

Начнем с синтаксической категоризации посессоров. Они явно распадаются на два класса: ветвящиеся и неветвящиеся. К первым относятся собственно именные группы-посессоры, а также атрибутивизированные именные группы, такие как, например, в цахурском языке (2.3а); ко вторым – местоименные (2.4) и адъективные посессоры (2.5).

- (2.3) a. [k'alxoz-ni sadri]-na   balkan
колхоз-АОВЛ   председатель-АА   лошадь
'лошадь председателя колхоза'
- b. k'ar-na   balkan
черный-АА   лошадь
'гнедая лошадь'
- c. [sanixa   qabi]-na   balkan
вчера   приходит.РФ]-АА   лошадь
'лошадь, пришедшая вчера'
- (2.4) a. моя лошадь / *лошадь меня
- b. а-ның   ат-ы   / Марат-ның ат-ы
он-GEN   лошадь-3   Марат-GEN лошадь-3
'его лошадь' / лошадь Марата
- (2.5) a. бабушкино лукошко

- b. war of the Spanish succession
 ‘война за испанское наследство’

Категориальные свойства ветвящихся посессоров более или менее понятны: это именные группы, возможно, разной структуры (DP или меньшие по размеру именные проекции), которые оформляются особым падежом либо, как в цахурском примере (2.3), могут быть вложены в группу модификатора (ModP, [Rubin 2002]), оформляющего любые синтаксические зависимые именной группы. Менее тривиальна категоризация посессивных местоимений. Действительно, они демонстрируют как морфологические различия (ср. рус. *мой* и татарск. *аның* ‘его’ в (2.4)), так и синтаксическую неоднородность. Например, согласуемые препозитивные притяжательные местоимения во французском языке дополнительно распределены с артиклем, а в итальянском — нет:

- (2.6) a. (*le/un/ce)   mon   ami
           DET.DEF/DET.INDEF/этот   мой   друг
           ‘(этот) мой друг’
- b. *(il/uno/questo)   mio   amico
           DET.DEF/DET.INDEF/этот   мой   друг
           ‘(этот) мой друг’

В работе [Ihsane 2003], посвященной категоризации притяжательных местоимений в языках мира, выделяется три класса таких единиц: определители, прилагательные и местоимения (*determiners, adjectives and pronouns*), каждый из которых может к тому же иметь сильную и слабую форму. Например, французские притяжательные местоимения серии *mon, ton, ...* (2.6a) относятся к определителям, т.е. к вершинам категории D⁵¹. Именная группа с таким притяжательным местоимением является определенной, что подтверждается ее недопустимостью в экзистенциальных контекстах (т.е. контекстах типа *There is ...*):

- (2.7) *Il y a mon livre sur la table.
 ‘На столе есть моя книга.’

Адъективные притяжательные местоимения представлены, например, в немецком, западном фламандском и итальянском языке. Они демонстрируют морфологические свойства, сходные со свойствами прилагательных, не распределены с артиклями и не влияют на

⁵¹ Такое же решение о синтаксической категории этих единиц принимается в [Cardinaletti 1998; Schoorlemmer 1998].

определенность именной группы (2.6b). Их сильные формы выступают в эллиптическом контексте только в сопровождении артикля:

(2.8) (Контекст: — Чья это работа?)

a.	*(T) zyne. DET 3SG.POSS.ADJ 'Его.'	фламандский
b.	*(Die) seine. DET 3SG.POSS.ADJ 'Его.'	немецкий
c.	*(La) mienne. DET 1SG.POSS.ADJ 'Моя.'	французский

Наконец, притяжательные местоимения третьего типа — собственно проформы DP типа англ. *his* или татарского *аның* 'его', которые в именной группе занимают позицию Spec, DP (т.е. ту же позицию, которую занимает фразовый посессор). Определенный посессор в Spec, DP делает определенной всю DP; соответственно, в конструкциях с таким местоименным посессором допустимы только определенные D, как это и происходит, например, в венгерском языке. При этом, однако, мы не наблюдаем обязательной дополнительной дистрибуции притяжательных местоимений и определителей (артиклей), как в первом случае, поскольку они занимают разные структурные позиции в пределах одной проекции.

Русские притяжательные местоимения 1-2 лица, возвратное местоимение *свой* и серии местоимений с основой *чей* (вопросительное *чей*, отрицательное *ничей*, неопределенное *чей-то* и т.д.) относятся, очевидно, к классу прилагательных: их позиция в именной группе не ограничивается левой периферией, а их присутствие в именной группе не гарантирует ее определенности. Притяжательные местоимения 3-го лица (*его*, *ее*, *их*) исторически представляют собой генитив соответствующего указательного местоимения, однако в настоящее время скорее относятся к исключительному для русской именной группы классу неизменяемых препозитивных модификаторов, с точки зрения синтаксической дистрибуции аналогичных другим притяжательным местоимениям.

Наконец, притяжательные прилагательные на *-ов*, *-ин* (*Иваново детство*, *дядюшкин сон*) естественно отнести к категории прилагательных (A). Их синтаксической спецификой являются абсолютная неспособность к ветвлению (**мамины Коли руки* 'руки мамы Коли', **очень мамы руки*) и референциальный потенциал, т.е. способность обозначать референт, вследствие чего они могут реализовывать семантическую роль при предикате, выступать контролером PRO в

нефинитных составляющих и служить антецедентом анафорических выражений [Pereltsvaig 2007a].

Итак, в русском языке среди посессивных элементов нет собственно определителей; это значит, что они не могут возглавлять DP. Соответственно, вопрос о том, в какой структурной позиции располагаются посессоры, актуален для всех посессивных элементов.

Обсудим сперва препозитивные посессоры. Русский язык последовательно располагает слева от именной вершины согласуемые компоненты именной группы, а справа — управляемые и неизменяемые. Таким образом, препозитивные посессоры в русском языке адъективные. Популярная в формальных работах по русистике точка зрения состоит в том, что притяжательные местоимения располагаются в специальной проекции — PossP — которая находится ниже проекции указательного местоимения / D [Исакадзе 1999; Yadroff 1999; Rappaport 2002]. Эта гипотеза основывается на предпочтительном линейном порядке Dem-Poss (*этот твой свитер*? *твой этот свитер*). Наличие специальной проекции для посессора необходимо еще и в силу тета-критерия: если посессор фразовый и выражен именной группой, эта именная группа должна получить семантическую роль, необходимую для создания правильной интерпретации. Поскольку далеко не все лексические существительные имеют посессор в качестве своего аргумента⁵², необходима вершина, которая лицензирует появление посессора и приписывает ему семантическую роль.

Какую позицию занимают притяжательные прилагательные? На первый взгляд, они дополнительно распределены с притяжательными местоимениями и, таким образом, претендуют на одну структурную позицию (например, Spec, PossP). Однако ситуация не так проста.

Во-первых, как показывает Х. Тругман [Trugman 2005a,b,c, 2007a], притяжательные прилагательные могут образовывать с существительным идиоматическое или полуконпозиционное выражение, в котором функции притяжательного прилагательного эквивалентны генитиву типа (см. Схему 2.1) — *адамово яблоко, анютины глазки, базедова болезнь, глауберова соль, декартова система координат* и т.д. Такие выражения способны, однако, иметь и настоящий препозитивный посессор: *твои анютины глазки, Петина базедова болезнь, бабушкина глауберова соль*. Это значит, что притяжательные прилагательные могут занимать разные позиции в именной группе, причем более низкая позиция, в которой оно

⁵² Например, у реляционных имен (*мать, друг, ровесник*), существительных, обозначающих части (*край, конец, угол*), возможно, у частей тела (*рука, глаза*) имеется семантическая валентность на посессор/целое; более сомнителен тезис о наличии (факультативной) семантической валентности у артефактов (*дом, книга*). Однако у предметных существительных, обозначающих природные объекты (*река, песок, шишка*), семантической валентности на посессор, очевидно, нет.

может подвергаться идиоматизации, предположительно располагается на том же уровне, что и генитив типа, то есть, скорее всего, в пределах NP. Следовательно, едва ли можно считать, что притяжательные прилагательные порождаются только в составе PossP. Тругман делает еще более далеко идущие выводы и выдвигает гипотезу, что все посессоры порождаются внутри группы лексического существительного, но в ходе деривации референтные и нереферентные посессоры оказываются в разных структурных позициях.

Еще одна группа притяжательных прилагательных — нереферентные притяжательные прилагательные, обозначающие свойства (property denoting possessives) типа *чертова работа*, *сукин сын*, *маменькин сынок*. Такие притяжательные прилагательные в составе именные группы также сочетаются с референтными притяжательными прилагательными и местоимениями (*Мишина чертова работа*, *твой маменькин сынок*), что еще раз подтверждает возможность нескольких позиций для препозитивного притяжательного прилагательного.

Во-вторых, притяжательные местоимения и притяжательные прилагательные в русском языке обнаруживаются в разных линейных позициях по отношению к числительному. Если принять разделяемое многими формальными русистами допущение, что числительное в русской именной группе всегда расположено *in situ*⁵³, то из этого следует вывод о возможности разных структурных позиций для препозитивных посессоров. Отличия в линейной позиции сопряжены с различиями в интерпретации именных групп: при расположении притяжательного местоимения или притяжательного прилагательного левее числительного именная группа является определенной и имеет исчерпывающую интерпретацию (2.9), (2.11); при их расположении правее числительного такие эффекты не возникают (2.10), (2.12).

(2.9) а. Для этого не нужно много слов: вот **мои два секунданта**; этот господин военный (тут указал он на меня), он не откажется, конечно, быть вашим свидетелем. [И. И. Лажечников. Знакомство мое с Пушкиным (1856)]

б. Ну значит вот что за истина пришла ко мне и **моим двум больным ногам** после сей беседы в 2 часа ночи: подчинение не приносит вечного и прочного. [Переписка в icq между agd-ardin и Elanor (2008.11.05)] ср. # двум моим ногам

с. Потому как **мои два блока «Явы»** уже заканчиваются, частично мы сами выкурили, частично вожатые потаскали. [Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013)]

д. Теперь в **её шести обновлённых комнатах** заняли свои места документы и вещи пушкинской эпохи. [Юлия Кантор. Пушкинский дом. Открылась мемориальная дача поэта в Царском Селе (2002) // «Известия», 2002.06.07]

⁵³ Ср., однако, с анализом Д. Песецкого [Pesetsky 2013], который подробно обсуждается в разделе 5.3.1.

(2.10) а. А в Токсове старший тренер мужской команды Александр Грушин сетовал в разговоре со спецкором "Известий": «В Красногорске сразу **три моих парня** обморозились». [Андрей Митьков. Мороз по коже. Этап Кубка мира по лыжам в Токсове провели в экстремальных погодных условиях (2003) // «Известия», 2003.01.08] (ср. #мои сразу три парня, #сразу мои три парня)

б. В 76-м году **три моих рассказа** были опубликованы на Западе. [Сергей Довлатов. Наши (1983)]

с. В 2002 году введены ещё **две его базовые главы** — "О налоге на прибыль" и "О налоге на добычу полезных ископаемых". [Светлана Сухова. Мы можем просчитать вас полностью (2003) // «Итоги», 2003.01.13] (ср. # его еще две базовые главы)

(2.11) а. Быстро оглядел другие приборы — точно, среди них **дедовы три ножа и три вилки**. [Евгений Весник. Дарю, что помню (1997)]

б. Очень сильное влияние оказали **мамины два мужа**, которые были у нее после моего отца. [Егор Михалков-Кончаловский. Гуталин и пылесос как средства борьбы со стрессом (1997) // «Здоровье», 1997.12.15]

с. Вот к обеду, тогда уже все свои пришли: дядя Коля, Володя, Леонид Георгиевич (на радость m-He) и **мамины три молоденькие кузины** — Женя, Нина и Наташа, которых я просто обожаю, такие они миленькие, а главное веселые, и всегда затеют какие-нибудь интересные игры. [В. С. Новицкая. Хорошо жить на свете! (1912)]

(2.12) а. Интернировали еще **двух маминых приятельниц**, бывших замужем за иностранцами. [Лидия Вертинская. Синяя птица любви (2004)] (ср. # маминых еще двух приятельниц)

б. Давид Гудиани возглавлял созданный им много лет назад Музей современного искусства, в котором висели и **несколько Мишиных картин** из цикла «На крышах Тбилиси». [Дина Рубина. Несколько торопливых слов любви (2001) // «Новый Мир», 2003]

с. Папа погиб. На фронте были **два маминых брата**. Третий, действительно, находился в Ташкенте, учился в военно-политическом училище. [Павел Сиркес. Труба исхода (1990-1999)] (ср. ...мамины два брата. #Третий находился в Ташкенте)

Наконец, в-третьих, если рассматривать притяжательные прилагательные и местоимения не только с ролью посессора, но и с другими семантическими ролями, которые приписывает лексическое существительное (Агенс, Тема, Экспериенцер), можно отметить, что в именной группе возможны два препозитивных притяжательных элемента с разными семантическими ролями. Примеры типа *моя твоя фотография*, безусловно, выглядят неадекватно, однако их

можно существенно улучшить стилистически, если расположить между притяжательными местоимениями или прилагательными другой материал именной группы.

- (2.13) a. мой первый Петин портрет (я — агенс, Петя — тема)
 b. мои пять Петиних портретов (я — агенс, Петя — тема)
 c. твои две его работы (ты — посессор, он — агенс)
 d. мои несколько дедушкиных эскизов к этой картине (я — посессор, дедушка — агенс)

Таким образом, относя посессор к квази-аргументам именной группы, мы можем сформулировать следующее обобщение: в именной группе в принципе может быть столько притяжательных местоимений и прилагательных, сколько аргументов способно спроецировать существительное⁵⁴. Учитывая, что аргумент с любой семантической ролью может оказаться в разных структурных позициях (например, в (2.13b) агенс выше числительного, а в (2.13c-d) ниже), едва ли можно рассматривать притяжательные элементы как связанные с определенной (пусть и не одной) структурной позицией: понятно, что по меньшей мере часть этих позиций лежит вне проецируемой существительным аргументной структуры, однако их количество при таком подходе должно определяться аргументной структурой и моделью управления существительного.

Опираясь на эти рассуждения, можно предположить, что русские притяжательные местоимения и прилагательные являются адьюнктами с достаточно широкой и недоопределенной реляционной семантикой. Конкретное содержание отношения (посессор, агенс, тема) восстанавливается благодаря механизму, сходному с механизмом передачи семантической роли (*theta-transmission*; [Fox, Grodzinsky 1998]) от глагольной основы агентивному дополнению при пассивизации (подробнее о специфике отношения в посессивной конструкции см. [Partee 1983/97; Borschev, Partee 1999; Weiss, Rakhilina 2002; Storto 2003]). Будучи предикатами⁵⁵, эти адьюнкты могут находиться в различных функциональных проекциях именной группы, причем их сфера действия претерпевает изменения в зависимости от того, какого рода сущность они модифицируют. Наиболее наглядно это можно продемонстрировать с нереферентными притяжательными прилагательными. В (2.14a) эпитет

⁵⁴ Здесь мы не касаемся вопроса о том, что возможность выражения аргумента притяжательным местоимением или прилагательным непосредственно зависит от того, какой падеж приписывает существительное своему аргументу. Только те аргументы, которые могут оформляться генитивом, способны выступать в препозиции как притяжательные элементы.

⁵⁵ Посессоры категории D (например, франц. *mon* 'мой') одновременно добавляют отношение и действуют как определенный артикль, т.е. меняют семантический тип именной группы. Именно поэтому никакая модификация экстенционала именной группы поверх такого посессора невозможна.

чертов определяет группу из двух девиц, в то время как в (2.14b) такого эпитета заслуживает каждая из баб в отдельности.

(2.14) а. Вдруг управляющий является, говорит: — Где эти **чертовы две девицы**? Через их полная гибель. [М. М. Зощенко. Монтер (1926)]

б. В общем, я все сделал, как он хотел. Отправил **двух чертовых баб** в Швейцарию. [Александр Пятигорский. Вспомнишь странного человека (1997)]

Обратимся теперь к вопросу о структурной позиции фразовых посессоров, выраженных именными группами. Как мы видели выше, в ряде языков, таких как английский или венгерский, фразовые посессоры определенной структуры (саксонский генитивный посессор в английском, дативный посессор в венгерском) располагаются на левой периферии именной группы и либо выполняют функции определенного артикля, будучи дополнительно распределены с ним (английский), либо сочетаются только с определенным артиклем (венгерский).

Безартиклевые языки также могут иметь фразовый посессор такого типа. Например, в [Pereltsvaig, Lyutikova 2014; Лютикова 2014б; Lyutikova, Pereltsvaig 2015a,b] аргументируется анализ татарской изафетной конструкции с генитивным посессором, контролирующим посессивный аффикс на именной вершине, как DP, так что генитивный посессор находится в Spec, DP, а посессивный показатель расположен в вершине D (подробно этот анализ обсуждается в разделе 1.2.2).

(2.15) а. [DP [DP а-ның] [NP ат][D -ы]]
он-GEN лошадь-3
'его лошадь'

б. [DP [DP Марат-ның] [NP ат] [D-ы]]
Марат-GEN лошадь-3
'лошадь Марата'

Возникает вопрос, является ли данная позиция исходной или производной. Для некоторых языков ответ на этот вопрос очевиден: так, в венгерском языке дативный посессор передвигается в Spec, DP из более глубоко вложенной позиции в PossP, поскольку в производной позиции по-прежнему контролирует посессивный аффикс на именной вершине (см. примеры в (2.1) и их анализ в (2.16)).

(2.16) а. [DP (a) [PossP [DP Mari] [NP kalap] [Poss -ja]]-i]
DET Мари.NOM шляпа-POSS-PL-(3SG)
'шляпы Мари'

- b. [DP [DP Mari-nak]_i   a   [POSSP *t*_i [NP kalap] [POSS -ja]]-i]
 Мари-ДАТ   DET   шляпа-POSS-PL-(3SG)
 ‘шляпы Мари’

Однако наличие в именной группе двух позиций для фразового посессора не обязательно означает, что одна из них исходная, а вторая производная. Например, в татарском языке, наряду с рассмотренной выше изафетной конструкцией 3 (2.15), имеется также изафетная конструкция 2, в которой зависимая именная группа выступает без падежного показателя. Татарские примеры (2.17a-b) очень напоминают венгерские (2.16a-b):

- (2.17) a. бала   китаб-ы
 ребенок   книга-3
 ‘книга ребенка, детская книга’
- b. бала-ның   китаб-ы
 ребенок-GEN   книга-3
 ‘книга (этого) ребенка’

Тем не менее, в разделе 2.2 будет показано, что две татарских изафетных конструкции не связаны деривационно. Здесь мы укажем лишь на некоторые аргументы в пользу этой точки зрения. Во-первых, в одной именной группе возможны одновременно оба посессора — генитивный и немаркированный. Во-вторых, генитивный и немаркированный посессоры различаются структурным статусом: в позиции генитивного посессора находятся DP, в то время как немаркированный посессор представляет собой именную группу малой структуры. В-третьих, генитивный посессор всегда заполняет семантическую валентность именной или другой вершины, в то время как немаркированный посессор выступает в качестве модификатора, а не аргумента.

В русском языке фразовые посессоры постпозитивные. Это создает определенные сложности с взаимным упорядочиванием фразовых посессоров и левосторонних компонентов именной группы, таких как числительные, притяжательные местоимения и прилагательные, указательные местоимения. Тем не менее, возможно описать взаимное расположение постпозитивных компонентов именной группы и отсюда сделать некоторые выводы об их структурной позиции.

Как показано, в частности, в работах [Engelhardt, Trugman 1998; Гращенков 2004, 2006; Trugman 2005a], среди генитивных зависимых непроцессных имен можно выделить три класса: аргументы лексического существительного (внутренние и внешние), генитивные адьюнкты-модификаторы и посессоры. Хотя исследователи по-разному оценивают взаимное расположение посессора и модифицирующего генитива (см. Схему 2.2), тем не менее порядок

генитивных зависимых в целом соответствует нашим ожиданиям: сначала аргументы, проецируемые вершиной N (внутренний и внешний), затем посессор, возникающий, очевидно, в функциональной структуре над NP, и адьюнкты, которые в принципе могут присоединяться к проекциям разного уровня разных лексических и функциональных вершин⁵⁶.

Схема 2.2. Порядок следования генитивных зависимых в предметной именной группе

(N) внутренний аргумент > внешний аргумент > модификатор > посессор [Trugman 2005a]

(N) внутренний аргумент > внешний аргумент > посессор > модификатор [Гращенков 2004]

Ситуация, однако, меняется, если мы привлекаем к рассмотрению не только генитивные аргументы, но и аргументы существительного в прочих падежах. Как показывает (2.18), генитивный аргумент должен располагаться контактно с именной вершиной вне зависимости от того, является он внутренним (int) или внешним (ext); только если оба аргумента получают генитив, начинают действовать иерархии Схемы 2.2.

- (2.18) a. портрет поэта Пушкина (int) художника Кипренского (ext)
 b. *портрет художника Кипренского (ext) поэта Пушкина (int)
 c. недовольство поэта Пушкина (ext) художником Кипренским (int)
 d. ???недовольство художником Кипренским (int) поэта Пушкина (ext)
 e. письмо Пети (ext) Вась (int)
 f. * письмо Вась (int) Пети (ext)
 g. эскиз Пети (ext) к картине (int)
 h. ???эскиз к картине (int) Пети (ext)
 i. закон всемирного тяготения (int) Исаака Ньютона (ext) [Гращенков 2004]
 j. *закон Исаака Ньютона (ext) всемирного тяготения (int)

Необходимость контактного расположения аргумента с именной вершиной, приписывающей ему генитив, неоднократно отмечалась исследователями русского синтаксиса (ср., например, с обобщением А.А. Зализняка и Е.В. Падучевой [Зализняк, Падучева 1979] о невозможности разрыва генитивной связи при выдвигании относительного местоимения). Этот факт создает значительные сложности в анализе деривации именной группы в русском языке; в

⁵⁶ Оценивая примеры с разными порядками следования генитивных зависимых, следует учитывать возможное влияние просодических факторов, в частности, фактора линейного размера зависимого. Так, трехчастное генитивное зависимое всегда состоит как минимум из двух слов, поэтому имеет тенденцию к расположению последним.

разделе 2.3 предлагается критический обзор предшествующих подходов и намечается альтернативный анализ.

Последний вопрос, который мы обсудим применительно к посессорам, — это дистрибуция препозитивных и постпозитивных посессоров. Данная проблематика, естественно, неактуальна для языков последовательного левого ветвления в именной группе, например, татарского, венгерского или цахурского. В русском языке препозитивные и постпозитивные посессивные зависимые (и зависимые аргументы именной вершины с другими семантическими ролями), на первый взгляд, распределены тривиально, на основании синтаксического класса посессора: местоименные посессоры располагаются слева и имеют адъективную морфологию (*мой стол*); посессоры-именные группы располагаются справа и нуждаются в падеже (*стол моего отца*); если для (однословного) посессора имеется соответствующее притяжательное прилагательное, говорящий волен выбрать либо адъективный препозитивный посессор, либо именной постпозитивный (*бабушкин стол / стол бабушки*). Несмотря на различную линейную позицию по отношению к вершине притяжательные и генитивные посессоры могут сочиняться, причем как в препозиции, так и в постпозиции:

(2.19) а. ...**моё и Сашки** рабочее место было рядом с кабинетом НВ, в большой комнате, где было и рабочее место НВ и Елены Александровны. [Даниил Гранин. Зубр (1987)]

б. Дубай поразил сознание **мое и Кирсана** своим размахом в строительстве и бизнесе. [Артем Тарасов. Миллионер (2004)]

Наконец, копирующие падеж antecedenta обороты, вводимые союзами *как, будто*, сравнительные обороты с союзом *чем* и т.п., относясь к притяжательному местоимению, демонстрируют генитив именной группы, и наоборот.

(2.20) а. Прошу продлить **мой** договор как **прошедшей** по конкурсу...

б. Давно растеряв всякую личную удачу, Рубин жил жизнью **человечества** как **своей** семейной. [Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 26-51 (1968) // «Новый Мир», 1990]

На основании этих данных и Раппапорт, и Тругман считают притяжательные местоимения специальной генитивной формой личных местоимений [Rapaport 1998, 2002, 2005; Engelhardt, Trugman 1998; Trugman 2005a,b,c 2007a, 2008]. Этот анализ, однако, не учитывает целый ряд фактов, которые будут подробно рассмотрены в разделе 2.3. Мы покажем, что анализ притяжательной формы как генитивного аргумента в именной группе, будь то любой генитив, только структурный генитив или же некий третий генитив, несостоятелен. Более адекватно русские данные описываются при помощи высказанной выше гипотезы о

неаргументном статусе притяжательных элементов: они могут ассоциироваться с теми семантическими ролями, которые не получили выражения в аргументных позициях, поэтому никогда не конкурируют за семантическую роль с генитивными зависимыми.

Дистрибуция препозитивных и постпозитивных посессоров в английском языке также чувствительна к интерпретации (аргумент/модификатор, семантическая роль аргумента), а не к категориальному статусу (существительное/местоимение)⁵⁷. В [Radford 2000] предлагается следующий механизм, определяющий линейную и структурную позицию аргументов в английской именной группе. Во-первых, именная группа имеет структуру, представленную в (2.21a), так что группа легкого существительного *nP* доминирует над группой лексического существительного и проецирует внешний аргумент у событийных имен так же, как группа легкого глагола *vP* доминирует над группой лексического глагола *VP* и проецирует внешний аргумент у переходных и неэргативных глаголов. Посессор возникает в специализированной проекции *PossP*. Во-вторых, в английской именной группе имеется два источника падежа: ингерентный генитив (*of*-генитив), приписываемый существительным одному из внутренних аргументов, и структурный генитив (*s*-генитив), приписываемый вершиной *D* ближайшей с-командуемой цели, с которой она согласуется и которая передвигается в *Spec, DP*. В-третьих, легкое существительное *n* всегда вызывает передвижение лексической вершины *N*, благодаря чему все внутренние аргументы существительного оказываются справа, а внешние — слева от существительного (2.21b). Внутренний аргумент может затем оказаться слева от существительного, но только в результате собственного передвижения в *Spec, DP* и при получении им структурного саксонского генитива (2.21c). Поскольку приписывание саксонского генитива не связано с семантической ролью или аргументным статусом, а требует лишь наличия у мишени необходимых для согласования признаков, при отсутствии других кандидатов в *Spec, DP* попадают, например, временные адъюнкты (2.21d) (впервые этот важный факт отмечается в работе [Fukui 1986]).

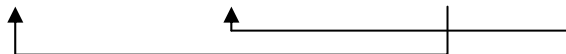
(2.21) a. [_{DP} D [_{PossP} POSS [_{nP} n [_{NP} N]]]]

b. [_{DP} *the enemy's / his* D [_{nP} *the enemy / he* destruction+n [_{NP} *destruction* of the city]]]

‘его разрушение города / разрушение города неприятелем’

⁵⁷ Следует отметить, однако, что адъективные квазиаргументы (*the recent French decision to ban British beef* ‘недавнее решение Франции (букв. французское решение) о запрете британской говядины’) возможны только в препозиции.

c. [_{DP} *the city's* D [_{NP} *destruction*+n [_{NP} *the city destruction* by the enemy]]]

‘разрушение города неприятелем’

d. [_{DP} *yesterday's* D [_{NP} *yesterday decision*+n [_{NP} by the jury *decision* to acquit the defendant]]]

‘вчерашее решение суда оправдать подсудимого’

Анализ Рэдфорда предсказывает, в частности, что посессивные именные группы могут выражаться только саксонским генитивом, но не *of*-генитивом: поскольку посессор возникает в PossP, вне именной тематической области, то существительное неспособно приписать ему ингерентный падеж. Таким образом, Рэдфорд приходит к тому же выводу, что и Б. Парти [Partee 1983/1996]: *of*-генитив всегда имеет аргументную интерпретацию, в то время как *s*-генитивы и притяжательные местоимения (*my, your, his...*) — и аргументную, и неаргументную.

Подведем итоги нашего обсуждения. Параметры варьирования посессивных компонентов именной группы включают, как минимум, следующие характеристики: синтаксический статус (вершины / группы / проформы); синтаксическая категория (D, A, проформы DP, различные структурные типы именных групп (DP, именные группы малой структуры — Small nominals, SN)); интерпретация (кванторная / предикатная); проекция (DP / ниже); передвижение (передвигается из исходной позиции в наблюдаемую / располагается в исходной позиции); исходная позиция и семантическая роль (аргумент Poss / аргумент N / аргумент V (номинализации) / неаргумент); линейная позиция в именной группе (препозитивные / постпозитивные посессоры).

Как видно даже из краткого обзора в данном разделе, посессоры не образуют единого синтаксического класса ни в межъязыковом аспекте, ни внутри конкретного языка. Однако само существование различий между ними, как кажется, говорит скорее в пользу гипотезы об иерархической структуре, лежащей в основе именной группы в языках разного строя. Многообразие и нестабильность свойств посессоров, связываемые с различными доступными для них структурными позициями, различными категориальными свойствами посессоров, различными потребностями в отношении падежа несомненно свидетельствуют о довольно богатой структуре именной группы, которую невозможно свести к трехпозиционной альтернативе (комплемент-адьюнкт-спецификатор NP). В следующих разделах мы подробно рассмотрим посессивные структуры в двух безартиклевых языках — татарском (раздел 2.2) и русском (раздел 2.3). В татарском языке представлено два типа посессоров, проявляющих синтаксические и интерпретационные различия, при этом один из них — генитивный — возможен только в том случае, если именная группа проецирует максимальную

функциональную структуру. Таким образом, для татарского языка наличие проекции DP предопределяется наличием посессора, а именно — его потребностью в падеже. В русском языке вершина D также рассматривалась как источник генитива посессора. Однако, как будет показано в разделе 2.3, не существует никаких оснований связывать приписывание посессивного генитива в русском языке с проекцией DP. Тем не менее, деривация структурных характеристик русской именной группы требует достаточно сложной иерархической структуры функциональных проекций, доминирующих над группой лексического существительного.

2.2. Структурная позиция посессора и его свойства в татарском языке

В этом разделе мы исследуем посессивные конструкции литературного татарского языка⁵⁸. Посессивные конструкции татарского языка входят в число так называемых *изафетных конструкций*, оформляющих вложение именных групп и вершин в именные группы. Термин *изафет* обозначает определенные типы атрибутивных конструкций в иранских и тюркских языках. В тюркских языках *изафетом* называют конструкцию, включающую именную вершину и именное зависимое. Три типа *изафета* различаются формально и содержательно. Самая простая конструкция — *изафетная конструкция первого типа* — образуется соположением именных основ и выражает узкий круг значений (материал и количественное отношение). Две других конструкции — *изафетные конструкции второго и третьего типа* — включают фразовые зависимые и могут иметь посессивное значение. О них и пойдет речь в данном разделе.

Как мы отмечали выше, посессоры в татарских *изафетных* конструкциях связаны с собственными (хотя и частично пересекающимися) множествами интерпретаций и имеют собственные формальные характеристики и синтаксические свойства (ср. (2.17a-b)). В наши задачи входит установить синтаксические категории и структурные позиции двух посессоров, проследить их деривацию и выявить взаимосвязь между их синтаксическими характеристиками и интерпретационным потенциалом.

В разделе 2.2.1 мы обсудим формальные характеристики двух посессивных конструкций татарского языка, в традиционных грамматиках имеющих наименования «*изафетная конструкция второго типа*» и «*изафетная конструкция третьего типа*» (далее *изафетная*

---

⁵⁸ Данный раздел основывается на статье [Pereltsvaig, Lyutikova 2014]. Из предшествующих работ на эту тему следует отметить работу [Гращенко 2007], в которой подробно исследуются интерпретационные возможности двух посессивных конструкций мишарского диалекта татарского языка и выявляются факторы, влияющие на выбор той или иной конструкции.

конструкция 2 и изафетная конструкция 3). В разделе 2.2.2 мы покажем, что посессор в исследуемых конструкциях занимает разные структурные позиции, ни одна из которых, однако, не может рассматриваться как аргументная или адъюнктивная позиция внутри группы лексического существительного (NP). В разделе 2.2.3 будет показано, что сами посессоры различаются по своей внутренней структуре: посессор в изафетной конструкции 3 соответствует максимальной именной проекции, в то время как посессор в изафетной конструкции 2 проецирует меньше функциональной структуры и относится, таким образом, к именным группам малой структуры (Small Nominals, SN). Раздел 2.2.4 посвящен интерпретациям двух посессивных конструкций татарского языка и их связи со структурными характеристиками посессоров.

2.2.1. Формальные характеристики изафетных конструкций

В отличие от русских или английских посессивных конструкций с фразовым посессором, две изафетные конструкции татарского языка противопоставлены формально — падежным оформлением посессора и возможными характеристиками изафетного показателя на именной вершине. В формально более сложной изафетной конструкции 3 посессор получает показатель генитива *-ның*, а вершина несет на себе изафетный показатель, согласующийся с генитивным посессором в лице и числе. Здесь и в других разделах изафетный показатель глоссируется как лично-числовая характеристика именной группы. При посессоре 3-го лица согласования по числу не происходит⁵⁹.

- (2.22) a.   без-нең   китаб-ыбыз
               мы-GEN   книга-1PL
               ‘наша книга’
- b.   бала-лар-ның   китаб-ы
               ребенок-PL-GEN   книга-3
               ‘книга детей’

⁵⁹ В некоторых диалектах татарского языка посессор 3-го лица может контролировать числовое согласование на именной вершине, что приводит к неоднозначности показателя *-лар* ‘PL’ между интерпретируемым и согласовательным:

- (i)   бала-лар-ның   уенчык-лар-ы
           ребенок-PL-GEN   игрушка-PL-3
           ‘игрушки детей’ или ‘игрушка детей’

В изафетной конструкции 2, напротив, посессор не несет на себе падежного показателя; вершина маркируется изафетным показателем 2, омонимичным изафетному показателю 3 для 3-го лица. Как будет показано в разделе 2.2.3, посессор в изафетной конструкции 2 не может быть местоименным и, соответственно, не может быть 1-го или 2-го лица. Соответственно, невозможно установить, выражает ли показатель изафета 2 согласование с 3-м лицом или же не выражает согласования в принципе. Однако, как будет показано ниже, допущение, что изафетный показатель 2 выражает согласование с именной группой 3-го лица, позволяет предложить объяснение тому факту, что показатели изафета 3 и 2 не могут быть выражены одновременно. Соответственно, далее показатель изафета 2 также глоссируется как ‘3’ (т.е. согласование с 3 лицом)⁶⁰.

(2.23) бала-лар   китаб-ы
           ребенок-PL   книга-3
           ‘книга детей, детская книга’

Две изафетных конструкции могут быть представлены в пределах одной именной группы, так что именная вершина оказывается охарактеризована двумя модификаторами (2.24a). При этом, как видно из (2.24b), на вершине именной группы возможен только один изафетный показатель.

(2.24) а.   [укучы-ның [дәфтәр-ләр папка-сы]]
           ученик-GEN тетрадь-PL папка-3
           ‘папка для тетрадей ученика’

          б.   * [укучы-ның [дәфтәр-ләр папка-сы]-сы]
           ученик-GEN тетрадь-PL папка-3-3
           ‘папка для тетрадей ученика’

В этой связи возникает два вопроса. Во-первых, является ли маркер *-сы* в (2.24a) показателем изафета 2, согласующимся с именной группой *дәфтәрләр* ‘тетради’, или же

⁶⁰ Против такого решения имеются определенные контраргументы. Во-первых, в тех диалектах, где допустимо согласование изафетного показателя с посессором 3-го лица по числу (см. предыдущую ссылку), в изафетной конструкции 2 возможность такого согласования отсутствует. Во-вторых, такой анализ требует определенного подхода к категории лица и ее связи со структурой именной группой: необходимо допустить, что внутри интерпретируемой категории лица все три значения имеют положительное определение и что посессор в изафетной конструкции 2 охарактеризован по лицу. Однако, как показано в [Lyutikova, forthcoming], для татарского языка более адекватен такой анализ, при котором 3-е лицо — это дефолтное значение согласовательной категории лица, а интерпретируемая категория лица содержит только положительные значения [+ автор] [+ локутор] (1-е лицо) и [+ локутор] (2 лицо).

показателем изафета 3, согласующимся с генитивным посессором *укытучының* ‘учеников’? Во-вторых, почему невозможно появление двух изафетных показателей –*сы* в (2.24b)?

В качестве ответа на второй вопрос можно было бы предположить, что в татарском языке действуют правила, ограничивающие морфонологическую гапологию, аналогичные тем, что вызывают расподобление двух *si* клитик в итальянском языке или двух клитик, начинающихся на *l*, в испанском языке (*spurious se rule*, см. [Bonet 1991, 1995; Grimshaw 1997]). Так, в итальянском комбинация клитик *si si* дает *ci si*, в испанском *le lo* дает *se lo*.

Однако несовместимость двух изафетных показателей распространяется также на случаи, когда они выражают разные лично-числовые значения и тем самым не являются омонимичными:

- (2.24) а. * [без-нең [дәфтәр-ләр папка-сы]-быз]
 мы-GEN тетрадь-PL папка-3-1PL
 ‘наша папка для тетрадей’
- б. * [без-нең [дәфтәр-ләр папка-быз-ы]]
 мы-GEN тетрадь-PL папка-1PL-3
 ‘наша папка для тетрадей’

Грамматические варианты выражения этого значения предполагают выбор между одним из двух изафетных показателей. Пример (2.25а) содержит показатель изафета 2, выражающий согласование с посессором *дәфтәрләр* ‘тетради’, а показатель изафета 3 отсутствует. Наоборот, в примере (2.25б) содержится показатель изафета 3, согласующийся с генитивным посессором *безнең* ‘наш’, а показатель изафета 2 не представлен.

- (2.25) а. [без-нең [дәфтәр-ләр папка-сы]]
 мы-GEN тетрадь-PL папка-3
 ‘наша папка для тетрадей’
- б. [без-нең [дәфтәр-ләр папка]-быз]
 мы-GEN тетрадь-PL папка-1PL
 ‘наша папка для тетрадей’

Если обратиться к более широкой картине, отражающей дистрибуцию изафетных показателей вне конструкций с двумя посессорами, обнаруживается, что показатели изафета 2 и 3 допускают опущение в разной степени. Так, для изафетной конструкции 3 можно установить следующие закономерности: согласование с генитивным посессором 1-го и 2-го лица в разговорной речи является факультативным (2.26а), а согласование с генитивным посессором 3-го лица — обязательным (2.26б):

- (2.26) a. без-нең папка-(быз)
 мы-GEN папка-1PL
 ‘наша папка’
- b. укучы-ның папка-*(сы)
 ученик-GEN папка-3
 ‘папка ученика’

Показатель изафета 2 может (а в некоторых случаях — должен) быть опущен в определенных конструкциях, например, в конструкции с атрибутивизатором *-лы*. В (2.27a) показана изафетная конструкция 2, подвергшаяся вложению под атрибутивизирующий показатель *-лы*. Обратим внимание, что выражение (2.27a) не содержит показателя изафета 2, хотя содержит посессор — именную группу *татар* ‘татарин’. Действительно, сохранение изафетного показателя делает атрибутивную конструкцию неграмматичной (2.27b); при этом вне атрибутивной конструкции показатель изафета 2 обязателен (2.27c).

- (2.27) a. татар тел-ле бала-лар
 татарин язык-ATR ребенок-PL
 ‘татароязычные дети’
- b. * татар тел-е-ле бала-лар
 татарин язык-3-ATR ребенок-PL
 ‘татароязычные дети’
- c. татар тел-*(е)
 татарин язык-*(3)
 ‘татарский язык’

Обязательность показателя изафета 3 при генитивном посессоре 3-го лица и возможность опущения показателя изафета 2 в определенных контекстах позволяют заключить, что показатель *-сы* в (2.24a) является показателем изафета 3, а не изафета 2. Недопустимость одновременного появления показателей изафета 3 и 2 с разными лично-числовыми характеристиками предположительно объясняется невозможностью выражения двух наборов лично-числовых характеристик на одной именной вершине^{61, 62}. Если посессор в изафетной

⁶¹ Сходный запрет на два изафетных показателя имеет место в турецком языке [Kornfilt 1986]. Корнфилт объясняет его в терминах морфосинтаксического ограничения на дублирование (Stuttering Prohibition), которое налагает запрет на последовательность морфем, выражающих ф-признаки (вне зависимости от того, являются ли эти признаки одинаковыми или различными). Такое объяснение, однако, неприменимо, если показатель изафета 2 не является согласовательным и тем самым не выражает ф-признаки; см. [Göksel 1997, 2008, 2013].

⁶² Сходное поведение обнаруживает показатель множественного числа *-лар*, который в ряде диалектов может

конструкции 3 1-го или 2-го лица, возможна опция опущения показателя изафета 3 (ср. (2.26а)); в таком случае на именной вершине может быть выражен изафетный показатель 2 (2.25а). Еще одна возможность — выразить согласование с генитивным посессором в изафетной конструкции 3; тогда показатель изафета 2 должен быть опущен (2.25b). Наконец, если оба посессора 3-го лица, то единственный маркер изафета является показателем изафета 3 (2.24а).

Коль скоро в выражении показателей изафета 2 и 3 обнаруживается дополнительная дистрибуция, возникает вопрос, не занимают ли эти показатели одну структурную позицию, и, соответственно, не являются ли сами посессоры в этих изафетных конструкциях структурно идентичными (как, например, множественные адъюнкты или множественные спецификаторы). В следующем разделе, однако, мы покажем, что такой анализ неверен: посессоры в изафетных конструкциях 2 и 3 соответствуют разным структурным позициям.

2.2.2. Структурная позиция посессора

Рассмотрим языковые данные, позволяющие определить структурные позиции генитивного посессора в изафетной конструкции 3 и немаркированного посессора в изафетной конструкции 2. Начнем с того, что в том случае, когда в пределах одной именной группы одновременно представлены и изафетная конструкция 3, и изафетная конструкция 2, генитивный посессор предшествует немаркированному посессору⁶³:

выступать не только как показатель числа именной вершины, но и как согласовательный показатель в изафетной конструкции 3 при посессоре 3-го лица множественного числа (см. сноску выше):

- (i) бала-лар-ның уенчык-лар-ы
ребенок-PL-GEN игрушка-PL-3
'игрушки детей' или 'игрушка детей'

При этом, однако, последовательность из двух показателей *-лар*, где один выражает множественное число вершины, а второй — множественное число посессора, неграмматична:

- (ii) * бала-лар-ның уенчык-лар-лар-ы
ребенок-PL-GEN игрушка-PL-PL-3
'игрушки детей'

⁶³ Хотя, как будет показано в следующих разделах, сами посессоры могут содержать собственные зависимые различных типов, в том числе и посессивные, одновременное присутствие в именной группе двух посессоров одного типа невозможно, что поддерживает гипотезу о выделенной структурной позиции, зарезервированной за каждым типом посессивных составляющих:

- (i) а. * бала-лар дәфтәр-ләр папка-сы
ребенок-PL тетрадь-PL папка-3
'детская папка для тетрадей'

- (2.28) a. [укучы-ның [дәфтәр-ләр папка-сы]]
ученик-GEN тетрадь-PL папка-3
‘папка ученика для тетрадей’
- b. * [дәфтәр-ләр [укучы-ның папка-сы]]
тетрадь-PL ученик-GEN папка-3
‘папка ученика для тетрадей’

Это свидетельствует о том, что генитивный посессор изафетной конструкции 3 занимает более высокую структурную позицию, чем немаркированный посессор изафетной конструкции 2. Данный вывод подтверждается также взаимным расположением в линейной структуре двух посессоров и прочих модификаторов именной группы, таких как прилагательные и числительные. Генитивный посессор изафетной конструкции 3 предшествует всем типам прилагательных (непроизводным и производным, одиночным и ветвящимся), в то время как немаркированный посессор изафетной конструкции 2 следует за ними (2.29). Аналогичную картину наблюдаем с числительными (2.30).

- (2.29) a. бала-лар-ның яңа дәфтәр-ләр-е
ребенок-PL-GEN новый тетрадь-PL-3
‘новые тетради детей’
- b. яңа бала-лар-ның дәфтәр-ләр-е
новый ребенок-PL-GEN тетрадь-PL-3
*‘новые тетради детей’ / ‘тетради новых детей’
- c. яңа бала-лар дәфтәр-ләр-е
новый ребенок-PL тетрадь-PL-3
‘новые детские тетради’
- d. * бала-лар яңа дәфтәр-ләр-е
ребенок-PL новый тетрадь-PL-3
‘детские новые тетради’
- (2.30) a. бала-лар-ның биш дәфтәр-е
ребенок-PL-GEN пять тетрадь-3
‘пять тетрадей ребенка’
- b. *биш бала-лар-ның дәфтәр-е
пять ребенок-PL-GEN тетрадь-3
‘пять тетрадей ребенка’

-
- b. * укучы-ның дәфтәр-ләр-нең папка-сы
ученик-GEN тетрадь-PL-GEN папка-3
‘папка ученика для тетрадей’

- c. биш бала-лар дэфтәр-е
 пять ребенок-PL тетрадь-3
 ‘пять детских тетрадей’
- d. * бала-лар биш дэфтәр-е
 ребенок-PL пять тетрадь-3
 ‘пять детских тетрадей’

Более того, генитивный посессор предшествует также причастным относительным клаузам, располагающимся на левой периферии татарской именной группы:

- (2. 31) a. автор-ның [RC бала-лар өчен яз-ыл-ган] шигырь-ләр-е
 автор-GEN ребенок-PL для писать-PASS-PART стихотворение-PL-3
 ‘стихотворения автора, написанные для детей’ (<http://corpus.tatar/>)
- b. * [RC бала-лар өчен яз-ыл-ган] автор-ның шигырь-ләр-е
 ребенок-PL для писать-PASS-PART автор-GEN стихотворение-PL-3
 ‘стихотворения автора, написанные для детей’

Таким образом, можно заключить, что генитивный посессор изафетной конструкции 3 занимает крайнюю левую (т.е. самую высокую) позицию в именной группе. Естественная гипотеза, которая возникает в свете предыдущего обсуждения, состоит в том, что эта позиция связана с приписыванием генитива, которое происходит при согласовании посессора и вершины, возглавляющей верхнюю функциональную проекцию именной группы. Соответственно, генитивный посессор располагается в спецификаторе этой группы. Немаркированный посессор, напротив, занимает расположенную ниже беспадежную позицию, предназначенную для фразовых категорий. Далее в этом разделе мы установим, о каких проекциях идет речь.

Начнем с генитивного посессора. Чтобы установить структурный тип именных групп, проецирующих генитивный посессор, воспользуемся нашими результатами, полученными при исследовании дифференцированного маркирования объекта в татарском языке (см. [Лютикова 2014б; Lyutikova, Pereltsvaig 2015a,b; Лютикова, Перельцвайг 2015]). Подробно эта проблематика рассматривается в разделе 7.2; здесь же мы используем диагностику, связанную с дифференцированным падежным маркированием объекта, для установления категориального статуса изафетной конструкции 3.

Итак, в татарском языке дифференцированное маркирование объекта относится к асимметричному типу: варьируют аккузативные и беспадежные именные группы (2.32). Лицензором варьирования является синтаксическая категория именной группы: DP получают аккузативное маркирование (личные местоимения, имена собственные, кванторные и

определенные именные группы, (2.33)), а именные группы малой структуры остаются немаркированными.

(2.32) Марат кием-(не) сат-ты.
Марат одежда-(ACC) продавать-PST

‘Марат продал одежду.’

(2.33) Марат алар-*(ны) күр-де.
Марат они-(ACC) видеть-PST

‘Марат их видел.’

Таким образом, можно использовать падежное оформление прямого дополнения для определения структурного статуса именной группы. Применяя эту диагностику к именным группам, содержащим генитивный посессор, обнаруживаем, что такие именные группы в обязательном порядке получают показатель аккузатива, а значит, являются DP (2.34).

(2.34) a. Марат Алсу-ның кием-е-н сат-ты.
Марат Алсу-GEN одежда-3-ACC продавать-PST

‘Марат продал одежду Алсу.’

b. * Марат Алсу-ның кием-е сат-ты.
Марат Алсу-GEN одежда-3 продавать-PST

‘Марат продал одежду Алсу.’

Именные группы с генитивным посессором отличаются не только от именных групп, не содержащих изафетных структур (2.32), но и от именных групп, проецирующих немаркированный посессор в изафетной конструкции 2: последние допускают как аккузативное маркирование, так и отсутствие падежного показателя (2.35).

(2.35) a. Марат хатын-нар кием-е-н сат-ты.
Марат женщина-PL одежда-3-ACC продавать-PST

‘Марат продал женскую одежду.’

b. Марат хатын-нар кием-е сат-ты.
Марат женщина-PL одежда-3 продавать-PST

‘Марат продал женскую одежду.’

Следовательно, можно заключить, что генитивный посессор в изафетной конструкции 3 относится к числу фразовых посессоров, располагающихся в самой верхней функциональной оболочке именной группы — DP. Учитывая связь между падежом посессора, его структурной позицией и наличием лично-числового согласования изафетного показателя, естественно предположить, что генитивный посессор передвигается в Spec, DP и получает падеж в

результате установления отношения согласования (AGREE) между вершиной D, содержащей изафетный показатель, и именной группой — носителем интерпретируемых признаков лица и числа.

Обратимся теперь к структурной позиции немаркированного посессора в изафетной конструкции 2. Если исходить из того, что минимально необходимое количество функциональной структуры, объясняющее дихотомию двух посессоров — это вложение NP в DP, то немаркированный посессор должен располагаться в группе лексического существительного, например, в Spec, NP. Однако имеются свидетельства того, что в татарском языке немаркированный посессор изафетной конструкции 2 должен располагаться в более высокой проекции, чем NP, т.е. промежуточной проекции между NP и DP. Эти свидетельства состоят в том, что в татарском языке имеются конфигурации, требующие вложения именной составляющей, не превышающей размером NP, и в таких конфигурациях показатель изафета 2 недопустим.

Одной из таких конфигураций является упомянутая выше атрибутивная конструкция с показателем *-лы*, который присоединяется к именной составляющей и превращает ее в модификатор. Как мы видели, *-лы* допускает вложение ветвящихся именных составляющих, однако такие составляющие не могут содержать показатель изафета (2.27a-b), а также показатель множественного числа *-лар* (2.36).

- (2.36) а. * күк чэчэк-лэр-ле чашка
 синий цветок-PL-ATTR чашка
 ‘чашка с синими цветами’
- б күк чэчэк-ле чашка
 синий цветок-ATTR чашка
 ‘чашка с синим цветком’ или ‘чашка с синими цветами’

Учитывая, что показатель изафета 2 располагается в структуре именной словоформы дальше от основы, чем показатель числа, можно заключить, что атрибутивизатор *-лы* принимает в качестве комплемента минимальную именную фразовую категорию, то есть группу лексического существительного (NP) и не может присоединяться к вышестоящим именным функциональным проекциям, в частности, к группе числа, NumP, и DP. Поскольку вложение изафетной конструкции 2 в проекцию атрибутивизатора *-лы* невозможно, следовательно, немаркированный посессор изафетной конструкции 2 не может располагаться в группе лексического существительного, но должен занимать более высокую позицию, предположительно, располагаться в проекции выше NP и NumP, но ниже DP.

Связь изафетной конструкции 2 с функциональной проекцией выше проекции числа подтверждается не только порядком следования аффиксов в именной словоформе (Mingot Principle, [Baker 1985]), но и интерпретационными характеристиками именных групп, содержащих изафетную конструкцию 2.

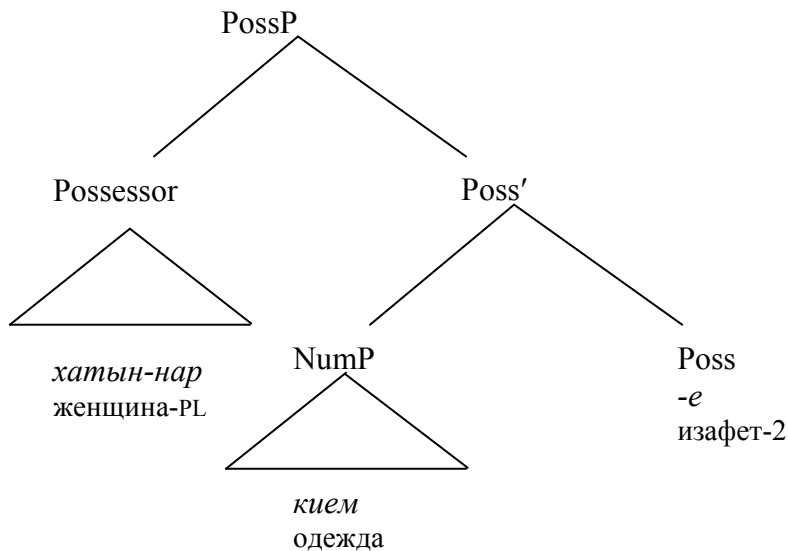
Как показано в [Pereltsvaig 2013b], числовая нейтральность именных составляющих может быть связана с отсутствием проекции числа и характеризует группу лексического существительного. Татарские NP также проявляют числовую нейтральность (ср. интерпретацию (2.36b)). Следовательно, единичная интерпретация в отсутствие показателя множественного числа (т.е. отсутствие числовой нейтральности немаркированной по числу формы) будет свидетельствовать о наличии проекции NumP.

Такого рода данные, действительно, могут быть получены для изафетной конструкции 2. Сравним (2.37a-b). В (2.37a) дополнение не содержит посессиных зависимых и показателя числа. Такого рода именная составляющая может соответствовать NP, поэтому числовая нейтральность возможна. В (2.37b) в отсутствие показателя числа нейтральная числовая интерпретация не возникает. Это связано с присутствием немаркированного посессора (изафетной конструкции 2) — такого рода структура соотносится с функциональной проекцией выше NumP, следовательно, не может не содержать интерпретируемого числа.

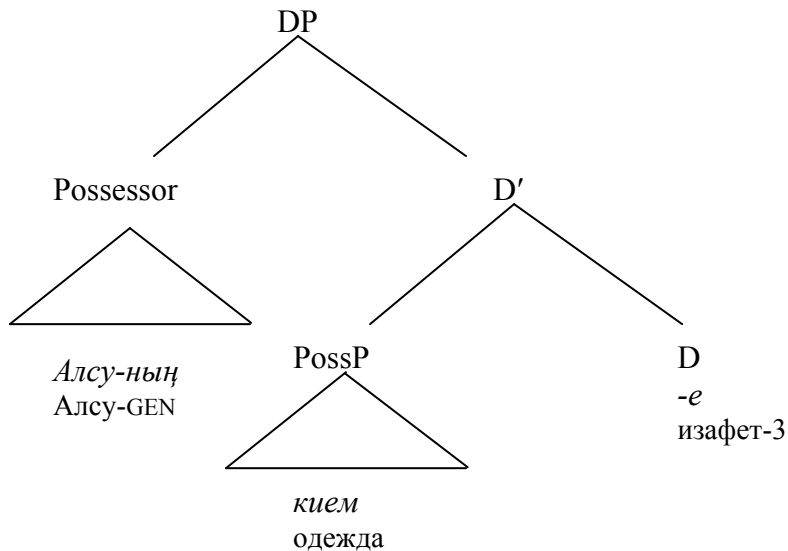
- (2.37) a. Мин табип эзли-м.
я врач искать.PRS-1SG
'Я ищущу врача / врачей.'
- b. Мин бала-лар табиб-ы эзли-м.
я ребенок-PL врач-3 искать.PRS-1SG
'Я ищущу педиатра / *педиатров.'

Итак немаркированный посессор располагается в промежуточной проекции между NumP и DP. В работе [Munn 1995] в качестве позиции для «нижнего» посессора, расположенного вне NP, предлагается проекция AgrP. Однако, как было показано выше, для татарского языка не очевиден согласовательный статус показателя изафета 2; отметим также, что в работах Ж. Корнфилт [Kornfilt 1984, 1990, 2003, 2009] ярлык AgrP применительно к анализу турецкого языка используется для обозначения максимальной именной проекции (DP). Чтобы избежать неверных аллюзий, мы будем использовать нейтральный ярлык PossP, следуя за анализом А. Сабольчи [Szabolcsi 1984, 1987, 1994]. Таким образом, предварительный вариант предлагаемых структур для изафетных конструкций 2 и 3 выглядит как (2.38) и (2.39), соответственно (эти структуры будут в дальнейшем модифицированы).

(2.38)

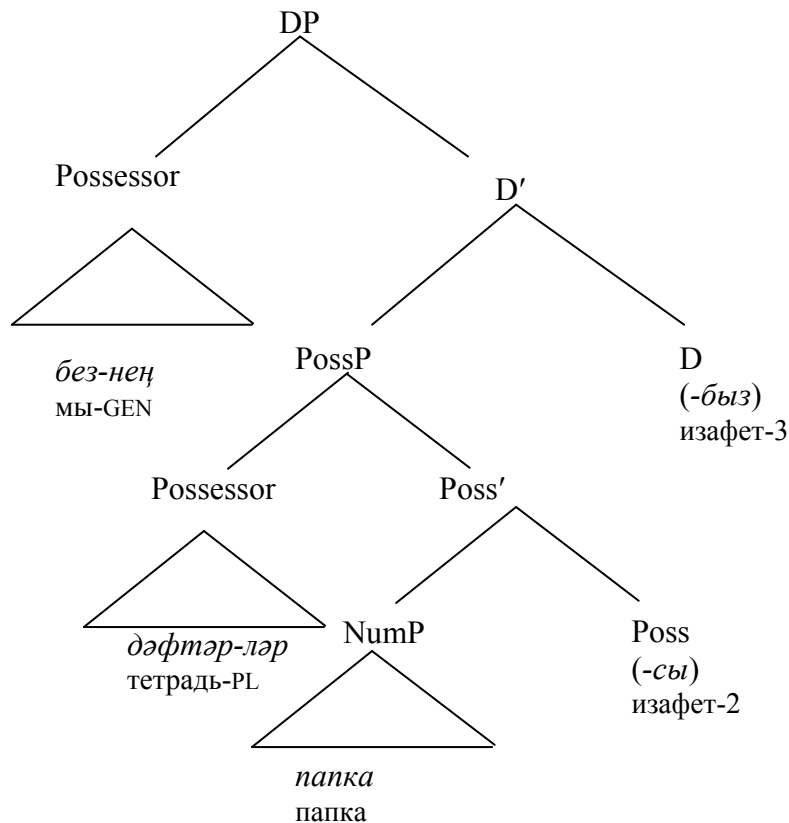
(2.39)

Структура более сложных именных групп, содержащих одновременно изафетную конструкцию 2 и изафетную конструкцию 3, как в примере (2.25), повторяемом здесь как (2.40), представлена в (2.41). В (2.41) показаны способы озвучивания обоих показателей изафета, однако следует помнить, что в татарском языке может быть озвучен только один из них.

- (2.40) a.   [без-нең   [дәфтәр-ләр   папка-сы]]
               мы-GEN   тетрадь-PL   папка-3
               ‘наша папка для тетрадей’
- b.   [без-нең   [дәфтәр-ләр   папка]-быз]
               мы-GEN   тетрадь-PL   папка-1PL
               ‘наша папка для тетрадей’

(2.41)

До настоящего момента мы говорили о позиции двух посессоров в структуре именной группы и сознательно избегали обсуждения внутренней структуры самих посессоров. К этому вопросу мы обратимся в следующем разделе.

2.2.3. Категориальный статус посессора

В предыдущем разделе мы установили, что генитивный посессор изафетной конструкции 3 и немаркированный посессор изафетной конструкции 2 различаются тем, какое количество функциональной структуры должна проецировать содержащая их именная группа. Соответственно, мы установили структурные позиции генитивного посессора и немаркированного посессора как Spec, DP и Spec, PossP, соответственно. Далее мы покажем, что различия между двумя посессорами на этом не заканчиваются: они не только занимают разные структурные позиции, но и сами способны проецировать разное количество функциональной структуры. А именно, немаркированный посессор изафетной конструкции 2 является именной группой малой структуры, способный содержать максимум PossP, в то время как генитивный посессор изафетной конструкции 3 представляет собой именную группу полной структуры — DP.

Немаркированный посессор изафетной конструкции 2 демонстрирует существенные ограничения касательно статуса именных групп, способных выступать в данной позиции. В частности, в качестве посессоров изафетной конструкции 2 недопустимы личные местоимения (2.42a) и имена собственные (2.42b).

- (2.42) а. * мин дэфтэр{-ем / -е }
 я тетрадь{-1sg / -3 }
 ‘моя тетрадь’
- б. * Марат дэфтэр-е
 Марат тетрадь-3
 ‘тетрадь Марата’

При этом посессор изафетной конструкции 2 способен к ветвлению и может содержать показатель множественного числа *-лар* (2.43), а при отсутствии показателя числа — интерпретируется как именная группа единственного числа, то есть не проявляет числовой нейтральности.

- (2.43) кырсаk-лы хатын-нар кием-е
 живот-ATR женщина-PL одежда-3
 ‘одежда для беременных’

Таким образом, посессор изафетной конструкции 2 имеет фразовую структуру (что соответствует как минимум NP) и содержит синтаксически выраженное интерпретируемое число (для чего необходима как минимум проекция NumP). Более того, посессор в изафетной конструкции 2 может сам содержать изафетную конструкцию 2 (2.44), для чего, как мы утановили в предыдущем разделе, требуется функциональная проекция PossP.

- (2.44) [[бала-лар хастаханэ-се] табиб-ы]
 ребенок-PL больница-3 врач-3
 ‘врач детской больницы’

Итак, немаркированный посессор изафетной конструкции 2 способен проецировать определенное количество функциональной структуры, максимум — PossP, но не может содержать проекцию DP. Напротив, генитивный посессор изафетной конструкции 3 проецирует именную группу полной структуры — DP. Во, первых, он может быть личным местоимением или именем собственным (2.45).

- (2.45) а. минем дэфтэр-ем
 я.GEN тетрадь-1SG
 ‘моя тетрадь’

- b. Марат-ның дэфтәр-е
 Марат-GEN тетрадь-3
 ‘тетрадь Марата’

Во-вторых, посессор в изафетной конструкции 3 сам может представлять собой изафетную конструкцию 3; при этом изафетная конструкция 2 не может проецировать такой посессор:

- (2.46) a. [[[укучы-ның] дэфтәр-ләр-е-нең] папка-сы]
 ученик-GEN тетрадь-PL-3-GEN папка-3
 ‘папка тетрадей ученика’
- b. * [[[укучы-ның] дэфтәр-ләр-е]папка-сы]
 ученик-GEN тетрадь-PL-3 папка-3
 ‘папка для тетрадей ученика’

Итак, посессоры в изафетной конструкции 3 и изафетной конструкции 2 различаются как минимум тремя характеристиками: падежным оформлением (генитивный *vs.* немаркированный), структурной позицией в именной группе (Spec, DP *vs.* Spec, PossP) и категориальным статусом (DP *vs.* именная группа малой структуры, PossP). На этом этапе возникает вопрос, являются ли эти характеристики независимыми друг от друга или же между ними существуют определенные имплицативные отношения, и если да, то значение какого из признаков определяет значения других признаков.

В серии работ [Лютикова 2014б; Lyutikova, Pereltsvaig 2015a,b; Лютикова, Перельцвайг 2015] высказывается предположение, что именно последнее свойство — количество функциональной структуры в именной группе — является определяющим, а прочие характеристики именной группы следуют из него. Механизмом, реализующим различный синтаксический статус DP и именных групп малой структуры, является отношение именных групп к падежному фильтру: DP нуждаются в падеже для появления в структуре предложения, в то время как именные группы малой структуры могут оставаться беспадежными. Подробное обсуждение этого вопроса предпринято в разделе 7.2. Здесь мы ограничимся указанием на связь падежного маркирования и категориального статуса посессора: DP-посессор в изафетной конструкции 3 нуждается в падеже, занимает падежную позицию и маркируется показателем генитива, в то время как посессор малой структуры в изафетной конструкции 2 не нуждается в падеже (и не может его выражать) и вследствие этого оказывается немаркированным. Важно подчеркнуть, что отсутствие падежного маркирования в данном случае следует интерпретировать как отсутствие падежа, а не как морфологически немаркированный «основной падеж» (номинатив).

Структурная позиция посессора (Spec, DP vs. Spec, PossP) также следует из его категориального статуса и опосредуется, с одной стороны, падежным фильтром и механизмом приписывания падежа, а с другой стороны, возможной базовой позицией посессора внутри именной группы, связанной с его интерпретационными возможностями.

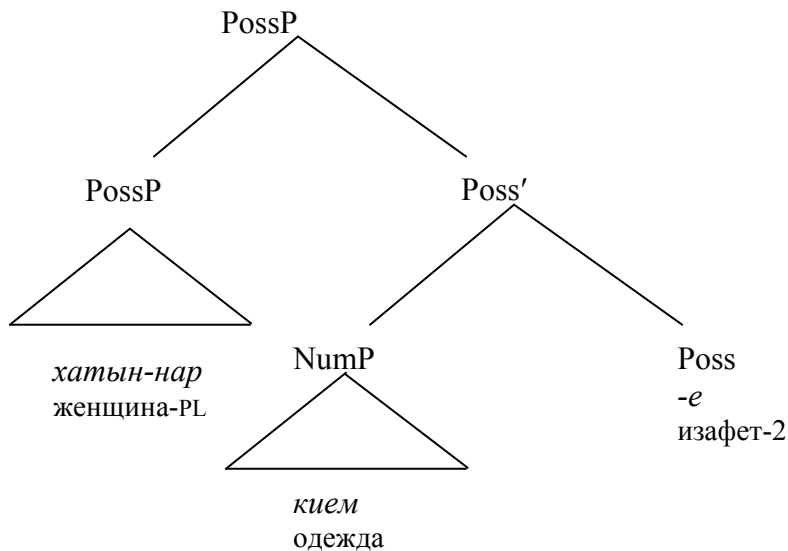
Интерпретационные различия между двумя посессорами и их вклад в семантику посессивной конструкции определяются категориальным статусом посессора. DP-посессор в изафетной конструкции 3 получает референциальную или кванторную интерпретацию (обозначает индивид типа <e> либо квантифицированную группу типа <<e,t>,t>); посессор малой структуры в изафетной конструкции 2 имеет предикатное значение (тип <e,t>), вследствие чего способен к атрибутивной нереферентной интерпретации. Например, изафетная конструкция 2 с немаркированным посессором в (2.47a), наряду с неопределенной референтной интерпретацией посессора ('книга каких-то детей'), возникающей, по-видимому, вследствие экзистенциального закрытия, может обозначать книгу, предназначенную для детей (с крупным шрифтом, картинками, соответствующим содержанием), но не принадлежащую никаким детям. Характерно, что такая интерпретация отмечается и для «нижних» посессоров в английском [Munn 1995] и русском [Trugman 2007a]. Однако, подобная интерпретация невозможна для изафетной конструкции 3 с генитивным посессором в (2.47b).

- (2.47) a.   бала-лар   китаб-ы
                  ребенок-PL   книга-3
                  ‘детская книга’ / ‘книга детей’
- b.   бала-лар-ның   китаб-ы
                  ребенок-PL-GEN   книга-3
                  ‘книга (конкретных) детей’

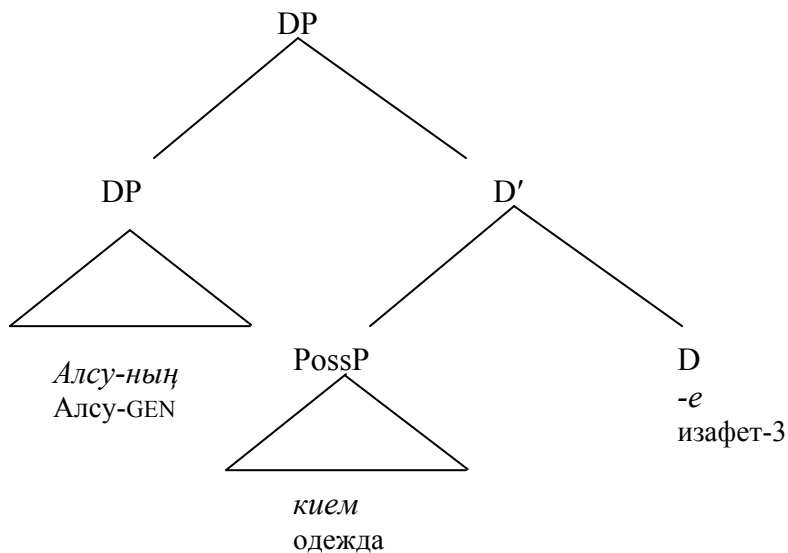
Таким образом, мы можем теперь уточнить структуры в (2.38)-(2.39) с учетом синтаксической категории двух посессоров, как это представлено в (2.48)-(2.49):

(2.48)

(2.49)

2.2.4. Интерпретация посессора

В предыдущих разделах мы установили, что именные группы, проецирующие изафетную конструкцию 3, представляют собой DP, в которых генитивный посессор располагается в Spec, DP, а изафетный показатель занимает позицию вершины D. Структуры, соответствующие изафетной конструкции 2, являются PossP, промежуточными функциональными проекциями именной группы, так что немаркированный посессор находится в Spec, PossP, а показатель изафета 2 — в вершине Poss. Эти утверждения касаются тех характеристик посессоров и тех структурных позиций, которые они демонстрируют при озвучивании. В этом разделе мы обратимся к вопросу об исходной позиции посессоров и

связанной с ним проблеме возможных тематических интерпретаций посессивных составляющих.

Мы предполагаем, что генитивный посессор изафетной конструкции 3 порождается в позиции, отличной от наблюдаемой. В полном соответствии с обсуждавшимся выше параллелизмом структур именной группы и клаузы, позиция «подлежащего» именной группы является производной и связана с взаимодействием возглавляющей именную группу вершины D и располагающейся внутри расположенной ниже проекции NP именной группы⁶⁴. Показатель изафета 3 притягивает посессивную DP в свой спецификатор в результате согласования с ней по признакам лица и числа и приписывает ей падеж. Поскольку именные группы малой структуры не обладают необходимым набором признаков, они не могут оказаться в Spec, DP и не могут получить генитив. Таким образом, только DP могут выступать генитивными посессорами в изафетной конструкции 3.

Анализ деривационной истории немаркированных посессоров в изафетной конструкции 2 вызывает бóльшие сложности. Если позиция Spec, PossP является производной, то необходимо установить, в какой структурной позиции эти посессоры возникают и чем мотивировано их передвижение в Spec, PossP. Предыдущие исследования, в которых затрагивалась дихотомия «высоких» и «низких» посессоров [Munn 1995; Trugman 2007a; Alexiadou 2005] предполагают, что «низкие» посессоры появляются в составе посессивной проекции вследствие перемещения из позиции внутри NP. Необходимость такого перемещения связывается с необходимостью приписывания падежа [Alexiadou 2005] или с потребностью притягивающей посессор вершины в согласовании по именным признакам [Munn 1995]. Однако ни один из этих подходов не может быть обоснован для татарского языка, поскольку, как было показано выше, нет никаких свидетельств того, что посессор в изафетной конструкции 2 получает падеж или контролирует согласование показателя изафета 2. Следовательно, мотивация для передвижения посессора изафетной конструкции 2 в Spec, PossP отсутствует, что делает более естественным альтернативное предположение: немаркированный посессор порождается в Spec, PossP. Как мы увидим ниже, это предположение хорошо согласуется не только со структурными, но и с тематическими характеристиками этой именной группы.

---

⁶⁴ Аналогия со структурой клаузы может быть продолжена и дальше, если предположить, что посессоры, будучи внешними аргументами существительных, расположены не собственно в проекции лексического существительного NP, а в проекции функциональной вершины *n* [Alexiadou 2005; Graschenkov 2005]. В последующем изложении мы принимаем более простой анализ, в соответствии с которым все аргументы имени проецируются внутри группы лексического существительного (NP), однако не исключаем указанную теоретическую опцию.

Контраст между посессорами изафетной конструкции 3, которые проецируются внутри группы лексического существительного, и посессорами изафетной конструкции 2, которые проецируются вне ее, находит отражение в их способности выражать определенные семантические роли, определяемые лексическим значением вершины-существительного. Посессор изафетной конструкции 3 порождается внутри NP и получает семантическую роль (тета-роль) от проецирующей его вершины, в то время как посессор изафетной конструкции 2 возникает вне тематической области существительного, вследствие чего он не способен получать тета-роль вследствие тематических отношений с существительным (насыщения тематической позиции, тета-маркирования и т.п. процессов).

Действительно, посессор изафетной конструкции 3 может проецироваться как минимум в двух структурных позициях в пределах группы существительного: в позиции внешнего аргумента (Spec, NP / Spec, *n*P), где он получает интерпретацию, связанную с внешним аргументом (агенс, обладатель⁶⁵), либо в позиции внутреннего аргумента (Comp, NP), интерпретируясь как пациенс/тема. Например, генитивный посессор в (2.50) может быть понят как агенс ('фотография, сделанная Маратом'), посессор ('фотография, принадлежащая Марату') или тема ('фотография, изображающая Марата')⁶⁶.

(2.50) Марат-ның фотография-се
 Марат-GEN фотография-3
 'фотография Марата'

До настоящего момента наш анализ генитивного посессора в изафетной конструкции 3 не расходится с анализами, предлагавшимися для «высоких» посессоров в других безартиклевых языках, таких как, например, русский [Engelhardt, Trugman 1998; Trugman 2007a], с точностью до направления ветвления в DP — Энгельхардт и Тругман предполагают для посессивной вершины D в русском языке правосторонний фразовый спецификатор. Однако в отличие от русского языка (см. анализ в [Engelhardt, Trugman 1998] и раздел 2.3 ниже), в татарском языке падежное лицензирование в пределах именной группы связано только с одной

⁶⁵ Вслед за работой [Engelhardt, Trugman 1998] мы не проводим структурных различий между агенсами («создателями») и посессорами («обладателями») в именной области и полагаем, что они занимают единую позицию в группе существительного. Возможная альтернатива состоит в том, чтобы разделить агенсы и посессоры, так чтобы агенсы порождались в Spec, NP, а посессоры — в Spec, *n*P.

⁶⁶ Неодушевленные генитивные посессоры, естественным образом, получают интерпретацию, совместимую со статусом внутреннего аргумента, поскольку не могут рассматриваться как обладатели или агенсы:

(i) Казан кремел-е-нең фотография-се
 Казань кремль-3-GEN фотография-3
 'фотография казанского кремля' (т.е. фотография, изображающая казанский кремль)

структурной позицией — Spes, DP. Иными словами, лексическая вершина N неспособна приписать ингерентный падеж собственному аргументу. Эта особенность татарских существительных проявляется в том, что татарская именная группа не допускает ни маркированных лексически управляемым падежом, ни множественных генитивных аргументов в составе именной группы. Именная группа может быть вложена в другую именную группу либо посредством изафетной конструкции, либо при помощи различных атрибутивизаторов, таких, например, как рассматривавшийся выше атрибутивизатор *-лы*. Вследствие этого в татарском языке недопустимы предметные⁶⁷ именные группы с двумя и более DP-аргументами. Так, например, семантически двухвалентные существительные (picture-nouns) не могут проецировать два аргумента, являющиеся именами собственными (2.51).

- (2.51) a. * Алсу-ның Казан кремел-е-(нең) фотография-се
 Алсу-GEN Казань кремль-3(-GEN) фотография-3
 ‘фотография казанского кремля (, сделанная) Алсу’
- b. * Казан кремел-е-(нең) Алсу-ның фотография-се
 Казань кремль-3(-GEN) Алсу-GEN фотография-3
 ‘фотография казанского кремля (, сделанная) Алсу’

Единственный грамматичный способ выразить подобное значение предполагает использование относительных клауз, как в (2.52a-b). Показатель *-ныкы* в (2.52a) синхронно является показателем предикативного посессора (ср. англ. *my vs. mine*) и образован фузией генитивного показателя и атрибутивизатора *-гы*.

- (2.52) a. Казан кремел-е-нең [Алсу-ныкы бул-ган]
 Казань кремль-3-GEN Алсу-PRED.POSS быть-PRT
 фотография-се
 фотография-3
 ‘фотография казанского кремля, принадлежащая Алсу’
- b. Казан кремел-е-нең [Алсу эшлә-гән]
 Казань кремль-3-GEN Алсу делать-PRT
 фотография-се
 фотография-3
 ‘фотография казанского кремля, сделанная Алсу’

Неграмматичные татарские примеры (2.51), содержащие две аргументных DP, контрастируют с грамматичными примерами типа (2.25), в которых два посессора вводятся разными изафетными конструкциями (2 и 3). Возникает вопрос, почему значение, которое мы

⁶⁷ Иначе обстоит дело с номинализациями, см. ниже.

пытались получить в (2.51), не может быть выражено структурой с двумя изафетными конструкциями и, соответственно, с генитивным и немаркированным посессором. По-видимому, ответ на этот вопрос состоит в том, что аргумент-тема в (2.51), будучи именем собственным, должен получить определенную интерпретацию, т.е. тип <e>, и семантическую роль от именной вершины. Однако, поскольку посессор в изафетной конструкции 2 не является аргументом существительного, он не может насыщать его семантическую роль. Более того, определенная именная группа должна иметь статус DP, а будучи DP, получать падеж в соответствии с требованиями падежного фильтра. Поскольку единственный доступный в татарской именной группе генитив «расходуется» на внешний аргумент ‘Алсу’, внутренний аргумент остается беспадёжным.

Итак, генитивный посессор изафетной конструкции 3 получает тета-роль от именной вершины и способен заполнять аргументную позицию существительного-предиката, в то время как немаркированный посессор изафетной конструкции 2 возникает вне проекции лексического существительного и не связан с его тета-позициями. Если это так, то немаркированный посессор не должен интерпретироваться как тематический аргумент именной основы, что на первый взгляд противоречит интерпретации некоторых примеров, ср. (2.47а) *балалар китабы* ‘книга детей’.

Мы полагаем, однако, что такая интерпретация является следствием наложения энциклопедической информации на широкое реляционную семантику, выражаемую изафетной конструкцией 2⁶⁸. Поссесивное отношение является одним из наиболее нейтральных и естественных типов отношения между артефактом и одушевленным индивидом, однако оно не является единственно возможным. В зависимости от онтологических категорий и семантики конкретных лексических единиц, заполняющих позиции именной вершины и зависимого в изафетной конструкции 2, возможны такие отношения, как место, время, источник, сходство, предназначение и т.д., ср. примеры в (2.53).

- (2.53) а.   август хава-сы
                  август воздух-3
                  ‘августовский воздух’
- б.   тау   чишмэ-се
                  гора   ручей-3
                  ‘горный ручей’

⁶⁸ Не случайно татарская грамматика называет значением изафетной конструкции 3 «принадлежность», а значением изафетной конструкции 2 — «отношение».

- c. халык жыр-лар-ы
народ песня-PL-3
'народные песни' [Закиев (ред.) 1995: 117-120]
- d. маче күз-ләр-е
кошка глаз-PL-3
'кошачьи глаза' [Гращенко 2007: 85]

Таким образом, два посессора в татарской именной группе различаются не только по категориальному статусу, структурной позиции и падежным характеристикам, но и интерпретационно. Генитивный посессор изафетной конструкции 3 представляет собой аргумент именной основы (или «легкого» существительного — вершины *n*) и получает интерпретацию в соответствии с той тематической позицией, в которой порождается. Напротив, немаркированный посессор изафетной конструкции 2 не является посессором в строгом смысле слова — он выражает широкий круг отношений между двумя именными группами, конкретная интерпретация которых опирается на энциклопедические знания носителей языка. Таким образом, именная группа, строящаяся на основании предметного существительного, может содержать только один аргумент; немаркированный посессор, подобно притяжательным составляющим в русском языке, является псевдоаргументом.

Дополнительные свидетельства о структуре татарской именной группы и месте в ней разных типов посессоров предоставляют номинализованные конструкции. Здесь мы рассмотрим только одну из таких конструкций, образуемую так называемым именем действия на *-у*.

Имя действия в татарском языке регулярно образуется от любого глагола (о степени регулярности можно судить хотя бы по тому факту, что имя действия является словарной формой глагола, принятой во многих грамматических описаниях и словарях). Аргументная структура регулярных номинализаций совпадает с аргументной структурой финитных форм исходного глагола с точностью до оформления подлежащего: единственный аргумент одноместного глагола и внешний аргумент переходного глагола в составе номинализации образуют с вершиной изафетную конструкцию 3, так что подлежащее оформляется генитивом и контролирует согласование показателя изафета на номинализации (2.54a-b)⁶⁹.

⁶⁹ Номинализации на *-у* образуют также конструкцию с номинативным подлежащим без показателей изафета в случае грамматикализации падежной формы имени действия в качестве показателя конверба (нефинитной обстоятельственной клаузы), ср. (i):

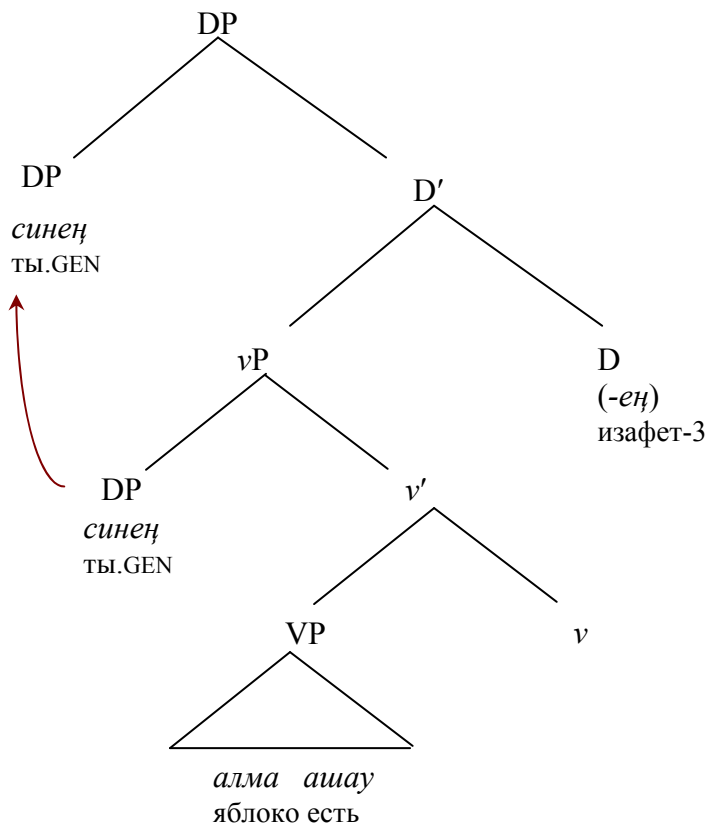
(i) Алар кит-ү-гә, авыл жиңел сула-п куй-ды.
они уйти-NMN-DAT деревня легко дышать-CONV AUX-PST

'Как только они уехали, в деревне вздохнули с облегчением.' (<http://web-corpora.net/TatarCorpus/search/>)

- (2.54) а. Мин [синең кил-ү-ең-не] бел-ә-м.
 я ты.GEN приходит-NMN-2SG-ACC знать-PRS-1SG
 ‘Я знаю, что ты пришел.’
- б. Мин [синең алма-ны аша-у-ың-ны] бел-ә-м.
 я ты.GEN яблоко-ACC есть-NMN-2SG-ACC знать-PRS-1SG
 ‘Я знаю, что ты съел яблоко.’

Такого рода конструкции аналогичны английским и турецким номинализациям, рассматривавшимся С. Эбни — совокупность глагольных проекций оказывается вложена в оболочку DP. Поскольку номинализации лишены финитной вершины T, подлежащее оказывается лишено падежа. Источником падежа выступает посессивная вершина D, которая согласуется с подлежащим, приписывает ему генитив и притягивает его в Spec, DP, как это показано в (2.55).

(2.55)

Понятно, что генитивное зависимое в номинализованной конструкции является с семантической и синтаксической точки зрения аргументом глагола (вернее, аргументом легкого глагола, если принимать гипотезу Дж. Бауэрса [Bowers 1993], А. Кратцер [Kratzer 1996] и ее

В такого рода конструкциях, по-видимому, зависимая клауза синхронно не проецирует никакой именной структуры, а номинатив подлежащему приписывается в составе зависимой клаузы.

имплементацию в [Chomsky 1995], использующую ларсонову структуру глагольной области). Следовательно, позиция генитивного посессора изафетной конструкции 3 действительно является производной позицией, в которую попадают аргументы, проецируемые нижестоящими лексическими (N, V) или функциональными (*n*, *v*) вершинами в результате взаимодействия с вершиной D, содержащей показатель изафета.

Характерно, что имена действия на –у не образуют изафетной конструкции 2: даже в том случае, когда подлежащее номинализации может интерпретироваться как именная группа малой структуры, изафетная конструкция 2 несовместима с вложением проецирующей аргументную структуру глагольной группы.

- (2.56) а. * Мин [бала-лар кичэ кил-ү-е-н] бел-ә-м.
 я ребенок-PL вчера приходит-NMN-3-ACC знать-PRS-1SG
 ‘Я знаю, что пришли дети.’
- б. * Мин [бала-лар кичэ алма-ны аша-у-ы-н] бел-ә-м.
 я ребенок-PL вчера яблоко-ACC есть-NMN-3-ACC знать-PRS-1SG
 ‘Я знаю, что дети съели яблоко.’

В (2.56а-б) подлежащее номинализации выражено немаркированной формой именной группы *балалар* ‘дети’, которая по своему строению не исключает статуса именной группы малой структуры (например, NumP) и могла бы образовывать изафетную конструкцию 2 с именной вершиной. Однако если мы имеем дело именно с номинализацией, а не со словообразовательным дериватом, образованным от глагола в лексиконе, изафетная конструкция 2 оказывается неграмматичной⁷⁰. Это легко объяснимо в свете предложенного анализа изафетной конструкции 2 — если зависимая именная группа проецируется вершиной Poss, она не может быть связана с аргументом глагольной основы.

Подведем итоги. В этом разделе мы рассмотрели две посессивных конструкции в татарском языке — изафетную конструкцию 3, проецирующую генитивный посессор, и изафетную конструкцию 2, содержащую немаркированный посессор. Мы установили, что различия между двумя конструкциями не сводятся к падежному оформлению, но затрагивают различные характеристики посессоров — их структурную позицию в именной группе, их собственный категориальный статус, возможные интерпретации и способность к выражению различных тематических отношений с именной вершиной.

Мы показали, что указанные кластеры свойств возникают не случайно, но выводятся из категориального статуса именной группы-посессора. DP-посессоры насыщают аргументные

⁷⁰ Тот факт, что в (2.56) представлена номинализация, проецирующая глагольную структуру, следует из того, что во вложенной составляющей имеется наречие (*кичэ* ‘вчера’, ср. *кичәге* ‘вчерашний’).

позиции, выражают тематические отношения, получают конкретно-референтную или обобщенно-кванторную интерпретацию, занимают позицию Spec, DP, получают падеж, контролируют посессивное согласование показателя изафета и располагаются в Spec, DP. Посессоры малой структуры вводятся особой функциональной вершиной Poss, выражают широкий спектр отношений между двумя именными группами, уточняемых на основе энциклопедических знаний, имеют предикатную интерпретацию, не нуждаются в падеже, неспособны контролировать посессивное согласование и располагаются в базовой позиции, Spec, PossP.

Легко видеть, что наличие двух типов посессивных конструкций, с одной стороны, и отличие самих посессоров по их синтаксическому статусу, с другой стороны, являются существенными аргументами в пользу существования артикулированной функциональной структуры, доминирующей над группой лексического существительного в безартиклевом татарском языке. Несмотря на отсутствие лексических единиц категории D, таких как артикли, мы обнаруживаем определенные типы именных групп, которые могут быть охарактеризованы как проецирующие максимальную функциональную структуру и входящие в один дистрибутивный класс с проформами DP (личными местоимениями, именами собственными). Генитивный посессор изафетной конструкции 3 входит в один структурный класс с фразовыми посессорами, располагающимися в Spec, DP таких артиклевых языков, как английский или венгерский.

С другой стороны, последовательные различия между генитивным посессором изафетной конструкции 3 и немаркированным посессором изафетной конструкции 2 не могут получить принципиального объяснения без допущения о сложной иерархической структуре именной группы в татарском языке. Только в том случае, если группа лексического существительного не является максимальной допустимой именной проекцией, мы получаем возможность проанализировать как различные структурные позиции посессоров (Spec, DP vs. Spec, PossP), так и их различный категориальный статус (DP vs. именная группа малой структуры).

Отдельную линию аргументации в пользу DP в татарском языке составляет анализ падежных характеристик посессоров. Связь между категориальным статусом посессора и его потребностью в падеже, с одной стороны, и обусловленность доступности падежа для посессора наличием показателя изафета 3, возглавляющего DP, с другой стороны, свидетельствуют в пользу гипотезы о наличии DP в татарском языке и тем самым в пользу гипотезы о межъязыковой универсальной структуре именной группы. Использование функциональной вершины D в качестве источника падежа для посессора является популярным аналитическим ходом, который используется не только в артиклевых языках, но и в языках без

артиклей — как раз в качестве аргумента в пользу наличия DP. В следующем разделе мы рассмотрим гипотезу о связи генитивного посессора с проекцией DP в русском языке.

2.3. Русский генитивный посессор и гипотеза DP

Одним из параметров, имеющим непосредственное отношение к возможной структуре именной группы в языке, является количество генитивов, лицензируемых в именной группе. Ж. Бошкович в серии статей [Bošković 2005, 2008, 2009a,b, 2010] указывает, что в то время как английские и немецкие именные группы допускают два генитивных зависимых (так, в английском языке внутренний аргумент оформляется *of*-генитивом, а внешний аргумент — саксонским *s*-генитивом; в немецком языке оформление аргументов одинаково, но один генитив оказывается препозитивным, а второй — постпозитивным), русские именные группы располагают только одной генитивной позицией для аргументов именной группы, ср. (2.57)-(2.58).

(2.57) a. John's picture of Bill

‘фотография Билла, сделанная Джоном/принадлежащая Джону’

b. John's reading (of) the book

‘чтение книги Джоном’

(2.58) a. исполнение арии

b. исполнение Шаляпина

c. *исполнение арии Шаляпина

По мнению Бошковича, два аргументных генитива артиклевых языков имеют разные источники — один лицензируется лексической вершиной N, а другой — посессивным D. В безартиклевых языках проекция DP отсутствует, а значит, генитив, приписываемый в проекции DP, отсутствует.

Такое рассуждение уязвимо даже с чисто логических позиций. Во-первых, доступность в некотором языке только одного аргументного генитива может быть связана не с отсутствием проекции DP, а, например, с неспособностью вершины D приписывать генитив (как, например, в венгерском языке) или какой бы то ни было падеж. Во-вторых, не очевидно, что единственный аргументный генитив связан с проекцией лексического существительного, а не с DP: так, в татарском языке, как было показано в предыдущем разделе, существительное не приписывает падеж своим аргументам, и источник единственного доступного генитива связан

как раз с проекцией DP. Наконец, как справедливо отмечает А. Перельсвайг (Pereltsvaig forthcoming), в английских примерах (2.57) «генитивы» разные: один из них предложный, а другой притяжательный. Два генитива одного типа (**picture of Bill of John*, **John's Bill's picture*) в английском языке невозможны. Напротив, аналог двух разных генитивов английского языка вполне грамматичен и в русском языке (*Петино исполнение арии*).

Тезис Бошковича о недопустимости в безартикле языке двух генитивов, однако, легко опровергается и эмпирическими данными русского языка. Как указывается во многих работах, посвященных русским именованным группам, начиная по меньшей мере со статей [Падучева 1984] и [Борщев, Кнорина 1990], и впоследствии в [Englehardt, Trugman 1998; Rappaport 1998, 2002, 2005; Гращенков 2004; Trugman 2005a,b,c, 2007a; Pereltsvaig 2007a, 2013a], двухвалентные русские существительные (так называемые *picture nouns*) могут иметь два генитивных аргумента:

- (2.59) а. коллекция редких монет профессора
 б. конспект лекции брата
 в. фотографии крестьян Смирнова
 г. таблица элементов Менделеева

Поиск в корпусе подтверждает грамматичность и распространенность подобных конструкций: в (2.60) приводится лишь незначительное количество полученных текстовых примеров.

- (2.60) личная коллекция старинных фотографий Сергея Покалякина; коллекция зажигалок вашего хозяина; коллекция игрушек вашего ребёнка; коллекция вирусов Института вирусологии; закон тяготения Ньютона; закон мнений Локка — Юма; закон тождества формальной логики; закон передвижения согласных Гримма; принцип ограниченной рациональности поведения человека Г. Саймона; теория относительности Эйнштейна; гипотеза времени Э. Гуссерля; обобщение понятия разбиения Кокстера; распределение вероятностей Пуассона; Портрет Мольера Шарля Лебрена; «Портрет женщины в черной шляпе» Рембрандта; портреты русских знаменитостей швейцарского фотографа Мишеля Конта; фотографии ушедшей эпохи Прокудина-Горского

Таким образом, налицо контраст между русскими номинализациями в (2.58), действительно допускающими только один аргумент в генитиве, и производными существительными, лицензирующими два генитивных аргумента.

Этот факт используется М. Энгельхардт и Х. Тругман, а также Г. Раппапортом [Englehardt, Trugman 1998; Trugman 2005a,b, 2007a; Rappaport 2002, 2005] для аргументации DP-анализа именных групп в русском языке. Исследователи высказывают гипотезу, согласно которой в русских именных группах имеется два источника аргументного генитива: лексическая вершина N и функциональная вершина D. Генитив, приписываемый этими вершинами, имеет разный статус. Лексическая вершина приписывает падеж при управлении, одновременно с передачей аргументу семантической роли. Такой генитив оказывается тематически и локально тесно связанным со своим источником и относится к ингерентным падежам в типологии Теории падежа. Функциональная вершина D приписывает структурный генитив: он не «привязан» к определенной семантической роли и доступен в любой именной конструкции, проецирующей DP.

Если эти исходные предположения верны, указывают исследователи, становится понятной дистрибуция генитивных зависимых в именных группах с предметными именными вершинами и в номинализациях. Именная группа с вершиной-переходным существительным может иметь два аргументных генитива, если лексическое существительное приписывает своему комплементу ингерентный генитив. В номинализациях же лексическая вершина N отсутствует (или по меньшей мере не имеет собственных аргументов), поэтому источник родительного падежа один — это функциональная вершина D.

Анализ Энгельхардт и Тругман, с одной стороны, и анализ Раппапорта, с другой стороны, отличают некоторые детали. В частности, Энгельхардт и Тругман предполагают, что генитивный внешний аргумент располагается в позиции Spec, DP и постулируют для русского языка правое ветвление спецификатора. Раппапорт допускает получение посессором генитива от вершины D *in situ*, без передвижения в соответствующую проекцию. Тем не менее в обоих случаях различное поведение предметных существительных и номинализаций получает объяснение с опорой на гипотезу о D как источнике генитива в именной группе.

Отдельный вопрос представляет позиция притяжательных местоимений и прилагательных в структуре русской именной группы. В таких языках, как английский и французский, они обнаруживают дополнительную дистрибуцию с артиклями и фразовыми посессорами и тем самым претедуют на статус вершины или спецификатора в проекции D. Для славянских языков, в частности, для русского, также имеются данные, свидетельствующие о структурном сходстве генитивных и притяжательных посессоров.

Во-первых, притяжательные местоимения и прилагательные референтны, что подтверждается их способностью связывать анафоры и выступать антецедентами текстовой анафоры (2.61), см. [Падучева 1974, 1977, 1984, 2009; Pereltsvaig 2007a; Шмелев 2008]. Во-вторых, они демонстрируют категориальное сходство с генитивными посессорами: могут

сочиняться с ними и соответствуют генитиву в копирующих падеж сравнительных оборотах (примеры см. в разделе 2.1). Исходя из этих данных, обычно предполагают, что притяжательные местоимения и прилагательные занимают структурную позицию генитивного посессора; притяжательность, таким образом, это генитивная форма местоимений и некоторых существительных (*мамин, Колин, Марксов*).

(2.61) а. ...ценили его преданность училищу и его; гордость своими; александровцами.

б. Родители были слишком заняты друг другом, чтобы замечать ее; недовольство собой; и окружающим миром...

Таким образом, структура именной группы в русском языке оказывается максимально приближена к аналогам артиклевых языков: генитивный посессор / аргумент номинализации оказывается связан с проекцией определителя и в отношении падежа, и в отношении возможной структурной позиции и дополнительной дистрибуции с притяжательными зависимыми.

Представленный анализ русского генитивного посессора, к сожалению, сталкивается с рядом проблем эмпирического и теоретического характера. Ниже будут приведены аргументы против гипотетической связи генитива в русской именной группе с функциональной проекцией D. Мы предполагаем подробнее рассмотреть следующие аспекты «теории D-генитива»: предсказания касательно порядка слов в ИГ с двумя аргументами, тезис о связи генитива с вершиной D, обоснованность объяснений различного поведения предметных существительных и номинализаций их деривационной историей и, наконец, представление о притяжательных формах как варианте озвучивания генитива.

2.3.1. Порядок слов в именной группе с двумя аргументами

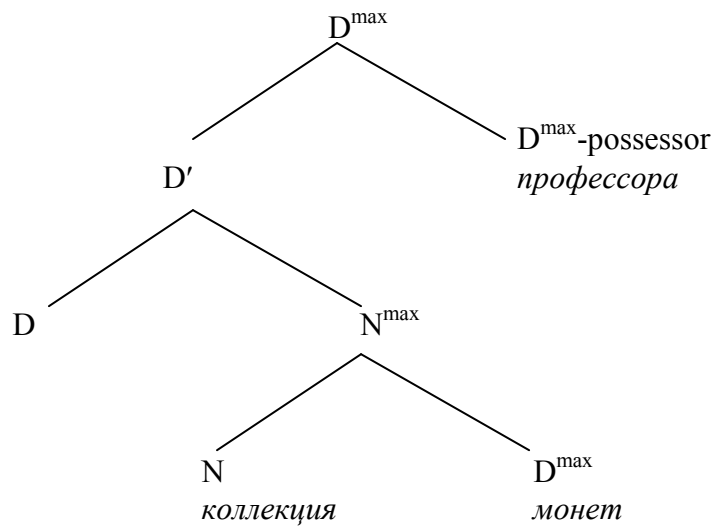
В [Engelhardt, Trugman 1998; Гращенков 2004; Trugman 2005a] вводятся линейные иерархии правых генитивных зависимых в русской именной группе, которые обобщают регулярную закономерность, связанную со взаимным расположением внутреннего и внешнего аргумента предметного существительного: аргумент-тема предшествует аргументу-агенсу или посессору, как это представлено в (2.62).

(2.62) а.	фотографии	крестьян	Смирнова
	N	Th	Ag/Poss
б.	конспект	лекции	брата
	N	Th	Ag/Poss

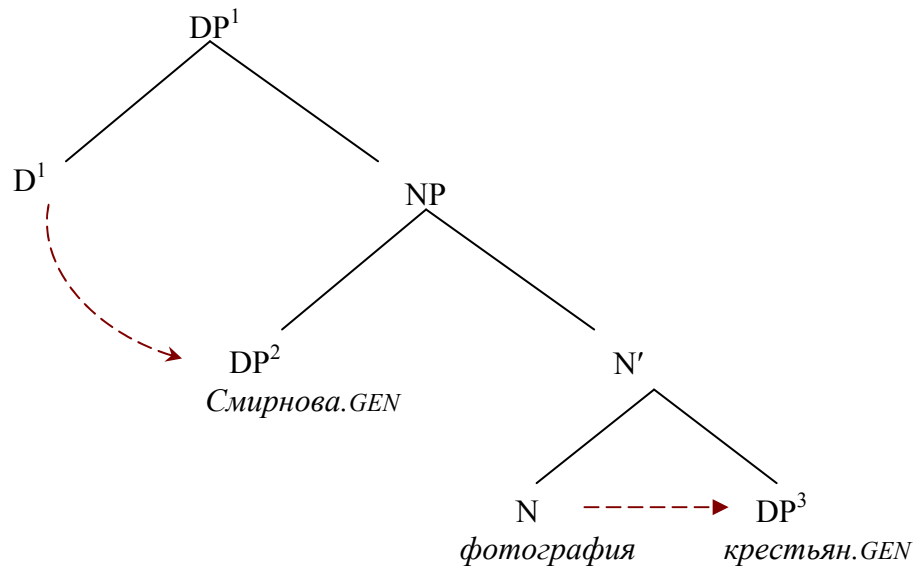
с.	коллекция	монет	профессора
	N	Th	Ag/Poss

Такой порядок слов хорошо согласуется с представлением о двух источниках генитива в именной группе: внутренний аргумент является комплементом существительного и получает ингерентный генитив *in situ*, в то время как падеж внешнего аргумента является структурным и связан с вышестоящей вершиной D. Неважно, получает ли внешний аргумент генитив в базовой позиции, или поднимается в (правосторонний) спецификатор D — при последовательном правом ветвлении, которое предполагают для русской DP как Энгельхардт и Тругман, так и Раппапорт, внешний аргумент окажется дальше от вершины-существительного, чем внутренний:

(2.63) а. [Engelhardt, Trugman 1998]

b. [Rappaport 2000]

Важный факт о порядке слов в русской ИГ, который не в состоянии объяснить теория D-генитива, состоит в том, что указанные линейные иерархии действуют только в том случае, если оба аргумента генитивные. Если же внутренний аргумент выражен другим падежом или соответствует предложной группе, базовый порядок слов меняется: генитивный внешний аргумент располагается ближе к именной вершине, чем не-генитивный внутренний аргумент. В (2.64)-(2.65) и (2.66)-(2.67) приводятся результаты поиска в НКРЯ для предметных существительных *письмо* и *эскиз*, имеющих не-генитивный внутренний аргумент.

(2.64) a. машинописное письмо Пастернака Хрущеву

b. письма Л. Пантелеева слушателям

c. кусочек из письма Пушкина Вяземскому

d. письмо Турганова правлению

e. письма трудящихся великому Сталину

f. письмо операторов президенту Дмитрию Медведеву

g. письма президента «Роснефти» Сергея Богданчикова заместителю председателя правительства Игорю Сечину

h. письма Бакунина сёстрам

i. письмо Поппера руководству Австралийского университета

(2.65) a. ...узнал о судьбе своих писем Сталину

b. письмо Травкину от матери

c. письма родным с фронта

d. Сестра поэта О.С. Павлицева в письме мужу 13-15 августа 1831 года признавалась...

- (2.66) a. эскизы И. Рабиновича к опере «Любовь к трем апельсинам»
 b. три ярких эскиза художника В. Фуфыгина к спектаклю 1966 года
 c. эскиз Нателлы к «Золушке»
 d. эскизы Куманькова к этой картине
- (2.67) a. ...внук В.Д. Поленова, чьи эскизы к спектаклям Русской оперы Мамонтова...
 b. эскиз к третьему действию балета, выполненный художником Э. Вардаунисом
 c. его эскиз к декорации Эрмитажного театра
 d. мой словесный эскиз к этой теме
 e. все мои эскизы к портрету Троцкого

Примеры (2.64) и (2.66) найдены в результате поиска по запросу «существительное в родительном падеже на расстоянии 1–3 слов от вершины»; мы видим, что дативный внутренний аргумент и внутренний аргумент, выраженный предложной группой, могут следовать за сочетанием «вершина+генитивный внешний аргумент». Примеры (2.65) и (2.67) — результат поиска по зеркальному запросу «существительное в дательном падеже / предлог к на расстоянии 1–3 слов от вершины». Все найденные контексты объединяет тот факт, что ни один из них не сопровождается генитивным внешним аргументом. Агнс либо выражается притяжательным местоимением (*свои письма, мой эскиз*), либо соответствует имплицитному аргументу (*письма с фронта, Павлицева признавалась в письме*).

Аналогичные результаты получаем для абстрактных существительных и имен действия: не-генитивный внутренний аргумент следует за именной вершиной только в том случае, если внешний аргумент не выражается генитивом, ср. (2.68) и (2.70) с (2.69) и (2.71).

- (2.68) a. недовольства соратников его контактами с чеченскими сепаратистами
 b. естественное недовольство артиста самим собой
 c. общее недовольство коллег по цеху агрессивной политикой «молодых олигархов»
 d. недовольство Сталина самонадеянностью одного из маршалов
 e. недовольство населения этой проблемой
- (2.69) a. президентское недовольство активностью крупного бизнеса
 b. ... высказала свое недовольство покрывками
 c. очевидное недовольство премьером со стороны части администрации президента
 d. недовольство Беспаловым в «Единой России»
- (2.70) a. помощь Арнольда Попову
 b. помощь тёти Поли своим землякам
 c. помощь жены и семьи предпринимателю
 d. гуманитарная помощь России Афганистану

- e. помощь правительства русской иммиграции
- f. помощь Ирака палестинским экстремистам
- g. помощь немцев евреям

- (2.71) a. его активная помощь следствию
- b. помощь Петлюре от красных
  - c. ...предложил свою помощь родине социализма

Данные о порядке слов в именных группах с двумя аргументами суммированы в (2.72). Мы видим, что линейный порядок аргументов определяется двумя параметрами. Первый параметр — это способ оформления аргумента, второй параметр — это семантическая роль аргумента. Если существительное управляет не-генитивным внутренним аргументом, то ближе к именной вершине располагается генитивный внешний аргумент. Если же внутренний аргумент существительного оформляется генитивом, то на линейный порядок аргументов начинает влиять дихотомия внешнего и внутреннего аргумента: внутренний аргумент оказывается ближе к именной вершине, чем внешний.

- (2.72) a. фотографии крестьян Смирнова
 N INT EXT
- b. конспект лекции брата
 N INT EXT
- c. письмо Пушкина Вяземскому
 N EXT INT
- d. эскиз Нателлы к «Золушке»
 N EXT INT
- e. торговля англичан опиумом
 N EXT INT
- f. ответ Кремля коммунистам
 N EXT INT

Легко видеть, что такие закономерности словорасположения плохо соотносятся с гипотезой D-генитива внешнего аргумента, поскольку противоречат тому, что мы знаем о связи структурных падежей и линейной позиции цели. Действительно, если именная группа-цель получает структурный падеж *in situ*, тогда ее линейная позиция определяется принципом проекции. В таком случае именные группы с одной семантической ролью (внешнего аргумента) должны оказываться в одной структурной позиции. Следовательно, генитивные аргументы в (2.72a) и (2.72c) находятся в идентичных позициях в составе ИГ, но при этом внутренний

аргумент существительного (*крестьян* и *Вяземскому*, соответственно) располагается либо левее, либо правее этой позиции. Поскольку в обоих случаях предполагается, что мы имеем дело с комплементом N, получающим ингерентный падеж *in situ*, такая конфигурация невозможна.

Если же именная группа-цель получает структурный падеж — D-генитив — в «области» зонда (Spec, DP), тогда генитивный внешний аргумент должен всегда оказываться в крайней левой (или крайней правой) позиции в именной группе, чего мы, очевидно, не наблюдаем в (2.72c-f).

Таким образом, мы наблюдаем следующую закономерность: генитивный аргумент должен прилегать к именной вершине. Важно отметить, что падежное прилежание всегда связано с приписыванием падежа при управлении. В этой связи требование прилежания внешнего аргумента к вершине–существительному более естественно трактовать как свидетельство падежной связи между внешним аргументом и именной вершиной, а не внешним аргументом и вершиной D.

2.3.2. Генитивные зависимые в именных группах малой структуры

Выше в главе 1, а также в разделе 2.2 мы подчеркивали, что универсальность DP как потенциально возможной в данном языке конфигурации именной группы сосуществует с внутриязыковой параметризацией именных групп в отношении наличия у них проекции DP: именные группы полной структуры образуют DP, в то время как именные группы неполной структуры (Small Nominals, SN) проецируют группу лексического существительного (NP) и, возможно, некоторые промежуточные функциональные группы, такие как посессивная группа (PossP) или количественная группа (NumP). Такая типология позволяет объяснять регулярно воспроизводящуюся в разных языках и в разных синтаксических позициях совокупность синтаксических и семантических свойств, характеризующих различающиеся количеством функциональной структуры именные группы.

Одним из признаков, свидетельствующих об отсутствии проекции DP, для русского языка считается отсутствие предикативного согласования с количественной конструкцией (подробнее см. раздел 3.1.2). Как известно, количественные группы в позиции подлежащего либо вызывают предикативное согласование по множественному числу (2.73a), либо допускают форму 3-го лица единственного числа среднего рода сказуемого, что интерпретируется как означивание признаков по умолчанию (2.73b). Если исходить из наличия DP в русском языке и тезиса о параметризации категориального статуса именных групп внутри русского языка, то мы

получаем естественное объяснение вариативному предикативному согласованию в (2.73): в (2.73a) представлена DP, в то время как в (2.73b) — именная группа малой структуры, QR.

- (2.73) а. Пришли [_{DP} (эти) [_{QR} пять писем]]
 б. Пришло [_{QR} (*эти) пять писем]

Теория D-генитива предсказывает, что в отсутствие проекции D генитив внешнего аргумента окажется недоступен. Однако, как видно из (2.74), эти предсказания не подтверждаются языковым материалом: количественные группы, в которых внешний аргумент получает генитив, сочетаются с дефолтным предикативным согласованием, то есть проявляют свойства именных групп неполной структуры. Следовательно, (2.74) ставит под сомнение связь генитива внешнего аргумента с вершиной D.

- (2.74) а. Сохранилось почти двести писем Антона к Александру.
 б. ... архив семьи Цетлиных-Прегель, в котором ... содержалось более 60 писем Буниных Марии Самойловне Цетлиной за 1940-47 гг.
 в. При последнем побеге я оставил в беспорядке свои бумаги; среди того, что захватил, оказалось несколько писем Дедкова.
 г. На выставке представлено более 50 коллекций одежды молодых модельеров России.

Обращаясь к другим контекстам, в которых представлены именные группы малой структуры, — предикативному контексту, контексту параметра в параметрической диатезе и др. (см. подробнее раздел 1.1), можно заключить, что ограничения на приписывание аргументного генитива отсутствуют и в них.

- (2.75) а. Это — работа настоящего мастера.
 б. Я не считаю такой поступок помощью друга.

Итак, приходится признать, что именные группы малой структуры в русском языке обладают таким же потенциалом в приписывании аргументного генитива, что и полноструктурные DP.

2.3.3. Процессность и производность

Теория D-генитива опирается на простую дихотомию двух классов существительных в отношении доступности генитивных аргументов. Предметным непроизводным⁷¹ существительным, проецирующим до двух аргументных генитивов (*коллекция*), противопоставляются процессные производные от глагола регулярным способом номинализации, допускающие выражение генитивом только одного аргумента (*коллекционирование*). Такая дихотомия делает очевидной связь между количеством генитивов и количеством именных проекций: в структуре [DP [VP]] именная проекция одна (DP), а в структуре [DP [NP]] таких проекций две (DP и NP).

Типология существительных, однако, в действительности сложнее: как неоднократно отмечалось в литературе о русских номинализациях [Падучева 1974, 1977, 1984, 2009; Апресян 1974; Comrie 1980; Пазельская 2003, 2004, 2005, 2006], регулярная производность от глагола и доступность событийной интерпретации являются двумя независимыми параметрами, вследствие чего наряду с указанными выше классами имеются также событийные непроизводные существительные (*критика*) и предметные существительные, производные от глагола регулярным способом (*сочинение*).

Гипотеза D-генитива предсказывает, что количество доступных генитивов будет определяться статусом аргументов: если аргументы принадлежат глагольной группе, возможен только один генитив; если же аргументы проецируются существительным, то возможны два аргументных генитива. Вместо этого, однако, мы обнаруживаем корреляцию количества генитивов не с наличием глагольной основы, а с параметром событийности.

Непроизводные (и нерегулярные) процессные существительные в отношении аргументной структуры ведут себя как регулярные событийные номинализации на *-ние/-тие*. Например, существительные *запрет*, *критика*, *контроль*, *поддержка* встречаются в корпусе только с одним генитивным аргументом, внутренним или внешним (см. (2.76a-e), (2.77a-g), (2.78a-b), (2.79a-b)); одновременное выражение генитивом двух аргументов обычно невозможно (ср. (2.76f-h), (2.77h), (2.78c), (2.79c)).

(2.76) а. запрет ислама изображать живые существа

б. строители вплоть до запрета Госгортехнадзора вели работы днем и ночью

⁷¹ Под непроизводностью в данном контексте имеется в виду не словообразовательная непрозрачность, а отсутствие изменения синтаксической категории (номинализации) в ходе синтаксической деривации. Подобное понимание восходит к работе [Chomsky 1970], в которой провозглашается синтаксически непроизводный характер нерегулярных имен действия в английском языке и синтаксически производный характер регулярных *ing*-овых номинализаций.

- c. получить повод для запрета КПРФ
  - d. запрет изданий АН на иностранных языках
  - e. добился официального запрета секты караимов
  - f. ???запрет испытаний химического оружия конгресса США
  - g. *запрет городских властей рекламы пива
  - h. *запрет компартии Ельцина / *запрет Ельцина компартии
- (2.77) a. ... известный своей последовательной критикой действий президента РФ
- b. жесткая критика делегатов со стороны городской общественности
  - c. «ЯБЛОКО» хочет побеждать за счет повальной критики «Союза правых сил».
  - d. критика премьера Михаила Касьянова в адрес министра финансов Алексея Кудрина
  - e. эйнштейновская критика старика Планка
  - f. Марксова критика взглядов Штирнера
  - g. их аргументированная критика концепции «реальной политики»
  - h. *критика Планка Эйнштейна / *критика Эйнштейна Планка
- (2.78) a. поддержка курса рубля
- b. поддержка Алексея Кудрина
  - c. *поддержка курса рубля Алексея Кудрина
  - d. поддержка курса рубля Алексеем Кудриным
- (2.79) a. контроль качества медицинской помощи
- b. контроль глав регионов над ключевыми позициями в органах местного самоуправления
  - c. *контроль качества медицинской помощи грамотных специалистов
  - d. контроль качества медицинской помощи грамотными специалистами

Отдельно следует остановиться на регулярно фиксируемом в корпусе выражении внешнего аргумента творительным падежом (ср. (2.78d), (2.79d)). Появление агентивного дополнения в творительном падеже не в номинализациях на *-ние/-тие*, а в конструкциях с производными существительными явным образом свидетельствует против «пассивного» анализа номинализаций: мы видим, что доступность агентивного дополнения в творительном падеже принципиально не связана с пассивизацией переходной структуры.

С другой стороны, производные отглагольные существительные на *-ние/-тие*, развивающие предметные и абстрактные значения (result nominals), обнаруживают способность управлять двумя аргументными генитивами. В этом отношении они ведут себя как производные предметные и абстрактные существительные. Заметим, что, лишившись

процессной интерпретации, существительные на *-ние/-тие* утрачивают и способность присоединять агентивное дополнение в творительном падеже.

- (2.80) a. собрание картин Эрмитажа / *Эрмитажем
 b. соотношение потребностей Маслоу
 c. преобразования векторного пространства Лоренца
 d. преобразование последовательностей Фурье
 e. обобщение разбиений Кокстера
 f. распределение вероятности Фишера
 g. ранение рук лейтенанта / # лейтенантом

Итак, оказывается, что (не)допустимость двух генитивов коррелирует не с деривационной историей существительного, а с его интерпретацией: событийные существительные допускают только один аргументный генитив (не считая интенционального) и в этом случае лицензируют агентивное дополнение; предметные существительные и абстрактные *result nominals* допускают два генитивных аргумента.

2.3.4. Притяжательные местоимения и прилагательные

Наконец, последний тезис теории D-генитива увязывает притяжательные местоимения и прилагательные с проекцией DP и представляет их как реализацию генитива местоимений и некоторых существительных. Это положение также не лишено недостатков.

Несмотря на существенное пересечение семантических функций притяжательных адъективов и генитивных именных групп, представление о притяжательном местоимении как генитиве местоимения-существительного в общем случае неверно. Можно указать как минимум три случая, когда «генитив местоимения» в именной группе не взаимозаменяем с притяжательным местоимением.

Во-первых, это партитивный (количественный) генитив, который возникает в конструкциях с количественными существительными (2.81). Во-вторых, это интенциональный генитив, управляемый существительными со значением эмоции, желания, с модальным значением (2.82). В-третьих, это отмечаемый в работах Е.В. Падучевой и других исследователей [Падучева 1984; Rappaport 2002; Гращенков 2006б; Пазельская 2006] случай, когда генитив внутреннего аргумента в переходной номинализации не может быть выражен притяжательной формой (2.83). Аналогичным образом, в [Кукушкина, Доценко 2013] указывается, что генитивные именные группы не взаимозаменяемы с притяжательными местоимениями и в случае управления со стороны сложных отыменных образований

предложного типа, ср. к *страху мальчика* vs. к *его страху*). Таким образом, с формальной точки зрения генитив личного местоимения и притяжательное местоимение — это разные единицы.

(2.81) а. Часть меня (# моя часть) осталась где-то в ланкастерских полях, а может быть, на берегу Северного моря.

б. ...в Петербурге большинство нас (# наше большинство) уже давно начало порядочно голодать...

с. Кажется, что потерял я половину себя (# свою половину), и не могу понять чего хочу?

(2.82) а. Он увидел красную, веселую Москву Честнову, и вздрогнул от боязни ее (# ее боязни).

б. Народ имеет несомненное право на власть, но хочет народ — не власти (жажда ее (# ее жажда) свойственна лишь процентам двум)...

(2.83) а. Конечно, признание меня в Италии сыграло решающую роль в том, что я сразу получила известность у себя на родине. (^{OK}меня признали, ≠я призналась; ср. # мое признание)

б. Но самым характерным в той ситуации эпизодом было облачение меня в сценический костюм. (^{OK}меня облачили, ≠я облачилась, ср. # мое облачение)

с. Поторопившись родиться, поторопился я совершить первую в моей жизни бестактность: досточтимому отцу Овельту, настоятелю польской церкви (что в Милютинском переулке), при погружении меня в купель совершенно отчётливо показал я нос. (^{OK}меня погрузили, ≠я погрузился, ср. # при моем погружении)

д. Со времени увольнения меня в отставку, я считаю себя от всяких обязательств по отношению к Вам свободным и предложение Ваше для себя совершенно необязательным. (^{OK}меня уволили, ≠я уволился, ср. # моего увольнения)

С содержательной точки зрения идентичность генитивных и притяжательных форм также сомнительна. Притяжательные формы никогда не конкурируют с генитивными зависимыми за семантическую роль: «на долю» притяжательных местоимений и прилагательных достаются лишь те интерпретации, которые не были выражены генитивными (и другими) именными группами в аргументных позициях. Так, в (2.84а) постпозитивные генитивные ИГ однозначно интерпретируются как внутренний аргумент (тема) и внешний аргумент (агенс); для притяжательного местоимения доступна посессивная интерпретация. В (2.84б) выражен один генитивный аргумент-тема, поэтому притяжательное местоимение может получить интерпретацию посессора или агенса. Если в ИГ переходного существительного не выражено ни одного генитивного аргумента, притяжательная форма допускает любую интерпретацию (2.84д). Однако, как показывает (2.84с), приоритет в выражении аргументов всегда за генитивными зависимыми.

- (2.84) a. мой (Poss) портрет Пушкина (Th) художника Кипренского (Ag)
 b. мой (Ag/Poss) портрет Пушкина (Th)
 c. *мой (Th) портрет художника Кипренского (Ag)
 d. мой (Poss/Ag/Th) портрет

Наконец, неидентичность генитива ИГ и притяжательного местоимения или прилагательного можно продемонстрировать при помощи следующего рассуждения. Как мы видели выше, событийные существительные не допускают двух аргументных генитивов. Притяжательные местоимения и прилагательные в этой ситуации позволяют выразить дополнительный (квази)аргумент, ср. (2.85a-b), (2.86a-b). Однако если бы притяжательные формы были реализацией генитива, из их грамматичности в (2.85b), (2.86b) следовала бы грамматичность генитивных зависимых в (2.85a), (2.86a).

- (2.85) a. *критика взглядов Штирнера Маркса
 b. Марксова критика взглядов Штирнера
- (2.86) a. *аргументированная критика концепции «реальной политики» оппозиционно настроенных интеллектуалов
 b. их аргументированная критика концепции «реальной политики»

Подведем итоги предпринятого обсуждения. Мы не выявили никаких свидетельств того, что источником какого-либо генитива в русской именной группе является функциональная вершина D; напротив, генитивные аргументы проявляют тесную связь с вершиной-существительным. Аргументная структура именной группы определяется не словообразовательной моделью, а значением; релевантным параметром оказывается противопоставление событийных и несобытийных существительных. Притяжательные элементы в ИГ не нуждаются в падеже и, таким образом, не связаны с аргументным генитивом.

2.3.5. Посессор в структуре русской именной группы

В этом разделе мы в общих чертах наметим альтернативный анализ синтаксиса генитивных посессоров в русском языке, оставив его подробную проработку до раздела 6.4, где сведения о дистрибуции посессоров будут дополнены информацией о механизмах приписывания падежа. Основные положения, на которых базируется предлагаемый анализ, следующие. Во-первых, вершина D не участвует в приписывании генитива ни в случае предметных, ни в случае событийных ИГ. Во-вторых, нетривиальные линейные конфигурации

аргументов возникают в результате передвижения именной вершины. В-третьих, притяжательные элементы не заполняют аргументных позиций и являются адьюнктами с широкой реляционной семантикой.

Для предметных существительных мы предлагаем анализ, в соответствии с которым все аргументы возникают в проекции лексического существительного (и, возможно, «переходного» легкого *n*, отвечающего за проецирование внешнего аргумента в именной области, см. [Radford 2000]):

- (2.87) a. [_{NP} профессора *n* [_{NP} хендаут [_{PP} к лекции]]]
 b. [_{NP} Бакунина *n* [_{NP} письмо [_{DP} сёстрам]]]
 c. [_{NP} брата *n* [_{NP} конспект [_{DP} лекции]]]

В ходе дальнейшей деривации именная вершина претерпевает передвижение в вышестоящую функциональную проекцию X, конкретная природа которой не вполне ясна; предположительно это проекция довольно низкого уровня, например, NumP. В таком случае в качестве мотивации передвижения естественно предложить некоторый признак именной вершины, значимый для морфосинтаксиса числа, например счетность. В этот момент возникают отличия в структуре именных групп с генитивным и не-генитивным внутренним аргументом. Если внутренний аргумент не-генитивный (или его нет), происходит передвижение вершины N, в результате чего все аргументы оказываются справа от глагола, причем генитивный внешний аргумент предшествует прочим аргументам (2.88a-b). Если же внутренний аргумент генитивный, передвижение вершины нарушает конкретно-языковое ограничение — запрет на разрыв генитивной связи, введенный в работе [Зализняк, Падучева 1979]. Вследствие этого происходит не передвижение вершины N в вершину X, а передвижение группы NP в проекцию XP, так что группа «вершина+генитивный внутренний аргумент» оказывается левее внешнего аргумента (2.88c).

- (2.88) a. [_{XP} хендаут+*n*+X [_{NP} профессора ~~#~~ [_{NP} ~~хендаут~~ [_{PP} к лекции]]]
 b. [_{XP} письмо+*n*+X [_{NP} Бакунина ~~#~~ [_{NP} ~~письмо~~ [_{DP} сёстрам]]]
 c. [_{XP} [_{NP} конспект [_{DP} лекции]] X [_{NP} брата *n* [_{NP} ~~конспект~~ [_{DP} ~~лекции~~]]]

Событийную интерпретацию существительных мы, вслед за работами [Grimshaw 1990; Marantz 1997; Alexiadou 2001] и многими другими связываем с проекцией V в синтаксической структуре именной группы. Однако в отличие от предшествующих работ мы предполагаем, что любое существительное с событийной семантикой производно от глагола, независимо от наличия в его составе словообразовательных морфем. Это допущение возможно реализовать,

если воспользоваться механизмами лексического вставления Распределенной морфологии [Halle, Marantz 1993; Marantz 1997], позволяющими фиксировать в отдельном словаре информацию о выборе лексемы, озвучивающей определенную вершину в определенной синтаксической конфигурации (например, лексическая единица V+v+N для значения 'критиковать' должна выглядеть как *критика*, а не как **критикование*).

Таким образом, любая номинализация (как регулярная, так и нерегулярная) связана с инкорпорацией глагола в именную вершину (2.89a-b).

- (2.89) a. [_{NP} торговля+v+N [_{VP} англичан ~~торговля~~+v [_{VP} ~~торговля~~ [_{DP} опиумом]]]]]
 b. [_{NP} исполнение+v+N [_{VP} ~~исполнение~~+v [_{VP} ~~исполнение~~ [_{DP} арии]]]]]
 c. * [_{NP} исполнение+v+N [_{VP} Шаляпина ~~исполнение~~+v [_{VP} ~~исполнение~~ [_{DP} ария]]]]]

Обсудим теперь специфику оформления аргументов номинализации. Как уже указывалось выше, во многих работах по русским номинализациям предполагается предварительная «пассивизация» глагольной основы, в связи с чем внутренний аргумент становится «подлежащим» номинализации, а внешний аргумент оказывается в позиции агентивного дополнения. Этот анализ поддерживается наличием в регулярных номинализациях морфемы *-н/-т*, соотносимой с показателем пассивного причастия. Следует отметить, однако, что эту морфему содержат и номинализации от непереходных глаголов (*спанье, падение, управление, командование*), однако их аргументная структура не содержит следов пассивного преобразования. Поэтому мы предполагаем, что никакой «предварительной пассивизации» при номинализации переходных глаголов не происходит.

Собственно, эффект «пассивизации» состоит в том, что при инкорпорации в N глагол теряет способность управлять аккузативом, аналогично тому, как в анализе генитива прямого дополнения под отрицанием у С. Браун вершина Asp теряет способность приписывать аккузатив при инкорпорации в вершину Neg [Brown 1999]. Вместо этого сложная вершина V+v+N приписывает генитив ближайшей с-командуемой цели; тем самым достигается «прилегание» генитива к существительному, ср. (2.89a-b). Важно заметить, что ближайшей целью может оказаться как внешний аргумент (2.89a), так и внутренний аргумент при отсутствии внешнего (2.89b). Неграмматичная структура с двумя аргументными генитивами при таком анализе исключается: имеется всего один источник падежа вне глагольной группы, и этот падеж «расходуется» на ближайшую с-командуемую именную группу-цель, так что внутренний аргумент оказывается без падежа (2.89c). В этой связи внешний аргумент переходной номинализации не может быть выражен в аргументной позиции; для указания на него могут использоваться притяжательные элементы либо адьюнкт в творительном падеже,

возникающий, по утверждению Л. Бэбби [Babby 2009], в тех случаях, когда семантической валентности недостает позиции в аргументной структуре.

Как мы видим, событийные и предметные существительные имеют различный синтаксис, причем не только в отношении проецирования NP, но и в отношении дальнейших синтаксических процессов, связанных с проецированием функциональной структуры именной группы. Если для предметных существительных мы предложили передвижение в вышестоящую проекцию X и соотнесли ее с семантикой числа, то для событийных существительных такое передвижение не предполагается. И действительно, событийные существительные демонстрируют существенные лакуны в выражении грамматических категорий существительного, в частности, категории числа (ср. [Чернейко 2001; Пазельская 2006]).

Предлагаемый анализ также позволяет объяснить ограничения на выражение внутреннего аргумента переходных событийных номинализаций: как мы помним, внутренние аргументы не могут соответствовать притяжательным местоимениям и прилагательным (*мой (Th) *осмотр доктора* (Ag), *Петино (Th) *обследование врача* (Ag)). Этот запрет следует из необходимости выражения внутреннего аргумента глагола в аргументной позиции [Grimshaw 1990]; принципиально, что для русского языка притяжательные элементы с аргументной позицией не соотносятся. Таким образом, примеры (2.58) и аналогичные им не образуют парадигмы: номинализации переходных основ без внутреннего аргумента не имеют процессной интерпретации (ср. (2.90)), а значит, относятся к классу несобытийных (предметных или абстрактных) существительных, таких как в (2.88).

- (2.90) а. *постоянное исполнение Шаляпина
 б. *во время исследования Павлова
 в. *регулярное назначение врача

Наш анализ, таким образом, предсказывает отличия в порядке слов между непроцессными и процессными номинализациями: если для событийных номинализаций с маркированным ингерентным генитивом внутренним аргументом генитивным внешний аргумент будет предшествовать внутреннему, то для несобытийных номинализаций мы ожидаем предшествования внутреннему аргументу внешнего. И действительно, поиск в НКРЯ позволяет сделать вывод о допустимости обоих вариантов словорасположения в таких конструкциях. Как кажется, в примерах (2.91) порядок слов действительно коррелирует с несобытийной vs. событийной интерпретацией⁷².

⁷² Для многих носителей русского языка событийная интерпретация становится доступной при оформлении внешнего аргумента творительным падежом (*желание диктатором власти*); подробнее см. раздел 6.4.2.

- (2.91) a. боязнь темноты дикаря vs. боязнь дикаря темноты
 b. жажда славы брата vs. жажда брата славы
 c. желание власти диктатора vs. желание диктатора власти

Наконец, последнее замечание касается притяжательных элементов. Как уже было сказано, они не заполняют аргументных позиций и соотносятся с доступной при данном существительном семантической ролью. Соответственно, они имеют различный статус с генитивными зависимыми, которые, напротив, непосредственно соотносятся с аргументной структурой существительного. Возможность сочинения притяжательных и генитивных зависимых, на наш взгляд, может считаться эпифеноменом эллипсиса совпадающей именной вершины либо следствием сочинения элементов, вложенных в проекции PredP, как при сочинении других модификаторов разной категориальной принадлежности (2.92).

- (2.92) a. [DP [NP машина] [AdjP моя]] и [DP [NP ~~машина~~] [DP моей жены]]
 b. машина [PredP [AdjP моя]] и [PredP [DP моей жены]]

Заметим, что при сочинении двух посессоров разных типов либо притяжательное местоимение / прилагательное употребляется постпозитивно, либо генитивный посессор претерпевает передвижение в препозицию, что предположительно связано с изменением их структурной позиции и/или категориального статуса. Таким образом, аргумент от сочинения не может считаться решающим.

2.4. Выводы по главе 2

В этой главе мы рассмотрели свидетельства о структуре именной группы, которые связаны с синтаксическими свойствами посессоров. Фразовые посессоры имеют особый статус среди компонентов именной группы, сопоставимый со статусом подлежащего в клаузе. В частности, они обладают структурным приоритетом над остальными составляющими именной группы, получают тематически независимый падеж и контролируют посессивное согласование в пределах именной группы.

В артиклевых языках связь посессоров с категорией D выявляется на основе позиционных и дистрибутивных критериев. Фразовые посессоры и притяжательные элементы могут быть дополнительно распределены с артиклями и указательными местоимениями (как в английском и французском языках) либо притягиваться в проекцию артикля (венгерский язык). Существенным аргументом в пользу расположения посессора вне группы лексического

существительного, в функциональной оболочке именной группы является общность структурной позиции и падежных характеристик посессора (или аргумента) предметных существительных и подлежащего номинализаций: поскольку аргумент номинализации проецируется внутри вложенной глагольной, а не именной составляющей, его «именное» оформление не может быть связано с лексическим существительным, но должно быть связано с функциональными проекциями, общими для именных групп на базе предметных существительных и номинализаций.

Обнаруживается, что та же линия рассуждений может быть проведена и для безартиклевых языков. Хотя в них посессоры также не образуют единого синтаксического класса, само существование различий между ними говорит в пользу гипотезы об иерархической структуре, лежащей в основе именной группы в языках разного строя. Весьма показательны в этом отношении посессивные конструкции татарского языка. Во-первых, в татарском языке представлено два типа посессоров, проявляющих синтаксические и интерпретационные различия, при этом один из них — генитивный — возможен только в том случае, если именная группа проецирует максимальную функциональную структуру, а другой возможен и в именных группах малой структуры. Во-вторых, сами посессоры различаются между собой по категориальному статусу, так что посессор изафетной конструкции 3 может иметь любые типы зависимых, в то время как проецирование полной структуры для именных групп в позиции посессора изафетной конструкции 2 ограничено. Обращаясь к материалу номинализаций, мы видим, что подлежащее номинализации оформляется как посессор изафетной конструкции 3, в то время как использование в событийной номинализации изафетной конструкции 2 невозможно. Легко видеть, что та же логика, которая приводит С. Эбни и А. Сабольчи к выводу о связи посессора с проекцией DP в артиклевом языке, приводит нас к выводу о структурном параллелизме безартиклевого татарского и артиклевого английского языков.

Материал русского языка на первый взгляд также укладывается в это аналитическое построение: поскольку русские номинализации и предметные именные группы отличаются по количеству лицензируемых ими генитивных аргументов, привлекательной кажется идея о взаимосвязи структурного генитива и проекции D. Если функциональная оболочка — это то общее, что есть у обычной именной группы и номинализации, то отличия между данными единицами должны сводиться к отличию лексических категорий: N и V, соответственно.

Тем не менее, наше исследование не установило связи лицензирования аргументного генитива с проекцией DP. Напротив, в тех контекстах, где предположительно представлены именные группы малой структуры (количественные группы, не контролируемые предикативное согласование, именные группы с предикатным денотативным статусом и т.п.), лицензирование аргументного генитива не страдает. Таким образом, тезис о падежной связи

посессора с функциональной проекцией D не имеет универсального характера, однако этот параметр ортогонален разбиению языков на артиклевые и безартиклевые. Материал русского языка, тем не менее, также может рассматриваться как свидетельствующий в пользу иерархической организации именной группы, поскольку деривация линейных позиций аргументов с различными падежными характеристиками требует достаточно сложной системы функциональных проекций, доминирующих над группой лексического существительного.

Иерархическое вложение, в отличие от «плоской» модели организации именной составляющей, предполагает, что внутри именной группы может быть обнаружено несколько уровней, различающихся по своим свойствам. Такими свойствами могут быть как признаковые характеристики именных составляющих (например, род или число), так и связанная с определенным уровнем интерпретация определенных лексических единиц (например, указательных местоимений). В следующей главе мы обратимся к признаковым и линейным характеристикам именных проекций и исследуем их в свете гипотезы о иерархии функциональных проекций, доминирующих над группой лексического существительного.

Глава 3. Признаковая и линейная структура именной группы

В этой главе речь пойдет о формальных признаках составляющих именной группы и ограничениях, которые расположение некоторого элемента в пределах определенной проекции внутри именной группы накладывает на его интерпретацию.

В предыдущих главах мы уже упоминали о том, что помимо проекции лексического существительного NP и максимальной именной проекции DP, для описания ряда явлений необходимо выделять промежуточные проекции между DP и NP. Одна из таких проекций — проекция, в которой возникает либо располагается «низкий» посессор, не связанный с проекцией DP, но и не входящий в группу лексического существительного. Кроме того, мы обнаружили нетривиальные соотношения между доступностью показателя числа на именной основе и способностью проецируемой ею именной составляющей выступать в различных синтаксических конфигурациях. Мы предположили, что эти факты связаны с тем, что число получает синтаксическую репрезентацию не только в виде формального признака именной составляющей, но и в виде функциональной вершины, возглавляющей соответствующую проекцию.

В данной главе мы обоснуем необходимость более богатой системы функциональных оболочек именной группы, чем простая дихотомия лексической (NP) и функциональной (DP) проекций. В разделе 3.1 будут обсуждаться признаковые характеристики именных составляющих. Мы обсудим синтаксическую имплементацию квантификативных признаков именной группы и покажем, что признаковые характеристики именных составляющих разного размера, выявляемые на основании данных атрибутивного и предикативного согласования, свидетельствуют не только об иерархическом строении русской именной группы, но и об универсальном устройстве семантико-синтаксического интерфейса, отображающего разные компоненты значения именной группы в особым образом организованную синтаксическую структуру.

Раздел 3.2 увязывает линейную позицию компонентов именной группы и синтаксическую структуру именной группы. Если исходить из предположения, что синтаксис предопределяет базовый линейный порядок элементов составляющей, то возможные отклонения от этого порядка должны описываться при помощи специальных операций. В разделе 3.2.1 мы исследуем инверсии в русской именной группе и покажем, что семантически релевантные инверсии должны описываться как синтаксические процессы, перемещающие

некоторую составляющую из ее базовой позиции в производную, связанную с более высокой функциональной проекцией. Раздел 3.2.2 посвящен анализу взаимосвязи между линейной позицией компонента именной группы и его вкладом в семантику именной группы и предложения. На материале особого класса прилагательных — адъективных операторов — мы покажем, что зависимость интерпретации от их линейной позиции опосредована их позицией в синтаксической структуре именной группы.

3.1. Признаковая структура именной группы

Известно, что среди грамматических признаков, определенных на именных составляющих, выделяется как минимум 3 типа: ингерентные лексические признаки (такие как род, согласовательный класс), переменные интерпретируемые признаки, вычисляемые внутри именной составляющей (такие как число) и переменные неинтерпретируемые признаки, вычисляемые вне именной составляющей (такие как падеж) (см., например, классификацию в [Кибрик 1992]). Очевидно, что лексический признак характеризует вершину N и вступает в деривацию при выборе из словаря соответствующей лексемы (но см., однако, раздел 3.2 об интерпретации признака рода). Контекстно-обусловленные признаки, такие как падеж, характеризуют именную группу целиком и являются внешними по отношению к ее иерархической структуре. О падежных характеристиках именных составляющих речь пойдет в части II (главы 5, 6 и 7). В этом разделе мы обсудим в первую очередь признак числа и его имплементацию в системе функциональных проекций именной группы. Мы покажем, что единицы, отвечающие за количественные характеристики именной группы, образуют промежуточный «блок» функциональных проекций, которым могут быть сопоставлены определенные семантические операции: выделение счетного кванта и включение в денотат именной составляющей множеств выделенных объектов. Этим вопросам будет посвящен раздел 3.1.1.

В разделе 3.1.2 предложенная иерархическая система функциональных проекций пройдет проверку на материале русского языка. Русский язык весьма удобен для анализа признаковых характеристик именных составляющих разных уровней по целому ряду причин. Во-первых, все адъективные модификаторы именной группы последовательно согласуются с вершиной составляющей, в которой они находятся, что позволяет нам определять признаковые характеристики этой составляющей. Во-вторых, в силу падежной специфики количественной конструкции, о которой более подробно речь пойдет в главе 5, имеется принципиальная возможность установить по падежному оформлению составляющей, располагается ли она в

области *s*-командования числительного или нет. В-третьих, русский язык допускает именные группы малой структуры в аргументных позициях, в частности, в позиции подлежащего, вследствие чего мы можем вычислять их признаковые характеристики по предикативному согласованию. Анализ случаев дефолтного предикативного согласования и рассогласования в пределах именных групп даст нам дополнительный аргумент в пользу гипотезы об иерархической структуре именной группы в безартиклевом русском языке.

3.1.1. Категория числа и ее синтаксическая имплементация

Как мы видели выше, первоначальные гипотезы о существовании некоторой функциональной проекции могут быть мотивированы разными семантическими и грамматическими феноменами конкретных языков. Для С. Эбни и А. Сабольчи именно синтаксическая дистрибуция и контролирующие свойства посессора послужили основной мотивацией для постулирования проекции DP. У Т. Таральдсена к этим данным добавляются языковые свидетельства, связанные с передвижением (например, постпозитивные артикли), у Г. Лонгобарди — семантическое обоснование данной функциональной проекции.

Гипотеза о том, что число как грамматическая и семантическая категория имени представляет собой не просто признак именной вершины, но связана с определенной синтаксической проекцией в иерархической структуре именной группы, возникает в работах Э. Риттера [Ritter 1989, 1991, 1992, 1995], посвященных именным группам в иврите, и основывается, в общем, на данных двух типов: во-первых, на необходимости промежуточной «посадочной площадки» для передвижения именной вершины между N и D, и во-вторых, на синтаксическом характере категории числа (в отличие от категории рода).

Риттер рассматривает два типа именных групп с генитивными зависимыми: с вершиной в сопряженном состоянии (статус конструктор, *construct state genitive construction*) и со свободным генитивом. Для именных групп первого типа (пример (3.1)) возможен анализ с N-to-D передвижением, объясняющий одновременно порядок слов NSO и получение внешним аргументом *Dan* ‘Дан’ падежного признака от D, возглавляющего, согласно допущению Э. Риттера, именные группы с вершиной в сопряженном состоянии⁷³.

- (3.1) [_{DP} ahavat_i+D [_{NP} Dan   t_i   et   išt-o]]
           любовь   Дан   ACC   жена-его
           ‘Любовь Дана к своей жене’ [Ritter 1991: 39]

⁷³ Приписывание падежа от вершины спецификатору компонента представляет собой случай исключительного падежного маркирования (*exceptional case marking*, ECM); о сопряженном состоянии в иврите см. также [Dobrovie-Sorin 2000].

Однако примеры типа (3.2), в которых представлена так называемая конструкция со свободным генитивом (*free genitive construction*), несмотря на такой же порядок слов NSO, не допускают аналогичной интерпретации.

(3.2) ha-axila   ha-menumeset   šel   dan   et   ha-uga
 DEF-поедание DEF-вежливый   P   Дан   ACC   DEF-торт
 ‘вежливое поедание торта Даном’ [Ritter 1992: (4a)]

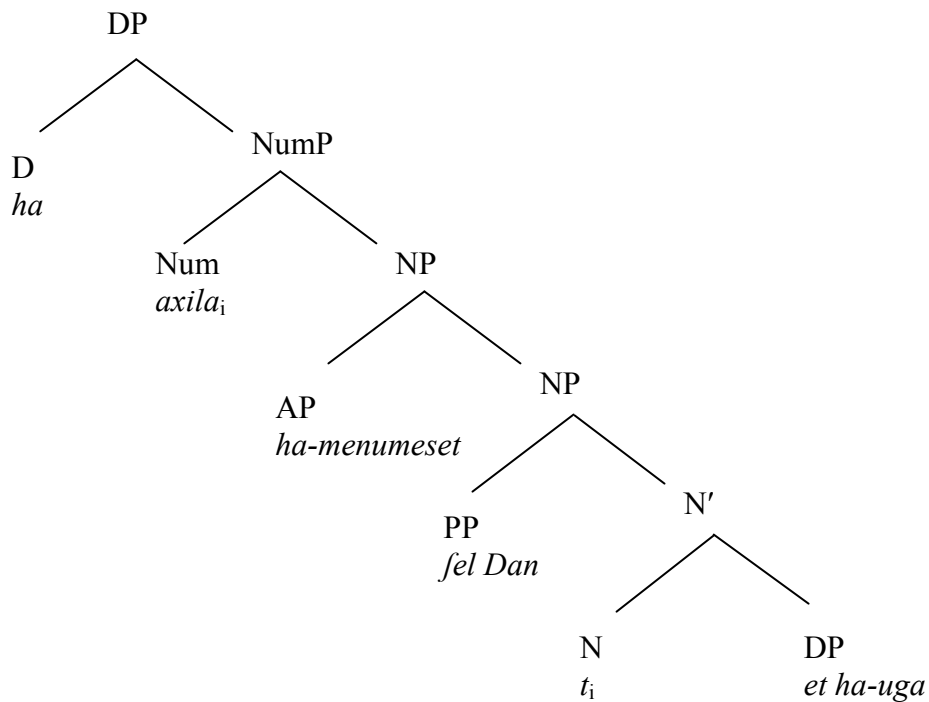
(3.2) отличается от (3.1) по нескольким параметрам. Во-первых, в (3.2) допустим определенный артикль в начальной позиции. Во-вторых, в (3.2) генитивное зависимое получает падежное маркирование от предлога *šel*, а не от вершины D, как в (3.1). В-третьих, между внешним аргументом существительного и существительным возможно расположение модифицирующих событие прилагательных, что в (3.1) блокирует ЕСМ и является поэтому неграмматичным.

Итак, мы приходим к выводу, что в (3.2) именная вершина не может находиться в D (иначе мы имели бы постпозитивный артикль, как в норвежском языке, пример (1.21b)) и при этом NP не является комплементом D (иначе было бы возможно получение внешним аргументом *Dan* ‘Дан’ падежа от D, и предлог был бы не нужен). Следовательно, в (3.2) лексическая вершина N находится в позиции некоторой вершины X, промежуточной между N и D, и группа этой вершины XP и выступает комплементом D. Таким образом, структура именной группы, необходимая для объяснения (3.1)-(3.2), содержит как минимум одну промежуточную функциональную проекцию между NP и DP:

(3.3) [DP ... D ... [XP ... X ... [NP ... N ...]]]

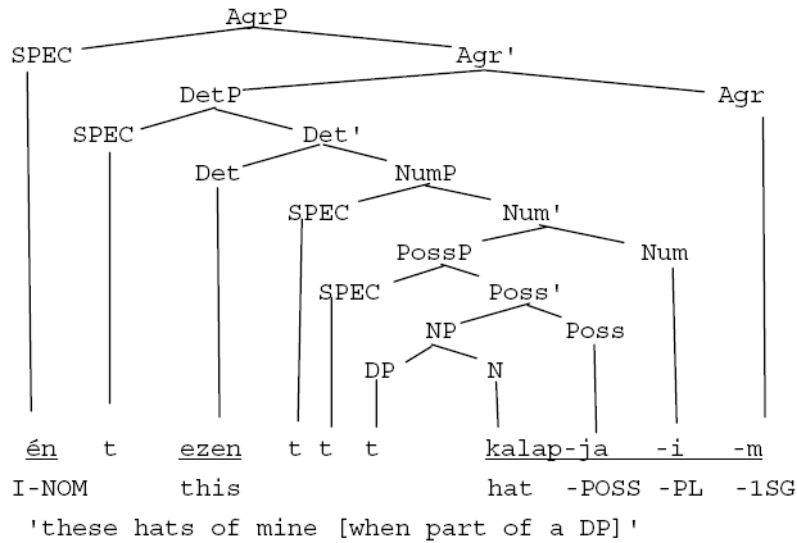
Идентификация этой промежуточной проекции X с проекцией числа (Num), вообще говоря, не следует из анализа генитивных именных групп, но представляет собой наиболее экономное с логической точки зрения предположение: с одной стороны, промежуточная вершина, в которую бы передвигалось лексическое существительное, необходима для анализа (3.1)-(3.2); с другой стороны, по независимым основаниям нужна проекция для числа: грамматическое число относится к словоизменительным категориям, и поэтому, как полагает Э. Риттер, оно должно возникать в синтаксической вершине, вызывающей затем передвижение N. Таким образом, именная группа из (3.2) получает анализ (3.4):

(3.4)

Некоторые собственно синтактико-семантические свидетельства в пользу идентификации вершины Num как конечной точки передвижения лексической именной вершины все же находятся: так, в [Ritter 1995] данная гипотеза позволяет объяснить ряд особенностей согласования в иврите, если допустить, что местоимения 1-2 лица располагаются в D, а 3-го лица — в Num. Сходный анализ вершины Num как площадки для «частичного» передвижения N часто используется в романистике (ср. [Delfitto and Schroter 1991; Bernstein 1991; Picallo 1991; Cinque 1994]). Расположение числовой морфологии снаружи от посессивного показателя — экспонента явно синтаксического происхождения — в финно-угорских языках интерпретируется как порядок следования функциональных вершин Poss и Num в работах А. Сабольчи (см., например, [Szabolcsi 1994:(24)]):

(3.5)

Следует отметить, однако, что предположение о зеркальном отражении иерархии вершин в порядок следования аффиксов (так называемый «зеркальный принцип», *mirror principle* [Baker 1985]) далеко не для всех исследователей является само собой разумеющимся, а это значит, что аргументы «от морфологии» не самые убедительные⁷⁴.

Для того чтобы понять, какие языковые данные будут свидетельствовать именно о синтаксической репрезентации категории числа, рассмотрим соотношение морфологического и семантического числа. Для простоты ограничимся минимально возможным составом категории числа с двумя граммемами: единственное и множественное.

Семантике числа посвящено огромное количество выдающихся работ, среди которых [Link 1983; Chierchia 1998; Sauerland 2003a; Sauerland et al. 2005; Borer 2005; Rothstein 2010]. Наиболее влиятельная точка зрения состоит в том, что экстенционалом семантически единичного счетного существительного типа *книга* является множество типа $\{a, b, c, \dots\}$, а семантически множественного существительного типа *книги* — множество, получаемое из предыдущего путем применения оператора «звездочка Линка» (замыкания относительно операции мереологического суммирования, *closure under sum formation*), т.е. множество

⁷⁴ Как известно, «зеркальный принцип» довольно часто требует расположить вершины X и Y двумя взаимоисключающими способами, причем не только в разных языках (например, падеж и притяжательный аффикс в чувашском и татарском, или число и притяжательный показатель в тюркских и угорских языках), но и в пределах одного языка, в зависимости от значения соответствующих категорий. Эта проблема решается, например, в Распределенной Морфологии путем реорганизации порядка следования морфологических показателей по сравнению с синтаксическими вершинами.

множеств разной мощности, включающее также одноэлементные множества $\{a, b, c, \dots a+b, a+c, b+c, \dots a+b+c, \dots\}$ ⁷⁵.

Если исходить из такой семантической интерпретации числового признака, очевидно, что морфологическое число связано с этим признаком лишь опосредованно. Во-первых, морфологические *singularia* и *pluralia tantum* в равной степени могут иметь в качестве денотата как единичные, так и множественные сущности (3.6).

(3.6) а. На столе лежала морковь.

б. На столе лежали ножницы.

Если предположить, что формы единственного и множественного числа существительных — непосредственные экспоненты интерпретируемого признака числа существительных, то анализ семантики числа Линка/Зауэрланда/Ротстин предсказывает такое поведение только для *pluralia*, но не *singularia tantum*, анализ же Кьеркии не допускает ни единичной интерпретации *pluralia tantum*, ни множественной — *singularia tantum*.

Во-вторых, некоторые синтаксические конфигурации требуют от существительного определенного морфологического числа, причем семантическое число может не соответствовать морфологическому. Наиболее известный пример такого типа — ограничения на морфологическое число в конструкциях с числительными и кванторами. Так, например, в английском языке все простые числительные, большие чем *один*, требуют формы множественного числа существительного (3.7а). Однако ясно, что выбор формы множественного числа здесь не является семантическим («речь идет о пяти предметах, поэтому книги — множественная сущность»): в таком случае мы предсказывали бы появление формы множественного числа существительного в конструкции с составными числительными, кончающимися на *оде* ‘один’, что, как видно из (3.7б), не соответствует действительности. В тюркских языках, напротив, все числительные требуют формы единственного числа существительного, хотя возможный денотат выражения *биш китап* ‘пять книг’, очевидно, множественный (см. пример (3.7с) из татарского языка). Наконец, морфологические числовые формы существительного и прилагательного в русской конструкции (3.7д) едва ли возможно объяснить исключительно семантической спецификой двух-, трех- и четырехэлементных (а

⁷⁵ Г. Кьеркиа предполагает, что одноэлементные множества не входят в означаемое множественных сущностей, т.е. что искомое множество выглядит как $\{a+b, a+c, b+c, \dots a+b+c, \dots\}$. У. Зауэрланд, однако, указывает на поведение множественных ИГ в контекстах следования подмножества из множества (*downward entailing contexts*) в качестве свидетельства в пользу включения единичных объектов в денотат множественных сущностей. Например, если у Джона один ребенок, на вопрос «Есть ли у Вас дети?» он должен ответить скорее да, чем нет.

также двадцатидвухэлементных, тридцатичетырехэлементных, «полутораэлементных» и т.п.) множеств.

(3.7) a. five books / *five book

‘пять книг’

b. twenty-one book / *twenty-one books

‘двадцать одна книга’

с. биш китап / *биш китап-лар
 пять книга   пять книга-PL

‘пять книг’

d. четыре интересные книги

В-третьих, если морфологическое число напрямую соответствует семантическому числу, то все именные группы должны быть семантически охарактеризованы по числу, поскольку морфологически они всегда имеют какое-то число (что следует из определения грамматической категории как обязательной). В этом отношении показательны примеры конструкций, в которых лексическое существительное имеет некоторую морфологическую форму (единственного или множественного числа), но при этом, как кажется, именная составляющая недоопределена в отношении семантического числа.

(3.8) a. l’ouvre-**boîte**

DEF открывать-банка

‘открывалка для **банок**’

b. the **can** opener

‘открывалка для **банок**’ [Bouchard 2002: 42]⁷⁶

с. ремонт **холодильников**

d. платье с **коротким рукавом**

В (3.8a-b) приводятся примеры из французского и английского, в которых существительное имеет форму единственного числа, но при этом, по-видимому, не означает только единичные сущности; в русском переводе существительное с той же интерпретацией

⁷⁶ Примеры (3.8a-b) взяты из работы [Bouchard 2002], где аргументируется анализ, согласно которому локусом числового маркирования в английском языке является существительное (N), в то время как во французском языке — определитель (D). Это отличие, по мнению Бушара, имеет последствия для расположения прилагательных, модифицирующих именной предикат, а не индивид (единичный или групповой). Хотя верно, что экспонент множественной морфологии на существительном во французском языке обычно не произносится, не всегда он произносится и на определителе, что хорошо видно в первом предложении знаменитой речи Шарля де Голля: «Je m’adresse aux peuples — au pluriel!» (букв. Я обращаюсь к народу/народам — во множественном числе!).

имеет форму множественного числа. В (3.8с-d) демонстрируются другие примеры русских именных групп морфологически множественного и единственного числа, но семантически, очевидно, не единичных и не множественных.

Таким образом, мы приходим к выводу, что прямого соответствия между морфологическим и семантическим числом нет. Естественное предположение, объясняющее возможное рассогласование семантического и морфологического числа, состоит в том, что интерпретируется не собственно морфологический признак числа существительного, а семантический признак [Number: SG / PL ...] некоторой синтаксической вершины, компонентом которой является NP. Числовая морфология на существительном может возникать в результате согласования с данной вершиной (или другими вершинами), но может и соответствовать «дефолтному» означиванию признаков, примерно так, как форма 3 лица ед. ч. среднего рода представляет собой дефолтное означивание ϕ -признаков финитной вершины T в отсутствие контролера согласования.

Аналогичные идеи высказываются в [Ionin, Matushansky 2006; Borer 2005; Alexiadou 2011; Pereltsvaig 2011; Pesetsky 2013]⁷⁷. В частности, А. Перельцвайг предполагает, что для русских существительных дефолтной морфологической числовой формой является форма множественного числа, которую мы наблюдаем, в частности, при использовании так называемого неопределенного множественного [Плунгян 2011] — *У нас гости, У Вас есть дети?* и т.п.

Если это предположение верно, то мы должны обнаружить синтаксические свидетельства существования этой вершины, которую мы будем называть Num⁷⁸. Какого же рода свидетельства это могут быть? Как и в случае с функциональной проекцией DP, мы можем ожидать присутствия в некоторых синтаксических конфигурациях именных групп малой структуры, лишенных проекции NumP. Если семантическое число есть интерпретация признака вершины Num, то такие именные группы будут лишены семантического признака числа, то есть недоопределены в отношении семантического числа, при том что морфологическое число на такой именной группе может быть выражено.

⁷⁷ У. Зауэрланд также разделяет точку зрения о синтаксической репрезентации семантически интерпретируемого числа в виде отдельной вершины ϕ , которая, однако, в его концепции доминирует над DP: “I propose that there is another syntactic head above the determiner, which I call the ϕ -head, and that the only semantically contentful number features are contained in this head” [Sauerland 2003: 258].

⁷⁸ В литературе можно найти различные предположения относительно локализации интерпретируемого признака числа. Так, например, в [Borer 2005; Scontras 2012] этот признак приписывается вершине #, доминирующей над NumP. Мы в данном изложении будем придерживаться минимально необходимого набора синтаксических категорий и считать, что интерпретируемый признак числа локализован в Num.

Некоторые примеры именных групп, лишенных проекции Num, мы видели в (3.8). Исчислению контекстов, допускающих или требующих NP без синтаксического признака числа в русском, армянском и частично норвежском языках посвящена работа [Pereltsvaig 2011]. В частности, для русского языка А. Перельсвайг рассматривает следующие случаи: во-первых, это дополнение кумулятивных глаголов с циркумфиксом *на-...-ся* (3.9а), и во-вторых, дополнение предлога *в* в конструкциях *метит в генералы, забрили в солдаты* (3.9б).

- (3.9) а. Лена наелась котлет / *двух котлет / *эту котлету.
 б. Горбачева выбрали в президенты / *в президента / *в президент.

Особый интерес представляют именные группы, лишенные синтаксического числа, в позиции дополнения переходного глагола. Характерной особенностью таких дополнений является недоопределенность в отношении семантического числа, ср. примеры (3.10а-с) из армянского, норвежского и татарского языков:

- (3.10) а.   Ara-n   **girkh** a   af-el.
               Ara-NOM   книга AUX.PRS.3SG. покупать-PF

‘Ара купил книгу / книги.’ (Pereltsvaig 2011:(6b))

- б.   Per   har   hatt   **hund** i   ti   år.
           Пер   AUX.PRS   AUX.PP собака в   десять год

‘У Пера была собака/были собаки в течение десяти лет.’ [Borthen 2003], цит. по [Pereltsvaig 2011]

- с.   Алсу **кызыл**   **алма**   ашый.
           Алсу красный   яблокоесть.PRS

‘Алсу ест красное яблоко/красные яблоки.’

Числовую нейтральность мы обнаруживаем также у целого ряда деривационно связанных именных составляющих (т.е. именных компонентов в составе сложных предикатов, атрибутивных групп, композитов и т.п.). Например, в немецких сложных словах (3.11а-б) инкорпорации подвергается существительное в форме единственного числа, хотя семантики единичности не возникает. В татарском языке (3.11с-д) отсутствие синтаксического числа у компонента есть селективный признак атрибутивизирующей морфемы *-лы*. Как было показано в разделе 2.2, данный атрибутивизатор допускает вложение NP, но не NumP, поэтому примеры, содержащие морфему множественного числа *-лар*, неграмматичны, а примеры с основой без показателя *-лар* нейтральны в отношении семантического числа. Наконец, осетинские сложные предикаты (3.11е-ф), хотя и допускают форму множественного числа

именной части, приписывают ей интерпретацию не именной, а глагольной множественности (итеративность, интенсивность и т.п.; [Абаев 1959: 641], П.В. Гращенко (л.с.)).

- (3.11) a. Auto-verleih / *Autos-verleih
автомобиль-прокат / автомобиль.PL-прокат
‘прокат автомобилей’
- b. Bus-haltestelle / *Busse-haltestelle
автобус-остановка / автобус.PL-остановка
‘автобусная остановка’ (в т.ч. нескольких автобусов)
- c. күк чэчэк-ле чашка / *күк чэчэк-лэр-ле чашка
синий цветок-ATR чашка / синий цветок-PL-ATR чашка
‘чашка с синим цветком / чашка с синими цветами’
- d. биек табан-ны туфли-лар / *биек табан-нар-ны
высокий подошва-ATR туфель-PL / высокий подошва-PL-ATR
туфли-лар
туфель-PL
‘туфли на высоких каблуках’
- e. æр-арт кæнын / æр-арт-тæ кæнын
PF-огонь LV.INF / PF-огонь-PL LV.INF
‘развести огонь / неоднократно развести огонь’ (# ‘развести несколько огней’)
- f. ныд-дис кæнын / ныд-дис-тæ кæнын
PF-удивление LV.INF / PF-удивление-PL LV.INF
‘удивиться / сильно удивиться’ (# ‘удивиться по разным поводам’)

Характерно, что отсутствие проекции NumP влечет за собой отсутствие других вышестоящих функциональных проекций, в частности, DP. А. Перельцвайг и О. Каган [Kagan, Pereltsvaig 2009; Pereltsvaig 2011] указывают на невозможность элементов левой периферии, создающих референтное/определенное прочтение именной группы в (3.9). Отсутствие проекции D влечет самую узкую сферу действия (либо отсутствие сферы действия в принципе и предикатную интерпретацию) у именных групп, демонстрирующих числовую нейтральность в связи с отсутствием проекции NumP. Так, например, армянское предложение (3.12a) из работы [Pereltsvaig 2011: (17)] имеет только одну интерпретацию, что означает, что объектная именная группа *girkh* ‘книга’ не является кванторной или референциальной. Такое же поведение мы наблюдаем у немаркированного прямого дополнения — NP *яңа китап* ‘новая книга’ в татарском примере (3.12b). Заметим, что у маркированного прямого дополнения форма единственного числа не демонстрирует числовой нейтральности (3.12c); в [Лютикова 2014б] этот факт интерпретируется как обязательное присутствие проекции NumP у именной группы полной структуры — DP, которые и соответствуют маркированному прямому дополнению.

- (3.12) a.   amen   mi   uerexa   girkh   a   ań-el.
 все   один   ребенок   книга   AUX.PRS.3SG   покупать-PF

‘Каждый ребенок купил книгу/книги.’

$\forall > \exists, * \exists > \forall$

- b.   Hәp   укучы   яңа   китап   укы-ды.
 каждый   ученик   новый   книга   читать-PST

‘Каждый ученик прочитал новую книгу / новые книги.’

$\forall > \exists, * \exists > \forall$

- c.   Hәp   укучы   бу   китап-ны   укы-ды.
 каждый   ученик   этот   книга-ACC   читать-PST

‘Каждый ученик прочитал эту книгу / *эти книги.’

Итак, существуют весомые свидетельства присутствия в иерархической структуре именной группы функциональной проекции NumP, опосредующей отношение между семантическим и морфологическим числом. Следующий вопрос, который напрашивается в связи с этим утверждением — как проекция NumP соотносится с количественными числительными и прочими языковыми выражениями (количественными наречиями, существительными, предложными группами и т.п.), образующими количественную конструкцию и явно взаимодействующими как с семантическим, так и с морфологическим числом.

Рассмотрим сперва влияние числительных на морфологическое число. Как известно, числительные могут требовать определенной морфологической числовой формы существительного. Так, в английском языке числительное *one* и составные числительные, оканчивающиеся на *one*, сочетаются с существительными в форме единственного числа, тогда как все остальные числительные — с существительным в форме множественного числа. В тюркских языках любое числительное требует формы единственного числа существительного (вернее, отсутствия показателя множественного числа). В русском языке можно выделить три группы числительных в отношении морфологического числа существительных: *один* и заканчивающиеся на *один* (единственное число существительного), «малые» числительные *два, три, четыре*, заканчивающиеся на них составные, а также *полтора* и *оба/обе* (паукальное число / счетная форма существительного), и все остальные (множественное число существительного). На первый взгляд, эти факты свидетельствуют о том, что именно числительное контролирует синтаксический признак числа. Соответственно, числительное можно идентифицировать с вершиной Num и приписать количественной группе структуру типа (3.13a). Существует, однако, целый ряд свидетельств в пользу того, что числительное

представляет собой скорее не вершину, а спецификатор некоторой проекции. Во-первых, количественные числительные не только образуют сложные формы, но и допускают ветвление при добавлении групп типа *с половиной, и три четверти*, при модификации прилагательными-преквантификаторами (в русском языке это *целых, добрых, каких-нибудь*) и т.п. Во-вторых, числительное обычно не препятствует передвижению вершин (например, при аппроксимативной инверсии в русском языке, см. [Franks 1994, 1995; Pereltsvaig 2006b, 2007a], а также раздел 3.2.2). В-третьих, с семантической точки зрения количественное числительное скорее указывает на размер множеств в экстенсionale именной группы, чем осуществляет рестрикцию этих множеств, поэтому выступает как параметр, а не как оператор. Наконец, в-четвертых, многие языки не делают различий в устройстве количественной конструкции с числительными или другими фразовыми категориями, выражающими идею количества (ср. [Всеволодова 2013a]), поэтому связывать свойства таких конструкций со свойствами их вершины-числительного едва ли рационально. Поэтому структуре (3.13a) следует предпочесть (3.13b), помещающую (группу) числительного в спецификатор NumP (ср. с анализом в [Selkirk 1977; Hurford 1987; Gawron 2002]; для русского языка — [Franks 1995; Bailyn 2004b; Pereltsvaig 2006b, 2007a]).

- (3.13) a. [NumP ... [Num *Numeral*]_[Number: PL] [NP ...]_[Number: PL]
 b. [NumP [*Numeral*] [Num $\emptyset$]_[Number: PL] [NP ...]_[Number: PL]

Следует учесть, что числительное и NP бывают опосредованы классификаторами / счетными словами: с обязательностью, как в китайском, или факультативно, как в новогреческом или русском⁷⁹, что дает нам структуру (3.14a). В языках с системами счетных классификаторов, однако, грамматическая категория числа обычно не представлена⁸⁰, что дает основания некоторым исследователям идентифицировать функциональную проекцию числа и классификатора [Boyer 2005]; числительное в таком случае занимает вышестоящую структурную позицию, выбирая группу классификатора / группу числа (3.14b). С семантической точки зрения, по мнению Х. Борер, и классификаторы, и грамматическое число суть экспонент семантического оператора «разделитель» (DIVIDER), превращающего несчетный денотат именной основы в исчисляемые кванты.

⁷⁹ В [Yadroff 1999; Добрушина 2014; Иншакова 2014, 2015] отстаивается точка зрения, что в ряде конструкций, например, при аппроксимативной инверсии, классификатор в русском языке обязателен, так как именно он и претепевает передвижение. О проблеме обязательности/необязательности классификаторов см. [Nomoto 2013; Рудницкая 2014a; Sağ 2016].

⁸⁰ Подробное обсуждение дистрибуции грамматического числа и классификаторов см. в [Boyer 2005, ch.3].

- (3.14) a. $[\text{NumP } [Numeral] [\text{Num } \emptyset] [\text{CIP/MeasP } \text{Cl/Meas } [\text{NP } \dots]]]$
 b. $[\text{NumeralP } [Numeral] [\text{Numeral } \emptyset] [\text{CIP/NumberP } \text{Cl}/\{\text{sg,p}\} [\text{NP } \dots]]]$

Заметим, что семантика числовой вершины в такой структуре — это явно не та семантика, которую мы предполагали получать от интерпретируемого признака [Number: SG / PL / ...]. К тому же, как мы помним из предыдущего обсуждения, то значение категории числа у NP, которое определяется типом числительного, далеко не всегда соответствует семантическому числу. Поэтому естественно предположить, что интерпретируемое число расположено скорее выше числительного, как в (3.15). При отсутствии числительного согласование с интерпретируемым числом определяет морфологическое число существительного. Если же именная группа содержит числительное, то именно оно как более локальный контролер определяет грамматическое число у NP.

- (3.15) $[\text{NumP } \text{SG} / \text{PL} / \dots [\text{NumeralP } Numeral [\text{DividerP } \text{Divider} / \text{Cl} / \text{Meas } [\text{NP } \dots]]]]$

В пользу такого решения можно привести следующие аргументы. Во-первых, числовые характеристики именной вершины, диктуемые числительным, и ее модификаторов могут отличаться, так что модификаторы демонстрируют семантическое число, а именной материал ниже числительного – морфологическое. В русском языке это особенно хорошо видно в ИГ с составными числительными, оканчивающимися на *один*. В примерах (3.16) мы наблюдаем форму единственного числа у составляющей ниже проекции числительного, и форму множественного числа у указательных и кванторных местоимений, в причастном обороте, в глаголе-сказуемом и в адъективных компонентах составного сказуемого.

- (3.16) a. [Все эти [двадцать один [кореец]_{SG}], томящиеся в тюрьме]_{PL}, объявили голодовку.
 b. Эти двадцать один год пробежали, как один миг.
 c. Если вы сможете заменить одну привычку другой, полезной, эти двадцать один день покажутся напряженными, зато вы приобретаете новую здоровую привычку вместо старой.
 d. Эти двадцать один человек носят на груди нашитые большие белые кресты, как знак старшинства, и они являются начальниками.

Аналогичные данные из ливанского арабского языка приводятся в [Ouwayda 2013; Pesetsky 2013]. В конструкциях с числительными выше 10 существительное и «низкие» прилагательные имеют морфологию единственного числа (3.17a-b). Однако возможно использование форм множественного числа на «высоких» (возможно, аппозитивных) прилагательных и в глаголе-сказуемом, что создает возможность не только дистрибутивной, но и коллективной интерпретации (3.17c).

- (3.17) a. tleetiin {walad / *wleed}
 тринадцать {ребенок.SG / *ребенок.PL}
 ‘тринадцать детей’
- b. tleetiin mhandes {madani / *madaniy-iin}
 тринадцать инженер.SG {гражданский.SG / гражданский-PL}
 ‘тринадцать гражданских инженеров’
- c. [tleetiin walad kesleen mnazzam-iin]
 тринадцать ребенок.SG ленивый.SG организованный-PL
 Нтајј-и.
 жаловаться-PL
 ‘Тринадцать организованных ленивых детей пожаловались (по отдельности / группой).’

С. Оувайда и Д. Песецкий интерпретируют эти данные как свидетельство того, что вершина #, создающая семантическую множественность [Boget 2005], существует отдельно от проекции, в которой возникает числительное, и расположено в иерархической структуре именной группы выше него. Более того, С. Оувайда делает вывод, что присутствие в именной группе количественных числительных не влечет ни синтаксического, ни семантического признака множественности именной группы⁸¹.

Вторым аргументом в пользу структуры (3.15) может послужить тот факт, что синтаксические конфигурации, не допускающие синтаксического числа, могут, тем не менее, быть толерантны к числительным. Так, уже знакомый нам татарский атрибутивизатор *-лы*, принимающий в качестве комплемента нейтральные в отношении числа ИГ без показателя множественного числа *-лар*, тем не менее сочетается с ИГ, содержащими числительное (3.18):

- (3.18) a. биш тэрэз-ле йорт
 пять окно-ATR дом
 ‘дом с пятью окнами’
- b. *тэрэз-лэр-ле йорт
 окно-PL-ATR дом
 ‘дом с окнами’
- c. тэрэз-ле йорт
 окно-ATR дом
 ‘дом с окном / с окнами’

⁸¹ «I argue that the presence of a cardinal in the DP does not entail that the DP is plural, syntactically (in terms of triggering agreement) or semantically (in terms of allowing a collective reading)...»

Отсюда следует, что числительное в (3.18а) находится в проекции более низкого уровня, чем показатель множественного числа.

Наконец, отсутствие согласования по числу с количественной группой типа *пять мальчиков* в русском языке (3.19а) говорит о том, что данное выражение может содержаться в структуре, лишенной проекции, вводящей семантическую множественность. Эта гипотеза поддерживается также исключительно дистрибутивным прочтением количественных групп, не контролируемых предикативное согласование (см. об этом подробнее в разделе 3.1.2, а также в [Pereltsvaig 2006a]).

- (3.19) а. Пришло_[SG] пять мальчиков.   дистрибутивное / *коллективное
 б. Пришли_[PL] пять мальчиков.   ?дистрибутивное / коллективное

Соответственно, для (3.19а-б) наша гипотеза предсказывает структуры в (3.20): без проекции числа количественная группа *пять мальчиков* оказывается лишенной семантического и синтаксического множественного числа. Поэтому она неспособна контролировать глагольное согласование и не имеет коллективной интерпретации⁸².

- (3.20) а. (*эти последние) [_{NumeralP} *пять* [_{NP} *мальчиков*]] (*пришло*)
 б. (*эти последние*) [_{NumP} ∅_[PL] [_{NumeralP} *пять* [_{NP} *мальчиков*]]] (*пришли*)

Подведем итоги нашего обсуждения. Существуют убедительные свидетельства синтаксической репрезентации категории числа, причем эти свидетельства обнаруживаются в языках независимо от дихотомии артиклевых / безартиклевых. Следует отличать число как интерпретируемый признак именной группы, вводимый специальной вершиной (Num), и морфологическое число существительного, которое может контролироваться данным признаком, но может выбираться и независимо от него. Числительные же, как кажется, имеют к синтаксическому числу опосредованное отношение и возможны в именных структурах, лишенных синтаксического и семантического числа.

⁸² Русский синтаксис проводит границу между невозможностью согласования для премодификаторов и сказуемого. Если в сказуемом в отсутствие контролера согласования допускается дефолтное означивание ф-признаков, то невозможность согласовать адъективные компоненты ИГ приводит к неграмматичности. Предположительно это говорит о принципиальном различии механизмов предикативного согласования и унификации ф-признаков в пределах ИГ.

3.1.2. Согласовательные характеристики русских именных групп

В этом разделе для демонстрации иерархической структуры русской именной группы используются данные согласования: мы рассматриваем случаи, когда именные проекции разных уровней демонстрируют разные согласовательные признаки. Обнаруживается, что подобное варьирование устроено не произвольным образом, но отражает последовательное синтаксическое вложение именных проекций, среди которых выделяются группа лексического существительного (NP), группа числа (NumP) и группа определителя (DP).

Раздел имеет следующую структуру. В 3.1.2.1 вводится модель согласования и обсуждаются признаковые характеристики русской именной группы. Раздел 3.1.2.2 посвящен согласованию по числу; в разделе 3.1.2.3 рассматривается согласование по роду.

3.1.2.1. Модель согласования

Структурное единство синтаксических объектов во многом обеспечивается формальными правилами, требующими унификации одноименных признаков в границах этих объектов. Так, например, русская именная группа обычно характеризуется единым значением признаков рода, числа, одушевленности и падежа; предикативная основа клаузы — подлежащее и сказуемое — также демонстрируют взаимозависимость признаков лица, числа, рода; можно также считать, что взаимно обусловлены именительный падеж подлежащего, финитность сказуемого и наличие предикативного согласования.

Унификация признаков в пределах некоторой синтаксической составляющей традиционно моделируется при помощи понятия согласования. Общепринятая модель согласования предполагает, что в пределах некоторой синтаксической составляющей (области согласования) имеется составляющая с означенными признаками А, В, С... (контролер согласования) и составляющая с неозначенными признаками А, В, С... (мишень согласования). Контролер согласования становится источником значения признаков А, В, С... для всей области согласования, вследствие чего данные признаки означиваются у всех мишеней в пределах области согласования. Для русского языка основными областями согласования являются именная группа, в которой имеет место атрибутивное согласование, и клауза, которая характеризуется предикативным согласованием [Corbett 1979, 1988, 1998; Иомдин 1990; Мельчук 1993; Кибрик 1992 и др.]⁸³. В обоих случаях контролером согласования, то есть источником значений признаков, оказывается именная составляющая.

⁸³ Кроме того, выделяется также вторичное предикативное согласование (*Он был умным — Она была умной*), согласование присказуемых имен (*Я встречал ее молодой — Я встречал их молодыми*), конгруэнтность (*Я рассказал Пете о нем — Я рассказал Маше о ней*) (см. подробнее [Мельчук 1995; Всеволодова 2013б]). Отнесение

Признаковые характеристики русской именной группы неоднократно и подробно рассмотрены в академических грамматиках [Грамматика русского языка 1960; Грамматика 1970; Русская грамматика 1980], монографических описаниях русской морфологии и синтаксиса [Пешковский 1914/1956; Шахматов 1925/1941; Виноградов 1947/1972; Зализняк 1967/2002; Лекант 1974; Белошапкова 1977; Franks 1994, 1995; Timberlake 2004; Bailyn 2012], исследованиях конкретных грамматических категорий [Мучник 1963, 1971; Зализняк 1964; Ицкович 1980; Comrie 1975a; Corbett 1980, 1982; Иомдин 1980; Мельчук 1985; Крысько 1994; Кронгауз 1996; Rappaport 2003; Копелиович 2008; Плунгян 2011; Matushansky 2013; Glushan 2013]. В частности, в этих работах показано, что признаки, по которым происходит согласование, неоднородны с точки зрения их «источника» — контролера согласования. Во-первых, это может быть постоянный словарный признак существительного, лексической вершины в именной группе. К этой группе относятся признаки рода и одушевленности. Во-вторых, это может быть переменный признак именной группы, возникающий в процессе деривации именной составляющей, такой как признак числа. Наконец, это может быть переменный признак именной группы, источник которого находится вне именной группы: это признак падежа.

Традиционная грамматика рассматривает единство падежной граммемы в пределах именной группы как результат согласования атрибутивных компонентов именной группы с вершиной. Однако, как убедительно показано в [Babby 1987; Corbett 1998, 2006; Тестелец 2001], более адекватным является анализ этого явления как одновременного означивания признака падежа у всех компонентов именной группы: «Case is not a feature of the noun: it is imposed on the noun phrase by government by some other syntactic element. Thus the noun and adjective are in the same case because it is imposed equally on both» [Corbett 1998: 22]⁸⁴. Таким образом, атрибутивное согласование в русском языке унифицирует в пределах именной группы значения признаков рода, одушевленности и числа.

При моделировании согласования следует учитывать случаи, когда потенциальный контролер отсутствует либо не обладает (означенным) признаком, по которому происходит

некоторого грамматического феномена к тому или иному типу согласования, вообще говоря, зависит от синтаксического анализа конструкции: так, унификация признаков относительного местоимения *который* и именной вершины относительной конструкции может рассматриваться как конгруэнтность либо как атрибутивное согласование в зависимости от того, предполагает ли синтаксический анализ, что *который* и именная вершина на каком-то этапе деривации образуют единую именную группу.

⁸⁴ «Падеж — не признак существительного: он присваивается именной группе посредством управления со стороны некоторого другого синтаксического элемента. Таким образом, существительное и прилагательное стоят в одинаковом падеже, потому что он одинаковым образом присваивается им обоим» (пер. Я.Г. Тестельца, [Тестелец 2001: 384]).

согласование в данной синтагме. В принципе, такая ситуация может иметь различные последствия для грамматичности конструкции. Например, в модели согласования, представленной в [Chomsky 2000, 2001], тот факт, что признаки мишени остались неозначенными, приводит к «несходящейся деривации», т.е. неграмматичному предложению. Однако более адекватен эмпирическим данным другой подход [Corbett 2006; Bobaljik 2008; Preminger 2011], при котором попытка согласования в синтагме, где имеется мишень с неозначенным признаком, происходит всегда, однако неуспешность этой попытки не приводит к неграмматичности. При невозможности согласования с потенциальным контролером признаки мишени означиваются по умолчанию. Так называемое «дефолтное» согласование в русском языке приписывает признакам мишени значения 3-го лица, ед. числа, среднего рода [Corbett 1988]. В примере (3.21a) мы видим дефолтное предикативное согласование в отсутствие потенциального контролера — подлежащего; в (3.21b) демонстрируется дефолтное атрибутивное согласование указательного местоимения, вызванное тем, что потенциальный контролер — клауза — лишен признаков рода и числа⁸⁵.

(3.21) а. Солдата **ранило** случайной пулей.

б. Я знаю лишь **то**, что ничего не знаю.

Обратимся теперь к случаям, когда русская именная группа демонстрирует неоднозначные признаковые характеристики. В этой связи нас будут интересовать два типа явлений: во-первых, это варьирование в согласовании по числу с количественной конструкцией [Супрун 1959; Ицкович 1974; Граудина и др. 1976; Crockett 1976; Голуб 1989; Иомдин 1990; Розенталь 1998; Гращенков 2009; Еськова 2011 и др.] и, во-вторых, случаи рассогласования в именной группе в именительном падеже по признаку рода [Граудина и др. 1976; Crockett 1976; Иомдин 1980, 1990; Русская грамматика 1980: §1819, §2249; Corbett 1982, 1988 и др.].

⁸⁵ (3.21a) также допускает анализ, при котором согласование происходит с нулевым подлежащим. Даже если при постулировании нулевой единицы в (3.21a) не учитывать требование наличия у этой единицы языкового значения, аргументируемое, например, в [Мельчук 1974], следует признать, что дефолтное предикативное согласование в любом случае необходимо для объяснения признаков сказуемого при сочиненном подлежащем, где каждый из конъюнктов по отдельности вызывает согласование по 3-му лицу, ед. числу, ср. роду:

(i) а. Меня интересовало / *интересовали, [что за люди попали в штаб] и [каковы отношения, сложившиеся между ними и командующим 2-й эскадрой]. [А. С. Новиков-Прибой. Цусима (1932-1935)]

б. Меня всю сознательную жизнь интересовало / интересовали [значение фамилий] и [их происхождение]. [А. В. Суперанская. Происхождение фамилий // «Наука и жизнь», 2007]

Поскольку теория в любом случае нуждается в понятии дефолтного согласования, нет причин считать, что (3.21a) требует другого объяснения.

Начнем с числового предикативного согласования. В примере (3.22a) допустимо как множественное, так и единственное число глагола-сказуемого. Форма единственного числа, как показывает (3.22b), является экспонентом дефолтного согласования, а не соответствующего признака количественной конструкции — в противном случае при сочинении групп *пять извещений и шесть писем* в (3.22b) была бы возможна только граммема множественного числа. Таким образом, в (3.22a) варьируют согласование по множественному числу и дефолтное означивание признака числа. Для введенной выше модели согласования это означает, что признак числа у группы *пять извещений* либо имеет значение «множественное число», либо отсутствует. Пример (3.22c) показывает, что множественное число выявляется не только в предикативном, но и в атрибутивном согласовании; при этом имеет место асимметрия атрибутивного и предикативного согласования с точки зрения означенности числового признака: если атрибутивное согласование показывает признак множественного числа именной группы, то дефолтное предикативное согласование становится невозможным.

- (3.22) а. Вчера пришли / пришло [пять извещений].
 б. Вчера пришли / пришло [[пять извещений] и [шесть писем]].
 с. Вчера пришли / *пришло [последние [пять извещений]].

В количественной конструкции наблюдается также рассогласование по числу: компоненты именной группы, располагающиеся после числительного, и компоненты именной группы, располагающиеся до числительного, могут характеризоваться разными значениями морфологического числа. Наиболее ярким примером оказываются именные группы, включающие составные числительные на *один*. В предложении (3.23) именная вершина имеет единственное число, однако преквантификаторы и причастный оборот демонстрируют множественное число.

- (3.23) [Все эти [двадцать один [кореец]], томящиеся в тюрьме], объявили голодовку. [Я]

Обратимся теперь к категории рода. Рассогласование по роду наблюдается тогда, когда номинативная именная группа, имеющая референтом лицо женского пола, строится на базе существительного, относящегося к мужскому грамматическому роду. Лексической вершиной такой именной группы выступают существительные мужского рода, называющие лицо по профессии, социальной роли или деятельности. Как показывают примеры (3.24), глагол-сказуемое и адъективные компоненты именной группы в этом случае могут иметь признак женского рода; более того, в пределах именной группы разные модификаторы могут характеризоваться различными значениями категории рода (3.24с).

- (3.24) а. Как **сказала врач**, проблема есть, но она разрешима, а это главное. [Я]
 б. Иногда бывали ситуации, когда **наша врач** болела. [Я]
 с. **Наша главный редактор** подавала когда-то большие надежды. [Я]

Случаи «дефолтного» предикативного согласования при наличии именной группы–стандартного контролера согласования в предикативной синтагме, а также случаи рассогласования, т.е. согласования, выявляющего различные значения одноименного признака, могут быть использованы для выявления иерархической структуры именной группы. Предположим, что переменный признак F именной группы получает значение на определенном этапе деривации благодаря соединению именной составляющей YP с вершиной X, несущей соответствующее значение признака [F: φ]. В таком случае именные составляющие, расположенные ниже уровня вставления данной вершины, будут лишены значения данного признака (3.25а). Соответственно, те компоненты именной группы, которые демонстрируют дефолтное согласование, располагаются в структуре ИГ ниже вершины X, а те компоненты, которые демонстрируют значение [F: φ], находятся выше вершины X. При предикативном согласовании, очевидно, «дефолтная» форма сказуемого сигнализирует об отсутствии вершины X в составе ИГ-подлежащего.

- (3.25) а. [_{XP} X_[F: φ] [_{YP} ... [_{NP...}]]_[F: -] ...]_[F: -]]_[F: φ]
 б. [_{XP} X_[F: φ] [_{YP} ... [_{NP...}]]_[F: ψ] ...]_[F: ψ]]_[F: φ]

Аналогичные рассуждения могут быть предприняты и в отношении рассогласования (3.25b). Если именная вершина имеет словарный признак [F: ψ], то изменение значения этого признака у именных составляющих возможно при соединении с вершиной X, несущей другое значение того же признака [F: φ]. Проекции, расположенные ниже X, будут характеризоваться исходным значением признака [F: ψ]; проекции, расположенные выше X, – новым значением признака [F: ψ].

Таким образом, закономерности варьирования значений признаков у именных групп различной структуры могут послужить исследовательским инструментом в изучении внутреннего устройства именных составляющих. Ниже мы подробнее изучим свидетельства признаков числа и рода.

3.1.2.2. Согласование по числу

Число в русском языке считается интерпретируемым признаком, то есть таким признаком, значение которого учитывается при создании семантической интерпретации.

Значение граммом числа обсуждалось в разделе 3.1.1; здесь мы напомним только, что экстенционал именных групп на основе счетных существительных единственного числа включает атомарные индивиды (3.26a), в то время как именные группы во множественном числе обозначают множества (3.26b); исследователи расходятся в оценке того, входят ли в экстенционал множественных ИГ одноэлементные множества ($\{a\}$, $\{b\}$, $\{c\}$ ...).

(3.26) a. $[[\text{книга}]] = \{a, b, c\}$

b. $[[\text{книги}]] = \{a \oplus b \oplus c, a \oplus b, a \oplus c, \dots\}$

Однако, как мы видели выше, грамматическое число далеко не всегда однозначно соотносится с семантическим числом. Характерным примером являются случаи *pluralia tantum*, демонстрирующие фиксированное в словаре грамматическое множественное число вне зависимости от того, идет ли речь об индивидах или о множествах. С другой стороны, грамматическое число существительного может навязываться числительным или иным квантифицирующим выражением. Так, в выражении *двадцать один кореец* существительное имеет форму единственного числа, хотя в его экстенционале находятся множества корейцев мощностью 21. Аналогичным образом, в конструкциях с малыми числительными *два журнала*, *тридцать три ученика* числовая форма существительного (будь это генитив единственного числа, как в [Русская грамматика 1980], генитив «паукального» числа, как в [Pereltsvaig 2010], «счетная форма», как в [Зализняк 1967/2002], «паукальный падеж», как в [Rapaport 2002], или генитив «неопределенного» числа, как в [Pesetsky 2013]) определяется формальным способом и не учитывается при интерпретации соответствующего выражения⁸⁶. Более того, несмотря на конкретную числовую форму существительного, число всего количественного выражения может быть не определено, что приводит к дефолтному предикативному согласованию в конструкции с количественной группой–подлежащим (см. пример (3.22a) выше).

Наибольший интерес для наших целей представляют случаи, когда разные именные проекции имеют разные значения признака числа. Рассмотрим их более подробно. Начнем с обсуждения вариативного предикативного согласования с количественной группой.

Как мы видели в разделе 3.1.2.1, количественная группа, имеющая в своем составе числительное, контролирует предикативное согласование по множественному числу (3.27a) либо неспособна означить признак числа в сказуемом, что проявляется в дефолтном согласовании (3.27b)⁸⁷.

⁸⁶ Даже в том случае, если мы считаем соответствующую форму граммомой «паукального» числа, ее возможный вклад в интерпретацию количественной группы либо избыточен (в конструкциях с малыми числительными), либо не учитывается (в конструкциях с *пол-* и, возможно, *полтора*).

⁸⁷ Синтаксическое своеобразие сложных числительных на *–один* будет рассмотрено ниже.

(3.27) а. Уже **десять минут прошли** сверх срока. Чего ждать еще? [Ю. К. Олеша. Вишневая косточка (1929)]

б. И опять из гула — очень громкий, чужой, равнодушный голос: — Гражданин, **пять минут прошло**. Желаете разговаривать еще? [В. П. Катаев. Время, вперед! (1931-1932)]

Заметим, что множественное число, которое мы наблюдаем в сказуемом, и множественное число именной составляющей в генитиве имеют разные источники (*contra* [Babby 1987]). Действительно, при малых числительных именная составляющая имеет форму единственного числа (или «паукального» числа, или счетную форму), однако в сказуемом все равно допускается множественное число:

(3.28) а. **Три года прошли**, как Феклуша тут же из-за свадебного стола уехала с мужем в Москву... [С. А. Клычков. Чертухинский балакирь (1926)]

б. **Три года прошло** с тех пор, как вы кончили университет? [А. П. Чехов. Безотцовщина (1887)]

Следовательно, значение множественного числа не наследуется количественной группой от именной составляющей, зависящей от числительного, а возникает в процессе деривации, уже после того, как числительное объединяется с существительным. Опираясь на изложенную выше модель согласования, мы можем предложить анализ вариативного предикативного согласования с количественной группой. Количественная группа не имеет значения признака числа, поэтому предикативное согласование с ней использует дефолтное значение признака (3.29а-б). Если же количественная группа становится компонентом нулевой вершины, несущей интерпретируемый признак числа, то вся составляющая получает признак множественного числа, который с обязательностью выявляется предикативным согласованием (3.29с-д). Можно предположить, что эта нулевая вершина — собственно вершина (синтаксического) числа Num (аналог вершины # в [Borer 2005] и [Ouwayda 2013], Num в [Svenonius 2008; Pereltsvaig 2013b] и др.), которая имеет означенный признак числа NMB.

(3.29) а. Прошло [пять минут]_{NMB:--}

б. *Прошли [пять минут]_{NMB:--}

с. Прошли [_{NumP} ∅_{NMB:PL} [пять минут]]_{NMB:PL}.

д. *Прошло [_{NumP} ∅_{NMB:PL} [пять минут]]_{NMB:PL}.

Связь числового варьирования при предикативном согласовании с вышестоящей вершиной Num естественным образом объясняет асимметрию атрибутивного и предикативного

согласования с количественной конструкцией: если адъективные компоненты, предшествующие числительному (или следующие за генитивной составляющей, например, обособленные причастные обороты или постпозитивные группы прилагательного в номинативе), имеют признак множественного числа, то дефолтное предикативное согласование невозможно (3.30a-c). Деривация именной группы из (3.30a) показана в (3.31a). Количественная группа *три года* не имеет значения признака числа (поскольку с ней возможно дефолтное предикативное согласование, ср. (3.28b)). После соединения этой группы с вершиной Num образуется группа числа; эта составляющая имеет признак множественного числа, наследуя его от функциональной вершины Num. Адъективные составляющие (например, указательные местоимения) в результате согласования также приобретают множественное число. Поскольку именная группа целиком имеет признак множественного числа, предикативное согласование реализует этот признак в сказуемом. Дефолтное предикативное согласование оказывается неграмматичным, поскольку отсутствует необходимая конфигурация для его возникновения: в (3.30a) присутствует контролер предикативного согласования — подлежащее в именительном падеже, и эта именная группа имеет означенный признак числа. Аналогичные рассуждения можно провести для примеров (3.30b) и (3.30c); в (3.31b) представлена структура именной группы из (3.30c). Важно, что в (3.30c) постпозитивный причастный оборот имеет именительный падеж, и, следовательно, располагается вне количественной группы. В противном случае числовая форма причастия не свидетельствует о наличии вершины Num, а контролируется числительным; такое выражение, как и предсказывает наш анализ, допускает и предикативное согласование по множественному числу (при структуре (3.31c)), и дефолтное предикативное согласование (при структуре (3.31d))⁸⁸.

⁸⁸ Анализ в (3.31b-d) предсказывает, что наличие препозитивных модификаторов не влияет на падеж постпозитивных оборотов, что действительно подтверждается многочисленными примерами, ср. (ia-c):

(i) а. А между тем, когда вы узнаете, как прожил он **следующие** двое суток, **отпущенных** ему вовсе не для военной, а для мирной жизни, история с танками обернется новой стороной. [Лев Рошаль. Живут такие парни... // «Юность», 1965]

б. ...**Следующие** 16 позиций, **обозначенных** вами к обсуждению, говорят о полном отсутствии представлений о реальности формата интернетовского форума... [Конфликт цивилизация (миф или реальность) (2006)]

с. Поэтому Крозье решил подождать заказывать **остальные** 39 левиафанов, **намеченных** к постройке его, вероятно, слишком увлекающимся предшественником. [неизвестный. Разные известия (1903.03.08) // «Новости дня», 1903]

Значительно сложнее предложить объяснение обобщению, известному как «загадка Ворта» (Worth's riddle), см. [Worth 1959: 124; Corbett 1993: 24]. Загадка Ворта состоит в том, что если прилагательное между малым числительным и существительным стоит в форме номинатива (*две новые книги*), то постпозитивные обороты могут быть только номинативными:

- (3.30) а. ...и **эти три года** так же **прошли** (*прошло), как и тринадцать, как и тридцать лет, предшествовавшие им. [А. И. Герцен. Кто виноват? (1841-1846)]
 б. На это ушли (*ушло) **долгие семь лет**. [Красна изба углами // «Народное творчество», 2003]
 с. В доме **светились** (*светилось) только **два окна, глядящие на восток**. [И.Е. Пузанов. «Туман с моря подымается...» // «Огонек». № 9, 1970, 1970]

- (3.31) а. [DP эти [NumP *Num* NMB:PL [QP три года] NMB:--] NMB:PL] NMB:PL
 б. [DP [NumP *Num* NMB:PL [QP два окна] NMB:--] NMB:PL, глядящие на восток] NMB:PL
 с. [NumP *Num* NMB:PL [QP два окна, глядящих на восток] NMB:--] NMB:PL
 д. [QP два окна, глядящих на восток] NMB:--

Наконец, стоит остановиться на числовых характеристиках именных групп, имеющих в своей структуре сложные числительные на *один* (*двадцать один*, *сто сорок один* и т.п.). Слово *один* Русская грамматика относит к счетно-местоименным прилагательным, а не к числительным [Русская грамматика 1980: §1296]; с синтаксической точки зрения *один* ведет себя как прилагательное, согласуясь с существительным и не управляя им ни в прямых, ни в косвенных падежах. Однако если *один* входит в состав сложных числительных, его синтаксические свойства меняются. Во-первых, становится доступным атрибутивное согласование не только по единственному (3.32a), но и по множественному числу (3.32b).

-
- (ii) а. две **новых** книги, **купленных** вчера
 б. две **новых** книги, **купленные** вчера
 с. две **новые** книги, **купленные** вчера
 д.*две **новые** книги, **купленных** вчера

Понятно, что анализ парадигмы в (ii) невозможен без решения вопроса об источнике номинатива у прилагательного в такой конструкции, что в рамках данной статьи неосуществимо; тем не менее кажется, что анализ в (3.31b-d) совместим с целым классом потенциальных аналитических вариантов. Предположим, что некоторое правило способно обеспечить падежное оформление прилагательного номинативом в конструкции с малым числительным. Очевидно, что это правило применяется не раньше, чем в деривацию вступает числительное, поскольку его тип (малое/большое) входит в условия применения правила. Таким образом, минимальной составляющей, поступающей на вход данного правила, является QP. Если постпозитивный атрибутивный оборот входит в состав QP, как в (3.31d), он окажется в сфере действия обсуждаемого правила, и его вершина получит именительный падеж одновременно с препозитивным прилагательным. Если же постпозитивный атрибутивный оборот располагается вне QP, как в (3.31b), его вершина не может получить генитив, и мы наблюдаем на ней тот же падеж, что и на премодификаторах. Таким образом, вариант (iic) удастся исключить вне зависимости от структурной позиции постпозитивного оборота.

(3.32) а. И вот **этот** (двадцать) **один день**, что он ее ждал, вывернул всего его наизнанку. [Г. Н. Щербакова. Анатомия развода (1990)]

б. **Эти** *(двадцать) **один бит** позволяют создать максимум 2097152 различных сетевых адреса. [Я]

Во-вторых, предикативное согласование обнаруживает самый широкий диапазон возможностей: помимо единственного числа (3.33а), допустимо множественное число (3.33б), а также дефолтное предикативное согласование (3.33с).

(3.33) а. (Двадцать) **один выстрел прогрохотал** над Петербургом. Это салютовала эскадра. [Ю. Н. Тынянов. Смерть Вазир-Мухтара (1928)]

б. И тотчас с Петропавловской крепости **вернулись** все *(двадцать) **один выстрел**: салютовала Петропавловская крепость. [Ю. Н. Тынянов. Смерть Вазир-Мухтара (1928)]

с. Итак, наши подлиповцы отправились бурлачить с товарищами. Всех **шло** *(сто **тридцать**) **один человек**. [Ф. М. Решетников. Подлиповцы (1864)]

Подобное поведение *один*, объединяющее его с числительными, можно объяснить при опоре на гипотезу Т. Ионин и О. Матушанской о структуре русских сложных числительных [Ionin, Matushansky 2006]. Исследовательницы предполагают, что сложные числительные представляют собой сочиненные конструкции с эллипсисом в левом конъюнкте (backward ellipsis), так что структура выражения *двадцать один выстрел* выглядит как *двадцать выстрелов (и) один выстрел*. Однако, поскольку сочинение составляющих разных синтаксических категорий ограничено, следует предположить, что в конструкциях со сложными числительными категория составляющей *один выстрел* такая же, как и составляющей *двадцать выстрелов*, т.е. QR. Соответственно, в именных группах со сложными числительными на *один* представлена количественная группа, и эта структурная особенность делает возможным как дефолтное предикативное согласование (если в позиции подлежащего находится QR), так и атрибутивное и предикативное согласование по множественному числу (если над QR доминирует NumP). Примечательно, что имплицативное отношение между атрибутивным и предикативным согласованием сохраняется и здесь: если в именной группе есть адъективные компоненты, демонстрирующие множественное число, то предикативное согласование по единственному числу невозможно.

(3.34) а. Из семидесяти трех человек его команды только **двадцать один остались** (/осталось) невредимыми. [А. С. Новиков-Прибой. Цусима (1932-1935)]

в. Поэтому **все эти двадцать один день были избраны** (/ *было избрано) для того, чтобы скорбеть в них о гибели Храма. [Я]

Обобщая вышесказанное, мы можем заключить, что интерпретируемое число возникает в процессе деривации именной группы и связано с отдельной синтаксической проекцией (NumP). Именно благодаря этой вершине оказывается возможным согласование по множественному числу с количественными группами. Импликативное отношение между атрибутивной и предикативной конструкцией в отношении семантического согласования, то есть согласования по интерпретируемому признаку, отмечаемая во многих теоретических и описательных работах (см., например, «иерархию согласования» в [Corbett 1979, 1988, 1998]) получает в рамках предложенного анализа естественное объяснение. Таким образом, особенности согласования по числу в русском языке свидетельствуют в пользу иерархически организованной структуры именной группы, так что группа лексического существительного либо доминирующая над ней количественная группа вложена в функциональную проекцию синтаксического числа.

3.1.2.3. Согласование по роду

Категория рода в русском языке традиционно считается словарной классифицирующей категорией, ограниченно интерпретируемой для наименований лиц как признак пола⁸⁹. Мы рассмотрим случаи изменения словарного значения категории рода у существительных мужского рода, используемых для обозначения лиц женского пола: *врач, директор, секретарь, агент, редактор, фельдшер, инженер, продавец, диктор, архитектор, председатель, товаровед, руководитель* и т.п. Этот список является открытым и пополняется наименованиями новых профессий, должностей и социальных ролей (ср. *копирайтер, мерчендайзер, трейдер, супрефект, су-шеф, логистик, терапевт*); следовательно, при употреблении данных существительных в качестве вершины именной группы, обозначающей лицо женского пола и вызывающей согласование по женскому роду, мы имеем дело с регулярной грамматической операцией, а не со словарным свойством таких существительных, характеризующихся

⁸⁹ В [Зализняк 1964, 1967/2002] для существительных предлагается единая словоклассифицирующая категория согласовательного класса, выявляемая на основании комплекса согласовательных характеристик и включающая традиционные категории рода и одушевленности, а также словарно определяемого грамматического числа — *pluralia tantum*. В данном разделе, однако, речь пойдет о взаимодействии грамматического (неинтерпретируемого) и референциального (интерпретируемого) рода, поэтому категория рода должна рассматриваться как отдельный признак.

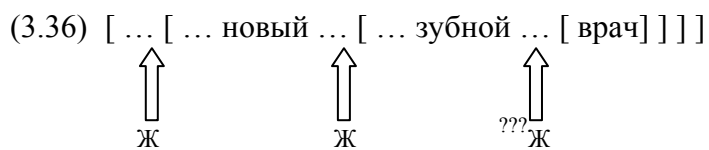
недоопределенностью категории рода (как у лексем «общего рода» *судья, сирота, неряха, Валя* и т.п.⁹⁰).

Согласовательные характеристики исследуемых именных групп могут определяться как словарным значением категории рода у вершинного существительного, так и референциальным значением категории рода у именной группы. В (3.35) представлена парадигма, демонстрирующая возможности атрибутивного и предикативного согласования по роду. В (3.35a) показан случай грамматического согласования (адъективные компоненты именной группы и сказуемое демонстрируют мужской род). (3.35b) соответствует модели, рекомендуемой прескриптивными грамматиками (ср., например, [Розенталь и др. 1994]) и предпочитаемой носителями [Граудина и др. 1976; Crockett 1976; Мельчук 1985; Timberlake 2004]: определения согласуются по мужскому роду, а сказуемое — по женскому роду. (3.35c-d) демонстрируют атрибутивное согласование по женскому роду, причем оказывается, что разные прилагательные в разной степени склонны к реализации референциального рода именной группы [Скобликова 1971; Asarina 2008, 2009]. Наконец, (3.35e) и (3.35f) показывают полностью неграмматичные варианты: атрибутивное согласование по женскому роду в сочетании с предикативным согласованием по мужскому роду (этот запрет отмечается, в частности, в [Грамматика 1970: §1300.3; Corbett 1979; Pereltsvaig 2006a] и др.), а также рассогласование по роду при атрибутивном согласовании, такое что прилагательное, расположенное ближе к существительному, имеет женский род, а прилагательное, расположенное дальше от существительного — мужской род [Скобликова 1971; Crockett 1976; Asarina 2008, 2009; Pesetsky 2013].

- (3.35) a. Новый зубной врач пришел.
 b. Новый зубной врач пришла.
 c. Новая зубной врач пришла.
 d. ???Новая зубная врач пришла.
 e. *Новая врач пришел.
 f. *новый зубная врач

⁹⁰ По-видимому, недоопределенное по грамматическому роду существительное не может быть встроено в синтаксическую структуру, поэтому при выборе подобной лексики из словаря признак рода должен быть означен синтаксическим способом — возможно, путем соединения с феминизирующей или маскулинизирующей вершиной, несущей, помимо грамматического признака рода, семантический признак пола [Matushansky 2013]. Раннее означивание интерпретируемого рода приводит к тому, что существительные общего рода, в отличие от рассматриваемых далее существительных мужского рода, обозначающих лиц женского пола, не демонстрируют рассогласования по роду, ср. **наш несчастная сирота / *наша несчастный сирота*.

Импликативное отношение между разными мишенями согласования по референциальному женскому роду естественным образом представимо в виде модели деривации именной группы, в которой факультативно возможно вставление «феминизирующей» вершины, обладающей означенным признаком женского рода [Gender: F] (ср. с вершиной *wtn* в [Asarina 2009] и вершиной *ж* в [Pesetsky 2013]). Именные проекции ниже вершины *ж* наследуют словарный мужской род существительного; именные проекции выше вершины *ж* получают женский род. Таким образом, допустимо согласование только по мужскому роду, когда вершина *ж* не участвует в деривации⁹¹, или такое рассогласование по роду, когда более низкие составляющие в именной группе демонстрируют мужской род, а более высокие — женский. Схематически данная модель представлена в (3.36).

Если эта гипотеза верна, мы получаем удобный инструмент для исследования иерархической структуры именной группы, базирующийся на асимметрии разных составляющих именной группы в отношении доступности признака референциального рода. Представляется, что с помощью этого инструмента можно существенно прояснить вопросы позиции разных семантических типов прилагательных, постпозитивных адъективных модификаторов, «малых» числительных в структуре именной группы, а также высказать предположение о специфике именных групп в предикативной позиции.

Как видно из (3.35d), некоторые прилагательные обнаруживают стойкую тенденцию к согласованию по словарному роду существительного. В рамках предложенной модели это означает, что вершина *ж* не может вступать в деривацию до того, как такие прилагательные соединяются с существительным. Прилагательные, обязательно соединяющиеся с существительным до вершины *ж*, мы будем называть низкими, а прилагательные, которые могут доминировать над вершиной *ж* — высокими.

С семантической точки зрения все модификаторы именной группы могут быть последовательно охарактеризованы в терминах рестриктивности, интерсективности, типа

⁹¹ Впрочем, в некоторых случаях согласование по женскому роду является прагматически обязательным. Так, А. Д. Шмелев (л.с.) указал на обязательность женского рода у прилагательных, употребляемых только в отношении женщин.

(i) а. **Беременная** (/ *беременный) **водитель** стала виновницей аварии. [Я]

б. Если человек болеет часто, подолгу и с удовольствием — он симулянт или у него **хорошенькая** (/ *хорошенький) **доктор**? [Я]

синкатегорематической модификации и идиоматичности. Дихотомия рестриктивной vs. аппозитивной модификации обычно демонстрируется на материале относительных предложений или причастных оборотов (см. (3.37a-b) и соответствующие разделы главы 4), однако аппозитивно могут интерпретироваться и препозитивные прилагательные (3.37c).

- (3.37) a. Карлсон / тот человек, который живет на крыше
 b. самые крупные бабочки, обитающие в Южной Америке
 c. агглютинативный турецкий язык

Рестриктивные модификаторы, согласно Р. Ротстину [Rothstein 1980], могут быть атрибутивными, интерсективно соединяясь со значением существительного при помощи конъюнкции предикатов (3.38a), или синкатегорематическими (субсективными), не предполагающими интерсективной интерпретации (3.38b):

- (3.38) a. зеленый мяч (если X – зеленый мяч, то X зеленый и X мяч)
 b. невысокий баскетболист (неверно, что если X – невысокий баскетболист, то X невысокий и X баскетболист)

Среди субсективных модификаторов Ротстин выделяет модификаторы референта (referent modification, (3.39a)) и модификаторы референции (reference modification, (3.39b)).

- (3.39) a. неумелый скрипач (если X – неумелый скрипач, то X в качестве скрипача неумел)
 b. интеллектуальный карлик (если X – интеллектуальный карлик, то X карлик в отношении интеллекта)

Перечисленные типы модифицирующих конструкций являются композиционными, поскольку значение всего выражения регулярным образом выводимо из значений его компонентов. Для идиоматических конструкций, таких как *белый медведь* или *морская свинка*, правила вывода значения отсутствуют. Хотя многие идиомы сходны с конструкциями с модификаторами референции (*белый медведь* — это тип медведя, *зеленый чай* — тип чая), тем не менее характер модификации нерегулярен (*морская свинка* не является свинкой).

Гипотеза о том, что тип модификации, осуществляемой прилагательным, непосредственно связан с его структурной позицией в именной группе, неоднократно высказывалась в синтаксической и семантической литературе. Так, например, П. Свенониус [Svenonius 2008] предполагает, что лексическое значение прилагательного в купе со структурной позицией прилагательного в именной группе создает актуальный тип модификации. В пределах группы лексического существительного реализуются аргументные и

идиоматические значения, далее — субъективные, на уровне QR — интерсективные (прилагательные становятся качественными). Аппозитивная модификация связана с самым высоким уровнем в именной группе — проекцией DP.

Учитывая вышесказанное, мы можем попытаться верифицировать гипотезу о корреляции позиции прилагательного в именной группе и типа модификации на материале русского языка, используя конструкции с рассогласованием по роду.

Прилагательные в идиоматических определительных конструкциях оказываются низкими: такие именные группы, как *старший лейтенант*, *ответственный редактор*, *ученый секретарь* не допускают согласования прилагательного по женскому роду. Незначительное количество примеров, найденных в сети интернет, представлено в (3.40); их ненормативность кажется очевидной.

(3.40) а. В Москве **старшая лейтенант** на Акуре в аварию попадает, тут на Лексусе. Какое повышение зарплат может быть? [Я]

б. Хитрова Валентина Ивановна – **ответственная секретарь** Приемной комиссии. [Я]

с. А один эксперт была **ученая секретарь совета**, которая сказала, что диссер вполне приличный, я и успокоилась. [Я]

Низкими являются также прилагательные — модификаторы референции. Примеров с согласованием по женскому роду несколько больше (см. (3.41)), однако все они имеют исключительно разговорный характер.

(3.41) а. А вот его **финансовая директор** такое устраивала иногда. [Я]

б. **Главная бухгалтер** одета в простыню наподобие плаща (обычно она так и одевается), в руке у нее рулон ненужных бумажек, в другой карающий калькулятор. [Я]

с. Мне его ещё до брекетов **зубная врач** советовала. [Я]

д. **Финансовая аналитик** сформирует для Вас оптимальную стратегию торговли и поможет разобраться во всех вопросах. [Я]

На материале идиоматизированных и субъективных именных словосочетаний хорошо видно, что интерпретация прилагательного коррелирует с его позицией в структуре именной группы. В примерах (3.42) лексически идентичные прилагательные в низкой структурной позиции (согласование по мужскому роду) специфицируют тип должности, а в высокой структурной позиции (согласование по женскому роду) соответствуют качественной оценке, т.е. либо модифицируют референт, либо интерпретируются интерсективно.

(3.42) а. **ответственный секретарь** (должность) vs. **ответственная секретарь** (оценка)

- b. исполнительный директор (должность) vs. исполнительная директор (оценка)
 c. классный руководитель (должность) vs. классная руководитель (оценка)

Субъективные прилагательные–модификаторы референта могут располагаться как ниже, так и выше вершины Ж (3.43). Примечательно, что те же самые прилагательные могут получать и интерсективную интерпретацию (*неграмотная врач* = ‘неграмотная как врач’ или ‘неграмотная и врач’), и в случае контраста двух интерпретаций интерсективное прилагательное ассоциируется с более высокой структурной позицией. Так, А. Азарина приводит минимальную пару (3.44), где именная группа *умелая врач* с прилагательным женского рода более уместна в ситуации, предполагающей интерсективную интерпретацию прилагательного [Asarina 2008: (19b-c)].

(3.43) a. Наших пациенток принимает... **опытная** (/опытный) **врач-проктолог**, что способствует большей доверительности между больным и врачом. [Я]

b. Я лет пять назад читала Космополитан, потом пришла **неумелая** (/неумелый) **редактор** (не помню, как звать, но если скажет кто фамилию, вспомню она или нет). [Я]

c. Мне абсолютно **неграмотная** (/неграмотный) **врач** сделала узи, не увидела вообще ничего... [Я]

(3.44) a. **Умелый** / **умелая врач** быстро поставила пломбу.

b. ***Умелый** / **умелая врач** быстро поставила палатку. (например, в реалити-шоу)

Итак, исследование рассогласования по роду позволяет сделать вывод, что позиция прилагательного в структуре русской именной группы коррелирует с типом модификации, осуществляемой этим прилагательным. Отметим, что подобная корреляция не может быть объяснена в рамках «плоской» модели именной группы, где все модификаторы расположены на одном структурном уровне.

Рассогласование по роду позволяет также сделать интересные выводы о взаимном расположении левосторонних и правосторонних адъективных модификаторов. Как показывают примеры (3.45), правосторонние атрибутивные зависимые в именной группе являются самыми высокими. Действительно, имеет место имплицативная зависимость между родом левосторонних зависимых и сказуемого и родом правосторонних зависимых: если в именной группе есть хотя бы одно левостороннее зависимое выше Ж, то все правые атрибутивные зависимые также выше Ж (3.45a-b); если именная группа контролирует предикативное согласование по женскому роду, то все правые атрибутивные зависимые этой именной группы также имеют женский род (3.45c-d).

- (3.45) а. **моя** участковый врач, **обслуживающая** / ***обслуживающий** наш микрорайон
 б. **та самая** архитектор, **похожая** / ***похожий** на Фостера
 с. О клубе через наш журнал **узнала** московский художник-дизайнер, **получившая** / ***получивший** образование в Италии. [Я]
 д. Я сделала в прошлом месяце все так, как мне **сказала** врач, **обслуживающая** / ***обслуживающий** наш участок. [Я]

Перейдем теперь к вопросу о возможном расположении вершины Ж относительно числительного. К сожалению, прямая диагностика этой позиции на основе согласования по роду адъективных зависимых в русском языке невозможна, поскольку препозитивные определения из-за вставления вершины Num получают множественное число (см. предыдущий раздел), а формы адъективов множественного числа не различаются по родам. Именная составляющая, вложенная в QR, имеет непрямой падеж, что делает недоступным рассогласование по роду, возможное только в форме именительного падежа. Тем не менее, род в некоторых типах количественной конструкции может быть диагностирован по косвенным признакам.

Специфика именных групп женского рода в отношении количественных конструкций проявляется в двух аспектах. Во-первых, три «малых» числительных — *два, оба, полтора* — согласуются по роду с существительным: *два / оба / полтора яблока vs. две / обе / полторы груши*. Во-вторых, в конструкциях с «малыми» числительными при вершине — существительном женского рода прилагательное может выступать не только в форме генитива множественного числа, но и в форме номинатива множественного числа: *три новых / *новые журнала vs. три новых / новые книги*; см. также обсуждение в Сноске 80. С другой стороны, одушевленные существительные мужского рода, в отличие от одушевленных существительных женского рода, сочетаются с собирательными числительными: *три мальчика / трое мальчиков vs. три девочки / *трое девочек*⁹².

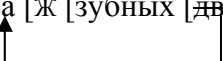
Попытаемся на основе указанных особенностей установить возможную позицию вершины Ж относительно количественной группы. Предположим, что Ж может вступить в деривацию до того, как именная проекция вкладывается в QR. В таком случае именная составляющая — комплемент QR имеет признак женского рода, а значит, числительное должно

⁹² Это ограничение в современном разговорном русском языке, по-видимому, не соблюдается; так, по запросу «трое девочек» Яндекс находит порядка 11 тыс. вхождений (для сравнения: «три девочки» — 72 тыс., «трое мальчиков» — 40 тыс., «три мальчика» — 73 тыс.). В [Янко 2002: 171] контекст собирательных числительных рассматривается как «маскулинизирующий» контекст для имен женщин, но соответствующие конструкции не считаются неграмматичными.

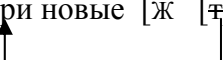
согласовываться по референциальному женскому роду (3.46а). Если же поверх вершины Ж могут находиться не только числительное, но и прилагательное, то такое прилагательное должно допускать «феминизированный» вариант — форму именительного падежа множественного числа (3.46б). Однако обе конструкции в (3.46) неграмматичны. Следовательно, вершина Ж вступает в деривацию на более позднем этапе, после того, как образуется QR.

- (3.46) а. *... [QP две [ЖР Ж [новых [NP зубных врача] GENDER:M] GENDER:M] GENDER:F] GENDER:F
 б. *... [QP две [... новые [ЖР Ж [NP зубных врача] GENDER:M] GENDER:F] GENDER:F] GENDER:F

Д. Песецкий [Pesetsky 2013] также расценивает недопустимость женского рода у малых числительных как свидетельство того, что вершина Ж вставляется выше числительных. Для Песецкого, однако, исходная позиция малых числительных существенно ниже, чем в предлагаемой нами структуре: Песецкий полагает, что малые числительные соединяются с существительными до каких бы то ни было модификаторов и лишь затем передвигаются в более высокую структурную позицию, как это показано в (3.47) (подробнее анализ Песецкого обсуждается в главе 5 в связи с деривацией падежной морфологии в количественных группах). Поскольку *два* в (3.47) вступает в деривацию до вершины Ж, оно получает признак мужского рода и сохраняет его после передвижения.

- (3.47) два [Ж [зубных [~~два~~ [врача] GENDER:M] GENDER:M] GENDER:M] GENDER:F
-

Анализ Песецкого, однако, не может объяснить неграмматичность примеров типа (3.48), в которых вершина Ж вступает в деривацию до того, как именная группа соединяется с интерсективным прилагательным. Действительно, в этом случае признаковые характеристики составляющей [Ж ~~три~~ врача] совпадают с признаковыми характеристиками составляющей [~~три~~ медсестры] из (3.49), однако в (3.49) допустима форма *новые*, а в (3.48) нет, вне зависимости от формы существительного⁹³. Поэтому наша гипотеза о том, что числительное располагается в своей исходной позиции, а вершина Ж не может вступить в деривацию до того, как сформирована QR, кажется предпочтительной.

- (3.48) *три новые [Ж [три [врача/врачи] GENDER:M] GENDER:M] GENDER:F
-

⁹³ В действительности анализ Песецкого предсказывает, что все компоненты подобной именной группы должны получить именительный падеж не-единственного числа.

(3.49) три новые [три [медсестры]_{GENDER:F}]_{GENDER:F}

Еще один тезис, на котором необходимо остановиться подробнее, состоит в том, что все три согласуемых малых числительных — *два*, *оба* и *полтора* — ведут себя единообразно. Тем не менее *оба* существенно отличается от *два* как с точки зрения семантики (*оба* соединяет в себе значения ‘два’ и ‘все’ и является исчерпывающим квантором, в то время как *два* — нет⁹⁴), так и с точки зрения синтаксической дистрибуции (*оба* входит в дистрибутивный класс элементов левой периферии, а *два* — в дистрибутивный класс количественных выражений)⁹⁵. Можно предположить, что *оба* располагается в более высокой функциональной проекции, чем *два*, и, возможно, попадает туда в результате передвижения из базовой позиции в QR. Если допустить, что признак рода у *оба* может быть означен в конечной позиции, то удастся объяснить, почему конструкции типа *две врача* практически отсутствуют (3 релевантных примера в выдаче Яндекса, ср. (3.50a), в котором одновременно представлено сомнительное *детская спортивная врач*), в то время как *обе врача* встречаются значительно чаще (23 релевантных примера в выдаче Яндекса, (3.50b-d)).

(3.50) a. Нашей врачихе я доверяю — это лучшая врач в городе, и ещё она же детская спортивная врач, и у неё работают **две врача-диетолога** и куча медсестричек. [Я]

b. И **обе врача** сказали, что моя задача — поддерживать слух на том уровне, который есть сейчас. [Я]

c. **Обе врача** очень понравились не только своей работой, но и отношением к деткам в пузике. [Я]

d. **Обе врача** совершеннейшие душки и главное все очень хорошо делают и объясняют. [Я]

Наконец, последнее замечание о взаимодействии вершины Ж и количественной конструкции касается употребления собирательных числительных. Выше мы уже отмечали, что несмотря на прескриптивный запрет на употребление собирательных числительных с существительными женского рода, такие конструкции довольно часто используются в речи. В этой связи допустимость сочетания именной составляющей с собирательным числительным не

⁹⁴ В частности, это видно из грамматичности *два* и неграмматичности *оба* в экзистенциальной конструкции:

- (i) a. В комнате было два стула.
b. *В комнате было оба стула.

⁹⁵ Поведение числительного *полтора* не может быть исследовано в силу естественных ограничений на его сочетаемость с одушевленными именными группами; тем не менее, исходя из его свойств вне рассматриваемых конструкций, следует предположить, что *полтора* входит в один грамматический класс с *два*, а не с *оба*.

может служить диагностикой признака мужского рода; примеры в (3.51), таким образом, совместимы как с отсутствием вершины Ж под числительным, так и с ее присутствием.

(3.51) а. Уже в конце приема в кабинет зашло **двое женщин-врачей**, кажется, у них намечалось чаепитие :) [Я]

б. На новое рассмотрение дело о резонансном ДТП, в котором погибли **двое женщин-врачей**, было отправлено судом 9 января. [Я]

с. Тогда **двое женщин-врачей**, Ольга Александрина и ее свекровь Вера Сидельникова, погибли в результате лобового столкновения их машины с «Мерседесом». [Я]

Любопытно, однако, что прилагательные, способные модифицировать только одушевленные существительные женского рода и требующие от именной составляющей либо лексической вершины женского рода, либо наличия феминизирующей вершины Ж (ср. **беременный секретарь*, *хорошенький врач), в позиции ниже собирательного числительного неграмматичны (**двое беременных секретарей*, **трое хороших врачей*)⁹⁶. По-видимому, это означает, что вершина Ж не может располагаться в структуре именной группы ниже собирательного числительного, а следовательно, в примерах (3.51) именная составляющая *женщин-врачей* имеет признак мужского рода.

Таким образом, исследование рассогласования по роду в различных структурных типах русских именных групп приводит нас к заключению, что «феминизирующая» вершина Ж располагается достаточно высоко в синтаксической структуре именной группы: выше группы лексического существительного, соответствующей типичной области идиоматизации, выше субсективных прилагательных, выше количественных и собирательных числительных. Наиболее частым шаблоном рассогласования оказывается такой, при котором референциальный женский род демонстрируют элементы левой периферии именной группы — притяжательные местоимения и прилагательные, указательные местоимения, кванторы, обычно ассоциируемые с самой верхней именной функциональной проекцией — DP. По-видимому, это не случайно: ведь именно они обеспечивают референциальные характеристики именной группы, актуализуют ее в речи [Падучева 1985/2002]. До того момента, пока именная группа не

⁹⁶ Можно было бы предположить, что этот запрет распространяется на все контексты, в которых прилагательное стоит во множественном числе и не различает рода (*??беременные секретари*). Однако, как кажется, эмпирические данные не подтверждают эту гипотезу; ср., например, (ia-d).

(i) а. ... шефы приходят и уходят, а уж **хорошенькие секретари** остаются. [G]

б. Но **хорошенькие секретари** востребованы всегда. [G]

с. В Нью-Йорке **беременные водители**, вероятно, будут на особом положении. [Я]

д. **Беременные водители** заплатят за отказ от медосвидетельствования. [Я]

соотнесена с референтом женского пола, конфликта со словарным мужским родом существительного не возникает.

Если гипотеза о связи референциального рода с функциональной проекцией DP верна, то следует ожидать, что в несубстантивных (предикатных) употреблениях исследуемых именных групп будет преобладать грамматическое согласование по словарному мужскому роду. И действительно, именные группы в предикативной позиции в предложениях характеристики лишь спорадически используют феминизирующую вершину *ж*. Так, поиск в Яндексе по запросам «она хороший/опытный/замечательный врач» дает сотни результатов (536/352/668), в то время как запросы «она хорошая/опытная/замечательная врач» — лишь десятки (46/16/34).

Итак, предпринятое в этом разделе обсуждение показало, что изменение грамматического словарного рода на референциальный подчиняется синтаксическим ограничениям и предположительно происходит в зоне референциальной семантики (DP), выше зоны квантификации (QP/NumP). Позиция прилагательного в структуре именной группы определяется не только и не столько его лексической семантикой, сколько семантическим типом осуществляемой им модификации. Это обобщение подтверждает гипотезу П. Свенониуса [Svenonius 2008], что прилагательные не образуют собственных проекций, соотносимых с их онтологическим классом (цвет, размер, национальность, оценка и т.п.), но могут располагаться в любой лексической или функциональной проекции, совместимой с их семантикой. Наконец, правые согласуемые модификаторы находятся в самой высокой проекции ИГ, что хорошо коррелирует с их как минимум интерсективным характером.

3.1.2.4. Признаки и их интерпретация как свидетельство иерархической структуры именной группы

В предшествующих разделах мы рассмотрели синтаксическую организацию именной группы в русском языке в свете механизмов согласования. Наибольший интерес для нас представляют случаи вариативного согласования, когда грамматика допускает выбор между двумя значениями признака (как в согласовании по роду, раздел 3.1.2.3) или между наличием и отсутствием согласования (как в согласовании по числу, раздел 3.1.2.2).

Традиционные объяснительные гипотезы для подобных явлений противопоставляют формальное (грамматическое) согласование и так называемое «смысловое» (семантическое) согласование. При формальном согласовании контролером согласования выступает некоторая составляющая, т.е. языковой объект, и признак мишени означивается в соответствии с грамматическим признаком контролера. При семантическом согласовании контролером полагается референт, а признак мишени получает такое значение, интерпретация которого

совместима с характеристиками референта. Таким образом, эта модель предоставляет говорящему выбор между использованием грамматического правила или отказом от него в пользу смысловой конгруэнтности.

Независимо от того, существуют ли в действительности факультативные грамматические правила, рассмотренные нами эмпирические данные, касающиеся согласования по числу и роду в русском языке, не могут быть полностью объяснены в рамках такой модели. Действительно, либо говорящий выбирает между формальным и семантическим согласованием единожды, и тогда необъяснимы случаи рассогласования, либо такой выбор доступен для каждой мишени согласования в отдельности, и тогда неясно, с чем связано имплицативное отношение между возможными мишенями при семантическом согласовании.

Предлагаемый анализ, опирающийся на гипотезу об иерархически организованной структуре именной группы, позволяет не только свести все рассмотренные случаи к грамматическому согласованию, но и эффективно решает проблему асимметрии атрибутивного и предикативного согласования, а также разных типов атрибутивных зависимых в пределах именной группы. Эта асимметрия оказывается естественным следствием иерархического устройства именной группы, так что именные проекции разных уровней могут характеризоваться различными наборами признаков, однако в пределах одного уровня признаки унифицированы. Изменения в наборе или значении признаков связаны с определенными функциональными вершинами (числовой вершиной Num и «феминизирующей» вершиной Ж), обладающими соответствующим означенным признаком и передающими этот признак доминирующим составляющим. Более того, позиция этих функциональных вершин в именной группе не произвольна, а соответствует тому структурному уровню, на котором вводимый ими признак может быть проинтерпретирован: синтаксическое число возникает на уровне квантитативной семантики, а референциальный род — на уровне референциальной семантики. Таким образом, данные согласования свидетельствуют не только об иерархическом строении русской именной группы, но и об универсальном устройстве семантико-синтаксического интерфейса, отображающего разные компоненты значения именной группы в особым образом организованную синтаксическую структуру.

Рассмотренные нами в этой главе данные связаны в первую очередь с категорией числа: ее синтаксической репрезентацией и уровнем интерпретации в именной группе. Именные конструкции разноструктурных языков обнаруживают ряд свойств, которые могут быть послужить свидетельством наличия функциональной проекции, связанной с именным числом, и, таким образом, свидетельством синтаксической репрезентации числовой семантики. Более тщательный анализ указывает на то, что количественная семантика именной группы связана не с одной, а с несколькими проекциями: собственно числа (NumP/#P), проекции, содержащей

числительные (NumeralP/QP) и проекции, формирующей квант счета (CIP/MeasP). Эта группа проекций является промежуточной между NP, создающей лексически уникальный предикат над индивидами из лексического существительного, его аргументов и классифицирующих модификаторов (например, генитив типа у Х. Тругман), и DP, в которой языковое выражение либо обретает референт, либо превращается в рестриктор при кванторе или операторе.

Таким образом, таксономия именных проекций, состоящая из лексической именной проекции (NP и, возможно, смежной с ней *nP*, вводящей внешний аргумент существительного) и максимальной именной проекции (DP и, возможно, отдельные функциональные проекции, связанные с указательными элементами и посессорами, которые не входят в единый дистрибутивный класс с D) как с синтаксической, так и с семантической точки зрения недостаточна. Пользуясь метафорой П.В. Гращенкова [Гращенков 2006а], можно выделить три основных «слота» — группы проекций в расширенной иерархической структуре именной группы: референциальный, количественный и лексический. Обобщающие семантические [Rijkhoff 2002, Borer 2005] и синтаксические [Svenonius 2007] работы последних лет воспроизводят ту же структуру, опираясь на порядок семантической композиции, реконструируемой когнитивной структуры и порядка слов и аффиксов в именных конструкциях. Не все из компонентов представлены в любой именной конструкции (например, именные группы малой структуры — Small Nominals А. Перельцвайг — могут быть лишены референциального либо и референциального, и количественного слота), но именные группы полной структуры располагают их в таком порядке.

(3.52) [DP/ DemP, ArtP...	[NumP, NumeralP, CIP ...	[<i>nP</i> , NP]]
референциальный слот	количественный слот	лексический слот
<i>Location</i>	<i>Quantity</i>	<i>Quality</i> [Rijkhoff 2002]
<e> _d	<e> _# <e> _{div}	[Borer 2005]
Dem > Art	> Num > UNIT > Pl/SORT	> <i>n</i> > N [Svenonius 2007]

Вместе с тем по ходу изложения мы неоднократно отмечали, что некоторые компоненты именной группы не привязаны жестко к определенным функциональным проекциям и могут занимать разные положения в синтаксической структуре, что диагностируется отличиями в их интерпретации и грамматических характеристиках. Во втором разделе данной главы мы обсудим эти феномены подробнее.

3.2. Линейная структура именной группы

Итак, наше обсуждение основных компонентов именной группы привело нас к заключению о едином устройстве функциональной структуры, доминирующей над группой лексического существительного, в артиклевых и безартиклевых языках. Основной «каркас», или «скелет», состоящий из лексической и функциональных вершин и образующий именную группу полной структуры, выявляется на основании таких языковых свидетельств, как базовый линейный порядок слов в именной группе и аффиксов в именной словоформе («зеркальный принцип»), соотношение структуры именной группы и ее интерпретации, внешней дистрибуции именных составляющих и их грамматических характеристик (например, признаковые матрицы, пронцаемость для извлечения составляющих, и т.д.). В этом разделе мы попытаемся расположить в этом каркасе прочие компоненты именной группы, а также рассмотрим тесно связанный с этим вопрос о возможных отклонениях в линейной позиции элемента от его базовой позиции и отличиях в интерпретации элементов, способных занимать разные структурные позиции в именной группе.

Известным аргументом в пользу принципиально единого устройства именных групп в языках разной структуры является тот факт, что порядок следования адъективных зависимых в именной группе обнаруживает, с одной стороны, достаточную степень жесткости в пределах конкретных языков, и, с другой стороны, удивительное сходство при межъязыковом сравнении. Различные иерархии семантических классов прилагательных, имеющие как описательный, так и прескриптивный характер, сходятся в том, что ближе к именной вершине располагаются относительные прилагательные, обозначающие ингерентные и постоянные свойства референта и определяющие его тип (*kind*); затем следуют качественные прилагательные, связанные с временными свойствами, количественной и качественной оценкой; и, наконец, дальше всего от именной вершины помещаются прилагательные, имеющие анафорическую функцию (*другой, иной, такой*) или отсылающие к посессору. Ниже приводятся некоторые иерархии прилагательных, полученные на основе внутри- и межъязыковых данных о порядке слов в именной группе

(3.53) a. Adj_{QUANTIFICATION} > Adj_{QUALITY} > Adj_{SIZE} > Adj_{SHAPE} > Adj_{COLOR} > Adj_{NATIONALITY} [Cinque 1994]

b. Ordinal > Cardinal > Subject Comment > Evidential > Size > Length > Height > Speed > Depth > Width > Temperature > Wetness > Age > Shape > Color > Nationality/Origin > Material [Scott 2002]

c. [_{QUANTIF} Ordinal > Cardinal] >

[_{SPEAK-ORIENT} Subject Comment > Evidential] >

[_{SCALAR PHYS. PROP.} Size > Length > Height > Speed > Depth > Width] >

[_{MEASURE} Weight > Temperature > Wetness > Age] >

[_{NON-SCALAR PHYS. PROP.} Shape > Color > Nationality/Origin > Material] [Laenzlinger 2005]

Учитывая выявляемую независимо иерархию следования функциональных проекций (3.52), мы можем задаться вопросом, в какой степени эти две иерархии связаны друг с другом.

Ответ на этот вопрос предлагает гипотеза Г. Чинкве [Cinque 1994, 1995, 1999, 2005], согласно которой семантическая классификация прилагательных имеет синтаксическую репрезентацию. Каждому классу соответствует функциональная проекция в расширенной структуре именной группы, и прилагательные занимают позиции вершин (а группы прилагательных — позиции спецификаторов) этих проекций (3.54).

(3.54) [_{DP} ... [_{α1P} A₁ [_{α2P} A₂ [_{α3P} A₃ ... [_{αnP} A_n ... [_{NP} N]]]]]]]

Жесткий порядок следования прилагательных, равно как и его реализация в разноструктурных языках связаны с тем, что порядок следования функциональных проекций в именной группе универсален. Исследуя, с одной стороны, взаимный порядок следования фразовых модификаторов в именной группе, а с другой стороны, порядок следования аффиксов в именной словоформе, мы можем восстановить универсальную структуру проекций, окружающих лексическую вершину. Программа исследований, опирающаяся на эту гипотезу, получила название картографии / картографического подхода (cartography) к синтаксису различных фразовых категорий, в т.ч. и именной группы⁹⁷. Таким образом, картографический подход является доведенным до логического предела развитием гипотезы об универсальности семантической и грамматической структуры и ее синтаксической репрезентации, начало которому на материале именной группы положила DP-гипотеза.

Следует отметить, что предсказания картографического подхода относительно возможного порядка следования модификаторов именной группы излишне жесткие, а предсказания NP-гипотезы, в которой все модификаторы являются адьюнктами одного уровня, — излишне мягкие. Если первый предсказывает для некоторого набора модификаторов и вершин единственный возможный порядок следования (дополнительными возмущающими факторами может выступать синтаксическое передвижение, например, N-to-D, или реструктуризация последовательности аффиксов (rearrangement) в морфологии), то второй предполагает существенную свободу в линейаризации модификаторов, ограниченную правилами семантической композиции в грамматике и общими когнитивными принципами вне ее.

⁹⁷ Подробнее о теоретических допущениях, истории и основных достижениях картографического подхода см. энциклопедическую статью [Shlonsky 2010], программную статью [Cinque, Rizzi 2008], а также 4 тома работ в рамках картографической программы [Belletti (ed.) 2004; Cinque (ed.) 2002, 2006; Rizzi (ed.) 2004].

На наш взгляд, наиболее адекватной является промежуточная между этими двумя экстремумами точка зрения, развиваемая в [Svenonius 2008]. Согласно П. Свенониусу, прилагательные не имеют вершинного статуса, но являются группами, и не возглавляют специальных проекций в расширенной функциональной структуре имени. Тем не менее они могут адьюнгироваться как к лексической, так и к различным функциональным проекциям именной группы, структура которых представлена в (3.55), и тем самым занимать разные структурные позиции в именной составляющей. Собственно семантическая классификация прилагательных во многом ортогональна возможным позициям прилагательного в структуре именной группы: так, например, прилагательное *French* ‘французский’ относится к семантическому классу ПРОИСХОЖДЕНИЕ (НАЦИОНАЛЬНОСТЬ), но может занимать разные позиции в системе лексических и функциональных проекций и, соответственно, иметь значение ‘происходящий из Франции’ (3.55a) и ‘типичный для французов’ (3.55b).

(3.54) Dem > Art > Num > UNIT > Pl/SORT > *n* > N

- (3.55) a. a [_{nP} French toast]
 ‘французский тост, гренок’
 b. a [_{NumP} French attitude]
 ‘французское поведение’

В концепции Свенониуса лексическое значение прилагательного вкупе со структурной позицией прилагательного в именной группе создает актуальный тип модификации. В пределах *nP* реализуются аргументные и идиоматические значения, на уровне SORTP – субъективные, на уровне NumP — количественные (прилагательные становятся градуальным), и, наконец, на уровне DemP (DP) реализуются фокусные значения.

(3.56) Dem > Art > Num > UNIT > Pl/SORT > *n* > N
 фокусные   количественные   субъективные   идиоматические

Таким образом, гипотеза Свенониуса допускает определенную гибкость в упорядочивании адъективных модификаторов, однако увязывает их структурную позицию с определенными типами значения.

Заметим, что мы также пришли к подобным выводам при анализе согласования по роду (раздел 3.1.2.3). Во-первых, мы установили, что феминизирующая вершина Ж может появляться в структуре строго выше уровня идиоматизации, а также, по-видимому, выше уровня субъективной модификации. Таким образом, выше Ж могут находиться только интерсективно интерпретируемые модификаторы. Этот факт хорошо соотносится с независимо

аргументируемым ограничением на позицию Ж ниже числительного: если интерсективная интерпретация возникает только в проекции Num, Ж не может одновременно оказаться ниже вершины Num и выше интерсективного модификатора. Во-вторых, мы установили, что одна и та же лексическая единица способна интерпретироваться как субсективно, так и интерсективно, и эти различия связаны с ее позицией в структуре именной группы, что видно из ее позиции по отношению к вершине Ж (см. примеры (3.42), (3.44)). Таким образом, мы приходим к выводу, что интерпретация лексической единицы в составе именной группы предопределяется ее структурной позицией в системе лексических и функциональных проекций, образующих именную группу.

Далее в этом разделе на материале русского языка мы обсудим два феномена, непосредственно связанных с линейной структурой именной группы. Первый феномен — это инверсии в русской именной группе, то есть такие отклонения от базового порядка слов, задаваемого системой именных проекций, которые могут быть описаны как обратный ожидаемому порядок двух и более компонентов именной группы. Вторым феноменом — это зависимость сферы действия особой группы прилагательных, так называемых адъективных операторов, от их (вариативной) позиции в структуре именной группы.

3.2.1. Инверсии в русской именной группе

В этом разделе речь пойдет об инверсиях в русской именной группе, то есть о таких альтернативах в порядке слов, при которых именная вершина, обыкновенно расположенная правее атрибутивных модификаторов, оказывается слева от них. Мы покажем, что наличие таких инверсий и их синтаксические характеристики свидетельствуют о возможности передвижения именной вершины влево, в вышестоящую функциональную вершину.

3.2.1.1. Инверсия и альтернативы порядка слов

Русский язык обычно классифицируют как язык со «свободным» порядком слов. Этот ярлык подразумевает, что синтаксическая структура допускает известную свободу в линейаризации. Так, например, (3.57а-с) передают одно и то же дескриптивное содержание, при том что существует большое количество (более или менее удачных) способов задать линейный порядок словоформ для данного предложения⁹⁸.

(3.57) а. [Одинокий парус] [белеет [в [голубом тумане моря]]].

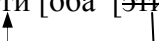
⁹⁸ О возможных ограничениях на линейаризацию предложения см., например, [Иорданская 1967].

- b. Белеет парус одинокий в тумане моря голубом.
- c. В голубом тумане моря белеет одинокий парус.

Существует два принципиальных способа описания вариативного порядка слов, которые можно назвать композиционным и деривационным. Первый, композиционный подход предполагает, что в пределах некоторой составляющей порядок композиции элементов произволен. Так, например, можно считать, что два дополнения битранзитивного глагола способны соединяться с глаголом в любом порядке: либо сначала глагол объединяется с прямым дополнением, а затем с косвенным, что дает порядок в (3.58a), либо сперва происходит объединение глагола с косвенным дополнением, а потом с прямым, как в (3.58b). Аналогично могут быть проанализированы два возможных порядка модификаторов в именной группе (3.59a-b).

- (3.58) a. Петя [[дал книгу] Маше].
- b. Петя [[дал Маше] книгу].
- (3.59) a. [оба [эти правила]]
- b. [эти [оба правила]]

Альтернативный, деривационный подход к вариативной линейаризации предполагает наличие некоторого базового, «нейтрального» порядка, согласно которому происходит деривация языковых объектов. Отклонения от базового порядка деривируются синтаксически, путем передвижения некоторых составляющих из базовой позиции в производную. Например, если мы предположим, что базовому порядку композиции в именной группе соответствует (3.59a), то (3.59b) можно представить как результат передвижения указательного местоимения:

- (3.60) эти [оба [~~эти~~ правила]]
-

Преимущество деривационного подхода, несмотря на постулирование дополнительного механизма передвижения, очевидно: он позволяет установить единую, базовую структуру для составляющих разного типа. Еще одним позитивным результатом является сходство структур в языках с жестким порядком слов и «базовых» структур в языках со свободным порядком слов. Кроме того, если композиционный подход принципиально неспособен ограничить «свободный порядок слов», то в рамках деривационного подхода такими ограничивающими принципами служат ограничения на передвижение и мотивация передвижения.

Следует отметить также, что и языки с «жестким» порядком слов демонстрируют дислокацию составляющих из базовых позиций. Сравним английское вопросительное

предложение (3.61a) и повествовательное предложение (3.61b). Во-первых, в вопросительном предложении дополнение, содержащее вопросительное местоимение, располагается не в базовой позиции (справа от глагола), а на левой периферии клаузы. Во-вторых, в вопросительном предложении наблюдается инверсия подлежащего и вспомогательного глагола: вспомогательный глагол *will* предшествует подлежащему. Деривационный подход позволяет в данном случае сохранить базовую структуру составляющих, предположив анализ (3.61d), согласно которому дополнение всегда порождается в составе глагольной группы, а подлежащее располагается слева от финитного глагола. Наблюдаемый в вопросительном предложении порядок слов объясняется двумя передвижениями: передвижением группы (вопросительного) дополнения на левую периферию клаузы и передвижением финитной вершины влево от подлежащего. Косвенным подтверждением такого анализа может служить существование эхо-вопросов (вопросов-переспросов) типа (3.61c), в которых вопросительная группа располагается в базовой позиции справа от глагола.

(3.61) a. What book will John read?

‘Какую книгу будет читать Джон?’

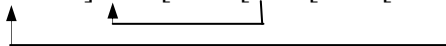
b. [John [will [read [“Pride and Prejudice”]]]].

‘Джон будет читать «Гордость и предубеждение».’

c. [John [will [read [WHAT BOOK]]]]? (эхо-вопрос)

‘Джон будет читать ЧТО?’

d. [What book] will [John [~~will~~ [read [~~what book~~]]]]?

Таким образом, деривационный подход предлагает эффективный механизм анализа разрывных составляющих (ср. разрывную глагольную группу в (3.61d)) и инвертированных составляющих (ср. подлежащно-глагольную инверсию в (3.61d)).

В рассмотренном выше примере механизм передвижения использовался для объяснения грамматически обусловленного порядка слов: (3.61c) в качестве обычного частного диктального вопроса неграмматично. Для многих исследователей привлекательной оказалась идея применить те же механизмы и для анализа коммуникативно обусловленного порядка слов, ср. [Bailyn 2003]. В имплицитном виде этот тип анализа присутствует, в частности, во многих работах традиционной русистики, посвященных описанию способов выражения актуального членения в русском предложении. Так, например, в классической работе [Ковтунова 1976: 72] предложение (3.62a) рассматривается как результат деривации базовой структуры в (3.62b), вызванной необходимостью изменить актуальное членение «от темы к реме»:

(3.62) a. Сырую свежесть позднего вечера сменила полуночная сухая теплынь.

b. Полуночная сухая теплынь сменила сырую свежесть позднего вечера.

Аналогичные модели описания порядка слов в предложении находим, например, в [Распопов 1961/2009], [Сиротина 1965/2006], [Ковтунова 1969], [Белошапкина 1977], [Земская 1979/1987], [Русская грамматика 1980], [Николаева 1982], [Падучева 1989], [Крылова 1992/2009]; из более современных работ — [Всеволодова, Дементьева 1997], [Всеволодова 2001], [Всеволодова 2004], [Янко 2001], [Циммерлинг 1999, 2006, 2008, 2016], [Падучева 2016]. Эксплицитно инверсия подлежащего для создания широкой ремы со сказуемым обосновывается в работе Е.В. Падучевой [Падучева 2008: (5)]: (3.63a) анализируется как результат инверсии (3.63b):

(3.63) а. Мальчика / | укусила собака \ .

b. Собака / | укусила мальчика \ .

Вопрос о локализации коммуникативно мотивированных передвижений допускает разные варианты ответа. С одной стороны, такие передвижения могут рассматриваться как синтаксические, что подкрепляется их общими свойствами с традиционно синтаксическими передвижениями, такими как A' и A-передвижение. Конечной точкой таких передвижений может выступать либо особая «коммуникативная» позиция в структуре клаузы ([Rizzi 1997], [Junghanns, Zybatow 1997], [Bailyn 1995], [King 1995], [Kondrashova 1996], [Sekerina 1997], [Gouskova 2001]), так и доступная функциональная позиция в структуре предложения, не связанная с собственно коммуникативной функцией ([Yokoyama 1986], [Bailyn 2004a], [Pereltsvaig 2004], [Слюсарь 2009]). С другой стороны, коммуникативно мотивированный порядок слов можно представлять себе как результат действия постсинтаксических (то есть фонологических) правил, не затрагивающих собственно синтаксическую структуру — так называемый скрэмблинг (scrambling).

Итак, на уровне клаузы механизм передвижений — в имплицитном или эксплицитном виде — с успехом используется для анализа как грамматически необходимых, так и коммуникативно обусловленных отклонений порядка следования составляющих от базового порядка, диктуемого правилами развертывания синтаксической структуры.

Вопрос, который мы предполагаем обсудить здесь — это вопрос о вариативной линейаризации компонентов именной группы. Вообще говоря, порядок слов в именной группе типологически является значительно более жестким, чем порядок слов (или, вернее, составляющих) в клаузе. Тем не менее, и в пределах именной группы зафиксированы различные отклонения от базового порядка слов.

Примером грамматически обусловленной линейзации, нарушающей базовый порядок слов, может служить, например, степенная (degree) инверсия (см. [Hendrick 1990], [Matushansky 2002], [Kennedy and Merchant 2000]) и отрицательная инверсия ([Boroff 2006]) в английском языке, ср. примеры (1.22)-(1.23) из Главы 1. Как мы видели в разделах 1.1 и 3.1.1, изменения базового порядка слов в именной группе формальная грамматика традиционно связывает с передвижениями вершины или компонентов именной группы в более высокую позицию в функциональной структуре, в которую вложена группа лексического существительного (NP). Наиболее часто в качестве «посадочной площадки» инверсии используется проекция артикля — вершины категории D. Однако изучение типов инверсии компонентов именной группы в разноструктурных языках показало, что для сохранения деривационного подхода (и универсальной грамматической структуры именной группы) одной функциональной проекции D явно недостаточно. В этой связи можно вспомнить работы Э. Риттер (см. раздел 3.1.1), в которых именно инверсия в именной группе иврита используется для обоснования промежуточной функциональной проекции NumP; см. также [Siloni 1990, 1997]. В известной работе [Cinque 1994], посвященной порядку следования составляющих в романской именной группе, убедительно обосновывается существование промежуточных — между N и D — функциональных проекций, в которые и передвигается вершина именной группы, давая характерный романский порядок слов Артикль — Прилагательное — Прилагательное — ... — Существительное — Прилагательное — Дополнение (пример (3.64) из итальянского языка):

- (3.64) a. la sola grande invasione italiana dell'Albania
 DEF единственный великий вторжение итальянский в-Албанию
 'единственное великое итальянское вторжение в Албанию'
- b. *la sola grande italiana invasione dell'Albania
- c. *la invasione sola grande italiana dell'Albania
- d. la sola grande invasione_i italiana t_i dell'Albania
- e. [D ... [AP A Y [AP A [NP N PP]]]

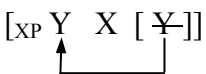
Как было показано в предшествующих главах, богатая система функциональных проекций, доминирующая над группой лексического существительного, может быть обоснована и для безартиклевых языков. Отсюда следует определенный линейный порядок компонентов именной группы, возникающий при разворачивании расширенной именной проекции (см. обсуждение в [Franks, Pereltsvaig 2004]). В частности, такие иерархии предлагались для славянских языков в [Rapaport 1998] и для русского языка в [Yadroff 1999] и [Исакадзе 1999].

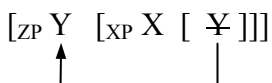
(3.65) AQE⁹⁹ → <Q> → demonstrative → <Q> → <Spec-of-N> → <Q> → adjective → head → NP[genitive] → NP[instrumental/dative] → <Spec-of-N> → PrepP → clause (finite or nonfinite) [Rappaport 1998: (61)]

(3.66) [DefP [NumberP [MeasP [RefP [NP]]]]] [Yadroff 1999: 135]

(3.67) [QP [DP [NumP [MeasP [PossP [NP AP [NP]]]]]]] [Исакадзе 1999: 132]¹⁰⁰

При столь подробно артикулированной архитектуре именной группы довольно просто деривировать разнообразные типы отклонений от базового порядка слов в именной группе, задаваемого иерархией функциональных вершин: например, для инверсии компонентов X и Y достаточно постулировать передвижение Y в проекцию X (3.68a) или в вышестоящую проекцию Z (3.68b):

(3.68) a. [XP Y X [Y]]

b. [ZP Y [XP X [Y]]]

Основной параметр, классифицирующий такого рода теории вариативного порядка компонентов внутри именной группы — это вопрос о том, проекции какой природы могут служить целью передвижения. Аналогично рассмотренным выше передвижениям составляющих в пределах клаузы, можно считать, что передвижение происходит в рамках функциональной структуры, постулируемой по не зависящим от инверсии причинам (ср., например, рассмотренные выше анализы [Taraldsen 1990] и [Cinque 1994], а также [Delsing 1988]). С другой стороны, делаются попытки ввести особые проекции, связанные с коммуникативной структурой, в первую очередь топиком и фокусом, не только в пределах простого предложения, но и в рамках именной группы ([Giusti 1996; Aboh 2004; Haegeman 2004; Гращенков 2006б; Isac, Kirk 2008; [Cruschina 2009; Aboh et al. 2010]), ср. структуры (3.69):

(3.69) [DPfam [FocP/TopP [DPdef [FocP/TopP [NumP [NP]]]]] [Isac, Kirk 2008]

Мы оставляем открытым вопрос о том, имеет ли коммуникативная структура синтаксическую репрезентацию (т.е. специальные «коммуникативные» проекции) как в пределах предложения, так и в пределах именной группы. Для наших целей важна лишь сама

⁹⁹ AQE — адъективные квантификаторы в нотации Г. Раппапорта (*все, каждый, один, некоторые* и т.п.).

¹⁰⁰ Н.В. Исакадзе рассматривает все прилагательные единообразно, как адьюнкты к максимальной лексической проекции NP. Мы предпочитаем исключить указание на позицию прилагательных из шаблона функциональных и лексических проекций именной группы и считаем, что разные виды прилагательных возможны в составе разных лексических и функциональных проекций, см. обсуждение выше.

идея того, что порядок слов (и в том числе порядок составляющих в именной группе) задается грамматической структурой некоторой составляющей (так называемый базовый порядок), а отклонения от него (т.е. вариативность линеаризации компонентов составляющей) могут быть описаны при помощи механизма передвижений.

Далее в этом разделе мы исследуем различные типы инверсии в русской именной группе. В разделе 3.2.1.2 выделяется группа явлений, которые могут быть рассмотрены как именные группы с инвертированным порядком следования компонентов, где именная вершина расположена левее своего — в нормальных случаях препозитивного — модификатора. Обычно виды инверсии в именной группе классифицируются с точки зрения категориальных признаков инвертированных компонентов (например, инверсия существительного и прилагательного, инверсия существительного и количественного числительного). Такой подход имеет своей целью установить, какого рода проекции задействованы в процессе инверсии. Придерживаясь этой нотации, мы, тем не менее, предполагаем показать, что существует значительно более общая дихотомия типов инверсии, во многом ортогональная категориальной классификации. Языковой манифестацией данной дихотомии служит способ акцентуации инвертированной именной группы. В разделе 3.2.1.3 мы обсудим правила акцентуации составляющих в русском языке и покажем, что в инвертированных именных группах выбор акцентоносителя может осуществляться либо «до инверсии», либо «после инверсии», причем эти опции распределены по содержательным типам инвертированных конструкций. Наконец, в 3.2.1.4 будет предложена теоретическая интерпретация двух типов инверсии именных групп в русском языке. Мы покажем, что инверсии с изменением акцентоносителя имеют синтаксический характер и происходят при деривации именных групп, а не на этапе озвучивания. Тем самым иерархическая структура функциональных проекций, в рамках которой оказывается возможной синтаксическая инверсия, принципиально необходима для объяснения линейной структуры русской именной группы.

3.2.1.2. Инвертированные именные группы в русском языке

В данном разделе мы обсудим несколько видов инверсии в русской именной группе. Часть из них получала освещение в литературе и имеет установившееся название, другие же типы предположительно выделены нами из всего множества именных групп с отличным от базового порядком слов на основании единства их дистрибуции и интерпретации. Список обсуждаемых в данной работе видов инверсии не является исчерпывающим; однако, как представляется, этот факт не оказывает влияния на адекватность формулируемых далее обобщений.

Под инверсией мы будем понимать отступление от порядка следования компонентов именной группы, задаваемого иерархией (3.52), приводящее к тому, что некоторая составляющая X оказывается левее составляющей Y, при том что в (3.52) фиксирован порядок следования составляющих [Y .... [X ....]]. Важно отметить, что при инверсии вариативность линейаризации затрагивает только компоненты именной группы, и целостность именной группы не нарушается¹⁰¹. Инверсию в именной группе следует отличать от разрывных именных групп, когда между компонентами именной группы помещается материал объемлющих ее составляющих. (О разрывных именных группах в русском языке см., например, [Сиротина 1974; Ковтунова 1976; Крылова, Хавронова 1976; Русская грамматика 1980: § 2170-2173; Земская 1979/1987; Bailyn 1995; Циммерлинг 2006; Pereltsvaig 2008]). Среди разрывов именной группы обычно различают простые разрывы (simple splits, (3.70a)) и инвертированные разрывы (inverted splits, (3.70b)).

- (3.70) a. Клубничного купи варенья! <клубничного ... варенья>
 b. Варенья купи клубничного! <варенья ... клубничного>

Несмотря на то, что при инвертированном разрыве именной группы ее компоненты выглядят как подвергшиеся инверсии, анализ инвертированных разрывов как разрывов *инвертированной* именной группы представляется неадекватным (ср. гипотетическую деривацию в (3.71a)). Обычно для примеров типа (3.70b) предлагается анализ с извлечением вершины (3.71b) ([van Riemsdijk 1989; Циммерлинг 2006]) или анализ с копированием всей именной группы и озвучиванием в каждой из копий некоторых компонентов (3.71c) ([Pereltsvaig 2008]).

- (3.71) a. Варенья купи [варенья клубничного варенья] !

 b. Варенья купи [клубничного варенья]!

 c. [Клубничного варенья] купи [клубничного варенья]!

Таким образом, мы принципиально исключаем из рассмотрения разрывные именные группы и сосредоточиваемся на изучении инверсии в пределах именных групп.

Из всех видов инверсии мы рассмотрим только те случаи, когда один из инвертированных компонентов — именная вершина (существительное), а второй —

¹⁰¹ Здесь имеется в виду как синтаксическая, так и просодическая целостность именной группы; см. об этом [Подлеская 2012].

препозитивный модификатор данной вершины. Эти случаи будут сгруппированы по категориальным признакам модификатора: в разделе 3.2.1.2.1 будет описана инверсия существительного с одиночным (неветвящимся) прилагательным; в разделе 3.2.1.2.2 — инверсия существительного с количественным числительным; в разделе 3.2.1.2.3 — инверсия существительного с элементами левой периферии именной группы, к которым мы относим указательные местоимения, притяжательные местоимения и притяжательные прилагательные.

3.2.1.2.1. Инверсия существительного и прилагательного

В [Русская грамматика 1980: § 2152] указывается, что в словосочетаниях существительного с прилагательным обычный порядок компонентов — это препозиция прилагательного по отношению к существительному. Однако существует целый ряд отступлений от этого правила. Следует отметить, что в литературном языке и в разговорной речи конструкции с постпозицией одиночного (неветвящегося) прилагательного имеют разную дистрибуцию. Мы рассмотрим сперва два вида инверсии существительного и прилагательного в русском литературном языке, а затем обсудим специфику разговорной речи в этом отношении¹⁰².

Начнем с наиболее денотативно мотивированного типа инверсии существительного и прилагательного — так называемой сортовой инверсии. Русская грамматика [1980: § 2152] отмечает, что «постпозиция прилагательного нормальна в терминах при классификации разновидностей объектов, входящих в общий класс. Существительное при этом обозначает родовое понятие, а прилагательное — видовой признак: *шалфей лекарственный, шалфей красный, шалфей мускатный, шалфей луговой*; в наименованиях товаров: *мармелад яблочный, шоколад соевый, масло вологодское, скрепки канцелярские*». Специфика таких именных групп состоит в том, что они имеют родовой, в терминах Е.В. Падучевой [Падучева 1985/2002], денотативный статус. Именные группы с родовым денотативным статусом обладают ограниченной дистрибуцией. Для них характерны функции называния (3.72a), позиция подлежащего и компонента именного сказуемого в предложениях классификации (3.72b), генерические предложения (3.72c) и позиции аргумента особого типа предикатов, допускающих в эпизодическом употреблении родовой статус своего аргумента (*исчезнуть, вымереть, появиться, редкий* и т.п.) (3.72d).¹⁰³

¹⁰² Следует особо подчеркнуть, что в задачи данной работы не входит выявление **всех** типов инверсии; таким образом, наше описание не является исчерпывающим.

¹⁰³ Еще один тип контекстов, в которых предположительно встречаются именные группы с сортовой инверсией — это контекст информационных запросов. Предварительные подсчеты, проведенные на материале справочно-правовой системы «Гарант», показывают, что из 47396 запросов, представляющих собой сочетание

(3.72) а. <подпись к фотографии> Фото Виктора Сазонова. **Очиток едкий**. [Сергей Кляцов. Ниже травы (2003) // «Сад своими руками», 2003.07.15]

б. Общероссийским классификатором ... **продукция рыбная**, вылов рыбы и других водных биоресурсов (код 989934) отнесены к продукции животноводства ... [О порядке применения отдельных положений (2004)]

с. Во время цветения **очиток едкий** образует ярко-золотистый густой ковер из цветоносов. [Сергей Кляцов. Ниже травы (2003) // «Сад своими руками», 2003.07.15]

д. **Гагарка бескрылая** исчезла с лица земли в 1844 году. [Я]

Ограниченно допустимо использование именных групп с сортовой инверсией в конкретно-референтных контекстах (3.73); по всей видимости, в таких случаях происходит особый семантический сдвиг: родовая именная группа в функции названия → собственное имя конкретного объекта. Актуализаторы, предписывающие именной группе референтный или универсальный денотативный статус, количественные числительные в именных группах с сортовой инверсией неестественны и создают при употреблении комический эффект (3.74):

(3.73) [Аникеева:] Не трогайте **макака суматранского!** Это же единственный экземпляр у нас в стране! [X/ф «Гараж»]

(3.74) [Шпак:] Все! Все, что нажил непосильным трудом, все же погибло! Три магнитофона ... три **кинокамеры заграничных**, три **портсигара отечественных**, **куртка замшевая**... три ... куртки ... [X/ф «Иван Васильевич меняет профессию»]

При сортовой инверсии прилагательное допускает рекурсию; при этом характерно «зеркальное» расположение прилагательных относительно вершины:

прилагательного и существительного, примерно одна двадцатая часть запросов – это запросы с инверсией. Большинство инвертированных запросов можно интерпретировать как сортовые именные группы (ср. *лампы люминесцентные, кирпич силикатный, доски аудиторные, вода питьевая, спирт салициловый, аптечка автомобильная*). Впрочем, не вполне понятно, всегда ли инвертированная именная группа в запросе представляет собой результат сортовой инверсии, или же образуется по принципу «свободного ассоциативного присоединения частей высказывания по мере их появления в мысли» [Земская 1979/1987: 154], характерному для разговорной речи, когда постпозитивное определение «уточняет значение существительного» (ср. также [Русская грамматика 1980: § 2154]. Возможно также, что некоторые пользователи используют «тезаурусную стратегию» формулирования запроса, и порядок слов в запросе отражает последовательное приближение к нужному таксону, ср. запросы *доверенность судебная, услуги бытовые, премия квартальная*. Вообще вопрос о синтаксической структуре информационных запросов представляет собой отдельную интереснейшую тему, обсуждение которой, однако, выходит далеко за рамки данной работы.

- (3.75) a. вино белое полусладкое — полусладкое белое вино
 b. масло вологодское сладкосливочное — сладкосливочное вологодское масло
 c. расширитель хирургический малый — малый хирургический расширитель
 d. чай черный байховый — байховый черный чай

Формальный анализ сортовой инверсии в русском языке предложен в работе Х. Тругман [Trugman 2007b]. Исследовательница предполагает, что сортовые именные группы возглавляются особой нулевой вершиной D, создающей из группы общего имени обычного предикатного типа индивиды типа «вид» (kind). Тот факт, что сортовые имена не допускают указательных/притяжательных местоимений, объясняется их дополнительной дистрибуцией с сортовым D. Инвертированный порядок слов в сортовой именной группе создается передвижением существительного в сортовое D¹⁰⁴.

(3.76) [_{sortal-DP} [_N шалфей] + _{sortal-D} [_{NP} [_{AP} луговой] ~~шалфей~~]

Анализ в (3.76) предполагает, что прилагательные в сортовой именной группе остаются *in situ*. Однако при таком подходе, как отмечает Х. Тругман, проблематично объяснить зеркальный порядок нескольких прилагательных относительно именной вершины, наблюдаемый в (3.75). Альтернативный анализ опирается на вершинный статус неветвящихся препозитивных прилагательных в русском языке (подобный подход был предложен Чинкве [Cinque1994] для романских языков и аргументирован для русского в [Pereltsvaig 2006a, 2007a]). В такого рода исходной структуре сортовая инверсия может рассматриваться как последовательное передвижение вершин (3.77):

(3.77) [_{sortal-DP} [_N расширитель]+[_A хирургический]+[_A малый]+_{sortal-D} [_{AP} [_N ~~расширитель~~]+[_A хирургический]+[_A малый] [_{AP} [_N ~~расширитель~~]+[_A хирургический] [_{NP} [_N ~~расширитель~~]]]]]

В пользу анализа (3.77) косвенно свидетельствует тот факт, что сортовые именные группы, в отличие от обычных, не допускают разрывов — ни простых, ни инвертированных, ср. (3.78). Действительно, если все компоненты сортовой именной группы в результате деривации представляют собой одну сложную вершину, то ее разрыв (или озвучивание разных частей в разных копиях) не ожидается. Напротив, при анализе вида (3.77) разные компоненты сортовой именной группы располагаются в разных проекциях, а такие конфигурации допускают разрывное озвучивание в русском языке.

¹⁰⁴ Сходный анализ для итальянского языка предлагается в [Longobardi 1994].

- (3.78) а. Из средней полосы России исчез шалфей мускатный.
 б. * Шалфей из средней полосы России исчез мускатный.
 с. * Мускатный из средней полосы России исчез шалфей.

Итак, именные группы с сортовой инверсией представляют собой наименования особых объектов — «видов» (kind); с логической точки зрения они являются собственными именами этих объектов, т.е. «видовыми» — в противоположность индивидуальным — константами¹⁰⁵.

Следующий тип инверсии существительного и прилагательного – это отмечаемая в [Русская грамматика 1980: § 2152] постпозиция прилагательного «... при существительном, выполняющем указательную функцию (*человек, люди, женщина, дело, вещь* и под.). Признак приобретает в подобных случаях особую информативную значимость и подчеркивается постпозицией прилагательного», ср. примеры в (3.79). Русская грамматика рассматривает данный случай постпозиции прилагательного как частный случай более общего правила, согласно которому прилагательное следует за существительным «...при стремлении выделить и подчеркнуть признак лица или предмета в ряду им подобных» (3.80).

(3.79) а. Актёры — **существа хрупкие**. Их надо щадить. [Весенний призыв (2004) // «Экран и сцена», 2004.05.06]

б. Трошев — **человек активный**, у него есть своя политическая позиция, взгляды. [Дмитрий Литовкин, Илья Максаков. Генерал или губернатор? // «Известия», 2003.02.19]

с. «Прочитать» её по мерцанию и пульсированию мириадом точек прилива крови к работающим нейронам — **задача невыполнимая**. [Игорь Лалаянц. Детектор лжи на молекулярном уровне? Завтра, завтра... послезавтра! // «Знание - сила», № 8, 2003]

(3.80) а. Геологическая неоднородность — это неоднородность, обусловленная особенностями геологического строения пласта, **неоднородность статическая**. [Интерпретация результатов компьютерного моделирования... // «Геоинформатика», № 1, 2004]

б. **Улица пустая** вообще производит ужасное впечатление, а тут еще где-то под ложечкой томило и сосало предчувствие. [М. А. Булгаков. Белая гвардия (1923-1924)]

Мы, однако, полагаем, что в (3.79), в отличие от (3.80), мы имеем дело с особым типом инверсии, который мы в дальнейшем будем называть предикатной инверсией. Для предикатной

¹⁰⁵ Сходный тип инверсии мы наблюдаем в не-видовых именных группах, служащих наименованиями индивидов: *Людвик Четырнадцатый, Иван Грозный, Петр Великий, Василий Блаженный, Москва Сортировочная, Ростов Великий, пункт первый, глава вторая* и т.п. Характерно, что такие именные группы предполагают существование определенного индивида с данным именем. Их также можно интерпретировать как (индивидуальные) константы, что объединяет их с именными группами с сортовой инверсии.

инверсии характерен целый ряд свойств, отличающих подобные конструкции от конструкций с рематической постпозицией прилагательного.

Во-первых, именные группы с предикатной инверсией обладают ограниченной дистрибуцией. Для них характерна в первую очередь предикативная позиция в составе клаузы (3.81a), а также в разного рода обособленных оборотах (3.81b-d), представляющих собой так называемые «малые клаузы». В (3.81d), очевидно, имеет место подъем подлежащего из малой клаузы, так что в исходной структуре инвертированная именная группа находится в предикативной позиции: *впечатление, (что) он — человек решительный*.

(3.81) а. Я **человек решительный**, я не люблю полумер. [И. С. Тургенев. Провинциалка (1851)]

б. Президент Толстой, **человек решительный**, возражал против такой, как он выразился, капитуляции перед экстремистами... [Андрей Лазарчук. Все, способные держать оружие... (1995)]

в. Как **человек решительный**, он уже весной 1653 года стал осуществлять церковную реформу. [Я]

г. **Человек решительный**, он пришел в малый бизнес, круто развернув устоявшуюся жизнь. [Я]

д. Он производит впечатление **человека решительного**, но на поверку оказывается, что у него нет никакой твердости. [Я]

Еще одна группа контекстов для именных групп с предикатной инверсией — это контексты, в которых именная группа имеет нереферентный денотативный статус. В частности, именные группы с предикатной инверсией возможны в контексте предикатов пропозициональной установки (3.82a), интенциональных предикатов (3.82b-с), при которых эти именные группы интерпретируются только *de dicto*, в генерических предложениях (3.82d-e), где переменная, соответствующая инвертированной именной группе, связывается генерическим (или другим неселективным) оператором. Характерно, что такие именные группы не могут интерпретироваться как референтные, ср. (3.83).

(3.82) а. Очень хочется поговорить с **человеком знающим**... [Я]

б. Обо мне. Ищу **человека серьезного** для общения, и не только. [Я]

в. В этом вопросе, как я понял, нужен **человек опытный**, так как отказать могут даже за запятую, поставленную вместо точки. [Я]

г. **Человека решительного и дерзкого** вряд ли кому-то захочется побить или потолкать. [Я]

е. **Человек опытный** всегда сумеет скопировать и сохранить на свой компьютер нужное ему изображение. [Я]

(3.83) а. Я видел, что **самолюбивая девушка** (***девушка самолюбивая**) сердится на меня за мое вмешательство и немного стыдится бабушкиной плаксивости. [А. Куприн, «Олеся»]

б. Талантливый хореограф Рева никак не может найти работу в шоу-бизнесе. **Самолюбивая девушка** (***девушка самолюбивая**) отказывается от протекции своего друга Абхи, популярного киноактера. [Я]

В целом представляется возможным заключить, что именная группа с предикатной инверсией всегда имеет предикатный логический тип $\langle e, t \rangle$. Такая именная группа либо интерпретируется как предикат, либо связывается вышестоящим оператором, получая в таком случае узкую сферу действия. Учитывая, что группа общего имени представляет собой предикат, а изменение этого логического типа связано с введением в состав именной группы актуализаторов (указательных местоимений, артиклей, кванторов), наиболее естественно предположить, что в именной группе с предикатной инверсией отсутствуют функциональные проекции, отвечающие за референциальные свойства. В главе 1 мы уже упоминали об именных группах с предикатным денотативным статусом как о «кандидатах» на синтаксический статус именных групп неполной структуры. Здесь мы обнаруживаем еще одну закономерность, связывающую структурные и интерпретационные характеристики именных составляющих: предикатная инверсия, с одной стороны, возможна только в именных составляющих, лишенных структурных элементов высоких именных функциональных проекций, а с другой стороны, допустима только в таких именных группах, которые не имеют референциальной или кванторной интерпретации.

Вторая особенность, отличающая именные группы с предикатной инверсией, касается семантики прилагательных в их составе¹⁰⁶. Для таких именных групп характерны в первую очередь оценочные прилагательные, занимающие, согласно нашим предыдущим обобщениям, высокие позиции в иерархически упорядоченной именной группе с множественными адъективными зависимыми (см. также [Dixon 1982], [Sproat and Shih 1991], [Cinque 1994], [Scott 2002]). «Правые», близкие к именной вершине идиоматичные и субъективные прилагательные в конструкции с предикатной инверсией сомнительны, как сомнительны они и в предикативной позиции.

¹⁰⁶ О корреляции семантического класса прилагательного и его синтаксической позиции см., например, [Гращенков, Кобозева 2001].

Еще одно свойство прилагательных в конструкциях с предикатной инверсией — это явное предпочтение в ней предикатов индивидуального, а не стадийного уровня, ср. (3.84). Прилагательные, допускающие как индивидуальную, так и стадийную интерпретацию (*больной, печальный, гордый*), в составе ИГ в предикатной инверсии имеют только индивидуальное прочтение (3.85).

(3.84) а. Да вы сами-то девушки невысокие (*девушки пьяные). [Разговор в клубе (2006)]

б. [Ксения, жен, 21] Давай без мата плиз / я девушка ранимая (*девушка усталая). [Разговоры знакомых (2006)]

с. Здесь двадцать два русских, все люди культурные (*люди расстроенные) идохнут без русских книг. [Вадим Крейд. Георгий Иванов в Йере // «Звезда», № 6, 2003]

(3.85) а. Она слыла девушкой гордой и неприступной. [И. С. Тургенев. Ася (1858)]

б. Отец — человек больной и имеет право на дополнительную площадь... [О. Володеева. Простая история // «Работница», 1989]

Наконец, последнее замечание о семантике прилагательных в конструкциях с предикатной инверсией касается таких прилагательных, которые способны иметь различные интерпретации в зависимости от синтаксической позиции. Наиболее известный пример такого рода — прилагательное *бедный*. В атрибутивной позиции оно возможно в двух значениях: *бедный*₁ = небогатый (3.86а) и *бедный*₂ = несчастный (3.86б). В предикативной позиции реализуется только значение *бедный*₁ (3.86с). Показательно, что в именных группах с предикатной инверсией допустимо только *бедный*₁, но не *бедный*₂ (3.86д):

(3.86) а. Актриса тонко передаёт замкнутое глухое презрение богачки к **бедному жениху**, потом к мужу, с которым свела её судьба, когда речь идёт о деньгах. [Спасительная эстафета игры (2004) // «Экран и сцена», 2004.05.06]

б. И что же он увидел своим орлиным взором? **Бедные звери** погибали! [Сергей Седов. Доброе сердце Робина // «Мурзилка», № 7, 2002]

с. Знаешь старый анекдот: если ты такой умный, то почему такой **бедный**?» [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // Новый Мир, № 1-2, 2001]

д. — Это низко! — возмутился Воланд, — вы **человек бедный**... ведь вы — **человек бедный**? [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929-1940)]

Таким образом, можно заключить, что с точки зрения семантики обнаруживается существенный параллелизм в дистрибуции и интерпретации прилагательных в ИГ с предикатной инверсией и в конструкциях с полным прилагательным в предикативной позиции.

Еще одно свойство, отличающее конструкции с предикатной инверсией, состоит в том, что прилагательные в их составе неспособны иметь правые зависимые (дополнения либо адъюнкты), ср. примеры в (3.87):

(3.87) а. Я по натуре человек (очень) **вежливый** (*с окружающими), так что я приветствовал его чем то вроде хрюканья... [Я]

б. Игорь — человек (весьма) **гордый** (*своими успехами) и желает достичь всего собственным трудом. [Я]

с. В этой истории Саммер — девушка (на редкость) **независимая** (*от мнения других), она делает что хочет, гуляет с кем хочет, берет от жизни все. [G]

В [Grashchenkov, Grashchenkova 2007] отмечается, что способность к правостороннему ветвлению отсутствует у полных прилагательных в предикативной позиции, при том что такой способностью обладают как полные прилагательные в составе именной группы, так и краткие прилагательные в предикативной позиции. Примечательно, что это свойство также характерно и для прилагательных в инвертированных конструкциях.

Важно отметить также еще одно общее свойство, отличающее прилагательные в предикативной позиции и в именной группе с предикатной инверсией и противопоставляющее их препозитивным прилагательным в обычной именной группе: предикативные прилагательные неспособны к рекурсии вне сочинения:

(3.88) а. смелый решительный человек

б. *Он был смелый решительный. (ср.: Он был смелый, решительный; Он был смелый и решительный.)

с. *Он — человек смелый решительный. (ср.: Он — человек смелый, решительный; Он — человек смелый и решительный.)

Рассмотренные нами свойства именных групп с предикатной инверсией позволяют сделать некоторые предположения о синтаксической структуре подобных групп. Во-первых, эти именные группы всегда интерпретируются как предикаты; таким образом, они неспособны объединиться с функциональными вершинами (в том числе и нулевыми), превращающими именную группу в индивидуальную константу или обобщенный квантор. Во-вторых, прилагательные в их составе имеют свойства предикативных полных прилагательных.

Интересные межъязыковые параллели, позволяющие пролить свет на структуру именных групп с предикатной инверсией в русском языке, можно усмотреть в

инвертированных именных группах таких языков, как английский или французский. Речь идет о конструкциях типа (3.89)-(3.90):

(3.89) a. If only we had **this funny of people** back in december. [G]

‘Вот если бы эти забавные люди вернулись к нам в декабре!’

b. Now, I’m still within **this damned of an existence**, I have started to get more sleep. [G]

‘Сейчас я все еще в том же чертовом положении, я начал больше спать’

c. I really hope I have **a poor of understanding** of this. [G]

‘Я и правда думаю, что я плохо в этом разбираюсь.’

(3.90) a. En voilà **un charmant de produit chimique** que je ne voudrais pas avoir dans mon assiette! [G]

‘И вот вам прекрасный химический продукт, который я бы не хотел иметь у себя в тарелке!’

b. Il tousse d’**une drôle de façon**. La toux n’a rien d’inquiétant, au contraire. [G]

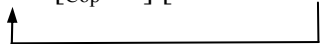
‘Он забавно кашляет. В этом кашле нет ничего пугающего, напротив.’

c. Cette **drôle de famille de vampires**, qui vient de débarquer dans nos librairies, compte déjà quelques fans sur Facebook. [G]

‘Эта забавная семейка вампиров, которая только что появилась в наших книжных, уже имеет несколько фанатов в Фейсбуке.’

В (3.89)-(3.90) мы наблюдаем именные группы необычной структуры: между оценочным прилагательным и существительным находится предлог (*of* в английском, *de* во французском); кроме того, во французских именных группах в (3.90) порядок следования прилагательного и существительного инвертирован (ср. обычные именные группы *le produit chimique charmant* ‘очаровательный химический продукт’, *une façon drôle* ‘странный способ’). Для подобных именных групп в литературе предлагался анализ, согласно которому они получены благодаря инверсии предиката в содержащей связку сложной именной группе, как это представлено в (3.91) (см., в частности, [Kayne 1994; Zamparelli 1995; Moro 1997; Den Dikken 1997, 2006; Bennis et al. 1998]):

(3.91) that [*idiot* [_{cop} of] [a doctor *idiot*]]

‘этот доктор-идиот / идиот доктор’

Идея существования предикативной структуры в некоторых (или во всех) видах именных групп, содержащих прилагательное, так что вершинное имя и прилагательное образуют составляющую, или малую клаузу, предлагалась и для русского языка, см., например, работу Л. Бэбби [Babby 1973/Бэбби 1985; Babby 1975]. Для наших целей принципиальна

возможность такого анализа постпозитивных полных прилагательных, при котором они образуют с существительным предикативную составляющую (3.92a) и затем, возможно, поднимаются из нее (3.92b) либо контролируют в ней нулевую единицу (3.92c) (заметим, что такой анализ сближается с «антисимметричным» анализом относительных клауз, использующим подъем именной вершины из относительного предложения, см. главу 4).

- (3.92) a. [_{ПредP} [человек] Pred [_{AP} решительный]]
 b. [человек]_i [_{ПредP} [~~человек~~]_i Pred [_{AP} решительный]]
 c. [человек]_i [_{ПредP} PRO_i Pred [_{AP} решительный]]

В такой структуре полное прилагательное, будучи предикативным, должно обладать всеми свойствами полных прилагательных в позиции именного сказуемого. Можно предположить, таким образом, что именные группы с предикатной инверсией не являются в действительности «инвертированными», но отражают базовый порядок составляющих в именной группе с предикативной структурой. Инверсия, или подъем предиката, имеет место как раз в именных группах с предикативной дистрибуцией и препозитивным оценочным прилагательным, таких как в (3.93).

- (3.93) a. При этом он сказал, что Кужель «**опытный человек**, но ей никто не давал полномочий это делать от Партии регионов». [Я]
 b. Рядовой Цацкес, как **более опытный человек**, рассудил, что суетиться им ни к чему, лезть на рожон — тоже. [Я]
 c. Только **опытный человек** может правильно пить чай с печеньками. [Я]

Если намеченный анализ верен, то именные группы с препозитивным прилагательным могут иметь различную деривационную историю. В составе обычной ИГ с неограниченной дистрибуцией (3.94a) препозитивное прилагательное порождается слева от существительного — в составе какой-либо из проекций именной группы. В предикативных именных группах (3.94b) прилагательное исходно располагается справа от именной вершины, являясь предикатом в содержащей собственной субъект составляющей. Препозиция прилагательного в такой структуре (3.94c) возникает благодаря подъему предикативного прилагательного, помещающему прилагательное слева от существительного¹⁰⁷.

¹⁰⁷ Указанный подход имеет интересные последствия для анализа полных прилагательных в предикативной позиции. Дело в том, что согласовательные характеристики полных прилагательных, по всей видимости, указывают на необходимость постулировать при предикативных полных прилагательных нулевую именную вершину, контролирующую признаки рода, числа и падежа полного прилагательного (ср., например, анализ в [Pereltsvaig 2001a,b, 2007b]). Однако, если предикативное полное прилагательное представляет собой обычную

- (3.94) а. В чем счастье? На *этот трудный вопрос* грек мог ответить совершенно точно... [Я]
 б. Поскольку сертификация детского питания — это *вопрос трудный*, то и оформление сертификационных документов имеет свою спецификацию. [Я]
 с. Строгость или мягкость? Для многих молодых родителей это *трудный вопрос*. [Я]

Отметим особо, что анализ именных групп с предикатной инверсией, в отличие от анализа именных групп с сортовой инверсией, не предполагает образования сложных вершин, содержащих прилагательное и существительное. В именной группе с предикатной инверсией существительное и прилагательное находятся в собственных проекциях, что косвенно подтверждается способностью таких именных групп к простым и инвертированным разрывам (3.95):

- (3.95) а. А вот насчет измерения — согласен, *трудный* это *вопрос*. [Я]
 б. Мы прекрасно понимаем, что *вопрос* это *трудный*, и мы будем продолжать работу. [Я]

Подведем промежуточные итоги. Мы рассмотрели два типа именных групп с инверсией прилагательного и существительного — с сортовой и предикатной инверсией. Именные группы обоих типов имеют специфическую дистрибуцию, отличающую их от обычных именных групп. Особые свойства этих именных групп мы связали с их внутренней структурой. Для именных групп с сортовой инверсией мы предположили, что они возглавляются особой вершиной — сортовым D, превращающим именную группу в константу типа «вид» и вызывающим последовательное передвижение вершин внутри именной группы, создающее инвертированный порядок следования прилагательных и существительного. Именные группы с предикатной инверсией, по нашим предположениям, не содержат именных функциональных проекций и являются именными группами в узком смысле слова (NP). Группы с постпозитивным прилагательным отражают базовый порядок композиции таких объектов, в то время как препозиция прилагательного является следствием подъема предиката — процесса, независимо обоснованного для некоторого класса именных групп в других языках.

именную группу с нулевой именной вершиной, специфика предикативных полных прилагательных и их отличие от атрибутивных полных прилагательных (тип интерпретации, неспособность к ветвлению и рекурсии) оказываются необъяснимы (отметим, что сходные аргументы против использования нулевой именной вершины в структуре предикативных полных прилагательных высказываются также в [Grashchenkov, Grashchenkova 2007]). Намеченный нами анализ позволяет сохранить предположение о нулевой именной вершине, уточнив его следующим образом: полные прилагательные в предикативной позиции входят в именную группу с «предикатной» структурой.

До настоящего момента мы обсуждали именные группы с инверсией прилагательного и существительного в русском литературном языке. Если для литературного языка «в субстантивных словосочетаниях с прилагательным обычный порядок компонентов — препозиция прилагательного по отношению к существительному» [Русская грамматика 1980: § 2152], то для русского разговорного языка, как отмечается в исследованиях, посвященных порядку слов ([Шведова 1960; Сиротинина 1965/2006; Сиротинина 1974; Ковтунова 1976; Крылова, Хавронина 1976; Земская 1979/1987; Бонно 2008]), постпозиция одиночного прилагательного при именной вершине встречается едва ли не чаще, чем препозиция. Инвертированный порядок компонентов в разговорной речи характерен не только для именных групп, но и для составляющих других типов, ср. пример С.В. Кодзасова [Кодзасов 1993]:

(3.96) Чем будешь завтра заниматься?

- a. (литературный язык): Буду [стирать [грязное белье]].
- b. (разговорный язык): [[Белье грязное] стирать] буду.

В (3.96b) мы наблюдаем инверсию в именной группе (*белье грязное vs. грязное белье*), в глагольной группе (*белье стирать vs. стирать белье*), в аналитической глагольной форме (*стирать буду vs. буду стирать*). Таким образом, инверсия прилагательного и существительного в разговорной речи — это лишь частный случай более общего правила, регулирующего словорасположение в этом регистре языка. Отметим также, что инверсия в составляющей одного типа не требует обязательной инверсии в составляющих других типов, ср. (3.97):

- (3.97) a. Буду стирать белье грязное.
 b. Грязное белье буду стирать.
 c. Грязное белье стирать буду.
 d. Белье грязное буду стирать.

Данные устного подкорпуса НКРЯ показывают, что инверсия прилагательного и существительного в составе именной группы в разговорном языке не ограничена семантическим классом прилагательного (3.98a-c), синтаксической позицией именной группы (3.98d-f), нечувствительна к наличию элементов левой периферии (3.98g), допустима как в составе темы (3.98g-h), так и в узкой и широкой реме (3.98i-k).

(3.98) a. **Печка металлическая** посреди вагона / буржуйка // [Разговор за столом об отъезде родителей из Дальнереченска // Дальневосточный ГУ, База данных «Живая речь дальневосточников», 2009]

b. [Кандидат Цаплин, Василий Уткин, муж, 35, 1972] Господа / я прошу прощения / что вторгаюсь в вашу беседу / но у меня **вопрос важный**. [Олег Фомин и др. День выборов, к/ф (2007)]

c. [Студент1, жен, 21] А / это / вот говорю / в четверг едем покупать **платье свадебное**. [Разговоры знакомых // Из материалов Ульяновского университета, 2007]

d. [Мать, жен] А вот смотри / **канистры железные** // [В хозяйственном магазине // Из материалов корпуса «Один речевой день», подготовленного группой А.С.Асиновского, 2007]

e. Ну лучше скажи / **выплата / страховая** / всегда идёт по / долларовая / по договору // Да? [Дружеское общение, разговор о подруге // ДВГУ, База данных «Речь дальневосточников», 2009]

f. У нее еще **брат старший** есть. [Разговор девушек об изучении языков // Из коллекции Ульяновского университета, 2009]

g. [Любовь, жен, 50] **Носки чистенькие** с батареей сними. [Домашний разговор // Из материалов Ульяновского университета, 2007]

h. [Ольга, жен, 29] То есть когда он посмотрел на эти **фрески великолепные** / ээ... он... это сподвигло его на создание музыкальных уже шедевров. [Рассказ экскурсовода о Пизе (Италия) // практика, 2009]

i. [Татьяна, жен, 43] Да. Мы вчера купили **чемодан большой**. [Разговор о покупках // Из материалов Ульяновского университета, 2007]

j. [Галина, жен, 74] Купила **галстук дорогой** тоже / ну там вот этот мальчик / который / с которым они там это / гуляли там / не гуляли / а ну в смысле прохаживались. [Разговоры дома // Из коллекции Ульяновского университета, 2009]

k. [Надежда, жен, 45] Полностью все поменяла и сантехнику / и мебель / и отопление / и **машинку стиральную** купила. [Домашний разговор (2006)]

Более того, даже идиоматизированные именные группы, состоящие из прилагательного и существительного (*золотая рыбка*), а также идиомы, имеющие в своем составе такие именные группы (*обещать золотые горы*), в разговорной речи допускают инверсию существительного и прилагательного, ср. примеры в (3.99):

(3.99) a. Я **рыбку золотую** поймал!!! Но она в контакт не идет? Может у неё дефект речи? [Я]

b. Остается успокоить себя тем, что эта самая соль — «**смерть белая**». [Я]

c. Попутно отстреливая как тех, кто помнил его в начале пути (а тогда он был так, **жеребчик мышиный**), так и тех, кто мог его продать на Запад или просто подвести в ответственный момент. [Я]

d. Скольким ребятам обещали **горы золотые**, довести до топ-клубов и так далее. [Я]

Таким образом, инверсия существительного и прилагательного в русской разговорной речи принципиально не ограничена, что радикально отличает ее от рассмотренных выше сортовой и предикатной инверсии литературного языка.

Примечательно, что если именная группа содержит более одного прилагательного, то прилагательные в большинстве случаев располагаются в том же порядке, что и в неинвертированной именной группе литературного языка, а не «зеркально», как это происходит в именной группе с сортовой инверсией (ср. (3.100)). Допустима также постпозиция прилагательного при группе, состоящей из вершинного существительного и его дополнения (3.101). Эти факты, как представляется, свидетельствуют о том, что механизм инверсии существительного и прилагательного в разговорной речи отличен от такового у именной группы с сортовой инверсией — существительное (или, вернее, его максимальная проекция, содержащая также дополнения) перемещается на левую периферию именной группы, при том что прилагательные остаются в базовой позиции, как это показано в (3.102).

(3.100)а. [Яна Воробьева, жен, 19] Мне нужен **стол новый компьютерный** / меня этот бесит. [Разговор на рынке // практика, 2008] (ср. новый компьютерный стол)

б. [Муж, муж, 1954] толпой / и посреди / ээ ну посреди комнаты стоит фляга / с молоком / фляга с мёдом / корзина / такие **корзины большие виноградные** / [Разговор за столом о приезде в Крым // Дальневосточный ГУ, База данных «Живая речь дальневосточников», 2009] (ср. большие виноградные корзины)

с. [Лохматый] Там ещё **череп настоящий / человеческий** / похоже / валяется. [Олег Куваев. Масяня, м/ф (2002-2008)] (ср. настоящий человеческий череп)

(3.101)а. Берешь **бутылку из-под колы литровую** (оч.умелые ручки), суешь туда трубочку из радиатора и привязываешь проволокой где-нить слева. [Я]

б. Там еще выложены **фотографии детей прикольные**. [Я]

с. Возникла небольшая идея — вместо «земляного» основания сделать часть брусчатой мостовой с брошенным орудием. Мол, **конец войны самый**. [Я]

(3.102)а. стол [_{XP} новый [_{XP} компьютерный [_{NP} етѳя]]]

б. фотографии детей [_{XP} прикольные [_{NP} фотографии детей]]

Итак, в этом разделе мы рассмотрели три вида инверсии существительного и прилагательного в русском языке: сортовую инверсию, предикатную инверсию и инверсию в разговорной речи. Обнаруживается, что инвертированные именные группы этих типов имеют различную дистрибуцию и различную внутреннюю структуру. Мы предположили, что именные

группы с сортовой инверсией образуются путем последовательного передвижения вершин, вызываемого сортовым D, создающим на основе группы общего имени константы видового типа. Именные группы с предикатной инверсией, напротив, всегда имеют логический тип предиката над индивидами; предложенный нами анализ предполагает, что постпозиция прилагательного в таких группах отражает базовый порядок композиции составляющих, а предикатные именные группы с препозицией прилагательного образуются путем подъема предиката. Наконец, инверсия существительного и прилагательного в разговорной речи имеет неограниченный характер и проявляет синтаксические признаки передвижения групп, а не вершин.

3.2.1.2.2. Инверсия существительного и количественного числительного.

Инверсия существительного и количественного числительного, создающая значение приблизительности ([Русская грамматика 1980: § 2160, § 2207]) получила широкое освещение в формальной литературе под названием аппроксимативной инверсии ([Franks 1994, 1995; Yadroff 1999; Billings, Yadroff 1996; Yadroff, Billings 1998; Billings 1995; Bailyn 2004b; Pereltsvaig 2006a,b; Zaroukian 2010; Иншакова 2014, 2015]). Аппроксимативная инверсия демонстрируется в примерах (3.103):

(3.103)а. [Жена, жен, 1956] вот и получается **лет восемь** они здесь прожили / и вернулись назад / [Разговор за столом о приезде в Крым // Дальневосточный ГУ, База данных «Живая речь дальневосточников», 2009]

б. [Михаил, муж, 49] Лучше потерпи еще **минутки две**. [Разговоры дома; семейные воспоминания // Из коллекции Ульяновского университета, 2009]

с. Зараз уносили в мешке **торфин шесть**, если были сыроваты, **торфин десять**, если сухие. [Александр Солженицын. Матренин двор (1960)]

Аппроксимативная инверсия в русском языке обладает целым рядом нетривиальных свойств. Во-первых, аппроксимативная инверсия встречается преимущественно в контексте структурного падежа (номинатива и аккумулятива, ср. (3.103)); ограниченно допустима аппроксимативная инверсия также в генитивном контексте (ср. (3.104a-b) и недопустимость (3.104c-d):

(3.104)а. [Евгений Миронов, муж, 1966] Оказалось / что это Авангард Николаич Леонтьев / который мучил меня в течение / наверно / **часов двух**. [Евгений Миронов. Интервью с актером Е. Мироновым // Т/к «Культура», декабрь 2006, 2007]

b. [Первый, Сергей Маковецкий, муж, 49, 1958] Кроме одной женщины / которая ехала с ребёнком **лет пяти** / девочкой. [Никита Михалков и др. Двенадцать, к/ф (2007)]

c. *Он был доволен студентами **пятью**.

d. *Он позвонил коллегам **пяти**.

Во-вторых, при аппроксимативной инверсии правые зависимые именной вершины остаются в базовой позиции:

(3.105)a. Набравшись мужества, я вырвал из их сильных музыкальных пальцев **бутылок шесть любимого «Сталинградского» из города Волжский** ... [Владимир Казаков. Алкогольные хроники (1997) // «Столица», 1997.11.24]

b. *Я вырвал из их сильных музыкальных пальцев **бутылок любимого «Сталинградского» из города Волжский шесть**.

В-третьих, неветвящиеся препозитивные прилагательные блокируют аппроксимативную инверсию (примеры из [Pereltsvaig 2007a]):

(3.106)a. специалистов **десять ~~специалистов~~** по русскому синтаксису

b. *специалистов **десять ~~известных специалистов~~** по русскому синтаксису

Учитывая указанные свойства аппроксимативной инверсии, С. Фрэнкс, Дж. Бейлин и А. Перельцвайг развивают анализ, согласно которому аппроксимативная инверсия представляет собой передвижение вершины N в позицию, расположенную выше количественной группы.

Если аппроксимативная инверсия является передвижением вершины, тот факт, что правые зависимые именной вершины не участвуют в инверсии, является вполне ожидаемым. Дихотомия структурных и лексических падежей в отношении аппроксимативной инверсии при таком подходе может быть объяснена различной позицией числительного в синтаксической структуре ([Franks 1994; Bailyn 2004b]): в случае лексических падежей числительное располагается в вершине Q и блокирует инверсию, в то время как в случае структурных падежей вершина Q нулевая, а само числительное находится в спецификаторе данной вершины. Наконец, для объяснения того, что препозитивное прилагательное блокирует аппроксимативную инверсию, привлекается анализ неветвящихся препозитивных прилагательных как вершин, ср. (3.77): препозитивное прилагательное создает «вклинивающуюся» (intervening) вершину, препятствующую передвижению расположенной ниже вершины N.

В рамки предложенного анализа не укладывается единственный факт, связанный с аппроксимативной инверсией в именной группе, вложенной в предложную группу.

Действительно, как убедительно показано в [Yadroff 1999], первообразные предлоги, управляющие винительным или родительным падежом, способны «пропускать» аппроксимативную инверсию:

(3.107)а. **Человек у пятидесяти** были наши винтовки, остальные за два с половиной месяца боев постепенно обросли немецким оружием — винтовками и автоматами. [Константин Симонов. Живые и мертвые (1955-1959)]

б. Но **минут через пятнадцать** я, обеспокоенная тишиной (уроки мы обычно делаем под музыку, так, чтобы гремело на весь дом), снова иду к его комнате. [Елена Павлова. Вместе мы эту пропасть одолеем! // «Даша», № 10, 2004]

Поскольку именная вершина в данных конструкциях оказывается левее предлога, можно заключить, что предлог не блокирует инверсию, хотя и является в рассматриваемой конфигурации «вклинивающейся» вершиной.

Таким образом, анализ аппроксимативной инверсии как передвижения вершин сталкивается с существенными сложностями. Альтернативный анализ, предполагающий, что передвижению подвергается именная группа (ср. [Billings 1995; Billings, Yadroff 1996; Yadroff, Billings 1998; Yadroff 1999; Zaroukian 2010]), не способен объяснить ограничение на передвижение других компонентов именной группы, помимо вершины, в синтаксических терминах (для объяснения привлекается фонологическое ограничение «перемещаемая составляющая должна соответствовать одному фонетическому слову», которое также наталкивается на противоречия эмпирического характера). В качестве дополнительной характеристики аппроксимативной инверсии, говорящей скорее в пользу анализа Фрэнкса-Бейлина-Перельцвайг, чем в пользу анализа Биллингса-Ядрова-Зарукян, можно указать следующий факт: конструкции, подвергшиеся аппроксимативной инверсии, не допускают разрывов, что, как мы видели, характеризует комплексы, возникающие в результате передвижения вершин, а не групп.

(3.108)а. ... в своей жизни он прочел **книг десять** и то в далеком детстве. [Я]

б. **Книг** в своей жизни он прочел **десять**, и то в далеком детстве.

Действительно, (3.108b) не может рассматриваться как разрыв количественной группы, подвергшейся аппроксимативной инверсии, из (3.108a), поскольку не допускает аппроксимативной интерпретации¹⁰⁸.

3.2.1.2.3. Инверсия существительного и элементов левой периферии

Последний структурный тип инверсии в именной группе, который мы рассмотрим, — это инверсия существительного и единиц, которые обычно относят к левой периферии именной группы: указательных местоимений, притяжательных местоимений и притяжательных прилагательных типа *Петин, мамин* (3.109).

(3.109)а. **Фестиваль этот** был вроде турнира, на котором должны были скрестить копья с одной стороны поэты Москвы, с другой — Питера. [Запись LiveJournal (2004)]

б. **Редактор наш** был добродушным человеком. [Сергей Довлатов. Чемодан (1986)]

с. **Жизнь мамина** в последние годы была достаточно одинокой. [И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995-1999)]

¹⁰⁸ При обсуждении аппроксимативной инверсии можно отметить еще один тип идиоматизированных выражений, в которых значение аппроксимации связано с инверсией существительного и числительного, однако не количественного, а порядкового:

(i) а. Однако, денег не платил. Примерно, зайдешь к нему **числа десятого**. Разведет руками, грустно улыбнется. (М. Зошенко)

б. После родов вопреки советам многочисленных «уже рожавших», мне понадобилась не одежда, которую я носила **«месяце на пятом»** беременности, а одежда, которую я носила **классе в восьмом**, настолько я стала маленькой. [Я]

с. А вот помните **году в 95-м** в программе «Доброе Утро» крутили клип, не знаю как называется, там животные по саванне бегут задом наперед. [Я]

В отличие от аппроксимативной инверсии с количественными существительными, в примерах (i), как кажется, не наблюдается асимметрии структурных и лексических падежей: инверсия существительного и порядкового числительного возможна в контексте любого падежа (ср. *датуруй числом десятым vs. *пометь числами десятью, километре на двадцатом пути vs. *километрах на двадцати пути*).

Существование такого рода конструкций, хотя и лексически сильно ограниченных (ср. **(зайдешь) мая десятого, *(остановился) кандидате на пятом*), свидетельствует скорее против анализа аппроксимативной инверсии как передвижения вершин: действительно, порядковое числительное представляет собой препозитивное неветвящееся адъективное зависимое, которое, согласно подходу Фрэнкса-Бейлина-Перельцвайг, не должно «пропускать» именную вершину. Можно было бы предположить, что в конструкции типа *числа десятого* именная вершина передвигается в вершину А, в которой располагается порядковое числительное (как это происходит при сортовой инверсии в анализе Х.Тругман). Однако в таком случае необъяснимы конструкции типа *месяце на пятом*, где порядковое числительное остается *in situ*, а именная вершина оказывается слева от предлога.

Взаимное расположение притяжательного местоимения *мой* и существительного подробно исследовано В.И. Подлесской на материале НКРЯ. Данные В.И. Подлесской показывают следующую картину:

«...соотношение препозиции и постпозиции местоимения чрезвычайно чувствительно к позиции ИГ (<именной группы> — *Е. Л.*) относительно глагола. Если ИГ предшествует глаголу, то постпозиция местоимения встречается примерно в два раза реже, чем препозиция ... Если же ИГ следует за глаголом, то постпозиция местоимения встречается примерно в двадцать (!) раз реже ... Интересно, что соотношение препозиции и постпозиции местоимения получилось для подлежащих и дополнений практически идентичным, при том, что само распределение подлежащих и дополнений по признаку «положение относительно сказуемого» радикально различается: в полном соответствии с базовым порядком слов в русском языке – SOV – в нашей выборке ИГ-подлежащие значительно чаще предшествовали сказуемому, чем следовали за ним ...» ([Подлеская 2011: 2])

Как представляется, характеристика именных групп с подобной инверсией в терминах препозиции/постпозиции относительно глагола может быть уточнена. Мы полагаем, что релевантным в данном случае является не собственно положение именной группы относительно глагола, а ее коммуникативный статус и связанная с этим статусом позиция в предложении. Наши данные показывают, что (за исключением случаев поэтической речи) инверсия существительного и элементов левой периферии именной группы наблюдается, во-первых, в позиции (начальной) темы (ср. примеры (3.109)) и, во-вторых, в позиции начальной ремы (3.110).

(3.110)а. Кто? — холодно спросил Павел Алексеевич. — **Дворничиха наша**, тётя Лиза. [Людмила Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света // Новый Мир, № 8-9, 2000]

б. Знаешь, что я вспомнила? — сказала она.— Как мы жили в Подлескове. Кирке было лет семь. **Избу нашу** вспомнила. [Юрий Трифонов. Предварительные итоги (1970)]

с. Понимаете, люди, которые со мной работали на участке, собираются ночью, после выборов, праздновать окончание этого мероприятия. Они уже там режут колбасу, водку выставили! **Сумку мою** отобрали, чтобы я не уехала! [Артем Тарасов. Миллионер (2004)]

Как кажется, инверсия в теме возможна в любом регистре речи, в то время как инверсия в реме характерна в первую очередь для разговорной речи. Очевидно, это связано с общими закономерностями словорасположения в разговорном русском языке, основной тенденцией которого, по словам Е. А. Земской, можно считать тенденцию «...помещать в начало

высказывания то, что наиболее важно для сообщения. Говорящий начинает речь с главного, наиболее существенного элемента сообщения» [Земская 1979/1987: 149]. Естественно, что при такой организации высказывания на левой периферии предложения оказывается рема, а остальной материал предложения образует тему (или вторую рему, подробнее см. [Янко 2001]).

Таким образом, наша гипотеза состоит в том, что инверсия существительного и элементов левой периферии именной группы происходит в коммуникативно выделенной позиции начала предложения. В письменной литературной речи это позиция темы (или одной из нескольких тем, ср. (3.111)), в то время как в разговорной речи именные группы в этой позиции часто является ремой.

(3.111)а. {_T Родителей[↗] моих} {_T в тот вечер[↗]} дома не[↘] было. [Анна Ларина (Бухарина). Незабываемое (1986-1990)]

б. {_T До революции[↗]} {_T родители[↗] мои} были крестьяне-средняки[↘], занимались сельским хозяйством[↘]. [Василий Белов. Плотницкие рассказы (1968)]

Чрезвычайно характерно, что инвертированные ИГ в тематической позиции могут содержать частицы *–то* и *–же* – маркеры темы:

(3.112)а. **Дворик-то** этот был тем и хорош, что всегда был пуст. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929-1940)]

б. **Парнишка-то твой** не учится, даже семилетку не кончил... [В. Ф. Панова. Кружилиха. Роман (1947)]

с. А Милентий Егорович, **отец-то мамин**, первый по расчисткам в Русихе был. [Я]

д. **Девушка же эта**, несмотря на неприступный балетно-испанский вид, а может быть, именно благодаря этому, была добра, сострадательна даже к малой чужой тревоге и боли. [Марк Зайчик. Долг Карабаса // «Звезда», 2001]

е. **Постановки же Ваши** имеют соприкосновение только со мной и Юрием Львовичем, так что никаких официальностей не требуется. [Н. Н. Евреинов и др. Переписка (1928-1939)]

Связь такого рода инверсии с определенной коммуникативной позицией в рамках всего предложения отмечается в работах Ф.Р. Минлоса ([Минлос 2008, 2010, 2011; Minlos 2012]), посвященных порядку слов в именной группе в русских средневековых памятниках. Автор указывает, что тенденция к постпозиции местоименных атрибутов, обнаруженная им на материале Виленской летописи, «... имеет аналогию в современном русском языке. Постпозиция атрибутов (обычно местоименных) в современном языке нормальна только в именных группах, стоящих в начале предложения, в предглагольной тематической позиции...»

[Минлос 2011: 215]. Таким образом, инверсия существительного и элементов левой периферии может быть условно определена как тематическая (при этом следует иметь в виду, что в разговорной речи она происходит в позиции не только начальной темы, но и начальной ремы).

Вопрос о типе передвижения при тематической инверсии представляет существенную сложность. Действительно, имеет место тенденция к препозиции одиночного существительного, однако и одновременный вынос правых зависимых существительного, и их позиция *in situ*, как кажется, сомнительны:

(3.113)а. ?двоюродный брат мамин vs. ?брат мамин двоюродный

б. ?фотографии детей эти vs. *фотографии эти детей

с. ?специалисты по синтаксису наши vs. ?специалисты наши по синтаксису

Итак, мы рассмотрели несколько видов инверсии в русской именной группе, исходя из категориальных характеристик элементов, подвергающихся инверсии. Эти виды различаются своим вкладом в интерпретацию именной группы, синтаксическими свойствами (передвижение вершин vs. передвижение групп, возможность разрывов), регистром речи, наличием взаимосвязи с коммуникативной структурой всего предложения. В следующем разделе мы покажем, что различные виды инверсии в русской именной группе по-разному ведут себя в отношении такого параметра, как выбор акцентоносителя в инвертированной конструкции.

3.2.1.3. Выбор акцентоносителя в инвертированной именной группе

Вопросу о правилах акцентуации именной группы (и — шире — различных типов составляющих в русском языке) посвящены классические работы [Ковтунова 1976; Николаева 1982; Падучева 1989; Кодзасов 1996а, 1996б; Янко 2001]. Проблема выбора акцентоносителя решена в виде системы правил, определяющих, какой из компонентов коммуникативно нерасчлененной (то есть выступающей как единая коммуникативная составляющая) именной группы получает фразовый акцент. Эти правила апеллируют к синтаксической структуре именной группы. В наиболее общем виде их можно сформулировать следующим образом: в качестве акцентоносителя выбирается самый «вложенный» (и тем самым крайний правый) компонент (аналогичные правила, с точностью до направления ветвления, действуют и в других языках, см. [Selkirk 1984, 2011; Cinque 1993; Truckenbrodt 1999, 2006]). Некоторые примеры приводятся в (3.114) (в соответствии с нотацией [Truckenbrodt 2006], (главный) акцентоноситель группы выделен двойным подчеркиванием, дополнительный акцент — одинарным подчеркиванием).

- (3.114)а. [этот [поезд]]
 б. [наш [вечерний [поезд]]]
 с. [мамин [брат]]
 д. [мамин [старший [брат]]]
 е. [брат [Васи]]
 ф. [поезд [из [Саратова]]]
 г. [пять [специалистов]]
 h. [пять [специалистов [по [русскому [синтаксису]]]]]

Т. Е. Янко [Янко 2008а, 2009, 2010], сопоставляя правила акцентуации в обращениях с базовыми правилами акцентуации, специально отмечает, что выбор акцентно выделенного слова не в обращениях зависит от синтаксической структуры предложения или словосочетания и не зависит от порядка слов. Е. В. Падучева [Падучева 1989, 2008, 2012] в этой связи различает исходные структуры — те, в которых выбор акцентоносителя (а значит, и синтаксическая структура) соответствует порядку слов, и производные, с инвертированным порядком слов, хотя и с тем же значением, с той же синтаксической и даже коммуникативной структурой.

Учитывая сказанное, можно было бы ожидать, что инверсии в именной группе не должны влиять на выбор акцентоносителя: для всех типов инверсии ожидается появление акцента на том компоненте именной группы, который является самым глубоко вложенным, а значит, крайним правым в неинвертированной конструкции.

Обнаруживается, однако, что инвертированные именные группы ведут себя по-разному в отношении выбора акцентоносителя. Далее в этом разделе мы будем пользоваться следующей описательной моделью. Будем рассматривать неинвертированную конструкцию с базовым порядком слов $X Y$ (3.115а) и инвертированную конструкцию, полученную в результате передвижения компонента Y влево (3.115б). Будем исходить из того, что в неинвертированной конструкции действуют базовые правила выбора акцентоносителя; таким образом, в неинвертированной конструкции (3.115а) акцентироваться должен компонент Y . Если в инвертированной конструкции (3.115б) акцентоносителем по-прежнему будет являться компонент Y , будем говорить, что выбор акцентоносителя произошел до передвижения (что соответствует тезису Т. Е. Янко о том, что порядок слов не влияет на выбор акцентоносителя или, в терминах Е. В. Падучевой, что образуется структура, в которой выбор акцентоносителя не соответствует порядку слов). Если же в (3.115б) акцентоносителем окажется компонент X , будем говорить, что выбор акцентоносителя произошел после передвижения, когда наиболее глубоко вложенным фонологически выраженным компонентом именной группы оказался X , и

именно он был выбран в качестве акцентоносителя согласно базовому правилу акцентуации составляющих в русском языке.

(3.115)a. [X [Y]]

b. [Y [X [~~Y~~]]]

В именной группе с сортовой инверсией акцентоносителем является последнее прилагательное (ср. примеры в (3.116)). Таким образом, выбор акцентоносителя происходит уже после передвижения, в производной структуре (3.117). Если опираться на анализ сортовой инверсии как передвижения вершин, можно считать, что выбор акцентоносителя в синтаксически сложной вершине аналогичен выбору ударного компонента в сложных словах (3.118), предположительно полученных в результате инкорпорации исходно правого зависимого, которое традиционно анализируется в синтаксисе как передвижение вершин ([Travis 1984; Baker 1988]).

(3.116)a. шалфей мускатный

b. скрепки канцелярские

c. расширитель хирургический малый

(3.117) [_{sortal-DP} [_N расширитель]+[_A хирургический]+[_A малый]+_{sortal-D} [_{AP} [_N расширитель]+[_A хирургический]+[_A малый] [_{AP} [_N расширитель]+[_A хирургический] [_{NP} [_N расширитель]]]]]]

(3.118)a. свежезамороженный (← заморозили свежим)

b. самолетостроение (← строят самолеты)

Иначе устроен выбор акцентоносителя в именной группе с предикатной инверсией. Если исходить из того, что в именной группе *вопрос трудный* из примера (3.119b) прилагательное образует постпозитивное зависимое (3.120b), оно должно стать акцентоносителем по общим правилам. В именной группе с подъемом предиката (3.119c)-(3.120c) прилагательное по-прежнему оказывается акцентоносителем, что можно интерпретировать как выбор акцентоносителя до передвижения. В (3.119a) – обычной именной группе — прилагательное исходно препозитивное (3.120a), поэтому акцентоносителем оказывается именная вершина.

(3.119)a. В чем счастье? На [этот трудный вопрос] грек мог ответить совершенно точно... [Я]

b. Поскольку сертификация детского питания — это [вопрос трудный], то и оформление сертификационных документов имеет свою спецификацию. [Я]

c. Строгость или мягкость? Для многих молодых родителей это [трудный вопрос]. [Я]

- (3.120)a. [_{DP} (ЭТОТ) [[_{AP} трудный [_{NP} вопрос]]]]
 b. [_{NP} [вопрос]_i] [_{PredP} [~~вопрое~~]; Pred [_{AP} трудный]]]
 c. [_{NP} [_{AP} трудный]_j] [вопрос]_i] [_{PredP} [~~вопрое~~]; Pred [_{AP} трудный]_j]]]

Известный факт об именных группах с постпозицией прилагательного в русской разговорной речи состоит в том, что постпозиция прилагательного не влияет на выбор акцентоносителя (ср., напр., [Русская грамматика 1980: § 2156; Бонно 2008]). Как показывают примеры в (3.121), акцентуируется тот компонент именной группы, который в базовой структуре является самым глубоко вложенным. На примере (3.121c) особенно хорошо заметно, что для правильного выбора акцентоносителя необходима информация о синтаксической структуре именной группы: действительно, правило постановки акцента нельзя сформулировать ни в терминах «последнее знаменательное слово», ни в терминах «именная вершина». Инвертированные именные группы в русской разговорной речи акцентуируются так, как если бы акцентоноситель был выбран по общим правилам до передвижения (ср. анализ в (3.122)).

- (3.121)a. Скольким ребятам обещали горы золотые...
 b. Мне нужен стол новый компьютерный...
 c. Там еще выложены фотографии детей прикольные.

- (3.122)a. [стол]_i] [_{AP} новый [_{AP} компьютерный [_{NP} стол]_i]]]
 b. [фотографии детей]_i] [_{AP} прикольные [_{NP} фотографии детей]_i]]]

Дополнительные примеры на инверсию существительного и прилагательного в русской разговорной речи, заимствованные из Корпуса рассказов о сновидениях ([Кибрик, Подлеская 2009]), подтверждают наш тезис: акцентоноситель выбирается в базовой структуре, до передвижения (ударный гласный акцентоносителя обозначается в принятой в Корпусе нотации подчеркиванием).

- (3.123)a. [030z] 39.5 21. ... (0.7) вот эээ(0.5) ... (0.1) \-прибо-оры разные столо - овые...
 b. [031z] 0.0 1. Там была' ... (0.2) пло= ... (0.3) /площадка ... (0.6) \танцевальная ,
 c. [043z] 2.9 3. что /я нашла свой ^тапочек ... (0.1) \белый.
 d. [056z] 9.4 9. ... (0.4) ^Ну-у /одела там /юбку короткую ,
 e. [109п] 11.1 8. там значит /свет такой \таинственный горит...

Показательно, что позиция акцентоносителя позволяет различить внешне сходные именные группы с постпозицией прилагательного (3.124): в (3.124a), где акцентоносителем выступает прилагательное, мы имеем дело с сортовой инверсией, а в (3.124b), где акцент

расположен на именной вершине — с инверсией существительного и прилагательного в разговорной речи.

(3.124)а. козел африканский (сортовая инверсия, вид козла)

б. козел африканский (инверсия в разговорной речи, напр., инвектива)

Выбор акцентоносителя в именной группе с аппроксимативной инверсией происходит в уже инвертированной конструкции (ср. (3.125)-(3.126) и примеры из Корпуса рассказов о сновидениях в (3.127)). Этот факт объединяет именные группы с аппроксимативной и сортовой инверсией и может служить косвенным свидетельством того, что их деривация происходит сходным образом. Если сортовая инверсия — это передвижение вершин, то появляется дополнительный аргумент в пользу анализа через передвижение вершин для аппроксимативной инверсии.

(3.125)а. В своей жизни он прочел книг десять...

б. специалистов десять по синтаксису

(3.126)а. специалистов [десять ∅_Q [специалистов]]

б. специалистов [десять ∅_Q [специалистов [по синтаксису]]]

(3.127)а. [029z] 43.0 22. что «Мы сейчас /придём через ..(0.3) минут \u0026amp;#x201c;десять.\u0026amp;#x201d;»

б. [090n] 189.4 123. ... (0.5) У /меня /оставалось /минут –пятнадцать.

Наконец, при тематической инверсии акцентоносителем является инвертированное существительное (ср. (3.128)-(3.130)), а значит, выбор акцентоносителя происходит до передвижения. Следует заметить, что, хотя большинство элементов левой периферии ведут себя как клитики, притяжательные прилагательные, также участвующие в тематической инверсии, фонетически самостоятельны, а значит, в принципе могли бы претендовать на роль акцентоносителя. Тем не менее, при тематической инверсии они лишены акцента, а значит, наше обобщение верно.

(3.128)а. Родители ↗ мои были крестьяне-середняки ↘.

б. Жизнь ↗ мамина в последние годы была достаточно одинокой ↘.

с. Сумку ↘ мою отобрали₀!

(3.129) жизнь [мамина [жизнь]]

(3.130)а. [106n] 16.8 8. 'и-и ..(0.2) чего-то ..(0.2) /'оттуда п= ..(0.2) появился-а ''

(0.2) з= \змей этот.

- b. [125n] 119.1 80. ... (0.6) {ЧМОКАНЬЕ 0.2} стеклянное /—здание,
 121.1 81. как я так \понимала-а,
 122.2 82. ... (0.3) /—университет мой,

Следует отметить еще одно важное последствие тематической инверсии: пост-акцентные компоненты инвертированной именной группы создают (или присоединяются к) атонической второй позиции в предложении, как она определяется в [Янко 2001]. Рассмотрим примеры в (3.131), размеченные в соответствии с нотацией, принятой в работах Т. Е. Янко. В (3.131a) в примере с неинвертированной начальной тематической именной группой предложение не содержит атонических составляющих. В (3.131b) начальная именная группа подверглась тематической инверсии, в результате которой в предложении возникла вторая атоническая позиция. Пример (3.131c) демонстрирует частотный в разговорной речи вынос ремы влево, при котором зарематическая группа подвергается атонированию (ср. [Светозарова 1982, 1993]). В этом контексте в рематической именной группе также возможна инверсия существительного и элементов левой периферии, при которой в самой именной группе создается атонический материал, примыкающий к атоническому материалу предложения. Наконец, сомнительность инверсии в конечной реме (3.131d-e), на наш взгляд, говорит о том, что если атонический материал, возникающий в результате инверсии в именной группе, не приближает предложение к «акцентному идеалу» (акцентно выделенная составляющая — атонические составляющие — акцентно выделенная составляющая), то необходимость в инверсии отпадает.

- (3.131)a. Мою сумку ↗ отобрали ↘.
 b. Сумку ↗ мою₀ отобрали ↘.
 c. Сумку ↘ ↘ мою₀ отобрали₀!
 d. ??? Отобрали ↗ сумку ↘ мою₀.
 e. Отобрали ↗ мою сумку ↘.

Сходные мысли высказывает в своих недавних работах Е. В. Падучева. Она пишет: «...есть основания считать, что принцип расположения слов в теме и в реме не одинаков: у ремы акцентоноситель действительно тяготеет к концу, а что касается темы, то в ней скорее акцентоноситель тяготеет к началу составляющей» [Падучева 2012: 2]. Реализацией этого принципа Е.В. Падучева считает левый сдвиг акцента в тематической составляющей, а также тот факт, что «...составляющая-рема, если она находится в инициальной позиции, тоже склонна к левому сдвигу акцента» [там же]. Понятно, что обеспечить левый сдвиг акцента в именной группе можно в том числе и при помощи инверсии, передвигающей акцентоноситель влево.

Таким образом, тот факт, что тематическая инверсия происходит в начальной (то есть пред-атонической) позиции в предложении, представляется неслучайным. Более того, можно считать создание атонической позиции движущей силой тематической инверсии. Если это предположение верно, то тематическая инверсия не может быть определена локально, только в контексте именной группы, подвергающейся инверсии: для формулировки соответствующего правила необходимо привлекать информацию о коммуникативной структуре всего содержащего данную именную группу предложения. Тематическая инверсия, таким образом, может быть отнесена к феноменам, описываемым не-локальными правилами в терминологии [Циммерлинг 2008].

Итак, мы рассмотрели правила выбора акцентоносителя в инвертированных именных групп. Мы обнаружили, что в случае сортовой и аппроксимативной инверсии акцентоноситель выбирается в уже инвертированной именной группе, в то время как в других случаях инверсия не влияет на выбор акцентоносителя. Таким образом, мы наблюдаем два типа инверсии в русских именных группах — меняющие акцентоноситель и сохраняющие акцентоноситель. Данная дихотомия ортогональна категориальной классификации инверсии: действительно, инверсии существительного и прилагательного могут относиться как к типу сохраняющих акцентоноситель (предикатная инверсия, инверсия в русской разговорной речи), так и к типу меняющих акцентоноситель (сортовая инверсия). Возможно ли сохранить базовые правила выбора акцентоносителя в именной группе так, чтобы они распространялись и на инвертированные именные группы, какой феномен стоит в действительности за двумя типами инверсии применительно к выбору акцентоносителя и какие следствия эти результаты имеют для дискуссии о структуре именной группы в русском языке — об этом пойдет речь в следующем разделе.

3.2.1.4. Инверсии и синтаксическая структура именной группы

Представляется, что можно выдвинуть как минимум две гипотезы, предсказывающих наличие двух акцентных типов инверсии именных групп.

Первая гипотеза, которая уже высказывалась в этой статье, состоит в том, что разница между двумя типами инверсии сводится к дихотомии видов передвижения, задействованных при инверсии: передвижение вершин *vs.* передвижение групп. Мы уже видели, что сортовая и аппроксимативная инверсии — как раз те инверсии, которые относятся к типу меняющих акцентоноситель, — проявляют свойства передвижения вершин: дополнения и другие правые зависимые вершины остаются *in situ*, а образующийся в результате инверсии комплекс оказывается неразрывным. Можно предположить, что при передвижении вершин выбор

акцентно-маркированного компонента образующейся сложной вершины устроен так же, как выбор ударного компонента в сложном слове (ср. (3.132)), и, таким образом, базовые правила выбора акцентоносителя в композициональной именной группе к именованным группам с сортовой и аппроксимативной инверсией неприменимы.

- (3.132) а. взрывопожаробезопасный
 б. двухсопятидесятистраничный
 с. двести пятьдесят шесть

С другой стороны, сохраняющие акцентоноситель инверсии: предикатная, тематическая, инверсия существительного и прилагательного в разговорной речи — проявляют скорее свойства передвижения групп: передвигающееся существительное способно увлекать за собой свои правые зависимые, а образующаяся инвертированная именная группа не является синтаксически ригидной и может подвергаться разрывам. Если сохраняющие акцентоноситель инверсии основаны на передвижении групп, то можно считать, что при передвижении групп акцентоноситель выбирается на основании исходной синтаксической структуры, то есть фонология при выборе акцентоносителя учитывает самую нижнюю копию группы, хотя и озвучивает при этом верхнюю. Такое предположение позволяет сохранить обобщения Т. Е. Янко и Е. В. Падучевой о релевантности исключительно структурных факторов и нерелевантности порядка слов для выбора акцентоносителя.

Обсуждаемый анализ представлен на Схеме 3.1.

Схема 3.1. Анализ инверсий в терминах передвижения вершин и групп

Инверсия, меняющая акцентоноситель:

X+ <u>Y</u>	...	~~X~~
очиток+ <u>едкий</u>		~~очиток~~
часа+ <u>два</u>		~~часа~~

Инверсия, сохраняющая акцентоноситель

<u>XP</u>	...	Y	...	~~XP~~
<u>сложный</u>		вопрос		~~сложный~~
<u>фотки</u>		прикольные		~~фотки~~
<u>жизнь</u>		мамина		~~жизнь~~

Другая, более общая гипотеза состоит в том, что исследованные нами инверсии происходят на разных уровнях — синтаксическом и постсинтаксическом. В случаях, когда акцентоноситель выбирается после передвижения, передвижение происходит в синтаксическом компоненте. «На вход» фонологического компонента поступает уже инвертированная именная группа, и фонология определяет в ней акцентоноситель по общим

правилам — выбирает в качестве акцентоносителя самую глубоко вложенную составляющую инвертированной структуры. Если же передвижение не влияет на выбор акцентоносителя, можно предположить, что фонология получает неинвертированную именную группу, выбирает в ней акцентоноситель и после этого производит передвижение.

Схема 3.2. Анализ инверсий в терминах синтаксического и фонологического передвижения

Инверсия, меняющая акцентоноситель

синтаксис	Y ... X	едкий <u>очиток</u>
синтаксис	X ... Y ... ~~X~~	очиток едкий ~~очиток~~
фонология	X ... <u>Y</u> ... ~~X~~	очиток <u>едкий</u>

Инверсия, сохраняющая акцентоноситель

синтаксис	Y ... X	мамина <u>жизнь</u>
фонология	Y ... <u>X</u>	мамина <u>жизнь</u>
фонология	<u>X</u> ... Y ... <u>X</u>	<u>жизнь</u> мамина <u>жизнь</u>

Такое видение передвижений имеет очевидные теоретические следствия. Инверсии, влияющие на выбор акцентоносителя, происходят в синтаксическом компоненте и вследствие этого влияют на синтаксические свойства и интерпретацию производных именных групп. Инверсии, сохраняющие акцентоноситель, происходят в постсинтаксическом (фонологическом) компоненте. Этот тип передвижения невидим для синтаксического и семантического компонентов и, следовательно, не оказывает влияния на синтаксические свойства и интерпретацию инвертированной именной группы. Указанное следствие находит эмпирические подтверждения в поведении различных типов инвертированных именных групп: действительно, именно те типы инверсии, которые несут семантическую нагрузку и накладывают ограничения на синтаксическое поведение именной группы (сортовая инверсия, аппроксимативная инверсия), при данном подходе оказываются синтаксическими.

Таким образом, дихотомия правил выбора акцентоносителя в инвертированной конструкции приводит нас к выводу, что по меньшей мере часть инверсий в русской именной группе происходит в «узком» синтаксисе, причем, возможно, механизмом таких инверсий является передвижение вершин. Из этого с необходимостью следует, что именная группа в русском языке должна представлять собой иерархически организованную систему именных проекций. Последовательный анализ разных видов инверсии в «плоской» структуре именной группы, при наличии единственной проецирующей зависимые лексической вершине N (как это предлагается в [Bošković 2005] и последующих работах), очевидно, теоретически невозможен.

В следующем разделе мы обратимся к еще одному феномену, увязывающему вариативный порядок слов и возможности интерпретации в русской именной группе. Речь

пойдет о зависимости сферы действия адъективных операторов, от их вариативной позиции в структуре именной группы

3.2.2. Линейная позиция и сфера действия операторов

В рамках данного раздела будет предложен новый аргумент в пользу единого устройства семантико-синтаксического интерфейса в артиклевых и безартиклевых языках, отображающего разные (и композиционально организованные) типы семантической информации в разные (и иерархически организованные) уровни синтаксической структуры¹⁰⁹. Аргумент базируется на синтаксических свойствах и интерпретационных возможностях особого типа прилагательных, которые мы объединяем в класс адъективных операторов. К адъективным операторам мы относим прилагательные в превосходной степени (суперлативы), порядковые прилагательные разных типов, а также прилагательное *единственный*. Будет показано, что предложения, содержащие такие прилагательные, демонстрируют регулярную многозначность. Эта многозначность связана с возможностями скрытого выдвигания оператора из состава именной группы. Ограничения на доступность ряда интерпретаций, в артиклевых языках связываемые с «барьерными» функциями проекции DP, обнаруживаются и в русском языке, что предположительно свидетельствует о едином синтаксическом устройстве именных групп артиклевых и безартиклевых языков.

Изложение организовано следующим образом. В разделе 3.2.2.1 обосновывается выделение класса адъективных операторов во внутриязыковом и межъязыковом аспектах, исследуются свойства, отличающие эти единицы от других типов прилагательных. Раздел 3.2.2.2 посвящен интерпретационным возможностям предложений, содержащих адъективные операторы, в русском языке. В разделе 3.2.2.3 обсуждается теория подъема оператора, предлагаемая для английских суперлативных конструкций. Наконец, раздел 3.2.2.4 содержит обсуждение русского материала и показывает, что эмпирические данные получают принципиальное объяснение, если предположить, что в русском языке референциальная семантика также получает синтаксическую репрезентацию.

3.2.2.1. Адъективные операторы

В предшествующей литературе уже отмечалось, что с семантической и синтаксической точки зрения класс прилагательных неоднороден и что некоторые элементы из класса прилагательных по своему поведению заметно отличаются от остальных. В первую очередь это связано с их способностью при вхождении в состав именной группы создавать различные

¹⁰⁹ Изложение основывается на работах [Лютикова 2008; Ионова, Лютикова 2015]

прочтения, что наиболее подробно рассматривалось на примере прилагательных в превосходной степени (суперлативов) английского языка (см. [Heim 1985, 1999; Szabolcsi 1986; Gawron 1995]). Так, например, И. Хайм отмечает, что на вопрос (3.133), в зависимости от выбранного прочтения, можно получить два разных ответа:

(3.133)— Who wrote the **largest** prime number on the blackboard?

‘Кто написал на доске самое большое простое число?’

a. — Никто, конечно. Не существует самого большого простого числа!

b. — Джон. Только его число было больше 100.

В случае (3.133a) между собой сравниваются все простые числа, из которых требуется выбрать наибольшее, а его, как известно, не существует. В (3.133b) сравнение осуществляется между индивидуумами по величине написанных ими простых чисел. Найти самое большое среди этих чисел уже возможно, и ответ (3.133b) абсолютно допустим.

Вслед за работой [Лютикова 2008], где используется термин «прилагательное ряда», мы объединяем все прилагательные, вызывающие неоднозначность такого рода, в класс адъективных операторов. В русском языке в его состав входят:

- (a) аналитические формы превосходной степени прилагательных, образуемые при помощи слова *самый*: *самый пушистый*, *самый удачный*, *самый добрый* и т.п.;
- (b) немногочисленные формы превосходной степени с префиксом *наи-* (и без суффикса – *ейш / -айш*): *наибольший*, *наименьший*, *наихудший*, *наилучший*, *наинизший*, *наивысший*;
- (c) прилагательные с суперлативной семантикой, формально не являющиеся суперлативами (лексические суперлативы): *максимальный*, *минимальный*;
- (d) порядковые прилагательные (или порядковые числительные) в традиционном смысле термина, т.е. слова, «называющие отношение к числу и определяющие положение предмета в порядке счета» [Русская грамматика 1980: § 1294]: *первый*, *второй*, *двадцать второй*, *двухсотый* и т.д.;
- (e) другие прилагательные, также определяющие положение предмета в некотором упорядоченном (либо частично упорядоченном) множестве: *следующий*, *предыдущий*, *очередной*, *последний* ;
- (f) прилагательное *единственный*.

Для элементов классов (a)-(c) в [Ионова, Лютикова 2015] используется название «суперлатив» или «прилагательное в форме превосходной степени», а элементы классов (d)-(e) называются порядковыми прилагательными. Здесь мы также будем следовать этой терминологической системе.

Несмотря на очевидное сходство суперлативов с порядковыми прилагательными, последние часто не учитываются в семантических исследованиях суперлативов. То же можно сказать и про прилагательные типа *only* / *единственный*. Лишь в нескольких работах все эти прилагательные рассматриваются как единый класс [Bhatt 2002, 2006; Лютикова 2008; Vylinina et al. 2014]. Например, в [Bhatt 2006] отмечается, что именно эти три класса прилагательных разрешают немодальную интерпретацию инфинитивных относительных клауз в английском языке (3.134a), при том что в остальных случаях такая интерпретация недоступна, ср. (3.134b):

(3.134)a. the first / only / tallest man to walk on the moon

‘первый / единственный / самый высокий человек, ступивший на Луну’

b. the man to fix the sink

i. #‘человек, починивший раковину’

ii. ‘человек, который должен починить раковину’

Все адъективные операторы обладают рядом синтаксических особенностей, позволяющих выделить их из класса прилагательных на основании дистрибутивного критерия (некоторые из них отмечены в [Лютикова 2008]).

Во-первых, адъективные операторы могут занимать разные позиции внутри именной группы по отношению к другим элементам, модифицирующим существительное. В целом, возможные варианты их линейной позиции можно изобразить следующим образом:

(3.135) $Qu (^?A_{OP}) Dem (A_{OP}) Poss (A_{OP}) Num (A_{OP}) A^* (A_{OP}) N^{110}$

Как видно из (3.135), возможные позиции адъективных операторов не ограничиваются определенной именной проекцией:

(3.136)a. эта единственная фраза	a'. ?единственная эта фраза
b. папино первое письмо	b'. первое папино письмо
c. две самые яркие страницы	c'. самые яркие две страницы
d. торопливые последние слова	d'. последние торопливые слова

Инвертированный порядок следования элементов именной группы, при котором адъективный оператор располагается перед указательным местоимением (3.136a), встречается

¹¹⁰ Здесь A_{OP} – адъективный оператор, Qu – кванторное слово, Dem – указательное местоимение, $Poss$ – притяжательное местоимение или прилагательное (референтное), Q – числительное, A – прилагательное, N – существительное. Символ «*» обозначает возможность рекурсии; линейная иерархия именной группы приводится в соответствии с [Rapaport 1998].

довольно редко (в НКРЯ найдено 12 релевантных примеров, при том что на обратный порядок — более 2300). Именные группы в (3.136d-d') явно отличаются друг от друга по значению, так как различаются между собой упорядоченные множества, из которых выбирает элемент порядковое прилагательное (*слова vs. торопливые слова*). В случаях типа (3.136с-с') порядок следования модификаторов влияет (или может влиять) на референцию именной группы: во втором случае между собой сравниваются, по-видимому, не просто страницы, а пары страниц¹¹¹. Самым интересным оказывается случай (3.136b-b'), где без ощутимых денотативных различий в семантике именной группы адъективный оператор может оказываться как справа, так и слева от притяжательного прилагательного или местоимения. Как будет показано ниже, такие конструкции примечательны и с точки зрения возможных прочтений, вызываемых адъективными операторами.

Во-вторых, к синтаксическим особенностям, свойственным суперлативам, порядковым прилагательным и прилагательному *единственный*, относится их способность употребляться в элективных конструкциях. Помимо адъективных операторов, такая дистрибуция характеризует кванторные слова и числительные, но не обычные прилагательные:

(3.136)а. первый / самый умный / единственный из студентов

б. каждый / многие / некоторые из профессоров

с. один / трое / несколько из рецензентов

д. *хороший / *дорогие / *детские из врачей

В-третьих, адъективные операторы могут возглавлять именную группу, присоединяющую относительное предложение с релятивизатором-вопросительным местоимением. Такое поведение свойственно указательным местоимениям и кванторным словам, но не обычным прилагательным:

(3.137)а. последнее / самое интересное / единственное, что удалось узнать

б. все / каждый / многие / те, кто пришел заранее

с. *умные / *успешный, кто получил диплом

В-четвертых, адъективные операторы могут лицензировать некоторые чувствительные к полярности / веридикативности элементы, а именно местоимения и наречия на *-либо*, употребляемые в относительной клаузе. Это свойство также присуще кванторным словам:

¹¹¹ См. об этом подробнее в [Scontras 2009]. Семантика суперлативов во множественном числе рассматривается, например, в [Stateva 2005; Fitzgibbons, Sharvit, Gajevsky 2009].

- (3.138)а. единственный / последний человек, который когда-либо сталкивался с Олегом
 б. каждый / ни один человек, который когда-либо сталкивался с Олегом
 с. *хороший человек, который когда-либо сталкивался с Олегом

Наконец, в-пятых, выделить адъективные операторы в отдельный класс позволяют и факты сочинения: адъективные операторы крайне редко используются в сочинительных конструкциях с другими прилагательными (и во многих случаях грамматичность таких примеров можно поставить под сомнение), тогда как сочинение нескольких адъективных операторов вполне приемлемо:

- (3.139)а. последний и самый интересный проект
 а'. *последний и интересный проект
 б. единственный и самый драгоценный дар
 б'. *единственный и драгоценный дар

С семантической точки зрения три класса адъективных операторов также обладают рядом общих свойств. Часто элемент некоторого множества, обладающий наибольшей степенью проявления признака, мы можем назвать как прилагательным в превосходной степени, так и «крайними» порядковыми прилагательными (*первый* или *последний*), ср. пример из [Ионова, Лютикова 2015]:

- (3.140)а. Он добрался до Москвы **самой ранней** электричкой и оказался первым перед еще запертой дверью сберкассы. [Эмма Герштейн. Лишняя любовь (1985-2002)]
 б. Он добрался до Москвы **первой** электричкой и оказался первым перед еще запертой дверью сберкассы.

Общность семантики адъективных операторов определяется тем, что все они обращаются к так называемому классу сравнения — множеству, элементы которого сравниваются между собой. Так, в примере (3.140) в класс сравнения входят электрички, идущие до Москвы из некоторого очевидного из контекста места. Все рассматриваемые нами прилагательные указывают на какой-либо один элемент этого множества. Прилагательные в превосходной степени задают свойство, по которому на множестве устанавливается отношение порядка, и выбирают элемент, обладающий максимальной степенью проявления этого свойства. В случае порядковых прилагательных элементы класса сравнения упорядочиваются на некоторой контекстуально заданной шкале, и прилагательное выбирает элемент, занимающий на этой шкале *n*-ю позицию. Собственно, отличие между суперлативом и порядковым прилагательным только в том, что в случае суперлатива тип шкалы определяется

лексическим значением прилагательного, а в случае порядкового прилагательного не фиксирован и выбирается в соответствии с контекстом; при этом, конечно, наиболее естественный кандидат в отсутствие особых указаний в контексте — это временная шкала. Прилагательное *единственный* утверждает, что в класс сравнения попадает ровно один элемент.

По сути, различия между возможными прочтениями предложений с адъективными операторами, к анализу которых мы переходим, сводятся к различиям между классами сравнения, релевантными в каждом случае.

3.2.2.2. Интерпретации предложений с адъективными операторами

Рассмотрим предложение (3.141), демонстрирующее регулярную неоднозначность, связанную с адъективным оператором.

(3.141) Парис подарил яблоко самой красивой богине.

- i. ‘Парис подарил яблоко богине, которая красивее любой другой богини (из некоторого релевантного множества)’.
- ii. ‘Парис подарил яблоко более красивой богине, чем те богини, кому кто-либо ещё подарил яблоко’.
- iii. ‘Яблоко Парис подарил более красивой богине, чем те богини, кому он подарил что-либо ещё’.

Традиционно (начиная с [Szabolcsi 1986]) прочтения типа (i) называются абсолютными, а прочтения типа (ii) и (iii) — сравнительными. При абсолютном прочтении класс сравнения определяется исключительно материалом именной группы. В таких случаях мы будем говорить, что сфера действия (СД) адъективного оператора распространяется на именную группу или что оператор имеет узкую сферу действия. В случае сравнительного прочтения при задании класса сравнения учитывается материал всей (или почти всей) клаузы. Тогда адъективный оператор имеет клаузальную (широкую) сферу действия. Сферы действия оператора для различных прочтений предложения (3.142) можно изобразить следующим образом:

- (3.142) i. самый [*d*-красивая богиня]
 ii. самый [*x* подарил яблоко *d*-красивой богине]
 iii. самый [Парис подарил *x* *d*-красивой богине]

Так, при абсолютной трактовке предложения (3.141) в класс сравнения C входят все богини из какого-либо контекстно либо прагматически заданного множества (например, множество всех древнегреческих богинь, или только присутствовавших на пире, или, как в первоисточнике, контекстное множество богинь, состоящее из Геры, Афины и Афродиты). При сравнительных прочтениях класс сравнения может определяться по-разному: он состоит либо из некоторого подмножества всех богинь (например, из богинь, получивших яблоко от кого-либо), либо из индивидумов (например, тех, кто когда-либо дарил богиням яблоко):

- (3.143) i. $C = \{d\text{-красивые богини}\}$
 ii. $C = \{d\text{-красивые богини, получившие в подарок яблоко}\}$
 или
 $C = \{\text{индивидуумы, которые подарили яблоко } d\text{-красивым богиням}\}$
 iii. $C = \{d\text{-красивые богини, получившие подарок от Париса}\}$
 или
 $C = \{\text{предметы, которые Парис подарил } d\text{-красивым богиням}\}$

Очевидно, что у предложения может быть только одно абсолютное прочтение (при наличии одной именной группы, в состав которой входит адъективный оператор) и одно или более сравнительных прочтений (в зависимости от структуры клаузы). Однако в речи такая неоднозначность среди сравнительных прочтений едва ли часто ощущается говорящим и слушающим. Это происходит из-за чувствительности адъективного оператора с широкой сферой действия к фокусу. Так, если сфокусировать в примере (3.141) подлежащее при помощи рематического акцента, то доступным останется только одно сравнительное прочтение (при этом абсолютная интерпретация по-прежнему является возможной):

- (3.144)[ПАРИС]_F подарил яблоко самой красивой богине.
 i. ‘Парис подарил яблоко богине, которая красивее любой другой богини (из некоторого релевантного множества)’.
 ii. ‘Парис подарил яблоко более красивой богине, чем те богини, кому кто-либо ещё подарил яблоко’.
 iii. # ‘Яблоко Парис подарил более красивой богине, чем те богини, кому он подарил что-либо ещё’.

Безусловно, мы можем более существенным образом модифицировать линейно-акцентную структуру: не только выделить нужную составляющую просодически, но и изменить порядок слов, чтобы поместить подлежащее в позицию ремы ([Падучева 1985/2002; Янко 2001,

2008б; Циммерлинг 2008]). Это линейно-акцентное преобразование также «провоцирует» соответствующее сравнительное прочтение:

(3.145)Самой красивой богине яблоко подарил [ПАРИС]_Г.

- i. ‘Парис подарил яблоко богине, которая красивее любой другой богини (из некоторого релевантного множества)’.
- ii. ‘Парис подарил яблоко более красивой богине, чем те богини, кому кто-либо ещё подарил яблоко’.
- iii. # ‘Яблоко Парис подарил более красивой богине, чем те богини, кому он подарил что-либо ещё’.

Всё вышесказанное верно и для других типов адъективных операторов. Например, если заменить в предложении (3.141) суперлатив на порядковое прилагательное или прилагательное *единственный*, мы получим три возможных прочтения с тремя различными сферами действия оператора.

(3.146)Парис подарил яблоко последней / единственной богине.

- i. последний / единственный [*n*-богиня]
- ii. последний / единственный [*x* подарил яблоко *n*-богине]
- iii. последний / единственный [Парис подарил *x* *n*-богине]

При изменении тема-рематической структуры предложения (3.146) адъективный оператор будет ассоциироваться с новой ремой, что приведёт к недоступности одного из сравнительных прочтений:

(3.147)Последней / единственной богине Парис подарил [ЯБЛОКО]_Г.

- i. последний / единственный [*n*-богиня]
- ii. #последний / единственный [*x* подарил яблоко *n*-богине]
- iii. последний / единственный [Парис подарил *x* *n*-богине]

Помимо информационной структуры предложения, на доступность различных прочтений могут влиять и другие факторы. Наибольший интерес для наших целей представляют те случаи, когда адъективный оператор не может иметь широкую сферу действия, и, соответственно, доступным остаётся только абсолютное прочтение.

В рассматривавшихся выше примерах адъективный оператор занимал крайнюю левую позицию в именной группе. Важнейший факт, увязывающий интерпретацию предложений с адъективным оператором и структурные характеристики включающей его именной группы,

состоит в том, что если адъективному оператору предшествует какой-либо из элементов левой периферии именной группы — указательное местоимение, притяжательное местоимение или притяжательное прилагательное, — то сравнительные прочтения становятся недоступны.

Например, предложение (3.148) с порядковым прилагательным может иметь два уже привычных нам прочтения: абсолютное и сравнительное.

(3.148) В 1927 году кинокомпания Уорнер Бразерс выпустила первый звуковой фильм.

i. 'В 1927 году Уорнер Бразерс выпустила первый в истории кинематографа звуковой фильм'.

СД: первый [*n*-звуковой фильм]

ii. 'В 1927 году Уорнер Бразерс выпустила свой первый (но необязательно первый в истории кинематографа) звуковой фильм'.

СД: первый [Уорнер Бразерс выпустила *n*-звуковой фильм]

Однако если на левой периферии именной группы располагается указательное местоимение, сравнительное прочтение оказывается недоступным:

(3.149) В 1927 году кинокомпания Уорнер Бразерс выпустила этот первый звуковой фильм.

i. СД: первый [*n*-звуковой фильм]

ii. # СД: первый [Уорнер Бразерс выпустила *n*-звуковой фильм]

Тот же интерпретационный эффект возникает, если слева от адъективного оператора оказывается притяжательное прилагательное или местоимение (ср. 3.150а). Заметим, что на доступность сравнительного прочтения влияет не просто наличие соответствующих лексем в составе именной группы, а их расположение на левой периферии. Действительно, как мы видели в предыдущем разделе, в именной группе с притяжательными местоимениями и прилагательными допустим и другой порядок следования модификаторов, когда адъективный оператор оказывается самым левым элементом именной группы ($A_{OP} - Poss - N$). В таком случае сравнительное прочтение остаётся доступным (3.150b). Кроме того, оно будет доступным и при выражении отношения принадлежности постпозитивной конструкцией с приименным генитивом (3.150с):

(3.150)а. На прошлой неделе Эрмитаж приобрел Рафаэлевую последнюю «Мадонну».

i. 'На прошлой неделе Эрмитаж приобрел последнее по времени создания полотно Рафаэля с названием «Мадонна»'.

- ii. # ‘На прошлой неделе Эрмитаж в последний раз приобрел полотно Рафаэля с названием «Мадонна»’.
- b. На прошлой неделе Эрмитаж приобрел последнюю Рафаэлевую «Мадонну».
  - i. ‘На прошлой неделе Эрмитаж приобрел последнее по времени создания полотно Рафаэля с названием «Мадонна»’.
  - ii. ‘На прошлой неделе Эрмитаж в последний раз приобрел полотно Рафаэля с названием «Мадонна»’.
- c. На прошлой неделе Эрмитаж приобрел последнюю «Мадонну» Рафаэля.
  - i. ‘На прошлой неделе Эрмитаж приобрел последнее по времени создания полотно Рафаэля с названием «Мадонна»’.
  - ii. ‘На прошлой неделе Эрмитаж в последний раз приобрел полотно Рафаэля с названием «Мадонна»’.

В следующем разделе мы обсудим механизмы возникновения сравнительного прочтения и попытаемся объяснить наблюдаемый эффект.

3.2.2.3. Подъём оператора

В настоящее время существует два основных подхода к описанию логической формы конструкций с суперлативами, по-разному объясняющие их неоднозначность. В соответствии с устоявшейся терминологией, мы будем называть первый из них теорией сферы действия (Score Theory) [Heim 1985, 1999; Szabolcsi 1986; Aihara 2009], а второй — прагматической теорией (Pragmatic Theory) [Farkas and Kiss 2000; Sharvit and Stateva 2000, 2002].

Обе теории используют логические формы, в которых присутствует оператор превосходной степени *-est*, принимающий три аргумента: (i) отношение R (между степенью проявления признака и индивидуумом), задаваемое градуальным прилагательным; (ii) индивидуум x; (iii) скрытый рестриктор C, соответствующий классу сравнения.

Основное различие между двумя теориями состоит в способе определения необходимого класса сравнения. В соответствии с прагматической теорией, C частично задаётся сферой действия суперлативного оператора внутри именной группы, а частично — контекстом. Рассмотрим следующий пример из [Pancheva and Tomaszewicz 2012]:

(3.151) John bought the largest cake for Mary.

‘Джон купил самый большой торт для Мэри’.

- i. ‘Джон купил для Мэри торт, который больше любого другого торта.’
- ii. ‘Джон купил для Мэри торт больше, чем ей купил кто-то либо ещё.’

iii. ‘Для Мэри Джон купил торт больше, чем он купил для кого-либо ещё.’

Прагматическая теория утверждает, что при всех трёх прочтениях множество *C* сначала определяется только именной группой (3.152a) и состоит из тортов, обладающих какой-либо степенью проявления признака величины (3.152b):

(3.152)a. [_{DP} the [_{NP} [-*est* C] [_{NP} *d*-large cake]]]

b. $C = \{x: \exists d [x \text{ is a } d\text{-large cake}]\}$

Далее класс *C* может быть дополнительно ограничен контекстом. Например, если *C* ограничено множеством тортов на витрине некоторого кондитерского магазина, то мы получаем абсолютное прочтение (3.151i). Если *C* ограничено множеством тортов, которые некоторые релевантные индивидуумы купили для Мэри, результатом будет сравнительное прочтение (3.151ii), а если множеством тортов, которые Джон купил для кого-то, — сравнительное прочтение (3.151iii). Следовательно, прагматическая теория постулирует одинаковую логическую форму для всех прочтений предложения (3.151) и рассматривает различие между абсолютным и сравнительными прочтениями как прагматическое.

В теории сферы действия для разных прочтений предлагаются разные логические формы. При абсолютном прочтении класс сравнения, так же как и в прагматической теории, задаётся суперлативной именной группой, которая по-прежнему имеет логическую форму (3.152a). Класс *C* при этом также состоит из множества тортов некоторой величины. Сравнительное прочтение — и в этом состоит различие между теориями — возникает за счёт того, что [-*est* C] получает клаузальную сферу действия в результате подъёма из именной группы. Например, при сравнительном прочтении (3.152ii) предложение (3.151) имеет логическую форму (3.153a), где [-*est* C] находится за пределами именной группы. Классом сравнения в таком случае является множество индивидуумов, которые купили для Мэри торт, как в (3.153b):

(3.153)a. [_{TP1} John [_{TP2} [-*est* C] [_{TP3} *x* bought [_{DP} a [_{NP} *d*-large cake]]] for Mary]]]

b. $C = \{x: \exists d [x \text{ bought a } d\text{-large cake for Mary}]\}$

Заметим, что в логической форме (3.153a) именная группа рассматривается как неопределённая (что обозначено при помощи неопределённого артикля *a*), несмотря на то, что предложение (3.151) содержит именную группу с определённым артиклем. Неопределённость суперлативных именных групп при сравнительном прочтении была замечена практически с самого начала исследования этой темы. Так, А. Сабољчи [Szabolcsi 1986] обращает внимание на тот факт, что в контекстах, в которых недопустимы определённые именные группы

(definiteness effect contexts, далее DE-контексты), суперлативы могут иметь только сравнительные, но не абсолютные прочтения. Рассмотрим в качестве примера DE-контекст посессивной предикативной конструкции (3.154).

(3.154)a. *John has the sister.

‘У Джона есть <эта> сестра.’

b. *John has the smartest sister.

‘У Джона есть самая умная сестра.’

c. JOHN has the smartest sister.

‘У ДЖОНА самая умная сестра.’

d. Who has the smartest sister?

‘У кого самая умная сестра?’

(3.154a) неграмматичен из-за употребления определённой именной группы в DE-контексте, а (3.154b) — из-за абсолютной интерпретации суперлатива в составе именной группы *the smartest sister* (которая, следовательно, также является определённой). Однако фокусируя какую-либо составляющую (3.154c) либо задавая вопрос (3.154d), мы «провоцируем» сравнительное прочтение прилагательного в превосходной степени, и его употребление в DE-контексте становится возможным. Следовательно, именные группы с прилагательными в превосходной степени при сравнительном прочтении, несмотря на определенный артикль, являются неопределёнными.

Ещё одним свидетельством неопределённости таких именных групп при сравнительном прочтении могут служить особенности поведения суперлативов в ряде славянских языков. В [Pancheva, Tomaszewicz 2012] отмечается, что в славянских языках, располагающих определённым артиклем, таких как болгарский, определённый артикль блокирует сравнительные прочтения, в то время как в отсутствие артикля они доступны.

Таким образом, на материале интерпретации адъективных операторов мы наблюдаем параллелизм семантико-синтаксического интерфейса артиклевых и безартиклевых языков: в английском и болгарском языке определённый артикль обладает блокирующими функциями в отношении подъема оператора¹¹², и таким же образом ведут себя элементы левой периферии в безартиклевом русском языке. В следующем разделе мы покажем, что гипотеза об иерархическом устройстве именной группы в безартиклевом языке позволяет дать принципиальное объяснение этому факту.

¹¹² Так же, как определённый артикль, ведут себя притяжательные местоимения, фразовые посессоры и указательные местоимения, входящие с ним в один дистрибутивный класс.

3.2.2.4. Остров определенности, посессоры и структура русской именной группы

Тот факт, что определенный артикль делает именную группу непроницаемой для извлечения составляющих, известен по меньшей мере начиная со статьи [Chomsky 1973]. В (3.155) приводится частичная парадигма типов именных групп в английском языке, отражающая возможность выдвижения вопросительных местоимений из их состава. «Безартиклевые» именные группы во множественном числе (bare plurals) и именные группы с неопределенным артиклем прозрачны для передвижения (3.155a-b), в то время как именные группы с определенным артиклем, указательным местоимением, притяжательным местоимением, исчерпывающим квантором и препозитивным посессором блокируют передвижение (3.155c-g).

(3.155)a. Who did you see pictures of?

‘Чьи фотографии ты видел?’

b. Who did you see a picture of?

‘Чью фотографию ты видел?’

c. *Who did you see the pictures of?

‘Чьи фотографии ты видел?’

d. *Who did you see these pictures of?

‘Чьи эти фотографии ты видел?’

e. *Who did you see my pictures of?

‘Чьи мои фотографии ты видел?’

f. *Who did you see every picture of?

‘Чью каждую фотографию ты видел?’

g. *Who did you see John’s picture of?

‘Чью фотографию Джона ты видел?’

Дихотомия «прозрачных» и «непрозрачных» именных групп в (3.155) неслучайным образом соответствует их референциальному статусу: «прозрачные» именные группы неопределенные, а «непрозрачные» — определенные. Непроницаемость определенных именных групп для синтаксических правил, в частности, для выдвижения составляющих, получила название острова определенности (definiteness island, [Manzini 1992]). Соответственно, недоступность сравнительных интерпретаций в том случае, когда суперлатив находится внутри определенной именной группы, следует из того, что остров определенности блокирует подъем оператора в логической форме.

В синтаксической и семантической литературе предпринимались многочисленные попытки объяснить островные свойства определенных именных групп. В частности, важное семейство подходов опирается на различный структурный статус определенных и неопределенных именных групп. Так, например, в [Diesing 1992] определенные и универсальные именные группы, возглавляемые сильными кванторами, анализируются как DP, в то время как неопределенные именные группы, содержащие слабые кванторы, получают статус NP¹¹³. В [Jiménez-Fernández 2012] DP может составлять сильную фазу, если ее вершина охарактеризована как определенная, и слабую (т.е. проницаемую) фазу — в противном случае. В [Nicks 2009] указывается, что к фазам относятся именные группы, имеющие свое «подлежащее», т.е. посессор.

Обращаясь к русскому материалу, можно заметить, что наличие указательных и притяжательных местоимений и притяжательных прилагательных в именной группе само по себе не превращает именную группу в определенную. Как показано в разделе 1.1, интерпретация этих единиц и их влияние на определенность именной группы напрямую зависит от их позиции. Так, указательное местоимение *этот* в (3.156) может иметь интерпретацию, сопоставимую с определенным артиклем, только в крайней левой позиции (выше числительного, (3.156a) и другие виды интерпретаций (партитивную, значение ‘такого типа’) в позиции правее (т.е. ниже) числительного (3.156b) (примеры (3.156)-(3.157) повторяют примеры (1.25)-(1.26с-d) из главы 1).

(3.156)а. **Эти пять аксиом** уже значительно сужают круг удовлетворяющих им линейно упорядоченных множеств. [В. А. Успенский. Семь размышлений на темы философии математики (2002)].

b. Все корабли были в арсенале. Лишь **пять этих огромных стрекоз** лежало на площади [А. Н. Толстой. Аэлита. (Закат Марса.) (1939)]

Аналогичный контраст наблюдается и в интерпретации притяжательных местоимений и прилагательных: в крайней левой позиции они поддерживают определенную и исчерпывающую интерпретацию, характерную для посессоров артиклевых языков, в то время как в позиции правее числительного — нет:

(3.157)а. Сверкающий перед глазами диск пропеллера исчез. **Его три лопасти** торчали, как палки. [Михаил Шишкин. Письмовник (2009) // «Знамя», 2010]

¹¹³ Понятия «сильный» и «слабый» квантор вводятся в [Milsark 1977] и формализуются в [Barwise, Cooper 1981]. Для наших целей достаточно соответствия между определенными и универсальными именными группами и сильными кванторами.

b. Но нет, не сподобился он столь же высокой мысли, и **три его пальца**, сложившись шепотью, показали ему кукиш. [Юрий Давыдов. Синие тюльпаны (1988-1989)]

Анализируя данные безартиклевого китайского языка, в котором посессоры также могут занимать различные структурные позиции в именной группе, что сопровождается аналогичными интерпретационными эффектами (3.158), Б. Парти [Partee 2006] предполагает, что эффект определенности возникает тогда, когда посессор поднимается из группы лексического существительного в DP, и благодаря семантике, связанной с этой позицией, интерпретируется как триггер определенности.

(3.158)a. **Possessor DE + [Numeral + CL + N]**

Zhangsan de [san jian maoxianyi]
Джансань DE_{Poss} три CL свитер

‘три свитера Джансаня (Zhangsan’s three sweaters)’

b. **[Numeral + CL + [Possessor DE] + N]**

san jian [Zhangsan de] maoxianyi
три CL Джансань DE_{Poss} свитер

‘три свитера Джансаня (three sweaters of Zhangsan’s)’

Распространяя этот анализ на русский язык, мы можем предположить, что указательные и притяжательные элементы в русской именной группе имеют предикатную интерпретацию, располагаясь в группе лексического существительного, и создают определенную интерпретацию, находясь в функциональной проекции DP. Если это так, то обнаруженное нами в разделе 3.2.2.2 блокирование сравнительного прочтения адъективных операторов указательными и притяжательными элементами обеспечивается теми же механизмами, что и обязательная неопределенность суперлативных именных групп при сравнительных прочтениях в английском и болгарском языках. Для получения широкой сферы действия адъективный оператор должен подняться из именной группы; подъем оператора невозможен, если именная группа представляет собой остров; островом является определенная именная группа. В артиклевом языке указательные и притяжательные элементы лексически связаны с проекцией DP, поэтому их наличие в именной группе однозначно сигнализирует о ее определенности. В безартиклевом языке эффект определенности возникает тогда, когда указательные и притяжательные элементы располагаются в проекции DP и вследствие этого занимают крайнюю левую линейную позицию в именной группе.

Представляется, что полученные результаты свидетельствуют о том, что синтаксис именной группы артиклевых и безартиклевых языков имеет много общего, а правила отображения семантических структур в синтаксические работают единообразно. Наличие или

отсутствие артикля в таком случае является скорее характеристикой лексикона, чем параметром, затрагивающим собственно синтаксический компонент языка.

3.3. Выводы по главе 3

В рамках этой главы мы уточнили перечень и расположение вершин, проецирующих функциональные оболочки группы лексического существительного. В первую очередь эти уточнения коснулись функциональных проекций, ответственных за количественные характеристики именной составляющей. Мы привели аргументы в пользу синтаксической реализации категории числа и связали наличие синтаксической вершины Num с интерпретируемым признаком числа именной группы.

Признаковые характеристики именной группы, выявляемые при атрибутивном и предикативном согласовании, также могут быть использованы в качестве аргумента в пользу иерархически организованной расширенной именной проекции. Анализ, опирающийся на гипотезу об иерархически организованной структуре именной группы, позволяет объяснить случаи дефолтного согласования и рассогласования в именной группе, а также эффективно решает проблему асимметрии атрибутивного и предикативного согласования. Эта асимметрия оказывается естественным следствием иерархического устройства именной группы, так что именные проекции разных уровней могут характеризоваться различными наборами признаков, однако в пределах одного уровня признаки унифицированы. Изменения в наборе или значении признаков связаны с определенными функциональными вершинами, обладающими соответствующим означенным признаком и передающими этот признак доминирующим составляющим. Данные согласования свидетельствуют не только об иерархическом строении русской именной группы, но и об универсальном устройстве семантико-синтаксического интерфейса, отображающего разные компоненты значения именной группы в особым образом организованную синтаксическую структуру.

Линейная структура именной группы, рассмотренная на материале русского языка, также предоставляет аргументы в пользу ее иерархической организации. Если исходить из предположения, что основной «каркас» расширенной именной проекции задает последовательность функциональных вершин, отвечающих за лексическую, количественную и референциальную семантику именной группы, то мы имеем возможность определить базовый порядок следования составляющих, привязанных к проекциям этих вершин. Отклонения от этого базового порядка, связанные с расположением именной вершины левее исходной позиции, демонстрируют свойства синтаксического передвижения. Таким образом, мотивация

системы функциональных проекций, используемая в артиклевых языках (английский, скандинавские, итальянский, иврит) для русского языка также оказывается релевантной. С другой стороны, оказывается, что многие виды лексических единиц, в артиклевых языках ассоциирующиеся с конкретной функциональной проекцией и тем самым конкретной линейной позицией в составе именной группы, в безартиклевых языках не привязаны к определенной позиции в синтаксической структуре, но совместимы с различными функциональными проекциями. При этом, однако, их синтаксические и семантические характеристики в разных структурных позициях различны. Так, указательные и притяжательные элементы проявляют «барьерные» свойства, препятствуя подъему оператора, и вызывают определенную / исчерпывающую интерпретацию только в том случае, когда располагаются на левой периферии именной группы, в проекции DP.

Глава 4. Относительные клаузы в структуре именной группы

В этой главе речь пойдет об относительных клаузах — предикативных составляющих, выступающих в качестве модификатора именной группы. Относительные конструкции, по-видимому, имеются в том или ином виде во всех языках мира¹¹⁴, и при этом отличаются большим структурным разнообразием. В наши цели, однако, не входит дать исчерпывающую характеристику межъязыкового варьирования относительных конструкций — нас интересует в первую очередь та информация о структуре именной группы, которую можно получить на материале релятивизации.

Ниже мы рассмотрим синтаксические и интерпретационные характеристики относительных конструкций, имеющие непосредственное отношение к проблематике структуры именной группы вообще и структуры именной группы безартиклевых языков в частности. Во-первых, нас будет интересовать соотношение между семантикой относительной конструкции и позицией относительной клаузы в структуре именной группы. Мы покажем, что, как и в случае с посессорами, семантический тип модификации прямо соотносится с различными структурными позициями по отношению к функциональной проекции, отвечающей за референциальные характеристики именной группы. Следовательно, в структуре именной группы безартиклевых языков с необходимостью выделяется как минимум проекция DP.

Во-вторых, мы изучим вопрос о взаимосвязи элементов функциональной проекции DP и относительных клауз. В артиклевых языках фиксируются определенные закономерности в использовании и интерпретации артиклей при именных группах, содержащих и не содержащих относительную клаузу. Мы покажем, что сходные закономерности, увязывающие использование и интерпретацию указательного местоимения и наличие рестриктивного

---

¹¹⁴ М. де Фрис [de Vries 2002], цитируя типологические исследования [Downing 1978] и [Lehmann 1984], постулирует в качестве предположительной универсалии утверждение (i):

(i) Все языки используют относительные клаузы.

В качестве контрпримера в работе [Bakker, Hengeveld 1999] приводят язык хишкарьяна (Hixkaryana, же-пано-карибская группа). В свете недавней дискуссии о языке пираха (Pirahã) налицо еще один кандидат на отсутствие относительных клауз: если в пираха действительно невозможно вложение клауз (embedding), то невозможно и вложение относительных клауз.

придаточного предложения, наблюдаются и в языках без артиклей. Мы выдвинем гипотезу, что рестриктивные относительные клаузы с синтаксической точки зрения являются не адьюнктами, а аргументами переходных (многоместных) определителей, что позволит объяснить отношение синтаксической селекции между определителем и рестриктивным относительным предложением и создаст предпосылки для анализа, опирающегося на подъем именной вершины из относительной клаузы.

В-третьих, мы изучим так называемые эффекты связности, которые показывают, что именная группа, которую модифицирует относительное предложение, может получать интерпретацию внутри этого относительного предложения, в позиции мишени релятивизации. Мы покажем, что реконструкции внутри относительного предложения подвергается не весь материал именной группы: компоненты, входящие в группу лексического существительного (NP), а также, возможно, в некоторые вышестоящие функциональные проекции, например, NumP, реконструируются, в то время как элементы левой периферии — указательные местоимения, сильные кванторы — получают интерпретацию только в главной клаузе. Таким образом, мы покажем, что «внутренние» составляющие именной группы (его лексическое ядро) и внешняя оболочка — DP — на некотором начальном этапе деривации могут не образовывать составляющую, что, как представляется, является существенным аргументом в пользу иерархической структуры именной группы, содержащей более одной максимальной проекции.

Изложение строится следующим образом. В разделе 4.1, подготавливаемом обсуждение, будет предложен обзор структурных и семантических типов относительных конструкций в языках мира и показано место русского и других безартиклевых языков в этой типологии. Раздел 4.2 посвящен структуре рестриктивных относительных предложений. Опираясь на эмпирические данные русского языка, мы покажем, что эффекты связности в относительных конструкциях и аргументный статус рестриктивного относительного предложения получают принципиальное объяснение при анализе с подъемом именной группы из относительной клаузы в главное предложение. Конфигурация, в которой происходит этот подъем, задается расширенной проекцией определителя. В разделе 4.3 рассматривается синтаксическая специфика аппозитивных относительных предложений и делается вывод о связи их интерпретации и структурной позиции внутри именной группы.

4.1. Относительные конструкции в типологической перспективе

Цель этого раздела — дать читателю представление о типологическом разнообразии и возможном устройстве относительных конструкций в языках мира, которое в следующих разделах послужит основой для обсуждения анализа этих синтаксических конфигураций.

Выше мы уже упоминали несколько структурных характеристик, по которым можно классифицировать относительные клаузы. Важнейшая из них касается структурного соотношения между именной вершиной и относительным предложением. Рассмотрим примеры в (4.1)¹¹⁵.

(4.1) a. [MC ... [N [RC]] ...]

Šia [namas, [kuriame aš gyvenu]].
 вот дом.NOM который.LOC я жить.PRS.1SG

‘Вот дом, в котором я живу.’

b. [MC ... [[RC] N] ...]

[[za-χun tac-i] χüjār-mov-on]=al zu=al p:a^s kārān
 я=ABL уходит-АОР девушка-PL-ERG=ADD я=ADD два раз

äči=jan=p-i.

танцевать=1PL=LV-АОР

‘Девушки, которые пошли со мной, и я два раза танцевали.’ (удинский; [Даниэль, Ландер 2013:(18)])

c. [MC ... [RC ... N ...] ...]

[thamate-m qebar-ew q-ə-ʔwete-šʔtə-m] čʔe-χweps-ew
 глава-OBL новость-ADV DIR-3SG.AG-рассказать-FUT-OBL LOC-мечтать-ADV

jə-wəpaxʷe q-je-že-šʔtə-w...

POSS-семья DIR-OBL-ждать-AUX-PST

‘Семья с нетерпением ждала истории, которую расскажет вождь...’ (адыгейский; [Ландер 2012: (3.72)])

d. [MC ... [RC] ...]

Ich folge [wem ich vertraue].
 я следовать.PRS.1SG кто.DAT я доверять.PRS.1SG

‘Я следую за тем, кому доверяю.’ (немецкий; [Vogel 2001: (902)])

e. [MC [RC] ... Dem ...]

[Æвзæр-ы гакк кæ-уыл с-бадт],
 зло-GEN метка кто-SUP PF-сидеть.PST.3SG

æрмæст-дæр сæ ахæм-тæ хъуыд-ысты.

только-ADD 3PL.CL.GEN такой-PL надо.PST-3PL

‘На ком есть печать зла, только такие им были нужны.’ (осетинский; [Беляев 2014а: (207)])

¹¹⁵ Условные обозначения в схемах: MC — главная клауза (main clause), RC — относительная клауза (relative clause), N — именная вершина (также группа именной вершины), Dem — указательный коррелят в главной клаузе коррелятивной конструкции.

В литовском примере (4.1a) именная вершина находится вне относительного предложения, причем относительное предложение образует с именной вершиной составляющую и следует за ней. Это постпозитивное относительное предложение с внешней вершиной. Препозитивные относительные клаузы с внешней вершиной представлены в (4.1b), где приводится пример из удинского языка. Следующий тип — так называемые относительные предложения с внутренней вершиной, или циркумпозитивные (*circumnominal*, в терминологии [de Vries 2002]) относительные предложения — располагают именную вершину внутри себя, занимая аргументную позицию в главной клаузе. В (4.1c) показано адыгейское предложение, в котором именная вершина ‘новость’ расположена внутри семантически определяющей ее клаузы ‘которую расскажет вождь’. Следует отметить, что речь здесь идет не только о линейной позиции; с точки зрения падежного оформления именная группа *qebarew* ‘новость’ является несомненным аргументом зависимой клаузы (показатель *-w* адвербиального падежа), а в аргументной позиции в главной клаузе находится само относительное предложение, что видно по показателю *-m* косвенного падежа. В (4.1d) показано немецкое безвершинное относительное предложение (*free relative*): именная вершина отсутствует как вне относительной клаузы, так и внутри нее. Наиболее известный и наиболее интересный факт, связанный с синтаксисом безвершинных относительных предложений, состоит в том, что их внутренняя структура накладывает ограничения на их внешнюю дистрибуцию: в частности, в немецком языке действует правило, согласно которому падежная форма относительного местоимения предопределяет падежный контекст, в котором может выступать безвершинное относительное предложение (*case matching*). В (4.1d) местоимение *wem* имеет форму датива в соответствии с управлением глагола *vertrauen* ‘доверять’; соответственно, безвершинное относительное предложение допустимо в позиции дативного дополнения глагола *folgen* ‘следовать’. Наконец, в (4.1e) представлена так называемая коррелятивная конструкция, где относительная клауза не образует составляющей с коррелятом — указательным местоимением в главной клаузе — и не занимает в ней аргументной позиции. Подобные конструкции есть и в русском языке (ср. *Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро*).

Обсудим теперь возможные формальные экспоненты, связанные с релятивизацией. Опираясь на типологические исследования К. Леманна [Lehmann 1984] и М. де Фриса [de Vries 2002], мы можем выделить три базовых типа формальных средств, сигнализирующих об относительной конструкции: относительные местоимения, резюмptивные местоимения и прочие формальные показатели, которые де Фрис объединяет под ярлыком «относительные частицы» (*relative particles*). Собственно относительные местоимения — это местоимения специализированного (как в хинди), вопросительного (как в английском) или указательного (как в немецком) морфологического типа, занимающие синтаксическую позицию мишени

релятивизации¹¹⁶. Относительные местоимения (или группы, их содержащие) обычно подвергаются видимому передвижению на левую периферию относительного предложения (либо в другую линейную позицию, предназначенную для передвижения таких составляющих, ср. раздел 1.3.1 об осетинском языке), подобно вопросительным местоимениям в обычных и косвенных вопросах. Примеры из эстонского и мокшанского языка приводятся в (4.2).

- (4.2) a. Meeri rääk-is mu-ll-e, et ta on
Мери рассказывать-PRТ.3SG я-SUP-LAT что этот быть
lesk ja et ta-l on poeg, kes ela-b Soome-s.
вдовец что этот-SUP быть сын, кто.NOM жить-PRS.3SG Финляндия-IN
‘Мери рассказала мне, что она вдова и что у неё есть сын, который живёт в Финляндии.’
- b. Vandī sa-j jalga-z’э, kona-n’d’i t’ašn’э-n’
завтра приехать-PRS.3SG друг-1SG который-DAT писать-PST.3SG
kizэ-n’ p’er’f s’orma-t.
год-GEN вокруг письмо-PL

‘Завтра придет друг, которому я весь год писал письма.’ [Привизенцева 2015: (1)]

С другой стороны, позицию мишени релятивизации может занимать так называемое резумптивное местоимение. Оно всегда располагается *in situ* и обычно совпадает с наименее маркированным местоимением-прономиналом либо личным местоимением, ср. (4.3a-b) из иврита и игбо.

- (4.3) a. tavi li et ha-tik she-hish'arti oto
приносить.IMP.M мне OM DEF-сумка REL-оставлять.1SG он
al ha-shulxan
на DEF-стол
‘Принеси мне сумку, что я оставил (ее) на столе!’
- b. Nwókē áhù; [ónyé anyi kwùrù nà yá;
человек тот кто мы говорить.RV PST 3SG
gà-abia] bù íná n.
FUT-PRV.приходить быть отец мой

‘Тот человек_i кто мы сказали (что он_i) придет — мой отец.’ (игбо; [Anyanwu 2012: (15a)])

На первый взгляд, резумптивные местоимения встречаются и в таких европейских языках, как русский или английский, в том случае, когда мишень релятивизации расположена слишком глубоко в относительной клаузе (4.4a) либо внутри синтаксического острова (4.4b)

¹¹⁶ Такие местоимения могут иметь как субстантивный (рус. *кто*, англ. *who*), так и адъективный (рус. *который*, англ. *which*) морфологический класс.

(ср. русские данные в [Podlesskaya 1997]). Эти факты хорошо соотносятся с гипотезой У. Шлонского ([Shlonsky 1992: 443]), который считает, что дистрибуция резумптивных местоимений определяется соображениями «последнего средства» (last resort).

(4.4) а. ... а олигархи / это те / у кого есть деньги / которые он не знает куда *их* реализовать.

[Беседа в Петербурге (2004.01.27)]

б. He is someone [who [I don't know [anyone [that likes *(^{?him})]]]].

‘Он такой человек, который я не знаю никого, кому *(^{?он}) нравится.’

В [Sells 1984] и [de Vries 2002], однако, указывается, что в (4.3) и (4.4) представлены разные типы местоимений. В (4.3) мы видим настоящие резумптивные местоимения, которые дополнительно распределены с относительными. Они участвуют в стандартной стратегии релятивизации (ср. (4.3а) и (4.3б) с мишенью релятивизации — прямым дополнением и подлежащим, соответственно). В (4.4) мы имеем дело не с резумптивными, а с интрузивными (intrusive) местоимениями, сосуществующими с относительными и возникающими как стратегия «спасения» неграмматичной структуры, когда передвижение относительного местоимения из базовой позиции на левую периферию клаузы нарушает синтаксические ограничения (например, островные). Это предположение позволяет реализовать анализ, согласно которому резумптивное местоимение и относительное местоимение суть экспоненты одной и той же синтаксической вершины (D_{REL}), как это предлагает де Фрис.

К сожалению, данные многих языков свидетельствуют о том, что резумптивные местоимения часто варьируют с пробелом (gap) в позиции мишени релятивизации, а не дополнительно распределены с ним, причем это происходит как в языках, обладающих относительными местоимениями, так и в языках без них. В (4.5) приводятся примеры из русского и татарского языков, в которых анафорическое местоимение в позиции мишени релятивизации свободно варьирует с пробелом.

(4.5) а. Преобладают произведения неизвестных писателей, *которые*, когда их прочитаешь, неясно, за какие достоинства (*их*) должны читать наши дети.

б. Мин	(<i>а-ның</i>)	турында	сөйлә-гән	малай	алма ашый.
я	ОН-GEN	о	говорить-PART	мальчик	яблоко.есть.PRS

‘Мальчик, о котором я говорю, ест яблоко.’

Наконец, в группе относительных частиц собраны несколько типов показателей, которые объединяет то, что они **не** связаны деривационно с позицией мишени релятивизации. Во-первых, это подчинительные союзы (комплементаризеры), вводящие относительное

предложение. Языки могут использовать обычные декларативные комплементаризеры (4.6a-b) или специализированные союзы, вводящие именно относительные предложения (4.6c).

(4.6) a. I read the book that you recommended.

b. Мальчишка, что меня сюда привел, говорил, что у вас Арина бывает.

c. Přišel komunistickej převrat a mou fabričku,
пришел коммунистический переворот и мою фабричку

co ji zatím ved nevlastní otec, arijec, znárodnili.

CO ee в_то_время вел отчим ариец национализировали

‘Произошел коммунистический переворот, и мою маленькую фабрику, которой в то время управлял мой отчим, ариец, национализировали.’ (чешский; [Fried 2010:(9)])

Во-вторых, это относительные показатели, располагающиеся на левой периферии относительной клаузы и согласующиеся с именной вершиной по ф-признакам, но не связанные с позицией мишени. К таким показателям можно отнести арабский маркер *llaḍi* из примеров (4.7a-b):

(4.7) a. jaʔa l-walad-u [llaḍi qaabala
приходить.3SG.M DEF-мальчик-NOM что.M.SG встречать.3SG.M

l-malik-a].

DEF-царь-ACC

‘Пришел мальчик, который встречал царя.’

b. wajadtu l-kitab-a [llaḍi tuhib-hu
найти.1SG DEF-книга-ACC что.M.SG любить.3SG.F-3SG.M

Hind-un].

Хинд-NOM

‘Я нашел книгу, которую любит Хинд.’ (арабский; [Alqurashi, Borsley 2012: (1)])

llaḍi изменяется по родам, числам и падежам, как это показано в Таблице 4.1. Словоизменение не позволяет считать эту единицу подчинительным союзом; при этом *llaḍi* не является также относительным местоимением, передвинувшимся из позиции мишени релятивизации: падеж этого элемента выбирается в главной клаузе, а в позиции мишени возможно резюмptивное местоимение (ср. (4.7b)) с другими падежными характеристиками.

Таблица 4.1. Формы показателя *llaḍi* в арабском языке [Alqurashi, Borsley 2012]

	M	F
SG	ʔallaḍi	ʔallati
DU.NOM	ʔallaḍaani	ʔallataani
DU.ACC/GEN	ʔallaḍayni	ʔallatayni
PL	ʔallaḍiina	ʔallaati-allawaati

Наконец, в-третьих, к относительным показателям можно отнести (глагольные) аффиксы, сигнализирующие о подчиненном характере относительной клаузы и/или специфицирующие позицию мишени релятивизации в глагольной словоформе. Эта группа наиболее разнообразна и включает как разного рода атрибутивизирующие или номинализирующие показатели, превращающие клаузу в причастный оборот или номинализацию, так и релятивные аффиксы, специфицирующие позицию мишени релятивизации, замещая показатель согласования с соответствующим аргументом в глагольной словоформе (ср. адыгейский пример (4.8)). Возможны и более специализированные показатели, как, например, турецкие показатели причастий, различающие субъектные и несубъектные относительные клаузы (4.9a-b).

- (4.8) [aχš'e-r s-tje-zə-xə-ve əç'jə
 деньги-ABS 1SG.IO-LOC-REL.AG-отнимать-PST и
 ç'e-zə-ʔa-ž'ə-ve tək^waq^we-r] se s-şe -r-ep.
 LOC-REL.AG-ринуться-RE-PST вор-ABS я 1SG.ABS-знать-DYN-NEG

‘Я не знаю вора, который отнял у меня деньги и убежал.’ (адыгейский; [Ландер 2012: (3.20)])

- (4.9) a. Haylaz goril-i hızlıca it-en güçlü
 озорной горилла-ACC резко толкать-SU.REL сильный
 aslan-ı yavaş fil öp-tü
 лев-ACC медленный слон целовать-PST

‘Медлительный слон поцеловал сильного льва, который резко толкнул озорную гориллу.’

- b. Haylaz goril-in hızlıca it-tiğ-i güçlü
 озорной горилла-GEN резко толкать-OBJ.REL-POSS.3SG сильный
 aslan-ı yavaş fil öp-tü.
 лев-ACC медленный слон-NOM целовать-PST

‘Медлительный слон поцеловал сильного льва, которого резко толкнула озорная горилла.’ (турецкий; [Özge, Marinis, Zeyrek 2010: (2)])

С точки зрения параметра финитности в языках мира представлены как финитная, так и нефинитная стратегии релятивизации, причем нефинитные относительные клаузы обычно возглавляются причастием либо — в случае ирреального значения относительной клаузы — инфинитивом. Нефинитная стратегия рассматривается многими исследователями как более простая и экономная (ср., например, [Keenan, Comrie 1977, 1979; Givón 1979, 1984]); если эта стратегия сосуществует в языке с финитной, то на мишень нефинитной релятивизации часто накладываются определенные ограничения, связанные в первую очередь с ее синтаксической позицией. Так, например, в русском языке причастные обороты предполагают в качестве мишени релятивизации только подлежащее (активного или пассивного залога).

Возможным объяснением такого ограничения может быть недостаточность функциональной структуры относительной клаузы для получения подлежащим падежа и, тем самым, для его фонологического выражения в данной конструкции. Соответственно, возникает вопрос, в какой степени причастные обороты представляют собой клаузу, т.е. содержат отвечающие за предикативность функциональные вершины. По-видимому, для разных конструкций этот вопрос решается по-разному, и причастные обороты могут иметь структуру в диапазоне от адъективированной глагольной группы до полноценной TP/CP. Так, например, внутренняя структура татарской относительной клаузы (4.10a), по-видимому, совпадает со структурой финитного предложения (4.10b) с точностью до предикативного согласования.

- (4.10) a. [мин китаб-ы-н ал-ган] малай алма ашый.
я книга-3-ACC брать-PART.PF мальчик яблоко есть.PRS
'Мальчик, книгу которого я взял, ест яблоко.'
- b. Мин китаб-ы-н ал-ган-ым.
я книга-3-ACC брать-PART.PF-1SG
'Я взял его книгу.'

Рассмотренные нами параметры, характеризующие относительные клаузы, во многом не независимы. В действительности между ними обнаруживаются сильные корреляции, так что выявляется несколько основных «профилей» относительных клауз. Так, например, постпозитивные относительные клаузы содержат комплементаризер или другой тип относительного показателя, используют относительные или резюмптивные местоимения, допускают финитные глагольные формы. Препозитивные относительные клаузы не используют относительных местоимений (позиция мишени соответствует пробелу), не вводятся относительными комплементаризерами и часто используют те или иные деривационные показатели в глагольной словоформе, сигнализирующие о подчиненном статусе данной клаузы. Относительные предложения с внутренней вершиной также не имеют подчинительных союзов

и относительных местоимений. Наконец, коррелятивные конструкции обладают специфическими синтаксическими характеристиками: относительная клауза обычно финитна, не номинализована и не образует составляющей с ИГ в главной клаузе; возможно дублирование именной вершины в главной клаузе; из относительных показателей используются только относительные местоимения.

Следует особо отметить, что параметр структурного типа относительных конструкций в языках мира ортогонален параметру наличия/отсутствия артикля в данном языке. Как показывает сопоставление данных о дистрибуции определенных и неопределенных артиклей (признаки 37А и 38А атласа WALS, [Dryer 2013a,b]) и данных о дистрибуции различных типов относительных конструкций (признак 90А, [Dryer 2013c]), все структурные типы релятивизации встречаются как в артиклевых, так и в безартиклевых языках. Кроме того, поскольку в пределах одного языка может сосуществовать несколько структурных типов относительных конструкций (ср. признаки 90В-Г), ясно, что наличие или отсутствие артикля не может однозначно соотноситься с типом относительной конструкции в конкретном языке.

С точки зрения интерпретации можно выделить, вслед за [Grosu, Landmann 1998], три семантических типа относительных клауз: уже обсуждавшиеся выше рестриктивные, образующие, вместе с другим материалом вершинной именной группы, предикат над индивидами путем конъюнкции предикатов, а также аппозитивные и максимализирующие относительные клаузы.

Аппозитивные относительные предложения показаны в (4.11). Их семантическое отличие от рестриктивных относительных предложений состоит в том, что они не участвуют в создании экстенционала именной группы. Так, в (4.11а) для идентификации референта именной группы *Кудряши* достаточно данного имени собственного; семантический вклад аппозитивного относительного предложения состоит в том, чтобы сообщить некоторую дополнительную информацию о данном референте. Аналогичным образом в (4.11b) референт именной группы *наши грязные хозяева* дополнительно характеризуется через участие в другой ситуации — *молча на нас смотрели в каком-то ошеломлении*. Важно, что материал относительного предложения не принимает участия в создании определенной дескрипции.

(4.11) а. Варвара прилегает к плечу Кудряша, [который, не обращая внимания, тихо играет].
[НКРЯ]

б. — Жалкие люди! — сказал я штабс-капитану, указывая на наших грязных хозяев, [которые молча на нас смотрели в каком-то ошеломлении]. [НКРЯ]

Особенно хорошо отличие аппозитивных относительных клауз от рестриктивных видно в том случае, когда именная группа содержит квантор. Так, пример (4.12) допускает обе интерпретации:

(4.12) Все деревья, которые уже начинали зеленеть, были густо покрыты снегом. [Лидия Вертинская. Синяя птица любви (2004)]

При рестриктивной интерпретации относительное предложение ограничивает денотат именной группы предикатом λx .уже начинали зеленеть(x); квантификации подвергается группа общего имени *деревья, которые уже начинали зеленеть*, так что предложение содержит утверждение только о зазеленевших деревьях. При аппозитивной интерпретации квантифицируется только группа общего имени *деревья*, а относительное предложение присоединяется позже, создавая дополнительное утверждение обо всем релевантном множестве деревьев. Возникает интерпретация, которую можно перефразировать следующим образом: *все деревья были густо покрыты снегом; они уже начинали зеленеть*.

Относительные предложения третьего типа, названные максимализирующими (maximalizing), привлекли внимание исследователей после известной статьи А. Гросу и Ф. Ландмана «Странные относительные предложения третьего типа» [Grosu, Landman 1998]. Это название отсылает к работе Г. Карлссона [Carlsson 1977], в которой тот впервые характеризует, под названием «относительные предложения количества» (amount relatives), третий семантический класс относительных предложений, определяющий именную вершину как максимальный референт, на котором истинен предикат, создаваемый относительным предложением. Пример такого относительного предложения приводится в (4.13). Семантика относительной клаузы в (4.13) предполагает, что в рассмотрение вводится **все** молоко, находившееся в банке.

(4.13) Jill spilled the milk [that there was in the can].

‘Джилл расплескала молоко, которое было в банке.’

А. Гросу и Ф. Ландман предполагают, что переменной, относительно которой происходит абстракция (т.е. мишенью релятивизации) в данном случае является не именная группа, а переменная степени (degree variable), характеризующая количество молока (4.14a). После того, как в результате λ -абстракции создается предикат над степенями, переменная d связывается максимализирующим оператором MAX (4.14b). Собственно, операция максимализации и дает название таким относительным предложениям.

(4.14) a. the milk that there was d -much milk in the can

b. МАХ [λd . there was d -much milk in the can]

Семантические отличия между рестриктивными и максимализирующими относительными предложениями легко выявляются при сопоставлении формально сходных конструкций (4.15a) с рестриктивным и (4.15b) с максимализирующим относительным предложением.

(4.15) a. I looked at the mice that were in the cage.

‘Я взглянул на находившихся в клетке мышей.’

b. I looked at the mice that there were in the cage.

‘Я взглянул на мышей, которые были в клетке.’

Во-первых, (4.15a), но не (4.15b) может описывать ситуацию, когда в клетке находилось 10 мышей, но говорящий смотрел, например, на 5. Во-вторых, в (4.15a) и (4.15b) вершинная именная группа допускает разные типы квантификаторов и определителей: если для именной группы с рестриктивным относительным предложением они в принципе не ограничены, то именная группа с максимализирующим относительным предложением допускает только определенный артикль или универсальные квантификаторы (4.16a-b):

(4.16) a. I looked at some/few/four/the/all/both mice that were in the cage.

‘Я взглянул на нескольких/немногих/четырех/этих/всех/обеих находившихся в клетке мышей.’

b. I looked at *some/*few/*four/the/all/both mice that there were in the cage.

‘Я взглянул на *нескольких/*немногих/*четырех/этих/всех/обеих мышей, которые были в клетке.’

В-третьих, поскольку максимализирующее относительное предложение создает уникальный для данной ситуации определенный (множественный) референт — *всё молоко, находящееся в банке*, или *все мыши, сидящие в клетке*, то накладывание (stacking) максимализирующих относительных предложений не приводит к семантически осмысленным эффектам и оказывается грамматически неадекватным. Рестриктивные относительные предложения, напротив, могут осмысленно ограничивать экстенционал именной группы и тем самым присутствовать в именной группе в теоретически неограниченных количествах¹¹⁷.

¹¹⁷ Считается, что рестриктивные относительные предложения в английском языке допускают неограниченное наложение (stacking). Не оспаривая английские данные, мы, тем не менее, предполагаем, что в русском языке видимое наложение относительных предложений представляет собой их сочинение.

Итак, на сегодняшний день выделяется три семантических типа относительных предложений. Естественный вопрос, возникающий в этой связи, это вопрос о семантико-синтаксическом интерфейсе: есть ли регулярные соответствия между структурными и семантическими типами относительных клауз, какие семантические характеристики получают синтаксическую репрезентацию, имеются ли интерпретационные ограничения у разных структурных типов относительных предложений, и если да, то каковы они.

В диссертации М. де Фриса [de Vries 2002] обобщаются типологические данные о соотношении семантических и синтаксических типов относительных конструкций. Опираясь на утверждения, содержащиеся в релевантной литературе (в первую очередь, [Downing 1979; Lehmann 1984; Givón 1979, 1984; Comrie 1989]), де Фрис приходит к выводу, что существует определенная специализация структурных типов предложения в выражении различных значений. Так, коррелятивные и безвершинные относительные предложения всегда имеют максимизирующую семантику; препозитивные относительные предложения и относительные предложения с внутренней вершиной не имеют аппозитивных прочтений; наконец, для постпозитивных относительных предложений в принципе доступны все типы интерпретаций. Результаты де Фриса представлены в Таблице 4.2.

Таблица 4.2. Соотношение между синтаксическими и семантическими типами относительных конструкций [de Vries 2002: 29]

	аппозитивные	рестриктивные	максимизирующие
постпозитивные	+	+	+
препозитивные	—	+	+
с внутренней вершиной	—	+	+
коррелятивы	—	—	+
безвершинные	—	—	+

В принципе наличие семантической дистрибуции между структурными типами относительных клауз является желаемым результатом: иначе сложно объяснить сосуществование в рамках одного языка разных стратегий релятивизации. Так, например, в русском языке можно наблюдать почти все типы относительных конструкций: финитные постпозитивные относительные предложения, препозитивные и постпозитивные причастные обороты, безвершинные относительные предложения и коррелятивные конструкции. В отсутствие семантической специализации и при сходных ограничениях на образование относительной конструкции оказывается непонятным, зачем языку в принципе такое структурное разнообразие.

С другой стороны, если два синтаксических типа регулярно получают одинаковую интерпретацию (например, в Таблице 4.2 это препозитивные относительные предложения и относительные предложения с внутренней вершиной), можно предположить, что структурные отличия между ними минимальны и их деривация протекает сходным образом, а наблюдаемые отличия касаются скорее не синтаксиса *per se*, а, например, правил озвучивания.

Из сказанного очевидно, что вопрос о соотношении интерпретации и структурного типа имеет не только типологическую, но и теоретическую значимость. Однако корреляции, приводимые в Таблице 4.2, как кажется, не всегда выполняются. Наибольшие сомнения вызывает отсутствие рестриктивной интерпретации у коррелятивных конструкций. А. Гросу и Ф. Ландман предполагают для коррелятивных структур максимализирующую интерпретацию, опираясь на данные хинди в отношении рассмотренных выше диагностик: несочетаемости с неопределенными определителями (4.17) и невозможности наложения (4.18).

(4.17) [jo laRke KhaRe hai], ve/dono/sab/*do/*kuch/*adhikam
 которые мальчики стоять AUX те/оба/все/*два/*несколько/*большинство
 lambe haiN.
 высокий быть

букв. 'Которые мальчики стоят, те/оба/все/*два/*несколько/*большинство высокие.'

(хинди, [Grosu, Landman 1998: 164]).

(4.18) [jo laRkii KhaRiihai] [*jo ravii kii dost hai],
 которая девочка стоять AUX которая Рави GEN друг быть
 vo bahut lambii hai.
 та очень высокая быть

букв. 'Которая девочка стоит, [*которая друг Рави], та очень высокая.' (хинди, [Grosu, Landman 1998: 165]).

Однако, как утверждает В. Сривастав [Srivastav 1991a: 680], коррелятивная конструкция используется в хинди и в тех случаях, когда рестриктивная интерпретация кажется единственно возможной, например, в случае, когда именная группа находится в сфере действия отрицания или другого оператора в матричном предложении и не имеет тем самым определенной либо универсальной интерпретации:

(4.19) jo aadmii sabhii bhaashaayē bol sake
 который человек все языки говорить может
 vo paidaa nahī huaa.
 тот рожденный не есть

букв. 'Который человек может говорить на всех языках, тот не родился.'

Аналогичные интерпретации коррелятивных конструкций в осетинском языке обнаруживает О.И. Беляев [Беляев 2014а: (51)]:

- (4.20) [Хетагкат-ы   Къоста-йы   цы   хъæу-ы   нæ   зон-ынц],
 Хетагуров-GEN   Коста-GEN   какой селение-IN   NEG   знать-PRS.3PL
 ахæм (хъæу)   нæй   Ирыстон-ы.
 такой селение   нет   Осетия-IN

‘В Осетии нет селения, в котором не знают Коста Хетагурова.’

Такие результаты, впрочем, представляются естественными, поскольку в том случае, когда коррелятивная стратегия — единственная доступная в языке стратегия релятивизации, соотнесение ее только с максимализирующей интерпретацией делает в принципе невозможным выражение рестриктивного значения в языке. Кажется, что обобщения в Таблице 4.2 верны, если рассматриваются языки с несколькими относительными конструкциями; в таком случае имеет место семантическая специализация конструкций. Так, например, русская коррелятивная конструкция (4.21а) последовательно «сопротивляется» рестриктивной интерпретации (4.21b-с), при том что это значение свободно выражается постпозитивными относительными предложениями.

- (4.21) а. Кто не работает, тот не ест.
 б. *Кто не работает, того у нас нет.
 в. ^{???}Кто не работает, таких у нас нет.
 д. У нас нет того, кто не работает / таких, кто не работает.

Наиболее важный факт, связанный с возможными интерпретациями относительных предложений разных структурных типов и влекущий определенные последствия для синтаксического анализа относительных клауз, состоит в том, что относительные предложения с внутренней вершиной имеют те же интерпретации, что и препозитивные относительные предложения. Постпозитивные относительные предложения допускают дополнительно аппозитивную интерпретацию. Заметим, что аппозитивная семантика допустима только для постпозитивных конструкций. Это значит, что предпочтителен такой анализ данных структурных типов, который бы унифицировал соотносимые с препозитивными и внутривершинными относительными предложениями логические структуры и выделял среди постпозитивных относительных предложений два структурных типа: один — аналогичный препозитивным и внутривершинным относительным предложениям, а второй — особый, создающий аппозитивные интерпретации.

Как кажется, имеется множество языковых свидетельств, говорящих в пользу именно такого подхода к анализу относительных предложений. Например, исследования относительных предложений с внутренней вершиной ([Culy 1990; Basilico 1996; Ландер 2012] и др.) показывают, что по меньшей мере часть компонентов внутренней вершины, располагаясь линейно внутри относительного предложения, интерпретируется вне его, ср. пример (4.22).

(4.22) [gʷəbatə-pepč-ew he-r zə-xe-ceqa-ke-xe-m] paje
 губат-каждый-ADV собака-ABS REL.IO-LOC-кусать-PST-PL-OBL для
 swem-jə-pš s-tə-ke
 рубль-LK-десять 1SG.ABS-давать-PST

a. ‘Я заплатила десять рублей за каждый губат, который надкусила собака.’

b. *‘Я заплатила десять рублей за губаты, каждый из которых надкусила собака’

(адыгейский; [Ландер 2012: (3.90)])

С другой стороны, относительные предложения с внешней вершиной обнаруживают интерпретационные эффекты такого рода, как если бы внешняя вершина в ходе деривации находилась в позиции мишени релятивизации и могла реконструироваться в этой позиции при интерпретации. В разделе 4.2.2 мы обсудим свидетельства связности (connectivity) между внешней именной вершиной и позицией мишени релятивизации. Эти свидетельства послужат мотивацией предлагаемого синтаксического анализа рестриктивных относительных предложений — анализа с подъемом (raising analysis), согласно которому именная вершина возникает внутри относительного предложения, в позиции мишени, и поднимается из относительного предложения на его левую периферию либо в главную клаузу. Однако прежде чем перейти к изложению деталей этого анализа и аргументов в его пользу, следует остановиться на предшествующих подходах к анализу рестриктивных относительных предложений.

4.2. Структура рестриктивных относительных предложений

В рамках этого раздела мы последовательно рассмотрим два типа анализа рестриктивных относительных предложений — стандартный анализ, берущий свое начало с работ [Partee 1973, 1975; Chomsky 1977a] и реализованный для русского языка в [Лютикова 2009], а также альтернативный анализ, предполагающий подъем именной составляющей малой структуры из относительной клаузы.

4.2.1. Стандартный анализ

По-видимому, первым теоретическим осмыслением синтаксиса относительных предложений была деривация относительного предложения из независимого предложения. Будь то стандартная теория «Синтаксических структур» и «Аспектов теории синтаксиса» [Chomsky 1957, 1965], модель «Смысл↔Текст» [Мельчук 1974/1999] или функционально-типологические исследования Кинэна и Комри [Keenan, Comrie 1977, 1979], все теоретические подходы — эксплицитно или имплицитно — используют деривационный подход, связанный с преобразованием простого независимого предложения в сентенциальное определение. В качестве исходных данных используются два независимых предложения, одному из которых надлежит стать зависимым в полипредикативной конструкции. Необходимым условием для релятивизации является наличие в них совпадающей именной группы, как это представлено на Схеме 4.1¹¹⁸.

Схема 4.1. Синтаксическая конфигурация, необходимая для релятивизации

Главная клауза:	[_{MC} ... NP _i ...]
Зависимая клауза:	[_{DC} ... NP _i ...]

Если эти условия выполнены, может быть «запущен» процесс релятивизации. В зависимости от структурного типа относительного предложения конкретно-языковые правила, регулирующие этот процесс, могут отличаться, но в общем релятивизация сводится к (1) лишению будущей зависимой клаузы характеристик независимой (например, финитности), (2) элиминации в ней совпадающей именной группы с заменой ее на относительное местоимение, резюмтивное местоимение или пробел, причем (3) относительное местоимение меняет также свою линейную позицию и помещается на левую периферию, (4) добавлению релятивного маркера (например, подчинительного союза), если грамматика языка этого требует, и, наконец, (5) линейному вложению преобразованной зависимой клаузы внутрь главной, в препозиции или постпозиции к совпадающей именной группе.

Мы видим, что термин «релятивизация» при таком теоретическом осмыслении деривации относительного предложения не является метафорой: релятивизация действительно рассматривается как процесс, преобразующий независимую клаузу в относительную (релятивную). Терминологический аппарат, обслуживающий эту область языковых феноменов,

¹¹⁸ Что конкретно означает «совпадение» именных групп, идет ли речь о языковой (совпадение материала) или метаязыковой (совпадение референтов) идентичности, возможно ли неполное «совпадение» и т.п. — все эти вопросы получают осмысление на значительно более позднем этапе развития теории.

также отражает метафору преобразования: как у любого целенаправленного действия, у релятивизации есть стратегия; релятивизация нуждается в контролере (именная группа в главной клаузе) и мишени (именная группа в зависимой клаузе), мишень «поражается в правах» или уничтожается; некоторые мишени, однако, оказываются «недоступны» для преобразования и в таком случае образовать относительную клаузу нельзя.

Шаги (1)-(5) могут послужить описанием правила образования относительного предложения в языке X, например, в учебнике для изучающих данный язык как иностранный. Однако едва ли грамматика естественного языка содержит такие правила. С одной стороны, каждый из шагов (1)-(5) и их комбинации являются специфичными для конкретного языка; с другой стороны, можно обнаружить эти же шаги, в других комбинациях, в описании правил для других языковых феноменов. Так, например, уничтожение совпадающей именной группы имеет место при сочинительном сокращении; замена совпадающей именной группы на местоимение — при прономинализации или рефлексивизации; изменение линейной позиции группы с базовой на крайне левую — при образовании вопроса и топикализации.

Помимо всего прочего, попытка трактовать «идентичность» мишени и контролера релятивизации, возвратного или анафорического местоимения и его антецедента, «пробела» и его антецедента как следствие процесса преобразования одной из двух совпадающих именных групп оказывается неадекватной эмпирически. Как показывают примеры в (4.23), деривационный подход к анафоре в духе замены совпадающего материала на анафорический элемент приводит к неверным интерпретациям.

(4.23) a. Каждый_i хотел похвалить себя_i (≠каждого).

b. Никто_i не знал, какую оценку он_i (≠никто) получил.

c. Две девушки_i вошли и ____i (≠две девушки) сели напротив.

d. Любой автомобиль_i, которым_i (≠любим автомобилем) управляет пьяный, опасен.

Учитывая эти соображения, в конце 70-х годов прошлого века был принят принципиально иной подход к деривации относительных предложений, базирующийся на изменении базовых представлений об архитектуре грамматики [Chomsky 1977b], исследованиях синтаксических ограничений на передвижение [Ross 1967], дискуссией о деривационном vs. репрезентационном подходе к анафоре [Wasow 1972; Shopen 1972] и уточнении правил, регулирующих структуру групп [Chomsky 1970; Jackendoff 1977].

Во-первых, относительное предложение (как и другие типы зависимых клауз) возникают непосредственно в составе главного предложения, а не вставляются в него особым правилом (например, обобщенной трансформацией Стандартной теории). Поскольку любая зависимая

клауза выполняет в главной какую-либо синтаксическую функцию, которая доступна и для других фразовых категорий (например, актантное предложение занимает позицию дополнения, которую в принципе может заполнять именная группа), мы можем соотнести относительное предложение с другими типами зависимых в именной группе и установить его структурную позицию в ее составе. Факультативность относительных предложений в структуре именной группы и его не-актантные функции стали решающими аргументами в трактовке относительных предложений как адъюнктов именной группы.

Во-вторых, раз относительное предложение может быть опущено без ущерба для грамматичности главного предложения, то внешняя именная вершина относительной конструкции возникает как элемент главного предложения. Относительное предложение входит в проекцию именной вершины, а не наоборот.

В-третьих, относительное местоимение (резюмтивное местоимение, пробел) не возникают в результате синтаксических преобразований, но являются элементами лексикона и в таком качестве вступают в деривацию. Эти элементы вставляются в дерево согласно правилам фразовой структуры, в той структурной позиции, которая соответствует их синтаксической роли. Появление относительных местоимений на левой периферии относительных клауз есть результат их передвижения, аналогичного передвижению вопросительных местоимений, топиков, фокусных составляющих.

В-четвертых, относительное предложение представляет из себя группу подчинительного союза (CP). В некоторых относительных предложениях некоторых языков мы наблюдаем этот подчинительный союз непосредственно (например, в примерах (4.6) выше); в других случаях, в частности, когда используется относительное местоимение, подчинительный союз нулевой (или не озвучивается), как в примерах (4.2).

Рассмотрим более подробно деривацию именной группы, содержащей относительное предложение, на конкретном примере.

(4.24) I found a book which you can read.

‘Я нашел книгу, которую ты можешь прочитать.’ [Chomsky 1977a: (99a)]

Относительное местоимение *which*, имеющее в (4.24) синтаксическую роль прямого дополнения, соединяется с глаголом в составе глагольной группы (4.25a)¹¹⁹. Строится финитная предикация (4.25b). На следующем шаге она становится дополнением относительного

¹¹⁹ В (4.25) и далее мы рассматриваем только релевантные для данной темы аспекты деривации, с неизбежностью упрощая и огрубляя изложение.

подчинительного союза (комплементаризера) $\emptyset_C$, с появлением которого запускается процесс передвижения относительного местоимения.

- (4.25) a. [_{VP} read which]
 b. [_{TP} you can read which]
 c. [_{CP} $\emptyset_C$ [_{TP} you can read which]]

На этом этапе нам необходимо определить механизм, регулирующий передвижение. Рассмотренные нами выше теории трансформации независимых предложений в относительные клаузы постулировали передвижение как необходимый шаг в процессе приобретения клаузой статуса относительной. Поскольку мы развиваем теорию, в которой никакая новая информация не возникает в процессе деривации, мы должны предположить, что входящие в деривацию элементы уже содержат информацию о том, что результирующий объект будет включать относительную клаузу. Какие же элементы содержат эту информацию? Очевидно, это те рассмотренные нами в разделе 4.1 формальные средства, которые сигнализируют о наличии относительной конструкции; в данном английском предложении — относительное местоимение и (нулевой) подчинительный союз. Естественно предположить, что тип клаузы (clause typing) определяется свойствами вводящего эту клаузу комплементаризера, а относительное местоимение, маркируя позицию мишени, некоторым образом «подтверждает» возможность построить относительную конструкцию^{120, 121}.

¹²⁰ Обращаясь к операционному подходу к образованию относительного предложения, изложенному у К. Леманна [Lehmann 1984], можно сказать, что подчинительный союз отвечает за функцию вложения (Nominalisierung und Einbettung), а относительное местоимение — за функцию образования пробела (на месте мишени релятивизации, Leerstellenbildung). Функция атрибуции (Attribution), как мы увидим чуть позже, не реализуется конкретной синтаксической единицей, но автоматически возникает при интерпретации синтаксической структуры.

¹²¹ Наличие в относительном предложении синтаксической позиции, которая может быть соотнесена с мишенью релятивизации, считается конституирующим признаком относительного предложения. Однако в [Comrie, Polinsky 1999; Даниэль, Ландер 2008; Лютикова 2009] демонстрируются формально относительные конструкции, соотносимые с вершиной семантически / прагматически / энциклопедически, обычно через обобщенное отношение смежности между именной вершиной и одной из именных групп относительной клаузы. Обычно такого рода конструкции используют стратегию релятивизации с относительной частицей и пробелом, ср. пример (i) из цахурского языка; маргинально похожие конструкции можно наблюдать и в русской разговорной речи (ii).

- (i) miz-e-l-qa   t'ot'   g-id;-ōx-a-n   s;alnjəʔatkar-ā-r
 язык-OBL-SUP-ALL   пчела   NEG-3.оказываться-IPF-A   специалист-PL-NOM.PL

‘пчела на язык не сядет специалисты’ (такие специалисты, что пчела на язык не сядет) [Кибрик (ред.) 1999: 774]

(ii) Это просто опустившиеся люди морально. *Которые* день прошел и ладно. Живут одним днем. [Беседа с социологом на общественно-политические темы, Самара // ФОМ (2000.08.15)]

Технически эти свойства подчинительного союза и относительного местоимения мы можем представить в виде признаков (4.26).

- (4.26) a. which [*i*WN]
 b. $\emptyset_C$ [*u*WN], [EPP]

Относительное местоимение имеет словарно специфицированный интерпретируемый признак, говорящий о его синтаксических характеристиках, — признак [*i*WN] (4.26a). Подчинительный союз, вводящий относительную клаузу, также имеет данный признак в его неинтерпретируемом варианте (4.26b), вследствие чего он выступает как зонд (probe), осуществляющий поиск составляющей с таким признаком — цели (goal) — в своей области структурного приоритета. При обнаружении относительного местоимения признак [*u*WN] подчинительного союза получает значение и становится неактивным. Нам, однако, необходимо, чтобы относительное местоимение в (4.25c) было не только обнаружено, но и передвинуто на левую периферию относительной клаузы.

В какую структурную позицию происходит передвижение? Поскольку передвижению при образовании относительных предложений могут передвигаться не только одиночные местоимения, но и содержащие их группы (например, *with whom*, *whose mother*, *the picture of whom* и т.п.), очевидно, что передвижение происходит не в вершину, а в спецификатор. Более того, судя по данным некоторых языков, в которых возможно одновременное озвучивание подчинительного союза и относительного местоимения, местоимение располагается слева от подчинительного союза (ср. примеры (4.27)). Следовательно, мы можем предположить, что конечной позицией передвижения относительного местоимения является Spec, CP — самая высокая структурная позиция клаузы.

- (4.27) a. In every peril [which that is to drede]... (Chaucer)

‘При любой опасности, которой следует опасаться...’

- b. det huset der som John bor
 DEF дом REL COMP Джон живет

‘дом, в котором живет Джон’ (норвежский; [Åfarli 1994: 88])

- c. vo tasviir jo ki Bill-ko pasand hai
 тот фото REL COMP Билл-DAT нравится AUX

‘то фото, которое нравится Биллу’ (хинди; [Bhatt 2005: (38a)])

Итак, в результате взаимодействия подчинительного союза и относительного местоимения подчинительный союз не только удовлетворяет свой признак [*u*WN], но и получает фонологически выраженный спецификатор — (группу, содержащую) относительное

местоимение. Чтобы обеспечить передвижение относительной составляющей в Spec, CP, нам достаточно снабдить подчинительный союз дополнительным признаком, [EPP] (extended projection principle, принцип расширенной проекции), который требует, чтобы у обладающей им вершины был фонологически выраженный спецификатор. Таким образом, два признака относительного комплементаризера — [WH] и [EPP] — в совокупности обеспечивают поиск относительной составляющей в клаузе и ее передвижение в Spec, CP¹²².

В нашем примере относительное местоимение *which* претерпевает передвижение в Spec, CP относительного предложения (4.28a). В результате передвижения в исходной позиции образуется пробел, синтаксическая репрезентация которого может быть различной. Более ранняя по времени теория следов (Trace theory of movement, [Fiengo 1977a]) предполагает, что в результате передвижения в исходной позиции образуется пустая категория — след (trace, обозначаемый как *t(race)* или *e(mpty category)*), который, будучи коиндексирован с передвинувшейся составляющей — своим антецедентом — ведет себя как анафорическое выражение определенного класса в зависимости от типа передвижения. Репрезентация нашего предложения в рамках теории следов представлена в (4.28b). В альтернативной теории передвижения через копирование (Copy theory of movement, [Chomsky 1993]) в исходной позиции остается нижняя копия передвинувшейся составляющей, а правила озвучивания копий (в частности, тот факт, что в относительном предложении английского языка озвучивается верхняя копия относительного местоимения) регулируются фонологическим компонентом. Непроизносимые копии обозначаются зачеркиванием (4.28c).

На этапе (4.28b-c) деривация собственно относительного предложения заканчивается. Теперь оно должно занять предназначенную ему позицию в составе именной группы. Если исходить из общепринятой в конце 70-х годов репрезентации именной группы как группы лексического существительного (NP), а артиклей и прочих элементов категории D — как спецификаторов NP, относительное предложение займет позицию адьюнкта к промежуточной проекции N', оказываясь в области с-командования, а значит, в сфере действия артиклей и квантифицирующих элементов (4.28d-e).

(4.28) a. [CP *which* $\emptyset_C$ [TP you can read *which*]]

b. [CP *which*_i $\emptyset_C$ [TP you can read *t*_i]]

¹²² В [Chomsky 2000] предлагается более сложный анализ передвижения *wh*-составляющей, при котором и зонд, и цель обладают неинтерпретируемыми неозначенными признаками, дополнительно распределенными между ними. Это делает зонд и цель активными для взаимодействия в рамках операции AGREE (подробнее см. главу 5). Для наших целей, однако, конкретная признаковая система, запускающая механизм *wh*-передвижения, не столь важна.

- c. [_{CP} *which* $\emptyset_C$ [_{TP} you can read ~~*which*~~]]]
- d. [_{N'} [_{N'} book] [_{CP} *which*_i $\emptyset_C$ [_{TP} you can read *t*_i]]]
- e. [_{NP} a [_{N'} [_{N'} book] [_{CP} *which*_i $\emptyset_C$ [_{TP} you can read *t*_i]]]]]

Последнее замечание чрезвычайно важно для правильной интерпретации относительного предложения. В работах [Partee 1973, 1975] Барбара Парти приводит убедительные семантические аргументы против анализа относительного местоимения как экспонента совпадающей именной группы: он дает удовлетворительные результаты только для определенных именных групп (4.29a), но не для квантифицированных именных групп (4.29b-c).

(4.29) a. John ate the fish that he caught. (=John caught the fish_i and John ate the fish_i).

‘Джон съел рыбку, которую поймал.’ (Джон поймал рыбку_i и Джон съел рыбку_i.)

b. John ate every fish that he caught. ($\approx$ If John caught a fish_i, then John ate a fish_i)

‘Джон съел каждую рыбку, которую поймал.’ ($\approx$ Если Джон поймал какую-то рыбку_i, то Джон съел эту рыбку_i)

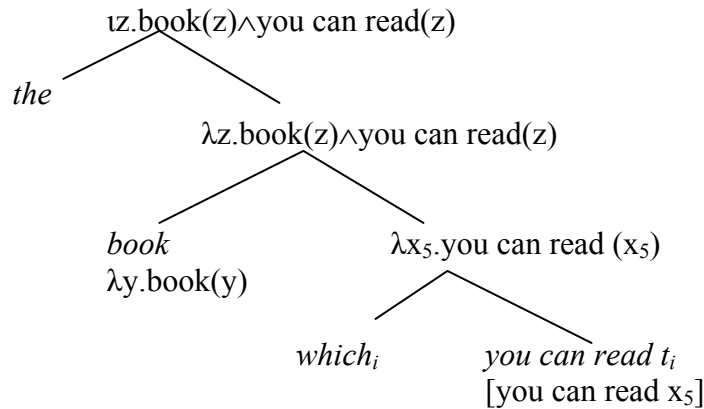
c. No fish that John caught was happy. (???)

‘Ни одна рыбка, которую поймал Джон, не была счастлива.’

Причина этому в том, что квантор находится вне относительного предложения и квантифицирует не множество рыб (и тем самым не общее имя *fish*), а более ограниченное множество — рыб, пойманных Джоном. Следовательно, мы должны иметь возможность получить сложный предикат над индивидами из предиката, содержащегося в денотате общего имени, и предиката, базирующегося на материале относительного предложения, аналогично тому как в экстенсионале группы общего имени *red fish* оказываются индивиды, удовлетворяющие одновременно предикату «быть рыбой» и предикату «быть красным».

В середине 70-х годов Р. Монтегю [Montague 1973] и Б. Парти в серии работ [Partee 1973, 1975] предлагают семантику, описывающую значение относительного предложения как «сентенциального прилагательного», т.е. предиката, получаемый из пропозициональной формы в результате λ -абстракции по переменной, соответствующей относительному местоимению.

(4.30) the book which you can read

Фрагмент упрощенной семантической деривации определенной именной группы с относительным предложением представлен в (4.30). Как видно из дерева, относительное местоимение рассматривается как оператор λ -абстракции. След от передвижения относительного местоимения в базовой позиции интерпретируется как переменная, получающая произвольный индекс (в данном примере —₅). Коиндексирование относительного местоимения и следа обеспечивает λ -абстракцию по нужной переменной. Таким образом, из открытой пропозиции (т.е. пропозиции, содержащей переменную) образуется предикат типа $\langle e, t \rangle$. Значение относительного предложения композиционно объединяется со значением общего имени *book* путем конъюнкции предикатов. Тем самым относительное предложение осуществляет рестрикцию множества книг до множества книг, которые может прочитать адресат. Наконец, после присоединения артикля семантический тип именной группы меняется — она получает тип $\langle e \rangle$ в результате связывания переменной i -оператором.

Мы видим, что связь между именной вершиной и позицией мишени в относительном предложении — то, что в ранних подходах интерпретировалось как наличие в относительном предложении «совпадающей» именной группы и то, что К. Леманн называет атрибуцией — при таком анализе возникает как эпифеномен связывания предикатов общего имени и относительного предложения общим оператором. Подобно другим рестриктивным определениям, относительное предложение подвергается семантической композиции с группой общего имени путем конъюнкции предикатов.

Рассмотренный нами семантический анализ имеет еще одно замечательное свойство: он позволяет приписать сходную интерпретацию целому ряду синтаксических феноменов, связанных с передвижением. Н. Хомский в работе [Chomsky 1977a] отмечает, что прочие случаи передвижения операторов в английском языке, такие как образование вопросительного предложения или эталона сравнения в компаративной конструкции, образуют семантическую структуру, сходную с рассмотренной выше. Так, например, значение вопросительного

предложения (4.31a) подразумевает связывание вопросительным оператором переменной в позиции дополнения (4.31b).

(4.31) a. Who_i did John see t_i?

‘Кого Джон видел?’

b. For which x, x a person, John saw x?

Таким образом, мы можем обобщить случаи передвижения операторов следующим образом: они передвигаются в позицию, из которой могут с-командовать своей сферой действия, и связывают переменную в исходной позиции¹²³.

Если это обобщение верно, то оно имеет определенные следствия для анализа относительных предложений других структурных типов. В (4.32) представлены три вида синонимичных английских относительных предложений: с относительным местоимением (4.32a), с подчинительным союзом (4.32b) и так называемые немаркированные (*bare*), не содержащие, помимо пробела в позиции дополнения, никаких видимых экспонентов относительной конструкции.

(4.32) a. I found a book [which you can read].

b. I found a book [that you can read].

c. I found a book [you can read].

‘Я нашел книгу, которую ты можешь прочитать.’

Если (4.32b-c) имеют такую же семантическую структуру, как (4.32a), то они должны содержать оператор — аналог относительного местоимения, связывающий переменную в позиции мишени релятивизации. Соответственно, (4.32b-c) имеют синтаксическую структуру (4.33a-b):

(4.33) a. I found a book [Op_i that you can read e_i]

b. I found a book [$Op_i \emptyset_C$ you can read e_i]

¹²³ Здесь мы не упомянули о еще одном компоненте семантической структуры, с необходимостью возникающем при интерпретации операторов и кванторов, а именно — о рестрикторе, задающем область определения переменной под квантором. Так, в (4.31) рестриктором является предикат *x a person*. Легко видеть, что рестриктор возникает из предиката, соединенного с оператором или квантором: *which person*, *every fish*, или из самого оператора/квантора (*everything*, *who*, *what*). Таким образом, все языковые конструкции такого типа с семантической точки зрения можно обобщить до трехчастной структуры, включающей оператор, рестриктор и (ядерную) сферу действия, где хотя бы одна переменная входит одновременно в рестриктор и сферу действия.

Ситаксические представления в (4.33) вызывают несколько вопросов. Во-первых, имеем ли мы дело в (4.33a-b) с особой лексической единицей *Op(erator)*, имеющей нулевое означающее, или это обычное относительное местоимение *which*, которое в этих предложениях не произносится? Иными словами, верно ли, что (4.32a) и (4.32c) имеют идентичное синтаксическое представление, и разница между ними возникает при озвучивании, или же они отличаются набором лексических единиц, участвующих в деривации (*enumeration, lexical argow*): в (4.32a) выбрана лексема *which*, а в (4.32c) — нулевая лексема *Op*? Аналогичный выбор касается и подчинительного союза: имеем ли мы дело с двумя разными комплементаризерами, *that* и $\emptyset_C$, или же один и тот же комплементаризер озвучивается в (4.32b), но не озвучивается в (4.32a) и (4.32c)?

Во-вторых, возникает вопрос, являются ли структуры в (4.33) следствием **передвижения** относительного оператора, или же они представляют собой дерево, порожаемое правилами базового компонента (внешнего соединения), так что в позиции мишени вставляется некая пустая категория, в спецификаторе подчинительного союза — оператор, и затем оператор связывает пустую категорию примерно так же, как антецедент связывает анафор.

Ответ на второй вопрос содержится в работе [Chomsky 1977a]. Хомский обобщает свойства *wh*-передвижения, как это представлено в (4.34), и утверждает, что в том случае, когда мы наблюдаем такого рода отношения между оператором и пустой категорией, они являются следствием *wh*-передвижения.

(4.34) Характеристики *wh*-передвижения¹²⁴

- a. Передвижение оставляет пробел.
- b. Если имеется промежуточная позиция для циклического передвижения, наблюдаются видимые нарушения принципа прилегания, острова пропозиции и острова специфицированного подлежащего.
- c. Передвижение соблюдает ограничение сложной именной группы.
- d. Передвижение соблюдает ограничение вопросительного острова.

Применение диагностик *wh*-передвижения к относительным предложениям английского языка, не содержащим относительного местоимения, показывает, что в них имеет место

¹²⁴

«a. It leaves a gap

b. Where there is a bridge, there is an apparent violation of Subjacency, [the Propositional-Island Condition] PIC, and [the Specified Subject Condition] SSC

c. It observes [the Complex Noun Phrase Constraint] CNPC

d. It observes *wh*-island constraints» [Chomsky 1977: 86 (49)]

передвижение оператора. В частности, как показывает (4.35), мишень релятивизации не может находиться внутри острова сложной именной группы (CNP), независимо от того, выражено ли относительное местоимение фонологически (пример из [de Vries 2002:(19)]):

- (4.35) a. * the meal *which*_i I heard the story that Luke ate *t*_i
 b. * the meal *Op*_i (that) I heard the story that Luke ate *t*_i
 ‘*еда, которую я слышал историю, что Люк (ее) ел’

По мере накопления информации о свойствах *wh*-передвижения к диагностикам Хомского прибавились и другие: так, например, в работе [Safir 1986: 678] показано, что в английских относительных предложениях без относительных местоимений лицензируется паразитический пробел¹²⁵:

- (4.36) every man [*Op*_i [John saw *e*_i] [without meeting *pg*_i]]
 ‘каждый человек, которого Джон видел, не встречаясь с ним’

Однако, как отмечает Хомский, не любая конструкция, содержащая коиндексированные оператор и переменную, является результатом передвижения оператора. Так, в иврите возможно связывание резумптивного местоимения, находящегося внутри сложной именной группы, со стороны оператора, расположенного в *Spec*, *CP* относительного предложения:

- (4.37) ra'iti   et   ha-iš   [še   natata   li   et   ha'sefer
 я_видел   OM   DEF-человек   REL   ты_дал   мне   OM   DEF.книга
 [še   **hu**   katav   oto]]
 REL   он   написал   ee

‘Я видел человека (такого что) ты дал мне книгу, которую **он** написал.’

Поскольку ограничения на передвижение более строгие, чем на связывание, стратегии релятивизации, основанные на передвижении, соблюдают больше ограничений, чем стратегии релятивизации, основанные на интерпретативных правилах. Особенно явно это видно в языках, располагающих несколькими стратегиями релятивизации, связанными и не связанными с

¹²⁵ Паразитический пробел (parasitic gap) — пустая категория, лицензируемая *wh*-передвижением коиндексированной с ней составляющей.

- (i) a. John filed the paper_i without reading it_i/**e*_i
 ‘Джон сложил статью в папку, не читая ее.’
 b. Which paper did John file without reading *e*_i ?
 ‘Какую статью Джон сложил в папку, не читая?’
 c. This is the paper which_i John filed without reading *e*_i.
 ‘Это статья, которую Джон сложил в папку, не читая.’

передвижением оператора. В качестве примера такого языка мы рассмотрим ирландский¹²⁶. В ирландском языке можно выделить две стратегии релятивизации. Первая стратегия использует обычный повествовательный комплементаризатор *aN* и резумптивные местоимения в позиции мишени. Вторая стратегия предполагает особый комплементаризатор *aL* и пробел в позиции мишени. Как показывает МакКлоски [McCloskey 1979], первая стратегия свободна от островных ограничений, в то время как вторая стратегия соблюдает их:

(4.38) a.	Sin	teanga	aN	mbeadh	meas	agam	ar	duine	ar	bith
	это	язык	C	COP.SUBJ	уважение	у_меня	к	человек	любой	
	aL	tá	ábalta	i	a	labhairt.				
	C	AUX	способен	он	INF	говорить				

‘Это язык, такой что я бы уважал любого человека, который способен на нем говорить.’ [McCloskey 1979: 34 (95)]

b.	*an	fear	aL	phóg	mé	an	bhean
	DEF	мужчина	C	поцеловал	я	DEF	женщина
	aL	phós	—				
	C	замужем	<i>e</i>				

‘*мужчина, за которого я поцеловал женщину, которая вышла замуж’ [McCloskey 1979: 30 (78)]

Таким образом, синтаксические диагностики передвижения позволяют сделать выбор между базовым порождением и синтаксической деривацией структуры, в которой оператор связывает переменную¹²⁷.

Теперь мы можем вернуться к вопросу о том, представляет ли собой нулевой оператор неизносимое относительное местоимение. Очевидно, что в случае, когда появление оператора в CP не связано с его передвижением туда из базовой позиции, этот оператор едва ли является относительным местоимением. Более адекватен анализ, при котором в таких языках, как иврит, в Spec,CP вставляется нулевая лексическая единица, семантической функцией которой является связывание резумптивного местоимения¹²⁸. Что касается нулевого оператора,

¹²⁶ Благодарю за подсказку Павла Руднева.

¹²⁷ Может показаться, что дистрибуция передвижения *vs.* базового порождения тривиально соответствует дистрибуции пробелов *vs.* резумптивных местоимений. Однако это не так: Эш Асуде [Asudeh 2011, 2012] выделяет два типа фонологически выраженных резумптивных местоимений — синтаксически неактивные (*syntactically inactive resumptive pronouns*), не проявляющие свойств *wh*-передвижения, и синтаксически активные (*syntactically active resumptive pronouns*), дающие положительные диагностики *wh*-передвижения. Резумптивные местоимения первого типа представлены в ирландском; резумптивные местоимения второго типа — в шведском.

¹²⁸ Альтернативный анализ может состоять в связывании резумптивного местоимения самой относительной частью. В иврите, однако, комплементаризатор *še* вводит не только относительные, но и актантные предложения и

проявляющего свойства передвинувшейся составляющей, то вопрос о выборе между нулевой лексической единицей и нулевым озвучиванием относительного местоимения следует решать на основании его дистрибутивных свойств. Рассмотрим, вслед за Э. Рэдфордом [Radford 2004], парадигму английских примеров (44)-(47).

- (4.39) a. It's hard to find people [_{CP} who $\emptyset_C$ [_{TP} you can trust ~~who~~]]
 b. It's hard to find people [_{CP} *Op* $\emptyset_C$ [_{TP} you can trust ~~*Op*~~]]
 'Трудно найти человека, которому можно доверять.'
- (4.40) a. *It's hard to find people [_{CP} who $\emptyset_C$ [_{TP} PRO to love ~~who~~]]
 b. It's hard to find people [_{CP} *Op* $\emptyset_C$ [_{TP} PRO to love ~~*Op*~~]]
 'Трудно найти человека, которого <можно> любить.'
- (4.41) a. It's hard to find people [_{CP} who $\emptyset_C$ [_{TP} you can speak to ~~who~~]]
 b. It's hard to find people [_{CP} *Op* $\emptyset_C$ [_{TP} you can speak to ~~*Op*~~]]
 c. It's hard to find people [_{CP} to whom $\emptyset_C$ [_{TP} you can speak to ~~whom~~]]
 d. * It's hard to find people [_{CP} to *Op* $\emptyset_C$ [_{TP} you can speak to ~~*Op*~~]]
 'Трудно найти человека, с кем можно поговорить.'
- (4.42) a. *I need something [_{CP} which $\emptyset_C$ [_{TP} PRO to write with ~~which~~]]
 b. I need something [_{CP} *Op* $\emptyset_C$ [_{TP} PRO to write with ~~*Op*~~]]
 c. I need something [_{CP} with which $\emptyset_C$ [_{TP} PRO to write ~~with-which~~]]
 d. * I need something [_{CP} with *Op* $\emptyset_C$ [_{TP} PRO to write ~~with-*Op*~~]]
 'Мне нужно что-то, чем писать.'

Примеры (4.39)-(4.40) показывают, что нулевой оператор в Spec, CP варьирует с относительным местоимением в финитной клаузе и предпочтителен в инфинитивной. (4.41) демонстрирует дистрибуцию нулевого оператора в позиции компонента предлога: если в Spec, CP передвигается только оператор, предложение грамматично (4.41b), но если под действием эффекта крысолова передвижению подвергается вся предложная группа, нулевой оператор недопустим (4.41d). Наконец, (4.42) показывает действие двух параметров одновременно: нефинитность относительной клаузы требует нулевого оператора, а наличие предлога в Spec, CP — фонологически выраженного относительного местоимения. Мы видим, что грамматичны

является подчинительным союзом с немаркированной семантикой, вследствие чего более естественным представляется иметь нулевой оператор в Spec, CP.

(4.42b) с нулевым оператором в Spec, CP и (4.42c) с предложной группой, содержащей относительное местоимение, в Spec, CP.

Обсудим теперь в свете этих данных два альтернативных анализа. Анализ с нулевой лексической единицей *Op* делает нежелательные предсказания: чтобы объяснить ее дистрибуцию, необходимо запретить ее выбор из лексикона в случае, если будет построена конструкция, в которой эта лексическая единица зависит от предлога и предлог относится к разряду «независающих», что вызывает передвижение всей предложной группы в Spec, CP. С другой стороны, относительное местоимение *which* также не может быть выбрано, если в дальнейшем будет построена нефинитная клауза, а местоимение *which*, наоборот, не станет компонентом «независающего» предлога. Легко видеть, что лексическая селекция в таком случае определяется сложной совокупностью независимых параметров (финитность клаузы и наличие и тип предлога), что неестественно.

В действительности дистрибуция нулевого оператора допускает чрезвычайно простое обобщение, если рассматривать в качестве условий этой дистрибуции не свойства лексических единиц, выбираемых для участия в деривации, а расположение лексических вершин в дереве после деривации. (4.43) содержит обобщение из [Radford 2004], представляющее появление нулевого оператора как особое «нулевое» озвучивание относительного местоимения. Дистрибуция фонологически выраженного и нулевого оператора, таким образом, определяется в фонологии и является следствием обязательного или факультативного правила озвучивания.

(4.43) Условия озвучивания относительного местоимения¹²⁹

Относительное местоимение, занимающее позицию Spec, CP в относительном предложении, получает нулевое озвучивание в PF (факультативно в финитной клаузе, обязательно в нефинитной клаузе).

Еще одним свидетельством в пользу того, что в английском языке выбор между нулевой и фонологически выраженной формой относительного оператора осуществляется в фонологии, является дополнительная дистрибуция относительного местоимения и подчинительного союза. Тот факт, что относительное предложение подавляющего большинства языков может содержать либо фонологически выраженное относительное местоимение, либо фонологически выраженный подчинительный союз, но не оба эти элемента одновременно, известен довольно

¹²⁹ «Relative Pronoun Spellout Condition / RPSC

A relative pronoun occupying spec-CP position in a relative clause is given a null spellout at PF (optionally in a finite clause, obligatorily in a non-finite clause)» [Radford 2004: 227].

давно и получил имплементацию в виде фильтра, исключающего множественное заполнение CP (Doubly filled COMP Filter, [Chomsky, Lasnik 1977])¹³⁰.

- (4.44) a. It's hard to find people [CP who [C that] [TP you can trust]].
 b. It's hard to find people [CP ~~who~~ [C that] [TP you can trust]].
 c. It's hard to find people [CP ~~who~~ [C that] [TP you can trust]].

‘Трудно найти человека, которому можно доверять.’

- (4.45) a. девушка, [CP которая [C ~~что~~] [TP стояла впереди]]
 b. девушка, [CP ~~которая~~ [C что] [TP стояла впереди]]
 c. *девушка, [CP ~~которая~~ [C ~~что~~] [TP стояла впереди]]

Из примеров (4.44) и (4.45) видно, что английский и русский языки одинаково не допускают одновременного озвучивания вершины C и содержимого Spec, CP. При этом английский язык, как мы видели выше, допускает нулевое озвучивание обоих компонентов, в то время как русский язык требует озвучивания хотя бы одного из них. Каким бы ни было объяснение фактов в (4.44)-(4.45) (так, например, Д. Песецкий [Pesetsky 1998] предлагает анализ в рамках теории оптимальности), ясно, что увязывать выбор из лексикона нулевого или ненулевого оператора с выбором нулевого или ненулевого подчинительного союза теоретически невозможно.

4.2.2. Анализ с подъемом

Изложенный в разделе 4.2.1 анализ представляет собой «стандартную генеративную теорию» рестриктивного относительного предложения средневропейского типа, воспроизводимую во всех формальных синтаксических учебниках (см., например, [Haegeman 1991; Carnie 2002; Radford 2004]). Тем не менее устройство относительного предложения остается одной из самых популярных тем в синтаксическом сообществе, и существует множество альтернативных теорий, дающих наблюдаемым фактам иную интерпретацию.

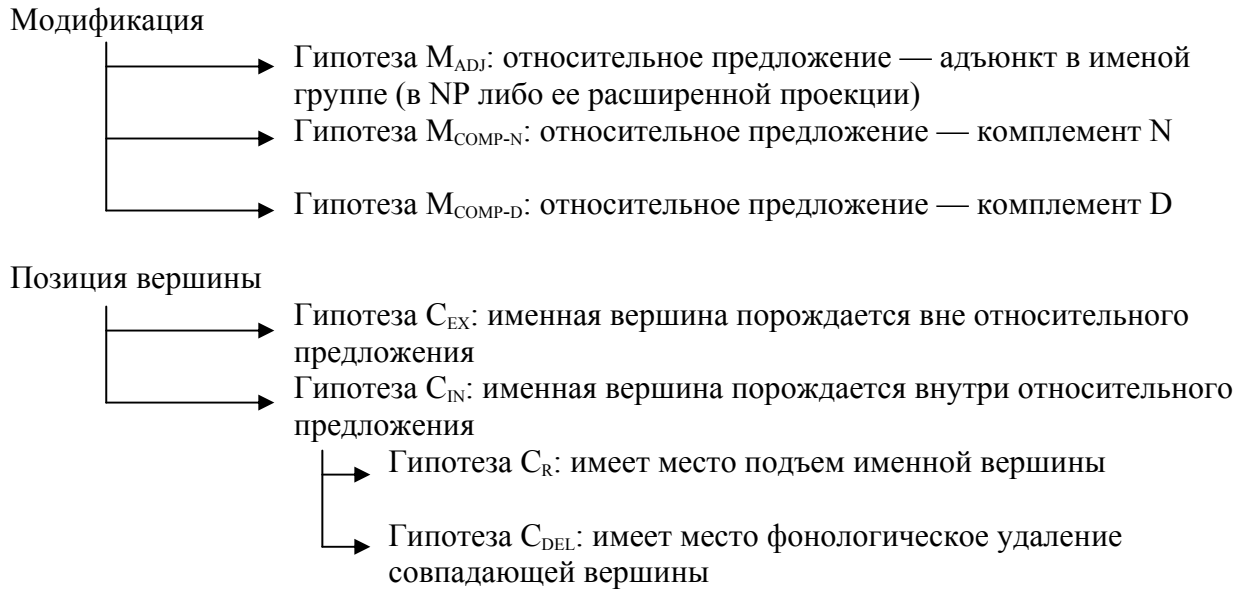
¹³⁰ Название фильтра, как и сама идеология фильтрации неграмматичных репрезентаций после свободного применения правил, отсылает к 70-м годам прошлого века, когда проекция CP представлялась как дополнительная проекция клаузы, S'. Подчинительный союз и относительное местоимение конкурировали за позицию COMP – непосредственную составляющую S' в структуре [_S COMP S] (Bresnan 1972). В дальнейшем стало понятно, что позиция, в которую передвигаются относительные группы и позиция подчинительного союза различаются (первая – спецификатор, вторая – вершина), и фильтр «множественного заполнения COMP» лишился естественной интерпретации и используется в настоящее время как наименование содержательного обобщения.

В своем очерке, рассказывающем об историческом развитии представлений об устройстве относительных предложений в генеративной парадигме, В. Бьянки [Bianchi 2002a,b] называет две важнейших проблемы, вокруг которых в основном сосредоточиваются теоретические дебаты. Первая проблема, которую Бьянки называет проблемой связности (connectivity), касается двойственного статуса именной вершины. С одной стороны, она синтаксически принадлежит главному предложению и подвергается семантическим операциям (например, квантификации) внутри него. С другой стороны, синтаксическая и лексическая селекция в относительном предложении учитывает не только формальные признаки именной вершины (например, согласование относительного местоимения с именной вершиной по ф-признакам), но и конкретный лексический выбор (например, при релятивизации коллокаций и идиом, см. ниже). Стандартный анализ относительного предложения, при котором именная вершина порождается вне относительного предложения, принципиально не учитывает вторую группу фактов.

Вторая проблема, которую Бьянки называет проблемой модификации (modification), в общем, независима от первой: она касается структурного статуса относительного предложения во внешнем синтаксическом контексте. Базирующееся на факультативности относительного предложения допущение, что оно является адьюнктом в именной группе, уязвимо в разных отношениях. С одной стороны, в ряде случаев относительные предложения вступают в отношение селекции с определителем (артиклем). С другой стороны, некоторые относительные предложения (а именно — аппозитивные) интерпретируются не только вне расширенной проекции именной группы, но и, как кажется, вообще вне главного предложения.

М. де Фрис [de Vries 2002: 74] демонстрирует имеющиеся комбинации гипотез по первому и второму параметру. Проблема модификации находит три основных решения в литературе: стандартное адьюнктное (M_{ADJ}), хотя проекция, к которой происходит адьюнкция, может варьировать — от уровня N' в рамках стандартной X' -теории до NP и более высоких функциональных проекций, и комплементное, причем относительное предложение рассматривается и как комплемент N (M_{COMP-N}), и как комплемент D (M_{COMP-D}). Что касается позиции именной вершины, то наряду со стандартной гипотезой о порождении ее вне относительного предложения (C_{EX}) высказывалась также гипотеза о возникновении именной вершины внутри него (C_{IN}); в том случае, когда анализ предполагает передвижение именной вершины из зависимой клаузы в главную, мы имеем дело с подъемом (C_R); если же именная вершина порождается одновременно и в главном, и в зависимом предложении, то затем идентичная нижняя копия уничтожается (deletion under identity, C_{DEL}). Логические отношения между гипотезами представлены на Схеме 4.2.

Схема 4.2. Параметры анализа относительных конструкций

В этой типологии рассмотренный выше стандартный анализ относится к классу $\langle M_{ADJ}, C_{EX} \rangle$; наиболее известные альтернативные анализы — анализ К. Смит [Smith 1964] $\langle M_{COMP-D}, C_{EX} \rangle$, Ж.-П. Верньо [Vergnaud 1974/85] $\langle M_{ADJ}, C_R \rangle$, Р. Кейна [Kayne 1984] $\langle M_{COMP-D}, C_R \rangle$, М. де Фриса [de Vries 1996, 2002] $\langle M_{COMP-D}, C_R \rangle$, А. Липтак [Lipták 1998] $\langle M_{COMP-N}, C_{EX} \rangle$, У. Зауэрланда и Б. Читко [Sauerland 1998; Citko 2001] $\langle M_{ADJ}, C_{DEL} \rangle$.

Далее в этом разделе мы рассмотрим языковые данные, свидетельствующие в пользу альтернативного анализа рестриктивных относительных конструкций: в 4.2.2.1 — в пользу деривации именной вершины внутри относительного предложения, а в 4.2.2.2. — в пользу неадьюнктного статуса относительных предложений. Одновременно с аргументами, базирующимися на материале артиклевых европейских языков (английского, французского и др.), мы будем показывать аналогичный языковой материал безартиклевого русского языка. Тем самым мы обоснуем применимость анализа с подъемом для обоих типов языков. При этом, поскольку логически необходимая для такого анализа структура именной группы артиклевых языков опирается на DP-гипотезу, мы получаем косвенный аргумент в пользу гипотезы о существовании проекции DP в безартиклевых языках.

4.2.2.1. Внутренняя позиция внешней вершины

Как уже было сказано выше, языковые данные, свидетельствующие о порождении именной вершины внутри относительных предложений, относятся в первую очередь к разряду селективных ограничений и интерпретационных эффектов: внешняя именная вершина проявляет с материалом относительного предложения разнообразные лексические,

грамматические и семантические связи, которые не могут быть объяснены предполагаемым в стандартном анализе механизмом связывания единым оператором.

Одно из наиболее рано обнаруженных свидетельств расположения именной вершины внутри относительного предложения связано с идиомами и коллокациями ([Schachter 1973; Vergnaud 1974]). Рассмотрим примеры (4.46)-(4.47).

(4.46) a. We made headway.

‘Мы добились прогресса.’

b.*The headway was satisfactory.

c. The headway that we made was satisfactory.

‘Прогресс, которого мы добились, был существенным.’

(4.47) a. She’s keeping careful track of her expenses.

‘Она тщательно следит за своими расходами.’

b.*The careful track pleases me.

c. The careful track that she’s keeping of her expenses pleases me.

‘Мне нравится тщательность, с которой она следит за своими расходами.’

(4.46a) и (4.47a) демонстрируют английские глагольно-именные выражения, подвергшиеся идиоматической фиксации¹³¹. Очевидно, что область идиоматизации соответствует (нижней) глагольной группе [Richards 2001], т.е. включает сочетание глагола и его дополнения. (4.46b) и (4.47b) свидетельствуют, что дополнение не может быть проинтерпретировано вне идиомы. Наконец, удивительным образом (4.46c) и (4.47c) оказываются грамматичными и интерпретируемыми. Это значит, что именная вершина в этих примерах была вставлена в структуру в составе идиомы (внутри области идиоматической фиксации, IF), т.е. в позиции дополнения в относительном предложении:

(4.48) a. the *headway* [that we [_{IF} made ~~*headway*~~]]

b. the *careful track* [that she’s [_{IF} keeping ~~*careful track*~~] of her expenses]

Отметим, что стандартный анализ относительных предложений не позволяет объяснить факты в (4.46)-(4.47): в соответствии с ним в позиции дополнения относительного предложения будет вставлено относительное местоимение или нулевой оператор, а именная вершина

¹³¹ Степень идиоматической фиксации, как указывают многие авторы, существенно различается от идиомы к идиоме и образует шкалу, на одном конце которой располагаются синтаксически абсолютно ригидные идиомы типа *kick the bucket* ‘умереть’, *бить баклуши*, а на другом конце — коллокации и устойчивые выражения, типа *pay attention* ‘уделять внимание’, *принимать участие*, демонстрирующие зачительную синтаксическую свободу (см. подробнее [Мельчук 1960; Виноградов 1977; Баранов, Добровольский 1996, 2008, 2009; Nunberg et al. 1994]).

headway или *careful track* будет выбрана в главном предложении (что, как мы видим из (4.46b), (4.47b), едва ли возможно).

Аналогичный аргумент может быть приведен и для русского языка. В (4.49a) и (4.50a) представлены русские глагольно-именные идиомы *подложить свинью* и *вставлять / втыкать палки в колеса*. Очевидно, что композициональная интерпретация их компонентов *свинья* и *палки* в составе главного предложения (4.49b), (4.50b) прагматически аномальна; следовательно, именная вершина в (4.49a) и (4.50a) была выбрана внутри относительного предложения.

(4.49) а. Наверняка тот поддакивал, когда Гончаренко возмущался свиньей, которую подложила Селенина. [Ольга Новикова. Женский роман (1993)]

б. # Наверняка тот поддакивал, когда Гончаренко возмущался свиньей.

(4.50) а. Несмотря на палки, которые обстоятельства втыкали в колёса сотрудникам Консонанса — ГИТАРА ПРИЕХАЛА!!!! [Я]

б. #Несмотря на палки, гитара приехала.

С русскими примерами (4.49)-(4.50), однако, возникает дополнительная сложность. Если предположить, что именные вершины *свинья* и *палки* возникают в синтаксической структуре в составе идиоматического выражения, встает вопрос, в какой позиции в таком случае находится относительное местоимение. Учитывая, что оно демонстрирует падеж мишени релятивизации и ф-признаки именной вершины, можно предположить, что относительное местоимение образует составляющую с именной вершиной внутри относительного предложения:

(4.51) возмущался *свиньей*, Селенина [_{IF} подложила [_{OPR} которую *свинью*]]

В гипотетической структуре (4.51) глагол в составе идиомы выбирает лексическую именную вершину, допуская, однако, ее модификацию относительным местоимением в составе расширенной именной проекции¹³². Косвенным свидетельством в пользу (4.51) может послужить тот факт, что в качестве мишени релятивизации могут выступать, как кажется, лишь те именные компоненты идиом, которые в принципе допускают модификацию элементами левой периферии, такими как указательные и притяжательные местоимения или «анафорические» прилагательные [Стёпина 2008], ср. (4.52).

(4.52) а. палки, которые он вставлял нам в колеса

¹³² Проблема лексической селекции в свете гипотезы функциональных оболочек лексических проекций уже упоминалась в главе 1.

- b. Он вставлял нам эти / свои / очередные / другие палки в колеса.
- c. #баклуши, которые он бил
- d. #Он бил эти / свои / очередные / другие баклуши.

Обратим особое внимание на тот факт, что в идиомах, не препятствующих расположению мишени релятивизации внутри области идиоматической фиксации, именная вершина допускает модификацию определенного рода, а именно — при помощи тех элементов, которые в артиклевых языках оказываются связаны с функциональной преокцией DP. Таким образом, мы можем рассматривать границу между NP и DP не только как границу между областью идиоматизации и областью композиционального значения, но и как границу между реконструируемым в относительном предложении материалом и материалом, принадлежащим главной клаузе.

Интересный аргумент в пользу исходного расположения именной вершины в относительном предложении приводит Ж.-Р. Верньо. Он показывает, что именная вершина должна удовлетворять одновременно требованиям лексического окружения и главного, и зависимого предложения. Например, в (4.53) при релятивизации именной группы в предикативной позиции признак рода предикативной именной группы должен одновременно совпадать с родом подлежащего главной и зависимой клаузы. Поскольку в данном примере это невозможно, построить грамматичное предложение не удастся¹³³.

(4.53) a. *Marie n'est pas la comédienne que son père était t.

‘*Мари не является комедианткой, каковой был ее отец.’

b. *Marie n'est pas le comédien que son père était t.

‘*Мари не является комедиантом, каковым был ее отец.’ (французский; [Vergnaud 1974, 65: (17i-ii)])

¹³³ Этот аргумент звучит еще более убедительно и общо на материале языков, в которых относительное местоимение имеет признаки рода и числа. Стандартный анализ явно не располагает механизмом, обеспечивающим совпадение ф-признаков относительного местоимения и именной вершины. Можно было бы предположить, что относительное местоимение входит в деривацию с неозначенными ф-признаками и означает их при согласовании с именной вершиной, когда относительное предложение включается в именную группу. Проблема с таким анализом, однако, состоит в том, что внутри относительной клаузы предикативное согласование с относительным местоимением и получение им падежа должны происходить до того, как относительное предложение соединится с именной вершиной.

На самом деле все случаи, когда выбор относительного местоимения в какой-то мере обусловлен признаками именной вершины (например, одушевленностью, как в английском языке), представляют проблему для стандартного анализа и тем самым являются аргументами в пользу его пересмотра.

Легко видеть, что аналогичные примеры, использующие согласование по роду и числу предикативных и присказуемых имен, а также согласование относительного местоимения с именной вершиной, могут быть предложены и для русского языка.

Следующая группа фактов, свидетельствующих в пользу исходного расположения именной вершины в позиции мишени релятивизации, основывается на дистрибуции анафорических элементов. Рассмотрим, вслед за Р. Бхаттом [Bhatt 2002], парадигму в (4.54).

- (4.54) a. The opinion of himself_i [that John_i has] is favorable.
 b. *The opinion of John_i [that he_i has] is favorable¹³⁴.
 c. *The opinion of him_i [that John_i has] is favorable.
 ‘Мнение Джона о себе благоприятно.’

Предложение в (4.54a), как кажется, должно нарушать принцип А теории связывания: анафор *himself* в позиции дополнения именной вершины оказывается несвязанным, поскольку коиндексированная с ним именная группа не имеет над ним структурного приоритета. Напротив, предложения в (4.54b,c) должны быть грамматичны: референциальное выражение *John* и прономинал *he/him* свободны, а значит, принципы С и В теории связывания не нарушаются. Однако мы наблюдаем совершенно противоположную картину: (4.54a) допустимо, в то время как (4.54b-c) — нет.

Возможное объяснение состоит в том, что именная вершина относительного предложения исходно возникает в позиции мишени релятивизации. Если реконструировать вершины в эту позицию, как в (4.55), получим абсолютно предсказуемые с точки зрения теории связывания результаты: в (4.55a) окажется связан анафор, а в (4.55b-c) — референциальное выражение и прономинал:

- (4.55) a. *The opinion of himself_i* [that John_i has ~~*the opinion of himself_i*~~] is favorable.
 b. **The opinion of John_i* [that he_i has ~~*the opinion of John_i*~~] is favorable.
 c. **The opinion of him_i* [that John_i has ~~*the opinion of him_i*~~] is favorable.

Однако контраст в (4.54) допускает и другую теоретическую интерпретацию: возможно, вершинная именная группа содержит имплицитный аргумент (чье мнение), который, благодаря материалу относительного предложения, отождествляется с Джоном. Соответственно, в (4.56a) анафор оказывается связан имплицитным аргументом, благодаря чему удовлетворяется

¹³⁴ В работах [Munn 1994; Sauerland 1998] английские примеры типа (4.54b) указываются как грамматичные:

- (i) The relative of John_i that he_i likes lives far away.
 ‘Родственник Джона, которого он любит, живёт далеко.’

принцип А. В (4.56b-c) имплицитный аргумент связывает референциальное выражение и прономинал, что делает эти предложения неграмматичными.

- (4.56) a. The *pro*_i opinion of himself_i [that John_i has] is favorable.
 b. *The *pro*_i opinion of John_i [that he_i has] is favorable.
 c. *The *pro*_i opinion of him_i [that John_i has] is favorable.

Для того, чтобы элиминировать этот эффект, необходимо подобрать существительное, имеющее только внутренний аргумент и проецирующий его в позиции дополнения, даже если он местоименный. Для русского языка возможным вариантом может стать использование реляционных существительных с аргументом, выраженным предложной группой:

- (4.57) a. ^{OK}/* Сведения о себе_i, которые кандидаты_i представили в комиссию, были неполны.
 б. ^{*/OK} Сведения о кандидатах_i, которые они_i представили в комиссию, были неполны.
 с. ^{/?/?} Сведения о них_i, которые кандидаты_i представили в комиссию, были неполны.

Как мы видим, русские данные несколько отличаются от английских. Причина этого отличия в том, что английские относительные предложения в (4.54), содержащие подчинительный союз *that*, имеют только рестриктивную интерпретацию. Русские относительные предложения с местоимением *который* во многих случаях потенциально неоднозначны между рестриктивной и аппозитивной интерпретацией. Оказывается, что дистрибуция анафорических средств в проблемных контекстах прямо коррелирует с семантическим типом относительного предложения. Рестриктивные варианты повторяют английскую модель из (4.54): теория связывания делает правильные предсказания только если реконструировать именную группу в позиции мишени в относительном предложении. Интересно поведение анафорических средств в аппозитивных предложениях: (4.57a-b) соответствуют предсказаниям теории связывания, если рассматривать вершинную именную группу в ее наблюдаемой позиции, и противоречат ей при реконструкции. Предположительно это означает, что деривация аппозитивных и рестриктивных относительных предложений происходит по-разному: рестриктивные демонстрируют эффекты связности, а аппозитивные — нет. Вариант (4.57c) не вполне удачен и при аппозитивной интерпретации, что необъяснимо с позиций теории связывания. Как кажется, причина лежит в нарушении правил текстовой, а не синтаксической анафоры — в отсутствии у данного предложения левого контекста, который бы содержал антецедент анафорического местоимения, и слишком маленьком расстоянии между местоимением и полной именной группой, имеющими общий референт. В (4.58) приводятся текстовые примеры, демонстрирующие наблюдаемый контраст: в (4.58a) с явно рестриктивным

относительным предложением возвратное местоимение должно быть связано внутри относительного предложения, а в (4.58b) именная группа не может быть реконструирована в относительном предложении (иначе будет нарушаться принцип С), и при этом относительное предложение интерпретируется аппозитивно.

(4.58) а. Было немножко грустно, и снова ощущалось то ласковое отношение к себе, которое испытал он; после беседы о Безбедове с Мариной. [М. Горький. Жизнь Клим Самгина (1928)]

б. Наконец и я получил письмо от ревизора, которым он; уведомил меня, что я могу теперь подать прошение в такой-то департамент... [Ф.М. Решетников. Между людьми (1864)]

Следующая группа явлений связана с разнообразными интерпретационными эффектами, которые невозможно объяснить, если в позиции мишени был вставлен оператор либо переменная, а не вершинная именная группа. Например, это рассматривавшиеся нами в разделе 3.2.2 адъективные операторы — порядковые прилагательные и суперлативы. Мы установили, что эти операторы осуществляют выбор единственного индивида из множества (параметр выбора может отличаться: это степень проявления признака в суперлативах или контекстно-обусловленная шкала у порядковых прилагательных), и в этом отношении подобны определенному артиклю; от артикля их, однако, отличает то, что множество, из которого происходит выбор, может создаваться не только материалом именной группы (абсолютное прочтение), но и материалом включающего ее предложения (сравнительное прочтение). Именно поэтому интерпретация составляющих, содержащих такие прилагательные, может свидетельствовать об исходной позиции этих составляющих в синтаксической структуре.

Рассмотрим русское предложение (4.59).

(4.59) Это единственная книга, которую Петя сказал, что дочитал до конца.

(4.59) имеет как минимум две интерпретации. Первая из них соответствует наблюдаемой позиции прилагательного *единственный*: релевантное множество образуют книги, про которые Петя говорил, что он их дочитал; утверждается, что это множество одноэлементное. Вторая интерпретация соответствует расположению прилагательного *единственный* в самом глубоко вложенном предложении: Петя утверждал, что дочитал до конца одну-единственную книгу:

(4.60) Это *единственная книга, которую* Петя сказал, что дочитал *которую единственную книгу* до конца.

Реконструкция именной вершины в относительном предложении также необходима для интерпретации относительных предложений степени (degree relatives). В примерах (4.61a-b) из

работы [Sauerland 1998] значением относительного предложения при степенной интерпретации является не предикат над индивидами ($\lambda x.Gina \text{ will need } x \text{ for vet school}$), а предикат над степенями ($\lambda d.Gina \text{ will need } d\text{-many books for vet school}$). Для создания этого предиката, однако, в относительном предложении недостаточно материала — если только не реконструировать именную вершину в позиции мишени релятивизации.

(4.61) a. No linguist would read the *many* books [Gina will *need* for vet school].

‘Ни один лингвист не прочел бы столько книг, сколько нужно прочитать Джине в ее ветеринарной школе.’ (букв. ‘... те многие книги, которые ...’)

b. Mary shouldn't even have the *few* drinks [that she *can* take].

‘Мэри не следовало бы пить даже столь мало, сколько ей можно.’ (букв. ‘... те немногие порции напитков, которые ...’)

Сходный эффект мы наблюдаем в русском предложении (4.62). При рестриктивной интерпретации речь идет о конкретных двух книгах (например, книге Пешковского и книге Мельчука), которые Петя собирался прочитать к экзамену. Эта интерпретация в принципе может быть получена и при стандартном анализе. Возможно, однако, и другое прочтение, при котором желание Пети состояло в том, чтобы прочитать две каких-нибудь книги; утверждается, что такого *количества* книг недостаточно, а нужно прочитать, например, пять. Проблема в том, что для такой (интенциональной) интерпретации составляющая *две книги* должна находиться в области с-командования интенционального предиката *хотеть*, т.е. в позиции мишени релятивизации.

(4.62) *Двух* книг, которые Петя *хотел* прочитать, недостаточно для сдачи экзамена.

Перечисленные выше феномены представляют собой конкретно-языковые аргументы в пользу реконструкции именной вершины и компонентов проецируемой ею именной группы в позиции мишени относительного предложения. К ним может быть добавлен и типологический аргумент: существование языков, в которых относительное предложение содержит внутреннюю вершину. Поскольку в таких языках компоненты именной вершины могут получать интерпретацию вне относительного предложения (ср. адыгейский пример (4.22)), а диапазон семантических типов самой относительной клаузы повторяет их репертуар в языках, где относительные предложения имеют внешнюю вершину (ср. Таблицу 4.2)), нам в любом случае необходима теория, в которой внутренняя вершина поднимается из относительного предложения на этапе интерпретации. Естественным решением, объясняющим существование относительных предложений с внутренней и внешней вершиной и сходство

интерпретационных стратегий для обоих структурных типов, будет единая теория, в которой именная вершина всегда порождается в относительном предложении и поднимается в главную клаузу, образуя две копии — верхнюю и нижнюю. В относительных предложениях с внешней вершиной озвучивается верхняя копия, а в предложениях с внутренней вершиной — нижняя:

(4.63) а. относительные предложения с внешней вершиной

[_{MC} ... NP [_{RC} ... ~~NP~~ ...] ...]

б. относительные предложения с внутренней вершиной

[_{MC} ... ~~NP~~ [_{RC} ... NP ...] ...]

Структура в (4.63), однако, нуждается в уточнении. Важнейшая особенность реконструкции внешней вершины (и интерпретации внутренней вершины) состоит в том, что не все компоненты именной группы демонстрируют одинаковый «локус» интерпретации. Часть компонентов именной группы реконструируется внутри относительного предложения: выше мы наблюдали реконструкцию именной вершины, ее комплемента, прилагательных и некоторых квантифицирующих элементов (в частности, числительных и слабых квантификаторов). При этом определители и сильные кванторы, очевидно, не реконструируются, ср. (4.64а); напротив, они принадлежат только главной клаузе и квантифицируют в ней. Аналогичным образом, NPI, выступающие как определители (*ни один, никакой*), не лицензируются отрицанием в относительном предложении (4.64б).

(4.64) а. все романы Толстого, которые Петя сказал, что смог дочитать до конца

Петя сказал, что смог дочитать все романы Толстого

б. ни один роман Толстого, который Петя сказал, что не смог дочитать до конца

Петя сказал, что не смог дочитать ни один роман Толстого

С другой стороны, судя по данным в [Culy 1990]¹³⁵, относительные предложения с внутренней вершиной обычно демонстрируют вложение в верхние функциональные оболочки именной группы, в частности, в проекцию DP, как это видно в примере (4.65) из языка мохаве.

(4.65) [_{DP} [_{CP} Natčəq ʔavi:-m ʔ-u:ta:v]-nʏ-č] nʏəʔi:lʏ-pč.
собака камень-INSTR SU.1-ударить-DEF-NOM черный-REAL

‘Камень, которым я ударил собаку, черный.’

‘Собака, которую я ударил камнем, черная.’ [de Vries 2002: 76 (12)]

¹³⁵ “A restrictive internally headed relative clause is a nominalized sentence which modifies a nominal, overt or not, internal to the sentence” [Culy 1990: 27].

Следовательно, мы можем уточнить структуру в (4.63) следующим образом: в относительном предложении располагается / реконструируется материал лексической проекции NP (и, возможно, промежуточных функциональных проекций); верхние функциональные оболочки, содержащие, в частности, определители и сильные кванторы, принадлежат главному предложению:

(4.66) а. относительные предложения с внешней вершиной

[_{MC} ... [_{DP} D NP [_{RC} ... ~~NP~~ ...]] ...]

б. относительные предложения с внутренней вершиной

[_{MC} ... [_{DP} D ~~NP~~ [_{RC} ... NP ...]] ...]

(4.66) единообразно представляет относительную конструкцию как DP, содержащую именную группу и относительную клаузу. В этой структуре, однако, пока не ясен ни порядок композиции этих трех элементов, ни синтаксические отношения между подвергающимися соединению элементами (комплемент / адьюнкт). К прояснению этого вопроса мы переходим в следующем разделе.

4.2.2.2. Модификация

Гипотеза стандартной теории релятивизации об адьюнктивном характере относительного предложения уравнивает его в структурном статусе с прочими факультативными модификаторами именной группы. Однако уже в 60-е годы были известны языковые данные, свидетельствующие об отношениях селекции или лицензирования между определителем и относительным предложением. Так, К. Смит [Smith 1964: 69] обобщает ограничения разных классов определителей на семантический тип относительного предложения:

— нулевой определитель, вводящий имя собственное, допускает только аппозитивное относительное предложение;

— определенный и неопределенный артикли допускают и аппозитивное, и рестриктивное относительное предложение;

— определители-квантификаторы допускают только рестриктивное относительное предложение.

Эти факты мотивируют первый в генеративной грамматике анализ относительного предложения как дополнения определителя, связывающего определитель и относительное предложение (вернее, «относительный маркер» — прообраз C) отношением селекции.

Имеются и другие данные, свидетельствующие о том, что именно определитель, а не вершинное имя, «отвечает» за появление относительного предложения. Так, например, в [Kuroda 1968] рассматривается дистрибуция абстрактных существительных типа *way*, *manner*, *time*, которые могут принимать артикль только при наличии рестриктивного определения — прилагательного или относительного предложения.

(4.67) a. *I earned it the/a way.

b. I earned it the old-fashioned way.

‘Я заработал это старым добрым способом.’

c. I earned it the way that one should.

‘Я заработал это должным способом.’

Такое же поведение демонстрируют в английском языке и имена собственные: по-видимому, именно рестриктивное определение лицензирует сдвиг семантического типа (коэрсию) имени собственного в общее имя, что позволяет ему сочетаться с артиклем [Jackendoff 1977: 177-182]:

(4.68) a. *the Paris

b. the old Paris

‘старый Париж’

c. the Paris that I love

‘Париж, который я люблю’

Этот аргумент, однако, работает лишь в том случае, если мы рассматриваем любые рестриктивные определения как свернутые относительные клаузы (гипотеза, которая на разных этапах развития генеративной теории имела и продолжает иметь своих сторонников).

Более сильным аргументом является появление либо обязательность определителей, вызванные присутствием в структуре относительного предложения. Р. Кейн [Кауне 1994] приводит следующую минимальную пару:

(4.69) a. I found (*the) two pictures of John’s.

‘Я нашел две фотографии Джона.’

b. I found the two pictures of John’s that you lent me.

‘Я нашел две фотографии Джона, которые ты мне давал.’

(4.69a) показывает, что определенный артикль в английском языке не употребляется в именной группе некоторой специальной структуры (с «двойным генитивом» *of John’s*).

Следовательно, в (4.69b) появление определенного артикля связано не с именной вершиной, а с наличием относительного предложения (*that you lent me*). Это едва ли можно объяснить, если считать относительное предложение адьюнктом, т.е. необязательным зависимым имени.

Похожий аргумент приводит М. де Фрис, используя глагольно-именные идиомы, в которых именная группа используется без артикля.

(4.70) a. We made (*the) headway.

‘Мы достигли прогресса.’

b. The headway we made was great.

‘Прогресс, которого мы достигли, был существенным.’

В идиоматическом выражении *to make headway* ‘продвинуться, достичь прогресса’ именная группа употребляется без артикля, поэтому его появление в (4.70b) невозможно объяснить отношением селекции между D и NP. Очевидно, что определенный артикль в (4.70b) возможен ровно потому, что именная группа содержит относительную клаузу.

В безартиклевых языках продемонстрировать наличие отношения селекции между определителем и относительным предложением может показаться затруднительным: действительно, при отсутствии грамматикализованного выражения определенности / референтности отсутствуют и грамматические ограничения на использование аналогов определителей. Тем не менее имеются основания полагать, что и в безартиклевых языках относительное предложение располагается скорее в функциональных проекциях именной группы, чем в проекции лексического существительного.

Во-первых, имеются определенные ограничения на модификацию относительными предложениями именных групп малой структуры: так, например, в русском языке именные группы в функции генитива качества или материала, предикативные именные группы в предложениях характеристики, дополнения количественных глаголов и предлогов последовательно сопротивляются добавлению в их состав относительных предложений. Есть данные, что модификация относительными предложениями невозможна для (ветвящихся) именных групп, имеющих «связанный» синтаксический статус: в частности, псевдоинкорпорированные именные группы, «неоформленные» прямые дополнения, атрибутивизированные именные составляющие не могут иметь в своем составе относительных клауз. Так, например, псевдоинкорпорированная именная группа в языке ниуэ может содержать прилагательное (4.71a), предложную группу (4.71b) и сентенциальный актанта в сослагательном наклонении (4.71c), но не способна иметь в своем составе относительное предложение (4.71d) [Massam 2001]:

- (4.71) a. Ne inu **kofe kono** a Mele.
 PST пить кофе горький ABS Мэри
 ‘Мэри пила горький кофе.’ [Massam 2001: 158]
- b. Kua leva lahi e amaamanaki ke fai **pepa peh nai**.
 PF давно очень ABS ждать SBJC быть книга как этот
 ‘Очень давно ждали такой книги, как эта.’ [Massam 2001: 160]
- c. ...ke kumi **mena ke nonofo ai** a lautolu.
 SBJC искать вещь SBJC селиться там ABS они
 ‘...чтобы они искали место, где поселиться.’ [Massam 2001: 169]
- d. *Ne inu **kofe ne taute e au** a Sione
 PST пить кофе NONFUT делать ERG я ABS Сионе
 *‘Сионе пил кофе, который я сделал.’ [Massam 2001: 168]

В татарском языке наблюдается контраст между модификацией прилагательными и относительными клаузами в контексте немаркированного прямого дополнения, немаркированного посессора и дополнения атрибутивизатора *-лы*: так, в (4.72a) показано, что беспадежное прямое дополнение может быть модифицировано адъективным зависимым, но не относительной клаузой; напротив, для маркированных прямых дополнений оба типа модификаторов равно допустимы (4.72b). Аналогичные примеры могут быть приведены и для других контекстов.

- (4.72) a. Марат кызыклы / *[Алсу Казан-да ал-ган] китап укый.
 Марат интересный / Алсу Казань-LOC братъ-PF книга читать.PRS
 ‘Марат читает интересную книгу (книги) / *книгу (книги), которую Алсу
 купила в Казани.’
- b. Марат кызыклы / [Алсу Казан-да ал-ган] китап-ны укый.
 Марат интересный / Алсу Казань-LOC братъ-PF книга-ACC читать.PRS
 ‘Марат читает интересную книгу / книгу, которую Алсу купила в Казани.’

Если анализ псевдоинкорпорации в ниуэ [Massam 2001; Baker 2009b] и асимметричного падежного маркирования в татарском [Лютикова 2014б; Лютикова, Перельцвайг 2015, Lyutikova, Pereltsvaig 2015a,b] в терминах структурной сложности именной группы верен и псевдоинкорпорированные именные группы, равно как немаркированные дополнения и посессоры лишены проекции DP, мы имеем данные из безартиклевых языков, свидетельствующие о том, что для проецирования относительной клаузы недостаточно проекции лексического существительного, а необходима проекция определителя.

Русский язык располагает еще более сильным аргументом в пользу связи относительного предложения с проекцией определителя, а не лексического существительного. Речь идет об

указательном местоимении *tot*, часто возникающем в именной группе, модифицированной относительным предложением. На первый взгляд кажется, что местоимение *tot* неспецифично для относительных конструкций, входя в один семантико-синтаксический класс с другими указательными местоимениями (*этот, сей*) и выступая лексическим средством маркирования определенности и дейксиса. Однако это не совсем так: местоимение *tot* возникает в тех же контекстах, в которых английские относительные предложения вынуждают определенный артикль. При этом именные группы, содержащие *tot* и относительное предложение, не обязательно имеют определенный референциальный статус и не связаны ни с каким пространственным или метафорическим дейксисом.

Рассмотрим примеры в (4.73) с именем собственным *Москва*. В (4.73а) мы видим, что для адекватного использования всех указательных местоимений с именем собственным желательно иметь рестриктивное определение, которое бы лицензировало коэрсию, превращающую имя собственное в общее (такой же процесс мы наблюдали и в английском языке, ср. (4.68)). Важно, что указательные местоимения в этом примере сохраняют свою дейктическую (или анафорическую) функцию: варианты *та/эта* отражают дейктическое ранжирование далекий/близкий (в пространстве говорящего или в пространстве текста). Это особенно очевидно в семантически не вполне удачном (4.73b), где прилагательное навязывает близкий дейксис, а указательное местоимение — дальний. Ситуация меняется в (4.73с), содержащем относительное предложение. Удивительный эффект от появления в структуре относительного предложения состоит в том, что семантический конфликт между прилагательным и указательным местоимением снимается: указательное местоимение больше не интерпретируется в «дейктической плоскости».

(4.73) а. Та/эта ??(старинная) Москва очаровывала туристов.

б. ??Та сегодняшняя Москва мне совсем не нравится.

с. Та сегодняшняя Москва, которую строит Лужков, мне совсем не нравится.

Тот же контраст продолжают примеры в (4.74). Без рестриктивного относительного предложения указательное местоимение *tot* делает именную группу определенной, что, в частности, видно по отсутствию интенциональной интерпретации в (4.74а). В (4.74b) именная группа, содержащая местоимение *tot* и рестриктивное относительное предложение, может быть не только неопределенной, но и нереферентной.

(4.74) а. Поэтому он ищет ту женщину (в розовой кофточке).

б. Поэтому он ищет ту женщину, которую будет не так легко покорить. [Я]

Таким образом, мы видим отношения селекции между определителем (артиклем) и (рестриктивным) относительным предложением, причем не только в артиклевых, но и в безартиклевых языках. Естественной теоретической имплементацией селекции является структурное отношение вершина-комплемент. Таким образом, рассмотренные факты говорят против гипотезы об относительном предложении — адьюнкте NP, в пользу альтернативной гипотезы, согласно которой определитель выбирает относительное предложение в качестве комплемента.

В главе 1 мы уже обсуждали способность элементов категории D принимать в качестве комплементов составляющие категорий, отличных от NP. Собственно, именно анализ английских номинализаций, в которых в оболочку DP вложена глагольная группа, и был одним из важнейших мотивов для DP-гипотезы [Abney 1987]. Структуры, в которых комплементом D выступает CP, также встречаются и вне относительных конструкций: сентенциальные актаны, в том числе и вводимые подчинительными союзами, во многих языках могут быть вложены в проекцию указательного элемента, ср. обсуждение в разделе 1.3.

Наконец, следует сказать и о теоретических соображениях, мешающих рассматривать относительные предложения в качестве адьюнктов. Если развивать анализ (4.66), намеченный в предыдущем разделе, то относительное предложение должно иметь статус комплемента, а не адьюнкта, чтобы извлечение именной вершины из его состава было в принципе возможно.

Именно по этой причине все современные анализы, деривирующие рестриктивные относительные предложения путем подъема расположенной в позиции мишени именной вершины, принимают допущение, что относительное предложение представляет собой комплемент D. В следующем разделе мы рассмотрим такой подход более подробно и уточним его.

4.2.2.3. Анализ

По-видимому, первый формальный анализ относительных предложений, учитывающий эффекты связности и интерпретирующий амбивалентности именной вершины как результат ее передвижения из относительного предложения в главное, — это анализ Ж.-П. Верньо [Vergnaud 1974], выполненный на материале французского языка. Сформулированный в терминах расширенной стандартной теории, он уже, тем не менее, содержит целый ряд положений, которые в дальнейшем будут использоваться в разнообразных подходах, связанных с подъемом или продвижением именной вершины.

Верньо предполагает, что именная вершина возникает в базовой позиции (позиции мишени) в относительном предложении в качестве именной группы, содержащей особый *wh*-

определитель (4.76a). Эта именная группа подвергается передвижению в COMP относительного предложения, аналогично тому, как это происходит в вопросительных предложениях (4.76b). Затем именная вершина оставляет в COMP *wh*-оболочку и поднимается из состава относительного предложения, проецируя собственную именную группу, в которой относительное предложение оказывается адьюнктом (4.76c).

(4.75) les syndicalistes que Pinochet a jetés en prison

‘синдикалисты, которых Пиночет бросил в тюрьму’

(4.76) a. [S Pinochet a jeté [NP *wh*-syndicalistes] en prison]

[S ... [NP *wh*-Det N] ...]

b. [S' [COMP [NP *wh*-syndicalistes]_i] [S Pinochet a jetés t_i en prison]]

[S' [COMP [NP *wh*-Det N]_i] [S ... t_i ...]]

c. [NP les syndicalistes_j [S' [COMP [NP que t_j]_i] [S Pinochet a jetés t_i en prison]]]

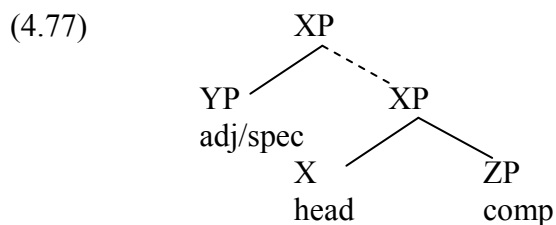
[NP N_j [S' [COMP [NP *wh*-Det t_j]_i] [S ... t_i ...]]]

Анализ Верньо, как мы видим, использует так называемое «проецирующее передвижение» (projecting movement), которое нарушает важнейший синтаксический принцип — принцип сохранения структуры [Emonds 1970].

Возобновление интереса к анализу с подъемом связано с двумя теоретическими новациями начала 90-х годов. Во-первых, в рамках минималистской программы возникает идея об интерпретации передвижения составляющей как ее копирования и повторного вставления в более высокой позиции. В таком случае в исходной позиции находится не след и не другая пустая категория (например, местоимение), а еще одна копия, идентичная верхней. Такое понимание передвижения открывает дорогу интерпретации разнообразных эффектов связности, ранее требовавших реконструкции передвинувшейся составляющей на месте следа или *ad-hoc* допущений об различных уровнях синтаксического представления, на которых должны выполняться различные ограничения или происходить различные операции.

Во-вторых, пересматривается незыблемая до того момента обобщенная структура синтаксической группы, сформулированная в X'-теории. Снова поднимается вопрос о соотношении иерархического проецирования групп и их линейного развертывания. При провозглашенном в минимализме принципе включенности (Inclusiveness condition) синтаксическая деривация не может варьировать в зависимости от таких метапараметров, как параметр вершины (находится ли дополнение справа или слева от вершины), параметр функциональной вершины (отличается ли ветвление в группе функциональной вершины от ветвления в группе лексической вершины), и т.п. Наиболее радикальным решением этого

вопроса явилась Гипотеза антисимметричности (Antisymmetry hypothesis) Р. Кейна [Kayne 1994], устанавливающая прямое соответствие между линейным порядком и структурной позицией компонентов группы. Согласно теории Кейна, существует универсальный порядок развертывания групп: спецификатор — вершина — комплемент, причем спецификатор представляет собой адьюнкт к максимальной проекции, асимметрично с-командует ею и может быть только один¹³⁶.

Понятно, что такая теория сталкивается с необходимостью пересмотреть классический подход к деривации самых разных языковых явлений, начиная с клитических кластеров и заканчивая порядком слов SOV. Одним из таких феноменов оказываются постпозитивные модификаторы, в том числе — относительное предложение. Р. Кейн возрождает анализ с подъемом на новом теоретическом уровне, с учетом DP-гипотезы С. Эбни / А. Сабольчи и накопленных представлений о возможных структурных типах относительных предложений.

Все постпозитивные относительные предложения, согласно Р. Кейну, являются CP, образующими единственный комплемент вершины D ($[_{DP} D [_{CP}]]$). Именная вершина порождается в позиции мишени релятивизации и подвергается передвижению на левую периферию относительного предложения, в Spec, CP (что в теории Кейна идентично адьюнгированию к CP). Дальнейшие детали деривации отличаются для относительных предложений, вводимых подчинительным союзом (в том числе и нулевым) (4.78a), и для относительных предложений с относительным местоимением (4.78b).

- (4.78) a. the house (that) I painted
 b. the house which I painted
 ‘дом, который я покрасил’

Рассмотрим сперва деривацию (4.78a). Вершина D (определенный артикль) выбирает в качестве комплемента относительную клаузу с внутренней вершиной. В соответствии с теорией антисимметричности она, как комплемент, располагается справа от вершины (4.79a). В позиции мишени находится группа лексического существительного (NP), соответствующая будущей

¹³⁶ Более точно, X'-теория Кейна логически следует из Аксиомы линейного соответствия (Linear correspondence Axiom).

именной вершине. Затем происходит передвижение NP-мишени в Spec-CP (путем левой адъюнкции к CP, (4.79b)).

- (4.79) a. [_{DP} the [_{CP} (that) I painted *house*]]
 [_{DP} D [_{CP} C [_{IP} ... NP ...]]]
 b. [_{DP} the [_{CP} *house* [_{CP} (that) I painted *house*]]]
 [_{DP} D [_{CP} NP_i [_{CP} C [_{IP} ... ~~NP~~_i ...]]]]

Деривация относительных предложений с относительным местоимением (4.78b) происходит несколько сложнее. Относительное предложение по-прежнему комплемент D, но в позиции мишени в относительном предложении располагается не NP, а DP, возглавляемая относительным местоимением и содержащая группу лексического существительного в качестве комплемента (4.80a). На следующем шаге эта DP передвигается в позицию спецификатора CP, давая (4.80b). Наконец, завершает деривацию подъем NP-мишени из позиции комплемента относительного местоимения в позицию его спецификатора (4.80c).

- (4.80) a. [_{DP} the [_{CP} (that) I painted *which house*]]
 [_{DP} D [_{CP} C [_{IP} ... [_{DP} D-rel NP] ...]]]
 b. [_{DP} the [_{CP} *which house* [_{CP} (that) I painted *which house*]]]
 [_{DP} D [_{CP} [_{DP} D-rel NP]_i [_{CP} C [_{IP} ... [~~DP~~ D-rel NP]_i ...]]]]
 c. [_{DP} the [_{CP} *house which house* [_{CP} (that) I painted *which house*]]]
 [_{DP} D [_{CP} [_{DP} NP_j [_{DP} D-rel NP]_j]_i [_{CP} C [_{IP} ... [~~DP~~ D-rel NP]_i ...]]]]

Как видно из приведенного анализа, Кейн справляется с проблемой проецирующего передвижения, однако за счет этого структура составляющих в относительной конструкции оказывается непривычной: именная вершина, собственно говоря, всегда остается внутренней, то есть никогда не покидает пределов CP относительного предложения. Вследствие этого последовательность *which I painted* не является составляющей, что явно противоречит как языковой интуиции, так и более строгим диагностикам.

Анализ Кейна вызывает и другие возражения, суммированные в [Borsley 1997]. Вопросы вызывает сама возможность появления NP в аргументной позиции в (4.79a). Р. Борсли доказывает, что в предложениях с подчинительным союзом передвигается DP, а не NP. Усовершенствованный анализ с подъемом, развиваемый в [Bianchi 1999] и [de Vries 2002], отказывается от противопоставления (4.78a) и (4.78b) как имеющих различные деривационные истории: для (4.78a) предлагается анализ с нулевым относительным местоимением, так что мишенью релятивизации всегда является DP, возглавляемая относительным оператором.

Проблема нетрадиционно короткого передвижения NP в (4.80с) (из позиции комплемента D в позицию адьюнкта к той же DP) вкупе с отсутствием у материала относительного предложения, исключаящего вершину, статуса составляющей, решается путем постулирования дополнительной проекции между CP и IP [Bianchi 1999, 2000] или над CP [Bhatt 2005].

- (4.81) a. [_{DP} the [_{CP} [_{NP} picture] C [_{XP} [_{DP} which t_{NP}] X [_{IP} Bill liked t_i]]]]]
 [Bianchi 2000: 130, (15)]
 b. [_{DP} the [_{XP} [_{NP} picture] X [_{CP} [_{DP} which t_{NP}] C [_{IP} Bill liked t_i]]]]]
 [Bhatt 2005: (39)]

Впрочем, оба варианта неидеальны: анализ Бьянки предсказывает неверный линейный порядок относительного местоимения и подчинительного союза (C — *wh*, а не *wh* — C, который мы реально наблюдаем в языках, лишенных фильтра множественного заполнения COMP, см. раздел 4.2.1); анализ Бхатта постулирует отношение селекции между вершиной D и некой составляющей XP, а не CP, что делает рассмотренные в 4.2.2.2 аргументы неприменимыми. До тех пор, пока категория X не проработана, (4.81) кажется скорее техническим решением.

Стоит сказать здесь пару слов о структурах, предлагаемых для препозитивных относительных предложений. Как мы уже отмечали в разделе 4.1, препозиция относительного предложения обычно связана с другими характеризующими их структурными параметрами. Так, препозитивные относительные клаузы не используют относительных местоимений (позиция мишени соответствует пробелу) и не вводятся относительными комплементаризерами. Как утверждает Р. Кейн, это закономерное следствие их деривационной истории: препозитивные относительные предложения представляют собой IP относительного предложения, поднявшееся в Spec, DP:

- (4.82) [_{DP} [_{IP} ... t_i ...]_j [_{DP} D [_{CP} NP_i [_{CP} C t_j]]]]]

Поскольку препозитивный материал соответствует IP, он не содержит ни комплементаризеров, ни относительных местоимений, которые должны остаться в CP справа от именной вершины.

М. де Фрис критикует анализ в (4.82) как предсказывающий исключительно порядок слов RC D N для конструкций с препозитивными относительными предложениями, в то время как в языках мира возможны также порядки D RC N и RC N D. Впрочем, по крайней мере для некоторых языков проблема находит решение: так, в [Ishizuka 2008] предлагается анализ японских относительных предложений, которые могут располагаться как перед указательным

местоимением, так и между ним и именной вершиной, что влечет некоторые различия в интерпретации:

- (4.83) a.   sono [aniki-ga   katte-ki-ta]   ringo
           этот брат-NOM   покупать-LV-PST   яблоко
           ‘это яблоко, которое купил брат’ (рестриктивное/*апозитивное)
- b.   [minna-ga   sagasi-teiru] sono ronbun
       каждый-NOM   искать-ASP   этот   статья
       ‘эта статья, которую все ищут’ (рестриктивное/апозитивное) [Ishizuka 2008:
       (7a-b)]

Ишизука предполагает, что за примерами в (4.83) стоит отличие в конечной точке передвижения IP. Дело в том, что японские указательные местоимения возникают в проекции Dem, расположенной ниже D, и затем адъюнгируются к вершине D, содержащей частицу *no*:

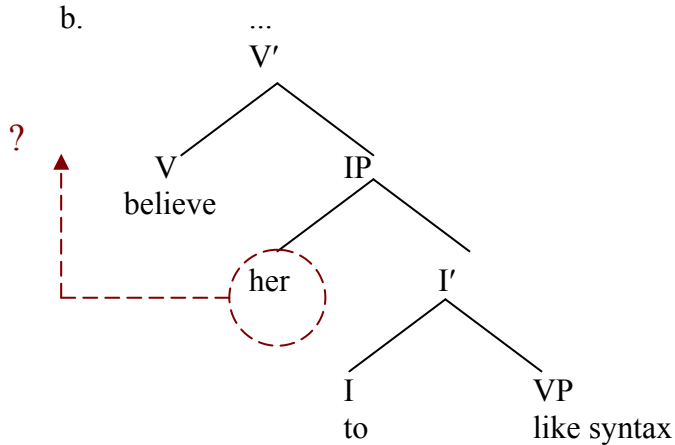
(4.84) [DP *so+no* [DemP ~~*so*~~ [...]]]

Если японская относительная клауза последовательно вложена в две данные проекции, то для IP есть две возможности адъюнкции — к DemP или DP. В первом случае относительная клауза оказывается в области с-командования D и имеет поэтому только рестриктивную интерпретацию. Во втором случае нижняя копия располагается ниже D, а верхняя — выше D, что дает возможность обеих интерпретаций.

Возвращаясь к анализу постпозитивных относительных предложений, следует указать на возможное решение проблемы проецирующего передвижения без введения дополнительной проекции, существование которой обосновано лишь необходимостью извлечения именной вершины из относительного предложения¹³⁷. На самом деле проблема возникает из-за того, что поднявшаяся из относительного предложения именная вершина претендует на статус компонента вышестоящего D, однако его компонентная позиция уже занята CP относительного предложения. Эта ситуация напоминает теоретический тупик в анализе исключительного падежного маркирования (ЕСМ), когда синтаксические диагностики свидетельствуют о подъеме именной группы в позицию дополнения главного предложения, но эта позиция занята как раз той составляющей, из которой происходит подъем:

¹³⁷ Это решение, насколько нам известно, впервые предлагается в [Лютикова 2008].

(4.85) a. I believe her to like syntax.

Соответственно, возможное решение состоит в том, чтобы обеспечить подвергающейся подъему составляющей свободную позицию в той группе, куда происходит подъем. В примере (4.85) это может быть как промежуточная проекция, отвечающая за структурный падеж прямого дополнения (AgrO), так и дополнительная аргументная позиция в глагольной группе, возникающая в ларсоновой структуре.

В нашем случае, очевидно, достаточно того, чтобы вершина D, выбирающая CP относительного предложения в качестве своего комплемента, была «переходной», т.е. также образовывала бы иерархическую структуру из двух оболочек. Именно такой анализ именных групп, содержащих рестриктивные относительные предложения, предлагает Р. Ларсон [Larson 2004].

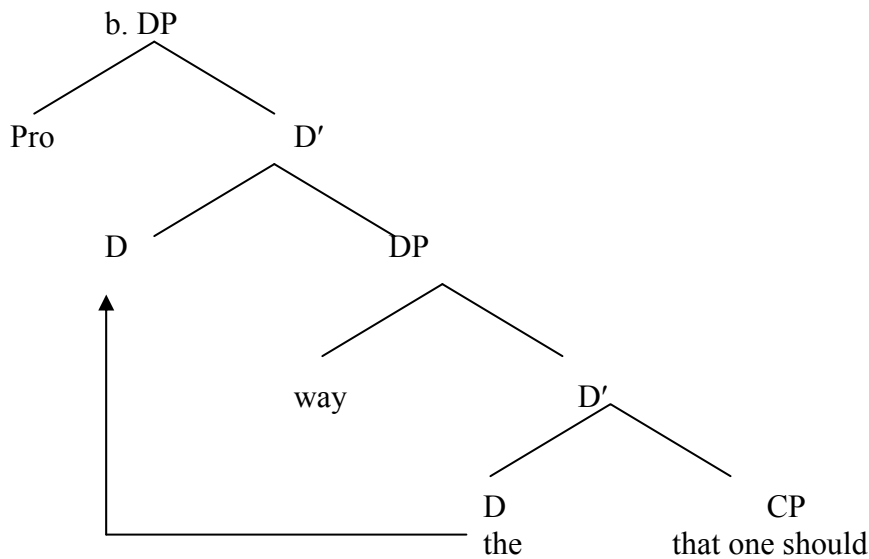
Ларсон предполагает, что вершина D, как и целый ряд других вершин, может иметь разные варианты в зависимости от количества аргументов. Внешним аргументом D является *pro* — носитель референциального индекса. Внутренними аргументами D являются рестрикторы, например, NP. Если рестрикторов более одного, мы имеем дело с несколькими внутренними аргументами, как это показано в (4.86):

- (4.86) a. [_{DP} *pro* [_{D'} **he**]] “monadic/intransitive” D
 b. [_{DP} *pro* [_{D'} **the** [_{NP} man]]] “dyadic/transitive” D
 c. [_{DP} *pro* [_{D'} **every** [_{DP} [_{NP} boy] [_{D'} **every** [_{PP} except Bill]]]] “triadic/bitransitive” D

Битранзитивная структура, как мы видим, располагает двумя аргументными позициями для рестрикторов (интерпретацией структуры (4.86с) будет $\forall x.x \text{ a boy} \wedge \neg x=\text{Bill} [P(x)]$). Именно такое D, по мысли Ларсона, возглавляет именные группы, содержащие рестриктивное относительное предложение — «дополнительный» аргумент:

(4.87) a. the way that one should

‘таким образом, как следует’

Такая структура, как мы видим, располагает необходимой для подъема именной группы аргументной позицией, отдельной от той, что занята относительным предложением. Совмещая анализ Ларсона (который порождает именную вершину вне относительного предложения) и анализ Кейна-Бьянки-де Фриса-Бхатта, который поднимает именную вершину из позиции мишени, получаем (4.88):

(4.88) $[DP\ the\ [DP\ [NP\ picture]\ t_D\ [CP\ [DP\ which\ t_{NP}]\ C\ [IP\ Bill\ liked\ t_i]\ ]]]]$

Структура в (4.88) лишена многих недостатков предыдущих анализов. Во-первых, она имеет отвечающую интуиции структуру составляющих $[D\ [NP\ CP]]$, в которой относительное предложение само по себе и его соединение с именной группой являются составляющими, причем D имеет структурный приоритет над обоими. Во-вторых, она не является уникальной в том смысле, что все ее особенности — селекция CP со стороны D, селекция NP со стороны D, ларсонова структура проекции D, подъем «подлежащего» из комплемента в позицию другого комплемента — аргументируются независимо от данной структуры или имеют аналоги в других областях синтаксиса. В-третьих, она допускает определенную вариативность в том, какая конкретно вершина D может возглавлять относительную конструкцию. В-четвертых, она не требует постулирования дополнительных нулевых вершин и связанных с ними функциональных проекций. Наконец, в-пятых, она эффективно решает проблему проецирующего передвижения.

Подведем промежуточные итоги. Мы установили, что анализ рестриктивных относительных предложений, использующий подъем именной вершины, мотивирован эмпирически и теоретически. Эмпирическая мотивация включает две группы феноменов:

эффекты связности и отношение селекции между определителем и относительной клаузой. Теоретическая мотивация заключается в том, что относительные предложения с внутренней вершиной демонстрируют те же интерпретационные возможности, что и относительные предложения с внешней вершиной, причем распределение компонентов именной группы, получающих интерпретацию внутри и вне относительной клаузы, одинаково для относительных конструкций с внешней и внутренней вершиной.

Анализ с подъемом с необходимостью опирается на представление об иерархическом устройстве именной группы, включающей не только проекцию лексической вершины, но и некоторое количество функциональных проекций. Такая структура необходима по следующим причинам. Поскольку передвигаться способны только максимальные проекции, именная составляющая, поднимающаяся из относительного предложения, должна быть максимальной проекцией. При этом, однако, она должна образовывать составляющую с относительным оператором внутри относительного предложения и составляющую с определителем/квантификатором вне относительного предложения, после подъема. Очевидно, что это возможно только в том случае, когда подъему подвергается NP (или какая-либо из промежуточных именных функциональных проекций), а в составе зависимого и главного предложения она оказывается заключена в оболочку DP.

В завершение этого раздела стоит сказать о еще одном подходе к проблеме связности, лежащем, по словам Р. Бхатта [Bhatt 2005] на полпути между анализом с внешней вершиной и анализом с подъемом. Речь идет о возрождении в серии работ У. Зауэрланда [Sauerland 1998, 2000, 2003b и др.] а также других авторов [Citko 2001; Cresti 2000; Fox 2002] первого по времени анализа относительного предложения как «удаления совпадающей именной группы» (equi-NP-deletion). В общих чертах анализ Зауэрланда выглядит так: в рестриктивной относительной конструкции имеется как внешняя, так и внутренняя вершины. Деривация относительного предложения происходит как при анализе с подъемом до тех пор, пока относительная группа не оказывается в Spec, CP (4.89a). Далее относительное предложение входит в состав именной группы, в которой проецируется собственная внешняя вершина (4.89b). При совпадении внешней и внутренней именной группы происходит особый вид эллипсиса — удаление внутренней именной группы (deletion under identity), обозначенное в (4.89c) двойным зачеркиванием.

- (4.89) a. [_{CP} [_{Op} pandas] [_{C'} (that) we saw [~~_{Op} pandas~~] at Ueno]]
 b. [_{DP} the pandas [_{CP} [_{Op} pandas] [_{C'} (that) we saw [~~_{Op} pandas~~] at Ueno]]]
 c. [_{DP} the pandas [_{CP} [~~_{Op} pandas~~] [_{C'} (that) we saw [~~_{Op} pandas~~] at Ueno]]]
 ‘панды, которых мы видели в (парке) Уэно’

Анализ с удалением совпадающей именной группы имеет следующие плюсы. Во-первых, он эффективно решает проблему связности за счет именной вершины, возникающей в позиции мишени, и в этом эквивалентен анализу с подъемом. Во-вторых, он избегает проблемы проецирующего передвижения (которая, как мы видели выше, может быть решена и в рамках анализа с подъемом в ларсоновой структуре группы определителя). В-третьих, отсутствие такого компонента анализа, как выдвижение именной группы из-под относительного местоимения, также стоит отнести к положительным моментам. Дело в том, что если в относительном предложении действует эффект крысолова, то на левую периферию передвигается не только именная группа с относительным местоимением/оператором, но и другой материал, как, например, в (4.90)¹³⁸. Если эффект крысолова регулируется принципом сходимости, непонятно, почему *wh*-передвижение было не в состоянии извлечь посессор *which student's* из именной группы, но при этом подъем из него именной вершины *student* оказывается возможен.

(4.90) the [[_{NP} student]_i] [_{CP} [[[which [_{NP} student]_i]'s brother]'s band]_j] C [Jonah likes t_j]]]
 ‘студент, музыкальная группа чьего брата нравится Ионе’

Главным аргументом в пользу анализа с удалением совпадающей именной группы является тот факт, что эффекты реконструкции, наблюдаемые в относительном предложении, не полностью идентичны эффектам реконструкции, возникающим при обычном *wh*-передвижении, например, в вопросительных предложениях. Опираясь на данные в [Munn 1994; Safir 1999], У. Зауэрланд указывает на следующий контраст в эффекте принципа С теории связывания [Sauerland 2003b: (12)]. В (4.91a) демонстрируется *wh*-передвижение вопросительной составляющей *which picture of John*. Это предложение неграмматично, поскольку при реконструкции этой составляющей в исходной позиции нарушается принцип С: референциальное выражение *John* оказывается связано подлежащим *he*. В (4.91b) с предполагаемым выдвижением именной группы *(the) picture of John* из относительного предложения при реконструкции этой именной группы в позиции мишени также нарушается принцип С, однако (4.91b) считается грамматичным.

(4.91) a. *Which picture of John_i does he_i like?
 ‘*Какую фотографию Джона_i он_i любит?’
 b. Which is the picture of John_i that he_i likes?
 ‘Что это за фотография Джона_i, которую он_i любит?’

¹³⁸ На эту проблему указывает также Р. Борсли [Borsley 1997]; пример (4.90) обсуждается в [Bhatt 2005: (40)].

Отсюда У. Зауэрланд делает вывод, что в позиции мишени релятивизации в (4.91b) реконструируется не составляющая *picture of John*, а некая отличная от нее составляющая, которая, тем не менее, может считаться достаточно «идентичной», чтобы подвергнуться эллипсису в контексте внешней вершины.

Сама по себе идея элидирования внутренней вершины в контексте внешней может показаться не очень удачной: эллипсис является факультативной фонологической операцией, в то время как удаление именной вершины в относительном предложении обязательно; кроме того, для эллиптических контекстов не характерно определение в структурных терминах, в то время как удаление идентичной именной группы ориентировано на конкретный весьма локальный эллиптический контекст — внешнюю вершину. Зауэрланд, однако, указывает, что существует по крайней мере один вид обязательного локального эллипсиса — это эллипсис в компаративной конструкции:

(4.92) Ahab saw a longer whale than (*a long whale) was ever seen.

‘Ахаб видел более крупного кита, чем кто-либо когда-либо видел.’

Следовательно, не будет слишком сильным допущением предположить, что и в деривации относительной конструкции такой специфический вид эллипсиса может быть задействован.

Главное же достоинство анализа с эллипсисом в том, что он, так же как и рассматриваемая Зауэрландом структура, допускает неполное совпадение элидируемого материала и эллиптическим контекстом (антецедентом): референциальное выражение в составе антецедента может соответствовать местоимению в элидируемой составляющей. Это так называемая «смена транспорта» (*vehicle change*), свойство эллипсиса, обнаруженное в [Fiengo, May 1994]. Контраст по грамматичности между (4.93a) и (4.93b) показывает, что местоимение, которое находится в элидируемом материале на месте референциального выражения, является скорее прономиналом, чем анафором: если оно располагается в одной клаузе с кореферентным подлежащим, предложение неграмматично (4.93a), но если их разделяет граница финитного предложения, неграмматичность исчезает (4.93b).

(4.93) a. *John likes Mary_i and she_i does <like her_i>, too.

‘Джон любит Мэри_i, и она_i тоже <любит ее_i>.’

b. John likes the story about Mary_i and she_i knows he does <like the story about her_i>.

‘Джон любит эту историю про Мэри_i, и она_i знает, что он любит эту историю про нее_i.’

Если предположить, что таким же свойством обладает эллипсис, удаляющий внутреннюю вершину относительного предложения, мы получаем возможность объяснить отсутствие эффектов, связанных с нарушением принципа С [Sauerland 2003b: (20)]:

- (4.94) a. pictures of John_i which he_i displays prominently
 ‘фотографии Джона_i, которые он_i располагает на видном месте’
 b. [picture of John_i]_j λx which he_i displays [x, one_j]

Проблематичными для анализа с удалением совпадающей вершины, отмечает Зауэрланд, являются те случаи, когда внешняя вершина в принципе не может быть проинтерпретирована в главном предложении. Это, во-первых, предложения, являющиеся результатом релятивизации идиом (4.95a); во-вторых, относительные предложения степени (4.95b); и в-третьих, случаи, когда именная вершина содержит анафор или местоимение, которое должно быть связано внутри относительной клаузы (4.95c-d).

- (4.95) a. The headway that she made was substantial.
 ‘Прогресс, которого она достигла, был существенным.’
 b. Mary shouldn’t even have the few drinks that she can take.
 ‘Мэри не следовало бы пить даже столь мало, сколько ей можно.’
 c. The interest in each other_i that John and Mary_i showed t was fleeting.
 ‘Интерес друг к другу, который продемонстрировали Джон и Мэри, был мимолетным.’
 d. The book on her_i desk (John found out) every professor_i liked best t concerned model theory.
 ‘Книга на ее столе, которую, как обнаружил Джон, каждая женщина-профессор ценила больше всего, была посвящена теории моделей.’

Для таких случаев следует сохранить анализ с подъемом, при котором именная вершина реконструируется в относительном предложении и отсутствует в главном, ср. (4.96):

- (4.96) LF: the [e] [_{CP} [e] λx every professor_i liked [x, book on her_i desk] best]

В таких структурах, как и ожидалось, возникают эффекты принципа С теории связывания:

- (4.97) *The headway on Mary_i’s project she_i had made pleased the boss.
 ‘Прогресс в проекте Мэри_i, которого она_i достигла, порадовал ее босса.’

Таким образом, результатом обсуждения оказывается необходимость обоих анализов — часть относительных предложений возникает в результате подъема, часть — в результате удаления совпадающей вершины. Тем самым теория возвращается к идее Г. Карлсона [Carlson 1977a] о существовании разных структурных типов рестриктивных относительных предложений, каждый из которых нуждается в отдельном анализе (см. также [Áfarli 1994] о двух типах норвежских относительных предложений или [Asudeh 2012] о двух относительных конструкциях в ирландском).

Стоит отметить, что независимо от того, распространяется ли анализ с подъемом на все рестриктивные относительные предложения или же только на их подмножество, сама принципиальная возможность такой деривации служит аргументом в пользу DP-гипотезы. Если существуют такие типы относительных конструкций, для которых очерченный выше анализ с подъемом необходим, то необходим и весь комплекс допущений о структуре именной группы, который лежит в основе такого анализа.

4.3. *Аппозитивные относительные предложения*

Предпринятое нами в разделе 4.2 обсуждение затрагивало в первую очередь рестриктивные относительные предложения. В этом разделе предполагается обсудить синтаксическую специфику аппозитивной модификации.

Аппозитивные относительные предложения, наряду с рестриктивными и максимализирующими, представляют собой один из семантических типов относительных конструкций [Grosu, Landmann 1998]. В отличие от рестриктивных и максимализирующих относительных клауз, аппозитивные конструкции не участвуют в создании экстенционала именной группы. В (4.98) аппозитивное относительное предложение определяет имя собственное *Корецкого*, которое в контексте рассказа имеет однозначно устанавливаемый референт, и материал аппозитивного относительного предложения не принимает участия в создании дескрипции.

(4.98) *Лето Анна проводила в имении у тётки, отдельно от Корецкого, [APP который всегда весной уезжал за границу]. [В. Я. Брюсов. Через пятнадцать лет (1909)]*

Аппозитивные относительные конструкции засвидетельствованы во многих языках. Вопрос об универсальной доступности аппозитивной интерпретации в языках мира на сегодняшний день, по-видимому, остается открытым. С одной стороны, имеются обобщения об отсутствии аппозитивной интерпретации у некоторых структурных типов относительных

конструкций, например, у препозитивных относительных предложений или коррелятивной конструкции [de Vries 2002: 29]. С другой стороны, для конкретных языков, использующих этот структурный тип относительной конструкции, были продемонстрированы возможности аппозитивной интерпретации. Так, препозитивные относительные клаузы в японском могут быть аппозитивными — см. пример (4.83b) из предыдущего раздела, который неоднозначен между рестриктивной и аппозитивной интерпретацией; в турецком, татарском, и, по-видимому, в других тюркских языках возможны нефинитные препозитивные относительные клаузы, имеющие аппозитивную семантику по крайней мере в конструкции с вершиной — именем собственным. Осетинская коррелятивная конструкция также может строиться на основе имени собственного (5), при этом ее интерпретация близка к аппозитивной [Беляев 2014а: 183].

- (4.99) [Хъуыды кæн-ын цы Сослан нæ с-ахуыр ис],
 мысль делать-INF что Сослан NEG PF-учение быть
 уый дæр ма йæ мæгуыр-ау зонд-æй ба-мбæрст-а ...
 тот же PTCL 3SG.POSS бедный-EQUAT разум-ABL PF-понять-PST.3SG
 ‘Даже Сослан, который не научился думать, понял это своим слабеньким умом...’

В следующих разделах мы рассмотрим грамматические особенности аппозитивных относительных конструкций. В разделе 4.3.1 мы обсудим возможные гипотезы о внешнем синтаксисе аппозитивных предложений как источнике особой интерпретации этих конструкций. В разделе 4.3.2 мы исследуем внутреннюю синтаксическую структуру аппозитивных предложений русского языка и покажем, что специфика аппозитивных конструкций не сводима к их синтаксическому статусу в структуре главного предложения. Завершает статью раздел 4.3.3, в котором мы наметим анализ, учитывающий особенности внешнего и внутреннего синтаксиса аппозитивных относительных предложений в русском языке.

4.3.1. Синтаксический статус аппозитивных клауз в структуре главного предложения

Основной вопрос, который всегда занимал исследователей аппозитивных относительных предложений, связан с проблемой модификации: какого типа составляющую модифицирует аппозитивное относительное предложение и каким образом семантическое отношение между этой составляющей и аппозитивным относительным предложением выражается в синтаксисе. Загадка аппозитивных относительных предложений в удивительном рассогласовании их

синтаксического и семантического статуса: синтаксически явно подчиненная клауза демонстрирует значительную интерпретационную независимость.

Для иллюстрации этого феномена рассмотрим лишь несколько синтаксических и семантических особенностей аппозитивных относительных предложений. С синтаксической точки зрения аппозитивное относительное предложение занимает фиксированную линейную позицию, располагаясь (за исключением случаев экстрапозиции) контактно с той именной группой, к которой оно относится. Так, в примере (6) аппозитивное предложение может относиться только к Петровым, но не к Ивановым:

(4.100) Я представил Ивановым_i Петровых_j, с которыми_{j,*i,*i+j,*k} всегда поддерживал дружеские отношения.

Следует отметить, что сам тот факт, что антецедент аппозитивного относительного предложения определяется однозначно, предположительно свидетельствует о том, что эта именная группа является ближайшим доступным «контролером» аппозитивного относительного предложения: имеется такая составляющая, которая включает именную группу–антецедент и аппозитивное относительное предложение, но не включает другие именные группы–потенциальные контролеры (ср. с правилами контроля PRO в [Rosenbaum 1967, 1970; Hornstein 1999]). Такая конфигурация возможна, если аппозитивное относительное предложение находится достаточно близко в структуре главного предложения к именной группе–антецеденту, следовательно, степень синтаксической вложенности аппозитивной клаузы в общем случае определяется степенью синтаксической вложенности именной группы–антецедента.

Для некоторых языков можно сделать и более сильное утверждение, в соответствии с которым аппозитивное относительное предложение образует составляющую с антецедентом. Так, в языках V2 имеется эффективная диагностика, позволяющая определить, является ли некоторая последовательность слов составляющей: в повествовательном предложении вторую позицию занимает спрягаемый глагол, а первую позицию может занять любая составляющая, но только одна. Применение этой диагностики в нидерландском языке показано в (4.101) [de Vries 2002: (94)]. Мы видим, что в первой позиции может располагаться именная группа вместе с относящимся к ней аппозитивным предложением (4.101a); напротив, разорвать последовательность именной группы и аппозитивного предложения спрягаемым глаголом нельзя (4.101b). Следовательно, именная группа–антецедент и аппозитивное предложение образуют составляющую.

(4.101)a. [Annie, die viool speelt], **heeft** een nieuwe strijkstok gekocht.

‘Анни, которая играет на скрипке, купила новый смычок.’

b. *[Annie] **heeft**, [die viool speelt], een nieuwe strijkstok gekocht.

(4.101a) содержит еще одно свидетельство подчиненного синтаксического статуса аппозитивного предложения — так называемый «обратный порядок слов», характерный для всех видов придаточных предложений многих германских языков. Каким бы ни было объяснение «обратного порядка слов» в придаточных предложениях (наиболее известное из них состоит в том, что главные и придаточные предложения возглавляются комплементаризерами с различными признаками [den Besten 1983]), понятно, что по этому параметру аппозитивные относительные предложения также проявляют свойства синтаксически зависимых клауз.

Таким образом, с точки зрения синтаксических характеристик аппозитивное относительное предложение представляет собой зависимую клаузу, структурная позиция которой не может быть существенно выше позиции именной группы–антецедента; данные многих языков свидетельствуют о том, что именная группа–антецедент и аппозитивная клауза образуют составляющую. Однако удивительным образом семантические характеристики аппозитивных относительных предложений указывают на совершенно другой статус: аппозитивные предложения проявляют интерпретационные свойства независимых предложений или, по меньшей мере, предложений, расположенных очень высоко в структуре главного предложения.

Во-первых, во многих языках аппозитивные относительные предложения обладают семантическими характеристиками главной клаузы (main clause phenomena). Среди этих характеристик следует в первую очередь отметить иллокутивную самостоятельность аппозитивных относительных клауз [Кобозева 1999]. Они способны содержать адвербиалы, ориентированные на говорящего (*frankly*, *apparently*, *честно говоря*, *по-видимому* и т.п., ср. (4.102a-b) из работы [Emonds 1979: 239] и их русские переводы), логические связки, аргументами которых выступают главное и аппозитивное предложение (4.103), выражать наклонение (4.104) и т.п.

(4.102)a. The boys, [_{APP} who have **frankly** lost their case], should give up.

‘Эти ребята, которые, **если быть честным**, проиграли, должны сдаться.’

b. * The boys [_{RESTR} that have **frankly** lost their case], should give up.

‘*Те ребята, которые, **если быть честным**, проиграли, должны сдаться.’

(4.103) Именно в таких теоретико-деятельностных понятиях П.И. Зинченко проинтерпретировал полученный им эффект генерации, [APP который, **следовательно**, можно считать вариантом структурно-деятельностного эффекта...] [Б. Г. Мещеряков. П.И. Зинченко и психология памяти (2003) // «Вопросы психологии», 2003.07.22]

(4.104) Из этой же тесьмы сделайте петлю, [APP на которую **повесьте** игрушку]. [Веселая, нарядная (2004) // «Амурский Меридиан», 2004.12.22]

Во-вторых, материал аппозитивного относительного предложения находится вне сферы действия операторов, расположенных в главном предложении. Это положение можно продемонстрировать, используя отрицание и отрицательно-полярные единицы (NPI) [de Vries 2002: 192]:

(4.105)a. I didn't see a man [RESTR who had had **any** drinks].

‘Я не видел человека, который бы выпил хоть какой-то напиток.’

b. I didn't see Bill, [APP who had had some/***any** drinks].

‘Я не видел Билла, который выпил какой-то напиток / *который бы выпил хоть какой-то напиток’

Заметим, что кванторы, расположенные в главном предложении, тем не менее способны связывать местоимения в аппозитивном относительном предложении:

(4.106) **Каждая гейша_i** рано или поздно обретает покровителя, который за право вызывать **ее**; в любое время платит хозяйке заведения очень крупную сумму. [Всеволод Овчинников. Ветка сакуры (1971)]

Однако, как показано для английского языка в [Sells 1985] и для русского языка в [Лютикова 2012a], такие случаи относятся к классу так называемой несвязанной анафоры (unbound anaphora), характерным примером которой являются «предложения с осликом» (donkey sentences)¹³⁹. Поскольку несвязанная анафора возможна даже между компонентами двух независимых предложений (ср. случаи так называемого «телескопинга» (4.107) и прочие случаи, рассмотренные в [Keshet 2007; Ivlieva 2011; Barker 2012]), грамматичность (4.106) и

¹³⁹ «Предложения с осликом» — группа контекстов, в которых имеет место семантическое связывание анафорического местоимения в отсутствие синтаксического связывания (с-командования). Источником названия послужил один из наиболее популярных примеров такого рода:

(i) If a farmer_i has a donkey_j, he_i beats it_j.

‘Если у фермера есть ослик, он его бьет.’

подобных примеров не свидетельствует о расположении аппозитивного относительного предложения в области с-командования квантора.

(4.107) *Каждый студент_i получил обходной лист_j. Он_i должен проставить в нем_j необходимые печати и затем сдать на кафедру.*

Таким образом, семантические свойства аппозитивных предложений в целом свидетельствуют об их независимой интерпретации. Более того, как кажется, содержащаяся в аппозитивных предложениях информация «привязана» не к именной группе–антецеденту, а ко всему главному предложению. Например, при эллипсисе, контролером которого является именная группа, определяемая аппозитивным относительным предложением, материал аппозитивного предложения не восстанавливается, ср. нидерландский пример (4.108) из [de Vries 2002: 203].

(4.108) *Jij hebt twee violen, [APP die trouwens al heel oud zijn], en ik heb er drie.*

‘У тебя есть две скрипки, которые, кстати сказать, очень старые, а у меня три.’

(i) = ‘... а у меня есть три скрипки.’

(ii) ≠ ‘... а у меня есть три скрипки, которые, кстати сказать, очень старые.’

Наконец, стоит отметить, что аппозитивной модификации могут подвергаться составляющие различных фразовых категорий, а не только именные группы. Так, в английском языке аппозитивные предложения с местоимением *which* могут относиться к CP, VP, AP и т.п.:

(4.109)a. *She was late, which was unwise.*

‘Она опоздала, что было неразумно.’

b. *She can play violin, which I can't, by the way.*

‘Она умеет играть на скрипке, чего я, кстати, не умею.’

c. *She is self-confident, which I'm not.*

‘Она самонадеянна, а я нет.’

В русском языке аппозитивные предложения с местоимением *который* способны определять только именные группы; однако возможна аппозитивная модификация составляющих других фразовых категорий предложениями с относительным местоимением *что* и *какой / каковой*¹⁴⁰.

¹⁴⁰ Ограничения на использование местоимения *который* в таких аппозитивных предложениях, как кажется, не связаны с их специальным статусом, но отражают общее свойство этого местоимения, требующего лексической

(4.110)а. *Он опоздал, что* было замечено. [Зализняк, Падучева 1975: 61].

б. Она смогла *опубликоваться в LI, чего* мне никогда не удавалось.

с. Лавров пытался изложить своё понимание путей развития *универсального* алгоритмического языка, **каковым**, по его убеждению, Алгол ещё не являлся. [Наталья Дубова. Орбита Лаврова // «Computerworld», 2004]

Академическая грамматика русского языка [Русская грамматика 1980, §2918-2922] относит часть таких предложений, а именно те из них, что отсылают к предикативной составляющей (финитной или нефинитной клаузе) к особому классу придаточных — распространительно-изъяснительным предложениям¹⁴¹. Авторы грамматики также отмечают, что с семантической точки зрения это «придаточное» предложение таковым не является: «Предложения с местоимением *что*, ориентированным на предикативный центр главного предложения, характеризуются особым типом придаточности: придаточное предложение здесь не имеет синтаксической позиции внутри главного, оно формируется вне рамок последнего и не может быть сведено на положение какого-либо его члена. Напротив, позиция, которую занимает местоимение *что*, может расцениваться как позиция, вовлекающая главное предложение в структуру отношений, устанавливаемых внутри придаточного. Не имея никакой опоры в главном предложении, такое придаточное является придаточным только по форме; по функции оно не отличается от самостоятельного предложения или от предложения, входящего в состав сложносочиненной конструкции...» [там же, §2920].

Если принять во внимание вышесказанное, становится понятно, почему именно проблема модификации стала центральной проблемой, обсуждаемой применительно к аппозитивным относительным предложениям. Как кажется, с самого начала среди синтаксистов возобладала идея, что специфика аппозитивной модификации (противопоставляющая ее рестриктивной) связана только с позицией относительной клаузы в синтаксической и логической структуре.

именной вершины. Так, в рестриктивных относительных предложениях, возглавляемых местоимениями, *который* неграмматично, а используются вопросительные местоимения (*кто, что, где* и т.д.):

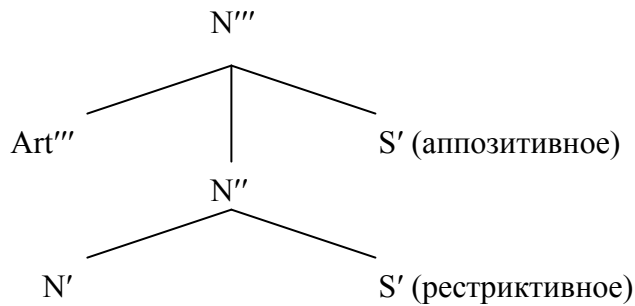
(i) а. Они готовы идти к *любому, кто* их утешит.

б. *Они готовы идти к *любому, который* их утешит.

¹⁴¹ Логика этого названия в том, что аппозитивные относительные предложения, определяющие ИГ, именуются распространительными (определятельными) предложениями. Таким образом, аппозитивной семантике соответствует ярлык «распространительный», а компонент определятельный/изъяснительный определяется типом модифицируемой группы.

Поскольку наиболее очевидным отличием рестриктивных и аппозитивных относительных клауз является участие первых и не-участие вторых в создании экстенционала именной группы, простейшая гипотеза состоит в том, что рестриктивные относительные предложения присоединяются к именной группе ниже определителя/квантора, а аппозитивные — выше. Эта гипотеза возникает первоначально в семантических работах (см. [Partee 1973, 1975; Stockwell, Schachter, Partee 1973]) и затем получает синтаксическое выражение в [Jackendoff 1977]:

(4.111)

С появлением DP-гипотезы позиционное отличие рестриктивных и аппозитивных относительных предложений становится еще более четко артикулированным: рестриктивное относительное предложение рассматривается как адьюнкт к NP, в то время как аппозитивное — как адьюнкт к DP [Browning 1987]. Тем самым важнейшее отличие двух типов относительных предложений — расположение внутри vs. вне сферы действия определителя/квантора — получает очевидное структурное соответствие (4.112a-b).

(4.112)a. [DP D [NP [NP N] RESTR]]

b. [DP [DP D [NP N] APP]]

Так, например, в [Demirdache 1991: 111] оба семантических типа относительных клауз считаются (правыми) адьюнктами, однако адьюнктами разного уровня. Отсюда естественным образом следует взаимный порядок рестриктивных и аппозитивных относительных предложений в именной группе: рестриктивные располагаются ближе к именной вершине, чем аппозитивные.

Несмотря на то, что адьюнктный статус относительного предложения, по меньшей мере рестриктивного, неоднократно оспаривался, само соотношение структурных позиций рестриктивных / аппозитивных относительных предложений остается неизменным. Так, Г. Чинкве предполагает две позиции для присоединения относительных клауз в универсальной структуре ИГ, так что рестриктивное предложение присоединяется ниже, а аппозитивное — выше определителя (IP_{NONRESTR}>Dem>IP_{RESTR}>Num>A>NP, [Cinque 2008]). Р. Кейн [Kayne 1994]

предполагает, что аппозитивная интерпретация достигается благодаря LF-передвижению относительного предложения в Spec, DP; рестриктивное же предложение в теории Кейна является компонентом D. Сходный анализ находим в [Bianchi 1999]. Наконец, в диссертации [de Vries 2002] рестриктивные относительные предложения представляют собой компонент D, в то время как аппозитивные присоединяются к DP как компоненты особого оператора — уточняющего сочинения (specifying coordination, обозначаемого как &:); как видно из (4.113), иерархическое соотношение между рестриктивными и аппозитивными предложениями сохраняется.

(4.113)a. [_{DP} D [_{CP} NP RESTR]]

b. [_{&:P} DP [_{&:} [APP]]]

Все перечисленные анализы объединяет то, что аппозитивное относительное предложение на любом уровне деривации образует составляющую с именной группой—антецедентом или, по крайней мере, входит вместе с ним в составляющую следующего уровня. Соответственно, аппозитивное предложение получает зависимый синтаксический статус, а это значит, что его семантические характеристики, такие как интерпретационные эффекты главной клаузы и расположение вне сферы действия любых операторов из главного предложения, оказываются лишены синтаксической репрезентации.

Попыткой реализовать синтаксический подход к объяснению семантических свойств аппозитивных предложений является гипотеза главного предложения (main clause hypothesis), согласно которой на некотором уровне синтаксического представления (собственно, на том, который и подвергается интерпретации) аппозитивное предложение представляет из себя конъюнкт или адъюнкт главного предложения.

Первым эту гипотезу применительно к аппозитивным относительным предложениям¹⁴² высказывает Дж. Росс [Ross 1967]: он предполагает, что на глубинном уровне аппозитивное предложение представляет из себя конъюнкт главной клаузы, что объясняет все упомянутые выше семантические эффекты. Одним из вариантов этой гипотезы является анализ аппозитивных предложений как парентетических (скобочных) составляющих, которые адъюнгируются к главному предложению и затем занимают наблюдаемую линейную позицию либо в результате «линейных перестановок» (reordering) у Дж. МакКоли [McCawley 1981]¹⁴³,

¹⁴² Следует иметь в виду, что первые формальные анализы деривировали все относительные конструкции из двух независимых предложений (ср. [Chomsky 1965]).

¹⁴³ В концепции МакКоли иерархический и линейный порядок на составляющих определяются независимо, что влечет возможность разрывных (discontinuous) составляющих, а также операций, меняющих линейное соотношение между составляющими без изменения структурного отношения между ними.

либо в результате экстрапозиции всего материала главной клаузы, расположенного между именной группой–антецедентом и аппозитивным предложением [Emonds 1979].

С изменением представлений о том, репрезентация какого синтаксического уровня поступает на вход интерпретационного компонента, меняется и ориентация «гипотезы главной клаузы». Первые попытки приписать интерпретацию синтаксическим репрезентациям исходили из того, что семантическое представление создается на основе синтаксического представления уровня глубинной структуры (в связи с чем и возникает синтаксическая синонимия, когда к одной и той же глубинной синтаксической репрезентации были применены разные трансформации). Соответственно, «гипотеза главной клаузы» постулировала независимый статус аппозитивного предложения именно в исходной («глубинной») синтаксической структуре. Затем стало понятно, что для таких феноменов, как связывание и сфера действия операторов, релевантным уровнем является не глубинный и не поверхностный (соответствующий озвучиванию) уровень, а постсинтаксический уровень, на котором создается такая репрезентация предложения, как логическая форма (LF). В этой связи статус «главной клаузы» для аппозитивного предложения становится важен на уровне LF. Именно такой подход предлагает Х. Демирдаш [Demirdache 1991: 103-162]: аппозитивное относительное предложение в видимом (overt) синтаксисе представляет собой адьюнкт DP и озвучивается в этой позиции; однако при переходе к уровню LF оно подвергается экстрапозиции и адьюнгируется к главному предложению, за счет чего и возникают все обсуждавшиеся выше интерпретационные эффекты.

В качестве варианта данного подхода можно рассматривать гипотезу, изложенную в работе [Safir 1986], согласно которой связь аппозитивного относительного предложения с именной группой–антецедентом устанавливается на уровне «после LF» — LF'. В качестве мотивации этой гипотезы К. Сэфир рассматривает эффект слабого переезда (weak crossover)¹⁴⁴ в относительных предложениях и замечает, что он ожидаемо присутствует в рестриктивных (4.114a) и неожиданно отсутствует в аппозитивных относительных предложениях (4.114b).

(4.114)a. ?*A man who_i his_i wife loves t_i arrived early.

‘%Человек, которого_i его_i жена любит t_i, прибыл рано.’¹⁴⁵

¹⁴⁴ Эффект слабого переезда состоит в неграмматичности линейного расположения анафорического местоимения между подвергнувшейся A'-передвижению именной группой и ее следом в случае, если анафорическое местоимение и передвинувшаяся группа коиндексированы. Эффект слабого переезда часто используется как диагностика A'-передвижения.

¹⁴⁵ В русском языке эффект слабого переезда, по-видимому, для части носителей отсутствует либо не создает сильной неграмматичности (Я.Г. Тестелец, личное сообщение).

b. John_i, who_i his_i wife loves t_i, arrived early.

‘Джон, которого_i его_i жена любит t_i, прибыл рано.’

Для разрешения этого парадокса К. Сэфир предполагает, что принцип, ответственный за эффект слабого переезда, действует на уровне LF, но не LF'. Соответственно, деривация (4.114a) подразумевает нарушение этого принципа в LF, а деривация (4.114b) — нет. Этого можно добиться, если допустить, что (4.114b) имеет в LF такую репрезентацию, которая не создает условий для слабого переезда: например, относительное местоимение еще не коиндексировано с именной группой–вершиной, а значит, имеет другой индекс, чем относительное местоимение и его след. Коиндексирование возникает при присоединении аппозитивного относительного предложения к именной вершине на уровне LF', где оно уже не приводит к неграмматичности.

Наконец, существуют также такие подходы, которые решают проблему семантико-синтаксического интерфейса аппозитивных конструкций, расширяя набор допущений о возможных соотношениях синтаксических и семантических структур. С одной стороны, гипотеза «радикального сиротства» (*radical orphanage*, [Haegeman 1988; Fabb 1990]) предполагает, что аппозитивное относительное предложение и именная группа–антецедент не образуют составляющей ни на каком синтаксическом и/или логическом уровне: наблюдаемое контактное расположение аппозитивного предложения и именной вершины возникает при конкатенации двух различных синтаксических структур. Примерно таким же образом определяется линейная позиция сентенциальных парентетиков разного типа — вводных слов, обращений, метатекстовых вставок: они синтаксически никак не связаны с предложением, внутри которого озвучиваются, ср. пример (4.115).

(4.115) The main point — *why not have a seat?* — is outlined in the middle paragraph.

‘Главная мысль — *почему бы нам не присесть?* — изложена в среднем параграфе.’

С другой стороны, можно предположить, что аппозитивные относительные предложения нестандартно интерпретируются: они создают значение другого типа, которое не релевантно для значения остального предложения. Такого рода подход развивает К. Поттс [Potts 2002, 2003, 2005], который анализирует аппозитивные относительные предложения как пресуппозициональные пропозиции. При интерпретации они получают особый семантический тип t_c (т.е. тип t для конвенциональных импликатур), в то время как главное предложение имеет тип t_a (т.е. тип t для пропозиций *at-issue*). Таким образом можно добиться того, чтобы интерпретация главного предложения происходила независимо от интерпретации аппозитивного относительного предложения даже при учете их синтаксической

интегрированности. Этот анализ, однако, предполагает, что все аппозитивные ОП пресуппозициональны, т.е. не участвуют в создании интерпретации *at-issue*, что, вообще говоря, неверно: аппозитивное относительное предложение, в отличие от прочих пресуппозициональных парентетиков, может выступать полноправным средством описания эпизода основной нарративной линии [Лютикова 2012; Сидорова 2015], ср. пример дискурса из корпуса рассказов [Истории... 2004]:

(4.116) ИП: RUS T2-2

4. ...(0.6)h Там он встретил-л своих /друзей,
- 5. ..(0.3) которые \решили-и ээ(0.2) отметить /встречу,**
6. ...(0.6)h после ^чего-о этот человек ''(0.2) ..(0.2) как оказалось выпил /лишнего,
7. ..(0.2) и-и /ему взбрело в голову пойти \снова покататься на /лыжах с \горки.

Как видно из предпринятого обсуждения, проблема модификации применительно в аппозитивным относительным предложениям далека от окончательного решения. Тем не менее очевидно, что рестриктивные и аппозитивные относительные предложения соотносятся с заведомо разными компонентами значения именной группы и клаузы, и структурной границей между синтаксическими репрезентациями этих компонентов выступает проекция определителя (DP). Тот факт, что артиклевые и безартиклевые языки демонстрируют сходные закономерности в организации семантико-синтаксического интерфейса в этой области, служит дополнительным подтверждением универсальности синтаксической репрезентации значений, соотносимых с именными составляющими в разноструктурных языках.

Следует отметить, однако, что проблема позиции аппозитивного предложения в синтаксической и логической структуре не должна заслонять другую проблему — внутреннего устройства аппозитивного относительного предложения. Мы остановимся на ней в следующем разделе.

4.3.2. Внутренний синтаксис аппозитивных относительных предложений

Учитывая существенное внешнее сходство рестриктивных и аппозитивных относительных предложений (как мы видели выше, многие примеры неоднозначны между рестриктивной и аппозитивной интерпретацией), естественно предположить, что аппозитивные относительные предложения не уникальны в том смысле, что имеют такую же структуру, как другие относительные предложения данного языка, и их семантическая специфика связана исключительно с их позицией в главной клаузе/именной группе. Эту линию рассуждений обобщает Дж. Эмондс [Emonds 1979] в названии своей статьи: *Appositive relatives have no*

properties — ‘у аппозитивных относительных предложений нет собственных свойств’. Похожей позиции придерживается и де Фрис [de Vries 2002]: он полагает, что английские аппозитивные относительные предложения по своей внутренней структуре соответствуют безвершинным относительным предложениям ($[_{DP} \emptyset_D [FR]]$), присоединяемым к именной группе–антецеденту при помощи оператора уточняющего сочинения.

Как кажется, этот подход не выдерживает критики, по крайней мере на материале русского языка. Ниже мы покажем, что аппозитивные относительные предложения имеют особые структурные свойства, которые отличают их от прочих типов относительных клауз и которые не могут быть сведены к внешнему по отношению к аппозитивной клаузе синтаксису — месту присоединения относительного предложения к именной группе либо главному предложению.

Поскольку в русском языке аппозитивные относительные предложения используют относительное местоимение *который*¹⁴⁶, они не могут быть соотнесены с безвершинными относительными предложениями, использующими вопросительные местоимения (*кто*, *что* и т.д.). Следовательно, единственная заслуживающая рассмотрения гипотеза — это возможное сходство внутренней структуры рестриктивных и аппозитивных относительных предложений.

Свойства рестриктивных относительных предложений русского языка, использующих союзное слово (относительное местоимение) *который*, подробно рассмотрены в [Лютикова 2009; Холодилова 2014]. К ним относятся, в частности: (i) возможность использования в качестве маркера релятивизации подчинительного союза *что* (при этом, в зависимости от принимаемого анализа, местоимение *который* не озвучивается или заменяется на нулевой относительный оператор); (ii) грамматические ограничения на объем выдвигаемой составляющей; (iii) наличие эффектов связности (*connectivity effects*) — селективных ограничений и интерпретационных эффектов, свидетельствующих о порождении именной вершины внутри относительных предложений. Ниже мы обсудим применимость этих характеристик к аппозитивным относительным предложениям.

Обязательность относительного местоимения в аппозитивном относительном предложении и возможность его опущения (с озвучиванием подчинительного союза или без него) в рестриктивном относительном предложении многих европейских языков были замечены довольно давно [Stockwell, Schachter, Partee 1973; Chomsky, Lasnik 1977]; русский язык также относится к языкам, соблюдающим данное правило:

(4.117)а. Мальчишка, [_{RESTR} **что** меня сюда привел], говорил, что у вас Арина бывает. [Золото Ваньки Каина (2003) // «Марийская правда» (Йошкар-Ола), 2003.01.20]

¹⁴⁶ в том случае, когда модифицируют именную группу; о прочих случаях см. выше.

в. */¹⁴⁷Петька, [APP **что** меня, кстати сказать, сюда привел], говорил, что у вас Арина бывает.

Несмотря на то, что данное обобщение оказалось неуниверсальным (как было показано в [Maling 1978] и [Cinque 1982], во многих языках относительное местоимение может быть опущено также в аппозитивных относительных предложениях), оно должно получать объяснение для тех языков, в которых оно действует. Возможная интерпретация этого феномена, предложенная в [Chomsky, Lasnik 1977], состоит в том, что относительное местоимение в рестриктивных относительных предложениях не имеет собственного семантического содержания (что отражается в его анализе как триггера λ -абстракции). Исходя из этой логики, относительное местоимение в аппозитивном относительном предложении должно иметь некоторую семантическую интерпретацию. И действительно, наиболее адекватно его семантические характеристики могут быть проинтерпретированы, если предположить, что относительное местоимение в аппозитивных относительных предложениях представляет собой анафорическую проформу.

Во-первых, объясняется возможность использования аппозитивных предложений для модификации составляющих различных фразовых категорий. Это отмечает еще Р. Джекендофф [Jackendoff 1977: 175]: «Относительное местоимение в аппозитивных предложениях может анафорически отсылать к тем же типам составляющих, что и обычное указательное местоимение»¹⁴⁷. Во-вторых, становится понятным неоднозначное соотношение между именной группой–антецедентом и местоимением *который*. Хотя местоимение *который* обычно кореферентно референтной именной вершине, оно может получать и собственный референциальный статус, отличный от того, который имеет вершинная именная группа в главном предложении. Так, например, в (4.118a) именная группа *дочь* референтная, а местоимение *который* имеет предикатный денотативный статус. В (4.118b) референтно местоимение *который*, а определяемая именная группа нереперентна. Большое количество текстовых примеров с различным соотношением референциальных статусов именной группы–антецедента и местоимения *который* приводится в [Лютикова 2012a]. Такие соотношения характерны в первую очередь для анафорических местоимений, использующихся как местоимения повтора (ср. примеры (4.119a-b) из [Падучева 1985/2002]).

(4.118)а. Я потерял не только сына, но и *дочь*, [APP **которой** успела стать для меня Диана].
[Юлия Пешкова. Пирамида Дианы (2002) // «Домовой», 2002.11.04]

¹⁴⁷ «Relative pronouns in appositives can be anaphoric to the same constituents as ordinary demonstrative pronouns can» [Jackendoff 1977: 175].

в. И *никакая биопсия*, [_{APP} за **которой** они ехали в областную больницу], была ей с этой минуты не нужна. [Людмила Улицкая. Медя и ее дети (1996)]

(4.119)а. Иван был *тракторист*, каким **его** рисуют на обложке журнала.

в. Правда, в Вентмиле пока нет *велосипедной трассы*, но уже собираются деньги для **ее** постройки.

Еще одной характеристикой, объединяющей относительное местоимение в аппозитивном предложении и анафорическое местоимение, является возможность рассогласования по числу между вершинной именной группой и местоимением *который* (4.120а-б). На этот факт указывается также в Русской грамматике: «Специфика распространительной связи допускает отсутствие согласования между существительным и словом *который*: при форме ед. ч. существительного слово *который* может иметь форму мн. ч.» [Русская грамматика 1980: 522].

(4.120)а. Может быть, это происходит потому, что не так легко золотой полке стать реальностью — все же это *золотая полка*, [_{APP} **которых** не так уж много на свете]. [Ю. К. Олеша. Книга прощания (1930-1959)]

в. ... все же это *золотая полка*, а **их** не так уж много на свете.

Если относительное местоимение в аппозитивном предложении является анафорическим местоимением, а не оператором, то его передвижение на левую периферию относительного предложения не связано с установлением сферы действия этого оператора (в случае относительного предложения — с ограничением той пропозиции, на основе которой образуется предикат). Следовательно, расположение относительного местоимения на левой периферии относительного предложения должно быть вызвано другими факторами. Можно предположить, что таким фактором в русском языке является актуальное членение: относительное местоимение должно быть темой аппозитивного предложения (или входить в ее состав), и порядок слов в аппозитивном предложении отражает его коммуникативное членение.

В подтверждение этой гипотезы можно указать на тот факт, что рестриктивные и аппозитивные относительные предложения различаются допустимым объемом эффекта крысолова (*pied piping*)¹⁴⁸: если в рестриктивных относительных предложениях объем

¹⁴⁸ Эффект крысолова имеет место тогда, когда правило, которое должно применяться к составляющей С с признаком F, применяется к объемлющей С составляющей. Характерным примером действия эффекта крысолова в русском языке является передвижение предложной группы, содержащей вопросительное или относительное местоимение: *девушка*, [_{на которую}]_i он смотрит t_i vs. *девушка, *которую*_i он смотрит на t_i .

выносимой составляющей ограничен принципом сходимости (convergence principle)¹⁴⁹ и совпадает с выносимой составляющей вопросительных предложений [Лютикова 2009], то в аппозитивных относительных предложениях возможен вынос более крупной составляющей, соответствующей коммуникативному членению относительного предложения на тему и рему (4.121). Не случайно аппозитивные относительные предложения демонстрируют интонационную структуру независимых коммуникативно-расчлененных предложений с восходящим акцентом на тематической составляющей¹⁵⁰ и нисходящим — на рематической (4.122).

(4.121)a. Обе программы выходят под нашей маркой, это означает, что делаются они одной командой, [_{APP} {_{Th} руководит которой} {_{Rh} мой муж Сергей Варновский}]. [Владимир Нuzов. Екатерина Уфимцева: «Нас интересует психология творчества, человеческие позиции, а не быт и его трудности» (2003) // «Вестник США», 2003.09.03]

b. ??? Назовите ту команду, [_{RESTR} руководит которой Сергей Варновский].

c. *Руководит кем Сергей Варновский?

(4.122)a. В этих казармах и были расквартированы те две кентурии, которые пришли вместе с прокуратором на праздники в Ершалаим, а также тайная стража прокуратора, [{_^командовал ₀которой} {этот самый _^гость}]. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929-1940)]

b. Вольнолюбивые Его речи о любви и милосердии подрывали жестокость израильского закона, [{_^хранили ₀который} {_^старейшины}]. [А. П. Хейдок. Грешница (1924-1934)]

Большая свобода аппозитивных относительных предложений в отношении объема выносимой составляющей по сравнению с рестриктивными отмечалась для многих языков [Cinque 1978; Emonds 1979; Safir 1986; Bianchi 1999; de Vries 2002; Lipták 2009]; в [Emonds 1979] также высказывается предположение, что причиной этому является топиализация в аппозитивной клаузе. Какова бы ни была истинная причина отличий рестриктивных и аппозитивных предложений в допустимом объеме эффекта крысолова, понятно, что причина эта имеет отношение к синтаксическому устройству аппозитивных и рестриктивных клауз.

¹⁴⁹ Принцип сходимости — ограничение на объем эффекта крысолова, предложенное в [Chomsky 1995]: если вершина притягивает составляющую, обладающую признаком F, то происходит передвижение минимальной составляющей, содержащей данный признак, которое не ведет к неграмматичности. Так, в примере из предыдущей сноски передвижение относительного местоимения нарушало бы запрет на зависание предлога, поэтому передвигается объемлющая составляющая — предложная группа.

¹⁵⁰ Местоимение *который* в (4.122a-b) по общему правилу деакцентуировано, поэтому тематический акцент, который в русском языке должен располагаться на дополнении — крайней правой словоформе глагольной группы — смещен на глагол.

Следовательно, аппозитивные относительные предложения имеют свою синтаксическую специфику, которая несводима к уровню его присоединения к именной группе или к особенностям интерпретации.

Еще одно важное отличие между аппозитивными и рестриктивными относительными предложениями состоит в том, что аппозитивные относительные предложения не демонстрируют эффектов связности, свойственных по крайней мере части рестриктивных предложений. Следовательно, если для рестриктивных относительных предложений некоторого языка на основании эффектов связности принимается анализ с подъемом, то тем самым аппозитивные относительные предложения должны получать принципиально другой анализ. Именно такая картина имеет место в русском языке, что служит дополнительным подтверждением отличий в синтаксической структуре русских рестриктивных и аппозитивных относительных предложений.

4.3.3. Проспект анализа

Итак, в предыдущем разделе мы показали, что синтаксические отличия между аппозитивными и рестриктивными относительными предложениями касаются не только уровня присоединения относительного предложения в синтаксической структуре и специального типа соотношения между синтаксической и семантической репрезентацией, но и их внутренней структуры. В заключительном разделе мы предложим направление анализа русских аппозитивных относительных предложений, учитывающего как внешний, так и внутренний синтаксис этих составляющих.

Важнейшая составляющая этого анализа состоит в специальной интерпретации местоимения *который* в аппозитивных относительных предложениях. Если в рестриктивных предложениях *который* является относительным оператором, то аппозитивные предложения содержат омонимичную анафорическую проформу именной группы [Лютикова 2012а]. Данная проформа может иметь семантический тип $\langle e \rangle$, выступая при этом как обычное анафорическое местоимение, кореферентное референтной именной группе — вершине. Такого рода интерпретацию имеют примеры (4.98), (4.100), (4.116) и др. Данная проформа может также выступать как местоимение повтора и заменять только одноименную группу общего имени (NP) семантического типа $\langle e, t \rangle$ (ср. примеры (4.118), (4.120)). В таком случае местоимение *который* либо имеет предикатный денотативный статус, либо может быть связано оператором, содержащимся в относительном предложении. Заметим, что способность проформы заменять некоторую проекцию может служить обоснованием существования этой проекции. Например, тот факт, что английские проформы *one* и *do so* замещают составляющую, включающую

вершину и комплемент, но не включающую адьюнкты, мотивирует промежуточную проекцию X' для английского языка. Используя эту логику, мы можем считать, что способность местоимений повтора заменять группу общего имени или определенную дескрипцию говорит о различных структурных статусах этих конфигураций.

Ограничение, связанное с использованием в качестве относительного маркера союза *что*, может быть объяснено следующим образом. Поскольку анафорическое *который* имеет собственное семантическое содержание, естественно предположить, что оно не имеет нулевого варианта. Если допустить, что аппозитивное относительное предложение не содержит ненулевого подчинительного союза (как и независимое повествовательное предложение), то в результате существования аппозитивных относительных предложений, вводимых союзом *что* (4.117b), окажется невозможным.

Если местоимение *который* в аппозитивных относительных предложениях является анафорическим, то его передвижение на левую периферию относительного предложения не может быть связано с необходимостью установления сферы действия оператора. Почему же в линейной структуре аппозитивных предложений *который* тяготеет к левой границе? Мы предполагаем, что позиция местоимения *который* является следствием коммуникативного передвижения, помещающего тему, содержащую местоимение *который*, левее ремы. Понятно, что объем такой составляющей не ограничен принципом сходимости, но связан исключительно с коммуникативной структурой аппозитивного предложения.

Что касается внешнего синтаксиса аппозитивного предложения, то синтаксические диагностики указывают на то, что аппозитивное предложение образует составляющую с модифицируемой именной группой. Оно присоединяется к именной группе после присоединения всех модификаторов (кванторов, указательных и притяжательных местоимений), что обеспечивает независимую интерпретацию вершинной именной группы и возможность кореферентности вершинной именной группы и анафорического *который*. Отсюда следует также, что аппозитивное относительное предложение не может разрывать составляющую, состоящую из именной вершины и рестриктивного относительного предложения.

Таким образом, предлагаемый нами анализ связывает семантическую специфику аппозитивных относительных предложений как с их внешним синтаксисом, а именно, уровнем их интеграции в синтаксическую структуру главного предложения, так и с их внутренней структурой. Важнейшим допущением здесь оказывается принадлежность местоимения *который* к группе анафорических проформ, из чего следуют особенности синтаксической структуры аппозитивной клаузы. Необходимо подчеркнуть, что и наличие различных структурных позиций в именной группе, и возможность различных синтаксических статусов

анафорической проформы оказываются доступны только в рамках гипотезы об межъязыковой универсальности DP.

4.4. Выводы по главе 4

В этой главе предметом рассмотрения выступили относительные конструкции с точки зрения их синтаксической позиции и семантической интеграции в составе именной группы. Мы установили, что различные структурные типы предложений регулярно соотносятся с определенными семантическими типами модификации. Мы сосредоточились на двух семантических типах относительных конструкций: рестриктивных относительных предложениях и аппозитивных относительных предложениях.

Рестриктивные относительные клаузы, составляющие ядро относительных конструкций, в языках мира представлены различными структурными типами, среди которых, как минимум, относительные конструкции с внешней и с внутренней вершиной. При этом наблюдается существенное сходство в интерпретации компонентов относительных конструкций этих двух типов. В относительных конструкциях с внешней вершиной материал группы лексического существительного, прилагательные, слабые квантификаторы реконструируются внутри относительной клаузы, в то время как определители и сильные квантификаторы получают интерпретацию только в составе главной клаузы. Относительные конструкции с внутренней вершиной обычно вложены в именную функциональную оболочку, принадлежащую главной клаузе, а определители и сильные кванторы, содержащиеся во внутренней вершине, интерпретируются в главной клаузе.

Подобные факты мотивируют единый подход к деривации рестриктивных относительных конструкций. Мы предложили анализ, опирающийся на подъем именной группы из состава относительной клаузы, которая представляет из себя аргумент в группе определителя. Тем самым мы объяснили как эффекты связности в рестриктивных относительных конструкциях с внешней вершиной, так и отношение селекции между определителями и относительными клаузами. Из предложенного анализа следует, что компоненты расширенной проекции именной группы, в частности, группы лексического существительного (NP) и группы определителя (DP), не образуют составляющей на начальном этапе деривации. Легко видеть, что это возможно только в том случае, когда расширенная проекция именной группы содержит более одной максимальной проекции.

Отдельному рассмотрению подверглась синтаксическая структура аппозитивных относительных конструкций. Мы установили, что аппозитивная интерпретация совместима

только с определенными позициями относительной клаузы в структуре именной группы — антецедента и главного предложения: аппозитивная клауза присоединяется строго выше уровня определителей и квантификаторов, вследствие чего не участвует в создании экстенционала определяемой именной группы. Внутренняя структура аппозитивных относительных предложений также отличается от структуры рестриктивных клауз. Именная вершина не реконструируется внутри аппозитивного относительного предложения, но порождается в составе главного предложения, а относительное местоимение выполняет функции не оператора, возглавляющего группу определителя, а анафорической проформы.

Обсуждение, предпринятое в этой главе, показывает, что иерархическая структура именной группы, предполагающая вложение группы лексического существительного в функциональные оболочки и, в частности, в группу определителя DP, в равной степени мотивирована на материале относительных конструкций как для артиклевых, так и для безартиклевых языков. Таким образом, к уже представленным в предшествующих главах аргументам в пользу единого устройства именной группы добавляется новая совокупность аргументов, связанных с синтаксисом относительных клауз.

На этом мы завершаем рассмотрение внутренней структуры именных групп безартиклевых языков. Думается, что представленные в главах 1-4 аргументы, основывающиеся на материале безартиклевых языков различной структуры и аффилиации, в достаточной степени убедительны, чтобы сделать следующий вывод: наличие или отсутствие артикля в языке, равно как и возможности выделения в лексиконе дистрибутивного класса артикля, не является макропараметром, предопределяющим устройство синтаксической структуры именной группы, но характеризует частный параметр лексикона — наличие фонологически выраженных лексических единиц, жестко привязанных к соответствующей синтаксической категории. Универсальность DP (и других промежуточных функциональных проекций) следует понимать как универсальное устройство семантико-синтаксического интерфейса, отображающего разные компоненты значения именной группы — лексические, квантитативные, референциальные — в особым образом организованную синтаксическую структуру, так что каждый тип информации получает синтаксическую репрезентацию в рамках соответствующей лексической или функциональной проекции.

В следующих главах мы обратимся к внешнему синтаксису именных групп. Как известно, важнейшим грамматическим средством, выражающим связь именной группы с внешним синтаксическим контекстом, является категория падежа. Мы рассмотрим различные формальные подходы к падежу, в частности, гипотезу, что синтаксический (абстрактный) падеж выступает лицензором аргументной именной группы. В результате обсуждения падежной проблематики мы приходим к выводу, что синтаксический падеж, будучи признаком D,

характеризует только именные группы полной структуры, так что именные группы малой структуры могут оставаться беспаджными. Подобное различие создает основу для падежного варьирования определенного типа, широко распространенного в языках мира.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова»

Филологический факультет

на правах рукописи

Лютикова Екатерина Анатольевна

Синтаксис именной группы в безартиклевом языке

10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное
языкознание

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Том 2

Москва 2016

Оглавление

Том 2

Часть II. Дистрибуция именных групп и синтаксис падежа

Глава 5. Падеж как синтаксическая категория именной группы	4
5.1. Падеж как лицензор именной группы	19
5.2. Теория падежа генеративной грамматики	24
5.2.1. Передвижение в аргументные позиции	25
5.2.2. Управление	28
5.3. Унификация механизмов приписывания падежа	35
5.3.1. Легкий глагол как источник аккузатива	36
5.3.2. Приписывание падежа при согласовании	41
5.4. Падеж и интерпретация	49
5.4.1. Падежная морфология в русском языке	61
5.4.2. Накладывающиеся падежи в цахурском языке	72
5.5. Выводы по главе 5	94
Глава 6. Морфологический падеж.....	97
6.1. Падеж и подлежащее в исландском языке.....	98
6.2. Эргативность.....	110
6.3. Конфигурационные теории падежа	124
6.3.1. Теория А. Марантца	124
6.3.2. Зависимый и дефолтный падеж: новые идеи	134
6.3.3. Падеж и согласование в конфигурационных моделях	158
6.4. Падежная грамматика: взгляд изнутри русской именной группы	167
6.4.1. Падежная грамматика несобытийных именных групп	168
6.4.2. Падежная грамматика событийных именных групп	174
6.5. Выводы по главе 6.....	182
Глава 7. Падежное варьирование	184
7.1. Падежное варьирование: основные контексты и лицензоры	184
7.2. Дифференцированное маркирование объекта в мишарском диалекте татарского языка	208
7.2.1. Дистрибуция аккузативных и немаркированных дополнений	210
7.2.2. Свойства неоформленных прямых дополнений	216
7.2.3. Иерархическая структура мишарской именной группы	230
7.2.4. Падеж и структура именной группы	240
7.2.5. Параметризация падежного фильтра	248
7.3. Беспадежные именные группы в русском языке	257
7.4. Формальное моделирование падежного варьирования.....	270
7.4.1. Два типа структурных падежей в якутском языке.....	270
7.4.2. Падежное варьирование в татарском языке	280
7.4.3. Падежное варьирование и модели падежа	290
7.5. Выводы по главе 7.....	296
Заключение.....	298
Список условных обозначений и сокращений.....	308
Список языков	313
Список иллюстративного материала	316
Список литературы.....	318

Часть II.

Дистрибуция именных групп
и синтаксис падежа

Глава 5. Падеж как синтаксическая категория именной группы

Выделение падежа как отдельной морфологической категории имеет давнюю историю. Категория падежа возникает в том или ином виде во всех лингвистических традициях, имеющих дело с языками с падежным словоизменением имени — в древнеиндийской, античной и арабской традициях [Blake 2008]. Примечательно, что критерием существования категории падежа в языке выступает морфологическое кодирование, то есть ее выражение морфологическими средствами — падежными аффиксами, изменением тона, аблаутом в корне и др. Граммемы падежа понимаются как формы слова — «прямая» форма (номинатив) и «отклоняющиеся» (ср. лат. *declinatio*, рус. калька *склонение*), «отпадающие» (ср. др.-греч. *ptosis*, лат. *casus*) формы косвенных падежей. Этот взгляд на падеж сохраняется и в современной лингвистике; ему соответствует определение падежа как морфологической категории имени.

Будучи грамматической категорией, падеж должен выражать некоторое грамматическое значение. Обычно значение категории падежа видят в выражении синтаксического отношения. Так, например, И.А. Мельчук относит падеж к категориям, оформляющим синтаксически зависимый элемент [Мельчук 1998]. В определении падежа Т.В. Булыгиной и С.А. Крылова падеж — «...грамматическая категория имени, выражающая его синтаксические отношения к другим словам высказывания или к высказыванию в целом, а также всякая отдельная граммема этой категории (конкретный падеж)» [Булыгина, Крылов 1990].

Однако, как справедливо отмечает В.А. Плунгян, «поскольку в нормальном случае число падежных граммем колеблется от четырех-пяти до восьми-десяти..., то напрашивается естественный вывод: помимо самого факта синтаксической зависимости имени разные падежные граммы различают *типы* этой зависимости. <...> В сущности, падеж является смешанной семантико-синтаксической категорией, семантические аспекты употребления которой могут быть то более, то менее отчетливы — в зависимости от конкретной падежной граммы и от организации падежной системы в целом» [Плунгян 2011]. Аналогичное соединение синтаксических и семантических функций категории падежа можно видеть в определении А. Киборт: «Падеж — это признак, который выражает синтаксическую и/или

семантическую функцию того элемента, который является носителем конкретного значения данного признака»¹.

Видимо, самая существенная проблема, связанная с грамматикой падежа, состоит в том, что набор значений, выражаемых падежными граммемами, разнороден, в то время как в плане выражения падежные граммемы образуют парадигму. Действительно, значения падежей варьируют от семантически наполненных инструменталиса, комитатива, пространственных падежей до структурно мотивированных аккузатива или обликвуса, не несущих, по-видимому, никакой информации, кроме синтаксической зависимости именной группы от синтаксической вершины определенного (аккузатив) или любого (обликвус) класса; номинатив как «падеж называния», оформляющий именную группу в независимом употреблении, очевидно, в такой системе может иметь только «отрицательное» значение. Морфологический партитив входит в состав падежной парадигмы, однако «...в целом по своей семантике партитив оказывается не падежной, а скорее количественной граммемой, выражающей противопоставления по числу и/или определенности (то, что иногда обобщенно называют квантификацией)» [Плунгян 2011]. Ср. также характеристику финского партитива в [Kiparsky 1998: 265]: «явно смешанная категория семантически обусловленного структурного падежа» («...apparently hybrid category of semantically conditioned structural case»). При этом граница между «семантическими» и «десемантизированными» падежами нечеткая: скажем, дательный падеж может иметь и структурные (падеж второго дополнения битранзитивных глаголов), и семантические (падеж цели, бенефактива, экспериенцера) интерпретации.

Поскольку «семантические аспекты употребления» категории падежа не могут быть четко выявлены для произвольной граммемы падежа в произвольном языке, а синтаксический статус — в широком смысле слова — именной группы в составе объемлющей синтагмы всегда коррелирует с ее падежным оформлением, естественно рассматривать падеж как в первую очередь синтаксическую категорию, которая связана с интеграцией именной группы в определенный синтаксический контекст. В таком случае наличие в языке морфологической категории падежа является лишь одним из способов выражения синтаксической категории падежа. Другими способами выражения синтаксического падежа могут выступать, например, служебные слова (в первую очередь адлоги), порядок слов и т.п. По словам М. Батт, «языки могут кодировать это отношение либо структурно, в терминах определенных синтаксических позиций (как, например, английский язык), либо при помощи морфологических показателей»².

¹ «Case is a feature that expresses a syntactic and/or semantic function of the element that carries the particular case value» [Kibort 2008].

² «Languages may choose to encode this relationship either structurally in terms of designated positions (e.g., English) or via overt morphological markers» [Butt 2006: 4].

Приоритет синтаксического аспекта категории падежа проявляется еще и в том, что падеж определен в первую очередь не на морфологических, а на синтаксических категориях. В конкретных языках класс лексем, морфологически выражающих падежные противопоставления, может существенно варьировать. Так, в русском языке все именные категории (существительные, полные формы прилагательного, местоимения-существительные, местоимения-прилагательные, числительные, полные формы причастия) способны склоняться. В татарском языке склоняются только существительные и местоимения-существительные [Закиев (ред.) 1995], ср. (5.1). В английском языке падежные формы имеют только некоторые личные местоимения. В мокшанском языке определенные («указательные») формы имени различают только три грамматических падежа (номинатив, генитив, датив), в то время как прочие формы — до 16 падежей [Феоктистов 1993]. В эстонском языке показатели терминатива, эссива, абессива и комитатива могут располагаться только на вершине именной группы, в то время как модификаторы именной группы выступают в виде косвенной основы, совпадающей по форме с генитивом; остальные 10 падежей имеют экспоненты на всех именных категориях [EKG 1993: 116], ср. (5.2) .

- (5.1) a. [безне алып кайткан] бу күк алаша
 мы-ACC братъ-CONV возвращаться-PART.PF этот сивый мерин
 ‘этот сивый мерин, забравший нас’
- b. [безне алып кайткан] бу күк алаша-га
 мы-ACC братъ-CONV возвращаться-PART.PF этот сивый мерин-DAT
 ‘этому сивому мерину, забравшему нас’
- (5.2) a. tubli õpilane
 хороший.NOM студент.NOM
- b. tubli õpilase
 хороший.GEN студент.GEN
- c. tublit õpilast
 хороший.PRT студент.PRT
- d. tublisse õpilasesse
 хороший.ILL студент.ILL
- e. tublile õpilasele
 хороший.ALL студент.ALL
- f. tubli õpilaseni
 хороший.OBL студент.TERMIN
- g. tubli õpilasena
 хороший.OBL студент.ESS
- h. tubli õpilaseta
 хороший.OBL студент.ABESS
- i. tubli õpilasega

хороший.OBL студент.COMIT
 ‘хороший студент’

В немецком языке наиболее полную парадигму падежного словоизменения демонстрируют артикли, указательные, притяжательные и кванторные местоимения, а существительные некоторых типов склонения, например, существительные женского рода в единственном числе или существительные с основой на *-n* во множественном числе, вообще не различают падежных форм (см. Таблицу 5.1).

Таблица 5.1. Склонение именных групп *diese alte Frau* и *meine Schwestern* в немецком языке

	<i>diese alte Frau</i> ‘эта старая женщина’	<i>meine Schwestern</i> ‘мои сестры’
Nom	<i>diese alte Frau</i>	<i>meine Schwestern</i>
Gen	<i>dieser alten Frau</i>	<i>meiner Schwestern</i>
Dat	<i>dieser alten Frau</i>	<i>meinen Schwestern</i>
Acc	<i>diese alte Frau</i>	<i>meine Schwestern</i>

При этом, однако, в пределах именной группы практически всегда соблюдается единство падежной граммы: какие бы компоненты именной группы ни выражали падеж морфологически, они имеют одно и то же значение категории падежа. Таким образом, падеж должен быть определен на синтаксической категории — именной группе, а морфологически он может выражаться на произвольном наборе категорий, входящих в именную группу, или может не выражаться вообще.

Итак, падеж — это категория именной группы, сигнализирующая о ее интеграции в объемлющую синтагму. Первая дихотомия, возникающая при анализе такого определения, связана со статусом «независимых», «неинтегрированных» именных групп. В первую очередь к именным группам такого типа относятся названия, например, названия художественных, музыкальных или литературных произведений (например, «Мальчик, вынимающий занозу», «Кофейная кантата»), используемые в виде подписи или заглавия; также могут считаться синтаксически независимыми именными группами в автонимном употреблении, передающие такие способы называния (например, *Муж просто звал ее Наташа*). В европейской грамматической традиции «независимой» именной группой долгое время считались именные группы в позиции канонического подлежащего: господствовала точка зрения, что подлежащее — главный член предложения, который сам подчиняет сказуемое. Идея противопоставления

независимых и подчиненных именных групп находит свое выражение в противопоставлении номинатива — «прямого падежа» и всех прочих, косвенных падежей³.

Интеграция косвеннопадежных именных групп в синтаксический контекст осуществляется в первую очередь благодаря управлению. Это важнейшее синтаксическое понятие получало различные трактовки как в истории лингвистики, так и в разнообразных современных синтаксических теориях. Тем не менее, «ядром» данного понятия всегда оставалось приписывание именной группе (или ее вершине – существительному) падежа со стороны подчиняющей вершины, причем отношение между управляющим и управляемым — это отношение функтора и аргумента.

Рассмотрим возможные типы синтагм, в которых возникает падежное управление⁴.

(5.3) а. лишил наследства

управление со стороны лексемы

б. яблоко девушки

управление со стороны синтаксической категории

с. Петя был дураком.

управление со стороны синтаксической конфигурации

д. Петя приехал этой ночью.

«семантический» падеж

Во-первых, выделяются случаи типа (5.3а), когда лексема диктует определенный падеж своему дополнению: так, глагол *лишить* требует второго дополнения в родительном падеже, предлог *к* — дополнения в дательном падеже, а прилагательное *гордый* — дополнения в творительном падеже. Традиционно к этому же типу относится управление прямым дополнением со стороны переходных глаголов.

³ Крайним выражением такого противопоставления можно считать позицию Аристотеля, который полагал, что только формы номинатива относятся к категории существительного, прочие же формы — к категории падежей существительного. В более поздних грамматиках, включая византийские, также проводится идея, что номинатив — не падеж, поскольку форма номинатива служит лишь для выражения референта, в то время как формы других падежей выражают не только референт, но и отношение между ним и контекстом [Blake 2008: 14].

⁴ Следует иметь в виду, что падежное управление в некоторых системах является лишь частным случаем более общего отношения «вынуждения» лексемой своего зависимого. Например, у А.Е. Кибрика [Кибрик 1977, 1992] управление понимается значительно шире, как требование заполнения синтаксической валентности некоторой лексемы и возможные дополнительные ограничения на грамматические свойства единицы, заполняющей эту валентность; таким образом, при управлении могут возникать не только падежные, но и любые селективные ограничения лексемы на свои зависимые. Здесь мы рассмотрим только часть случаев, когда управление связано с фиксированным падежом.

В (5.3b) представлен несколько иной случай: именная группа *девушки* получает родительный падеж, будучи зависимым в именной группе. Заметим, что на возможность приписывания этого падежа не влияет ни семантический статус зависимого (например, в словосочетании *яблоко девушки* в (5.3b) это сирконстант, а в словосочетании *брат девушки* или *отъезд девушки* — актант), ни семантические или синтаксические свойства конкретной лексемы — вершины именной группы (*яблоко девушки*, *радость девушки*, *воспитание девушки*). В действительности способность иметь генитивное зависимое — это категориальное свойство существительного в русском языке. Можно считать, что в (5.3b) родительный падеж именной группы *девушки* приписывается при управлении со стороны существительного *яблоко*, но это иное управление, чем в (5.3a): если в (5.3a) падеж определяется конкретной лексемой (*лишить*), то в (5.3b) — категорией лексемы (*существительное*).

Обратимся теперь к случаю (5.3c). Каков источник «творительного предикативного» именной группы *дураком*? Мы не наблюдаем в (5.3c) никакой знаменательной лексемы, которая могла бы управлять именной группой в творительном падеже. Возможным кандидатом является глагол-связка *быть*, однако возможность альтернативного падежного оформления именного сказуемого при связке (*Петя был дурак*), с одной стороны, и появление сходного творительного падежа в других предикативных конструкциях, лишенных связки (*Петя вернулся пьяным*), с другой стороны, позволяет предположить, что мы имеем дело с управлением со стороны синтаксической конфигурации (или нулевой вершины, создающей такую конфигурацию).

Наконец, рассмотрим (5.3d). Творительный падеж именной группы *этой ночью*, выступающей в качестве обстоятельства времени, по-видимому, не связан вообще ни с какой лексемой, синтаксической категорией или конфигурацией. Выбор этой падежной формы определяется исключительно тем значением, которое говорящий хочет выразить, аналогично тому, как выбор формы числа определяется (пусть и не напрямую) количественными характеристиками референта.

В соответствии с рассмотренной типологией можно выделить следующие классы падежей: грамматические (структурные, конфигурационные) падежи — падежи, связанные с определенной синтаксической категорией или конфигурацией (случаи (5.3b), (5.3c)); лексические (ингерентные) — падежи, связанные с управлением конкретных лексем (случай (5.3a)); семантические — падежи, выбор которых определяется собственным значением (обычно одним из обстоятельственных значений) именной группы в составе синтагмы.

Следует отметить, что речь здесь идет о классификации не морфологических, а синтаксических падежей, и, хотя любая теория стремится к соотношению «один синтаксический падеж — одна морфологическая форма», они не всегда совпадают. Поэтому,

например, рассмотрение творительного падежа в (5.3d) как семантического не входит в противоречие с утверждением, что в (5.3c) творительный падеж является структурным.

Некоторые теории пытаются унифицировать правила приписывания синтаксического падежа, так чтобы источником падежа всегда выступали синтаксические единицы определенного класса. В таком случае обычно считается, что падеж всегда приписывается вершиной, а разные классы падежей отличаются типами вершин: лексические падежи приписываются лексическими вершинами, структурные падежи — функциональными вершинами, а семантические падежи — нулевыми реляционными вершинами (обычно адлогами), носителями соответствующего значения.

Еще одно направление унификации падежного маркирования состоит в том, чтобы свести все случаи получения падежа некоторой составляющей к управлению, то есть элиминировать из теоретической системы возможность согласования по падежу. По-видимому, возможности такой редукции существенно зависят от прочих допущений. Так, для объяснения одинакового падежного оформления двух различных составляющих, как в русском примере (5.4) или польском (5.5), необходимо либо предположить, что на определенном этапе деривации компоненты с одинаковым падежом образовывали единую составляющую, либо допустить, что вершина способна приписывать падеж одновременно нескольким целям. В частности, подобный анализ для (5.4) предлагается в [Greenberg, Franks 1991]: авторы предполагают, что «второй дательный» независимо приписывается и дативному подлежащему, и плавающему определителю, т.е. всем составляющим — сёстрам I' с определенным набором признаков (а именно, [+tense, -AGR])⁵.

(5.4) Ему не справиться одному.

(5.5) Sześć kobiet   było smutnych.
шесть женщина.GEN.PL   было печальный.GEN.PL

‘Шесть женщин были печальны.’

Синтаксические отношения именной группы к подчиняющей вершине или объемлющей синтагме можно классифицировать в разных терминах. С одной стороны, именные группы в пределах клаузы различаются по их синтаксической роли, или грамматическому отношению

---

⁵ «Two conceivable approaches to the agreement pattern of the Second Dative immediately come to mind: the Second Dative could either (i) result from some kind of case agreement rule or (ii) arise directly through case assignment by some governor. <...> Here, the onus of the analysis is to uncover a mechanism by which the semipredicative might be the direct target of an otherwise motivated dative assignment rule, such as that assigning dative to indirect object of verbs or subjects of infinitives. In section 6, we elaborate such an account, discussing certain technical and conceptual pitfalls of the agreement approach as well as the advantages of the direct assignment model» [Greenberg, Franks 1991: 82].

(grammatical relation) к предикату. С другой стороны, именные группы выражают при данном предикате различные семантические роли (тематические роли, тета-роли).

Структурные падежи часто рассматриваются как экспоненты синтаксических ролей. Так, именительный падеж оформляет подлежащее, винительный падеж — прямое дополнение, дательный падеж — непрямоe дополнение; родительный падеж является падежом посессора — «подлежащего» именной группы. Иерархия синтаксических ролей (=иерархия грамматических отношений) в (5.6) при таком подходе транслируется в «иерархию падежей» (5.7):

(5.6) Иерархия грамматических отношений

Su < DO < IO < Oblique

(5.7) Иерархия падежей

Nom < Acc < Dat < Obl

Одно из наиболее известных применений иерархии падежей — так называемый «парадигматический падеж» (Paradigm Case, [Comrie 1976]) — правило, позволяющее предсказывать падежное оформление каузируемого в каузативной конструкции на основании падежного оформления аргументов исходной глагольной основы. Согласно этому правилу, при каузативизации каузируемый, смещенный с позиции подлежащего каузатором, получает следующий свободный падеж в падежной иерархии. В (5.8) демонстрируется действие парадигматического падежа в тувинской каузативной конструкции. В (5.8a) при каузативизации одноместного глагола первая свободная падежная позиция — аккузативное прямое дополнение, ее и занимает каузируемый. В (5.8b) каузативная морфема присоединяется к переходной основе, поэтому позиция прямого дополнения занята; следующая свободная позиция — непрямоe дополнение, поэтому каузируемый оформляется дательным падежом. Наконец, в (5.8c) каузативизируется битранзитивный глагол, так что исходная основа уже имеет прямое и непрямоe дополнение, поэтому каузируемый получает падеж косвенного дополнения — аблатив.

- (5.8) a. ařak ool-du doŋ-ur-gan.
старик мальчик-ACC мерзнуть-CAUS-PST
'Старик заморозил мальчика.'
- b. bajyr ařak-ka ool-du ette-t-ken.
Баир старик-DAT мальчик-ACC ударить-CAUS-PST
'Баир заставил старика ударить мальчика.'
- c. ařak bajyr-dan ool-ga biřek-ti ber-gis-ken.
старик Баир-ABL мальчик-DAT нож-ACC давать-CAUS-PST
'Старик заставил Баира дать мальчику нож.'

Широко известна также иерархия Э. Моравчик [Moravcsik 1974, 1978a], согласно которой контролер предикативного согласования выбирается в соответствии с синтаксической ролью именной группы: если в языке есть согласование с одним аргументом, то этот аргумент – подлежащее; если с двумя – то это подлежащее и прямое дополнение, и т.д., в соответствии с (5.9):

(5.9) Иерархия Моравчик

Subject >> Direct Object >> Indirect Object >> Adverbs

Оказывается, однако, что действие этой иерархии опосредовано падежными характеристиками именных групп. Так, в исландском языке, где предикат согласуется только с одной именной группой, номинативные прямые дополнения имеют приоритет над дативными подлежащими. В примере (5.10) предикативное согласование происходит с номинативной именной группой *verkið* ‘работа’, а не с дативной именной группой *morgum studentum* ‘многим студентам’, несмотря на то, что различные признаки грамматического приоритета (например, участие в конструкциях с подъемом или трансформируемость в PRO при инфинитиве) указывают на дативную именную группу как на подлежащее в предложении (5.8).

(5.10) Morgum   studentum   líki   verkið.
 многие.PL.DAT   студенты.PL.DAT   нравится.3SG/*3PL   работа.DEF.NOM
 ‘Многим студентам нравится эта работа.’

Факты такого рода дают основание для реинтерпретации иерархии Моравчик в терминах иерархии падежей [Bobaljik 2008]⁶:

(5.11) NOM >> ACC >> DAT >> OBL

Наконец, еще один интересный феномен, связанный с иерархией падежей — это случаи *attractio casus* («притягивания падежа»), наблюдаемые в относительных конструкциях ряда языков. *Attractio casus* имеет место тогда, когда внешняя вершина и относительное местоимение, которые в принципе получают падеж из разных источников (внутри и вне относительной клаузы), оформляются одним и тем же падежом – либо падежом главной клаузы (собственно *attractio casus*), либо падежом относительной клаузы (*attractio inversa*). *Attractio*

⁶ Иерархия в (5.11) может рассматриваться как иерархия падежей в аккумулятивных языках, соответствующая «дефолтному» выражению синтаксических отношений. Дж. Бобальик далее пересматривает эту иерархию в терминах теории морфологических падежей Алека Марантца ([Marantz 1991], см. 6.3.1); для наших целей, однако, достаточно падежной иерархии в (5.11), учитывая, что мы применяем ее к языкам со «среднеевропейской» базовой конструкцией предложения, таким как русский, немецкий, турецкий или венгерский.

casus обычно ограничены следующей закономерностью: более маркированный падеж может быть притянут в менее маркированную падежную позицию, но не наоборот. Степень маркированности падежа выявляется эмпирически и представляется в виде иерархии типа (5.12) [Grosu 1994: 108]. Например, согласно этой иерархии аккузатив может вытеснять номинатив, как это происходит в латинском примере (5.13), но не наоборот.

(5.12) NOM << ACC << DAT << GEN << ... << P-Case

(5.13) Urb-em   qua-m   statuo   vestra est.
 город-ACC   который.F-ACC   строить.PRS.1SG   ваш.F   быть.PRS.3SG
 ‘Город, который я строю, ваш.’ (NOM << ACC)

Итак, структурные падежи некоторым стандартным образом соотносятся с синтаксическими ролями именных групп в клаузе. Однако грамматические отношения далеко не всегда однозначно вызывают соотносимое с ними падежное оформление именной группы. Один тип подобного несоответствия мы наблюдали в примере (5.10) из исландского языка. Случаи, подобные (5.10), могут быть обобщены как феномен неканонического падежного маркирования подлежащих. Специфика неноминативных подлежащих состоит в том, что они обладают всеми или многими грамматическими признаками обычных подлежащих, однако их падежное оформление (и как следствие — их способность контролировать предикативное согласование в соответствии с иерархией Моравчик-Бобальника) отличается от канонического и определяется лексическими свойствами предиката. В (5.14a-b) приводятся дополнительные примеры дативного подлежащего и аккузативного подлежащего из исландского языка, а в (5.15) — пример дативного подлежащего из урду.

(5.14) a.   Mér   býður   við   setningafræði.
 я.DAT   тошнить   от   синтаксис

‘Меня тошнит от синтаксиса.’

b.   Mig   vantar   peninga.
 я.ACC   отсутствовать   деньги.ACC

‘У меня нет денег.’

(5.15)   Nadya=ko   dar   aya.
 Надя=DAT   страх   приходиться.PRF.M.SG

‘Надя испугалась.’

Прямые дополнения также могут получать несвойственное им падежное оформление. В примере (5.10) номинатив прямого дополнения скорее предопределяется неноминативным оформлением подлежащего, чем непосредственно управлением глагола. Однако возможны и

косвеннопадежные прямые дополнения: так, например, дативное прямое дополнение в исландском языке подвергается пассивизации, как и обычные, аккузативные прямые дополнения (пример (5.16a-b)), при этом его падеж сохраняется, так что оно превращается в дативное подлежащее. Сходный анализ для части русских косвеннопадежных дополнений предлагает Дж. Фаулер [Fowler 1996]. Исследуя факты косвеннообъектной пассивизации в русском языке (5.17a-b), Фаулер высказывает предположение, что продвигающиеся при пассивизации генитивные и инструментальные дополнения в действительности занимают позицию прямого дополнения в синтаксической структуре предложения, а их косвеннопадежное маркирование — дополнительное лексическое требование глагола (*lexical superimposition*).

- (5.16) a.   Ég   hjálpaði   honum.
я   помог   он.DAT
          ‘Я ему помог.’
- b.   Þeim_i   var   hjálpað   t_i.
они.DAT   AUX   помогать.PP
          ‘Им помогли.’
- (5.17) a.   Борисов управляет фабрикой.
          b.   Фабрика управляется Борисовым.

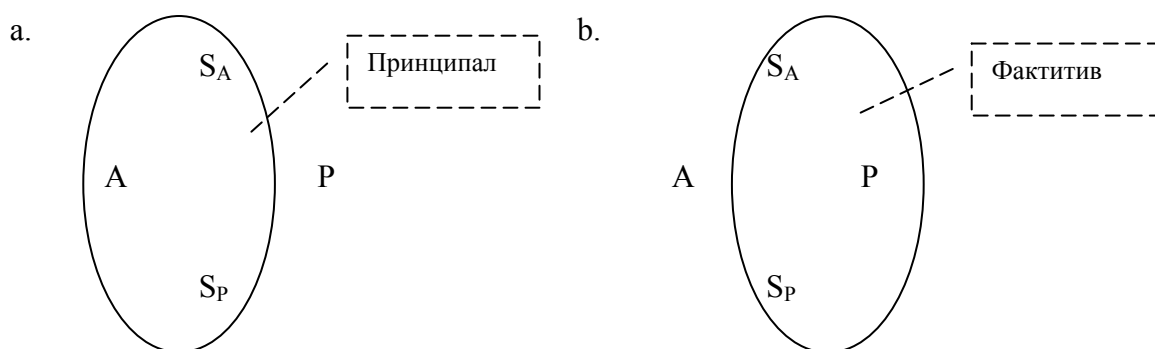
Однако лексическое управление глаголов, нарушающее падежное маркирование по умолчанию (*structural default*, в терминах Дж. Фаулера), не является абсолютно произвольным, бессистемным и непредсказуемым. Так, дативные подлежащие обычно обнаруживаются при экспериенциальных и эмотивных предикатах (ср. (5.10), (5.14a), (5.15)) и выражают при них участника с семантической ролью экспериенцера. Дативные дополнения обычно возникают при глаголах контакта или перехода обладания и соответствуют семантической роли цели, адресата, бенефактива. Возможно также, что датив в примере (5.15) имеет двойную мотивацию — с одной стороны, выражает экспериенцер, а с другой стороны, поддерживается внутренней формой эмотивного предиката как глагола движения.

Таким образом, мы приходим ко второму взгляду на функции падежа — падеж как способ выражения семантической роли именной группы при данном предикате. Впервые эту идею эксплицитно высказывает Ч. Филлмор [Fillmore 1968], причем характер связи между падежом и семантической ролью в концепции Филлмора самый непосредственный: семантические роли и есть «глубинные падежи». Падежные отношения создают глубинную структуру предложения, а при переходе к поверхностному уровню действует трансформационный компонент, который может оставлять падежное оформление именной

группы неизменным (т.е. соответствующим глубинному падежу), а может и оказывать влияние на морфологически наблюдаемое падежное маркирование именной группы (подробный анализ концепции Филлмора см. в [Рахилина, Тестелец 2016]).

Наиболее известным механизмом работы такого компонента является нивелирование различий между несколькими семантическими ролями и их объединение в одну гиперроль, получающую единое падежное оформление. В работах А.Е. Кибрика [Кибрик 1975, 1977, 1979, 1992, 2003; Кибрик и др. 1977], С. Андерсона [Anderson 1976], Б. Комри [Comrie 1978], Э. Моравчик [Moravcsik 1978b], Р. Диксона [Dixon 1979, 1994], Р. Ван Валина [Van Valin 1977, 1981; Foley, Van Valin 1984] и др. обосновывается формирование гиперролей Принципала (Актера, Протагониста) на основе агенса переходного глагола и Абсолютива (Претерпевающего, Фактитива) на основе пациенса переходного глагола, как это изображено на Схеме 5.1 (адаптировано из [Кибрик 1992: 187]) и Схеме 5.2 (адаптировано из [Dixon 1979: 61]).

Схема 5.1. Гиперроли в аккумулятивных и эргативных языках по [Кибрик 1992]

Схема 5.2. Гиперроли в аккумулятивных и эргативных языках по [Dixon 1979]

Номинативная система	аргумент	Эргативная система
Номинатив	A	Эргатив
	S	Абсолютив
Аккузатив	O	

Выбор одной из двух стратегий унификации в качестве основы для морфосинтаксического кодирования актантов создает два наиболее часто встречающихся в типологии базовой конструкции предложения типа языков: морфологически аккумулятивные языки, кодирующие гиперроль Принципала единым падежом («номинативом») и семантическую роль пациенса при переходном глаголе — специфичным для данной роли падежом («аккузативом»), и морфологически эргативные языки, в которых гиперроль

Абсолютива выражается единым падежом («номинативом»/«абсолютивом»), а семантическая роль агенса при переходном глаголе — специфичным для данной роли падежом («эргативом»).

В Схемах 5.1 и 5.2 ролевая семантика аргументов является основой для их падежного кодирования, однако характер связи между семантической ролью и падежом может быть различным. В этом отношении в типологии А.Е. Кибрика противопоставляются языки с синтаксическими ролями и языки без синтаксических ролей. В языках со сформированными синтаксическими ролями (русский, английский, возможно, дирбал) падежи кодируют в первую очередь синтаксические роли и лишь опосредованно — семантические роли. В таких языках возможно также непосредственное падежное кодирование периферийных участников «семантическими падежами» и влияние ролевой семантики на идиосинкратичное управление предикатных слов. В языках без синтаксических ролей (к таким языкам А.Е. Кибрик относит, например, дагестанские языки), так называемых ролевых языках, ролевая семантика не опосредована уровнем грамматических отношений и выражается падежами напрямую, с точностью до объединения некоторых ролей в гиперроль. Так, например, в цахурском языке эргатив кодирует агенс, аффектив — экспериенцер, датив — цель/адресат, посессив — обладатель, а номинатив кодирует гиперроль абсолютива [Кибрик (ред.) 1999].

- (5.18) a.   aIġ-ē   jaIq   aljaʔ-a.
           Али.1.OBL-ERG   дорога.4.NOM   4.строить-IPF
           ‘Али строит дорогу.’
- b.   bajram-i-k’le   jiš-da   miz   w-ac’a.
           Байрам.1-OBL-AFF   мы.OBL-AA   язык.3.NOM   3-знать.IPF
           ‘Байрам знает наш язык.’
- c.   aIġ-ē   jed-i-s   kumag   haʔ-u.
           Али.1.OBL-ERG   мать-OBL-DAT   помощь   делать.PF
           ‘Али помог матери.’
- d.   bajram-i-qa-d   jug-un   Haw   wo-d.
           Байрам.1-POSS-4   хороший-A   дом.4.NOM   быть-4
           ‘У Байрама хороший дом.’
- e.   jedj   qay.
           мать.2.NOM   приходит.2.PF
           ‘Мать пришла.’

Таким образом, можно заключить, что все языки, располагающие категорией падежа, используют его для организации синтаксической структуры предложения, однако признаки, на которых основывается различительная функция падежа, варьируют как в межъязыковом, так и во внутриязыковом плане. В следующих главах речь пойдет в основном о синтаксических

аспектах падежного маркирования. В этой главе мы рассмотрим наиболее авторитетную формальную модель падежа — теорию приписывания абстрактного синтаксического падежа со стороны синтаксической вершины, изучим проблему связи между падежным маркированием и согласованием, а также обратимся к теории накладывающихся падежей — интересной концепции, позволяющей рассматривать как единый феномен так называемые модальные падежи некоторых австралийских языков, копирование падежных суффиксов (*Suffixaufnahme*) и специфику русских конструкций с числительными. В главе 6 мы исследуем проблему соотношения морфологического и синтаксического падежа. Рассмотрение материала языков с неноминативными подлежащими, и, в частности, языков с эргативной конструкцией предложения приведет нас к выводу, что связь между падежным оформлением именной группы и ее лицензированием в синтаксической структуре не столь тривиальна, как это следует из генеративной теории падежа. Мы обсудим альтернативную формальную теорию падежа, которая опирается на падежную конкуренцию именных групп в пределах некоторой локальной области, и имплементацию этой теории как в морфологическом, так и в синтаксическом компоненте языка. Наконец, в главе 7 мы обратимся к феномену вариативного падежного маркирования и покажем, что типы варьирования и лицензирующие его факторы могут существенно повлиять на наши представления о синтаксической природе падежа и на выбор между конкурирующими формальными теориями. Мы покажем, что синтаксические характеристики именной группы, а именно, ее статус как именной группы полной *vs.* неполной структуры, оказывается релевантным фактором, лицензирующим падежное варьирование в разноструктурных языках, а зависимость падежного оформления от таких семантических характеристик именной группы, как определенность, референтность, охарактеризованность по числу и т.п. может рассматриваться как эпифеномен влияния на падеж ее структурных характеристик.

Далее в этой главе мы обсудим основные содержательные проблемы, связанные с представлением о синтаксическом падеже, которые разрабатываются в теоретических рамках генеративной грамматики. Выбор этой теории обусловлен не только тем, что значительное количество литературы по синтаксису падежа написано в ее русле или, по крайней мере, при имплицитном учете ее положений, но и тем, что генеративная грамматика предлагает один из наиболее интересных для наших целей взглядов на синтаксические функции падежа — она рассматривает падеж как условие лицензирования именных групп⁷.

---

⁷ Об альтернативных синтаксических подходах к падежу, в частности, в лексико-функциональной грамматике, в референциально-ролевой грамматике, в когнитивной грамматике, в теории оптимальности см., например, [Butt 2006; Malchukov, Spencer (eds.) 2008].

Несмотря на то, что первые версии генеративной грамматики основывались на материале английского языка, в котором категория морфологического падежа является вырожденной (падежные формы имеют только некоторые местоимения), падежная проблематика довольно рано включается в набор эмпирических фактов, моделируемых теорией. По-видимому, основной причиной пристального внимания к падежу является гипотеза Жана-Роже Верньо [Vergnaud 1977/2006], легшая в основу одной из аксиом генеративной грамматики, сохраняющейся по настоящее время: падеж — это способ лицензирования именной группы в составе предложения. Если эта гипотеза верна, то падеж становится важнейшим теоретическим понятием, его наличие у всех именных групп предложения оказывается критически важным для его грамматичности, а правила получения именной группой падежа должны рассматриваться как ядерный компонент грамматики.

На протяжении своего развития генеративная теория последовательно решала три вопроса грамматики падежа. Первым можно считать вопрос об универсальности категории падежа. Ответ на этот вопрос возникает с гипотезой Верньо: да, категория синтаксического (или абстрактного) падежа (обозначаемого обычно заглавной буквой — Case, Падеж) универсальна, т.е. является компонентом универсальной грамматики и свойственна всем естественным языкам; предмет языкового варьирования является морфологический падеж (обозначаемый строчной буквой — case, падеж), который является конкретно-языковым выражением абстрактного Падежа. Теория Падежа (Case Theory) становится одним из модулей в Теории управления и связывания (Government and Binding theory, GB); разрабатывается первая модель приписывания падежа — получение именной группой падежа от управляющей вершины.

Второй вопрос касается универсальности механизмов падежного маркирования. Теория управления и связывания допускала различные условия для приписывания разных падежей, так что специфика этих условий была ограничена в очень слабой степени. В раннем минимализме (1990-е годы) неоднократно пересматривается механизм соотнесения именной группы с ее падежным признаком: предлагаются модели проверки признака падежа [Chomsky 1993] и означивания признака падежа при согласовании [Chomsky 2000, 2001]; вводятся новые функциональные вершины, отвечающие за падеж [Chomsky 1993, 1995]. За этими теоретическими поисками неизменно стоит одна идея: свести доступные в теории способы падежного взаимодействия к единой конфигурации, например, вершина — спецификатор вершины, или вершина — с-командуемая этой вершиной составляющая.

Наконец, третий вопрос, который впервые ставится в рамках теоретической программы минимализма, касается самой природы падежного признака: интерпретируем ли падеж? и если да, как его значение связано с лицензированием именных групп? Ранний ответ на этот вопрос

дает Хомский [Chomsky 1986]: падежное маркирование именной группы является условием видимости (Visibility Condition) ее семантической роли (тета-роли) для семантического компонента. Однако такое решение становится неудовлетворительным, если принять во внимание Условие Включенности (Inclusiveness Condition), Принцип полной интерпретации (Full Interpretability) и другие подобные гипотезы минимализма, призванные максимально упростить синтаксический компонент модели языка, и, в частности, исключить из синтаксиса какие бы то ни было объекты (вершины, признаки, индексы и т.п.), которые бы не учитывались при интерпретации предложения и возникали в синтаксисе с исключительно «техническими» целями. Поэтому именно в последние 10–15 лет в рамках генеративной парадигмы возникают новые теории, призванные пролить свет на интерпретируемость падежа и на появление значения падежного признака в синтаксисе⁸.

Далее в этой главе мы проследим развитие падежной теории в генеративной грамматике, используя эти три вопроса как отправные точки нашего изложения. Подробное изложение этой проблематики можно найти также в замечательных обзорах [Bobaljik, Wurmbrand 2008] и [Pesetsky, Torrego 2011], из которых мы позаимствуем часть иллюстративного материала. Затем мы обсудим одну из современных моделей падежа — теорию накладывающихся падежей — и применим ее к материалу цахурского языка.

5.1. Падеж как лицензор именной группы

Интерес к падежу возник в генеративной грамматике в связи с проблемой дистрибуции фонологически выраженных и нулевых подлежащих инфинитивных оборотов, демонстрируемых в парадигме (5.19) [Bobaljik, Wurmbrand 2008: 45 (1)]. В (5.19a) актантный инфинитивный оборот при глаголе *decide* ‘решить’ не может иметь выраженного подлежащего, вне зависимости от того, совпадает ли оно с подлежащим главной клаузы или нет. Внешне идентичный актантный инфинитивный оборот при глаголе *believe* ‘считать’ в (5.19b), напротив, лицензирует фонологически выраженное подлежащее. Предложение (5.19a) можно сделать грамматичным, переподчинив инфинитивный оборот комплементаризатору *for* (5.19c). Аналогичный контраст наблюдаем в позиции подлежащего (5.19d-e): подлежащее инфинитивного оборота возможно только в контексте комплементаризатора *for*.

⁸ Нельзя не отметить сходство традиционной лингвистики и генеративной теории в их подходах к интерпретации категории падежа: по сути, Теория Падежа генеративной грамматики соответствует определению падежа как категории, сигнализирующей о включенности именной группы в более крупную синтагму; таксономия управляющих вершин может быть переинтерпретирована в терминах иерархии грамматических отношений; наконец, Условие видимости соотносит семантическую роль именной группы с получением ею падежа.

- (5.19) a. Leo decided [(*Lina/*himself) to leave].
 ‘Лео решил (*Лине/*себе) уехать.’
 b. Leo believed [Lina to be a genius].
 ‘Лео считал Лину гением.’
 c. Leo decided [for Lina to leave].
 ‘Лео решил, что нужно, чтобы Лина уехала.’
 d. [For Leo to win] would be great.
 ‘Было бы здорово, если бы Лео победил.’
 e. *[Leo to win] would be great.

На основании (5.19) дистрибуция фонологически выраженных именных групп в позиции подлежащего инфинитивного оборота может быть обобщена следующим образом: выраженные подлежащие возможны в инфинитивных оборотах — комплементах некоторых переходных матричных предикатов, таких как *believe* ‘считать’, а также в инфинитивных оборотах, вводимых комплементаром *for*. В [Chomsky, Lasnik 1977] это обобщение сформулировано в виде фильтра **NP-to-VP*, приводимого в (5.20):

(5.20) фильтр **NP-to-VP*

*[_α NP to VP], кроме случаев, когда α прилагает к и находится в области глагола или комплементаром *for*⁹.

Обобщение в (5.20) давало правильную картину дистрибуции выраженных именных групп и нулевых местоимений — PRO — в позиции подлежащего инфинитивного оборота, однако оставалось непонятным, что объединяет контексты, представляющие собой исключение в (5.20). Содержательную гипотезу относительно фактора, противопоставляющего допускающие и не допускающие фонологически выраженную именную группу конфигурации, высказал Жан-Роже Верньо в своем письме Хомскому и Ласнику [Vergnaud 1977/2006]. Верньо предположил, что таким фактором является доступность абстрактного падежа: в контекстах, где выраженное подлежащее инфинитивного оборота допустимо, именная группа может получить падеж (от переходного матричного предиката или комплементаром *for*), а контексты, в которых возникает PRO, напротив, являются беспаджными.

Верньо пишет: «Я полагаю, что этот фильтр может быть заменен фильтром, который определяет дистрибуцию именных групп определенного типа. Вот что я имею в виду. Допустим, что в английском языке есть три Падежа: Субъектный Падеж — падеж подлежащего

⁹ *[_α NP to VP], unless α is adjacent to and in the domain of Verb or *for* [Chomsky, Lasnik 1977: 461].

финитных клауз; Генитив (как в *Mary's book, hers, yours, mine*, и т.д.); Управляемый падеж, который является, помимо прочего, Падежом дополнений глаголов и предлогов (ср. *Mary saw him, Mary gave him a book, Mary talked to him, a book by him* и т.д.). <...> Определяющее свойство инфинитивных конструкций состоит в том, что в таких конструкциях подлежащее стоит в Управляемом Падеже <...> Я предполагаю, что дистрибуция инфинитивных конструкций вида NP to VP следует из дистрибуции именных групп в Управляемом Падеже. А именно, я предлагаю следующий фильтр: Структура вида ... [α ... NP ...] ... , где NP — именная группа в Управляемом Падеже, а α — первый ветвящийся узел над этой именной группой, неграмматична, за исключением случаев, когда (i) α — это составляющая категории [-N] или (ii) α прилагает к и входит в составляющую категории [-N]»¹⁰.

Гипотеза Верньо предсказывает, что не только именные группы — подлежащие инфинитивных оборотов, но и именные группы в прочих структурных позициях в английском языке лицензируются абстрактным падежом. Чтобы увидеть, что это действительно так, сравним дистрибуцию именных групп в английском языке с дистрибуцией именных групп со структурными падежами (номинативом и аккузативом) в языках с богатой падежной системой, таких как латынь или русский.

Рассмотрим примеры (5.21)–(5.24), адаптированные из [Pesetsky, Torrego 2011]. Мы видим, что именная группа — дополнение в английском языке допустима в тех структурных контекстах, где в латинском и русском языках дополнение может получить аккузатив, и наоборот, там, где в русском и в латинском языках комплемент не может получить аккузатив, в английском языке неграмматична именная группа — дополнение. В русском и латинском только глаголы и предлоги (в терминах [Vergnaud 1977/2006; Chomsky, Lasnik 1977] —

¹⁰ “I believe that this filter could be replaced by a filter that governs the distribution of certain kinds of NPs. Here is what I have in mind. Let’s assume that English has three Cases: the Subject Case, which is the Case of subjects in tensed clauses; the Genitive Case (cf. *Mary's book, hers, yours, mine*, etc.); the Governed Case, which is the case of complements of verbs and of prepositions, among others (cf. *Mary saw him, Mary gave him a book, Mary talked to him, a book by him*, etc.). <...> Now, a characteristic property of infinitival construction is that, in such constructions, the subject is in the Governed Case:

- (1) a. We’d prefer for *him* to leave.
- b. It is illegal for *him* to leave.
- c. We found a man for *him* to speak to.
- d. For *him* to leave would be unfortunate.

Well, I shall hypothesize that the distribution of infinitival constructions of the form NP to VP follows from the distribution of NPs in the Governed Case. Specifically, let’s posit the following filter:

- (2) A structure of the form ... [α ... NP ...] ... , where NP is in the Governed Case and α is the first branching node above NP, is ungrammatical unless (i) α is the domain of [-N] or (ii) α is adjacent to and in the domain of [-N]” [Vergnaud 1977/2006: 3–4].

лексические категории с признаком [-N]) могут приписывать аккузатив своему дополнению, а существительные и прилагательные ([+N]) неспособны к приписыванию аккузатива. В английском языке только глаголы и предлоги ([-N]) могут присоединять именную группу — дополнение, а существительные и прилагательные ([+N]) должны опосредовать это отношение предлогом.

- (5.21) a. wrote the book
 b. scripsit libr-um
 c. написал книг-у

- (5.22) a. to Spain
 b. ad Hispani-am
 c. в Испани-ю

- (5.23) a. love for the counry || *love country
 b. amor in patriam / amor patriae || *amor patri-am
 c. любовь к родине || *любовь родин-у

- (5.24) a. free from luxuries || *free luxuries
 b. liberi a delici-is || *liberi delici-as
 c. свободный от роскоши || *лишенный роскошь-Ø

Обратимся теперь к (5.25)–(5.26), где именная группа располагается в позиции подлежащего. В (5.25a) финитное английское предложение может иметь подлежащее, выраженное именной группой. Примеры (5.25b-c) показывают, что в русском и латинском языках подлежащее в финитном предложении оформляется номинативом. Из (5.26) видно, что подлежащее в английской нефинитной клаузе не лицензируется, а в русском и латинском языках в таком случае номинатив как падеж субъекта недоступен.

- (5.25) a. The boy came.
 b. Puer venit.
 c. Мальчик пришел.

- (5.26) a. For you to leave || *You to leave would be unwise.
 b. Meum animum || *Meus animus tibi servitutem servire aequom censui.
 ‘Я полагал, что мой дух сослужил тебе равную службу.’
 c. Тебе уехать || *Ты уехать было бы неразумно.

Столь единообразная дистрибуция именных групп со структурным падежом в латинском или русском и именных групп в английском едва ли случайна и свидетельствует о том, что за некоторыми типами падежной морфологии в языках с развитой категорией падежа, равно как и за дистрибуцией именных групп в беспадежных языках стоит один и тот же синтаксический феномен. Верньо предложил считать, что этот феномен — абстрактный падеж, и именно его наличие лицензирует фонологически выраженную именную группу. Таким образом, первая генеративная теория падежа состоит из падежного фильтра — аксиомы (5.27) и правил приписывания абстрактного падежа – аккузатива и номинатива (5.28); падеж в этой теории выступает как лицензор именной группы¹¹.

(5.27) *NP, если NP фонологически выражена и не имеет падежа¹²

(5.28) Приписывание (абстрактного) падежа

a. Аккузатив

α приписывает аккузатив β тогда и только тогда, когда:

i. α имеет категорию V или P (не N или A); и

ii. β — комплемент α

b. Номинатив

Финитная вершина T приписывает номинатив своему спецификатору.

Теория падежа (5.27)–(5.28) правильно предсказывает, что дополнения-именные группы и дополнения других фразовых категорий могут иметь разную дистрибуцию: действительно, все типы дополнений возникают в синтаксисе в соответствии с принципом проекции, но лишь на именные группы накладывается дополнительное ограничение: они должны лицензироваться не только семантическими характеристиками своей вершины, но и наличием абстрактного падежа. В результате именные вершины (N, A) допускают в качестве комплементов CP или PP, но не NP:

(5.29) a. her proof [_{CP} that the world is round]

¹¹ Вопрос о соотношении абстрактного падежа и морфологического падежа до определенного момента не поднимается; по умолчанию предполагается, что морфологический падеж отражает абстрактный, а отличие между языками типа английского и типа русского видится как исключительно морфологическое. Формальный синтаксис обратится к этой проблеме несколько позже, с выходом статьи [Zaenen, Maling, Thráinsson 1985]; результатом дискуссии станет существенное уточнение теории синтаксического падежа и возникновение альтернативной теории конфигурационного морфологического падежа А. Марантца.

¹² *NP if NP has phonetic content and has no Case [Chomsky 1981: 49].

‘ее доказательство, что Земля круглая’

b. *her proof [_{NP} the theorem]

‘ее доказательство теоремы (*теорему)’

(5.30) a. satisfied [_{CP} that the world is round]

‘доволен, что Земля круглая’

b. *satisfied [_{NP} the fact]

‘доволен этим фактом (*этот факт)’

Подлежащее инфинитивного оборота — это еще одна позиция, где возникающие в соответствии с принципом проекции именные группы могут оказаться беспадежными и, таким образом, недопустимыми. Исходная парадигма (5.19) (повторяемая здесь как (5.31)) получает следующее объяснение. В (5.31b-d) подлежащее инфинитивного оборота получает абстрактный падеж: в (5.31c-d) — от предложного комплементаризера *for*, в (5.31b) — от матричного глагола *believe* ‘считать’ в результате «исключительного падежного маркирования» (exceptional case marking, ECM) — не от глагольной вершины к ее комплементу, как это определяет (5.28a), а от глагольной вершины к спецификатору ее комплемента. В (5.31a) и (5.31e) источников падежа для подлежащего инфинитивного оборота нет, поэтому выраженная именная группа в этих позициях невозможна. Отличие предиката *decide* ‘решить’ от предиката *believe* ‘считать’ сводится к синтаксической селекции комплемента: *decide* ‘решить’ выбирает CP, а *believe* ‘считать’ выбирает TP [Chomsky, Lasnik 1995: 112], вследствие чего ECM возможно при *believe* ‘считать’, но не при *decide* ‘решить’.

(5.31) a. Leo decided [_{CP} (*Lina/himself) to leave].	*NP/PRO	— Case
b. Leo believed [_{TP} Lina to be a genius].	NP/*PRO	+ Case (ECM, V)
c. Leo decided [_{CP} for Lina to leave].	NP/*PRO	+ Case (P)
d. For Leo to win would be great.	NP/*PRO	+ Case (P)
e. *Leo to win would be great.	*NP/PRO	— Case

5.2. Теория падежа генеративной грамматики

Теория абстрактного падежа последовательно встраивается в систему модулей Теории управления и связывания. Поскольку одни синтаксические позиции оказываются «падежными», а другие — нет, падежный фильтр вынуждает именные группы передвигаться из беспадежных позиций в падежные. Возникает классификация типов передвижения — допустимых в универсальной грамматике применений операции *move alpha*; одним из типов передвижения

оказывается А-передвижение, или передвижение именных групп в аргументные позиции, связанное с потребностью в получении падежа. Активно эксплуатируется связь падежного маркирования с управлением: управление, понимаемое как асимметричное локальное отношение между двумя категориями, основанное на с-командовании, становится структурным «примитивом», базовой конфигурацией, в терминах которой получают объяснение различные типы синтаксических взаимодействий.

5.2.1. Передвижение в аргументные позиции

Требование получения падежа именной группой объясняет не только дистрибуцию именных групп и PRO в парадигме (5.31), но и дистрибуцию именных групп между базовыми и производными позициями. Например, в (5.32a) именная группа *the door* ‘дверь’ находится в позиции дополнения переходного глагола; она возникает в этой позиции в соответствии с принципом проекции как внутренний аргумент глагола *open* ‘открывать’, и в этой же позиции получает абстрактный аккузатив от переходной вершины V в соответствии с (5.28a). В (5.32b) именная группа *the door* ‘дверь’ также располагается в базовой позиции, однако в этом предложении глагол стоит в пассивной форме, а значит лишается способности приписывать аккузатив. Таким образом, именная группа — дополнение оказывается в беспадежной позиции, что влечет неграмматичность (5.32b). Наконец, в (5.32c) именная группа *the door* ‘дверь’ подверглась передвижению из исходной беспадежной позиции дополнения в производную падежную позицию подлежащего; требования падежного фильтра таким образом удовлетворяются, и предложение является грамматичным.

(5.32) a. John opened the door.

‘Джон открыл дверь.’

b. *(It) was opened the door.

‘*Было открыто дверь.’

c. The door_i was opened t_i.

‘Дверь была открыта.’

Передвижение в (5.32c) характеризуется определенным набором свойств, регулярно воспроизводящихся в различных конфигурациях. Во-первых, субъектом передвижения являются именные группы (максимальные проекции), что отличает это передвижение от передвижения вершин и от *wh*-передвижения, при котором синтаксическая категория передвигающейся группы может быть произвольной. Во-вторых, передвижение происходит из базовой позиции, где именная группа получает семантическую роль, но не может получить

падеж, в производную позицию, где именная группа получает падеж, но не должна получать семантическую роль. В-третьих, передвижение является локальным (например, оно не может пересечь границы финитной клаузы, ср. (5.33a-b)). В-четвертых, передвижение возможно только в с-командующую позицию, т.е. «вверх» по дереву.

(5.33) a. John_i was believed [t_i to be said [t_i to be a genius]].

‘Считалось, что про Джона говорят, что он гений.’

b. *John_i was believed [that Bill said [t_i to be a genius]].

‘Считалось, что Билл сказал про Джона, что он гений.’

А-передвижение объясняет такие феномены (ранее вводившиеся отдельными трансформациями), как «повышение» прямого дополнения при пассивизации (5.34a-b), линейную позицию подлежащего у неаккузативных глаголов (5.34c), подъем подлежащего инфинитивной клаузы при предикатах подъема (5.34d), а также «дальнюю пассивизацию» (long-distance passivization), объединяющую пассивизацию и подъем (5.34e) [Pesetsky, Torrego 2011: (18)–(19)].

(5.34) a. The book_i was put t_i under the desk.

‘Книгу положили под стол.’

b. Mary_i was persuaded t_i that the world was ending.

‘Мэри была убеждена, что наступает конец света.’

c. The door_i opened t_i suddenly.

‘Дверь внезапно открылась.’

d. Mary_i seemed [t_i to have written the letter].

‘Мэри, кажется, написала письмо.’

e. Mary_i is believed [to have been elected t_i president].

‘Считается, что Мэри выбрали в президенты.’

Легко видеть, что в (5.34) передвижение всегда имеет своей конечной целью позицию финитного подлежащего¹³. С точки зрения Теории управления и связывания (в частности, Теории падежа и Тета-теории), это далеко не случайно: ведь позиция финитного подлежащего — единственная нетематическая (т.е. не связанная с семантической ролью) позиция, в которой доступен падеж. Передвижение именной группы в тематическую падежную позицию нарушало бы постулат Тета-теории, согласно которому у именной группы может быть только одна тета-

¹³ Возможен анализ конструкций с ЕСМ как конструкций подъема в позицию дополнения (см. ниже); в таком случае целью А-передвижения может быть и позиция подлежащего, и позиция дополнения.

роль. Поскольку первую тета-роль именная группа получает в базовой позиции от проецирующей ее вершины, А-передвижение возможно только в позицию подлежащего.

Заметим, однако, что передвижение составляющей в позицию подлежащего независимо мотивировано “Принципом расширенной проекции” (Extended Projection Principle, EPP), согласно которому любая финитная клауза в английском языке должна иметь подлежащее [Chomsky 1982: 10]. Этот факт грамматики английского языка имплементируется различными синтаксическими теориями; например, его описывает закон *Final-1 Law* в Реляционной грамматике [Perlmutter, Postal 1983]: итоговое синтаксическое представление («стратум») должно содержать стрелку с номером 1, что соответствует наличию поверхностного подлежащего¹⁴. С учетом EPP примеры в (5.16) могут быть проанализированы и без А-передвижения: если соответствующие именные группы могут получить падеж от финитной вершины Т главной клаузы, находясь *in situ*, то их последующее передвижение в Spec, TP может быть представлено как передвижение ближайшей активной составляющей с целью удовлетворения признака EPP вершины Т. Если в рамках Теории падежа выбор передвигающегося дополнения при пассиве (5.16a-b) определяется его категориальным статусом (передвигается NP, но не PP или CP, потому что только NP нуждается в падеже), то в рамках намеченной выше теории выбор передвигающегося дополнения связан с его структурной позицией и «активностью» для взаимодействия с вершиной Т.

Несмотря на то, что данные в (5.34) могут быть объяснены как с учетом Теории падежа, так и без нее, с опорой на EPP, эмпирическое покрытие Падежного фильтра и EPP не полностью идентичны. Так, например, Падежный фильтр с легкостью справляется с контрастом между (5.35) и (5.36), в то время как одного EPP здесь явно недостаточно.

(5.35) a. [That the world is round]_i was believed t_i by the ancient Greeks.

b. It was believed by the ancient Greeks [that the world is round].

‘Древние греки полагали, что Земля круглая.’

(5.36) a. The book_i was put t_i under the table.

b. *It/There was put the book under the table.

‘Книгу положили под стол.’

С другой стороны, даже в английском языке (не говоря уже о других языках) имеются примеры, в которых именная группа получает номинатив от финитной вершины Т без передвижения в ее окрестность, ср. (5.37). Факты такого рода были учтены в минималистской модели приписывания падежа, которую мы рассмотрим в разделе 5.3.1.

¹⁴ “Every basic clause must contain a final 1-arc” [Perlmutter, Postal 1983: 10].

(5.37) a. There have arisen several complications.

‘Возникли некоторые осложнения.’

b. There could have occurred a diplomatic incident.

‘Мог произойти дипломатический инцидент.’

c. There remains little hope of finding survivors.

‘Остается мало надежды обнаружить выживших.’

5.2.2. Управление

Правило приписывание падежа дополнению, предложенное в (5.18), есть не что иное как формализация традиционного понятия управления: Y управляет X -ом, если Y требует появления X в возглавляемой им синтагме и определяет (падежную) форму X -а¹⁵. Заметим, что управление обладает двумя важными свойствами: оно непосредственно связано с синтаксической зависимостью и имеет локальный характер. Поскольку многие синтаксические феномены, определяемые на единицах X и Y , возникают в конфигурациях с локальным асимметричным синтаксическим отношением между X и Y , естественно предположить, что конфигурация управления может быть использована не только в правилах приписывания падежа, но и при анализе этих феноменов. Так возникает идея обобщения понятия управления как такой структурной конфигурации, в которой возможны синтаксические зависимости локального характера.

Первое определение управления в генеративной грамматике опирается на понятие *с-командования*, а локальность управления (как линейная, так и структурная) обеспечивается отсутствием между управляющим и управляемым единиц и границ основных синтаксических категорий (5.38)¹⁶. Например, в конфигурации (5.39) обе лексических вершины – V и P – *с-командуют* NP . Однако, только вершина P управляет NP , поскольку между вершиной V и NP имеется граница основной категории (PP), а также и, возможно, фонологически выраженный представитель основной категории (P).

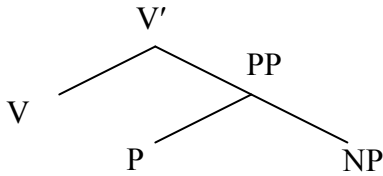
(5.38) Управление

¹⁵ Ср. с определением из [Кибрик 1992: 119]: «Управление имеет место тогда, когда обуславливающий постоянный признак (а) некоторого слова (X) имплицитно подразумевает другое слово (Y), обладающее переменным признаком (b), или б) целое предложение (Y) с некоторым признаком (b). То есть если слово X имеет обуславливающий постоянный признак а, то имеется элемент Y с признаком b.»

¹⁶ Понятие основной категории (*major category*) определяется в [Chomsky 1965: 74] как лексическая категория X либо составляющая, доминирующая над лексической категорией X .

β управляет α если β с-командует α и между α и β нет основных категорий или границ основных категорий¹⁷.

(5.39) посмотрел [_{PP} на [_{NP} часы]]

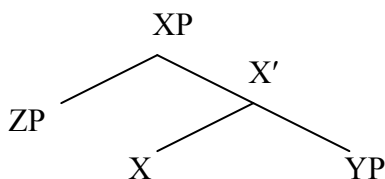
Определение в (5.38) покрывает случаи традиционного управления лексической вершины своим дополнением. Как видно из (5.18), абстрактный аккузатив приписывается в конфигурации лексическая вершина-комплемент, то есть при с-командовании лексической вершины своим аргументом. Однако приписывание абстрактного номинатива не может быть определено в терминах управления из (5.38): номинатив приписывается в конфигурации функциональная вершина-спецификатор, то есть в отсутствие с-командования со стороны вершины, хотя и в расширенной проекции этой вершины [Aoun, Sportiche 1983]. Чтобы объединить эти случаи, в теорию вводится понятие *m*-командования [Chomsky 1986] — ослабленной версии с-командования:

(5.40) *m*-командование

A *m*-командует B , если первая максимальная проекция, доминирующая над A , доминирует также и над B , и ни A , ни B не доминируют друг над другом.

Легко видеть, что в (5.41) *m*-командование имеет место между вершиной и комплементом (X *m*-командует $Y\bar{P}$) и между вершиной и спецификатором (X *m*-командует ZP); кроме того, спецификатор и комплемент *m*-командуют друг другом. Таким образом, *m*-командование «уравнивает» все составляющие одной максимальной проекции — вершину, спецификатор и комплемент — в отношении структурного приоритета.

(5.41)

¹⁷ α is governed by β if α is c-commanded by β and no major category or major category boundary appears between α and β [Chomsky 1980: 25].

Итак, использование понятия *m*-командования позволило унифицировать структуры, в которых может приписываться падеж, и выдвинуть теорию универсального приписывания падежа при управлении (*case assignment under government*). Следующим шагом стала попытка использования управления для анализа языковых феноменов, не связанных с падежом. В частности, было замечено, что отношение между подвергшейся передвижению группой и ее следом во многом напоминает отношение между управляющей категорией и маркируемой падежом именной группой: «голова» (*head*), т.е. конец цепи, создаваемой передвижением, обладает структурным приоритетом над «хвостом» (*tail*), т.е. началом цепи, и всеми промежуточными позициями в цепи — следами от передвижения; отношение между двумя звеньями цепи может быть нарушено границами некоторых категорий; след лицензируется отношением с вышестоящим хвостом, как именная группа лицензируется падежом.

Указанное сходство легло в основу гипотезы об управлении как лицензоре следа (пустой категории). Для лицензирования следов предлагается особый тип управления, отличный от управления со стороны вершин-источников падежей — так называемое антецедентное управление. Важнейшим феноменом, показывающим, что антецедентное управление «родственно» лексическому управлению, является извлечение *wh*-местоимений из слабых островов (5.42). В (5.42a) объектное местоимение *what* ‘что’ может быть извлечено из косвенного вопроса в главное предложение, однако в (5.42b) извлечение обстоятельственного местоимения *how* ‘как’ из этой конфигурации приводит к неграмматичности. Объяснить контраст между (5.42a-b) возможно, если предположить, что след может лицензироваться *и* антецедентным, *и* лексическим управлением.

(5.42) a. $What_i$ do you wonder [_{CP} how_j to fix t_i t_j] ?

‘Что ты не знаешь, как починить?’

b. *How_i do you wonder [_{CP} what_j to fix t_j t_i] ?

‘*Как ты не знаешь, что починить?’

В [Chomsky 1981, 1986] вводится понятие жесткого управления¹⁸ (*proper government*), объединяющего лексическое (тета-) управление и антецедентное управление. Лексическое управление — это управление со стороны вершины с одновременным приписыванием тета-роли; антецедентное управление — это управление со стороны коиндексированного антецедента. Оба типа управления, по Хомскому, происходят при *s*-командовании с соблюдением условия жесткой (*rigid*) минимальности — отсутствия между управляющим и управляемым барьеров минимальности (*minimality barriers*), т.е. специальным образом

¹⁸ При переводе термина *proper government* используется вариант, предложенный в [Тестелец 2001].

вычисляемых границ категорий¹⁹. В (5.43)–(5.47) формализована теория, объясняющая дистрибуцию следов при помощи понятия управления.

(5.43) Принцип пустой категории (Empty category principle, ECP)

След (=непрономинальная пустая категория) должен жестко управляться

(5.44) Жесткое управление

А жестко управляет В, если:

А лексически управляет В

или

А антецедентно управляет В

(5.45) Лексическое управление

А лексически управляет В, если А управляет В и А приписывает В тета-роль

(5.46) Антецедентное управление

А антецедентно управляет В, если А управляет В и А коиндексировано с В

(5.47) Управление (ср. (5.38))

А управляет В, если:

А *m*-командует В

и

между А и В нет барьеров

Объединение в теории (5.43)–(5.47) лексического и антецедентного управления позволяет объяснить контраст между извлечением комплементов и адьюнктов в (5.42). В (5.42a) след от передвижения адьюнкта t_j управляется антецедентно, а след от передвижения комплемента t_i — лексически. В (5.42b) есть условия и для лексического, и для антецедентного управления следом от передвижения комплемента t_i , а след от передвижения адьюнкта t_j остается неуправляемым: он не может управляться лексически, поскольку адьюнкты не получают тета-роль, и не может управляться антецедентно, поскольку антецедент нелокален.

Наиболее глубоко разработанная система типов управления и ограничений на конфигурации, в которых оно происходит, принадлежит Л. Рицци [Rizzi 1990]. Основным теоретическим прорывом в работе Рицци стало объяснение того факта, что различные синтаксические феномены, понимаемые как локальные, локальны в разной степени и в разных отношениях. Так, приписывание падежа лексической вершиной строго локально в отношении границы лексической XP (например, в конфигурации (5.39)), но при этом механизм

¹⁹ Барьером для β является максимальная (или первая, если проецируется спецификатор) проекция γ вершины δ , командующей β . Из числа образующих барьеры вершин (δ) по ряду причин исключаются V° и I° .

исключительного падежного маркирования (ЕСМ) допускает приписывание падежа именной группе «через голову» TP-комплемента. Передвижение вершин строго локально в том смысле, что его блокируют промежуточные вершины [Travis 1984; Baker 1985], но его не блокируют промежуточные группы. А-передвижение неспособно пересечь границу финитной клаузы, а А'-передвижение допускает извлечение из финитного предложения. Гипотеза Рицци состоит в том, что минимальность, единообразно определяемая в [Chomsky 1981, 1986] как отсутствие барьеров одного и того же типа — должна быть параметризована: для каждого типа синтаксического взаимодействия, описываемого при помощи понятия управления, минимальность — это отсутствие между взаимодействующими элементами α и β элемента γ , относящегося к тому же классу, что α или β .

Итак, Рицци, вслед за Хомским, выделяет управление со стороны вершины (вершинное управление, *head government*²⁰), требующее *m*-командования, и antecedentное управление, происходящее при *s*-командовании. В обоих случаях требуется, чтобы не нарушалось условие минимальности, однако минимальность относительна в том смысле, что специфична для различных типов взаимодействия.

Формулировка принципа относительной минимальности приводится в (5.48)–(5.51).

(5.48) Относительная минимальность (Relativized minimality)

X α -управляет *Y* только тогда, когда не существует такого интервента *Z*, что:

- (i) *Z* является типичным потенциальным α -управляющим элементом для *Y*;
- (ii) *Z* *s*-командует *Y*-ом и не *s*-командует *X*-ом.

(5.49) Интервент для вершинного управления

Z является типичным потенциальным управляющим элементом при вершинном управлении для *Y*-а тогда и только тогда, когда *Z* является вершиной, *m*-командующей *Y*-ом.

(5.50) Виды цепей при antecedentном управлении

- a. А-цепи (возникают при А-передвижении именных групп)
- b. А'-цепи (возникают при wh-передвижении)
- c. X^o-цепи (возникают при передвижении вершин)

(5.51) Интервент для antecedentного управления

a. *Z* является типичным потенциальным управляющим элементом при antecedentном управлении для *Y*-а, представляющего из себя звено А-цепи, тогда и только тогда, когда *Z* находится в аргументной позиции спецификатора и *s*-командует *Y*-ом.

²⁰ Управляющие вершины исчерпываются множеством {A, N, P, V, Agr, T}.

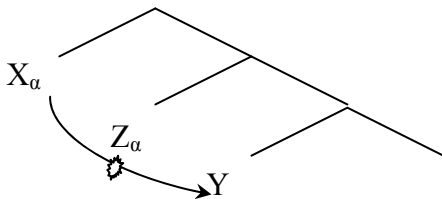
b. Z является типичным потенциальным управляющим элементом при antecedентном управлении для Y -а, представляющего из себя звено A' -цепи, тогда и только тогда, когда Z находится в неаргументной позиции спецификатора и c -командует Y -ом.

c. Z является типичным потенциальным управляющим элементом при antecedентном управлении для Y -а, представляющего из себя звено X° -цепи, тогда и только тогда, когда Z находится в позиции вершины и c -командует Y -ом.

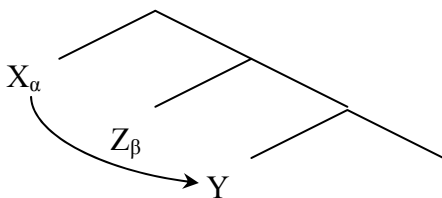
(5.48) содержит условие минимальности для наличия управления: управление Y -ом со стороны X -а невозможно, если имеется интервент — промежуточный (то есть c -командующий Y -ом и c -командуемый X -ом) элемент, такой, что он является потенциальным управляющим элементом для Y -а. В (5.49)–(5.51) минимальность параметризуется по типу управления: для управления типа α имеют значение только потенциальные управляющие элементы типа α , что схематически представлено в (5.52a-b).

(5.52)

a.

b.

В (5.49)–(5.51) описываются типы потенциальных управляющих элементов для разных видов управления. (5.49) содержит аналог условия на управление из (5.47), согласно которому вершина не может управлять составляющей Y , если структурно ближе к Y -у расположена другая вершина — потенциальный управляющий элемент. В (5.51) определяются потенциальные управляющие элементы для antecedентного управления: они различны для разных типов передвижений (5.50). Вершины блокируют передвижение вершин, именные группы в спецификаторах-аргументных позициях — A -передвижение, составляющие в спецификаторах-неаргументных позициях — A' -передвижение.

Гипотеза Рицци позволяет объяснить большой круг ограничений на синтаксические взаимодействия, равно как и зависимость ограничивающих факторов от типа взаимодействия.

Например, отрицание блокирует A'-передвижение адьюнктов, но не блокирует A-передвижение аргументов (5.53)-(5.54); финитное подлежащее блокирует A-передвижение (подъем через границу финитной клаузы, *superraising*) и не является блокирующим фактором для A'-передвижения (5.55)-(5.56) [Anagnostopoulou, Fox 2007: (35)].

(5.53) *[How strongly]_i do you **not** believe that inflation will rebound t_i?

‘*Насколько сильно ты не думаешь, что подскочит инфляция?’

(5.54) John_i does **not** seem t_i to win.

‘Непохоже, чтобы Джон победил.’

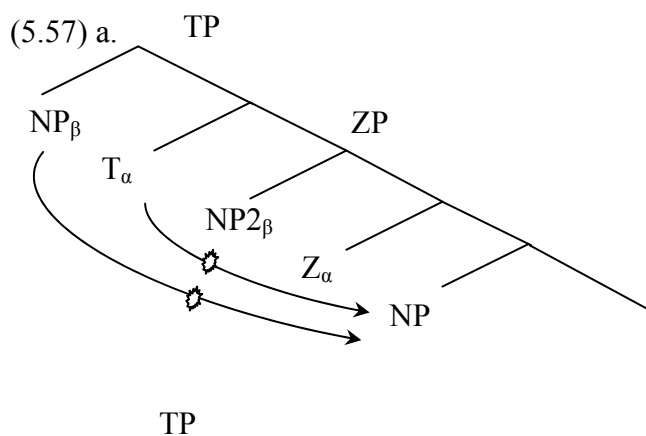
(5.55) *John_i seems that **it** is likely t_i to win.

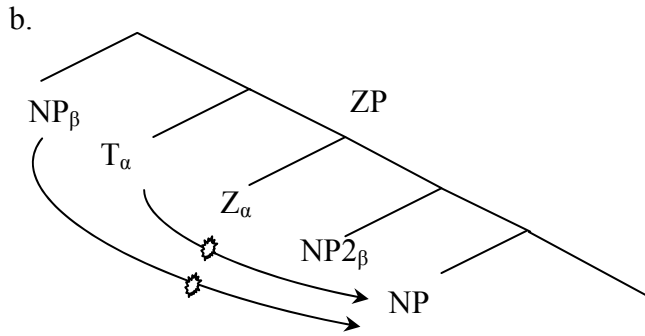
‘Похоже, что Джон, кажется, победил.’

(5.56) Who_i do you think that **I** want t_i to win?

‘Кто, ты думаешь, я хочу, чтобы победил?’

Влияние работы Рици на развитие генеративной теории трудно переоценить. Для теории падежа два следствия представляются наиболее важными. Во-первых, при учете относительной минимальности отпала необходимость в строго локальном приписывании падежа подлежащему. Действительно, и приписывание номинатива (т.е. управление со стороны вершины T), и передвижение в Spec, TP (т.е. antecedentное управление со стороны подлежащего) всегда претерпевает одна и та же именная группа — самая «высокая» именная группа в аргументной позиции. Если бы между T и будущим подлежащим располагалась другая аргументная именная группа (NP2 на схеме в (5.57)), она в соответствии с падежным фильтром должна была бы получить падеж от какой-либо управляющей вершины. Этой вершиной не может быть T, поскольку T способна приписать падеж только один раз. Следовательно, имеется некоторая вершина Z, которая m-командует NP5. Следовательно, NP2 либо c-командуется вершиной Z, либо находится в ее спецификаторе. Две возможные конфигурации представлены в (5.57a-b).

Легко видеть, что присутствие NP2 заблокирует A-передвижение подлежащего (вернее, antecedентное управление следом от передвижения NP в позицию подлежащего), поскольку является потенциальным управляющим элементом для antecedентного управления в A-цепи. Вершина Z, падежный лицензор NP2, в свою очередь заблокирует управление подлежащим со стороны вершины T. Следовательно, можно существенно упростить правило приписывания падежа подлежащему: приписывание номинатива и передвижение в Spec, TP можно рассматривать как отдельные процессы, которые «запускает» вершина T и мишенью которых оказывается ближайшая к T с-командуемая именная группа в аргументной позиции.

Во-вторых, само понятие управления лишается единого содержания. Поскольку для каждого локального взаимодействия конфигурация, в которой оно возможно, определяется типом этого взаимодействия, а от m-командования, необходимого только для приписывания падежа подлежащему, можно избавиться, если развести падежное взаимодействие и EPP, оказывается, что содержательно управление есть с-командование. Таким образом, генеративная грамматика приходит к необходимости пересмотра модели приписывания падежа. Основным направлением, в котором происходит развитие теории, является унификация и упрощение модели в отношении конфигураций падежного взаимодействия.

5.3. Унификация механизмов приписывания падежа

В истории генеративной грамматики 1990-е годы характеризуются существенным усложнением синтаксической структуры предложения, в первую очередь за счет введения в лексикон большого количества функциональных вершин. В своем максимальном развитии такая модель сопоставляет каждой грамматической категории, определенной на некоторой фразовой категории, особую проекцию, доминирующую над данной фразовой категорией. Так, например, различные предикативные категории, ранее ассоциировавшиеся с единой вершиной Infl/I, расщепляются на последовательность функциональных проекций, включающих согласование с подлежащим (AgrS), время (T) и согласование с дополнением (AgrO) [Pollock 1989; Belletti 1990; Chomsky 1989, 1991, 1992, 1993, 1995]; категории именной группы, такие

как число [Ritter 1991, 1992], определенность [Abney 1987] и даже падеж [Bittner, Hale 1996], рассматриваются как функциональные проекции Num(ber)P, D(eterminer)P и K(ase)P, образующие оболочки группы лексического существительного (см. главы 1-3). Семантической и синтаксической декомпозиции подвергается лексическое значение глагола: структура глагольной области усложняется, внешний аргумент отделяется от лексического значения глагола [Kratzer 1996], а проецирующая его вершина — «верхний» глагол в ларсоновой структуре [Larson 1988] — осмысляется как функциональная, а не лексическая вершина, одна из оболочек глагольной группы, отвечающая за ее переходность; также отдельной проекции удостоивается категория вида (AspP).

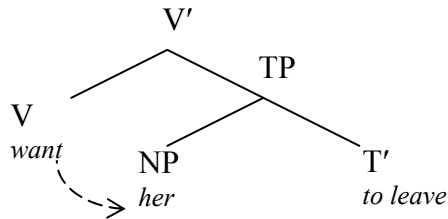
В рамках модели такого рода, где типов функциональных вершин становится чуть ли не больше, чем лексических, естественным образом вновь возникает вопрос о вершинах-приписывателях падежей и о тех конфигурациях, в которых происходит падежное взаимодействие. В этом разделе мы обсудим две идеи, непосредственно связанные с падежом: «выравнивание» асимметрии между номинативом и аккузативом и модель приписывания падежа при согласовании.

5.3.1. Легкий глагол как источник аккузатива

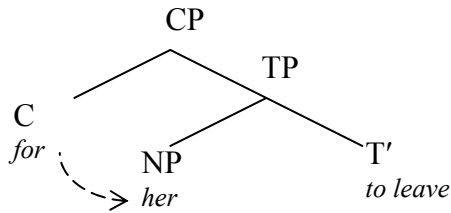
В модели падежа Теории управления и связывания источником аккузатива являются лексические вершины V и P, а приписывание аккузатива происходит при лексическом (тета-) управлении — от вершины к проецируемому ею компоненту. Эта модель неудовлетворительна по нескольким причинам.

Во-первых, приписывание аккузатива далеко не всегда связано с одновременным приписыванием тета-роли. Например, в конструкциях с исключительным падежным маркированием аккузатив получает не дополнение лексического глагола, а именная группа в спецификаторе его компонента — TP; тета-роль же эта именная группа получает в собственной клаузе, от проецирующей ее лексической вершины. Таким образом, при ЕСМ налицо приписывание падежа без приписывания тета-роли. Далее, подлежащее инфинитивных клауз в английском языке способно получить аккузатив от предложного комплементаризера *for*, однако и это приписывание падежа не связано с тета-управлением. В некотором смысле это также конфигурация исключительного падежного маркирования: приписывание падежа спецификатору компонента «через голову» компонента (5.58a-b):

(5.58) a. ECM со стороны глагола

b. ECM со стороны предложного комплементаризера

Это свойство аккузатива позволяет его отнести к структурным, а не к лексическим падежам, что вполне соответствует классификации падежей вне генеративной традиции, ср., например, с дихотомией грамматических (синтаксических) и «конкретных» (семантических) падежей у Е. Куриловича [Курилович 1949/1962]. Однако в таком случае деривационная асимметрия номинатива и аккузатива выглядит неоправданно: номинатив приписывается функциональной вершиной T своему спецификатору (или, как было предложено выше, при нелокальном с-командовании), в то время как аккузатив приписывается лексической вершиной своему комплементу, так что отклонения от этого правила являются исключениями.

Второй недостаток падежной модели Теории управления и связывания состоит в ее неспособности объяснить связь между проецированием внешнего аргумента и приписыванием аккузатива, известную как обобщение Бурцио (5.39).

(5.59) Обобщение Бурцио

Если глагол приписывает аккузатив, у него есть внешний аргумент.

Обобщение Бурцио [Burzio 1986] устанавливает взаимозависимость между лексическим свойством глагола — наличием у него внешнего аргумента и синтаксическим свойством глагола — способностью приписывать аккузатив внутреннему аргументу. Вне зависимости от того, проецируется ли внешний аргумент непосредственно в Spec, TP, как предполагает анализ Бурцио, в спецификаторе единственной глагольной группы, как предполагает гипотеза о проецировании подлежащего внутри глагольной группы (VP-internal Subject Hypothesis, VPISH [Коорман, Sportiche 1991]) или же в спецификаторе верхней глагольной группы в ларсоновой структуре [Larson 1988], остается непонятным, почему такое свойство лексического глагола,

как способность приписывать падеж, зависит от его семантического класса. Более того, такая операция, как пассивизация, в подобной системе также воздействует на два свойства лексического глагола, не образующих естественного класса и даже не связанных, в случае ларсоновой структуры, с общей вершиной.

Еще одна причина пересмотреть архитектуру глагольной области и вовлеченность ее компонентов в приписывание аккузатива связана с новыми данными о более богатой, чем предполагалось ранее, функциональной структуре, доминирующей над лексическим глаголом. Были получены многочисленные свидетельства существования между глагольной группой и вышестоящими функциональными вершинами в клаузе — NegP и TP — некоторой промежуточной функциональной проекции, которая становится мишенью короткого передвижения глагола и подъема в позицию дополнения. В первую очередь речь здесь идет о работах Ж.-И. Поллока, Р. Кейна, Дж. Бауэрса и А. Холмберга.

Жан-Ив Поллок [Pollock 1989] обнаружил, что во французском языке лексический глагол в нефинитных формах может оставаться *in situ* (5.60a), справа от наречия уровня глагольной группы и отрицания *pas*²¹, и не может подниматься в NegP (5.60b). Однако грамматичным является также вариант (5.60c), в котором лексический глагол покидает глагольную группу, оставляя наречие *souvent* ‘часто’ справа, однако не достигает группы отрицания, так что *pas* оказывается левее глагола. Поллок предположил, что в (5.60c) лексический глагол останавливается в промежуточной проекции AgrP.

(5.60) a. Ne+T [_{NegP} pas [_{VP} souvent [_{VP} sembler heureux]]] est une condition pour écrire des romans.

b. * Ne+T [_{NegP} sembler_i pas [_{VP} souvent [_{VP} t_i heureux]]] est une condition pour écrire des romans.

c. Ne+T [_{NegP} pas [_{XP} sembler_i [_{VP} souvent [_{VP} t_i heureux]]]] est une condition pour écrire des romans.

‘Не выглядеть часто счастливым — условие для написания романов.’

Ричард Кейн [Kayne 1989] и Джон Бауэрс [Bowers 1993] также обнаруживают во французском языке промежуточную проекцию между глаголом и T, через которую проходит прямое дополнение при клитизации, пассивизации, *wh*-передвижении, вызывая согласование глагола с дополнением (в (5.61) она обозначена как AgrOP); выдвигание дополнения в германских языках, подчиняющееся обобщению Холмберга [Holmberg 1986], также

²¹ Поллок предполагает, что *pas* располагается в спецификаторе NegP и, таким образом, варьирует с отрицательными местоимениями *personne* ‘никто’, *rien* ‘ничто’, *jamais* ‘никогда’ и т.п. Отрицание *ne* имеет статус вершины, однако одновременно является клитикой, которая всегда присоединяется к T.

предполагает существование специальной проекции, которая могла бы быть мишенью такого передвижения, ср. шведский пример (5.62).

(5.61) a. Paul a [_{VP} repaint(*-es) les tables].

‘Поль перекрасил столы.’

b. Paul les_i a [_{AgrOP} t_i AgrO [_{VP} peintes t_i]].

‘Поль их перекрасил.’

c. Les tables_i sont [_{AgrOP} t_i AgrO [_{VP} peintes t_i]].

‘Столбы перекрашены.’

d. Combien de tables_i Paul a-t-il [_{AgrOP} t_i AgrO [_{VP} peintes t_i]]?

‘Сколько столов Поль перекрасил?’

(5.62) a. Jag kysste_i **henne**_j inte [_{VP} t_i t_j]

я поцеловал ее NEG

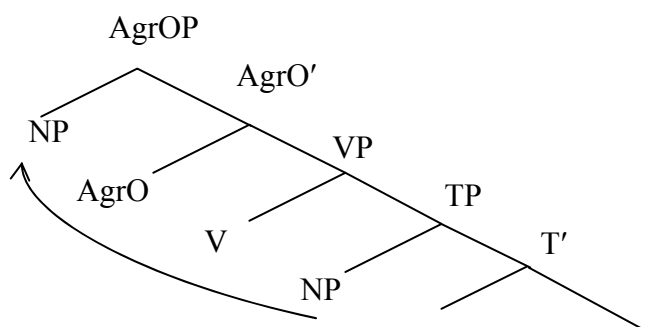
b. *Jag kysste_i inte [_{VP} t_i **henne**]

я поцеловал NEG ее

‘Я ее не поцеловал.’

Связь этой проекции с получением аккузатива прямым дополнением отчетливо видна на материале таких языков, где прямое дополнение не может получить падеж *in situ* и должно открыто выдвинуться из глагольной группы (см. анализ бамбара в [Koorman 1992] или якутского в [Baker, Vinokurova 2010]). Отметим, что наличие функциональной проекции, ответственной за приписывание аккузатива, позволяет пересмотреть анализ ЕСМ-конструкций как конструкций с подъемом подлежащего зависимой клаузы в падежную позицию главной клаузы, не связанную с получением семантической роли, т.е. отличную от позиции компонента лексического глагола. Действительно, в (5.63) подъем подлежащего инфинитивного оборота не может быть осуществлен в тета-позицию, проецируемую лексическим глаголом — она занята собственным компонентом глагола, инфинитивным оборотом. Позиция же Spec, AgrOP удовлетворяет требованиям A-передвижения — она не связана с приписыванием тета-роли:

(5.63)

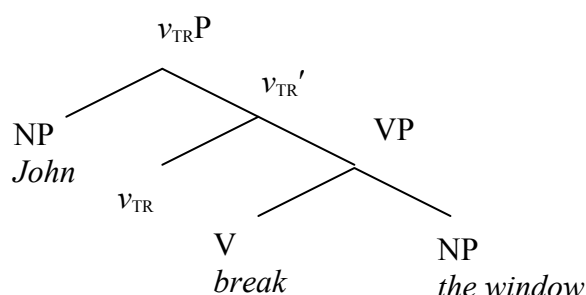
Т

Наконец, были получены языковые данные, свидетельствующие о том, что лексический глагол (вершина V) не является источником аккузатива, по меньшей мере в конструкциях с «длинными пассивами» и «длинными неаккузативами» в немецком, испанском и японском языках. С. Вурмбранд [Wurmbrand 1998, 2001] аргументирует этот вывод следующим образом. Во-первых, она показывает, что инфинитивные обороты при различных матричных предикатах могут иметь разный синтаксический статус; в частности, некоторые инфинитивные обороты имеют минимальную структуру и представляют собой VP. В таких конструкциях падеж дополнения вложенного глагола определяется залогом матричного предиката, ср. (5.64). Если бы источником аккузатива была лексическая вершина V, в (5.64b) мы ожидали бы аккузатива, а в (5.64c) — отсутствия согласования с именной группой *die Traktoren* ‘трактора’, поскольку переходный глагол *reparieren* ‘ремонтировать’ не подвергся пассивизации.

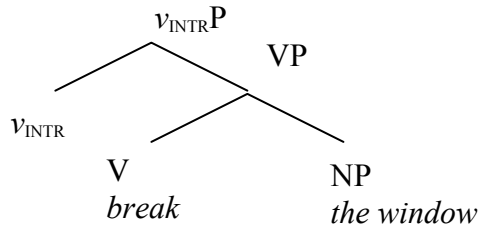
- (5.64) a. weil er den/*der Traktor versucht hat [t_{OBJ} zu reparieren]
 т.к. он DEF.ACC/*NOM трактор пытаться.PART AUX [t_{OBJ} INF чинить]
 ‘...так как он пытался починить трактор’
- b. weil der/*den Traktor zu reparieren versucht wurde
 т.к. DEF.NOM/*ACC трактор INF чинить пытаться.PART AUX.PASS.3PL
 ‘... так как трактор пытались починить’
- c. weil die Traktoren zu reparieren versucht wurden
 т.к. DEF.NOM трактора INF чинить пытаться.PART AUX.PASS.3PL
 ‘... так как трактора пытались починить’

Изложенные выше соображения легли в основу новой гипотезы о приписывании аккузатива, изложенной в [Chomsky 1989, 1995]: аккузатив приписывается функциональной вершиной v (легким глаголом, light v), которая располагается над лексическим глаголом и определяет тип конструкции (construal), в которой используется лексический глагол. Лексикон содержит как минимум две вершины типа v — переходный v_{TR} , проецирующий в спецификаторе внешний аргумент и способный приписывать аккузатив, и непереходный v_{INTR} , лишенный спецификатора и способности приписывать аккузатив.

- (5.65) а. переходный глагол

b. непереходный глагол

При таком подходе асимметрия номинатива и аккузатива, свойственная Теории управления и связывания, преодолевается: номинатив и аккузатив — два структурных падежа клаузы — оказываются связаны с функциональными вершинами T и v, в то время как ингерентные падежи остаются «в ведении» лексических вершин и связаны с получением семантической роли. Отметим также, что получившиеся в (5.65) структуры удовлетворяют требованию однозначности определения источника падежа: в соответствии с принципом относительной минимальности вершина T может приписать падеж внутреннему аргументу только при отсутствии внешнего. Возникает возможность сформулировать единую модель приписывания структурного падежа при с-командовании, элиминировав из теории понятие управления. Такой моделью в минималистской теории становится приписывание падежа при согласовании (Case assignment under AGREE).

5.3.2. Приписывание падежа при согласовании

В генеративной модели 1990-х годов на первый план выходят соображения экономии в деривации. Если в Теории управления и связывания трансформация *move alpha* применялась свободно, то есть в любом случае, где ее применение не приводило к нарушению каких-либо ограничений, в исследованиях, выполненных в духе минималистской программы, операции применяются только тогда, когда они необходимы, то есть только в том случае, где их **не** применение приведет к нарушению ограничений. Так, Хомский формулирует Принцип крайнего средства (Last resort principle): шаг деривации является возможным только тогда, когда он необходим для того, чтобы деривация сошлась²².

Необходимость в операции, связывающей две единицы, естественным образом возникает, когда взаимодействие этих единиц является «взаимовыгодным» — обе единицы за счет взаимодействия удовлетворяют «собственные потребности». При падежном взаимодействии лексических вершин и именных групп — комплементов взаимная выгода

²² “A step in a derivation is legitimate only if it is necessary for convergence” [Chomsky 1995: 200].

имеет место: с одной стороны, именная группа получает семантическую роль и падеж и, таким образом, лицензируется; с другой стороны, лексическая вершина заполняет свою аргументную позицию и «списывает» (discharge) тета-роль. Очевидно, что функциональные вершины не имеют таких потребностей. В качестве лицензора падежного взаимодействия со стороны функциональных вершин можно было бы рассматривать признак EPP, однако очевидно, что он характеризует далеко не все функциональные вершины произвольного языка, и, более того, может быть удовлетворен не только передвижением именной группы, вступающей в падежное взаимодействие, ср. пример (5.37).

Феноменом, регулярно сопровождающим приписывание структурного падежа и непосредственно связанным с собственными морфологическими потребностями функциональной вершины, является согласование. Так, предикативное согласование — согласование вершины T с подлежащим — имеет место тогда и только тогда, когда подлежащее получило номинатив от T. В исландском примере (5.66) только номинативная (5.66a), но не дативная именная группа (5.66b) контролирует предикативное согласование [Pesetsky, Torrego 2011]:

- (5.66) a. Það voru lesnar fjórar bókur.
EXPL AUX.PL читать.PART четыре.NOM.PL книга.NOM.PL
'Были прочитаны четыре книги.'
- b. Það var skilap fjórum bókum.
EXPL AUX возвращать.PART четыре.DAT.PL книга.DAT.PL
'Было возвращено четыре книги.'

Согласование с прямым дополнением встречается существенно реже (ср. с иерархией Моравчик); тем не менее, и здесь имеет место та же закономерность: только дополнения, получившие структурный падеж, способны контролировать объектное согласование глагола. Так, во французском примере (5.67a) два дополнения — прямое и не прямое — имеют признаки женского рода единственного числа. В примере (5.61) выше мы видели, что согласование глагола с дополнением происходит тогда, когда дополнение претерпевает передвижение. В (5.67b-c) показана клитизация дополнений, в (5.67d-e) — *wh*-передвижение в относительной клаузе. Легко видеть, что согласование причастной формы глагола по женскому роду и множественному числу (форма *dites*) имеет место только в (5.67b,d), т.е. только при передвижении прямого дополнения²³.

²³ В уральских языках действует та же закономерность: субъектно-объектное согласование возможно только в тех случаях, когда прямое дополнение маркируется одним из структурных падежей — аккузативом или номинативом.

(5.67) a. Pierre a dit ces paroles (F.PL) aux filles (F.PL).

‘Пьер сказал эти слова девушкам.’

b. Pierre les a *dit || dites aux filles (ces paroles, F.PL).

‘Пьер их (F.PL) сказал девушкам.’

c. Pierre leur a dit || *dites ces paroles (aux filles, F.PL).

‘Пьер им (F.PL) сказал эти слова.’

d. les paroles (F.PL) qu’il a *dit || dites aux filles

‘слова, которые (F.PL) он сказал девушкам’

e. les filles (F.PL) à qui il a dit || *dites ces paroles²⁴

‘девушки, которым (F.PL) он сказал эти слова’

Наконец, еще одна конфигурация, в которой функциональная вершина согласуется с именной группой, получающей от нее структурный падеж — это структура с генитивным посессором и посессивным согласованием, представленная, например, в тюркских языках. Параллелизм структур с посессором в именной группе и внешним аргументом в номинализации (см. пример (5.68a-b) из турецкого языка, [Abney 1987: 21–22]) дает основания предположить, что приписывание генитива и посессивное согласование происходят вне собственно именной группы, а связаны с некоторой функциональной вершиной, доминирующей над группой лексического существительного. Согласно гипотезе С. Эбни, такой вершиной является D, а значит, структурный падеж «именной области» — генитив — также приписывается функциональной вершиной при согласовании.

(5.68) a. [DP sen-in [NP el] -in]
ты-GEN рука-2SG

‘твоя рука’

b. [DP Halil’-in [VP kedi-ye yemek ver-me-diğ]-i]
Халил-GEN кошка-DAT еда давать-NEG-NMN-3

‘то, что Халил не дал еду кошке’

Итак, новая идея состоит в том, что приписывание структурного падежа есть «оборотная сторона» согласования функциональной вершины с именной группой по так называемым φ-признакам — лицу, числу, роду, согласовательному классу и т.п.²⁵ Технически взаимодействие функциональной вершины и именной группы реализуется следующим образом.

²⁴ Автор выражает признательность В.М. Ковальской и Е.Л. Пастернак за консультацию.

²⁵ “For the Case/agreement systems, the uninterpretable features are φ-features of the probe and structural Case of the goal N. [...] Structural Case is not a feature of the probes (T, v), but it is assigned a value under agreement [...] The value assigned depends on the probe: nominative for T, accusative for v” [Chomsky 2001: 6].

Именная группа обладает означенными ϕ -признаками и неозначенным признаком падежа; функциональные вершины (T, v, D) вступают в деривацию с неозначенными ϕ -признаками. Вершина с неозначенными признаками выступает как зонд (probe), ищущий в с-командуемой области «активную» составляющую с необходимыми означенными признаками. «Активность» составляющей связана с наличием у нее неозначенных признаков. Лишенная падежа именная группа является активной для взаимодействия с вершиной-зондом и оказывается подходящей целью (goal). Вершина-зонд означает свои ϕ -признаки в результате операции AGREE — согласования с именной группой — целью — и приписывает ей падеж.

Что касается локализации операции AGREE и связанного с ней приписывания структурного падежа, то можно выделить две модели. Первая, более ранняя по времени, предложена в [Chomsky 1991, 1993] — это модель, в которой операция AGREE (и прочие виды признакового взаимодействия) единообразно реализуется между вершиной и ее спецификатором. Означивание признаков в этой модели называется проверкой признаков (feature checking). Признаки дополнительно характеризуются признаком второго порядка — силой/слабостью. Сильные признаки должны быть проверены локально, в конфигурации спецификатор-вершина, и поэтому вызывают открытое (overt) передвижение группы-носителя признака в спецификатор соответствующей функциональной проекции. Слабые признаки могут быть проверены без видимого передвижения; в таком случае предполагается скрытое (covert) передвижение группы, которое понимается как передвижение только признаков, без их материального носителя — фонологической строки.

Вторая модель — это модель, в которой операция AGREE происходит при с-командовании целью со стороны зонда [Chomsky 2000, 2001]. Силу признака заменяет признак второго порядка EPP: если некоторый признак F вершины H охарактеризован при помощи признака второго порядка EPP, то составляющая X, с которой H согласуется по F, должна передвинуться в окрестность H: адьюнгироваться к H, если X — вершина, или переместиться в Spec, H, если X — группа²⁶.

Рассмотрим, вслед за Э. Рэдфордом [Radford 2004], механизм приписывания падежа при согласовании на конкретном примере — деривации предложения (5.69):

(5.69) They were arrested.

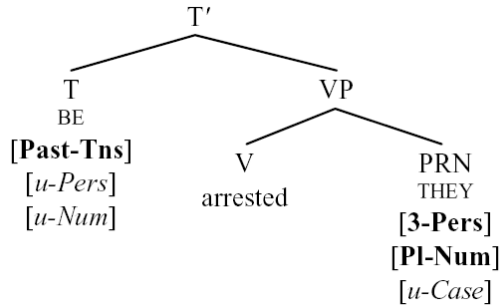
‘Они были арестованы.’

---

²⁶ Следует отметить, что модели проверки vs. означивания признаков делают различные предсказания относительно структурных конфигураций и уровней представления, в которых происходят данные процессы (подробнее см., например, аналитическую статью [Lasnik 2008]).

Предположим, что (5.69) является результатом деривации структуры в (5.70)²⁷. Из лексикона были выбраны следующие единицы: именная проформа *they*, пассивный глагол *arrested* и предикативная вершина *be*.

(5.70)

Синтаксическая единица вступает в деривацию с некоторым набором формальных признаков: категориальным (частеречным) признаком, а также матрицей грамматических признаков, присущей данной синтаксической категории. Так, например, именные группы должны быть охарактеризованы по ф-признакам — лицу и числу, а также по падежу; предикативная вершина является носителем признака времени и ф-признаков. Грамматические признаки, с которыми вершина вступает в деривацию, могут быть охарактеризованы по двум основаниям. Первое основание — это интерпретируемость. Признак является интерпретируемым на составляющей X, если семантический компонент способен проинтерпретировать его как компонент значения X, и неинтерпретируемым в противном случае. Например, признак числа является интерпретируемым на именной группе, поскольку характеризует структуру ее экстенционала, однако неинтерпретируемым на предикативной вершине. Второе основание — это означенность. Синтаксическая единица может вступать в деривацию с означенным признаком, и тогда в признаковой матрице содержится и признак, и его значение, или с неозначенным признаком, и тогда в признаковой матрице содержится только признак, но отсутствует значение.

На соотношение интерпретируемости и означенности имеются разные точки зрения. Хомский [Chomsky 2001: 5] постулирует одно-однозначное соответствие между неинтерпретируемостью и неозначенностью признака: признак F неинтерпретируем тогда и только тогда, когда он неозначен. Многие исследователи предполагают возможность других комбинаций типов признаков, в первую очередь неинтерпретируемых означенных признаков

²⁷ В (5.70) синтаксическая структура существенно упрощена. Отсутствует непереходный (пассивный) легкий глагол, вспомогательный глагол *be* порождается непосредственно в вершине T, а не в вершине Aux с последующим передвижением в T. Тем не менее, для наших целей такой структуры достаточно.

[Pesetsky, Torrego 2007; Adger, Svenonius 2009; Bošković 2011; Wurmbrand 2012]. В нашем изложении мы будем опираться на модель, предложенную в [Chomsky 2001].

Итак, синтаксическая единица вступает в деривацию с означенным признаком, если он интерпретируемый, и неозначенным признаком, если он неинтерпретируемый. В (5.44) проформа *they* имеет означенные интерпретируемые признаки лица и числа (интерпретируемость обозначается полужирным) и неинтерпретируемый неозначенный признак падежа (неинтерпретируемость обозначается курсивом). Предикативная вершина *T* имеет означенный интерпретируемый признак времени и неинтерпретируемые неозначенные признаки лица и числа.

Неинтерпретируемость признака в этой модели играет роль «бомбы с часовым механизмом» (*derivational time-bomb model*, по выражению О. Премингера [Preminger 2011]): если составляющая с неинтерпретируемым признаком попадет в семантический компонент, он не сможет создать семантическое представление и деривация не сойдется. Для того, чтобы избавиться от неинтерпретируемого признака, его необходимо означить: только тогда, предполагает Хомский, он может быть «удален», то есть станет невидим для семантического компонента (хотя и будет учитываться при создании фонологического представления предложения). Таким образом, чтобы деривация сошлась, неозначенные неинтерпретируемые признаки должны быть означены. Единственный способ, которым составляющая может их означить — вступить в отношение AGREE с другой составляющей, обладающей означенными вариантами нужных признаков.

Таким образом, наличие неозначенных неинтерпретируемых признаков делает составляющую «активной»: только активные вершины выступают в качестве зондов, и только активные составляющие видимы зонду в качестве целей. В структуре (5.70) вершина *be* является активным зондом — она имеет неозначенные признаки лица и числа. Зонд осуществляет поиск в *s*-командуемой области²⁸ с целью обнаружить активную цель — составляющую, обладающую необходимыми означенными признаками. Такой составляющей оказывается проформа *they*: она обладает нужными признаками лица и числа и при этом активна, поскольку имеет неозначенный признак падежа. Налицо условия для применения операции AGREE: копирования значений признаков от составляющей с означенными признаками к составляющей с неозначенными признаками (5.71).

(5.71) Копирование признаков

²⁸ Область поиска ограничена не только *s*-командованием, но и пределами текущей фазы — локального отрезка деривации. В примере (5.70) весь материал находится внутри текущей фазы, и соображения локальности несущественны.

Если составляющая α имеет означенный признак [F], составляющая β имеет неозначенный признак [F] и β согласуется с α , то значение признака [F] у составляющей α копируется на составляющую β .

В результате согласования зонд — вершина *be* — означает свои признаки лица и числа. Благодаря этому становится доступной «сопряженная» с предикативным согласованием операция — приписывание номинатива подлежащему:

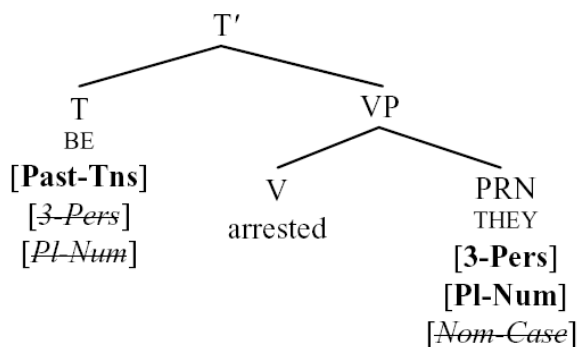
(5.72) Приписывание номинатива

Неозначенный признак падежа у составляющей-цели получает значение «номинатив» от зонда, если зонд имеет означенный финитный признак времени и ф-признаки зонда и цели совпадают.

Обратим внимание, что механизм означивания признака падежа у цели отличается от механизма означивания ф-признаков у зонда: значения ф-признаков *копируются* при согласовании, а значение признака падежа *возникает* в процессе деривации, тем самым нарушая Принцип включенности (Inclusiveness Condition, [Chomsky 1995: 225]) универсальной грамматики, согласно которому никакие новые элементы не могут возникать в ходе деривации.

Означенные неинтерпретируемые признаки — лица и числа у вершины *be* и падежа у проформы *they* — удаляются (в (5.73) обозначено зачеркиванием): это значит, что они становятся невидимы для семантического компонента, и «бомба с часовым механизмом» оказывается обезвреженной.

(5.73)

Наконец, последний аспект взаимодействия зонда и цели — передвижение цели в спецификатор зонда. Поскольку это передвижение уже не мотивировано падежным взаимодействием (согласование и приписывание падежа происходят в исходной конфигурации), необходим дополнительный механизм, который бы вызывал передвижение подлежащего в Spec, TP. Таким механизмом, как мы уже видели в 5.2.1, может быть признак EPP — признак, характеризующий вершину как обязательно проецирующую спецификатор.

Если предположить, что EPP — это неинтерпретируемый признак вершины T, то для удаления этого признака необходимо будет передвинуть в Spec, TP какую-либо составляющую или заполнить его «пустым» подлежащим типа *it* или *there*.

Такое представление, однако, является не вполне точным: в действительности в позицию Spec, TP в английском языке должна быть передвинута не любая составляющая, а составляющая определенного типа — а именно, та, с которой происходит предикативное согласование²⁹. Избирательность EPP в отношении типа притягиваемой составляющей может быть имплементирована по-разному. Можно рассматривать эту избирательность как проявление экономии в деривации: поскольку отношение AGREE между T и подлежащим абсолютно необходимо для удаления неинтерпретируемых признаков T и подлежащего, экономнее использовать уже установленное отношение для удовлетворения EPP, чем снова запускать механизм поиска цели для привлечения ее в Spec, TP. С другой стороны, можно предположить, что EPP характеризует не саму вершину T, а какой-либо ее признак, т.е. является признаком второго порядка, аналогом понятия силы признака. Таким образом избирательность EPP удастся увязать с конкретным признаком, которым должна обладать цель и в котором должен испытывать потребность зонд. Передвижение оказывается побочным результатом согласования, а типы передвижения определяются признаками, на которых «паразитирует» EPP: A-передвижение связано с ф-признаками зонда, A'-передвижение — с признаком Q зонда³⁰, передвижение вершин — с признаками типа Tense в клаузе и его аналогами в именной области.

Итак, развитие падежной теории в минимализме позволило создать единую модель приписывания падежа, имплементировать в эту модель дихотомию структурных и ингерентных падежей, явным образом обозначить механизмы, отвечающие за связь между приписыванием структурного падежа, согласованием функциональной вершины и A-передвижением. Однако именно в этой модели стали очевидными более глубокие вопросы, связанные с падежом: зачем нужна категория падежа? каков вклад падежа в интерпретацию предложения? Попыткам ответа на эти вопросы посвящен следующий раздел.

²⁹ Например, в структуре (i) неизбирательный признак EPP вершины T передвинет в Spec, TP составляющую *quickly*, а не составляющую *they*:

(i) [T were [_{VP} [_{AdvP} quickly] [_{VP} arrested [_{DP} they]]]]

³⁰ «Take wh-movement. This would be point-by-point analogous to A-movement if the wh-phrase has an uninterpretable feature [wh-] and an interpretable feature [Q], which matches the uninterpretable probe Q of a complementiser in the final stage» [Chomsky 1998: 44].

5.4. Падеж и интерпретация

Вернемся к значению категории падежа, которое мы предварительно установили ранее в разделе 5.1. Мы определили падеж как грамматическую категорию, выражающую интеграцию именной группы в синтаксический контекст путем спецификации синтаксического отношения именной группы к подчиняющей вершине или объемлющей синтагме. Это определение кажется вполне традиционной характеристикой грамматической категории, определенной на синтаксических группах, такой же, например, как определенность, время, наклонение. Однако на самом деле тип означаемого у категории падежа существенно отличается от означаемого других категорий. Обратимся к конкретным примерам. В (5.74) клауза охарактеризована разными значениями категории времени — настоящее в (5.74a) и прошедшее в (5.74b). Это имеет прямые последствия для интерпретации двух предложений: (5.74a) истинно, если пропозиция “Боря пьет чай” истинна в момент акта речи, т.е. $t_R = t_S$; (5.74b) истинно, если пропозиция “Боря пьет чай” истинна в момент t_R , предшествующий моменту акта речи t_S . Таким образом, значение категории времени оказывает влияние на условия истинности предложения.

(5.74) a. Боря **пьет** чай.

b. Боря **пил** чай.

В (5.75a-b) дополнения отличаются значениями категории определенности: в (5.75a) именная группа неопределенная, в (5.75b) — определенная. Значение категории определенности оказывает влияние на выбор возможного референта для именной группы — дополнения: (5.75a) истинно, если существует такой индивид, что он является доктором и Мэри его посетила; (5.75b) истинно, если Мэри посетила конкретного, единственного в своем роде доктора, которого собеседники готовы воспринимать как референт выражения *the doctor*. Категория определенности оказывается непосредственно вовлеченной в формирование значения именной группы.

(5.75) a. Mary visited **a doctor**.

b. Mary visited **the doctor**.

‘Мэри посетила доктора.’

Рассмотрим теперь (5.76) и (5.77). В (5.76) мы наблюдаем два способа падежного оформления внутреннего аргумента глагола — аккузативом в переходной конструкции и номинативом в непереходной пассивной конструкции. В (5.77) представлены два способа

оформления подлежащего — аккумулятивом в инфинитивной клаузе в конструкции с ЕСМ и номинативом в финитной клаузе. Мы можем сказать, что падежное оформление данных именных групп отражает их позиции в синтаксической структуре, тип синтаксического окружения, характеристики управляющих вершин; однако эта информация не имеет никаких последствий для интерпретации этих именных групп; (5.76a-b) и (5.77a-b) имеют одинаковые условия истинности.

(5.76) а. **Дыню** мгновенно доели.

б. **Дыня** была мгновенно доедена.

(5.77) а. I believe **her** to be smart.

‘Я считаю ее умной.’

б. I believe that **she** is smart.

‘Я считаю, что она умная.’

Таким образом, «значение» категории падежа не является «значением» в собственном смысле слова — оно характеризует означающее (синтаксическую структуру), а не означаемое (семантическую репрезентацию). Эту идею мы, по-видимому, впервые находим у О. Есперсена: «... падеж — это чисто грамматическая (синтаксическая) категория, которая не является понятийной в строгом смысле слова <...> Падеж представляет из себя один из самых иррациональных компонентов языка в целом»³¹.

Специфика категории падежа, ее существенные отличия от других категорий стали отчетливо заметны и в генеративной модели, как только теория признаков получила достаточную разработку. Во-первых, падеж как признак оказывается не интерпретируем ни на одной категории. Тем самым участие падежа в деривации нарушает принцип полной интерпретации (Radical Interpretability Principle, [Brody 1997]), предполагаемое ограничение универсальной грамматики, согласно которому любой признак должен получить интерпретацию на какой-либо синтаксической категории (или, пользуясь термином из [Pesetsky, Torrego 2007], для какого-либо из его вхождений (occurrence)).

Во-вторых, категория падежа уникальна в том отношении, что значения этой категории возникают в процессе деривации. Действительно, другие признаки — ф-признаки, признак времени, вопросительности и т.д. означиваются на синтаксической категории либо до ее вступления в деривацию, при выборе единицы с таким значением признака из лексикона, либо в результате согласования, то есть унификации значения признака со значением одноименного

³¹ «... case is a purely grammatical (syntactic) category and not a notional one in the true sense of the word ... Cases form one of the most irrational parts of language in general» [Jespersen 1924: 185–186].

признака другой категории. Падеж, будучи неинтерпретируемым, всегда не означен до деривации, и, соответственно, не может быть получен в результате согласования. Выработка падежа в процессе деривации нарушает Принцип включенности (Inclusiveness Condition, [Chomsky 1995: 225]; [Chomsky 1998: 27]), согласно которому источником признаков могут служить только лексические единицы, и никакие новые признаки, отличные от них, не могут быть получены вычислительным компонентом³².

В-третьих, прочие признаки выступают в двух ипостасях: на одних категориях они означены и интерпретируемы, на других категориях — неозначены и неинтерпретируемы. Так, например, ф-признаки означены и интерпретируемы на именных группах, но неозначены и неинтерпретируемы на согласующихся вершинах T и v. Признак времени означен и интерпретируем на T, но неозначен и неинтерпретируем на вопросительном комплементаризере, вызывающем подлежащно-сказуемостную инверсию (T-to-C передвижение). Признак же падежа встречается исключительно в своем неозначенном неинтерпретируемом варианте, что нарушает общую картину распределения признаков (и вследствие чего падежный признак не может быть означен в результате согласования).

Таким образом, падеж оказывается исключительно техническим признаком, предназначенным для обеспечения правильного функционирования синтаксического компонента (в частности, для активации именных групп — целей), возникающим в синтаксисе и «не доживающим» до этапа интерпретации.

Как уже отмечалось выше, первой попыткой определения функции падежа в генеративной теории можно считать предположение Н. Хомского, что падежное маркирование является условием для интерпретации именной группы в логической форме (LF) [Chomsky 1981]. Эта идея впоследствии находит свое отражение в Условии видимости (Visibility condition) именных групп в LF: именная составляющая видима, только если ей приписан падеж³³. Условие видимости связывает Теорию падежа и Тета-теорию, устанавливая ограничения на возможные способы выражения аргументов: для того, чтобы именная группа была правильно проинтерпретирована, ее тета-роль должна быть видима в LF; чтобы тета-роль была видима в LF, именная группа должна иметь падеж³⁴.

Понятно, что такое решение не может считаться удовлетворительным и является другим способом формулировки Падежного фильтра. Вместо вопроса «Почему именная группа должна

³² «Inclusiveness condition: no new features are introduced by C_{HL}» [Chomsky 1998: 27].

³³ "...an element is visible only if it is assigned Case" [Chomsky 1986: 94].

³⁴ В [Chomsky 1986] Условие видимости формулируется не собственно для именных групп, а для цепей (chains) — объектов, образуемых именной группой и всеми следами от ее передвижения. Правильно сформированная цепь содержит одну тета-позицию и является видимой, то есть содержит одну падежную позицию.

получить падеж?» возникает вопрос «Почему в отсутствие падежа семантическая роль именной группы невидима (а семантическая роль, например, CP-дополнения видима)?»

Существенным шагом вперед в решении проблемы интерпретации падежа стало предположение, впервые высказанное в [Pesetsky, Torrego 2001]: перечисленные асимметрии падежа и прочих признаков получают естественное объяснение, если падеж — это на самом деле некоторый другой известный нам признак, который интерпретируется на другой категории, а на именной группе выступает в своем неинтерпретируемом, «согласовательном» варианте. В качестве такого признака Песецкий и Торрего рассматривают признак времени (T(ense)), характеризующий предикативную вершину T, и предполагают, что его неинтерпретируемый неозначенный вариант на именной группе известен нам под названием «падеж». В частности, номинатив представляет собой неинтерпретируемый признак *uT* именной группы, означенный в результате согласования с финитной T:

(5.78) Сущность номинатива [Pesetsky, Torrego 2001: (8)]

Номинатив представляет из себя признак *uT* на категории D.

В свете гипотезы Песецкого и Торрего приписывание номинатива подлежащему в рассматривавшемся в предыдущем разделе примере (5.69) выглядит существенно проще. Исходная конфигурация представлена в (5.79). Мы видим, что ϕ -признаки и признак T(ense) дополнительно распределены между DP *they* и вершиной *be*: *they* обладает означенными ϕ -признаками и неозначенным признаком T, в то время как *be* имеет означенный признак T и неозначенные ϕ -признаки. Кроме того, ϕ -признаки вершины *be* (или какой-то один из них) охарактеризованы признаком второго порядка EPP.

(5.79) [_{T'} [_T <i>be</i>] [<i>iT:PRS</i>] [<i>uPers:</i> __] _{EPP} [<i>uNum:</i> __] _{EPP}	[_{VP} <i>arrested</i>	[_{DP} <i>they</i>]] [<i>iPers:3</i>] [<i>iNum:PL</i>] [<i>uT:</i> __]
--	---------------------------------	--

Имея неозначенные ϕ -признаки, вершина *be* выступает в качестве зонда и осуществляет поиск целей — активных категорий, обладающих нужными признаками. Такой категорией оказывается DP *they*: она обладает означенными ϕ -признаками и активна в силу того, что имеет неозначенный признак T. Между зондом и целью устанавливается отношение AGREE и взаимное копирование признаков в соответствии с правилом (5.71) Неинтерпретируемые означенные варианты признаков удаляются; признак второго порядка EPP вызывает передвижение подлежащего в Spec, TP.

(5.80) [_{TP} [_{DP} <i>they</i>]	[_{T'} [_T <i>be</i>]	[_{VP} <i>arrested</i>	[_{DP} ~~<i>they</i>~~]]
--	--	---------------------------------	---

[iPers:3]	[iT:PRS]	[iPers:3]
[iNum:PL]	{uPers:3} EPP	[iNum:PL]
{uT:PRS}	{uNum:PL} EPP	{uT:PRS}

Особая привлекательность гипотезы Песецкого и Торрего в том, что она позволяет объяснить целый ряд асимметрий и эффектов, вовлекающих подлежащее. Мы вкратце рассмотрим только два подобных феномена в английском языке. Во-первых, это асимметрия способов образования частного вопроса: если вопросительное слово не является подлежащим, то инверсия обязательна, а если вопросительное слово — подлежащее, то инверсия невозможна:

(5.81) T-to-C асимметрия [Pesetsky, Torrego 2001: (5)]

- a. What did Mary buy?
'Что купила Мэри?'
- b. *What Mary bought?
- c. *Who did buy the book?
- d. Who bought the book?
'Кто купил книгу?'

Во-вторых, это эффект комплементар+след (*that-trace effect*), обнаруженный в [Perlmutter 1971]: выраженный комплементар *that* блокирует извлечение вопросительного подлежащего из зависимой клаузы, но не блокирует извлечение вопросительных составляющих из других позиций:

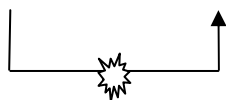
(5.82) Эффект комплементар+след [Pesetsky, Torrego 2001: (3)]

- a. Who do you think (that) Sue met ___?
'Кого ты думаешь, (что) встретила Сью?'
- b. Who do you think (*that) ___ met Sue?
'Кто ты думаешь, (*что) встретил Сью?'

Для обоих указанных эффектов в Теории управления и связывания предлагались объяснения с использованием принципа пустой категории (ЕСР). Так, Х. Купман [Koopman 1983] рассматривает неграмматичность (5.81c) как следствие нарушения antecedentного управления следом от передвижения подлежащего со стороны *wh*-местоимения в Spec, CP в случае, когда T находится в C (см. анализ в (5.83a)). Эффект комплементар+след также возводился к нарушению ЕСР: либо озвученная версия комплементар *that* оказывается барьером для antecedentного управления [Pesetsky 1982a], как это представлено в (5.83b), либо нарушается управление следом со стороны вершины. Например, в обсуждавшейся в

предыдущем разделе системе Л. Рицци [Rizzi 1990] к числу управляющих вершин относится только согласуемый нулевой комплементаризер, но не комплементаризер *that*. Соответственно, в (5.83с) след в позиции подлежащего не может быть управляем со стороны С, но при этом *that* выступает как потенциальная управляющая вершина, блокируя управление следом со стороны вышестоящей глагольной вершины.

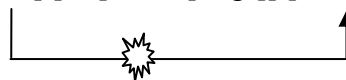
(5.83) a. * [CP Who_i [T+C did] [TP t_i buy the book]]?

b. * [CP Who_i do you think [CP t_i [C that] [TP t_i met Sue]]?

c. * [CP Who_i do you [VP [V think] [CP [C that [-Agr]] [TP t_i met Sue]]]?

Легко видеть, что эти предположения скорее отодвигали решение проблемы на один шаг, чем предлагали содержательное объяснение. Вместо запрета на T-to-C передвижение в вопросах к подлежащему или запрета на извлечение вопросительного подлежащего из клаузы с комплементаризером *that* следовало объяснять, почему передвижение T в C (или наличие в C фонологического материала, если объединить гипотезы Купман и Песецкого) блокирует antecedentное управление, или почему только нулевая вершина C способна управлять.

Гипотеза Песецкого и Торрего позволяет по-новому взглянуть на оба феномена. Начнем с анализа частных вопросов. Пусть два передвижения, которые мы наблюдаем в вопросах к дополнению (5.81a), вызываются двумя признаками вопросительного комплементаризера: передвижение вопросительного слова в Spec, CP связано с неинтерпретируемым признаком *uWh*, а T-to-C передвижение (инверсия) вызывается неинтерпретируемым признаком времени *uT*; оба признака охарактеризованы дополнительно признаком второго порядка EPP. Если допустить, что (5.78) верно, то носителем признака времени оказываются как вершина T, так и подлежащее, получившее признак времени от T³⁵. Соответственно, предложениям в (5.81) можно сопоставить следующие конфигурации [Pesetsky, Torrego 2001: (14)]:

(5.84) a. [C, *uT*, *uWh*] [TP [Mary, *uT*] T [VP buy what]]

b. [C, *uT*, *uWh*] [TP [who, *uT*] T [VP buy the book]]

³⁵ Несмотря на то, что признак T для подлежащего неинтерпретируемый и должен быть удален, Песецкий и Торрего предполагают, что он лишь «помечен к удалению» (marked for deletion) и «доживает» до завершения деривации текущей фазы, т.е. CP.

В (5.84a) два неинтерпретируемых признака вершины С вызывают два передвижения: признак *uWh* притягивает вопросительное местоимение в Spec, CP, а признак *uT* притягивает вершину Т в С. В (5.84b) ситуация другая: вопросительное слово также является и подлежащим, следовательно, его передвижение в Spec, CP способно одновременно удовлетворить потребности вершины С в обоих признаках. Поскольку одно передвижение экономнее, чем два, вариант (5.81c) проигрывает конкуренцию варианту (5.81d) и оказывается неграмматичным³⁶.

- (5.85) a. [_{CP} What_i [_{T_j+C}, #_T, #_{Wh}] [_{TP} [Mary, #_T] t_j [_{VP} buy t_j]]] ?
 b. [_{CP} [Who, #_T]_i [_C, #_T, #_{Wh}] [_{TP} t_i T [_{VP} bought the book]]] ?

Обратимся теперь к эффекту комплементар+след. Песецкий и Торрего предполагают, что признак *uT* характеризует комплементар любой финитной клаузы в английском языке. В частности, зависимая повествовательная клауза, из которой происходит извлечение вопросительной составляющей, возглавляется комплементаром с признаком *uT* [EPP]. Передвижение вопросительного слова из зависимой клаузы в главную является цикличным, и вопросительная группа проходит через промежуточную «посадочную площадку» — Spec, CP зависимой клаузы. Если вопросительным словом является подлежащее, то его передвижение в Spec, CP удовлетворяет одновременно оба признака вершины С, так же, как это происходит в вопросительном предложении (5.85b), ср. (5.86).

- (5.86) a. Who do you think met Sue?
 b. Who_i do you think [_{CP} [~~who~~, #_T]_i [_C, #_T, #_{Wh}] [_{TP} [~~who~~, #_T]_i T [_{VP} met Sue]]]?

Как же означается признак *uT* [EPP], если вопросительное слово не является подлежащим? В вопросительном предложении (5.85a) в таком случае происходит инверсия, т.е. передвижение T-to-C. Опираясь на материал других языков, в которых инверсия характеризует не только главные, но и зависимые клаузы³⁷, Песецкий и Торрего предлагают допустить, что T-

³⁶ В (2.58a) признак *uT* может также «притянуть» подлежащее, поскольку подлежащее и Т в системе Песецкого и Торрего находятся на равном расстоянии от С (в этом случае возникает структура с множественными спецификаторами):

- (i) [_{CP} What_j [_{Mary_i} [_C #_T, #_{Wh}] [_{TP} t_i T bought t_j]]]]!
 ‘Что Мэри купила!’

Песецкий и Торрего высказывают гипотезу, что интерпретация предложения как вопросительного или восклицательного определяется наличием в Spec, CP невопросительной именной группы: если такая именная группа есть, то предложение восклицательное, как это происходит в (i); в противном случае образуется вопросительное предложение.

³⁷ Даже в английском языке (диалект г. Белфаст) засвидетельствована такая инверсия в случае, если в Т находится вспомогательный или модальный глагол:

to-C происходит и в стандартном английском, а результат такого передвижения озвучивается необычным образом: в T произносится нижняя копия, а T+C озвучивается как *that*.

(5.87) a. Who do you think that Sue met?

b. Who_i do you think [_{CP} **who_i** [_T_j+_C, *uT*, *uWh*] [_{TP} [Sue, *uT*] T_j [_{VP} met **who_i**]]?
that

Деривация третьего возможного варианта — извлечения несубъектного вопросительного слова из клаузы без *that* — связана с передвижением в Spec, CP подлежащего зависимой клаузы, также имеющего признак *uT*.

(5.88) a. Who do you think Sue met?

b. Who_i do you think [_{CP} **who_i** [_{Sue}, *uT*]_j [_C, *uT*, *uWh*] [_{TP} [**Sue**, *uT*]_j T [_{VP} met **who_i**]]?

Наконец, единственный неграмматичный вариант — (5.89), в котором одновременно происходит передвижение подлежащего в Spec, CP и T-to-C передвижение. Легко видеть, что это предложение не имеет деривации в предложенной теории: поскольку передвижение вопросительного подлежащего означает оба признака вершины C, для передвижения вершины T отсутствует мотивация.

(5.89) a. *Who do you think that met Sue?

b. *Who_i do you think [_{CP} [who, *uT*]_i [_T_j+_C, *uT*, *uWh*] [_{TP} [who, *uT*]_i T_j [_{VP} met Sue]]?
that

Обратим внимание, что передвижение вопросительного местоимения-подлежащего в (5.86) имеет разные последствия для вложенной и главной клаузы: во вложенной клаузе передвинувшееся в Spec, CP вопросительное местоимение-подлежащее способно означить признак *uT* вершины C, так что в передвижении T-to-C («вставлении» *that*) нет необходимости; однако, достигнув Spec, CP главной клаузы, это местоимение неспособно означить признак *uT* вершины C, так что в главной клаузе происходит инверсия. Причина в том, что означенный неинтерпретируемый признак *uT* вопросительного местоимения-подлежащего «доживает» только до конца текущей фазы, а затем уничтожается. С окончанием деривации зависимой CP вопросительное местоимение остается только с собственным интерпретируемым признаком +Wh и, соответственно, может означить только признак *uWh*, но не *uT* комплементаризера главной клаузы.

(i) Who did John hope [would he see ___]? [Pesetsky, Torrego 2001: (25a)]

Наконец, гипотеза Песецкого и Торрего предлагает ответ на два вопроса, с которых мы начали обсуждение генеративного подхода к падежу. Первый вопрос — это вопрос об источниках падежа: почему вершины категорий [-N] (глаголы и предлоги) способны приписывать структурный падеж, а вершины категорий [+N] (существительные и прилагательные) не являются источниками структурного падежа. Второй вопрос — это вопрос о специфике именных групп в отношении падежа: почему именные группы нуждаются в падеже (и подчиняются Падежному фильтру), а составляющие прочих категорий лицензируются в процессе проецирования. В свете гипотезы, что падеж — это именной эквивалент признака времени T, оказывается, что все категории имеют данный признак, однако различаются его интерпретируемостью, означенностью, а также доступными способами означить этот признак, если категория вступает в деривацию с его неозначенной разновидностью. Категории [-N] имеют означенный признак времени (и неозначенные ф-признаки), и поэтому способны притягивать составляющие категорий [+N], для которых этот признак неозначенный и неинтерпретируемый. Специфика именных аргументов по сравнению с клаузами (пример (5.90), [Pesetsky, Torrego 2001: (1)]) связана с доступными источниками признака *иТ*. Как мы видели выше, комплементаризер означает свой признак *иТ* благодаря согласованию с вершиной T своей клаузы (например, за счет T-to-C передвижения или передвижения подлежащего в Spec, CP). Вследствие этого CP в (5.90a-b) не нуждается во взаимодействии с T главного предложения. Для именной группы в (5.90c-d), напротив, единственным способом означить признак *иТ* является согласование с вершиной T главной клаузы.

(5.90) a. [CP That Sue would arrive late] was expected.

‘Что Сью вернется поздно, было ожидаемо.’

b. It was expected [CP that Sue would arrive late].

‘Ожидалось, что Сью вернется поздно.’

c. [DP Sue's late arrival] was expected.

‘Позднее возвращение Сью было ожидаемо.’

d. *It was expected [DP Sue's late arrival].

Итак, подход Песецкого и Торрего предлагает, наряду с решением вопроса о специфике падежного признака, эффективный анализ целого ряда проблемных феноменов, связанных с асимметрией подлежащего и прочих именных групп предложения и со взаимодействием этой асимметрии с архитектурой левой периферии клаузы, в первую очередь с зоной CP. Однако гипотеза Песецкого и Торрего касается лишь номинатива; какова в таком случае природа других структурных падежей — аккузатива и генитива?

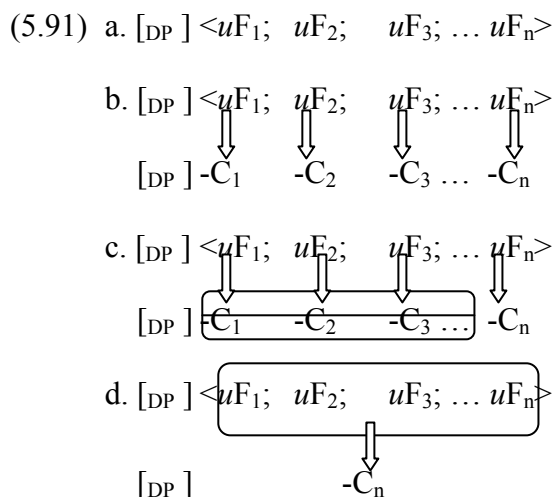
Сами авторы высказывают два предположения по этому поводу. Во-первых, возможно, что все структурные падежи представляют собой *одно и то же* значение признака *иТ*, а морфологические различия между структурными падежами определяются вершиной, согласование с которой означило данный признак именной группы. Так, например, при согласовании по признаку времени с *V* (или *v*) именная группа имеет форму аккузатива, а при согласовании по признаку времени с *T* — форму номинатива (развитие этой линии анализа см. в [Pesetsky, Torrego 2004]). Во-вторых, авторы допускают, что разные структурные падежи связаны с *разными* признаками. Так, в литературе предлагалось считать аккузатив реализацией признака предельности функциональной вершины *Asp* [Svenonius 2001; Richardson 2003], а генитив — признака квантификации функциональной вершины *Q* [Bailyn 2004b].

В связи со вторым предположением возникает естественный вопрос: если отдельные падежи представляют собой лишь различные (неинтерпретируемые на именной группе) формальные признаки, связанные с различными функциональными вершинами, за счет чего возникает единство падежа как грамматической категории, так что именная группа способна выражать только одно падежное значение? Действительно, можно легко представить себе именную группу, возникающую в позиции комплемента предельного глагола и тем самым получающую признак предельности от вершины *Asp* (что соответствует структурному аккузативу), и при этом оказывающуюся подлежащим финитной клаузы, если глагол является неаккузативным или пассивным, и получающую признак времени от вершины *T* (что соответствует структурному номинативу). Тем не менее в таких языках, как русский или латинский, мы всегда наблюдаем на именной группе только один падежный показатель.

Чрезвычайно интересное направление исследований, активно развивающееся в последние годы, связано как раз с разрешением этой коллизии. Падежи понимаются как неинтерпретируемые варианты интерпретируемых признаков лексических и функциональных вершин, участвующих в деривации предложения и доминирующих над именной группой [Matushansky 2008, 2010]. При таком подходе к концу деривации именная группа обладает определенным набором неинтерпретируемых означенных признаков, полученных в результате согласования с вышестоящими вершинами, как это представлено в (5.91a)³⁸.

---

³⁸ Возможность согласования ограничена обычными соображениями локальности (барьеры, фазы и т.п.), так что количество признаков, которые может получить именная группа, не бесконечно.

Озвучивание именной группы в (5.91a) зависит от соотношения между признаками и падежными морфемами и от устройства морфолого-фонологического компонента конкретного языка. В случае, когда каждому признаку (т.е. «синтаксическому падежу») соответствует один морфологический показатель (т.е. «морфологический падеж»), матрица признаков отображается в кортеж падежных показателей (5.91b). Если фонология языка допускает озвучивание всего кортежа, мы ожидаем, что именные группы в таком языке будут содержать более одного падежного показателя. И действительно, языки такого типа засвидетельствованы: это австралийские языки тангкской семьи каядилт и ладил, в которых именная группа содержит цепочку падежных показателей, соответствующих признакам вершин, доминирующих над данной именной группой [Evans 1995; Round 2009, 2013; Richards 2007, 2013], см. также блестящий обзор [Аркадьев 2015]. Пример из языка каядилт приводится в (5.92). Мы видим, что последовательность падежных показателей на именной группе *dangka* ‘мужчина’ отражает иерархию вложения этой именной группы: генитив маркирует зависимость от именной вершины *mijil* ‘сеть’, инструменталис — семантическую роль объемлющей имнной группы, показатель аблатива оформляет все зависимые глагольной группы, обликвус — все компоненты клаузы³⁹. Этот феномен получил наименование «накладывание падежей» (case stacking)⁴⁰.

³⁹ Материал тангкских языков примечателен еще и в том отношении, что падежные показатели связаны не только с синтаксической позицией (например, генитив как падеж приименного зависимого) и семантической ролью именной группы (например, инструменталис как падеж инструмента), но и с классическими грамматическими категориями клаузного уровня, такими как время, вид, модальность (так называемые модальные падежи в типологии [Dench, Evans 1988; Dench 2008]). Так, показатель аблатива на компонентах глагольной группы в (5.92) является экспонентом граммы прошедшего времени, а показатель обликвуса на всех компонентах клаузы выражает одно из неиндикативных наклонений. Более того, даже фонетический облик показателей модальных падежей неслучайным образом соотносится с показателями соответствующих грамматических категорий. Таким образом, направление поисков интерпретации падежа, заданное в работе Песецкого и Торрего, получает косвенное подтверждение.

- (5.92) *maku-ntha* [yalawu-jarra-ntha] *yakuri-naa-ntha*
 женщина-OBL поймать-PST-OBL рыба-ABL-OBL
 [[dangka-karra-nguni-naa-ntha] *mijil-nguni-naa-nth*].
 мужчина-GEN-INSTR-ABL-OBL сеть-INSTR-ABL-OBL

‘Женщина, должно быть, поймала рыбу сетью мужчины.’

Однако языки с последовательным накладыванием падежей немногочислены и ограничены ареально и генетически. Если гипотеза о том, что падеж является отражением согласования именной группы по различным синтаксическим категориям, носит универсальный характер, то следует объяснить, каким образом из (5.91a) мы получаем именную группу с единственным падежным показателем.

По-видимому, здесь возможны два направления рассуждений. Во-первых, можно предположить, что такие языки, как русский или латинский, в действительности реализуют модель (5.91b), так что каждому признаку соответствует определенный падеж. Тот факт, что только один падежный показатель является морфологически видимым (*morphologically observable*), объясняется устройством фонологического компонента языка: фонологические правила удаляют все показатели за исключением одного (например, самого правого, или самого левого, и т.п.), как это показано в (5.91c). Такую модель предлагает Д. Песецкий для анализа русской падежной морфологии [Pesetsky 2013], к подробному рассмотрению которого мы обратимся в разделе 5.4.1.

Во-вторых, можно предположить, что падежные морфемы соответствуют не каждому конкретному формальному признаку, а скорее комбинации, или пучку признаков (5.91c). Этот подход, намеченный в [Matushansky 2008], несомненно, наследует признаковому определению падежа Р. Якобсона [Якобсон 1985], в котором русские падежные граммы задаются комбинацией трех дифференциальных признаков (направленность, объемность, периферийность). Хотя дифференциальные признаки Якобсона существенно отличаются от формальных признаков в модели Матушанской (так, для Якобсона по меньшей мере положительное значение признака вносит вклад в интерпретацию именной группы и не коррелирует с признаками доминирующих над именной группой компонентов синтагмы), нельзя не отметить, что признаковое определение морфологического падежа получает в современной синтаксической теории новое осмысление.

В следующих разделах мы обсудим два анализа, опирающиеся на идею накладывания падежей и предлагающие новый подход к интерпретации падежной морфологии.

⁴⁰ Накладывание падежей представляет собой частный случай копирования суффиксов (*Suffixaufnahme*), см. [Plank 1995].

Применительно к русскому языку эта идея позволяет решить целый ряд морфосинтаксических вопросов, связанных с количественной конструкцией. В цахурском языке в новом свете предстает проблема согласуемого атрибутива и дистрибуции показателей номинатива и косвенной основы.

5.4.1. Падежная морфология в русском языке

Книга Д. Песецкого [Pesetsky 2013] — это одновременно попытка решения наиболее известной и трудной синтаксической проблемы русского языка, грамматики конструкций с числительными, и исследование применимости подхода к падежу как к согласовательному варианту признака, интерпретируемого на другой категории. Если в серии работ Д. Песецкого и Э. Торрего [Pesetsky, Torrego 2001, 2004, 2007] таким признаком является признак времени, то в данной книге Д. Песецкий предлагает другой анализ: падеж рассматривается как категориальный (частеречный) признак. У этой идеи есть и достоинства, и недостатки. Несомненным преимуществом категориального подхода к падежу является тот факт, что единство падежной системы обеспечивается единством категориального признака: падежных граммем столько, сколько синтаксических категорий в данном языке, и каждой падежной грамме сопоставляется категориальный ярлык. По сравнению с категориальным подходом теория «структурный падеж — это признак времени» (5.52) проигрывает в общности: анализ номинатива (и, возможно, аккузатива как *иТ*, означиваемого глагольной вершиной) не может быть естественным образом сопряжен с гипотетическим анализом приименного (структурного) генитива, не говоря уже о других падежных граммах. В рамках категориального подхода соотношение падежа с его стандартным приписывателем («управление со стороны синтаксической категории», определенное в разделе 5.1, см. (5.3b)) получает сущностное и принципиальное объяснение.

Однако, выбирая «другим лицом» падежа синтаксическую категорию, мы с неизбежностью сталкиваемся с необходимостью разграничения двух ипостасей данного признака у групп существительного (NP): с одной стороны, они имеют собственную синтаксическую категорию (N), а с другой стороны, «согласуются по синтаксической категории», т.е. копируют категориальные ярлыки своих синтаксических хозяев. В системе Песецкого эти ипостаси не различаются, что приводит к проблемам как теоретического, так и эмпирического характера (см. критический анализ в 5.4.2).

Отправной точкой исследования Д. Песецкого (и эпиграфом к книге) становится цитата из «Русского синтаксиса в научном освещении» А.М. Пешковского: «Единственное число при таких словах, как *два, три и четыре*, где ясно указана множественность, представляется на

первый взгляд очень странным и является характерным примером того, насколько грамматическое мышление может расходиться с логическим» [Пешковский 1956: 438]. Однако этим «расхождением» странности русских конструкций с числительными не ограничиваются. В (5.93) представлена парадигма, демонстрирующая три основные аналитические проблемы.

- (5.93) а. эти последние два красивых стола
 б. эти последние пять красивых столов
 с. этим последним двум красивым столам
 д. этим последним пяти красивым столам

Во-первых, это рассогласование *по числу* в конструкции с «малыми» числительными (5.93а): существительное имеет форму единственного числа⁴¹, в то время как прилагательные и другие адъективные модификаторы — форму множественного числа. Во-вторых, это рассогласование *по падежу* в конструкциях как с «малыми», так и с «большими» числительными (5.93а-б): модификаторы, находящиеся левее числительного, а также сами числительные, выступают в форме прямых падежей (номинатива и аккузатива), тогда как компоненты именной группы, стоящие после числительного, и в том числе вершина-существительное, демонстрируют формы генитива. Для такого рассогласования Л. Бэбби [Babby 1987] предложил термин «гетерогенная модель». Наконец, в-третьих, оба типа рассогласования исчезают в косвенных падежах (5.93с-д): реализуется «гомогенная модель», так что все компоненты именной группы имеют одинаковые признаки числа и падежа⁴².

Практически все предшествующие подходы к анализу конструкций в (5.93) исходили из того, что истоки падежного рассогласования следует искать в конкуренции разных приписывателей падежа [Русская грамматика 1980; Babby 1987; Franks 1994; Bailyn 2004b], а причиной числового рассогласования являются идиосинкратичные числовые (или падежные) селективные ограничения со стороны малых числительных. Песецкий, по-видимому, первым предлагает «нулевой вариант»: числовая форма существительного в (5.93а) и падежная форма существительного в (5.93а-б) являются дефолтными формами существительного, теми формами, в которых существительное представлено в лексиконе. Отличие между (5.93а) и

⁴¹ Относительно числовой и падежной характеристики существительного в конструкции с малыми числительными нет единого мнения: академическая Русская грамматика [Русская грамматика 1980] считает данную форму генитивом единственного числа, однако имеются и альтернативные предложения: генитив «паукального» числа [Pereltsvaig 2010], «счетная форма» [Зализняк 1967], «паукальный падеж» [Rappaport 2002]. Как мы увидим ниже, в анализе Песецкого предлагается еще один вариант: генитив «неопределенного» числа.

⁴² Числительное при гетерогенной модели демонстрирует совпадение только падежных, но не числовых характеристик, однако числительные и не выражают морфологически числовое противопоставление.

(5.93b) состоит в том, что в (5.93b) существительное приходит из словаря с фиксированным («синтетическим») числом, а в (5.93a) была выбрана форма существительного, не охарактеризованная по числу («бесчисловая»). Рассмотрим эти гипотезы по порядку.

Итак, падежная теория Песецкого состоит в том, что падеж в русском языке является не независимой категорией, а аффиксальной реализацией частей речи, в соответствии с (5.94).

- (5.94) а. Генитив = N (далее N_{GEN})
 б. Номинатив = D (далее D_{NOM})
 в. Аккузатив = V (далее V_{ACC})
 г. Прочие косвенные падежи = P (далее P_{OBL})

Существует два способа, при помощи которых падежные показатели (N_{GEN} , D_{NOM} , V_{ACC} , и P_{OBL}) ассоциируются с данной именной основой⁴³. Первый способ — синтаксический: это приписывание признака в ходе синтаксической деривации, а именно, копирование категориального признака проецирующейся вершины на его синтаксические зависимые. Приписывание признака сопровождается операцией соединения (merge) и в первом приближении определяется правилом (5.95):

(5.95) Приписывание признака (Feature Assignment, FA)

- а. Копирование: Когда α соединяется с β , образуя составляющую $[\alpha \ \beta]$, грамматические признаки α копируются в β ...
 б. Реализация: ... и реализуются морфологически на всех лексических единицах, входящих в β .

Второй способ — лексический: поскольку лексические единицы охарактеризованы в лексиконе как принадлежащие некоторой синтаксической категории, мы можем рассматривать эту таксономию как наличие у лексической единицы определенного «изначального падежа» (primeval case category). Соответственно, существительные «рождаются» генитивными, глаголы — аккузативными, определители — номинативными, а предлоги — косвеннопадежными (точнее, имеют тот падеж, который приписывают: так, предлог к имеет категорию P_{DAT} , а предлог с — категорию P_{INSTR}).

В системе такого рода именные словоформы несут на себе последовательность категориально-падежных аффиксов (5.96), из которых первый отражает изначальную категорию основы ($-ы_{\text{NGEN}}$), а последующие — результат последовательного соединения с

⁴³ В принципе, противопоставление именных и неименных основ в отношении падежа в такой системе имеет исключительно морфологический характер: последовательность категориальных признаков характеризует любую основу, но только именные основы способны их выражать морфологически.

вышестоящими вершинами: $-a_{\text{DNOM}}$ есть экспонент категориальных признаков $\emptyset_{\text{D}}$, а $-e_{\text{PDAT}}$ — экспонент категориальных признаков предлога κ .

(5.96) а. $[_{\text{PP}} \kappa [_{\text{DP}} \emptyset_{\text{D}} [_{\text{NP}} \text{лампе}]]]$

б. ламп-Ы_{NGEN}- a_{DNOM} - e_{PDAT}

Тот факт, что в русском языке словоформа несет на себе только один падежный показатель, является следствием Правила одного суффикса (One Suffix Rule) в (5.97) (ср. с (5.91b-c)):

(5.97) Правило одного суффикса

Удали все падежные суффиксы, кроме внешнего.

Последовательная реализация (5.94)–(5.97) вкупе с допущением о DP-статусе любых аргументных именных групп в русском языке, очевидно, приведет к тому, что именные группы — комплементы переходных глаголов будут реализовывать морфологический аккумулятив, именные группы — комплементы предлогов будут реализовывать морфологические косвенные падежи, приименные именные группы будут выступать в форме генитива, а избежавшие управления со стороны лексических вершин именные группы окажутся в номинативе — падеже D.

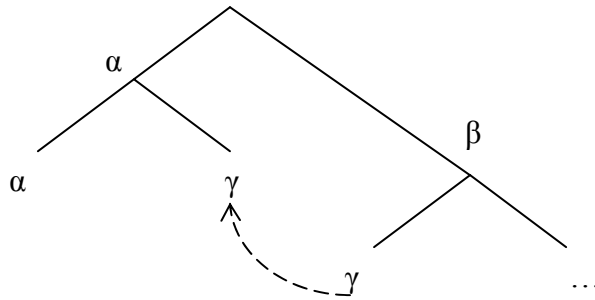
Однако условия для применения (5.95) имеются не всегда. Во-первых, (5.95) ограничено соображениями локальности, так что приписывание признака не может пересечь границы составляющей, непосредственно доминирующей над DP, которая является одной из фазовых категорий в русском языке. Это ограничение правильно предсказывает, что именная группа в русском языке будет демонстрировать падеж, связанный с ближайшим приписывателем падежа (т.е. локальность управления, ср. (5.38)–(5.39)). Во-вторых, на возможность применения (5.95) могут влиять свойства мишени, т.е. признаки β . Например, в (5.98a) именная группа *эту красивую книгу* реализует V_{ACC} , однако в (5.98b) нет никаких свидетельств того, что приписывание признака V_{ACC} имело место. Принципиальный выбор между подходом традиционной грамматики (реализация аккумулятива и совпадение форм аккумулятива и номинатива) и отсутствием приписывания признака V_{ACC} (реализация номинатива) позволяет сделать (5.98c). Если бы правило (5.95) в русском языке всегда применялось при соединении глагола с именной группой — комплементом, то в (5.98c) мы ожидали бы экспоненты V_{ACC} на всех компонентах именной группы, в том числе и на составляющей *красивых книг*. Поскольку

красивых книг не является формой аккузатива, это значит, что в (5.98с) V_{ACC} не приписывается⁴⁴.

- (5.98) а. Мы [_{VP} видели [_{DP} эту красивую книгу]].
 б. Мы [_{VP} видели [_{DP} этот красивый стол]].
 с. Мы [_{VP} видели [_{DP} эти пять красивых книг]].

Наконец, в-третьих, применение (5.95) может быть заблокировано, если после соединения α и β α вступает во внутреннее соединение с вершиной γ (происходит передвижение вершины γ в окрестность α), так что возникает конфигурация создающего комплемент передвижения (*undermerge*). Создающее комплемент передвижение γ схематически показано в (5.99).

(5.99)

Если передвижение вершин действительно является синтаксическим, а не фонологическим процессом, то оно должно быть мотивировано формальными признаками α , притягивающими γ . Это значит, что без передвижения γ требования α к комплементу не были бы удовлетворены. Песецкий предполагает, что такой статус α делает его дефектным в отношении приписывания признаков: только те вершины, которые удовлетворили свои требования к комплементу (*complementation requirements*), могут выступать в качестве приписывателя признаков в (5.95).

Рассмотрим результаты деривации (5.99). При соединении α и β копирования признаков от α к β не происходит, поскольку α еще не удовлетворило свои требования к комплементу. Затем происходит внутреннее соединение, или передвижение, γ к α . На этом этапе требования α к комплементу удовлетворяются, и α превращается в приписыватель признаков. В соответствии с (5.95) α передаст свои признаки составляющей, с которой соединилось — т.е. γ . Составляющая β не получит признаков α .

⁴⁴ Песецкий формулирует условия на приписывание V_{ACC} следующим образом: мишень должна быть либо [+feminine] и не [-singular], либо [+animate], либо [+pronominal].

Именно такое развитие событий Песецкий предполагает в (5.93b) (повторяемом здесь как (5.100a)), в конструкциях с большими числительными. Деривация начинается с соединения прилагательного и существительного (5.100b). Поскольку проецируется существительное, его признаки, и в том числе категориальный признак N_{GEN} , копируются на прилагательное. Далее происходит соединение получившейся составляющей с числительным — представителем категории Quant. Оно также получает N_{GEN} (5.100c). На следующем этапе (5.100d) в деривацию вступает определитель — нулевая вершина с категориальными признаками D_{NOM} . Однако приписывания признаков в соответствии с (5.95) не происходит — требования определителя к комплементу не удовлетворены, и он оказывается дефектным приписывателем. Эти требования удовлетворяются при последующем внутреннем соединении определителя и числительного (5.100e): реализуется (5.95), и числительное копирует категориальный признак D_{NOM} . При последующих соединениях с прилагательными продолжает проецироваться определитель, поэтому его категориальные признаки распространяются на премодификаторы (5.100f-g). В соответствии с Правилom одного суффикса (5.97) структура (5.100g) озвучивается как (5.100a).

(5.100)a. эти последние пять красивых столов

b. $[NP [A \text{ красивых-}N_{GEN}] [N \text{ столов.}N_{GEN}]]$

c. $[NP [Quant \text{ пять-}N_{GEN}] [[A \text{ красивых-}N_{GEN}] [N \text{ столов.}N_{GEN}]]]$

d. $[DP \emptyset.D_{NOM} [NP [Quant \text{ пять-}N_{GEN}] [[A \text{ красивых-}N_{GEN}] [N \text{ столов.}N_{GEN}]]]]]$

e. $[DP [[\emptyset.D_{NOM}] [Quant \text{ пять-}N_{GEN-D_{NOM}}]] [NP [Quant \text{ пять-}N_{GEN}] [[A \text{ красивых-}N_{GEN}] [N \text{ столов.}N_{GEN}]]]]]$

f. $[DP [A \text{ последние-}D_{NOM}] [DP [\emptyset.D_{NOM}] [Quant \text{ пять-}N_{GEN-D_{NOM}}]] [NP [Quant \text{ пять-}N_{GEN}] [[A \text{ красивых-}N_{GEN}] [N \text{ столов.}N_{GEN}]]]]]]]$

g. $[DP [A \text{ эти-}D_{NOM}] [DP [A \text{ последние-}D_{NOM}] [DP [\emptyset.D_{NOM}] [Quant \text{ пять-}N_{GEN-D_{NOM}}]] [NP [Quant \text{ пять-}N_{GEN}] [[A \text{ красивых-}N_{GEN}] [N \text{ столов.}N_{GEN}]]]]]]]]]$

Обратимся теперь к гипотезе Песецкого о структуре категории числа и специфике «малых» числительных. Чтобы объяснить дистрибуцию числовых форм в количественных конструкциях (5.93a) и (5.93c), Песецкий делает два допущения. Первое допущение касается категориального статуса «малых» числительных: предлагается считать, что *два*, *три* и *четыре* относятся не к категории собственно числительных (Quant), но являются свободными морфемами двойственного, тройственного и четверичного числа, соответственно (NBR). Категория числа представима в виде следующей иерархии признаков:

(5.101)a. $\emptyset$ (отсутствие числа)

b. [+singular]

- c. [—singular]
- d. [—singular] DUAL
- e. [—singular] TRIAL
- f. [—singular] QUADRAL

Граммемы в (5.101) выражаются как синтетически, так и аналитически. (5.101a-b) — бесчисловое существительное и существительное единственного числа — соответствуют морфологически традиционному «единственному числу», которое тем самым представляет из себя дефолтную форму; (5.101c) — существительное с признаком не-единственного числа — соответствует традиционному «множественному числу». Значения (5.101d-f) выражаются аналитически, при помощи сочетания бесчисловой формы существительного и морфем числа NBR:

(5.102)a. стола.NGEN	бесчисловая форма существительного
b. стола.NGEN [+singular]	существительное в ед. числе
c. столов.NGEN [—singular]	существительное во мн. числе
d. [два _{NBR} стола.NGEN] [—singular] DUAL	существительное в двойств. числе
e. [три _{NBR} стола.NGEN] [—singular] TRIAL	существительное в тройств. числе
f. [четыре _{NBR} стола.NGEN] [—singular] QUADRAL	существительное в четв. числе

(5.102d-f) правильно предсказывает, что составляющая, состоящая из вершины NBR и бесчислового существительного, имеет признак [—singular], поэтому при соединении с ней адъективного модификатора (*последние два стола*) правило приписывания признака (5.95) присвоит ему признак [—singular], так что адъектив будет иметь морфологию множественного числа.

Проблемы возникают, однако, с прилагательными, расположенными *между* «малыми» числительными и существительными (*два красивых стола*). Если бы порядок соединения элементов в этой конструкции был таким, как в (5.103a), то прилагательное не получило бы от существительного признака числа и выступало бы в бесчисловой форме, т.е. в дефолтном «единственном числе» (*два красивого стола*). Второе допущение Песецкого состоит в том, что в действительности порядок слов в (5.103a) не отражает последовательности соединения составляющих, и прилагательное соединяется с составляющей, имеющей признак [—singular]. Такой составляющей, как мы видели выше, является составляющая *два стола*. Следовательно, *два* сперва соединяется с бесчисловым существительным, а затем передвигается в позицию левее (и выше) прилагательного (5.103b).

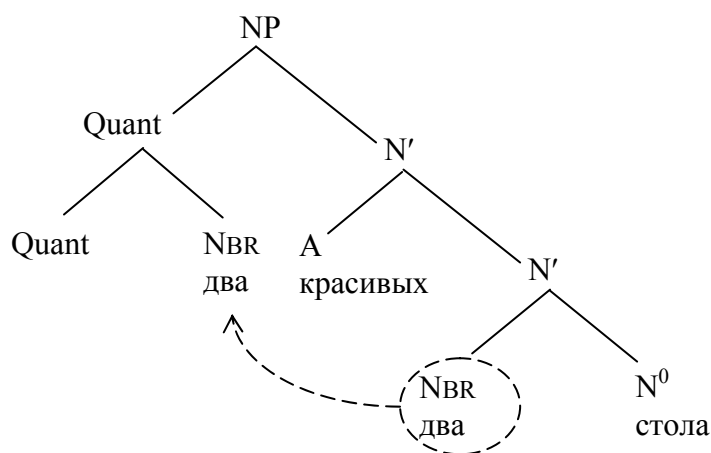

(5.103)а. [два [красивых стола]]

б. два [красивых [~~два~~ стола]]

В какую же позицию передвигаются «малые» числительные — представители категории NBR? Естественно предположить, что формы двойственного, тройственного и четверичного числа существительного лицензируются соответствующими числительными⁴⁵. В таком случае именные группы, содержащие аналитические формы паукальных чисел, также содержат числительное — нулевую вершину $\emptyset_{\text{ДВА}}$, $\emptyset_{\text{ТРИ}}$, $\emptyset_{\text{ЧЕТЫРЕ}}$, принадлежащие категории Quant. Именно Quant является мишенью передвижения NBR, как это представлено в (5.104):

(5.104)

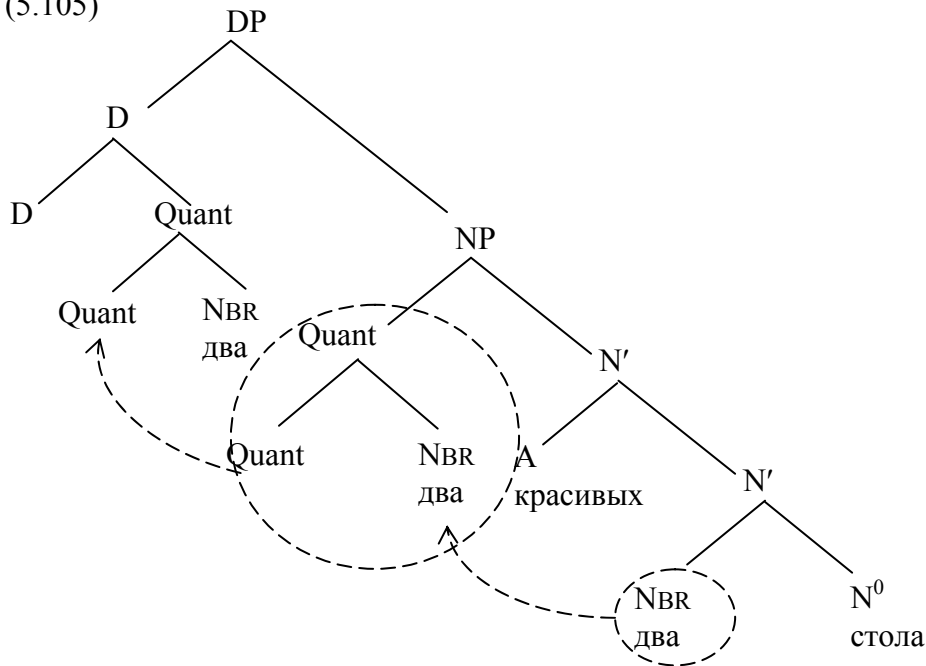
Обратим внимание, что на этапе (5.104) морфология составляющих именной группы будет выглядеть следующим образом: существительное *стола* будет бесчисловым и будет нести на себе «изначальный» генитив (GEN.SG в традиционной терминологии), прилагательное *красивых* получит аффикс $N_{\text{GEN}}[\text{---singular}]$ (GEN.PL в традиционной терминологии), такую же форму мы ожидаем и от сложной вершины Quant, содержащей числовую морфему *два*.

Итак, структура (5.104) аналогична NP, содержащей «большие» числительные (5.100с), с точностью до морфологических характеристик вершинного существительного. При соединении NP с определителем, как мы помним, приписывания признаков не происходит — требования определителя к комплементу не удовлетворены. Необходимо внутреннее соединение определителя и Quant (содержащего в данном случае NBR, см. (5.105)), в результате которого D приписывает числительному категориальный признак D_{NOM} . Поскольку у D признак числа не

⁴⁵ Например, в словенском языке формы двойственного числа существительного используются только тогда, когда в контексте эксплицитно выражен квантификатор ‘два’ или ‘оба’; в противном случае используются формы множественного числа, даже если речь идет, например, о парных предметах [Pesetsky 2013], со ссылкой на [Corbett 2000: 43]).

означен, D выступает в качестве зонда, согласуясь по числу с ближайшей целью, обладающей означенным признаком числа, т.е. с NP⁴⁶.

(5.105)

Итак, нам удалось объяснить две гетерогенные модели количественных конструкций (5.93a-b). Обратимся теперь к гомогенным моделям (5.93c-d), повторяемым здесь как (5.106a-b), которые возникают в контексте косвенных падежей — P_{OBL} и N_{GEN}⁴⁷. В них мы наблюдаем единообразное падежное и числовое маркирование всех компонентов количественной группы.

(5.106)а. к этим последним двум красивым столам

б. к этим последним пяти красивым столам

Понятно, что источником падежного признака является вершина, с которой соединяется DP: правило приписывания признака (5.95) копирует на именную группу категориальный признак предлога (P_{OBL}) или существительного (N_{GEN}).

⁴⁶ В данном случае не принципиально, запускается ли операция AGREE при первом соединении D с именной группой (и тогда источником числа оказывается NP), либо только после удовлетворения требований D к комплементу, т.е. после второго соединения (и тогда источник числа — Quant). В любом случае D получит признак [—singular].

⁴⁷ В аккузативном контексте (например, в позиции прямого дополнения), как мы видели выше, V_{ACC} будет приписываться только мишеням с определенными признаками, из которых лишь вариант [+animate] возможен для количественных конструкций. В этом случае в гомогенной модели все компоненты именной группы будут иметь признаки аккузатива множественного числа, которые морфологически реализуются как генитив в контексте одушевленности (*увидел этих двух красивых женщин*).

Несколько сложнее объяснить числовые формы в косвеннопадежной конструкции с «малыми» числительными. Начнем с предложных групп. Предположим, что, как и D, предлог имеет неинтерпретируемый неозначенный признак числа $iNBR$. Тогда при соединении с DP предлог в качестве зонда запустит поиск составляющей с означенным признаком числа. Ближайшей такой составляющей является сама DP, имеющая признак [$-singular$]. Предлог согласуется с DP, после чего, в соответствии с (5.95), припишет морфологию множественного числа и косвенного падежа всем элементам DP, включая именную вершину. В результате в косвенных падежах бесчисловая форма существительного меняется на форму множественного числа.

Обратимся теперь к гомогенной модели, возникающей в контексте приименного зависимого, в генитивной конструкции (5.107a). В этом случае наша модель дает сбой. При соединении DP *эти два молодых актёра* с N^0 *стол* мы ожидаем копирования категориального и числового признака N^0 на все компоненты DP. Однако в отличие от предлога, существительное имеет означенный признак числа (в (5.107a) — [$+singular$]), и именно он будет реализован на всех ее компонентах. Аналогичная проблема возникает и вне количественной конструкции: наша модель предсказывает, что деривация (5.107b) невозможна, и при соединении DP *этой молодой актёр* с N^0 *столы* получится словосочетание *столы этих молодых актёров*.

(5.107)a. стол этих двух молодых актёров

b. столы этого молодого актёра

Очевидно, истоки проблемы в том, что число, в отличие от падежа, не может быть означено «снаружи» DP. Действительно, два признаковых компонента морфологического экспонента GEN.PL на приименной DP в (5.107a) имеют разные источники. Падежный признак, т.е. категориальный признак NGEN, является результатом соединения DP с N^0 . Источник числового признака определить сложнее. Это не может быть ни вершина N^0 *стол*, имеющая признак [$+singular$], ни обладающая подходящим признаком вершина D^0 , поскольку сама по себе D^0 не может приписывать признаки существительному в количественной конструкции (ср. *эти последние два актёр-а* (GEN.NUMBERLESS) / *актёр-ы (NOM.PL)).

Таким образом, Песецкий приходит к выводу, что приписывание признака от α к β должно быть опосредовано «прототипом» α (обозначается как α^*), который представляет собой матрицу признаков, характерных для той синтаксической категории, к которой принадлежит α . Все признаки, содержащиеся в прототипе, кроме категориального (частеречного) признака, не означены. Благодаря этому при соединении прототипа с некоторой составляющей он выступает как зонд, вступая в отношение согласования с ближайшим источником необходимых признаков. В частности, в примере (5.107a) прототип существительного N^* , обладающий

означенным категориальным признаком и неозначенным признаком числа n NBR, согласуется с DP по числу, после чего навязет свои признаки всем компонентам DP.

С учетом всех обсуждавшихся поправок правило приписывания признака (5.95) выглядит следующим образом:

(5.108) Приписывание признака (Feature Assignment, FA)

а. Копирование: Когда α соединяется с β , образуя составляющую $[\alpha \ \beta]$, если α удовлетворило свои требования к комплементу и является определенным грамматикой языка приписывателем признака для β , то прототип $\alpha \ \alpha^*$ соединяется с β , образуя структуру $[\alpha \ \alpha^* \ \beta]$.

б. Реализация: ... и реализуется синтаксически или морфологически на наименьших доступных для данного языка единицах, входящих в β .

Теория, предложенная Песецким, несмотря на значительное количество допущений *ad hoc*, некоторые из которых не кажутся достаточно естественными⁴⁸, тем не менее является существенным шагом в понимании сущности падежа. Особую ценность представляет, во-первых, ассоциация падежа с категориальным признаком управляющей вершины; во-вторых, единообразный подход к управлению и согласованию, когда приписывание признаков внутри именной группы (атрибутивное согласование) и снаружи именной группы (управление со стороны внешних вершин) подчиняются единому правилу; в-третьих, гипотеза о некоторой «исходной» падежной форме, которая характеризует существительное в лексиконе и не нуждается во внешнем приписывателе. Существенный интерес представляет также понятие прототипа, который может рассматриваться как вариант марантцевых категоризирующих вершин n , v и a [Marantz 1997]. После краткого обсуждения эмпирических данных французского и английского языков Песецкий задается вопросом о межъязыковой валидности прототипа и универсальности его свойств, в частности, его участия во всех процессах приписывания признака, его роли в отнесении категориально-нейтрального корня к некоторой синтаксической

---

⁴⁸ Уязвимыми для критики представляются такие положения теории, как существование создающего комплемент внутреннего соединения (undermerge); отнесение «малых» числительных к категории NBR при одновременном постулировании нулевых числительных $\emptyset_{\text{два}}$, $\emptyset_{\text{три}}$, $\emptyset_{\text{четыре}}$, так что, с одной стороны, морфема числа может выступать в качестве самостоятельного высказывания (— *Сколько здесь яблок? — Два.*), а с другой стороны, приходится предполагать существование составных числительных типа *тридцать* $\emptyset_{\text{два}}$, которые, наоборот, не могут употребляться без NP-комплемента); более раннее соединение именной вершины с «малыми» числительными, чем с любыми другими компонентами именной группы, в том числе комплементами, идиоматическими модификаторами и т.д. Более развернутое обсуждение см. в [Лютикова 2015], а также в следующем разделе.

категории и в типологически доступных способах его реализации⁴⁹. В следующем разделе предпринимается попытка приложения теории накладывающихся падежей к материалу цахурского языка⁵⁰ — языка, демонстрирующего существенные структурные отличия и генетическую и ареальную независимость как от тангских языков, так и от французского и русского. Этот анализ позволит, с одной стороны, по-новому взглянуть на падежную систему цахурского языка и проблему согласуемого атрибутивного показателя, а с другой стороны, уточнить универсальные и конкретно-языковые характеристики прототипа.

5.4.2. Накладывающиеся падежи в цахурском языке

Цахурский язык, как и все языки Дагестана, обладает богатой падежной системой. В [Кибрик (ред.) 1999] выделяется 18 падежных граммем, образующих две группы: реляционные падежи — номинатив⁵¹, эргатив, датив, аффектив, комитатив, посессив — и пространственные падежи. Система пространственных падежей типична для Дагестана и представляет собой сочетания локализаций и двигательных падежей — эссива, латива, аллатива. К именованным грамматическим категориям относятся также категория числа (граммемы единственного и множественного числа) и именованного класса. В цахурском языке выделяется 4 класса; членство именной основы в классе является частично интерпретируемым: имена 1-го класса обозначают мужчин, 2-го класса — женщин, неличные одушевленные существительные и неодушевленные существительные идиосинкратично распределены по 3 и 4 классам.

⁴⁹ «Consequently, though firm conclusions must await more detailed investigation, it is possible that the distribution of elements like French *de* and English *of* will support the notion “prototype” cross-linguistically—and in particular, the following proposals:

1. that it is α^* (not α itself) that FA assigns as a sister to β after α merges with β ;
2. that a root R is assigned to syntactic category α by the merger of α^* with R; and
3. that prototypes are not necessarily realized as word-level morphology, but are realized at the lowest structural level that the language and construction permit—which is sometimes phrase-level» [Pesetsky 2013: 102].

⁵⁰ Цахурский язык относится к лезгинской группе нахско-дагестанских языков. Последующее изложение основывается на грамматическом описании [Кибрик (ред.) 1999], а также на полевых материалах автора, собранных в организованных и возглавлявшихся А.Е. Кибриком лингвистических экспедициях ОТиПЛа МГУ в с. Мишлеш Рутульского р-на респ. Дагестан (1995 и 1996 гг.). Раздел 5.4.2. представляет собой расширенный вариант англоязычной статьи [Lyutikova 2015].

⁵¹ Далее в этом разделе я следую терминологии, принятой в [Кибрик (ред.) 1999] и других работах А.Е. Кибрика и его школы, посвященных эргативным языкам Дагестана, согласно которой термин «абсолютив» используется для обозначения семантической гиперроли, объединяющей пациенс переходного глагола и единственный аргумент одноместного глагола, а морфологический падеж, реализующий эту гиперроль в эргативных языках, называется номинативом.

За исключением незначительного числа морфонологических процессов, падежные морфемы в цахурском языке присоединяются агглютинативно (см. Таблицу 5.2). Форма номинатива единственного числа является немаркированной формой существительного; во множественном числе показатель номинатива нулевой после показателя множественного числа *-bi* и имеет экспонент *-r* у основ множественного числа на долгий гласный. Прочие падежные аффиксы присоединяются к косвенной основе единственного и множественного числа, соответственно.

Таблица 5.2. Частичная парадигма существительных *jaIq* ‘дорога’ и *jedj* ‘мать’

	<i>jaIq</i> ‘дорога’		<i>jedj</i> ‘мать’	
	SG	PL	SG	PL
NOM	<i>jaIq</i> √	<i>jaIq-bi</i> √-PL	<i>jedj</i> √	<i>jed-ā-r</i> √-PL-NOM
ERG	<i>jaIq-i-n</i> √-OBL-ERG	<i>jaIq-b-iš-e</i> √-PL-OBL-ERG	<i>jed-ē</i> √-OBL-ERG	<i>jed-ā-š-e</i> √-PL-OBL-ERG
DAT	<i>jaIq-i-s</i> √-OBL-DAT	<i>jaIq-b-iši-s</i> √-PL-OBL-DAT	<i>jed-i-s</i> √-OBL-DAT	<i>jed-ā-ši-s</i> √-PL-OBL-DAT
COMIT	<i>jaIq-i-ḳa</i> √-OBL-COMIT	<i>jaIq-b-iši-ḳa</i> √-PL-OBL-COMIT	<i>jed-i-ḳa</i> √-OBL-COMIT	<i>jed-ā-ši-ḳa</i> √-PL-OBL-COMIT

Реляционные падежи используются в первую очередь для оформления аргументов глаголов и предикативов. Так, эргатив является падежом агенса переходного глагола; аффиктив маркирует переходный экспериенцер (например, при глаголах ‘любить’, ‘видеть’, ‘знать’); датив кодирует адресат при глаголах речи и цель при битранзитивных предикатах, а также бенефактив; посессив является падежом посессора в предикативной конструкции обладания; комитатив используется при симметричных предикатах, а также в функции инструмента. Номинатив является дефолтным падежом: он оформляет единственный аргумент одноместного глагола и внутренний аргумент переходных глаголов разных типов. Датив и комитатив также могут управляться некоторыми послелогоми. Пространственные падежи используются для обозначения локализации, источника и цели движения.

В отличие от многих других дагестанских языков, в цахурском языке отсутствует генитив. Все приименные именные группы имеют особый морфологический показатель, который в [Кибрик (ред.) 1999] называется атрибутивом. Атрибутивная конструкция выражает множество семантических отношений между именной вершиной и зависимой именной группой, которые в межъязыковом аспекте ассоциируются с генитивной конструкцией. Несколько примеров различных значений атрибутива приводится в (5.109).

- (5.109)a. bajram-i-n   Gelj
 Байрам-OBL-A   нога
 ‘нога Байрама’
- b. bajram-i-n   Хав
 Байрам-OBL-A   дом
 ‘дом Байрама’
- c. jazıĉ-i-n   kitab
 писатель-OBL-A   книга
 ‘книга писателя’
- d. daraR-i-n   gurt
 шелк-OBL-A   платье
 ‘шелковое платье’
- e. ХоI-ji-n   kiljo
 мука-OBL-A   килограмм
 ‘килограмм муки’
- f. kul;fat-i-n   paltar
 ребенок-OBL-A   одежда
 ‘детская одежда’

Как видно из примеров (5.109), атрибутивный суффикс, как и падежные суффиксы, присоединяется к косвенной основе существительного. Однако, согласно [Кибрик (ред.) 1999], атрибутив не является ни генитивом, ни вообще падежом. Причина этого решения в том, что показатель генитива обнаруживается на любом зависимом именной группы, будь то прилагательное, указательное местоимение, падежная форма имени, послеложная группа или относительная клауза. Так, например, в (5.110a) лексема *jug* ‘хороший, хорошо’ используется как адъективная и, соответственно, получает атрибутивный показатель (ср. с формой *jug-da* ‘хорошо’ в адвербиальных употреблениях). В (5.110b) демонстрируется указательное местоимение, которое обязано иметь атрибутивную морфологию. В примерах (5.110c-d) показаны приименные косвеннопадежная именная группа и послеложная группа, соответственно. Наконец, (5.110e) содержит относительную клаузу, которая образуется путем атрибутивизации одной из трёх видо-временных основ (перфективной, имперфективной, потенциальной) и образования соответствующего причастия, в данном случае — имперфективного.

- (5.110)a. jug-un   Хав
 хороший-A   дом
 ‘хороший дом’

- b. ma-n gurt
этот-А платье
'это платье'
- c. t'et'-b-iši-k_oa-n gurt
цветок-PL-OBL-COMIT-А платье
'платье в цветочек' (букв. 'платье с цветами')
- d. č'ij-e-l_j uRa-n samal_ot
земля-OBL-SUP над-А самолет
'самолет над землей'
- e. aq_o-ē-nče nur gjā-n šejiX-ā-g
лицо-IN-EL свет исходить.IPF-А святой-PL-NOM
'святые, от лиц которых исходит сияние'

Наиболее очевидный возможный анализ атрибутива состоит в том, что это функциональная вершина, посредством которой произвольная XP становится модификатором именной группы. В частности, такую систему предлагает Э. Рубин [Rubin 2002, 2003]: согласно его гипотезе, все модификаторы в именной группе структурно идентичны и представляют из себя группу модификатора, ModP, в которую могут быть вложены составляющие различных синтаксических категорий (5.111a). В некоторых языках функциональная вершина Mod имеет морфологические экспоненты, такие как частица *de* в китайском языке (5.111b) или полная форма прилагательного в русском языке (5.111c).

- (5.111)a. [_{ModP} Mod [XP ...]]
- b. na yiben zai zhuozi-shang de shu
этот один на стол-верх MOD книга
'эта книга на столе'
- c. очень высок-ое дерево
[_{ModP} [_{AdjP} ADV ADJ]-MOD.AGR] N

Более того, сходство цахурских данных с языковым материалом Э. Рубина поддерживается также тем фактом, что цахурский атрибутивный показатель демонстрирует согласование с вершиной по классу и числу, в соответствии с Таблицей 5.3. В приводившихся выше примерах именная вершина во множественном числе или принадлежит к 4-му классу, поэтому атрибутивный показатель неизменно имел форму *-(i)n*. Однако с существительными 1–3 классов в единственном числе атрибутив выступает в форме *-na* (в глоссах используется символ AA, «одушевленный» атрибутив). В (5.112) приводятся примеры на согласование атрибутивного показателя.

Таблица 5.3. Согласование атрибутивного показателя

	SG	PL
Class 1	-na	-(i)n
Class 2	-na	-(i)n
Class 3	-na	-(i)n
Class 4	-(i)n	-(i)n

- (5.112)a. ХоI-ji-n kiljo
мука-OBL-A килограмм.4
'килограмм муки'
- b. ХоI-j-na mašuk
мука-OBL-AA мешок.3
'мешок муки'

Менее естественным оказывается еще одно свойство атрибутивного показателя: он отличает номинативную форму именной вершины от всех прочих форм. Если именная вершина имеет отличный от номинатива падеж, то используется так называемая косвенная форма атрибутивного показателя, суффикс *-ni*, который далее обозначается как AOBV, «косвенный» атрибутив. Примеры падежных форм существительного и модификаторов с косвенным атрибутивным показателем приводятся в (5.113b), (5.114b). Атрибутивная форма именной вершины также вызывает появление косвенной формы атрибутивного показателя на зависимых (5.113c), (5.114c).

- (5.113)a. ХоI-j-na mašuk
мука-OBL-AA мешок.3
'мешок муки'
- b. ХоI-j-ni mašuk-a-ka
мука-OBL-AOVL мешок.3-OBL-COMIT
'с мешком муки'
- c. ХоI-j-ni mašuk-a-na q'imat
мука-OBL-AOVL мешок.3-OBL-AA цена.3
'цена мешка муки'
- (5.114)a. Хе-b-na mašuk
большой-3-AA мешок.3
'большой мешок'
- b. Хе-b-ni mašuk-a-ka
большой-3-AOVL мешок.3-OBL-COMIT
'с большим мешком'

с.	Хе- <i>b-ni</i>	<i>mašuk-a-na</i>	<i>q'imat</i>
	большой-3-АОВЛ	мешок.3-ОВЛ-АА	цена.3
	‘цена большого мешка’		

Как можно проанализировать эти данные? Предположим, что «прямой» атрибутивный суффикс действительно является экспонентом синтаксической вершины, опосредующей вложение произвольной ХР в именную проекцию. «Косвенный» атрибутивный показатель в таком случае не только сигнализирует о вложении ХР, но и сообщает о синтаксической позиции именной группы, в которую вложена ХР. Например, в (5.113с) *-ni* озвучивает двойное вложение: вложение именной группы *XoI* ‘мука’ в именную группу *XoIjna mašuk* ‘мешок муки’, и вложение именной группы *XoIjna mašuk* ‘мешок муки’ в объемлющую именную группу *XoIjni mašukana q'imat* ‘цена мешка муки’. Такого рода рассуждения не могут быть естественно и очевидно имплементированы в модели ModP Э. Рубина, но они замечательным образом укладываются в модель накладывания падежей, аналогичную рассмотренной в предыдущем разделе модели Д. Песецкого [Pesetsky 2013].

Предположим, что падежные показатели в цахурском языке являются экспонентами синтаксической категории вершины, с которой соединяется данная составляющая. Соотношения падежей и синтаксических категорий для цахурского языка представлены в (5.115).

(5.115)а. Атрибутив = N

b. Номинатив = D

с. Эргатив = VTR

d. Аффектив = VEXP

e. Посессив = VBE

f. Датив, комитатив, пространственные падежи = P (PDAT, PCOMIT, ...)

Таким образом, когда ХР соединяется с проекцией вершины N, она получает атрибутивную морфологию. При соединении с проекцией D составляющая получает номинативную морфологию. Три реляционных падежа — эргатив, аффектив и посессив — являются экспонентами различных категорий глаголов (V): переходного, экспериенциального и экзистенциального (бытийного). Все прочие падежи отражают соединение составляющей с послелогом, выраженным или нулевым.

Рассмотрим деривацию (5.113b) в этой системе.

- (5.116)a. [NP [N XoI]]
мука.N
- b. [DP [NP [N XoI]] D]
мука.N-D
- c. [NP [DP [NP [N XoI]] D] [N mašuk]]
мука.N-D-N мешок.N
- d. [DP [NP [DP [NP [N XoI]] D] [N mašuk]] D]
мука.N-D-N-D мешок.N-D
- e. [PP [DP [NP [DP [NP [N XoI]] D] [N mašuk]] D] P]
мука.N-D-N-D-PCOMIT мешок.N-D-PCOMIT

Деривация начинается с существительного *XoI* ‘мука’, имеющего синтаксическую категорию N. Однако, в отличие от русского языка, в цахурском языке отсутствуют эмпирические данные, которые бы указывали на то, что цахурские имена «рождаются атрибутивными», и тем самым реализуют принцип «ты есть то, что ты приписываешь»⁵². Действительно, в русском языке «изначальный» генитив существительного проявляется, согласно анализу Песецкого, в количественной конструкции (см. 5.4.1), а также, возможно, в притяжательных прилагательных ([*tëm-i Maš-in*]-ы дети) и композитах ([*šest-i-nedel-n*]-ый курс) [Pesetsky 2013: 111–114]. В цахурском же языке именные вершины (например, в составе сложных предикатов, таких как *aqlana haʔas* <смех.4 4.делать> ‘смешить’, *fikir hāʔas* <мысль.3 3.делать> ‘думать’) демонстрируют немаркированную форму номинатива (ср. с атрибутивными формами *aqlana-n* <смех-A>, *fikir-in* <мысль-A>). Следовательно, если цахурские существительные и «рождаются атрибутивными», то, вероятно, в том же смысле, в каком русский переходный глагол «рождается аккузативным» или предлог *к* «рождается дативным» — ни тот, ни другой не несут на себе видимой морфологии, соотносимой с данными категориями. Таким образом, если цахурское существительное охарактеризовано в лексиконе как N, оно имеет супплетивную форму «изначального» атрибутива (5.116a).

Следующий шаг — это вложение NP в группу определителя путем соединения с вершиной D (5.116b). В текущем изложении нет возможности обсуждать вопрос о том, существует ли независимая синтаксическая мотивация для отнесения цахурского языка к DP-языкам. Тем не менее, развиваемый здесь анализ цахурской падежной системы в теории накладывания падежей, по-видимому, нуждается в постулировании проекции DP. Один из аргументов в пользу такого решения опирается на модель озвучивания, которую мы предложим

⁵² В частности, Песецкий пишет: «... every element that comes from the lexicon as a noun, determiner, verb, or preposition could equally well be described as coming from the lexicon assigned to the corresponding case categories. In other words, from the point of view of the syntax, every noun can be described as “born genitive”, every verb as “born accusative”, every determiner as “born nominative”, and every preposition as “born oblique”» [Pesetsky 2013: 8].

несколько позже. Второй аргумент, к которому мы сейчас переходим — морфологический. Обратимся еще раз к Таблице 5.2, в которой представлена именная парадигма. Заметим, что номинатив может быть как немаркированным, так и маркированным (ср. *jed-ā-r* ‘матери’), и в этом случае показатель номинатива дополнительно распределен с показателем косвенной основы. Предположим, что немаркированная форма номинатива содержит нулевой аффикс; в таком случае все падежные формы имени содержат либо показатель номинатива, либо показатель косвенной основы. Гипотеза состоит в том, что этот показатель — экспонент категории D, который приписывается группе лексического существительного, когда она соединяется с D. Соответственно, строение именной парадигмы может быть реинтерпретировано как в Таблице 5.4.

Таблица 5.4. Реинтерпретация именной парадигмы

	jaIq ‘дорога’		jed _j ‘мать’	
	SG	PL	SG	PL
ROOT	jaIq √.N	jaIqbi √.PL.N	jed _j √.N	jedā √.PL.N
NOM	jaIq-∅ √.N-D	jaIqbi-∅ √.PL.N-D	jed _j -∅ √.N-D	jedā-r √.PL.N-D
ERG	jaIq-i-n √.N-D-V _{TR}	jaIqb-iš-e √.PL.N-D-V _{TR}	jed-ē (< -i-e) √.N-D-V _{TR}	jed-ā-š-e √.PL.N-D-V _{TR}
DAT	jaIq-i-s √.N-D-P _{DAT}	jaIqb-iši-s √.PL.N-D-P _{DAT}	jed-i-s √.N-D-P _{DAT}	jed-ā-ši-s √.PL.N-D-P _{DAT}
COMIT	jaIq-i-k _a √.N-D-P _{COMIT}	jaIqb-iši-k _a √.PL.N-D-P _{COMIT}	jed-i-k _a √.N-D-P _{COMIT}	jed-ā-ši-k _a √.PL.N-D-P _{COMIT}

В (5.116с) DP *XoI* ‘мука’ соединяется с существительным *mašuk* ‘мешок’. Поскольку именная вершина принадлежит категории N, она приписывает атрибутив данной DP, так что после применения правила приписывания признака на существительном *XoI* ‘мука’ располагается последовательность аффиксов -D-N. (5.116d) повторяет шаг (5.116b); на сей раз в оболочку DP вкладывается верхняя именная группа. Наконец, DP ‘мешок муки’ соединяется с нулевым послелогом, приписывающим комитатив. Послелог маркирует DP как P_{COMIT}, и морфологические экспоненты этого признака оказываются на обоих существительных *XoI* ‘мука’ и *mašuk* ‘мешок’.

Теперь перейдем к правилам реализации признаков. Начнем с (5.116d), в котором представлена «номинативная» (=независимая) форма DP ‘мешок муки’. Понятно, что в цахурском языке Правило одного суффикса, аналогичное русскому (5.97), не действует. Если бы это было не так, то (5.116d) звучивалось бы как две немаркированных именных основы с нулевыми показателями номинатива, как в (5.117):

(5.117)*мука.N	~~D-N~~ -D	мешок.N	-D
√.N	-NOM/OBL	√.N	-NOM/OBL
XoI	-∅	mašuk	-∅

‘мешок муки’

Следовательно, мы можем заключить, что весь кортеж категориальных признаков на именной основе учитывается при вычислении морфологического представления данного существительного. В (5.116d) соответствие между набором признаков и набором аффиксов тривиально: N озвучивается как атрибутивный суффикс, конечное D — как (нулевой) номинативный суффикс, а промежуточное D — как показатель косвенной основы. В результате возникает репрезентация (5.118):

(5.118)мука.N	-D	-N	-D	мешок.N	-D
√.N	-NOM/OBL	-AA	-NOM/OBL	√.N	-NOM/OBL
XoI	-j	-na	-∅	mašuk	-∅

‘мешок муки’

Обратимся теперь к (5.116e). Мы с легкостью можем построить правильную форму существительного *mašuk* ‘мешок’, пользуясь теми же правилами отображения, что в (5.118): РСОМІТ озвучивается как комитативный падежный показатель, а промежуточное D — как показатель косвенной основы. Озвучивание существительного *XoI* ‘мука’ устроено сложнее. Последовательность из четырех категориальных ярлыков D-N-D-РСОМІТ должна быть отображена в два морфологических показателя: суффикс косвенной основы и суффикс косвенного атрибутива.

Предположим, что процесс озвучивания начинается с основы и происходит слева направо. Первый промежуточный ярлык D озвучивается как показатель косвенной основы. Далее, любой кортеж категориальных ярлыков, начинающийся с N и содержащий хотя бы один ярлык, отличный от D (т.е. V, P или N) озвучивается как косвенный атрибутивный показатель (5.119)⁵³.

⁵³ Эта предварительная модель озвучивания в цахурском языке, безусловно, нуждается в дальнейшей доработке в рамках какой-либо из теорий озвучивания, будь то Распределенная морфология или наносинтаксис. Следует отметить, что даже в языках с последовательным накладыванием падежей, таких как каядилт, некоторые комбинации морфем запрещены. В таком случае одна из морфем удаляется, или запрещенная последовательность заменяется морфемой *portmanteau* [Evans 1995: 129ff]. В рамках данной работы, однако, в фокусе внимания находятся синтаксические механизмы падежного маркирования, поэтому формулировка правил озвучивания может быть не вполне четко артикулированной.

(5.119)мука.N	-D	-N-D-PCOMIT	мешок.N	-D	-PCOMIT
√.N	-NOM/OBL	-AOBL	√.N	-NOM/OBL	-COMIT
XoI	-j	-ni	maʃuk	-a	-k _o a

‘с мешком муки’

Теория, порождающая деривацию в (5.116) и матрицы отображения в (5.118)–(5.119), пока неполна. Во-первых, в ней отсутствует механизм, предопределяющий согласование атрибутивного показателя по классу и числу с именной вершиной (см. Таблицу 5.3). Во-вторых, она не в состоянии определить, ограничено ли каким-либо образом накладывание категориальных ярлыков, или же кортеж категориальных признаков монотонно растет по ходу потенциально бесконечной рекурсивной процедуры синтаксической деривации. К этим вопросам мы вернемся несколько позже, а пока обратимся к реляционным падежам, которые соотносены с различными классами глаголов в (5.115).

Будучи морфологически эргативным языком⁵⁴, цахурский язык маркирует эргативом внешний аргумент переходного глагола (5.120a). Особые типы переходной конструкции — аффективная и посессивная — возникают при экспериенциальных глаголах (5.120b) и бытийном глаголе (5.120c).

(5.120)a.	aIḷ-ē	jaIq	aljaʔ-a.
	Али.1.OBL-ERG	дорога.4	4.строить-IPF
	‘Али строит дорогу.’		
b.	bajram-i-k'le	jiš-da	miz w-ac'a.
	Байрам.1-OBL-AFF	мы.OBL-AA	язык.3 3-знать-IPF
	‘Байрам знает наш язык.’		
c.	bajram-i-qa-d	jug-un	Xaw wo-d.
	Байрам.1-POSS-4	хороший-A	дом.4 быть-4
	‘У Байрама хороший дом.’		

Для нашего анализа существенно, что приписывание реляционных падежей в цахурском языке абсолютно независимо от присутствия (финитного) Т: любая глагольная форма, будь то инфинитив, причастие, конверб или номинализация (масдар), лицензирует все аргументы и все падежи, доступные в финитной клаузе. Таким образом, цахурский язык не относится ни к

⁵⁴ А.Е. Кибрик [Кибрик (ред.) 1999; Кибрик 2003; Kibrik 1997] характеризует цахурский язык как семантически эргативный, в том понимании, что морфосинтаксические средства данного языка кодируют концепты ролевого измерения — семантические роли и гиперроли; отдельно от ролевого измерения в цахурском языке грамматикализовано также коммуникативное измерение. Речь о синтаксической эргативности для цахурского языка, по-видимому, не идет.

ABS=DEF языкам, ни к ABS=NOM языкам в типологии Дж. Легат ([Legate 2008], см. также раздел 6.2), и все реляционные падежи лицензируются внутри глагольной группы⁵⁵.

В соответствии с (5.115) эргатив представляет из себя реализацию VTR на DP. Следовательно, при соединении DP с переходным глаголом категориальный ярлык VTR окажется на этой DP. Эта теория, однако, делает неверные предсказания: она деривирует VTR и, соответственно, показатель эргатива, на обоих аргументах переходного глагола (5.121), что абсолютно неграмматично.

(5.121)*[_{VP} [_{DP} [_{NP} aII]]-ē [_{V'} [_{DP}[_{NP} jaIq]-i]-n aljaʔ-]]
 Али.N-D-VTR дорога.N-D-VTR строить.VTR

Следовательно, нам необходимо каким-то способом имплементировать в теории «зависимый», «условный» характер эргатива: эргативное маркирование внешнего аргумента возможно лишь тогда, когда у глагола уже есть (номинативный) внутренний аргумент. Как представляется, условие такого рода аналогично ограничению, которое Д. Песецкий независимо предлагает для русского языка: только тот элемент, чьи требования к комплементу были удовлетворены, может выступать как приписыватель признака⁵⁶. Можно предположить, что в цахурском языке глагол должен заполнить все свои аргументные позиции (т.е. освободиться от всех своих тета-ролей), чтобы получить способность приписывать признаки составляющим, с которыми он соединяется. Если это допущение верно, то при соединении переходного глагола с внутренним аргументом в (5.122a) копирования категориального признака глагола на DP не произойдет, поскольку глагол еще не удовлетворил все свои требования к аргументам. Только второе соединение, в результате которого глагол заполняет все аргументные позиции (5.122b), приводит к копированию признака VTR на аргументную именную группу, и таким образом только внешний аргумент получает эргативную морфологию (5.122c)⁵⁷.

⁵⁵ Из соображений краткости в этом разделе я отступаю от аргументированного выше в 5.3.1 расширенного представления глагольной области в виде ларсоновой структуры и принимаю упрощенную версию архитектуры глагольной группы, где внешний и внутренний аргументы проецируются внутри группы лексического глагола. Никакие компоненты развиваемого анализа не опираются на это допущение; однако для структуры, включающей глагольные оболочки, источниками реляционных падежей были бы разновидности (flavors) легкого глагола, а лексический глагол не приписывал бы падежей.

⁵⁶ "...only an element whose complementation requirements have been met qualifies as a feature assigner" [Pesetsky 2013: 28].

⁵⁷ Заметим, что в отличие от анализа в [Pesetsky 2013], наша система не требует постулирования операции *undermerge* для использования ограничения на приписыватель признака.

- (5.122)a. [V' [DP_[NP jaIq]-∅] alja?-]
 дорога.N-D строить.VTR < ~~∅_{INT}~~, ∅_{EXT} >
- b. [VP [DP [NP aIIi]] [V' [DP_[NP jaIq]-∅] alja?-]
 Али.N-D дорога.N-D строить.VTR < ~~∅_{INT}~~, ~~∅_{EXT}~~ >
- c. [VP [DP [NP aIIi]]-ē [V' [DP_[NP jaIq]-∅] alja?-]
 Али.N-D-VTR дорога.N-D строить.VTR < ~~∅_{INT}~~, ~~∅_{EXT}~~ >

Аналогичный анализ получают аффектив (категориальный ярлык VEXP) и посессив (категориальный ярлык VBE): их реализация также зависима от наличия номинативного внутреннего аргумента.

В этом месте следует сделать одно важное замечание. Предлагаемый анализ противопоставляет три реляционных падежа (эргатив, аффектив и посессив) как приписываемые глаголом прочим реляционным падежам (датив, комитатив) и пространственным падежам. В этом подход, принятый в настоящем разделе, существенно расходится с широко известным анализом эргатива как косвенного падежа, возможно, экспонента морфологически неполноценного послелого или приписываемого нулевым (фонологически неполноценным) послелогом, аналогичного английскому предлогу *by*, вводящему агентивное дополнение при пассиве и при предметных именах (*a dress by Dior* ‘платье от Диора’), см., например, [Carstens 2000; Asbury 2008; Markman, Grashchenkov 2012].

Решение рассматривать три «глагольных» падежа отдельно от «послеложных» опирается на их дистрибуцию. Во-первых, все «послеложные» падежи могут быть приписаны фонологически выраженными послелогом, однако в цахурском языке не существует послелогов, приписывающих эргатив, аффектив или посессив. Во-вторых, поверх «глагольных» падежей никогда не располагается иная морфология, в то время как поверх «послеложных» падежей может быть приписан атрибутив, ср. (5.110с). В рамках принятого здесь подхода эти свойства трех «глагольных» падежей получают принципиальное объяснение при учете двух правдоподобных допущений: (i) что эти падежи возникают только в проекции глагола и (ii) что проекция глагола (или вышестоящая проекция клаузы) представляет собой барьер для приписывания признаков, так что при соединении клаузы с существительным атрибутивная морфология не будет приписана именным группам — составляющим клаузы.

Последний вопрос, касающийся ассоциации падежей с частеречными ярлыками, касается послелогов и «послеложных» падежей. Обнаруживается, что цахурские послелогом делятся на два класса. Первый класс, который мы вкратце обсуждали выше, включает послелогом, управляющие дативом, комитативом или пространственными падежами. Второй класс составляют послелогом, управляющие DP в атрибутивной форме. Важная особенность этого управления состоит в том, что всегда используется форма косвенного аргумента. Выбор

формы атрибутивного показателя, однако, не удивителен, если учесть, что такие послелого морфологически производны и представляют собой обычно косвенный падеж независимо засвидетельствованного реляционного имени с локативной семантикой (перед, зад, верх и т.п.). Соответственно, мы ожидаем, что послеложные группы такого типа будут структурно идентичны косвенным формам «генитивных конструкций» типа (5.113b), что подтверждается языковыми данными. Так, послеложная группа ‘за деревом’ в (5.123a) структурно идентична косвеннопадежной именной группе ‘на спине Байрама’ (5.123b), где существительное *jilq'* ‘спина’ используется в своем прямом, лексическом значении. Более того, конструкция в (5.123b) неоднозначна между двумя интерпретациями, поскольку зависимая DP ‘Байрам’ совместима и с лексическим, и с функциональным значением существительного *jilq'* ‘спина, задняя часть’.

- (5.123)a.   *jiw-ni*   *jiIq'-a-lj*
                   дерево-AOBL зад-OBL-SUP
                   ‘за деревом’
- b.   *bajram-ni*   *jiIq'-a-lj*
                   Байрам-AOBL спина-OBL-SUP
                   ‘на спине Байрама’ / ‘за Байрамом’

Подводя промежуточные итоги, можно заключить, что имеются существенные свидетельства в пользу того, что цахурская падежная морфология отражает иерархию вложений именной группы посредством копирования категориальных ярлыков подчиняющих вершин. Далее мы более подробно остановимся на процессе копирования признаков и обсудим роль прототипа в этом процессе.

Напомним, что в системе, разработанной Д. Песецким для русского языка, приписывание признаков от вершины к зависимому опосредуется прототипом — категориальным «шаблоном» вершины, обладающим означенным категориальным признаком и всеми свойственными данной категории признаками в их неозначенном варианте. Представляется, однако, что предположение Песецкого слишком сильное, и что категориальный признак не обязательно является единственным означенным признаком прототипа. Действительно, в русском языке из всех формальных признаков, определенных на DP, только признак падежа (т.е., в нашей системе, категориальный признак доминирующей вершины) определяется вне данной DP. Однако это не единственный возможный тип языка. Начнем с того, что следует разграничивать два варианта одного и того же признака: интерпретируемый (и, согласно [Chomsky 2000], означенный на данной вершине до вступления

в деривацию), и неинтерпретируемый (и означиваемый в процессе согласования)⁵⁸. Обычно эти ипостаси признака распределены между синтаксическими категориями. Так, признаки лица и числа интерпретируемы на именной группе, но неинтерпретируемы для V или T. Но возможно также, чтобы оба варианта признака были представлены на одной и той же категории. Во многих языках именная вершина в посессивной конструкции согласуется с посессором в лице, числе или именном классе. В примере (5.124) из татарского языка именная вершина *bala* ‘ребенок’ несет на себе показатель 1-го лица множественного числа, отражающий согласование с генитивным посессором. Вне зависимости от того, характеризует ли данная морфология N или D, этот факт показывает, что α может согласовываться с β по признаку F, который уже имеется у α в своем означенном варианте. Разумеется, означивание неинтерпретируемого варианта признака F (uF) на α в результате согласования не оказывает влияния на значение интерпретируемого варианта признака F (iF) на той же составляющей α . (5.124) ясно показывает, что несмотря на наличие аффикса 1PL у вершинного имени *bala* ‘ребенок’ сама DP *beznej balabiz* ‘наш ребенок’ имеет признаки 3SG⁵⁹.

⁵⁸ Следует отметить, что эту идею мы находим уже в ранних работах А.Е. Кибрика, см. [Кибрик 1977] и переработанную версию той же статьи в [Кибрик 1992]. Подробный анализ подхода А.Е. Кибрика представлен в [Лютикова, Татевосов 2014].

⁵⁹ Интересно, однако, что существуют случаи предикативного согласования с посессором, опосредованные согласованием с посессором внутри именной группы. В [Ландер 2015] приводится следующий пример из тантынского даргинского:

(i)	a.	hit-a-la	č'aʔrt-se	ɣ-ag	te-ɣ.
		тот-OBL-GEN	тонкий-ATR	F-талия	быть-F
		‘У нее тонкая талия.’			
	b.	hit-a-la	č'aʔrt-se	w-ag	te-w.
		тот-OBL-GEN	тонкий-ATR	M-талия	быть-M
		‘У него тонкая талия.’			
	c.	zimizal-la	č'aʔrt-se	b-ag	te-b.
		муравей-GEN	тонкий-ATR	N-талия	быть-N
		‘У муравья тонкая талия.’			

В (i) существительное *-ag* ‘талия’, имеющее позицию для согласования по классу и числу, согласуется с генитивным посессором и, по-видимому, приобретает его ф-признаки. Предикативное согласование опирается на признаки именной группы — контролера согласования, которые в данном случае представляют собой согласовательный вариант признаков [Ландер 2011; Сумбатова, Ландер 2014]. Согласование с посессором засвидетельствовано и в некоторых других языках, например, в паумари [Aikhenvald 2010] и жаравара [Dixon 2000]. По-видимому, этот феномен не однороден с эмпирической точки зрения. Так, в тантынском даргинском существительные, образующие такую конструкцию, представляют собой закрытый семантический класс (некоторые наименования частей тела и слово ‘половина’) и закрытый грамматический класс (они имеют позицию для префиксального классно-числового показателя и тем самым всегда употребляются только с выраженным или имплицитным посессором). Поэтому можно считать, что в тантынском даргинском эти существительные не имеют

- (5.124) bez-neŋ bala-bɪz kil-de-∅ / *kil-de-k.
 мы-GEN ребенок-1PL приходит- PST-3SG / *приходит- PST-1PL
 ‘Наш ребенок пришел.’

Если это рассуждение верно, то ничто не препятствует тому, чтобы у прототипа был означен не только категориальный признак, но и другой (другие) признаки. Так, если прототип α^* содержит признак F со значением φ , то этот признак может быть реализован на β как неинтерпретируемый признак uF . Представляется, что именно это происходит в багвалинском языке (андийский/нахско-дагестанский), где суффикс генитива у существительных мужского класса представляет собой согласовательный классно-числовой показатель [Кибрик (ред.) 2001]⁶⁰.

- (5.125)a.   *ima-š̄u-b*   *X_oan*
 отец-OBL-GEN.N   лошадь.N
 ‘лошадь отца’
- b.   *ima-š̄u-r*   *X_oan-i*
 отец-OBL-GEN.N.PL   лошадь.N-PL
 ‘лошади отца’
- c.   *ima-š̄u-j*   *jaš*
 отец-OBL-GEN.F   сестра.F
 ‘сестра отца’

Возвращаясь к цахурскому материалу, можно представить согласуемый атрибутивный показатель как реализацию на составляющей прототипа, содержащего означенный категориальный признак, а также признаки класса и числа. Данные признаки, как и категориальный (падежный) признак, на составляющей будут выступать в своем неинтерпретируемом варианте.

С учетом этих рассуждений обратимся теперь к реализации прототипа N^* в цахурском языке. Опираясь на существенный параллелизм в дистрибуции русского генитива и

означенной категории класса и должны означить ее в процессе деривации — путем согласования (ср. сходный анализ для русских существительных «общего рода» типа *сирота, неряха* в [Лютикова 2015]). В паумари ситуация более сложная: во-первых, феномен предикативного согласования с посессором распространяется на все конструкции неотчуждаемой принадлежности, а во-вторых, именная вершина имеет собственный признак согласовательного класса, который проявляется при отсутствии посессора и в случае, если данное существительное выступает посессором.

Выражаю признательность Ю.А. Ландеру и М.А. Даниэлю за обсуждение данного вопроса и языковые данные.

⁶⁰ В принципе, сходный анализ допускают и русские притяжательные прилагательные типа *Машин, тётин*.

французского предлога *de*, Песецкий высказывает предположение, что реализация прототипа в разных языках может происходить по-разному [Pesetsky 2013: 99ff]. Реализация «русского типа» использует словоизменительную морфологию, которая характеризует все именные компоненты DP. При реализации «французского типа» экспонентом прототипа оказывается синтаксическая вершина, примыкающая к зависимой составляющей. По-видимому, цахурский язык занимает в этом отношении промежуточное положение между двумя крайними точками шкалы. С одной стороны, падежные и атрибутивные показатели располагаются на именных вершинах и представляют собой словоизменительные морфемы; более того, максимальные проекции первого уровня вложения внутри DP несут на себе экспоненты прототипа, с которыми соединилась данная DP. Так, в (5.126b) прототип PDAT^{*} (опосредующий соединение DP из (5.126a) и фонологически пустого послелога PDAT) реализуется как на вершинном существительном *gade* ‘мальчик’ (как аффикс дательного падежа), так и на всех модификаторах, вложенных в данную DP (как показатель косвенного атрибутива).

- (5.126)a. haj-na āli maIktab-ē-qa ark'in-na akel-i-k_oa-na gade
 этот-AA высокий школа-IN-ALL 5.приходить.PF-AA ум-OBL-COMIT-AA мальчик
 ‘этот умный парень, который поступил в университет’
- b. haj-ni āli maIktab-ē-qa ark'in-ni akel-i-k_oa-ni
 этот-AOBL высокий школа-IN-ALL 5.приходить.PF-AOBL ум-OBL-COMIT-AOBL
 gade-j-s
 мальчик-OBL-DAT
 ‘этому умному парню, который поступил в университет’

С другой стороны, составляющие иных синтаксических категорий непроницаемы для реализации вышестоящего прототипа на вложенных в них XP. Так, в (5.127a) прототип N^{*} соединяется с малой клаузой, возглавляемой частицей *na* (омонимичной одному из атрибутивных аффиксов). DP *zerana n_{jak}* ‘коровье молоко’ стоит в номинативе, что видно по форме атрибутивного суффикса. Если бы прототип N^{*} «просочился» через PredP, мы ожидали бы увидеть атрибутивную морфологию на существительном ‘молоко’ и, соответственно, показатель косвенного атрибутива на вложенной DP ‘коровы’. Пример (5.127b) показывает, что CP также непрозрачна и не позволяет прототипу N^{*} реализовываться на именных группах, вложенных в клаузу. Наконец, в (5.127c) прототип N^{*} реализуется на границе послеложной группы, но не может просочиться к DP-комplementу послелога.

- (5.127)a. [PredP [DP zer-a-na n_{jak}]-na] na jiq'
 корова-OBL-AA молоко.3-PRED-AA суп.3
 ‘суп на коровьем молоке’ [Кибрик (ред.) 1999: 387 (109a)]

- b. [CP Xalq'-i-n k'art'if-ā-r ajʔe]-n žiga
 народ-OBL-ERG картофель-PL-NOM сажать.IPF-A место.4
 'место, где люди сажают картофель'
- c. [PP č'ij-e-lj uRa]-n samaljot
 земля-OBL-SUP над-A самолет.4
 'самолет над землей'

Таким образом, в цахурском языке противопоставляются два типа категорий: существительные и прочие категории. Во-первых, только существительные допускают реализацию прототипа как словоизменительной категории, на уровне слова. Если учесть, что и сам прототип N^{*} является существительным, возникает простое обобщение о словоизменительной реализации прототипа в цахурском языке: только вершины с категориальным признаком N могут реализовывать прототип на уровне слова. Во-вторых, только именные составляющие (NP и DP) прозрачны для просачивания прототипа. Можно предположить, что указанные свойства взаимосвязаны; это предположение, однако, нуждается в типологической проверке и теоретическом обосновании.

Еще один вопрос, связанный со структурой прототипа, касается интерпретируемости его признаков. Как уже указывалось выше, если прототип α^* содержит признак F со значением ϕ , то этот признак может быть реализован на β как неинтерпретируемый вариант признака F со значением ϕ ($uF: \phi$). Попробуем понять, каков статус признака F у прототипа. Если представлять себе реализацию прототипа как *согласование* β с прототипом по признаку F и дальнейшую реализацию полученного значения морфологическими средствами, то признак F прототипа может быть в принципе как интерпретируемым, так и неинтерпретируемым. Но если экспоненты фразового уровня, прилегающие к β , и есть *реализация самого прототипа*, то признак F прототипа может быть только неинтерпретируемым.

Соединение некоторой DP с существительным мужского класса множественного числа не превращает экстенционал данной DP в группу мужчин. Аналогичным образом, соединяя DP и послелог, мы не *превращаем* данную DP в послелог. Связанная с послелогом морфология, оформляющая DP, сообщает, что DP *находится в проекции* послелога. Это чисто синтаксическая, конфигурационная информация, которая не оказывает влияния на интерпретацию DP. Следовательно, категориальный признак прототипа в общем случае неинтерпретируем.

Бывают ли случаи, когда категориальный признак прототипа интерпретируем? По-видимому, это случаи конверсии, или изменения синтаксической категории. Соединяя составляющую категории X или категориально-нейтральный корень с прототипом,

содержащим интерпретируемый категориальный признак, мы присвоим составляющей синтаксическую категорию прототипа.

В цахурском языке имеется продуктивный механизм субстантивации, который можно представлять себе как соединение составляющей любой категории с прототипом N^* , содержащим интерпретируемый категориальный признак (и признак именного класса). В (5.128) приводятся примеры субстантивированных составляющих различных исходных категорий. В (5.128a) показано указательное местоимение *ta* ‘этот’, которое при субстантивации используется как анафорическое местоимение. (5.128b) представляет собой пример безвершинного относительного предложения. Некоторые субстантивированные группы получают идиоматическое значение — так, лексема со значением ‘обувь’ буквально означает ‘то, что на ноге’, и является субстантивированной послеложной группой.

- (5.128)a.   *ma-n-Gi-s*
               этот-A-OBL.2-DAT
               ‘ей’
- b.   [*mič'āIr   ek'ra   suRoc*]-in-Gu-s
               утром   рано   вставить.PF-A-OBL.1-DAT
               ‘рано утром вставшему’
- c.   *Gel-i-l-in*
               нога-OBL-SUP-A
               ‘обувь’

Морфологическая структура субстантивированных составляющих свидетельствует о том, что грамматическим средством субстантивации выступает атрибутивный показатель. Этот факт хорошо соотносится с нашим предыдущим утверждением, что атрибутивный показатель является реализацией прототипа N^* (ср. (5.115b)). Однако, необходимо различать два варианта прототипа N^* : «субстантивирующий» прототип iN^* с интерпретируемым категориальным признаком и «согласовательный» прототип uN^* с неинтерпретируемым категориальным признаком. Отличие двух прототипов критически важно при озвучивании. Так, лексема *ta* ‘этот’ в (5.129a) и (5.129b) несет на себе один и тот же кортеж категориальных ярлыков (т.е. прототипов), как это показано в (5.130a-b). Единственное отличие между двумя кортежами состоит в том, что у (5.129a) кортеж начинается с «согласовательного» прототипа uN^* (ср. (5.130a)), а у (5.129b) первым ярлыком кортежа является «субстантивирующий» прототип iN^* (5.130b).

(5.129)a.   ma-ni   zaIʔfa-j-s
 этот-АОВЛ   женщина-ОВЛ-DAT
 ‘этой женщине’

b.   ma-n-Gi-s
 этот-A-ОВЛ.2-DAT
 ‘ей’

(5.130)a.   этот   *-iN[•]*   *-D[•]*   *-PDAT[•]*   женщина.N   *-D[•]*   *-PDAT[•]*
 √   -AOBL   √.N   -NOM/OBL   -DAT
 ma   -ni   zaIʔfa   -j   -s
 ‘этой женщине’

b.   этот   *-iN[•]*   *-D[•]*   *-PDAT[•]*
 √   -AA   -OBL   -DAT
 ma   -n   -Gi   -s
 ‘ей’

Учитывая эти данные, мы можем теперь переформулировать правила реализации прототипа: кортеж прототипов, начинающийся с прототипа $iN^{\bullet}$ и содержащий как минимум еще один прототип из множества $\{V^{\bullet}, P^{\bullet}, N^{\bullet}\}$ реализуется кумулятивно как косвенный атрибутивный показатель. В противном случае каждый прототип реализуется по отдельности посредством соответствующих словоизменительных показателей или экспонентов фразового уровня.

Последний вопрос, который мы обсудим в данном разделе, связан с локальными ограничениями на приписывание признаков в цахурском языке. Следует сразу отметить, что предположительно локальные ограничения в значительной степени затемнены специфическими правилами реализации прототипа. Как было показано выше, неизменные составляющие допускают лишь реализацию прототипа на фразовом уровне и не допускают его просачивания внутрь. Единственный тип составляющих, допускающих просачивание прототипа через свои границы — это именные составляющие, NP и DP. Однако модификаторы внутри именной группы содержат прототип $iN^{\bullet}$, в результате чего не различают принципиально важных случаев. Какие бы последующие прототипы к ним ни просачивались, любой кортеж прототипов, который мог бы на них возникнуть — $-iN^{\bullet}-D^{\bullet}-PDAT^{\bullet}$, $-iN^{\bullet}-D^{\bullet}-N^{\bullet}$, $-iN^{\bullet}-D^{\bullet}-PDAT^{\bullet}-N^{\bullet}$, $-iN^{\bullet}-D^{\bullet}-PDAT^{\bullet}-N^{\bullet}-D^{\bullet}-VTR^{\bullet}$, и т.п. — неизменно реализовывался бы как *portmanteau*-морфема *-ni* (косвенный атрибутивный показатель). В этой связи локальные ограничения на приписывание признака в цахурском языке невозможно выявить эмпирически.

Существенный интерес представляет, однако, необычная «нелокальность» приписывания признаков через границы DP. Предположим, что последовательность

приписывания признаков и озвучивания применительно к материалу, входящему в одну фазу, выглядит как предложено в [Pesetsky 2013] и представлено в (5.131):

(5.131) Последовательность операций, релевантных для озвучивания фазы Φ ⁶¹

Шаг 1: Синтаксис создает фазовую составляющую Φ .

Шаг 2: Фазовая составляющая Φ соединяется с α .

Шаг 3: Происходит приписывание признаков.

Шаг 4: Происходит озвучивание фазы Φ (что делает ее недоступной для дальнейших операций приписывания признаков).

В русском языке и в языке ладил последовательность (5.131) вкуче с допущением, что DP является фазой, правильно предсказывает, что что приписывание признаков через границу DP ограничено признаками того элемента, с которым эта DP непосредственно соединяется. Иными словами, чтобы предсказать морфологический облик данной DP, необходимо подождать, пока она не вступит в первое соединение⁶².

Обратимся теперь к цахурскому примеру (5.132). Нас будет интересовать вопрос, на сколько должно быть отложено озвучивание DP *XoI* ‘мука’ после ее создания. В (5.132a) показано первое соединение этой DP с существительным *mašuk* ‘мешок’. Происходит приписывание признаков, и на DP реализуется прототип iN^* . Если бы DP претерпела озвучивание в данный момент, она имела бы форму *XoIjna*, как в (5.132a). Но окончательное морфологическое представление данной именной группы может измениться, если вышестоящая именная группа, в свою очередь, подвергнется соединению, запускающему процесс приписывания признаков (5.132b). Только после этого нижняя DP становится недоступна для дальнейшего приписывания признаков, или, точнее, больше не может их выразить морфологически.

(5.132)a. [DP [DP XoI-j-na] mašuk]
 мука-OBL-AA мешок.3
 ‘мешок муки’

⁶¹ «Timing of operations relevant to Spell-Out of a phase Φ :

Step 1: The syntax constructs Φ .

Step 2: Merge (α , Φ).

Step 3: FA applies.

Step 4: Spell-Out applies to Φ (freezing it for further applications of FA)» [Pesetsky 2013: 88].

⁶² Легко видеть, что в результате мы приходим к иной формулировке локальности управления из (5.38) или (5.49).

- b. [DP [DP [DP XoI-j-ni] maʃuk-a-na] qʻimat]
 мука-OBL-AOBL мешок.3-OBL-AA цена.3
 ‘цена мешка муки’

Как можно проанализировать эту «отсроченную активность» DP в цахурском языке по сравнению с русским или ладил? Одна возможность — считать, что DP в цахурском языке не является фазой. В отсутствие явных синтаксических свидетельств фазового характера цахурской DP такой вариант нельзя исключать. Но предположим, что DP в цахурском языке проявляет свойства фазы. В этом случае, можно предложить два варианта решения проблемы. Во-первых, мы можем слегка изменить (5.131), так чтобы вершина (и спецификаторы) фазы не были затронуты озвучиванием:

(5.133) Последовательность операций, релевантных для озвучивания фазы Ф⁶³

Шаг 1: Синтаксис создает фазовую составляющую Ф.

Шаг 2: Фазовая составляющая Ф соединяется с α.

Шаг 3: Происходит приписывание признаков.

Шаг 4: Происходит озвучивание **комплемента** фазы Ф (что делает его недоступным для дальнейших операций приписывания признаков).

(5.133) заблокирует изменения не в самой DP, а в ее комплементе — NP. Для того, чтобы «спасти» вершину N от раннего озвучивания, следует предположить ее выдвижение из NP. Очевидной мишенью такого выдвижения будет D, что хорошо соотносится с тем фактом, что признаки N оказывают влияние на форму показателя номинатива и косвенной основы.

Во-вторых, можно предположить, что с отправкой фазовой составляющей на озвучивание непроницаемой становится только ее синтаксическая репрезентация, в то время как собственно озвучивание, т.е. создание фонологической репрезентации, может быть отложено до тех пор, пока не завершится деривация всего предложения⁶⁴. Только после этого

⁶³ «Timing of operations relevant to Spell-Out of a phase Ф:

Step 1: The syntax constructs Ф.

Step 2: Merge (α, Ф).

Step 3: FA applies.

Step 4: Spell-Out applies to Ф (freezing it for further applications of FA)» [Pesetsky 2013: 88].

⁶⁴ Подобное решение предлагает Д. Песецкий для озвучивания генитива в ладил [Pesetsky 2013: 102–110]. Похожую идею высказывает также Норвин Ричардс [Richards 2007]: он предполагает, что озвучивание фазовой составляющей может быть отсрочено до тех пор, пока она не будет отправлена на интерпретацию (LF), так что внешняя для данной фазы морфология окажется примыкающей к ней в фонологической репрезентации, однако не сможет просочиться внутрь фазы.

задействуются правила реализации прототипов. Если исходить из этого предположения, то косвенный атрибутивный показатель в (5.132b) может рассматриваться как озвучивающий конкатенацию словоизменительной морфологии (расположенной внутри фазы) и фразовой реализации прототипа (расположенного вне фазы), как это представлено в (5.134).

(5.134)	[_{DP} [_{DP} [_{DP} мука.N	-D	-N]-D [•] -N [•]	мешок.N-D-N]-D [•]	цена	-D]
	√.N	-OBL	-AOBL	√.N	-OBL-AA-NOM	√.N -NOM
	XoI	-j	-ni	maʃuk	-a -na -∅	qʻimat -∅
	‘цена мешка муки’					

Какое из решений считать предпочтительным, очевидно, зависит от наличия эмпирических данных, независимо подтверждающих необходимые для каждого из предложенных вариантов допущения. Поиск такого рода данных может составить одно из направлений дальнейших исследований.

Подводя итог обсуждению цахурской падежной проблематики, можно, как кажется, сделать некоторые предварительные выводы о межъязыковой валидности модели накладывающихся падежей в целом и ее реализации в духе [Pesetsky 2013] в частности.

Идея, лежащая в основе модели — что падежная морфология является реализацией некоторого другого признака, интерпретируемого на категории, отличной от именной группы, — эффективно решает проблему специфики падежа. Следующей задачей становится выбор такого признака. Поскольку межъязыковое варьирование в падежной области, и даже в области грамматических падежей, достаточно велико, гипотеза о признаке времени как интерпретируемом варианте структурного падежа едва ли будет иметь широкое эмпирическое покрытие; более того, состав падежной системы языка, как кажется, не обнаруживает существенных корреляций ни с устройством его временной системы, ни с какими бы то ни было значимыми оппозициями в этой области. Намного более многообещающей является гипотеза о падеже как экспоненте синтаксической категории доминирующей составляющей. Эта гипотеза удачным образом соединяет традиционное понятие категориального управления и с теоретической потребностью минималистского подхода в полной интерпретируемости признаков, задействованных в деривации. Материал цахурского языка показывает, что представление о падеже (и смежных категориях, таких как атрибутив и тип основы) как способе реализации категориального признака может быть осмысленно применено к языку принципиально иного строя по сравнению с русским или французским.

Оставаясь в рамках данной гипотезы, мы можем сосредоточиться на универсальных закономерностях и параметрах межъязыкового варьирования в механизмах копирования и реализации категориального признака. Предположение Песецкого состоит в том, что прототип

— универсальный способ приписывания признаков от α к β ; что категорию основы в лексиконе определяет соединение категориально-нейтрального корня с категориальным прототипом; и что реализация прототипа может осуществляться как словоизменительными, так и синтаксическими средствами, в зависимости от морфологического строя языка. Предпринятое исследование подтвердило релевантность прототипа в процессе приписывания признаков и возможность разных способов его реализации. Однако некоторые предположительно универсальные свойства прототипа не отвечают эмпирическим данным цахурского языка и должны быть переосмыслены как языковые параметры. Во-первых, признаковый состав прототипа, в частности, набор означенных признаков, допускает варьирование: вопреки предположению Песецкого, что только категориальный признак прототипа означен [Pesetsky 2013: 97]⁶⁵, согласуемый атрибутив цахурского языка (равно как и согласуемый генитив багвалинского языка) свидетельствует о том, что прототип N^* имеет означенные признаки класса и числа. Более того, если такой прототип превращает в существительное категориально-нейтральный корень, то ингерентные признаки этого существительного (класс, род, а в теории Песецкого — и число) должны быть означены на прототипе. Во-вторых, хотя в цахурском языке прототип N^* , ассоциируемый с атрибутивной морфологией, действительно задействуется в процессе субстантивации, оказывается, что «субстантивирующий» и «согласовательный» прототипы по-разному озвучиваются, а значит, должны отличаться по своим признакам. Естественно предположить, что таким отличием является интерпретируемость категориального признака прототипа: прототип с интерпретируемым категориальным признаком N превращает составляющую в существительное, прототип с неинтерпретируемым признаком N сигнализирует о вхождении составляющей в проекцию существительного.

5.5. Выводы по главе 5

В рамках данной главы мы мотивировали синтаксический подход к исследованию падежа как грамматической категории, свойственной именным группам и регулирующей дистрибуцию именных групп во внешнем синтаксическом контексте. Глава начинается с общетеоретического введения в падежную проблематику: рассматривается соотношение между падежом и управлением, вводится дихотомия структурных (грамматических) и лексических

⁶⁵ «A feature matrix α^* is the *prototype* of a lexical item α whose part of speech is x if and only if

a. for every feature F of some lexical item in x , $F \in \alpha^*$; and

b. for every feature $F \in \alpha^*$, F is valued if and only if F is a part-of-speech feature» [Pesetsky 2013: 97].

падежей, обсуждается взаимодействие грамматических и семантических факторов, влияющих на выбор падежной граммемы.

Указанные теоретические положения служат основой для обсуждения теории падежа генеративной грамматики — ее возникновения, логики ее развития и современных исследований. В разделе 5.1 рассказывается о возникновении падежного фильтра — гипотезы о падеже как лицензоре именной группы в синтаксической структуре. Благодаря этой функции падеж становится важнейшим теоретическим понятием, а правила получения именной группой падежа рассматриваются как ядерный компонент грамматики. В разделе 5.2 обсуждается первая формальная Теория падежа генеративной грамматики, опирающаяся на понятие управления. Управление становится одним из двух центральных межмодульных понятий теории и дает название этапу развития генеративной грамматики — Теория управления и связывания.

Раздел 5.3 посвящен поискам универсального механизма падежного маркирования. Теория управления и связывания допускала различные условия для приписывания разных падежей, так что специфика этих условий была ограничена в очень слабой степени. В раннем минимализме неоднократно пересматривается механизм соотнесения именной группы с ее падежным признаком, однако за этими теоретическими поисками неизменно стоит одна идея: свести доступные в теории способы падежного взаимодействия к единой конфигурации. Современная модель приписывания структурного падежа базируется на согласовании структурно приоритетной вершины-приписывателя падежа с ближайшей именной группой-получателем падежа.

В рамках теоретической программы минимализма впервые ставится вопрос о природе падежного признака: интерпретируем ли падеж? и если да, как его значение связано с лицензированием именных групп? Обсуждению этой проблематики посвящен раздел 5.4. В последние 10–15 лет в рамках генеративной парадигмы возникают новые теории, призванные пролить свет на интерпретируемость падежа и на появление значения падежного признака в синтаксисе. Одна из таких теорий — гипотеза о том, что падеж в действительности представляет собой некоторый «дополнительный» признак, реализуемый на именной группе в своем согласовательном варианте. В качестве такого дополнительного признака рассматривались различные грамматические категории. Наибольший интерес представляет подход, связывающий падежные граммемы с синтаксической категорией управляющих вершин. В рамках этого подхода Д. Песецкий анализирует русскую падежную морфологию (изложение анализа и его оценка представлены в разделе 5.4.1); затем, в разделе 5.4.2, предлагается оригинальный анализ цахурской падежной грамматики в теории накладывающихся падежей.

Итак, генеративный подход к падежу состоит в том, что падеж — это способ лицензирования именной группы в синтаксической структуре предложения. Если это так, то

падеж в конечном итоге определяет синтаксическую дистрибуцию именных групп, то есть их внешний синтаксис. Отсюда следует, что падежный признак должен быть представлен в именных группах любого языка, независимо от того, реализуется ли он в данном языке морфологически.

Соответствие между лицензированием именных групп и наличием морфологического падежа, однако, не всегда тривиально. В следующей главе мы обратимся к проблеме соотношения синтаксического и морфологического падежа, которая наиболее остро встает применительно к двум эмпирическим областям: неканоническим подлежащим аккумулятивных языков и морфологической эргативности.

Глава 6. Морфологический падеж

Генеративная Теория падежа, возникшая как модуль Теории управления и связывания, всегда занималась абстрактным (синтаксическим) падежом — универсальным формальным признаком, которым обладает именная группа в любом языке, независимо от его морфологического строя. Предполагалось, что в языках с развитыми падежными системами абстрактный падеж выражается морфологически: абстрактный номинатив соответствует морфологическому номинативу, абстрактный аккузатив — морфологическому аккузативу, и т.д.

Довольно скоро стало понятно, что эта модель идеализирует соотношение между абстрактным падежом как лицензором именной группы и морфологическим падежом как грамматической словоизменяющей категорией. Во-первых, языки с богатыми падежными системами допускают именные группы в косвенных падежах в таких контекстах, где в английском языке именные группы не лицензируются, т.е. абстрактный падеж отсутствует. Например, в (6.1a) именная группа *his son* ‘его сын’ неграмматична в позиции дополнения прилагательного, но может быть подчинена прилагательному опосредованно, через предлог *of*. Теория падежа объясняет этот факт как неспособность категории А (и способностью категории Р) приписывать абстрактный падеж. Однако в (6.1b) именная группа *своим сыном* возможна в аналогичном контексте. Если Падежный фильтр является всеобъемлющим и в межъязыковом, и во внутриязыковом аспекте, это означает, что именная группа *своим сыном* обладает абстрактным падежом. Следовательно, правила и конфигурации приписывания абстрактного падежа неуниверсальны и зависят от весьма поверхностной характеристики языка — устройства ее падежной системы.

- (6.1) a. proud *(of) his son
           ‘гордый своим сыном’
       b. гордый своим сыном

Во-вторых, оказывается, что именные группы конкретного языка, лицензируемые одной и той же вершиной и по идее имеющие один и тот же абстрактный падеж, могут реализовывать его морфологически по-разному. Так, например, именная группа — подлежащее в исландском языке лицензируется финитной вершиной Т, однако эта именная группа может быть оформлена не только номинативом, но и дативом, генитивом, аккузативом (см. подробнее раздел 6.1). Если

лицензирование именной группы — подлежащего в исландском языке связано с абстрактным падежом, то одному абстрактному падежу соответствует несколько морфологических.

В-третьих, очевидно, что языки существенно отличаются в организации морфосинтаксического кодирования ядерных аргументов: наряду с номинативно-аккузативной схемой, имеется эргативно-абсолютивная (а также ряд менее популярных, но тем не менее засвидетельствованных схем). Если морфологический падеж является экспонентом одноименного абстрактного падежа, то следует признать, что ядерный синтаксис эргативных и аккузативных языков устроен принципиально по-разному, так что между абстрактным номинативом аккузативного языка и абстрактным номинативом эргативного языка нет ничего общего.

Соображения такого рода задали целую программу исследований соотношения морфологического падежа и лицензирования именных групп. Именно на этой проблематике мы сосредоточимся в данной главе. Сперва мы обсудим два наиболее ярких языковых феномена — так называемые «странные подлежащие» (*quirky subjects*⁶⁶) и эргативность — которые связаны с рассогласованием между абстрактным и морфологическим падежом. Затем мы перейдем к конфигурационной теории падежа Марантца, которая отказывается от абстрактного падежа и предлагает исключительно морфологическую трактовку этой категории. Далее мы обсудим попытки синтеза конфигурационного подхода к падежу и представления о падеже как синтаксическом (а не только морфологическом) феномене. Наконец, в конце главы речь пойдет о русском приименном генитиве и возможных анализах, предсказывающих альтернативы в оформлении аргументов при номинализации у носителей русского языка.

6.1. Падеж и подлежащее в исландском языке

Понятие *quirky*-падежа было предложено для обозначения случаев типа (6.2а-с) из исландского языка. В исландском языке морфологически различаются 4 падежа (номинатив,

---

⁶⁶ Доместикация терминов *quirky case* и *quirky subject* вызывает некоторые затруднения. Они определяются на основе родо-видовых отношений (X — это такой Y, что P(Y)), как вид падежа (*case*) и подлежащего (*subject*), [Шелов 1990]. Переводными эквивалентами *quirky* обычно выступают прилагательные со значением ‘странный’, ‘особенный’ (ср. нем. *sonderbarer Kasus*) или используется английский термин (нем. *Quirky-Kasus*, франц. *le sujet quirky*). В русской традиции единственным известным мне вариантом перевода является *прихотливый падеж*, использованный И.М. Кобозевой в переводе статьи Л. Бэбби [Бэбби 1994]. Более широкий термин неноминативное (неканоническое) подлежащее является гиперонимом по отношению к феномену, обозначаемому как *quirky subject*. В дальнейшем изложении я буду пользоваться терминами *quirky-падеж* и *quirky-подлежащее*. Выражаю признательность за обсуждение этого вопроса и полезные ссылки Д. Песецкому, Я.Г. Тестельцу и К.Л. Киселёвой.

генитив, датив, аккузатив). Морфосинтаксическое кодирование аргументов следует аккузативной схеме, номинативное подлежащее выступает контролером предикативного согласования.

В (6.2a) представлена клауза, в которой единственная аргументная именная группа маркируется не именительным, а дательным падежом. В (6.2b) глагол проецирует два аргумента, при этом семантически приоритетная именная группа кодируется дативом, а номинатив оформляет дополнение. В (6.2c) датив используется как падеж единственного дополнения.

- (6.2) a.   Bátnum   hvolfdi.
          лодка.DAT   перевернуться.PST.3SG
          ‘Лодка перевернулась.’
- b.   Barninu   batnaði   veikin.
          ребенок.DAT   выздороветь.PST.3SG   болезнь.NOM
          ‘Ребенок выздоровел от болезни.’
- c.   Ég   hjálpaði   honum.
          я. NOM   помочь.PST.1SG   он.DAT
          ‘Я помог ему.’

В принципе тот факт, что аргумент лексической вершины может получать от этой вершины идиосинкратичный падеж, составляет основу традиционного понятия лексического управления. В Теории управления и связывания такие случаи рассматриваются как приписывание лексической вершиной ингерентного падежа своему аргументу. Ингерентный падеж, таким образом, противопоставляется структурному по нескольким взаимосвязанным параметрам: типу вершины, приписывающей падеж, наличию связи с приписыванием тета-роли, статусу падежа, см. Таблицу 6.1.

Таблица 6.1. Ингерентные и структурные падежи

	Ингерентные	Структурные
Вершина-источник падежа	лексическая	функциональная
Связь с тета-ролью	есть	нет
Регулярность	нерегулярный	регулярный
Статус падежа	идиосинкратичный	дефолтный

Именные группы в ингерентном падеже встречаются в большом числе языков: так, например, в (6.3)–(6.4) демонстрируются примеры из немецкого и русского языка, напоминающие исландские (6.2).

- (6.3) a. **Mir** ist übel.
я.DAT быть.PRS.3SG тошно
'Меня мутит.'
- b. **Mir** gefällt dieser Roman.
я.DAT нравится.PRS.3SG этот.NOM роман.NOM
'Мне нравится этот роман.'
- c. Sie hilft ihm.
она.NOM помогать.PRS.3SG он.DAT
'Она помогает ему.'

- (6.4) a. **Мне** нездоровится.
b. **Мне** нравится эта книга.
c. Она **ему** помогает.

Рассмотрим пример (6.2b) из [Woolford 2006]. В (6.2b) глагол *batnaði* 'выздоровливать' проецирует два (внутренних) аргумента — кто выздоравливает и от чего выздоравливает. По-видимому, именная группа *barninu* 'ребенок' получает ингерентный дательный падеж от лексического глагола, так же, как в русском примере (6.4b) или немецком (6.3b). Внешний параллелизм между (6.2b) и (6.3b)–(6.4b) еще более усиливается тем, что второй аргумент получает именительный падеж и может контролировать согласование финитного глагола: в русском и немецком языке — по всем ф-признакам, в исландском языке — только согласование по числу, см. примеры (6.5) из [Taraldsen 1995: 307].

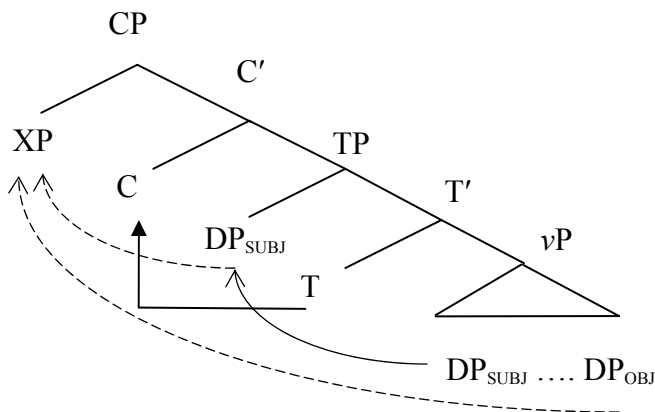
- (6.5) a. Henni leiddust þeir.
она.DAT надоесть.PST.3PL они.NOM
'Они ей наскучили.'
- b. Henni leiddist þeir.
она.DAT надоесть.PST.3SG они.NOM
'Они ей наскучили.'
- c. *Henni leiðumst við.
она.DAT надоесть.PST.1PL мы.NOM
'Мы ей наскучили.'

Однако более глубокий анализ выявляет существенные отличия между исландскими именными группами в ингерентном падеже (6.2) и сходными именными группами немецкого и русского. Специфика исландских примеров, послужившая причиной особого статуса ингерентного датива (и других ингерентных падежей — генитива и аккузатива) как *quirky*-падежа, состоит в том, что маркированные ингерентным падежом именные группы способны

выступать в структурных позициях, ассоциированных со структурным падежом — позиции подлежащего и прямого дополнения.

Наибольшую известность в связи с анализом исландских *quirky*-подлежащих получила работа [Zaenen, Maling, Thráinsson 1985], в которой аргументируется подлежащий статус именных групп в *quirky*-падеже в примерах типа (6.2a-b), а также в примерах с пассивизацией и продвижением *quirky*-дополнения из (6.2c). Для исландского языка расположение именной группы в структурной позиции подлежащего (Spec, TP) не следует из ее линейной позиции (как в английском языке) и нуждается в дополнительном обосновании. Дело в том, что исландский язык относится к так называемым *verb-second* (V2) языкам, или языкам со второй позицией глагола. Составляющая, занимающая предглагольную позицию в независимом повествовательном предложении, имеет статус темы/топики; таким образом, из примеров (6.2) не следует, что предглагольная именная группа является подлежащим. Наиболее авторитетный анализ феномена V2 в германских языках ([den Besten 1983], см. также обзор в [Holmberg 2013]) предполагает, что порядок слов V2 возникает в результате передвижения вершины-носителя признака времени (вспомогательного или лексического глагола) из базовой позиции в T и далее в C. Предглагольная позиция в таком случае оказывается неаргументной и не связанной непосредственно с грамматическим подлежащим. Как подлежащее, так и другие именные группы могут оказаться в предглагольной позиции — Spec,CP — в результате A'-передвижения. В (6.6) представлена гипотетическая деривация порядка V2: во второй позиции располагается спрягаемый глагол — носитель признака времени, передвинувшийся из T в C, а предглагольной позиции соответствует XP в Spec, CP. Как видно из (6.6), передвинуться в предглагольную позицию может как подлежащее (DP_{SUBJ} в Spec, TP), так и другая составляющая, например, DP_{OBJ}.

(6.6)

Есть ли возможность при такой структуре клаузы показать наличие структурного статуса подлежащего у именной группы, не опираясь на ее падежные характеристики и способность контролировать предикативное согласование? По-видимому, да. Во-первых, можно

сопоставлять признаки грамматического приоритета различных аргументных именных групп в фиксированной предглагольной позиции. Отличия в их поведении в таком случае не могут быть связаны с их конечной структурной позицией, поскольку она неизменна, а значит, должны объясняться их различным статусом до передвижения в Spes, CP. Во-вторых, можно обратить внимание, что в соответствии с (6.6) та именная группа, которая располагается сразу за спрягаемым глаголом второй позиции — это подлежащее (Spes, TP), если только оно не стало мишенью передвижения в Spes, CP. Таким образом, если в Spes, CP располагается заведомо не подлежащее (например, сирконстант) или мы имеем дело с клаузой, в которой предглагольная позиция не занята (например, общие вопросы), то мы располагаем линейной диагностикой для структурной позиции подлежащего в исландском языке.

Именно таким образом А. Зейнен, Дж. Мэйлинг и Х. Трайнссон обосновывают субъектный статус *quirky*-подлежащих. Мы рассмотрим здесь лишь несколько аргументов.

Подъему в исландском языке подвергаются только подлежащие, независимо от их падежного оформления. В (6.7) показан пример глагола ‘скучать’, имеющего номинативное подлежащее и генитивное дополнение. Несмотря на то, что и номинативная, и генитивная именная группа могут оказаться в предглагольной позиции (6.7a), (6.7c), только подлежащее — в данном примере номинативная именная группа — может подниматься в главную клаузу при предикатах подъема в объектную позицию (6.7b), (6.7d). Если мы теперь обратимся к предикату ‘казаться’, проецирующему дативный и номинативный аргументы, мы обнаружим, что подъему в главную клаузу поднимается дативная именная группа (6.8a-b)⁶⁷. Следовательно, дативный аргумент данного предиката входит в один структурный класс с номинативным подлежащим.

- (6.7) a. Guðrún saknar Haraldar.
Гудрун.NOM скучает Харальд.GEN
‘Гудрун скучает по Харальду.’
- b. Ég taldi Guðrúnu (í barnaskap mínum) sakna Haraldar.
я считал Гудрун.ACC (по моей глупости) скучать Харальд.GEN
‘По собственной глупости я считал, что Гудрун скучает по Харальду.’
- c. Haraldar saknar Guðrún.
Харальд.GEN скучать Гудрун.NOM
‘По Харальду скучает Гудрун.’
- d. * Ég taldi Haraldar/Harald sakna Guðrún/Guðrúnu.
я считал Харальд.GEN/ACC скучать Гудрун.NOM/ACC
‘Я считал, что по Харальду скучает Гудрун.’

⁶⁷ Аналогичные данные можно получить и с предикатами подъема в позицию подлежащего.

- (6.8) a. Henni hefur alltaf þótt Ólafur leiðinlegur.
она.DAT AUX всегда думать.PART Олаф.NOM скучный.NOM
'Олаф всегда казался ей скучным.'
- b. Ég tel henni hafa alltaf þótt
Я считаю она.DAT AUX всегда думать.PART
Ólafur leiðinlegur.
Олаф.NOM скучный.NOM
'Я считаю, что ей Олаф всегда казался скучным.'

Данные рефлексивизации представлены в (6.9)–(6.10). Как следует из (6.9), при глаголе с номинативно-аккузативной падежной рамкой только номинативное подлежащее способно контролировать рефлексив и не должно быть кореферентно прономиналу; прочие именные группы, даже передвинувшись в предглагольную позицию, такими свойствами не обладают. В (6.10) представлен пример с *quirky*-подлежащим: оно способно связывать рефлексив и не должно связывать прономинал, точно так же, как и номинативное подлежащее в (6.9).

- (6.9) a. Sigga barði mig með dúkkuni sinni/*hennar.
Сигга.NOM ударила я.ACC с кукла своя.ANA/ее.PRON
'Сигга ударила меня своей куклой.'
- b. Ég barði Siggu með dúkkuni *sinni/hennar.
я.NOM ударил Сигга.ACC с кукла своя.ANA/ее.PRON
'Я ударил Сиггу ее куклой.'
- c. Siggu barði ég með dúkkuni *sinni/hennar.
Сигга.ACC ударил я.NOM с кукла своя.ANA/ее.PRON
'Сиггу я ударил ее куклой.'
- (6.10) Henni þykir bróðir sinn / *hennar leiðinlegur.
она.DAT думает брат свой.ANA/*ее.PRON скучный
'Ее брат ей кажется скучным.'

Пример (6.11) аргументирует тезис о подлежащем статусе «заглагольной» именной группы. Хотя дополнение может оказаться левее подлежащего в результате передвижения (6.11a), мишенью такого передвижения может быть только Spec, CP. Если Spec, CP занята другой составляющей (6.11b-c), то подлежащее следует непосредственно за глаголом второй позиции и предшествует дополнению. В предложениях с *quirky*-подлежащим ситуация аналогичная. Дополнение может оказаться левее подлежащего, только занимая позицию Spec, CP (6.12b); в противном случае *quirky*-подлежащее предшествует (номинативному) дополнению, ср. (6.12a) и (6.12c).

- (6.11) a. Refinn skaut Ólafur með þessari byssu.
 лиса.АСС застрелил Олаф.НОМ из своего ружья
 ‘Олаф застрелил лису из своего ружья.’
- b. með þessari byssu skaut Ólafur refinn
 из своего ружья застрелил Олаф.НОМ лиса.АСС
 ‘Из своего ружья Олаф застрелил лису.’
- c. * með þessari byssu skaut refinn Ólafur
 из своего ружья застрелил лиса.АСС Олаф.НОМ
 ‘Из своего ружья лису застрелил Олаф.’
- (6.12) a. Hefur henni alltaf þótt Ólafur leiðinlegur?
 AUX она.DAT всегда думать.PART Олаф.НОМ скучный
 ‘Казался ли ей Олаф всегда скучным?’
- b. Ólafur hefur henni alltaf þótt leiðinlegur.
 Олаф.НОМ AUX она.DAT всегда думать.PART скучный
 ‘Олаф всегда казался ей скучным.’
- c. *Hefur Ólafur henni alltaf þótt leiðinlegur?
 AUX Олаф.НОМ она.DAT всегда думать.PART скучный
 ‘Казался ли Олаф ей всегда скучным?’

Помимо рассмотренных нами аргументов, в пользу субъектного статуса *quirky*-подлежащих свидетельствуют также такие феномены, как извлечение составляющих из придаточных изъяснительных с союзом *að* ‘что’ (возможное только в том случае, если предглагольную позицию занимает подлежащее — номинативное или *quirky*-подлежащее), «заглагольная» позиция неопределенного подлежащего при эксплетиве *það*, эллипсис в сочиненных структурах, соответствие PRO в инфинитивных клаузах.

Специфика исландских *quirky*-подлежащих особенно ярко проявляется при сопоставлении с семантически приоритетными аргументами в ингерентных падежах, не имеющими субъектного статуса. Сравним поведение исландских *quirky*-подлежащих и дополнений и косвенно-падежных подлежащих и дополнений в родственном немецком языке [Wunderlich 1999]. На первый взгляд, немецкие языковые данные параллельны исландским, ср. (6.2) и (6.3), а также (6.13)–(6.14).

- (6.13) a. Er half mir. немецкий
 он.НОМ помогать.3SG я.DAT
- b. Hann hjálpaði mér. исландский
 он.НОМ помогать.3SG я.DAT
 ‘Он мне помог.’
- (6.14) a. Mir wurde geholfen. немецкий
 я.DAT AUX.3SG помогать.PART

- b. Mé^r var hjálpað. исландский
 я.DAT AUX.3SG помогать.PART
 ‘Мне помогли.’

Однако, как показывает Д. Вундерлих, ситуация в немецком языке существенно отличается от исландской. Так, например, в немецком языке именная группа, маркированная ингерентным падежом, не может соответствовать контролируемому PRO в инфинитивном обороте (6.15a); в исландском же это возможно (6.15b).

- (6.15) a. *Ich hoffe geholfen zu werden. немецкий
 я.NOM надеюсь помогать.PART INF AUX
 b. Ég vonast til að verða hjálpað. исландский
 я.NOM надеюсь С INF AUX помогать.PART
 ‘Я надеюсь, что мне помогут.’

Показательно также сопоставление сочинительного сокращения. При сочинении двух клауз в исландском языке подлежащее с любыми падежными характеристиками способно быть контролером и мишенью эллипсиса (6.16b). В немецком языке номинативное подлежащее выступает эллиптическим контекстом только для номинативного подлежащего (6.16a).

- (6.16) a. *Er sagt von sich fleißig zu sein,
 он.NOM говорит о себе старательный INF быть,
 aber ihm käme die Aufgabe zu schwer vor.
 но он.DAT найти.CONJ задача.NOM слишком тяжелый PRV
 b. Hann segist vera duglegur,
 он.NOM говорит.REFL быть старательный,
 en honum finnst verkefnið of þungt.
 но он.DAT находит задание.NOM слишком тяжелый
 ‘Он считает себя старательным, но находит задание слишком тяжелым.’

Наконец, немецкий язык не допускает подъем именных групп, маркированных ингерентным падежом; структурный падеж главной клаузы (в примере (6.17a) — аккузатив) используется для «номинативного» аргумента ‘фильм’. В исландском языке, как мы видели выше, *quirky*-подлежащее претерпевает подъем в главную клаузу, а номинативное дополнение сохраняет свой падеж.

- (6.17) a. ?Ich sah ihm den Film gefallen.
 я.NOM видел он.DAT фильм.ACC нравиться.INF
 ‘Я видел, что ему нравится фильм.’

- b. Ég tel henni líka thessi bók.
я полагаю она.DAT нравится.INF эта книга.NOM
'Я полагаю, что ей нравится эта книга.'

Итак, в исландском языке именные группы, имеющие ингерентный падеж, могут оказываться в структурных позициях подлежащего и прямого дополнения. Этот факт плохо согласуется с положениями генеративной Теории падежа. Чтобы увидеть это, рассмотрим (6.18). При вложении инфинитивной клаузы, возглавляемой предикатом 'выздоровливать', в конструкцию с предикатом подъема оказывается, что, во-первых, именная группа *barninu* 'ребенок' претерпевает подъем, то есть является подлежащим в (6.18a); во-вторых, подъем этой именной группы очевидно не связан с получением падежа, поскольку падеж ею уже получен в зависимой клаузе от лексического глагола; и, в-третьих, именительный падеж именной группы *veikin* 'болезнь' независим от финитного T в (6.18a), поскольку сохраняется в инфинитивном обороте (6.18b). Таким образом, в (6.18) маркированная ингерентным падежом именная группа оказывается в структурной позиции подлежащего — позиции, в которую, согласно Теории падежа, именная группа передвигается за структурным падежом (или, в соответствии с обсуждением в 5.3.2, вследствие согласования с финитной вершиной T — источником структурного падежа).

- (6.18) a. Barninu batnaði veikin.
ребенок.DAT выздороветь.PST.3SG болезнь.NOM
'Ребенок выздоровел от болезни.'
- b. Barninu_i virðist [t_i hafa batnað veikin].
ребенок.DAT казаться.PRS.3SG AUX.INF выздороветь.PART болезнь.NOM
'Ребенок, кажется, выздоровел от болезни.'

Далее, в примере (6.19a) ингерентный датив получает именная группа — дополнение *honum* 'ему'. При пассивизации лексический глагол не теряет способности приписывать ингерентный падеж, так что внутренний аргумент по-прежнему получает датив. Однако, удивительным образом, в (6.19b) он претерпевает передвижение в позицию подлежащего — передвижение, которое считается мотивированным потребностью именной группы в структурном падеже.

- (6.19) a. Ég hjálpaði honum.
я.NOM помогать.PST.1SG он.DAT
'Я помог ему.'

- b. Þeim var hjálpað.
они.DAT AUX.PST.3SG помогать.PART
'Им помогли.'

Итак, *quirky*-падеж — это такой ингерентный падеж, который не препятствует последующему передвижению именной группы в позицию структурного падежа. Соответственно, *quirky*-подлежащие и *quirky*-дополнения — именные группы, находящиеся в соответствующих структурных позициях, но при этом получившие ингерентный падеж от лексической вершины.

Открытие *quirky*-подлежащих стало существенным контраргументом для Теории падежа генеративной грамматики. Описание этого феномена в исландском языке в статье [Zaenen, Maling, Thráinsson 1985] заставило задаться вопросом о статусе не-структурной падежной морфологии: является ли она альтернативной формой лицензирования именных групп, или же нетривиально соответствует абстрактным падежам.

Если принимать к рассмотрению только конструкции с номинативным подлежащим и аккузативным дополнением, то исландский язык демонстрирует тот же круг падежных явлений, что и английский язык, и ведет себя полностью в соответствии с падежной теорией. Номинативное подлежащее лицензируется финитным T, аккузативное дополнение — переходным глаголом (6.20a). При пассивизации глагол теряет способность приписывать аккузатив, и внутренний аргумент претерпевает A-передвижение в Spec, TP (в (6.20b) результат A-передвижения подлежащего не виден из-за его последующего A'-передвижения в предглагольную позицию):

- (6.20) a. Lögreglan tók Sigu fasta.
полиция.NOM брать.PST.3SG Сигга.ACC PRV.ADJ.ACC
'Полиция арестовала Сиггу.'
- b. Sigga var tekin föst af lögreglunni.
Сигга.NOM AUX.PST.3SG брать.PART PRV.ADJ.NOM BY полиция.DAT
'Сигга была арестована полицией.'

В инфинитивных оборотах номинативное подлежащее не лицензируется; при ECM-предикатах подлежащее получает падеж из главной клаузы (6.21b), в противном случае в позиции подлежащего лицензируется PRO (6.21a).

- (6.21) a. Maríu reyndist [PRO/ *hún / *hana / *henni / *hennar
Мария.NOM пытаться.PST.3SG PRO/*она.NOM/ACC/DAT/GEN
kyssa Ólaf].
целовать.INF Олаф.ACC

‘Мария попыталась поцеловать Олафа.’

b. Ég hafði talið [hana vita svarið].
я.NOM AUX.PST.1SG полагать.PART [она.ACC знать.INF ответ.ACC]

‘Я полагал, что она знает ответ.’

Если мы обратимся к не-номинативным подлежащим и не-аккузативным дополнениям, то оказывается, что факторы, воздействующие на лицензирующие способности V (v) и T — пассивизация и нефинитность, соответственно, — не оказывают влияния на падежное оформление *quirky*-подлежащих и дополнений. Неноминативные подлежащие и неаккузативные дополнения сохраняют свой *quirky*-падеж при пассивизации, подъеме в позицию подлежащего и в ЕСМ-структурах, ср. (6.19), (6.18), (6.8b), (6.17b). Эти данные ясно показывают, что *quirky*-падежная морфология не зависит от свойств вершин, приписывающих структурные падежи (T, V/v). При этом, однако, оказывается, что одной только *quirky*-падежной морфологии недостаточно для лицензирования именной группы. Так, при предикате ‘пытаться’, который не относится к ЕСМ-предикатам (ср. (6.21a)), инфинитивный оборот не может содержать никакого фонологически выраженного подлежащего, в том числе и маркированного *quirky*-падежом, ср. (6.22).

(6.22) *Hún reyndist [mér bjóða við setningafræði].
он.NOM пытаться.PST.3SG я.DAT тошнить.INF от синтаксис

‘*Он пытался, чтобы меня тошнило от синтаксиса.’

Данные о дистрибуции исландских *quirky*-подлежащих, представленные выше, вызвали дискуссию о природе морфологического падежа. Сами Зейнен, Мэйлинг и Трайнссон предложили следующую интерпретацию своим данным: поскольку падеж в общем случае не зависит от вершины, лицензирующей именную группу, значит, Теория падежа неверна, и лицензором именной группы является не абстрактный падеж, а некий другой фактор, отдельный от падежного маркирования. В качестве такого фактора можно рассматривать, например, грамматические отношения (синтаксические роли). Если потребность теории лицензирования именных групп в абстрактном падеже отпадает, то нет необходимости рассматривать падеж как универсальную синтаксическую категорию. Отсюда берет свое начало конфигурационный подход к падежу А. Марантца, рассматривающего падеж как поверхностное морфологическое явление некоторых языков.

Однако данные Зейнена, Мэйлинг и Трайнссона могут быть использованы и как аргументы в пользу традиционной теории падежа. Действительно, дистрибуция фонологически выраженных подлежащих в исландском языке совпадает с дистрибуцией фонологически выраженных именных групп в английском языке. В частности, в клаузе лицензируется

подлежащее, если (i) клауза финитная или (ii) клауза инфинитивная и она является компонентом ЕСМ-предиката. *Quirky*-падеж сам по себе неспособен лицензировать именные группы и может рассматриваться как специфическая реализация абстрактного структурного падежа в контексте определенной лексической вершины. В рамках такого подхода, предложенного, в частности, в работах [Cowper 1988; Freidin, Sprouse 1991; Holmberg, Platzack 1995] пересмотру следует подвергнуть не саму теорию (абстрактного) падежа, но предположение о тривиальном соответствии между абстрактным синтаксическим падежом и его морфологической реализацией.

Наконец, следует отметить, что в некоторых случаях не-структурная падежная морфология может выступать единственным лицензором именной группы, так что потребности в абстрактном падеже как лицензоре именной группы не возникает. Так, в примере (6.23) ингерентный творительный падеж лицензирует аргумент лексической основы в любом категориальном контексте, в то время как в (6.24) с лексической основой не связан никакой ингерентный падеж, поэтому лицензором аргументной именной группы может выступить только структурный падеж, возникающий в глагольной (аккузатив) и именной (генитив) синтагме.

- (6.23) а. торгует рыбой
 б. торговля рыбой
 в. торговец рыбой

- (6.24) а. продает рыбу
 б. продажа *рыбу/рыбы
 в. продавец *рыбу/рыбы

Итак, возможные соотношения абстрактного и морфологического падежа в лицензировании именных групп можно обобщить следующим образом:

- (i) абстрактный падеж лицензирует именные группы и морфологически не выражается, либо его морфологическое выражение отражает тип абстрактного падежа (английский);
- (ii) абстрактный падеж лицензирует именные группы, а его морфологическое выражение определяется конкуренцией ингерентного и структурного падежа (исландский);
- (iii) именная группа лицензируется абстрактным или ингерентным падежом (русский)⁶⁸.

⁶⁸ Рассмотрим, однако, «анти-Бурцио»-глаголы в русском языке, где единственный внутренний аргумент оформляется аккузативом (*тошнить*, *знобить* и др.). Этот аккузатив, по-видимому, является ингерентным, т.к. не может варьировать с генитивом отрицания и сомнителен с дистрибутивной конструкцией:

- (i) а. Женщину/*женщины не тошнило.

- собака-PL.ERG-PTC   ребенок   кусать-PL_SU-PRF
 ‘Собаки покусали ребенка.’
- b.   Joni-bo-га   mawa-kan-ke.
 человек-PL-PTC   умирать-PL_SU-PRF
 ‘Люди умерли.’
- c.   Ochiti-nin-га   bake-bo   natex-(*kan)-ke.
 собака-ERG-PTC   ребенок-PL   кусать-(*PL_SU)-PRF
 ‘Собака покусала детей.’

Если же обратиться к синтаксической эргативности, то есть к стратегии выбора оси (пивота) для синтаксических феноменов, то обнаруживается, что эргативная морфология может сочетаться с эргативным, нейтральным или аккузативным синтаксисом [Manning 1996; Bittner, Hale 1996; Legate 2008]. Последовательно эргативный синтаксис демонстрируют единичные эргативные языки; среди них — дирбал [Dixon 1972]. В дирбал такие феномены, как дистрибуция контролируемого PRO и сочинительное сокращение (clause chaining) устроены по эргативной схеме, противопоставляя агенсу переходного глагола (Агентиву, в терминологии А.Е. Кибрика) единственный актанта одноместного и пациенс переходного глагола (Абсолютив).

- (6.26) a.   nguma   banaga-nyu   [PRO yabu-nggu   bura-li].
 отец.ABS   возвращаться-NONFUT (ABS)мать-ERG   видеть-PURP
 ‘Отец_i вернулся, чтобы мать (его_i) увидела.’ [Dixon 1994: 168]
- b.   nguma   yabu-nggu   buran   banaganyu.
 отец.ABS   мать-ERG   видеть.PST   возвращаться.PST
 ‘Мать увидела отца и (отец) вернулся.’ [Dixon 1994: 155]

Существенно чаще, однако, синтаксическая эргативность проявляется лишь в некоторых синтаксических явлениях — в первую очередь это A'-зависимости (способность именной группы выступать мишенью релятивизации, соотноситься с вопросительным местоимением, подвергаться подъему квантора (QR), т.е. иметь более широкую сферу действия, чем предполагает ее линейная позиция). Остальные же феномены демонстрируют нейтральный или аккузативный синтаксис. Так, например, в синтаксически эргативных чукотском (палео-азиатский), сеедик (тайваньский австронезийский), западном гренландском и других инуитских языках (эскимосско-алеутские) только номинативный аргумент может выступать мишенью A'-передвижения, согласование также контролируется номинативной именной группой; однако переходное (эргативное) подлежащее может соответствовать PRO в конструкциях контроля [Aldridge 2004, 2008]. В (6.27)–(6.28) показаны примеры из западного гренландского [Manning 1996: 84, 124]. В относительной клаузе западного гренландского языка мишени релятивизации

соответствует нулевой оператор; он может располагаться в позиции единственного аргумента непереходного глагола (6.27a) и пациентивного аргумента переходного глагола (6.27b), однако не может находиться в позиции агентивного аргумента переходного глагола (6.27c). В (6.28) показано контролируемое PRO инфинитивного оборота в позиции агентивного аргумента переходного глагола. Обратим внимание также на предикативное согласование: в (6.28) контролером согласования инфинитивной формы глагола является абсолютивный аргумент.

- (6.27) a.   miiraq   [e   kamat-tuq]
           ребенок   (ABS) сердит-REL.INTR
           ‘ребенок, который сердится’
- b.   panuq   [Piita-p   e   tuqu-ta-a]
           белый_медведь.ABS Питер-ERG   (ABS) убивать-TR.PART-3SG
           ‘белый медведь, убитый Питером’
- c.   *angut   [e   aallaat   tigu-sima-sa-a]
           человек.ABS (ERG) ружье.ABS   брать-PF-REL.TR-3SG
           ‘человек, который взял ружье’
- (6.28) Miiqqat   [PRO Juuna   iku-ssa-llu-gu]   niriursui-pp-u-t.
           дети.ABS   [(ERG) Джон.ABS   помогать-FUT-INF-3SG]   обещать-IND-INTR-3PL
           ‘Дети пообещали помочь Джону.’

Во многих морфологически эргативных языках при этом не обнаруживается никаких синтаксических феноменов, кроме падежного маркирования и согласования, которые бы были устроены эргативно. Так, морфологически эргативный язык вальбири (пама-ньонгская семья, Австралия) демонстрирует привычный аккумулятивный синтаксис, одинаково обращаясь с непереходными (номинативными) и переходными (эргативными) подлежащими [Legate 2002, 2006, 2008]. Весьма показательны многолетние исследования синтаксического строя эргативных языков Дагестана, предпринятые А.Е. Кибриком и вылившиеся в серию публикаций «Материалов к типологии эргативности» (переизданы как глава в [Кибрик 2003]). А.Е. Кибрик показывает, что для дагестанской эргативности характерен нейтральный синтаксис А'-феноменов и аккумулятивный синтаксис процессов, ориентированных на ролевую иерархию (контроль, образование императивов, рефлексивизация). Итогом исследований становится вывод об отсутствии обязательного изоморфизма между морфологическим и синтаксическим строем языка: “...изоморфизм между синтаксисом и морфологией не является обязательным для языков с кумулятивной техникой. Синтаксически аккумулятивные языки наиболее свободны в отношении своих морфологических схем” [Кибрик 2003: 179].

Непоследовательность эргативной модели применительно к различным языковым уровням и феноменам дополняется ее непоследовательностью внутри конкретных феноменов, например, падежного маркирования. Широко известен феномен расщепленной эргативности (*split ergativity*), когда в одних клаузах языка реализуется эргативная модель, а в других клаузах — аккумулятивная или нейтральная модель кодирования аргументов (см. в первую очередь [Dixon 1979, 1994], а также [Silverstein 1976; Comrie 1978; DeLancey 1981; Tsunoda 1981]). Расщепленная эргативность может иметь в качестве лицензоров самые разнообразные факторы, в том числе и такие, которые едва ли определяют структурные позиции именных групп в клаузе или падежные свойства управляющих вершин — одушевленность аргумента (в широком смысле, в соответствии с позициями иерархии одушевленности, [Silverstein 1976]), видо-временные характеристики клаузы [DeLancey 1981], структурный тип именной группы [Legate 2014] и т.п. Все эти факты наилучшим образом обобщает утверждение Э. Моравчик: «Ни один эргативный язык не проводит последовательно эргативную модель в своей морфологии, синтаксисе и лексиконе: все языки, демонстрирующие эргативную стратегию в своих падежных системах, что является наиболее частым проявлением эргативности, при этом применяют аккумулятивную стратегию где-либо в других областях своей грамматики»⁶⁹.

Важнейший вопрос для генеративной теории падежа, связанный с эргативной падежной моделью, состоит в том, каков статус эргативности как феномена. Либо эргативность — это синтаксическое явление, и тогда эргативные языки имеют особую структуру клаузы, механизмы приписывания падежа и лицензирования аргументов; либо эргативность — это поверхностное, морфологическое явление, которое, подобно *quirky*-падежу исландского языка, заслоняет подлинную синтаксическую организацию предложения, весьма схожую с той, что известна нам из аккумулятивных языков.

Размежевание падежа и ориентированного на падеж согласования, с одной стороны, и структурных синтаксических явлений, с другой стороны, проработанное на материале *quirky*-подлежащих, несомненно, открыло новые перспективы в понимании синтаксического устройства эргативных языков. Обобщая ретроспективный обзор формальных подходов к эргативности, Э. Олдридж пишет: «В ранних подходах исследователи пытались объяснить синтаксическое поведение абсолютного и эргативного аргументов, рассматривая их единообразно как либо подлежащие, либо дополнения. Более поздние подходы смогли извлечь пользу из прогресса синтаксической теории, который сделал возможным такой анализ, при котором абсолютная именная группа проявляла бы одновременно субъектные и объектные

⁶⁹ «No ergative language is fully consistent in carrying through the ergative principle throughout its entire morphology, syntax, and lexicon: all languages that exhibit ergative patterning in their commonest case-marking system also exhibit some accusative pattern somewhere in the rest of their grammar» [Moravcsik 1978b: 237].

свойства, а также позволил провести более тонкое разграничение между эргативными и аккумулятивными языками и между различными типами эргативных языков»⁷⁰.

Безусловно, такой подход к эргативности предпочтителен и с эмпирической, и с теоретической точки зрения. Эмпирические аргументы состоят в том, что эргативные языки не настолько отличаются от аккумулятивных в своем базовом синтаксисе, как мы ожидали бы, если бы они обладали некоей «зеркальной» клаузуальной структурой. При этом, как уже было сказано выше, эргативные языки не образуют естественного класса в отношении многих синтаксических параметров. Таким образом, эргативные языки нельзя рассматривать как своего рода «дополнительный прототип» к аккумулятивным языкам. Наконец, если существует некий синтаксический макропараметр, противопоставляющий эргативные и аккумулятивные языки, то необъяснимым оказывается устройство языков с расщепленной эргативностью, в которых сосуществуют обе (и даже более двух — см., например, [Comrie 1989: 8–9] о калав-лагов-я, австралийском языке пама-ньюнгской языковой семьи) морфосинтаксических модели.

Теоретическое преимущество анализа эргативности как поверхностного феномена состоит в последовательной реализации универалистской эвристики генеративной грамматики: по возможности исходить из тезиса, что синтаксический компонент всех языков устроен единообразно. В рамках такой теоретической программы естественно предположить, что аккумулятивные и эргативные языки устроены по сути одинаково, и для обоих типов действуют одинаковые принципы (Падежный фильтр, механизмы приписывания падежа, и т.п.), а отличия связаны со специфической морфологической реализацией абстрактных падежей. В таком случае «дефолтными» реализациями абстрактных номинатива и аккумулятива являются морфологические номинатив и аккумулятив, но возможны и отступления от этого соответствия, так что при определенных условиях абстрактный номинатив может скрываться за морфологическим дативом, генитивом или аккумулятивом (как в исландском языке), а может — за морфологическим эргативом (как в эргативных языках).

Наиболее радикальное развитие этого подхода предлагает Дж. Бобальдик [Bobaljik 1993]. Его идея состоит в том, что отличие номинативных и эргативных языков сводится к единственному параметру — Параметру обязательного падежа (Obligatory case parameter, OCP). В переходных клаузах обоих типов языков представлено два структурных падежа — падеж субъекта (номинатив/эргатив) и падеж объекта (аккумулятив/абсолютив). В непереходных

⁷⁰ «Early approaches attempted to capture the syntactic behavior of absolutive and ergative arguments by analyzing these uniformly as either subjects or objects. Later approaches are able to capitalize on technical developments in the theory that allow for a richer approach to the mix of subject and object behavior of absolutive NPs, as well as a more subtle approach to the distinctions between ergative and accusative languages and also among different types of ergative language» [Aldridge 2008: 969].

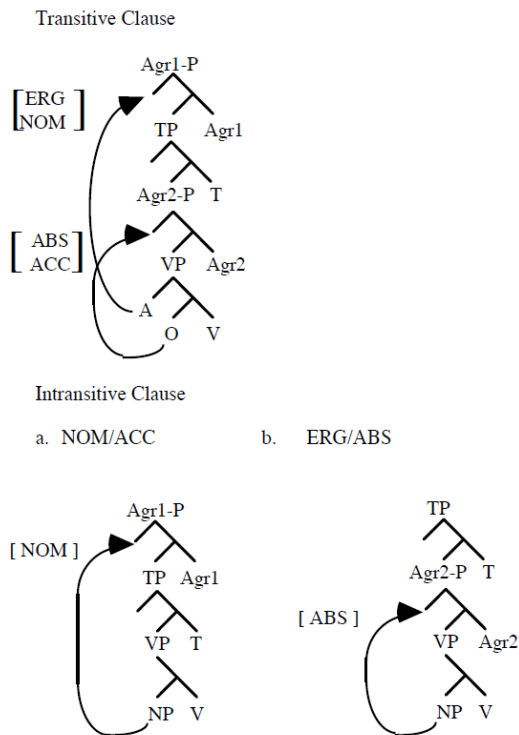
клаузах, однако, аккумулятивные языки реализуют падеж субъекта, а эргативные языки — падеж объекта. Соответственно, падежом, обязательным к выражению, в аккумулятивных языках является субъектный падеж, а в эргативных языках — объектный падеж.

Этот подход легко реализуется в формальной модели приписывания падежа функциональными вершинами в результате согласования. В частности, Бобальник использует архитектуру предикативной зоны, расщепленной на несколько функциональных проекций: AgrSP-TP-AgrOP-VP [Chomsky 1991, 1992]. Падежи субъекта и объекта приписываются в Spec, AgrSP и Spec, AgrOP, соответственно. Параметр обязательного падежа может быть представлен как «активность» или «сила признаков» вершины AgrS или AgrO, обязательно требующей передвижения именной группы и согласования с ней, результатом которого становится падежное взаимодействие. Таким образом, в системе Бобальника переходные клаузы аккумулятивных и эргативных языков имеют одинаковую структуру, а непереходные отличаются друг от друга — единственный аргумент клаузы в аккумулятивных языках структурно выше, чем в эргативных языках (см. (6.29)).

Следствием этих отличий Бобальник считает различие аккумулятивных и эргативных языков в отношении падежа и согласования, лицензируемых в нефинитных клаузах. В аккумулятивных языках и переходное, и непереходное подлежащее расположены в одной и той же структурной позиции (Spec, ArgSP) и равным образом не могут получить падеж (и вызывать предикативное согласование) внутри своей клаузы. В эргативных языках переходное подлежащее выше, чем непереходное; первое находится там же, где подлежащее аккумулятивных языков, а второе — там, где прямое дополнение аккумулятивных языков. Следовательно, мы можем ожидать, что в нефинитных клаузах лицензирование эргатива и согласование с ним будет затруднено, а абсолютив и согласование с ним будут доступны. Как показывает Бобальник, именно такая система наблюдается в инуитском языке и юпике (эскимосско-алеутские языки).

(6.29) Структура переходной и непереходных клауз в аккумулятивных и эргативных языках по [Bobaljik 1996].

При всей своей привлекательности гипотеза Бобалькика подходит далеко не для всех эргативных языков. Например, многие эргативные языки одинаково трактуют эргативный аргумент переходного глагола и номинативный аргумент непереходного глагола, допуская (как дагестанские языки), или не допуская (как грузинский или черкесский язык) их появление в нефинитных, например, номинализованных клаузах. Очевидно, что синтаксис такого гетерогенного класса, каким являются эргативные языки, не может быть описан при помощи одного Параметра обязательного падежа. Более перспективным представляется выделение для последующего анализа некоторых подтипов эргативных языков, внутри которых мы наблюдали бы единообразное синтаксическое поведение А, О и S-аргументов.

Такой подход развивает Дж. Легат [Legate 2008]. Выступая в поддержку тезиса о структурной неоднородности эргативных языков, Легат утверждает, что существует как минимум два типа эргативных языков, различающихся соотношением абстрактного и морфологического падежа. Первый тип, который Легат называет ABS(olutive)=DEF(ault), представлен такими языками, как вальбири (нгаркская группа юго-западной ветви паманьюнградской семьи), ниуэ (тонганская группа полинезийской ветви австронезийских языков), энга (западно-центральная группа языков транс-Новой Гвинеи) и хинди (индо-арийская группа индоевропейских языков). В языках ABS=DEF правила приписывания абстрактного падежа такие же, как и в аккузативных языках: финитная вершина Т приписывает номинатив (непереходному) подлежащему (S), а переходная вершина *v* приписывает аккузатив дополнению (O). Ко второму типу эргативных языков — ABS(olutive)=NOM(inative) Легат

предположительно относит грузинский язык: в таких языках абстрактный номинатив приписывается финитной вершиной T либо S-аргументу, либо O-аргументу; абстрактный номинатив всегда реализуется как морфологический номинатив.

Морфологическая эргативность языков ABS=DEF обусловлена двумя факторами. Во-первых, переходная вершина v , проецирующая внешний аргумент, приписывает ему ингерентный эргатив. Таким образом, все переходные конструкции языков ABS=DEF — это конструкции с *quirky*-подлежащим. Во-вторых, морфологическая реализация двух структурных падежей — номинатива и аккузатива — является нулевой, за счет чего возникает поверхностное совпадение в падежном кодировании непереходного подлежащего и переходного дополнения. Гипотеза Легат о соотношении абстрактных и морфологических падежей в языках ABS=DEF представлена в Таблице 6.2.

Таблица 6.2. Падежные характеристики аргументов в языках ABS=DEF

	Абстрактный падеж	Приписыватель падежа	Морфологический падеж	Глосса	Синтаксическая роль
S	Nom	финитное T	Nom (морфологически нулевой)	ABS	Subject
A	(Nom)	v (+ θ)	Erg (ингерентный)	ERG	Quirky subject
O	Acc	v	Acc (морфологически нулевой)	ABS	Object

Из таблицы видно, что в анализе Легат за немаркированной падежной формой («абсолютивом») в языках ABS=DEF стоят разные грамматические отношения (подлежащее и прямое дополнение) и разные вершины-приписыватели падежей. Если эта гипотеза верна, мы ожидаем обнаружить асимметрии между абсолютивными подлежащими и абсолютивными дополнениями. В частности, эти асимметрии должны касаться лицензирования соответствующих аргументов в нефинитных контекстах: нефинитность (или отсутствие) вершины T будет затрагивать падеж подлежащего, но не падеж прямого дополнения.

Эти предсказания подтверждаются эмпирическим материалом. Так, в вальбири в нефинитной зависимой клаузе лицензируется абсолютивное дополнение (6.30b), но не абсолютивное подлежащее (6.30a). Интересно, что эргативное подлежащее в (6.30b) допустимо для части носителей языка. С одной стороны, нефинитность клаузы не влияет на способность вершины v приписывать ингерентный эргатив. С другой стороны, исходя из (6.30b) можно предположить, что в клаузах такого типа абстрактный номинатив не приписывается. По-видимому, отличие в грамматичности эргативного подлежащего для разных носителей связано со статусом эргатива как лицензора именной группы: для одних эргативное подлежащее должно дополнительно лицензироваться абстрактным падежом финитного T (как *quirky*-

подлежащие исландского языка), для других же эргативное падежное маркирование является достаточным лицензором именной группы (как ингерентные дополнения существительных в русском языке).

- (6.30) a. Ngarrka-patu-rlu ka-lu-jana puluku
 мужчина-PAUC-ERG PRS.IPF-3PL.SU-3PL.OBJ вол.ABS
 turnu-ma-ni [*kurdu / kurdu-ku parnka-nja-rlarni].
 группа-CAUS-NONPST [ребенок.ABS / ребенок-DAT бежать-NONFIN-OBV.CONV]
 ‘Мужчины собирают волов, в то время как дети бегают.’
- b. Ngarrka-patu-rlu ka-lu-jana puluku turnu-ma-ni,
 мужчина-PAUC-ERG PRS.IPF-3PL.SU-3PL.OBJ вол.ABS группа-CAUS-NONPST
 [karnta-patu-ku / #karnta-patu-rlu miyi purra-nja-puru].
 [женщина-PAUC-DAT / женщина-PAUC-ERG еда.ABS готовить-NONFIN-TEMP.CONV]
 ‘Мужчины собирают волов, в то время как женщины готовят еду.’

Итак, мы видим, что с точки зрения падежного лицензирования аргументов в нефинитной клаузе вальбири ведет себя как аккузативный язык с *quirky*-подлежащими. В этом отношении он явно контрастирует с грузинским, ABS=NOM языком, который не допускает абсолютных аргументов — ни субъектных, ни объектных — в номинализациях, но единообразно маркирует их приименным генитивом. С точки зрения Легат, это происходит потому, что абсолютив в грузинском является морфологической реализацией абстрактного номинатива, который всегда связан с финитной вершиной T.

Еще одно интересное предсказание анализа Легат состоит в том, что падежное маркирование субъекта и объекта в языках ABS=DEF связано с разными вершинами и устанавливается независимо. Если предположить, что определенные признаки функциональных вершин *v* и T влияют на их способность приписывать ингерентный падеж, оказывается возможным проинтерпретировать случаи расщепленной эргативности, в том числе и такие, когда субъект и объект оба оказываются немаркированными, как в примере (6.31) из хинди. Понятно, что такая ситуация невозможна в языках ABS=NOM, поскольку абсолютив однозначно соответствует абстрактному номинативу, а он в пределах клаузы может быть только один.

- (6.31) ravii kelaa khaa rahaa thaa.
 Рави.ABS банан.ABS есть PROG быть.PST
 ‘Рави ел банан.’

Наконец, предикативное согласование в языках ABS=DEF в общем следует аккузативной модели, так что T согласуется с подлежащим. При этом *quirky*-подлежащее, оформленное ингерентным эргативом, считается подходящей целью для операции AGREE в вальбири и энга,

так что Т согласуется с S- и А-аргументами, но недоступно в качестве цели в ниуэ, где наблюдается только согласование с S-, но не с А-аргументом (и не с O!).

В примере (6.32) из вальбири мы наблюдаем одинаковый показатель субъектного согласования *-rna* ‘1SG.SU’, контролируемый эргативным подлежащим в (6.32a) и абсолютным подлежащим в (6.32b). (6.32c) показывает, что абсолютное дополнение контролирует объектное согласование (показатель *-ju* ‘1SG.OBJ’, отличный от показателя субъектного согласования для 1 лица ед. числа).

- (6.32) a. Ngajulu-rlu-**rna**-ngku   nyuntu   nya-ngu.
 я-ERG-**1SG.SU**-2SG.OBJ   ты.ABS   видеть-PST
 ‘Я видел тебя.’
- b. Ngaju-**rna**   parnka-ja.
 я.ABS-**1SG.SU**   бежать-PST
 ‘Я бежал.’
- c. Nyuntulu-rlu-*nra*-*ju*   ngaju   nya-ngu.
 ты-ERG-2SG.SU-1SG.OBJ   я.ABS   видеть-PST
 ‘Ты видел меня.’

В ниуэ имеется предикативное согласование по категории числа, так что множественное число абсолютного подлежащего выражается редупликацией глагола (6.33a-b). (6.33c-d) показывают, что ни множественное абсолютное дополнение, ни множественное эргативное подлежащее подобного согласования не вызывают.

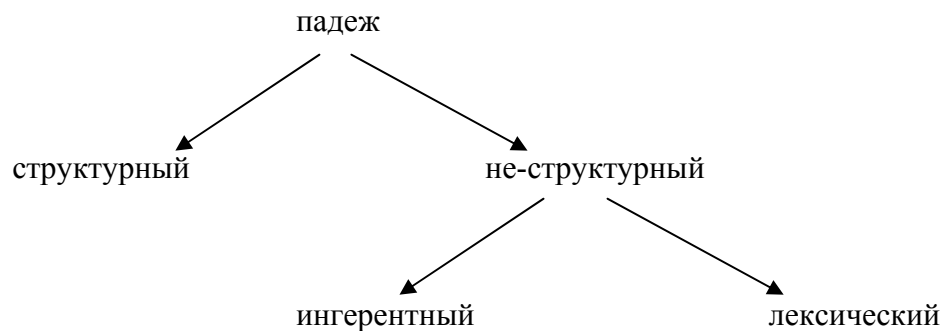
- (6.33) a. Mate   tuai   a   ia.
 умирать   PF   ABS   она
 ‘Она умерла.’
- b. **Ma**-mate   tuai   a   laua.
PL-умирать   PF   ABS   они.DUAL
 ‘Они умерли.’ (PL-S)
- c. Kua   tā   he   tama   e   tau   fakatino.
 PF   рисовать   ERG   ребенок   ABS   PL   картинка
 ‘Ребенок рисовал картинки.’ (PL-O)
- d. Volu   nakai   he   tau   fānau   e   fua   niu?
 тереть Q   ERG   PL   дети   ABS   плод   кокос
 ‘Трут ли дети кокосовый орех?’ (PL-A)

Итак, по меньшей мере для некоторых эргативных языков — а именно, тех, которые демонстрируют зависимость между лицензированием аргументов и характеристиками функциональных вершин — оказывается возможным предложить анализ, опирающийся на

Теорию падежа генеративной грамматики. Сильным аргументом в пользу этого анализа оказывается тот факт, что *quirky*-подлежащие аккумулятивных языков находят естественное соответствие в эргативных языках — эргатив оказывается ингерентным падежом переходного подлежащего.

Некоторая натяжка, однако, в том, что если *quirky*-подлежащие аккумулятивных языков — это скорее маркированный случай, отступление от идеального соотношения между абстрактным и морфологическим падежом, навязываемое идиосинкратичными свойствами конкретных лексических глаголов, то эргативный падеж переходного подлежащего — это регулярное явление, не связанное с конкретной лексической единицей. Таким образом, ингерентный падеж аккумулятивных и эргативных языков существенно различаются по своим свойствам. Разрешить это противоречие призвана падежная теория Элен Вулфорд [Woolford 2006]. Э. Вулфорд предлагает двухуровневую классификацию типов падежа: по признаку структурности и по признаку регулярности, см. Схему 6.1.

Схема 6.1. Классификация падежей в [Woolford 2006]

Отличия структурных от неструктурных падежей проверяются традиционными диагностиками. Не-структурные падежи сохраняются при А-передвижении (пассивизации, подъеме, см. исландские примеры (6.18)–(6.19), а также пример (6.34) из эргативного тонганского языка), возможны в позиции финитного подлежащего (см. исландские примеры (6.2) и др. выше, а также (6.35) из эргативного баскского языка).

- (6.34) a. 'e lava ['o ako 'e Pita 'a e lea faka-Tonga]
 AUX можно COMP учить ERG Питер ABS язык тонга
 'Возможно, Питер учит тонганский язык.'
- b. 'e lava 'e Pita ['o ako 'a e lea faka-Tonga]
 AUX можно ERG Питер COMP учить ABS язык тонга
 'Петер может учить тонганский язык.'

- (6.35) a. Ni etorri naiz.
я.NOM приходит AUX
'Я пришел.'
- b. Gizona-k kurritu du.
мужчина-ERG бежать AUX
'Мужчина бежал.'

При подлежащем в не-структурном падеже возможно оформление прямого дополнения номинативом, как в исландском примере (6.18), повторяемом здесь как (6.36). Важно подчеркнуть, что в (6.36) речь идет именно о падеже дополнения, который никак не связан с финитностью Т и номинативом, который приписывается финитному подлежащему. Чтобы доказать это, рассмотрим пример (6.38) с ЕСМ-инфинитивом. В (6.38a) подлежащее инфинитивного оборота является результатом А-передвижения дополнения с не-структурным дательным падежом при пассивизации. Поскольку предикат 'считать' в исландском языке является ЕСМ-предикатом, он лицензирует подлежащее во вложенном актантном инфинитивном обороте, которое сохраняет свой не-структурный падеж (ср. с (6.38b), где стандартное подлежащее инфинитивного оборота получает структурный аккузатив). Обратим внимание на номинатив дополнения инфинитивного оборота *þessir sokkar* 'эти носки'. Очевидно, что это не номинатив подлежащего, поскольку в инфинитивном обороте он не лицензируется (ср. (6.38b)), а в главной клаузе «расходуется» на собственное подлежащее *hann* 'он'. Следовательно, остается заключить, что это номинатив дополнения. Э. Вулфорд распространяет эту трактовку номинатива и на падеж объекта эргативных языков при подлежащем в не-структурных эргативе и дативе (примеры (6.39a-b) из баскского языка).

- (6.36) Barninu batnaði veikin.
ребенок.DAT выздороветь.PST.3SG болезнь.NOM
'Ребенок выздоровел от болезни.'

- (6.37) a. Hann hafði talið [Jóni hafa verið
он.NOM AUX считать.PART Йон.DAT AUX.INF AUX.PART
gefniр þessir sokkar].
давать.PART эти.NOM носки.NOM
'Он считает, что Йону были даны эти носки.'
- b. Ég hafði talið [Maríu vita svarið].
я-NOM AUX считать.PART [Мария.ACC знать.INF ответ.ACC]
'Я считаю, что Мария знает ответ.'

- (6.38) a. Miren-ek atea ireki du.
 Мирен-ERG дверь-NOM открывать AUX
 ‘Мирен открыла дверь.’
- b. Ni-ri zure oinetako-a-k gustatzen zaizkit.
 я-DAT твои туфли-DET-NOM нравиться AUX
 ‘Мне нравятся твои туфли.’

Наконец, Э. Вулфорд рассматривает признаки связи с тета-ролью и регулярности (ср. Таблицу 6.1) и предлагает заменить одно-однозначное соответствие между значениями этих признаков и типом падежа на имплицативные соотношения. Если падеж структурный, то он не связан с конкретной тета-ролью (обратное неверно: не-структурные падежи не обязательно выражают конкретную тета-роль). В плане регулярности имплицативное отношение такое: если падеж нерегулярный, то он не-структурный (таким образом, возможны регулярные не-структурные падежи, что и было камнем преткновения при классификации эргатива как не-структурного падежа подлежащего).

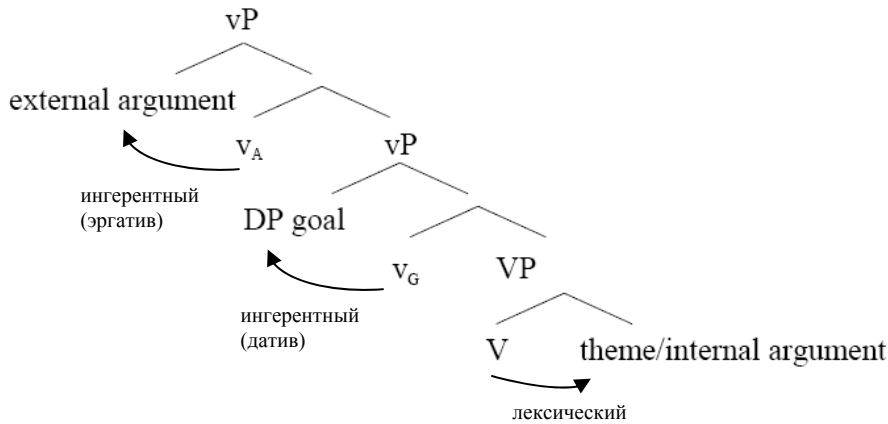
Не-структурные падежи, согласно Вулфорд, бывают двух типов: лексические и ингерентные. Лексические падежи связаны с конкретной лексемой (лексической вершиной) и идиосинкратичны. Они нерегулярны не только в том смысле, что отклоняются от обычного способа выражения данного грамматического отношения структурным падежом, но и в том смысле, что в общем случае не предсказуемы из семантики лексической вершины и не коррелируют с какой-либо тета-ролью. Ингерентные падежи можно представлять себе как падежи, ингерентно связанные с определенной тематической позицией. Так, эргатив — это падеж агентивного внешнего аргумента, а датив — падеж цели (goal). Ингерентные падежи регулярны в отношении выражения тета-роли, но не в отношении грамматического отношения (подлежащее, дополнение), т.е. соответствия структурной позиции.

Лексические и ингерентные падежи обнаруживают дополнительную дистрибуцию: лексический падеж возможен только для внутренних аргументов («тем»), а ингерентный падеж — только для внешних аргументов («агентов») и структурно приоритетных над темами аргументов — «целей»⁷¹. Соответственно, их лицензорами выступают разные типы вершин: лексические падежи лицензируются лексическими вершинами (V, P), а ингерентные падежи — функциональными вершинами, проецирующими соответствующий аргумент (так, падеж внешнего аргумента, эргатив, приписывается легким глаголом v_A , а падеж цели, датив,

⁷¹ Вулфорд предполагает, опираясь на работы Марты МакГиннис [McGinnis 1996, 1998, 2001], что аргумент-цель битранзитивных глаголов (и аппликативных конструкций) проецируется особым легким глаголом v_G ; таким образом, в конструкции с битранзитивным глаголом над лексической вершиной последовательно доминируют два легких глагола — v_G и v_A .

приписывается легким глаголом v_G). Лицензирование не-структурных падежей в системе Вулфорд схематически представлено в (6.39).

(6.39) Лицензирование не-структурных падежей

Итак, в системе Э. Вулфорд проблема возможной регулярности не-структурного падежа решается путем противопоставления тематически регулярных ингерентных и принципиально нерегулярных лексических падежей. Связь с тета-ролью и регулярность, которые в Таблице 6.1 варьировали одновременно, в Таблице 6.3 оказываются независимыми параметрами.

Таблица 6.3. Классификация и свойства падежей в [Woolford 2006]

	Не-структурные		Структурные
	Лексические	Ингерентные	
Вершина-источник падежа	лексическая	функциональная	функциональная
Связь с тета-ролью	нет	да	нет
Регулярность	нет	да	да
Пример	<i>quirky</i> -падеж в исландском языке, управляемый падеж при предлогах в русском языке	эргатив, датель битранзитивных глаголов	номинатив подлежащего, аккузатив дополнения

Рассмотренные нами подходы Дж. Легат и Э. Вулфорд, несмотря на определенные отступления от канонической Теории падежа генеративной грамматики (например, в связи с согласованием как отдельным от приписывания падежа феноменом у Легат или в связи с архитектурой глагольной области у Вулфорд) сохраняют ядро генеративного подхода к падежу: (i) падеж является синтаксическим феноменом; (ii) именная группа нуждается в падеже как лицензоре и (iii) источниками падежа являются вершины. В следующем разделе мы обратимся к принципиально другому анализу падежа — конфигурационной теории, которая связывает

падежное оформление основных аргументов клаузы не с приписывающими падеж вершинами, а с количеством аргументных именных групп и их взаимным расположением в синтаксической структуре.

6.3. Конфигурационные теории падежа

Семейство конфигурационных подходов к падежу может быть условно выделено на основании общей идеи, что основные падежи клаузы — номинатив, аккузатив и эргатив — не «распределяются» между функциональными вершинами, которые затем приписывают эти падежи именным группам, вступающим с ними в синтаксическое взаимодействие, а приписываются напрямую аргументным именным группам на основании их структурного соотношения друг с другом. Ранними воплощениями этой идеи можно считать подходы, использующие иерархии падежей для распределения их внутри клаузы (ср. парадигматический падеж в [Comrie 1976], а также использование иерархий внутри некоторых падежных ярусов (tiers) в [Yip, Maling, Jackendoff 1987]). В рамках конфигурационных теорий возможен единый подход к аккузативной и эргативной системам падежного кодирования как к симметричным феноменам: и аккузатив, и эргатив имеют статус некоторого «дополнительного», «зависимого» падежа, который возникает в клаузе тогда, когда одного номинатива для кодирования аргументов недостаточно.

Мы начнем изложение со статьи Алека Марантца [Marantz 1991], в которой представлена не только наиболее известная, но и, пожалуй, наиболее радикальная конфигурационная теория падежа, максимально противопоставленная падежной теории генеративной грамматики.

6.3.1. Теория А. Марантца

Объектом критики в статье [Marantz 1991] становятся основные положения Теории падежа генеративной грамматики. Марантц выдвигает следующие тезисы: (i) падеж не связан с лицензированием именных групп; (ii) падеж является морфологическим, а не синтаксическим феноменом; (iii) приписывание падежа именной группе связано с вершинами опосредованно, через структурные конфигурации, создаваемые вершинами. Рассмотрим эти тезисы по порядку.

Как мы помним, положение о падеже как лицензоре именных групп было призвано объяснить два основных набора фактов: во-первых, дистрибуцию фонологически выраженных именных групп и PRO в позиции подлежащего инфинитивных оборотов (6.40)=(2.1), и во-

вторых, недопустимость внутренних аргументов неаккузативных и пассивных глаголов в базовой позиции (6.41)=(2.14).

(6.40) a. Leo decided [(*Lina/*himself) to leave].

‘Лео решил (*Лине/*себе) уехать.’

b. Leo believed [Lina to be a genius].

‘Лео считал Лину гением.’

c. Leo decided [for Lina to leave].

‘Лео решил, что нужно, чтобы Лина уехала.’

d. [For Leo to win] would be great.

‘Было бы здорово, если бы Лео победил.’

e. *[Leo to win] would be great.

(6.41) a. John opened the door.

‘Джон открыл дверь.’

b. *e* Was opened the door.

‘*Было открыто дверь.’

c. *It was opened the door.

‘*Было открыто дверь.’

d. The door_i was opened t_i.

‘Дверь была открыта.’

Марантц справедливо указывает, что парадигма в (6.41) может быть объяснена без опоры на теорию падежа (см. также раздел 5.2.1 о «наложении» объяснительного потенциала теории падежа и ЕРР). В (6.41a) выполняются два условия: все аргументные именные группы спроецированы лексическим глаголом (выполняется принцип проекции) и позиция подлежащего (Spec, TP) занята фонологически выраженным материалом (соблюдается расширенный принцип проекции, ЕРР). Неграмматичность (6.41b) следует из нарушения ЕРР. (6.41c) и (6.41d) удовлетворяют и принципу проекции, и ЕРР, однако (6.41d) можно считать более экономной деривацией (если предположить, что передвижение «дешевле» вставления эксплетива), поэтому вариант (6.41c) проигрывает конкуренцию варианту (6.41d) и не может быть реализован.

Подобная логика действует во всех случаях, где мы наблюдаем А-передвижение. Следовательно, заключает Марантц, здесь Теория падежа не нужна: именные группы

лицензируются посредством проецирования и при учете EPP⁷². «Остаток» Теории падежа связан с лицензированием PRO и дополнительной дистрибуцией PRO и фонологически выраженных именных групп в позиции подлежащего. Поскольку позиция подлежащего является производной, принцип проекции не в состоянии обеспечить появление PRO только в нужных (лексически не управляемых) позициях: действительно, PRO, спроецированное в позиции дополнения, может быть как неграмматично (6.42a), так и грамматично (6.42b) [Marantz 1991: 20 (20)].

(6.42) a. *Elmer bought PRO.

‘Элмер купил PRO.’

b. Elmer preferred [PRO_i to be given t_i the bigger porcupine].

‘Элмер предпочел, чтобы ему дали самого большого дикобраза.’

Очевидно, что обобщение о дистрибуции PRO должно формулироваться в терминах его конечной позиции (=позиции в поверхностной структуре); это обобщение является «остатком» (RESidue) лицензирующей Теории падежа, который, согласно Марантцу, может быть сформулирован в не-падежных терминах^{73, 74}.

Итак, Марантц делает вывод, что лицензирование именных групп не имеет отношения к падежу. Если это так, то пропадает необходимость рассматривать падеж внутри синтаксиса. Следовательно, можно предположить, что падеж — это морфологический феномен, который возникает в постсинтаксическом компоненте, подчиняется морфологическим правилам, невидим для синтаксиса и не может влиять на ход синтаксической деривации (в том числе и на ее края). Рассмотрим аргументы в пользу морфологической трактовки падежа, которые предлагает Марантц.

«Отрицательным» аргументом являются многочисленные данные о несоответствии наблюдаемой на именной группе падежной морфологии «абстрактному» (синтаксическому,

⁷² “...NPs are licensed via projection (and the EPP)” [Marantz 1991: 19].

⁷³ В качестве такого обобщения Марантц предлагает, например, Принцип реализации в поверхностной структуре (The Surface Appearance Principle), который обеспечивает наличие управления фонологически выраженными единицами со стороны лексических вершин или вершины T:

«A constituent X will appear in the surface structure tree by virtue of bearing a relation with respect to some item Y iff Y is a lexical item (i.e., not a phrase)» [Marantz 1984: 85].

⁷⁴ Кроме того, Марантц справедливо отмечает, что не только PRO, но и другая нулевая единица — *pro* — нуждается в правилах поверхностного лицензирования, которые бы запрещали ее появление в позициях, отличных от позиции подлежащего, и при этом не является дополнительно распределенной с фонологически выраженными именными группами. Следовательно, правила лицензирования нулевых единиц в общем случае не могут строиться на их дополнительной дистрибуции с именными группами.

лицензирующему) падежу. Так, материал исландского языка, рассматривавшийся нами выше, показывает, что в тех позициях, где приписывается (морфологический) *quirky*-падеж, не обязательно приписывается абстрактный падеж, и наоборот, в позициях, где приписывается абстрактный падеж, именная группа может не получать падежной морфологии (см. подробнее раздел 6.1). Следовательно, дистрибуция морфологического падежа не объясняется реализацией абстрактного падежа (даже если он существует) и должна моделироваться независимо.

«Положительный» аргумент строится на материале эргативных языков. Анализируя данные грузинского, баскского и хинди, Марантц приходит к обобщению о реализации эргатива:

(6.43) Обобщение об эргативе:

Эргативный падеж возможен только на внешнем аргументе⁷⁵.

Это обобщение кажется зеркальным отражением обобщения Бурцио:

(6.44) Обобщение Бурцио

Аккузативное дополнение возможно только у глагола, проецирующего внешний аргумент⁷⁶.

На первый взгляд, (6.43) и (6.44) обуславливают появление эргатива (в эргативных языках) или аккузатива (в аккузативных языках) наличием у глагола внешнего аргумента. Однако обобщение Бурцио было сформулировано как ограничение на приписывание *абстрактного* аккузатива внутреннему аргументу, то есть на его лицензировании *in situ*, в то время как в обобщении об эргативе речь идет о возможности *морфологического* эргатива. Это

⁷⁵ В (6.43) мы намеренно переформулируем обобщение Марантца, которое в первоисточнике звучит следующим образом: «no ergative case on a non-thematic subject (i.e., on an argument moved into a non-thematic subject position)» [Marantz 1991: 14]. Под понятие не-тематического подлежащего подпадают, во-первых, внутренние аргументы, передвигающиеся в позицию подлежащего у неаккузативов и пассивных глаголов, и во-вторых, эксплетивные подлежащие. Терминология Марантца основывается на раннем генеративном допущении о проецировании внешнего аргумента непосредственно в позиции Spec, IP (=Spec, TP), вне глагольной группы. Тематическими подлежащими являются те именные группы, которые попадают в эту позицию вследствие своих тета-ролей, не-тематическими — все остальные. В дальнейшем изложении теории Марантца мы будем исходить из эквивалентности терминов «внешний аргумент» и «тематическое подлежащее», а также эквивалентности вершин T(ense) и I(nflection).

⁷⁶ В формулировке Марантца: «If a verb's subject position is non-thematic, the verb will not assign accusative structural Case».

особенно хорошо видно на материале грузинского языка (и других языков с расщепленной эргативностью): внешний аргумент переходного глагола лицензируется (т.е., в терминах Теории падежа, получает абстрактный падеж) независимо от того, маркируется ли он эргативом (как в серии II) или номинативом (как в серии I):

(6.45) а. Серия II, эргативный внешний аргумент

nino-m	gia-s	surateb-i	ačvena.
Нино-ERG	Гия-DAT	картина-NOM	показывать.AOR

‘Нино показала Гии картину.’

б. Серия I, номинативный внешний аргумент

nino	gia-s	surateb-s	ačvenebs.
Нино.NOM	Гия-DAT	картина-DAT	показывать.PRS

‘Нино показывает Гии картину.’

Гипотеза Марантца состоит в том, что обобщение об эргативе и обобщение Бурцио действительно являются двумя сторонами одной медали; и, поскольку обобщение об эргативе — это обобщение о морфологическом падеже, следует рассмотреть возможность того, что обобщение Бурцио — это обобщение о морфологическом аккумулятиве. В пользу такой возможности говорит, например, тот факт, что в исландском языке пассивизация влияет не на лицензирование дополнения, а на лицензирование морфологического аккумулятива. Так, в примере (6.46с) внешний аргумент отсутствует и в позицию подлежащего продвигается одно из дополнений, однако это не оказывает влияния на лицензирование второго дополнения с ингерентным падежом в базовой позиции.

(6.46) а. María óskaði Ólafi alls goðs.
 Мария.NOM желать.PST.3SG Олаф.DAT всё.GEN хорошее.GEN
 ‘Мария пожелала Олафу всего хорошего.’

б. Þess vas óskað.
 это.GEN AUX.PST.3SG желать.PART
 ‘Этого пожелали.’

с. Henni var óskað þess.
 она.DAT AUX.PST.3SG желать.PART это.GEN
 ‘Ей пожелали этого.’

Таким образом, предположение, что содержательные обобщения, представленные в (6.43) и (6.44), относятся к морфологическому падежу, позволяет нам унифицировать конфигурации, в которых доступны морфологический аккумулятив и морфологический эргатив:

(6.47) Обобщение о морфологическом падеже

Если глагол не проецирует внешний аргумент, то:

- (в аккузативных языках) не лицензируется морфологический аккузатив дополнения;
- (в эргативных языках) не лицензируется морфологический эргатив подлежащего.

Легко видеть, что обобщение (6.47) увязывает появление «маркированного» падежа аккузативной и эргативной систем с синтаксическим классом глагола и тем самым похоже на описание схем морфосинтаксического кодирования ядерных аргументов, представленное в главе 5 в Схемах 5.1–5.2. Однако (6.47) отличается от них в нескольких отношениях. Во-первых, в (6.47) все внешние аргументы противопоставляются внутренним, так что не исключается появление аккузатива у дополнения и эргатива у подлежащего неэргативов⁷⁷. Во-вторых, (6.47) в отличие от Схем 5.1–5.2 допускает большее варьирование в падежном оформлении подлежащих и дополнений. Так, дополнение двухместного глагола аккузативных языков может оформляться аккузативом (а может и другим падежом — например, дативом, генитивом или номинативом), а подлежащее неэргативов эргативных языков может оформляться эргативом (а может и другим падежом — например, дативом или номинативом). Общим у (6.47) и Схем 5.1–5.2 является, собственно, запрет конфигурации, в которой единственный аргумент неаккузативов оформляется аккузативом в аккузативных языках или эргативом в эргативных.

Итак, трактовка падежа как морфологического феномена позволяет предложить единые правила приписывания аккузатива и эргатива. Заметим, что приписывание номинатива дополнению в синтаксической модели падежа связано с одинаковыми трудностями и для аккузативных, и для эргативных языков. Для номинатива дополнения в (6.36)–(6.38), сопровождающего *quirky*-подлежащие аккузативных языков и эргативные подлежащие эргативных языков, невозможно предложить тот же анализ, что и для номинатива подлежащего аккузативных языков, который, как мы помним, в Теории падежа реализует абстрактный номинатив, приписываемый финитным T. Если же рассматривать падеж как морфологический феномен, можно считать номинатив дефолтным значением категории падежа, которое приписывается именной группе тогда, когда никакие другие, более специфичные значения не могли быть выбраны. В таком случае носители дефолтного значения категории не обязаны образовывать естественного класса.

⁷⁷ И та, и другая возможность, по-видимому, в некоторых случаях реализуются. Так, многие неэргативы допускают поверхностное выражение так называемого родственного объекта (*cognate object*) типа *жить жизнь*, *танцевать танец*, *работать работу* и т.п., причем в таком употреблении они становятся переходными, а дополнение получает аккузатив. Часть эргативных языков (например, грузинский, баскский) противопоставляют неаккузативы неэргативам и допускают оформление подлежащего-внешнего аргумента эргативом у одноместных глаголов.

Как же может выглядеть модель приписывания морфологического падежа? Марантц предполагает, что приписывание падежа происходит в постсинтаксическом морфологическом (либо морфолого-фонологическом) компоненте, опосредующем отношение между синтаксической репрезентацией предложения и его фонетической формой. Таким образом, в морфологическом компоненте языка с падежной системой все именные группы (вернее, цепи, включающие все позиции данной именной группы) получают падежный аффикс, конкретная реализация которого — падежный признак — определяется на основании позиции данной именной группы (вернее, всех звеньев ее цепи) в поверхностной синтаксической структуре.

Выбор падежного признака происходит в соответствии с дизъюнктивной иерархией, упорядочивающей падежные конфигурации от наиболее специфичных до дефолтных.

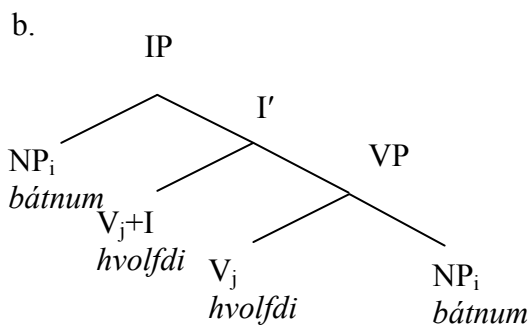
(6.48) Дизъюнктивная иерархия реализации падежа:

- лексически управляемый падеж
- «зависимый» падеж (аккузатив и эргатив)
- немаркированный падеж (чувствительный к синтаксическому окружению)
- дефолтный падеж

Дизъюнктивная иерархия призвана обеспечивать выбор наиболее специфичного падежного значения, доступного для данной цепи. Рассмотрим структуру, в которой исходное дополнение неаккузативного глагола получает ингерентный дательный падеж и затем продвигается в позицию подлежащего (подобная деривация может быть сопоставлена, например, исландскому предложению (6.49a)=(6.2a)). Цепь данной именной группы в принципе может претендовать на три падежных значения: датив в результате лексического управления «хвостом» цепи, аккузатив в соответствии со структурной позицией дополнения у «хвоста» цепи и номинатив на основании позиции производного подлежащего (Spec, IP⁷⁸) у «головы» цепи. Как мы знаем, в подобной ситуации всегда побеждает лексически управляемый падеж (благодаря чему и возникает феномен *quirky*-подлежащих /*quirky*-дополнений). Следовательно, лексически управляемый падеж должен занимать первую позицию в иерархии выбора падежного значения: если цепь управляется лексической вершиной, приписывающей лексический падеж, падежный аффикс реализует этот падеж и выбывает из дальнейшей процедуры выбора падежа.

(6.49) a.   Bátnum   hvolfdi.
                  лодка.DAT   перевернуться.PST.3SG
                  ‘Лодка перевернулась.’

⁷⁸ Напомним, что в статье Марантца вместо вершины T используется вершина I.

После того, как все цепи были проверены на возможность получения ими лексически управляемого падежа, мы переходим на этап приписывания зависимого падежа — аккузатива и эргатива. В падежной теории Марантца аккузатив и эргатив зависимые в том смысле, что их приписывание цепи именной группы обусловлено наличием в области приписывания падежа цепи другой именной группы, также пока беспадежной (то есть не получившей лексически управляемого падежа на предыдущем этапе). Область приписывания зависимого падежа определяется как клауза (IP), так что в конкуренции за зависимый падеж участвуют все цепи аргументных именных групп, управляемые сложной вершиной V+I⁷⁹.

Правило приписывания зависимого падежа представлено в (6.50).

(6.50) Зависимый падеж приписывается вершиной V+I позиции, управляемой V+I, если есть еще одна позиция, управляемая V+I, которая:

- a. не «маркирована» (то есть не входит в лексически управляемую цепь);
- b. не входит в одну цепь с рассматриваемой позицией.

Зависимый падеж, приписываемый верхней позиции — эргатив.

Зависимый падеж, приписываемый нижней позиции — аккузатив⁸⁰.

Обсудим конфигурации, в которых могут возникать зависимые падежи. Во-первых, это переходная конструкция с двумя аргументами без лексически управляемых падежей, как в (6.51a-b). Глаголы ‘открывать’ в баскском и ‘арестовывать’ в исландском не приписывают

⁷⁹ Марантц использует стандартное понятие управления со стороны вершины (head government) при т-командовании и минимальности, см. раздел 5.2.2 и определение (5.38); он также предполагает, что если V управляет XP, то сложная вершина V+I также управляет XP. Соответственно, V+I управляет подлежащим в Spec, IP и прямым дополнением в Comp, VP.

⁸⁰ «Dependent case is assigned by V+I to a position governed by V+I when a distinct position governed by V+I is:

- a. not “marked” (not part of a chain governed by a lexical case determiner)
- b. distinct from the chain being assigned dependent case

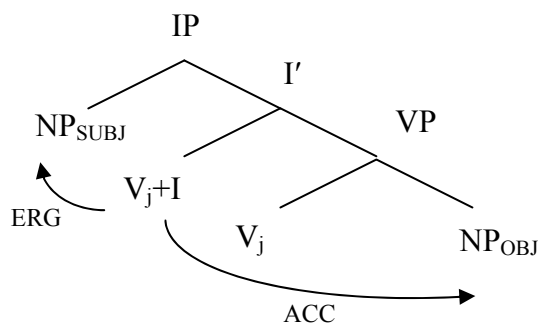
Dependent case assigned up to subject: ergative

Dependent case assigned down to object: accusative» [Marantz 1991: 25 (30)].

лексических падежей, так что на этапе приписывания зависимого падежа имеет место конфигурация (6.51c): вершина V+I управляет двумя позициями, соотносящимися с двумя различными (для Марантца — однозвеньевыми) цепями, и ни одна из этих позиций не входит в лексически управляемую цепь. Возникают условия для приписывания зависимого падежа: в эргативном баскском языке приписывается эргатив подлежащему, в аккумулятивном исландском языке приписывается аккумулятив дополнению.

- (6.51) a. Miren-ek atea ireki du
 Мирен-ERG дверь.NOM открывать AUX
 ‘Мирен открыла дверь.’
- b. Lögreglan tók Sigu fasta.
 полиция.NOM брать.PST.3SG Сигга.ACC PRV.ADJ.ACC
 ‘Полиция арестовала Сиггу.’
- c.

Возможно ли приписывание зависимого падежа в конфигурации с одноместным глаголом? Согласно обобщению в (6.47), аккумулятив и эргатив не должны появляться при глаголах без внешнего аргумента (неаккумулятивах и пассивах), и правило (6.50) позволяет исключить такую возможность. Действительно, в таких конструкциях вершина V+I управляет двумя позициями (Spec, IP и Comp, VP), однако эти позиции входят в одну цепь. Соответственно, условий для приписывания зависимого падежа не возникает.

Ситуация с неэргативами несколько сложнее. У неэргативов аккумулятивных языков, очевидно, аккумулятив дополнения должен быть доступен, если дополнение выражено (и тем самым глагол используется как переходный). Неэргативы эргативных языков, как известно, демонстрируют существенное варьирование в оформлении внешнего аргумента как в межъязыковом, так и во внутриязыковом аспекте. Это варьирование можно представлять себе как следствие различной трактовки в принципе доступной позиции внутреннего аргумента: для одних языков (например, дагестанских, в которых все неэргативы приписывают номинатив внешнему аргументу) только наличие выраженного внутреннего аргумента лицензирует эргатив на внешнем аргументе (ср. пример (6.52) из багвалинского языка [Кибрик (ред.) 2001: (4.40а-б)]; для других языков (например, грузинского или баскского) важна потенциальная

доступность позиции внутреннего аргумента, так что эргатив может получить и подлежащее одноместного глагола (ср. пример (6.53) из баскского языка).

- (6.52) a. anwar / *anwar-i-r   Hinčuri.
 Анвар.NOM / *Анвар-OBL-ERG   чихать.PST
 ‘Анвар чихнул.’
- b. anwar-i-r / *anwar   Xint̃_o   Hinčuri.
 Анвар-OBL-ERG / *Анвар.NOM   сопля.NOM   чихать.PST
 ‘Анвар чихнул соплей (=соплю).’
- (6.53) Nik   lan   egin   dut.
 я.ERG   работать   LV   AUX.1SG
 ‘Я работаю.’

Наконец, еще один класс случаев, который позволяет объяснить (6.50) — это отсутствие аккузатива дополнения у глаголов с *quirky*-подлежащим (исландский (6.54a)) и отсутствие эргатива подлежащего у глаголов с *quirky*-дополнением (багвалинский (6.54b), [Кибрик (ред.) 2001: (4.376)]). В соответствии с дизъюнктивной иерархией (6.48) первым приписывается лексически управляемый падеж, после чего цепь соответствующей именной группы больше не участвует в конкуренции за падеж, и позиции ее звеньев не могут выступать в качестве основы для приписывания зависимых падежей.

- (6.54) a. Barninu   batnađi   veikin.
 ребенок.DAT   выздороветь.PST.3SG   болезнь.NOM/*ACC
 ‘Ребенок выздоровел от болезни.’
- b. anwar / *anwar-i-r   ila-Īa   w-alli.
 Анвар.NOM / *Анвар-OBL-ERG   мать-OBL.SUP.LAT   М-кричать.PST
 ‘Анвар обратился к матери.’

После того, как зависимые падежи приписаны, у оставшихся цепей есть возможность получить немаркированный падеж. Немаркированность падежа у Марантца не имеет отношения к морфологической сложности падежного показателя; немаркированный падеж — это падеж, который свойственен зависимым именным группам в синтагмах определенного типа. Так, например, генитив — это немаркированный падеж в именной группе.

Наконец, если ни один из предыдущих типов падежа в дизъюнктивной иерархии не был приписан, именная группа получает падеж «по умолчанию» — дефолтный падеж. Дефолтный падеж обычно наименее маркированный с морфологической точки зрения, а конфигурации, в которых он встречается, не образуют естественного класса. Например, номинатив в аккузативных языках — это падеж и подлежащего переходного глагола, и единственного

аргумента одноместного глагола, и дополнения при *quirky*-подлежащем; в эргативных языках номинатив оформляет внутренний аргумент неаккузативов и переходных глаголов, а также внешний аргумент неэргативов и двухместных глаголов с *quirky*-дополнением; кроме того, в обоих типах языков номинатив выступает как форма названия и как форма именного сказуемого.

Важно отметить, что, поскольку дефолтный падеж как значение падежного аффикса доступен всегда, невозможна ситуация, в которой отсутствие падежа у именной группы приводит к неграмматичности. Именно поэтому не только абстрактный, но и морфологический падеж не может иметь отношения к лицензированию именных групп ни в синтаксической структуре, ни в фонетической форме. Таким образом, в падежной теории Марантца морфологический падеж вычисляется на основании синтаксической структуры (регулируемой принципами проекции и ЕРР), но не лицензирует ее⁸¹.

Последнее замечание, которое необходимо сделать в этом разделе, касается связи между приписыванием падежа и определенными синтаксическими вершинами. В Теории падежа генеративной грамматики эта связь непосредственная — источниками падежа являются лексические и функциональные вершины, которые и приписывают (абстрактный) падеж именной группе. В теории Марантца на первый взгляд речь также идет о падежном взаимодействии между вершинами и именными группами (цепями, позициями): в определении лексического и зависимого падежа фигурирует понятие управления со стороны вершины. Однако в действительности только лексически управляемый падеж приписывается непосредственно вершиной. Правило приписывания зависимого падежа использует понятие управления со стороны вершины V+I для того, чтобы задать локальную область, в которой происходит падежная конкуренция, а участие управляющей вершины в приписывании зависимого падежа непринципиально. Вместо сложной вершины V+I в качестве приписывателя зависимого падежа мы можем рассматривать собственно конкурирующую именную группу (цепь, позицию), либо саму конфигурацию, в которой создаются условия для зависимого падежа. В этом смысле теория зависимого падежа Марантца является конфигурационной — падеж вычисляется на основании взаимного расположения (конфигурации) аргументных именных групп в некоторой локальной области.

6.3.2. Зависимый и дефолтный падеж: новые идеи

---

⁸¹ «Morphological case interprets the syntactic structures licensed by projection but does not itself figure into licensing» [Marantz 1991: 19].

Теория Марантца послужила отправной точкой для целого семейства подходов, в том или ином отношении альтернативных канонической Теории падежа. Интересно, что оказалось возможным использовать отдельные положения анализа Марантца и на их основе строить Теорию падежа, совместимую с иными, чем у Марантца, теоретическими допущениями. В частности, многие исследователи «возвращают» приписывание падежа обратно в синтаксический компонент модели, хотя и не связывают функции падежа в синтаксисе с лицензированием именных групп. Наиболее плодотворными идеями конфигурационной теории оказались представление о зависимом падеже и противопоставление дефолтного падежа прочим падежным формам⁸².

Последовательной разработке теории Марантца и ее приложению к ряду германских и финно-угорских языков посвящена диссертация [McFadden 2004]. Т. МакФадден принимает положения о морфологическом характере падежа и отсутствии связи между падежом и лицензированием именных групп. Основные новации связаны с устранением управления из правила приписывания падежа и, вследствие этого, необходимости апеллировать в контексте морфологического падежа к отношению между вершинами и именными группами. Вместо этого МакФадден вводит контекстно-обусловленную реализацию падежа, опирающуюся на пучок дифференциальных признаков. В частности, для четырехпадежных германских языков, таких как немецкий или исландский, синтаксический контекст задает спецификацию падежа в привативных признаках [+case], [+inferior], [+oblique], [+genitive].

(6.55) Спецификация признаков для вставления лексических единиц

номинатив: [+case]

аккузатив: [+case, +inferior]

датель: [+case, +inferior, +oblique]

генитив: [+case, +inferior, +oblique, +genitive]⁸³

Не-структурные падежи — датель и генитив — возникают тогда, когда именная группа оказывается в синтаксическом контексте лексической или функциональной вершины, лицензирующей признаки [+oblique] и [+genitive]. Так, согласно анализу МакФаддена, аргументный датель в немецком языке преимущественно связан с позицией спецификатора

⁸² В этой связи интересно вспомнить об исключении номинатива из состава падежных форм в античной традиции.

⁸³ В (6.55) речь идет об аргументном, а не приименном генитиве. МакФадден считает генитив, управляемый глаголами и предлогами, более специфичным, чем датель; он отмечает, что в речи молодого поколения такой генитив часто заменяется дателью, что получает естественное объяснение в признаковой спецификации (6.55) как следствие утраты признака [+genitive].

аппликативной вершины v_{APPL} ; соответственно, правило (6.56) постулирует в этом контексте реализацию морфологического падежного признака как датива [McFadden 2004: 225 (234)].

(6.56) [+case] $\Leftrightarrow$ [+case, +oblique, +inferior] / [v_{APPLP} DP [$v_{APPL}' \dots$]]

Структурные падежи — номинатив и аккузатив — реализуются тогда, когда контекст не задает специфических признаков [+oblique] и [+genitive]. Задачу разграничения аккузатива и номинатива решает признак [+inferior] — аналог статуса зависимого падежа в [Марантц 1991]. В поисках контекста для появления признака [+inferior] МакФадден переформулирует обобщение Бурцио в репрезентационных терминах [McFadden 2004: (194)]:

(6.57) DP получает зависимый аккузатив, если она с-командуется локально расположенной непустой позицией Spec, vP .

Как мы видим, в (6.57) речь идет не о проецировании вершиной v тематического внешнего аргумента, а лишь о заполненности соответствующей позиции. О преимуществе такой формулировки для немецкого языка свидетельствуют, например, конструкции с безличным *es* (6.58a), которое возникает в аргументной позиции (и вследствие этого не исчезает при инверсии, (6.58b)), однако не получает тета-роли⁸⁴.

- (6.58) a.   Es   gibt   einen Fußballgott.
EXPL   имеется   футбольный_бог.ACC
          ‘Существует бог футбола.’
- b.   Gibt   *(es) einen Fußballgott?
          имеется   EXPL футбольный_бог.ACC
          ‘Существует ли бог футбола?’

Требование локальности в (6.57) есть не что иное как указание на область падежной конкуренции (case competition). В теории Марантца эта область задается декларативно, в определении зависимого падежа, как область, управляемая при *m*-командовании сложной вершиной $V+I$. Принимая во внимание различные типы зависимых клауз (комплементы обычных матричных предикатов, ЕСМ-предикатов, каузативных глаголов), МакФадден выводит обобщение (6.59a) и предположительно связывает понятие минимальной клаузы с фазами переходного легкого глагола (v_{TR}) и CP (6.59b).

⁸⁴ Заметим, что Марантц также приводит данные о нарушении обобщения Бурцио в конструкциях с не-тематическим подлежащим в японском языке (пассивы с продвижением посессора) и в кичага (пассивы от аппликативных конструкций).

(6.59) Падежная область [McFadden 2004: (214), (215)]

- a. Падежная область для DP есть минимальная содержащая ее клауза.
- b. Падежная область для DP есть минимальная содержащая ее фаза⁸⁵.

Учитывая (6.57) и (6.59), контекст для признака [+inferior] задается правилом (6.60) [McFadden 2004: (233)]:

(6.60) [+case] ⇔ [+case, +inferior] / [_{PH_i} [_{vP} DP [_{v'} ... [DP_j ___ ...]]]]

так что не существует дополнительной фазы PH_k, которая содержала бы DP_i и сама входила бы в фазу PH_i.

Наконец, если DP не получила ни зависимого, ни не-структурного падежа, ее падежный признак реализуется как номинатив. Номинатив оказывается дефолтным падежом в том смысле, что является опцией “elsewhere” для реализации признака [+case].

Заметим, что падежная иерархия у МакФаддена определяется спецификацией признаков и вследствие этого не нуждается в дополнительной иерархии порядка приписывания падежей. Соответственно, процедура определения падежного оформления именных групп может происходить «за один проход», без циркулярности. Рассмотрим действие правил на конкретном примере — немецком предложении (6.61a).

Предложению (6.61a) сопоставляется синтаксическая структура (6.61b)⁸⁶, поступающая на вход морфологического компонента. Определение падежной спецификации происходит снизу вверх. Первая именная группа — прямое дополнение *einen Blumenstrauß* ‘букет цветов’. Поскольку синтаксический контекст данной именной группы удовлетворяет правилу (6.60) — в пределах фазы переходного глагола имеется заполненная (копией подлежащего) позиция Spec, vP — эта именная группа получает дополнительный признак [+inferior] и будет реализована морфологическим аккузативом. Следующая именная группа *seiner Freundin* ‘своей девушке’

⁸⁵ Единственный случай, когда определение (6.59b) делает неправильные предсказания — это каузативные конструкции, в которых в зависимой клаузе приписывается аккузатив, несмотря на отсутствие падежного конкурента внутри нее, как в исландском примере (i):

(i) Gestgjafinn_i [_{vP} t_i lét [_{vP} skenkja honum nýjan drykk]].
 гость.NOM CAUS налить он.DAT новый напиток.ACC

‘Гость распорядился, чтобы ему налили еще одну порцию.’ (‘The host had a new drink poured for him.’)

МакФадден предлагает модифицировать понятие фазы так, чтобы в случае непосредственного вложения одной vP в другую только верхняя получала статус фазы.

⁸⁶ В целях наглядности мы намеренно упрощаем деривацию и не отражаем тот факт, что в распределенной морфологии лексическое вставление происходит после применения морфологических правил, так что вместо лексических единиц (6.61b) должно содержать лишь узлы с признаками.

находится в позиции спецификатора аппликативной вершины, поэтому в соответствии с правилом (6.56) получает признаки [+oblique, +inferior], что влечет морфологическое маркирование дательным падежом. Наконец, именная группа *der Sepp* ‘Иосиф’ ни в одной из своих структурных позиций не удовлетворяет правилам (6.56) и (6.60), поэтому остается с признаком [+case], который реализуется номинативом.

(6.61) a. Der Sepp hat seiner Freundin einen Blumenstrauß gekauft.
 Иосиф.NOM AUX своя подруга.DAT цветочный_букет.ACC купить.PART
 ‘Иосиф купил своей девушке букет цветов.’

b. [Der Sepp hat [_{VP} ~~der Sepp~~ [_{APPL_{VP}} seiner Freundin [_{VP} einen Blumenstrauß gekauft]]]]
 [+case, +inferior]
 [+case, +inferior, +oblique]   ↓   ↓
 [+case]   ↓   ↓
 NOM   DAT   ACC

Итак, анализ, предложенный в диссертации [McFadden 2004], следует основным положениям теории Марантца: падеж рассматривается как морфологический феномен и вычисляется в пост-синтаксическом морфологическом компоненте; падеж не имеет отношения к лицензированию именных групп; падеж определяется структурной позицией именной группы и ее положением относительно других именных групп в определенных структурных позициях. Идеи зависимого и дефолтного падежа заложены в признаковую спецификацию падежей и в контекстно-зависимые правила реализации признаков. Область конкуренции падежей — падежная область — определяется единообразно как фаза деривации.

В системе Марантца исходной идеей является, безусловно, морфологический характер правил приписывания падежа, подчиняющийся иерархии специфичности и принципу “elsewhere”. Отсюда следует гипотеза о морфологическом характере падежа и, далее, об отказе от абстрактного падежа как лицензора именных групп. Однако не всем исследователям эти положения представляются неизбежно связанными друг с другом. Предпринимаются попытки имплементировать наиболее привлекательные идеи конфигурационного подхода — о зависимом и дефолтном падеже — в синтаксические деривационные механизмы генеративной грамматики.

Пожалуй, одна из самых известных работ такого плана — статья М. Биттнер и К. Хейла [Bittner, Hale 1996]. В их системе падежная морфология является реализацией нескольких синтаксических категорий. Все морфологические падежи, кроме номинатива, называются маркированными и реализуют вершину K(ase), возглавляющую группу синтаксического падежа. K является структурным аналогом C:

- (6.62) a. [CP [IP [VP]]]
 b. [KP [DP [NP]]]

Ингерентные (косвенные) падежи соотносятся с конкретными фонологически выраженными вершинами К, которые выбираются в результате синтаксической селекции со стороны управляющих вершин аналогично тому, как глаголы выбирают управляемые предлоги (*depend* ‘зависеть’ выбирает *on*, *look* ‘смотреть’ выбирает *at* и т.п.). Прямые маркированные падежи — аккузатив и эргатив — соответствуют КР с нулевой вершиной К. Как и любая пустая категория, нулевая вершина К подчиняется принципу пустой категории (ЕСР) и должна antecedентно управляться коиндексированной функциональной вершиной. Antecedентное управление вершиной К со стороны коиндексированной с ней функциональной вершины приводит к падежному связыванию⁸⁷ К и КР. Морфологическая реализация вершины К определяется тем, какая вершина падежно-связывает КР:

(6.63) Правило реализации прямого падежа

Если α падежно-связывает составляющую β , такую что β — фонологически выраженная КР с нулевой вершиной, то нулевая вершина К составляющей β реализуется как

- a. ERG, если α — I (или D);
 b. ACC, если α — V (или P) и к этой вершине адьюнгирована вершина D⁸⁸.

Наконец, номинативная именная группа не имеет падежной оболочки и соответствует DP. Лицензирование DP по-прежнему определяется падежным фильтром, но сам падежный фильтр получает новую форму: вместо получения абстрактного падежа DP должна быть К-видима (K-visible).

(6.64) К-видимость

DP К-видима, если она с-командуется и управляется вершиной К или ее структурным аналогом — С.

⁸⁷ У Биттнер и Хейла понятие падежного связывания (case-binding) заменяет приписывание падежа при управлении: вместо приписывания падежа DP со стороны управляющей вершины X в системе Биттнер и Хейла вершина X падежно-связывает КР, в которую вложена данная DP, а также ее вершину К.

⁸⁸ Биттнер и Хейл предполагают, что в языках с аккузативными падежными системами в глагол (и предлог) инкорпорирован прономинальный аргумент, который и выступает «падежным конкурентом» в глагольной (или предложной) группе, необходимым для падежного связывания пустого К (=лицензирования зависимого аккузатива) в глагольной (предложной) группе. Таким образом, аккузативная конструкция как результат инкорпорации именной вершины в глагол структурно соотносится с антипассивной. Объединение I с D в (6.63a) связано с использованием эргатива в качестве падежа посессора во многих эргативных языках.

Легко видеть, что DP может удовлетворить требование К-видимости, если она вложена в KP либо располагается в такой структурной конфигурации, что ею управляет и с-командует С. Такая конфигурация может быть достигнута либо передвижением DP в Spec, IP (как в аккумулятивном английском языке или в эргативных дирбале и западно-гренландском инуите), либо за счет последовательной инкорпорации V-to-T-to-C, так что вершина, управляющая DP, «передает» свои управляющие свойства С (как в аккумулятивных японском и иврите или эргативном самоанском или вальбири). Первый тип языков Биттнер и Хейл называют языками с подъемом (*raising accusative / raising ergative languages*), имея в виду под подъемом передвижение номинативной DP, а второй тип языков — прозрачными языками (*transparent accusative / transparent ergative languages*), поскольку передвижение вершин делает узлы IP и VP «прозрачными» для управления со стороны вышестоящих вершин.

Одновременно с лицензированием номинативной DP возникающие конфигурации могут создавать условия для падежного связывания нулевой вершины К у коаргументной именной группы (что, как мы помним, является условием лицензирования пустой категории К, т.е. маркированного прямого падежа). Падежное связывание вершины К происходит в результате падежной конкуренции KP и беспадежной именной составляющей — DP или D.

(6.65) Падежное связывание вершины⁸⁹

Пусть α — вершина V или I, а β — аргумент. Тогда α падежно-связывает β и вершину β , если

- α локально с-командует β ;
- α управляет падежным конкурентом β .

(6.66) Падежный конкурент

γ — падежный конкурент для аргумента β , если γ — именная составляющая без оболочки KP (т.е. DP/NP или D/N), которая входит в цепь с коаргументом β .

Обратим внимание на то, что при падежном связывании требования к KP более сильные, чем к DP/D: KP должна локально с-командоваться со стороны α , что в системе Биттнер и Хейла исключает позицию адъюнкта к максимальной проекции (а это — предполагаемая позиция внешнего аргумента в VP), а также «интервенцию» (в смысле [Rizzi 1990]) других KP и других вершин между KP и α . Требования к падежному конкуренту (DP/D) слабее: он должен только управляться со стороны α , что не исключает позиции спецификатора α , поскольку управление определяется через *m*-командование, а также наличия других KP/DP между падежным конкурентом и α .

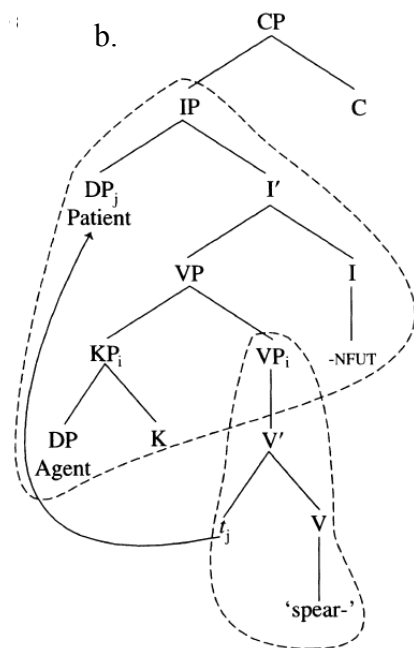
⁸⁹ В целях изложения определения (22), (24) из [Bittner, Hale 1996: 12] несколько упрощены.

Рассмотрим действие системы Биттнер и Хейла на конкретных примерах. В (6.67) представлена переходная клауза из языка дирбал, в классификации Биттнер и Хейла эргативного языка с подъемом. Эргативная конструкция предложения означает, что внутренний аргумент возникает в аргументной структуре как DP, а внешний — как KP с нулевой вершиной К. В пределах глагольной группы ни один из аргументов не лицензируется. Внутренний аргумент (DP) не удовлетворяет требованию К-видимости, поскольку не управляется и не с-командуется ни К, ни С. DP внешнего аргумента удовлетворяет К-фильтру, поскольку вложена в KP, однако сама KP имеет нулевую вершину К, которая, в соответствии с принципом пустой категории, должна быть падежно-связана. Однако падежное связывание со стороны V невозможно, поскольку отношения с-командования между V и внешним аргументом нет.

При передвижении DP внутреннего аргумента в Spec, IP (6.67b) решаются обе проблемы. Во-первых, эта DP оказывается в конфигурации управления и с-командования со стороны С и, таким образом, оказывается К-видима и преодолевает К-фильтр. Во-вторых, в IP возникает необходимая конфигурация для падежного связывания нулевого К внешнего аргумента со стороны вершины I: действительно, I управляет падежным конкурентом и локально с-командует KP. Согласно (6.63), нулевое К, связанное вершиной I, реализуется как морфологический эргатив.

(6.67) a.   Payi   pangkān   pangkul yara-ngku   juffka-nyu.
          CL.NOM   кенгуру.NOM CL.ERG   мужчина-ERG пронзить_копьем-NONFUT

‘Мужчина пронзает копьем кенгуру.’

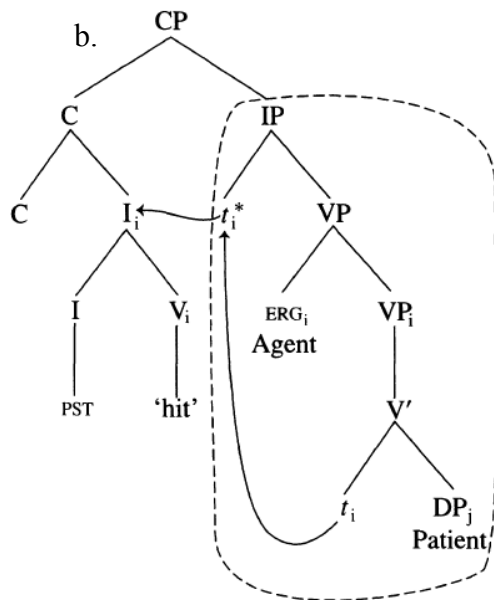
Отметим, что ни одна из альтернативных дериваций (6.67) не возможна. Если бы оба аргумента были представлены DP, то одна из них не могла бы быть К-видима. Если бы DP была

вставлена в позицию внешнего аргумента, а КР — в позицию внутреннего аргумента, то нулевая вершина К не могла быть падежно-связана ни в VP (поскольку в ней отсутствует необходимый падежный конкурент), ни в IP (поскольку внутренний аргумент не находится в отношении локального с-командования с I). Наконец, вставление двух КР в аргументные позиции также лишает структуру падежного конкурента, а значит, ни одна из двух К не может быть падежно-связана.

Легко видеть, что деривация неаккузативов и неэргативов возможна только при вставлении DP в позицию единственного аргумента — для КР с нулевой вершиной не найдется падежного конкурента. Следовательно, одноместные глаголы будут единообразно оформлять свой единственный аргумент номинативом (и располагать его в Spec, IP). Таким образом, система правильно предсказывает эргативную падежную модель.

Обратимся теперь к материалу прозрачного эргативного языка самоа (австронезийский). Отличие самоа от дирбал в том, что в клаузе самоа происходит обязательное V-to-I-to-C передвижение, так что глагольная и предикативная вершины последовательно инкорпорируются в С. За счет этого VP больше не является барьером для управления со стороны I и С, а IP — барьером для управления со стороны С. Таким образом, С управляет внутренним аргументом, что делает его К-видимым. I управляет внешним и внутренним аргументом, при этом локально с-командует только внешним. Вследствие этого возникают условия для падежного связывания нулевой К внешнего аргумента. Отметим, что если бы КР оказалась в позиции внутреннего аргумента, а DP — в позиции внешнего аргумента, то падежное связывание со стороны I было бы невозможно: внешний аргумент выступал бы «интервентом», разрушающим локальность с-командования при падежном связывании.

- (6.68) a. Sa sasa e le teine le maile.
 PST ударить [ERG DEF девочка] [DEF собака]
 ‘Девочка ударила собаку.’

Интересно, что два типа эргативных языков различаются структурным соотношением между внешним и внутренним аргументами. В эргативных языках с подъемом структурно приоритетным оказывается внутренний аргумент переходного глагола, вследствие чего те синтаксические процессы, мишенью которых является самая верхняя аргументная именная группа, реализуют эргативную стратегию. Именно поэтому эргативные языки с подъемом обычно классифицируют как синтаксически эргативные. В прозрачных эргативных языках структурные отношения между внешним и внутренним аргументами соответствуют их базовым позициям, поэтому при морфологической эргативности эти языки проявляют аккузативный (или нейтральный) синтаксис.

Обратимся теперь к аккузативным языкам. Можно заметить, что правила (6.63)–(6.66) сформулированы как универсальные, независимые от морфологического типа языка. Следовательно, мы не можем определить аккузатив как падеж «нижней» именной группы из двух падежных конкурентов: в противном случае мы не сможем исключить появления аккузатива в эргативных языках. Значит, аккузатив не должен возникать в результате конкуренции с номинативом подлежащего.

Биттнер и Хейл предполагают, что аккузативная конструкция возникает благодаря инкорпорации именной вершины в глагол. Такое диахроническое развитие, действительно, засвидетельствовано в тангкских языках, где источником аккузативной конструкции является антипассивная конструкция. Антипассивная конструкция эргативных языков и в самом деле имеет много общего с аккузативной конструкцией: внешний аргумент оформляется номинативом, а внутренний — маркированным падежом (в примере (6.69) из западного гренландского — инструменталисом, [Bittner, Hale 1996: (57)]).

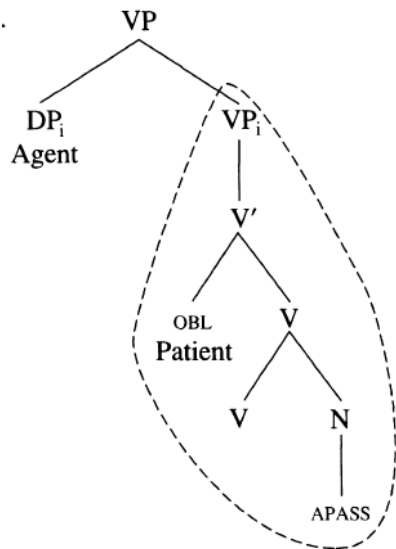
- (6.69) a. Juuna-p Anna kunip-p-a-a.
 Джон-ERG_i Анна_j целовать-IND-[+TR]-3SG_i.3SG_j
 ‘Джон поцеловал Анну.’
- b. Juuna (Anna-mik) kunis-si-v-u-q.
 Джон.NOM_i (Анна-INSTR) целовать-APASS-IND-[-TR]-3SG_i
 ‘Джон целует Анну.’

Инструменталис в антипассивной конструкции (6.69b) едва ли является лексическим падежом (т.е. соответствует КР с непустой вершиной, выбранной глаголом на основании лексической селекции) — «перекодирование» номинативного аргумента инструменталисом является регулярным лексически неограниченным процессом. Более того, в антипассивизированной каузативной конструкции (6.70b) возможно ЕСМ-маркирование инструменталисом субъекта вложенной клаузы [Bittner, Hale 1996: (62)], что явно говорит о структурном характере этого падежа в контексте антипассива:

- (6.70) a. Miıraq (ini-mi-ni) sinip-p-u-q.
 ребенок.NOM (комната-3SG.PROX-LOC) спать-IND-[-TR]-3SG
 ‘Ребенок спит (в своей комнате).’
- b. Juuna miıqqa-mik (ini-mi-ni)
 Джон.NOM ребенок-INS (комната-3SG.PROX-LOC)
 sini-tsit-si-v-u-q.
 спать-CAUS-APASS-IND-[-TR]-3SG
 ‘Джон уложил ребенка в его комнате.’

Биттнер и Хейл предлагают рассматривать инструменталис как специфичную для данного языка реализацию прямого падежа. КР с пустой вершиной в позиции внутреннего аргумента лицензируется в антипассивной VP в соответствии со (6.65), если рассматривать показатель антипассива как именную составляющую, выступающую падежным конкурентом для внутреннего аргумента (6.66).

(6.71)

Заметим, что КР внутреннего аргумента в антипассивной конструкции, будучи падежно-связанной со стороны сложной вершины V+N, не может быть реализована ни как эргатив (поскольку для эргатива необходимо падежное связывание КР со стороны I), ни как аккузатив (поскольку для аккузатива необходимо падежное связывание КР со стороны V+D), см. (6.66). Поэтому для (6.71) необходимо особое правило реализации нулевого К:

(6.72) Реализация К косвенным падежом (западный гренландский)

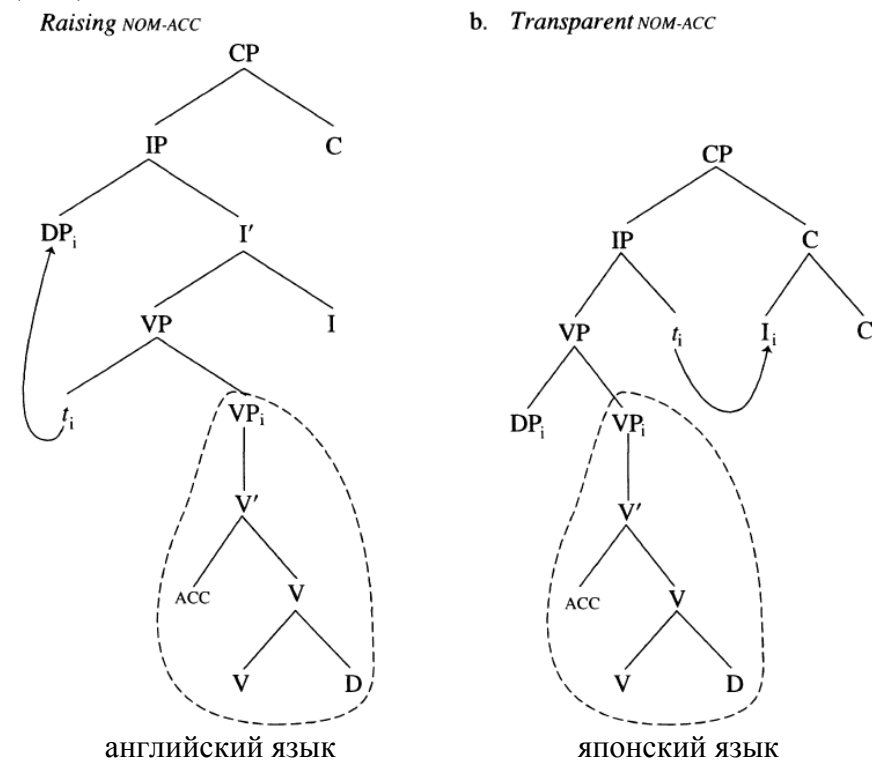
Если α падежно-связывает выраженную КР β , имеющую нулевую вершину, и не удовлетворяет условиям в (6.63a-b), тогда нулевая вершина К составляющей β реализуется как INS, при условии, что α является лексической вершиной и β с-командует вершиной α .

Легко видеть, что структура в (6.71) будет реализована как номинативно-аккузативная, если инкорпорированная в глагол морфема будет переосмыслена в отношении синтаксической категории — как функциональная вершина D. Другим возможным источником сложной вершины V+D Биттнер и Хейл считают реанализ инкорпорации местоименного объекта как согласовательного показателя в глаголе. И в том, и в другом случае к глагольной вершине адьюнгируется именная вершина D, которая и выступает падежным конкурентом для компонента глагола. Распространяя этот анализ на все случаи приписывания аккузатива, Биттнер и Хейл предполагают, что глагол аккузативных языков всегда имеет инкорпорированную вершину D. Заметим, что в соответствии со (6.65) только внутренний аргумент может быть падежно связан глаголом: внешний аргумент не с-командуется сложной вершиной V+D.

Внешний аргумент аккузативных языков должен быть представлен DP (КР в этой позиции не имеет падежного конкурента и не может быть падежно связана ни V+D, ни I). В качестве DP он должен удовлетворять требованию К-видимости, что достигается либо

передвижением в Spec, IP — в синтаксическую окрестность C, либо дистантным управлением со стороны C через границу IP, прозрачную благодаря передвижению вершины I-to-C. Собственно, два типа аккузативных языков — с подъемом и прозрачные — отличаются лишь тем, каким образом лицензируется номинативное подлежащее, см. (6.73):

(6.73)

Итак, мы видим, что, хотя появление «зависимых» падежей — эргатива и номинатива — в системе Биттнер и Хейла основывается на конкуренции с беспадежной именной составляющей, падежными конкурентами оказываются разные элементы. Для эргатива падежным конкурентом, как и у Марантца, является аргументная именная группа без падежа — номинативный внутренний аргумент. Для аккузатива, однако, падежный конкурент другой — это инкорпорированная в глагол вершина D.

На первый взгляд, это предположение существенно проигрывает в убедительности гипотезе Марантца о конкуренции аккузатива с беспадежным подлежащим. Идея, что все (по меньшей мере переходные) глаголы аккузативных языков содержат инкорпорированную именную вершину, *a priori* не кажется убедительной. Однако, если мы сопоставим ее с классической теорией приписывания аккузатива при согласовании, то мы можем рассматривать инкорпорированное D как прономинальный согласовательный элемент, отвечающий за объектное согласование. Постулирование именной вершины, инкорпорированной в глагол, в любом случае едва ли существенно хуже, чем постулирование объектного согласования во всех случаях приписывания аккузатива.

При этом у решения Биттнер и Хейла есть и безусловные плюсы. Поскольку эргатив и аккузатив возникают при падежном связывании со стороны разных вершин и при разных падежных конкурентах, оказывается возможным моделировать расщепленную эргативность, когда в пределах одного языка часть клауз реализует эргативную модель, а часть клауз — аккузативную. Также возможен анализ трехчастных систем, таких как в не-персе (пенутийский язык Северной Америки) или антекерепина (язык арантской группы семьи пама-ньюнга Австралии, см. (6.74)), где в переходной клаузе реализуются эргатив и аккузатив, а в непереходной — номинатив.

- (6.74) a.   Arengke-le   aue-nhe   ke-ke.
               собака-ERG   я-ACC   кусать-PST
               ‘Собака укусила меня.’
- b.   Apwerte-le   athe   arengke-nhe   we-ke.
               камни-INSTR   я.ERG   собака-ACC   бросать-PST
               ‘Я забросал собаку камнями.’
- c.   Arengke   nterre-ke.
               собака.NOM   бежать-PST
               ‘Собака бежала.’

Дизъюнктивная иерархия падежей Марантца в теории Биттнер и Хейла оказывается эпифеноменом: она возникает как следствие различного структурного статуса и лексической спецификации вершин, ассоциированных с падежной морфологией (см. Таблицу 6.4). Приоритет ингерентного падежа над структурным определяется селекцией лексических вершин. «Зависимый» характер маркированных структурных падежей следует из требования падежной конкуренции, необходимого для падежного связывания нулевой вершины K.

Хотя номинатив в падежной системе Биттнер и Хейла называется «немаркированным» падежом, его статус существенно отличается от статуса немаркированного или дефолтного падежа по Марантцу. У Биттнер и Хейла падежный фильтр продолжает действовать, хотя и не является примитивом, а следует из более общих принципов — требования K-видимости и принципа пустой категории. Беспадёжная (номинативная) DP лицензируется управлением со стороны C, что, учитывая требование минимальности, означает, что номинативная именная группа в клаузе может быть только одна.

Таблица 6.4. Классификация падежей в системе М. Биттнер и К. Хейла

	Немаркированный падеж (NOM)	Маркированный структурный падеж		Ингерентный падеж
		ERG, ACC	прочие структурные (DAT, INSTR...)	
Структурный статус	DP	KP	KP	KP
Тип К в DS	—	нулевое	нулевое	заполненное
Лицензирование	К-видимость	ЕСР	ЕСР	принцип проекции
Условия лицензирования	управление и с-командование со стороны К или С	падежное связывание (антецедентное управление при наличии падежного конкурента)	падежное связывание (антецедентное управление при наличии падежного конкурента)	лексическая селекция
Правила озвучивания	—	универсальны; определяются связывающей функциональной вершиной: I — ERG, V+D — ACC	лингвоспецифичны; определяются связывающей лексической вершиной	в соответствии с фонологической строкой К

Оценивая теорию Биттнер и Хейла в целом, многие исследователи (как, впрочем, и сами авторы) отмечают, что она довольно сложна. Хотя теория встроена в классическую синтаксическую модель Управления и связывания, целый ряд традиционных понятий и допущений пересматривается (например, определение с-командования, позиция внешнего аргумента в глагольной группе, минимальность при управлении, категориальный статус деривационных морфем пассива, антипассива), вводятся новые понятия и сущности (падежное связывание, падежный конкурент, К-видимость, а также целый ряд не упомянутых в данном изложении понятий). Однако за счет этого Биттнер и Хейл достигают впечатляющих результатов. Удастся построить единую теорию падежа, способную работать с языками любого морфологического типа — аккузативными, эргативными, активными, трехчастными (контрастивными), а также анализировать функции залоговых, актантно-деривационных, номинализирующих морфем. Морфологический тип языка не является макропараметром, обуславливающим дальнейший выбор падежной стратегии («в эргативных языках маркируй верхнюю именную группу эргативом, в аккузативных языках маркируй нижнюю именную группу аккузативом»), а следует из словарной спецификации вершин и правил озвучивания. Это становится возможным благодаря тому, что падежное лицензирование как синтаксический феномен отделяется от морфологической реализации падежа. В синтаксисе обеспечивается управление номинативной именной группой со стороны С, падежное связывание нулевой вершины К структурных падежей функциональными вершинами и селекция выраженных вершин К лексических падежей со стороны лексических вершин. Реализация же нулевых вершин структурных падежей определяется в значительной степени независимо от их

лицензирования и может быть предметом варьирования (ср. реализацию структурного падежа внутреннего аргумента в антипассивной конструкции западного гренландского и в аккумулятивной конструкции английского языка).

Мощный теоретический аппарат системы Биттнер и Хейла (только определений в статье насчитывается 14), несомненно, является «платой» как за универсальность их подхода, так и за сохранение падежного фильтра. Если допустить, что лицензирование именных групп независимо от падежной проблематики и что универсальная грамматика падежа регламентирует только тип правил (например, «зависимый падеж приписывается при падежной конкуренции двух беспадужных именных групп»), а их конкретное наполнение является языковым параметром (например, «в русском языке зависимый аккумулятив приписывается нижней из двух конкурирующих беспадужных именных групп на уровне клаузы»), то имплементация конфигурационного приписывания падежа в синтаксис становится существенно проще⁹⁰. Такого рода системы предлагаются во многих работах последних лет, в частности, в [Baker, Vinokurova 2010; Baker 2012, Baker 2014a,b, 2015; Preminger 2011, 2014; Levin, Preminger 2015; Kornfilt, Preminger 2015]. Основной задачей здесь становится параметризация падежных областей, в рамках которых приписываются различные зависимые падежи — эргатив, аккумулятив, датив — и условий их приписывания.

В серии работ М. Бейкера, завершающейся представительной монографией [Baker 2015], разрабатывается конфигурационная модель приписывания структурных падежей в ходе синтаксической деривации. Бейкер показывает, что релевантными для падежной конкуренции областями являются VP и TP, и соотносит эти области с компонентами фазовых вершин — *v* и C. Таким образом, приписывание зависимого падежа происходит в момент завершения построения фазы, перед тем как ее комплемент передается на озвучивание. Одним из параметров, задающих межъязыковое варьирование, является статус *vP* как «жесткой» либо «мягкой» фазы. Если фаза жесткая (hard), то ее комплемент невидим для любых дальнейших операций и, в частности, для приписывания падежа. Комплемент мягкой (soft) фазы остается видимым на следующих этапах деривации, однако при следующем озвучивании могут учитываться только возникшие в новой фазе структурные соотношения.

⁹⁰ Например, М. Бейкер явно противопоставляет свою систему модели Биттнер и Хейла как более технически простую: «I am not prepared to say what in my data the Bittner-Hale system could not account for, but I am interested in whether one can match (or surpass) Bittner and Hale's impressive typological range with significantly less technical machinery» [Baker 2015: 58–59]. При этом, однако, Бейкер не упоминает о том, что модель Биттнер и Хейла действительно предсказывает падежные системы на основании иных языковых параметров («accounts for»), в то время как система Бейкера скорее позволяет удобным образом их классифицировать.

Приписывание зависимого падежа обычно обусловливается отношением с-командования между коаргументами в пределах падежной области (positive s-command conditions). В общем виде правило приписывания зависимого падежа содержит информацию о падежной области, структурном соотношении между двумя беспадежными именными группами (с-командует vs. с-командуется) и приписываемом падеже. Бейкер предполагает, что эргатив и аккузатив — зависимые падежи, которые могут быть приписаны только на уровне клаузы (т.е. в падежной области TP); в глагольной группе происходит падежное маркирование третьего аргумента битранзитивного глагола. В качестве примера рассмотрим парадигму битранзитивных клауз из нескольких языков: эргативного шипибо (6.75), аккузативных корейского (6.76) и якутского (6.77), нейтрального чаморро (6.78) и контрастивного (трехчастного) дияри (6.79). Данные о падежном оформлении аргументов в этих языках обобщены в Таблице 6.5.

(6.75) шипибо (пано-таканский/паноанский/капанауа, [Baker 2014a (20)])

Maria-nin-ra   Jose-(*kan)   piti   meni-ke.
 Мария-ERG-PTC   Хосе-(*ERG)   рыба   давать-PF

‘Мария дала Хосе рыбу.’

(6.76) корейский (алтайский, [Baker 2014a (21)])

Cheli-ka   Mary-lul   panci-lul   senmwul-ul   hay-ss-ta.
 Чели-NOM   Мэри-ACC   кольцо-ACC   подарок-ACC   делать-PST-DEC

‘Чели подарил Мэри кольцо.’

(6.77) якутский (алтайский/тюркский, [Baker, Vinokurova 2010: 602 (11)])

Min   Masha-qa   kinige-ni   bier-di-m.
 я.NOM   Маша-DAT   книга-ACC   давать-PST-1SG

‘Я дал Маше книгу.’

(6.78) чаморро (западный малайско-полинезийский/австронезийский, [Baker 2015: 137 (39)])

ha-na'i   si   nana-ña   ni   buteya-n   ketchup.
 3SG-давать   PRN.UNM   мать-6.POSS   OBL   бутылка-LK   соевый_soyc

‘Он дал своей матери бутылку соевого соуса.’

(6.79) дияри (карнский/пама-ньюнга, [Baker 2014a: (22)])

ɲulu   pulapa   ɲiɲa   putu   yɪŋki-ɲa   wara-yi.
 3SG.NF.ERG   3DUAL.ACC   3SG.NF.ACC   вещь   давать-PART   AUX-PRS

‘Он дал им эту вещь.’

Таблица 6.5. Падежное оформление аргументов битранзитивных глаголов

	Агенс	Цель	Тема
	[_{TP} NP ₃]	[_{VP} NP ₂]	[_{v'} NP ₁]]
шипибо	ERG	—	—
корейский	(NOM)	ACC	ACC
якутский	—	DAT	ACC
чаморро	—	—	OBL
дияри	ERG	ACC	ACC

Правила приписывания зависимого падежа при положительных условиях с-командования представлены в (6.80). (6.80a-b) регламентируют приписывание зависимого падежа в глагольной группе: верхняя именная группа получает датив в якутском языке, нижняя именная группа получает обликвус в чаморро. В (6.80c-d) представлены правила приписывания зависимого падежа уровня TP: верхняя именная группа получает эргатив в шипибо и дияри, нижняя именная группа получает аккузатив в корейском, якутском и дияри.

(6.80) Положительные условия с-командования [Baker 2014a: (29)]:

- a. Если NP_x с-командует NP_y на этапе озвучивания VP, падежный признак NP_x означает как датив. (*да* в якутском, *нет* в шипибо, корейском, чаморро, дияри)
- b. Если NP_x с-командует NP_y на этапе озвучивания VP, падежный признак NP_y означает как обликвус. (*да* в чаморро, *нет* в остальных языках)
- c. Если NP_x с-командует NP_y на этапе озвучивания TP, падежный признак NP_x означает как эргатив. (*да* в шипибо и дияри, *нет* в корейском, якутском, чаморро)
- d. Если NP_x с-командует NP_y на этапе озвучивания TP, падежный признак NP_y означает как аккузатив. (*да* в корейском, якутском и дияри, *нет* в шипибо и чаморро)

Обратим внимание на то, что для приписывания аккузатива и эргатива должно быть выполнено одно из двух условий: либо фаза vP должна быть «мягкой», чтобы беспадежный внутренний аргумент (или внутренние аргументы, как в корейском и дияри) были видимы из фазы CP, либо внутренний аргумент должен покинуть VP, чтобы избежать преждевременного озвучивания внутри компонента жесткой фазы vP. В таком случае происходит адьюнкция дополнения к v' — операция, известная как выдвигание объекта (object shift), см. также раздел 2.3.1.

Рассмотрим действие правил (6.80) на примере якутского предложения (6.77). Пусть деривация достигла момента, когда группа легкого глагола собрана, и группа лексического глагола как компонент фазы поступает на вход правил приписывания зависимого падежа. В VP имеется две беспадежные именные группы — ‘Маша’ и ‘книга’, причем именная группа — цель с-командует именной группой — темой (6.81a). В соответствии с правилом (6.80a) с-

b. Именной группе NP₁ приписывается маркированный абсолютив, если в одной с ней падежной области WP нет такой NP₂, которой бы с-командовала NP₅.

Необходимость в правилах такого рода возникает для описания так называемых языков с маркированным номинативом, в которых специальный показатель оформляет единственный аргумент неэргативов и неаккузативов, а также внешний аргумент переходного глагола, в то время как внутренний аргумент переходного глагола остается немаркированным либо маркируется аккузативом. Такие падежные системы встречаются в языках северо-восточной Африки, ср. (6.83) из оромо (кушитский/афразийский, [Baker 2015: 92 (18)]):

- (6.83) a. Sárée-n   adii-n   nî   iyüi-f-i.
 собака-MNOM белый-MNOM FOC   лаять-F-IPF
 ‘Белая собака лает.’
- b. D'axáa-n   maná   duubá: b-bu'e.
 камень-MNOMдом   за   LOC-падать
 ‘Камень упал за домом.’
- c. Húrrée-n   arká   d'olki-t-i.
 туман-MNOM зрение.ABS   предотвращать-F-IPF
 ‘Туман уменьшает видимость.’

Падежная модель оромо отличается и от эргативной схемы (поскольку все одноместные глаголы — и неэргативы, и неаккузативы — используют маркированный номинатив), и от аккузативной / нейтральной схемы, поскольку падеж подлежащего не является немаркированным. В языках с немаркированным номинативом номинатив используется не только как падеж подлежащего, но и во всех прочих контекстах, когда условия для приписывания падежа отсутствуют. В частности, к таким контекстам относятся фрагментированные именные группы в роли номинативных предложений, восклицаний / проклятий / ругательств и названий (*Осень. Чащи леса. Мох сухих болот; Проклятие! Чертова отвертка!*), «зависающие топики» (hanging topics), не повторяющие падеж резюмтивного местоимения / мишени топикиализации (*Вася, я его видел*), именные группы в предикативной позиции. В языках с маркированным номинативом, однако, в таких контекстах используется другая форма, ср. (6.84) из оромо [Baker 2015: 95 (24)]:

- (6.84) Obbolesá   xiyya, makiináa-n   isá   c'apt'e.
 брат   мой   машина-MNOM   его   ломаться-F-PST
 ‘Что касается моего брата, его машина сломалась.’

Поскольку номинатив подлежащего не является дефолтной формой, возникающей в ситуации «elsewhere», для приписывания маркированного номинатива необходимо специальное правило. Оно не может быть сформулировано в терминах положительных условий *s*-командования, как правило для эргатива, поскольку зависимый номинатив приписывается подлежащему как в присутствии, так и в отсутствие нижестоящего падежного конкурента-дополнения. Соответственно, возникает потребность в правилах приписывания падежа в отрицательных условиях *s*-командования: маркированный номинатив приписывается подлежащему тогда, когда в одной с ним падежной области — ТР — не существует *s*-командующей беспадежной аргументной именной группы. Аналогичное правило действует и в зеркальной ситуации, с маркированным абсолютивом (например, в ниасском языке — одном из суматранских языков малайско-полинезийской ветви австронезийских языков).

Перенос конфигурационных правил приписывания падежа в синтаксис, однако, приводит к некоторым сложностям, связанным с таймингом этого процесса. Предположим, что мы деривуем переходное предложение (6.85) в аккумулятивном языке, допускающем скрэмблинг.

(6.85) Николку маленькие дети обижают.

Пусть порядок слов OSV в (6.85) связан с *A'*-передвижением именной группы *Николку*, имеющей признак [+Topic], на левую периферию предложения. В таком случае деривация происходит следующим образом. Сперва глагол соединяется с внутренним аргументом, образуется VP. Затем в деривацию вступает переходный легкий глагол. Он проецирует внешний аргумент в своем спецификаторе, так что образуется структура (6.86a). Поскольку переходный легкий глагол является фазовой вершиной, его дополнение должно быть передано на озвучивание. Но прежде чем это произойдет, необходимо извлечь топикальное дополнение из глагольной группы — иначе оно не сможет в дальнейшем оказаться на левой периферии клаузы. Не принципиально, образует ли топикализованное дополнение внешний спецификатор *vP*, адьюнгируется ли к максимальной проекции или подвергается вставлению (*tucking-in*) ниже внешнего аргумента. В любом случае дополнение покидает глагольную группу (6.86b). После этого все операции в области *vP* закончены, и комплемент фазы — VP — передается на озвучивание (6.86c). Однако, поскольку VP не содержит именных групп, приписывания падежей не происходит.

Деривация продолжается соединением T и *vP*. T согласуется с ближайшей *s*-командуемой именной группой и притягивает ее в Spec, TP (6.86d). Наконец, TP соединяется с C (6.86e), и топикальная составляющая — объектная именная группа — притягивается в Spec, CP (6.86f). Комплемент фазы C — TP — претерпевает озвучивание (6.86g).

- (6.86) a. [_{VP} NP_{SUBJ} v [_{VP} V NP_{OBJ}]]
 b. [_{VP} NP_{SUBJ} [_{VP} NP_{OBJ} v [_{VP} V NP_{OBJ}]]]
 c. [_{VP} NP_{SUBJ} [_{VP} NP_{OBJ} v [_{VP} V NP_{OBJ}]]] озвучивание VP
 d. [_{TP} NP_{SUBJ} T [_{VP} NP_{SUBJ} [_{VP} NP_{OBJ} v [_{VP} V NP_{OBJ}]]]]]
 e. [_{CP} C [_{TP} NP_{SUBJ} T [_{VP} NP_{SUBJ} [_{VP} NP_{OBJ} v [_{VP} V NP_{OBJ}]]]]]
 f. [_{CP} NP_{OBJ} C [_{TP} NP_{SUBJ} T [_{VP} NP_{SUBJ} [_{VP} NP_{OBJ} v [_{VP} V NP_{OBJ}]]]]]
 g. [_{CP} NP_{OBJ} C [_{TP} NP_{SUBJ} T [_{VP} NP_{SUBJ} [_{VP} NP_{OBJ} v [_{VP} V NP_{OBJ}]]]]] озвучивание TP

Легко видеть, что условия приписывания аккузатива в (6.86g) отсутствуют: в падежной области присутствует только одна аргументная именная группа — подлежащее. Выдвинувшись из TP, объектная именная группа покинула свою клаузу беспадежной, а значит, останется номинативной или будет падежно-зависима от (и будет оказывать влияние на падежное оформление) аргументной структуры вышестоящей клаузы, что принципиально неверно.

Заметим, что проблема не только в том, что топиальная именная группа покинула свою падежную область. Если (что более естественно для русского языка) позиция для топиализованных составляющих отличается от позиции Spec, CP и располагается в спецификаторе особой вершины (например, Top), то сперва топиализованная именная группа окажется в Spec, TopP (6.87a), а затем образуется фаза CP (6.87b). Комплемент фазы — TopP — претерпевает озвучивание, и применяется правило (6.80d), поскольку в падежной области оказывается две пока еще беспадежных именных группы. Однако топиализованное дополнение с-командует подлежащим, и в результате оказывается, что аккузатив получит подлежащее, а не прямое дополнение!

- (6.87) a. [_{TopP} NP_{OBJ} Top [_{TP} NP_{SUBJ} T [_{VP} NP_{SUBJ} [_{VP} NP_{OBJ} v [_{VP} V NP_{OBJ}]]]]]
 b. [_{CP} C [_{TopP} NP_{OBJ} Top [_{TP} NP_{SUBJ} T [_{VP} NP_{SUBJ} [_{VP} NP_{OBJ} v [_{VP} V NP_{OBJ}]]]]]
 c. [_{CP} C [_{TopP} NP_{OBJ} Top [_{TP} NP_{SUBJ} T [_{VP} NP_{SUBJ} [_{VP} NP_{OBJ} v [_{VP} V NP_{OBJ}]]]]]]]

Очевидно, проблема в том, что взаимное расположение именных групп в конце фазы определяется не только аргументной структурой клаузы (которую, собственно, и отражает падежное маркирование), но и логической и коммуникативной структурой клаузы (которая возникает в результате A'-передвижений). Поскольку в генеративной грамматике, в отличие от ряда других теорий, структура составляющих отражает все уровни представления предложения,

то естественно, что уровень аргументной структуры к концу фазы в общем случае затемнен последующими передвижениями.

Естественным выходом из этой ситуации может быть альтернативный подход к конфигурационному приписыванию падежа и таймингу этого процесса: для приписывания падежа не следует ждать завершения фазы; напротив, падежное взаимодействие должно происходить как можно раньше, как только возникнут необходимые структурные конфигурации. Это решение напоминает принцип раннего применения правил (Earliness principle) Д. Песецкого [Pesetsky 1989] и вполне соответствует современным минималистским тенденциям в организации деривации. Одно из предложений такого типа — теория конфигурационного приписывания падежа О.Премингера [Preminger 2011, 2014; Levin, Preminger 2015; Kornfilt, Preminger 2015].

Премингер предлагает имплементацию дизъюнктивной иерархии падежа Марантца (6.48) в синтаксическом компоненте модели языка. Падеж является формальным признаком именной группы; именные группы вступают в деривацию с неозначенным признаком падежа. Однако (и в этом существенное отличие модели Премингера от стандартной генеративной теории падежа) тот факт, что некоторая именная группа не смогла в ходе деривации означить свой падежный признак, не приводит к краху деривации — именные группы с неозначенным падежным признаком в конце деривации получают дефолтное значение падежа. Таким образом, хотя падежная грамматика остается в рамках «узкого синтаксиса» (narrow syntax), лицензирующая функция падежа в системе Премингера оказывается невостребованной.

Означивание признака падежа у именной группы может происходить следующими способами. Во-первых, падежный признак именной группы может получить значение от вершины, которая проецирует данную именную группу. Этот процесс — аналог лексического управления А. Марантца. Важно, что означивание падежного признака проецирующей вершиной имеет приоритет над другими способами означивания признака падежа в силу того, что отношение между именной группой и проецирующей ее вершиной — это первое структурное отношение, в которое именная группа имеет шанс вступить в данной деривации.

Во-вторых, если проецирующая именную группу вершина не относится к числу вершин-приписывателей ингерентного падежа, то следующий способ для именной группы означить свой падежный признак — за счет падежного соревнования с другой именной группой в пределах некоторой падежной области. Параметризуя эту область и условия с-командования для конкретных падежей конкретных языков и учитывая Принцип раннего применения правил, мы добьемся того, что как только падежная область построена и она содержит две и более конкурирующих именных группы, возникают условия для приписывания зависимого падежа.

Наконец, если именная группа не смогла означить свой падежный признак до конца деривации, то она остается «беспадежной» с синтаксической точки зрения, а в точки зрения морфологии получает форму «по умолчанию», которая традиционно называется «номинативом»/«абсолютивом». Таким образом, принцип раннего применения правил вкупе со строгой локальностью ингерентного падежа и относительной не-локальностью зависимого падежа позволяет вывести дизъюнктивную иерархию падежей Марантца.

Тем не менее, и тайминг означивания падежного признака в соответствии с предложением Премингера не вполне безупречен. Проблема возникает с приписыванием зависимого падежа. Предположим, что областью падежной конкуренции является некоторая составляющая Δ — группа вершины δ . Если δ — лексическая вершина, то структурное соотношение между именными группами, в соответствии с принципом единообразия приписывания тематических ролей, будет отражением тематической иерархии. В таком случае падежная система Премингера предсказывает единообразное приписывание зависимых падежей для предикатов, имеющих одинаковые аргументные структуры и не приписывающих ингерентных падежей своим аргументам. Однако, очевидно, что это не так: в (6.86) два английских экспериенциальных глагола демонстрируют диаметрально противоположное падежное оформление аргументов:

(6.86) a. She likes him.

‘Он ей нравится.’

b. He pleases her.

‘Он ей нравится.’

Следовательно, приписывание зависимого падежа не может происходить на уровне лексической проекции, потому что в таком случае падежное маркирование будет отражать не грамматические отношения (синтаксические роли), а тематические отношения (семантические роли) между аргументами лексической вершины. Предположим тогда, что δ — функциональная вершина, и в ее проекции Δ аргументные именные группы должны занять структурные позиции, соответствующие их синтаксическим ролям. Однако, как мы видели выше, в примерах (6.86)–(6.87), на позицию именной группы в функциональной проекции Δ оказывает влияние не только А-передвижение, создающее по сути уровень грамматических отношений, но и А'-передвижение, создающее далее логическую и коммуникативную структуру предложения. Следовательно, в пределах функциональной проекции Δ приписывание зависимого падежа должно происходить и не *сразу* после соединения δ с сестринской составляющей, т.е. до операций внутри Δ , и не тогда, когда *все* операции внутри Δ были произведены; необходимо, на самом деле, дождаться, пока произойдут все А-передвижения, но еще не будут происходить А'-

передвижения. Об этом вскользь пишет М. Бейкер: приписывание зависимого падежа, по их словам, должно происходить сразу после того, как данная составляющая построена, до этапа скрэмблинга («...immediately when a relevant constituent is built (e.g. prior to scrambling)», [Baker 2012: 266]). Представляется, тем не менее, что эта проблема существенно уменьшает привлекательность конфигурационного подхода к приписыванию падежа и ставит под вопрос независимость падежного маркирования от наличия вершин-приписывателей падежа. Действительно, чтобы определить, в какой момент, производя операции внутри составляющей Δ , мы должны осуществить приписывание падежа, нужно знать про все происходящие внутри данной составляющей передвижения, являются ли они A -передвижениями или A' -передвижениями (или, что то же самое, какие признаки вызывают данное передвижение). Таким образом, мы приходим к необходимости учитывать свойства вершин, создающих структурную конфигурацию в падежной области путем притягивания именных групп в свою окрестность. Легко видеть, что это практически то же самое, что и приписывание структурного падежа со стороны вершин, имеющих сильные (или отягощенные признаком второго порядка ЕРР) неозначенные ϕ -признаки.

6.3.3. Падеж и согласование в конфигурационных моделях

Важный вопрос, который мы рассмотрим в этом разделе, касается соотношения между падежом и согласованием в конфигурационной модели падежа. Если для современной хомскианской модели приписывание структурного падежа есть побочный эффект согласования функциональной вершины с именной группой-целью, то конфигурационная модель в принципе не апеллирует к согласованию. Эмпирические основания имеются у сторонников обеих моделей. Действительно, связь предикативного согласования с приписыванием номинатива известна синтаксистам еще со времен грамматики Панини. С другой стороны, согласование функциональной вершины ν с аккузативным дополнением значительно менее очевидно и проявляется морфологически в существенно меньшем количестве языков. Более того, даже в тех языках, в которых морфологически выражается и аккузатив, и согласование предиката с объектом, между приписыванием падежа и объектным согласованием нет одно-однозначного соответствия. Например, М. Бейкер [Baker 2012] показывает, что в амхарском языке (эфиопская группа семитских языков афразийской семьи) объектное согласование и приписывание аккузатива являются независимыми, хотя и частично связанными процессами. Так, неопределенная именная группа в объектной позиции не получает аккузатив и не может контролировать объектное согласование (6.87a), в то время как аккузативная определенная

именная группа в позиции дополнения может (но не должна) выступать контролером объектного согласования глагола (6.87b).

- (6.87) a. Ləm̩ma wiff̩fa j-aj-al || *j-aj-əw-al.
 Лемма собака 3M.SU-видеть-AUX.3M.SU 3M.SU-видеть-3M.OBJ-AUX.3M.SU
 ‘Лемма видит <a> собаку.’
- b. Ləm̩ma wiff̩fa-w-in j-aj-al || j-aj-əw-al.
 Лемма собака-DEF-ACC 3M.SU-видеть-AUX.3M.SU 3M.SU-видеть-3M.OBJ-AUX.3M.SU
 ‘Лемма видит <the> собаку.’

Существенно, однако, что в амхарском языке могут быть аккузативные прямые дополнения, с которыми не может происходить согласование, и наоборот, не-аккузативные аргументы, вызывающие объектное согласование на глаголе. К первой группе относятся, например, кванторные, вопросительные, рефлексивные и прочие виды местоименных именных групп, не являющихся в строгом смысле референтными. В позиции прямого дополнения они обязательно маркируются аккузативом, однако объектное согласование с ними неграмматично (6.88). Также никогда не контролирует согласование глагола аргумент-тема битранзитивного глагола (6.89).

- (6.88) a. Ləm̩ma səw-u-n hullu
 Лемма человек-DEF-ACC каждый
 gabbəz-ə || *gabbəz-ə-w.
 приглашать-3M.SU приглашать-3M.SU-3M.OBJ
 ‘Лемма пригласила каждого.’
- b. Ləm̩ma mann-in-im al-ajj-ə-m
 Лемма кто-ACC-FOC NEG-видеть-3M.SU-FOC
 || *al-ajj-ə-w-m.
 NEG-видеть-3M.SU-3M.OBJ-FOC
 ‘Лемма никого не видела.’

- (6.89) Ləm̩ma Aster-in his’an-u-n
 Лемма Астер-ACC младенец-DEF-ACC
 asaj-∅-at || *asaj-ə-w.
 показывать-3M.SU-3F.OBJ *показывать-3M.SU-3M.OBJ
 ‘Лемма показала Астер младенца.’

С другой стороны, в амхарском возможно объектное согласование с не-аккузативной именной группой. Во-первых, это согласование с косвенным дополнением, которое может выступать не только в форме аккузатива, но и в составе предложной/падежной группы с

показателем *la* (6.90). Во-вторых, это объектное согласование с номинативным внутренним аргументом — посессором или экспериенцером (6.91).

(6.90) L-Aster   *liɖz-u-n*   *assajj-əhw-at.*
 DAT-Астер   ребенок-DEF-ACC   показывать-1SG.SU-3F.OBJ

‘Я показал ребенка Астер.’

(6.91) Aster   *wiɟfa*   *all-∅-at.*
 Астер собака   быть-3M.SU-3F.OBJ

‘У Астер есть собака.’

Таблица 6.6. Соотношение объектного согласования и приписывания аккузатива в амхарском языке

Объектное согласование	Падежное маркирование дополнения	
	аккузатив	другой способ (номинатив, датив)
да	+ (6.87b)	+ (6.90), (6.91)
нет	+ (6.87b), (6.88), (6.89)	+ (6.87a)

Амхарский язык — не единственный язык, демонстрирующий подобное соотношение между согласованием и падежным маркированием. Так, в лесном диалекте энецкого языка, по свидетельству О.В. Ханиной и А.Б. Шлуинского, объектное согласование может происходить как с номинативным, так и с падежно-маркированным объектом, при этом ни номинативный, ни маркированный объект не требуют обязательного объектного согласования, ср. (6.92a-d) из [Ханина, Шлуинский 2015: 403–404].

(6.92) a.   **bi?**   *ʃee-xugu*   *εε-xo-da*   *nʃi*   *mis.*
 вода.NOM   кто-INDEF   мать-DAT.SG-OBL.SG.3SG NEG.3SG.SU   дать-CONN

‘Никто не дал маме воды.’

b.   *ɔdiz*   *ooɟa-ʔ.*
 зелень.OBL   есть-3PL.SU

‘Они едят траву.’

c.   *iɟi-zi?*   *ko-ʔ*   *ɔdi?*
 конечно-3DU.SO.SG   найти-CONN   зелень.NOM

‘Конечно, они нашли это растение.’

d.   *poga-d*   *tetti-r.*
 сеть-OBL.SG.2SG   измерить-2SG.SO.SG

‘Ты померил свою сетку.’

Подобный эмпирический материал позволяет предположить, что предикативное согласование — независимый от приписывания структурного падежа феномен. Такой радикальный вывод делает, в частности, А. Марантц [Marantz 1991]. Рассматривая данные грузинского языка, Марантц отмечает, что падежное оформление аргументов варьирует в зависимости от видо-временной формы глагола («серии»), но при этом контролеры согласовательных показателей в глагольной словоформе выбираются по одним и тем же правилам. Этот факт, с точки зрения Марантца, свидетельствует о том, что правила падежного маркирования и правила согласования должны формулироваться отдельно и не обязаны демонстрировать какие бы то ни было корреляции. Марантц считает, что предикативное согласование также является постсинтаксическим процессом: в морфологическом компоненте языка с предикативным согласованием к сложной вершине V+I добавляется морфема *Ag₁*, которая выбирает именную группу — контролер согласования в соответствии с конкретно-языковыми правилами. Марантц предполагает, что эти правила также могут быть сформулированы в виде дизъюнктивной иерархии, ранжирующей «зависимое согласование» — согласование с верхней или нижней из двух именных групп, управляемых V+I — выше «немаркированного согласования» — согласования с любой именной группой, управляемой V+I, а «немаркированное согласование», в свою очередь — выше «дефолтного согласования», то есть означивания признаков *Ag₁* в отсутствие подходящей мишени. При таком подходе русский или английский языки оказываются языками с аккумулятивным зависимым падежом (при падежном соревновании зависимый падеж получает нижняя именная группа) и эргативным зависимым согласованием (при соревновании контролеров согласования побеждает верхняя именная группа).

Заметим, что сам Марантц отмечает определенную асимметрию в устройстве системы падежного маркирования и системы согласования: с одной стороны, не вполне понятно, какой феномен может соответствовать лексическому управлению в области согласования, а с другой стороны, *quirky*-подлежащие и *quirky*-дополнения, т.е. лексически управляемые именные группы, похоже, не участвуют в соревновании контролеров. Это значит, что едва ли теория согласования должна быть полностью независима от теории падежного маркирования. В этом отношении большой интерес представляет гипотеза Дж. Бобальрика [Bobaljik 2008] о так называемой падежной дискриминации согласования — потенциальные контролеры предикативного согласования выбираются из именных групп с определенным морфологическим падежным маркированием (m-падежом). Наиболее естественные контролеры — именные группы в немаркированном/дефолтном падеже, следующий тип — именные группы в зависимом падеже, и, наконец, наименее естественно согласование с именными группами в лексически управляемом (ингерентном падеже).

(6.93) Иерархия контролеров согласования (m-падеж)

немаркированный падеж > зависимый падеж > лексически управляемый/косвенный падеж

Иерархия в (6.93) представляет собой реинтерпретацию иерархии контролеров согласования Э. Моравчик [Moravcsik 1974, 1978a], сформулированную в терминах грамматических отношений:

(6.94) Иерархия контролеров согласования Э. Моравчик (грамматические отношения)

Su > DO > IO > обстоятельство

Для языков, в которых иерархия грамматических отношений с высокой степенью точности отображается в иерархию падежей (последовательные аккумулятивные языки, например, немецкий или турецкий), выбор между двумя способами обобщения свойств согласования не очевиден. Однако, замечает Бобальник, если рассмотреть случаи, когда морфологический падеж расходится с грамматическим отношением, то оказывается, что иерархия контролеров согласования в терминах m-падежей делает лучшие предсказания, чем иерархия Моравчик. В частности, в исландском языке *quirky*-подлежащее не может быть контролером предикативного согласования, и в его присутствии контроль согласования переходит номинативному дополнению, т.е. именной группе в немаркированном/дефолтном падеже. В морфологически эргативных языках засвидетельствованы различные типы предикативного согласования (6.95), но характерно, что они полностью соответствуют иерархии (6.93) и не предсказываются иерархией (6.94).

(6.95) а. нет согласования (дирбал, лезгинский)

b. только ABS (цахурский, хинди)

c. ABS ERG (западный гренландский, майя)

d. ABS ERG DAT (баскский, грузинский)

e. * только ERG

f. *ERG, DAT, но не ABS

g. * только DAT

h. *ABS, DAT, но не ERG

Интересно, что гипотеза Бобальника позволяет объяснить асимметрию в соотношении аккумулятивной/эргативной моделей в падежном маркировании (*flagging*) и предикативном согласовании (*indexing*). Известно, что в падежном маркировании эргативная стратегия проявляется достаточно часто, сопоставимо с аккумулятивной (в выборке из 190 языков в [Comrie

2013] 17% имеют эргативную падежную систему и 27% — аккузативную), а эргативная стратегия предикативного согласования чрезвычайно редка (в выборке из 380 языков в [Siewerska 2013] 56% имеют аккузативное предикативное согласование, и только 5% — эргативное)⁹². Соответственно, распределение языков по типам с учетом двух параметров неравномерно, ср. Таблицу 6.7. (данные из [Аркадьев 2015]).

Таблица 6.7. Аккузативная и эргативная стратегии в падежном маркировании и предикативном согласовании

падежное маркирование согласование	аккузативное	эргативное
аккузативное	очень часто (русский, литовский)	чрезвычайно редко (южный пайюте)
эргативное	очень часто (бурушаски, шипибо)	редко (кабардинский, цахурский)

Почему же эргативное предикативное согласование представлено так редко даже в языках с эргативной падежной системой, ведь в соответствии с иерархией (6.93) номинатив, будучи дефолтным падежом, является наиболее приоритетным контролером предикативного согласования?

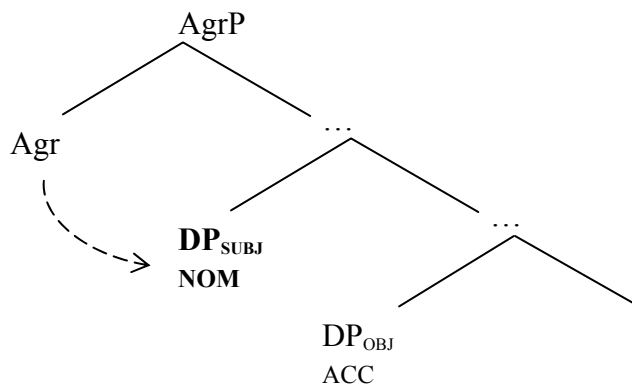
Рассмотрим языки, имеющие только один слот для предикативного согласования. Среди аккузативных языков, очевидно, возможны два типа — языки, выбирающие в качестве контролера согласования только именные группы в дефолтном падеже (тип A1) и языки, допускающие в качестве контролера согласования именные группы в дефолтном или зависимом падеже (тип A2). В языках типа A1 предикативное согласование всегда будет происходить с номинативным подлежащим, поэтому стратегия согласования будет аккузативная. В языках типа A2 в конструкции с переходным глаголом потенциальными контролерами предикативного согласования будут номинативное подлежащее и аккузативное прямое дополнение. Однако, поскольку подлежащее обладает структурным приоритетом над дополнением, именно оно будет выбрано в качестве цели вершиной-зондом (если согласование происходит в синтаксисе) или согласовательной морфемой (если согласование происходит в постсинтаксическом компоненте). Таким образом, аккузативные языки будут демонстрировать аккузативную стратегию предикативного согласования независимо от того, доступна ли именная группа в зависимом падеже в качестве контролера согласования.

⁹² Здесь и далее в этом разделе обсуждаются только языки, демонстрирующие аккузативную или эргативную стратегии в падежном маркировании и согласовании; языки с нейтральной, трехчастной и активной стратегией не учитываются.

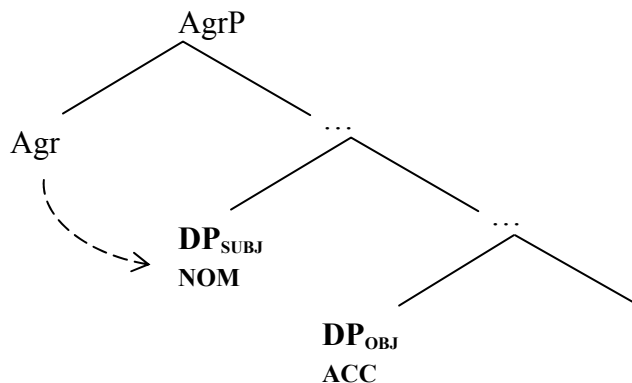

Обратимся теперь к языкам в эргативной падежной системой. Здесь также можно выделить два типа языков: языки, выбирающие в качестве контролера согласования только именные группы в дефолтном падеже (тип E1) и языки, допускающие в качестве контролера согласования именные группы в дефолтном или зависимом падеже (тип E2). В языках типа E1 контролером предикативного согласования может быть только номинативная именная группа, поэтому предикативное согласование будет происходить с S-аргументом непереходного глагола и с P-аргументом переходного глагола. Таким образом, языки типа E1 — это языки с эргативной падежной системой и эргативным предикативным согласованием. В языках типа E2 в конструкции с переходным глаголом потенциальными контролерами предикативного согласования будут эргативный внешний аргумент и номинативный внутренний аргумент. Так как внешний аргумент обладает структурным приоритетом над внутренним аргументом, контролером предикативного согласования станет именно он. В результате эргативные языки типа E2 будут иметь аккузативное предикативное согласование. Выбор контролера предикативного согласования в переходной структуре схематически изображен в (6.86) для аккузативных языков и (6.87) для эргативных языков.

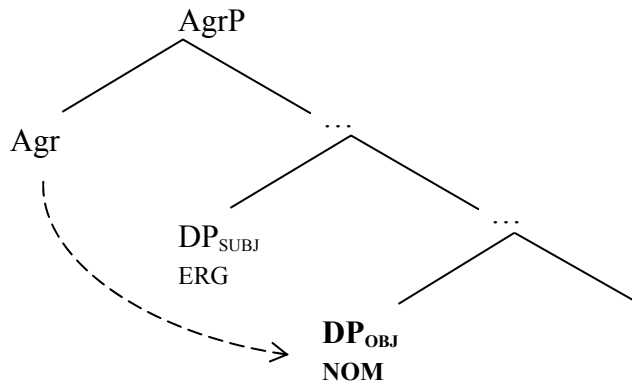
(6.96) а. тип A1: аккузативная падежная система, для согласования доступен дефолтный падеж

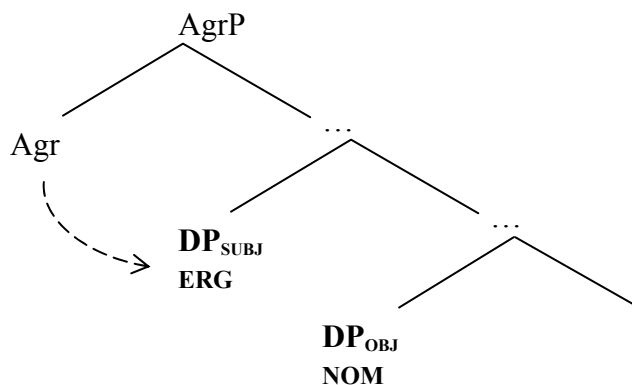
б. тип A2: аккузативная падежная система, для согласования доступны дефолтный и зависимый падежи

(6.97) а. тип E1: эргативная падежная система, для согласования доступен дефолтный падеж

б. тип E2: эргативная падежная система, для согласования доступны дефолтный и зависимый падежи

Следует отметить, что отмежевание предикативного согласования от приписывания структурного падежа не обязательно означает постсинтаксическую, как у Бобальника, локализацию обоих процессов. Ж. Корнфилт и О. Премингер [Kornfilt, Preminger 2015] предлагают анализ якутского языка, в соответствии с которым падежное маркирование и предикативное согласование происходит в синтаксисе, и при этом контролерами согласования способны выступать только беспадежные именные группы. Беспадежными считаются именные группы, которые на определенном этапе деривации еще не получили падежа и получают дефолтный падеж, если до конца деривации не вступят в падежное взаимодействие в пределах другой падежной области. Преимущество такого подхода в том, что он позволяет объяснить согласование с именной группой, подвергающейся последующему подъему, как в (6.98). В пределах нижней CP именная группа *ehigi* ‘ты’ не получила падежа и поэтому способна выступить контролером предикативного согласования. После подъема в главную клаузу данную именная группа оказывается в другой падежной области и получает зависимый аккузатив. Таким образом удастся объяснить феномен, не имеющий соответствий в других компонентах грамматики якутского языка — предикативное согласование с аккузативной именной группой.

Легко видеть, что такой подход невозможен при постсинтаксическом анализе согласования и падежного маркирования.

(6.98) Min **ehigi-ni** [C bügün -ehigi kyaj-yaх-xyt dien]
 я ты-ACC сегодня ты победить-FUT-2PL что
 eгem-mit-im.
 надеяться-PST-1SG

‘Я надеюсь, что ты сегодня победишь.’ [Baker, Vinokurova, 2010: (37a)]

М. Биттнер и К. Хейл, строя синтаксическую имплементацию конфигурационной падежной системы, также «переворачивают» хомскианское соотношение между согласованием и падежом: не структурный падеж является побочным продуктом согласования функциональных вершин, но наоборот, приписывание структурного падежа именным группам обуславливает их выбор в качестве контролера согласования V, I и C, поскольку именно V и I антецедентно управляют пустой категорией K KP структурных падежей, а C лицензирует номинативную DP.

Говоря о соотношении между падежом и согласованием, нужно подчеркнуть, что, хотя «хомскианская» и «марантцева» системы подразумевают абсолютно противоположные взгляды на их связь, вполне вероятно, что зерно истины есть в обоих подходах, просто потому, что разные падежи разных языков по-разному приписываются и взаимодействуют с согласованием. Здесь следует упомянуть предложенный в монографии М. Бейкера [Baker 2008b] параметр зависимости падежа от согласования (Case-Dependence of Agreement Parameter, CDAP). Например, связь между объектным согласованием и аккузативным маркированием в амхарском языке или в энецком языке, судя по приведенным выше данным, отсутствует (CDAP=“no”), однако есть языки и с положительным значением этого параметра. Так, Бейкер упоминает австралийский язык мангарайи и северо-американский не-персе, в которых объектное согласование и аккузативное маркирование объекта находятся в одно-однозначном соответствии. Возможно также, что часть структурных падежей приписывается при согласовании, в соответствии с хомскианской моделью, а часть — в результате падежного соревнования, вне связи с согласованием, в соответствии с марантцевой моделью. Такое предположение Бейкер делает применительно к материалу якутского языка. Например, приписывание номинатива с необходимостью вызывает предикативное согласование с номинативной именной группой, и наоборот — предикативное согласование с не-номинативной именной группой невозможно, [Baker, Vinokurova, 2010: (65)–(66)]:

- (6.99) Masha-qa   **at-tar**   ber-ilin-ni-ler || *ber-ilin-ne.
 Маша-DAT   лошадь-PL.NOM   дать-PASS-PST-3PL || дать-PASS-PST.3SG
 ‘Лошади были отданы Маше.’
- (6.100) Masha-qa   **at-tar-y**   *ber-ilin-ni-ler || ber-ilin-ne.
 Маша-DAT   лошадь-PL-ACC   дать-PASS-PST-3PL || дать-PASS-PST.3SG
 ‘Лошади были отданы Маше.’

В то же время приписывание аккузатива и датива в якутском языке не сопровождается никакими согласовательными процессами и, по-видимому, независимо от согласования. Мы подробнее остановимся на этой гипотезе в главе 7.

В заключительном разделе настоящей главы мы вернемся к обсуждению аргументной структуры и падежного маркирования аргументов русских предметных и событийных существительных. Мы попытаемся применить к ним рассмотренные выше падежные теории, разработанные на другом материале, и оценить предсказательные возможности этих теорий для фрагмента русской падежной грамматики.

6.4. Падежная грамматика: взгляд изнутри русской именной группы

Компоненты именной группы в русском языке можно классифицировать по целому ряду оснований. Для данного изложения наиболее релевантны два из них: противопоставление аргументов именной вершины прочим единицам, входящим в именную группу (адъюнктам, функциональным элементам и т.д.) и противопоставление адъективных составляющих неадъективным (падежным, предложно-падежным, адвербиальным). Эти характеристики не являются в полной мере независимыми: аргументы именной вершины имеют тенденцию выражаться при помощи неадъективных зависимых именной группы, за одним исключением — притяжательные местоимения (*мой, свой*) и референтные притяжательные прилагательные (*Петин, бабушкин*) могут выражать семантический акт существительного.

Обращаясь к способам выражения термовых аргументов существительного, можно сделать несколько предварительных обобщений над фактами:

— аргументы существительного никогда не выражаются именной группой в номинативе или аккузативе;

— аргументы существительного могут выражаться именными группами в косвенных падежах (дательный, творительный, интенциональный родительный) или предложными группами, в соответствии с идиосинкратичным управлением именной вершины;

- в отсутствие идиосинкратичных требований существительного стандартным способом выражения аргумента является родительный падеж;
- родительный падеж используется также для выражения (неаргументного) посессора;
- генитивные именные группы варьируют с притяжательными местоимениями и прилагательными (*книга Пети ~ Петина книга*).

Очевидно, из этих обобщений следует особый статус приименного генитива, который используется для выражения посессора или любого тематического аргумента именной вершины, на который не накладываются специальные падежные требования.

В разделе 2.3 мы рассмотрели гипотезу о связи русского приименного генитива с проекцией функциональной вершины D. По итогам обсуждения эта гипотеза была отвергнута: выяснилось, что лицензирование приименного аргументного генитива не зависит от присутствия в структуре вершины D, но напротив, генитивные аргументы проявляют тесную связь с вершиной-существительным.

Отвергнутая нами гипотеза — приписывание генитива посессору со стороны (посессивного) D — является стандартным анализом приименного генитива в хомскианской модели приписывания падежа при согласовании. Сделанные нами выводы указывают на необходимость альтернативного анализа падежного оформления аргументов существительных. Кроме того, предпринятое обсуждение показало также, что синтаксис именных групп, возглавляемых событийными и не-событийными существительными, существенно различается, что должно найти отражение в их анализе. В разделе 2.3.5 мы наметили предварительный анализ, помещающий аргументные именные группы предметных существительных и событийных номинализаций в структурные позиции, не связанные с проекцией DP и соотносимые с лексической проекцией существительного и проекцией глагольной основы, соответственно. Теперь этот анализ может быть уточнен с учетом новых сведений о синтаксисе падежа, которые мы изложили в главах 5 и 6. В следующих разделах мы обсудим некоторые варианты.

6.4.1. Падежная грамматика несобытийных именных групп

Обобщим требующие объяснения характеристики аргументной структуры и падежного синтаксиса именных групп, возглавляемых несобытийными существительными. Во-первых, они допускают более одной аргументной генитивной именной группы. Во-вторых, генитивное оформление аргументов не используется при лексическом управлении аргументом со стороны именной вершины. В-третьих, порядок следования аргументов регулируется двумя принципами: падежным (генитивный аргумент должен прилегать к именной вершине) и

тематическим (внутренний аргумент располагается ближе к вершине, чем внешний). В четвертых, падежное оформление аргументов независимо от функциональной вершины D.

Какие компоненты анализа необходимы, чтобы объяснить данные характеристики?

Потребность генитивного аргумента в прилагании к именной вершине напоминает известное требование падежного прилагания (Case adjacency), сформулированное в [Stowell 1981]. Стоуэлл предполагает, что неграмматичность (6.101b) связана с тем, что именная группа *her allowance* расположена неконтактно с переходной вершиной V, приписывающей этой именной группе аккумулятив. Тот факт, что номинализации в (6.102) допускают различный порядок следования аргументов-предложных групп, говорит о том, что неграмматичность (6.101b) не связана с различиями в семантических ролях.

(6.101)a. Maggie donated [_{NP} her allowance] [_{PP} to the charity].

‘Мэгги пожертвовала свои карманные деньги на благотворительность.’

b. *Maggie donated [_{PP} to the charity] [_{NP} her allowance].

‘Мэгги пожертвовала на благотворительность свои карманные деньги.’

(6.102)a. [Maggie’s donation [_{PP} of her allowance] [_{PP} to charity]] was nice.

‘То, что Мэгги пожертвовала свои карманные деньги на благотворительность, очень мило.’

b. ?[Maggie’s donation [_{PP} to charity] [_{PP} of her allowance]] was nice.

‘То, что Мэгги пожертвовала на благотворительность свои карманные деньги, очень мило.’

В русском языке требование падежного прилагания засвидетельствовано как минимум еще в одной конструкции — компаративной конструкции с синтетической сравнительной степенью [Grashchenkov, Lyutikova 2008; Рахилина 2015]. В (6.103) представлен случай, когда эталон сравнения выражен генитивной именной группой. Мы видим, что эта именная группа должна располагаться ближе к компаративу, чем внутренний аргумент прилагательного — предложная группа *к футболу*. Примечательно, что это ограничение действует только для генитивного эталона: из (6.103) видно, что эталон сравнения, вводимый союзом *чем*, «пропускает» вперед компонент прилагательного.

(6.103)a. равнодушнее Пети к футболу

b. *равнодушнее к футболу Пети

(6.104)a. ?равнодушнее, чем Петя, к футболу

b. равнодушнее к футболу, чем Петя

Важно отметить, что падежное прилагание всегда связано с приписыванием падежа управляющей вершиной. В этой связи требование прилагания внешнего аргумента к вершине–существительному более естественно трактовать как свидетельство падежной связи между внешним аргументом и именной вершиной.

Поскольку взаимное расположение внешнего и внутреннего аргументов определяется с учетом их падежного кодирования и отличается в конструкциях с одним и двумя генитивами (6.105), очевидно, что деривация одного или другого варианта словорасположения должна быть связана с передвижением. Будем исходить из более рестриктивного тезиса, что грамматика не допускает «правые» спецификаторы и передвижение вправо. В таком случае в (6.105b) представлен исходный порядок аргументов, соответствующий тематической иерархии, а (6.105a) должно быть результатом передвижения внутреннего аргумента в позицию выше внешнего.

(6.105)a.	фотографии	крестьян	Смирнова
	N	INT	EXT
b.	письмо	Пушкина	Вяземскому
	N	EXT	INT

Заметим также, что именная вершина в таких конструкциях не может находиться в своей базовой позиции (N^0) — иначе мы обязаны предположить либо правое ветвление спецификатора, либо адьюнктный статус одного из аргументов.

Конфигурации в (6.105) напоминают конструкции с двойным объектом английских битранзитивных глаголов, такие как в (6.106): лексическая вершина предшествует двум аргументам, которые могут располагаться в разном порядке относительно друг друга⁹³. Более того, порядок следования аргументов также, по-видимому, определяется двумя принципами: падежным (именная группа, падежно-зависимая от вершины, должна прилагать к вершине) и тематическим (если от глагола падежно-зависимы два аргумента, то ближе к глаголу находится «более внутренний» аргумент, в (6.106a) — цель).

(6.106)a.	I	sent	Mary	a note.
		V	INT	EXT

‘Я послал Марии записку.’

⁹³ Весьма показательным, что английские конструкции до работы Р. Ларсона [Larson 1988] получали такие же структурные интерпретации, что и русские конструкции с двумя аргументами: «плоские» структуры [Oehrle 1976] либо структуры с правым ветвлением спецификатора [Chomsky 1981].

b. I sent a note to Mary.
 V EXT INT

‘Я послал записку (к) Марии.’

Представляется, что анализ конструкций в (6.106) Р. Ларсона [Larson 1988] может быть привлечен и для объяснения (6.105). Следует предположить, что именная вершина оказывается левее «правильно» (т.е. в соответствии с тематической иерархией) расположенных аргументных именных групп в (6.105b) в результате передвижения вершин, аналогично тому, как «нижний» лексический глагол в системе Ларсона передвигается в вышестоящую глагольную вершину, оставляя за собой два внутренних аргумента, которые он проецирует. В (6.105a) передвижение также имеет место, но здесь передвижению подвергается составляющая, состоящая из лексической вершины N^0 и ее генитивного внутреннего аргумента.

Два варианта такого анализа представлены в [Лютикова 2014a] и [Pereltsvaig 2015]. Рассмотрим их подробнее.

В [Лютикова 2014a] предлагается анализ, в соответствии с которым все аргументы несобытийных существительных возникают в расширенной лексической проекции существительного — N и «переходного» легкого n , отвечающего за проецирование внешнего аргумента в именной области в соответствии с анализом в [Radford 2000]. Внешний аргумент располагается в спецификаторе n , внутренний аргумент — в позиции компонента N , как показано в (6.107) (см. обсуждение в 2.3.5).

(6.107)a. [_{NP} профессора n [_{NP} хендаут [_{PP} к лекции]]]

b. [_{NP} Бакунина n [_{NP} письмо [_{DP} сёстрам]]]

c. [_{NP} брата n [_{NP} конспект [_{DP} лекции]]]

За падежное маркирование аргументов отвечают проецирующие их вершины: внутренний аргумент падежно-зависим от N (или от предлога, который выбирает N), внешний аргумент получает падеж от легкого существительного n . Заметим, что в такой системе находит свое отражение падежная асимметрия внешнего и внутреннего аргумента несобытийного существительного: внутренний аргумент может оформляться идиосинкратичным, свойственным конкретной лексической вершине способом, в то время как внешний аргумент единообразно маркируется генитивом. Таким образом, реализуется система Э. Вулфорд (см. Таблицу 6.3) — внутренний аргумент получает лексический падеж, а внешний аргумент получает ингерентный падеж.

В ходе дальнейшей деривации именная вершина претерпевает передвижение в вышестоящую функциональную проекцию X , конкретная природа которой не вполне ясна; предположительно это проекция довольно низкого уровня, например, NumP. В таком случае в

качестве мотивации передвижения естественно предложить некоторый признак именной вершины, значимый для морфосинтаксиса числа, например счетность.

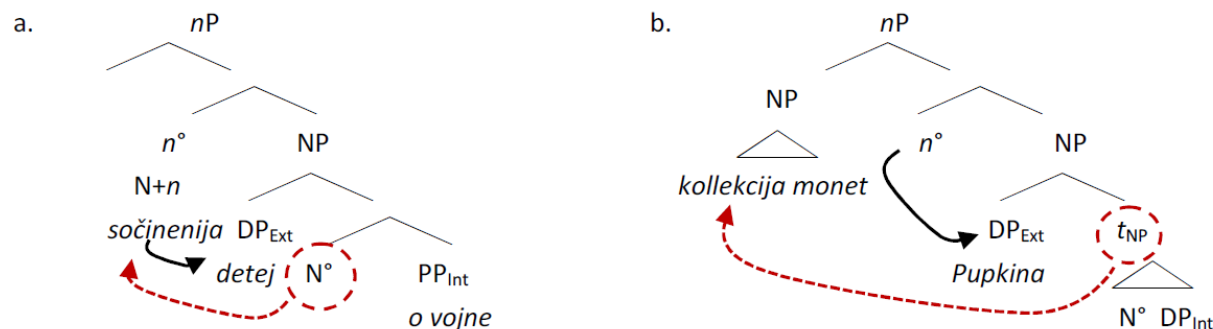
В этот момент возникают отличия в структуре именных групп с генитивным и не-генитивным внутренним аргументом. Если внутренний аргумент не-генитивный (или его нет), происходит передвижение вершины N, в результате чего все аргументы оказываются справа от глагола, причем генитивный внешний аргумент предшествует прочим аргументам (6.108a-b). Если же внутренний аргумент генитивный, передвижение вершины нарушает конкретно-языковое ограничение — запрет на разрыв генитивной связи, введенный в работе [Зализняк, Падучева 1979]. Вследствие этого происходит не передвижение вершины N в вершину X, а передвижение группы NP в проекцию XP, так что группа «вершина+генитивный внутренний аргумент» оказывается левее внешнего аргумента (6.108c).

- (6.108)a. [_{XP} хендаут+n+X [_{NP} профессора # [_{NP} хендаут [_{PP} к лекции]]]]
 b. [_{XP} письмо+n+X [_{NP} Бакунина # [_{NP} ~~письмо~~ [_{DP} сёстрам]]]]
 c. [_{XP} [_{NP} конспект [_{DP} лекции]] X [_{NP} брата n [_{NP} ~~конспект~~ [_{DP} лекции]]]]]

Таким образом, нам удастся объяснить весь комплекс явлений, связанных с аргументной структурой и падежными характеристиками несобытийных существительных. Наименее тривиальное допущение, которое приходится сделать — это оговорка о невозможности «разрыва генитивной связи», которая представляется совершенно необъяснимой на фоне допустимого извлечения именной вершины из других конструкций с лексическими падежами.

В [Pereltsvaig 2015] представленный анализ уточняется следующим образом. А. Перельцвайг справедливо указывает, что исходя из данных адъективной модификации мишень передвижения именной вершины (X) должна быть ниже, чем Num, и предполагает, что такой мишенью является в действительности легкое *n*. Внешний аргумент в этом случае должен проецироваться ниже, в Spec, NP, как это представлено в (6.109).

(6.109)

Недостаток этой структуры по сравнению с (6.108) в том, что для деривации именных групп с двумя генитивными аргументами предполагается передвижение составляющей $[N DP_{INT}]$, которая в анализе [Лютикова 2014а] соответствует максимальной проекции (NP), а в анализе [Pereltsvaig 2015] — нет. Впрочем, если принять во внимание структуру групп в соответствии с теорией Р. Кейна [Кауне 1994], то группа $[N DP_{INT}]$ без внешнего аргумента также будет иметь статус NP. В таком случае, по-видимому, можно допустить передвижение $[_{NP} N DP_{INT}]$ в Spec, *nP* при остающемся *in situ* внешнем аргументе в Spec, NP.

И в анализе [Лютикова 2014а], и в анализе [Pereltsvaig 2015] приписывание падежа происходит в соответствии со стандартной падежной моделью генеративной грамматики — со стороны вершин. Поскольку приписываются не-структурные падежи, вопрос о связи падежа с согласованием не возникает. Важно, однако, что падежное взаимодействие вершин и аргументов имеет существенные последствия для деривации соответствующих именных групп: выбор между передвижением вершины N *vs.* передвижением группы NP мотивирован типом падежного взаимодействия между N и внутренним аргументом. Имея это в виду, обратимся к возможным альтернативам.

В падежной модели русского языка Д. Песецкого [Pesetsky 2013] родительный падеж именной группы может иметь два источника: во-первых, это «изначальный» генитив существительного, распространяющийся на возглавляемую им NP, и во-вторых, это генитив существительного, в проекции которого оказывается именная группа. Напомним, что «изначальный» генитив мы можем наблюдать только в ограниченном количестве конструкций — в количественных конструкциях с большими и малыми числительными и, возможно, в составе некоторых сложных слов. Очевидно, что генитивные аргументы существительного не подпадают под этот тип. Следовательно, все приименные генитивные DP получают в системе Песецкого единообразный анализ как составляющие в проекции вершины N. Этот вывод, в принципе, хорошо соотносится с нашим заключением о независимости падежа генитивных зависимых от D.

Анализ Песецкого также не испытывает затруднений с лексическим управлением именной вершины другими падежами и с селекцией предложных групп для выражения аргументов: напомним, что в системе Песецкого все косвенные падежи являются экспонентами категориальных признаков выраженных или нулевых предлогов. При соединении такой предложной группы и именной вершины категориальный признак NGEN не сможет пересечь границу PP, поскольку DP является фазой и отражает морфологически только признаки, приписанные в первом соединении (в данном случае — с POBL). Наконец, анализ Песецкого предсказывает невозможность аккузатива и номинатива у аргументных именных групп в проекции лексического существительного — лексическая вершина VACC не задействована в

деривации, а категориальный признак D_{НОМ} окажется невидим после соединения с N из-за действия Правила одного суффикса.

Отличия в предсказаниях системы Песецкого и изложенного выше анализа связаны с количеством генитивов, лицензируемых в несобытийной именной группе. Очевидно, что для Песецкого количество генитивов ограничено исключительно количеством DP, которые могут соединиться с проекцией N. Наш анализ ограничивает количество приписанных падежей, поскольку падеж увязывается с выражением семантической роли при лексической вершине N (или *n*). Соответственно, сомнительность (6.110) будет связана с разными ограничениями — на количество аргументов в NP у Песецкого и на количество приписанных падежей в нашей системе.

(6.110) ?*портрет Пушкина художника Кипренского коллекционера Смирнова

Анализ в духе [Pesetsky 2013], однако, существенно проигрывает в том отношении, что не в состоянии объяснить запрет на разрыв составляющей «вершина+генитивный внутренний аргумент» и, соответственно, различный порядок слов в (6.105a-b).

Такие же проблемы возникают при анализе падежной системы в русских именных группах в рамках конфигурационной модели падежа. Действительно, предположим, что именная группа, возглавляемая несобытийным существительным, не является областью падежного соревнования, а генитив представляет из себя немаркированный падеж в пределах именной группы, как и предлагает А. Марантц [Marantz 1991: 24]. В таком случае сперва будут приписаны лексически управляемые падежи внутреннего аргумента, а затем все остальные DP получат немаркированный падеж — генитив. В такой системе специфика порядка слов в (6.105) едва ли может быть привязана к падежным характеристикам аргументов.

6.4.2. Падежная грамматика событийных именных групп

Обратимся теперь к именным группам, проецируемым событийными существительными. Обсуждение в 2.4, а также в [Лютикова 2014а; Pereltsvaig 2015; Герасимова 2016; Gerasimova et al. 2016] позволяет сделать следующие обобщения об аргументной структуре и падежном синтаксисе событийных именных групп.

Во-первых, в полном соответствии с утверждениями Дж. Гримшо [Grimshaw 1990] и А. Алексиаду [Alexiadou 2001], событийная интерпретация и проецирование аргументной структуры (по меньшей мере внутренних аргументов) у номинализаций связаны двусторонними имплицативными отношениями. Аргументная структура событийных

существительных по набору и семантическим ролям аргументов соответствует аргументной структуре производящих глаголов.

Во-вторых, порядок следования аргументов событийных существительных, по-видимому, значительно более свободный и независимый от падежного оформления аргументов. В экспериментальном исследовании [Герасимова 2016] показано, что на выбор испытуемыми порядков слов <N EXT INT> и <N INT EXT> не влияет падежное оформление аргументов. В [Engelhardt, Trugman 1998; Гращенков 2004] высказывается предположение, что одним из факторов является «тяжесть» именной группы — аргумента: более тяжелые составляющие имеют тенденцию к постпозиции, см. примеры (6.111), которые приводятся в [Pereltsvaig 2015]. Частным случаем этой закономерности можно считать прилежание местоименного аргумента (6.112), отмечаемое также в [Babby 1997].

(6.111)а. *Поддержка [Сирией] [экстремистских организаций и группировок, ведущих активную силовую борьбу против Израиля]*, является главным раздражающим фактором в двусторонних отношениях и именно это даёт повод Израилю проводить силовые акции против Сирии. [Израиль вновь обвинил Сирию в пособничестве террористам (2004) // РБК, 2004.09.13]

б. А пока «втягивание» не произошло, должна быть обеспечена *поддержка [других слоев] [развитыми институтами социального государства]*. [Александр Шубин. Социализм XXI века // «Неприкосновенный запас», 2009]

(6.112)а. коллекционирование марок детьми / детьми марок

б. коллекционирование их детьми

с. коллекционирование ими марок

В исследовании [Герасимова 2016] при сбалансированных по тяжести аргументных именных группах на первый план выходит, по-видимому, эффект прайминга. В корпусных примерах, которые приводятся в [Pereltsvaig 2015], отмечается действие закономерностей коммуникативного словорасположения: как и в клаузе, в номинализации аргумент-тема предшествует аргументу- реме:

(6.113)а. Упущения в организации радиолокационной разведки и выдаче информации, невысокая готовность к боевому применению сил и средств РТВ явились одной из причин невыполнения войсками ПВО возложенных на них задач во время *нанесения американской авиацией первого удара 15 апреля 1986 г.* и недостаточной эффективности противовоздушной обороны, когда последовали новые атаки. [Анатолий Сергиевский. «Огонь в прерии» (2004) // «Воздушно-космическая оборона», 2004.08.15].

b. Как только игрок пересек линию кона, защищающиеся отдают мяч нападающим для *нанесения следующего удара очередным игроком*. [Борис Руденко, Сергей Фокин. Возвращение русской лапты // «Наука и жизнь», 2006]

Таким образом, очевидно, что в событийных именных группах на порядок слов не действуют ни падежный принцип (расположение генитивного аргумента контактно с существительным), ни тематический (внутренний аргумент ближе к существительному, чем внешний).

Перейдем теперь к падежному оформлению аргументов событийных существительных. В предшествующей литературе [Апресян 1974; Падучева 1974, 1977, 1984; Comrie 1976, 1980; Русская грамматика 1980, ТII, §§ 1825, 1835, 1838, 1861; Коптjevская-Тамм 1993, 2013; Schoorlemmer 1995; Pesetsky 1995; Babby 1997; Engelhardt, Trugman 1998; Rappaport 1998, 2000] постулируется следующая модель падежного маркирования аргументов: (i) косвенно-падежное и предложно-падежное управление внутренним аргументом совпадает с таковым у глагольной основы; (ii) аргументы в структурных падежах (номинатив и аккузатив) перекодируются приименным генитивом; (iii) в случае, если в составе клаузы аргументы, проецируемые глагольной основой, получили бы два структурных падежа (что имеет место при прямопереходном глаголе), то внутренний аргумент оформляется генитивом, а внешний — инструменталисом.

Обобщение (iii) обычно рассматривается как свидетельство «эргативной» или «пассивной» стратегии в оформлении аргументов номинализации (см. [Падучева 1974, 1977; Comrie 1980; Коптjevская-Тамм 1993, 2013; Engelhardt, Trugman 1998; Alexiadou 2001] и др.), при которой S- и P-аргументы оформляются «немаркированным» падежом, а A-аргумент оформляется иначе: специальным падежом, зарезервированным для внешнего аргумента переходной конструкции, или выражается в качестве адьюнкта⁹⁴. Родственное отношение с пассивной конструкцией усиливается двумя фактами: во-первых, единством словообразовательного суффикса в пассивном причастии на *-н/-т* и регулярной номинализации на *-ние/-тие* [Пазельская, Татевосов 2008], и во-вторых, единообразным кодированием агентивного дополнения в пассивной конструкции и в событийных номинализациях (см., однако, аргументы против пассивного характера событийных номинализаций в [Alexiadou 2001: 107ff]; в частности, как отмечается в [Лютикова 2014а], «пассивную» морфему *-н/-т* содержат и номинализации от непереходных глаголов (*спанье, падение, управление, командование*), при том что их аргументная структура не содержит следов

⁹⁴ Тем самым на материале номинализаций еще раз возникает тезис К. Уленбека [Уленбек 1950] о пассивном характере эргативной конструкции.

пассивного преобразования). В действительности аналогии и с пассивной, и с эргативной конструкцией не вполне точны: «пассивная гипотеза» не учитывает оформления аргументов одноместных и двухместных непереходных основ (принимается гипотеза, что «пассивизируются» только переходные основы), а «эргативная гипотеза» не делает предсказаний об оформлении аргументов переходной неагентивной основы. Тем не менее, обе аналогии дают представление об описательных обобщениях касательно оформления аргументов событийных существительных в сопоставлении с исходным глаголом, представленные в Таблице 6.8 и проиллюстрированные примерами из НКРЯ в (6.114).

Таблица 6.8. Оформление аргументов основ разных типов в финитных клаузах и событийных номинализациях: литературный «стандарт»

	Клауза		Номинализация	
	внутренний аргумент	внешний аргумент	внутренний аргумент	внешний аргумент
неаккузативы	NOM	—	GEN	—
неэргативы	—	NOM	—	GEN
двухместные непереходные	OBL/PP	NOM	OBL/PP	GEN
переходные	ACC	NOM	GEN	INSTR

(6.114)а. неаккузативы

Правительство ссылается на Госкомстат, алармисты — на многодневное *падение российских акций*.

б. неэргативы

Но *плавание экипажа фрегата «Аврора»* и для того времени, и для нашего остается примером небывалого героизма и проявления высочайшего человеческого духа.

с. двухместные непереходные

Китайское правительство согласилось даровать новые льготы *торговле англичан опиумом* в Китае.

Понятно, что при таких условиях *подражание детей поведению их родителей* может вместо добра привести к самым печальным последствиям.

д. переходные

Блестящее *исполнение актрисой С. Зелянковской оригинального пластического рисунка* стало центром этого талантливой спектакля.

Рассмотрим возможности анализа этих эмпирических данных в различных падежных моделях.

В [Лютикова 2014a] предлагается анализ, опирающийся на генеративную модель падежа. Событийная интерпретация существительных, в соответствии с работами [Grimshaw 1990; Marantz 1997; Alexiadou 2001; Гращенков, Лютикова 2008] и многими другими, связывается с проекцией V в синтаксической структуре именной группы. Однако, как мы уже отмечали в 2.4.5, в отличие от предшествующих работ предполагается, что любое существительное с событийной семантикой производно от основы синтаксической категории V, независимо от наличия в его составе словообразовательных морфем. Таким образом, любая номинализация (как регулярная, так и нерегулярная) связана с инкорпорацией глагола в именную вершину (6.115a-b).

- (6.115)a. [_{NP} торговля_{V+v+N} [_{VP} англичан ~~торговля~~_{V+v} [_{VP} ~~торговля~~_V [_{DP} опиумом]]]]
 b. [_{NP} исполнение_{V+v+N} [_{VP} ~~исполнение~~_{V+v} [_{VP} ~~исполнение~~_V [_{DP} арии]]]]
 c. * [_{NP} исполнение_{V+v+N} [_{VP} Шаляпина ~~исполнение~~_{V+v} [_{VP} ~~исполнение~~_V [_{DP} ария]]]]

Анализ, намеченный в 2.4.5, оказывается совместим с гипотезой об отсутствии предварительной пассивизации при номинализации переходных глаголов. Если при инкорпорации в N (легкий) глагол теряет способность управлять аккузативом, то внутренний аргумент номинализации может получить падеж только двумя способами. Первый способ доступен для номинализаций тех глагольных основ, которые приписывают внутреннему аргументу ингерентный падеж: эта способность лексической вершины при номинализации сохраняется, и внутренний аргумент получает ингерентный падеж одновременно с получением тета-роли. Вторая возможность — получение структурного генитива от сложной вершины V+v+N; в этом случае падежное взаимодействие происходит в условиях, характерных для структурных падежей, т.е. при взаимодействии зонда и ближайшей с-командуемой цели. Очевидно, что внутренний аргумент может оказаться ближайшей целью только в отсутствие внешнего, либо при выражении его в неаргументной позиции: притяжательное местоимение, притяжательное прилагательное, агентивный адьюнкт в творительном падеже, возникающий, по утверждению Л. Бэбби [Babby 2009], в тех случаях, когда семантической валентности недостает позиции в аргументной структуре. Сходным образом, Д. Песецкий [Pesetsky 1995: 312] отмечает, что агентивное дополнение возникает не только при пассивизации, но и во всех других случаях, когда глагол, проецирующий внешний аргумент, подвергается морфологическим изменениям, препятствующим приписыванию аккузатива внутреннему аргументу.

Как видно из сопоставления (6.108) и (6.115), событийные и не-событийные существительные имеют различный синтаксис, причем не только в отношении проецирования NP, но и в отношении дальнейших синтаксических процессов, связанных с проецированием

функциональной структуры именной группы. В частности, отличие «неразрывной» генитивной связи между несобытийным существительным и его внутренним аргументом и легко разрываемого сочетания событийного существительного и его генитивного внешнего или внутреннего аргумента связано с различными источниками падежа (N в первом случае и сложная вершина $V+v+N$ во втором случае) и различными обстоятельствами его приписывания (при лексическом управлении, одновременно с приписыванием тета-роли в первом случае и вне тета-маркирования — во втором случае).

Каковы предсказания других падежных моделей? Падежная модель Д. Песецкого, очевидно, не в состоянии предсказать доступность только одного генитива; более того, поскольку приписывание признаков происходит только при соединении, это означает, что генитивные аргументы событийных существительных не являются аргументами глагольной основы, а проецируются существительным (NGEN). Таким образом, разница между событийными и несобытийными существительными не может быть сведена к различиям в «принадлежности» аргументов глагольной или именной основе, и не вполне понятно, откуда она в принципе может следовать в подобной системе.

Конфигурационная падежная модель вполне совместима с предложенной выше структурой событийной именной группы, в которой расширенная глагольная проекция (vP) вложена под номинализующую морфологию. Предположим, что сложная вершина $V+v+N$ задает падежную область. Сперва будет приписан лексически управляемый падеж — косвенные падежи внутренних аргументов. Затем, на этапе приписывания зависимого падежа, верхняя беспадежная аргументная именная группа получит инструменталис — «зависимый» падеж русской номинализации. После этого наступает этап приписывания немаркированного падежа. Немаркированным падежом в именной группе является генитив, поэтому все аргументные именные группы, не получившие лексически управляемого или зависимого падежа, должны будут оформляться генитивом. Единственность генитива в таком случае аналогична единственности номинатива в клаузе.

Однако это еще не конец истории с падежным маркированием аргументов событийных существительных. В [Pereltsvaig 2015; Герасимова 2016; Gerasimova et al. 2016; Лютикова 2016] были получены новые данные, которые поставили под сомнение универсальность эмпирических обобщений, содержащихся в Таблице 6.8. В результате качественных и количественных исследований корпусных данных (НКРЯ), интернет-корпуса и лингвистического эксперимента (более 120 носителей русского языка) были обнаружены дополнительные модели падежного маркирования аргументов номинализаций, не представленные выше. Выяснилось, что лишь порядка 30% носителей русского языка последовательно применяют модель Таблицы 6.8; остальные носители допускают оформление

творительным падежом не только внешнего аргумента переходных основ, но и внешнего аргумента неэргативов и двухместных непереходных основ, как это представлено в Таблице 6.9. (см. примеры в (6.116))

Таблица 6.9. Оформление аргументов основ разных типов в финитных клаузах и событийных номинализациях: новые данные

	Клауза		Номинализация	
	внутренний аргумент	внешний аргумент	внутренний аргумент	внешний аргумент
неаккузативы	NOM	—	GEN	—
неэргативы	—	NOM	—	GEN/INSTR
двухместные непереходные	OBL/PP	NOM	OBL/PP	GEN/INSTR
переходные	ACC	NOM	GEN	INSTR

(6.116)а. неэргативы

«Голяком ходить» — так соседская бабушка характеризует экипировку современных девушек зимой, *хождение ими* в тонких колготах.

Затем выполняется рефлекторное *ползание ребенком* на животе...

б. двухместные непереходные

Заведование кафедрой доцентами (кандидатами наук) допускается не более двух сроков подряд.

На сферу общения ребёнка, *овладение им речью*, на развитие личности и самосознания оказывает влияние общение ребёнка со взрослым...

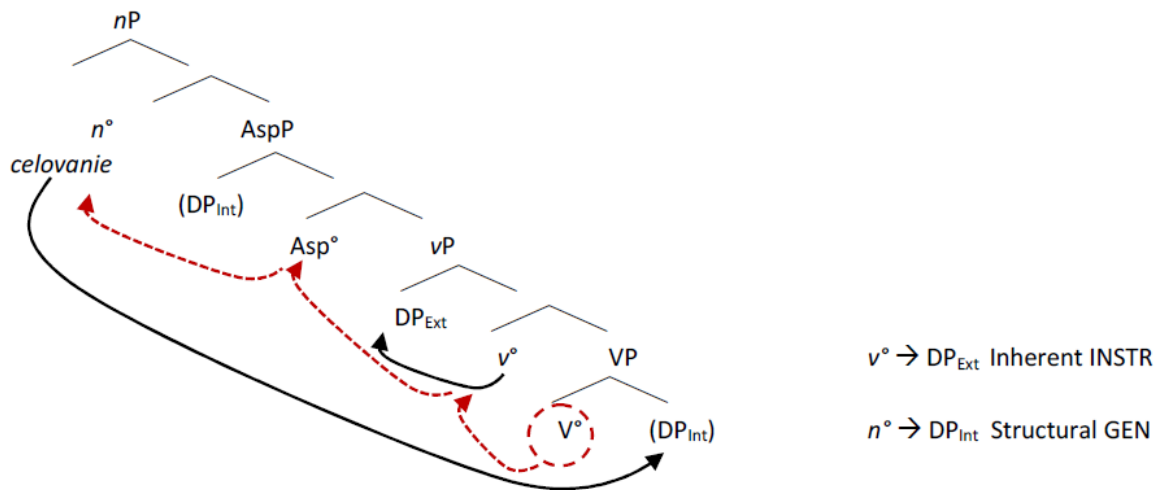
Увы, не специалист по монетам, но меня в свое время вот это смутило: *Подражания скандинавами монетам Руси!*

...при этом во время процесса *размышления ими над тем, какую ставку сделать*, по выражению их лица можно будет понять очень многое...

В [Pereltsvaig 2015] предлагается модель, учитывающая оформление внешнего аргумента творительным падежом в любой конфигурации. Это по сути модель ингерентного падежа внешнего аргумента Э. Вулфорд [Woolford 2006]. А. Перельцвайг предполагает, что инструменталис аналогичен эргативу в том отношении, что это ингерентный падеж агентивного (или экспериенциального) внешнего аргумента, приписываемый легким глаголом вместе с соответствующей семантической ролью. Еще одним свойством данного легкого глагола (назовем его v_{INSTR}), очевидно, является его непереходность, т.е. неспособность приписывать структурный аккузатив внутреннему аргументу. Вследствие этого внутренний аргумент

переходной основы может получить только генитив — падеж именной номинализирующей вершины n (см. (6.117)). Тот факт, что v_{INSTR} доступен только в номинализациях (и, возможно, в пассивных конструкциях с переходным глаголом) возвращает нас к гипотезе пассивной vP , выбираемой номинализирующей морфологией.

(6.117)

Заметим, что возможность кодирования внешнего аргумента творительным падежом в контексте неэргативов и непереходных двухместных основ представляет существенные сложности для конфигурационной модели: если инструменталис приписывается в результате конкуренции с нижестоящим беспадежным аргументом, то он не должен быть доступен в этих конструкциях: неэргативы не имеют других аргументов, а внутренний аргумент двухместных переходных основ получает лексически управляемый падеж и не участвует в падежной конкуренции.

Интересно, однако, что экспериментальное исследование [Герасимова 2016] показало «избыточное» использование творительного падежа исключительно в конструкциях с непереходными двухместными основами (*поддакивание секретарем начальнику, ухаживание за артисткой инженером, мщение водителю пешеходом*); в конструкции с неэргативом творительный падеж употребил только один испытуемый (*плавание дедушкой*). При этом те примеры на использование творительного падежа с неэргативными основами которые находятся при поиске в корпусе и в сети, обычно содержат разного рода обстоятельства (*лежание им на диване, хождение ими в нестиранных носках* и т.п.). Складывается впечатление, что наличие любого зависимого от глагольной вершины материала (как аргументов, так и адьюнктов) вынуждает выбор вершины v_{INSTR} .

Это предположение было проверено в ходе экспериментального исследования [Pereltsvaig et al. 2016]. Выяснилось, что добавление обстоятельства, выраженного предложной группой, к номинализации от неэргативной основы статистически значимо повышают

приемлемость инструменталиса в этом контексте. Можно предположить, что варьирование инструменталиса и генитива при неэргативах отражает «размер» номинализаций: номинализации, образованные соединением не проецирующей аргумент основы (V) и номинализующей морфологии, не имеют достаточного количества структуры для проецирования адьюнктов; в таких номинализациях доступен только генитив, а единственный аргумент возникает как посессор именной группы. Номинализации же, проецирующие обстоятельство, с необходимостью включают группу легкого глагола, что уподобляет их структурам в (6.115): в таком случае аргумент номинализации проецируется в глагольной области, и становится доступен падеж внешнего аргумента — инструменталис.

6.5. Выводы по главе 6

В данной главе мы исследовали соотношение морфологического падежа и лицензирования именных групп. В разделах 6.1 и 6.2 обсуждаются два наиболее ярких языковых феномена — так называемые «странные подлежащие» (*quirky subjects*) и эргативность — которые связаны с рассогласованием между абстрактным и морфологическим падежом. Проблема *quirky*-подлежащих получила подробное рассмотрение на материале исландского языка. Выяснилось, что в структурной позиции подлежащего могут располагаться именные группы, получающие не-структурный *quirky*-падеж от проецирующей их лексической вершины. В результате связь между морфологическим и абстрактным падежом оказывается нарушена: в тех позициях, где приписывается (морфологический) *quirky*-падеж, не обязательно приписывается абстрактный падеж, и наоборот, в позициях, где приписывается абстрактный падеж, именная группа может не получать падежной морфологии. При этом, однако, обнаруживается, что потребность именной группы в абстрактном падеже сохраняется даже при получении ею *quirky*-падежа от лексической вершины.

Важнейший вопрос для теории падежа, связанный с эргативной падежной моделью, состоит в том, каков статус эргативности как феномена. Либо эргативность — это синтаксическое явление, и тогда эргативные языки имеют особую структуру клаузы, механизмы приписывания падежа и лицензирования аргументов; либо эргативность — это поверхностное, морфологическое явление, которое, подобно *quirky*-падежу исландского языка, заслоняет подлинную синтаксическую организацию предложения, весьма схожую с той, что известна нам из аккузативных языков. В разделе 3.2 обсуждаются попытки анализа эргативных падежных систем, опирающиеся на традиционную модель падежа и рассматривающие эргатив как аналог *quirky*-падежа, приписываемый переходным глаголом.

Принципиальное решение проблемы рассогласования морфологического падежа и лицензирования именных групп предлагает конфигурационная теория падежа А. Марантца, которая отказывается от абстрактного падежа и предлагает исключительно морфологическую трактовку этой категории (раздел 6.3). Падежное маркирование происходит в постсинтаксическом компоненте согласно иерархии реализации падежей. Наибольший интерес в теории Марантца представляют понятия «зависимого» падежа и «дефолтного» падежа, позволяющие рассматривать аккузативную и эргативную модели предложения как дополнительные. Эти идеи, впрочем, оказываются совместимы и с более традиционным представлением о падеже как синтаксическом (а не только морфологическом) феномене. Отдельным вопросом становится устройство предикативного согласования в конфигурационной модели. Согласование обычно не является полностью независимым от падежа: имеют место падежные ограничения на согласование, так что в качестве контролера согласования доступны только именные группы в определенных падежах. Наконец, в разделе 3.4 рассмотренные модели падежа были использованы нами в анализе русского приименного генитива. Мы снова обратились к русскому генитивному посессору и соотнесли его структурные характеристики, установленные в главе 2, с падежными. Мы обнаружили, в частности, что разные падежные теории предсказывают альтернативы в оформлении аргументов при номинализации, выявляемые у носителей русского языка.

Последнее обобщение мотивирует еще одно направление исследований падежа, связанное с альтернативным падежным маркированием аргументов в различных структурных контекстах. Этой проблематике посвящена следующая глава.

Глава 7. Падежное варьирование

В этой главе речь пойдет о варьировании в падежном маркировании аргументов. Во вводном разделе 7.1 мы перечислим основные языковые феномены, подпадающие под этот термин, рассмотрим лицензирующие факторы, определяющие выбор падежного оформления аргумента, обсудим возможные подходы к падежному варьированию, представленные в литературе. В разделе 7.2 мы обратимся к материалу татарского языка. Мы покажем, что вариативное падежное оформление дополнения в татарском языке мотивировано в первую очередь структурным фактором: именные группы полной структуры (DP) имеют падежный признак, в то время как именные группы неполной структуры (NP, NumP) лишены его. Из этого следуют отличия в линейной позиции и интерпретации падежно-оформленных и беспадежных именных групп. Раздел 7.3 продолжает обсуждение беспадежных составляющих в русском языке. Опираясь на гипотезу Л. Бэбби и Я.Г. Тестельца о специальном статусе контекстов прямого падежа, мы покажем, что дистрибуция аргументов различных синтаксических категорий в русском языке определяется их способностью к выражению падежа. Наконец, в разделе 7.4 мы обсудим объяснительный потенциал различных падежных теорий в отношении падежного варьирования. Мы покажем, что само существование падежного варьирования, его формальные характеристики, а также эмпирически засвидетельствованные типы контекстов и лицензоров имеют существенные последствия для формальных моделей падежа.

7.1. Падежное варьирование: основные контексты и лицензоры

Падежное варьирование мы понимаем как не связанный с залоговыми или — шире — диатезными преобразованиями выбор падежной формы аргумента в зависимости от некоторого формального или семантического фактора. Такой фактор мы будем далее называть лицензором падежного варьирования. Так, в (7.1) возможна как форма аккузатива, так и форма генитива прямого дополнения, причем выбор падежной формы определяется семантическим фактором: в (7.1a) речь идет об определенном (квантованном) количестве коньяка, в то время как в (7.1b) — о неопределенном, неквантованном количестве. В примере (7.2) из агульского языка [Ganenkova, Maisak, Merdanova 2009: 177 (12)–(13)] различное падежное оформление субъекта коррелирует с его агентивными характеристиками, в первую очередь волитивностью: в (7.2a) представлена стандартная эргативная конструкция с волитивным агенсом, в (7.2b) — так называемая

конструкция с ненамеренным агенсом (involuntary agent construction), в которой внешний аргумент оформляется адэлативом. Наконец, в (7.3) из языка ялаку (группа нду, сепикские языки Папуа-Новой Гвинеи, [Aikhenvald 2015]) различия в падежном маркировании посессора лицензируются референтностью: нереперентный посессор выражается соположением номинативной формы «обладателя» и «обладаемого», а референтный посессор выражается генитивом.

(7.1) а. Петя выпил коньяк.

б. Петя выпил коньяка.

(7.2) а.   baw.a   neḱ   aṯuzu-ne.
                 мать.ERG   молоко.NOM   выливать-PST

‘Мать вылила молоко.’

б.   baw.a-f-as   neḱ   aṯuzu-ne.
                 мать-AD-EL   молоко.NOM   выливать-PST

‘Мать пролила молоко.’

(7.3) а.   meda ṯene
                 казуар ребенок

‘птенец казуара, казуарёнок’

б.   meda-na   ṯene
                 казуар-GEN   ребенок

‘птенец (какого-то) казуара’

В (7.4)–(7.5) приводятся примеры различного оформления аргументной именной группы в случае актантно-значимых преобразований: антипассивизации в дирбал (7.4a-b) [Dixon 1972: (65)–(66)], каузативизации (7.5a-b) и пассивизации (7.5b-c) в карачаево-балкарском языке. Хотя сами эти преобразования, безусловно, мотивированы некоторым семантическим фактором или грамматической потребностью (ср., например, тезис Е.В. Падучевой, что «всякий диатетический сдвиг, т.е. изменение синтаксических позиций участников с заданными ролями, влечет вполне ощутимые различия прагматического порядка, которые можно представить как изменение коммуникативного (или синтаксического) ранга участников» [Падучева 2004:51–52]), тем не менее изменение падежного оформления аргумента является лишь следствием такого преобразования, а не самостоятельным феноменом.

(7.4) а.   bala-n   ḡugumbil   ba-ṅgu-l   yaṯa-ṅgu   balga-n.
                 DEF.ABS-CL2   женщина.ABS DEF-ERG-CL1   мужчина-ERG   ударить-PRS/PST

‘Мужчина бьет женщину.’

b.   bayi   yaça   ba-gu-n   ɟugumbil-gu
          DEF.ABS.CL1   мужчина.ABS   DEF-DAT-CL2   женщина-DAT

balgal-ɟa-ɟu.

ударить-APASS-PRS/PST

‘Мужчина бьет женщину.’

(7.5) a.   buz   erit-ti.
          лед.NOM   растаять-PST.3

‘Лед растаял.’

b.   marat   buz-nu   erit-tir-di.
          Марат.NOM   лед-ACC   растаять-CAUS-PST.3

‘Марат растопил лед.’

c.   buz   erit-tir-il-di.
          лед.NOM   растаять-CAUS-PASS-PST.3

‘Лед растопили.’

Падежное варьирование засвидетельствовано в большом количестве разноструктурных языков. Наибольшее число публикаций в типологической литературе посвящено варьированию в оформлении прямого дополнения; для обозначения этого явления используется термин, предложенный Г. Боссонгом [Bossong 1985] — Differential object marking (DOM). Типологические исследования DOM (см., например, библиографию в учитывающей двадцать лет исследований DOM работе [de Swart 2007]) выявили целый ряд факторов, лицензирующих вариативное падежное маркирование — например, видовременные и акциональные характеристики предиката; полярность; наклонение; одушевленность, определенность, референтность объекта.

В обобщающей работе [von Heusinger, Klein and de Swart 2008] указывается целый ряд параметров, характеризующих DOM в конкретном языке. Первый параметр — это параметр лицензора: тип DOM определяется тем, какой грамматический признак вызывает альтернатию в оформлении объекта.

Большую группу факторов составляют семантические, референциальные и коммуникативные признаки аргумента. Например, в испанском и осетинском языке таким признаком является одушевленность именной группы — объекта: объекты, занимающие высокие позиции в иерархии одушевленности, получают падежное маркирование (7.6a), (7.7a), в то время как неодушевленные объекты остаются немаркированными (7.6b), (7.7b).

(7.6) a. Veo a la mujer.

‘Я вижу женщину.’

b. Veo la casa.

‘Я вижу дом.’

(7.7) a. Æз ахуыргæнæдж-ы уынын.
я учитель-GEN видеть.PRS.1SG

‘Я вижу учителя.’

b. Æз хæзар уынын.
я дом видеть.PRS.1SG

‘Я вижу дом.’

В иврите при помощи предлога *et* маркируются только определенные объекты (см. примеры (7.8a-b) из [Danon 2006: (1)], а в турецком языке лицензором DOM считается специфичность [Eriş 1991], пример (7.9a-b).

(7.8) a. Dan kara *(et) ha-itonim.
Дан читал OM DEF-газеты
‘Дан читал (определенные) газеты.’

b. Dan kara (*et) itonim.
Дан читал (*OM) газеты
‘Дан читал (какие-то) газеты.’

(7.9) a. Ali kitab-ı al-dı.
Али книга-ACC покупать-PST.3SG
Али купил (конкретную) книгу.

b. Ali kitap aldı.
Али книга покупать-PST.3SG
Али купил (какую-то) книгу.

Влияние коммуникативного статуса дополнения на его оформление исследуется в монографии М. Далримпл и И. Николаевой. В приводимых ниже примерах (7.10) из тигре (эфиосемитский язык афразийской семьи, [Dalrymple, Nikolaeva 2011: 135]) объектный маркер — предлог *ʾəgəl* — оформляет только топикальные дополнения. В (7.10a) прямое дополнение *kaləb* ‘пёс’ относится к двум основным протагонистам нарратива и тем самым обладает высокой топикальностью. В (7.10b) в двух переходных клаузах полипредикативной конструкции представлено маркированное топикальное дополнение, соответствующее ранее введенному в рассмотрение дискурсивному референту, и немаркированное дополнение, вводящее в дискурс нового участника.

- (7.10) a. da'am dæmmu ... 'əgəl kaləb wə'ul talmat 'əttu.
но кошка ОМ пёс намеренно обмануть.SU.3SG.F его
'Но пса кошка намеренно обманула.'
- b. wa lawaṣāyfa 'əgəl lasanduqat kfət-kəmsal'abalaya
и ее.служанки ОМ грудь когда-открыли.SU.3PL.OBJ.3SG
gêna bakke rakbaaya.
ребенок плачущий находить.SU.3PL
'И когда ее грудь раскрыли ее служанки, то нашли (там) плачущего ребенка.'

Выделенность референта маркированного дополнения часто грамматикализуется в виде оппозиции местоимений и существительных. Так, в стандартном каталанском местоимения в позиции дополнения всегда маркируются объектным показателем, в то время как полные именные группы остаются немаркированными, независимо от их одушевленности, определенности, коммуникативного статуса [Escandell-Vidal 2009]:

- (7.11) a. No havien vist (*a) l' alcalde.
NEG aux.3PL видеть.PART ОМ DEF мэ́р
'Мэ́ра они не видели.'
- b. Només va invitar la Maria i *(a) ell.
только AUX приглашать DEF Мария и *(ОМ) он
'Пригласит только Марию и его.'

Следующая группа факторов, оказывающих влияние на выбор оформления дополнения, отражает семантические характеристики предиката, в первую очередь те, которые традиционно связываются с повышением/понижением переходности [Hopper, Thompson 1980]: вид, время, наклонение, полярность. Так, в эстонском языке на выбор падежа объекта влияет аспектуальная характеристика глагольной группы, возглавляемой инкрементальным глаголом: в перфективной клаузе инкрементальный объект оформляется генитивом, а в имперфективной — партитивом (см. также [Kiparsky 1998] об аналогичном явлении в финском языке):

- (7.12) a. Ta ehitas silla (kahe aasta-ga).
он строить.PST мост.GEN (два.GEN год.OBL-COMIT)
'Он построил мост (за два года).'
- b. Ta ehitas silda (kaks aastat).
он строить.PST мост.PRT (два.PRT год.PRT)
'Он строил мост (два года).'

Сходным образом, в русском языке использование партитива, хотя и не меняет видовой характеристики глагольной группы, оказывает влияние на степень вовлеченности объекта (см.

пример (7.1) выше). В литовском языке прямое дополнение при сентенциальном отрицании обязательно оформляется генитивом, вне зависимости от одушевленности, определенности, коммуникативного ранга или морфологического класса имени [Arkadiev 2016: 38]:

- (7.13) a. Jon-as per-skait-ė laišk-ą.
Йонас-NOM.SG PRV-читать-PST.3 письмо-ACC.SG
'Йонас прочитал письмо.'
- b. Jon-as ne-per-skait-ė laišk-o.
Йонас-NOM.SG NEG-PRV-читать-PST.3 письмо-GEN.SG
'Йонас не прочитал письмо.'
- c. Ne-mači-au tav-ęs / *tav-e.
NEG-видеть-PST.1SG ты-GEN / *ты-ACC
'Я не видел тебя.'

Порядок слов — в частности, расположение дополнения относительно глагола — также часто называют лицензором DOM. Например, в работе [von Heusinger, Kornfilt 2005] указывается, что в турецком языке оформленные аккузативом прямые дополнения являются как минимум специфичными, однако «падежный суффикс является надежным индикатором специфичности только в том случае, если прямое дополнение располагается непосредственно в предглагольной позиции. В любой другой позиции прямое дополнение обязано принять падежный показатель, получая при этом специфичную интерпретацию или, при определенных обстоятельствах, генерическую (и тем самым неспецифичную) интерпретацию (несмотря на присутствие выраженного показателя аккузатива)»⁹⁵.

- (7.14) Bizim ev-de çay-*(1) her zaman Aytül yap-ar.
наш дом-LOC чай-ACC всегда Айтюль делать-AOR
'В нашей семье чай всегда готовит Айтюль.' [von Heusinger, Kornfilt 2005: (10)]

Точка зрения К. фон Хойзингера и Ж. Корнфилт, таким образом, состоит в том, что порядок слов является одним из факторов, лицензирующих DOM в турецком. Представляется, однако, что порядок слов, в частности, выдвигание прямого дополнения из глагольной группы в (7.14) скорее является следствием некоторого другого свойства этой именной группы — например, ее нерематичности/топикальности. Хотя во многих случаях DOM действительно

⁹⁵ «The case suffix is a reliable indicator of specificity only if the direct object stands in the immediately preverbal position. In any other position, the direct object has to take the case suffix, thus either obligatorily having a specific reading or, in some limited circumstances, having a generic (and thus non-specific) reading (despite the overt accusative marker)» [von Heusinger, Kornfilt 2005: 11].

коррелирует с линейной позицией дополнения, сама линейная позиция является не лицензором DOM, но эпифеноменом истинного лицензора (или лицензоров).

Второй параметр — это различие «одномерного» и «многомерного» DOM: вариативное маркирование объекта может быть чувствительно не к одному, а нескольким признакам. Так, например, Дж. Айссен [Aissen 2003] показывает, что на выбор средства маркирования объекта влияет не только одушевленность, но и референциальный статус. В каннада наблюдается сходная ситуация: одушевленные дополнения обязательно получают падежное маркирование, в то время как маркирование неодушевленных дополнений зависит от их специфичности [Lidz 2006]. Влияние целого ряда факторов — структурных, семантических, референциальных, коммуникативных — на DOM в группе уральских языков продемонстрировано в работе [Сердобольская, Толдова 2012].

Третий параметр, предложенный в [de Hoop and Malchukov 2007], разграничивает симметричный и асимметричный DOM. В эстонском примере (7.12) и литовском примере (7.13) мы наблюдаем варьирование двух в равной мере маркированных падежей в объектной позиции, то есть симметричный DOM. Напротив, в примерах (7.6)–(7.11) выбор происходит между маркированной (предлог, падежный показатель) и немаркированной формой.

В литературе отмечаются значимые корреляции между рассмотренными параметрами. А. Мальчуков и П. де Сварт [Malchukov, de Swart 2008] указывают, что системы с асимметричным вариативным маркированием объекта обычно ориентированы на признаки самого объекта (одушевленность, определенность, референтность), что соответствует параметру индивидуации пациенса в [Hopper, Thompson 1980], в то время как системы с симметричным вариативным маркированием объекта опираются на более широкий круг признаков, не обязательно определенных собственно на объекте, таких как вид (аспект), фактивность, полярность, и т.п.

Следует оговорить еще два возможных параметра, которые зачастую используются для характеристики DOM в типологической литературе. Во-первых, это параметр зависимостного *vs.* вершинного маркирования [Nichols 1986], или, иными словами, вариативного падежного оформления *vs.* вариативного согласования. В литературе часто принимается гипотеза, что вариативное согласование (т.е. наличие *vs.* отсутствие согласования с дополнением) является «вершинным» аналогом асимметричного падежного маркирования объекта. В пользу этой гипотезы говорит тот факт, что лицензорами вариативного согласования зачастую оказываются те же факторы, что и для падежного варьирования. Так, например, в ненецком языке прямое дополнение всегда оформляется аккузативом, однако объектное согласование является факультативным (7.15a). Обычно глагол согласуется с топикальным объектом [Dalrymple,

Nikolaeva 2011: 134]; кроме того, неспецифичные именные группы не могут контролировать объектное согласование (7.15b).

- (7.15) a.   ру́гуьбуа-м ру́г°ηа   /   ру́г°ηада
           девушка-ACC искать.3SG.SU   искать.OBJ.3SG.SU
           ‘Он ищет (конкретную) девушку.’
- b.   хуркахэw°   ру́гуьбуа-м ру́г°ηа   /   * ру́г°ηада
           некий   девушка-ACC искать.3SG.SU   искать.OBJ.3SG.SU
           ‘Он ищет какую-то девушку.’

Релевантность такого рода данных для наших целей определяется в конечном итоге соотношением между согласованием и падежом. Учитывая обсуждавшийся в главе 3 параметр зависимости падежа от согласования (Case-Dependence of Agreement Parameter, CDAP [Baker 2008b]), будем считать, что вариативное согласование интересует нас лишь в той мере, в какой оно является отражением падежного варьирования. Те случаи, когда согласование не коррелирует однозначно с падежом (как в ненецком или амхарском языке), останутся за рамками нашего обсуждения.

Наконец, еще один параметр, обсуждение которого можно встретить в литературе — это противопоставление факторов DOM как «триггеров» и «результатов», которые лицензируют, соответственно, DOM по модели «расщепления» (split DOM) и DOM по модели «флуктуации» (fluid DOM) [de Hoop and Malchukov 2007]. Суть этой дихотомии в следующем: фактор-триггер запускает вариативное маркирование (например, одушевленность именной группы в осетинском языке или тип именной группы в стандартном каталанском языке), а фактор-результат является следствием того или иного маркирования (например, в концепции Ж. Корнфилт [Kornfilt 1997; von Heusinger, Kornfilt 2005] специфичность именной группы в турецком языке является следствием ее маркирования аккузативом). При факторах-триггерах возникает распределение всех именных групп на классы с одинаковым оформлением в соответствии со значением релевантного признака (DOM по модели расщепления, «сплит»). Поскольку именная группа не может изменить свой признак одушевленности или структурный тип, несоответствие кодирующей техники признакам именной группы приводит к неграмматичности. Напротив, при факторах-результатах конкретная именная группа совместима с разными значениями релевантного признака, поэтому вариативное падежное маркирование сопровождается соответствующими интерпретациями (DOM по модели флуктуации, «плавающий DOM»): морфема аккузатива в турецком языке как бы одновременно «означает» прямое дополнение и специфичность.

Хотя дихотомия факторов-триггеров и факторов-результатов удобна для описательной характеристики конкретных эмпирических данных, перспектива рассматривать грамматические значения, связанные с факторами-результатами, как *значения надежных показателей языков* с флукутирующим DOM не кажется заманчивой. Представляется, что «нулевой гипотезой» должно быть представление о DOM как всегда вызываемом факторами-триггерами, а соответствующее значение (например, специфичность) должно не возникать в ходе деривации, но вступать в деривацию в виде исходно заданного признака (или значения признака) именной группы, глагольной группы, клаузы.

Итак, дифференцированное маркирование объекта, рассматриваемое в ракурсе падежного варьирования, представляет собой выбор между двумя падежами (симметричный DOM) либо выбор между падежной формой и отсутствием падежного показателя (асимметричный DOM). Симметричный и асимметричный DOM создают как общие, так и специфические проблемы для теории падежа. Оба типа DOM обладают общим свойством: варьирование падежного оформления всегда происходит с одним из структурных падежей, то есть таких падежей, выбор которых зависит не от индивидуальных свойств управляющего слова, а от его принадлежности к максимально широкому синтаксическому классу. Соответственно, для обоих типов DOM встает вопрос о специфике структурных падежей, позволяющей им, в отличие от лексических, варьировать с другими падежами или оставаться невыраженными.

В случае симметричного DOM на первый план выходят проблемы поиска лицензора падежа, варьирующего со структурным, и объяснение механизма выбора одного из падежей (в качестве примера можно привести многолетнюю дискуссию о русском генитиве под отрицанием, варьирующем с аккузативом и номинативом). При этом именно структурный падеж является «падежом по умолчанию», который объектная именная группа получила бы при отсутствии лицензора DOM (в приведенном примере — сентенциального отрицания).

Асимметричный DOM устроен по-другому: наличие лицензора (например, положительное значение признака «одушевленность») вызывает оформление объекта структурным падежом, а в отсутствие лицензора объект остается неоформленным. Важно отметить, что в случае ассиметричного DOM именно «приоритетные» (prominent) именные группы — одушевленные, определенные, локуторы и т.д. получают падеж. Функциональные объяснения этой закономерности обычно опираются на идею Б. Комри [Comrie 1975b, 1989], в соответствии с которой прототипическая переходная конструкция представляет собой такую конфигурацию, в которой А-аргумент имеет высокую одушевленность и определенность, а Р-аргумент — низкую одушевленность и определенность. Соответственно, маркироваться будет отклонение от «переходного» прототипа — одушевленный и определенный пациенс.

Формальные модели скорее имеют тенденцию рассматривать падежное маркирование при асимметричном DOM как «стандартный» вариант и предполагают специфический статус немаркированного аргумента: как не занимающего аргументную позицию (например, инкорпорированного или псевдоинкорпорированного в глагол); как структурно неполноценного и потому не располагающего падежным признаком; как получающего особый тип падежа в особой структурной позиции.

Хотя дифференцированное падежное маркирование характерно в первую очередь для позиции прямого дополнения (во многих работах, посвященных данной проблематике, цитируется высказывание Г. Егера: «Почти во всех аккумулятивных языках есть DOM»⁹⁶), не меньший интерес представляет падежное варьирование в других структурных позициях. К таким позициям относятся в первую очередь позиции подлежащего и посессора.

Дифференцированное маркирование подлежащего (Differential subject marking, DSM) в независимом предложении засвидетельствовано в первую очередь для переходной конструкции эргативных языков, как в примере (7.2) из агульского языка. Следует отметить, что, хотя конструкции с вариативным падежным оформлением субъекта/агенса эргативных языков известны достаточно давно (ср. [Silverstein 1976; Dixon 1979; DeLancey 1981], изучение DSM как единого феномена имеет сравнительно недолгую историю (см. сборник [de Hoop, de Swart (eds.) 2009] и вступительную статью [de Hoop, de Swart 2009]). Основные явления, подпадающие под понятие DSM в эргативных языках, включают так называемую расщепленную эргативность (split ergativity) и активную (ролевую) стратегию падежного маркирования (Active/semantic alignment, split intransitivity).

Под расщепленной эргативностью [Silverstein 1976; DeLancey 1981; Dixon 1994] понимается ситуация, когда эргативная конструкция характеризует не все переходные клаузы некоторого языка и не реализуется в зависимости от некоторого фактора. Эти факторы образуют две группы. Во-первых, расщепленная эргативность может опираться на значения TAM-категорий, в первую очередь вида (аспекта) и времени, в той степени, в какой его выражение совмещено с видом [Coop 2013a,b], так что клаузы, имеющие определенные значения признаков TAM, не реализуют эргативную конструкцию. Во-вторых, расщепленная эргативность может базироваться на характеристиках А-аргумента (и возможно, также на комбинации характеристик А- и Р-аргументов). Рассмотрим эти случаи по порядку.

Расщепленная эргативность на базе TAM-категорий хорошо известна на материале индоарийских и картвельских языков. Перфективность / предельность / пунктивность / прошедшее время благоприятствуют эргативности, в то время как имперфективность / неопределенность / прогрессивность / настоящее-будущее время ей препятствуют. Так, в хинди в перфективных

---

⁹⁶ ‘Almost all accusative languages have DOM’ [Jäger 2007: 102].

клаузах (7.16a,c) агентивный внешний аргумент оформляется эргативом, а в имперфективных клаузах (7.16b,d) эргативное маркирование недоступно [Mohanap 1994: 70].

- (7.16) a.   gām-ne   gavī-ko   pīṭaa.
 Рам-ERG   Рави-ACC   бить.PF
 ‘Рам побил Рави.’
- b.   gām   gavī-ko   pīṭaa   hai.
 Рам.NOM   Рави-ACC   бить.IPF   AUX.PRS
 ‘Рам бьет Рави.’
- c.   laṛke-ne   kitāb   haṛīdī.
 мальчик-ERG   книга.NOM   покупать.PF
 ‘Мальчик купил книгу.’
- d.   laṛkā   kitāb   haṛīdtā   hai.
 мальчик.NOM   книга.NOM   покупать.IPF   AUX.PRS
 ‘Мальчик покупает книгу.’

В баскском языке эргативная конструкция, представленная в перфективе (7.17), меняется на биабсолютивную (биноминативную) конструкцию в прогрессиве (7.18) [Laka 2006; Coon 2013b]. Биноминативная конструкция в имперфективных клаузах представлена во многих дагестанских языках [Кибрик и др. 1977; Кибрик (ред.) 1999, 2001; Gagliardi et al. 2014; Forker (to appear)] и мн. др.:

- (7.17) a.   Ehiztari-ak   otso-a   harrapatu   du.
 охотник-DET.ERG   волк-DET.ABS   поймать   AUX(иметь)
 ‘Охотник поймал волка.’
- b.   Otso-a   etorri   da.
 волк-DET.ABS   приходить   AUX(быть)
 ‘Волк пришел.’
- (7.18) a.   emakume-a   ogi-a   ja-te-n   ari   da.
 женщина-DET.ABS   хлеб-DET.ABS   есть-NMN-LOCPROG   AUX(быть)
 ‘Женщина ест хлеб.’
- b.   emakume-a   dantza-n   ari   da.
 женщина-DET.ABS   танец-LOC   PROG   AUX(быть)
 ‘Женщина танцует.’

Заметим, что и в хинди, и в баскском изменение падежного маркирования внешнего аргумента не оказывает влияния на падежное оформление внутреннего аргумента (абсолютивное в баскском, номинативное или аккузативное в хинди). Однако в грузинском языке «сдвигу» падежного маркирования в имперфективной серии I подвергается не только

внешний (7.19a-d), но и внутренний аргумент (7.19a-b), так что ТАМ-категории лицензируют одновременно DSM и DOM:

(7.19) а. Серия II, эргативный внешний аргумент, номинативный внутренний аргумент

nino-m   gia-s   surateb-i   ačvena.
 Нино-ERG   Гия-DAT   картина-NOM   показывать.AOR

‘Нино показала Гии картину.’

б. Серия I, номинативный внешний аргумент, дативный внутренний аргумент

nino   gia-s   surateb-s   ačvenebs.
 Нино.NOM   Гия-DAT   картина-DAT   показывать.PRS

‘Нино показывает Гии картину.’

в. Серия II, эргативный внешний аргумент

vapo-m   ipikra   mariḳa-ze.
 Вано-ERG   думать.AOR   Марика.DAT-o

‘Вано думал о Марике.’

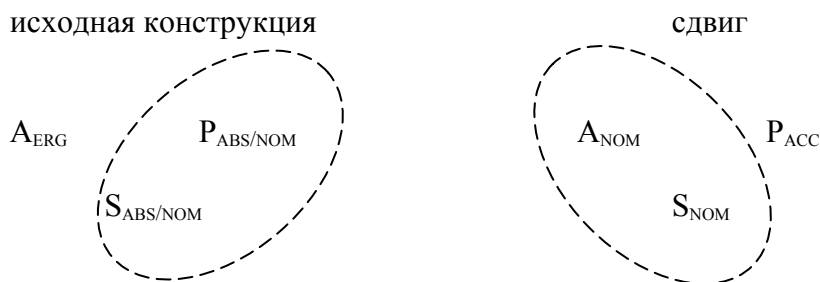
г. Серия I, номинативный внешний аргумент

vapo   piḳobs   mariḳa-ze.
 Вано.NOM   думать.PRS   Марика.DAT-o

‘Вано думает о Марике.’

Поскольку DSM и DOM в таких случаях лицензируются одновременно, можно говорить не столько о вариативном падежном маркировании А-аргумента, сколько об изменении стратегии падежного маркирования базовых аргументов. Дж. Кун [Coop 2013b], исследуя возможные падежные типы расщепленной эргативности, основанной на ТАМ-категориях, отмечает, что «сдвиг» эргативной модели при этом типе расщепленной эргативности, в отличие от расщепленной эргативности, основанной на категории лица (см. ниже) не предполагает изменения базовой конструкции предложения с эргативной на аккузативную согласно Схеме 7.1:

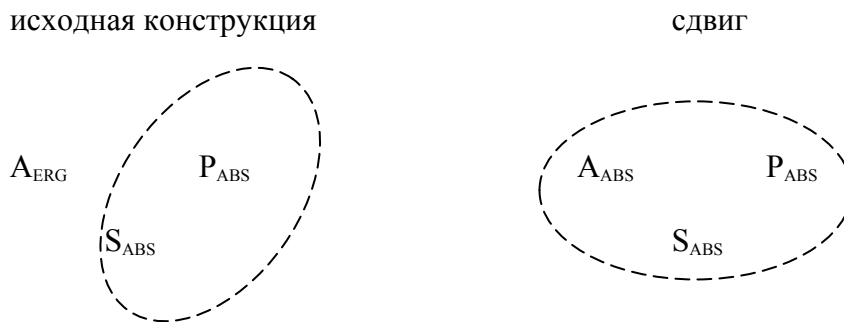
Схема 7.1. Сдвиг эргативная конструкция — аккузативная конструкция

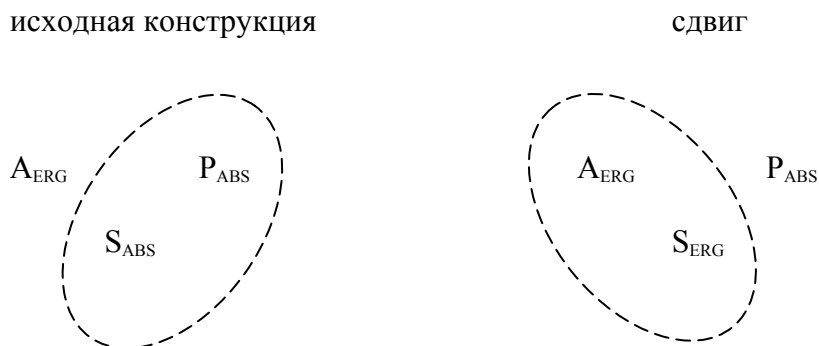

В действительности происходит один из трех типов сдвигов: сдвиг эргативной конструкции к нейтральной в соответствии со схемой 7.2 (см. примеры (7.17)–(7.18) из баскского языка), сдвиг эргативной конструкции к «расширенной эргативной конструкции» (extended ergative, [Dixon 1979]) в соответствии со схемой 7.3 (см. примеры (7.20) из чольского майянского языка) или сдвиг эргативной конструкции к непереходной (абсолютивно-косвеннопадежной) конструкции в соответствии со схемой 7.3 (см. примеры (7.19) из грузинского языка).

Схема 7.2. Сдвиг эргативная конструкция — биабсолютивная (нейтральная) конструкция

Схема 7.3. Сдвиг эргативная конструкция — расширенная эргативная конструкция

(7.20) а. перфектив, эргативный внешний аргумент, абсолютивный внутренний аргумент

Tyí k-mek'-e-yety.
PFV 1ERG-TR-обнимать-2ABS

‘Я обнял тебя.’

б. перфектив, абсолютивный единственный аргумент

Tyí wáy-i-yety.
PFV спать-INTR-2ABS

‘Ты поспал.’

с. имперфектив, эргативный внешний аргумент, абсолютивный внутренний аргумент

Choŋkol k-mek'-ety.
 PROG 1ERG-обнимать-2ABS

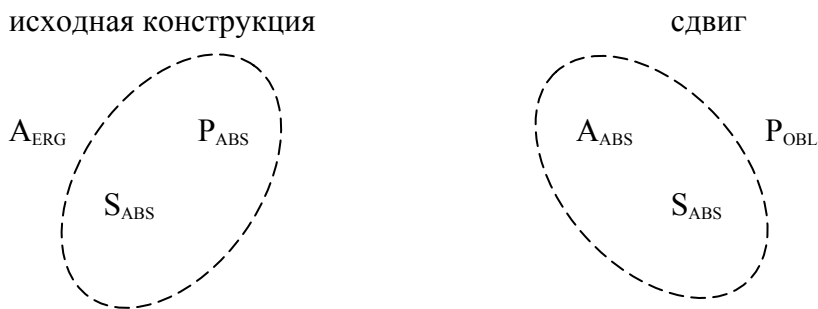
‘Я обнимаю тебя.’

b. имперфектив, эргативный (пациентивный!) единственный аргумент

Choŋkol a-wäy-el.
 PROG 2ERG-sleep-NMN

‘Ты спишь.’

Схема 7.4. Сдвиг эргативная конструкция — непереходная конструкция

Итак, мы видим, что категория вида регулярно выступает лицензором DSM, причем в ряде случаев DSM независим от DOM, а в некоторых случаях аспектуальные значения сопровождаются одновременно DSM и DOM. Примечательно, что и DOM, и DSM в качестве триггера неканонического маркирования аргумента выбирают аспектуальные значения, связанные с пониженной переходностью — имперфектив, прогрессив, неопределенность [DeLancey 1981; Hopper, Thompson 1980]. При этом такие значения вызывают симметричный DOM (кодирование объекта особой падежной формой вместо канонического аккумулятива) и асимметричный DSM (отсутствие маркирования субъекта вместо канонического эргатива).

Надо отметить, что в принципе непосредственное взаимовлияние значений TAM-категорий, в частности, аспекта и свойств аргумента ожидаемо для внутреннего аргумента и не ожидаемо для внешнего аргумента. В качестве обоснования достаточно указать на то, что только внутренний аргумент может быть инкрементальной темой [Dowty 1991] / накопителем эффекта [Гловинская 1982; Падучева 2004] для обозначаемого глаголом события, так чтобы мереология аргумента отображалась в мереологию события, выражаемую как раз аспектуальными категориями. Поэтому очевидно, что объяснения влияния вида на DOM и DSM должно быть различным. В частности, если аспектуально-мотивированный DOM может анализироваться как селекция/лицензирование видовой вершиной особой количественной формы внутреннего аргумента или, наоборот, вычисление аспектуальных характеристик глагольной группы и клаузы на основании формы внутреннего аргумента (так называемая аспектуальная композиция, [Verkuyl 1993; Krifka 1998]), то для аспектуально-мотивированного

DSM следует искать иные объяснения. Независимый от DOM аспектуально-мотивированный DSM во многих языках происходит в конструкциях, проявляющих свойства биклаузальных [Laka 2006; Кибрик (ред.) 1999, 2001; Coon 2013b; Coon, Preminger (to appear)], так что внешний аргумент оказывается падежно-зависим не от собственной, а от вышестоящей клаузы. Аспектуально-мотивированный DSM, при котором падежное варьирование внешнего аргумента происходит одновременно с падежным варьированием внутреннего аргумента, можно рассматривать как «паразитирующий» на DOM, так что влияние аспекта на падежное маркирование внешнего аргумента опосредовано особым выражением внутреннего аргумента, превращающим клаузу в формально непереходную.

Обратимся теперь к расщепленной эргативности, связанной с характеристиками А-аргумента (*nominal splits*). Наиболее известными среди них являются расщепления падежных систем по категории лица и — шире — в соответствии с иерархией типов именных групп (известной как «иерархия одушевленности»⁹⁷, [Silverstein 1976]).

Рассмотрим парадигму (7.21) из языка дирбал [Dixon 1972], цит. по [Arkadiev 2015]:

- (7.21) a.   bayi   yaḡa   bani-ṇu.
           DET.M.ABS   мужчина.ABS   приходит-PRS
           ‘Мужчина приходит.’
- b.   bayi   yaḡa   baṅgun   ḡugumbi-ṭu   balga-n.
           DET.M.ABS   мужчина.ABS   DET.F.ERG   женщина-ERG   ударить-PRS
           ‘Женщина ударяет мужчину.’
- c.   ṇaḡa   bani-ṇu.
           я.NOM   приходит-PRS
           ‘Я прихожу.’
- d.   ṇaḡa   ṇinuna   balga-n.
           я.NOM   ты.ACC   ударить-PRS
           ‘Я тебя бью.’
- e.   ṇaḡa   bayi   yaḡa   balga-n.
           я.NOM   DET.M.ABS   мужчина.ABS   ударить-PRS
           ‘Я бью мужчину.’

⁹⁷ Иерархия одушевленности, как она представлена в [Silverstein 1976], вероятно, не образует единой иерархии в полном смысле слова, но состоит из трех достаточно независимых иерархий: лица (в которой локуторы выше нелокуторов), типа именной группы (в которой местоимения выше существительных) и собственно одушевленности (в которой люди выше животных, а животные выше неодушевленных предметов) [Croft 1990]. В последующем изложении мы будем использовать термины «иерархия одушевленности» и «одушевленность» в кавычках, если имеется в виду описательное обобщение о типе именной группы в соответствии с [Silverstein 1976], и термин *одушевленность* без кавычек, если речь будет идти собственно о языковой категории одушевленности.

- f. η ayguna   baŋgul   yaŋa- η gu   balga-n.
 я.ACC   DET.M.ERG   мужчина-ERG   бить-PRS
 ‘Мужчина бьет меня.’

Мы видим, что клаузы с именными группами с вершиной-существительным (7.21a-b) реализуют эргативную стратегию падежного маркирования, а в клаузах с именными группами 1–2 лица (локуторами) (7.21c-d) используется аккумулятивная стратегия. (7.21e-f) показывают, что выбор падежного оформления для внешнего и внутреннего аргументов происходит независимо: местоимения 1–2 лица имеют аккумулятивную падежную парадигму, а прочие именные группы — эргативную, в результате чего в (7.21e) представлена нейтральная конструкция предложения, а в (7.21f) — контрастная (трехчастная). Эти данные обобщены в Таблице 7.1

Таблица 7.1. Падежное маркирование именных групп разных типов в дирбал

	местоимения 1 и 2 лица (локуторы)	местоимения 3 лица	существительные
A	- $\emptyset$	- η gu	- η gu
S	- $\emptyset$	- $\emptyset$	- $\emptyset$
P	-na	- $\emptyset$	- $\emptyset$

Дж. Кун и О. Премингер (Coon, Preminger (to appear)) указывают, что именные сплиты при DSM в эргативных системах значительно беднее, чем мотивированные характеристиками именной группы сплиты при DOM: вариативное эргативное маркирование подлежащих обычно коррелирует с дихотомией локуторов-нелокуторов (1–2 vs. 3 лицо), в то время как вариативное маркирование дополнений чувствительно к таким признакам, как одушевленность, специфичность, определенность⁹⁸. Сходное замечание делает Э. Вулфорд: «Проблема с подходом Силверстейна состоит в том, что он одинаково подходит к субъектным и объектным сплитам, как к двум крайним точкам одного континуума. Но если бы это было так, мы ожидали бы встретить в языках мира одинаковое разнообразие среди субъектных и объектных сплитов; однако, это предсказание не выполняется. Вместо этого мы обнаруживаем очень незначительное количество типов субъектных сплитов и огромное разнообразие объектных. Например, Б. Комри отмечает, что при том, что определенность часто бывает фактором DOM, мы не находим ясных случаев, когда бы при DSM маркировалось неопределенное

⁹⁸ «Overall, while differential ergative marking on subjects (DSM) typically correlates with the 1st / 2nd person vs. 3rd person distinction, differential case marking on objects (DOM) is typically sensitive to features like animacy, specificity, and definiteness» [Coon, Preminger (to appear)].

подлежащее»⁹⁹. А. Нэсс также приходит к выводу, что параметр определенности не является лицензирующим фактором для DSM [Næss 2004].

По-видимому, эти обобщения, хотя и отражают определенные тенденции, не носят абсолютный характер. Так, в дирбал и цахурском, действительно, эргативная модель недоступна только для локуторов (в дирбал местоимения 1–2 лица имеют аккузативную парадигму, в цахурском — нейтральную). Однако в другом австралийском языке — марийском языке бидьяра — все местоимения противопоставляются существительным (местоимения имеют формы номинатива и аккузатива, существительные — эргатива и абсолютива / номинатива). В паноанском языке кашинава местоимения 3-го лица обладают формами трех грамматических падежей — эргатива, номинатива и аккузатива [Dixon 1994], см. Таблицу 7.2.

Таблица 7.2. Падежное маркирование именных групп разных типов в кашинава

	местоимения 1 и 2 лица (локуторы)	местоимение 3 лица	существительные
A	-∅	<i>habī</i>	назализация
S	-∅	<i>habu</i>	-∅
P	-a	<i>haa</i>	-∅

В австралийском языке мангарайи именной сплит противопоставляет неодушевленные существительные прочим типам именных групп: неодушевленные существительные имеют эргативно-абсолютивную парадигму, а местоимения и одушевленные существительные — номинативно-аккузативную (с маркированным номинативом), ср. (7.22)–(7.23) из [Arkadiev 2015]:

- (7.22) a.   *ɲa-malam*   *ya-j.*
 MNOM-человек   идти-PST
 ‘Человек ушел.’
- b.   *landi*   *mod*   *mau*   *ɲa-malam.*
 N.ABS.дерево рубить   AUX.PF MNOM-человек
 ‘Человек срубил дерево.’

⁹⁹ «One problem with Silverstein’s approach is that it treats subject splits and object splits alike, as two ends of the same continuum. But if that is so, we expect to find an equal diversity of types of subject and object splits in the world’s languages; however, that prediction is not borne out. Instead, there are very few kinds of subject splits, in contrast to an enormous diversity of object splits. For example, Comrie [1989: 123] notes that while definiteness is frequently the basis of object splits, there is an embarrassing absence of clear attestations of the predicted marked indefinite subject» [Woolford 2001: 535].

- c. malam   ꞗa-ɖaɾawu-b.
M.ACC.человек   1SG>3SG-найти-PF
'Я нашел человека.'
- (7.23) a. wumbawa   ꞗandi   jir   jaygi-ni   wuburgba   ꞗa-bundal-an.
N.ABS.один   N.ABS.дерево   стоять AUX-PST.CNT   середина N.LOC-проток-LOC
'Одно дерево стояло посреди протока.'
- b. ꞗa-ꞗandi   ja-ꞗidba   maꞗ.
N.ERG-дерево   3SG>3SG-иметь   N.ABS.смола
'Дерево имеет смолу.'

Формальный именной сплит, таким образом, представляет собой либо чистый DSM (если эргативная стратегия варьирует с нейтральной), либо сочетание DSM и DOM (если эргативная стратегия варьирует с аккузативной или контрастивной). Соотношение между лицензирующим фактором — уровнем «одушевленности» — и стратегией DOM отвечает гипотезе Б. Комри: специально маркируются непрототипические агенты (т.е. именные группы, расположенные низко в иерархии одушевленности) и непрототипические пациенты (т.е. именные группы, расположенные высоко в иерархии одушевленности).

Однако наряду с представленными данными в DSM существует и противоположная тенденция: специального маркирования приоритетного (prominent) участника в позиции А-аргумента. Так, в самоанском языке одушевленные именные группы в позиции внешнего аргумента переходного глагола последовательно кодируются эргативом, в то время как неодушевленные именные группы (например, обозначающие силы природы) варьируют между эргативным и косвенно-падежным (локативным) кодированием [Malchukov 2008: 206–207]:

- (7.24) a. Na   tapuni   e   le   matagi le   faitoto'a.
PST   закрывать   ERG   DET   ветер   DET   дверь
'Ветер закрыл дверь.'
- b. Na   tapuni   i   le   matagi le   faitoto'a.
PST   закрывать   LOC   DET   ветер   DET   дверь
'Ветер закрыл дверь.'

Специальное маркирование приоритетной именной группы в позиции внешнего аргумента переходного глагола, подлежащего или агенса любого глагола — «прагматическое», «факультативное» или «иконичное» — отмечается во многих работах [Malchukov 2008; Varðdal, Chelliah 2009; McGregor, Verstraete 2010; McGregor 2010; Fauconnier 2011]. Более того, к числу релевантных для DSM факторов относится не только одушевленность, представляющая собой формальный (хотя и интерпретируемый) класс именной группы, но и такие признаки как волиитивность, контроль (ср. пример (7.2), где показана конструкция с ненамеренным агенсом,

использующая адэлативное кодирование) и даже коммуникативный статус именной группы. Здесь имеется в виду так называемая фокусная эргативность (*focal ergativity*), когда эргативное маркирование появляется на эмфатически выделенных, новых, рематических, контрастивно-фокусных А-аргументах, причем этот коммуникативный статус часто сопровождает неопределенные именные группы (см. подробнее [Malchukov 2008]. Например, в невари (тибето-бирманский язык сино-тибетской группы, [Givón 1984: 154]) А-аргумент переходного глагола получает эргатив только в рематической позиции; соответственно, (7.25a) может быть ответом на вопрос «Кто разбивает окно?», а (7.25b) — «Что делает мужчина?». Такая же закономерность регулирует выбор между эргативной и биноминативной конструкцией в имперфективных клаузах многих дагестанских языков.

- (7.25) a.   Wō   m̩ɸnu-nā   jh̩ya   taj̩ya-n̩ɸ   со-н̩ɸ.
                  DET   мужчина-ERG окно   разбивать-AUX   быть-AUX
                  ‘Мужчина разбивает окно.’
- b.   Wō   m̩ɸnu-nā   jh̩ya   taj̩ya-n̩ɸ   со-н̩ɸ.
                  DET   мужчина   окно   разбивать-AUX   быть-AUX
                  ‘Мужчина РАЗБИВАЕТ ОКНО.’

Активная стратегия кодирования аргументов — расщепленная непереходность — характеризует такие языки, в которых единственный ядерный аргумент непереходного глагола кодируется не единообразно: часть оформляется как А-аргумент переходного глагола, а остальные — как Р-аргумент переходного глагола ([Кибрик 1992], пример из лазского языка).

- (7.26) a.   baba-k   ister-u.
                  отец-АСТ   играть-3SG.AOR
                  ‘Отец играл.’
- b.   baba   dišol-u.
                  отец   мокнуть-3SG.AOR
                  ‘Отец вымок.’

Естественным основанием для DSM-сплита представляется ролевая характеристика аргумента, т.е. противопоставление агенса и пациенса, как в примере (7.26) из лазского языка (картвельская семья, [Кибрик 1992]). Однако активная стратегия может предполагать самые различные лицензирующие факторы: противопоставление действия и состояния, предельных и непредельных, контролируемых и неконтролируемых, воздействующих (*affected*) и не воздействующих на аргумент ситуаций (см. [Mithun 1991; Donohue 2008; Donohue, Wichman (eds.) 2008]). Например, в восточном помо (помоанский язык Северной Америки) сплит

опирается на контролируемость и волеитивность (7.27), а в центральном помо ситуация сложнее: для динамических предикатов релевантен параметр контроля ([+eventive] [+control] = A, [+eventive] [-control] = P), а для стативных — параметр воздействия (affectedness) ([-eventive] [+affected] = P, [-eventive] [-affected] = A) [Mithun 1991: 518–524].

- (7.27) a. há· ba·téc`ki
я.AGT ударился
'Я ударился (намеренно).'
- b. wí ba·téc`ki
я.PAT ударился
'Я ударился (случайно).'

Языки с расщепленной непереходностью также существенно варьируют в отношении «сферы действия» лицензирующего параметра. DSM может быть организован по типу сплита, когда принадлежность к классу является словарным свойством непереходного глагола, а может допускать вариативное маркирование субъекта при одном и том же глаголе — тогда возникает DSM флуктуирующего (плавающего) типа. Объем класса глаголов, совместимых с обоими типами маркирования субъекта, также существенно варьирует.

Отметим, что расщепленная непереходность — в той степени, в какой она семантически мотивирована — демонстрирует зависимость от того же набора факторов, что и «прагматическая» эргативность, связанная с приоритетными свойствами внешнего аргумента (агентивность, волеитивность, контроль). Этот факт подтверждает гипотезу об опосредованном влиянии ТАМ-категорий на DSM. Наличие двух разнонаправленных стратегий именного сплита — парадигматической формальной стратегии, основанной на «иерархии одушевленности», и флуктуирующей прагматической стратегии, опирающейся на степень «эталонности», «выделенности», высокой агентивности А-аргумента — свидетельствует о том, что за ними стоят различные модели падежного варьирования. Если первая стратегия в принципе допускает такой анализ, при котором единый абстрактный падеж по-разному реализуется морфологически на разных формальных классах именных групп, то для объяснения второй стратегии анализ должен имплементировать семантические параметры, стоящие за DSM.

Вариативное падежное оформление субъекта независимого предложения в аккумулятивных языках встречается существенно реже. Обычно в таких случаях речь идет о внутреннем аргументе непереходного глагола, падежное оформление которого варьирует так же, как и падежное оформление Р-аргумента переходного глагола. Так, в русском языке генитив субъекта при отрицании традиционно считается свойством неаккумулятивных глаголов. В (7.28a-b) мы

наблюдаем DSM — варьирование генитива и номинатива. Каков бы ни был тот фактор (или группа факторов), предопределяющий выбор падежа в (7.28a-b), очевидно, что он совпадает с фактором, лицензирующим варьирование в позиции прямого дополнения (7.28c-d). По-видимому, феномены такого рода не стоит разделять на DOM и DSM на основании производной синтаксической позиции внутреннего аргумента.

- (7.28) a. Письма не пришли.
 b. Писем не пришло.
 c. Почтальон не принес письма.
 d. Почтальон не принес писем.

Еще одна группа явлений, связанных с падежным варьированием в субъектной позиции аккумулятивных языков, может быть выявлена в результате синтаксического анализа. Рассмотрим (7.29):

- (7.29) a. Прошли (эти) десять минут.
 b. Прошло (*эти) десять минут.

В (7.29a) подлежащее стоит в форме именительного падежа (что видно по падежу премодификатора) и контролирует предикативное согласование. В (7.29b) глагол-сказуемое демонстрирует дефолтное согласование, а премодификаторы недоступны. Учитывая непосредственную связь между номинативным подлежащим и предикативным согласованием в русском языке, следует предположить, что в (7.29b) номинативное подлежащее отсутствует, а группа *десять минут* является беспадежной. Таким образом, можно рассматривать (7.29) как случай DSM асимметричного типа — варьирование между падежной формой номинатива и отсутствием падежа. Аналогичное варьирование можно продемонстрировать на материале симметричного DSM в финском языке (7.30). Подробнее о таких явлениях речь пойдет в разделе 7.3; см. также [Лютикова 2015].

- (7.30) a. Pöydällä on kirjoja.
 стол.SUP.ESS AUX.3SG книга.PRT.PL
 ‘На столе лежат книги.’
- b. Helsingistä tulee kirjeitä.
 Хельсинки.IN.ALL приходит.3SG письмо.PRT.PL
 ‘Из Хельсинки приходят письма.’

Существенно чаще DSM в аккумулятивных языках отмечается в зависимых клаузах. Во многих языках встречаются полипредикативные конструкции, в которых подлежащее может

получать падеж из разных источников — как в собственной клаузе, так и в главной. Например, в турецком языке (как и во многих других тюркских языках) подлежащее номинализованной клаузы допускает оформление как номинативом, так и генитивом. В [von Heusinger and Kornfilt 2005: 15; Kornfilt 2009] утверждается, что в турецком примере (7.31) лицензирующий фактор DSM тот же, что и в турецком DOM, а именно — специфичность.

- (7.31) a. Yol-dan bir araba geç-tiğ-in-1 gör-dü-m.
 дорога-ABL один машина проехать-NMN-3SG-ACC видеть-PST-1SG
 ‘Я видел, что по дороге проехала машина <non-specific>.’
- b. Yol-dan bir araba-nın geç-tiğ-in-1 gör-dü-m.
 дорога-ABL один машина-GEN проехать-NMN-3SG-ACC видеть-PST-1SG
 ‘Я видел, что одна машина <specific> проехала по дороге.’

Во многих случаях, однако, обнаружить лицензирующий фактор не так просто. Так, в бурятском примере (7.32) источники и генитива, и аккузатива подлежащего номинализованной клаузы понятны (генитив от номинализующей морфологии или именных функциональных проекций номинализации, аккузатив из главной клаузы), но выбор падежа, по-видимому, не имеет явных последствий для интерпретации¹⁰⁰.

- (7.32) саян-ые / саян-ын бадма-да хубү-еэ угаа-лга-һ-ые
 Саяна-ACC / Саяна-GEN Бадма-DAT сын-ACC.REFL мыть-CAUS-PF-ACC
 би хар-аа-б.
 я видеть-PART-1SG
 ‘Я видел, что Саяна заставила Бадму помыть сына.’

DSM в зависимой клаузе встречается не только в аккузативных языках. В примере (6.30b) из вальпири субъект может кодироваться как эргативом, так и падежом посессора — дативом. Это явление характерно для многих эргативных языков с падежно-независимой от финитности или наличия T аргументной структурой, таких как цахурский язык или багвалинский язык (пример (7.33) из [Кибрик (ред.) 2001]).

- (7.33) a. ʒali-la q'očan-č'i rasul-i-r e-w w-aXa w-it'ē-r.
 Али-DAT хотеть-NEG Расул-OBL-ERG LOG-M M-прочь M-гнать-NMN
 ‘Али не нравится, как Расул его прогнал.’

¹⁰⁰ Выражаю благодарность Т.И. Бондаренко за предоставленный доступ к бурятским полевым материалам и их обсуждение.

- b.   ʒali-la   q'oʃan-č'i   rasul-i-b   e-w   w-aXa   w-it'ē-r.
 Али-DAT хотеть-NEG Расул-OBL-GEN.N   LOG-M М-прочь   М-гнать-NMN
 'Али не нравится, что Расул его прогоняет.'

Отличия в интерпретации между (7.33a) и (7.33b), по-видимому, связаны с количеством функциональной структуры клаузы и именной группы: эргативное оформление коррелирует с конкретной событийной интерпретацией («референтным событием»), а генитивное — с генерической («нереферентным событием»).

Наконец, остановимся вкратце на вариативном маркировании посессора (differential possessor marking, DPM). DPM как единый феномен в предшествующей литературе не выделяется, что, вероятно, связано с непродуктивностью объединения частных явлений. Можно указать три основных типа DPM, отличающиеся друг от друга и по формальным параметрам, и по лицензирующим факторам.

К первому типу можно отнести падежное варьирование как частный случай отличий в кодирующей технике для разных типов семантических отношений между именной вершиной и ее именным зависимым. Дж. Хайман [Haiman 1983] формулирует следующую типологическую закономерность: языковая дистанция между выражениями отражает концептуальную дистанцию между ними¹⁰¹. Применительно к посессивным конструкциям это означает, что семантические типы обладания образуют иерархию (неотчуждаемая принадлежность предполагает меньшую концептуальную дистанцию, чем отчуждаемая принадлежность), и концептуально менее тесная связь должна выражаться формально более сильным средством. Таким образом, выбор конструкции для выражения семантического отношения имеет иконическую мотивацию (см. также [Croft 1990: 175ff]). Иерархия языковых средств (по Хайману, «языковое расстояние») показана в (7.34).

(7.34) (i) X слово/морфема Y	(функциональное слово или элемент)
(ii) X Y	(соположение)
(iii) X-Y	(связанное выражение)
(iv) Z	(портманто)

Применительно к падежному варьированию (7.34) может быть проинтерпретировано как наличие падежа на именной группе — обладателе *vs.* соположение беспадежной именной группы — обладателя и обладаемого. Так, в языке каядилт неотчуждаемая принадлежность

¹⁰¹ «The linguistic distance between expressions corresponds to the conceptual distance between them» [Haiman 1983: 782].

оформляется соположением (7.35a), в то время как прочие типы отношений — генитивной конструкцией (7.35b) [Evans 1995: 143, 248].

- (7.35) a.   dangkaa   thukanda
                   мужчина   подбородок
                   ‘подбородок мужчины’
- b.   dibirdibi-karran   dulk
                   скальная_треска-GEN   место
                   ‘место (обитания) скальной трески’

Второй тип DPM связан с дихотомией внешнего и внутреннего посессора (осетинский пример (7.36a-b)), когда падеж внутреннего посессора определяется в именной группе, а падеж внешнего посессора — вне ее (см., однако, [Deal 2013a,b] о возможности ECM-маркирования внутреннего посессора). Деривационные отношения между внешним и внутренним посессором, отличия в интерпретации и лицензирующие экстрапозицию посессора факторы отличаются чрезвычайным разнообразием (см., в частности, [Shibatani 1994; Payne, Barshi (eds.) 1999; Кибрик 2000, 2003; Kim, Lander, Partee (eds.) 2004]). Видимо, стоит согласиться с тем, что исходной мотивацией для экстрапозиции посессора (и тем самым его альтернативного падежного оформления) является несоответствие низкого грамматического статуса внутреннего посессора в предложении и его высокого коммуникативного статуса. В таком случае DPM является эпифеноменом альтернативной синтаксической конструкции, аналогично тому, как DOM и DSM возникают при пассивизации или антипассивизации.

- (7.36) a.   маэ   мад-ы   хæзæр
                   1SG.GEN   мать-GEN   дом
                   ‘дом моей матери’
- b.   маэ   мад-æн   йæ   хæзæр
                   1SG.GEN   мать-DAT   3SG.GEN   дом
                   ‘дом моей матери’ (букв. ‘моей матери её дом’)

Наконец, третий тип DPM, который мы будем затрагивать в следующем разделе, связан с падежным варьированием посессоров, имеющих различный референциальный статус. В татарском языке посессивное отношение может быть выражено при помощи двух конструкций, называемых в традиционной литературе изафетными [Закиев (ред.) 1995]: конструкции с генитивным посессором и согласовательным показателем на именной вершине (изафетная конструкция 3, (7.37a)) и конструкции с немаркированным падежом посессором и согласовательным показателем на именной вершине (изафетная конструкция 2, (7.37b)).

- (7.37) а. бала-лар-ның   китаб-ы
           ребенок-PL-GEN   книга-3
           ‘книга (конкретных) детей’
- б. бала-лар   китаб-ы
           ребенок-PL   книга-3
           ‘книга (каких-то) детей’ / ‘детская книга’

В экспериментальном исследовании [Гращенко 2007], а также в [Pereltsvaig, Lyutikova 2014] показано, что на выбор изафетной конструкции оказывает влияние референциальный статус посессора: определенные посессоры выражаются в изафетной конструкции 3, а неопределенные или нереферентные — в изафетной конструкции 2. Таким образом, в татарском языке вариативное маркирование посессора устроено асимметрично: определенный посессор получает генитив, а неопределенный или нереферентный остается беспадежным¹⁰².

На этом мы завершаем обзор падежного варьирования и лицензирующих его факторов. Следующий раздел содержит конкретно-языковое исследование — описание и анализ DOM в татарском языке, выполненное на материале двух идиомов мишарского диалекта татарского языка¹⁰³. Изучение падежного варьирования позволит нам не только предложить принципиально новое, структурное объяснение DOM в татарском языке, но и сделать выводы о деривационных механизмах, стоящих за приписыванием падежа, с одной стороны, и интерпретационными возможностями именных групп, с другой стороны.

7.2. Дифференцированное маркирование объекта в мишарском диалекте татарского языка

Дифференцированное маркирование объекта в том или ином виде представлено во всех тюркских языках¹⁰⁴. Наиболее типичной парадигмой могут служить примеры (7.38) из турецкого языка (примеры адаптированы из [Enç 1991; Çetinoğlu, Butt 2008]):

¹⁰² В [Pereltsvaig, Lyutikova 2014] показано, что в действительности релевантным параметром является не референциальный статус, а структурный тип именной группы, а интерпретационные эффекты лишь следуют из него. См. главу 2, а также следующий раздел.

¹⁰³ Материалы этого раздела частично представлены в [Лютикова 2014б; Лютикова, Перельцвайг 2015; Lyutikova, Pereltsvaig 2015a,b].

¹⁰⁴ «Опущение» падежных показателей засвидетельствовано также в родственном корейском языке, см. [Рудницкая 2014б].

- (7.38) a. Ali kitab-ı al-dı.
Али книга-АСС покупать-РСТ
'Али купил (конкретную) книгу.'
- b. Ali kitap al-dı.
Али книга покупать-РСТ
'Али купил книгу/книги.'
- c. Ali su-yu iç-ti.
Али вода-АСС пить-РСТ
'Али выпил воду.'
- d. Ali su-dan iç-ti.
Али вода-АВЛ пить-РСТ
'Али выпил воды.'

В то время как симметричное вариативное маркирование объекта (аблатив в (7.38d) vs. аккумулятив в (7.38c)) лексически ограничено и существенно варьирует по тюркским языкам, асимметричное вариативное маркирование объекта типа (7.38a-b), отражающее референциальные признаки объектной именной группы, наблюдается практически при всех классах переходных глаголов и распространено во всех тюркских языках. При этом тюркские языки демонстрируют значительное варьирование в том, какие параметры и значения параметров вызывают аккумулятивное маркирование. Так, например, для турецкого языка параметром, вызывающим сплит, считается специфичность (specificity) объекта: определенные и специфичные неопределенные именные группы — дополнения получают аккумулятивное маркирование, в то время как неспецифичные дополнения остаются неоформленными [Enç 1991; Kornfilt 1997; von Heusinger, Kornfilt 2005; Öztürk 2005; Kornfilt, von Heusinger 2009]. В узбекском языке, помимо референциальных свойств объекта, на падежное оформление влияет одушевленность: только неодушевленные неопределенные именные группы демонстрируют вариативное маркирование, связанное со специфичностью [von Heusinger, Klein, de Swart 2008]. В литературном татарском языке аккумулятивное маркирование прямого дополнения считается свойством определенных именных групп [Закиев (ред.) 1995: 119].

Еще одна важная характеристика вариативного маркирования объекта в тюркских языках — это тот факт, что некоторые структурные типы именных групп получают аккумулятивное маркирование в объектной позиции вне зависимости от параметра, определяющего DOM. Так, например, в турецком языке показатель аккумулятора обязателен на дополнении (в том числе и неспецифичном), которое не расположено непосредственно в предглагольной позиции (7.39) (=7.14)); также обязательно аккумулятивное маркирование для объектов, представляющих собой расщепленную партитивную группу, в которой

количественное выражение субстантивируется и получает показатель согласования по лицу с генитивной именной группой ((7.40), [Kornfilt 1990; Enç 1991]).

(7.39) Bizim ev-de   çay-*(i)   her zaman   Aytül   yap-ar.
наш дом-LOC   чай-ACC   всегда   Айтюль   делать-AOR

‘В нашей семье чай всегда готовит Айтюль.’ [von Heusinger, Kornfilt 2005: (10)]

(7.40) Ali   kadın-lar-in   iki-sin-*(i)   tanı-yor-du.
Али   женщина-PL-GEN   два-AGR[3]-ACC   знать-PROG-PST

‘Али знал двух из (этих) женщин.’ [Enç 1991: (28)]

Далее в этом разделе мы рассмотрим вариативное маркирование объекта в двух идиомах мишарского диалекта татарского языка. Первый идиом — это говор села Кутлушкино (Яуширмэ) Чистопольского района республики Татарстан, исследованный в ходе лингвистической экспедиции кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ в 2011 году. Второй идиом — говор села Рыбушкино (Рбишчэ) Краснооктябрьского района Нижегородской области, с которым одноименная экспедиция работала в 2012 году¹⁰⁵. Мы покажем, что между двумя идиомами имеются существенные различия в области вариативного маркирования объекта, отражающие важные морфосинтаксические параметры, релевантные для падежной теории. Сперва мы рассмотрим данные идиома с. Кутлушкино, который ближе к литературному татарскому языку в отношении языковых явлений, связанных с DOM, а затем, в разделе 7.2.5, перейдем к сопоставлению этих данных с данными второго идиома (с. Рыбушкино).

7.2.1. Дистрибуция аккузативных и немаркированных дополнений

Как и в литературном татарском языке, в идиоме с. Кутлушкино представлено вариативное маркирование объекта, что демонстрируется в примере (7.41):

(7.41) a.   Марат машина-ны   сат-ып   ал-ды.
          Марат машина-ACC   продавать-CONV   братъ-PST

‘Марат купил машину.’

      b.   Марат машина   сат-ып   ал-ды.
          Марат машина   продавать-CONV   братъ-PST

‘Марат купил машину.’

¹⁰⁵ Далее мишарские примеры приводятся в традиционной татарской кириллической нотации с учетом диалектных фонетических особенностей.

DOM возможен не с любыми именными группами. В частности, всегда получают аккузативное падежное оформление следующие виды именных групп:

— все местоимения-существительные (личные, анафорические, возвратные, вопросительные, неопределенные, отрицательно-полярные)¹⁰⁶:

- (7.42) a. Марат а-лар-*(ны) күр-де.
 Марат он-PL-ACC видеть-PST
 ‘Марат их увидел.’
- b. Эгэр дә берер-кем-*(не) күр-сә-ң миңа эйт-ер-сең.
 если EMPH INDEF-кто-ACC видеть-COND-2SG я.DAT говорить-FUT-2SG
 ‘Если кого-нибудь увидишь, скажешь мне.’

— личные имена:

- (7.43) a. Алсу Марат-*(ны) чакыр-ды.
 Алсу Марат-ACC приглашать-PST
 ‘Алсу пригласила Марата.’
- b. Мин Казан-*(ны) ярат-а-м.
 я Казань-ACC любить-PRS-1SG
 ‘Я люблю Казань.’

— именные группы, содержащие «исчерпывающие» кванторы (‘каждый’, ‘оба’)¹⁰⁷:

- (7.44) a. Марат һәр бирем-*(не) чиш-те.
 Марат каждый задача-ACC решать-PST
 ‘Марат решил каждую задачу.’
- b. Марат ике бирем-*(не) дә чиш-те.
 Марат два задача-ACC EMPH решать-PST
 ‘Марат решил обе задачи.’

— именные группы, содержащие указательные местоимения *бу* ‘этот’, *шул* ‘тот’:

- (7.45) Марат бу машина-*(ны) сат-ып ал-ды.
 Марат этот машина-ACC продавать-CONV брать-PST
 ‘Марат купил эту машину.’

¹⁰⁶ Некоторые носители допускают отсутствие маркирования на вопросительном местоимении *нәрсә* ‘что’ и производных от него.

¹⁰⁷ Прилагательное *бетен* ‘все/весь’ (литературное *бөтен*) не является кванторным.

— именные группы, содержащие генитивный посессор и согласованные с ним по категории лица и числа (так называемая изафетная конструкция 3, см. [Закиев, Курбатов 1971; Закиев (ред.) 1995]; в мишарском диалекте — см. [Гращенко 2007]):

- (7.46) Марат Рамил-нең машина-сы-*(н) сат-ып ал-ды.
 Марат Рамиль-GEN машина-3-ACC продавать-CONV братъ-PST
 ‘Марат купил машину Рамиля.’

— расщепленные количественные, кванторные и атрибутивные группы с субстантивированным числительным / квантором / прилагательным (ср. с турецким примером (7.40)):

- (7.47) а. Ул китап-лар-ның еч-есе-*(н) укы-ды.
 он книга-PL-GEN три-3-ACC читать-PST
 ‘Из книг он прочитал три.’
 б. Марат машина-лар-ның яңа-сы-*(н) ал-ды.
 Марат машина-PL-GEN новый-3-ACC братъ-PST
 ‘Из машин Марат взял новую.’

Все остальные типы именных групп допускают в позиции прямого дополнения опущение показателя аккузатива. Присутствие / отсутствие падежного показателя в таких случаях семантически коррелирует с определенностью: определенные именные группы обычно маркируются аккузативом (7.48) (ср., однако, (7.49), где единственный в своем роде и потому определенный объект может оставаться неоформленным). Неопределенные специфичные именные группы также, согласно суждениям большинства носителей, требуют аккузативного показателя (7.50).

(7.48) Бездә эт һәм пәси яшиләр.

‘У нас живут кошка и собака.’

- а. Мин күбесенчә эт-не ярат-а-м.
 я больше собака-ACC любить-PRS-1SG

‘Я больше люблю собаку.’

- б. #Мин күбесенчә эт ярат-а-м.
 я больше собака любить-PRS-1SG

*‘Я больше люблю собаку.’

‘Я больше люблю собак.’

(7.49) Алсу ай-(ны) күр-де.
 Алсу луна-АСС видеть-PST
 ‘Алсу увидела луну.’

(7.50) Бүлмәгә берничә бала керде.
 ‘В комнату зашли несколько детей.’
 Мин ике кыз-*(ны) бел-ә-м.
 я два девочка-АСС знать-PRS-1SG
 ‘(Из них) я знаю двух (конкретных) девочек.’

Аналогичные обобщения об интерпретации оформленных и не оформленных показателем аккузатива (далее просто *неоформленных*) прямых дополнений находим и в работах, посвященных литературному татарскому языку:

Если прямое дополнение выражает предмет, уже известный как говорящему, так и слушающему, оно обязательно принимает аффикс винительного падежа ... Если прямое дополнение выражает предмет, о котором упоминается впервые, оно обязательно находится рядом с господствующим членом и не принимает никакого аффикса [Закиев (ред.) 1995: 119].

Основной падеж обозначает прямой объект и выступает дополнением... Значение прямого объекта характерно и для винительного падежа. Однако в отличие от объекта винительного падежа объект основного имеет оттенок неопределенности [Татарская грамматика, Т. II: 46].

Когда первое дополнение оформляется морфологически выраженным винительным падежом, речь идет об определенном предмете, а если оно имеет нулевую форму, речь идет о неопределенном, неконкретном предмете [Вильданова, Гарипов 1988: 39].

Возможно также, что референциальные свойства прямого дополнения — главный, но не единственный параметр, лицензирующий вариативное маркирование объекта: определенное влияние на предпочтения носителей языка оказывают одушевленность референта, семантический класс глагола (так, при глаголах, имеющих пресуппозицию существования объекта, например, *ремонтлау* ‘ремонтировать’ или *дәвалау* ‘лечить’ в нейтральном контексте предпочтителен аккузативный объект, а при глаголах созидания, например, *тезу* (лит. *төзү*) ‘строить’ или *язу* ‘писать’ — напротив, неоформленный), дискурсивная выделенность соответствующего участника.

В наши задачи, однако, не входит выявление всех факторов, влияющих на DOM в исследуемом идиоме в тех случаях, когда он возможен. Вместо этого мы хотели бы поставить вопрос в другой плоскости: верно ли, что во всех случаях, когда мы наблюдаем аккузативное маркирование прямого дополнения, оно объясняется влиянием одного из упомянутых факторов (или их нетривиальным взаимодействием)? Иными словами, верно ли, что именные группы, которые не допускают опущения показателя аккузатива в контексте прямого дополнения и употребляются только в форме аккузатива, по своей природе (*intrinsically*) обладают теми признаками, которые вызывают аккузативное маркирование?

На первый взгляд, кажется возможным объяснить запрет на опущение аккузативного показателя влиянием факторов, релевантных для DOM. Действительно, если считать референциальные характеристики именной группы «ответственными» за выбор между маркированной и немаркированной формой прямого дополнения, удастся объяснить, почему личные местоимения, личные имена, именные группы с универсальными кванторами и именные группы с указательными местоимениями требуют аккузативного показателя в контексте прямого дополнения: такие именные группы всегда определенные. Если удастся показать, что именные группы с изафетной конструкцией 3 и расщепленные группы также всегда являются определенными, то запрет на опущение показателя аккузатива для всех классов именных групп можно будет объяснить действием факторов, вызывающих DOM.

Однако обнаруживается, что такие именные группы не только не являются всегда определенными, но и могут быть нереферентными. Так, в (7.51a) именная группа *Тукайның ике шигырен* ‘два стихотворения Тукая’ может иметь как широкую (соответствующую определенному или неопределенному референтному референциальному статусу) сферу действия по отношению к универсальному квантору, так и узкую сферу действия, при которой выбор двух стихотворений варьирует по ученикам. Если бы эта именная группа была определенной, она бы демонстрировала только широкую сферу действия по отношению к другим кванторам. В (7.51b) именная группа *Алсуның бер фотографиясен* ‘одну фотографию Алсу’ может иметь узкую сферу действия относительно сентенциального отрицания и являться нереферентной (имеет экзистенциальный денотативный статус, согласно классификации Е.В. Падучевой [Падучева 1985/2002]). Наконец, в (7.51c) демонстрируется расщепленная количественная группа в позиции прямого дополнения; перевод показывает, что такая группа может иметь как широкую (*две конкретные книги*), так и узкую (*любые две книги*) сферу действия относительно модального предиката. При этом, однако, опущение аккузативного показателя в примерах (7.51a-c) недопустимо ни при одной из интерпретаций.

- (7.51) a.

Һәр	укучы	Тукай-ның	ике	шигыр-е-*(н)	укы-ды.
каждый	ученик	Тукай-GEN	два	стихотворение-3-ACC	читать-PST

‘Каждый ученик прочитал два стихотворения Тукая.’
 $2 > \forall$ (= определенные 2 стихотворения прочитал каждый)
 $\forall > 2$ (= каждый прочитал какие-то 2 стихотворения)
- b.

Марат	Алсу-ның	бер	фотография-се-*(н)	дә	күр-ме-де.
Марат	Алсу-GEN	один	фотография-3-ACC	EMPH	видеть-NEG-PST

‘Марат не видел ни одной фотографии Алсу.’
Neg > $\exists$
‘Марат не видел только одну фотографию Алсу.’
 $\exists > \text{Neg}$
- c.

Бу	китап-лар-ның	ике-се-*(н)	укы-рга	кирәк.
этот	книга-PL-GEN	два-3-ACC	читать-INF	нужно

‘Из этих книг нужно прочитать две (конкретные / любые).’
две > нужно
нужно > две

Таким образом, в исследуемом идиоме обнаруживаются такие структурные типы именных групп, обязательное маркирование которых в контексте прямого дополнения не может быть объяснено действием тех факторов, которые регулируют выбор падежного оформления для именных групп, допускающих падежное варьирование. Иными словами, именные группы с изафетной конструкцией 3 и расщепленные группы не входят в область определения правил, регулирующих DOM, но должны получать показатель аккузатива согласно правилам другой природы (заметим, что именно такое решение принимают Ж. Корнфилт и К. фон Хойзингер [Kornfilt 1997; von Heusinger, Kornfilt 2005]). Если допустить, что необходимость падежного маркирования может возникать в связи со структурными особенностями именной группы (что мы наблюдаем, как минимум, в случае изафетной конструкции 3 и расщепленной конструкции), возникает целая группа новых вопросов:

- в чем конкретно состоит структурное своеобразие именных групп с изафетной конструкцией 3 и расщепленных групп;
- каким образом это структурное своеобразие влияет на необходимость падежного оформления;
- не выявляется ли то же самое структурное отличие у аккузативно маркированных именных групп тех классов, для которых возможно вариативное оформление в позиции прямого дополнения?

Чтобы ответить на эти вопросы, мы будем действовать следующим образом. Сперва мы выявим синтаксические свойства беспадежных прямых дополнений и обсудим возможные структурные интерпретации этих свойств. Затем мы вернемся к обсуждению структуры именной группы в татарском языке, которое мы предприняли в главе 2 в связи с исследованием позиции и структурных характеристик посессоров. На основе данных, связанных с дистрибуцией именных составляющих в различных структурных контекстах в мишарском языке, мы установим, что в иерархическом устройстве мишарской именной группы, как и в именной группе татарского литературного языка, выявляется по меньшей мере три уровня (в первом приближении можно называть их группа общего имени (NP), группа числа (NumP) и группа определителя (DP)). После этого мы аргументируем гипотезу, что немаркированные прямые дополнения соответствуют именным группам меньшей структуры, чем маркированные.

7.2.2. Свойства неоформленных прямых дополнений

Неоформленные прямые дополнения обнаруживают целый ряд семантико-синтаксических свойств, которые едва ли выводимы из их неопределенности / нереферентности / нетопикальности.

Напомним, что неоформленными могут оставаться именные группы с любыми зависимыми, кроме перечисленных в 7.2.1: в их состав могут входить производные и производные (в т.ч. ветвящиеся) прилагательные, числительные, причастные обороты, имя в изафетной конструкции 1 (напр., *кемеш белазек* <серебро-браслет> ‘серебряный браслет’) и в изафетной конструкции 2 (напр., *мәктәп дәфтәр-е* <школа тетрадь-3> ‘школьная тетрадь’), сочиненные именные группы. Некоторые примеры приводятся в (7.52).

- (7.52) а. Мин [Марат исем-ле бер малай] бел-ә-м.
я Марат имя-ATR один мальчик знать-PRS-1SG
‘Я знаю одного парня по имени Марат.’
- б. [Мәктәп дәфтәр-е] һәм [ике ручка] ал!
школа тетрадь-3 и два ручка братъ
‘Купи школьную тетрадь и две ручки!’
- с. Казан-да [яңа бала-лар хастәханә-се] тезе-де-ләр.
Казань-LOC новый ребенок-PL больница-3 построить-PL
‘В Казани построили новую детскую больницу.’

Неоформленное прямое дополнение демонстрирует ряд семантико-синтаксических ограничений.

(i) Неоформленное прямое дополнение должно располагаться строго в предглагольной позиции; между неоформленным прямым дополнением и глаголом не допустимы ни другие дополнения, ни подлежащие, ни обстоятельства образа действия; единственный тип элементов, разрывающий комплекс «неоформленное прямое дополнение + глагол» — это фокусные частицы (-да, -гына):

- (7.53) a. Марат бала-га тиз яңа китап-(ны) укы-ды.
 Марат ребенок-ДАТ быстро новый книга-АСС читать-PST
 ‘Марат быстро прочитал ребенку новую книгу.’
- b. Марат бала-га яңа китап-*(ны) тиз укы-ды.
- c. Марат тиз яңа китап-*(ны) бала-га укы-ды.
- d. Бала-га яңа китап-*(ны) Марат укы-ды.
- e. Марат бала-га яңа китап-кына укы-ды.
 Марат ребенок-ДАТ новый книга-ЕМРН читать-PST
 ‘Марат только прочитал ребенку новую книгу.’
 ‘Марат прочитал ребенку только новую книгу.’

Аналогичные ограничения действуют в литературном татарском языке: «... дополнение, выраженное существительным в основном падеже, находится непосредственно перед сказуемым; изменение места дополнения в предложении изменяет его падежную форму — прямое дополнение передается винительным падежом...» [Татарская грамматика, Т. II: 46].

(ii) Неоформленные прямые дополнения демонстрируют ограничения на сочинение. Хотя сочинение неоформленных прямых дополнений возможно (7.52b), оформленное прямое дополнение не может быть сочинено с неоформленным прямым дополнением (7.54a). Грамматичность (7.54b) не противоречит этому утверждению — аккузативный показатель оформляет сочиненную группу целиком; таким образом, в (7.54b) представлена так называемая групповая флексия, демонстрируемая также в (7.55a-b) (см. об этом явлении в алтайских языках в [Рудницкая 2013]).

- (7.54) a. *Марат китап-ны һәм ниндидер газет сат-ып ал-ды.
 Марат книга-АСС и какой-то газета продавать-CONV брать-PST
 ‘Марат купил книгу и какую-то газету.’
- b. Марат [китап һәм ниндидер газет]-не сат-ып ал-ды.
 Марат книга и какой-то газета-АСС продавать-CONV брать-PST
 ‘Марат купил книгу и какую-то газету.’

- (7.55) a. [мэдэният һәм сэнгать]-кэ битарафлык күр-сэт-ү
культура и искусство-DAT равнодушие видеть-CAUS-NMN
'проявление равнодушия к культуре и искусству'
- b. [бетен-денья һәм Россия]-дә
весь-мир и Россия-LOC
'во всем мире и в России'

(iii) В отличие от аккумулятивных прямых дополнений, неоформленные прямые дополнения никогда не имеют широкой сферы действия по отношению к другим кванторам или операторам. Так, в (7.56a-b) показан интерпретационный контраст для неоформленного и аккумулятивного прямого дополнения в сравнении с кванторным подлежащим, а в (7.57a-b) — сфера действия неоформленного и аккумулятивного прямого дополнения по отношению к сентенциальному оператору отрицания.

- (7.56) a. Һәр укучы ике китап укы-ды.
каждый ученик два книга читать-PST
'Каждый ученик прочитал две книги.'
 $\forall > 2$
 $*2 > \forall$
- b. Һәр укучы ике китап-ны укы-ды.
каждый ученик два книга-ACC читать-PST
'Каждый ученик прочитал две книги.'
 $\forall > 2$
 $2 > \forall$
- (7.57) a. Марат ике китап укы-ма-ды.
Марат два книга читать-NEG-PST
'Марат не прочитал две книги.'
 $Neg > 2$
 $*2 > Neg$
- b. Марат ике китап-ны укы-ма-ды.
Марат два книга-ACC читать-NEG-PST
'Две книги Марат не прочитал.'
 $*Neg > 2$
 $2 > Neg$

В контексте интенциональных предикатов неоформленные прямые дополнения интерпретируются *de dicto*:

- (7.58) a. Мин табип эзл-и-м.
я доктор искать-PRS-1SG
'Я ищу (любого/какого-нибудь) доктора.' (*de dicto*)
- b. Мин табип-ны эзл-и-м.
я доктор-ACC искать-PRS-1SG
'Я ищу (конкретного) доктора.' (*de re*)

Таким образом, неоформленные прямые дополнения всегда имеют максимально узкую сферу действия. Учитывая их фиксированную линейную позицию, которая соответствует самой глубокой ветвящейся составляющей, можно считать, что сфера действия неоформленных дополнений фиксирована (*frozen scope*) *in situ*, в их поверхностной позиции (*surface scope*).

(iv) У неоформленных прямых дополнений, не имеющих показателя числа, наблюдается нейтрализация числового противопоставления (*number neutrality*): именные группы, не содержащая числового показателя, могут интерпретироваться и как единичные объекты, и как множества (7.59a). Именная группа, имеющая числовой показатель, интерпретируется как множественная (7.59b). Оформленное падежным показателем прямое дополнение при отсутствии показателя числа не демонстрирует числовой нейтральности: в (7.59c) прямое дополнение однозначно соотносится с единичным объектом.

- (7.59) a. Марат кызыл алма аша-ды.
Марат красный яблоко есть-PRS
'Марат съел красное яблоко / красные яблоки.'
- b. Марат кызыл алма-лар аша-ды.
Марат красный яблоко-PL есть-PRS
'Марат съел *красное яблоко / красные яблоки.'
- c. Марат кызыл алма-ны аша-ды.
Марат красный яблоко-ACC есть-PRS
'Марат съел красное яблоко / *красные яблоки.'

(v) Неоформленные прямые дополнения обладают синтаксическим статусом обычных прямых дополнений при лицензировании падежного оформления в каузативной конструкции. Мишарский диалект татарского языка, как и литературный татарский язык, демонстрирует отклонение от сформулированного Б. Комри правила выбора падежа для каузируемого (*Paradigm case*, [Comrie 1976]: при каузативизации непереходного глагола каузируемый оформляется аккузативом (в полном соответствии с правилом Комри), а при каузативизации переходного глагола каузируемый оформляется не дативом, как предсказывает правило Комри,

а аблативом (подробнее о каузативной конструкции в мишарском диалекте татарского языка см. [Бонч-Осмоловская 2007]).

В идиоме с. Кутлушкино оформленность прямого дополнения не оказывает влияния на выбор падежа каузируемого: вне зависимости от того, имеет ли прямое дополнение показатель аккузатива, каузируемый в такой конструкции получает аблатив (о возможных альтернативах внутри группы тюркских языков см., например, [Соловьев 2001; Letuchiy 2006]).

- (7.60) a. Мин Марат-тан китап-(ны) ал-дыр-ды-м.
я Марат-ABL книга-ACC братъ-CAUS-PST-1SG
'Я заставил Марата купить книгу.'
- b. *Мин Марат-ны китап ал-дыр-ды-м.
я Марат-ACC книга братъ-CAUS-PST-1SG
'Я заставил Марата купить книгу.'

(vi) Неоформленные прямые дополнения могут выступать антецедентом дискурсивной анафоры, при том не только в случае модальной субординации (modal subordination, [Roberts 1989, 1996]) (7.61a), но и в конкретно-референтных контекстах (7.61b):

- (7.61) a. Син анарга китап ала ала-сың.
ты этот.DAT книга братъ.IPFV мочь.PRS-2SG
Һәм а-ны матур ит-еп тер-еп бүләк
и этот-ACC красиво делать-CONV заворачивать-CONV подарок
ит-ергә була.
делать-INF быть.PRS
'Ты можешь купить ему книгу. Ты можешь красиво ее завернуть и подарить.'
- b. Марат бер китап укы-ды.
Марат один книга читать-PST
Ул инглиз-чә иде.
этот английский-ADV AUX.PST
'Марат прочитал одну книгу. Она была на английском языке.'

Попробуем теперь проинтерпретировать указанные свойства.

Неспособность неоформленных прямых дополнений к сочинению с аккузативно маркированными прямыми дополнениями (свойство (ii)) указывает на то, что неоформленное и аккузативное прямое дополнение — это именные группы разных структурных типов. Вкупе со свойствами (i) и (iv) данный факт может быть проинтерпретирован, если предположить, что неоформленное прямое дополнение инкорпорировано в глагол, образуя при это нечто вроде сложного предиката (complex predicate), ср. с аналогичным анализом для турецкого языка в [Knecht 1986; Kornfilt 2003]. Анализ через инкорпорацию позволяет объяснить как контактное

расположение существительного и глагола, так и неспособность к сочинению с полноценной (неинкорпорированной) именной группой. Нейтрализация числового противопоставления при этом может расцениваться как отсутствие числовых характеристик у инкорпорированной именной основы, что как раз является одним из ярких признаков инкорпорации (ср. *самолетостроение* ← *строят самолеты* или англ. *foxhunting* ‘охота на лис’). Отсутствие падежного маркирования на инкорпорированном существительном также вполне ожидаемо: оно не занимает аргументную позицию, но является компонентом глагольной словоформы. Неспособность иметь широкую сферу действия (ii) может быть проинтерпретирована как неспособность инкорпорированного существительного получать кванторную (quantificational) или референциальную интерпретацию.

Однако, другие свойства неоформленных прямых дополнений противоречат инкорпорационному анализу. Во-первых, при инкорпорации в глагол инкорпорируется только именная вершина (ср. [Baker 1988]), из чего следует, что инкорпорированная именная вершина не может иметь собственных зависимых, то есть неспособна ветвиться (ср. (7.62)). Как мы видели выше, неоформленные прямые дополнения в мишарском диалекте способны к практически неограниченному ветвлению. Следует отметить, тем не менее, что существуют случаи инкорпорации, при которых зависимые именной вершины «передаются» вершине, в которую происходит инкорпорация (ср. (7.63)). Однако данный вид анализа ветвящихся неоформленных прямых дополнений не может быть аргументирован для мишарского: такие зависимые именной группы, как атрибутивные группы или указательные местоимения-прилагательные (например, *теге* ‘такой’), не могут выступать зависимыми в глагольной синтагме, а числительные, выступая в качестве зависимых глагола, имеют другую интерпретацию (ср. (7.64a-b)).

(7.62) female foxhunting

*‘охота на лис-самок’ (← hunting [female foxes])

‘женская охота на лис’

(7.63) точное приборостроение

← строят [точные приборы]

≠ точно строят приборы

(7.64) а. Ике ручка ал!
два ручка брать.IMP

‘Купи две ручки!’

- b. Марат ике (тапкыр) кибет-тэн ручка ал-ды.
 Марат два раз магазин-ABL ручка братъ-PST
 ‘Марат дважды покупал в магазине ручку/ручки.’

Далее, инкорпорированные существительные неспособны поддерживать дискурсивную анафору (ср. (7.65)), что противоречит свойству (vi) неоформленных прямых дополнений.

(7.65) В России, до 1929 года, *прибор*_iстроение было развито слабо, и было представлено всего несколькими небольшими предприятиями по выпуску термометров, манометров, весов и других простых устройств // *по *их*_i выпуску.

Наконец, наиболее сильный аргумент против инкорпорационного анализа немаркированных прямых дополнений состоит в том, что в татарском языке (и его мишарском диалекте) представлены синтаксические конфигурации, которые можно проинтерпретировать как инкорпорацию именной вершины в глагольную словоформу, и в таких конфигурациях также допустимы неоформленные прямые дополнения. Речь идет о сложных предикатах (complex predicates), состоящих из полужнаменательного глагола и существительного, таких как *хезмэт итәргә* <труд делать> ‘работать, трудиться’ или *бүләк итәргә / бирергә* <подарок делать/давать> ‘дарить’ (аналогичный аргумент использует К. Мегердумян [Megerdumian 2008] при анализе сложных предикатов и немаркированных прямых дополнений в фарси; о различном синтаксическом статусе неглагольного компонента сложного предиката и немаркированного прямого дополнения в фарси см. также [Moynе 1970; Karimi 1997; Folli, Harley, Karimi 2005]).

Сложные предикаты в мишарском диалекте, в отличие от неоформленных прямых дополнений, демонстрируют все признаки структур с инкорпорацией (неспособность к ветвлению, поддержке дискурсивной анафоры, широкой сфере действия; строго предглагольная позиция; нейтрализация числового противопоставления). При этом переходные сложные предикаты могут сочетаться с неоформленным прямым дополнением (7.66):

- (7.66) Эти-сеМарат-ка яңа машина-(ны) бүләк ит-те.
 отец-3 Марат-DAT новый машина-(ACC) подарок делать-PST
 ‘Отец подарил Марату новую машину.’

Очевидно, что неоформленное дополнение и компонент сложного предиката не могут быть одновременно инкорпорированы в глагол, поскольку исходная позиция для инкорпорации — прямое дополнение глагола *итү* ‘делать’ — только одна. Отметим также, что в (7.66) единицы *яңа машина* ‘новая машина’ и *бүләк* ‘подарок’ не образуют составляющей (если бы,

например, именная группа *яңа машина* ‘новая машина’ была зависимой именной вершины *бүләк* ‘подарок’, то такая конструкция требовала бы появления на именной вершине лично-числового согласовательного показателя, т.е. изафетной конструкции 2: *яңа машина бүләг-е*).

Дополнительное свидетельство в пользу того, что анализ сложных предикатов и сочетаний неоформленных прямых дополнений с глаголом должен быть различным, может быть получено при исследовании каузативной конструкции. Как было показано выше (ср. пример (7.60)), в каузативной конструкции с неоформленным прямым дополнением каузируемый маркируется аблативом и не может получить аккузатив. Если же компонентом каузативной морфемы выступает непереходный сложный предикат, то каузируемый оформляется аккузативом:

(7.67) Укытучы   укучы-ны/*-дан   хезмәтит-тер-де.
 учитель   ученик-ACC/*-ABL   труд   делать-CAUS-PST
 ‘Учитель заставил ученика трудиться.’

Итак, анализ неоформленных прямых дополнений как инкорпорированных в глагол именных вершин оказывается неадекватным.

Следует отметить, что аналогичные проблемы с интерпретацией ветвящихся неоформленных дополнений возникали и при анализе других языков, таких как венгерский, хинди, иврит, полинезийский язык ниуэ, фарси, уйгурский, мальгашский, тамильский, амхарский, адыгейский (ср. [Mithun 1984; Van Geenhoven 1998; Massam 2001, 2009; Bartos 2001; Farkas, de Swart 2003; Dayal 2003, 2011; Chung, Lausaw 2004; Danon 2006; Rodríguez-Mondoñedo 2007; Megerdoomian 2008; Muro 2009; Paul 2009; Shklovsky, Sudo 2010; Baker 2011; Тестелец 2014]), а также отдельных тюркских языков — турецкого и якутского ([Aydemir 2004; Öztürk 2005; Kornfilt 2009; Baker 2009b; Baker, Vinokurova 2010]). Среди этой обширной группы конкретноязыковых проявлений ДОМ выделяется один содержательный тип, который получил наименование *псевдоинкорпорация имени* (pseudo-noun incorporation, PNI), или просто *псевдоинкорпорация* (pseudo-incorporation) [Massam 2001]. Это название мотивировано тем, что псевдоинкорпорация демонстрирует многие семантические и структурные эффекты истинной инкорпорации (т.е. инкорпорации именной вершины), однако при этом псевдоинкорпорация может подвергаться ветвящаяся именная составляющая (именная группа). Согласно [Kamali 2008], основными свойствами псевдоинкорпорированных именных групп в разноструктурных языках являются:

- нейтрализация числовой оппозиции;
- отсутствие широкой сферы действия;
- нереферентность; неспособность служить антецедентом дискурсивной анафоры;

- недопустимость в составе псевдоинкорпорированных именных групп определенных артиклей;
- соответствие сочетания глагола с дополнением конвенционализированному виду деятельности¹⁰⁸.

Признаки, часто сопровождающие псевдоинкорпорацию, но представленные не во всех языках, включают:

- отсутствие падежного маркирования (но: в венгерском языке псевдоинкорпорированное дополнение получает падеж, хотя и не вызывает объектного согласования);
- уменьшение переходности (но: в хинди псевдоинкорпорированная именная группа сохраняет синтаксический статус дополнения);
- контактное расположение с глаголом (но: в турецком языке псевдоинкорпорированное неоформленное прямое дополнение может подвергаться коммуникативному передвижению (скрэмблингу)).

Следует сразу отметить, что описанные нами выше свойства неоформленных прямых дополнений в идиоме с. Кутлушкино не вполне укладываются в общую картину псевдоинкорпорации: во-первых, они способны выступать антецедентами анафорических местоимений (ср. (7.61)); во-вторых, их сочетания с глаголом не всегда обозначают естественные классы событий (ср., например, *поедание красных яблок* из примера (7.59) или *чтение двух книг* из примера (7.56)); в-третьих, числовая нейтральность возможна для именных групп без показателя числа (-лар), но отсутствует у именных групп в форме множественного числа (см. (7.59)). С другой стороны, в исследуемом говоре проявляются необязательные признаки псевдоинкорпорации: отсутствие падежного маркирования и невозможность скрэмблинга.

---

¹⁰⁸ Например, *чтение научной литературы / чтение женских романов / чтение глянцевого журнала* может быть описано как определенный тип (kind) деятельности, в то время как *чтение коротких рассказов* — нет. Требование обозначать естественный класс событий (nameworthy event) напоминает ограничение на использование английских определенных именных групп в форме единственного числа в качестве генерических, приписываемое Б. Парти и цитируемое, например, в [Carlson 1977b; Krifka et al. 1995]:

- (i) a. The cola bottle has a narrow neck.
 ‘У бутылки кока-колы узкое горлышко.’ (конкретно-реф., генерич.)
 b. The green bottle has a narrow neck.
 ‘У зеленой бутылки узкое горлышко.’ (конкретно-реф., *генерич.)

В отличие от зеленых бутылок, не представляющих собой естественного класса, бутылки (для) кока-колы имеют известную всем форму, размер, оформление и т.п. и образуют, таким образом, естественный класс в таксономии бутылок, благодаря чему именная группа *the cola bottle* и может обозначать определенный тип (kind) бутылок.

Более того, не вполне понятно также, является ли псевдоинкорпорация в действительности единым феноменом. Легко видеть, что набор свойств, характерных для подобных именных групп, во-первых, не универсален, а во-вторых, включает разнообразные синтаксические признаки (падежное маркирование, структурная позиция, аргументный статус именной группы), семантические признаки (нейтрализация числа, узкая сфера действия, нереферентность, неопределенность), энциклопедические знания (конвенционализация коллокации имени и глагола). При этом сами феномены, на которых базируются обсуждаемые признаки, в каждом конкретном языке могут выступать субъектом различных ограничений, не обязательно связанных с псевдоинкорпорацией (например, скрэмблинг в английском языке значительно более ограничен, чем в русском, а контактное расположение дополнения и глагола не в любом языке следует связывать с псевдоинкорпорацией). Поэтому в дальнейшем обсуждении мы сосредоточимся на поиске возможных вариантов анализа максимально большого набора свойств, проявляемых псевдоинкорпорированными именными группами, и попытаемся применить эти варианты к нашим данным.

Наиболее значимую и часто воспроизводящуюся от языка к языку группу свойств составляет следующий набор семантико-синтаксических феноменов: нереферентность/неопределенность, связанная с узкой сферой действия по отношению к возможным кванторам и операторам клаузы, фиксированная линейная позиция, особое падежное маркирование или отсутствие падежа. Общей чертой объяснительных механизмов, привлекаемых в анализе таких феноменов [Belletti 1988; Mahajan 1990; Diesing 1992; de Hoop 1996, 2005; Sportiche 1996], является постулирование двух синтаксических позиций, в которых возможно лицензирование прямого дополнения, и эти две позиции оказываются связаны с интерпретацией. Согласно [de Hoop 1996, 2005], различается так называемый *слабый падеж* (weak case), который приписывается внутри глагольной группы именной составляющей-сестре лексического глагола, и *сильный падеж* (strong case), который прямое дополнение может получить, поднявшись из глагольной группы в Spec, AgrOP. Именная группа в слабом падеже интерпретируется как модификатор предиката (т.е. имеет тип $\langle\langle e,t \rangle, \langle e,t \rangle\rangle$), а именная группа в сильном падеже имеет аргументный тип и интерпретируется как обобщенный квантор ($\langle\langle e,t \rangle, t \rangle$). Соответственно, именные группы в слабом падеже будут нереферентными и линейно расположенными в базовой позиции дополнения, а именные группы в сильном падеже будут обладать всеми свойствами канонических аргументных именных групп. Другими вариантами воплощения этой идеи можно считать подходы М. Дизинг [Diesing 1992], В. ван Генховен [van Geenhoven 1995], а также С. Чанг и У. Ладусоу [Chung, Ladusaw 2004], которые предполагают, что неопределенные именные группы, оставшиеся в базовой позиции, интерпретируются как свободная переменная [Diesing 1992] или как предикат над индивидами

[van Geenhoven 1995; Chung, Ladusaw 2004] и подвергаются экзистенциальному закрытию на уровне глагольной группы [Heim 1982, Heim, Kratzer 1998]. В частности, анализ Чанг и Ладусоу предполагает, что при соединении глагола и дополнения, означаемым которой является предикат (7.68a) денотат глагола (7.68b) соединяется с денотатом дополнения (7.68c) при помощи операции *рестрикции предиката* (predicate restriction), в ходе которой предикат над индивидами, обозначаемый именной группой, ограничивает область определения функции, обозначаемой предикатом; при этом соответствующая аргументная позиция не насыщается (7.68d). Аргументная позиция закрывается позже, при помощи операции экзистенциального закрытия (existential closure), (7.68e).

- (7.68) a. $[_{VP} \text{ buy } [a \text{ book}]]$
 b. $[[\text{ buy }]] = \lambda y. \lambda e. \text{ buy}'(y, e)$
 c. $[[a \text{ book }]] = \lambda x. \text{ book}'(x)$
 d. $[[VP]] = \text{RESTRICT} ([\lambda y. \lambda e. \text{ buy}'(y, e)], [\lambda x. \text{ book}'(x)]) = [\lambda y. \lambda e. \text{ buy}'(y, e) \wedge \text{ book}'(y)]$
 e. $[[[EXCL VP]]] = \text{EXISTENTIAL CLOSURE } (\lambda y. \lambda e. \text{ buy}'(y, e) \wedge \text{ book}'(y)) =$
 $= \lambda e. \exists y. \text{ buy}'(y, e) \wedge \text{ book}'(y)$

Семантика «модификации предиката» (predicate modification), в отличие от заполнения аргументной позиции, эксплуатируется также в семантических подходах к (псевдо)инкорпорации Д. Массам [Massam 2001, 2009], В. Дайял [Dayal 2003, 2011], Д. Фаркас и Х. де Сварт [Farkas, de Swart 2003]. Отметим, что такой анализ позволяет объяснить, почему только внутренние аргументы (псевдо)инкорпорированы в глагол: для операции рестрикции предиката необходимо, чтобы соответствующая именная группа была аргументом лексического глагола, а не вводилась функциональной вершиной (*v*, Voice; [Kratzer 1996]).

С синтаксической точки зрения псевдоинкорпорированные именные группы рассматриваются либо как имеющие особый (слабый) падеж, выражающийся нулевой морфемой, либо как беспадёжные. Так, в [Massam 2001] предполагается, что псевдоинкорпорированное дополнение — это именная группа, не получившая структурного падежа, не покидающая пределов глагольной группы и неспособная поэтому иметь широкую сферу действия. Аналогичное предложение касательно деривации турецких неоформленных прямых дополнений находим в [Öztürk 2005] и [Lima 2006]. М. Бейкер, принимая анализ [Massam 2001], высказывает дополнительное предположение: контактное расположение псевдоинкорпорированной именной группы с глаголом вызвано тем, что только в такой конфигурации именная вершина, подвергающаяся скрытой инкорпорации в глагол, может быть озвучена непротиворечивым образом [Baker 2009b, 2011].

Анализ, увязывающий отсутствие структурного падежа, синтаксическую позицию именной группы и ее возможную интерпретацию, нуждается в прояснении вопроса о том, почему некоторые именные группы остаются внутри глагольной группы (и получают слабый падеж/не получают падежа), а другие именные группы покидают глагольную группу и получают (сильный) падеж. Такая опция оказывается теоретически возможной, если предположить, что не все именные группы входят в сферу действия падежного фильтра (или, говоря языком минимализма, обладают неозначенным признаком падежа). Допустим, что только именные группы полной структуры (DP) должны получить абстрактный падеж, в то время как именные группы меньшей структуры (например, NP или количественные группы) не нуждаются в падеже. Иными словами, неинтерпретируемым синтаксическим признаком падежа обладают только DP, и этот признак возникает в деривации не с вершиной N, а с вершиной D. Применительно к асимметричному DOM подобные идеи развиваются в [Bartos 2001; Dayal 2003; Danon 2006].

Далее, если означивание признака падежа базируется на согласовании функциональной вершины, следует предположить, что получающая падеж DP обладает необходимыми признаками, делающими ее подходящей целью для согласования. Заметим, что отсутствие означенного признака лица (или ограничения на 1–2 лицо) есть характерный признак неопределенных именных групп, остающихся *in situ* [Belletti 1988; Rizzi 1986; Longobardi 2008]; ср. с ограничением на согласование по лицу с дополнением в исландском языке, [Taraldsen 1995], см. (6.5с); см. также анализ английских неопределенных «заглагольных» подлежащих в [Chomsky 1998, 1999, 2001]). В этой связи можно предположить, что не-приписывание (сильного) падежа таким именным группам связано с их неспособностью обеспечить приписывающую падеж функциональную вершину необходимым комплектом ф-признаков. Фиксированная линейная позиция беспадежной именной группы в таком случае может быть продеривирована независимо от падежа, как потребность вызывающих возможное передвижение именной группы вершин-зондов в полном комплекте ф-признаков.

С другой стороны, конфигурационный подход к падежу предполагает, что беспадежная именная группа — это именная группа в дефолтном морфологическом падеже (таком же, как, например, падеж подлежащего). Для того, чтобы прямому дополнению был приписан дефолтный падеж, необходимо, чтобы в локальной области не было другой беспадежной именной группы, имеющей над прямым дополнением структурный приоритет, в противном случае будет приписан зависимый аккузатив. Эта идея эксплуатируется в [Baker, Vinokurova 2010; Levin, Preminger 2015; Kornfilt, Preminger 2015] при анализе якутского DOM.

Легко видеть, что конфигурационный анализ DOM по типу псевдоинкорпорации базируется на позиционном распределении аккузативных и номинативных прямых дополнений:

В-четвертых, аккумулятивные дополнения не обязательно демонстрируют широкую сферу действия по отношению к другим кванторам и операторам, и, таким образом, не обязательно определенные или референтные, см. примеры (7.51) выше. Заметим, что такими же свойствами обладают и аккумулятивные дополнения в турецком языке: насколько можно судить по текстам, маркированные показателем аккумулятива ИК 3 далеко не всегда специфичны, ср. примеры (7.71a-c).

(7.71) a. (Контекст: Конечно, он мог бы найти что-нибудь, что бы уронило Адрияно в глазах девушки.)

Adriyano'-nun	kusur-u-nu	aray-acak-tı.
Адрияно-GEN	недостаток-3-ACC	искать-FUT-PST

‘(Он) намеревался искать (какой-нибудь) недостаток Адрияно’.

b. Kim-se-nin	de	yuvas-ı-nı	yık-ma-m.
кто-3-GEN	EMPH	гнездо-3-ACC	разрушать-NEG.PRS-1SG

‘(Я) ничьего гнезда не разрушу’.

c. Adriyano'-nun	cevab-ı-nı	bekle-me-den
Адрияно-GEN	ответ-3-ACC	ждать-NEG-CONV

lokanta	kısm-ı-na	geç-ti-ler.
столовая	часть-3-DAT	проходить-PST-PL

‘Не ожидая ответа Адрияно, они прошли в сектор столовой’.

В (7.71a) аккумулятивное прямое дополнение находится в сфере действия интенционального предиката и модальности и имеет интерпретацию *de dicto*; такого рода именные группы не являются специфичными в концепции М. Энч и не являются референтными в более привычных терминах. В (7.71b) прямое дополнение содержит отрицательно-полярную единицу *kimse de* ‘никто’ и тем самым заведомо находится в сфере действия сентенциального отрицания; а специфичные именные группы должны иметь более широкую сферу действия, чем отрицание. Наконец, в (7.71c) над аккумулятивным прямым дополнением семантически доминируют интенциональный предикат и отрицание; именная группа *Adriyano'nun cevabını* ‘ответ Адрияно’ в этом контексте не предполагает никакого референта, в том числе и специфичного.

Таким образом, в дальнейшем мы будем развивать такой анализ DOM, который опирается на корреляции структурных альтернатив именных групп и их падежного оформления. Чтобы обосновать подобный анализ, необходимо показать, что различные структурные типы именных групп в мишарском диалекте обнаруживаются не только в контексте прямого дополнения, но и обладают различной синтаксической дистрибуцией вне его. Именно этому посвящен следующий раздел.

7.2.3. Иерархическая структура мишарской именной группы

Линейная структура мишарской именной группы подробно описана в [Гращенко 2000; Гращенко 2007]. Согласно этим описаниям, порядок следования модификаторов в именной группе определяется следующей иерархией (7.72): ближе всех к вершине располагается существительное — компонент изафетной конструкции 1 (ИК1), затем зависимое существительное в изафетной конструкции 2 (ИК2), затем неветвящиеся адъективные зависимые — производные прилагательные, производные прилагательные и одиночные причастия. Следующий от вершины слот включает числительные, кванторы и указательные местоимения. Далее располагаются ветвящиеся зависимые — атрибутивные группы и относительные предложения. «Закрывают» левую границу именной группы генитивные зависимые вершины (ИК3).

(7.72) {N_{GEN} REL ATT}   {DET QUANT}   {PART ADJ_D ADJ_{ND} N₂ N₁} HEAD_NOUN
 рекурсивный   референциальный   объектообразующий
 слот   слот   слот

Марат-ның Казан-дан килдер-гән ике кызык-лы яңа kitab-ы
 Марат-GEN Казань-ABL привозить-PART два интерес-ATR новый книга-3
 ‘две привезенные из Казани интересные новые книги Марата’

Таковую же линейную структуру имеет и именная группа в литературном татарском языке. М.З. Закиев пишет: «Если определение подчиняется определяемому только при помощи обязательного соседства, то оно, естественно, занимает место непосредственно перед определяемым. Остальные определения в зависимости от скрепляющей силы средств связи могут занимать разные позиции по отношению к определяемому. Дальше всего от определяемого могут находиться существительные в родительном падеже, ближе их — существительные с падежеподобным аффиксом *-дагы*, еще ближе — глаголы в форме причастия, затем — существительные с аффиксом *-сыз/-сез* или *-лы/-ле*, еще ближе — производные прилагательные, за ними — производные прилагательные и, наконец, рядом с господствующим словом — имя существительное в основном падеже» [Закиев (ред.) 1995: 336].

Именная словоформа в мишарском диалекте татарского языка демонстрирует такой же порядок суффиксов, что и в литературном татарском (7.73): ближе всего к основе располагается показатель числа, далее показатель согласования с посессором, далее падежный показатель.

(7.73) N-Num-Poss-Case

бала-лар-ы-нын
 ребенок-PL-3-GEN
 ‘его детей’

Легко видеть, что указательные местоимения, числительные и кванторы, обычно располагающиеся на периферии именной группы, в мишарском диалекте татарского языка занимают среднее положение, между ветвящимися и неветвящимися модификаторами¹⁰⁹. Следовательно, указательные местоимения, кванторы и числительные едва ли возглавляют соответствующие функциональные проекции (DP, NumP, QP). Далее, хотя относительные предложения и ветвящиеся атрибутивные группы находятся на левой периферии именной группы (сразу после генитивного зависимого), тем не менее имя в изафетной конструкции, располагающееся близко к именной вершине, допускает ветвление. Поэтому также неадекватен анализ, предполагающий, что элементы объектообразующего слота и референциального слота — это вершины, последовательно принимающие именную группу в качестве компонента, а элементы рекурсивного слота — адъюнкты к самой высокой проекции именной группы¹¹⁰. Более того, ветвящиеся адъективные зависимые, как и неветвящиеся, интерпретируются рестриктивно, что невозможно, если они соединяются с группой общего имени после кванторов.

Таким образом, мы приходим к заключению, что линейный порядок модификаторов в именной группе не может быть напрямую мотивирован ее иерархической структурой и порядком семантической композиции: очевидно, что по меньшей мере одним из «возмущающих факторов» является тяжесть модификатора — тяжелые модификаторы располагаются дальше от вершины, чем легкие.

¹⁰⁹ В [Гращенков 2000, 2007] предлагается функциональное объяснение этому факту: если ветвящиеся зависимые располагаются перед референциальным слотом, то числительные, указательные местоимения и кванторы, располагающиеся в крайних левых позициях, однозначно интерпретируются как модификаторы компонентов рекурсивного слота:

(i)	ике	тэрэз-ле	йьрт
	два	окно-ATR	дом
- ‘дом с двумя окнами’ / * ‘два дома с окнами’

Если бы ситуация была обратной (референциальный слот предшествовал ветвящимся модификаторам), то возникла бы регулярная структурная неоднозначность: (i) могло бы быть проинтерпретировано и как ‘дом с двумя окнами’, и как ‘два дома с окнами’.

¹¹⁰ Синтаксические различия между ветвящимися и неветвящимися (одиночными) модификаторами в именной группе не являются чем-то уникальным: так, во многих языках одиночные прилагательные проявляют свойства вершин, а ветвящиеся — свойства групп (см. подробнее [Pereltsvaig 2007a]), что отражается в синтаксическом анализе как их расположение в разных структурных позициях.

Значительно более многообещающей с точки зрения установления иерархической структуры именной группы выглядит структура именной словоформы в (7.73). Если порядок следования аффиксов на вершине отражает иерархическую структуру групп, содержащих вершину (так называемый Принцип зеркальности — Mirror principle [Baker 1985], см. также о глагольных словоформах [Bybee 1985]), то в первом приближении мишарская именная группа может выглядеть следующим образом:

(7.74) [КР ... [EzafeP ... [NumP ... [NP ... N] Num] Ezafe] К]

В разделе 2.2 мы установили, что в литературном татарском языке именные группы различной структуры синтаксическую дистрибуцию. Это утверждение справедливо также и для мишарского диалекта татарского языка. Мы не будем повторять всю аргументацию на материале мишарского диалекта; вместо этого мы перечислим основные типы именных составляющих и диагностические контексты, в которых они могут быть обнаружены.

Минимальная именная составляющая — вершина N — выступает в качестве неглагольного компонента сложного предиката. Никакие модификаторы этой вершины не допускаются (7.75). Не засвидетельствовано сложных предикатов, в которых именной компонент содержал бы показатель множественного числа, а также таких, в которых первым компонентом выступала бы проформа.

(7.75) Этти-сеМарат-ка машина (*яхшы / *бер / *теге) бүләк ит-те.
отец-3 Марат-ДАТ машина хороший / один / такой подарок делать-РСТ
'Отец подарил Марату машину.'

Такие же ограничения накладываются на зависимое существительное в изафетной конструкции 1: в (7.76a-b) демонстрируется, что зависимый компонент в ИК1 не может иметь собственных зависимых (ср. с именной группой в (7.76c)); (7.76d) показывает, что проформы в этой позиции также невозможны. Наконец, (7.77) демонстрирует неграмматичность ИК1 с зависимым существительным с показателем множественного числа.

(7.76) а. алтын йезек
золото кольцо
'золотое кольцо'

б. *чын алтын йезек
истинный золото кольцо
'кольцо чистого золота'

- с. чын алтын-нан йезек
истинный золото-ABL кольцо
'кольцо из чистого золота'
- d. *ул / *аның йезек
он / он.GEN кольцо
'кольцо из него'
- (7.77) a. таш йырт
камень дом
'каменный дом'
- b. *таш-лар йырт
камень-PL дом
'дом из камней'
- с. таш-лар-дан йырт
камень-PL-ABL дом
'дом из камней'
- Следующая по размеру именная составляющая выявляется в контексте атрибутивизатора *-лы*. Комплементом этой морфемы может выступать ветвящаяся именная группа с различными типами модификаторов: изафетной конструкцией 1 (7.78a), прилагательными (7.78b), указательными местоимениями (7.78c), числительными (7.78d), кванторными словами (7.78e–f).
- (7.78) a. алтын йезек-ле кыз
золото кольцо-ATR девочка
'девушка с золотым кольцом / золотыми кольцами'
- b. биек табан-ны туфли-лар
высокий подошва-ATR туфель-PL
'туфли на высоком каблуке'
- с. бу эмблема-лы футболка
этот эмблема-ATR футболка
'футболка с этой эмблемой / с этими эмблемами'
- d. биш тэрэз-ле йырт
пять окно-ATR дом
'дом с пятью окнами'
- e. һәр кен-не зат-лар
каждый день-ATR вещь-PL
'повседневные вещи'
- f. бетен бул-ачак недостатка-лы кеше
весь быть-PART недостаток-ATR человек
'человек со всеми возможными недостатками'

Не допускается атрибутивизация следующих типов именных групп: именных групп с показателем числа (7.79), именных групп с генитивным посессором в изафетной конструкции 3 (7.80), местоимений-существительных (7.81)¹¹¹. Заметим, что, как показывают примеры (7.78а-с) и (7.79), именная группа, выступающая компонентом атрибутивизатора *-лы*, нейтральна в отношении числа.

- (7.79) a. күк чэчэк-*(лэр)-ле чашка
 синий цветок-PL-ATR чашка
 ‘чашка с синими цветами/синим цветком’
- b. кыска жиң-*(лэр)-ле күлмэк
 короткий рукав-*PL-ATR платье
 ‘платье с короткими рукавами’
- (7.80) a. *Тукай-ның рәсем-е-ле китап
 Тукай-GEN рисунок-3-ATR книга
 ‘книга с портретом Тукая’
- b. *Тукай-ның рәсем-ле китап
 Тукай-GEN рисунок-ATR книга
 ‘книга с портретом Тукая’
- c. Тукай-ның рәсем-ле китаб-ы
 Тукай-GEN рисунок-ATR книга-3
 ‘книга Тукая с рисунком / с рисунками’
- (7.81) a. *мин-ле фотография
 я-ATR фотография
 ‘фотография со мной (с моим изображением)’
- b. *кем-ле дер фотография
 кто-ATR INDEF фотография
 ‘фотография с чьим-то изображением’

Из этого мы делаем следующие выводы. Во-первых, атрибутивизатор *-лы* выбирает в качестве компонента собственно именную группу (NP). Во-вторых, NP демонстрирует нейтральность в отношении грамматической категории числа. В-третьих, все представители референциального слота (указательные местоимения, числительные, кванторы) могут входить в

¹¹¹ Примечательно, что единственное местоимение-существительное, допустимое в контексте атрибутивизатора *-лы* — это местоимение *нәрсә* ‘что’, ср. (i):

(i) Аны матур кыз ди-гән-нәр, эллә нәрсә-ле?
 она.АСС красивый девушка говорить-PFV-PL но что-ATR
 ‘Ее называли красивой девушкой, но почему (букв. с чем, с каким качеством)?’

состав NP, и, следовательно, не возглавляют соответствующих функциональных проекций¹¹². В-четвертых, в состав NP не могут входить показатели числа, а также генитивные посессоры. В-пятых, местоимения-существительные (кроме *нэрсэ* ‘что’) не могут замещать NP и являются проформами для более крупных именных составляющих.

Диагностическим контекстом, позволяющим выявить именную составляющую следующего уровня — NumP — является позиция зависимого в изафетной конструкции 2. В составе NumP допустимы те же типы зависимых, что и в NP, однако нейтральность в отношении категории числа не наблюдается: именная вершина в NumP может иметь показатель множественного числа (*-лар*), а именная группа без числового показателя интерпретируется только как «единственное число».

- (7.82) а. сугыш дэвер-е-н-дэ
война период-3-OBL-LOC
‘во время войны’
- б. сугыш-лар дэвер-е-н-дэ
война-PL период-3-OBL-LOC
‘в период войн’

В разделе 2.2 для литературного татарского языка мы установили, что зависимое в изафетной конструкции 2 на самом деле соответствует даже более крупной составляющей, чем NumP — оно может представлять собой изафетную конструкцию 2. Тем не менее, обнаружить такие структурные контексты, в которых была бы возможна морфема множественного числа, а именная составляющая без такой морфемы не проявляла бы числовой нейтральности (признаки

¹¹² В литературе представлена убедительная аргументация того, что разного рода определители (указательные местоимения, числительные и адъективные кванторы) в артиклевых языках не обязательно соответствуют высоким функциональным проекциям в именной группе. Так, например, в [Szabolcsi 1994] показано, что позицию вершины D в венгерском языке может занимать только определенный артикль, а все прочие определители располагаются ниже этого уровня. Аналогичные наблюдения о структурной позиции указательных местоимений, числительных и кванторных выражений в разноструктурных языках можно найти в [Giusti 1995, 1997]. Согласно [Danon 2006], определенный артикль в иврите также является единственным представителем категории D. Я предполагаю, что числовая, определенная и кванторная интерпретации NP, содержащих числительные, указательные местоимения и кванторы, возникает только тогда, когда эта именная группа вложена в функциональные оболочки высокого уровня, отвечающие за количественную интерпретацию (NumP) и определенную/кванторную интерпретации (DP). В отсутствие же таких проекций NP, содержащая эти элементы, не имеет ассоциируемой с ними интерпретации. Например, указательное местоимение *бу* ‘этот’ в выражении *бу эмблемалы футболка* ‘футболка с этой эмблемой’ интерпретируется адъективно, как ‘подобный, такой, такого типа’, ср. в русском: *пять этих самолетов* = ‘пять таких самолетов’. Кванторное слово *һәр* ‘каждый’ в составе выражения *һәр кенне затлар* ‘вещи на каждый день’ не имеет собственно кванторной интерпретации с широкой сферой действия.

NumP), но при этом изафетная конструкция 2 была бы недопустима, не удастся. Поэтому предположение о взаимном расположении вершины Num, отвечающей за синтаксическое число, и вершины Poss, вводящей изафетную конструкцию 2, основывается только на порядке следования аффиксов, что, как мы уже неоднократно отмечали, не может рассматриваться как решающий аргумент.

Важно, однако, что ни NumP, но PossP не могут включать в свой состав генитивные зависимые, вызывающие согласование на вершине (изафетная конструкция 3). Рассмотрим пример (7.83). В (7.83a) представлена именная группа с изафетной конструкцией 2: зависимая именная группа *укучы дэфтэрлэре* ‘ученические тетради’ выступает в номинативе и вызывает согласование на вершине *папкасы* ‘папка’. При этом сама зависимая именная группа *укучы дэфтэрлэре* ‘ученические тетради’ также оформлена изафетной конструкцией 2: именная группа *укучы* ‘ученик’ стоит в именительном падеже, а вершина *дэфтэрлэре* ‘тетради’ имеет посессивный показатель. Таким образом, пример (7.83a) показывает, что в качестве зависимого в изафетной конструкции 2 может выступать именная группа с изафетной конструкцией 2. В (7.83b) именная группа содержит два именных модификатора: именная группа в номинативе (*дэфтэрлэр* ‘тетради’), образующую с вершиной изафетную конструкцию 2, и генитивное зависимое (*укучының* ‘ученика’), образующую с вершиной *папкасы* ‘папка’ изафетную конструкцию 2. Из перевода (а также из отсутствия на словоформе *дэфтэрлэр* ‘тетради’ посессивного показателя) следует, что обе именных группы модифицируют общую вершину *папкасы* ‘папка’ и не образуют составляющей. Следовательно, генитивная именная группа не входит в состав именованного зависимого в изафетной конструкции 2. Далее, в (7.83c) показана изафетная конструкция 3, зависимым компонентом в которой выступает именная группа с генитивным посессором (*укучының дэфтэрлэренең* ‘тетрадей ученика’), которая также оформляется при помощи изафетной конструкции 3. Соответственно, можно заключить, что именная группа с изафетной конструкцией 3 может выступать именованным зависимым в изафетной конструкции 3. Наконец, в (7.83d) представлена неграмматичная именная группа с изафетной конструкцией 2, в которой именованным зависимым выступает именная группа *укучының дэфтэрлэре* ‘тетради ученика’, имеющая генитивный посессор и согласовательный показатель на вершине (изафетная конструкция 3). Отсюда можно заключить, что именная группа с изафетной конструкцией 3 не может выступать в позиции именованного зависимого в изафетной конструкции 2, что означает, что изафетная конструкция 3 оформляет именные группы большей структуры, чем те, которые допустимы в составе изафетной конструкции 2.

- (7.83) а.   [[укучы   дэфтэр-лэр-е]папка-сы]   [[ИК2] ИК2]
                  ученик   тетрадь-PL-3   папка-3
                  ‘папка для ученических тетрадей’

- b. [укучы-ның дэфтэр-лэр папка-сы]] [ИКЗ [ИК2]]
 ученик-GEN тетрадь-PL папка-3
 ‘папка ученика для тетрадей’
- c. [[укучы-ның дэфтэр-лэр-е-нең] папка-сы] [[ИКЗ] ИКЗ]
 ученик-GEN тетрадь-PL-3-GEN папка-3
 ‘папка для тетрадей ученика / с тетрадями ученика’
- d. *[[укучы-ның дэфтэр-лэр-е]папка-сы] *[[ИКЗ] ИК2]
 ученик-GEN тетрадь-PL-3 папка-3
 ‘папка для тетрадей ученика’

Еще одним типом именных групп, не допустимым в составе изафетной конструкции 2, являются местоимения-существительные¹¹³:

- (7.84) a. *мин дэфтэр-ем (ОК: минем дэфтэр-ем)
 я тетрадь-1SG я.GEN тетрадь-1SG
 ‘моя тетрадь’
- b. *бер-кем дә дэфтэр-е (ОК: бер-кем-нең дә дэфтэр-е)
 INDEF-кто EMPH тетрадь-3 INDEF-кто-GEN EMPH тетрадь-3
 ‘ничья тетрадь’

Таким образом, обнаруживается, что в мишарском диалекте татарского языка имеются структурные типы именных групп, недопустимые в качестве именного зависимого в изафетной конструкции 2: именные группы с генитивным зависимым (изафетной конструкцией 3) и именные проформы. Мы полагаем, что они соответствуют максимальной именной проекции, которую мы в разделе 2.2 определили как DP, имея в виду под этим ярлыком максимальную именную проекцию, которую замещают проформы и которая интерпретируется как индивид или обобщенный квантор¹¹⁴. Ярлык EzafeP в (7.74) должен быть, таким образом, расщеплен на PossP (проецирующую изафетную конструкцию 2) и DP (проецирующую генитивный посессор и соответствующую таким проформам, как личные местоимения).

Падежная морфема и в мишарском, и в литературном татарском языке может рассматриваться и как признак именной группы, и как особая функциональная вершина K(ase) в духе [Bittner, Hale 1996]. В дальнейшем изложении мы будем для простоты считать, что падеж

¹¹³ Местоимение *нәрсә* ‘что’ допустимо в ИК2:

- (i) Бу паста-дан нәрсә тәм-е кил-ә?
 этот паста-ABL что вкус-3 приходит-PRS
 ‘Какой вкус у этой пасты?’ (букв. ‘Вкус чего от этой пасты приходит? (мяты, яблока...)’)

¹¹⁴ В работах Ж. Корнфилт аналогичная проекция в турецком языке обозначается как группа согласования, AGRP.

является признаком, характеризующим DP (альтернативный анализ состоит в том, что вершина К выбирает в качестве комплемента DP).

DP допустима в любых аргументных позициях: подлежащего, дополнения глагола, послелога, генитивного зависимого в другой DP. Кроме того, некоторые атрибутивизаторы (*-дагы*, *-ныкы*) также способны принять в качестве комплемента DP (о данных морфемах в литературном татарском языке см., например, [Тумашева, Ирисов 1989; Сулейманов 1996])¹¹⁵:

- (7.85) а. Химиядәрес-е-н-дә [Менделеев-нең таблица-сы-н]-дагы
 химия урок-3-OBL-LOC Менделеев-GEN таблица-3-OBL-ATR
 химик элемент-лар-ны эйрән-э-ләр.
 химический элемент-PL-ACC изучать-PRS-PL
 ‘На уроке химии изучают химические элементы в таблице Менделеева.’
- б. Бу китап кем-неке?
 этот книга кто-ATR
 ‘Чья эта книга?’

Подведем итоги. На основании синтаксической дистрибуции выявляются следующие типы именных составляющих: N (вершина) — неветвящееся существительное, выступающее в качестве именного компонента в ИК1 и в сложных предикатах; NP (группа лексического существительного) — существительное с разнообразными модификаторами, кроме генитивного посессора, нейтральная в отношении числового противопоставления, выступающая в качестве комплемента атрибутивизатора *-лы*; NumP (группа числа) — NP, в которой фиксировано значение категории числа; PossP — структура, возглавляемая показателем изафета 2; DP (максимальная именная составляющая) — существительное с любыми модификаторами, в том числе и с генитивным зависимым, а также проформы, выступающие в любых аргументных позициях, в том числе и в позиции генитивного зависимого в именной группе. Полная структура мишарской именной группы представлена в (7.86).

(7.86) [DP ... [PossP ... [NumP ... [NP ... N°] Num] Poss] D]

Мы располагаем следующими структурными диагностиками типа именной составляющей:

- не допускающее ветвления существительное: N;
- существительное с любым модификатором: минимум NP, максимум DP;

¹¹⁵ Происхождение атрибутивизаторов *-дагы* и *-ныкы* довольно прозрачно: они представляют собой падежную форму локатива/генитива, вложенную под атрибутивизатор *-гы*, существующий независимо от *-дагы* и *-ныкы*, ср. *кичәге* ‘вчерашний’ от *кичә* ‘вчера’.

- существительное с показателем числа либо без показателя числа, не допускающее нейтрализации числа при интерпретации: минимум NumP, максимум DP;
- существительное с номинативным зависимым и показателем изафета 2: минимум PossP, максимум DP;
- существительное с генитивным зависимым, проформа: DP.

Именная группа максимальной структуры демонстрируется в (7.87):

- (7.87) [DP Марат-ның [NumP [NP яңа [N китап]]-лар]-ы]
 Марат-GEN   новый   книга-PL-3
 ‘новые книги Марата’

Отдельно стоит остановиться на расщепленных конструкциях с субстантивированным числительным / квантором / прилагательным, демонстрируемых в (7.88):

- (7.88) Кыз-лар-ның   ике-се / бетен-есе / зур-лар-ы   кил-де.
 девочка-PL-GEN   два-3 / весь-3 / большой-PL-3   приходит-PST
 ‘Из девочек пришли две / все / большие.’

В [Гращенко 2000, 2007; Grashchenkov 2007] убедительно аргументирован анализ, согласно которому такого рода конструкции представляют собой именные группы со структурой изафетной конструкции 3, в которой генитивное зависимое вызывает согласование на местоименной вершине, как это показано в (7.89):

- (7.89) [DP [DP bärän-när-neŋ]_{+def}   beten [_n -e] -se]   [Grashchenkov 2007: (23c)]
                   баран-PL-GEN   весь-PRON-3
 ‘все из баранов’

Если этот анализ верен, то еще один структурный тип именных групп, соответствующий максимальной именной проекции (DP) — это расщепленные количественные / кванторные / атрибутивные конструкции.

Итак, в этом разделе мы показали, что мишарская именная группа имеет иерархическую структуру, и выделили, на основе синтаксической дистрибуции и структурных свойств, следующие классы именных проекций: NP, NumP, PossP и DP. В следующем разделе мы предложим анализ вариативного маркирования объекта в идиоме с. Кутлушкино, опирающийся на структурные альтернативы именных групп.

7.2.4. Падеж и структура именной группы

Мы предполагаем, что вариативное падежное маркирование объекта в идиоме с. Кутлушкино может быть описано при помощи параметризации падежного фильтра (7.90):

(7.90) *DP, если DP не имеет абстрактного падежа

(7.90) утверждает, что в сферу действия падежного фильтра входят только максимальные именные составляющие — DP. Таким образом, (7.90) допускает существование беспадежных именных групп меньшей структуры — NP и NumP.

Допущение, что не все структурные типы именных групп должны лицензироваться падежным признаком, находит подтверждение в исследованиях, посвященных различным языкам. Так, например, для венгерского языка аргументируется гипотеза, что только DP, но не NP в позиции прямого дополнения вызывает согласование глагола с объектом [Szabolcsi 1994; Bartos 2001]. Дистрибуция DOM в иврите (ср. пример (7.8)) объясняется сходным образом: предлог, приписывающий абстрактный падеж, обязателен перед теми именными группами, которые со структурной точки зрения являются DP (именные группы с определенным артиклем), в то время как неопределенные именные группы анализируются как NP [Danon 2006].

Падежный фильтр имплементируется в минималистской теории как наличие у именной группы неозначенного признака падежа. Следовательно, DP обладает признаком падежа, а именные группы меньшей структуры — нет. Такое различие в признаковых матрицах возможно, если вершиной-носителем признака падежа является D.

Обсудим теперь признаковые характеристики именных групп малой структуры. Очевидно, что отличие NumP от NP состоит в том, что NumP имеет означенный признак числа, а NP — нет, что проявляется в ее числовой нейтральности. Ограничения на использование личных местоимений (именных групп 1 и 2 лица) в составе именных групп, меньших чем DP, можно рассматривать как отсутствие признака лица у NP и NumP. Таким образом, признаковые матрицы именных фразовых категорий выглядят как в (7.91).

(7.91) a. DP: [*u*Case], [*i*Person], [*i*Number]

b. NumP: [*i*Number]

c. NP:

Мы будем строить анализ в рамках теории приписывания падежа при согласовании, в минималистской модели. Источником аккумулятива мы будем считать функциональную вершину v_{TR} (переходный легкий глагол), который обладает неозначенными ф-признаками. Допустим,

что морфологический аккузатив является реализацией синтаксического (абстрактного) аккузатива. Тогда наличие морфологического показателя аккузатива на именной группе свидетельствует о том, что данная именная группа является DP, а отсутствие показателя аккузатива говорит о том, что перед нами именная группа малой структуры — NP или NumP.

- (7.92) а. Марат [DP машина-ны] сат-ып ал-ды.
 Марат машина-ACC продавать-CONV брать-PST
 ‘Марат купил машину/*машины.’
- б. Марат [NP / NumP машина] сат-ып ал-ды.
 Марат машина продавать-CONV брать-PST
 ‘Марат купил машину/машины.’
- с. Марат [NumP машина-лар] сат-ып ал-ды.
 Марат машина-ACC продавать-CONV брать-PST
 ‘Марат купил машины.’

В (7.92a) в позиции прямого дополнения располагается DP. Отметим, что аккузативно-маркированные именные группы никогда не демонстрируют числовой нейтральности, из чего мы заключаем, что под проекцией DP имеется также проекция NumP. Эта именная группа способна также иметь любые модификаторы уровня NP, что означает, что именная группа в (7.92a) — это именная группа полной структуры ([DP[NumP[NP машина]]]). В (7.92b) в позиции прямого дополнения находится именная группа малой структуры — NumP или NP. Возможность анализа именной группы *машина* как NP ([NP машина]) объясняет допустимость нейтральной в отношении числа интерпретации (*купил машину/машины*), которую мы наблюдали у NP, выступающих компонентами атрибутивизатора *-лы*¹¹⁶. Наконец, наличие показателя множественного числа на прямом дополнении в (7.92c) предполагает анализ этой именной группы как NumP ([NumP[NP машина]-лар]).

Гипотеза (7.90) легко объясняет, почему именные группы с изафетной конструкцией 3, местоимения и расщепленные количественные, кванторные и атрибутивные конструкции в позиции прямого дополнения обязательно маркируются аккузативом: такие именные группы соответствуют максимальной именной проекции (DP) и, следовательно, неграмматичны, если

¹¹⁶ Таким образом, NP допустима не только в качестве компонента атрибутивизатора, но и в аргументной позиции. Предположительно, NP возможна не только в позиции дополнения, но и в позиции (неаккузативного) подлежащего, ср.: «...понятие множества в тюркских языках, в том числе и в татарском, может обозначаться и нулевой формой имени существительного; при этом выражается одновременно весь класс, род существ, предметов в целом» [Кононов 1956: 67]:

- (i) Өстэл-дә китап ят-а.
 стол-LOC книга лежать-PRS
 ‘На столе лежит книга / лежат книги.’

не получают падежа. В рамках признаковой реализации падежного фильтра признак падежа DP должен быть означен в процессе деривации, иначе он не может быть удален, что приведет деривацию к краху на интерфейсных уровнях.

Итак, приписывание синтаксического аккузатива происходит в результате согласования вершины-источника падежа — функциональной вершины v_{TR} — с объектной DP по ф-признакам (лицу и числу). Важно отметить, что означивание признака падежа происходит *in situ* и не требует (видимого) подъема аргумента из глагольной группы: напомним, что аккузативные прямые дополнения грамматичны в позиции между наречиями уровня глагольной группы и собственно глаголом:

- (7.93) a.   Марат тиз   [китап-ны]   уқы-ды.
           Марат быстро   книга-АСС   читать-PST
           ‘Марат быстро прочитал книгу.]
- b. $[_{VP}$ тиз $[_{VP}$ $[_{DP}$ китап] $[_{V}$ уқы]] v]

Рассмотрим подробнее процесс приписывания структурного аккузатива объектной DP.

Именная группа $[_{DP}$ китап] ‘книга’, помещенная в аргументную позицию, обладает следующими признаками: интерпретируемым и означенным признаком лица (признак вершины D), интерпретируемым и означенным признаком числа (признак вершины Num) и неинтерпретируемым и неозначенным признаком падежа (признак вершины D). Потенциальный источник падежа вершина v_{TR} обладает неинтерпретируемыми и неозначенными признаками лица и числа. Таким образом, DP и v обладают неозначенными признаками и активны для согласования (7.94a). В процессе взаимодействия этих составляющих происходит означивание признаков лица и числа вершины v ; вершина v с означенными признаками оказывается способной приписать синтаксический аккузатив DP (7.94b). При озвучивании глагольной группы те из признаков, которые могут быть реализованы морфологией, получают морфологическую реализацию: DP *китап* озвучивается как *китап-ны* <книга-АСС>. Для семантической интерпретации глагольной группы неинтерпретируемые признаки нерелевантны, поэтому действует соглашение о стирании означенных неинтерпретируемых признаков, и на вход семантического компонента глагольная группа поступает в виде (7.94c).

(7.94) a. деривация глагольной группы: до согласования и приписывания падежа

$[_{VP}$ $[_{VP}$ $[_{DP}$ китап] $[_{V}$ уқы]]	v]
[<i>uCase</i> :__]	[<i>uPerson</i> :__]
[<i>iPerson</i> :3]	[<i>uNumber</i> :__]
[<i>iNumber</i> : sg]	

b. деривация глагольной группы: после согласования и приписывания падежа

[_{VP} [_{VP} [_{DP} китап] [_V укы]]	<i>v</i>]
[<i>uCase:acc</i>]	[<i>uPerson:3</i>]
[<i>iPerson:3</i>]	[<i>uNumber:sg</i>]
[<i>iNumber: sg</i>]	

с. деривация глагольной группы: стирание неинтерпретируемых признаков перед семантической интерпретацией

[_{VP} [_{VP} [_{DP} китап] [_V укы]]	<i>v</i>]
{ <i>uCase:acc</i> }	{ <i>uPerson:3</i> }
[<i>iPerson:3</i>]	{ <i>uNumber:sg</i> }
[<i>iNumber: sg</i>]	

Отметим, что, хотя приписывание DP падежа при данном анализе не требует передвижения DP, получение именной группы падежа оказывается связано с ее способностью к перемещению. Эта связь может быть по-разному проинтерпретирована в конкретной теоретической системе. В исходной формулировке падежного фильтра следы от передвижения вопросительных слов, операторов и т.п. (т.е. переменные) признавались субъектами падежного фильтра на основании неграмматичности примеров типа (7.95) (см., например, [Lasnik, Freidin 1981; Chomsky 1981; Epstein 1991]).

(7.95) *Who_i did John try t_i to leave?

‘*Кто Джон пытался, чтобы уехал?’

Если цепь, образованная передвижением именной группы, должна иметь позицию, маркированную абстрактным падежом, а конечная позиция передвижения не является падежной (как это происходит при A'-передвижении вопросительных и относительных местоимений, топикализации и т.п.), очевидно, что падеж должен быть получен в начале цепи. Отсюда следует, что целью в A'-взаимодействии может становиться только такая именная группа, которая уже обеспечила себе прохождение падежного фильтра¹¹⁷.

Такой подход, однако, не учитывает возможности существования именных групп, на которые не распространяется падежный фильтр, т.е. не имеющих неинтерпретируемого падежного признака. Чтобы сделать беспадежные именные группы невидимыми для механизмов, вызывающих передвижение, следует предположить, что, помимо A'-признаков (например, топикальности) вызывающая A'-передвижение вершина ищет φ-признаки. Следовательно, именная группа малой структуры не может быть «притянута» в A'-

¹¹⁷ «An expression is only active for A-bar movement if it has an active A-bar feature (e.g. a *wh*-feature) but no active A-feature (e.g. no unvalued case feature)» [Radford 2004: 410].

спецификатор, поскольку не обладает признаком лица (NumP) или обоими ф-признаками (NP). Соответственно, только DP может покинуть пределы глагольной группы.

Узкая сфера действия именных групп малой структуры в позиции дополнения может получать как семантическое объяснение в духе подхода [van Geenhoven 1998] или [Chung, Ladusaw 2004] (в таком случае именные группы малой структуры должны иметь предикатный тип и подвергаться экзистенциальному закрытию в глагольной группе), так и синтаксическое объяснение. Если подъем квантора — это скрытое A'-передвижение именных групп в спецификатор связанной с квантификацией функциональной проекции клаузы (ср., например, с проекцией RefP, в которую поднимаются обобщенные кванторы для проверки признака [+GQP] в [Beghelli, Stowell 1997]), то узкая сфера действия именных групп неполной структуры может объясняться так же, как и их неспособность к открытому передвижению (скрэмблингу).

Более того, допущение, что беспадежные дополнения не могут подняться из глагольной группы ни открыто, ни скрыто, помогает объяснить обязательность аккузативного маркирования прямых дополнений, содержащих указательные местоимения и исчерпывающие кванторы. Поскольку определенные именные группы обладают максимально широкой сферой действия по отношению к любым операторам в предложении, в семантическом представлении они должны оказаться вне сферы действия других операторов/кванторов. Именные группы с исчерпывающим кванторами в объектной позиции также должны подняться из глагольной группы, чтобы получить кванторную интерпретацию. Это значит, что для того, чтобы именная группа, содержащая указательное местоимение *бу* 'этот' или квантор *һәр* 'каждый', получила определенную или кванторную интерпретацию, она должна быть вложена в оболочку DP, чтобы быть видимой для внешних зондов (7.96).

(7.96) a. [DP[NumP[NP бу китап]]]

b. [DP[NumP[NP һәр китап]]]

Итак, аккузативно маркированным именным группам в позиции прямого дополнения может быть сопоставлен единый анализ, учитывающий их структурный тип и предсказывающий известную свободу в линейном положении относительно глагола, вариативную сферу действия и отсутствие числовой нейтральности.

Обсудим теперь деривацию предложений с беспадежным прямым дополнением. В соответствии с развиваемым нами анализом, беспадежное прямое дополнение — это именная группа меньшей структуры, чем DP (NP или NumP), находящаяся в аргументной позиции в глагольной группе. NP не обладает ф-признаками, (7.97a), NumP обладает означенным признаком числа (7.97b).

(7.97) а. деривация глагольной группы: NP в позиции дополнения

$$\begin{array}{l} [_{VP} [_{VP} [_{NP} \text{китап}] [_{V} \text{укы}]] \quad v] \\ \quad \quad \quad [uPerson: \_] \\ \quad \quad \quad [uNumber: \_] \end{array}$$

б. деривация глагольной группы: NumP в позиции дополнения

$$\begin{array}{l} [_{VP} [_{VP} [_{NumP} \text{китап}] [_{V} \text{укы}]] \quad v] \\ \quad \quad \quad [iNumber: \text{sg}] \quad [uPerson: \_] \\ \quad \quad \quad \quad \quad [uNumber: \_] \end{array}$$

Поскольку ни NP, ни NumP не обладают неозначенными признаками, они не являются активными для взаимодействия с вершиной v . Более того, даже если предположить, что неактивная составляющая может выступать в качестве цели, если является носителем нужных признаков, в любом случае признак лица вершины v (а также и признак числа в (7.97а) останется неозначенным. В теоретической системе [Chomsky 2000] следствием этого будет крах деривации и неграмматичное предложение.

Гипотетическая неграмматичность структур в (7.97) — не что иное, как имплементированный в анализ приписывания падежа через согласование инвертированный падежный фильтр (Inverse case filter, [Bošković 1997, 2002]), согласно которому вершина, способная приписать падеж, должна приписать падеж. Инвертированный падежный фильтр позволяет объяснить, например, недопустимость беспадежных составляющих в контексте лексического падежа в русском языке (см. подробнее [Babby 1985, Franks 1994, 1995]; полный список структурных типов составляющих, не допустимых в контексте лексического падежа в русском языке, представлен в [Testelefs 2013], см. раздел 7.3):

(7.98) а. Он владеет десятью языками / *около десяти языков / *много языков

б. Каждый верит двум учителям / *по учителю.

Что касается структурного падежа, то результаты действия инвертированного падежного фильтра не столь однозначны. Действительно, во многих языках глаголы, способные приписать аккузатив своему прямому дополнению, могут принимать в качестве компонента и составляющие, на которых падеж не определен, например, клаузы или предложные группы, ср.

(7.99) из английского языка и (7.100) из мишарского татарского:

(7.99) а. John believes [him/it].

‘Джон верит ему/в это.’

б. John believes [that Bill has left].

‘Джон верит, что Билл уехал.’

- (7.100)a. Мин [а-ны] бел-э-м.
я этот-ACC знать-PRS-1SG
'Я его/это знаю.'
- b. Мин [Алсу-ның кил-ү-е-н] бел-э-м.
я Алсу-GEN приходит-NMN-3-ACC знать-PRS-1SG
'Я знаю, что Алсу пришла.'
- c. Мин [Алсу кил-де дип] бел-э-м.
я Алсу приходит-PST что знать-PRS-1SG
'Я знаю, что Алсу пришла.'

Понятно, что в (7.99b) и в (7.100c) дополнение не получило аккузатив, что, однако, не привело к неграмматичности.

Имплементация инвертированного падежного фильтра как недопустимости неозначенных согласовательных признаков вершины-приписывателя падежа также вызывает сомнения. Это особенно очевидно в том случае, если согласование вершины-приписывателя падежа с мишенью приписывания падежа реализуется морфологически, например, в случае предикативного согласования при получении падежа подлежащим. Так, в русском языке беспадежные составляющие в позиции подлежащего не вызывают неграмматичности, при этом согласовательные признаки финитной вершины означиваются «дефолтно» (3-е лицо, ед. ч., ср. род):

- (7.101)a. Прошло около десяти дней.
b. С каждого дерева упало по груше.
c. Меня радует, что ты вернулся.

Аналогичное — дефолтное — предикативное согласование вызывают неноминативные подлежащие в исландском языке, ср. пример (7.102) из [Sigurðsson 2012: 192 (3)]:

(7.102)a. подъем дативного подлежащего

Mér	sýndist	þeim	hafa	verið	hjálpað.
я.DAT	казаться.PST.3SG.DFT	они.DAT	AUX5.INF	AUX2.PP	помогать.PP

'Мне кажется, что им помогли.'

b. подъем номинативного подлежащего

Mér	sýndust	þeir	hafa	bjargast.
я.DAT	казаться.PST.3PL	они.NOM	AUX5.INF	спастись.PP

'Мне кажется, что они спаслись.'

При этом неоформленные прямые дополнения находятся в аргументной позиции, заполняя семантическую и синтаксическую валентность глагола, и вследствие этого не оказывают влияния на оформление каузируемого в каузативной конструкции. Наконец, способность неоформленных прямых дополнений выступать в качестве антецедента дискурсивной анафоры может получить объяснение, если предположить, что в данном случае имеет место так называемая *несвязанная анафора* (E-type anaphora, donkey anaphora, см. [Heim, Kratzer 1998; von Stechow 2008]), при которой для правильной семантической интерпретации необходимо добиться коиндексирования анафорического местоимения и его антецедента, однако синтаксические механизмы для такого коиндексирования (например, расположение их обоих в составляющей, над которой имеет структурный приоритет общий оператор) отсутствуют. Действительно, если неоформленные прямые дополнения подвергаются экзистенциальному закрытию в ядерной сфере действия других операторов / кванторов, то квантор, связывающий их, не может получить сферу действия над следующими отрезками дискурса. Для семантического анализа несвязанной анафоры предлагались различные подходы (см. обобщающие работы [Abbott 2004; Moltmann 2006]); здесь важно отметить лишь то, что анафора такого типа не является исключительным свойством конструкций с неоформленным прямым дополнением (см. аналогичный анализ для анафоры с турецкими неоформленными прямыми дополнениями в [Lima 2006]).

7.2.5. Параметризация падежного фильтра

Перейдем теперь к рассмотрению DOM в идиоме с. Рыбушкино.

Сформулированные в 7.2.1 ограничения на допустимость вариативного оформления объекта (обязательное маркирование аккузативом определенных классов именных групп) действует также и в говоре с. Рыбушкино. Отличия между двумя идиомами касаются в первую очередь свойств неоформленных прямых дополнений¹¹⁸.

Во-первых, неоформленные прямые дополнения могут располагаться неконтактно с глаголом, в том числе и в постпозиции:

---

¹¹⁸ Часть примеров в этом разделе любезно предоставлена автору П.В. Гращенковым, М.Б. Ермолаевой и С.Г. Татевосовым.

- (7.103)a. Марат китап анарга тыш-ка цыг-ып¹¹⁹ бир-де.
 Марат книга он.DAT улица-DAT выходить-CONV давать-PST
 ‘Выйдя на улицу, Марат отдал ему книгу.’
- b. Үткен ай-ны банк-лар эц мәртәбә бас-кан-нар.
 прошлый месяц-ACC банк-PL три раз грабить-PFV-PL
 ‘В прошлом месяце банки три раза грабили.’
- c. Шәһәр-дә тезе-де-ләр Тукай урам-ы.
 город-LOC строить-PST-PL Тукай улица-3
 ‘В городе построили улицу Тукая.’
- d. Кем уки ал-ды ун китап?
 кто читать.CONV.IPFV мочь-PST 10 книга
 ‘Кто смог прочитать 10 книг?’

Во-вторых, неоформленные прямые дополнения могут иметь широкую сферу действия относительно других операторов и кванторов:

- (7.104)a. Һәр укучы ике мәсәлә эшлә-де.
 каждый ученик два задача делать-PST
 ‘Каждый ученик решил две задачи.’
 $\forall > 2$
 $2 > \forall$ (Есть две задачи, которые решил каждый ученик)
- b. Марат Алсу-га бер китап та ал-ма-ды.
 Марат Алсу-DAT один книга EMPIH брать-NEG-PST
 (i) ‘Марат не купил для Алсу ни одной книги.’ (Neg > $\exists$)
 (ii) ‘Марат только одну книгу для Алсу не купил.’ ($\exists > \text{Neg}$)

В-третьих, если неоформленное прямое дополнение располагается в предглагольной позиции, то в каузативной конструкции возможно оформление каузируемого как аблативом, так и аккузативом:

- (7.105)a. Мин Марат-тан/-ны китап ал-дыр-ды.
 я Марат-ABL/-ACC книга брать-CAUS-PST
 ‘Я заставил Марата купить книгу.’

При этом между указанными параметрами обнаруживаются примечательные корреляции.

¹¹⁹ В говоре села Рыбушкино представлен цокающий вариант мишарского диалекта, однако соответствие ч — ц нерегулярно и варьирует по носителям языка. В дальнейшем мы приводим примеры в той форме, в какой они были записаны.

Во-первых, оторванные от глагола немаркированные прямые дополнения не обнаруживают числовой нейтральности. Сравним (7.106a) и (7.106b). В (7.106a) именная группа *китап* ‘книга’ расположена в предглагольной позиции и демонстрирует нейтральность в отношении категории числа. В (7.106b) немаркированное прямое дополнение, отделенное от глагола аргументной именной группой, может интерпретироваться только как единичный объект.

- (7.106)a.   Марат анарга   китап бир-де.
                   Марат он.DAT   книга давать-PST
                   ‘Марат отдал ему книгу/книги.’
- b.   Марат китап анарга   бир-де.
                   Марат книга он.DAT   давать-PST
                   ‘Марат отдал ему книгу/*книги.’

Во-вторых, нейтральные в отношении числа неоформленные прямые дополнения не могут иметь широкой сферы действия.

- (7.107)a.   Һәр   укучы   авыр   мәсәлә   эшлә-де.
                   каждый   ученик   трудный   задача   делать-PST
                   ‘Каждый ученик решил трудную задачу / трудные задачи.’
- (i) $\forall > \exists$, одна задача:
                   ‘Каждый ученик решил по трудной задаче.’
- (ii) $\forall > \exists$, несколько задач:
                   ‘Каждый ученик решил по несколько трудных задач.’
- (iii) $\exists > \forall$, одна задача:
                   ‘(Одну) трудную задачу решил каждый ученик.’
- (iv) * $\exists > \forall$, несколько задач:
                   * ‘(Некие) трудные задачи решил каждый ученик.’

В-третьих, если при каузативизации переходного глагола каузируемый оформляется аккумулятивом, то на немаркированное прямое дополнение (которое при этом должно находиться в предглагольной позиции) накладывается дополнительное ограничение: оно не может выступать в форме множественного числа (7.108a), при этом форма единственного числа демонстрирует числовую нейтральность (7.108b). Кроме того, такое прямое дополнение не имеет широкой сферы действия (7.108c-d).

- (7.108)a. *Мин Марат-ны китап-лар ал-дыр-ды.
я Марат-АСС книга-PL братъ-CAUS-PST
'Я заставил Марата купить книги.'
- b. Мин Марат-ны китап ал-дыр-ды.
я Марат-АСС книга братъ-CAUS-PST
'Я заставил Марата купить книгу / книги.'
- c. Мин Марат-ны китап ал-дыр-ма-ды.
я Марат-АСС книга братъ-CAUS-NEG-PST
'Я не заставил Марата купить книгу / книги.'
- Neg > $\exists$
* $\exists$ > Neg
- d. Hэр укытучы Марат-ны авыр мәсәлә эшлә-т-те.
каждый учитель Марат-АСС трудный задача делать-CAUS-PST
'Каждый учитель задал (=заставил решать) Марату трудную задачу /
трудные задачи.'
- $\forall$ > $\exists$, одна / несколько задач
* $\exists$ > $\forall$, одна / несколько задач

Таким образом, в говоре с. Рыбушкино, в отличие от говора с. Кутлушкино, обнаруживается два класса неоформленных прямых дополнений. Неоформленные дополнения первого класса демонстрируют те же свойства, что и неоформленные дополнения в идиоме с. Кутлушкино: они не отрываются от глагола, проявляют нейтральность в отношении числового противопоставления и не имеют широкой сферы действия по отношению к другим кванторам и операторам, содержащимся в предложении. Единственное отличие состоит в том, что такие дополнения в идиоме с. Рыбушкино лицензируют аккузативное маркирование каузируемого в каузативной конструкции. Неоформленные прямые дополнения второго класса допускают скрэмблинг, могут иметь широкую сферу действия и обладают фиксированным грамматическим числом. Опираясь на интерпретацию числа, можно предположить, что различие между двумя классами является структурным: неоформленные дополнения первого класса являются NP, а прямые дополнения второго класса — NumP.

Если эта гипотеза верна, то неоформленная NumP в позиции прямого дополнения обладает всеми свойствами оформленных DP (способность к открытому и скрытому передвижению, фиксированное число) кроме одного — морфологически реализованного падежа. В [Лютикова 2014б] предлагается анализ, противопоставляющий абстрактный и морфологический падеж. Поскольку наличие падежа у именной группы в этой работе считается непосредственным условием для ее способности к скрэмблингу и получению широкой сферы

действия, то приходится заключить, что NumP в позиции дополнения обладает абстрактным падежом. Чтобы обеспечить получение NumP абстрактного падежа, падежный фильтр для идиома с Рыбушкино в [Лютикова 2014б] модифицируется следующим образом:

(7.109)*DP / *NumP, если DP / NumP не имеет абстрактного падежа

Отсутствие показателя падежа у получающей абстрактный аккузатив NumP объясняется при помощи правил синтактико-морфологического интерфейса. Предполагается, что абстрактный аккузатив по-разному реализуется на именных группах разной структуры: на DP — как морфологический аккузатив, а на NumP — как морфологический номинатив. Неформально это интерфейсное правило представлено в (7.110).

(7.110)a. [Case: Acc] $\Leftrightarrow$ [Mcase: ACC] / __DP

b. [Case: Acc] $\Leftrightarrow$ [Mcase: NOM] / __NumP

Заметим, что аккузатив в любом случае демонстрирует неединообразное кодирование, не сводимое к фонологическим правилам: морфологический показатель аккузатива реализуется как *-н* после согласовательного показателя 3 лица (*китаб-ы-н* ‘его книгу’) и как *-ны* в остальных случаях (*китап-ны* ‘книгу’, *тамчы-ны* ‘каплю’, *китаб-ым-ны* ‘мою книгу’). Следовательно, правило типа (7.110) не является единственным правилом, ставящим реализацию аккузатива в зависимость от структурных свойств именной группы.

Итак, анализ в [Лютикова 2014б] предсказывает, что именные группы — прямые дополнения с показателем аккузатива в идиомах с Рыбушкино являются DP и обладают теми же свойствами, что и DP идиома с Кутлушкино (способность к передвижению, возможность широкой сферы действия в отношении других операторов и кванторов, отсутствие числовой нейтральности). Прямые дополнения без показателя аккузатива представлены двумя структурными типами. NP в позиции прямого дополнения лишена абстрактного падежа и демонстрирует неспособность к скрэмлиngu, узкую сферу действия и числовую нейтральность. Прямое дополнение, представляющее собой NumP, обладает абстрактным падежом; отсюда следует корреляция между отсутствием числовой нейтральности и способностью к открытому (при скрэмлинге) или скрытому (при подъеме квантора) передвижению.

Последний вопрос, который нам осталось обсудить — это предсказания нашего анализа применительно к оформлению каузируемого в каузативной конструкции. В Таблице 7.3 представлены засвидетельствованные в двух идиомах способы оформления каузируемого в каузативной конструкции на базе переходного глагола. Мы видим, что идиомы отличаются

доступностью аккузативного кодирования каузируемого: в идиоме с. Кутлушкино каузируемый при переходном глаголе неизменно кодируется аблативом, вне зависимости от падежных свойств прямого дополнения. В идиоме с. Рыбушкино аккузативное кодирование каузируемого возможно в том случае, если в позиции прямого дополнения располагается NP.

Таблица 7.3. Падежное оформление в каузативной конструкции (переходный глагол)

Структурный тип прямого дополнения	Идиом с. Кутлушкино			Идиом с. Рыбушкино		
	морфологический падеж каузируемого	морфологический падеж прямого дополнения	абстрактный падеж прямого дополнения	морфологический падеж каузируемого	морфологический падеж прямого дополнения	абстрактный падеж прямого дополнения
DP	ABL	ACC	Acc	ABL	ACC	Acc
NumP	ABL	∅	–	ABL	NOM	Acc
NP	ABL	∅	–	ACC	∅	–

В рамках предложенного в [Лютикова 2014б] анализа обобщение о кодировании каузируемого в идиоме с. Рыбушкино можно сформулировать следующим образом: каузируемый оформляется аккузативом, если прямому дополнению не приписан абстрактный аккузатив. Это обобщение позволяет увязать аккузативное кодирование каузируемого со свойствами прямого дополнения: числовой нейтральностью, контактным расположением с глаголом, отсутствием широкой сферы действия и отсутствием показателя аккузатива.

Отличие двух идиомов в оформлении каузативной конструкции в таком случае сводятся к следующему обобщению: в идиоме с. Кутлушкино выбор падежа каузируемого определяется только переходностью глагола; на этот выбор не влияет тот факт, был ли приписан абстрактный аккузатив. Иными словами, в этом идиоме важна сама доступность абстрактного аккузатива в синтаксической структуре (например, переходность вершины v). В идиоме с. Рыбушкино выбор падежа каузируемого основывается не на доступности, а на реализации абстрактного аккузатива: если абстрактный аккузатив не был реализован на прямом дополнении, он может быть приписан каузируемому.

Рассмотренный нами анализ, однако, имеет тот существенный недостаток, что связь падежа с мобильностью именной группы представляется как некоторое допущение *ad hoc*. В разделе 7.2.4 мы предположили, что эта связь опосредована наличием у именной группы ф-признаков: именные группы полной структуры (DP) обладают полным набором означенных ф-признаков, и поэтому видимы как для A-зондов, так и для A'-зондов. Именные группы неполной структуры не имеют ф-признаков (NP) или имеют неполный набор ф-признаков (NumP), поэтому не могут вступить во взаимодействие с приписывателями падежа и с вершинами, вызывающими открытое и скрытое A'-передвижение. Рассмотренная в этой

перспективе, ситуация в идиоме с. Рыбушкино выглядит следующим образом: имеющие неполный набор ф-признаков NumP не обладают признаком падежа, и поэтому не реализуют его морфологически, однако видимы для A'-зондов. Сопоставление параметра видимости для двух идиомов представлено в Таблице 7.4.

Таблица 7.4. Видимость именных групп для разных типов зондов

	Идиом 1			Идиом 2		
	DP	NumP	NP	DP	NumP	NP
Признаки	<i>i</i> Person <i>i</i> Number	<i>i</i> Number	—	<i>i</i> Person <i>i</i> Number	<i>i</i> Number	—
Падеж	+	–	–	+	–	–
Скрэмблинг (видимое передвижение)	+	–	–	+	+	–
Широкая СД (скрытое передвижение)	+	–	–	+	+	–

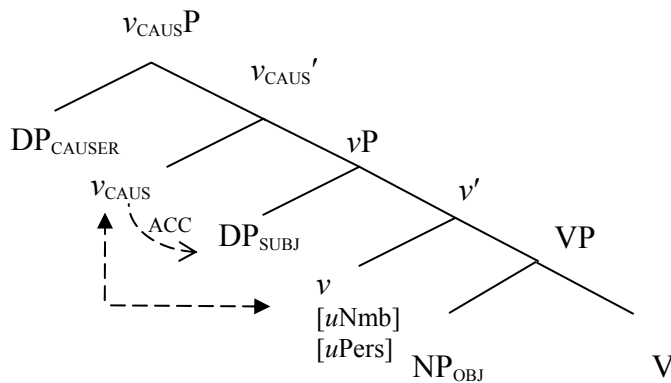
Подобное варьирование между диалектами можно представить как следствие параметризации операции AGREE. В идиоме с. Кутлушкино и A-зонды, и A'-зонды выбирают для взаимодействия только составляющие, обладающие полным набором ф-признаков. Вследствие этого для всех типов взаимодействий доступны только DP. Именно поэтому класс получающих падеж именных групп совпадает с классом именных групп, способных к скрэмблингу и широкой сфере действия. В идиоме с. Рыбушкино операция AGREE менее избирательна, в том смысле, что вершина Н с признаками [*i*Person], [*i*Number] может вызвать передвижение не только DP, обладающих полным набором ф-признаков, но и NumP, которая обладает означенным признаком числа, но не обладает признаком лица. В результате в идиоме с. Рыбушкино возникает три класса именных групп: (i) DP, которые обладают полным набором ф-признаков, получают падеж от означивших свои признаки (ф-complete) A-зондов и способны к открытому и скрытому передвижению; (ii) NumP, которые обладают признаком числа, не получают падеж, но способны к скрэмблингу и скрытому передвижению; (iii) NP, которые не обладают ф-признаками, не получают падеж и синтаксически инертны.

При таком анализе нет необходимости постулировать расхождение между морфологическим и абстрактным падежом: морфологический аккузатив всегда соответствует синтаксическому аккузативу. Это, однако, возвращает нас к необходимости реанализа падежного оформления каузи в каузативной конструкции. Следует объяснить, почему каузируемый может маркироваться аккузативом только в том случае, когда прямое дополнение

имеет статус NP, и не может получать аккузатив, если в позиции прямого дополнения располагается NumP.

Для начала попробуем понять, каким образом в системе с приписыванием структурных падежей функциональными вершинами может быть смоделировано правило парадигматического падежа. Очевидно, что падеж, приписываемый каузативной вершиной v_{CAUS} , не может быть выбран *a priori*: каузи-внешний аргумент неэргативов получает тот же падеж, что и каузи-внутренний аргумент неаккузативов. Поэтому необходимо предусмотреть некоторое взаимодействие между каузативной вершиной и минимально асимметрично скомандуемой ею вершиной v . В идиоме с. Кутлушкино в ходе этого взаимодействия проверяется тип вершины v : если она переходная, v_{CAUS} приписывает каузируемому аблатив, в противном случае — аккузатив. В идиоме с. Рыбушкино, по-видимому, проверяется наличие хотя бы одного означенного ϕ -признака. Если у вершины v означен хотя бы один ϕ -признак, это значит, что она переходная и вступила в согласование с объектной именной группой по меньшей мере по числу, т.е. в позиции дополнения находится DP или NumP. В таком случае v_{CAUS} приписывает каузируемому аблатив. Если же v не обладает ни одним означенным ϕ -признаком, то либо эта вершина непереходная (и не имеет ϕ -признаков), либо внутренний аргумент не располагает ни одним означенным ϕ -признаком, т.е. является NP (эта ситуация схематически представлена в (7.111))¹²⁰.

(7.111)

Подведем итоги нашего обсуждения. Мы рассмотрели феномен вариативного маркирования прямого дополнения в двух говорах мишарского диалекта татарского языка. Было показано, что в обоих говорах за вариативным маркированием дополнения стоят структурные альтернативы именной группы: именные группы максимальной структуры (DP)

¹²⁰ Напомним, что «дефолтное» означивание ϕ -признаков зонда происходит только перед озвучиванием. Таким образом, в тот момент, когда вершина v_{CAUS} проверяет признаки v , они могут быть означенными только в результате согласования с дополнением.

получают аккузативное кодирование, в то время как именные группы неполной структуры остаются немаркированными. Мы предположили, далее, что два содержательных класса неформленных прямых дополнений в говоре с Рыбушкино также различаются по своим структурным свойствам: NP не могут выступать мишенями A'-зависимостей, в то время как NumP, хотя и остаются беспадежными, тем не менее синтаксически активны. Мы связали эти различия с признаковыми характеристиками NP и NumP: NP лишены ф-признаков, а NumP обладают означенным признаком числа.

Безусловно, предложенный анализ не может быть распространен на все типы вариативного маркирования объекта. В частности, он кажется едва ли применимым для DOM, ориентированного на одушевленность, коммуникативные характеристики именной группы — объекта, для мультифакторного DOM. В тех случаях, когда маркированные и немаркированные дополнения представляют собой позиционные альтернативы, равно применимы и стандартная падежная теория (с подъемом нуждающегося в падеже дополнения из глагольной группы), и конфигурационная теория конкуренции (морфологических) падежей. Тем не менее, для таких типов DOM, когда маркированные и немаркированные именные группы не отличаются позиционно, но проявляют структурные различия, анализ с параметризацией падежного фильтра кажется оптимальным.

Если предложенный анализ верен, то он позволяет по-новому взглянуть на ряд проблем, связанных с грамматикой падежа. Предпринятое нами обсуждение намечает направление поисков ответа на вопрос о том, почему именно в позиции структурного (но не лексического) падежа наблюдается как симметричный, так и асимметричный DOM. Специфика структурных падежей состоит, по-видимому, в том, что для них не действует инвертированный падежный фильтр. Соответственно, структурный падеж может остаться неприписанным, если составляющая в аргументной позиции не активна для взаимодействия с функциональной вершиной — приписывателем падежа. Это может произойти в том случае, когда данная составляющая лишена падежного признака (например, является PP, CP или NP): при этом возникает асимметричный DOM, т.е. варьирование падежа и отсутствия падежа. С другой стороны, это возможно, если составляющая в аргументной позиции входит в сферу действия падежного фильтра, но получила падеж из другого источника (например, генитив отрицания, партитив и т.п.): в таком случае возникает симметричный DOM, т.е. варьирование структурного и некоторого лексического падежа, лицензируемого триггером DOM. В первом приближении соотношение дихотомии структурных/лексических падежей и инвертированного падежного фильтра может быть сформулировано следующим образом: лексические вершины подпадают под действие инвертированного падежного фильтра, в то время как функциональные вершины — нет.

Вопрос следующего уровня — чем мотивировано отличие лексических вершин от функциональных в отношении обязательности падежного взаимодействия. По-видимому, ответ на этот вопрос следует искать в отличии процессов, следствием которых является приписывание падежа. Приписывание падежа лексическими вершинами всегда строго локально и происходит одновременно с заполнением тематической аргументной позиции при данной лексической вершине (*theta-role discharging*). Следовательно, нарушение падежного взаимодействия приведет к тому, что именная составляющая не будет идентифицирована как аргумент данной лексической вершины. Подобная ситуация создаст проблемы в интерпретации языкового выражения. Приписывание же падежа функциональными вершинами сопровождается означиванием формальных признаков вершины в результате согласования. Это означивание, однако, может произойти и без согласования: если зонд не находит цель, то признаки зонда означиваются (или даже только озвучиваются) по умолчанию [Preminger 2011, 2014].

В следующем разделе мы перейдем к материалу русского языка и покажем, что объяснительные механизмы, задействованные нами в анализе DOM в татарском языке, могут быть успешно использованы для прояснения структуры целого ряда русских конструкций.

7.3. Беспорядочные именные группы в русском языке

Падежная проблематика всегда была одной из центральных в исследованиях русского синтаксиса. Помимо уже обсуждавшегося в связи с теорией накладывающихся падежей вопроса о дистрибуции гомогенной и гетерогенной падежной модели в конструкциях с большими и малыми числительными, падеж и падежное варьирование оказываются релевантны в исследованиях связочных, полусвязочных и предикативных конструкций (7.112) ([Chvany 1975; Nichols 1981; Bailyn, Rubin 1991; Bailyn, Citko 1999; Bailyn 2001, 2002, 2012; Pereltsvaig 2001b, 2007b; Strigin, Demjjanow 2001; Matushansky 2008, 2010] и мн. др.), в качестве диагностики неаккузативности или особого семантического типа аргумента (7.113) ([Babby 1980; Ицкович 1982; Pesetsky 1982b; Борик 1995; Babyonyshev 1996; Bailyn 2004b; Borschev, Partee 2002; Borschev et al. 2008; Brown 1999; Mustajoki, Heino 1991; Падучева 1997, 2004, 2006; Harves 2002, Partee, Borschev 2004; Рахилина (ред.) 2008]), в дискуссии о лицензировании PRO и падеже приинфинитивного подлежащего (7.113) ([Greenberg, Franks 1991; Babby 1998; Moore, Perlmutter 2000; Sigurðsson 2002; Landau 2006]). Перифразируя название книги К. Нейдл [Neidle 1988], «роль падежа в русском синтаксисе» трудно переоценить.

(7.112)а. Петя был пьяный / ?пьяным.

б. Петя вернулся пьяный / пьяным.

- с. Друзья привели Петю домой пьяного / пьяным.
- д. Друзья помогли Пете *пьяным / %пьяному.

(7.113)а. Петя не читает стихи / стихов.

- б. Самолеты не падали / Самолетов не падало.
- с. Самолеты не летали / ???Самолетов не летало.

(7.114)а. Глупо идти туда одному/*один.

- б. Миша решил пойти туда один/*одному.
- с. Алёша попросил Мишу не ходить туда одному / %одного / *один.

Важнейшее наблюдение, сделанное в работе Л. Бэбби о предложных квантификаторах [Babby 1985], состоит в том, что среди аргументных позиций в русском языке выделяется два класса: позиции прямых падежей (номинатива и аккузатива), в которых возможны все типы именных групп, в том числе и именные группы с предложными квантификаторами (*около десяти дней*) (7.115а-б), и позиции косвенных падежей, в которых некоторые типы составляющих, которые Бэбби считает именными, недопустимы (7.115с).

(7.115)а. Присутствовало около десяти крестьян.

- б. Он насчитал около десяти крестьян.
- с. *Помещик владел около десяти крестьян / около десятью крестьянами.

Бэбби выявляет 4 типа составляющих, для которых действует Условие прямого падежа (Direct Case Condition, DCC). Помимо именных групп с предложными квантификаторами, к ним относятся генитивные именные группы, возникающие в контексте сентенциального отрицания, и партитивные генитивы; гетерогенные конструкции с числительными, в которых существительное выступает в форме генитива, и именные группы с наречными квантификаторами типа *мало* [Babby 1985: 107]. Рассмотрим падежную теорию Бэбби подробнее.

Позиции прямых и косвенных падежей, согласно Бэбби, различаются в терминах управления [Babby 1980, 1985]. Управляемыми (governed) являются позиции, в которых падеж аргументной именной группе приписывается лексической единицей, ее проецирующей (легко видеть, что это аналог ингерентного / лексически управляемого падежа). Если же лексическая единица не накладывает специальных требований на падежное оформление своего аргумента, то его позиция является неуправляемой (ungoverned). К такой именной группе может быть применено специальное падежное правило клаузального уровня (приписывание генитива под отрицанием). Если же и этого не происходит, аргументные именные группы маркируются

номинативом или аккузативом в соответствии со своими структурными позициями в поверхностной репрезентации предложения.

Легко видеть, что падежная теория Бэбби в своих существенных характеристиках является предтечей дизъюнктивной иерархии падежей Марантца. Управлению у Бэбби соответствует лексически управляемый падеж Марантца, а падежу, приписываемому синтаксическим правилом можно сопоставить немаркированный падеж Марантца. Наконец, номинатив и аккузатив Бэбби относит к «структурным дефолтам» для субъектной и объектной позиции, что достаточно близко к позиции Марантца в отношении номинатива. Приписывание падежей в обеих теориях происходит в соответствии с иерархией, от наиболее конкретного и идиосинкратичного к наиболее дефолтному и затрагивающему самый широкий класс случаев.

Однако, в отличие от теории Марантца, в теории Бэбби падежная иерархия не постулируется *ad hoc*, но следует из двух принципов: Принципа инертности (Inertness principle) и Принципа удовлетворения требований лексических вершин (Lexical satisfaction principle) [Babby 1985: 108]. Принцип инертности гласит, что именная группа может получить падеж в ходе деривации лишь единожды, после чего она становится «инертной», то есть ее падеж не может быть изменен. Принцип удовлетворения требований лексических вершин состоит в том, что (лексически) управляемый падеж должен быть реализован в предложении. Прямой падеж, будучи (лексически) неуправляемым, не обязательно морфологически реализуется. Так, в (7.115a-b) реализуются управляемый предлогом генитив (на числительном) и управляемый предложным квантификатором генитив (на существительном), а номинатив и аккузатив подлежащего и прямого дополнения остаются морфологически нереализованными.

Бэбби полагает, что причиной DCC является падежный конфликт. Действительно, среди составляющих, подчиняющихся DCC (Бэбби приписывает им всем структурный статус именных групп, NP), представлены исключительно такие, в которых именная составляющая более низкого уровня должна получать падеж от квантификатора или в результате действия специального правила (генитив в сфере действия отрицания). Так, в (7.116) составляющая *языков* оказывается в ситуации падежного конфликта: с одной стороны, она должна получить управляемый генитив от квантификатора, а с другой стороны — управляемый инструменталис от глагола *владеть*. В соответствии с принципом инертности оба падежа не могут быть реализованы на одной и той же составляющей, что приводит к неграмматичности конфигурации (7.116a)¹²¹. Напротив, в контексте прямого падежа в соответствии с Принципом

¹²¹ Отметим, что в последующих работах (например, [Babby 1987]) Л. Бэбби предлагает несколько иной способ разрешения падежного конфликта в ситуациях типа (4.116a): выбор падежа для именной составляющей в ситуации падежного конфликта происходит в соответствии с падежной иерархией (LEXICAL CASE > GEN(Q^m) > NOM/ACC,

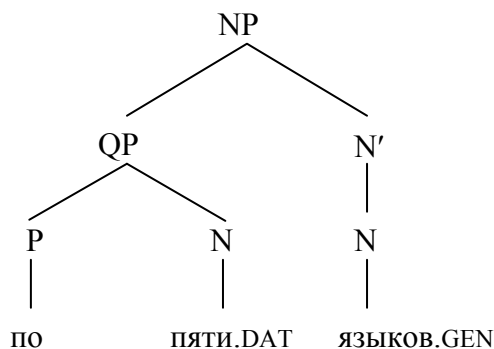

удовлетворения требований лексических вершин реализуется управляемый генитив, а номинатив/аккузатив остаются нереализованными. Аналогично объясняется и (7.116b). В (7.116c) снова имеет место падежный конфликт, на этот раз — между управляемым творительным падежом и генитивом, приписываемым специальным правилом в сфере действия отрицания. Неграмматичность (7.116c) следует из принципа инертности. Если же правило приписывания генитива под отрицанием не применяется, мы получаем грамматичную конфигурацию (*не владеет языками*).

- (7.116)a. *владеет [NP [QP пять] [N языков]]
 b. *владеет [NP [QP мало] [N языков]]
 c. *не владеет [NP языков]
 d. *владеют [NP [QP [P по] [NP пяти]] [N языков]]

Наконец, наиболее сложный случай представляет (7.116d). Структура именной группы с предложным квантификатором, согласно Бэбби, выглядит как (7.117).

(7.117)

В (7.117) лексические требования предлога удовлетворяются приписыванием падежа составляющей *пяти*, а лексические требования квантификатора — приписыванием генитива составляющей *языков*. Однако, если конструкция (7.117) будет помещена в контекст управляемого падежа, как в (7.116d), то окажется, что лексические требования глагола *владеть* не могут быть реализованы ни на одной именной составляющей.

Следующим важным шагом в объяснении феномена DCC становится работа Я.Г. Тестельца [Testelet 2013]. Я.Г. Тестелец каталогизирует набор явлений, подчиняющихся DCC, существенно расширяя список Бэбби. К ним относятся:

- (i) конструкции с наречными кванторами (*мало книг, (не) больше пяти языков*);
 (ii) конструкции с предложными кванторами (*около пяти рублей, от двух до пяти лет*);

[Babby 1987: 116]). В контексте прямых падежей побеждает «причислительный» генитив (GEN(Q^m)), а в контексте управляемых падежей — лексический падеж.

- (iii) редуцированные конструкции с предлогом *за* (*проходит день за днем, курит сигарету за сигаретой*);
- (iv) вопросительные конструкции вида *что (это) за* (*Что за книгу ты читаешь?*);
- (v) конструкции с аппроксимативной инверсией (*человек пять*);
- (vi) генитив отрицания;
- (vii) имена собственные, имеющие внутреннюю структуру РР и СР («*В окопах Сталинграда*», «*По ком звонит колокол*»).

Я.Г. Тестелец отмечает важное общее свойство данных составляющих: несмотря на семантику, сопоставимую с семантикой именных групп (обозначение единичных индивидов или их множеств) и выражение семантических ролей, эти составляющие неспособны присоединять адъективные (согласуемые) модификаторы: **эти мало книг, *последние от двух до пяти лет*. Этот факт особенно важен в свете гипотезы Дж. Бейлина о едином категориальном статусе и единой структуре количественных составляющих с различными квантификаторами [Bailyn 2004b]. Числительные, количественные наречия, количественные предложные группы и идиомы демонстрируют общее свойство — управление количественным генитивом. Бейлин предполагает, что это неслучайно, и такое управление — не случайное совпадение свойств различных лексических категорий, но единый феномен — управление со стороны нулевой вершины Q¹²². Таким образом, количественное выражение располагается в спецификаторе проекции QR, а категориальный статус количественных групп определяется нулевой квантифицирующей вершиной(7.118a-d).

- (7.118)а. купил [QR пять [Q ∅] [NP книг]]
- b. написал [QR много [Q ∅] [NP статей]]
  - c. знает [QR до фига [Q ∅] [NP языков]]
  - d. принес [QR с десяток [Q ∅] [NP яблок]]
  - e. натекло [QR [Q ∅] [NP воды]]
  - f. ждет [QR [Q ∅] [NP автобуса]]
  - g. набрал [QR [Q ∅] [NP грибов]]
  - h. не читает [QR [Q ∅] [NP газет]]

Обобщая этот анализ, Бейлин предлагает считать любой количественный генитив (партитивный, (7.118e), при кумулятивных глаголах, (7.118g)), а также генитив отрицания

¹²² В славистике является общепринятым обозначать функциональную проекцию, связанную с числительными (NumP), как QR.

(7.118h) и интенциональный генитив (7.118f) — падежом, который именная группа получает от нулевого квантификатора.

Заметим, что и альтернативный анализ количественного генитива как падежа NP, на который в количественной конфигурации из-за опосредующей вершины Q не наложился номинатив — падеж D [Pesetsky 2013], также предполагает унификацию конфигураций (7.118) как таких, в которых передвижение вершины Q в D блокирует распространение признака D_{ном} на NP.

Однако из обобщения Я. Г. Тестельца следует, что единый анализ структур в (7.118) как QP (или как групп некоторой другой единой категории), невозможен: количественная группа, содержащая числительное (7.118a) может иметь согласуемые премодификаторы, в то время как все прочие количественные выражения — нет. В свете предыдущего обсуждения это обобщение можно сформулировать следующим образом: количественные группы с числительным могут быть вложены в DP, в то время как для остальных выражений такой «маршрут» деривации закрыт. С этим связан, очевидно, весь комплекс свойств, который А. Перельцвайг [Pereltsvaig 2006a] называет семантико-синтаксическим профилем именных групп малой структуры: неспособность контролировать предикативное согласование, отсутствие коллективной, специфической, определенной интерпретации, только узкая сфера действия по отношению к любым операторам и кванторам, отсутствие референциального индекса, что влечет неспособность к связыванию анафорических выражений, и, наконец, неграмматичность в контексте ингерентного падежа, что объясняется отсутствием DP — проекции, вводящей падежный признак. Таким образом, если составляющую, в которой располагаются количественные числительные, можно рассматривать как промежуточную функциональную проекцию в иерархической структуре именной группы (7.119a), то прочие количественные конструкции, очевидно, имеют другой (или другие) категориальный статус (7.119). Так, в [Testelets 2013] предлагается считать конструкции из (7.118b, e, g, h) группами наречия (возможно, с нулевым наречным квантором), (7.118c-d) — предложными группами. Генитивные именные группы, выступающие при интенциональных предикатах, в партитивном контексте и под отрицанием (7.118e-g), по-видимому, можно также анализировать как NP, падеж которых лицензируется, а не управляется (ср. с подходом к расщепленным количественным конструкциям и генитиву под отрицанием в [Лютикова, Тестелец 2013]); в таком случае вложение NP под DP нарушит отношение лицензирования, и NP станет невидима для лицензора.

- (7.119)a. [DP ... [QP/NumeralP/XP ... *Numeral* ... [NP ...]]]   (*эти последние*) *пять книг*
           b. [AdvP/PP/YP ... *Adv/P/Y* ... [NP ...]]]   *мало книг, дохрена языков*

- с. *[DP ... [AdvP/PP/YP ... Adv/P/Y ... [NP ...]]]] *эти мало книг
 d. [AdvP/NP ...] воды, газет
 e. *[DP ... [AdvP/NP ...]]]] *эту воды, *эти газет,

Таким образом, единый анализ количественных структур, связывающий генитив с нулевой квантифицирующей вершиной, входящей в расширенную проекцию именной группы, не может быть реализован. Часть конструкций — а именно, те, которые допускают препозитивные адъективные модификаторы и тем самым могут быть вложены в проекцию DP — избегают действия DCC, в то время как для тех количественных конструкций, которые не принимают адъективных модификаторов и не могут быть вложены в DP, ограничение DCC действует. Обращаясь к неколичественным выражениям, таким как «длинные» имена собственные или вопросительные группы, Я.Г. Тестелец указывает, что их категорию определить затруднительно, но она едва ли является именной.

Учитывая, что редуцированные конструкции с предлогом *за* и вопросительные конструкции вида *что (это) за* способны к морфологическому различению падежа (по меньшей мере между номинативом и аккузативом), Я.Г. Тестелец приходит к выводу, что «беспадежные» составляющие на самом деле имеют падеж. DCC получает следующее объяснение: структурный и ингерентный падеж в русском языке различаются требованиями, которые приписывающие их вершины накладывают на цель. Лексические вершины, в отличие от функциональных вершин *T* и *v*, требуют, чтобы составляющая, получающая от них падеж, имела статус именной группы. Таким образом, подход Я.Г. Тестельца предполагает, что структурный падеж получают любые составляющие в соответствующих аргументных позициях, в то время как лексический падеж способны получать только именные группы.

Представляется, однако, что тезис о наличии у составляющих, подчиняющихся действию DCC, структурного падежа создает существенные сложности для теории. Приписывание падежа (по меньшей мере номинатива) функциональными вершинами чувствительно к согласованию: номинатив приписывается именной группе только тогда, когда ее ф-признаки означивают ф-признаки финитного глагола. В конструкциях же с «беспадежными» именными группами возможно (и даже предпочтительно) «дефолтное» согласование:

(7.120)а. Проходит / ??? проходят день за днем.

b. Пришло / ??? пришли от трёх до пяти писем.

Если же считать, что приписывание номинатива и аккузатива независимо от согласования, и номинатив может быть приписан и при дефолтном означивании ф-признаков финитного глагола, то необъяснимой оказывается парадигма в (7.121). Действительно, отличие

между составляющими *пять писем* в (7.121a-b), согласно [Testelefs 2013], не может быть сведено к падежу, следовательно, обе группы имеют признак номинатива, независимо от их структурного статуса. Однако одна из них контролирует предикативное согласование, а другая — нет.

(7.121)а. Пришли (эти) пять писем.

б. Пришло (*эти) пять писем.

Я предполагаю, что обобщение Я.Г. Тестельца о DCC может быть переформулировано следующим образом. Синтаксический падеж является свойством DP; соответственно, только DP может получить ингерентный (при лексическом управлении) или структурный (от функциональной вершины, при согласовании) падеж. Прочие типы составляющих (QP, PP, CP, ...) не имеют признака синтаксического падежа. Для лексически управляемого падежа действует инвертированный падежный фильтр: если лексическая вершина приписывает ингерентный падеж, он должен быть приписан¹²³. Для структурных падежей инвертированный падежный фильтр не действует, поэтому в позиции структурного падежа может оказаться составляющая с любым категориальным статусом, однако только DP получит синтаксический номинатив или аккузатив. Предикативное согласование является свидетельством получения DP падежа, а его отсутствие (дефолтное означивание ф-признаков финитного глагола) — свидетельством отсутствия DP в позиции подлежащего.

Если эта гипотеза верна, то составляющая *пять писем* в (7.121a) является DP и имеет признак именительного падежа, а составляющая *пять писем* в (7.121b) представляет из себя QP и является беспадежной, как это представлено в (7.122).

(7.122)а. Пришли [_{DP} (эти) [_{QP} пять писем]]

б. Пришло [_{QP} (*эти) пять писем]

Прочие типы составляющих, дистрибуция которых ограничена контекстом прямого падежа, имеют категориальный статус, отличный от DP, и при этом такой, что D не может выбрать их в качестве комплемента.

Однако теория в таком виде не в состоянии объяснить неграмматичность примера (7.123а), в котором именная составляющая малой структуры (NP) находится в позиции

¹²³ Легко видеть, что инвертированный падежный фильтр вкупе с постулатом о наличии синтаксического падежа только у DP дает те же результаты, что и анализ Я.Г. Тестельца: в лексически управляемых позициях падежей возможны только именные группы (DP). Ср. также [Longobardi 1994] об обязательном статусе DP для аргументной интерпретации именной группы.

подлежащего и не вызывает предикативного согласования. При этом, если NP находится в составе AdvP с партитивной нулевой вершиной (7.123с), отсутствие предикативного согласования допустимо (см. [Bošković 2006]). Заметим, что наш анализ DOM в мишарском диалекте татарского языка предполагал возможность NP, не получающей синтаксического падежа, ср. (7.123а-б) и (7.124а-б).

(7.123)а. * [NP Вода] натекло.

б. [DP [NP Вода]] натекла.

с. [AdvP Ø_{PART} [NP Воды]] натекло.

(7.124)а. [NP Китап] укы-ды-м.

книга читать-PST-1SG

‘(Я) читаю книгу.’

б. [DP [NP Китап-ны]] укы-ды-м.

книга-ACC читать-PST-1SG

‘(Я) читаю книгу.’

По-видимому, дистрибуцию NP ограничивают морфологические причины. В татарском примере (7.124а) лишённая падежа NP не имеет морфологических падежных показателей и тем самым может быть противопоставлена выраженному падежу (показатель аккузатива *-ны*). В русском языке, однако, падеж выражается кумулятивно с числом и в системе парадигматических морфологических противопоставлений, так что (склоняемое) существительное (как и, впрочем, любые адъективные единицы) не может иметь форму «никакого» падежа. Соответственно, структура в (7.123а) не может быть озвучена.

Если это предположение верно, то становится понятным, почему список «беспадежных» категорий включает такие составляющие, в которых источником морфологического падежа вложенных в них именных групп оказывается некоторая другая единица — квантификатор, предлог и т.п. Именно их присутствие позволяет группе лексического существительного миновать морфологический «падежный фильтр». Таким образом, общее свойство составляющих, подчиняющихся DCC, следующее: они не являются DP и не могут быть вложены в проекцию DP, вследствие чего (i) не допускают адъективных модификаторов; (ii) не имеют синтаксического падежа; (iii) не могут вступать в отношение согласования с функциональными вершинами, что выражается в дефолтном согласовании; (iv) их внутренняя структура «самодостаточна» в морфологическом отношении.

Отличие теории Я.Г. Тестельца от теории, предлагаемой нами, критично, если синтаксический падеж является лицензором аргумента. Действительно, если составляющие, подпадающие под действие DCC, лицензируются синтаксическим падежом (хотя и не

выражают его), мы можем выявить три типа контекстов с точки зрения падежного лицензирования: (i) контекст лексически управляемого падежа, где для лицензирования аргумента необходим синтаксический падеж и статус именной группы; (ii) контекст структурного падежа, где для лицензирования аргумента необходим только падеж; и (iii) беспадежный контекст, в котором фонологически выраженные аргументы не лицензируются.

Как мы видели в главах 5 и 6, в английском и исландском языках лицензирующий статус синтаксического падежа выявляется в контексте подлежащего инфинитивного оборота. Помимо того, чтобы иметь аргументный статус, именная группа в этой позиции должна получить синтаксический падеж — от комплементайзера инфинитивного оборота или в результате подъема в падежную позицию главной клаузы (подъем в позицию подлежащего, ЕСМ/подъем в Spec, AgrOP). Однако в русском языке проверить лицензирующий статус структурного падежа таким образом невозможно: истинный подъем из инфинитивного оборота, который нельзя было бы проанализировать как реструктурирование, отсутствует; нет также приписывающих структурный падеж комплементайзеров. Недопустимость аргументных составляющих любых типов в позиции подлежащего инфинитивных оборотов при предикатах контроля может следовать не из их падежной дистрибуции с PRO, а, например, из того, что при контроле происходит подъем в аргументную позицию [Hornstein 1999]. С другой стороны, мы знаем, что (неконтролируемое) PRO в русском языке демонстрирует признаки дательного падежа, что может объяснить контраст в (7.125): беспадежная AdvP не может оказаться в контексте косвенного падежа, каковым является приинфинитивный датив, в то время как DP — может.

(7.125)a. *[_{CP} [_{AdvP} Мало спортсменов] поехать на Олимпиаду] просто смешно.

b. [_{CP} [_{DP} Этим спортсменам] поехать на Олимпиаду] просто смешно.

Наконец, даже в английском языке, где лицензирующие свойства синтаксического падежа и дихотомия именных групп и других типов аргументов особенно наглядны, не нуждающиеся в падеже составляющие не могут выступать в беспадежной позиции подлежащих инфинитивного оборота, ср. (7.126b).

(7.126)a. [_{CP} That the earth is round] is known by everyone.

‘Что земля круглая, известно всем.’

b. *[_{CP} That the earth is round] to be known by everyone is satisfying.

‘То, что всем известно, что земля круглая, вызывает удовлетворение.’

Таким образом, невозможно показать, что не-именные составляющие, подпадающие под DCC, лицензируются синтаксическим падежом, а значит, не являются беспаджными.

Гипотеза об отсутствии синтаксического падежа у именных групп малой структуры имеет интересные следствия для анализа конструкций с «исчезающей одушевленностью», таких как в (7.127):

- (7.127)a. принял на два пациента / *двух пациентов больше
 b. стоял через три человека / *трех человек от меня
 c. заплатил за жену два барана / *двух баранов
 d. численность составляет четыре ребенка / *четырёх детей
 e. в каждый отряд назначили по два водителя / *двух водителях

Примеры в (7.127a-d) с синтаксической точки зрения объединяет то, что предлоги и глаголы в них обычно приписывают своим дополнениям аккумулятив (*принял на одного пациента больше*), однако, если их дополнением оказывается конструкция с малым числительным, различающая «одушевленный» и «неодушевленный» аккумулятив в других употреблениях (*увидел три картины, но увидел трёх девочек*), в контексте данных лексем одушевленность не реализуется, и мы наблюдаем форму не генитива, а номинатива, как у неодушевленных именных групп [Rapraort 2003; Еськова 2011: 281]. К этим предлогам и глаголам примыкает дистрибутивный предлог *по*, который также присоединяет количественную конструкцию с малым числительным в форме, которая может интерпретироваться как номинатив или неодушевленный аккумулятив [Harves 2002, 2003].

С семантической точки зрения выражения, заполняющие аргументную позицию этих предлогов и глаголов, нереферентны и выражают идею количества. И.А. Мельчук [Мельчук 1980, 1985] объединяет такие предлоги, послелог и глаголы при помощи особого синтаксического признака «колич(ественный)» и постулирует в таких конструкциях «обязательное рассогласование S и N по одушевленности» (полные списки этих единиц см. в работах [Мельчук 1980, 1985; Микаэлян 2012, Mikaelian 2013]). Связь такого рассогласования и количественного (измерительного) значения конструкции, однако, при таком подходе необъяснима.

Если же гипотеза о допустимости беспаджных аргументных составляющих в русском языке верна, то мы получаем возможность объяснить связь между значением и формой конструкций в (7.127). Опираясь на ярлыками фразовой структуры, можно сказать, что перечисленные вершины избирательны в отношении категориального статуса своего аргумента и выбирают QR. Поскольку QR не обладает синтаксическим признаком падежа, она остается

беспадежной. С морфологической точки зрения она выглядит как номинативная, но в действительности это такая же беспадежная составляющая, как QR в (7.122b).

Возможно ли «развести» морфологически беспадежную QR и номинативную DP, содержащую QR из (7.122), не опираясь на предикативное согласование, чтобы проверить нашу гипотезу относительно конструкций с исчезающей одушевленностью? В качестве такого способа рассмотрим конструкции с малыми числительными и существительными женского рода. Известно, что в таких конструкциях прилагательное может выступать как в форме генитива множественного числа (*две новых книги*), так и в форме номинатива множественного числа (*две новые книги*) [Русская Грамматика 1980; Голуб 1997; Розенталь 1997; Шкапа 2011]). Аналогично ведут себя и субстантивированные прилагательные женского рода (*две прачечных / прачечные, две вожатых / вожатые*).

На выбор между номинативом и генитивом в современном языке, согласно рекомендациям пособий по стилистике, влияют такие параметры, как морфологический разряд прилагательного, акцентный тип существительного и некоторые другие; впрочем, в [Шкапа 2011] показано, что эти тенденции не подтверждаются количественными подсчетами. Единственная закономерность, которая явно прослеживается как в качественных, так и в количественных исследованиях [Franks, Pereltsvaig 2004; Шкапа 2011] состоит в том, что при выборе формы номинатива в конструкции с малым числительным невозможно дефолтное предикативное согласование, ср. пример (7.128) из [Franks, Pereltsvaig 2004]:

(7.128) В этом предложении ...

- a. пропущены три запятые.
- b. ? пропущены три запятых.
- c. *пропущено три запятые.
- d. пропущено три запятых.

М.В. Шкапа также отмечает близкий к стопроцентному характер этой закономерности: «Синтаксически словосочетания с именительным падежом определения как минимум по одному параметру отличаются от словосочетаний с родительным падежом: первые в 97% примеров требуют от глагола формы множественного числа, тогда как вторые в 25% случаев допускают единственное число глагола». Примеров типа (7.128с) в НКРЯ встретилось всего 5 (один из них приводится в (7.129)).

(7.129) Как видно из рисунка, в оптимальном варианте топологии к первоначальному каркасу присоединено три дополнительные линии. [«Информационные технологии», №10, 2003]

Если предикативное согласование означает наличие DP, то парадигма в (7.128) показывает, что номинатив прилагательного возможен только в DP. Следовательно, он сигнализирует о наличии структурного падежа и отличает падежную форму номинатива от беспадежной¹²⁴:

(7.130) В этом предложении ...

- a. пропущены [DP [QP три запяты]].
- b. ?пропущены [DP [QP три запятых]].
- c. *пропущено [DP [QP три запяты]].
- d. пропущено [QP три запятых].

Если падеж прилагательного является средством различения DP и QP (и тем самым именительного падежа или отсутствия падежа в конструкции с малыми числительными), мы можем использовать эту диагностику для проверки нашего анализа в конструкциях с «исчезающей одушевленностью». Если в таких конструкциях, как пишет Мельчук, происходит «рассогласование по одушевленности» и приписывается аккузатив, который для неодушевленных именных групп совпадает с формой номинатива, мы ожидаем такое же варьирование падежа прилагательного, как и в позиции подлежащего. Если же в таких конструкциях выступают беспадежные группы, то мы ожидаем исключительно родительного падежа прилагательного.

(7.131)а. Сегодня врач принял на три беременных / *три беременные / *трёх беременных больше, чем вчера.

b. На каждый отряд выделили по две вожатых / ??? две вожатые / *двух вожатых.

c. Он насчитал только четыре немолодых женщины / ??? четыре немолодые женщины / *четырёх немолодых женщин.

(7.131) показывает, что в конструкциях с «исчезающей одушевленностью» явно предпочтителен генитив прилагательного, в том числе субстантивированного. Если грамматические суждения в (7.131), проверенные в пилотном опросе носителей русского языка, будут подтверждены более масштабными корпусными и экспериментальными исследованиями,

¹²⁴ Заметим, что Д. Песецкий [Pesetsky 2013] также увязывает номинатив прилагательного с наличием D и приписыванием признака DNOM именной группе. У Песецкого за альтернативу отвечает факультативный характер Quant-to-D передвижения в случае, если паукальное числительное (вернее, морфема паукального числа) перед этим передвинулось в Quant.

это будет серьезным аргументом в пользу гипотезы о наличии в русском языке беспадежных количественных групп.

7.4. Формальное моделирование падежного варьирования

В заключительном разделе этой главы мы поговорим об объяснительном потенциале различных падежных теорий применительно к падежному варьированию разных типов. Мы хотим показать, что само существование падежного варьирования, равно как и факторы, являющиеся основой этого варьирования, должны быть приняты к сведению и учитываться при моделировании механизмов приписывания падежа.

Изложение будет построено следующим образом. В 7.4.1 мы обсудим аналитический потенциал гибридной модели падежного маркирования, предлагаемой в [Baker, Vinokurova 2010] для якутского языка. На примере этой модели хорошо видны объяснительные механизмы хомскианской и конфигурационной моделей падежа и характерные признаки, «шаблоны поведения» падежей, предсказываемые в одной модели и необъяснимые в другой. Затем, в разделе 7.4.2 мы вновь обратимся к татарскому языку и рассмотрим контексты падежного варьирования, лицензирующие его факторы и объяснительные возможности каждой из теорий. Наконец, раздел 7.4.3 будет посвящен обобщению объяснительного потенциала разных формальных теорий падежа в отношении разных типов падежного варьирования.

7.4.1. Два типа структурных падежей в якутском языке

В недавней работе М. Бейкера и Н. Винокуровой [Baker, Vinokurova 2010] утверждается, что в некоторых языках, например, в якутском, две модели приписывания падежа — хомскианская модель приписывания падежа при согласовании и имплементированная в синтаксис конфигурационная модель — могут сосуществовать в пределах единой грамматики. Таким образом, в якутском языке дистрибуция падежной морфологии требует гибридной теории приписывания падежа. Из четырех структурных падежей якутского языка — номинатива, генитива, датива и аккузатива — распределение аккузатива и датива в якутском языке может быть описано только в рамках конфигурационной теории, в то время как дистрибуция номинатива и генитива объясняются теорией приписывания падежа функциональными вершинами.

Каким образом может быть сделан выбор между двумя моделями? Существует как минимум два параметра, различающих марантцеву и хомскианскую модели приписывания

падежа: (i) зависит ли падеж от наличия в локальной области другой именной группы (NP) или определенной функциональной вершины (F), и (ii) сопровождается ли приписывание падежа обязательным согласованием с именной группой вершины – приписывателя падежа. Значения параметров для четырех падежей якутского языка приведены в Таблице 7.5.

Таблица 7.5. Характеристики якутских падежей

Падежи	Номинатив	Генитив	Датив	Аккузатив
NP/F	F (финитное T)	F (посессивное D)	NP (в глагольной области)	NP (в клаузе)
Согласование	+ (предикативное)	+ (посессивное)	—	—
Падежная модель	хомскианская	хомскианская	марантцева	марантцева

Бейкер и Винокурова полагают, что номинатив приписывается именной группе — подлежащему в процессе согласования с ним предикативной функциональной вершины T (7.132); примечательно, что каждому номинативному подлежащему соответствует только один согласовательный показатель (7.133). Таким образом, предикативное согласование и номинативное подлежащее связаны логическим отношением эквивалентности.

(7.132) Masha-qa at-tar ber-ilin-ni-ler || *ber-ilin-ne.
 Маша-DAT лошадь-PL давать-PASS-PST-3PL || давать-PASS-PST.3SG

‘Лошади были отданы Маше.’ [Baker, Vinokurova 2010: (66)]

(7.133)a. En süüj-büt e-bik-kin.
 ты.NOM победить-PART AUX-PART-2SG
 b. En süüj-bük-kün e-bit.
 ты.NOM победить- PART-2SG AUX-PART
 c. *En süüj-büt e-bit.
 ты.NOM победить-PART AUX-PART
 d. *En süüj-bük-kün e-bik-kin.
 ты.NOM победить-PART-2SG AUX-PART-2SG

‘В результате ты победил.’ [Baker, Vinokurova 2010: (76)]

Аналогичную взаимозависимость между падежом и согласованием мы находим и в именной группе: посессор в генитиве доступен тогда и только тогда, когда именная вершина имеет посессивный суффикс. Соответственно, Бейкер и Винокурова полагают, что в якутском языке генитивный посессор лицензируется только тогда, когда именную группу возглавляет согласуемая функциональная вершина D (ср. (7.134)). Многократное согласование с именной группой, маркированной родительным падежом, также запрещено. Как показывает (7.135), для

лицензирования генитива на именной группе *en* ‘ты’ необходим посессивный показатель либо на номинализованном причастии (7.135a), либо на именной вершине (7.135b). В отсутствие посессивного показателя на обеих именных вершинах (7.135c) генитив не лицензируется, что в связи с отсутствием возможностей альтернативного падежного оформления (причастие как нефинитная форма неспособно приписать номинатив своему подлежащему) приводит к неграмматичности. Наконец, невозможно и согласование обеих именных составляющих с генитивным зависимым (7.135d). Таким образом, приписывание генитива находится в однозначном соответствии с посессивным согласованием, так же как приписывание номинатива — с предикативным согласованием.

(7.134)a. Aisen   aqa-ta
Айсен.GEN   отец-3SG

‘отец Айсен’

b. *Aisen   aqa
Айсен.GEN   отец

‘отец Айсен’ [Baker, Vinokurova 2010 (71)]

(7.135)a. en   kel-bit-iŋ   suraq-a
ТЫ.GEN   приходит-PART-2SG   слух-3SG

b. en   kel-bit   suraq-yŋ
ТЫ.GEN   приходит-PART   слух-2SG

c. *en   kel-bit   surax
ТЫ.GEN   приходит-PART   слух

d. *en   kel-er-iŋ   suraq-yŋ
ТЫ.GEN   приходит-AOR-2SG   слух-2SG

‘слух, что ты пришел’ [Baker, Vinokurova 2010 (68), (70), (73)]

Таким образом, дистрибуция номинатива и генитива в якутском языке и связь приписывания этих падежей с согласованием функциональной вершины отвечает предсказаниям хомскианской модели структурного падежа. Это способ падежного маркирования очевидным образом контрастирует со способом приписывания датива и аккузатива. Во-первых, приписывание датива и аккузатива никогда не зависит от (наблюдаемого) согласования какой-либо функциональной вершины. Именные группы, маркированные дативом или аккузативом, могут контролировать согласование лишь в особых конструкциях, где генитивный посессор или номинативное подлежащее, выступив контролерами посессивного и предикативного согласования, соответственно, претерпевают подъем и в новой позиции получают датив или аккузатив, например:

- (7.136)a. Misha-qa beqehee at-a ö1-lö.
Миша-DAT вчера лошадь-3SG умирать-PST.3SG
‘У Миши вчера умерла лошадь.’ [Baker, Vinokurova, 2010: (46a)]
- b. Min ehigi-ni bügün kyaj-yaх-xyt dien erem-mit-im.
я вы-ACC сегодня win-FUT-2PL что надеяться-PST-1SG
‘Я надеюсь, что вы сегодня победите.’ [Baker, Vinokurova, 2010: (37a)]

Во-вторых, приписывание датива и аккузатива оказывается зависимым от наличия другой именной группы в определенной структурной области. Датив приписывается верхней именной группе в глагольной группе (VP), если в VP имеется другая не получившая падеж именная группа. Таким образом, структурный датив, встречающийся при битранзитивных глаголах и в каузативах переходных глаголов, является зависимым падежом уровня глагольной группы¹²⁵.

- (7.137)a. Min [Masha-qa kinige bier]-di-m.
я [VP Маша-DAT книга дать]-PST-1SG
‘Я дал Маше книги/книгу.’ [Baker, Vinokurova 2010: (11a)]
- b. Misha [Masha-qa miin sie-t]-te.
Миша [VP Маша-DAT суп есть-CAUS]-PST.3SG
‘Миша заставил Машу есть суп.’ [Baker, Vinokurova 2010: (21b)]

В теории М. Бейкера и Н. Винокуровой аккузатив в якутском языке тоже является зависимым падежом; из двух именных групп без падежа, находящихся в одной клаузе, он приписывается нижней именной группе, т.е. той, над которой обладает структурным приоритетом вторая беспадёжная именная группа. Это обобщение прекрасно описывает важную характеристику синтаксиса клаузы в якутском языке: прямое дополнение в аккузативе появляется вне глагольной группы (обычно левее обстоятельств уровня глагольной группы и не прямых дополнений), в то время как немаркированное прямое дополнение располагается в своей базовой позиции внутри глагольной группы. Когда определенное/специфичное прямое дополнение поднимается из глагольной группы, чтобы избежать экзистенциального закрытия, оно оказывается в одной падежной области с подлежащим и маркируется зависимым аккузативом при наличии выраженного беспадёжного субъекта.

¹²⁵ Возможность одинаковой трактовки датива при битранзитивных глаголах и датива в каузативной конструкции требует нетривиального допущения, что каузативная морфема возглавляет собственную группу лексического глагола. Ср. «But the causative morpheme is an additional verbal element; it integrates the agent of the verb root into a larger VP that it heads, and it introduces a still higher argument, the causer. Since, the agent of the base verb is now contained in the maximal VP, it receives dative case if and only if there is another, lower NP inside that VP—if and only if the base verb is transitive» [Baker, Vinokurova 2010: 607].

- (7.138) Min kinige-ni [Masha-qa kinige bier]-di-m.
 я книга-ACC [_{VP} Маша-DAT книга давать]-PST-1SG
 ‘Я дал эту книгу Маше.’ [Baker, Vinokurova 2010: (11b)]

Основным аргументом в пользу марантцевой модели приписывания аккузатива в якутском языке является специфика падежного маркирования в зависимых клаузах с подлежащим в аккузативе, как в примере (7.139). Оказывается, что доступность аккузатива не зависит от наличия в главной клаузе вершины, способной приписывать аккузатив (например, переходного легкого глагола, ср. (7.139a) с непереходным глаголом и (7.139b) с глаголом в пассиве); напротив, наличие другой беспадежной именной группы в главной клаузе существенно для возможности приписывания аккузатива подлежащему зависимой клаузы (7.139c).

- (7.139)a. Keskil Aisen-y [kel-bet dien]
 Кескиль Айсен-ACC идти-NEG.AOR.3SG что
 хомој-до.
 становится.грустным-PST.3SG
 ‘Кескиль расстроился из-за того, что Айсен не пришла.’ [Baker, Vinokurova 2010: (39a)]
- b. Sargy kim-i daqany [tönn-üm-üö dien]
 Сарги кто-ACC ЕМРН вернуться-NEG-FUT.3SG что
 eřenner-ilin-ne.
 обещать-PASS-PST.3SG
 ‘Сарги было обещано, что никто не вернется.’ [Baker, Vinokurova 2010: (40)]
- c. Bүgүн munnjax-xa Masha-(*ny) [ehiil
 сегодня встреча-DAT Маша-(*ACC) [следующий год
 Moskva-qa bar-ya dien] cuolkajdan-na.
 Москва-DAT идти-FUT.3SG что] становиться.очевидным-PST.3SG
 ‘Сегодня на встрече стало ясно, что Маша в следующем году поедет в Москву.’ [Baker, Vinokurova 2010: (42a)]

Таким образом, анализ Бейкера и Винокуровой использует одновременно и хомскианскую, и марантцеву модели для приписывания структурного падежа. Недавно для якутского языка была предложена альтернатива гибридной модели. Т. Левин и О. Преми́нгер [Levin, Preminger 2015] предложили исключительно конфигурационную модель приписывания падежа в якутском языке. Они предположили, что генитив и номинатив являются немаркированными падежами для именной и клаузальной областей, соответственно. Развивая модель согласования, предложенную в [Bobaljik 2008] и [Preminger 2011, 2014], они рассматривают согласование вершин T и D как падежно-ограниченное (case-discriminating), в

том смысле, что в якутском языке в качестве цели видны только именные группы в немаркированном падеже. Согласование является локальным процессом, поэтому в некоторых структурных конфигурациях подходящая по падежным характеристикам цель — контролер согласования — может отсутствовать, как это происходит в (7.140). В таких случаях согласования не происходит, однако это не влечет за собой неграмматичности, как предполагает хомскианская модель; наоборот, в якутском языке в таком случае выбирается дефолтная форма вершины — это будет нулевая форма для D (7.140a) и форма 3SG для T (7.140b).

- (7.140)a.   terilte-ni   salaj-aaccy
                   компания-ACC   управлять-AGT.NMN
                   ‘управляющий компании’ [Levin, Preminger 2015: (7a)]
- b.   Caakku-ny   sorujan   ötüje-nen   aldjat-ylyn-na.
                   чашка-ACC   намеренно   молоток-INSTR   разбивать-PASS-PST.3SG
                   ‘Чашка была умышленно разбита молотком.’ [Levin, Preminger 2015: (13)]

В работах [Kornfilt 2013; Kornfilt, Preminger 2015] эта линия анализа получает дальнейшее развитие: высказывается гипотеза, что «номинатив» и «генитив» являются просто описательными ярлыками для беспадежных именных групп, которые озвучиваются, соответственно, в клаузальной и именной областях. В такой системе согласование ориентировано на именную группу без падежа, и только такие именные группы могут претерпевать подъем и получать зависимый падеж, продолжая контролировать согласование из своей исходной беспадежной позиции.

Следует заметить, однако, что одинаковый подход к предикативному согласованию и посессивному согласованию принципиально неверен. В то время как любая финитная клауза, действительно, должна выражать предикативное согласование с подлежащим, и в отсутствие подлежащего, обладающего ф-признаками, сказуемое выступает в дефолтной форме 3 лица единственного числа, посессивное согласование возникает только при наличии посессора. Соответственно, подходы Левина и Премингера, а также Корнфилт и Премингера не в состоянии разграничить именные группы, имеющие структуру изафетной конструкции 3, и именные группы меньшей структуры, в которых согласование с посессором отсутствует, а генитивный посессор не лицензируется. Например, в (7.141a-c) модель Бейкера и Винокуровой правильно предсказывает неграмматичность первых трех примеров: именная группа *Masha* ‘Маша’ не может получить генитив (поскольку в таком случае на именной вершине *caakku* ‘чашка’ был бы согласовательный показатель 3 лица единственного числа), а номинатив в нефинитной клаузе (равно как и предикативное согласование) не лицензируется. В

конфигурационных моделях с падежно-ограниченным согласованием по меньшей мере один из примеров (7.141b-c) должен быть грамматичен. Именная группа *Masha* ‘Маша’ лицензируется принципом проекции, как внешний аргумент предиката ‘пить’. Если эта именная группа остается в клаузе, то она имеет дефолтный номинатив. В таком случае мы должны наблюдать предикативное согласование по 3 лицу единственному числу и дефолтное посессивное согласование на именной вершине *саакку* ‘чашка’ (пример (7.141b)). Если же именная группа *Masha* ‘Маша’ поднимается в вышестоящую именную группу, возглавляемую именной вершиной *саакку* ‘чашка’, то она получает немаркированный падеж именной группы — генитив, и становится подходящей мишенью для посессивного согласования.

- (7.141)a. *Masha   cej   ih-er   саакку
 Маша.NOM/GEN   чай   пить-AOR   чашка
 ‘чашка, из которой Маша пьет чай’
- b. *Masha   cej   ih-er-e   саакку
 Маша.NOM/GEN   чай   пить-AOR-3SG чашка
 ‘чашка, из которой Маша пьет чай’
- c. *Masha   cej   ih-er-e   саакку-ta
 Маша.NOM/GEN   чай   пить-AOR-3SG чашка-3SG
 ‘чашка, из которой Маша пьет чай’
- d. Masha   cej   ih-er   саакку-ta
 Маша.GEN   чай   пить-AOR   чашка-3SG
 ‘чашка, из которой Маша пьет чай’ [Baker, Vinokurova 2010: (69a), (71a), (72a)]

Еще одна проблема с конфигурационным подходом состоит в том, что если генитивный посессор не лицензируется посессивным согласованием, то количество таких посессоров в именной группе не ограничено. Соответственно, мы ожидаем множественных генитивных зависимых при переходных предметных существительных (*picture nouns*), а также возможность множественных подъемов из зависимой клаузы в именную группу при номинализациях. Хотя Бейкер и Винокурова не оговаривают специально подобные случаи, материал других тюркских языков, не допускающих множественных генитивных зависимых в именной группе и ведущих себя в этом отношении весьма последовательно, заставляет усомниться в применимости анализа с немаркированным генитивом для якутского языка.

Таким образом, дискуссия о механизмах падежного маркирования, опирающаяся на якутский материал, весьма полезна в отношении выявления комбинаций признаков, характеризующих падежи различного типа. Примечательно, однако, что в литературе едва ли затронут самый очевидный вопрос: чем мотивирована доступность различного падежного маркирования для именных групп во множестве структурных конфигураций (прямое

дополнение, посессор, подлежащее зависимой клаузы), и как это варьирование реализуется в каждой из выдвинутых систем. Кажется, что в модели конфигурационного приписывания падежа регулярно эксплуатируется только один объяснительный механизм: если для некоторой именной группы доступно различное падежное маркирование, то это следствие того, что она может принадлежать различным областям приписывания падежа. Так, дифференцированное маркирование объекта в (7.137a) и (7.138) объясняется позиционными отличиями: немаркированное дополнение находится внутри глагольной группы, а аккузативное дополнение — вне ее. Подъем именной группы — дополнения из её обычной позиции вызывается интерпретационными нуждами, в частности, необходимостью конкретной именной группы получить более широкую сферу действия по сравнению с уровнем глагольной группы, которая традиционно считается областью экзистенциального закрытия.

Еще один механизм, который теоретически должен срабатывать с той же регулярностью, но при этом эмпирически намного более экзотичный, состоит в том, что варьирование падежного оформления некоторой именной группы связано не с изменением ее собственной позиции, а с изменением позиции или падежного статуса ее падежного конкурента. Например, в [Baker 2015; Woolford 2009; Coon, Preminger (to appear)] указывается, что в эргативных языках позиция дополнения может влиять на приписывание эргатива подлежащему: в тех случаях, когда дополнение поднимается из глагольной группы, оно оказывается в одной падежной области с внешним аргументом, который получает зависимый эргатив. Если же дополнение остается внутри глагольной группы, падежная конкуренция не возникает, и обе именные группы остаются немаркированными. Такая ситуация имеет место, например, в кетском:

- (7.142)a.   мә-һән   ләүә   әллә   жуү   канҗа амәүалоү.
мы-ERG   они   [VP большой   деревоза   класть.PST.OBJ.3PL.SU.1PL]
‘Мы поставили их (корзины с ягодами) за большим деревом.’
- b.   мә   т’әкәјәүләмнә   ула   мәңүälәм].
мы.DUAL.NOMмладшая_сестра.COMIT   [VP ягоды   собирать.PST.SU.1PL]
‘Мы с младшей сестрой собирали ягоды’ [Gulia 1966], цит. по: [Baker 2015]

Следует также упомянуть об обсуждавшихся в разделе 7.1 случаях аспектуально-мотивированного DSM, «паразитирующего» на DOM, при котором падежное варьирование внешнего аргумента происходит одновременно с падежным варьированием внутреннего аргумента. Однако такие ситуации — скорее редкость. Обычно на приписывание структурного падежа оказывает большее влияние тип конструкции (непереходная, переходная, транзитивная), чем локальный падежный статус или даже наличие другого аргумента в падежной области. Так, например, в литературном татарском языке каузируемый в каузативной конструкции от

переходного глагола не может получать аккузатив, даже если внутренний аргумент маркируется лексическим падежом или остается немаркированным.

- (7.142)a. Марат сѳт / сѳт-не / сѳт-тѳн   эч-ти.
 Марат молоко /молоко-ACC / молоко-ABL пить-PST
 ‘Марат выпил молоко/молока.’
- b. Алсу Марат-тан/*-ны сѳт / сѳт-не / сѳт-тѳн   эч-ер-ди.
 Алсу Марат-ABL/-ACC молоко /молоко-ACC / молоко-ABL пить-CAUS-PST
 ‘Алсу напоила Марата молоком.’

Соответственно, в рамках конфигурационной модели приходится предпринимать дополнительные усилия в случаях, когда условий для приписывания зависимого падежа нет, а он тем не менее приписывается. Целый класс таких случаев — DSM при расщепленной непереходности, когда агентивное подлежащее непереходного глагола получает эргатив в отсутствие падежного конкурента, как в примерах (7.143a-b) из баскского и грузинского языков.

- (7.143)a. Gizona-k   kurritu   du.
 мужчина-ERG бежать   AUX
 ‘Мужчина бежал.’
- b. vano-m   ipikra   marika-ze.
 Вано-ERG думать.AOR   Марика.DAT-o
 ‘Вано думал о Марике.’

Эту проблему отмечает уже А. Марантц [Marantz 1991]; его решение состоит в том, что в баскском и грузинском языках внешний аргумент может конкурировать за падеж не с только с выраженным внутренним аргументом, но и с незаполненной объектной позицией¹²⁶. Соответственно, языки варьируют в отношении того, какие объекты «видимы» для целей падежной конкуренции. При этом оказывается, что в качестве падежного конкурента могут выступать не только такие единицы, которые, хотя и никогда не получают падеж, тем не менее являются именными группами (например, PRO), но и гипотетические объекты, такие как «объектная позиция», «морфема антипассива» и т.п. Таким образом, императивная зависимость механизма приписывания «зависимого» падежа от наличия беспадежной именной группы в

¹²⁶ «A slight conceptual jump is required to see why Georgian, Hindi, and Basque can get ERG case on the subject of an intransitive verb when the subject is not raised from an object position — i.e., when the verb is unergative (subjects of unergatives can bear ergative case, unfortunately for the terminology). In the case of normal intransitives, the object position will be empty and thus available to count as the distinct «unmarked» position in opposition to which ERG case may be realized» [Marantz 1991: 26].

локальной области имеет не только плюсы, но и минусы. Объяснительный механизм конфигурационной теории, опирающийся на позиционные различия проявляющей падежное варьирование именной группы или ее падежного конкурента, в одних случаях оказывается недостаточен, а в других — избыточен.

В наиболее проработанной системе [Baker, Vinokurova 2010] существует ещё одна возможность анализа падежного варьирования, связанная с падежным статусом немаркированной именной группы: такая беспадёжная именная группа может либо получать (немаркированный) номинатив, либо быть (псевдо)инкорпорированной в глагольную (или именную) основу слова, и таким образом, избегать падежного фильтра. Так, например, в (7.144a) именная составляющая *sibekki* ‘цветок’ инкорпорирована в глагол и является беспадёжной, поэтому не может быть оторвана от глагола обстоятельством и не вызывает согласования на вершине именной группы *kem* ‘время’. В (7.144b) именная группа не инкорпорирована, поэтому может иметь морфему множественного числа, способна отрываться от глагола и вызывает согласование именной вершины.

- (7.144)a.   *sibekki(*emiske)*   *tyll-ar*   *kem*
               цветок(*вдруг)   цвести-AOR   время
               ‘время, когда (*внезапно) зацветают цветы’
- b.   *sibekki-ler*   *emiske tyll-ar*   *kem-nere*
               цветок-PL   вдруг цвести-AOR   время-3PL
               ‘время, когда внезапно зацветают цветы’

Немаркированная беспадёжная (и бесчисловая!) форма существительного в концепции Бейкера и Винокуровой отличается от немаркированного морфологически номинатива подлежащего. Если же вслед за Корнфилт и Премингером считать, что «номинатив» есть беспадёжная форма существительного, для всех случаев падежного варьирования остается только одно объяснение: падежное варьирование есть не что иное, как позиционное варьирование.

Хомскианская модель приписывания падежа более гибкая, поскольку она способна учитывать как внешние, так и внутренние факторы в качестве лицензоров варьирования падежа. Такие факторы, как предельность, перфективность или полярность могут рассматриваться как функциональные вершины (или их признаки), которые приписывают падеж именной группе напрямую или влияют на приписывание падежа со стороны других вершин. Влияние совокупности параметров, свойственных именным группам, таких как структурный тип (существительное/местоимение) или формальные и семантические характеристики (одушевленность), может быть рассмотрено как отличие в морфологической

реализации единого синтаксического падежа. Кроме того, учитывая по меньшей мере фазовую локальность приписывания падежа функциональными вершинами, позиционная альтернатива также может характеризовать падежное варьирование в хомскианской модели. Более того, если верна гипотеза о том, что некоторые типы именных групп, например, (псевдо)инкорпорированные существительные и именные группы или именные группы неполной структуры, такие как группы лексического существительного NP или количественные группы QR не нуждаются в падеже (и не получают его), появляется дополнительный тип падежного варьирования — между именной группой, маркированной падежом, и именной составляющей без падежа (см. анализ DOM в мишарском диалекте татарского языка в работах [Лютикова 2014б; Pereltsvaig, Lyutikova 2014; Lyutikova, Pereltsvaig 2015a,b; Лютикова, Перельцвайг 2015], а также в разделе 7.2).

С учётом вышеизложенного мы переходим к рассмотрению материала литературного татарского языка. В следующем разделе мы определим контексты варьирования падежа и выявим факторы, влияющие на это варьирование.

7.4.2 Падежное варьирование в татарском языке

В татарском языке варьирование падежа встречается в следующих структурных контекстах¹²⁷:

- комплемент PP;
- прямое дополнение;
- приименной посессор;
- подлежащее номинализации;
- подлежащее относительной клаузы;
- подлежащее финитной клаузы с *dip.*

Наиболее просто устроено падежное варьирование в оформлении комплементов отыменных послелогов: личные местоимения получают падежный показатель генитива (7.145a), в то время как существительные не получают специального падежного показателя (7.145b) (в этом разделе мы будем называть морфологически немаркированную форму «номинативом», хотя использование данного термина носит исключительно дескриптивный характер и априори не предполагает никакого конкретного анализа).

---

¹²⁷ Описание падежного варьирования в литературном татарском языке опирается на работу [Lyutikova, Ibatullina 2015]. Источниками примеров являются электронные корпуса татарского литературного языка (<http://corpus2.tatfolk.ru/>, <http://web-corpora.net/TatarCorpus/search/>).

(7.145)а. Бел-еп тор: кайда гына бул-са-м
 знать-CONV AUX где EMPH быть-COND-1SG

да, жан-ым гел синең ян-ың-да.
 EMPH душа-1SG всегда ты.GEN рядом-2SG-LOC

‘Запомни, где бы я ни был, моя душа всегда рядом с тобой.’

в. Алар иртәгә Гөлнур-ның эни-се
 они завтра Гультур-GEN мать-3

ян-ы-на кайт-ачак-лар.
 рядом-3-DAT вернуться-FUT-PL

‘Завтра они поедут к матери Гультур.’

Как видно из (7.145а-в), и генитивное, и номинативное зависимое контролируют посессивное согласование послелога. Никаких позиционных различий или интерпретационных эффектов не наблюдается.

Различия в падежном маркировании прямого дополнения в литературном татарском языке уже привлекали к себе внимание исследователей, см. подробнее раздел 7.2.1. В комплексном описании грамматики татарского языка [Закиев (ред.) 1995: 119] говорится, что татарский DOM опирается на признак определенности объектной именной группы: определенные именные группы получают аккузатив, в то время как неопределенные — номинатив. Однако, как и в мишарском диалекте, в литературном татарском такой интерпретационный эффект наблюдается только для подмножества именных групп, а именно для таких именных групп, которые допускают в позиции дополнения и аккузативную, и номинативную формы. При этом существует несколько структурных типов именных групп, обязательно получающих аккузатив, вне зависимости от их определенности или неопределённости. Так, местоименные дополнения и прямые дополнения, представляющие собой изафетную конструкцию 3 (ИК 3) обязательно требуют показателя аккузатива, даже если они неопределенные и нереферентные.

(7.146)а. Алар Муса жәлил белән Тукай-дан ары
 они Муса Джалиль с Тукай-ABL кроме

бер-кем-не дә бел-ми.
 один-КТО-ACC EMPH знать-NEG.PRS

‘Они не знают никого кроме Мусы Джалиля и Тукая.’

в. Алар монда кем-не-дер эзли-ләр
 они здесь кто-ACC-INDEF искать.PRS-PL

бул-са кирэк.
 быть-COND MODAL

‘Кажется, они здесь кого-то ищут.’

В разделе 7.2.4 применительно к материалу мишарского диалекта мы высказали гипотезу, что релевантным фактором здесь выступает синтаксическая категория именной группы. Именные группы полной структуры (DP) получают аккузатив, в то время как именные группы неполной структуры (SN) не маркируются. Поскольку конструкции с местоимениями и ИК 3 являются DP в обязательном порядке, в позиции прямого дополнения они могут выступать только в форме аккузатива. В других видах именных групп эффект определенности при маркировании аккузативом является результатом мобильности DP, который может претерпевать скрытый подъем в логической структуре и получить широкую сферу действия. По всей видимости, литературный татарский язык в этом отношении ведет себя так же, как идиом с. Кутлушкино: падежное маркирование различает два класса именных групп, DP и именные группы малой структуры. Первые получают падеж и могут иметь широкую сферу действия, вторые являются беспадужными и имеют только узкую сферу действия.

Интересно, что в отличие от якутского языка, в татарском языке прямые дополнения в аккузативе могут не подниматься открыто за пределы своей глагольной группы: прямое дополнение в аккузативе в (7.147a-b) абсолютно грамматично в своей базовой позиции. При этом в обоих языках прямое дополнение в номинативе должно располагаться строго рядом с глаголом.

(7.147)a. Байрас кат-кат хат-ны укы-ды,
 Байрас снова-снова письмо-ACC читать-PST
 ни-дер анла-рга тырыш-ты.
 что-INDEF понимать-INF пытаться-PST

‘Байрас снова и снова перечитывал письмо, пытаясь что-нибудь понять.’

b. Абы-ем-а машина-ны бүләк ит-эргә тели-м.
 брат-1SG-DAT машина-ACC дарить-INF хотеть-1SG

‘Я хочу подарить моему брату машину.’

Распределение посессоров в генитиве и номинативе в изафетных конструкциях 3 и 2 подробно обсуждается в разделе 2.2. Обобщая полученные результаты, можно заключить, что распределение генитива и номинатива посессора во многих случаях похоже на распределение аккузатива и номинатива прямого дополнения. Так, личные местоимения и изафетные конструкции 3 могут быть только посессорами в генитиве (7.148a-b) (ср. также с данными

мишарского диалекта в разделе 7.2.3); посессоры в генитиве и номинативе явно контрастируют по референциальности (7.148с-d).

- (7.148)a. минем || *мин   йорт-ым
я.GEN || я   дом-1SG
‘мой дом’
- b. Гөлнур-ның әни-се-нең || *Гөлнур-ның әни-се   йорт-ы
Гульнур-GEN мать-3-GEN || Гульнур-GEN мать-3   дом-3
‘дом матери Гульнур’
- c. бала-лар-ның   китаб-ы
ребенок-PL-GEN   книга-3
‘книга детей’
- d. бала-лар   китаб-ы
ребенок-PL   книга-3
‘книга детей’ / ‘детская книга’

Вместе с тем распределение генитива и номинатива посессора сложнее. Во-первых, генитивный и номинативный посессор занимают принципиально разные позиции в именной группе: посессор в генитиве является левой непосредственной составляющей DP, а посессор в номинативе — правым фразовым модификатором именной вершины. Обе изафетные конструкции могут быть одновременно представлены внутри одной именной группы, как в (7.148) (ср. с невозможностью иметь одновременно аккузативное и номинативное прямое дополнение в клаузе). Следовательно, два посессора не только занимают разные позиции в поверхностной синтаксической структуре (что верно и для двух прямых дополнений в якутском языке), но и порождаются в разных структурных позициях.

- (7.148)a. әдип-ләр-нең   бала-лар   күңел-е
писатель-PL-GEN   ребенок-PL   душа-3
‘детская душа писателей’
- b. без-нең   космос   кораб-лар-ыбыз
мы-GEN   космос   корабль-PL-1PL
‘наши космические корабли’

Следующий важный факт о дистрибуции изафетных конструкций 2 и 3 в татарском языке состоит в том, что их зависимые существенно различаются в отношении их синтаксической роли: изафетная конструкция 3 принимает аргументы (посессор, агенс, тема), а изафетная конструкция 2 — адъюнкты. Интересно, что имя собственное (т.е. определенная

референтная именная группа) может выступать и в изафетной конструкции 2, но тогда она имеет не аргументную, а атрибутивную функцию, ср. (7.149a-b) и (7.149c):

- (7.149)a. Татарстан республика-сы
Татарстан республика-3
'республика Татарстан'
- b. Марат урам-ы
Марат улица-3
'улица Марата' (улица, названная в честь Марата)
- c. Марат-ның урам-ы
Марат-GEN улица-3
'улица Марата' (улица, где живет Марат)

Посессор в генитиве всегда вызывает посессивное согласование именной вершины; однако статус посессивного аффикса в изафетной конструкции 2 остается спорным. С одной стороны, он формально идентичен согласователю 3-го лица изафетной конструкции 3. С другой стороны, поскольку именные группы 1-го и 2-го лица являются личными местоимениями, они не могут выступать посессорами в изафетных конструкциях 2, вследствие чего остается неясным, является ли посессивный аффикс в ИК 2 отражением согласования с номинативным посессором, или это его форма по умолчанию. Следует отметить, что ИК 2 может утратить посессивный аффикс при вложении в ИК 3 (как в примере (7.148b)) или при появлении атрибутивизатора *-лы*.

В литературном татарском языке падежное варьирование также присутствует в номинализованных клаузах: вложенное подлежащее может получать либо генитив, либо номинатив, как в (7.150).

- (7.150)a. Тыңла-р иде-м кош-лар-ның || кош-лар
слушать-FUT AUX-1SG птица-PL-GEN || птица-PL
жырла-в-ы-н.
петь-NMN-3-ACC
'Послушал бы я пение птиц.'
- b. Алаша-быз-ның || алаша-быз умыр-ып-умыр-ып
жеребец-1PL-GEN || жеребец-1PL глотать-CONV-глотать-CONV
башак аша-ган-ы-н ярат-ып, сөен-еп
сусло есть-PFV-3-ACC любить-CONV радоваться-CONV
кара-п тора-м.
смотреть-CONV AUX-1SG
'С любовью и радостью смотрю на то, как мой жеребец с жадностью ест сусло.'

Несмотря на то, что конструкции с генитивным и номинативным подлежащим внешне схожи с изафетными конструкциями 3 и 2, они имеют существенные отличия. Во-первых, падежное варьирование в позиции подлежащего номинализации возможно для именных групп любой структуры (включая личные местоимения и другие именные группы полной структуры, такие как изафетная конструкция 3)¹²⁸. Во-вторых, в номинализованных клаузах маркирование подлежащего генитивом или номинативом, в отличие от посессора, не обнаруживает явной корреляции со структурной позицией¹²⁹. В-третьих, и генитивное, и номинативное подлежащее, несомненно, имеет аргументный статус.

Интересно, что в некоторых контекстах номинативное подлежащее номинализации, как и номинативный посессор в изафетной конструкции 2, допускает опущение посессивного аффикса (7.151).

(7.151) Алар кит-ү-гә, авыл жиңел сула-п куй-ды.
они уйти-NMN-DAT деревня легко дышать-CONVAUX-PST

‘Как только они уехали, в деревне вздохнули с облегчением.’

В литературном татарском языке, в отличие от мишарского диалекта, имеется еще один вид зависимых клауз, допускающих падежное варьирование между генитивном и номинативом в позиции подлежащего — это относительные клаузы. Номинативное подлежащее не вызывает ни предикативного согласования предиката зависимой клаузы, ни посессивного согласования именной вершины (в (7.152a) именная вершина согласуется по 2 лицу единственного числа с невыраженным генитивным посессором *синең* ‘ты.GEN’, а не с номинативным подлежащим причастного оборота *иптәшең* ‘твой супруг’), в то время как генитивное подлежащее требует присутствия посессивного аффикса на существительном (7.152b).

(7.152)a. Иптәш-ең Кәрим-гә жибәр-гән хат-ың белән рәсем-ең-не,
супруг-2SG Карим-DAT посылать-PFV письмо-2SG с рисунок-2SG-ACC

¹²⁸ Ср. с данными турецкого языка (пример (4.31) из раздела 4.1), где также возможен DSM в номинализациях, однако, в отличие от литературного татарского, лицензирующим фактором оказывается специфичность.

- (i) a. Yol-dan bir araba geç-tiğ-in-ı gör-dü-m.
дорога-ABL один машина проехать-NMN-3SG-ACC видеть-PST-1SG
‘Я видел, что по дороге проехала машина <non-specific>.’
- b. Yol-dan bir araba-nın geç-tiğ-in-ı gör-dü-m.
дорога-ABL один машина-GEN проехать-NMN-3SG-ACC видеть-PST-1SG
‘Я видел, что одна машина <specific> проехала по дороге.’

¹²⁹ Это положение верно по меньшей мере для номинализаций на *-ган*; синтаксис имен действия на *-у* требует дополнительных исследований.

Нэггймэ	апай	аркылы	ал-дыр-ып,	уқы-ды-м,	күр-де-м.
Наггйма	тетя	через	брать-CAUS-CONV	читать-PST-1SG	видеть-PST-1SG

‘Твои письмо и рисунок, которые супруг твой отправил Кариму, я достал через тетюшку Наггйму, читал, видел.’

b.	Без	Гумбольдт-нын	бүтэн чор-лар	турында
	мы	Гумбольдт-GEN	другой период-PL	о.3
эйт-кэн	фикер-лэр-е-нэ	тукта-л-ып	тор-мый-быз.	
говорить-PFV	мысль-PL-3-DAT	останавливать-PASS-CONV	AUX-NEG.PRS-1PL	

‘Мы не будем останавливаться на мыслях, высказанных Гумбольдом о других периодах.’

По-видимому, подлежащее в относительной клаузе может быть оформляться генитивом только в том случае, когда оно занимает крайнюю левую позицию в зависимой клаузе (или поднимается из нее); поэтому перестановка именной группы *Гумбольдтнын* ‘Гумбольдта’ и послеложной группы *бүтэн чорлар турында* ‘о других периодах’ будет неграмматичной.

Наконец, последний контекст падежного варьирования, который мы рассмотрим — это варьирование номинативного и аккузативного подлежащего во вложенных финитных клаузах с союзом *дип*. Обе падежные формы вызывают согласование предиката зависимой клаузы (7.153a). Что касается структурной позиции, то подлежащее в аккузативе предположительно занимает более высокую позицию, нежели подлежащее в номинативе — как и в предыдущем случае, для получения аккузатива субъектная именная группа должна занимать крайнюю левую позицию в клаузе. Но в отличие от якутского языка, в татарском языке аккузатив может быть приписан подлежащему зависимой клаузы только в том случае, когда в главной клаузе присутствует переходный глагол, ср. (7.152a-b), (7.153a-b).

(7.152)a. Син || сине кил-ер-сең дип көтэ-м.
ты || ты.АСС прийти-FUT-2SG что ждать.PRS-1SG
‘Я жду, что ты придешь.’

b. Син || *сине кил-ер-сең дип көт-ел-э.
ты || ты.АСС прийти-FUT-2SG что ждать-PASS-PRS
‘Ожидается, что ты придешь.’

(7.153)a. Алсу Марат || ?Марат-ны кунак-ка кил-ер
Алсу Марат || Марат-АСС гость-DAT прийти-FUT
дип өй-не жыештыр-ды.
что дом-АСС прибирать-PST

‘Алсу прибралась в доме, ожидая, что Марат придет в гости.’

b. Алсу Марат || *Марат-ны кунак-ка кил-ер
Алсу Марат || Марат-АСС гость-DAT прийти-FUT

дип бизэн-де.
 что краситься-рст

‘Алсу накрасилась, ожидая Марата в гости.’

Подведем итоги. Во всех контекстах, в которых наблюдается морфологическое падежное варьирование, одна из падежных форм всегда является номинативом. Именные группы в генитиве всегда требуют наличия посессивного согласования со стороны именной вершины, подлежащее в номинативе — предикативного согласования в финитной клаузе и посессивного согласования в некоторых номинализованных клаузах, посессоры в номинативе требуют наличия посессивного аффикса у именной вершины (его статус как согласовательного показателя неясен); подлежащее в аккумулятиве контролирует предикативное согласование вложенной финитной клаузы; для прямого дополнения в номинативе или аккумулятиве наличие какого-либо согласования неочевидно.

Явное позиционное различие наблюдается в половине контекстов — в частности, в конструкциях с посессором в генитиве / номинативе, подлежащим относительной клаузы в генитиве / номинативе и подлежащим финитной клаузы с союзным словом *dip* в аккумулятиве / номинативе. Аккумулятивное и номинативное прямое дополнение не являются позиционно распределенными в строгом смысле слова, но отличаются в отношении доступных структурных позиций: номинативное дополнение может располагаться только *in situ*, контактно с глаголом, в то время как аккумулятивное дополнение может как оставаться в базовой позиции, так и покидать ее.

Что касается функциональных вершин как источников структурных падежей, мы можем идентифицировать финитное Т как вершину, приписывающую номинатив, посессивное D как вершину, приписывающую генитив, переходный легкий глагол *v* как вершину, приписывающую аккумулятив и послелог Р как вершину, приписывающую генитив / номинатив. Остается неясно, имеется ли падежная зависимость между некоторой функционально вершиной и номинативным подлежащим нефинитной клаузы, номинативным дополнением и номинативным посессором.

Наконец, факторы-лицензоры падежного варьирования существенно отличаются в исследованных конструкциях: от чисто формального разграничения местоимений и существительных до дихотомии аргументов и атрибутов, определенности, референтности. В некоторых случаях, однако, крайне сложно обнаружить какой-либо семантический эффект падежного варьирования.

Итоговые данные обобщены в Таблице 7.6.

Таблица 7.6. Параметры падежного варьирования в татарском языке

Контекст варьирования	Падежи	Согласование	Позиционные различия	Лицензирующие факторы
Комплемент РР	GEN/NOM	+/+	—	местоимение/существительное
Прямое дополнение	ACC/NOM	—/—	—	DP/Small Nominal определенный/неопределенный
Приименной посессор	GEN/NOM	+/?	+	DP/Small Nominal референтный/нереферентный аргумент/атрибут
Подлежащее номинализации	GEN/NOM	+/ $\pm$	—	?
Подлежащее относительной клаузы	GEN/NOM	+/ —	+	?
Подлежащее клаузы с <i>dip</i>	ACC/NOM	+/+	+	переходность главной клаузы / всегда

Из предыдущего изложения и из Таблицы 7.6 видно, что материал татарского языка отличается от материала якутского языка в нескольких существенных аспектах. Во-первых, в татарской именной группе допустимы посессоры и в генитиве, и в номинативе; во-вторых, аккумулятивное и немаркированное прямое дополнение не полностью распределены позиционно; в-третьих, подлежащее нефинитной зависимой клаузы может выступать в номинативе, и согласование предиката с таким подлежащим не является обязательным; наконец, в-четвертых, доступность аккумулятора для подлежащего финитной зависимой клаузы определяется переходностью главной клаузы.

Понятно, что ни чисто конфигурационный анализ Т. Левина и О. Премингера, ни гибридный анализ М. Бейкера и Н. Винокуровой не может быть распространен на татарские данные. Очевидную проблему представляет собой приписывание аккумулятора, которое предопределяется наличием переходной функциональной вершины, а не присутствием другой беспадежной именной группы в клаузальной области. Кроме того, аккумулятивные прямые дополнения не обязаны покидать глагольную группу, так что аккумулятивные и номинативные дополнения принадлежат одной падежной области.

Еще одна проблема — это наличие двух типов посессоров, генитивного и аккумулятивного. Поскольку эти два падежа приписываются в одной и той же падежной области, анализ генитива как немаркированного падежа именной группы не может быть сохранен. Заметим, что ни генитив, ни номинатив внутри именной группы не могут рассматриваться как зависимый падеж, поскольку ни изафетная конструкция 3 не требует наличия изафетной конструкции 2, ни наоборот. Анализ приименного генитива, опирающийся на хомскианскую модель падежа и предложенный в [Baker, Vinokurova 2010] для якутского языка, хорошо справляется с

описанием татарских данных, но в таком случае номинативный посессор нуждается в отдельном лицензоре и приписывателе падежа.

Наибольшие затруднения связаны с дистрибуцией номинатива. Действительно, номинатив не может рассматриваться как немаркированный падеж клаузы, поскольку он встречается в разных лексических областях — глагольной, именной, послеложной. Он не может быть и дефолтным падежом, так как недоступен для местоимений в послеложных группах и для полноструктурных DP в позиции прямого дополнения и посессора. Он также не может всегда приписываться согласующейся функциональной вершиной, поскольку иногда приписывание номинатива требует согласования (как в случае финитного подлежащего), иногда допускает согласование (как в случае подлежащего в номинализации), а иногда запрещает его (как в случае подлежащего относительной клаузы).

Учитывая вышесказанное, можно утверждать, что татарский материал действительно требует смешанной падежной теории, однако не в смысле смешения в одной модели хомскианского и марантцева подходов к приписыванию падежа. Вместо этого мы предлагаем чисто синтаксический подход в хомскианском стиле, который различает несколько «номинативов» и допускает неоднозначное соотношение между синтаксическим и морфологическим падежом.

Следуя анализу, предложенному в работах [Лютикова 2014б; Pereltsvaig, Lyutikova 2014; Lyutikova, Pereltsvaig 2015a,b; Лютикова, Перельцвайг 2015] и обоснованному в 7.2 для мишарского диалекта татарского языка, мы считаем, что в татарском языке именные группы отличаются по своему структурному статусу и могут представлять собой как именную группу полной структуры (DP), так и именную группу неполной структуры (SN). Только DP подчиняются требованиям падежного фильтра и должны получать падеж, в то время как SN остаются беспадужными. Мы предполагаем, что не только номинативное прямое дополнение, но и номинативный посессор являются беспадужными именными группами малой структуры. Их интерпретационные особенности и позиционные ограничения следуют из их структурного статуса.

От таких беспадужных именных групп следует отличать номинативные подлежащие. Номинативные подлежащие — это именные группы, которым приписан абстрактный номинатив. Они с необходимостью контролируют предикативное согласование в финитных клаузах. Мы полагаем, что в нефинитных клаузах (по крайней мере в относительных клаузах и номинализациях на *-ган*) предикативное согласование с номинативным подлежащим также имеет место, но морфологически невидимо.

Номинатив компонента послелогов не является ни беспадужной формой, поскольку возможен у DP (например, в изафетной конструкции 3), ни абстрактным номинативом, приписываемым предикативной вершиной. Учитывая, что распределение между генитивом и

номинативом в этом контексте чисто морфологическое, мы предлагаем считать припослеложные генитив и номинатив экспонентами морфологически несамостоятельного абстрактного «послеложного падежа».

Прочие структурные падежи однозначно соотносятся с функциональными вершинами: аккумулятив приписывается переходным легким глаголом, а приименной генитив — функциональной вершиной D.

Уточненная спецификация морфологических падежей в татарском языке приведена в Таблице 7.7.

Таблица 7.7. Татарские структурные падежи в хомскианской падежной модели

Падеж/Контекст	Абстрактный падеж	Функциональная вершина, приписывающая падеж	Согласование
NOM/подлежащее финитной клаузы	NOM	финитное T	+ (предикативное)
NOM/ подлежащее нефинитной клаузы	NOM	нефинитное T	— (морфологически невидимое)
NOM/посессор	—	—	— (маркер посессива в ИК 2)
NOM/прямое дополнение	—	—	—
NOM/ комплемент PP	POSTP	P	+ (посессив)
GEN/ комплемент PP	POSTP	P	+ (посессив)
GEN/ в прочих позициях	GEN	D	+ (посессив)
ACC	ACC	v_{TR}	— (морфологически невидимое)

Предлагаемая нами гибридный подход совмещает хомскианскую модель приписывания падежа и две гипотезы, независимо высказываемые в литературе: что некоторые структурные типы именных составляющих могут оставаться беспадужными и что выбор экспонента абстрактного падежа может быть морфологически обусловлен. Данный подход, на наш взгляд, предпочтительнее как чисто конфигурационной модели, так и гибридной модели Бейкера и Винокуровой, поскольку он позволяет проанализировать падежное варьирование в татарском языке единым и непротиворечивым образом.

В заключительном разделе мы обобщим объяснительные возможности формальных теорий падежа в отношении падежного варьирования и выявим типы падежного варьирования, для которых та или иная модель оказывается предпочтительной.

7.4.3. Падежное варьирование и модели падежа

В работах А. Мальчукова и Х. де Хуп [de Hoop, Malchukov 2007, 2008; Malchukov 2008] проводится важное различие между двумя стратегиями дифференцированного падежного

маркирования, которые прослеживаются в основном на материале DSM, но могут быть обнаружены и при DOM. С одной стороны, имеется тенденция маркировать специальным языковым средством (падежным показателем, служебным словом) «маркированную» ситуацию и, соответственно, участника, свойства которого отклоняются от «переходного прототипа», сформулированного Б. Комри [Comrie 1975b; 1989]. Поскольку прототипическая переходная конструкция представляет собой такую конфигурацию, в которой А-аргумент имеет высокую одушевленность и определенность, а Р-аргумент — низкую одушевленность и определенность, ожидается маркирование одушевленного, определенного и т.п. дополнения и неодушевленного, нереперентного и т.п. подлежащего. Хотя падежное маркирование отклоняющегося от прототипа А-аргумента встречается в языках мира (см. (7.154) из мангарайи), обычно специальное маркирование получает непрототипический Р-аргумент.

- (7.154)a.   Вуу[?]   ñan-wu-na   ñała-bugbug[?]
показывать   3SG→2SG-AUX-PP   F.NOM-старуха
‘Старуха тебя показала?’
- b.   Ña-ñugu   ñim   ñan-ga-ñiñ
N.ERG-вода   погружать   3SG→2SG-AUX-PP
‘Вода покрыла меня.’

С другой стороны, имеется тенденция маркировать приоритетные аргументы (одушевленные, определенные, локуторы) независимо от позиции, в которой они находятся. Эта тенденция также благоприятствует маркированию «непрототипического» одушевленного и определенного дополнения, но при этом способствует маркированию «прототипического» подлежащего.

Мальчуков и де Хуп показывают, что за этими тенденциями стоят различные принципы. Тенденция маркировать приоритетный аргумент независимо от его синтаксической позиции основывается на принципе индексирования важных участников. В таком случае выбор кодирующего средства для одного аргумента независим от характеристик и выбора кодирующего средства для другого аргумента.

Тенденция маркировать отклонение от прототипа основывается на принципе различения аргументов. В ситуации, соответствующей прототипической переходности, грамматический статус именных групп выводим из семантики предиката и одушевленности аргументов. Если же А-аргумент и Р-аргумент семантически близки (например, оба одушевленные, или оба неодушевленные) или А-аргумент неодушевленный, а Р-аргумент одушевленный, используются специальные языковые техники, которые в принципе могут затрагивать все компоненты клаузы — предикат (ср. показатель инверсива в навахо), А-аргумент и Р-аргумент.

Так, в языке автув (сепик-раму, Папуа-Новая Гвинея) прямое дополнение маркируется аккузативом только в том случае, когда оно выше подлежащего или равно ему по уровню одушевленности (7.155a-b).

- (7.154)a.   Teu   tale-re   yaw   d-æi-i.
               3F.SG женщина-ACC   свиньяF.AGT-кусать-PAT
               ‘Свинья укусила женщину.’
- b.   Teu   tale   yaw   d-æi-i.
               3F.SG женщина   свиньяF.AGT-кусать-PAT
               ‘Женщина укусила свинью.’

(7.154a) выглядит как обязательное маркирование аккузативом одушевленного дополнения, но в действительности это не так: падежный показатель на прямом дополнении сигнализирует не об абсолютном уровне приоритетности аргумента, а о приоритетности Р-аргумента относительно А-аргумента¹³⁰.

Возвращаясь к типам падежного варьирования, можно сопоставить принципу индексирования приоритетного аргумента *локальное* падежное варьирование, когда выбор между двумя падежными формами или между наличием и отсутствием падежа регулируется собственными характеристиками аргумента и именной группы. Принципу различения аргументов соответствует *нелокальное* падежное варьирование, когда для выбора падежного оформления аргумента следует учитывать характеристики другого аргумента (или других аргументов).

Легко видеть, что для моделирования нелокального падежного варьирования больше приспособлена конфигурационная теория падежа, а для моделирования локального падежного варьирования — теория приписывания структурного падежа функциональными вершинами. Безусловно, речь не идет о принципиальной несовместимости различных моделей падежа с различными типами падежного варьирования. Учет влияния характеристик одного аргумента на падежное маркирование другого аргумента при нелокальном падежном варьировании возможен и в рамках хомскианской модели (ср. с анализом дифференцированного оформления каузируемого в зависимости от DOM в идиоме с. Рыбушкино, раздел 7.2.5). Локальное падежное варьирование в конфигурационной модели может интерпретироваться как позиционное; если позиционных различий не обнаруживается, может быть использован механизм (псевдо)инкорпорации, делающий именную группу невидимой для приписывания падежа.

¹³⁰ Следует отметить, однако, что принцип различительности как возможная мотивация дифференцированного маркирования аргументов подвергается критике во многих работах; см., например, [Arkadiev 2009].

Какие еще параметры, кроме локальности vs. нелокальности падежного варьирования, противопоставляют две падежные модели? Очевидный параметр, о котором мы уже много говорили — это связь падежного маркирования с согласованием. Если для современной теории приписывания падежа функциональными вершинами согласование — это необходимое условие падежного взаимодействия, конфигурационная теория допускает более изысканные взаимодействия между падежом и согласованием, учитывающие падежную дискриминацию, эффекты превосходства и возможность приоритета одних признаков над другими (см. [Preminger 2011, 2014]). Слабость конфигурационной модели в ее неспособности ограничить количество актов согласования различных функциональных вершин с одной и той же именной группой внутри некоторой фазы.

Еще один параметр, о котором стоит упомянуть в связи с двумя падежными моделями — это способность выражать падежное варьирование, связанное с семантической ролью аргумента. Обе модели способны имплементировать лексическое управление, коррелирующее с семантической ролью. Однако если аргумент не получает лексического падежа, объяснительный потенциал хомскианской и марантцевой модели расходятся. Продemonстрируем это на материале каузативной конструкции. В (7.155) показаны каузативные структуры на базе неаккузативного, неэргативного и переходного глаголов в карачаево-балкарском языке [Лютикова и др. 2006]. Мы видим, что падежное оформление каузируемого следует правилу Комри и определяется исключительно переходностью исходной конструкции. Независимо от семантической роли аргумента, его способности контролировать ситуацию, коррелирующих с семантическим параметром контактности/дистантности каузативной конструкции, каузируемый оформляется аккузативом при каузативизации одноместных глаголов и дативом при каузативизации переходных глаголов.

- (7.155)a. Alim cojun-nu tol-dur-du.
Алим ведро-ACC наполняться-CAUS-PST.3SG
'Алим наполнил ведро.'
- b. Lejla Kerim-ni / *-ge sekir-t-ti.
Лейла Керим-ACC/*-DAT прыгать-CAUS-PST.3SG
'Лейла заставила Керима прыгнуть.' / 'Лейла понявчила Керима (подбрасывая его).'
- c. Ana-sı fatima-va / *-ni ŝorpa (-ni) aŝa-t-ti.
мать-3 Фатима-DAT/ *-ACC суп (-ACC) есть-CAUS-PST.3SG
'Мать заставила Фатиму есть суп.' / 'Мать накормила Фатиму супом.'

Такая система хорошо описывается в конфигурационной модели падежа. Действительно, вне зависимости от того, какая вершина проецирует аргумент и какую семантическую роль ему

приписывает, каузируемый вступает в падежную конкуренцию либо с нижестоящим дополнением (и получает аккузатив), либо с вышестоящим подлежащим (и получает датив).

Однако падежное маркирование каузируемого в каузативной конструкции может быть чувствительно к его семантической роли. Например, в венгерском языке оформление каузируемого различается в зависимости от его агентивных свойств: если каузируемое событие контролируется каузатором, используется аккузатив (7.156a), а если оно контролируется каузируемым — то инструменталис (7.156b).

- (7.156)a. Az orvos pisiltette a gyereket
 DET врач.NOM мочиться.CAUS.3SG DET ребенок.ACC
 ‘Врач вызвал у ребенка мочеиспускание.’
- b. Az orvos pisiltetett a gyerekket
 DET врач.NOM мочиться.CAUS.3SG DET ребенок.INSTR
 ‘Врач сделал так, чтобы ребенок помочился.’ [Ackema 1994: 537]

В теории приписывания падежа функциональными вершинами регулярный семантически мотивированный падеж, такой как инструменталис в (7.156b), может быть проинтерпретирован в духе теории Э. Вулфорд [Woolford 2006], противопоставляющей лексические падежи не только регулярным структурным падежам, но и ингерентным эргативу и дативу, связанным с определенной функциональной вершиной и определенной семантической ролью. Для конфигурационной же теории эргатив (и датив) неизбежно оказывается таким же семантически пустым, как аккузатив.

Как мы уже неоднократно видели, падежные модели различаются тем, насколько критичны для них позиционные различия. Если хомскианская модель может работать как с позиционно распределенным, так и с позиционно нераспределенным падежным варьированием, в модели Марантца падежное варьирование сопряжено либо с позиционным варьированием самого аргумента, получающего разные падежи, либо с позиционным варьированием его падежного конкурента. Последняя опция является яркой особенностью конфигурационной модели, однако реальная потребность в ней возникает достаточно редко.

Еще один важный параметр связан с возможностью различения в рамках теории морфологического падежа как формы именной группы и синтаксического падежа как лицензора именной группы. В разделах 6.1–6.2 мы видели, что лексически управляемый падеж может как выступать в качестве единственного лицензора аргумента (русский язык), так и требовать одновременного получения именной группой синтаксического падежа (исландский язык). Поскольку конфигурационная теория отказывается от представления о падеже как о

лицензоре именной группы, в ее рамках невозможно моделировать контраст между «лицензирующими» и «нелицензирующими» лексическими падежами.

Наконец, принципиально не может быть выражено в рамках конфигурационной модели отличие между отсутствием падежа и морфологически немаркированным падежом (например, номинативом подлежащего). Не важно, совпадают ли эти случаи под ярлыком «дефолтного падежа», как у Марантца [Marantz 1991], или под ярлыком «беспадежной именной группы», как у Корнфилт и Премингера [Kornfilt, Preminger 2015] — содержательно различить их не удастся, если не прибегать к (псевдо)инкорпорации беспадежной именной группы. Однако именно эта оппозиция оказывается релевантной для объяснения таких феноменов русского синтаксиса, как вариативное предикативное согласование с группой числительного и «исчезающая одушевленность» в количественных конструкциях.

Основные параметры, различающие модели приписывания падежа применительно к падежному варьированию, представлены в Таблице 7.8.

Таблица 7.8. Параметры падежного варьирования и теории падежа

Параметр	Теория приписывания падежа при согласовании	Конфигурационная теория падежа
Локальность падежного варьирования	локальное (независимое) варьирование	нелокальное (зависимое) варьирование
Связь с согласованием	жесткая корреляция с согласованием	возможность сплитов между падежом и согласованием
Семантическая мотивация	легко реализуема	не реализуема
Позиционные отличия	не важны	обязательны
Лицензирующая функция падежа	есть	нет
Инкорпорация аргумента	возможна	возможна
Различный падежный статус немаркированных форм	возможен	невозможен

Мы видим, что обе падежные теории имеют свои сильные и слабые стороны в моделировании дифференцированного падежного маркирования. Тем не менее, само наличие различных моделей падежного варьирования в языках мира свидетельствует в пользу разработки различных моделей приписывания падежа — по крайней мере до тех пор, пока не будет предложена единая модель, достаточно гибкая для того, чтобы одинаково хорошо анализировать все засвидетельствованные типы падежного варьирования, и при этом достаточно ограничительная для того, чтобы не предсказывать незасвидетельствованных типов.

7.5. Выводы по главе 7

В данной главе испытательным полигоном для падежных теорий послужил феномен дифференцированного падежного маркирования. Дифференцированное падежное маркирование мы определили как зависимость падежного оформления аргумента (или отсутствия такого оформления) от некоторого формального признака именной группы или объемлющей синтаксической конфигурации, не связанного с собственно модифицированным управлением (например, залог, актантная деривация). Исчислив основные языковые явления, подпадающие под это понятие, и рассмотрев лицензирующие факторы, определяющие выбор падежного оформления аргумента, мы мотивировали единый подход к дифференцированному падежному маркированию, охватывающий варьирование по меньшей мере в основных структурных контекстах — субъекта, объекта, посессора.

С учетом этих теоретических представлений мы исследовали дифференцированное маркирование объекта в мишарском диалекте татарского языка. Мы установили, что падежное варьирование в позиции объекта в конечном итоге обусловлено категориальным статусом именной группы: именные группы полной структуры имеют падежный признак, в то время как именные группы неполной структуры лишены его. Из этого следуют отличия в линейной позиции и интерпретации падежно-оформленных и беспадежных именных групп. Таким образом, гипотеза об универсальном синтаксическом устройстве именных групп получает аргументацию на материале дифференцированного падежного маркирования: именные группы в мишарском диалекте татарского языка (как, впрочем, и в литературном татарском языке, ср. раздел 7.4) различаются по своему категориальному статусу, и это различие транслируется в альтернативное падежное оформление аргументов, их грамматические и интерпретационные свойства.

Далее мы продолжили обсуждение беспадежных составляющих на материале русского языка. Мы показали, что дистрибуция аргументов различных синтаксических категорий в русском языке определяется их способностью к выражению падежа. При этом среди русских именных групп обнаруживаются как обладающие падежным признаком составляющие, так и беспадежные единицы. Последние демонстрируют специфическое синтаксическое поведение и нереферентные интерпретации.

Наконец, в последнем разделе мы изучили объяснительный потенциал различных падежных теорий в отношении падежного варьирования. Само существование падежного варьирования, его формальные характеристики, а также эмпирически засвидетельствованные типы контекстов и лицензоров имеют существенные последствия для формальных моделей падежа. Принципиально важно, что адекватное представление падежного варьирования в

языках мира должно учитывать отличие немаркированного падежа и отсутствия падежа, а дихотомия падежных и беспадёжных именных групп, в свою очередь, может иметь в качестве лицензора такую синтаксическую характеристику, как структурный статус именной группы.

Заключение

В данной работе мы поставили перед собой ряд задач, связанных с достижением общей цели — изучения внутренней структуры именных групп безартиклевых языков и их дистрибуции во внешнем синтаксическом контексте. Ниже мы приводим основные результаты предпринятого исследования.

Имеется много аргументов в пользу иерархической структуры именной группы в артиклевых языках, включающей как минимум два уровня — уровень лексического значения и его модификаций (NP) и уровень референциальных характеристик именной группы (DP). Функциональная категория D выявляется на основании всех типов критериев: семантических, морфологических и синтаксических. DP и NP имеют несовпадающую дистрибуцию. Наиболее сильная гипотеза, ограничивающая дистрибуцию NP, состоит в том, что только DP может занимать аргументные позиции. Это ограничение опирается на постулируемую связь между насыщением аргументной позиции/семантической-роли и наличием у составляющей референциального индекса. Наличие проекции DP используется для объяснения многих синтаксических феноменов: непроницаемости именной группы для извлечения левых зависимых и адьюнктов, приписывания генитива посессору, постпозиции артикля и др.

В безартиклевых языках аргументы в пользу приписывания конкретным единицам лексикона категории D достаточно слабы. Как кажется, лексические единицы, которые могли бы ассоциироваться только с вершиной D, в безартиклевых языках отсутствуют. С другой стороны, многие грамматические феномены, которые в артиклевых языках связаны с проекцией DP, имеют место и в безартиклевых языках, так что следует либо признать наличие функциональной проекции над NP в безартиклевых языках, либо пересмотреть объяснение соответствующих феноменов для артиклевых языков.

В рамках Главы 1 был предложен новый аргумент в пользу проекции DP в безартиклевых русском и осетинском языках. Этот аргумент относится к типу «барьерных». Обнаруживается, что русские событийные существительные и осетинские актантные предложения образуют как минимум два вида структурных конфигураций: минимальная структура, допускающая извлечение вопросительных элементов и признаковое взаимодействие материала внутри и снаружи данной составляющей, и расширенная структура, которая проявляет свойства синтаксического острова. При этом отличие между минимальной и расширенной структурой легко описывается в терминах функциональной проекции DP —

именно те элементы, которые в артиклевых языках ассоциируются с проекцией DP, в русском и осетинском превращают синтаксически прозрачные конфигурации в островные.

Итак, с одной стороны, очевидно наличие свидетельств в пользу иерархически организованной структуры именной группы («расширенной проекции» — *extended projection*, в терминологии Дж. Гримшо [Grimshaw 1990]), включающей, помимо проекции лексического существительного, одну или несколько функциональных проекций. С другой стороны, специфика лексикона безартиклевых языков не позволяет выделить синтаксическую категорию D как дистрибутивный класс. Возможное решение состоит в том, что среди лексических единиц безартиклевых языков отсутствуют слова категории D, однако нулевая вершина D доступна для деривации и содержит признаки, связанные с референтностью и определенностью именной группы, а также, по-видимому, ф-признаки референта (лицо, число, род, одушевленность) и признак падежа. В проекции D могут находиться вершины и группы другой категории, например, указательные и притяжательные местоимения, притяжательные прилагательные, посессоры; в таком случае они приобретают интерпретации, аналогичные тем, что возникают в артиклевых языках: указательное местоимение сигнализирует об определенности референта, посессоры имеют исчерпывающую интерпретацию, притяжательные прилагательные обозначают референт и т.п.

В Главе 2 мы рассмотрели факты, свидетельствующие о структуре именной группы, которые связаны с синтаксическими свойствами посессоров. Фразовые посессоры имеют особый статус среди компонентов именной группы, сопоставимый со статусом подлежащего в клаузе. В частности, они обладают структурным приоритетом над остальными составляющими именной группы, получают тематически независимый падеж и контролируют посессивное согласование в пределах именной группы.

В артиклевых языках связь посессоров с категорией D выявляется на основе позиционных и дистрибутивных критериев. Фразовые посессоры и притяжательные элементы могут быть дополнительно распределены с артиклями и указательными местоимениями (как в английском и французском языках) либо притягиваться в проекцию артикля (венгерский язык). Существенным аргументом в пользу расположения посессора вне группы лексического существительного, в функциональной оболочке именной группы является общность структурной позиции и падежных характеристик посессора (или аргумента) предметных существительных и подлежащего номинализаций: поскольку аргумент номинализации проецируется внутри вложенной глагольной, а не именной составляющей, его «именное» оформление не может быть связано с лексическим существительным, но должно быть связано с функциональными проекциями, общими для именных групп на базе предметных существительных и номинализаций.

Обнаруживается, что та же линия рассуждений может быть проведена и для безартиклевых языков. Хотя в них посессоры также не образуют единого синтаксического класса, само существование различий между ними говорит в пользу гипотезы об иерархической структуре, лежащей в основе именной группы в языках разного строя. Весьма показательны в этом отношении посессивные конструкции татарского языка. Во-первых, в татарском языке представлено два типа посессоров, проявляющих синтаксические и интерпретационные различия, при этом один из них — генитивный — возможен только в том случае, если именная группа проецирует максимальную функциональную структуру, а другой возможен и в именных группах малой структуры. Во-вторых, сами посессоры различаются между собой по категориальному статусу, так что посессор изафетной конструкции 3 может иметь любые типы зависимых, в то время как проецирование полной структуры для именных групп в позиции посессора изафетной конструкции 2 ограничено. Обращаясь к материалу номинализаций, мы видим, что подлежащее номинализации оформляется как посессор изафетной конструкции 3, в то время как использование в номинализации изафетной конструкции 2 невозможно. Легко видеть, что та же логика, которая приводит С. Эбни и А. Сабольчи к выводу о связи посессора с проекцией DP в артиклевом языке, приводит нас к выводу о структурном параллелизме безартиклевого татарского и артиклевого английского языков.

Материал русского языка на первый взгляд также укладывается в это аналитическое построение: поскольку русские номинализации и предметные именные группы отличаются по количеству лицензируемых ими генитивных аргументов, привлекательной кажется идея о взаимосвязи структурного генитива и проекции D. Если функциональная оболочка — это то общее, что есть у обычной именной группы и номинализации, то отличия между данными единицами должны сводиться к отличию лексических категорий: N и V, соответственно.

Тем не менее, наше исследование не установило связи лицензирования аргументного генитива с проекцией DP. Напротив, в тех контекстах, где предположительно представлены именные группы малой структуры (количественные группы, не контролируемые предикативное согласование, именные группы с предикатным денотативным статусом и т.п.), лицензирование аргументного генитива не страдает. Таким образом, тезис о падежной связи посессора с функциональной проекцией D не имеет универсального характера, однако этот параметр ортогонален разбиению языков на артиклевые и безартиклевые. Материал русского языка, тем не менее, также может рассматриваться как свидетельствующий в пользу иерархической организации именной группы, поскольку деривация линейных позиций аргументов с различными падежными характеристиками требует достаточно сложной системы функциональных проекций, доминирующих над группой лексического существительного.

Иерархическое вложение, в отличие от «плоской» модели организации именной составляющей, предполагает, что внутри именной группы может быть обнаружено несколько уровней, различающихся по своим свойствам. Такими свойствами могут быть как признаковые характеристики именных составляющих (например, род или число), так и связанная с некоторым фиксированным уровнем интерпретация определенных лексических единиц (например, указательных местоимений). В Главе 3 мы обращаемся к признаковым и линейным характеристикам именных проекций и исследуем их в свете гипотезы об иерархии функциональных проекций, доминирующих над группой лексического существительного.

В рамках Главы 3 уточняется перечень и расположение вершин, проецирующих функциональные оболочки группы лексического существительного. В первую очередь эти уточнения коснулись функциональных проекций, ответственных за количественные характеристики именной составляющей. Мы привели аргументы в пользу синтаксической реализации категории числа и связали наличие синтаксической вершины Num с интерпретируемым признаком числа именной группы.

Признаковые характеристики именной группы, выявляемые при атрибутивном и предикативном согласовании, также могут быть использованы в качестве аргумента в пользу иерархически организованной расширенной именной проекции. Анализ, опирающийся на гипотезу об иерархически организованной структуре именной группы, позволяет объяснить случаи дефолтного согласования и рассогласования в именной группе, а также эффективно решает проблему асимметрии атрибутивного и предикативного согласования. Эта асимметрия оказывается естественным следствием иерархического устройства именной группы, так что именные проекции разных уровней могут характеризоваться различными наборами признаков, однако в пределах одного уровня признаки унифицированы. Изменения в наборе или значении признаков связаны с определенными функциональными вершинами, обладающими соответствующим означенным признаком и передающими этот признак доминирующим составляющим. Данные согласования свидетельствуют не только об иерархическом строении русской именной группы, но и об универсальном устройстве семантико-синтаксического интерфейса, отображающего разные компоненты значения именной группы в особым образом организованную синтаксическую структуру.

Линейная структура именной группы, рассмотренная на материале русского языка, также предоставляет аргументы в пользу ее иерархической организации. Если исходить из предположения, что основной «каркас» расширенной именной проекции задает последовательность функциональных вершин, отвечающих за лексическую, количественную и референциальную семантику именной группы, то мы имеем возможность определить базовый порядок следования составляющих, привязанных к проекциям этих вершин. Отклонения от

этого базового порядка, связанные с расположением именной вершины левее исходной позиции, демонстрируют свойства синтаксического передвижения. Таким образом, мотивация системы функциональных проекций, используемая в артиклевых языках (английский, скандинавские, итальянский, иврит) для русского языка также оказывается релевантной. С другой стороны, оказывается, что многие виды лексических единиц, в артиклевых языках ассоциирующиеся с конкретной функциональной проекцией и тем самым конкретной линейной позицией в составе именной группы, в безартиклевых языках не привязаны к определенной позиции в синтаксической структуре, но совместимы с различными функциональными проекциями. При этом, однако, их синтаксические и семантические характеристики в разных структурных позициях различны. Так, указательные и притяжательные элементы проявляют «барьерные» свойства, препятствуя подъему оператора, и вызывают определенную / исчерпывающую интерпретацию только в том случае, когда располагаются на левой периферии именной группы, в проекции DP.

В Главе 4 предметом рассмотрения выступили относительные конструкции с точки зрения их синтаксической позиции и семантической интеграции в составе именной группы. Мы установили, что различные структурные типы предложений регулярно соотносятся с определенными семантическими типами модификации. Мы сосредоточились на двух семантических типах относительных конструкций: рестриктивных относительных предложениях и аппозитивных относительных предложениях.

Рестриктивные относительные клаузы, составляющие ядро относительных конструкций, в языках мира представлены различными структурными типами, среди которых, как минимум, относительные конструкции с внешней и с внутренней вершиной. При этом наблюдается существенное сходство в интерпретации компонентов относительных конструкций этих двух типов. В относительных конструкциях с внешней вершиной материал группы лексического существительного, прилагательные, слабые квантификаторы реконструируются внутри относительной клаузы, в то время как определители и сильные квантификаторы получают интерпретацию только в составе главной клаузы. Относительные конструкции с внутренней вершиной обычно вложены в именную функциональную оболочку, принадлежащую главной клаузе, а определители и сильные кванторы, содержащиеся во внутренней вершине, интерпретируются в главной клаузе.

Подобные факты мотивируют единый подход к деривации рестриктивных относительных конструкций. Мы предложили анализ, опирающийся на подъем именной группы из состава относительной клаузы, которая представляет из себя аргумент в группе определителя. Тем самым мы объяснили как эффекты связности в рестриктивных относительных конструкциях с внешней вершиной, так и отношение селекции между

определителями и относительными клаузами. Из предложенного анализа следует, что компоненты расширенной проекции именной группы, в частности, группы лексического существительного (NP) и группы определителя (DP), не образуют составляющей на начальном этапе деривации. Легко видеть, что это возможно только в том случае, когда расширенная проекция именной группы содержит более одной максимальной проекции.

Отдельному рассмотрению подверглась синтаксическая структура аппозитивных относительных конструкций. Мы установили, что аппозитивная интерпретация совместима только с определенными позициями относительной клаузы в структуре именной группы — антецедента и главного предложения: аппозитивная клауза присоединяется строго выше уровня определителей и квантификаторов, вследствие чего не участвует в создании экстенционала определяемой именной группы. Внутренняя структура аппозитивных относительных предложений также отличается от структуры рестриктивных клауз. Именная вершина не реконструируется внутри аппозитивного относительного предложения, но порождается в составе главного предложения, а относительное местоимение выполняет функции не оператора, возглавляющего группу определителя, а анафорической проформы.

Обсуждение, предпринятое в этой главе, показывает, что иерархическая структура именной группы, предполагающая вложение группы лексического существительного в функциональные оболочки и, в частности, в группу определителя DP, в равной степени мотивирована на материале относительных конструкций как для артиклевых, так и для безартиклевых языков. Таким образом, к уже представленным в предшествующих главах аргументам в пользу единого устройства именной группы добавляется новая совокупность аргументов, связанных с синтаксисом относительных клауз.

В части II мы обратились к внешнему синтаксису именных групп. В рамках Главы 5 мы мотивировали синтаксический подход к исследованию падежа как грамматической категории, свойственной именным группам и регулирующей дистрибуцию именных групп во внешнем синтаксическом контексте. Указанные теоретические положения служат основой для обсуждения теории падежа генеративной грамматики — ее возникновения, логики ее развития и современных исследований. В разделе 5.1 рассказывается о возникновении падежного фильтра — гипотезы о падеже как лицензоре именной группы в синтаксической структуре. Благодаря этой функции падеж становится важнейшим теоретическим понятием, а правила получения именной группой падежа рассматриваются как ядерный компонент грамматики. В разделе 5.2 обсуждается первая формальная Теория падежа генеративной грамматики, опирающаяся на понятие управления. Управление становится одним из двух центральных межмодульных понятий теории и дает название этапу развития генеративной грамматики — Теория управления и связывания.

Раздел 5.3 посвящен поискам универсального механизма падежного маркирования. Теория управления и связывания допускала различные условия для приписывания разных падежей, так что специфика этих условий была ограничена в очень слабой степени. В раннем минимализме неоднократно пересматривается механизм соотнесения именной группы с ее падежным признаком, однако за этими теоретическими поисками неизменно стоит одна идея: свести доступные в теории способы падежного взаимодействия к единой конфигурации. Современная модель приписывания структурного падежа базируется на согласовании структурно приоритетной вершины-приписывателя падежа с ближайшей именной группой-получателем падежа.

В рамках теоретической программы минимализма впервые ставится вопрос о природе падежного признака: интерпретируем ли падеж? И если да, как его значение связано с лицензированием именных групп? Обсуждению этой проблематики посвящен раздел 5.4. В последние 10–15 лет в рамках генеративной парадигмы возникают новые теории, призванные пролить свет на интерпретируемость падежа и на появление значения падежного признака в синтаксисе. Одна из таких теорий — гипотеза о том, что падеж в действительности представляет собой некоторый «дополнительный» признак, реализуемый на именной группе в своем согласовательном варианте. В качестве такого дополнительного признака рассматривались различные грамматические категории. Наибольший интерес представляет подход, связывающий падежные граммемы с синтаксической категорией управляющих вершин. В рамках этого подхода Д. Песецкий анализирует русскую падежную морфологию (изложение анализа и его оценка представлены в разделе 5.4.1); затем, в разделе 5.4.2, предлагается оригинальный анализ цахурской падежной грамматики в теории накладывающихся падежей.

Итак, генеративный подход к падежу состоит в том, что падеж — это способ лицензирования именной группы в синтаксической структуре предложения. Если это так, то падеж в конечном итоге определяет синтаксическую дистрибуцию именных групп, то есть их внешний синтаксис. Отсюда следует, что падежный признак должен быть представлен в именных группах любого языка, независимо от того, реализуется ли он в данном языке морфологически.

Соответствие между лицензированием именных групп и наличием морфологического падежа, однако, не всегда тривиально. В Главе 6 мы исследовали соотношение морфологического падежа и лицензирования именных групп. В разделах 6.1 и 6.2 обсуждаются два наиболее ярких языковых феномена — так называемые «странные подлежащие» (*quirky subjects*) и эргативность — которые связаны с рассогласованием между абстрактным и морфологическим падежом. Проблема *quirky*-подлежащих получила подробное рассмотрение на материале исландского языка. Выяснилось, что в структурной позиции подлежащего могут

располагаться именные группы, получающие не-структурный *quirky*-падеж от проецирующей их лексической вершины. В результате связь между морфологическим и абстрактным падежом оказывается нарушена: в тех позициях, где приписывается (морфологический) *quirky*-падеж, не обязательно приписывается абстрактный падеж, и наоборот, в позициях, где приписывается абстрактный падеж, именная группа может не получать падежной морфологии. При этом, однако, обнаруживается, что потребность именной группы в абстрактном падеже сохраняется даже при получении ею *quirky*-падежа от лексической вершины.

Важнейший вопрос для теории падежа, связанный с эргативной падежной моделью, состоит в том, каков статус эргативности как феномена. Либо эргативность — это синтаксическое явление, и тогда эргативные языки имеют особую структуру клаузы, механизмы приписывания падежа и лицензирования аргументов; либо эргативность — это поверхностное, морфологическое явление, которое, подобно *quirky*-падежу исландского языка, заслоняет подлинную синтаксическую организацию предложения, весьма схожую с той, что известна нам из аккумулятивных языков. В разделе 3.2 обсуждаются попытки анализа эргативных падежных систем, опирающиеся на традиционную модель падежа и рассматривающие эргатив как аналог *quirky*-падежа, приписываемый переходным глаголом.

Принципиальное решение проблемы рассогласования морфологического падежа и лицензирования именных групп предлагает конфигурационная теория падежа А. Марантца, которая отказывается от абстрактного падежа и предлагает исключительно морфологическую трактовку этой категории (раздел 6.3). Падежное маркирование происходит в постсинтаксическом компоненте согласно иерархии реализации падежей. Наибольший интерес в теории Марантца представляют понятия «зависимого» падежа и «дефолтного» падежа, позволяющие рассматривать аккумулятивную и эргативную модели предложения как дополнительные. Эти идеи, впрочем, оказываются совместимы и с более традиционным представлением о падеже как синтаксическом (а не только морфологическом) феномене. Отдельным вопросом становится устройство предикативного согласования в конфигурационной модели. Согласование обычно не является полностью независимым от падежа: имеют место падежные ограничения на согласование, так что в качестве контролера согласования доступны только именные группы в определенных падежах. Наконец, в разделе 3.4 рассмотренные модели падежа были использованы нами в анализе русского приименного генитива. Мы снова обратились к русскому генитивному посессору и соотнесли его структурные характеристики, установленные в главе 2, с падежными. Мы обнаружили, в частности, что разные падежные теории предсказывают альтернативы в оформлении аргументов при номинализации, выявляемые у носителей русского языка.

Последнее обобщение мотивирует еще одно направление исследований падежа, связанное с альтернативным падежным маркированием аргументов в различных структурных контекстах. Этой проблематике посвящена Глава 7, в которой испытательным полигоном для падежных теорий послужил феномен дифференцированного падежного маркирования. Дифференцированное падежное маркирование мы определили как зависимость падежного оформления аргумента (или отсутствия такого оформления) от некоторого формального признака именной группы или объемлющей синтаксической конфигурации, не связанного с собственно модифицированным управлением (например, залог, актантная деривация). Исчислив основные языковые явления, подпадающие под это понятие, и рассмотрев лицензирующие факторы, определяющие выбор падежного оформления аргумента, мы мотивировали единый подход к дифференцированному падежному маркированию, охватывающий варьирование по меньшей мере в основных структурных контекстах — субъекта, объекта, посессора.

С учетом этих теоретических представлений мы исследовали дифференцированное маркирование объекта в мишарском диалекте татарского языка. Мы установили, что падежное варьирование в позиции объекта в конечном итоге обусловлено категориальным статусом именной группы: именные группы полной структуры имеют падежный признак, в то время как именные группы неполной структуры лишены его. Из этого следуют отличия в линейной позиции и интерпретации падежно-оформленных и беспадежных именных групп. Таким образом, гипотеза об универсальном синтаксическом устройстве именных групп получает аргументацию на материале дифференцированного падежного маркирования: именные группы в мишарском диалекте татарского языка (как, впрочем, и в литературном татарском языке, ср. раздел 7.4) различаются по своему категориальному статусу, и это различие транслируется в альтернативное падежное оформление аргументов, их грамматические и интерпретационные свойства.

Далее мы продолжили обсуждение беспадежных составляющих на материале русского языка. Мы показали, что дистрибуция аргументов различных синтаксических категорий в русском языке определяется их способностью к выражению падежа. При этом среди русских именных групп обнаруживаются как обладающие падежным признаком составляющие, так и беспадежные единицы. Последние демонстрируют специфическое синтаксическое поведение и нереферентные интерпретации.

Наконец, в последнем разделе мы изучили объяснительный потенциал различных падежных теорий в отношении падежного варьирования. Само существование падежного варьирования, его формальные характеристики, а также эмпирически засвидетельствованные типы контекстов и лицензоров имеют существенные последствия для формальных моделей

падежа. Принципиально важно, что адекватное представление падежного варьирования в языках мира должно учитывать отличие немаркированного падежа и отсутствия падежа, а дихотомия падежных и беспадежных именных групп, в свою очередь, может иметь в качестве лицензора такую синтаксическую характеристику, как структурный статус именной группы.

Таким образом, мы приходим к следующему выводу: наличие или отсутствие артикля в языке, равно как и возможности выделения в лексиконе дистрибутивного класса артикля, не является макропараметром, предопределяющим устройство синтаксической структуры именной группы, но характеризует частный параметр лексикона — наличие фонологически выраженных лексических единиц, жестко привязанных к соответствующей синтаксической категории. Универсальность DP (и других промежуточных функциональных проекций) следует понимать как универсальное устройство семантико-синтаксического интерфейса, отображающего разные компоненты значения именной группы — лексические, квантитативные, референциальные — в особым образом организованную синтаксическую структуру, так что каждый тип информации получает синтаксическую репрезентацию в рамках соответствующей лексической или функциональной проекции. Синтаксический падеж, будучи признаком вершины D, характеризует только именные группы полной структуры, так что именные группы малой структуры могут оставаться беспадежными. Подобное различие создает основу для синтаксической и интерпретационной специфики беспадежных именных групп, а также для падежного варьирования определенного типа, широко распространенного в языках мира.

Список условных обозначений и сокращений

- 1 — 1-е лицо; 1-й класс
- 2 — 2-е лицо; 2-й класс
- 3 — 3-е лицо; 3-й класс
- 4 — 4-й класс
- A — атрибутив
- AA — одушевленный атрибутив
- ABESS — абэссив
- ABL — аблатив
- ABS — абсолютив
- ACC — аккузатив
- ACT — актив
- AD — локализация 'ad'
- ADD — сочинительная частица
- ADJ — адъективизатор
- ADV — адвербиализатор
- AFF — аффектив
- AG — агенс
- AGR — согласовательный показатель
- AGT — агентив
- ALL — аллатив
- ANA — анафор
- ANIM — одушевленный
- AOBL — косвенный атрибутив
- AOR — аорист
- APASS — антипассив
- APP — аппозитивная модификация
- ART — артикль
- ASP — аспектуальный показатель
- ATR — атрибутивизатор
- AUX — вспомогательный глагол
- C — подчинительный союз
- CAUS — каузатив

CL — клитика
CNT — конверб одновременности
COMIT — комитатив
COMP — комплементаризер
COND — условное наклонение
COND — условный конверб
CONJ — конъюнктив
CONN — коннегатив
CONV — конверб
CP — группа подчинительного союза
D — определитель
DAT — датив
DEC — декларатив
DEF — определенный артикль
DEM — демонстратив
DET — артикль
DFT — дефолтное согласование
DIR — директив
DO — прямое дополнение
DP — группа определителя
DUAL — двойственное число
DUR — дуратив
DYN — динамический
EL — элатив
EMPH — эмфатическая частица
EQUAT — экватив
ERG — эргатив
ESS — эссив
EXPL — эксплетивное местоимение
EXT — внешний аргумент
F — женский род/класс
FOC — фокусный показатель
FUT — будущее время
GEN — генитив
I — предикативная вершина

ILL — иллатив
IMP — императив
IN — локализация 'in'
IND — индикатив
INDEF — неопределенное местоимение
INF — инфинитив
INSTR — инструменталис
INT — внутренний аргумент
INTR — непереходный глагол
IO — непрямое дополнение
IPF — имперфект
IPFV — имперфектив
LAT — латив
LK — линкер
LOC — локатив
LOG — логофор
LV — легкий глагол
MNOM — маркированный номинатив
MODAL — модальное слово/частица
N — средний род/класс
NBR — аналитическое число
NEG — отрицание
NF — нефинитная форма
NMB — число (признак)
NMN — номинализация
NOM — номинатив
NONFIN — нефинитная форма
NONFUT — небудущее время
NONPST — непрошедшее время
NP — именная группа (группа лексического существительного)
NUM — число (вершина)
OBJ — объектное спряжение
OBL — косвенная основа; обликвус
OBV — обвиатив
OM — объектный показатель

P — предлог/послелог
PART — причастие
PASS — пассив
PAT — пациенс; пациентив
PAUC — паукальное число
PF — перфект
PFV — перфектив
PL — множественное число
POSS — посессив
PP — предложная/послеложная группа; страдательное причастие
PRED — предикативная вершина
PRET — претерит
PRO — нулевое подлежащее инфинитивного оборота
PROG — прогрессив
PRON — прономинал; местоимение
PROX — проксиматив
PRS — презенс
PRT — причастие
PRV — преверб
PST — прошедшее время
PTC — частица
PURP — целевой конверб
Q — вопросительный показатель
REAL — реалис
REFL — рефлексив
REL — релятивизатор
RESTR — рестриктивная модификация
SBIC — сослагательное наклонение, субъюнктив
SG — единственное число
SU — субъектное спряжение; субъект (подлежащее)
SUP — локализация 'super'
T — вершина времени
TEMP — временной конверб
TERMIN — терминатив
TH — тема

TP — группа вершины времени, клауза

TR — переходный глагол

UNM — немаркированная форма

V — глагол

v — легкий глагол

VP — глагольная группа

vP — группа легкого глагола

СПИСОК ЯЗЫКОВ

- автув || Awtuw / Sepik (Papunesia)
- агульский || Agul / Nakh-Dagestanian (Eurasia)
- адыгейский || Adyghe / Abkhaz-Adyghe (Eurasia)
- амхарский || Amharic / Afro-Asiatic (Africa)
- английский || English / Indo-European (Eurasia, North America)
- антекерепина || Andegerebinha / Pama-Nyungan (Australia)
- арабский ливанский || Lebanese Arabic / Afro-Asiatic (Africa)
- армянский || Armenian / Indo-European (Eurasia)
- багвалинский || Bagwalal / Nakh-Dagestanian (Eurasia)
- балкарский || Balkar / Turkic (Eurasia)
- баскский || Basque (Eurasia)
- бидьяра || Bidyara / Pama-Nyungan (Australia)
- бурушаски || Burushaski (Eurasia)
- бурятский || Buriat / Mongolic (Eurasia)
- вальбири || Warlpiri / Pama-Nyungan (Australia)
- венгерский || Hungarian / Uralic (Eurasia)
- вьетнамский || Vietnamese / Austroasiatic (Eurasia)
- гренландский западный (инуит) || West Greenlandic / Eskimo-Aleut (Eurasia)
- грузинский || Georgian / Kartvelian (Eurasia)
- даргинский || Dargwa / Nakh-Dagestanian (Eurasia)
- дирбал || Dyirbal / Pama-Nyungan (Australia)
- дияри || Dieri / Pama-Nyungan (Australia)
- древнегреческий || Ancient Greek / Indo-European (Eurasia)
- жаравара || Jarawara (Jamamadi) / Arawan (South America)
- иврит || Hebrew / Afro-Asiatic (Eurasia)
- игбо || Igbo / Atlantic-Congo (Africa)
- ирландский || Irish / Indo-European (Eurasia)
- исландский || Icelandic / Indo-European (Eurasia)
- испанский || Spanish / Indo-European (Eurasia)
- итальянский || Italian / Indo-European (Eurasia)
- кабардинский || Kabardian / Abkhaz-Adyghe (Eurasia)
- калав-лагав-я || Kalaw Lagaw Ya / Pama-Nyungan (Australia)

каннада || Kannada / Dravidian (Eurasia)
 каталанский || Catalan / Indo-European (Eurasia)
 кашинава || Kashinawa (Kaxinawá) / Pano-Tacanan (South America)
 каядилт || Kayardild / Tangkic (Australia)
 кетский || Ket / Yeniseian (Eurasia)
 китайский || Mandarin Chinese / Sino-Tibetan (Eurasia)
 корейский || Korean / Koreanic (Eurasia)
 ладил || Lardil / Tangkic (Australia)
 лазский || Laz / Kartvelian (Eurasia)
 латинский || Latin / Indo-European (Eurasia)
 лезгинский || Lezgian / Nakh-Dagestanian (Eurasia)
 литовский || Lithuanian / Indo-European (Eurasia)
 мангарайи || Mangarrayi / Mangarrayi-Maran (Australia)
 мокшанский || Moksha / Uralic (Eurasia)
 мохаве || Mohave (Mojave) / Cochimi-Yuman (North America)
 мохок || Mohawk / Iroquoian (North America)
 невари || Newari / Sino-Tibetan (Eurasia)
 немецкий || German / Indo-European (Eurasia)
 ненецкий || Nenets / Uralic (Eurasia)
 не-персе || Nez Perce / Sahaptian (North America)
 ниасский || Nias / Austronesian (Papunesia)
 нидерландский || Dutch / Indo-European (Eurasia)
 ниуэ || Niuean / Austronesian (Papunesia)
 норвежский || Norwegian / Indo-European (Eurasia)
 оромо || Oromo / Afro-Asiatic (Africa)
 осетинский || Ossetic / Indo-European (Eurasia)
 пайюте южный || Southern Paiute / Uto-Aztecan (North America)
 паумари || Paumarí / Arawan (South America)
 пираха || Pirahã (South America)
 польский || Polish / Indo-European (Eurasia)
 помо восточный || Eastern Pomo / Pomoan (North America)
 помо центральный || Central Pomo / Pomoan (North America)
 русский || Russian / Indo-European (Eurasia)
 самоанский || Samoan / Austronesia (Papunesia)
 санскрит || Sanskrit / Indo-European (Eurasia)

сеедик || Seediq / Austronesian (Papunesia)
 сербо-хорватский || Serbo-Croatian / Indo-European (Eurasia)
 тайский || Thai / Tai-Kadai (Eurasia)
 татарский || Tatar / Turkic (Eurasia)
 тигре || Tigre / Afro-Asiatic (Africa)
 тонганский || Tongan / Austronesian (Papunesia)
 тувинский || Tuwa / Turkic (Eurasia)
 турецкий || Turkish / Turkic (Eurasia)
 удинский || Udi / Nakh-Dagestanian (Eurasia)
 узбекский || Uzbek / Turkic (Eurasia)
 урду || Urdu / Indo-European (Eurasia)
 фарси || Persian / Indo-European (Eurasia)
 финский || Finnish / Uralic (Eurasia)
 фламандский || Flemish / Indo-European (Eurasia)
 французский || French / Indo-European (Eurasia)
 хинди || Hindi / Indo-European (Eurasia)
 хишкарьяна || Hixkaryána / Kariban (South America)
 цахурский || Tsakhur / Nakh-Dagestanian (Eurasia)
 чаморро || Chamorro / Austronesian (Papunesia)
 черкесский || Circassian / Abkhaz-Adyghe (Eurasia)
 чешский || Czech / Indo-European (Eurasia)
 чольский || Chol / Mayan (North America)
 чувашский || Chuvash / Turkic (Eurasia)
 чукотский || Chukchee / Chukotko-Kamchatkan (Eurasia)
 шведский || Swedish / Indo-European (Eurasia)
 шипибо || Shipibo / Pano-Tacanan (South America)
 энга || Enga / Nuclear Trans New Guinea (Papunesia)
 энецкий || Enets / Uralic (Eurasia)
 эстонский || Estonian / Uralic (Eurasia)
 юпик || Yupik / Eskimo-Aleut (North America)
 якутский || Sakha / Turkic (Eurasia)
 ялаку || Yalaku / Sepik (Papunesia)
 японский || Japanese / Japonic (Eurasia)

Список иллюстративного материала

Рисунки

Рисунок 0.1. Географическое распределение безартиклевых языков (WALS)

Схемы

Схема 0.1. Макропараметрическая типология М. Бейкера [Baker 2001: 183]

Схема 1.1. Клитики второй позиции в предложениях с разрывной и смежной конструкциями

Схема 1.2. Структурные соотношения между анафорическими выражениями в (1.146а)

Схема 1.3. Структурные соотношения между анафорическими выражениями в (1.153)

Схема 2.1. Классы генитивных зависимых в русском языке

Схема 2.2. Порядок следования генитивных зависимых в предметной именной группе

Схема 3.1. Анализ инверсий в терминах передвижения вершин и групп

Схема 3.2. Анализ инверсий в терминах синтаксического и фонологического передвижения

Схема 4.1. Синтаксическая конфигурация, необходимая для релятивизации

Схема 4.2. Параметры анализа относительных конструкций

Схема 5.1. Гиперроли в аккумулятивных и эргативных языках по [Кибрик 1992]

Схема 5.2. Гиперроли в аккумулятивных и эргативных языках по [Dixon 1979]

Схема 6.1. Классификация падежей в [Woolford 2006]

Схема 7.1. Сдвиг эргативная конструкция — аккумулятивная конструкция

Схема 7.2. Сдвиг эргативная конструкция — биабсолютивная (нейтральная) конструкция

Схема 7.3. Сдвиг эргативная конструкция — расширенная эргативная конструкция

Схема 7.4. Сдвиг эргативная конструкция — непереходная конструкция

Таблицы

Таблица 0.1. Микропараметрическая типология: английский, французский и немецкий

Таблица 0.2. Дистрибуция определенного артикля (признак 37А, [Dryer 2013а])

Таблица 0.3. Дистрибуция неопределенного артикля (признак 38А, [Dryer 2013b])

Таблица 1.1. Коллокации с глаголом для лексемы *решение*

Таблица 1.2. Коллокации с глаголом для лексемы *право*

Таблица 1.3. Коллокации с глаголом для лексемы *согласие*

Таблица 1.4. Статус именной группы в коллокациях

Таблица 1.5. Падеж адъективных составляющих в инфинитивном обороте

Таблица 1.6. Структура и синтаксические свойства коллокаций

- Таблица 1.7.** Синтаксические свойства смежной и разрывной конструкции
- Таблица 1.8.** Синтаксические свойства конструкций с сентенциальными актантами в осетинском языке
- Таблица 4.1.** Формы показателя *llaḍi* в арабском языке [Alqurashi, Borsley 2012]
- Таблица 4.2.** Соотношение между синтаксическими и семантическими типами относительных конструкций [de Vries 2002: 29]
- Таблица 5.1.** Склонение именных групп *diese alte Frau* и *meine Schwestern* в немецком языке
- Таблица 5.2.** Частичная парадигма существительных jaIq ‘дорога’ и jedj ‘мать’
- Таблица 5.3.** Согласование атрибутивного показателя
- Таблица 5.4.** Реинтерпретация именной парадигмы
- Таблица 6.1.** Ингерентные и структурные падежи
- Таблица 6.2.** Падежные характеристики аргументов в языках ABS=DEF
- Таблица 6.3.** Классификация и свойства падежей в [Woolford 2006]
- Таблица 6.4.** Классификация падежей в системе М. Биттнер и К. Хейла
- Таблица 6.5.** Падежное оформление аргументов битранзитивных глаголов
- Таблица 6.6.** Соотношение объектного согласования и приписывания аккузатива в амхарском языке
- Таблица 6.7.** Аккузативная и эргативная стратегии в падежном маркировании и предикативном согласовании
- Таблица 6.8.** Оформление аргументов основ разных типов в финитных клаузах и событийных номинализациях: литературный «стандарт»
- Таблица 6.9.** Оформление аргументов основ разных типов в финитных клаузах и событийных номинализациях: новые данные
- Таблица 7.1.** Падежное маркирование именных групп разных типов в дирбал
- Таблица 7.2.** Падежное маркирование именных групп разных типов в кашинава
- Таблица 7.3.** Падежное оформление в каузативной конструкции (переходный глагол)
- Таблица 7.4.** Видимость именных групп для разных типов зондов
- Таблица 7.5.** Характеристики якутских падежей
- Таблица 7.6.** Параметры падежного варьирования в татарском языке
- Таблица 7.7.** Татарские структурные падежи в хомскианской падежной модели
- Таблица 7.8.** Параметры падежного варьирования и теории падежа

Список литературы

- Абаев 1959 — Абаев В. И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-осетинское книжное издательство, 1959.
- Алпатов 1990 — Алпатов В. М. 1990. О сопоставительном изучении лингвистических традиций (к постановке проблемы) // Вопросы языкознания. 1990. № 2. С. 13–25.
- Алпатов 1998 — Алпатов В. М. История лингвистических учений. Учебное пособие. М.: Языки русской культуры, 1998.
- Алпатов 2005 — Алпатов В. М. История лингвистических учений. 4-е изд., испр. и доп. М.: ЯСК, 2005.
- Алпатов, Аркадьев, Подлеская 2008 — Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлеская В. И. Теоретическая грамматика японского языка. В 2-х томах. Москва: Наталис. 2008.
- Апресян 1974 — Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.
- Апресян 2008 — Апресян Ю. Д. О семантической мотивированности лексических функций-коллокатов // Вопросы языкознания. 2008. № 5. С. 34–62.
- Аркадьев 2015 — Аркадьев П. М. Теория грамматики в свете фактов языка каядилт // Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 106–137.
- Баранов, Добровольский 1996 — Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Идиоматичность и идиомы. // Вопросы языкознания. 1996. № 5. С. 51–64.
- Баранов, Добровольский 2008 — Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.
- Баранов, Добровольский 2009 — Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Принципы семантического описания фразеологии // Вопросы языкознания. 2009. № 6.
- Белошাপкова 1977 — Белошاپкова В. А. 1977. Современный русский язык. Синтаксис. — М.: Высшая школа, 1977.
- Беляев 2014а — Беляев О. И. Коррелятивная конструкция в осетинском языке в типологическом освещении. Дисс... канд. филол. наук. М., МГУ имени М.В. Ломоносова, 2014.

- Беляев 2014б — Беляев О. И. Осетинский как язык с двухпадежной системой: групповая флексия и другие парадоксы падежного маркирования // Вопросы языкознания. 2014. № 6. С. 31–65.
- Бенвенист 1974 — Бенвенист Э. К анализу падежных функций: латинский генитив / Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Наука, 1974. С. 156–164.
- Бонно 2008 — Бонно К. Отождествление через проекцию (о постпозиции безударных определений в атрибутивных синтагмах) // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова / Под ред. А.В. Архипова и др. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 457–468.
- Бонч-Осмоловская 2007 — Бонч-Осмоловская А. А. Семантика актантных дериваций // Мишарский диалект татарского языка. Очерки по синтаксису и семантике / Под ред. Е. А. Лютиковой и др. Казань: Магариф, 2007.
- Борик 1995 — Борик О. А. Синтаксический признак неаккузативности глагола (на материале русского языка). Дипломная работа. М.: МГУ, 1995.
- Борщев, Кнорина 1990 — Борщев В. Б., Кнорина Л. В. Типы реалий и их языковое восприятие // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка / Под ред. Вяч. Вс. Иванова. М., 1990. С. 106–134.
- Булыгина, Крылов 1990 — Булыгина Т. В., Крылов С. А. Падеж // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990.
- Бэбби 1994 — Бэбби Л. Х. Нестандартные стратегии выбора падежа, задаваемые синтаксическим контекстом // Вопросы языкознания. 1994. № 2. С. 43–74.
- Вильданова, Гарипов 1988 — Вильданова Н. Г., Гарипов Т. М. Один нулевой падеж или нулевые формы разных падежей? // Сов. тюркология. 1988. № 4. С. 36–41.
- Виноградов 1947/1972 — Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. 1-е изд.: 1947; 2-е изд.: М.: Высшая школа, 1972.
- Виноградов 1977 — Виноградов В. В. Лексикология и лексикография // Избранные труды. М.: Наука, 1977.
- Всеволодова 2001 — Всеволодова М. В. Об актуальном членении, интонационных конструкциях, акцентном выделении и порядке слов (практический взгляд синтаксиста на некоторые теоретические проблемы звучащей речи) // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве. Сборник научных статей к 80-летию профессора Клавдии Васильевны Горшковой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001.

- Всеволодова 2004 — Всеволодова М. В. Понятие об уровнях предложения как аппарат описания модели предложения // Русский язык. Система и функционирование. Материалы Международной конференции 18–19 мая 2004 г. М., 2004. Часть 1. С. 5–12.
- Всеволодова 2013а — Всеволодова М. В. Категория количественности в славянских языках: числительные и квантитативы // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2013. № 6.
- Всеволодова 2013б — Всеволодова М. В. О грамматике полных и кратких форм прилагательных и причастий в русском языке // Вопросы языкознания. 2013. № 6. С. 3–32.
- Всеволодова, Дементьева 1997 — Всеволодова М. В., Дементьева О. Ю. Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений. М.: Изд-во МГУ, 1997.
- Герасимова 2015 — Герасимова А. А. Лицензирование отрицательных местоимений через границу инфинитивного оборота в русском языке // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «ТМП 2015». Вып. 2. / Под ред. Е. А. Лютиковой, А. В. Циммерлинга и М. Б. Коношенко. М.: МПГУ, 2015. С. 47–61.
- Герасимова 2016 — Герасимова А. А. Стратегии кодирования аргументов событийных номинализаций в русском языке (экспериментальное исследование): Курсовая работа. М.: МГУ, 2016.
- Гловинская 1982 — Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М.: Наука, 1982.
- Голуб 1989 — Голуб И. Б. Грамматическая стилистика современного русского языка. М.: Высшая школа, 1989.
- Голуб 1997 — Голуб И. Б. Стилистика русского языка: Учеб. пос. М.: Айрис-пресс, 1997.
- Грамматика 1970 — Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1970.
- Грамматика русского языка 1960 — Грамматика русского языка / Ред. коллегия: В. В. Виноградов, Е. С. Истрина, С. Г. Бархударов. Т. I–II. 2-е изд. М.: АН СССР, 1960.
- Граудина и др. 1976 — Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи (Опыт частотно-стилистического словаря вариантов). М.: Наука, 1976.

- Гращенко 2000 — Гращенко П. В. Именная группа в мишарском диалекте татарского языка. Рукопись. МГУ, 2000.
- Гращенко 2004 — Гращенко П. В. Двойной генитив в русских именных группах // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог'2004», М., 2004. С. 146–155 [URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2004/Graschenkov.htm>].
- Гращенко 2006а — Гращенко П. В. 1001 загадка татарской именной группы. Рукопись. М., МГУ, 2006.
- Гращенко 2006б — Гращенко П. В. Синтаксис и типология генитивной группы: Дисс. ... канд. филол. наук. М., МГУ, 2006.
- Гращенко 2007 — Изаметная конструкция: многофакторный анализ // Мишарский диалект татарского языка. Очерки по синтаксису и семантике / Под ред. Е. А. Лютиковой и др. Казань: Магариф, 2007. С. 83–115.
- Гращенко 2009 — Гращенко П. В. Дрейф квантора как свидетельство существования партитивной проекции в именной группе // Корпусные исследования по русской грамматике / Под ред. К. Л. Киселевой, В. А. Плунгяна, Е. В. Рахилиной, С. Г. Татевосова. М.: Пробел–2000, 2009. С. 397–425.
- Гращенко, Кобозева 2001 — Гращенко П. В., Кобозева И. М. Многоаспектная компьютерная база данных по русским прилагательным EDGE как инструмент анализа лексико-грамматической категории. // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс. Труды и материалы. М.: Изд-во МГУ, 2001.
- Гращенко, Лютикова 2008 — Гращенко П. В., Лютикова Е. А. Номинализация и семантико-синтаксический интерфейс // Исследования по глагольной деривации / Под ред. В. А. Плунгяна, С. Г. Татевосова. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 171–230.
- Даниэль, Ландер 2008 — Даниэль М. А., Ландер Ю. А. О некоторых особенностях относительной конструкции в дагестанских языках // М. И. Магомедов (отв. ред.). Кавказские языки: генетические, типологические и ареальные связи. Материалы Международной научной конференции 14–16 октября 2008 г. Махачкала, Дагестанский научный центр РАН 2008. С. 245–251.
- Даниэль, Ландер 2013 — Даниэль М. А., Ландер Ю. А. Неравноправие ролей в относительных конструкциях: материалы по частотности релятивизации в арчинском и удинском

- языках // Семантика языковых единиц разных уровней: ежегодный сборник научных трудов. Т. 15. Махачкала: Дагестанский научный центр РАН, 2013. — С. 59–78.
- Добрушина 2011 — Добрушина Н. Р. Сослагательное наклонение в относительных придаточных с союзом который // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2011. № 6. С. 69–83.
- Добрушина 2014 — Добрушина Е. Р. Корпусные исследования по морфемной, грамматической и лексической семантике русского языка. М., ПСТГУ, 2014.
- Еськова 2011 — Еськова Н.А. Избранные работы по русистике: Фонология. Морфонология. Морфология. Орфография. Лексикография. М.: ЯСК, 2011.
- Журинская 1972 — Журинская М. А. Лингвистическая типология // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.
- Закиев (ред.) 1995 — Татарская грамматика. Т. 3: Синтаксис / Под ред. М. Ф. Закиева. Казань: изд-во Казанского гос. ун-та, 1993–1995.
- Закиев, Курбатов 1971 — Закиев М. З., Курбатов Х. Р. Современный татарский литературный язык: Синтаксис. М.: Наука, 1971.
- Зализняк 1964 — Зализняк А. А. К вопросу о грамматических категориях рода и одушевленности в русском языке // Вопросы языкознания. 1964. № 4. С. 25–40.
- Зализняк 1967/2002 — Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. 2–е изд.: М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Зализняк 1993 — Зализняк А. А. К изучению языка берестяных грамот // Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1984–1989 / В. Л. Янин, А. А. Зализняк. М., 1993.
- Зализняк, Падучева 1975 — Зализняк А. А., Падучева Е. В. К типологии относительного предложения // Семиотика и информатика, вып. 6. М.: Наука, 1975. С. 51–101.
- Зализняк, Падучева 1979 — Зализняк А. А., Падучева Е. В. Синтаксические свойства местоимения КОТОРЫЙ // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М.: Наука, 1979. С. 289–329.
- Земская 1979/1987 — Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. — М.: Русский язык, 1979.
- Иншакова 2014 — Иншакова Е. С. Аппроксимативная инверсия и структура количественной группы: курсовая работа. М., РГГУ, 2014.

- Иншакова 2015 — Иншакова Е. С. Употребление аппроксимативной инверсии (на материале Национального корпуса русского языка): дипломная работа. М., РГГУ, 2015.
- Иомдин 1980 — Иомдин Л. Л. О русских существительных так называемого общего рода // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1980. Т. 39. С. 456–461.
- Иомдин 1990 — Иомдин Л. Л. Автоматическая обработка текста на естественном языке: модель согласования. М.: Наука, 1990.
- Ионова, Лютикова 2015 — Ионова А. А., Лютикова Е. А. Сфера действия адъективных операторов и синтаксис именной группы в русском языке // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия Филологические науки. 2015. № 2. С. 68–87.
- Иорданская 1967 — Иорданская Л. Н. Синтаксическая омонимия в русском языке (с точки зрения автоматического анализа и синтеза) // Научно–техническая информация. Сер. 2. 1967. № 5. С. 9–17.
- Исакадзе 1999 — Исакадзе Н. В. 1999. Отражение морфологии и референциальной семантики именной группы в формальном синтаксисе. Дисс. ... канд. филол. наук. МГУ имени М.В. Ломоносова, 1999.
- Истории... 2004 — Корпус устных текстов «Истории о подарках и катании на лыжах» [URL: <http://spokencorpora.ru/showcorpus.py?dir=03pands/rus>]
- Ицкович 1974 — Ицкович В. А. Очерки синтаксической нормы, 1–3 // Синтаксис и норма / Под ред. Г. А. Золотовой. М.: Наука, 1974. С. 43–106.
- Ицкович 1980 — Ицкович В. А. Существительные одушевленные и неодушевленные в современном русском языке (норма и тенденция) // Вопросы языкознания. 1980. №4. С. 84–96.
- Ицкович 1982 — Ицкович В. А. Очерки синтаксической нормы. М., 1982.
- Кибрик (ред.) 1999 — Кибрик А. Е. (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М.: ИМЛИ РАН, 1999.
- Кибрик (ред.) 2001 — Кибрик А. Е. (ред.). Багвалинский язык: грамматика, тексты, словари. М.: ИМЛИ РАН, 2001.
- Кибрик 1975 — Кибрик А. Е. Номинативная/эргативная конструкция и логическое ударение в арчинском языке // Исследования по структурной и прикладной лингвистике. М.: Изд-во МГУ, 1975.

- Кибрик 1977 — Кибрик А. Е. О соотношении понятия синтаксического подчинения с понятиями согласования, управления и примыкания. Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977.
- Кибрик 1979 — Кибрик А. Е. Подлежащее и проблема универсальной модели языка. Известия АН СССР. Сер. литературы и языка № 4, 1979.
- Кибрик 1992 — Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М.: Изд-во МГУ, 1992.
- Кибрик 2000 — Кибрик А. Е. Внешний посессор как результат расщепления валентностей // Слово в тексте и словаре. К 70-летию Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 429–441.
- Кибрик 2003 — Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003.
- Кибрик и др. 1977 — Кибрик А. Е. и др. Опыт структурного описания арчинского языка. Т. 1–3. М.: Изд-во МГУ, 1977.
- Кибрик, Подлеская (ред.) 2009 — Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / Под ред. А. А. Кибрика и В. И. Подлеской. М.: ЯСК, 2009.
- Кобозева 1999 — Кобозева И. М. О критериях иллокутивной самостоятельности частей сложного предложения // Труды Международного семинара Диалог'99 по компьютерной лингвистике и ее приложениям в двух томах / под ред. А.С. Нариньяни. Т. 1. Теоретические проблемы. Т. 1. РосНИИ ИИ Таруса, 1999. С. 133–137.
- Кобозева 2012 — Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: Учебник. Изд. 5-е, испр. и доп. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2012.
- Кобозева 2015 — Кобозева И. М. О посессивности в русском языке: посессивные предикаты vs. генитив // Труды Института лингвистических исследований РАН — Acta Linguistica Petropolitana. 2015. Т. 11, № 1. С. 249–272.
- Ковтунова 1969 — Ковтунова И. И. Порядок слов в русском литературном языке XVIII — первой трети XIX в. М.: Наука, 1969.
- Ковтунова 1976 — Ковтунова И. И. Русский синтаксис: порядок слов и актуальное членение предложения. Москва: Просвещение, 1976.
- Кодзасов 1993 — Кодзасов С. В. Интонация предложений с дискурсивными словами // Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / Под ред. А.Н. Баранова, В.А. Плунгяна и Е.В. Рахилиной. М.: Помовский и партнеры, 1993. С. 182–204.

- Кодзасов 1996а — Кодзасов С. В. Законы фразовой акцентуации // Просодический строй русской речи / Отв. ред. Т.М. Николаева. М.: Институт русского языка РАН, 1996. С. 181–204.
- Кодзасов 1996б — Кодзасов С. В. Комбинаторная модель фразовой просодии // Просодический строй русской речи. М.: Институт русского языка РАН, 1996. С. 85–110.
- Козинский 1985 — Козинский И. Ш. Кореферентные связи инфинитивных оборотов в русском языке // Типология конструкций с предикатными актантами / Под ред. В. С. Храковского. Л.: Наука, 1985. С. 112–116.
- Кононов 1956 — Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956.
- Копелиович 2008 — Копелиович А. Б. Род и грамматика межсловных синтаксических связей. М. — Владимир: Ин-т языкознания РАН, Владимирский гос. ун-т, 2008.
- Корнакова 2014 — Корнакова Е. В. Лицензирование генитива отрицания и единиц отрицательной поляризации в русских полипредикативных конструкциях: Курсовая работа. М., МГУ, 2014.
- Кронгауз 1996 — Кронгауз М. А. Sexus, или Проблема пола в русском языке // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сб. к 60-летию А. А. Зализняка / Отв. ред. Т. М. Николаева. М.: Индрик, 1996. С. 510–525.
- Крылова 1992/2009 — Крылова О. А. Коммуникативный синтаксис русского языка. М.: Изд-во РУДН, 1992. 2-е изд.: М., Либроком, 2009.
- Крылова, Хавронина 1976 — Крылова О. А., Хавронина С. А. Порядок слов в русском языке. М.: Русский язык, 1976.
- Крысько 1994 — Крысько В. Б. Развитие одушевленности в истории русского языка. М.: Лусеум, 1994.
- Кукушкина, Доценко 2013 — Кукушкина О. В., Доценко Е. А. Роли лица, маркируемые словоформой управляющего существительного // Язык, сознание, коммуникация. Сб. статей. Т. 47. АСТ Пресс М, 2013. С. 326–340.
- Курилович 1962 — Курилович Е. Проблема классификации падежей // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.
- Ландер 2011 — Ландер Ю. А. Приименные посессивные конструкции в тантыном даргинском // Кавказоведческие разыскания. 2011. № 3. С. 77–95.

- Ландер 2012 — Ландер Ю. А. Релятивизация в полисинтетическом языке: адыгейские относительные конструкции в типологической перспективе: Дис. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2012.
- Ландер 2015 — Ландер Ю. А. Даргинский вклад в типологию согласования. Аргументная структура, падеж и согласование в дагестанских языках: Доклад, представленный на совещании по аргументной структуре в дагестанских языках. Институт языкознания РАН, 11.12.2015.
- Лекант 1974 — Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М.: Высш. школа, 1974.
- Лютикова 2008 — Лютикова Е. А. Загадки русских относительных предложений: Материалы лекции, прочитанной на конференции молодых исследователей «Синтаксические структуры–2», Москва. [URL: http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/courses/syntax-/Zagadki_Lyutikova_2008.pdf]
- Лютикова 2009 — Лютикова Е. А. Относительные предложения с союзным словом «который»: общая характеристика и свойства передвижения // Корпусные исследования по русской грамматике / Под ред. К. Л. Киселевой, В. А. Плунгяна, Е. В. Рахилиной, С. Г. Татевосова. М.: Пробел–2000, 2009. С. 436–511.
- Лютикова 2010 — Лютикова Е. А. К вопросу о категориальном статусе именных групп в русском языке // Вестник МГУ, Сер. 9 «Филология». 2010. № 6. С. 36–77.
- Лютикова 2012а — Лютикова Е. А. Интерпретация местоимения который в аппозитивных относительных предложениях // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2012. № 1. С. 3–24.
- Лютикова 2012б — Лютикова Е. А. О двух типах инверсии в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2012. № 2 (24). С. 65–106.
- Лютикова 2014а — Лютикова Е. А. Русский генитивный посессор и формальные модели именной группы // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы междунар. конф. «Типология морфосинтаксических параметров 2014». Вып. 1 / Под ред. Е. А. Лютиковой, А. В. Циммерлинга, М. Б. Коношенко. М.: МГГУ, 2014. С. 120–145.
- Лютикова 2014б — Лютикова Е. А. Падеж и структура именной группы: вариативное маркирование объекта в мишарском диалекте татарского языка // Вестник Московского гос. гуманитарного ун–та им. М. А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2014. № 4. С. 50–70.

- Лютикова 2015 — Лютикова Е. А. Согласование, признаки и структура именной группы в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2015. № 30. С. 44–74.
- Лютикова и др. 2006 — Лютикова Е. А., Татевосов С. Г., Иванов М. Ю. и др. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М.: ИМЛИ РАН, 2006.
- Лютикова, Перельцвайг 2015 — Лютикова Е. А., Перельцвайг А. М. Структура именной группы в безартиклевых языках: универсальность и вариативность // Вопросы языкознания. 2015. № 3. С. 52–69.
- Лютикова, Татевосов 2014 — Лютикова Е. А., Татевосов С. Г. Постоянная Кибрика // Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика / Под ред. М. А. Даниэля, Е. А. Лютиковой, В. А. Плунгяна и др. СПб.: Алетейя, 2014. С. 140–168.
- Лютикова, Тестелец 2013 — Лютикова Е. А., Тестелец Я. Г. Родительный падеж при отрицании и расщепленные конструкции со значением количества в русском языке // Логический анализ языка: числовой код / Под ред. Н. Д. Арутюновой, С. Ю. Бочавер. М.: URSS, 2013. С. 22–35.
- Мельчук 1960 — Мельчук И. А. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность» // Вопросы языкознания. 1960. № 4. С. 73–80.
- Мельчук 1974 — Мельчук И. А. О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций: Диатезы и залого / Отв. ред. А. А. Холодович. Л.: Наука, 1974. С. 343–360.
- Мельчук 1974/1999 — Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «СМЫСЛ ↔ ТЕКСТ». М.: Наука, 1974. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Мельчук 1980 — Мельчук И. А. О падеже числового выражения в русских сочетаниях типа (больше) на два мальчика или по трое больных // Russian Linguistics. 1980. Vol. 5. No. 1. P. 55–74.
- Мельчук 1985 — Мельчук И. А. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. Wien: Wiener Slavistischer Almanach, 1985.
- Мельчук 1993 — Мельчук И. А. Согласование, управление, конгруэнтность // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 16–58.
- Мельчук 1995 — Мельчук И. А. Русский язык в модели «СМЫСЛ ↔ ТЕКСТ». Москва – Вена: Языки русской культуры, 1995.
- Мельчук 1998 — Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Том 2. Часть 2. Морфологические значения. Москва — Вена: Языки русской культуры, Wiener slavistischer Almanach, 1998.

- Микаэлян 2012 — Микаэлян И. Л. О категории одушевленности в конструкциях с числительными в русском языке // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: сб. статей в честь 80-летия И. А. Мельчука. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 429–447.
- Минлос 2008 — Минлос Ф. Р. Позиция атрибута внутри именной группы в языке Псковской летописи // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 203–216.
- Минлос 2010 — Минлос Ф. Р. Что притягивает притяжательные местоимения? или Линейная позиция атрибутов // Вопросы русского языкознания. Вып. XIII. Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее. М., 2010. С. 279–290.
- Минлос 2011 — Минлос Ф. Р. Князь великий или великий князь: параметры варьирования // Слова. Концепты. Мифы: К 60-летию Анатолия Фёдоровича Журавлёва / Отв. ред. Г.К. Венедиктов. М.: Индрик, 2011. С. 209–217.
- Мучник 1963 — Мучник И. П. Категория рода и ее развитие в современном русском литературном языке // Развитие современного русского языка / Под ред. С. И. Ожегова и М. В. Панова. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. С. 39–82.
- Мучник 1971 — Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М.: Наука, 1971.
- Николаева 1982 — Николаева Т. М. Семантика акцентного выделения. М.: Наука, 1982.
- Падучева 1974 — Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М.: Наука, 1974.
- Падучева 1977 — Падучева Е. В. О производных диатезах отпредикатных имен в русском языке // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка / Отв. ред. В.С. Храковский. Л.: Наука, 1977. С. 84–107.
- Падучева 1984 — Падучева Е. В. Притяжательное местоимение и проблема залога отглагольного имени // Проблемы структурной лингвистики / Отв. ред. В.П. Григорьев. М.: Наука, 1984. С. 50–66.
- Падучева 1985/2002 — Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985. 3-е изд.: М.: УРСС, 2002.
- Падучева 1989 — Падучева Е. В. К интонационной транскрипции для предложений произвольной синтаксической сложности // Вопросы кибернетики. Семиотические исследования. М.: Изд-во Акад. наук СССР. Научный совет по комплексной проблеме

- «Кибернетика», 1989. С. 18–29. Перепечатано в: Падучева Е.В. Статьи разных лет. М.: Языки славянской культуры, 2009. С. 259–271.
- Падучева 1997 — Падучева Е. В. Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // Вопросы языкознания. 1997. № 2. С. 101–116.
- Падучева 2004 — Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Падучева 2006 — Падучева Е. В. Генитив дополнения в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // Вопросы языкознания. 2006. № 2. С. 21–43.
- Падучева 2008 — Падучева Е. В. Коммуникативная расчлененность и пути ее преодоления: инверсия подлежащего // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова / Под ред. А.В. Архипова и др. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 417–426.
- Падучева 2009 — Падучева Е. В. Посессивы и имена способа действия. Материалы международной конференции по компьютерной лингвистике Диалог–2009 [URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/html/56.htm>].
- Падучева 2012 — Падучева Е. В. Тематическая препозиция: акцентные сдвиги и инверсия. Материалы к докладу на международной конференции «Проблемы речевого общения (Десятые Шмелевские чтения)». ИРЯ РАН, 24–26 февраля 2012 г.
- Падучева 2014 — Падучева Е. В. Снятая утвердительность и неверидикативность // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2014 г.). Вып. 13 (20). М.: Изд-во РГГУ, 2014. С. 489–505.
- Падучева 2016 — Падучева Е. В. Коммуникативная структура и линейно-акцентные преобразования предложения (на материале русского языка) // Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов / Под ред. А. В. Циммерлинга, Е. А. Лютиковой. М.: ЯСК, 2016.
- Пазельская 2003 — Пазельская А. Г. Аспектуальность и русские предикатные имена // Вопросы языкознания. 2003. № 4. С. 72–90.
- Пазельская 2004 — Пазельская А. Г. Регулярная многозначность русских предикатных имён // Studia Slavica IV. Сборник научных работ молодых филологов. Таллин: Изд-во ТПГУ, 2004. С. 291–301.

- Пазельская 2005 — Пазельская А. Г. Валентные свойства русских отглагольных имен эмоций // И. М. Кобозева, А. С. Нариньяни, В. П. Селегей (ред.). Труды международного семинара «Диалог» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М.: Наука, 2005. С. 401–406.
- Пазельская 2006 — Пазельская А. Г. Наследование глагольных категорий именами ситуаций: на материале русского языка: Дисс... канд. филол. наук. М., МГУ имени М.В. Ломоносова, 2006.
- Пазельская, Татевосов 2008 — Пазельская А. Г., Татевосов С. Г. Отглагольное имя и структура русского глагола // Исследования по глагольной деривации / Под ред. В. А. Плуногяна, С. Г. Татевосова. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 348–380.
- Пешковский 1914/1956 — Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1914. 7-е изд.: М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Мин. просвещения РСФСР, 1956.
- Плуногян 2011 — Плуногян В. А. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд-во РГГУ, 2011.
- Подлеская 2011 — Подлеская В. И. Позиция притяжательного местоимения относительно вершинного имени в зависимости от положения ИГ относительно сказуемого. Материалы к разделу Именная группа. Корпусные данные 2. Русская грамматика [URL: <http://www.rusgram.ru>].
- Подлеская 2012 — Подлеская В.И. Структурная и линейно-просодическая целостность именных групп по данным корпусного исследования: сочиненные и комитативные группы с личным местоимением первого лица в русском языке // Вопросы языкознания. 2012. №1. С. 42–65.
- Пор-Рояль 1660/1990 — Грамматика общая и рациональная, содержащая основы искусства речи, изложенные ясным и естественным образом, толкование общего в языках и главные различия между ними, а также — многочисленные новые замечания о французском языке, написанная Антуаном Арно и Клодом Лансло: В прил. заметок Ш. Дюкло / Пер. с фр., коммент. и послесл. Н. Ю. Бокадоровой; Общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова; 272 с. М.: Прогресс, 1990.
- Привизенцева 2015 — Привизенцева М. Ю. Синтаксис относительного предложения в мокшанском языке: Выпускная квалификационная работа бакалавра. М., МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 2015.

- Распопов 1961/2009 — Распопов И. П. Актуальное членение предложения (на материале простого повествования преимущественно в монографической речи). Уфа, 1961. 2-е изд.: М., Либроком, 2009.
- Рахилина (ред.) 2008 — Рахилина Е. В. (ред.). Объектный генитив при отрицании в русском языке. М., 2008.
- Рахилина 2015 — Рахилина Е. В. Степени сравнения в свете русской грамматики ошибок // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2015. № 6. С. 310–333.
- Рахилина, Тестелец 2016 — Рахилина Е. В., Тестелец Я. Г. Научное наследие Ч. Филлмора и современная теория языка // Вопросы языкознания. 2016. № 2. С. 7–21.
- РГ 1980 — Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1, 2. М., 1980.
- Розенталь 1997 — Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и стилистике. М.: Комплект, 1997.
- Розенталь 1998 — Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке. 5-е изд., испр. и доп. М.: Книга, 1998.
- Розенталь и др. 1994 — Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык: Учебное пособие. 2-е изд. М.: Междунар. отношения, 1994.
- Рудницкая 2010 — Рудницкая Е.Л. Спорные вопросы корейской грамматики. Теоретические проблемы и методы их решения. М.: Восточная литература РАН, 2010.
- Рудницкая 2013 — Рудницкая Е. Л. Конструкции с фразовыми аффиксами: проблемы формального описания (на материале корейского и турецкого языков) // Вестник НГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2 (11). С. 5–14.
- Рудницкая 2014а — Рудницкая Е.Л. Внутренняя структура числовой конструкции с классификатором в корейском языке // Вопросы языкознания. 2014. № 1. С. 60–77.
- Рудницкая 2014б — Рудницкая Е.Л. Прагматические факторы, влияющие на опущение падежных показателей, в корейском языке // Вестник Томского гос. Пед. Ун-та. 2014. Вып. 4 (145). С. 80–84.
- Русская грамматика 1980 — Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. В 2-х т. М.: Академия Наук СССР, 1980.
- Светозарова 1982 — Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.
- Светозарова 1993 — Светозарова Н. Д. Акцентно-ритмические инновации в русской

- спонтанной речи // Проблемы фонетики. 1993. Вып. I. М., Наука, 1993. С. 189–198.
- Сердобольская, Толдова 2012 — Сердобольская Н. В., Толдова С. Ю. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Языки славянских культур, 2012.
- Сидорова 2015 — Сидорова М. Ю. Коммуникативно-функциональная грамматика и традиционные синтаксические объекты (придаточное определительное с союзным словом *который*) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2015. № 4.
- Сиротинина 1965/2006 — Сиротинина О. Б. Порядок слов в русском языке. Саратов, 1965. 3–е изд.: М., КомКнига, 2006.
- Сиротинина 1974 — Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М.: Просвещение, 1974.
- Скобликова 1971 — Скобликова Е. С. Согласование и управление в русском языке. М.: Наука, 1971.
- Слюсарь 2009 — Слюсарь Н. А. На стыке теорий. Грамматика и информационная структура в русском и других языках. М.: Изд-во Либроком, 2009.
- Соловьев 2001 — Соловьев В. Д. Маркировка каузируемого и проблема идентификации синтаксических позиций // Обработка текста и когнитивные технологии. Вып. 6. Казань, 2001.
- Стёпина 2008 — Стёпина С. М. Актантная структура глагольных идиом в русском языке: Дипломная работа. М., МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 2008.
- Сулейманов 1996 — Сулейманов Д. Ш. К вопросу о числе падежей в татарском языке // Исследования в лингвистике. Казань: Фэн, 1996. С. 70–84.
- Сумбатова, Ландер 2014 — Сумбатова Н. Р., Ландер Ю. А. Даргинский говор селения Танты: грамматический очерк, вопросы синтаксиса. М.: Языки славянской культуры, 2014.
- Супрун 1959 — Супрун А. Е. О русских числительных. Фрунзе, Киргизский гос. ун-т, 1959.
- Татарская грамматика — Татарская грамматика: В 3 т. / Под ред. М. Ф. Закиева. Казань: изд-во Казанского гос. ун-та, 1993–1995.
- Тестелец 2001 — Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: Изд-во РГГУ, 2001.
- Тестелец 2008 — Тестелец Я. Г. Структура предложений с невыраженной связкой в русском языке // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст: сборник статей в честь

- Е.В.Падучевой / Под ред. А. В. Бондарко, Г. И. Кустовой, Р. И. Розиной. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 773–789.
- Тестелец 2014 — Тестелец Я. Г. Структура именных конструкций и проблема чередования падежей в адыгских языках // Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика / Под ред. М. А. Даниэля, Е. А. Лютиковой, В. А. Плунгяна и др. СПб.: Алетейя, 2014. С. 536–551.
- Тумашева, Ирисов 1989 — Тумашева Д. Г., Ирисов Н. И. К вопросу о падежном характере аффиксов *-дагы* и *-ныкы* // Советская тюркология. 1989. № 6. С. 3–10.
- Уленбек 1950 — Уленбек Кристиан К. Пассивный характер переходного глагола или глагола действия в языках Северной Америки. К учению о падежах. Agens и Patiens в падежной системе индоевропейских языков. Идентифицирующий характер поссессивной флексии в языках Северной Америки // Эргативная конструкция предложения / Под ред. Е. А. Бокарева. Сб. пер. ст. М., 1950.
- Феоктистов 1993 — Феоктистов А. П. Мокшанский язык // Языки мира: Уральские языки. М., 1993. С. 178–189.
- Ханина, Шлуинский 2015 — Ханина О. В., Шлуинский А. Б. Прямой объект в энецком языке: объектное согласование глагола // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы междунар. конф. «Типология морфосинтаксических параметров 2015». Вып. 2 / Под ред. Е. А. Лютиковой, А. В. Циммерлинга, М. Б. Коношенко. М.: МПГУ, 2015. С. 400–420.
- Холодилова 2014 — Холодилова М. А. Относительные придаточные: Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М. 2014. [URL: http://rusgram.ru/%D0%9E%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%81%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B4%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B5#322]
- Циммерлинг 1999 — Циммерлинг А. В. Порядок слов и синтаксические позиции // Труды международного семинара «Диалог 1999» по компьютерной лингвистике и её приложениям / А.С. Нариньяни (ред.). Москва, 1999.
- Циммерлинг 2006 — Циммерлинг А. В. Отношение свободного порядка слов и модели инверсии // Труды международного семинара «Диалог 2006» по компьютерной лингвистике и её приложениям / Под ред. Н.И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. М.: Изд-во РГГУ, 2006. С. 541–544.

- Циммерлинг 2008 — Циммерлинг А. В. Локальные и глобальные правила в синтаксисе // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2008 г.). Вып. 7 (14). М.: РГГУ, 2008. С. 551–563.
- Циммерлинг 2012а — Циммерлинг А. В. Системы порядка слов с клитиками в типологическом аспекте // Вопросы языкознания. 2012. № 4. С. 3–38.
- Циммерлинг 2012б — Циммерлинг А. В. Системы порядка слов в славянских языках // Исследования по типологии славянских, балтийских и балканских языков / Под ред. Вяч. Вс. Иванова. СПб.: Алетейя, 2012.
- Циммерлинг 2012в — Циммерлинг А. В. Системы порядка слов в славянских языках // Вопросы языкознания. 2012. № 5. С. 3–37.
- Циммерлинг 2016 — Циммерлинг А. В. Линейно–акцентная грамматика и коммуникативно нерасчлененные предложения в русском языке // Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов / Под ред. А.В. Циммерлинга, Е.А. Лютиковой. М.: ЯСК, 2016.
- Чернейко 2001 — Чернейко Л. О. Абстрактные и отвлеченные существительные в их отношении к категории числа // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве. Сборник научных статей к 80-летию профессора Клавдии Васильевны Горшковой / Под ред. Е. В. Клобукова. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 467–487.
- Шахматов 1925/1941 — Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Вып. 1. Л., 1925; 2-е изд.: Л.: Учпедгиз, 1941.
- Шведова 1960 — Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Изд-во РАН, 1960.
- Шелов 1990 — Шелов С. Д. Об определении лингвистических терминов (опыт типологии и интерпретации) // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 21–30.
- Шкапа 2011 — Шкапа М. В. Согласование определения с существительным при числительных два, три, четыре // Проблемы русской стилистики по данным НКРЯ. Режим доступа: <https://www.ruscorpora.ru/stylistics/numagr.html>
- Шмелев 2008 — Шмелев А. Д. Поссесивы в современной русской грамматике // Динамические модели. Слово, предложение, текст: сборник статей в честь Е.В.Падучевой / Под ред. А. В. Бондарко, Г. И. Кустовой, Р. И. Розиной. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 927–942.

- Якобсон 1985 — Якобсон Р. О. К общему учению о падеже // Якобсон Р. О. Избранные работы / Пер. с англ., нем., франц. М., 1985.
- Янко 2001 — Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Янко 2002 — Янко Т. Е. Русские числительные как классификаторы существительных. Русский язык в научном освещении. 2002. № 1(3). С. 168–181.
- Янко 2008а — Янко Т. Е. Обращения в русском языке. Материалы лекции. Летняя лингвистическая школа 2008, Дубна, 2008.
- Янко 2008б — Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: ЯСК, 2008.
- Янко 2009 — Янко Т. Е. Вокативные стратегии русской речи // Речевая коммуникация в современной России: материалы I Международной конференции (Омск, 27–29 апреля 2009г.) Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. С. 425–432.
- Янко 2010 — Янко Т. Е. Обращения в структуре дискурса // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных культурах. М.: Индрик, 2010. С. 456–468.
- Abbott 2004 — Abbott B. Definiteness and indefiniteness // Handbook of pragmatics / ed. by L. Horn and G. Ward. Oxford: Blackwell, 2004. P. 122–149.
- Abney 1986 — Abney S. Functional elements and licensing. Paper presented at GLOW, Gerona, Spain, 1986. Available at: <http://www.vinartus.net/spa/publications.html>.
- Abney 1987 — Abney S. The English noun phrase in its sentential aspect. Ph. D. thesis. MIT, Cambridge (Mass.), 1987.
- Aboh 2004 — Aboh E. Topic and focus within D // Linguistics in the Netherlands. 2004. Vol. 21. P. 1–12.
- Aboh et al. 2010 — Aboh E., N. Corver, M. Dyakonova, and M. van Koppen. DP-internal information structure // Lingua. 2010. Vol. 120 (special issue). P. 782–801.
- Ackerman 1994 — Ackerman F. Entailments of predicates and the encoding of causes // Linguistic Inquiry. 1994. Vol. 25. No. 3. P. 535–547.
- Adger, Svenonius 2009 — Adger D., Svenonius P. Features in minimalist syntax // The Oxford handbook of linguistic minimalism / ed. by C. Boeckx. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 27–51.

- Áfarli 1994 — Áfarli T. A promotion analysis of restrictive relative clauses // *The Linguistic Review*. 1994. Vol. 11. P. 81–100.
- Aihara 2009 — Aihara M. The Scope of *-est*: Evidence From Japanese // *Natural Language Semantics*. 2009. Vol. 17. No. 4. P. 341–67.
- Aikhenvald 2010 — Aikhenvald A. Gender and noun class in Paumarí in a typological perspective // *Linguistics and archeology in the Americas* / ed. by E. Carlin and S. Kerke. Leiden: Brill, 2010. P. 236–252.
- Aikhenvald 2015 — Aikhenvald A. Differential case in Yalaku // *Oceanic Linguistics*. 2015. Vol. 54. No. 1. P. 240–269.
- Aissen 2003 — Aissen J. Differential object marking: Iconicity vs. Economy // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2003. Vol. 21. P. 435–483.
- Aldridge 2004 — Aldridge E. Ergativity and word order in Austronesian languages. Ph. D. Dissertation. Cornell University, 2004.
- Aldridge 2008 — Aldridge E. Generative approaches to ergativity // *Language and Linguistics Compass*. 2008. Vol. 5. P. 966–995.
- Alexiadou 2001 — Alexiadou A. Functional structure in nominals: Nominalization and ergativity. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2001.
- Alexiadou 2005 — Alexiadou A. Possessors and (in)definiteness // *Lingua*. 2005. Vol. 115. No. 6. P. 787–819.
- Alexiadou et al. (eds.) 2007 — Noun phrase in the generative perspective / ed. by A. Alexiadou, L. Haegeman, and M. Stavrou. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2007.
- Alqurashi, Borsley 2012 — Alqurashi A., Borsley R. Arabic relative clauses in HPSG // *Proceedings of the 19th international conference on Head-Driven Phrase Structure Grammar*, Chungnam National University Daejeon / ed. by Stefan Müller. Stanford, CA: CSLI Publications, 2012. P. 26–44.
- Anagnostopoulou, Fox 2007 — Anagnostopoulou E., Fox D. Course materials for 24.952 Advanced Syntax, Spring 2007. MIT OpenCourseWare (<http://ocw.mit.edu/>). Massachusetts Institute of Technology. Accessed July 07, 2015.
- Anderson 1976 — Anderson S. On the notion of subject in ergative languages // *Subject and topic* / ed. by C. Li. New York: Academic Press, 1976. P. 1–24.

- Anyanwu 2012 — Anyanwu O. Pronominal subject clitics in Igbo // *Theory and Practice in Language Studies*. 2012. Vol. 2. No. 2. P. 377–388.
- Aoun, Sportiche 1983 — Aoun J., Sportiche D. On the formal theory of government // *Linguistic Review*. 1983. Vol. 2. P. 211–236.
- Arkadiev 2009 — Arkadiev P. Differential argument marking in two-term case systems and its implications for the general theory of case marking // *Differential subject marking* / ed. by H. de Hoop and P. de Swart. Dordrecht: Springer, 2009. P. 151–172.
- Arkadiev 2015 — Arkadiev P. Typology of alignment. Ms. RGGU, 2015.
- Arkadiev 2016 — Arkadiev P. Long-distance genitive of negation in Lithuanian // *Argument realization in Baltic* / ed. by A. Holvoet and N. Nau. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2016. P. 37–81.
- Asarina 2008 — Asarina A. Gender and adjectives in numeral constructions in Russian. Ms. MIT, 2008. [<http://web.mit.edu/alya/www/russian-gender.pdf>]
- Asarina 2009 — Asarina A. Gender and adjective agreement in Russian. Paper presented at SLS4 Annual meeting, Sept. 4, 2009. [<http://web.mit.edu/alya/www/sls4-handout.pdf>]
- Asbury 2008 — Asbury A. The morphosyntax of case and adpositions (LOT Dissertation Series 180). Utrecht: LOT, 2008. (URL: http://www.lotpublications.nl/Documents/180_fulltext.pdf)
- Asudeh 2011 — Asudeh A. The syntax and semantics of resumptive pronouns: Implications for compositionality. Paper presented at the Utrecht University, May 16, 2011. [URL: <http://users.ox.ac.uk/~cpgl0036/handouts/asudeh-utrecht-ho.pdf>]
- Asudeh 2012 — Asudeh A. 2012. *The logic of pronominal resumption*. Oxford: Oxford University Press.
- Aydemir 2004 — Aydemir Y. Are Turkish preverbal bare nouns syntactic arguments? // *Linguistic Inquiry*. 2004. Vol. 35. No. 3. P. 465–474.
- Babby 1973 — Babby L. The deep structure of adjectives and participles in Russian // *Language*. 1973. Vol. 49. No. 2. P. 349–360. Русский перевод: Бебби Л. Глубинная структура прилагательных и причастий в русском языке // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XV. 1985. С. 156–170.
- Babby 1975 — Babby L. *A transformational grammar of Russian adjectives*. The Hague: Mouton, 1975.

- Babby 1980 — Babby L. H. Existential sentences and negation in Russian. Ann Arbor, Michigan, 1980.
- Babby 1985 — Babby L. Prepositional quantifiers and the direct case condition // Issues in Russian morphosyntax / ed. by Michael Flier and Richard D. Brecht. Columbus, Ohio: Slavica Publications, 1985. P. 91–117.
- Babby 1987 — Babby L. Case, prequantifiers, and discontinuous agreement in Russian. *Natural Language and Linguistic Theory*. 1987. Vol. 5. No. 1. P. 91–138.
- Babby 1991 — Babby L. Noncanonical configurational case assignment strategies // Cornell Working Papers in Linguistics. Vol. 9 / ed. by A. Toribio and W. Harbert. Ithaca, New York: Cornell University. P. 1–55.
- Babby 1997 — Babby L. H. Nominalization in Russian // Formal approaches to Slavic linguistics: The Cornell Meeting / ed. by W. Browne, E. Dornisch, N. Kondrashova and D. Zec. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 1997. P. 54–83.
- Babby 1998 — Babby L. Subject control as direct predication // Formal Approaches to Slavic Linguistics: the Connecticut Meeting / ed. by Ž. Bošković, S. Franks and W. Snyder. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 1998. P. 17–37.
- Babby 2009 — Babby L. The syntax of argument structure. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Babby, Franks 1998 — Babby L., Franks S. The syntax of adverbial participles in Russian revisited // The Slavic and East European Journal. 1998. Vol. 42. No. 3. P. 483–516.
- Babyonyshev 1996 — Babyonyshev M. Structural Connections in syntax and processing: Studies in Russian and Japanese. Ph.D. Dissertation. MIT, Cambridge, Mass., 1996.
- Bailyn 1995 — Bailyn J. Configuring the ‘free word order’ in Russian. Ph.D. dissertation, Cornell University, 1995.
- Bailyn 2001 — Bailyn J. The syntax of Slavic predicate case // ZAS Papers in Linguistics. 2001. Vol. 22. P. 1–26.
- Bailyn 2002 — Bailyn J. Overt predicators // *Journal of Slavic Linguistics*. 2002. Vol. 10 (1–2). P. 23–52.
- Bailyn 2003 — Bailyn J. A (purely) derivational approach to Russian scrambling // Formal Approaches to Slavic Linguistics. Vol. 11 /ed. by B. Partee et al. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2003.

- Bailyn 2004a — Bailyn J. Generalized inversion // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2004. Vol. 22. No. 1. P. 1–49.
- Bailyn 2004b — Bailyn J. The case of Q // *Formal Approaches to Slavic Linguistics* / ed. by O. Arnaudova, W. Browne, M. L. Rivero and D. Stojanovic. Vol. 12. The Ottawa Meeting 2003. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2004. P. 1–35.
- Bailyn 2012 — Bailyn J. *The syntax of Russian*. Cambridge: CUP, 2012.
- Bailyn, Citko 1999 — Bailyn J., Citko B. Case and agreement in Slavic predicates // *Formal approaches to Slavic linguistics 7: The Seattle Meeting* / K. Dziwirek, H. Coats and C. Vakareliyska. Ann Arbor, Michigan: Michigan Slavic Publications, 1999. P. 17–37.
- Bailyn, Rubin 1991 — Bailyn J., Rubin E. J. The Unification of Instrumental Case Assignment in Russian // *Cornell Working Papers in Linguistics*. Vol. 9 / ed. by A. Toribio and W. Harbert. Ithaca, New York: Department of Modern Languages and Linguistics, Cornell University, 1991. P. 99–126.
- Baker 1985 — Baker M. The Mirror Principle and morphosyntactic explanation // *Linguistic Inquiry*. 1985. Vol. 16. No. 3. P. 373–416.
- Baker 1988 — Baker M. *Incorporation. A theory of grammatical function changing*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1988.
- Baker 1996 — Baker M. *The polysynthesis parameter*. New York: Oxford University Press, 1996.
- Baker 2001 — Baker M. *The atoms of language. The mind's hidden rules of grammar*. New York: Basic Books, 2001.
- Baker 2003 — Baker M. *Lexical categories. Verbs, nouns, and adjectives*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Baker 2008a — Baker M. The macroparameter in a microparametric world // *The limits of syntactic variation* / ed. by Theresa Biberauer. Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 351–373.
- Baker 2008b — Baker M. *The syntax of agreement and concord*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Baker 2009a — Baker M. Formal generative typology // *The Oxford handbook of linguistic analysis* / ed. by B. Heine and H. Narrog. Oxford: OUP, 2009. P. 285–312.
- Baker 2009b — Baker M. Is head movement still needed for noun incorporation? The case of Mapudungun // *Lingua*. 2009. 119 (2). P. 148–165.

- Baker 2011 — Baker M. On the syntax of surface-adjacency: The case of pseudo noun incorporation. Manuscript, Rutgers University, 2011.
- Baker 2012 — Baker M. On the relationship of object agreement and accusative case: Evidence from Amharic // *Linguistic Inquiry*. 2012. Vol. 43. P. 255–274.
- Baker 2014a — Baker M. On dependent ergative case (in Shipibo) and its derivation by phase // *Linguistic Inquiry*. 2014. Vol. 45. No. 3. P. 341–379.
- Baker 2014b — Baker M. Types of cross linguistic variation in case assignment // *Linguistic variation in the minimalist framework* / ed. by M. Carme Picallo. Oxford: OUP, 2014.
- Baker 2015 — Baker M. Case. Its principles and its parameters. (Cambridge studies in linguistics 146) Cambridge: CUP, 2015.
- Baker, Vinokurova 2010 — Baker M., Vinokurova N. Two modalities of case assignment: Case in Sakha // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2010. Vol. 28. P. 593–642.
- Bakker, Hengeveld 1999 — Bakker D., Hengeveld K. Relatieve zinnen in typologisch perspectief // *Gramma*. 1999. Vol.7. P. 191–214.
- Barðdal, Chelliah (eds) 2009 — Barðdal J., Chelliah S. (eds). The role of semantic, pragmatic, and discourse factors in the development of case. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2009.
- Barker 2012 — Barker C. Quantificational binding does not require c-command // *Linguistic Inquiry*. 2012. Vol. 43. No. 4. P. 614–633.
- Barss 1986 — Barss A. Chains and anaphoric dependence. Ph. D. dissertation. MIT, 1986.
- Bartos 2001 — Bartos H. Object agreement in Hungarian — a case for minimalism // *The minimalist parameter* / ed. by G. Alexandrova and O. Arnaudova. Amsterdam: John Benjamins, 2001. P. 311–324.
- Barwise, Cooper 1981 — Barwise J., Cooper R. Generalized quantifiers and natural language // *Linguistics and Philosophy*. 1981. Vol. 4. No. 2. P. 159–219.
- Basilico 1996 — Basilico D. Head position and internally headed relative clauses // *Language*. 1996. Vol. 72. P. 498–532.
- Bayer 1995 — Bayer J. On the origin of sentential arguments in German and Bengali // *Studies in comparative germanic syntax* / ed. by H. Haider, S. Olsen and S. Vikner. Dordrecht: Kluwer, 1995.
- Bayer 1996 — Bayer J. Directionality and logical form. Dordrecht: Kluwer, 1996.

- Bayer 1997 — Bayer J. CP–extraposition as argument shift // Rightward movement / ed. by D. Beerman, D. LeBlanc and H. van Riemsdijk. Amsterdam: John Benjamins, 1997. P. 37–58.
- Bayer 2000 — Bayer J. Basic order: A significant difference between English and German // Von der Philologie zur Grammatiktheorie: Peter Suchsland zum 65. Geburtstag / ed. by J. Bayer and C. Römer. Tübingen: Niemeyer, 2000.
- Beghelli, Stowell 1997 — Beghelli F., Stowell T. Distributivity and negation: the syntax of *each* and *every* // Ways of scope taking / ed. by A. Szabolcsi. London: Kluwer, 1997. P. 71–107.
- Belletti (ed.) 2004 — Structures and beyond: The cartography of syntactic structures, vol. 3. / ed. by A. Belletti. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Belletti 1988 — Belletti A. The case of unaccusatives // Linguistic Inquiry. 1988. Vol. 19. No. 1. P. 1–34.
- Belletti 1990 — Belletti A. Generalized verb movement. Torino: Rosenberg & Sellier, 1990.
- Bennis et al. 1998 — Bennis H., den Dikken M., Corver N. Predication in nominal phrases // The Journal of Comparative Germanic Linguistics. 1998. Vol. 1. P. 85–117.
- Berman 1998 — Berman J. On the syntax of correlative *es* and finite clauses in German: an LFG analysis // Proceedings of the ESSLLI X workshop «Current topics in constraint–based theories of Germanic syntax» / ed. by T. Kiss and D. Meurers. Saarbrücken: SU, 1998.
- Bernstein 1991 — Bernstein J. DPs in French and Walloon: Evidence for parametric variation in nominal head movement. Probus. 1991. Vol. 3. P. 101–126.
- Bhatt 2002 — Bhatt R. The raising analysis of relative clauses: Evidence from adjectival modification // Natural Language Semantics. 2002. Vol. 10 (1). P. 43–90.
- Bhatt 2003 — Bhatt R. Locality in correlatives // Natural Language and Linguistic Theory. 2003. Vol. 21. P. 485–541.
- Bhatt 2005 — Bhatt R. Three theories of relative clauses. Handout from the 2005 LOT Summer School on «The Syntax and Semantics of Nominal Modification».
- Bhatt 2006 — Bhatt R. Covert modality in non–finite contexts. Berlin: Walter De Gruyter, 2006.
- Bianchi 1999 — Bianchi V. Consequences of antisymmetry: Headed relative clauses. Berlin: Mouton de Gruyter, 1999.
- Bianchi 2000 — Bianchi V. Some issues in the syntax of relative determiners // The syntax of relative clauses. Philadelphia: John Benjamins, 2000. P. 53–81.

- Bianchi 2002a — Bianchi V. Headed relative clauses in generative syntax, Part I // *Glott International*. 2002. Vol. 6. No.7. P. 197–204.
- Bianchi 2002b — Bianchi V. Headed relative clauses in generative syntax, Part I // *Glott International*. 2002. Vol. 6. No.8. P. 1–13.
- Billings 1995 — Billings L. Approximation in Russian and the Single-word constraint. Ph.D. dissertation, Princeton University, 1995.
- Billings, Yadroff 1996 — Billings L., Yadroff M. Prosodic correspondence in syntax: Russian approximative inversion // *Phrasal phonology* / ed. by R. Kager and W. Zonneveld. Dordrecht: Foris, 1996. P. 45–72.
- Bittner, Hale 1993 — Bittner M., Hale K. Ergativity: Towards a theory of a heterogeneous class. Ms. Rutgers and MIT, 1993.
- Bittner, Hale 1996 — Bittner M., Hale K. The structural determination of case and agreement // *Linguistic Inquiry*. 1996. Vol. 27. P. 1–68.
- Blake 2008 — Blake B. History of the research on case // *The handbook of case* / ed. by A. Malchukov and A. Spencer. Oxford: OUP, 2008. P. 13–26.
- Bobaljik 1993 — Bobaljik J. Ergativity and ergative unergatives // *MIT Working Papers in Linguistics*. Vol. 19: Papers on Case and Agreement II / ed. by C. Phillips. Cambridge (Mass.): The MIT Press, 1993. P. 45–88.
- Bobaljik 2008 — Bobaljik J. Where's phi? Agreement as a postsyntactic operation // *Phi-Theory: Phi features across interfaces and modules* / ed. by D. Harbour, D. Adger, and S. Béjar. Oxford: OUP, 2008. P. 295–328.
- Bobaljik, Wurmbrand 2008 — Bobaljik J., Wurmbrand S. Case in GB/Minimalism // *The Oxford handbook of case* / ed. by A. Malchukov and A. Spencer. Oxford: OUP, 2008. P. 4–58.
- Boeckx 2003 — Boeckx C. Islands and chains. Resumption as stranding. Amsterdam: Benjamins, 2003.
- Bonet 1991 — Bonet E. Morphology after syntax: Pronominal clitics in Romance. Ph.D. dissertation, Cambridge, Mass., MIT, 1991.
- Bonet 1995 — Bonet E. Feature structure of Romance clitics // *Natural Language and Linguistic Theory*. 1995. Vol. 13. P. 607–647.
- Borer 1984 — Borer H. Parametric syntax: case studies in Semitic and Romance languages. Dordrecht: Foris, 1984.

- Borer 2005 — Borer H. *Structuring Sense*. Vol. I: In name only; and Vol. II: The normal course of events. Oxford: OUP, 2005.
- Borroff 2006 — Borroff M. Degree phrase inversion in the scope of negation // *Linguistic Inquiry*. 2006. Vol. 37. No. 3. P. 514–521.
- Borschev et al. 2008 — Borschev V., Paducheva E., Partee B., Testelefs Ya., Yanovich I. Russian genitives, intensionality, and the property–type hypothesis // *Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Stony Brook Meeting 2007 (FASL 16)* / ed. by A. Antonenko et al. Ann Arbor: Michigan Slavic Publishers, 2008. P. 48–67.
- Borschev, Partee 1999 — Borschev V., Partee B. Semantic types and the Russian genitive modifier construction // *Formal Approaches to Slavic Linguistics (The Seattle Meeting 1998)* / ed. by K. Dziwirek et al. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, 1999. P. 39–57.
- Borschev, Partee 2002 — Borschev V., Partee B. H. The Russian genitive of negation in existential sentences: the role of theme–rheme structure reconsidered // *Travaux de Cercle Linguistique de Prague 4* / ed. by E. Hajičová et al. Amsterdam: Benjamins, 2002. P. 185–250.
- Borsley 1997 — Borsley R. Relative clauses and the theory of phrase structure // *Linguistic Inquiry*. 1997. Vol. 28. No. 4. P. 629–647.
- Bošković 1997 — Bošković Ž. *The syntax of nonfinite complementation: An economy approach*. Cambridge, MA: MIT Press, 1997.
- Bošković 2002 — Bošković Ž. A-movement and the EPP // *Syntax*. 2002. Vol. 5. P. 167–218.
- Bošković 2005 — Bošković Ž. On the locality of left branch extraction and the Structure of NP // *Studia Linguistica*. 2005. Vol. 59. No. 1. P. 1–45.
- Bošković 2006 — Bošković Ž. Case and agreement with genitive of quantification in Russian // *Agreement systems* / ed. by C. Boeckx. Amsterdam: John Benjamins, 2006.
- Bošković 2008 — Bošković Ž. What will you have, DP or NP? // *Proceedings of the 37th Annual meeting of the North East linguistic society* / ed. by E. Elfnér and M. Walkow. Amherst (MA): GLSA, 2008. P. 101–114.
- Bošković 2009a — Bošković Ž. More on the no–DP analysis of article–less languages // *Studia Linguistica*. 2009. Vol. 63. No. 2. P. 187–203.
- Bošković 2009b — Bošković Ž. The NP/DP analysis and Slovenian // *Proceeding of the University of Novi Sad Workshop on Generative Syntax 1*. Novi Sad [Serbia]: Filozofski fakultet, University of Novi Sad, 2009. P. 53–73.

- Bošković 2010 — Bošković Ž. On NPs and clauses. Ms., University of Connecticut, 2010.
- Bošković 2011 — Bošković Ž. On unvalued uninterpretable features // *Proceedings of the North Eastern Linguistics Society Annual Meeting 39*. Amherst: University of Massachusetts, GLSA, 2011. P. 109–120.
- Bošković, Gajewski 2011 — Bošković Ž., Gajewski J. Semantic correlates of the NP/DP parameter // *Proceedings of NELS 39* / ed. by Suzi Lima, Kevin Mullin, and Brian Smith. Ithaca: CSIPP, 2011.
- Bošković, Şener 2014 — Bošković Ž., Şener S. The Turkish NP // *Crosslinguistic studies on Noun Phrase structure and reference* / ed. by P. Cabredo Hofherr and A. Zribi-Hertz. Leiden: Brill, 2014. P. 102–140.
- Bossong 1985 — Bossong G. *Empirische Universalienforschung. Differentielle Objektmarkierung in der neuiranischen Sprachen*. Tübingen: Narr, 1985.
- Bouchard 2002 — Bouchard D. *Adjectives, number and interfaces: Why languages vary*. Oxford: Elsevier Science, 2002.
- Bowers 1993 — Bowers J. The syntax of predication // *Linguistic Inquiry*. 1993. Vol. 24. P. 591–656.
- Bresnan 1972 — Bresnan J. *Theory of complementation in English syntax*. Ph.D. dissertation, MIT, Cambridge, Mass., 1972.
- Bresnan, Grimshaw 1978 — Bresnan J., Grimshaw J. The syntax of free relatives in English // *Linguistic Inquiry*. 1978. Vol. 9. No. 3. P. 331–391.
- Brody 1997 — Brody M. Perfect chains // *Elements of grammar* / ed. by L. Haegeman. Dordrecht: Kluwer, 1997. P. 139–167.
- Brown 1999 — Brown S. *The syntax of negation in Russian: A minimalist approach*. Stanford, CA: CSLI. Publications, 1999.
- Brown, Franks 1995 — Brown S., Franks S. Asymmetries in the scope of Russian negation // *Journal of Slavic Linguistics*. 1995. Vol. 3. No. 2. P. 239–287.
- Browning 1987 — Browning M. *Null operator constructions*. PhD dissertation, MIT, Cambridge, Mass., 1987.
- Burzio 1986 — Burzio L. *Italian syntax: A government-binding Approach*. Dordrecht: Reidel, 1986.
- Butt 2006 — Butt M. *Theories of case*. (Cambridge Textbooks in Linguistics). Cambridge: CUP, 2006.

- Bybee 1985 — Bybee J. Morphology: A study of the relation between meaning and form. John Benjamins, 1985.
- Bybee, Dahl 1989 — Bybee J., Dahl Ö. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // *Studies in language*. 1989. Vol. 13. P. 51–103.
- Bylinina et al. 2014 — Bylinina L., Ivlieva N., Podobryaev A., and Sudo Y. A Non-Superlative Semantics for ordinals and the syntax and semantics of comparison classes. Unpublished manuscript, 2014. [URL: <http://web.mit.edu/ysudo/www/pdf/ordinals-v9.pdf>]
- Cardinaletti 1990 — Cardinaletti A. Impersonal constructions and sentential arguments in German. Padova: UniPress, 1990.
- Cardinaletti 1998 — Cardinaletti A. On the deficient/strong opposition in possessive systems // *Possessors, Predicates, and Movement in the Determiner Phrase* / ed. by A. Alexiadou and Ch. Wilder. Amsterdam: Benjamins, 1998. P. 17–53.
- Carlson 1977a — Carlson G. Amount relatives // *Language*. 1977. Vol. 58. P. 520–542.
- Carlson 1977b — Carlson G. N. Reference to kinds in English. University of Massachusetts: Ph.D. dissertation. Distributed by GLSA, Umass, 1977.
- Carnie 2002 — Carnie A. *Syntax: A generative introduction*. 1st edition Oxford: Blackwell Publishers, 2002.
- Carstens 2000 — Carstens V. Concord in Minimalist Theory // *Linguistic Inquiry*. 2000. Vol. 31. No. 2. P. 319–355.
- Çetinoğlu, Butt 2008 — Çetinoğlu O., Butt M. Turkish non-canonical objects // *Proceedings of the LFG08 Conference* / ed. by M. Butt and T. King. CSLI Publications, 2008. (URL: <http://csli-publications.stanford.edu/>)
- Chierchia 1998 — Chierchia G. Reference to kinds across languages // *Natural Language Semantics*. 1998. Vol. 6. P. 339–405
- Chomsky 1957 — Chomsky N. *Syntactic structures*. S-Gravenhage: Mouton & Co., 1957.
- Chomsky 1965 — Chomsky N. *Aspects of the theory of syntax*. MIT Research Laboratory of Electronics Special Technical Report 11. Cambridge, MA: MIT Press, 1965.
- Chomsky 1970 — Chomsky N. Remarks on Nominalization // *Readings in English transformational grammar* / ed. by R. Jacobs and P. Rosenbaum. Boston: Ginn, 1970. P. 184–221.
- Chomsky 1973 — Chomsky N. Conditions on transformations // *A festschrift for Morris Halle* / ed. by S. Anderson and P. Kiparsky. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1973. P. 232–286.

- Chomsky 1977a — Chomsky N. On *wh*-movement // Formal syntax / ed. by P. Culicover, T. Wasow, and A. Akmajian. New York: Academic Press, 1977. P. 71–132.
- Chomsky 1977b — Chomsky N. Essays on form and interpretation. New York and Amsterdam: Elsevier North–Holland, 1977.
- Chomsky 1980 — Chomsky N. Rules and representations. Oxford: Blackwell, 1980.
- Chomsky 1981 — Chomsky N. Lectures on government and binding: The Pisa lectures. Dordrecht: Foris, 1981.
- Chomsky 1982 — Chomsky N. Some concepts and consequences of the theory of government and binding. Cambridge, MA: MIT Press, 1982.
- Chomsky 1986 — Chomsky N. Barriers. Cambridge, MA: MIT Press, 1986.
- Chomsky 1989 — Chomsky N. Some notes on economy of derivation and representation // MIT Working Papers in Linguistics. Vol. 10. / ed. by I. Laka, A. Mahajan. Cambridge, MA: MIT Press, 1989. P. 43–74.
- Chomsky 1991 — Chomsky N. Some notes on economy of derivation and representation // Principles and parameters in comparative syntax / ed. by R. Freidin. Cambridge, MA: MIT Press, 1991. P. 417–454.
- Chomsky 1992 — A Minimalist Program for linguistic theory. MIT Occasional Papers in Linguistics 1. Cambridge, MA: MIT Press, 1992.
- Chomsky 1993 — Chomsky N. A minimalist program for linguistic theory // The view from Building 20: Essays in linguistics in honor of Sylvain Bromberger / ed. by K. Hale and S.J. Keyser. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1993. P. 1–52.
- Chomsky 1995 — Chomsky N. The minimalist program. (Current Studies in Linguistics 28.) Cambridge (Mass.): MIT Press, 1995.
- Chomsky 1998 — Chomsky N. Minimalist inquiries: the framework // MIT Occasional Papers in Linguistics. Cambridge, MA: MIT Press, 1998. No. 15.
- Chomsky 1999 — Chomsky N. Derivation by phase. MIT occasional papers in linguistics 18. MITWPL, Department of Linguistics and Philosophy. Cambridge (Mass): MIT Press, 1999.
- Chomsky 2000 — Chomsky N. Minimalist inquiries: The framework // Step by step: Essays on minimalist syntax in honor of Howard Lasnik / ed. by R. Martin, D. Michaels and J. Uriagereka. Cambridge (Mass): MIT Press, 2000. P. 89–155.

- Chomsky 2001 — Chomsky N. Derivation by phase // Ken Hale: A life in language / ed. by M. Kenstowicz. Cambridge (Mass): MIT Press, 2001. P. 1–52.
- Chomsky 2005 — Chomsky N. Three factors in language design // *Linguistic Inquiry*. 2005. Vol. 36. No. 1. P. 1–22.
- Chomsky, Lasnik 1977 — Chomsky N., Lasnik H. Filters and control // *Linguistic Inquiry*. 1977. Vol. 8. P. 425–504.
- Chomsky, Lasnik 1995 — Chomsky N., Lasnik H. The theory of principles and parameters // *The minimalist program* / ed. by N. Chomsky. Cambridge, MA: MIT Press, 1995. P. 13–127.
- Chung, Ladusaw 2004 — Chung S., Ladusaw W. Restriction and saturation. Cambridge (Mass): MIT Press, 2004.
- Chvany 1975 — Chvany C. V. On the syntax of BE-sentences in Russian. Cambridge, MA: Slavica, 1975.
- Cinque (ed.) 2002 — Functional structure in DP and IP. The cartography of syntactic structures. Vol. 1 / ed. by G. Cinque. New York: Oxford University Press, 2002.
- Cinque 1978 — Cinque G. La sintassi dei pronomi relativi cui e quale nell'italiano moderno // *Rivista di Grammatica Generativa*. 1978. № 3. P. 31–126.
- Cinque 1982 — Cinque G. On the theory of relative clauses and markedness // *The Linguistic Review*. 1982. Vol. 1. P. 247–294.
- Cinque 1993 — Cinque G. A null theory of phrase and compound stress // *Linguistic Inquiry*. 1993. Vol. 24. P. 239–297.
- Cinque 1994 — Cinque G. On the evidence for partial N-movement in the Romance DP // *Paths towards universal grammar* / ed. by G. Cinque, J. Koster, J.-Y. Pollock, L. Rizzi, and R. Zanuttini. Georgetown: Georgetown University Press, 1994. P. 85–110.
- Cinque 1995 — Cinque G. Italian syntax and universal grammar. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Cinque 1999 — Cinque G. Adverbs and functional heads. A cross-linguistic perspective. Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Cinque 2005 — Cinque G. Deriving Greenberg's Universal 20 and its exceptions // *Linguistic Inquiry*. 2005. Vol. 36. P. 315–332
- Cinque 2008 — Cinque G. Two types of non-restrictive relatives // *Empirical issues in syntax and semantics 7* / ed. by O. Bonami and P. Cabredo Hofherr. Paris: CSSP, 2008. P. 99–137.

- Cinque, Rizzi 2008 — Cinque G., Rizzi L. The cartography of syntactic structures // *Studies in linguistics: CISCL Working Papers 2*, 2008. P. 42–59.
- Citko 2001 — Citko B. Deletion under identity in relative clauses // *Proceedings of the North East Linguistic Society (NELS) 31: Georgetown University* / ed. by M. Kim and U. Strauss. Amherst, MA: Graduate Linguistic Student Association, 2001. P. 131–145.
- Citko 2011 — Citko B. Multidominance // *The Oxford handbook of linguistic minimalism* / ed. by C. Boeckx. Oxford: OUP, 2011. Chapter 6.
- Comrie 1974 — Comrie B. The second dative: a transformational approach // *Slavic transformational syntax. Michigan Slavic Materials. No. 10* / ed. by R. D. Brecht and C. V. Chvany. Ann Arbor: University of Michigan. P. 123–150.
- Comrie 1975a — Comrie B. Polite plurals and predicate agreement // *Language*. 1975. Vol. 51. P. 406–418.
- Comrie 1975b — Comrie B. Definite and animate direct objects: a natural class // *Linguistica Silesiana*. 1975. Vol. 3. P. 13–21.
- Comrie 1976 — Comrie B. The syntax of causative constructions: cross-language similarities and divergences // *The Grammar of Causative Constructions (Syntax and Semantics 6)* / ed. by M. Shibatani. New York: Academic Press, 1976. P. 261–312.
- Comrie 1978 — Comrie B. Ergativity // *Syntactic typology: Studies in the phenomenology of language* / ed. by P. Winfred and W. Lehmann. Austin: Univ. of Texas Press, 1978. P. 329–394.
- Comrie 1980 — Comrie B. Nominalization in Russian: lexical noun phrases or transformed sentences? // *Morphosyntax in Slavic* / ed. by C. V. Chvany and R. D. Brecht. Columbus (Ohio): Slavica Publishers, 1980. P. 212–220.
- Comrie 1989 — Comrie B. *Language universals and linguistic typology: Syntax and morphology*. 2nd edition. Chicago: University of Chicago Press, 1989.
- Comrie 2013 — Comrie B. Alignment of case marking of full noun phrases // *The World Atlas of Language Structures online* / ed. by M. Dryer and M. Haspelmath. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. 2013, (Available online at URL: <http://wals.info/chapter/98>, Accessed on 2016-01-06.)
- Comrie, Polinsky 1999 — Comrie B., Polinsky M. Form and function in syntax: Relative clauses in Tsez // *Functionalism and formalism in linguistics. Vol. II: Case studies* / ed. by M. Darnell et al. Amsterdam: John Benjamins. P. 77–92.

- Coon 2013a — Coon J. *Aspects of split ergativity*. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Coon 2013b — Coon J. TAM split ergativity (parts 1–2) // *Language and Linguistics Compass*. 2013. Vol. 7. P. 171–200.
- Coon, Preminger (to appear) — Coon J., Preminger O. Split ergativity is not about ergativity // *The Oxford handbook of ergativity* / ed. by J. Coon, D. Massam and L. Travis. To appear.
- Corbett 1979 — Corbett G. The agreement hierarchy // *Journal of Linguistics*. 1979. Vol. 15. P. 203–224.
- Corbett 1980 — Corbett G. Naturalness and markedness of morphological rules: The problem of animacy in Russian // *Wiener Slawistischer Almanach*. 1980. Vol. 6. P. 251–260.
- Corbett 1982 — Corbett G. Gender in Russian: An account of gender specification and its relationship to declension // *Russian Linguistics*. 1982. Vol. 2. P. 197–232.
- Corbett 1988 — Corbett G. Agreement: A partial specification based on Slavonic data // *Agreement in natural language. Approaches, theories, descriptions* / ed. by M. Barlow and Ch. A. Ferguson. Stanford (Calif): Stanford University Press, 1998. P. 25–53.
- Corbett 1993 — Corbett G. The head of Russian numeral expressions // *Heads in grammatical theory* / ed. by G. Corbett, N. Fraser and S. McGlashan. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 11–35.
- Corbett 1998 — Corbett G. Agreement in Slavic. Position paper for the workshop Comparative Slavic Morphosyntax: Bloomington, Indiana, 1998. [<http://www.indiana.edu/~slavconf/linguistics/download.html>]
- Corbett 2000 — Corbett G. *G. Number*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Corbett 2006 — Corbett G. *Agreement*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Corver 1992 — Corver N. 1992. Left branch extraction // *Proceedings of NELS 22, Amherst (Mass.): University of Massachusetts*, 1992. P. 67–84.
- Cowper 1988 — Cowper E. What is a subject? Non-nominative subjects in Icelandic // *Proceedings of NELS* / ed. by J. Blevins and J. Carter. Amherst: GLSA, 1988. P. 94–108.
- Cresti 2000 — Cresti D. Ellipsis and reconstruction in relative clauses // *Proceedings of NELS 30, Amherst, MA: Graduate Linguistic Student Association*, 2000. P. 153–163.
- Crockett 1976 — Crockett D. *Agreement in contemporary standard Russian*. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1976.
- Croft 1990 — Croft W. *Typology and universals*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

- Cruschina 2009 — Cruschina S. The syntactic role of discourse-related features // Cambridge Occasional Papers in Linguistics. 2009. Vol. 5. P. 15–30.
- Culy 1990 — Culy C. The syntax and semantics of internally headed relative clauses. Ph.D. dissertation. Stanford University, Stanford, Ca., 1990.
- Dalrymple, Nikolaeva 2011 — Dalrymple M., Nikolaeva I. Objects and information structure. Cambridge: CUP, 2011.
- Danon 2006 — Danon G. Caseless nominals and the projection of DP // Natural Language and Linguistic Theory. 2006. Vol. 24. P. 977–1008.
- Davison 2009 — Davison A. The lexical specification of correlative clauses in old and modern Indic languages // Fifth Asian GLOW Conference (Generative Linguistics in the Old World). Mysore: Central Institute of Indian Languages, 2009. P. 1–19.
- Dayal 2003 — Dayal V. A semantics for pseudo incorporation. Unpublished ms. Rutgers University, 2003. (URL: <http://semanticsarchive.net/Archive/WI2ZjZkM/pseudo-incorporation.pdf>)
- Dayal 2011 — Dayal V. Hindi pseudo-incorporation // Natural Language and Linguistic Theory. 2011. Vol. 29. No. 1. P. 123–167.
- de Hoop 1996 — de Hoop H. Case configuration and noun phrase interpretation. Groningen: Grodil, 1996.
- de Hoop 2005 — de Hoop, Helen. Case and strength // Proceedings of the Fifteenth Amsterdam Colloquium / ed. by P. Dekker and M. Franke. Amsterdam: ILLC, 2005. P. 33–38.
- de Hoop, de Swart (eds) 2009 — de Hoop H., de Swart P. (eds). Differential subject marking. Dordrecht: Springer, 2009.
- de Hoop, de Swart 2009 — de Hoop H., de Swart P. Cross-linguistic Variation in Differential Subject Marking // Differential subject marking / ed. by H. de Hoop and P. de Swart. Dordrecht: Springer, 2009. P. 1–16.
- de Hoop, Malchukov 2007 — de Hoop H., Malchukov A. L. On fluid differential case marking: A bidirectional OT approach // *Lingua*. 2007. Vol. 117. P. 1636–1656.
- de Hoop, Malchukov 2008 — de Hoop H., Malchukov A. L. Case-marking strategies // *Linguistic Inquiry*. 2008. Vol. 39. No. 4. P. 565–587
- de Swart 2007 — de Swart P. Cross-linguistic variation in object marking. Doctoral dissertation. University of Nijmegen, 2007.

- de Vries 1996 — de Vries M. *Relatieve bijzinnen in de zinsstructuur van Kayne*. MA Thesis, Rijksuniversiteit Groningen, 1996.
- de Vries 2002 — de Vries M. *The syntax of relativization*. Utrecht: LOT Publications, 2002.
- Deal 2013a — Deal A. R. *External possession and possessor raising // The Blackwell companion to syntax / ed. by M. Everaert and H. van Riemsdijk*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2013.
- Deal 2013b — Deal A. R. *Possessor Raising // Linguistic Inquiry*. 2013. Vol. 44. No. 3. P. 391–432.
- DeLancey 1981 — DeLancey S. *An interpretation of split ergativity and related patterns // Language*. 1981. Vol. 57. No. 3. P. 626–657.
- Delfitto, Schroter 1991 — Delfitto D., Schroter J. *Bare plurals and the number affix in DP. Probus*. 1991. Vol. 3. P. 155–185.
- Delsing 1988 — Delsing L.-O. *The Scandinavian noun phrase // Working papers in Scandinavian syntax*. 1988. Vol. 42. P. 57–80.
- Demirdache 1991 — Demirdache H. *Resumptive chains in restrictive relatives, appositives and dislocation structures*. PhD dissertation, MIT, Cambridge, MA, 1991.
- den Besten 1983 — den Besten H. *On the interaction of root transformations and lexical deletive rules // Abraham W. (ed.). On the formal syntax of Westgermania*. Amsterdam: Benjamins, 1983. P. 47–131.
- Den Dikken 1997 — Den Dikken M. *Predicate inversion in DP // Possessors, predicates and movement in the determiner phrase / ed. by A. Alexiadou and Ch.Wilder*. Amsterdam: Benjamins, 1997. P. 177–214.
- Den Dikken 2006 — Den Dikken M. *Relators and linkers. The syntax of predication, predicate inversion and copulas*. Cambridge (Mass): MIT Press, 2006.
- Dench 2008 — Dench A. *Case in an Australian language: Distribution of case and multiple case marking in Nyamal // The Oxford handbook of case / ed. by A. Spencer, A. Malchukov*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 756–769.
- Dench, Evans 1988 — Dench A., Evans N. *Multiple case-marking in Australian languages // Australian Journal of Linguistics*. 1988. Vol. 8 No. 1. P. 1–47.
- Diesing 1992 — Diesing M. *Indefinites. (Linguistic Inquiry Monograph 20.) Cambridge (Mass.): MIT Press*, 1992.
- Dixon 1972 — Dixon R. M. W. *The Dyirbal language of North Queensland*. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.

- Dixon 1979 — Dixon R. M. W. Ergativity // *Language*. 1979. Vol. 55. P. 59–138.
- Dixon 1982 — Dixon R.M.W. *Where have all the adjectives gone? and other essays in semantics and syntax*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1982.
- Dixon 1994 — Dixon R. M. W. *Ergativity*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Dixon 2000 — Dixon R. M. W. Categories of noun phrase in Jarawara // *Journal of Linguistics*. 2000. Vol. 36. No. 3. P. 487–510.
- Dobrovie–Sorin 2000 — Dobrovie–Sorin C. (In)definiteness spread: from Romanian genitives to Hebrew construct state nominals // *Comparative studies in Romanian syntax* / ed. by V. Motapanyane. Oxford: Elsevier. P. 177–226.
- Donohue 2008 — Donohue M. Semantic alignment systems: What’s what and what’s not // *The typology of semantic alignment* / ed. by M. Donohue and S. Wichman. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 24–75.
- Donohue, Wichman (eds.) 2008 — Donohue M., Wichman S. (eds). *The typology of semantic alignment*. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Downing 1978 — Downing B. Some universals of relative clause structure // *Universals of human language*. 4 vols. / ed. by J. Greenberg. Stanford: Stanford University Press. Vol. IV. 1978. P. 375–418.
- Dowty 1991 — Dowty D. Thematic proto-roles and argument selection // *Language*. 1991. Vol. 67. No. 3. P. 547–619.
- Dryer 1992 — Dryer M. The Greenbergian word order correlations // *Language*. 1992. Vol. 68. P. 81–138.
- Dryer 1998 — Dryer M. Why statistical universals are better than absolute universals // *Chicago Linguistic Society 33: The Panels*, 1998. P. 123–145.
- Dryer 2013a — Dryer M. Definite article // *The World Atlas of Language Structures Online* / ed. by M. Dryer and M. Haspelmath. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. (Available online at <http://wals.info/chapter/90>, Accessed on 2015–11–03.)
- Dryer 2013b — Dryer M. Indefinite article // *The World Atlas of Language Structures Online* / ed. by M. Dryer and M. Haspelmath. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. (Available online at <http://wals.info/chapter/90>, Accessed on 2015–11–03.)

- Dryer 2013c — Dryer M. Order of relative clause and noun // *The World Atlas of Language Structures Online* / ed. by M. Dryer and M. Haspelmath. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. (Available online at <http://wals.info/chapter/90>, Accessed on 2015–11–03.)
- Dryer, Haspelmath 2013 — *The World Atlas of Language Structures Online* / ed. by M. Dryer and M. Haspelmath. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. Available online at <http://wals.info>.
- EKG 1993 — *Eesti keele grammatika. 2. Süntaks* / ed. by T. Ereht, Ü. Viks, M. Ereht et al. Tallinn: Eesti TA Keele ja Kirjanduse Instituut, 1993.
- Emonds 1970 — Emonds J. Root and structure-preserving transformations. Ph.D. dissertation. Cambridge, Mass., MIT, 1970.
- Emonds 1979 — Emonds J. Appositive relatives have no properties // *Linguistic Inquiry*. 1979. Vol. 10. P. 211–243.
- Enç 1991 — Enç M. The Semantics of Specificity // *Linguistic Inquiry*. 1991. Vol. 22. No. 1. P. 1–25.
- Engelhardt, Trugman 1998 — Engelhardt M., Trugman H. D as a source of adnominal genitive in Russian // *Formal Approaches to Slavic Linguistics. The Connecticut Meeting 1997* / ed. by Ž. Bošković, S. Franks and W. Snyder. Ann Arbor (MI): Michigan Slavic Publications, 1998. P. 114–133.
- Engelhardt, Trugman 2000 — Engelhardt M., Trugman H. Double genitive constructions in Russian // *Comparative Slavic Morphosyntax* / ed. by G. Fowler. Bloomington: Slavica Publishers, 2000.
- Epstein 1991 — Epstein S. *Traces and their antecedents*. Oxford: OUP, 1991.
- Escandell-Vidal 2009 — Escandell-Vidal V. Differential object marking and topicality: The case of Balearic Catalan // *Studies in language*. 2009. Vol. 33. No. 4. P. 832–885.
- Evans 1995 — Evans N. *A grammar of Kayardild. With historical-comparative notes on Tangkic*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1995.
- Fabb 1990 — Fabb N. The difference between English restrictive and non-restrictive relative clauses. *Journal of Linguistics*. 1990. Vol. 26. P. 57–78.
- Farkas, de Swart 2003 — Farkas D., de Swart H. *The semantics of incorporation: From argument structure to discourse transparency*. Stanford, CA: CSLI Publications, 2003.
- Farkas, Kiss 2000 — Farkas D., Kiss K. On the comparative and absolute readings of superlatives // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2000. Vol. 18. P. 417–455.

- Farudi 2007 — Farudi A. An antisymmetric approach to Persian clausal complements. Ms. University of Massachusetts, Amherst, 2007.
- Fauconnier 2011 — Fauconnier S. Differential agent marking and animacy // *Lingua*. 2011. Vol. 121. No. 3. P. 533–547.
- Fiengo 1977 — Fiengo R. On trace theory. *Linguistic Inquiry*. 1977. Vol. 8. P. 35–61.
- Fiengo, May 1994 — Fiengo R., May R. *Indices and identity*. Cambridge, Mass: MIT Press, 1994.
- Filipenko, Plungian, Rakhilina 1994 — Filipenko M., Plungian V., Rakhilina E. Les transformés nominaux russes dans le contexte des verbes opérateurs // *Linguisticae Investigationes*. 1994. Vol. 18. No. 2. P. 357–364.
- Fillmore 1968 — Fillmore Ch. The case for case // *Universals of linguistic theory* / ed. by E. Bach, R. Harms. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1968. P. 1–90.
- Fitzgibbons et al. 2009 — Fitzgibbons N., Sharvit Y, Gajewski Y. Plural superlatives and distributivity // *Proceedings of Semantics and Linguistic Theory (SALT) 18* / ed. by E. Georgala and J. Howell. Cornell University, Ithaca (NY): CLC Publications, 2009. P. 302–318.
- Foley, Van Valin 1984 — Foley W., Van Valin R. D. Jr. *Functional syntax and universal grammar*. Cambridge University Press, 1984.
- Folli et al. 2005 — Folli R., Harley H., Karimi S. Determinants of event structure in Persian complex predicates // *Lingua*. 2005. Vol. 115. No. 10. P. 1365–1401.
- Forker (to appear) — Forker D. Ergativity in Nakh-Daghestanian languages // *The Oxford handbook of ergativity* / ed. by J. Coon, D. Massam and L. Travis. To appear.
- Fowler 1996 — Fowler G. Oblique passivization in Russian // *The Slavic and East European Journal*. 1996. Vol. 40. No. 3. P. 519–545.
- Fox 1999 — Fox D. Reconstruction, binding theory, and the interpretation of chains // *Linguistic Inquiry*. 1999. Vol. 30. P. 157–196.
- Fox 2002 — Fox D. Antecedent contained deletion and the copy theory of movement // *Linguistic Inquiry*. 2002. Vol. 33. No. 1. P. 63–96.
- Fox, Grodzinsky 1998 — Fox D., Grodzinsky Y. Children's passive: a view from the *by*-phrase // *Linguistic Inquiry*. 1998. Vol. 29. P. 311–332.
- Franks 1990 — Franks S. Case, configuration and argumenthood: reflections on the second dative // *Russian Linguistics*. 1990. Vol. 14. No. 3. P. 231–254.

- Franks 1994 — Franks S. Parametric properties of numeral phrases in Slavic // *Natural Language and Linguistic Theory*. 1994. Vol. 12. P. 570–649.
- Franks 1995 — Franks S. *Parameters of Slavic morphosyntax*. New York: Oxford University Press, 1995.
- Franks, Hornstein 1992 — Franks S., and Hornstein N. Secondary predication in Russian and proper government of PRO // *Control and Grammar* / ed. by R. Larson, S. Iatridou, U. Lahiri and J. Higginbotham. Dordrecht: Kluwer, 1992. P. 1–50.
- Franks, Pereltsvaig 2004 — Franks S., Pereltsvaig A. Functional categories in the nominal domain // *Proceedings of Formal Approaches to Slavic Linguistics 12. The Ottawa Meeting 2003* / ed. by O. Arnaudova et al. Ann Arbor (MI): University of Michigan Press, 2004. P. 109–128.
- Freidin, Sprouse 1991 — Freidin R., Sprouse R. A. Lexical case phenomena // *Principles and parameters in comparative grammar* / ed. by R. Freidin. Cambridge, MA: MIT Press, 1991. P. 392–416.
- Fried 2010 — Fried M. Accusative resumptive pronouns in the Czech relative clauses with absolutive relativizer *co* // *Korpus, gramatika, axiologie*. 2010. Vol. 1(1). P. 16–29.
- Fukui 1986 — Fukui N. *A theory of category projection and its applications*. Ph.D. dissertation, Cambridge, Mass., MIT, 1986.
- Fukui 1988 — Fukui N. Deriving the differences between English and Japanese. *English Linguistics*. 1988. Vol. 5. P. 249–270.
- Gagliardi et al. 2014 — Gagliardi A., Goncalves M., Polinsky M., Radkevich N. The biabsolutive construction in Lak and Tsez // *Lingua*. 2014. Vol. 150. P. 137–170.
- Ganenkov et al. 2009 — Ganenkov D., Maisak T., Merdanova S. Non-canonical agent marking in Agul // *Differential subject marking* / ed. by H. de Hoop and P. de Swart. Dordrecht: Springer, 2009. P. 173–198.
- Gawron 1995 — Gawron J. Comparatives, superlatives, and resolution // *Linguistics and Philosophy*. 1995. Vol. 18. No. 4. P. 333–380.
- Gawron 2002 — Gawron J. Two kinds of quantizers in DP. Paper presented at the 2002 LSA Annual Meeting, January 6, 2002.
- Gerasimova et al. 2016 — Gerasimova A., Lyutikova E., Pereltsvaig A. Case marking in Russian eventive nominalizations: Inherent vs. dependent case theory. Ms. Moscow State University — Stanford University, 2016.

- Giusti 1995 — Giusti G. Heads and modifiers among determiners: Evidence from Rumanian // *Advances in Roumanian linguistics* / ed. by G. Cinque and G. Giusti. Amsterdam: John Benjamins, 1995. P. 103–125.
- Giusti 1996 — Giusti G. Is there a Top/Foc in the NP? // *University of Venice WPL*. 1996. Vol. 6. P. 105–128.
- Giusti 1997 — Giusti G. The categorial status of determiners // *The new comparative syntax* / ed. by L. Haegeman. London: Longman, 1997. P. 95–123.
- Givón 1979 — Givón T. *On understanding grammar*. New York: Academic Press, 1979.
- Givón 1984 — Givón T. *Syntax: A Functional-typological introduction*. Vol. I. Philadelphia: John Benjamins, 1984.
- Givón 1995 — Givón T. *Functionalism and grammar*. Amsterdam: John Benjamins, 1995.
- Givón 2014 — Givón T. The functional approach to grammar // *The New Psychology of Language: Cognitive and Functional Approaches to Language Structure*. Volume 1. / ed. by Michael Tomasello. New York and London: Psychology Press, 2014. P. 38–62.
- Glushan 2013 — Glushan Zh. *The role of animacy in Russian morphosyntax*. Ph. D. dissertation, University of Connecticut, 2013. [<http://digitalcommons.uconn.edu/dissertations/264/>]
- Göksel 1997 — Göksel A. Morphological asymmetries between Turkish and Yakut // *Proceedings of the 8th International Conference on Turkish Linguistics* / ed. by K. İmer and N. E. Uzun. Ankara: Ankara University Publications, 1997. P. 69–76.
- Göksel 2008 — Göksel A. The interaction of prosody and morphology in interpreting morpheme sequences. Paper presented at the Workshop on Affix Ordering in Typologically Different Languages. 13th International Morphology Meeting, Vienna, 2008.
- Göksel 2013 — Göksel A. Phrasal compounds, quotatives, epithets and descriptions; What to make of shared structure? Paper presented at the Workshop on Phrasal Compounds from a Theoretical and Typological Perspective. University of Mannheim, 21 June 2013.
- Gouskova 2001 — Gouskova M. Split scrambling: barriers as violable constraints // *RuLing Papers II* / ed. by G. Horwood and Se-Kyung Kim. New Brunswick: Rutgers University, 2001. P. 49–82.
- Grashchenkov 2005 — Grashchenkov P. Light n hypothesis – Evidence from Turkic // *Proceedings of the Workshop in Altaic Formal Linguistics (WAFL 2)*, MIT Working Papers in Linguistics. Cambridge Mass.: MIT Press, 2005.

- Grashchenkov 2007 — Grashchenkov P. Floating quantifiers in Tatar // *Proceeding from WAFL 3, MIT Working Papers in Linguistics*. Cambridge (Mass.): MIT, 2007. P. 193–205.
- Grashchenkov, Grashchenkova 2007 — Grashchenkov P., Grashchenkova A. Argument structure of Russian adjectives. Paper presented at the Workshop on Argument Structure, Vitoria–Gasteiz (Spain, The Basque Country), May 2007.
- Grashchenkov, Lyutikova 2008 — Grashchenkov P., Lyutikova E. Comparative and adjectival phrases: What is richer, heavier and more sound. Paper presented at the international conference *Formal Description of Slavic Languages 7,5*. Moscow, December 2008.
- Greenberg 1963 — Greenberg J. Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements // *Universals of grammar* / ed. by Joseph H. Greenberg. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1963. P. 73–113.
- Greenberg, Franks 1991 — Greenberg G., Franks S. A parametric approach to dative subjects and the second dative in Slavic // *The Slavic and East European Journal*. 1991. Vol. 35. No. 1. P. 71–97
- Grimshaw 1990 — Grimshaw J. *Argument structure*. Cambridge (Mass): MIT Press, 1990.
- Grimshaw 1997 — Grimshaw J. The best clitic: Constraint conflict in morphosyntax // *Elements of grammar* / ed. by L. Haegeman. Dordrecht: Kluwer, 1997. P. 169–196.
- Grosu 1994 — Grosu A. *Three studies in locality and case*. London: Routledge, 1994. P. 2–164.
- Grosu, Landmann 1998 — Grosu A., Landman F. Strange relatives of the third kind // *Natural Language Semantics*. 1998. Vol. 6. P. 125–170.
- Gulya 1966 — Gulya J. *Eastern Ostyak chrestomathy*. Bloomington, IN: University of Indiana Press, 1966.
- Haegeman 1988 — Haegemann L. Parenthetical adverbials: the radical orphanage approach // *Aspects of modern English linguistics: Papers presented to Masatomo Ukaji on his 60th Birthday* / ed. by S. Chiba, A. Shuki, A. Ogawa, Y. Fuiwara, N. Yamada, O. Koma, and T. Yagi. Tokyo: Kaitakushi, 1988. P. 232–254.
- Haegeman 1991 — Haegeman L. *Introduction to Government and Binding Theory*, 1st ed. Oxford: Blackwell, 1991.
- Haegeman 1995 — Haegeman L. *The Syntax of negation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

- Haegeman 2004 — Haegeman L. DP periphery and clausal periphery: possessor doubling in West Flemish? Relating nominal periphery to clausal periphery // *Peripheries* / ed. by D. Adger, C. de Cat, and G. Tsoulas. Dordrecht: Kluwer, 2004. P. 211–223.
- Haiman 1983 — Haiman J. Iconic and economic motivation // *Language*. 1983. Vol. 59. P. 781–819.
- Halle, Marantz 1993 — Halle M., Marantz A. Distributed morphology and the pieces of inflection // *The view from Building 20: Essays in linguistics in honor of Sylvain Bromberger* / ed. by K. Hale and S. Jay Keyser. Cambridge: MIT Press, 1993. P. 111–176.
- Harves 2002 — Harves S. A. Unaccusative syntax in Russian, general and Slavic linguistics. Ph. D. dissertation. Princeton University, 2002.
- Harves 2003 — Harves S. Getting impersonal: Case, agreement, and distributive po-phrases in Russian // *Formal Approaches to Slavic Linguistics 11: The Amherst Meeting* / ed. by W. Brown, Kim Ji-Yung, B. Partee and R. Rothstein. Ann Arbor, MI: Slavica Publishers, 2003. P. 235–254.
- Harves 2013 — Harves S. The genitive of negation in Russian // *Language and Linguistics Compass*. 2013. Vol. 7. No. 12. P. 647–662.
- Haspelmath et. al (eds.) 2001 — *Language typology and language universals. An international handbook*. Vols. 1–2 / ed. by M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, and W. Raible. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2001.
- Heim 1982 — Heim I. The semantics of definite and indefinite noun phrases. Doctoral dissertation. University of Massachusetts. Amherst, 1982.
- Heim 1985 — Heim I. Notes on comparatives and related matters. Unpublished manuscript, University of Texas, Austin, 1985. [URL: <http://semantics.uchicago.edu/kennedy/classes/f07/comparatives/heim85.pdf>]
- Heim 1999 — Heim I. Notes on superlatives. Unpublished manuscript. University of Texas, Austin, 1999. [URL: <http://semanticsarchive.net/Archive/TI1MTlhZ/Superlative.pdf>]
- Heim, Kratzer 1998 — Heim I., Kratzer A. *Semantics in Generative Grammar*. Oxford: Blackwell, 1988.
- Hendrick 1990 — Hendrick R. Operator movement in NP // *Proceedings of the 9th West Coast Conference on Formal Linguistics* / ed. by A. Halpern. Stanford: CSLI Publications, 1990. P. 249–264.
- Heycock 1995 — Heycock C. Asymmetries in reconstruction // *Linguistic Inquiry*. 1995. Vol. 26. P. 547–570.

- Hicks 2009 — Hicks G. The Derivation of anaphoric relations. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2009.
- Hock 1982 — Hock H. The Sanskrit quotative: a historical and comparative study // *Studies in the Linguistic Sciences*. 1982. Vol. 12. No. 2. P. 39–85.
- Hoekstra 1983 — Hoekstra T. The distribution of sentential complements // *Linguistics in the Netherlands* / ed. by H. Bennis and W. van Lessen Kloeke. Dordrecht: Foris, 1983. P. 93–103.
- Holmberg 1986 — Holmberg A. Word order and syntactic features. Doctoral dissertation. Stockholm, 1986.
- Holmberg 2013 — Holmberg A. Verb second // *Syntax — an international handbook of contemporary syntactic research* / ed. by T. Kiss and A. Alexiadou. Berlin: Walter de Gruyter Verlag, 2013.
- Holmberg, Platzack 1995 — Holmberg A., Platzack Ch. The role of inflection in Scandinavian syntax. Oxford University Press, 1995.
- Hopper, Thompson 1980 — Hopper P., Thompson S. A. Transitivity in grammar and discourse // *Language*. 1980. Vol. 56. P. 251–299.
- Hornstein 1999 — Hornstein N. Movement and control // *Linguistic Inquiry*. 1999. Vol. 30. No. 1. P. 69–96.
- Huang 1982 — Huang C.–T. J. Logical relations in Chinese and the theory of grammar. Ph.D. dissertation. MIT, Cambridge, Mass., 1982.
- Hurford 1987 — Hurford J. Language and number: The emergence of a cognitive system. Oxford: Blackwell, 1987.
- Ihsane 2003 — Ihsane T. A typology of possessive modifiers // *From NP to DP* / ed. by M. Coene and Y. D’Hulst. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2003. P. 23–42.
- Ionin, Matushansky 2006 — Ionin T., Matushansky O. The composition of complex cardinals // *Journal of Semantics*. 2006. Vol. 23. P. 315–360.
- Isac, Kirk 2008 — Isac D., Kirk A. The split DP hypothesis: evidence from Ancient Greek // *Rivista di Grammatica Generativa*. 2008. Vol. 33. P. 137–155.
- Ishizuka 2008 — Ishizuka T. Restrictive and non-restrictive relative clauses in Japanese: Antisymmetric approach. Ms., 2008. [URL: <http://ling.auf.net/lingbuzz/000808>].
- Ivlieva 2011 — Ivlieva N. Universal laziness of pronouns // *Proceedings of SALT*. 2011. Vol. 20. P. 720–734.

- Jackendoff 1977 — Jackendoff R. X-bar syntax: a study of phrase structure. (Linguistic Inquiry Monograph Two.) Cambridge (Mass): The MIT Press, 1977.
- Jackendoff 2001 — Jackendoff R. Foundations of language: Brain, meaning, grammar, evolution. Oxford / New York: Oxford University Press, 2002.
- Jäger 2007 — Jäger G. Evolutionary game theory and typology: A case study // *Language*. 2007. Vol. 83. No. 1. P. 74–109.
- Jespersen 1924 — Jespersen O. The philosophy of grammar. London: G. Allen & Unwin, ltd. 1924. (Reprinted: Chicago: University of Chicago Press, 1992.)
- Jiménez-Fernández 2012 — Jiménez-Fernández Á. A new look at subject islands: The phasehood of definiteness // *Anglica Wratislaviensia*. 2012. Vol. 50. P. 137–168.
- Junghanns, Zybatow 1997 — Junghanns U., Zybatow G. Syntax and information structure of Russian clauses // *Formal Approaches to Slavic Linguistics 4* / ed. by W. Browne et al. Ithaca, NY: Cornell University Press. P. 289–319.
- Kagan 2005 — Kagan O. A modal analysis of genitive case in Russian // *Proceedings of YATL 21* / ed. by Y. Falk. Jerusalem, 2005.
- Kagan 2012 — Kagan O. Semantics of genitive objects in Russian: A study of genitive of negation and intensional genitive case. New York — London: Springer, 2012.
- Kagan, Pereltsvaig 2009 — Kagan O., Pereltsvaig A. Bare NPs and semantic incorporation: objects of intensive reflexives at the syntax–semantics interface. Ms. Hebrew University of Jerusalem and Stanford University, 2009.
- Kamali 2008 — Kamali B. Phases of incorporation and a three-way distinction for direct objects (in Turkish). Talk given at the 5th Workshop on Altaic Formal Linguistics, SOAS. London, May 2008.
- Karimi 1997 — Karimi S. Persian complex verbs: Idiomatic or compositional // *Lexicology*. 1997. Vol. 3. No.2. P. 273–318.
- Karimi 2001 — Karimi S. Persian complex DPs: How mysterious are they? // *Canadian Journal of Linguistics*. 2001. Vol. 46. No. 1. P. 63–96.
- Kayne 1984 — Kayne R. Connectedness and binary branching. Dordrecht: Foris, 1984.
- Kayne 1989 — Kayne R. Facets of romance past participle agreement // *Dialect variation and the theory of grammar* / ed. by P. Beninca. Dordrecht, Holland: Foris Publications, 1989. P. 85–104.

- Kayne 1994 — Kayne R. The antisymmetry of syntax. (Linguistic Inquiry Monograph Twenty-Five). Cambridge (Mass.): The MIT Press, 1994.
- Kayne 2000 — Kayne R. Parameters and universals. New York: Oxford University Press, 2000.
- Kayne 2005 — Kayne R. Some notes on comparative syntax, with special reference to English and French // The Oxford handbook of comparative syntax / ed. by G. Cinque and R. Kayne. New York: Oxford University Press, 2005. P. 3–69.
- Keenan, Comrie 1977 — Comrie B., Keenan E. Noun Phrase accessibility and universal grammar // Linguistic Inquiry. 1977. Vol. 8. P. 63–99.
- Keenan, Comrie 1979 — Comrie B., Keenan E. Noun Phrase accessibility revisited // Language. 1979. Vol. 55. No. 3. P. 649–664.
- Kennedy, Merchant 2000 — Kennedy C., Merchant J. Attributive comparative deletion // Natural Language and Linguistic Theory. 2000. Vol. 18. P. 89–146.
- Keshet 2007 — Keshet E. Telescoping and scope economy // Proceedings of WCCFL. 2007. Vol. 26. P. 324–331.
- Kibort 2008 — Kibort A. Case // Grammatical Features. 7 January 2008. (URL: <http://www.grammaticalfeatures.net/features/case.html>)
- Kibrik 1997 — Kibrik A. E. Beyond subject and object: toward a comprehensive relational typology // Linguistic typology. 1997. Vol. 1. No. 3. P. 1–68.
- Kim et al. (eds) 2004 — Kim Ji-Yung, Lander Y. A., Partee B. H. (eds). Possessives and beyond: Semantics and syntax // University of Massachusetts Occasional Papers in Linguistics 29. Amherst, MA: GLSA Publications, 2004.
- King 1995 — King T. Configuring topic and focus in Russian. Stanford: CSLI Publications, 1995.
- Kiparsky 1998 — Kiparsky P. Partitive case and aspect // The projection of arguments: Lexical and compositional factors / ed. by M. Butt and W. Geuder. Stanford, California: CSLI Publications, 1988. P. 265–307.
- Knecht 1986 — Knecht L. Subject and object in Turkish. Ph. D. Thesis. Massachusetts Institute of Technology. Cambridge, MA, 1986.
- Knyazev 2016 — Knyazev M. Licensing clausal complements: The case of Russian čto-clauses. Utrecht: LOT Publications 418, 2016.

- Kobozeva 2013 — Kobozeva I. Условия употребления «то» перед придаточным изъяснительным с союзом «что» // *Du mot au texte. Etudes slavo-romanes* / ed. by O. Inkova. Bern: Peter Lang, 2013. С. 129–148.
- Kondrashova 1996 — Kondrashova N. The syntax of existential quantification. Ph.D. Dissertation. University of Wisconsin, Madison, 1996.
- Koopman 1983 — Koopman H. ECP effects in main clauses // *Linguistic Inquiry*. 1983. Vol. 14. P. 346–350.
- Koopman 1992 — Koopman H. On the absence of case chains in Bambara // *Natural Language and Linguistic Theory*. 1992. Vol. 10. P. 555–594.
- Koopman 2000 — Koopman H. The syntax of specifiers and heads. London: Routledge, 2000.
- Koopman, Sportiche 1991 — Koopman H., Sportiche D. The position of subjects // *Lingua*. 1991. Vol. 85. P. 211–258.
- Koptjevskaja-Tamm 1993 — Koptjevskaja-Tamm M. Nominalizations. London: Routledge, 1993.
- Koptjevskaja-Tamm 2013 — Koptjevskaja-Tamm M. Action nominal constructions // *The World Atlas of Language Structures online* / ed. by M. Dryer and M. Haspelmath. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. (Available online at <http://wals.info/chapter/62>, Accessed on 2016–08–18.)
- Kornfilt 1984 — Kornfilt J. Case marking, agreement, and empty categories in Turkish. PhD dissertation. Harvard University, 1984.
- Kornfilt 1986 — Kornfilt J. The stuttering prohibition and morpheme deletion in Turkish // *Proceedings of the Turkish linguistic conference August 9–10, 1984* / ed. by E. Taylan and A. Koç. Istanbul: Boğaziçi University Publications, 1986. P. 59–83.
- Kornfilt 1990 — Kornfilt J. Remarks on headless partitives and case in Turkish // *Grammar in progress — GLOW essays for Henk van Riemsdijk* / ed. by J. Mascaró and M. Nespør. Dordrecht: Foris, 1990. P. 285–303.
- Kornfilt 1997 — Kornfilt J. Turkish. London: Routledge, 1997.
- Kornfilt 2003 — Kornfilt J. Scrambling, subscrambling, and case in Turkish // *Word order and scrambling* / ed. by S. Karimi. Oxford: Blackwell, 2003. P. 125–155.
- Kornfilt 2009 — Kornfilt J. DOM and two types of DSM in Turkish // *Differential subject marking* / ed. by H. de Hoop and P. de Swart. Dordrecht: Springer, 2009. P. 79–111.

- Kornfilt 2013 — Kornfilt J. Nominative as no case at all: An argument from raising-to-accusative in Sakha. Paper presented at WAFL9 workshop, August 23–25, 2013, Cornell University, Ithaca, NY.
- Kornfilt, Preminger 2015 — Kornfilt J., Preminger O. Nominative as no case at all: an argument from raising-to-accusative in Sakha // *Proceedings of the 9th Workshop on Altaic formal linguistics (WAFL9)* / ed. by A. Joseph and E. Predolac. (MIT Working Papers in Linguistics #76). Cambridge, MA: MIT Press, 2015. P. 109–120.
- Kornfilt, von Heusinger 2009 — Kornfilt J., von Heusinger K. Specificity and partitivity in some Altaic languages // *Proceedings of the 5th Workshop on Altaic formal linguistics (WAFL5)* / ed. by R. Shibagaki and R. Vermeulen. (MIT Working Papers in Linguistics # 58). Cambridge MA: MIT Press, 2009. P. 19–40.
- Kosta, Zimmerling 2012 — Kosta P., Zimmerling A. Slavic clitic systems in a typological perspective // *The structure of NP and beyond* / ed. by L. Schurcks, U. Etxeberria, A. Giannakidou, P. Kosta. (Studies in generative grammar Series). Berlin: Mouton de Gruyter, 2012. P. 441–487.
- Kratzer 1996 — Kratzer A. Severing the external argument from its verb // *Phrase structure and the lexicon* / ed. by J. Rooryck and L. Zaring. Dordrecht: Kluwer, 1996. P. 109–137.
- Krifka 1998 — Krifka M. The origins of telicity // *Events and Grammar* / ed. by S. Rothstein. Dordrecht: Reidel, 1998. P. 197–235.
- Krifka et al. 1995 — Krifka M., Pelletier F., Carlson G. et al. (eds). Introduction to genericity // *The generic book* / ed. by G. Carlson and F. Pelletier. Chicago: Chicago University Press, 1995. P. 1–124.
- Kuroda 1968 — Kuroda S–Y. English relativization and certain related problems // *Language*. 1968. Vol. 44. P. 244–266.
- Laenzlinger 2005 — Laenzlinger C. Some Notes on DP–internal movement // *Generative Grammar in Geneva*. 2005. Vol. 4. P. 227–260.
- Laka 1990 — Laka I. Negation in syntax: On the nature of functional categories and projections. PhD Dissertation. MIT, Cambridge, Mass., 1990.
- Laka 2006 — Laka I. Deriving split ergativity in the progressive: the case of Basque // *Ergativity: Emerging issues* / ed. by A. Johns, D. Massam and J. Ndayiragije. Dordrecht: Kluwer, 2006. P. 173–196.
- Landau 2006 — Landau I. Severing the distribution of pro from case // *Syntax*. 2006. Vol. 9. No. 2. P. 153–170.

- Larson 1988 — Larson R. On the double object construction // *Linguistic Inquiry*. 1988. Vol. 19. No. 3. P. 335–391.
- Larson 2004 — Larson R. The projection of DP. Paper presented at the University of Stuttgart, 2004. (accessible at: semlab5.sbs.sunysb.edu/~rlarson/dphandout.pdf)
- Lasnik 1989 — Lasnik H. *Essays on anaphora*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1989.
- Lasnik 2008 — Lasnik H. On the development of case theory: triumphs and challenges // *Foundational issues in linguistic theory. Essays in Honor of Jean-Roger Vergnaud* / ed. by R. Freidin, C. Otero and M. Zubizarreta. Cambridge, MA: MIT Press, 2008. P. 17–41.
- Lasnik, Freidin 1981 — Lasnik H., Freidin R. Core grammar, case theory, and markedness // *Theory of markedness in generative grammar. Proceedings of the 1979 GLOW Conference* / ed. by A. Belletti, L. Brandi and L. Rizzi. Scuola Normale Superiore, Pisa, 1981. P. 407–421. [Reprinted in: Lasnik H. *Essays on restrictiveness and learnability*. Dordrecht: Kluwer, 1990. P. 172–183.]
- Lasnik, Hendrick 2003 — Lasnik H., Hendrick R. Steps toward a minimal theory of anaphora // *Minimalist Syntax* / ed. by R. Hendrick. Oxford: Blackwell, 2003. P. 124–151.
- Legate 2002 — Legate J. A. Warlpiri: Theoretical implications. MIT Doctoral Dissertation, 2002.
- Legate 2006 — Legate J. A. There is no absolutive case // *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*. 2006. Vol. 12. No. 1. Article 19.
- Legate 2008 — Legate J. Morphological and Abstract Case // *Linguistic Inquiry*. 2008. Vol. 39. No. 1. P. 55–101.
- Legate 2014 — Legate J. A. Split ergativity based on nominal type // *Lingua*. 2014. Vol. 148. P. 83–212.
- Lehmann 1984 — Lehmann C. *Der Relativsatz: Typologie seiner Strukturen, Theorie seiner Funktionen, Kompendium seiner Grammatik*. Tübingen: Gunter Narr, 1984.
- Letuchiy 2006 — Letuchiy A. Case marking, possession and syntactic hierarchies in Khakas causative constructions in comparison with other Turkic languages // *Case, valency and transitivity* / ed. by L. Kulikov, A. Malchukov, P. de Swart. John Benjamins, 2006. P. 417–439.
- Levin, Preminger 2015 — Levin Th., Preminger O. Case in Sakha: Are two modalities really necessary? // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2015. Vol. 33. No. 1. P. 231–250.
- Lidz 2006 — Lidz J. The grammar of accusative case in Kannada // *Language*. 2006. Vol. 82. P. 1–23.

- Lima 2006 — Lima A. A minimalist view on differential object marking for specificity. Michigan Linguistics Society 36th Annual Meeting, October 27, 2006 Talk presented at the 36th Annual Meeting of the Michigan Linguistics Society, Oakland University, October, 2006.
- Link 1983 — Link G. The logical analysis of plurals and mass terms: a lattice–theoretical approach. In R. Bäuerle, C. Schwartze, and A. von Stechow (eds.). *Meaning, use and interpretation of language*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1983. P. 302–323.
- Lipták 1998 — Lipták A. Focus and ECM // *Proceedings of ConSOLE VI* / ed. by T. Cambier–Langeveld, A. Lipták, M. Redford. Leiden: HIL, 1998. P. 153–168.
- Longobardi 1994 — Longobardi G. Reference and proper names: A theory of N–movement in syntax and Logical Form // *Linguistic Inquiry*. 1994. Vol. 25. No. 4. P. 609–665.
- Longobardi 2001 — Longobardi G. The structure of DPs: some principles, parameters and problems // *The handbook of contemporary syntactic theory* / ed. by C. Collins and M. Baltin. Oxford: Blackwell. P. 562–601.
- Longobardi 2005 — Longobardi G. A minimalist program for parametric linguistics? // *Organizing grammar. Linguistic studies in honor of Henk van Riemsdijk* / ed. by H. Broekhuis et al. Berlin–New York: Mouton De Gruyter, 2005. P. 407–414.
- Longobardi 2008 — Longobardi G. Reference to individuals, person, and the variety of mapping parameters // *Essays on nominal determination* / ed. by A. Klinge and H. Müller. Philadelphia; Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 189–211.
- Lyutikova 2015 — Lyutikova E. Tsakhur as a case-stacking language // *Donum semanticum: Opera linguistica et logica in honorem Barbarae Partee a discipulis amicisque Rossicis oblata* / ed. by P. Arkadiev, I. Kapitonov, Yu. Lander, E. Rakhilina and S. Tatevosov. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2015. P. 297–312.
- Lyutikova, forthcoming — Lyutikova E. Agreement, case and licensing: Evidence from Tatar. Ms. MSU.
- Lyutikova, Ibatullina 2015 — Lyutikova E., Ibatullina D. Case theory and case variation in Tatar // *Типология морфосинтаксических параметров. Материалы междунар. конф. «ТМП-2015»*. Вып. 2. / Под ред. Е. А. Лютиковой, А. В. Циммерлинга и М. Б. Коношенко. М.: МПГУ, 2015. С. 228–244.
- Lyutikova, Pereltsvaig 2015a — Lyutikova E., Pereltsvaig A. Differential object marking in Tatar and the functional architecture of the noun phrase // *Proceedings of the 9th Workshop on Altaic*

- Formal Linguistics (WAFL9). (MIT Working Papers in Linguistics #76.) / ed. by A. Joseph, E. Predolac. Cambridge, MA: MIT Press, 2015. P. 171–182.
- Lyutikova, Pereltsvaig 2015b — Lyutikova E., Pereltsvaig A. The Tatar DP // *Canadian Journal of Linguistics*. 2015. Vol. 60. No. 3. P. 289–325.
- Lyutikova, Pereltsvaig 2016 — Lyutikova E., Pereltsvaig A. Elucidating nominal structure in articleless languages: A case study of Tatar // *Proceedings of 39th Annual meeting of the Berkeley Linguistic Society* / ed. by M. Faytak et al. Berkeley, CA: Berkeley Linguistic Society Press, P. 123–136.
- Lyutikova, Tatevosov 2009 — Lyutikova E., Tatevosov S. The clause internal left edge: Exploring the preverbal position in Ossetian. Paper presented at the international conference on Iranian languages (ICIL3), Paris, September 2009.
- Madariaga 2005 — Madariaga N. El segundo dativo en los elementos semi-predicativos del ruso // *Eslavística Complutense*. 2005. Vol. 5. P. 101–116.
- Madariaga 2007 — Madariaga N. An Economy approach to the triggering of the Russian instrumental predicative case // *Historical Linguistics 2005 (Current Issues in Linguistics Theory)* / ed. by J. Salmons and Sh. Dubenion-Smith. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins Publishers, 2007. P. 103–117.
- Mahajan 1990 — Mahajan A. The A/A-bar distinction and movement theory. Cambridge, MA: MIT dissertation, 1990.
- Malchukov 2008 — Malchukov A. L. Animacy and asymmetries in differential case marking // *Lingua*. 2008. Vol. 118. P. 203–221.
- Malchukov, de Swart 2008 — Malchukov A., de Swart P. Differential case marking and actancy variation // *The Oxford handbook of case* / ed. by A. Malchukov and A. Spencer. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Malchukov, Spencer (eds.) 2008 — Malchukov A., Spencer A. (eds). *The Oxford handbook of case*. Oxford: OUP, 2008.
- Maling 1978 — Maling J. The complementizer in Middle English appositives // *Linguistic Inquiry*. 1978. Vol. 9. P. 719–725.
- Manning 1996 — Manning Ch. *Ergativity: argument structure and grammatical relations*. Stanford, CA: CSLI Publications, 1996.
- Manzini 1992 — Manzini R. *Locality. A theory and some of its empirical consequences*. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1992.

- Manzini, Wexler 1987 — Manzini R., Wexler K. Parameters, Binding theory, and learnability // *Linguistic Inquiry*. 1987. Vol. 18. P. 413–444.
- Marantz 1984 — Marantz A. On the nature of grammatical relations. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1984.
- Marantz 1991 — Marantz A. Case and licensing // *Eastern states conference on linguistics* / ed. by G. Westphal, B. Ao and Hee-Rahk Chae. Ithaca, NY: CLC Publications, 1991. P. 234–253.
- Marantz 1997 — Marantz A. No escape from syntax: Don't try morphological analysis in the privacy of your own lexicon // *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*. Vol. 4.2. *Proceedings of the 21st Annual Penn Linguistics Colloquium* / ed. by A. Dimitriadis L. Siegel, C. Surek-Clark and A. Williams. Philadelphia: Penn Linguistics Club, 1997. P. 201–225.
- Markman, Grashchenkov 2012 — Markman V., Grashchenkov P. On the adpositional nature of ergative subjects // *Lingua*. 2012. Vol. 122. No. 3. P. 257–266.
- Massam 2001 — Massam D. Pseudo noun incorporation in Niuean // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2001. Vol. 19. P. 153–197.
- Massam 2009 — Massam D. Noun incorporation: essentials and extentions // *Language and linguistics compass*. 2009. Vol. 3. No. 4. P. 1076–1096.
- Matushansky 2002 — Matushansky O. Movement of degree/degree of movement. Ph.D. dissertation. Cambridge, Mass, MIT, 2002.
- Matushansky 2008 — Matushansky O. A case study of predication // *Studies in Formal Slavic Linguistics. Contributions from Formal Description of Slavic Languages 6.5* / ed. by F. Marušič and R. Žaucer. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008. P. 213–239.
- Matushansky 2010 — Matushansky O. Russian predicate case, encore // *Formal studies in Slavic linguistics. Proceedings of FDSL 7.5* / ed. by G. Zybatow, Ph. Dudchuk, S. Minor and E. Pshehotskaya. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2010. P. 117–135.
- Matushansky 2013 — Matushansky O. Gender confusion // *Diagnosing syntax* / ed. by Lisa Cheng and Norbert Corver. Oxford: OUP, 2013. P. 271–294.
- McCawley 1981 — McCawley J. The syntax and semantics of English relative clauses // *Lingua*. 1981. Vol. 53. P. 99–149.
- McCloskey 1979 — McCloskey J. Transformational syntax and model theoretic semantics: A case-study in Modern Irish. Dordrecht: Reidel, 1979.

- McFadden 2004 — McFadden Th. The position of morphological case in the derivation: A study on the syntax-morphology interface. Doctoral dissertation. University of Pennsylvania, 2004.
- McGinnis 1996 — McGinnis M. Projection and position // *Proceedings of ConSole IV* / ed. by J. Costa, R. Goedemans, and R. van der Vijver. Leiden: HIL, 1996. P. 203–220.
- McGinnis 1998 — McGinnis M. Case and locality in L-syntax: Evidence from Georgian // *MITWPL*. 1998. Vol. 32. P. 139–158.
- McGinnis 2001 — McGinnis M. Semantic and morphological restrictions in experiencer predicates // *Proceedings of the 2000 CLA Annual Conference* / ed. by J. Jensen and G. van Herk. Cahiers Linguistiques d'Ottawa, Department of Linguistics. University of Ottawa, 2001. P. 245–256.
- McGregor 2010 — McGregor W. Optional ergative case marking systems in a typological-semiotic perspective // *Lingua*. 2010. Vol. 120. No. 7. P. 1610–1636.
- McGregor, Verstraete 2010 — McGregor W., Verstraete J.-Ch. Optional ergative marking and its implications for linguistic theory // *Lingua*. 2010. Vol. 120. No. 7. P. 1607–1609.
- Megerdooomian 2008 — Megerdooomian K. Some bare nouns are more equal than others. Invited talk presented at the USC Student Workshop 2008. Los Angeles; May 7, 2008. (URL: <http://www.zoorna.org/handouts/USC2008-barenouns.pdf>)
- Mikaelian 2013 — Mikaelian I. Cardinal numeral constructions and the category of animacy in Russian // *Russian Linguistics*. 2013. Vol. 37. No. 1. P. 71–90.
- Milsark 1977 — Milsark G. Peculiarities of the existential construction in English // *Linguistic Analysis*. 1977. Vol. 3. P. 1–29.
- Minlos 2012 — Minlos Ph. Prenominal and postnominal position of adjective attributes in Old Russian // *Russian Linguistics*. 2012. Vol. 36. No. 1. P. 21–40.
- Mithun 1984 — Mithun M. The evolution of noun incorporation // *Language*. 1984. Vol. 60. P. 847–893.
- Mithun 1991 — Mithun M. Active/agentive case marking and its motivations // *Language*. 1991. Vol. 67. No. 3. P. 510–546.
- Mohanan 1994 — Mohanan T. *Argument Structure in Hindi*. Stanford: CSLI Publications, 1994.
- Moltmann 2006 — Moltmann F. Unbound anaphoric pronouns: E-type, dynamic and structured-propositions approaches // *Synthese*. 2006. Vol. 153. No. 2. P. 199–260.

- Montague 1973 — Montague R. 1973. The proper treatment of quantification in ordinary English // *Approaches to natural language* / ed. by J. Hintikka, J. Moravcsik and P. Suppes. Dordrecht: D. Reidel, 1973. P. 221–242.
- Moore, Perlmutter 2000 — Moore J., Perlmutter D. What does it take to be a dative subject? // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2000. Vol. 18. No. 2. P. 373–416.
- Moravcsik 1974 — Moravcsik E. Object-verb agreement // *Working papers on language universals*. 1974. Vol. 15. P. 25–140.
- Moravcsik 1978a — Moravcsik E. Agreement // *Universals of human language IV: syntax* / ed. by J. Greenberg. Stanford, CA: Stanford University Press, 1978. P. 331–374.
- Moravcsik 1978b — Moravcsik E. A. On the distribution of ergative and accusative patterns // *Lingua*. 1978. Vol. 45. P. 233–279.
- Moro 1997 — Moro A. The raising of predicates. Predicative noun phrases and the theory of clause structure. *Cambridge Studies in Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Moulton 2009 — Moulton K. Natural selection and the syntax of clausal complementation. Ph.D. Dissertation. University of Massachusetts, Amherst, 2009.
- Moulton 2013 — Moulton K. Not moving clauses: Connectivity in clausal arguments // *Syntax*. 2013. Vol. 16. P. 250–291.
- Moyne 1970 — Moyne J. A. The structure of verbal constructions in Persian. Doctoral Dissertation. Harvard University, 1970.
- Munn 1994 — Munn A. 1994. A minimalist account of reconstruction asymmetries // *Proceedings of NELS 24*. Amherst: GLSA, 1994. P. 397–410.
- Munn 1995 — Munn A. The possessor that stayed close to home // *Proceedings of WECOL* / ed. by V. Samiian. Fresno: Department of Linguistics at California State University, 1995. P. 181–195.
- Muro 2009 — Muro A. Noun incorporation: A new theoretical perspective. PhD thesis. Università degli Studi di Padova, 2009.
- Mustajoki, Heino 1991 — Mustajoki A., Heino H. Case selection for the direct object in Russian negative clauses // *Slavica Helsingiensia*. 9. Helsinki, 1991.
- Næss 2004 — Næss Å. Transitivity: From semantics to structure. Ph.D. dissertation. Radboud University Nijmegen. Nijmegen, 2004.
- Neidle 1988 — Neidle C. The role of case in Russian syntax. Dordrecht: Kluwer, 1988.

- Nevins 2005 — Nevins A. Derivations without the Activity condition // *Perspectives on Phases*. MIT WPL. 2005. Vol. 49. P. 283–306.
- Nichols 1981 — Nichols J. Predicate nominals: A partial surface syntax of Russian. Berkley, 1981.
- Nichols 1986 — Nichols J. Head-marking and dependent-marking grammar // *Language*. 1986. Vol. 62. No. 1. P. 56–119.
- Nomoto 2013 — Nomoto H. Number in Classifier Languages. Ph.D. dissertation. University of Minnesota, 2013.
- Nunberg et al. 1994 — Nunberg G., Sag I., Wasow T. Idioms // *Language*. 1994. Vol. 70. P. 491–538.
- O’Grady 1998 — O’Grady W. The syntax of idioms. *Natural Language and Linguistic Theory*. 1998. Vol. 16. P. 279–312.
- Oehrle 1976 — Oehrle R. The grammatical status of the English dative alternation. PhD Thesis, MIT. Cambridge: The MIT Press, 1976.
- Ouwayda 2013 — Ouwayda S. Where plurality is: agreement and DP structure // *Proceedings of NELS 42* / ed. by S. Keine and Sh. Sloggett. Amherst (Mass): GLSA Publications, 2013. [<http://www-scf.usc.edu/~ouwayda/OuwaydaNELS2011.pdf>]
- Özge, Marinis, Zeyrek 2010 — Özge D., Marinis, T., Zeyrek, D. Parallel function hypothesis revisited in the processing of Turkish relative clauses in adults. Paper presented at the Fifteenth International Conference of Turkish Linguistics (ICTL), 2010.
- Öztürk 2005 — Öztürk B. Case, Referentiality and Phrase Structure. *Linguistik Aktuell*. Amsterdam: John Benjamins, 2005.
- Pancheva, Tomaszewicz 2012 — Pancheva R., Tomaszewicz B. Cross-linguistic differences in superlative movement out of nominal phrases // *Proceedings of the 30th West Coast Conference on Formal Linguistics* / ed. by N. Arnett and R. Bennett. Cornell University, Ithaca, NY: CLC Publications, 2012. P. 292–302.
- Partee 1973 — Partee B. Some transformational extentions of Montague grammar // *Journal of Philosophical Logic*. 1973. Vol. 2 (4). P. 509–534.
- Partee 1975 — Partee B. 1975. Montague Grammar and transformational grammar // *Linguistic Inquiry*. 1975. Vol. 6. P. 203–300.
- Partee 1983/1997 — Partee B. Uniformity vs. versatility: the genitive, a case study. Reprinted in: *The Handbook of Logic and Language* / ed. by Johan van Benthem and Alice ter Meulen. Elsevier, 1997. P. 464–470.

- Partee 2006 — Partee B. A note on Mandarin possessives, demonstratives, and definiteness // *Drawing the boundaries of meaning: Neo–Gricean studies in pragmatics and semantics in honor of Laurence R. Horn* / ed. by J. Birner and Gregory Ward. Amsterdam: John Benjamins, 2006. P. 263–280.
- Partee, Borschev 2004 — Partee B., Borschev V. The semantics of Russian genitive of negation: The nature and role of perspectival structure // *Semantics and linguistic theory. Proceedings 14* / ed. by K. Watanabe et al. Ithaca, 2004.
- Paul 2009 — Paul I. Bare nouns, incorporation, and scope // *Proceedings of the 16th meeting of Austronesian formal linguistics association* / ed. by S. Chung, D. Finer, I. Paul and E. Potsdam. Santa Cruz: University of California, 2009. P. 153–164.
- Payne, Barshi (eds) 1999 — Payne D., Barshi I. (eds). *External possession*. Amsterdam: John Benjamins, 1999.
- Pereltsvaig 2001a — Pereltsvaig A. Syntactic categories are neither primitive nor universal: Evidence from short and long adjectives in Russian // *Formal Approaches to Slavic Linguistics 9* / ed. by S. Franks et al. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publishers, 2001. P. 209–227.
- Pereltsvaig 2001b — Pereltsvaig A. On the nature of intra-clausal relations: A study of copular sentences in Russian and Italian. Ph. D. thesis. McGill University, 2001.
- Pereltsvaig 2004 — Pereltsvaig A. Topic and focus as linear notions: Evidence from Italian and Russian // *Lingua*. 2004. Vol. 114. No. 3. P. 325–344.
- Pereltsvaig 2006a — Pereltsvaig A. Small Nominals // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2006. Vol. 24. No. 2. P. 433–500.
- Pereltsvaig 2006b — Pereltsvaig A. Passing by cardinals: In support of head movement in nominals // *Formal Approaches to Slavic Linguistics 14: The Princeton Meeting* / ed. by J. Lavine, S. Franks, and H. Filip. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, 2006. P. 277–292.
- Pereltsvaig 2007a — Pereltsvaig A. On the universality of DP: A view from Russian // *Studia Linguistica*. 2007. Vol. 61. No. 1. P. 59–94.
- Pereltsvaig 2007b — Pereltsvaig A. Copular sentences in Russian. A theory of intra-clausal relations. *Studies in Natural Language and Linguistic Theory 70*. Dordrecht: Springer, 2007.
- Pereltsvaig 2008 — Pereltsvaig A. Split phrases in colloquial Russian // *Studia Linguistica. Special volume on spoken language*. 2008. Vol. 62. No. 1. P. 5–38.

- Pereltsvaig 2010 — Pereltsvaig A. As easy as two, three, four? // *Formal Approaches to Slavic Linguistics 18: The Cornell Meeting* / ed. by W. Browne et al. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, 2010. P. 417–434.
- Pereltsvaig 2011 — Pereltsvaig A. On number and number–neutrality in languages with and without articles. Paper presented at the Workshop on languages with and without articles, Paris, March 2011.
- Pereltsvaig 2013a — Pereltsvaig A. Noun phrase structure in article–less Slavic languages: DP or not DP? // *Language and Linguistics Compass*. 2013. Vol. 7. No. 3. P. 201–219.
- Pereltsvaig 2013b — Pereltsvaig A. On number and numberlessness in languages with and without articles // *Crosslinguistic studies on noun phrase structure and reference* / ed. by P. Cabredo Hofherr and A. Zribi–Hertz. Syntax and semantics series. Leiden: Brill, 2013. P. 52–72.
- Pereltsvaig 2015 — Pereltsvaig A. Nominalizations in Russian: argument structure, case, and the functional architecture of the noun phrase. Paper presented at the 6th Workshop on Nominalizations, 30-Jun-2015 — 01-Jul-2015, Verona, Italy.
- Pereltsvaig forthcoming — Pereltsvaig A. Eventive nominalizations in Russian and the DP/NP debate. To appear in *Linguistic Inquiry*.
- Pereltsvaig, Lyutikova 2014 — Pereltsvaig A., Lyutikova E. Possessives within and beyond NP: Two ezafe–constructions in Tatar // *Advances in the syntax of DPs: Structure, agreement, and case* / ed. by A. Bondaruk, G. Dalmi and A. Grosu. Amsterdam: Benjamins, 2014. P. 193–219.
- Perlmutter 1971 — Perlmutter D. *Deep and surface structure constraints in syntax*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1971.
- Perlmutter, Postal 1983 — Perlmutter D., Postal P. Some proposed laws of basic clause structure // *Studies in Relational Grammar 1* / ed. by D. Perlmutter. Chicago: University of Chicago Press, 1983. P. 81–128.
- Pesetsky 1982a — Pesetsky D. Complementizer-trace phenomena and the nominative island condition // *The Linguistic Review*. 1982. Vol. 1. P. 297–344.
- Pesetsky 1982b — Pesetsky D. *Paths and Categories*. Ph.D. dissertation, Cambridge, Mass., MIT, 1982.
- Pesetsky 1989 — Pesetsky D. *Language-particular processes and the Earliness principle*. Unpublished manuscript. MIT, 1989.
- Pesetsky 1995 — Pesetsky D. *Zero syntax*. Cambridge, MA: MIT Press, 1995.

- Pesetsky 1998 — Pesetsky D. Some optimality principles of sentence pronunciation // *Is the best good enough?* / ed. by P. Barbosa et al. MITWPL, Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1998.
- Pesetsky 2013 — Pesetsky D. *Russian case morphology and the syntactic categories*. Cambridge (Mass): The MIT Press, 2013.
- Pesetsky, Torrego 2001 — Pesetsky D., Torrego E. T-to-C movement: Causes and consequences // *Ken Hale: A life in language* / ed. by M. Kenstowicz. Cambridge, MA: MIT Press, 2001. P. 355–426.
- Pesetsky, Torrego 2004 — Pesetsky D., Torrego E. Tense, case, and the nature of syntactic categories // *The syntax of time* / ed. by J. Gueron and J. Lecarme. Cambridge, MA: MIT Press, 2004.
- Pesetsky, Torrego 2007 — Pesetsky D., Torrego E. The syntax of valuation and the interpretability of features // *Phrasal and clausal architecture* / ed. by S. Karimi, V. Samiian and W. Wilkins. Amsterdam: John Benjamins, 2007. P. 262–294.
- Pesetsky, Torrego 2011 — Pesetsky D., Torrego E. Case // *The Oxford handbook of linguistic minimalism* / ed. by C. Boeckx. Oxford: OUP, 2011. P. 52–72.
- Picallo 1991 — Picallo C. Nominals and nominalizations in Catalan // *Probus*. 1991. Vol. 3. P. 279–316.
- Plank 1995 — Plank F. (Re-)introducing Suffixaufnahme // *Double Case. Agreement by Suffixaufnahme* / ed. by F. Plank. Oxford University Press, 1995. P. 3–110.
- Podlesskaja 1997 — Podlesskaja V. Syntax and semantics of resumption: some evidence from Russian conditional conjuncts // *Russian Linguistics*. 1997. Vol. 21. No. 2. P. 125–155.
- Polinsky, Preminger 2014 — Polinsky M., Preminger O. Case and grammatical relations // *The Routledge handbook of syntax* / ed. by A. Carnie, D. Siddiqi and Y. Sato. London: Routledge, 2014. P. 150–166.
- Pollock 1989 — Pollock J.-Y. Verb movement, universal grammar, and the structure of IP // *Linguistic Inquiry*. 1989. Vol. 20. No. 3. P. 365–424.
- Potts 2002 — Potts C. The lexical semantics of parenthetical-*as* and appositive-*which* // *Syntax*. 2002. Vol. 5. P. 55–88.
- Potts 2003 — Potts C. *The logic of conventional implicatures*. Ph.D. dissertation, UC Santa Cruz, 2003.
- Potts 2005 — Potts C. *The logic of conventional implicatures*. Oxford: Oxford University Press, 2005.

- Preminger 2011 — Preminger O. Agreement as a fallible operation. Ph.D. dissertation. Cambridge, Mass., MIT, 2011.
- Preminger 2014 — Preminger O. Agreement and its failures // *Linguistic Inquiry Monograph* 68. Cambridge, MA: MIT Press, 2014.
- Progovac 1998 — Progovac L. Determiner phrase in a language without determiners // *Journal of Linguistics*. 1998. Vol. 34. P. 165–179.
- Radford 2000 — Radford A. NP shells // *Essex Research Reports in Linguistics*. 2000. Vol. 33. P. 2–20.
- Radford 2004 — Radford A. *Minimalist syntax: Exploring the structure of English*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Rappaport 1998 — Rappaport G. The Slavic noun phrase. Position paper presented at the Workshop on Comparative Slavic Morphosyntax. Indiana University, Bloomington, 5–7 June 1998.
- Rappaport 2000 — Rappaport G. The Slavic noun phrase in comparative perspective // *Comparative Slavic morphosyntax* / ed. by S. Harves and J. Lavine. Bloomington: Slavica Publishers, 2000. P. 1–25.
- Rappaport 2001 — Rappaport G. Extraction from nominal phrases in Polish and the theory of determiners // *Journal of Slavic Linguistics*. 2001. Vol. 8(3). P. 159–198.
- Rappaport 2002 — Rappaport G. Numeral phrases in Russian: A minimalist approach // *Journal of Slavic Linguistics*. 2002. Vol. 10. No. 1. P. 327–340.
- Rappaport 2003 — Rappaport G. The grammatical role of animacy in a formal model of Slavic morphology // *American contributions to the thirteenth International Congress of Slavists*. Vol. 1: Linguistics / ed. by A. Timberlake and A. Schenker. Bloomington, IN: Slavica, 2003. P. 149–166.
- Rappaport 2005 — Rappaport G. The syntax of possessors in the nominal phrase: Drawing the lines and deriving the forms // *Possessives and beyond: Semantics and syntax* / ed. by Ji-yung Kim, B. Partee and Yu. Lander. University of Massachusetts Occasional Papers (UMOP) 29. Amherst, MA: GLSA Publications, 2005. P. 243–261.
- Richards 2001 — Richards N. An idiomatic argument for lexical decomposition // *Linguistic inquiry*. 2001. Vol. 32. No. 1. P. 183–192.
- Richards 2007 — Richards N. Lardil «case stacking» and the structural/inherent case distinction. Unpublished manuscript. MIT, 2007. (URL: <http://ling.auf.net/lingBuzz/000405>)

- Richards 2013 — Richards N. Lardil «case stacking» and the timing of case assignment // *Syntax*. 2013. Vol. 61. No. 1. P. 42–76.
- Richardson 2001 — Richardson K. What secondary predicates in Russian tell us about the link between tense, aspect, and case // *Syntax of predication* / ed. by Nina Zhang. *ZAS Papers in Linguistics*, Vol. 26. P. 152–177.
- Richardson 2003 — Richardson K. The case for meaningful case: The interaction of tense, aspect, and case in Russian. Ph. D. Dissertation. Harvard University, 2003.
- Rijkhoff 2002 — Rijkhoff J. *The noun phrase*. Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Ritter 1989 — Ritter E. A head–movement approach to construct–state noun phrases // *Linguistics*. 1989. Vol. 26. P. 909–929.
- Ritter 1991 — Ritter E. Two functional categories in noun phrases: Evidence from Modern Hebrew // *Syntax and semantics*. Vol. 25: *Perspectives on phrase structure: Heads and Licensing* / ed. by S. Rothstein. San Diego: Academic Press, 1991. P. 37–62.
- Ritter 1992 — Ritter E. Cross–linguistic evidence for number phrase // *Canadian Journal of Linguistics*. 1992. Vol. 37. No. 2. P. 197–218.
- Ritter 1995 — Ritter E. On the syntactic category of pronouns and agreement // *Natural Language and Linguistic Theory*. 1995. Vol. 13. No. 3. P. 405–443.
- Rizzi (ed.) 2004 — *The Structure of CP and IP – The cartography of syntactic structures*. Vol. 3 / ed. by L. Rizzi. Oxford: OUP, 2004.
- Rizzi 1982 — Rizzi L. *Issues in Italian syntax*. Dordrecht: Foris, 1982.
- Rizzi 1986 — Rizzi L. Null objects in Italian and the theory of pro // *Linguistic Inquiry*. 1986. Vol. 17. P. 501–557.
- Rizzi 1990 — Rizzi L. *Relativized minimality*. Cambridge, MA: MIT Press, 1990.
- Rizzi 1997 — Rizzi L. The fine structure of the left periphery // *Elements of grammar* / ed. by L. Haegeman. Dordrecht: Kluwer, 1997. P. 281–337.
- Rizzi 2011 — Rizzi L. The elements of variation: format, locus and acquisition of parametric properties. Talk given at MIT 50 conference, Cambridge (Mass.), 2011.
- Roberts 1989 — Roberts C. Modal subordination and pronominal anaphora in discourse // *Linguistics and Philosophy*. 1989. Vol. 12. P. 683–721.
- Roberts 1996 — Roberts C. Anaphora in intensional contexts // *Handbook of contemporary semantics* / ed. by S. Lappin. Oxford: Blackwell, 1996. P. 215–246.

- Rodríguez-Mondoñedo 2007 — Rodríguez-Mondoñedo M. The syntax of objects: Agree and differential object marking. Ph. D. Thesis. University of Connecticut, 2007.
- Rosenbaum 1967 — Rosenbaum P. The grammar of English predicate complement constructions. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1967.
- Rosenbaum 1970 — Rosenbaum P. A principle governing deletion in English sentential complementation // *Readings in English transformational grammar* / ed. by R. Jacobs and P. Rosenbaum. Waltham, Mass.: Ginn, 1970. P. 20–29.
- Ross 1967 — Ross J. Constraints on variables in syntax. Ph.D. dissertation. Cambridge, Mass., MIT, 1967.
- Rothstein 1980 — Rothstein R. Gender and reference in Polish and Russian // *Morphosyntax in Slavic* / ed. by C. Chvany and R. Brecht. Bloomington: Slavica Publishers, 1980. P. 79–97.
- Rothstein 2010 — Rothstein S. Counting and the mass–count distinction // *Journal of Semantics*. 2010. Vol. 27. No. 3. P. 343–397.
- Round 2009 — Round E. R. Kayardild morphology, phonology and morphosyntax. Ph. D. Dissertation. Yale University, 2009.
- Round 2013 — Round E. R. *Kayardild Morphology and Syntax*. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Rubin 2002 — Rubin E. The structure of modifiers. Draft version of a book to appear at Oxford University Press, 2002.
- Rubin 2003 — Rubin E. J. Determining Pair-Merge // *Linguistic Inquiry*. 2003. Vol. 34. No. 4. P. 660–668.
- Safir 1986 — Safir K. Relative clauses in a theory of binding and levels // *Linguistic Inquiry*. 1986. Vol. 17. P. 663–689.
- Safir 1999 — Safir K. Vehicle change and reconstruction in A'–chains // *Linguistic Inquiry*. 1999. Vol. 30. P. 587–620.
- Sağ 2016 — Sağ, Y. On the semantics of classifiers: A new perspective from an optional classifier language, Turkish. Ms., Rutgers university, 2016.
- Sahraei 2010 — Sahraei R. Determiner phrase in Persian // *Literary text research (Persian language and literature)*. 2010. Vol. 14. No. 45. P. 129–157.
- Sahraei, Roghayeh 2015 — Sahraei R., Roghayeh K. Determiner phrase in Persian // *International Journal of Cognitive and Language Sciences*. 2015. Vol. 2. No.7.

- Sauerland 1998 — Sauerland U. The meaning of chains. Ph.D. dissertation, MIT, Cambridge, Mass., 1998.
- Sauerland 2000 — Sauerland U. Two structures for English restrictive relative clauses // Proceedings of the Nanzan GLOW / ed. by M. Saito et al. Nagoya: Nanzan University, 2000. P. 351–366.
- Sauerland 2003a — Sauerland U. A new semantics for number // Proceedings of SALT 13 / ed. by R. Young and Y. Zhou. Ithaca, NY: CLC Publications, 2003. P. 258–275.
- Sauerland 2003b — Sauerland U. Unpronounced heads in relative clauses // The Interfaces: Deriving and interpreting omitted structures / ed by K. Schwabe and S. Winkler. Amsterdam: John Benjamins, 2003. P. 205–226.
- Sauerland et al. 2005 — Sauerland U., Andersen J., Yatsushiro K. The plural is semantically unmarked // Linguistic evidence / ed. by Stephan Kepser and Marga Reis. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005. P. 413–434.
- Schachter 1973 — Schachter P. Focus and relativization // Language. 1973. Vol. 49. No.1. P. 19–46.
- Schoorlemmer 1995 — Schoorlemmer M. Participial passive and aspect in Russian. PhD Dissertation. Onderzoekinstituut voor Taal en Spraak, Utrecht University, 1995.
- Schoorlemmer 1998 — Schoorlemmer M. Possessors, articles and definiteness // Possessors, predicates and movement in the determiner phrase / ed. by Artemis Alexiadou and Chris Wilder. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins, 1998. P. 55–86.
- Scontras 2009 — Scontras G. Group comparison: Evidence from plural superlatives. Abstract for ConSOLE 18. [URL: <http://filcat.uab.cat/clt/ConsoleXVIII/Scontras.pdf>]
- Scontras 2012 — Scontras G. A unified semantics for number marking, numerals, and nominal structure. Paper presented at the conference Sinn und Bedeutung 17, Berlin, 2012.
- Scott 2002 — Scott G.–J. Stacked adjectival modification and structure of nominal phrases // Functional structure in the DP and IP: the cartography of syntactic structures. Vol. I. / ed. by G. Cinque. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 91–120.
- Sekerina 1997 — Sekerina I. The syntax and processing of scrambling constructions in Russian. Ph.D. dissertation. CUNY, 1997.
- Selkirk 1977 — Selkirk E. Some remarks on noun phrase structure // Formal syntax: Papers from the MSSB–UC Irvine Conference on the Formal Syntax of Natural Language, Newport Beach, California / ed. P. W. Culicover, T. Wasow and A. Akmajian. New York: Academic Press, 1977. P. 285–316.

- Selkirk 1984 — Selkirk E. *Phonology and syntax: the relation between sound and structure*. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1984.
- Selkirk 2011 — Selkirk E. *The syntax–phonology interface* // *The Handbook of phonological theory* / ed. by J. Goldsmith, J. Riggle and A. Yu. 2nd edition. Oxford: Blackwell, 2011. P. 435–484.
- Sells 1984 — Sells P. *Syntax and semantics of resumptive pronouns*. Ph.D. dissertation, University of Massachusetts, Amherst, 1984.
- Sells 1985 — Sells P. *Restrictive and non–restrictive modification* // *CSLI Report 85–28*. Stanford (CA): CSLI Publications, 1985.
- Sharvit, Stateva 2000 — Sharvit Y., Stateva P. *Against ‘long’ movement of the superlative operator* // *Proceedings of SALT X. Vol. 25* / ed. by B. Jackson and T. Matthews. Somerville, MA: Cascadia Proceedings Project, 2000. P. 185–202.
- Sharvit, Stateva 2002 — Sharvit Y., Stateva P. *Superlative expressions, context, and focus* // *Linguistics and Philosophy*. 2002. Vol. 25. P. 453–504.
- Shibatani 1994 — Shibatani M. *An integrated approach to possessor raising, ethical datives and adversative passives* // *Proceedings of the Twentieth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley, California, 1994. P. 461–487.
- Shklovsky, Sudo 2010 — Shklovsky K., Sudo Y. *No case licensing: Evidence from Uyghur*. Paper presented at the 33rd *Generative Linguistics in the Old World (GLOW XXXIII)*. April 14–16, 2010. University of Wrocław (Poland), 2010.
- Shlonsky 1992 — Shlonsky U. *Resumptive pronouns as a last resort* // *Linguistic Inquiry*. 1992. Vol. 23. No. 3. P. 443–468.
- Shlonsky 2010 — Shlonsky U. 2010. *The Cartographic enterprise in syntax* // *Language and Linguistics Compass*. 2010. Vol. 4. P. 417–429.
- Shopen 1972 — Shopen T. *A generative theory of ellipsis*. Ph.D. dissertation, UCLA, 1972.
- Sieverska 2013 — Siewierska A. *Alignment of verbal person marking* // *The World Atlas of Language Structures online* / ed. by M. Dryer and M. Haspelmath. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. (Available online at URL: <http://wals.info/chapter/100>, Accessed on 2016-01-09.)
- Sigurðsson 2002 — Sigurðsson H. A. *To be an oblique subject: Russian vs. Icelandic* // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2002. Vol. 20. No. 4. P. 691–724.

- Sigurðsson 2012 — Sigurðsson H. A. Minimalist C/case // *Linguistic Inquiry*. 2012. Vol. 43, No. 2. P. 191–227.
- Siloni 1990 — Siloni T. Hebrew noun phrases: Generalized noun raising. Ms., Université de Genève, 1990.
- Siloni 1997 — Siloni T. Noun phrases and nominalizations. Dordrecht: Kluwer, 1997.
- Silverstein 1976 — Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity // *Grammatical categories in Australian languages* / ed. by R. M. W. Dixon. New Jersey: Humanities Press, 1976. P. 112–171.
- Smith 1964 — Smith C. Determiners and relative clauses in a generative grammar of English // *Language*. 1964. Vol. 40. P. 37–52.
- Song (ed.) 2010 — *The Oxford handbook of linguistic typology* / ed. by J. Song. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Sportiche 1996 — Sportiche D. Clitic constructions // *Phrase structure and the lexicon* / ed. by J. Rooryck and L. Zaring. Dordrecht: Kluwer, 1996. P. 213–276.
- Sportiche 2003 — Sportiche D. Reconstruction, binding and scope. Unpublished manuscript, University of California, Los Angeles, 2003.
- Sproat, Shih 1991 — Sproat R., Shih C. The cross-linguistic distribution of adjective ordering restrictions // *Interdisciplinary approaches to language* / ed. by C. Georgopoulos and R. Ishihara. Dordrecht: Kluwer, 1991. P. 565–593.
- Srivastav 1990 — Srivastav V. 1990. Hindi *wh* and pleonastic operators // *Proceedings of the North East Linguistic Society*, 20 / ed. by J. Carter et al. Dept. of Linguistics, University of Massachusetts, 1990. P. 443–457.
- Srivastav 1991a — Srivastav V. The syntax and semantics of correlatives // *Natural Language and Linguistic Theory*. 1991. Vol. 9. No. 4. P. 637–686.
- Srivastav 1991b — Srivastav V. *Wh*-dependencies in Hindi and the theory of grammar. Ph.D. Dissertation, Cornell University, 1991.
- Starke 2009 — Starke M. Nanosyntax — A short primer to a new approach to language // *Nordlyd*. 2009. Vol. 36. No. 1, special issue on Nanosyntax / ed. by P. Svenonius, G. Ramchand, M. Starke, and K. T. Taraldsen. P. 1–6.

- Stateva 2005 — Stateva P. Presuppositions in superlatives. Unpublished manuscript. ZAS Berlin, 2005. [URL: <http://semarch.linguistics.fas.nyu.edu/Archive/GU1Y2FkZ/Stateva-superlatives.pdf>]
- Stepanov 2001 — Stepanov A. Late adjunction and minimalist phrase structure // *Syntax*. 2001. Vol. 4. P. 94–125.
- Stepanov 2007 — Stepanov A. Morphological case and the inverse case filter // *Linguistische Berichte*. 2007. Heft 211. P. 255–276.
- Stockwell, Schachter, Partee 1973 — Stockwell R., Schachter P., Partee B. The major syntactic structures of English. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1973.
- Storto 2003 — Storto L. Interactions between verb movement and agreement in Karitiana (Tupi stock) // *Revista Letras, Curitiba* 60, 2003. P. 411–433.
- Stowell 1981 — Stowell T. Origins of phrase structure. Ph.D. thesis. Cambridge, MA: MIT, 1981.
- Strigin, Demjjanow 2001 — Strigin A., Demjjanow A. Secondary predication in Russian // *ZAS Papers in Linguistics*. Vol. 26: Syntax of Predication / ed. by N. Zhang. 2001. Vol. 25. P. 1–79.
- Svenonius 2001 — Svenonius P. Case and event structure // *ZAS Papers in Linguistics*. Vol. 26: Syntax of Predication / ed. by N. Zhang. Berlin: ZAS, 2001. P. 197–217.
- Svenonius 2008 — Svenonius P. The position of adjectives and other phrasal modifiers in the decomposition of DP // *Adjectives and adverbs. Syntax, semantics, and discourse* / ed. by L. McNally and Ch. Kennedy. *Oxford Studies in Theoretical Linguistics* 20. Oxford: OUP, 2008. P. 16–42.
- Szabolcsi 1981 — Szabolcsi A. The possessive construction in Hungarian: a configurational category in a non-configurational language // *Acta Linguistica Scientiarum Academiae Hungaricae*. 1981. Vol. 31. P. 261–289.
- Szabolcsi 1983 — Szabolcsi A. The possessor that ran away from home // *The Linguistic Review*. 1983. Vol. 3. P. 89–102.
- Szabolcsi 1984 — Szabolcsi A. The possessor that ran away home // *The Linguistic Review*, Vol. 3. No. 1, P. 69–102.
- Szabolcsi 1986 — Szabolcsi A. Comparative superlatives // *MIT Working papers in Linguistics*. Vol. 8 / ed. by E. Sagey. Cambridge, Mass: The MIT Press, 1986. P. 245–265.

- Szabolcsi 1987 — Szabolcsi A. Functional categories in the noun phrase // *Approaches to Hungarian* / ed. by I. Kenesei. Vol. II. The Structure of Hungarian. Szeged: Research Institute for Linguistics of the Hungarian Academy of Sciences, 1987. P. 167–190.
- Szabolcsi 1994 — Szabolcsi A. The noun phrase // *Syntax and semantics*. Vol. 27 / ed. by F. Kiefer and K. Kiss. San Diego: Academic Press, 1994. P. 179–274.
- Takahashi 2010 — Takahashi Sh. The hidden side of clausal complements // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2010. Vol. 28. No. 2. P. 343–380.
- Taraldsen 1990 — Taraldsen T. D-projections and N-projections in Norwegian // *Grammar in progress: GLOW essays for Henk van Riemsdijk* / ed. by I. Mascaró and M. Nespør. Dordrecht: Foris, 1990. P. 419–431.
- Taraldsen 1995 — Taraldsen K. T. On agreement and nominative objects in Icelandic // *Studies in comparative Germanic syntax* / H. Haider, S. Olsen and S. Vikner. Kluwer Academic Publishers, 1995. P. 307–327.
- Testeleets 2013 — Testeleets Y. G. Case deficient elements and the direct case condition in Russian // *Язык и речевая деятельность*. 2013. Т. 9. С. 126–143.
- Timberlake 2004 — Timberlake A. The reference grammar of Russian. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Travis 1984 — Travis L. Parameters and effects of word order variation. Ph.D. dissertation, MIT, Cambridge, Mass, 1984.
- Trenkic 2004 — Trenkic D. Definiteness in Serbian/Croatian/Bosnian and some implications for the general structure of the nominal phrase // *Lingua*. 2004. Vol. 114. P. 1401–1427.
- Troseth 2009 — Troseth E. Degree inversion and negative intensifier inversion in the English DP // *The Linguistic Review*. 2009. Vol. 26. No. 1. P. 37–65.
- Truckenbrodt 1999 — Truckenbrodt H. On the relation between syntactic phrases and phonological phrases // *Linguistic Inquiry*. 1999. Vol. 30. P. 219–255.
- Truckenbrodt 2006 — Truckenbrodt H. The syntax–phonology interface // *The Cambridge handbook of phonology* / ed. P. de Lacy. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 435–456.
- Trugman 2005a — Trugman H. More puzzles about postnominal genitives // *Possessives and beyond: Semantics and syntax* / ed. by J. Kim, B. H. Partee, and Yu. A. Lander. University of Massachusetts Occasional Papers in Linguistics 29. Amherst, MA: GLSA Publications, 2005. P. 217–240.

- Trugman 2005b — Trugman H. Rudiments of Romance N-to-D movement in Russian. Paper presented at FDSL-6, Potsdam, 2 December 2005.
- Trugman 2005c — Trugman H. Syntax of Russian DPs, and DP-internal agreement phenomena. Ph.D. dissertation, Tel-Aviv University, 2005.
- Trugman 2007a — Trugman H. Possessives within and beyond NPs // Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics / ed. by R. Compton, M. Goledzinowsk, U. Savchenko. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, 2007. P. 437-457.
- Trugman 2007b — Trugman H. Rudiments of Romance N-to-D movement in Russian // Linguistic Investigations into Formal Description of Slavic Languages / ed. by P. Kosta et al. Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag, 2007. P. 411-426.
- Trugman 2008 — Trugman H. Move versus Merge: DP-internal modifiers // Elements of Slavic and Germanic grammars: A comparative view / ed. by J. Witkoś and G. Fanselow. Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag, 2008. P. 209-235.
- Tsunoda 1981 — Tsunoda T. Split case-marking patterns in verb types and tense/aspect/mood // Linguistics. 1981. Vol. 19. P. 389-438.
- van Geenhoven 1995 — van Geenhoven V. Semantic incorporation: A uniform semantics for West Greenlandic noun incorporation and Germanic bare plural configurations // Chicago Linguistic Society. 1995. Vol. 31. P. 171-186.
- van Geenhoven 1998 — van Geenhoven V. Semantic incorporation and indefinite descriptions. Stanford, CA: CSLI Publications, 1998.
- van Riemsdijk 1989 — van Riemsdijk H. Movement and regeneration // Dialect variation and the theory of grammar / ed. by P. Beninca. Dordrecht: Foris, 1989. P. 105-136.
- Van Valin 1977 — Van Valin R. D. Jr. Ergativity and the universality of subjects // CLS. 1977. Vol. 13. P. 689-706.
- Van Valin 1981 — Van Valin R. D. Jr. Grammatical relations in ergative languages // Studies in language. 1981. Vol. 5. No. 3. P. 361-394.
- Vergnaud 1974 — Vergnaud J.-R. French relative clauses. Ph.D. dissertation, MIT, Cambridge, Mass., 1974.
- Vergnaud 1977/2006 — Vergnaud J.-R. Letter to Noam Chomsky and Howard Lasnik (1977) // Syntax: Critical concepts in linguistics. Vol. 5 / ed. by R. Freidin and H. Lasnik. London: Routledge, 2006. P. 21-34.

- Verkuyl 1993 — Verkuyl H. J. A theory of aspectuality. The interaction between temporal and atemporal structure // *Cambridge Studies in Linguistics*. Vol. 64. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Vogel 2001 — Vogel R. Case conflict in German free–relative constructions: An optimality–theoretic treatment // *Competition in syntax* / ed. by G. Müller and W. Sternefeld. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001. P. 341–375.
- von Heusinger et al. 2008 — von Heusinger K., Klein U., de Swart P. Variation in differential object marking. Workshop on Case Variation, Stuttgart, June 2008 (URL: <http://www.ilg.uni-stuttgart.de/projekte/C2/events/08CaseVariation/CaseVariationPaper.pdf>)
- von Heusinger, Kornfilt 2005 — von Heusinger K., Kornfilt J. The case of the direct object in Turkish: Semantics, syntax and morphology // *Turkic Languages*. 2005. Vol. 9. P. 3–44.
- von Stechov 2008 — von Stechov A. Syntax and semantics. An overview. Unpublished ms, Tübingen university, 2008 (URL: <http://www.sfs.uni-tuebingen.de/~astechow/Aufsaeetze/SySemArt.pdf>)
- Wasow 1972 — Wasow T. Anaphora in generative grammar. Vol. 1. Amsterdam: John Benjamins, 1972.
- Weiss, Rakhilina 2002 — Weiss D., Rakhilina E. Forgetting one’s roots: Slavic and Non-Slavic elements in possessive constructions of modern Russian // *Sprachtypologie und Universalienforschung* — STUF. 2002. No. 55(2). P. 173–205.
- Willim 1998 — Willim E. On the DP–hypothesis in Polish, an article–less language // *Projections and mapping: Studies in syntax* / ed. by P. Stalmaszczyk. Lublin: Folium. P. 137–158.
- Willim 2000 — Willim E. On the grammar of Polish nominals // *Step by step: Essays on Minimalist Syntax in honor of Howard Lasnik* / ed. by R. Martin, D. Michaels and J. Uriagereka. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. P. 319–346.
- Woolford 2001 — Woolford E. Case patterns // *Optimality-theoretic syntax* / ed. by G. Legendre, J. Grimshaw and S. Vikner. Cambridge, MA: MIT Press, 2001. P. 509–543.
- Woolford 2006 — Woolford E. Lexical case, inherent case, and fragment structure // *Linguistic Inquiry*. 2006. Vol. 37. P. 111–130.
- Woolford 2009 — Woolford E. Differential subject marking at argument structure, syntax, and PF // *Differential subject marking* / ed. by H. de Hoop H. and P. de Swart. Dordrecht: Springer, 2009. P. 17–40.
- Worth 1959 — Worth D. Grammatical and lexical quantification in the syntax of Russian numerals // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. 1959. Vol. 1–2. P. 117–132.

- Wunderlich 1999 — Wunderlich D. The force of lexical case: German and Icelandic compared // Papers on Argument Linking. Theorie des Lexikons. (Arbeiten des Sonderforschungsbereichs 282) / ed. by D. Wunderlich. Düsseldorf: Heinrich-Heine-Universität, 1999. № 112. S. 81–102.
- Wurmbrand 1998 — Wurmbrand S. Infinitives. Doctoral dissertation. Massachusetts Institute of Technology, 1998.
- Wurmbrand 2001 — Wurmbrand S. Infinitives: Restructuring and clause structure. Mouton de Gruyter, 2001.
- Wurmbrand 2012 — Wurmbrand S. The syntax of valuation in auxiliary–participle constructions // Coyote Working Papers: Proceedings of the 29th West Coast Conference on Formal Linguistics (WCCFL 29). University of Arizona: Tucson, 2012.
- Yadroff 1999 — Yadroff M. Formal properties of functional categories: the minimalist syntax of Russian nominal and prepositional expressions. Ph.D. Dissertation, Indiana University, 1999.
- Yadroff, Billings 1998 — Yadroff M., Billings L. The syntax of approximative inversion in Russian (and the general architecture of nominal expressions) // Formal Approaches to Slavic Linguistics. The Connecticut Meeting 1997 / ed. by Ž. Bošković, S. Franks, and W. Snyder. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, 1998. P. 319–338.
- Yip et al. 1987 — Yip M., Maling J., Jackendoff R. Case in tiers // Language. 1987. Vol. 63. P. 217–250.
- Yokoyama 1986 — Yokoyama O. Discourse and word order. Amsterdam: Benjamins, 1986.
- Zaenen et al. 1985 — Zaenen A., Maling J., Thráinsson H. Case and grammatical functions: The Icelandic passive // Natural Language and Linguistic Theory. 1985. Vol. 3. P. 441–483.
- Zamparelli 1995 — Zamparelli R. Layers in the Determiner phrase. Ph.D. Dissertation, University of Rochester, 1995.
- Zaroukian 2010 — Zaroukian E. Approximative inversion revisited. Paper presented at the 19th annual workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics (FASL–19), University of Maryland, April 23–25, 2010.
- Zimmerling, Lyutikova 2015 — Zimmerling A., Lyutikova E. Approaching V2: verb second and verb movement // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М.: РГГУ, 2015. P. 696–710.
- Zlatic 1997 — Zlatic L. The structure of the Serbian noun phrase. Ph.D. Dissertation, University of Texas at Austin, 1997.